

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра международной журналистики

К 25-летию

Кыргызско-Российского Славянского университета

**Ленин жил? Ленин жив?
Ленин будет жить...**

Хрестоматия-учебник по публичным отношениям и литературе

Бишкек 2018

УДК

Рецензенты:

д-р полит. наук В. А. Харченко
канд. филол. наук., доц. А. Т. Омурканова

Составители: Н. Л. Слободянюк, А. С. Кацев, А.В. Куликовский

Рекомендован к изданию кафедрой международной журналистики
и Советом факультета международных отношений КРСУ

Подбор материалов Н.Л. Слободянюк

Ленин жил? Ленин жив? Ленин будет жить... Хрестоматия-учебник по публическим отношениям и литературе. / Сост.: Н. Л. Слободянюк, А. С. Кацев, А.В. Куликовский. Бишкек: КРСУ, 2018.

Хрестоматия-учебник представляет разноплановый литературный, публицистический и документальный материал, в котором центральной фигурой выступает Владимир Ильич Ленин. Через нее раскрывается не только закономерности политического процесса прошлого, но и сложные отношения внутри современного коммуникационного пространства, где один и тот же образ может восприниматься и использоваться с диаметрально противоположными знаками: от святого до демонизированного персонажа, от тирана до невинной жертвы.

Книга представляет интерес для студентов и преподавателей, занимающихся вопросами истории литературы, журналистики и культуры, связями с общественностью и политическими технологиями, широкого круга читателей, умеющих и любящих читать.

Оглавление

Предисловие.....	9
«Над вымыслом, слезами обольюсь».....	10
<i>Ленин – новая агиография</i>	
Владимир Маяковский. «Владимир Ильич Ленин».....	12
Михаил Зощенко. «Рассказы о Ленине».....	68
<i>ГРАФИН</i>	68
<i>СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК</i>	69
<i>КАК ЛЕНИН УЧИЛСЯ</i>	70
<i>РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ПЕРЕХИТРИЛ ЖАНДАРМОВ</i>	71
<i>РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН КУПИЛ ОДНОМУ МАЛЬЧИКУ ИГРУШКУ</i>	72
<i>ЛЕНИН И ЧАСОВОЙ</i>	74
<i>ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА</i>	76
<i>О ТОМ, КАК ЛЕНИНУ ПОДАРИЛИ РЫБУ</i>	77
<i>ЛЕНИН И ПЕЧНИК</i>	78
<i>ОХОТА</i>	79
Зоя Воскресенская. «Сквозь ледяную мглу».....	81
<i>В ПОРТУ</i>	81
<i>В ШХЕРАХ</i>	83
<i>ПАРОЛЬ</i>	86
<i>«ДЕТ ГОР НКТЕ!»</i>	87
<i>ОПАСНЫЙ ПУТЬ</i>	91
Зоя Воскресенская. «Сердце матери».....	97
<i>НА СТАРОМ ВЕНЦЕ</i>	98
<i>НОВЫЙ ДОМ</i>	101
<i>СЕКРЕТ</i>	105
<i>ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ</i>	108
<i>КАРПЕЙ</i>	114
<i>СТАРОЕ КРЕСЛО</i>	118
<i>НА КОНЧИКЕ НИТКИ</i>	120
<i>ЛУЧШАЯ ОТМЕТКА</i>	122
<i>СОЧИНЕНИЕ</i>	126
<i>ПАПИНА ВИШНЯ</i>	132
<i>В ПУТЬ</i>	135
<i>ОРДЕН СВЯТОГО СТАНИСЛАВА</i>	139

ПИСЬМО	147
СУД.....	151
НОЧЬ	155
ДОМ ПРОДАН.....	158
ЛУННАЯ ТЕНЬ	161
ОЛЯ	168
НАВСЕГДА!.....	174
ПРЕКРАСНЫЕ КНИГИ.....	179
ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА	182
ЖЕЛТЫЙ ЧЕМОДАН	188
«ВЕСЬМА ВАЖНО»	192
В ССЫЛКУ.....	198
500 РУБЛЕЙ	205
ЦВЕТЫ В КАМЕРЕ	207
КОСТРЫ.....	209
ХИТРЫЙ СТОЛИК.....	221
НА ОТДЫХ К МАМЕ.....	230
ДРАГОЦЕННОСТЬ	235
РЕФЕРАТ.....	240
«ЛУННАЯ» СОНАТА	245
«ДОЛОЙ ВОЙНУ!».....	250
Александр Аросев. «Недавние дни»	253
I. В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ.....	253
II. ФАДДЕИЧ.....	256
III. ПАТРИОТЫ.....	260
IV. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ	264
V. СОЛДАТЫ	268
VI. БЕРТЕНЬЕВ.....	271
VII. ЛЕНИН	275
VIII. БОРЬБА	278
IX. ВЧЕРА И ЗАВТРА. СНОВА БОРЬБА	283
Александр Твардовский. «Ленин и печник»	289
Максим Горький. «В.И. Ленин».....	293
Анатолий Луначарский. «Ленин и искусство (Воспоминания)».....	308
Мария Прилежаева. «Жизнь Ленина»	314

РАДОСТЬ	314
ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА	315
ЛЕТНИЙ ДЕНЬ.....	316
НА ПАРОХОДЕ	317
КОКУШКИНО	318
ГИМНАЗИСТ.....	320
БУДЬ ТОВАРИЦЕМ	321
ТРЕВОЖНО.....	323
ОТЕЦ.....	325
ПЕРВОЕ МАРТА.....	326
ПРОЩАЙ, СИМБИРСК!	328
КАЗАНСКАЯ СХОДКА	329
ПОДНЕВОЛЬНЫЙ В КОКУШКИНЕ.....	330
САМАРСКИЕ ГОДЫ	331
ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ.....	333
ПЕРВАЯ КНИГА	334
БУНТ НА СЕМЯННИКОВСКОМ	335
ЧЕТЫРЕ ЛИСТОВКИ	336
"МИНОГА"	337
НЕ УБЬЕШЬ НАШЕ ДЕЛО	338
КАМЕРА Э 193	339
ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА.....	341
УВАЖЬ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ	342
ЧТО БЫЛО В МАЕ	344
У ПОСТЕЛИ ВАНЕЕВА	346
НА ВОЛЮ!	347
ИЗ ИСКРЫ - ПЛАМЯ!	349
ЛЕНИН.....	351
БОЛЬШЕВИКИ.....	354
ЗЛОДЕЙСТВО	356
КРАСНЫЙ ФЛАГ В МОРЕ.....	358
ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ.....	361
СНОВА ЧУЖБИНА	364
СВИДАНИЕ В СТОКГОЛЬМЕ	366
В ДЕРЕВНЕ ЛОНЖЮМО	368

ВОЙНА ВОЙНЕ	370
ДОМОЙ НАВСЕГДА	371
РАССТАННАЯ УЛИЦА.....	373
ВЛАСТЬ СОВЕТАМ	375
ЛЕСНОЙ КАБИНЕТ	377
КОЧЕГАР ПАРОВОЗА Э 293	379
СТРАННЫЙ ПРИЮТ	381
ЕЩЕ ОДНО ПОДПОЛЬЕ	384
НАКАНУНЕ	386
В СМОЛЬНЫЙ	387
НАЧАЛОСЬ	389
ЗИМНИЙ ВЗЯТ	390
ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ.....	392
БЕЛЫЙ ЗАЛ С КОЛОННАМИ	394
ТАК ОНИ ЖИЛИ	395
НЕ УМЕЕМ - НАУЧИМСЯ	398
ТЯЖЕЛЫЙ УРОК.....	400
МОСКВА, МОСКВА... ..	401
ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ	403
ПО ДЕРЕВНЯМ И СЕЛАМ	404
НАШЕСТВИЕ.....	406
ТРИ ПОДЛЫЕ ПУЛИ.....	408
В ЭТИ ТРУДНЫЕ ГОДЫ	410
СЛУЧАЙ В СОКОЛЬНИКАХ	412
ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ	414
"Я, СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА..."	416
КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО.....	417
"ДЕНЬ НАСТАЛ ВЕСПЛЫЙ МАЯ..."	419
КОМСОМОЛИЯ.....	421
МЕЧТЫ И ДЕЛА.....	423
ЖЕСТОКИЙ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ	424
ЧТО ТАКОЕ НЭП	426
КОГДА ПОЕТ ЛЕД.....	428
МАЯК.....	430
ВЕЧЕРОМ ПОД НОВЫЙ ГОД	431

<i>ВСЕГДА В БОРЬБЕ</i>	433
<i>ОСЕНЬ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО</i>	434
<i>ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ</i>	436
<i>ВСТАНЬТЕ, ТОВАРИЩИ!</i>	437
<i>ВИШНИ ЦВЕТУТ</i>	439
<i>ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!</i>	440
Мариэтта Шагинян. «Четыре урока у Ленина»	440
Урок первый: <i>ВОСПИТАНИЕ КОММУНИСТА</i>	440
Урок второй: <i>ПО СЛЕДАМ ИЛЬИЧА (Поездка в Нормандию и Бретань)</i>	459
Урок третий: <i>В БИБЛИОТЕКЕ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ</i>	479
Урок четвертый: <i>РОЖДЕСТВО В СОРРЕНТО</i>	509
<i>Слово и слава Ленина</i>	
Владимир Ленин. Детская болезнь "левизны" в коммунизме	563
Владимир Ленин. «О задачах пролетариата в данной революции»	618
Владимир Ленин. «Шаг вперед два шага назад»	621
Владимир Ленин. «Партийная организация и партийная литература»	754
Владимир Ленин. «Задачи отрядов революционной армии»	757
Владимир Ленин. «О праве наций на самоопределение»	759
1. ЧТО ТАКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ?	760
2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА	763
3. КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ЕЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ	765
4. «ПРАКТИЦИЗМ» В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ	768
5. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОПОРТУНИСТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ	771
6. ОТДЕЛЕНИЕ НОРВЕГИИ ОТ ШВЕЦИИ	777
7. РЕШЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА 1896 ГОДА	780
8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ	783
9. ПРОГРАММА 1903 ГОДА И ЕЕ ЛИКВИДАТОРЫ	787
10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	793
Владимир Ленин (Н. Ленин). «Советы постороннего»	798
Владимир Ленин. «Великий почин»	800
Владимир Ленин. «Диалектика стакана»	814
Владимир Ленин (Н. Ленин). «О задачах пролетариата в данной революции»	815
<i>Демоны Владимира Ильича</i>	
Михаил Мельниченко «Анекдоты о Ленине»	819

Экстрасенсы о Владимире Ильиче Ленине.....	834
Борис Пастернак. «О Ленине».....	839
Эдуард Лимонов. «Владимир Ленин: эмигрант»	841
С.Г. Кара-Мурза о Ленине	845
В.С. Бушин. «Куда ты вздумал лезть, мальчишка!».....	857
Вардан Багдасарян «Исторический запрос на «нового Ленина» и современный антиленинизм»	868
Константин Семин «Несколько слов о Ленине для "чайников"».....	876
Е. Братцев. «Махатма Ленин»	877
Александр Солженицын. «Ленин в Цюрихе»	880
Иван Бунин. «Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.)»	1015
Лев Данилкин «Ленин: Пантократор солнечных пылинок»	1021
Сергей Курехин. «Ленин – гриб».....	1054
Питирим Сорокин. «Ленин - Фанатик и антисоциальный экстремист»	1060
Гелий Клейменов «Родители Ленина».....	1065
<i>Ленин – это смешно...?</i>	
Абсурдопедия. Ленин и Интернет	1082
Анекдоты про Ленина в СССР	1104
Князь_Цыцак «Вся правда о Ленине!!!»	1113
Ленин глазами шансонье. Трофим. «Песня о Ленине»	1115
Данила Блюз. «Анекдоты о Ленине».....	1116

Предисловие

«...мы и любим конфликты, говорит он. Ненависть — наша любовь.

Чтобы остановить войну, мы объявляем войну ей самой.

Искореняем бедность. Боремся с голодом. Открываем фронты, призываем к ответу, бросаем вызов, громим и уничтожаем.

Мы люди, и наша первая заповедь: Нужно, чтобы что-то случилось.

Мистер Уиттиер и миссис Кларк только и делали, что бубнили. А нам было нужно, чтобы они измывались над нами. Для нашей истории было нужно, чтобы они били нас смертным боем. А не морили смертельной скукой.

— Любые призывы к миру во всем мире, — говорит мистер Уиттиер, — это все ложь. Красивая ложь, высокие слова. Просто еще один повод для драки. Нет, мы любим войну. Война. Голод. Чума. Они подгоняют нас к просвещению.

— Стремление навести в мире порядок, — любил повторять мистер Уиттиер, — есть признак очень незрелой души. Такие стремления свойственны лишь молодым: спасти всех и каждого от их порции страданий.

Мы любим войну, и всегда любили. Мы рождаемся с этим знанием: что мы родились для войны. Мы любим болезни. Мы любим рак. Любим землетрясения. В этой комнате смеха, в этом большом луна-парке, который мы называем планетой Земля, говорит мистер Уиттиер, мы обожаем лесные пожары. Разлития нефти. Серийных убийц.

Мы любим диктаторов. Террористов. Угонщиков самолетов»

Чак Паланик «Призраки»

С людьми часто происходят удивительные метаморфозы, стоит им оказаться в гуще исторических событий или на худой конец в центре внимания прессы. Личность растворяется в круговороте образов. Они наслаиваются на человека и уже не видно ни его мыслей и идей, ни его стремлений, ни его поступков. Он может быть богом, он может быть демоном, он может стать великим, может превратиться в ничтожество и все это одновременно. Чем масштабнее личность, тем контрастнее превращения.

«Над вымыслом, слезами оболуюсь»

«Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках...» или

«Камень на камень, кирпич на кирпич. Умер наш Ленин Владимир Ильич. Плачут рабочие, плачут крестьяне...» И еще много подобного патриотического фольклорно-литературного репертуара для детей.

Можно вспоминать какие-то произведения, строки, названия. Не в этом суть и назначение этой книги. Хрестоматии-учебника. Для изучающих PR и литературу.

PR, потому, что Ленин в XX веке стал в литературах народов СССР и не только, своеобразным символом революционной нравственности, мудрости, честности, непогрешности. Принцип «Будь похож на него!». «Нет у революции начала, нет у революции конца» и т.п. въедались в память каждого и не требовали каких-либо подтверждений и доказательств.

PR – привлечение внимания, создание имиджа, воздействие и т.п.

Все это можно отнести к образу (именно, к нему) Ленина.

Воплощение привлекательности революции и всего, что с ней связано.

Во главе Глава с вытянутой в будущее рукой...Монументальный.

Первым запечатлевшим его (ЕГО!) был Демьян Бедный, еще до октябрьской революции 1917 года в своей поэтической публицистике.

В прозе первым станет Александр Аросев, отец Ольги Аросевой, известной комедийный актрисы, в конце 30-х годов репрессированный, со своей документальной «Недавние дни».

А дальше многообразие произведений, сближающих разных по индивидуальности, стилю, литературным приоритетам авторов: В. Маяковский и С. Есенин, Н. Погодин и М. Шатров и пр., пр.

Тома и тома, скульптурные бюсты и памятники, кинофильмы и телесериалы. Все это окружало на протяжении почти столетия граждан разных стран. В девяностые годы прошлого века начинает трансформироваться политическая система государств на разных континентах, соответствующие коррективы были внесены и в творчество. Памятники вандалистики разрушались (политика, идеология выше творчества и при создании, и при уничтожении). Книги изъяты. Из программ школ и вузов, сняты за ненадобностью с полок библиотек. И здесь смена эстетических приоритетов. Если еще вчера мало кто не знал кем был Ульянов-Ленин, то сегодня мало кто знает кто он.

Законы физики всеобъемлющи. Действие равно противодействию существует и в творчестве. Одна литературная эпоха своим существованием опровергает предшествующую. Ленин был с ! и ?, знаками несущими противоположный смысл. Утверждающие и опровергающие его – пиарщики, не столько его политических идей, реальной жизни, сколько символов, сохраняющих образ-знак. Само озвучивание его фамилии-

партийной клички обозначает утверждение (опровержение) определенных нравственных, идеологических, культурных дефиниций.

Собранные воедино произведения, представленные в этой книге, на разных этапах культурно-литературного движения представляют не столько личность и жизнь Ленина, сколько конъюктуру восприятия, интерпретацию современности, в которой Ленин – важный приоритет.

Единственное, что может представить Ленина в разных ипостасях, чтение. Внимательное и непредвзятое потому, что сегодня Ленин – один из тех образов, по которым прочитывается эпоха, идеал, свершения, происходящие и запечатленные литераторами, чтобы читатель себя «под Лениным чистил, чтобы плыть в революцию...»

Утверждая или отрицая...узнавая, что он имеет дело с художественной литературой, живущей только по законам творчества. Она не исторический источник, а источник, воспринимаемый эмоционально.

Андрей Вознесенский свою поэму «Лонжюмо» провидчески завершил фразой: «На все вопросы отвечает Ленин». Может быть это утверждение и сегодня актуально?!

Ленин – новая агиография

Владимир Маяковский. «Владимир Ильич Ленин»

Обложка первого издания поэмы «Владимир Ильич Ленин», 1925.

Время -
    начинаю
        про Ленина рассказ.
Но не потому,
    что горя
        нету более,
время
    потому,
        что резкая тоска
стала ясною
    осознанною болью.
Время,
    снова
        ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
    растекаться
        слёзной лужею, -
Ленин
    и теперь
        живее всех живых.
Наше знание -
    сила
        и оружие.
Люди - лодки.
    Хотя и на суше.
Проживёшь
    своё
        пока,
много всяких
    грязных ракушек
налипает

нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозлённую,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зелёную
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий
ленинский
огромный лоб.
Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.
За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце -
я писать обязан
по мандату долга.
Вся Москва.
Промёрзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему

ему
такая почеть?
Слово за словом
из памяти таская.
не скажу
ни одному -
на место сядь.
Как бедна
у мира
слОва мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов - двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим -
«эпоха»,
мы говорим -
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днём
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,
мы говорим -
«пророк»,
мы говорим -
«гений».
У нас
претензий нет, -
не зовут -
мы и не лезем;
нравимся
своей жене,
и то
довольны донЕльзя.
Если ж,

телом и духом слит,
прёт
на нас непохожий,
шпилим -
«царственный вид»,
удивляемся -
«дар божий».
Скажут так, -
и вышло
ни умно, ни глупо.
Повисят слова
и уплывут, как дымы.
Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.
Ни рукам
ни голове не ощутимы.
Как же
Ленина
таким аршином мерить!
Ведь глазами
видел
каждый всяк -
«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая о косяк.
Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберёг,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперёк.
Я б
нашёл
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,

по Кремлю бы
бомбами
метал:
ДОЛОЙ!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слёз,
примёрзшие
к щекам.
Богу
почести казённые
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью
сердце холодей.
Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в своё корыто.
Землю
всю
охватывая разом.
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщият кожей,
да насмешливей
и твёрже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твёрдость,
триумфаторской коляской

мнущая
тебя,
подёргивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа твёрже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд -
отращиваю глаз,
шахматы ему -
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей - человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой,
И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
Отдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот -
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнёт вперёд?!

В качке -
    будто бы хватил
        вина и горя лишку -
инстинктивно
    хоронюсь
        трамвайной сети.

Кто
    сейчас
        оплакал бы
            мою смертишку
в трауре
    вот этой
        безграничной смерти!
Со знамёнами идут,
    и так.
        Похоже -
стала
    вновь
        Россия кочевой.

И Колонный зал
    дрожит,
        насквозь прохожен.

Почему?
    Зачем
        и отчего?
Телеграф
    охрип
        от траурного гуда.

Слёзы снега
    с флажых
        покрасневших век.

Что он сделал,
    кто он
        и откуда -
этот
    самый человечный человек?

Коротка
    и до последних мгновений
нам
    известна
        жизнь Ульянова.

Но долгую жизнь
    товарища Ленина
надо писать
    и описывать заново.

Далеко давным,
    годов за двести,
первые
    про Ленина
        восходят вести.

Слышите -
    железный
        и лужёный,
прорезая

древние века, -
голос
прадеда
Бромлея и Гужона -
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покорённой
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы за небо;
- Нами
к золоту
пути мостите.
Мы родим,
пошлём,
придёт когда-нибудь
человек,
борец,
каратель,
мститель! -
И уже
смешались
облака и дымы,
будто
рядовые
одного полка.
Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.
Товары
растут,
меж нищими высясь.
Директор,
лысый чёрт,
пощёлкал счётами,
буркнул:
«кризис!»
и вывесил слово
«расчёт».

КрАпило
    сласти
        мушиное сЕево,
хлеБА
    зерном
        в элеваторах портятся,
а под витринами
        всех Елисеевых,
живот подведя,
        плелась безработица.
И бурчало
    у трущоб в утробе,
покрывая
    детвориный плачик:
- Под работу,
    под винтовку ль,
        нА -
            ладони обе!

Приходи,
    заступник
        и расплатчик! -
Эй,
    верблюду,
        открыватель колоний! -
Эй,
    колонны стальных кораблей!
Марш
    в пустыни
        огня раскалённей!

Пеньте пену
    бумаги белей!

Начинают
    чёрным латАться
оазисы
    пальмовых нег.

Вон
    среди
        золотистых плантаций
засечённый
    вымычал негр:
- У-у-у-у-у,
    у-у-у!
        Нил мой, Нил!

Приплещи
    и выплещи
        чёрные дни!
Чтоб чернее были,
    чем я во сне,
и пожар чтоб
    крови вот этой красней.
Чтоб во всём этом кофе,
        враз, вскипелом,
вариться пузатым -
    чёрным и белым.

Каждый
    добытый
        слоновий клык -
тык его в мясо,
        в сердце тык.
Хоть для правнуков,
        не зря чтоб
                кровью литься,
выплыви,
        заступник солнцелицый.
Я кончаюсь, -
        бог смертей
                пришёл и поманил.

Помни
    это заклинанье,
        Нил,
                мой Нил! -
В снегах России,
        в бреду Патагонии
расставило
    время
        станки потогонные.
У ИвАнова уже
    у Вознесенска
        каменные туши

будоражат
    выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовёт
Стеньку Разина».
Внуки
    спросят:
        - Что такое капиталист? -
Как дети
    теперь:
        - Что это
                г-о-р-о-д-о-в-о-й?.. -

Для внуков
    пишу
        в один лист
капитализма
    портрет родовой.
Капитализм
    в молодые года
был ничего,
        деловой парнишка:
первый работал -
    не боялся тогда,
что у него
    от работ
        засалится манишка.
Трико феодальное
    ему тесно!

Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвёл
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
Люди,
и те - ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык - парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвёл -
не увидишь такого!
Художник
- не один! -
по стенам поёрзал.
Пол ампиристый,
потолок рококовый,
стенки -
Людовика XIV,
Каторга.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая

полиция.
И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха -
просто -
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя -
распродаёт
старухам
дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец,
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лёг
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход -
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
- А где ж душа?!
Да это ж -
риторика!
Поэзия где ж? -
Одна публицистика!! -
Капитализм -

неизящное слово,
куда изящней звучит -
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат -
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм - западня.
Для нас
это слово -
могучая музыка,
могущая
мёртвых
сражаться поднять.
Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам!
- Мы прорвёмся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет.
С этих нар
рабочий сын -
пролетариатоводец. -
Им
уже
земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить

чужой горлЕц.
Идут,
железом
    клацая и лацкая.
- Убивайте!
    Двум буржуям тесно! -
Каждое село -
    могила братская,
городА -
    завод протезный.
Кончилось -
    столы
        накрыли чайные.
Пирогом
    победа на столе.
- Слушайте
    могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
    нас
        увидите
            в военной яви.
Эту
    время
        не простит вину.
Он расплатится,
        придёт он
            и объявит
вам
    и вашинской войне
        войну! -
Вырастают
    на земле
        слезы озёра,
слишком
    непролазны
        крови топи.
И клонились
    одиночки фантазёры
над решением
    немыслимых утопий.
Голову
    об жизнь
        разбили филантропы.
Разве
    путь миллионам -
        филантропов тропы?
И уже
    бессилен
        сам капиталист,
так
    его
        машина размахалась, -
строй его

несёт,
как пожелтый лист,
кризисов
и забастовок хаос.
- В чей карман
стекаем
золотою лавой?
С кем идти
и на кого пенять? -
Класс миллионоглавый
напрягает глаз -
себя понять.
Время
часы
капитала
кРАло,
побивая
прожекторов яркость.
Время
родило
брата Карла -
старший
ленинский брат
Маркс.
Маркс!
Встаёт глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажёт!
Будто сам
в заводе каждом
стоя стОйма,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
граблящих
прибавочную стоимость
за руку

поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повёл
разить
войною классовой
золотого
до быка
доросшего тельца.
Нам казалось -
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля.
Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы -
Маркс
рабочего
поставил на ноги
и повёл
колоннами
стройнее цифр.
Вёл
и говорил: -
сражаясь лягте,
дело -
корректур
выкладкам ума.
Он придёт,
придёт
великий практик,
поведёт
полями битв,
а не бумага! -
Жерновами дум
последнее мелья
и рукой
дописывая
восковой,
знаю,
Марксу

виделось
        видение Кремля
и коммуны
        флаг
        над красною Москвой.
Назревали,
        зрели дни,
        как дыни,
пролетариат
        взрослел
        и вырос из ребят.
Капиталовы
        отвесные твердыни
валом размывают
        и дробят.
У каких-нибудь
        годов
        на расстоянии
сколько гроз
        гудит
        от нарастаний.
Завершается
        восстанием
        гнева нарастание,
нарастают
        революции
        за вспышками восстаний.
Крут
        буржуев
        озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
        воя и стеная,
тени прадедов,
        парижских коммунаров,
и сейчас
        вопят
        парижскую стеною:
- Слушайте, товарищи!
        Смотрите, братья!
Горе одиночкам -
        выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
        Бейте партией!
Кулаком
        одним
        собрал
        рабочий класс. -
Скажут:
        «Мы вожди»,
        а сами -
        шаркунами?
За речами
        шкуру
        распознать умеи!

Будет вождь
такой,
что мелочами с нами -
хлеба проще,
рельс прямой.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колёс
землица двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос всюду
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдалении...
По всему поэтому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал - всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отбрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы -
на них
и куст не рос.
Только
тучи

на скалы
упали ничком.
И на сто вёрст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.
Скажут -
это
о булавках Ахи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
не булавка вколота -
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
и не бог
ему
велел -
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственной головой
прошёл он
этот путь.
Сверху
взгляд
на Россию брось -
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синЕй,
чем вода весной,
синяки
Руси крепостной.
Ты
с боков
на Россию глянь -
и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу в склянь
горы,
каторги

и рудники.
Но и каторг
    больнее была
у фабричных станков
    кабала.
Были страны
    богатые более,
красивее видал
    и умней.
Но земли
    с ещё большей болью
не довиделось
    видеть
    мне.
Да, не каждый
    удар
    сотрёшь со щеки.
Крик крепчал:
    - Подымайтесь
        за землю и волю вы! -
И берутся
    бунтовщики-
одиночки
    за бомбу
    и за револьвер.
Хорошо
    в царя
    вогнать обойму!
Ну, а если
    только пыль
        взметнёшь у колеса?!
Подготовщиком
    цареубийства
        пойман
брат Ульянова,
    народоволец
        Александр.
Одного убьёшь -
    другой
        во весь свой пыл
пытками
    ушедших
        переплюнуть тужится.
И Ульянов
    Александр
        повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
    сказал
        Ильич семнадцатигодовый -
это слово
    крепче клятв
        солдатом поднятой руки:
- Брат,

мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдём путём другим! -
Огляните памятники -
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой -
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе,
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерётся мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком,
Но не мелочь
целью в конце:
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм - цель.
Капитализм - враг.
Не веник -
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух,
Вчера - четыре,
сегодня - четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира

подыдем восстанием.
Мы уже
        не тише вод,
                травинки ниже -
гнев
        у трудящихся
                густится в туче.
Режет
        молниями
                Ильичёвых книжек.
Сыпет
        градом
                прокламаций и летучек,
Бился
        об Ленина
                тёмный класс,
тёк
        от него
                в просветленьи,
и, обданный
        силой
                и мыслями масс,
с классом
        рос
                Ленин.
И уже
        превращается в быль
то,
        в чём юношей
                Ленин клялся:
- Мы
        не одиночки,
                мы -
                союз борьбы
за освобождение
        рабочего класса. -
Ленинизм идёт
        всё далее
                и более
вширь
        учениками
                Ильичёвой выверки.
Кровью
        вписан
                героизм подполья
в пыль
        и в слякоть
                бесконечной Володимирки.
Нынче
        нами
                шар земной заверчен.
Даже
        мы,
                в кремлёвских креслах если, -

скольким
вдруг
из-за декретов Нерчинск
кандалами
раззвенится в кресле!
Вам
опять
напомню птичий путь я.
За волчком -
трамваев
электрическая рысь.
Кто
из вас
решётчатые прутья
не царапал
и не грыз?!
Лоб
разбей
о камень стенки тесной -
за тобою
смыли камеру
и замели.
«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».
Полюбилась Ленину
в какой из ссылок
этой песни
траурная сила?
Говорили -
мужичок
своей пойдёт дорогой,
заведёт
социализм
бесхитроsten и прост.
Нет,
и Русь
от труб
становится сторогой.
Город
дымной бородой оброс.
Не попросят в рай -
пожалуйста,
войдите -
через труп буржуазии
коммунизма шаг.
Ста крестьянским миллионам
пролетариат водитель.
Ленин -
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эсерик прыткий,
сам охочий до рабочих шей, -
Ленин
фразочки

с него
пооборвёт до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья, -
мы
в марковом всеоружии
одна
на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идёшь Чухломой -
тебе
в глаза
вонзается теперь
РКП
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулковое,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.
Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица! -
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто её услышит? -
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.

Партия -
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

Плохо человеку,
когда он один.

Горе одному,
один не воин -
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.

А если
в партию
сгрудились малые -
сдайся, враг,
замри
и ляг!

Партия -
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.

Единица - вздор,
единица - ноль,
один -
даже если
очень важный -
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.

Партия -
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.

Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.

Партия -
спинной хребет рабочего класса.

Партия -
бессмертие нашего дела.

Партия - единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса -
вот что такое партия.
Партия и Ленин -
близнецы-братья
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем -
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем -
Ленин.
Ещё
горой
коронованные главы,
и буржуи
чернеют
как вороны в зиме,
но уже
горение
рабочей лавы
по кратеру партии
рвётся из-под земель.
Девятое января.
Конец гапонщины.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось -
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснет.
Ильич уже здесь.

Он изо дня на день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведёт
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка -
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рёв
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царёв адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека!
Смотрите,
как здесь,
связавши зА локти,
рабочих нАсмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и всё изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят -
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
- Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться. -

Ленин
в этот скулёж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
- Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подыметесь
рабочий класс.
Не защита -
нападение
стать должно
лозунгом масс. -
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.
И Ленин
снова
в своём изгнании
готовит
нас
перед новой битвой,
Он учит
и сам вбирает знание,
он партию
вновь
собирает разбитую.
Смотри -
забастовки
вздымают год,
ещё -
и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.
Так пишут -
солдат-де
раскурит трубку,
балакать пойдёт
о походах древних,
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,

к Плевне?!
Империализм
во всём оголении -
живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени -
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы -
патриоты -
приспособились Вовы -
пишут,
руки предавшие вымыв:
- Рабочий,
дерись
до последней крови! -
Земля -
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и рваль,
Среди
всего сумасшедшего дома
резвый
встал
один Циммервальд.
Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.
Оттуда -
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек, -
скуластый
и лысый
один человек.
- Солдаты!
Буржуи,
предав и продав,

к туркам шлют,
    за Верден,
        на Двину.
Довольно!
    Превратим
        войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
    разгромов,
        смертей и ран,
у наций
    нет
        никакой вины.
Против
    буржуазии всех стран
подыдем
    знамя
        гражданской войны! -
Думалось:
    сразу
        пушка-печка
чихнёт огнём
    и сдунет гнилью,
потом поди,
    ищи человечка,
поди,
    вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
    шипевших и вывших,
друг другу
    страны
        орут -
            на колени!
Додрались,
    и вот
        никаких победивших -
один победил
    товарищ Ленин.
Империализма прорва!
Мы
    истощили
        терпенье ангельское.
Ты
    восставшею
        Россией прорвана
от Тавриза
    и до Архангельска.
Империя -
    это тебе не кУра!
Клювастый орёл
    с двухглавою властью.
А мы,
    как докуренный окуроч,
просто

сплюнули
их династью.
Огромный,
покрытый кровавою ржою,
народ,
голодный и голоштаный,
к Советам пойдёт
или будет
буржую
таскать,
как и встарь,
из огня каштаны?
- Народ
разорвал
оковы царь,
Россия в буре,
Россия в грозе, -
читал
Владимир Ильич
в Швейцарии,
дрожа,
волнуясь
над кипой газет.
Но что
по газетным узнаешь клочьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,
на помощь
к восставшим рабочим, -
одно желанье,
единая мысль.
Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!
Питерцы
всё ещё
всем на радость
лобзались,
скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарядясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг -
и дойдут до точки,
дойдут

и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать ноготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.
Сначала мелочь -
вроде мальков.
Потом повзрослее -
от шпротов до килечек.
Потом Дарданельский,
в девичестве Милюков,
за ним
с коронацией
прёт Михайльчик,
Премьер
не власть -
вышивание гладью!
Это
тебе
не грубый нарком.
Прямо девушка -
иди и гладь её!
Истерики закатывает,
поёт тенорком.
Ещё
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев -
уже хворостинки -
«марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славенького,
нас предававшие
и до
и потОм,
вокруг
сторожами
эсеры да Савинковы,
меньшевики -
учёным котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова

ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здоровствует Ленин!»
- Товарищи! -
и над головами
первых сотен
вперёд
ведущую
руку выставил. -
- Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья.
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы -
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света,
да здоровствует
партия,
строящая коммунизм,
да здоровствует
восстание
за власть Советов! -
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недостижимое слово -
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся -
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщ

окрутивших
соглашательских верёвок
слова Ильича
ударами топора.
И речь
прерывало
обвалами рёва:
«Правильно, Ленин!
Верно!
Пора!»

Дом
Кшесинской,
за дрыгоножество
подаренный,
нынче -
рабочая блузница.
Сюда течёт
фабричное множество,
здесь
закаляется
в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй».
Уж лезет
к сидящим
в хозяйском стуле -
как живёте
да что жуёте?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.
Буржуевы зубья
ощерились разом.
- Раб взбунтовался!
Плетями,
да в кровь его!

И ручку
Керенского
водят приказом -
на мушку Ленина!
В Кресты Зиновьева!
И партия
снова
ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
Ильич в Финляндии.
Но ни чердак,
ни шалаш,
ни поле
вождя
не дадут

озверелой банде их.
Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
    работа движется как,
видна
    направляющая
        ленинская мысль,
видна
    ведущая
        ленинская рука.
Словам Ильичёвым -
    лучшая почва:
падают,
    сейчас же
        дело растя,
и рядом
    уже
        с плечом рабочего -
плечи
    миллионов крестьян.
И когда
    осталось
        на баррикады выйти,
день
    наметив
        в ряду недель,
Ленин
    сам
        явился в Питер:
- Товарищи,
    довольно тянуть канитель!
Гнёт капитала,
    голод-уродина,
войн бандитизм,
    интервенция вОрья -
будет! -
    покажутся
        белее родинок
на теле бабушки,
    древней истории. -
И оттуда,
    на дни
        оглядываясь эти,
голову
    Ленина
        взвидишь сперва.
Это
    от рабства
        десяти тысячелетий
к векам
    коммуны
        сияющий перевал.
Пройдут

года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летА,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слёзы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что проЖил,
и роюсь в днях -
ярчайший где.
я вспоминаю
одно и то же -
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулемётчики.
- Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там. -
- Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамыт! -

- По приказу
товарища Троцкого! -
- Есть! -
    повернулся
        и скрылся скоро,
и только
    на ленте
        у флотского
под лампой
    блеснуло -
        «Аврора».
Кто мчит с приказом,
    кто в куче споря
кто щёлкал
    затвором
        на левом колене.
Сюда
    с того конца коридорища
бочком
    пошёл
        незаметный Ленин.
Уже
    Ильичём
        поведённые в битвы,
ещё
    не зная
        его по портретам,
толкались,
    орали,
        острее бритвы
солдаты друг друга
    крыли при этом.
И в этой желанной
    железной буре
Ильич,
    как будто
        даже заспанный,
шагал,
    становился
        и глаз, сощуря,
вонзал,
    заложивши
        руки за спину.
В какого-то парня
    в обмотках,
        лохматого,
уоставил
    без промаха бьющий глаз,
как будто
    сердце
        с-под слов выматывал,
как будто
    душу
        тащил из-под фраз.

И знал я,
    что всё
        раскрыто и понято
и этим
    глазом
        наверное выловится -
и крик крестьянский,
        и вопли фронта,
и воля нобельца,
        и воля путиловца.
Он
    в черепе
        сотней губерний ворочал,
людей
    носил
        до миллиардов полутора,
Он
    взвешивал
        мир
        в течение ночи,
а утром:
- Всем!
    Всем!
        Всем это -
фронтам,
    кровью пьяным,
рабам
    всякого рода,
в рабство
    богатым отданным.
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
Буржуи
    прочли
        - погодите,
            выловим. -
животики пята
    доводом веским -
ужо им покажут
        Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
        Гучков с Керенским.
Но фронт
    без боя
        слова эти взяли -
деревня
    и город
        декретами залит,
и даже
    безграмотным
        сердце прожёт.
Мы знаем,

не нам,
а им показали,
какое такое бывает
«ужо».

Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.

Земля -
подстилка под ихними порками,
и вдруг
её,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями её
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.

В очках
манжетчики,
злостью похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.

Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!

Мы жили
пока
производством ротаций.

С окопов
летело
в немецкие уши:
- Пора кончать!
Выходите брататься! -

И фронт
расползлся
в улитки теплушек.

Такую ли
течь
загородите горстью?

Казалось -
наша лодчонка кренится -
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористой,
сотрёт
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в своё словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:
- Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмём
передышку похабного Бреста.
Потеря - пространство,
выигрыш - время. -
Чтоб не передОхнуть
нам
в передышку,
чтоб знал -
запомнят удАры мои,
себя
не муштровкой -
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.
Историки
с гидрой плакаты выдерут
- чи эта гидра была,
чи нет? -
а мы
знавали
вот эту гидру
в её
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдём
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идёт.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой

подымут очаг.
Тут Врангель вам -
на смену Деникину.
Барона уронят -
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночёвка - болотце,
но шли
миллионами красных звёзд,
и в каждом - Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч вёрст.
Одиннадцать тысяч вёрст
окружность,
а сколько
вдоль да поперёк!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берёг.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно -
где жалят змейёй,
где рубят с плеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдёшь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно -
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьверных
осада голода,
осада тифов.
Смотрите -
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, -
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,

хотите травите -
завод за картошку -
кому он не жалок!
И десятикорпусный
судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.
Расчёт кулаков
простой и верненький -
запрячь хлеба
да зарой в кубышки
николаевки
да кЕренки.
Мы знаем -
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
и Ленин
встаёт
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продрозвёрсткой.
Разве
в этокое время
слово «демократ»
набрeдёт
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед -
в железной диктатуре.
Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка -
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!
Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет -
на правом борту

в сто миллионов
    груз крестьян.
В восторге враги
    заливаются воя,
но так
    лишь Ильич умел и мог -
он вдруг
    повернул
        колесо рулевое
сразу
    на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
    дивящая даже;
крестьяне
    подвозят
        к пристани хлеб.
Обычные вывески
    - купля -
        - продажа -
- нэп.
Прищурился Ленин:
    - Чинитесь пока чего,
аршину учишь,
    не научишься -
        плох. -
Команду
    усталую
        берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
    что за подвох?
Залив
    Ильичём
        указан глубокий
и точка
    смычки-причала
        найдена,
и плавно
    в мир,
        строительству в доки,
вошла
    Советских республик громадина.
И Ленин
    сам
        где железо,
            где дерево
носил
    чинить
        пробитое место.
Стальными листами
    вздымал
        и примеривал
кооперативы,
    лавки
        и тресты.

И снова
становится
Ленин штурман,
огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдём
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился -
на берег
за вОрот.
Теперь вперёд!
Отступление окончено.
РКП,
команду на борт!
Коммуна - столетия,
что десять лет для ней?
Вперёд -
и в прошлом
скроется нэпчик.
Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче.
Вот этой
мелкобуржуазной стихии
ещё
колышется
мёртвая зыбь,
но тихие
тучи
молнией выев,
уже -
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет -
над миром
зажжём небеса
- но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать. -
Теперь,
если пьёте

и если едите,
на общий завод ли
идём
с обеда,
мы знаем -
пролетариат - победитель,
и Ленин -
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея -
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции -
тяжёлые вещи,
один не подынешь -
согнётся нога.
Но Ленин
меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.
Подымаются страны
одна за одной -
рука Ильича
указывала верно:
народы -
чёрный,
белый
и цветной -
становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны -
буржуи
пяти частей света,
вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичёвой республике советов.
Нам
не страшно
усилие ничьё,
мчим
вперёд
паровозом труда..
и вдруг
стопудовая весть -
с Ильичём
удар.

Если бы
    выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
    в музее
        торчали ротозеи.
Ещё бы -
    такое
        не увидишь и в века!
Пятиконечные звёзды
    выжигали на наших спинах
        панские воеводы.
Живьём,
    по голову в землю,
        закапывали нас банды
            Мамонтова.
В паровозных топках
    сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! - ревели,
    но из
горящих глоток
    лишь три слова:
- Да здравствует коммунизм! -
Кресло за креслом,
    ряд в ряд
эта сталь,
    железо это
вваливалось
    двадцать второго января
в пятиэтажное здание
    Съезда советов.
Усаживались,
    кидались усмешкою,
решали
    походя
        мелочь дел.
Пора открывать!
    Чего они мешкают?
Чего
    президиум,
        как вырубленный, поредел?
Отчего
    глаза
        краснее ложи?
Что с Калининым?
    Держится еле.
Несчастье?
    Какое?
        Быть не может!
А если с ним?

Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
пошёл снижаться вороном.
Опустили головы -
ещё нагни!
Задрожали вдруг
и стали чёрными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щёлк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
Слёзы не сжуёшь
с усов и щёк.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене:
- Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! -
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдёт
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали
волоком.
Разузнать -
когда и как?
Чего таят!
В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.
Радость
ползёт улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,

ни льдины слитка -
всё
сквозь газетное ситко
чёрный
засеял снег.
На рабочего
у станка
весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто
слезы стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
выдавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растёртая грязь.
Были люди - кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьёзничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые.
Ветер
всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатёночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло -
и видите под...
Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ.
Улица,
будто рана сквозная -

так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердца ему
ветками ёлок стели.
Он в битву вёл,
победу пророчил,
и вот
пролетарий -
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.
Он зЕмли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.
И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
шепчут:
- Любимый и милый!
Живи,
и не надо
судьбы прекрасней -
сто раз сразимся
и ляжем в могилы! -
Сейчас

прозвучали б
    слова чудотворца,
чтоб нам умереть
    и его разбудят, -
плотина улиц
    враспашку раствОрится,
и с песней
    на смерть
        ринутся люди.
Но нету чудес,
    и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
    гроб
        и согнуТые плечи.
Он был человек
    до конца человеческого -
неси
    и казись
        тоской человеческой.
Вовек
    такого
        бесценного груза
ещё
    не несли
        океаны наши,
как гроб этот красный,
    к Дому союзов
    плывущий
        на спинах рыданий и маршей.
Ещё
    в караул
        вставала в почётный
суровая гвардия
    ленинской выправки,
а люди
    уже
        прожидают, впечатаны
во всю длину
    и Тверской
        и Димитровки.
В семнадцатом
    было -
        в очередь дочери
за хлебом не вышлешь -
    завтра съем!
Но в эту
    холодную,
        страшную очередь
с детьми и с больными
    встали все.
Деревни
    строились
        с городом рядом.
То мужеством горе,

то детскими вызвенит.
Земля труда
проходила парадом -
живым
итогом
ленинской жизни.
Жёлтое солнце,
косое и лаковое,
взойдёт,
лучами к подножью кидается.
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы.
Вплывали
ночи
на спинах дней,
часы меняя,
путая даты.
Как будто
не ночь
и не звёзды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается -
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закалённые.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить -
под ногою обрыв -
бездонный обрыв

в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край -
это гроб и Ленин,
а дальше -
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб егО лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за...
Может быть,
в глаза без слёз
увидеть можно больше.
Не в такие
я
смотрел глаза.
Знамен
плывущих
склоняется шёлк
последней
почестью отданной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошёл
свой доблестный путь, благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди -
как будто
идёшь
по проволоке прОвода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звнящего марша вода
относит
тело моё невесомое.
Я знаю -
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я

этой силы частица,
что общие
даже слёзы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени -
класс!
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой -
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и вёсами алая,
на последнее
прощанье с Ильичём
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят - и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал -
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и наверх
смотрят с опаской,
на чёрный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту -
к последней четвёрке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.

Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.

И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая -
в нищем.

До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.

Встаёт
предо мной
у знамён в озарении

тёмный
земной
неподвижный шар.

Над миром гроб,
неподвижен и нем.

У гроба
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.

Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого

в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос -
как будто Муралова -
«Шагом марш».

Этого приказа
и не нужно даже -

реже,
ровнее,
твёрже дыша,

с трудом
отрывая
тело-тяжесть,

с площади
вниз
вбиваем шаг.

Каждое знамя
твёрдыми руками

вновь
над головою
взвито ввысь.

Топота потоп,
сила кругами,
ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
- Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его -
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине, клоповой!
Товарищ секретарь!
НА тебе -
вот -
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод... -
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих -
Ленину
первый
партийный венок.
- Товарищ секретарь,
бери ручку...
Говорят - заменим...
Надо, мол...
Я уже стар -
берите внучика,
не отстаёт -
подай комсомол. -
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям,
по морям,
нынче здесь,

завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель -
скорей
разглаживай траур утра.
В ногу
взрослым
вступают дети -
трА-та-та-тА-та
тА-та-та-тА.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдём на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичёва смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздывается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
- Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это -

единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

Михаил Зощенко. «Рассказы о Ленине»

ГРАФИН

Когда Ленину было восемь лет, с ним случилась одна маленькая история, о которой впоследствии, много лет спустя, рассказала его старшая сестра, Анна Ильинична.

Анна Ильинична говорила про своего брата, что он был большой шалун. Но вместе с тем он был очень правдивый мальчик. Он никогда не врал и всегда признавался в своих шалостях.

Но однажды с ним случилось такое происшествие.

Вместе с отцом и со своими сестрами маленький Володя поехал в Казань.

Там, в Казани, проживала их родственница, тетя Аня.

И вот они к ней поехали.

А у тети Ани тоже были дети -- двоюродные братья и двоюродные сестры Ленина.

Встреча была интересная.

Дети много шалили, бегали, играли в разные игры.

И однажды до того расшалились, что опрокинули на пол графин, который стоял на столике.

Это у них была какая-то веселая игра. Они друг от друга бегали. И Володя, бегая по комнате, наткнулся на этот столик. Столик покачнулся, и красивый хрустальный графин упал на пол и разбился вдребезги.

Дети даже не заметили, кто именно разбил графин. Все бегали и все носились по комнате.

И только когда разбился графин, дети присмирели.

Вдруг открывается дверь, и в комнату входит тетя Аня.

Тетя Аня услышала звон и шум и вот пришла посмотреть, что случилось.

И, увидев на полу разбитый графин, тетя Аня спросила:

-- Дети, кто из вас разбил этот графин?

И все дети стали говорить: <Это не я>.

И маленький Володя тоже сказал: <Это не я>.

И сказал он это так тихо, что еле можно было услышать его.

Он сказал неправду, потому что он в первый момент испугался. Все-таки чужой дом, чужая квартира, малознакомая тетя Аня. И, кроме того, он из всех был самый маленький. И у него не повернулся язычок сказать: это я.

Тогда Тетя Аня говорит:

-- В таком случае выходит, что графин сам разбился. Наверно, ему скучно стало на столе стоять - вот он и упал.

Дети засмеялись и говорят:

-- Наверно, он хотел с нами побегать. И вот поэтому он прыгнул со столика на пол. Но он, бедненький, забыл, что он стеклянный, и разбился.

И дети опять засмеялись.

Только один маленький Володя не засмеялся. Он ушел в другую комнату и сел у окна. И долго там сидел и о чем-то думал. И только к вечеру он снова стал шалить с ребятами.

Но вот прошло два месяца.

Уже из Казани они давно уехали. И снова жили в своем городе Симбирске.

И вот как-то вечером, когда дети ложились спать, мать подошла к Володиной кровати и видит, что мальчик о чем-то горько плачет.

Мать спросила:

-- О чем ты плачешь?

И мальчик, всхлипывая, сказал:

-- Мама, когда мы были в Казани, я сказал тете Ане неправду. Я сказал, что это не я разбил графин, а это я разбил графин.

Мама стала утешать мальчика.

Она сказала:

-- Ну это ничего. Не плачь. Я напишу тете Ане письмо. И она, наверно, тебя простит.

Мальчик, всхлипывая, сказал:

-- Ты непременно напиши письмо тете Ане. Напиши, что это я разбил.

Мама снова стала утешать его. И тогда мальчик успокоился и заснул.

Целуя и закрывая одеялом своего маленького сына, мать подумала:

<Какой он удивительный ребенок: он два месяца помнил об этой истории и два месяца огорчился, что он случайно сказал неправду. Но теперь, когда он признался, ему стало легко, и вот он даже с улыбкой заснул>.

На другой день мама написала тете Ане письмо. И вскоре тетя Аня ответила, что она вовсе не сердится на милого племянника и снова ждет его к себе в гости.

СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

Когда Ленин был маленький, он почти ничего не боялся.

Он смело входил в темную комнату. Не плакал, когда рассказывали страшные сказки. И вообще он почти никогда не плакал.

А его младший брат Митя тоже был очень хороший и добрый мальчик. Но только он был очень уж жалостливый.

Кто-нибудь запоет грустную песню, и Митя в три ручья плачет.

Особенно он горько плакал, когда дети пели <Козлика>.

Многие дети знают эту песенку:

Жил-был у бабушки серенький козлик,

Вот как, вот как, серенький козлик.

Бабушка козлика очень любила, очень любила.

Вздумалось козлику в лес погуляти, в лес погуляти.

Напали на козлика серые волки, серые волки.

Оставили бабушке рожки да ножки, рожки да ножки.

Несомненно, песенка грустная. Но плакать, конечно, не надо было. Ведь это -- песня. Это нарочно, а не на самом деле.

Безусловно, козлика жалко. Но только он отчасти сам виноват -- зачем без спросу пошел в лес гулять?

В общем, у Мити всегда дрожал голосок и дергались губенки, когда он вместе с детьми пел эту песню.

А когда Митя доходил до грустных слов: <Напали на козлика серые волки>, -- он всякий раз заливался в три ручья.

И вот однажды дети собрались у рояля и запели эту песню.

Они благополучно спели две строчки. Но когда дошли до грустного места о том, как козлик пошел в лес, Митя начал всхлипывать.

Маленький Володя, увидев это, обернулся к Мите, сделал страшное лицо и нарочно ужасным и громким голосом запел:

На-па-а-ли на-а коз-ли-ка серые вол-ки...

Тут Митя, конечно, не выдержал и зарыдал еще больше.

Старшая сестра сделала брату замечание -- зачем он дразнит Митю.

И на это маленький Володя ответил:

-- А зачем он боится? Я не хочу, чтобы он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми.

Митя сказал:

-- Тогда я не буду больше бояться.

Дети снова запели эту песенку. И Митя храбро спел ее до конца. И только одна слезинка потекла у него по щеке, когда дети заканчивали песенку:

<Оставили бабушке рожки да ножки>.

Маленький Володя поцеловал своего младшего братишку и сказал ему:

-- Вот теперь молодец!

КАК ЛЕНИН УЧИЛСЯ

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии.

И в высшем учебном заведении он тоже, наверно, очень бы хорошо учился.

Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться.

В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так и остался бы без высшего образования. Но Ленин этого не захотел.

Он сказал матери: <Я непременно кончу высшую школу>.

А уже проходило время. И прошло два года после исключения.

Наконец Ленин подал заявление министру. Он попросил разрешения сдать экзамены за всю высшую школу сразу.

Министр удивился и подумал:

<Как он может сдать все экзамены сразу? Ведь он в высшей школе не учился. Хорошо. Я ему разрешу, но только он все равно не сдаст экзамены>.

Получив разрешение министра, Ленин стал усиленно заниматься.

Он целые дни сидел за книгами, читал, писал, изучал языки, переводил и так далее.

Он летом устроил в саду кабинет, в густой липовой аллее. Он там вкопал в землю стол и скамейку. И каждое утро уходил туда. И там в полном одиночестве занимался до обеда.

После отдыха и купания он снова туда шел. И снова работал три или четыре часа.

А вечером, после прогулки и купания, родные снова видели его за книгами. И родные поразились, как он так много может заниматься. И даже стали бояться за его здоровье.

Но Ленин им сказал:

-- Человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает.

И действительно, Ленин правильно отдыхал. Он час работал. Потом делал гимнастику. Потом снова час или два писал и после этого бежал к реке купаться. Потом, отдохнув или погуляв в лесу, возвращался к книгам и опять учился.

В своем летнем кабинете он устроил себе турник недалеко от столика. И время от времени делал на нем упражнения.

В хорошую погоду он купался два или три раза в день. Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление.

Один его знакомый, вспоминая о прошлом, говорил, что в Швейцарии было очень страшное озеро, где постоянно тонули люди. Это озеро было очень глубокое. Там были холодные течения, омуты и водовороты. Но Ленин бесстрашно плавал в этом озере.

Этот знакомый ему однажды сказал, что надо быть осторожным -- тут тонут люди.
-- Тонут, говорите? -- спросил Ленин. -- Ничего, мы-то не потонем.
И тут же заплыл так далеко, что еле можно было видеть его.
И вот благодаря купанию и физкультуре, благодаря правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу.
Он почти два года так усиленно учился. И за это время успел пройти весь курс университета -- то, что другие изучали четыре года.
Он сдал все экзамены и получил диплом первой степени.
И все профессора ему сказали:
-- Это поразительно! Вы же не учились в университете и не слушали наших лекций. Как же вы могли так великолепно подготовиться? Наверно, вам кто-нибудь помогал.
Ленин сказал:
-- Нет, я один занимался.
И тогда профессора удивились еще больше. И министр от удивления развел руками.
Но профессора и министр не знали, что, кроме огромного ума и замечательных способностей, Ленин имел еще огромную работоспособность. А эта его работоспособность зависела от физкультуры и правильного отдыха.
И вот почему с таким прекрасным успехом Ленин закончил свою учебу.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ПЕРЕХИТРИЛ ЖАНДАРМОВ

Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер, и царское правительство боялось его как огня.
Царь велел посадить Ленина в тюрьму.
И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.
А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.
А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было. Там протекала небольшая речонка Шушь. И там рос небольшой лесок, в котором даже деревьев было мало.
Но Владимир Ильич не огорчался, что его сослали в такую глушь. Он там много работал, писал революционные книги, беседовал с крестьянами и помогал им советами.
А в свободное время Ленин ходил на охоту со своей охотничьей собакой Женькой, купался, играл в шахматы. Причем шахматы он сам вырезал из коры дерева. И вырезал очень хорошо, даже великолепно.
И вот время проходило незаметно. И протекло почти три года. И уже приближался конец ссылки.
Уже Владимир Ильич начинал обдумывать, куда ему поехать, чтобы снова продолжать революционную работу.
Но незадолго до конца ссылки в избу, где жил Ленин, пришли жандармы.
Они сказали:
-- Вот что. Сейчас мы сделаем у вас обыск. И если найдем что-нибудь запрещенное царским правительством, то берегитесь. Тогда, вместо освобождения, мы оставим вас в этой глухой деревне еще по крайней мере три года.
А у Ленина были запрещенные книжки и разные революционные документы. И все эти книги и документы лежали в книжном шкафу на нижней полке.
Вот один толстый, усатый жандарм встает у двери, чтоб никто не вошел и не вышел.
А другой жандарм, маленького роста, но тоже усатый и свирепый, ходит по комнате и во все нос сует.

Он осмотрел стол, комод, заглянул в печку и даже не поленился влезть под кровать, чтоб увидеть, что там такое.

Потом он подходит к книжному шкафу и говорит:

-- А это что у вас там в шкафу?

Ленин говорит:

-- Это мои книги в шкафу.

Жандарм говорит:

-- А вот я сейчас посмотрю эти ваши книги и увижу, что это такое!

И вот жандарм стоит около этого шкафа и думает: с чего ему начать осмотр -- с верхней полки или с нижней?

Жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, смотрит на этого жандарма и думает:

<Только бы он начал обыск с верхней полки. Если он начнет с верхней полки, тогда хорошо; тогда под конец обыска он устанет и последнюю полку не будет внимательно осматривать. Но если он начнет обыск с нижней полки, тогда плохо -- как раз на этой полке среди других книг имеются запрещенные>.

Ленин тоже смотрит на жандарма и тоже об этом думает.

Вдруг Ленин, чуть улыбнувшись своим мыслям, берет стул и ставит этот стул к шкафу. И говорит жандарму:

-- Чем при вашем маленьком росте тянуться -- встаньте на этот стул и начинайте проверять мои книги.

Маленький усатый жандарм, увидев такую любезность со стороны революционера, поблагодарил и влез на стул. Но поскольку он влез на стул, то он и, ясно, начал осматривать с верхней полки. То есть то, что и надо было Ленину.

И, глядя на жандарма, Владимир Ильич улыбался.

И Крупская тоже улыбалась, видя, что Ленин заставил жандарма сделать так, как ему было надо.

Вот жандарм роется на верхних полках, читает заглавия и перетряхивает каждую книжку. А время идет. Книг много. И за три часа жандарм едва успел просмотреть четыре полки.

Пятую полку жандарм стал осматривать уже не так внимательно. Тем более, что толстый жандарм, стоявший у дверей, начал вздыхать и хандрить. И даже сказал своему приятелю:

-- Ох, как долго идет обыск... Я устал и кушать хочу.

Маленький жандарм говорит:

-- Скоро пойдем обедать. Вот осталась последняя полка. Ну, да, наверно, и на этой полке у них ничего нет, раз во всем шкафу ничего не обнаружено.

Толстый жандарм говорит:

-- Ясно, у них ничего нет. Пойдемте кушать.

Почти не осматривая нижнюю полку, маленький жандарм сказал Ленину:

-- Выходит, что ничего запрещенного мы у вас не нашли. Честь имею кланяться.

И с этими словами жандармы уходят.

И когда закрылась за ними дверь, Владимир Ильич и Крупская начали весело смеяться над тем, как были одурачены жандармы.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН КУПИЛ ОДНОМУ МАЛЬЧИКУ ИГРУШКУ

Один русский революционер убежал из царской тюрьмы и скрылся от жандармов за границей.

Он стал жить в Швейцарии, в городе Цюрихе. Он там поступил на мебельную фабрику. И там работал.

А вскоре в Швейцарию приехал и Ленин.

И наш рабочий очень хотел посмотреть на Ленина, потому что он много слышал о нем хорошего и читал его книги.

И вот однажды этот рабочий узнал, что Ленин будет говорить речь на собрании в <Кружке русских рабочих>.

И тогда наш рабочий решил пойти на это собрание, чтобы послушать Ленина.

А жена этого рабочего тоже работала на мебельной фабрике. Но только она работала в вечернюю смену. И нашему рабочему не с кем было оставить своего маленького сына Доната.

Тогда наш рабочий сказал своему сыну:

-- Давай пойдем вместе на собрание, поглядим на Ленина.

И вот он взял за лапку своего сына, и они пошли в рабочий клуб.

Приходят они в клуб.

Еще рано. Никого нет. Только сидит в зале один человек и газету читает.

Вот рабочий посадил своего мальчика у окна и сам нервно ходит по залу и думает:

<Наверно, Ленин не придет>.

В этот момент человек с газетой (а это был Ленин) говорит рабочему:

-- Такая хорошая погода, а вы своего маленького сына держите в душевной комнате. Вы бы пустили его погулять во двор.

Рабочий говорит:

-- Нет, мой мальчик Донат еще очень маленький. На дворе ему будет скучно играть одному, и я боюсь, что он тогда выйдет на улицу и заблудится.

Лучше мы тут с ним посидим, подождем, когда приедет Ленин.

Ленин говорит мальчику:

-- Ну-ка, давай свою ручонку, мы с тобой пойдем немножко погуляем.

И берет Ленин мальчика за руку, и выходят они вместе на улицу. Подходят к игрушечному магазину. И заходят туда.

Там Ленин говорит мальчику:

-- Хочешь, я тебе куплю эту лодочку?

А это была чудная маленькая лодочка. С парусом. И парус поднимался и опускался. И около паруса стоял маленький матросик. И там были устроены скамеечки, маленький руль и флаг. Ну, удивительно интересная игрушка!

Мальчик ужасно обрадовался. И Ленин купил ему эту лодочку.

И они быстро пошли с этой лодочкой во двор.

А там, во дворе, находился маленький, низкий колодец, вроде крошечного пруда.

И вот в этом колодце мальчик стал пускать свою парусную лодочку.

Ветер надувал паруса, и эта лодочка великолепно шла, управляемая рулем.

И мальчик был так доволен, что смеялся, хлопал от радости в ладоши и кричал:

-- Не бойся, матросик! Плыви вперед!

И тут же у колодца стоял Ленин и тоже смеялся.

А в это время наш рабочий ходит по залу и нервничает.

<Вот, -- думает, -- какая неприятность. И Ленин еще не приехал, и вдобавок какой-то неизвестный взял моего мальчика и ушел с ним>.

А в зале уже собралось много публики. И все друг друга спрашивают:

-- А где же Ленин? Неужели он не приехал?

В этот момент кто-то из публики посмотрел в окно и говорит:

-- Смотрите, вон Ленин во дворе с каким-то маленьким мальчиком.

Тут все стали глядеть в окно. И наш рабочий тоже посмотрел и увидел у колодца своего сына вместе с Лениным.

Очень удивился рабочий. И думает:

<Ах, это и есть Ленин. А я считал, что ЭТО КТО-НИБУДЬ ДРУГОЙ -- очень уж он простой и добрый. Он даже купил моему сыну игрушку>.

Тут вскоре Ленин возвращается в зал и начинает беседовать с рабочими.

ЛЕНИН И ЧАСОВОЙ

Один молодой рабочий, некто товарищ Лобанов, охранял Смольный. То есть он стоял у дверей и проверял документы.

Он проверял у всех, кто входил в Смольный. Потому что если не проверять, мог бы войти какой-нибудь враг. Тем более, это было в самом начале революции, и нужна была особая бдительность.

И вот стоит этот Лобанов у дверей Смольного в качестве часового и просматривает документы.

А он был красногвардеец, этот Лобанов. Вдобавок он был путиловский рабочий, исключительно преданный делу революции. И поэтому его и поставили на такой ответственный пост.

Стоит он на этом посту. Винтовка в левой руке. Револьвер сбоку. За поясом ручная граната. Настроение великолепное.

И всем, кто подходит к Смольному, он говорит:

-- Минуточку, товарищ! Прежде чем войти, покажите ваш пропуск, чтоб я мог узнать, кто вы такой. А то я дежурю в первый раз и мало кого знаю в лицо.

Ну и, конечно, каждый, кто входил в Смольный, показывал Лобанову свой пропуск.

И Лобанов, беря под козырек, говорил:

-- Вот теперь проходите! С моей стороны задержки не будет.

И вот, представьте себе, идет Ленин.

Идет пешком. Скромный такой. В своем черном осеннем пальто и в кепке.

Идет быстро, но вместе с тем задумчиво. Даже по сторонам не смотрит: до того, видеть, углублен в свои мысли.

Подходит к дверям Смольного и хочет туда пройти.

А часового Лобанов не знал в лицо товарища Ленина. Портретов в то время печатали мало. И сам Владимир Ильич только недавно приехал в Петроград.

Ну и, конечно, Лобанов мог не знать Ленина по внешнему виду.

В общем, Ленин подходит к дверям. И Лобанов ему говорит:

-- Минуточку, товарищ! Покажите ваш пропуск!

Ленин не стал возражать. Он, как бы очнувшись от своей задумчивости, тихо сказал:

-- Ах да, пропуск! Извините, товарищ, сейчас найду.

И стал искать свой пропуск в боковом кармане.

А в этот момент подошел к дверям Смольного один какой-то человек, должно быть, из служащих. И, видя, что часового не пропускает Ленина, возмутился. И крикнул:

-- Это же Ленин! Пропустите!

Лобанов тихо ответил этому человеку:

-- Без пропуска я затрудняюсь пропустить. До этого раза я еще не имел счастья видеть товарища Ленина. И вдобавок я и вас не знаю и даже не посмотрел еще вашего документа.

Служащий возмутился еще больше и крикнул:

-- Извольте немедленно пропустить Ленина!

Вдруг Ленин говорит:

-- Не надо ему приказывать, и тем более не надо кричать. Часовой поступает совершенно правильно. Порядок для всех одинаков.

Тут Ленин достает из бокового кармана пропуск. И подает его часовому.

Лобанов с трепетом разворачивает этот пропуск. И видит: это действительно пропуск Владимира Ильича Ленина.

Лобанов берет под козырек и говорит Ленину:

-- Я прошу извинить, Владимир Ильич, что потребовал ваш пропуск.

Ленин отвечает:

-- Вы правильно поступили, товарищ. Благодарю вас за отличную службу.

О ТОМ, КАК ТЁТУШКА ФЕДОСЬЯ БЕСЕДОВАЛА С ЛЕНИНЫМ

У тетушки Федосьи произошла беда. Ее муж захворал воспалением легких и по случаю этой болезни умер.

А он был кровельщик, ее муж. Великолепно чинил крыши. И зарабатывал ничего себе, довольно хорошо. Даже тетушка Федосья пила чай внакладку.

А когда он умер, ей, конечно, стало плохо. И пить чай внакладку она уже не могла.

И вот она стала хлопотать, чтоб ей выдали пенсию.

Но из этого у нее ничего не вышло.

Ей сказали:

-- Пенсию не получишь. Твой муж больно мало работал при Советской власти.

Но Федосья не растерялась от этих слов и стала ходить буквально в каждое учреждение, надеясь, что где-нибудь ей выдадут пенсию.

А в одном учреждении ей сказали, чтоб от нее отвязаться:

-- Один человек может поднять твое дело: это Ленин. Сходи к нему, если хочешь.

Тетушка Федосья узнала, что Ленин находится в Смольном. И пошла туда.

Конечно, часовой не хотел ее пропустить. Но потом он видит: очень уж безобидная, несчастная старуха. Взял и пропустил.

Тетушка поднялась во второй этаж. И пошла по коридору.

Заглянула в одну комнату -- нет никого. Заглянула в другую -- видит: сидит человек за столом и что-то пишет.

Это был Ленин.

Тетушка, конечно, не знала, что это Ленин. Она подумала, что это сидит какой-то служащий.

И поэтому она говорит ему без особого волнения:

-- Сударь, вы по письму или по разбору? Или, может быть, считаете?

Ленин усмехнулся и отвечает:

-- А это как приведется. Иногда по письму, иногда по разбору, а в другой раз и считать приходится. А вам что угодно?

Тетушка говорит:

-- Видите ли, мне угодно пенсию получить. Благодаря этому я и пришла побеседовать с самим Лениным. Войдите в мое положение и проводите меня к нему!

Ленин снова улыбнулся и говорит:

-- А вы расскажите мне ваше дело! Может, мы и без Ленина обойдемся.

Старуха говорит:

-- Нет, сударь, без Ленина мы не обойдемся. Дело мое исключительно трудное. И только один Ленин может его поднять.

Ленин говорит:

-- А все-таки вы расскажите, что с вами.

Тетушка говорит:

-- География моей жизни исключительно простая. Недавно скончался мой муж, по профессии кровельщик. И вот я пенсию себе хлопочу. А мне все говорят: не будет тебе пенсии -- твой муж больно мало работал при Советской власти.

Ленин говорит:

-- Это они глупости говорят. Ваш муж и не мог много работать при Советской власти, потому что Советская власть образовалась только недавно.

Ленин снимает трубку с телефона и кому-то говорит:

-- Сейчас к вам придет одна гражданка. Надо будет ей оформить пенсию.

После этого Ленин обращается к тетушке Федосье и говорит:

-- Пойдите по коридору в третью дверь отсюда. И там ваше дело будет устроено.

С превеликим недоверием идет тетушка Федосья туда, куда ей указали. Но там без лишних слов ей выдают бумагу на получение пенсионной книжки.

В тот же день тетушка получает пенсию и, безмерно счастливая, идет на базар и там покупает себе сахару и мануфактуры.

И потом она заходит в один кооператив, чтобы приобрести там синьку для стирки белья.

И вдруг в этом кооперативе она видит портрет того, с кем она сегодня беседовала.

Она крайне удивилась, увидев этот портрет, и спросила заведующего лавкой:
-- Сударь, не скажете ли, кто изображен на портрете? Я интересуюсь этим потому, что сегодня с ним беседовала.

Заведующий говорит:

-- Быть того, бабка, не может. Это Ленин.

-- Стало быть, я беседовала с Лениным.

И, придя домой, она рассказала управдому о том, что с ней случилось. И спросила его:

-- Как вы думаете, почему Ленин не признался мне в том, что это он и есть Ленин?

Управдом немножко задумался и так ей ответил:

-- Бывают разные люди, мамаша. Одни люди кричат и похваляются: дескать, мы то, мы другое, мы вон какие, намазанные, сухие... А бывают люди, которые не кричат, не хвастаются и ничем не задаются, а просто делают свое дело с превышением. И это есть превосходные люди, и тебя, мамаша, можно сердечно поздравить, что ты беседовала с таким человеком.

Тетушка Федосья, вздохнув, говорит:

-- Ах, все-таки я чересчур жалею, что он мне не признался! Я бы ему низко поклонилась.

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

У Ленина было много врагов.

У него было много врагов потому, что он хотел заново переделать всю жизнь.

Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает. Он про них сказал: пусть они вообще ничего не кушают, если не хотят работать.

Это многим не понравилось. И враги Ленина непременно хотели его убить.

И они подговорили одну злодейку убить великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина.

Они дали ей револьвер. Зарядили этот револьвер ядовитыми пулями. И сказали этой мерзкой злодейке: <Иди на завод. Там сегодня Ленин будет выступать с речью. И когда он закончит свою речь и выйдет из зала, ты подойди к нему и выстрели в него три или четыре раза>.

И она так и сделала. Она оделась в черное платье, взяла револьвер и пошла на тот завод, где выступал Ленин.

И когда Ленин после речи выходил во двор, какой-то человек, переодетый матросом, нарочно упал у входа. И этим он задержал всех рабочих, которые шли за Лениным.

И благодаря этому Ленин один вышел во двор и один подошел к автомобилю, чтобы в него сесть.

Но в этот момент женщина в черном платье подошла к Ленину совсем близко и четыре раза выстрелила в него. И из четырех пуль две пули попали в Ленина.

И Ленин упал, тяжело раненный. У него было пробито легкое и ранена рука.

Женщина бросилась бежать, но ее задержали и отправили в тюрьму.

Рабочие побежали к Ленину. И многие из них плакали.

Рабочие подняли Ленина и посадили его в автомобиль.

И когда автомобиль поехал, люди сняли с Ленина пальто и пиджак и веревкой перевязали руку, чтобы кровь не текла так сильно.

Машина въехала в Кремль и остановилась у подъезда ленинской квартиры.

Тяжело раненный, Владимир Ильич с огромным трудом вышел из машины, и люди поддерживали его, чтобы он не упал.

Подбежали рабочие и хотели понести Ленина на руках в его квартиру.

Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал:

-- Нет, не надо меня нести на руках. Моя сестра и моя жена увидят, что меня несут на руках, и подумают, что мне очень плохо. Не надо их тревожить.

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе, а о других людях.

И вот Ленин по крутой лестнице сам поднялся в третий этаж. Правда, его поддерживали с двух сторон, но все-таки он шел сам.

Тут сразу вызвали лучших врачей. Но врачи сказали, что положение очень тяжелое: пули отравлены ядом и может быть заражение крови.

Но прекрасное здоровье Ленина помогло ему поправиться после смертельных ран.

И уже через полтора месяца Владимир Ильич Ленин снова стал работать.

О ТОМ, КАК ЛЕНИНУ ПОДАРИЛИ РЫБУ

Однажды Владимир Ильич Ленин сидел в своем кремлевском кабинете и работал.

На столе стакан чая. На блюдечке сухарь.

В те годы был ужасный голод. И население питалось чем попало. Кушали овес и картофельную шелуху.

Что касается хлеба, то хлеба выдавали людям по одному небольшому кусочку на целый день.

Конечно, для товарища Ленина можно было бы найти наилучшую еду. Но он запрещал это делать. Он не мог позволить себе сытой жизни, когда голодала вся страна. И он даже чай пил без сахара.

Так вот, сидит Владимир Ильич Ленин, работает и в перерыве завтракает: пьет чай и кушает сухарь.

Открывается дверь, и входит секретарь.

Он говорит Ленину:

-- Приехал из Петрограда управляющий рыбным делом. Он непременно вас хочет видеть.

Ленин говорит:

-- Хорошо. Пусть он войдет!

И вот входит управляющий.

Он простой рыбак. Революция поставила его на большую должность, с тем чтобы он улучшил рыбную промышленность. И, болея душой за свое дело, он и приехал к Ленину, чтобы ему сказать, отчего плохо ловится рыба. Нужны деньги на ремонт лодок и на покупку сетей. А то рыба, не дождавшись советских сетей, уплывает в английские воды.

Вот управляющий объясняет Ленину, отчего нет рыбы. И сам стоит у письменного стола. И не садится. Хотя Ленин дважды указывает ему на стул и просит его сесть.

Но он не может сесть. Он за спиной в руках держит огромный пакет. В пакете завернута копченая рыба. Это подарок Владимиру Ильичу.

Управляющий сам коптил эту рыбу. И специально привез ее в Москву, чтобы преподнести Ленину.

Конечно, он мечтал сразу преподнести эту рыбу, как только войдет в кабинет. И с этой целью он и заложил пакет за спину, чтобы удивить Ленина неожиданным подарком.

Он даже приготовил слова, с какими он хотел вручить подарок: <Вот, дескать, это вам, дорогой Владимир Ильич. Небольшая копченая рыбешка. Кушайте себе на здоровье и поправляйтесь>.

Но когда рыбак вошел в кабинет, он немножко оробел, растерялся, все приготовленные слова выскочили у него из головы, и он решил преподнести рыбу после служебных разговоров.

И по этой причине пакет так и остался у него за спиной.

И вот стоит он в неудобной позе, с копченой рыбой позади, и докладывает Ленину, отчего плохо ловится рыба.

Ленин говорит:

-- Деньги мы вам дадим. И все просьбы ваши исполним. А вы, уж пожалуйста, ловите побольше рыбы, чтобы уменьшить голод среди населения.

Ленин попрощался с рыбаком. А тот, собравшись с духом, положил свою рыбу прямо на стол и говорит:

-- Тут для вас, Владимир Ильич... рыбешку поймали... Закоптили в лучшем виде...

И вдруг рыбак видит, что Владимир Ильич крайне недоволен. И даже нахмурился.

Рыбак смутился еще больше и сказал:

-- Уж пожалуйста, Владимир Ильич... Примите подарок...

Но Владимир Ильич не взял эту рыбу. Он строго сказал:

-- Благодарю вас, товарищ, но я не могу принять вашу рыбу. У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли.

Рыбак окончательно смутился. Бормочет:

-- Закушайте, Владимир Ильич. Исключительно вкусная рыба. Поймали прямо в воде...

И вдруг рыбак видит, что Ленин позвонил.

<Мама дорогая, -- думает рыбак, -- что же это получилось?>

На звонок приходит секретарь.

Ленин говорит ему:

-- Вот что! Возьмите эту рыбу и пошлите ее в детский дом!

Увидев, что рыбак до крайности смущен, Ленин протянул ему руку и сказал:

-- От имени детей благодарю вас, товарищ, за подарок.

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилил дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Он был по профессии печник. Но, кроме того, он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит -- кто-то ему говорит:

-- Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит -- перед ним стоит Ленин. А Бендерин не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только сердито кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

-- Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

-- Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время -- может быть, там через месяц -- Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

-- Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

-- Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой.

И дома говорит жене:

-- Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время -- может быть, там два месяца, -- и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил. А кругом по всем деревням только и был один печник -- этот Бендерин. И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

-- Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

-- Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

-- В таком случае, одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось. Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

-- Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости -- и как я его в поле пугнул, и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

-- А, старый знакомый. Помню, помню, как ты меня на покосе пугнул. И как дерево пилил.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

-- Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

-- Ну ладно, чего там. Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, ты был прав. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можешь ли ты, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можешь ли ты это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял. Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чая.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

-- Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин -- это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать.

ОХОТА

Ленин очень любил охотиться. Он охотился на уток, на глухарей, на зайцев и на волков. Но и на лисиц он тоже любил охотиться.

Лисица -- хитрое животное. И потому охотиться на них очень интересно.

Лисицы имеют обыкновение жить в норах. Но только благодаря своей хитрости они сами не роют себе нор. А они увидят какую-нибудь готовую нору, которую, например, вырыл себе барсук, и преспокойно там поселяются.

Потом приходит барсук. И -- здравствуйте! -- уже кто-то живет в его норе.

Ну, барсук, конечно, неприятно поражен, удивляется, что в его квартире расположилась лиса. И думает: это недоразумение; наверно, она сейчас уйдет.

Но лиса не думает уходить. Лежит в норе и глазки закрыла, будто это ее не касается.

Тогда барсук тоже лезет в нору. Думает: в крайнем случае как-нибудь проживу вместе с этой рыжей теткой с длинным хвостом.

Но, оказывается, вместе с лисицей жить ему неинтересно. Она вороватая. Пищу крадет. И вдобавок занимает в норе лучшее место. Так что у бедняги барсука иной раз хвост наружу торчит. И, конечно, ему неприятно так жить. Это и зверь может кусить его за хвост. И дождь капает...

И тогда барсук в грустном настроении уходит куда-нибудь в другое место и роет себе новую нору, благо у него нос длинный.

А лисица рада и довольна, что ушел барсук. И начинает жить в норе в свое удовольствие.

А охотничьи собаки выискивают эти норы и выгоняют оттуда лисиц. Они начинают лаять, рыть землю или снег, и тогда лисица от страха пулей выскакивает из норы. Собаки бегут за нею. Выгоняют ее на охотников. Охотники стреляют, но только не всегда попадают, потому что лисица увертливая. Сейчас она здесь, через минуту -- там. Потом, глядишь, -- ее хвост за деревом мелькнул. И вдруг исчезла лисичка. И след простыл.

Так вот однажды московские охотники устроили охоту на лисиц. И устроили очень организованно. Даже на поляне в снегу натыкали флажки, чтобы знать, чей участок и кому куда стрелять, если из леса выбежит лиса, спасаясь от собак.

Вот расставили охотников.

И Владимиру Ильичу Ленину тоже показали место, где ему стоять.

И Ленин в полушубке и в валенках стал у дерева на одной дорожке. И стоит с ружьем, ожидает.

Вдруг в лесу отчаянно залаяли собаки. Это значит -- они нашли лису и сейчас ее выгонят из леса на полянку.

Охотники насторожились.

И Ленин тоже насторожился.

Ленин посмотрел, правильно ли заряжено его ружье.

А кругом удивительно красиво. Полянка. Лес. Сверкающий пушистый снег на ветках. Зимнее солнце золотит верхушки деревьев.

Вдруг, откуда ни возьмись, в аккурат прямо на Ленина из леса выбежала лисица.

Это была красивая, рыжая лисица с огромным пушистым хвостом.

Это была ярко-рыжая лисица, и только кончик хвоста у нее был черный.

Она, спасаясь от собак, выбежала на полянку и, заметавшись по полянке, остановилась, увидев человека с ружьем.

На несколько секунд лисица замерла в неподвижной позе. Только хвост ее нервно качался. И испуганно сверкали ее круглые глазенки с вертикальными зрачками.

Лисица не могла сообразить, что ей делать и куда бежать. Сзади -- собаки; впереди -- человек с ружьем. И вот поэтому она растерялась и замерла в неподвижной позе.

Ленин вскинул ружье, чтобы в нее выстрелить.

Но, вдруг опустил руку и поставил ружье в снег к ногам.

Лисица, вильнув своим пушистым хвостом, бросилась в сторону и тотчас исчезла за деревьями.

А тут же у дерева, недалеко от Ленина, стояла его жена Надежда Константиновна. Она с удивлением спросила:

-- Почему же ты не выстрелил?

Ленин, улыбнувшись, сказал:

-- Знаешь, не мог выстрелить. Очень уж красивая была лиса. И мне поэтому не хотелось ее убивать. Пусть живет.

Тут подошли другие охотники и тоже стали удивляться, почему Ленин не выстрелил, когда лисица была так близко и даже не бежала.

И, узнав, отчего Ленин не выстрелил, охотники еще больше удивились.

А один охотник сказал:

-- Чем красивее лиса, тем она ценнее. Я бы в нее выстрелил.
Но Ленин на это ничего не ответил.

Зоя Воскресенская. «Сквозь ледяную мглу»

В ПОРТУ

Стояла хмурая декабрьская ночь. Ветер тащил с моря тяжелые тучи, и они засыпали город Або колючим, шуршащим снегом. Глухие удары волн о причалы доносились до тихой улочки, упирившейся одним концом в каменную ограду церкви. Люди спали. Улица казалась необитаемой, и только в доме коммерсанта Вальтера Борга светилось окно.

Гуго и Свен так и не успели раздеться. Они сидели на отцовском диване в теплых куртках, зимних башмаках, с шапками на коленях. Вальтер Борг шагал по комнате и с нескрываемым беспокойством спрашивал сыновей:

— Может быть, вы затеяли игру в снежки и опоздали к поезду?

— Мы говорим правду, отец. — Старший, Гуго, вскинул на отца глаза, полные обиды. — Уверю тебя, что твой товарищ с этим поездом не прибыл. Мы видели всех, кто вышел из шестого вагона.

— Да, из вагона номер шесть... — подтвердил Свен.

— Ты говоришь, к этому вагону подошло много русских? — спросил отец Гуго.

— Да, они встретили двух мужчин и сразу стали их ругать. Ругались по-русски, и мы со Свеном ничего не поняли. Человек с коричневым саквояжем и с газетой в правой руке из вагона не выходил.

— Это просто невероятно, — сокрушался отец. — Мне звонили из Гельсингфорса уже после того, как он уехал. Куда же он мог деваться? — Сыновья молчали. — Марш спать! Через три часа разбужу, пойдете к утреннему поезду.

Мальчики ушли спать, смущенные и огорченные.

Отец прилег на диване, но понял, что сна не будет. Он взял с полки книгу. Не читалось. Сел за стол и стал просматривать фирменные счета и письма. Завтра кончается срок рекламации за подмоченный сахар. Если он не поедет к поставщику, «Торговый дом Вальтер Борг и сыновья» потерпит убыток. «Ну и черт с ним, с этим сахаром!» Борг отодвинул в сторону бумаги. Его занимала только одна мысль: куда мог исчезнуть Ульянов? Неужели мальчишки опоздали к поезду и он сейчас бродит по улицам Або?

Чуткое ухо уловило скрип калитки. Кто-то быстро поднимался по ступенькам.

Борг выбежал в коридор, распахнул дверь.

— Наконец-то! Здравствуйте, товарищ Ульянов. Мои мальчишки вас прозевали? Я так и думал. Где же вы были до сих пор? — Борг помог гостю снять пальто.

— Мальчики напрасно ходили на вокзал... Они уже спят? — шепотом спросил Владимир Ильич, проходя в комнату. — Дело в том, что шпики не оставляли меня своим вниманием от самого Гельсингфорса, и я понял, — он лукаво прищурил глаза, — что в Або полиция готовит мне пышную встречу. На последней остановке перед Або... Как она называется?

— Станция Литтойнен?

— Совершенно верно. На станции Литтойнен я их перехитрил. Поезд тронулся, я углубился в изучение пароходного расписания, они нырнули к себе в купе. Тогда я забрал свой саквояж, выбрался на площадку вагона и... покинул поезд. Благо на откосах сугробы глубокие. Сюда пришлось добираться пешком.

Владимир Ильич ходил по комнате, потирая пальцами уши. Щеки его пылали, веки глаз припухли от ветра и снега.

Вальтер Борг стоял потрясенный. Выпрыгнуть из поезда на полном ходу, ночью! Какой страшный риск! И вот он живой, невредимый.

— Это бог знает что такое! — воскликнул Борг. — Сейчас же приготовлю пунш, и — в постель!

— А вы приготовили мой отъезд в Швецию?

— Сейчас, сейчас все расскажу. А пока, разрешите, я принесу пунш, иначе вы рискуете заболеть от простуды, товарищ Ульянов.

— Теперь я доктор Мюллер, — предостерегающе поднял палец Владимир Ильич. — И, чтобы вы знали, я — геолог. Только что прибыл из Германии, интересуюсь абоскими известняками.

Намерен пробыть в этих краях день-два — и обратно в свой фатерланд.¹

Борг понимающе кивал головой.

— И, кстати, пунш я не пью, а стакан горячего чаю — с удовольствием.

Хозяин ушел готовить чай. Владимир Ильич шагал по комнате, заложив руки за спину под пиджаком и чуть наклонив голову к плечу. Как же выбраться из Финляндии? Что может придумать Борг? Обычный путь на пароходе исключен, порт сейчас несомненно под неусыпным наблюдением полиции. Как же добраться до Швеции, чтобы оттуда ехать дальше в Швейцарию? Он подошел к карте, висевшей на стене, и стал ее рассматривать. Быть может, подняться выше на север страны и там перейти по льду? Или переправиться на рыбацкой лодке по фарватеру, пробитому ледоколом? А может, обойти пешком Ботнический залив? Любопытно, сколько это будет верст? Не меньше семисот.

Вальтер принес чай, хлеб, сыр, расставил все на столе. Его пышущее здоровьем лицо болезненно морщилось, когда он поглядывал на усталого Владимира Ильича.

В торговых реестрах Або Вальтер Борг числился добропорядочным коммерсантом, но всю свою жизнь и свое торговое предприятие он подчинил интересам партии социал-демократов. Своих двух сыновей он тоже готовил на службу рабочему классу.

---

¹ Родина (нем.)

— Ну, так как же вы будете отправлять меня в Стокгольм, дорогой товарищ Вальтер?

— Я договорился с капитаном парохода.

— На пароход мне нельзя, — подхватил Владимир Ильич. — Хорошо бы через шхеры, где пешком, где на лодке.

— Надо будет поговорить с финляндскими активистами. Есть здесь один студент, член шведского рабочего союза Людвиг Линдстрем. Завтра, когда вы отдохнете, мы пойдем к нему.

— Нет, нет, не завтра, а немедленно, сейчас же. — Владимир Ильич решительно отодвинул стакан в сторону. — Полиция, конечно, разыскивает меня в Або. Нельзя допустить, чтобы меня нашли в вашем доме. У нас с вами еще очень много дел, товарищ Вальтер.

— Да, это верно.

Через несколько минут Владимир Ильич и Борг шагали по заснеженным переулкам города.

Было еще совсем темно, когда Людвиг Линдстрем пришел на извозчиью биржу и потребовал для немецкого профессора Мюллера пару свежих лошадей.

— До острова Кирьяла, — предупредил Линдстрем.

— Кто это едет в такую рань? Все люди спят, и лошади не отдохнули, — проворчал извозчик.

— Профессор очень торопится, лошади должны быть готовы немедленно, — настаивал энергично студент.

Профессор стоял рядом с саквояжем в руках.

— Ох, уж эти немцы, — бурчал возница, торопясь под сердитым взглядом профессора подтянуть подпруги, — аккуратный народ, ничего не скажешь. Не любит даром терять время...

В ШХЕРАХ

К полудню лошади, поседевшие от инея, подвезли путников к большому низкому строению. Вывеска над воротами гласила, что это постоянный двор Фредриксона и сыновей. Фредриксон, старик с широченной грудью и маленькими светлыми глазками на загорелом лице, встретил гостей на пороге дома.

Линдстрем шепотом произнес пароль.

— Гуд даг! Велькомен!² — пробасил хозяин.

В просторной комнате за обеденным столом сидели члены семьи Фредриксона — жена, сын, невестка.

Владимир Ильич подал каждому руку.

---

² Добрый день! Добро пожаловать! (*швед.*)

— Доктор Мюллер, — отрекомендовался он.

Гостей пригласили за стол. Хозяйка положила им на тарелки по большому куску картофельной запеканки с салакой. Ели в полном молчании. Финны не любят много разговаривать, особенно за едой.

После обеда хозяин отвел гостей в спальню: в любой момент на постоялом дворе могли появиться чужие люди.

— Надо помочь господину профессору добраться до Стокгольма, — сказал Линдстрем, взяв на себя роль переводчика. — Есть ли у вас проводники?

Помедлив, Фредриксон ответил:

— Будут не раньше чем через месяц.

— Профессор очень спешит, и проводникам будет уплачено, — пояснил студент.

— Много денег не обещайте, я весьма ограничен в средствах, — предупредил профессор студента, уловив из разговора, что речь идет об оплате услуг.

Линдстрем ничего не сказал: главный довод у него был в запасе.

После длительных переговоров было решено, что старик Фредриксон сегодня же ночью отправится в шхеры и выяснит возможный путь в Стокгольм.

— Вам придется поселиться в летнем домике, — предложил он. — Там у меня хранится разный крестьянский инвентарь, но, надеюсь, он вам не помешает.

Одну из комнат хозяева освободили от сельскохозяйственных орудий, оставив на стенах хомуты, дуги, уздечки. Жена Фредриксона вымыла пол, отец с сыном притащили кровать, похожую на гармонь и на ночь раздвигавшуюся в широкую постель, поставили маленький стол, кушетку, два стула. Вытопили печь.

Перед отъездом Фредриксона студент сообщил ему, что профессор сильный и умный враг русского царя. Это был главный довод, который заставил старика поторопиться.

* * *

Дневной свет проникает в комнату сквозь щели ставен.

Подставив тетрадь под полосу света, Владимир Ильич пышет. Изредка он поднимается со стула и быстро шагает по комнате из угла в угол, чтобы согреться и что-то обдумать.

Людвиг сидит у окна и старается углубиться в книгу. Это плохо ему удается — в комнате холодно и неуютно.

Студент с интересом наблюдает, как из-под руки профессора на страницы тетради ложатся ровные строчки. Он пишет уже больше часа, отрывая руку от тетради только затем, чтобы обмакнуть перо в чернильницу или чтобы перевернуть страницу. Пишет как под быстрюгу

диктовку. Вот он дописал до конца последнюю страницу, поднялся, вынул из саквояжа чистую тетрадь, разложил ее на столе. В верхнем углу обложки аккуратно вывел карандашом «24». «Двадцать четвертая тетрадь, — отметил студент, удивляясь тому, что профессор, не заглядывая в предыдущую тетрадь, продолжает излагать прерванную мысль. — Как можно так быстро писать научную работу? Поразительно!» — думает Людвиг.

Когда стемнело, молодая хозяйка принесла ужин — сухой хлеб, жареную салаку, кувшин с брусничной водой, Людвиг завесил окно половиком и зажег лампу. Владимир Ильич с удовольствием и умело растопил печурку. После ужина предложил студенту прогуляться.

— Привычка ежедневно гулять у меня с юных лет, — сказал он.

Людвигу эти прогулки очень нравятся. Ульянов говорит по-немецки, сильно грассируя, и студент старается ему подражать. Людвигу приходится отвечать на много вопросов и объяснять значение нужных профессору шведских слов.

Когда Владимир Ильич проявляет нетерпение с отъездом, студент простодушно замечает, что профессор может спокойно жить в Финляндии, так как «его охраняет финляндская конституция». Линдстрем гордится тем, что Финляндия получила одну из самых демократических конституций в мире. Он согласен, что ее завоевали для финляндского народа русские рабочие в декабрьском восстании 1905 года, но все же это — «финляндская конституция».

— Вы находитесь под ее защитой, — говорит он Владимиру Ильичу. — Я знаю, вы первый русский, который потребовал признания права наций самим устраивать свою судьбу. Вы истинный друг нашего народа...

— Но не вашей буржуазии, — живо возражает Владимир Ильич. — Финляндская буржуазия напугана русской революцией. Она с готовностью выдает царизму русских революционеров и думает своей услужливостью уберечь себя от насилий царизма. Но нет, это ей не поможет. Не поможет! Царь уже превратил финляндскую конституцию в пустую бумажку.

Ночью Людвиг долго не может заснуть. Неужели финны могут выдать профессора? Чудовищно. Русский царь мстит народу, но почему финны заодно с царем? Это профессор делит финнов на рабочих и буржуазию, а для Людвига Линдстрема финляндский народ един, все финны — члены единой семьи. Но единой ли на самом деле? Теперь Людвиг не уверен в этом.

На третьи сутки на рассвете, в густой снегопад, вернулся Фредриксон и разбудил профессора и студента.

— Выезжать надо немедленно, сейчас же, — предупредил он. — Полиция уже рыщет по шхерам и, конечно, не оставит без внимания постоялый двор. Финляндские полицейские получили приказ задерживать русских революционеров.

Старик велел запрягать лошадей.

— С нами поедет Вильгельм, — пояснил он. — Старший сын Карл у меня важная персона: он лоцман и сопровождает только царей, — шутиливо, но и не без хвастовства заметил Фредриксон.

— Не он ли посадил царскую яхту на мель этим летом? — поинтересовался Владимир Ильич.

— Э-э, нет. Карл имел честь сопровождать по шхерам и Аландским островам царскую яхту на пароходе «Элякон», когда их величество Александр Третий совершал прогулку по морю. Это было в тысяча восемьсот девяностом году. Карл из рук его величества получил золотой... Вот как, господин профессор, — важно сказал Фредриксон. — Жаль, что Карла нет дома, он рассказал бы вам подробнее об этой поездке.

Рассвет еле обозначился бледной кромкой на горизонте. Владимир Ильич дружески пожал руку Линдстрему, поблагодарил его и пожелал ему счастья.

— Желаю успеха в ваших делах, — растроганно прощался студент. — Вы даже не подозреваете, как мне было интересно с вами и как много вы возбудили мыслей...

Владимир Ильич уселся в санки рядом с Фредриксоном. Лошадьми правил Вильгельм.

ПАРОЛЬ

В поселке Паргас их ожидала неудача: человека, который должен был проводить профессора Мюллера дальше, не оказалось дома. Хозяйка молча пододвинула к столу два стула, смахнула рукой воображаемые крошки и соринки с чистой скатерти и ушла в другую комнату. Профессор полистал словарь и пытался завязать разговор с Фредриксоном, но старик не понимал его: напряженно мигал белыми ресницами, кивал головой и затем неожиданно спрашивал: «Вад?»³

Часа через два Фредриксон поднялся с места и стал что-то объяснять. Владимир Ильич понял одно — старик с сыном не могут больше ждать, постоянный двор остался без мужчин и им пора домой.

Фредриксон протянул профессору неровно обрезанный кусок открытки. Владимир Ильич спрятал его в карман.

Хозяйка принесла чашку кофе, поставила на стол вазочку, в которой лежало несколько квадратиков печенья с оттиском «Жорж Борман». Владимир Ильич принялся составлять с помощью словаря фразы для предстоящего разговора с хозяином. Составить фразу по-шведски дело не трудное, а вот как постигнуть произношение? Фрекен Анна дала ему несколько уроков, но их было недостаточно.

В соседней комнате слышался мужской голос.

«Наконец-то пришел хозяин!» — с чувством облегчения решил Владимир Ильич.

Мужчина что-то отрывисто спрашивал, хозяйка отвечала. Затем дверь открылась, и в комнату вошел финский полицейский.

Владимир Ильич вопросительно посмотрел на вошедшего.

— Виктор Карлсон, — шаркнул полицейский. — Лошади у крыльца. Поехали!

«Считать себя арестованным или как?» — подумал Владимир Ильич и решительно спросил:

---

³ Что? (швед.)

— Мне нужно основание.

— Пожалуйста! — Полицейский вынул из нагрудного кармана замысловато обрезанный кусок цветной открытки.

Владимир Ильич внимательно рассмотрел его и приложил к этому куску вторую половину открытки, оставленную Фредриксоном в конверте. Куски совпали. На открытке была изображена белокурая девушка и орел со злыми глазами, с крыльями, как черная туча.

Пароль был правильный. Страхи напрасны.

Полицейский Виктор Карлсон был членом тайной организации финляндских активистов. Организация ставила своей целью борьбу за самостоятельность Финляндии. Финляндские активисты охотно помогали тем, кто вел борьбу с русским царизмом.

«ДЕТ ГОР НКТЕ!»⁴

Дорога привела к одинокому красному домику на скалистом холме. Домик резко выделялся на фоне снега и покрытых инеем скал, и даже окна в нем рдели, отражая закатное солнце.

— Ну, вот и приехали! — важно возвестил Карлсон. Он слез с облучка, привязал лошадь и с силой толкнул дверь.

Владимир Ильич отметил, что ни в одном финском доме он не видел замков или прочных запоров.

Небольшая комната-кухня, куда они вошли, блестела чистотой. На полу разостланы светлые домотканые половики, бревенчатые стены украшены самодельными ковриками, на полке у большой печки сияют начищенные медные кастрюли. От печи до стен, под самым потолком, протянулись тонкие шесты, а на них нанизаны круглые и плоские, как лепешки, хлеба.

Карлсон о чем-то вполголоса переговорил с хозяином, кивнул хозяйке и торопливо ушел. Он должен был поспеть на дежурство.

Владимир Ильич сел рядом с рыбаком на широкую скамью и сказал по-шведски:

— Друг, мне нужно как можно скорее попасть в Стокгольм. Как это сделать?

Рыбак коричневым суковатым пальцем набивал трубку. Он молчал, так как не мог делать разом два дела — набивать трубку и разговаривать. Наконец трубка разожглась, он затаился, окинул медленным взглядом своего гостя, словно оценивая его силы, и произнес:

— Дет гор инте! Не пойдет! Нет дороги. Ни пешком, ни на лодке. Надо ждать, пока станет лед.

Гость вынул из кармана словарик, полистал его и спросил:

— А когда лед станет?

---

⁴ Не пойдет! (швед.)

— Это знает один господь бог.

— Те-те-те! — воскликнул Владимир Ильич. — Вы сказали: ни пешком, ни на лодке. А если и пешком и на лодке? Идти по льду, а лодку толкать перед собой. Я видел, так однажды шли рыбаки по Финскому заливу. — Владимир Ильич жестами показывал, как это будет выглядеть.

— Дет гор инте! Не пойдет! — упрямо твердил рыбак. — Лед не выдержит человека, лодка не пробьется через ледяную кашу. Надо ждать, пока станет лед.

Рыбак отвел гостю каморку, служившую спальней.

Утром Владимир Ильич поднялся вместе с хозяевами. Умываясь в кухне, он заметил, что за ним наблюдают большие любопытные глаза.

— Пойди, пойди сюда, давай познакомимся!

Из-за печки вышел мальчуган и отвесил гостю поклон:

— Вильхо.

— Мюллер, — в тон ему назвал себя Владимир Ильич. Жена рыбака, приглаживая белые волосы на голове мальчонки, рассказала профессору, что это их племянник, он живет с родителями на дальнем острове, где нет школ, и приезжает сюда на зиму учиться.

— Ты идешь сегодня в школу? — спросил гость, полистав книжечку.

Вильхо приподнялся на цыпочки и прокричал:

— Не-е-ет! Я учусь три ра-за в не-де-лю!

— Почему ты кричишь? — поинтересовался профессор.

— Чтобы ты лучше меня понял.

Тетка Тайми зашикала, дядя Вейно кинул на дерзкого мальчишку свирепый взгляд, а гость запрокинул голову и так хорошо и радостно рассмеялся, словно ему на крючок попала большая семга. Он вытер глаза, заглянул в словарик и уже серьезно сказал:

— Ты совершенно прав, Вильхо. Когда плохо говоришь на иностранном языке, походишь на глухонемого.

Хозяйка поставила на стол большую миску, полную печеной салаки. Хозяин встал на скамейку и аккуратно срезал ножом с шеста два хлебца. Хлеб был жесткий, как железо, его пекли один раз в месяц и подвешивали к потолку, чтобы высох и чтобы достать его было не легко. «Вот так же впрок пекут хлеб земледельцы всего мира», — подумал Владимир Ильич.

Хозяин словно угадал мысли гостя:

— Салаку море бесплатно дает, а хлеб — его надо на скалах выращивать и каждое зерно потом поливать.

— Пожалуйста к столу, господин профессор, — пригласила хозяйка.

После завтрака Владимир Ильич разложил в каморке на столе таблицы и стал выписывать на листке бумаги длинные столбцы цифр.

Вильхо стоял у двери спальни и наблюдал.

Рыбак подозвал племянника:

— Никому не говори, что к нам приехал гость. Если кто спросит, есть ли у нас чужие, отвечай: никого нет.

— А почему нельзя похвалиться, что у нас в доме гость? — удивился мальчуган.

— Чтобы люди не завидовали. И нельзя задавать так много вопросов, скоро станешь седым, — рассердился дядя. — Не мешай ему. Садись за уроки.

Вильхо взял в руки книгу.

Рыбак вытащил из угла на середину кухни сеть, устроился на полу и принялся латать дыры. В умелых руках замелькал челнок. Поглядывая в приоткрытую дверь спальни и вспоминая слова Карлсона, Бергман думал: «Неужели это и есть самый сильный враг царя? А с виду — обыкновенный учитель».

* * *

Владимир Ильич приступил к заключительной главе «Аграрной программы». Он заканчивал 26-ю тетрадь. Свыше четырехсот страниц уже написано за последние недели. Конечно, можно было бы сделать больше, но эти переезды...

Чистых тетрадей больше нет. Владимир Ильич вышел на кухню и спросил у хозяина, нельзя ли купить в лавке несколько тетрадей.

Вильхо вскочил на скамейку, вынул из шкафа тетрадь и протянул гостю:

— Хочешь, дам одну?

Владимир Ильич покачал головой:

— Одной мне мало.

Вильхо достал еще: отец купил тетрадей на целый год.

Это были обыкновенные ученические тетради в синих обложках с белой наклейкой посередине.

Вильхо удивился: профессор, а пишет в школьной тетради.

Когда стемнело и буквы стали сливаться в одну полосу, Вильхо заглянул в спальню.

— Что ты так много пишешь?

— Решаю трудные задачки, — ответил серьезно гость.

— А ты их решишь?

— Решу обязательно.

— Знаешь что? — зашептал Вильхо. — Ты спрашивал про дорогу на Стокгольм. Зачем тебе идти по льду? Еще провалишься! Погода плохая, лед слабый. Поезжай обратно в Або и там садись на пароход. Уж очень интересно ходить на пароходе по морю, это тебе не парусная лодка.

— Хорошо, я подумаю, — ответил Владимир Ильич и погладил мальчика по голове. Затем зажег керосиновую лампу, вспомнил свою лампу под зеленым абажуром и снова погрузился в работу.

Семья села обедать.

— Господин профессор, пожалуйста к столу!

Но Владимир Ильич не слышал слов хозяина. Опустив левое плечо, наклонив набок голову, он продолжал сосредоточенно писать.

— Пожалуйста к столу, господин профессор, — повторил рыбак чуть громче.

Владимир Ильич оглянулся.

— Сейчас, сейчас, спасибо. — Он поднялся со стула, с сожалением отрываясь от работы.

Вышел в кухню, сел за стол — и вот он уже полон внимания и интереса к жизни этой семьи, к их заботам. Он расспрашивает Бергмана, как тот умудряется сеять на скалах, какие культуры выращивает, интересуется уловом рыбы, бюджетом семьи, размером аренды за клочки земли, вовлекает в разговор даже молчаливую и застенчивую хозяйку и сразу становится своим человеком в доме. «Я, кажется, овладел музыкальным ударением, — думает Владимир Ильич, быстро перелистывая словарь, — эти люди меня понимают».

— Вы говорите по-фински? — спрашивает он у хозяина.

— Нет.

— Вы — швед?

— Я — финн, все мои предки финны, а вот родной язык помню плохо. Шесть столетий мы были под властью шведов, и они сделали все, чтобы мы забыли свой язык. Скоро будет сто лет, как русский царь добивается того же. Дет гор инте! Не пойдет!.. Скажите, господин профессор, когда Финляндия наконец получит самостоятельность и будет ли такое благо от царя?

Хозяйка подвигается ближе. Этот вопрос ее тоже волнует.

Владимир Ильич внимательно посмотрел на рыбака:

— Финляндия получит право на самостоятельность, дорогой Бергман. Непременно получит. Но не от царя, друг мой. Есть только одна сила в мире, которая принесет это право, — это победа русских рабочих.

— Когда русские рабочие победят, они про нас забудут. У нас в народе говорят: «Ома маа — мансикка, му маа — мустикка».

— Как, как? — заинтересовался Владимир Ильич.

Рыбак перевел финскую поговорку на шведский язык: «Своя страна клубника, чужая — черника».

— Нет, дорогой товарищ. У рабочего класса интересы много шире. В программе русских рабочих записано добыть свободу не только для себя, но и завоевать право на самостоятельность финнам, полякам и другим народам.

— Помоги им бог... — шепчет жена рыбака.

— Ну, а как лед? — не терпится узнать Владимиру Ильичу.

— Ждать надо. Вода стоит еще высоко.

Повышение воды в шхерах — верный признак потепления, это Владимир Ильич знает. При падении воды — жди ветра северного, а с северным ветром станут и льды.

После обеда Вильхо заговорщически прижал палец к губам и подозвал профессора к окну. В деревянной коробке из-под английских сигар, которую он достал из-за печки, хранились сокровища мальчика. Вильхо первым делом показал гостю длинную серую полоску — высушенную змеиную шкуру. Примерил ее себе на шею как галстук и с гордостью сказал:

— Я сам убил эту змею. Знаешь, сколько здесь змей в скалах — не сосчитать! А раз мужчина увидел змею, он должен ее убить, ведь так?

В коробке были винтики, рыболовные крючки, просмоленные нитки.

— Ты, наверное, змей не боишься, — убежденно сказал Вильхо, — я слышал, дядя говорил тетке Тайми, что ты самый сильный враг царя. Это правда?

— Нет, дядя ошибается. Одному царя не одолеть, с ним заодно все богатеи. Нужно, чтобы против царя и богатеев пошли все рабочие и крестьяне.

— И рыбаки тоже?

— Да, и рыбаки.

— И тогда одолеют?

— Непременно.

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Вот уже несколько дней Владимир Ильич отрезан от всего мира. Последнюю газету он видел в Огльбу, у сестер Винстен. Никаких известий о России у него нет. Никакой возможности действовать активно. Каждый день пребывания его здесь, в шхерах, дает возможность врагам рабочего класса безнаказанно вести разрушительную работу в партии. Этого допустить нельзя. «Надо придумать способ выбраться отсюда в ближайшие же дни», — думает Владимир Ильич.

Прошло еще два томительных дня.

Утром после обычного вопроса: «Как лед?» — Бергман невозмутимо ответил, что раньше Нового года отсюда не выбраться. Лед еще не окреп, на следующей неделе начинаются рождественские праздники, а кто же в праздник предпринимает такое путешествие?

— Нет, — твердо возразил Владимир Ильич. — Мне надо быть в Стокгольме до рождественских праздников. — Он вынул из кармана вырезку из газеты с расписанием пароходного сообщения. — Мы должны выйти завтра утром, чтобы успеть к шведскому пароходу. Через два дня на Стокгольм пойдет финский пароход — я не могу им воспользоваться, а там наступит рождество.

Рыбак помолчал, потоптался на месте и вышел на улицу.

Владимир Ильич посмотрел в окно. Бергман вытащил из-под навеса небольшую плоскодонную лодку и принялся ее оснащать. Впереди уключин прибил стойки длиной в пол-аршина, а на них, поперек лодки, прикрепил шест. Понятно! Молодец Бергман. Держась за шест с обеих сторон, можно будет идти по льду и двигать лодку вперед. Встретится большая полынья — залезай в лодку и отталкивайся от льдин багром.

Закончив работу, Бергман зашел в дом и сообщил, что к отъезду все готово, кроме погоды: ветер северо-восточный, температура минус два градуса, вода убывает медленно.

Он неодобрительно покосился на хромовые сапоги русского и что-то коротко сказал Вильхо. Мальчуган тотчас оделся и убежал. Вернулся с огромными рыбацкими сапогами, смазанными остро пахнущим рыбьим жиром.

— Отправляться нужно ночью, пока спят женщины, — сказал рыбак, — а то женщина увидит — вся округа узнает.

Вечером он выходил проверять направление ветра и измерял уровень воды. Дул северо-восточный ветер силой до четырех баллов, уровень воды в шхерах понижался — понижалась и температура воздуха. «Все идет хорошо», — говорил рыбак.

Профессор и мальчуган сидели на скамейке. Оба что-то мастерили. Гость острым финским ножом «пуку» вырезывал коня из куска сосновой коры. У коня получалась слишком крутая шея, как у шахматной фигуры. Таких коней Владимир Ильич научился резать в ссылке, в селе Шушенском, когда его одолело желание сразиться в шахматы. Мальчик старался подражать профессору и старательно резал кору, но у него получалась фигура, малопохожая на коня.

Время уже было позднее, и Вильхо пошел спать, прижав к себе «настоящего» коня карей масти, подаренного ему профессором. Коробка из-под сигар у мальчугана пополнилась новым сокровищем.

Ночь коротали втроем за чашками остывшего кофе — хозяйка, рыбак и их гость.

Сидели молча. Домик наполнял шум моря, шорох сползающей за волной гальки. Сидели и слушали море, и не слушать его было нельзя, и слушать, ничего не делая, нестерпимо. При сильных порывах ветра со шкафа словно сдувало какой-то чистый и нежный звук.

— Это кантеле поет, — улыбнулась хозяйка, подошла к шкафу и сняла с него музыкальный инструмент, очень похожий на старинные русские гусли.

Она положила кантеле на стол и пальцами, давно потерявшими гибкость, тронула струны. Суровая мелодия вплелась в шум моря, а потом перекрыла собой рокот волн, шуршание гальки и наполнила до краев маленький рыбацкий домик.

— Пора! — сказал Бергман.

Хозяйка осторожно приложила ладони к струнам и погасила звуки.

Владимир Ильич подошел к женщине и крепко пожал ей руку:

— Большое спасибо! Большое спасибо за все!

Скупая улыбка, как зимнее солнце, осветила лицо женщины.

Вильхо лежал на кровати и из-за полога наблюдал за сборами. Вот профессор надел большие рыбацкие сапоги, дядя Вейно подвязывает шарф. Сейчас они уйдут, о нем забыли.

— Жаль, что Вильхо спит, — сказал профессор, лукаво покосившись на полог, из-за которого выглядывал нос и блестящие от слез глаза мальчугана.

— Нет, не сплю я! — крикнул Вильхо, вскочил с постели и бросился к профессору. — Неужели ты уходишь? Скоро рождество. Я наломаю еловых веток, тетя Тайми сделает из них венок. Ведь сделаешь, тетя Тайми? Да?

— Сделаю, сделаю, иди спать, — отвечала тетка.

— Мы зажжем свечи. Будет рождественская елка. Неужели ты уедешь?

— Ничего не поделаешь, — с огорчением ответил гость. — Я должен быть в Стокгольме до праздников, у меня там срочные дела, весьма срочные.

Профессор попрощался с Вильхо. Бергман открыл дверь, и в кухню с улицы пополз туман.

Ду-у, ду-у — донесся с моря гудок.

Ого-го-го — откликнулся второй.

Это гудели в тумане пароходы, чтобы не наскочить друг на друга и чтобы береглись рыбацьи лодки.

Ду-у, ду-у, ого-го-го — перекликались пароходы.

Тетка Тайми прикрутила лампу, села у окна и, сложив ладони, стала читать молитву.

Вильхо лежал, замерев от страха. Он рос в шхерах и знал, что в такую погоду идти по льду трудно и опасно.

Он подобрался к окну. За стеклами белым дымом клубился туман.

— Тетя Тайми, как же дядя и профессор идут в таком тумане? Ведь и маяка не увидишь.

— Когда у человека великая цель, она ему вместо маяка служит, тогда и туман ему нипочем и ледяную мглу он одолеет, — ответила женщина.

* * *

Суровый край абоские шхеры. Тысячи островов густо разбросаны в Ботническом заливе. Есть среди них острова большие — на них разместились целые поселки, есть и совсем крохотные — трем чайкам на них тесно.

Зимой, покрытые снегом и спаянные между собой льдом, шхеры походят на вздыбленные и застывшие волны.

Мгла окутывала острова. Из открытого моря, с большого фарватера доносились протяжные гудки пароходов. Казалось, заблудившиеся в тумане большие птицы зывали о помощи.

Держась с обеих сторон за шест, путники двигали лодку вперед. Она громыкала деревянным днищем по неровной поверхности. Ноги срывались с валунов, засыпанных снегом, и проваливались в глубокие сугробы. Владимир Ильич правой рукой держался за шест, а в левой нес рыбацкий фонарь. Потом они спустились с острова и пошли по льду. Глубина воды под ногами была двадцать семь футов.

Темная белизна простиралась вокруг, темно-белым было и небо. Справа в тумане, где-то между небом и землей, мелькал огонек. Бергман вел каким-то извилистым, одному ему известным путем. Каждые двадцать — тридцать шагов он останавливался, издавая возглас: «Я-гха!» — брал из лодки багор с острым наконечником и сильным движением вбивал его впереди лодки, проверяя, насколько прочен лед.

Северный ветер усиливался, стегал по лицу, в свете фонаря летели космы игольчатого снега.

Прошли не больше двух километров от дома, а силы уже иссякали. Оба вспотели, на бровях и ресницах застыла стеклянная бахрома.

Наступал рассвет — серый и немощный, который, казалось, никогда не разгорится в ясный день.

Перед островком, до глянца отполированным водой и ветром (такие острова лоцманы называют «бараньими лбами»), чернела огромная полынья. Путешественники в первый раз забрались в лодку и веслами, показавшимися очень легкими, в несколько взмахов приткнулись к ледяной кромке. Потом они волоком перетащили лодку через «бараний лоб».

— Теперь надо перебраться на тот остров. — Бергман показал рукавицей прямо перед собой, где в тумане лежало ледяное поле, беспорядочно заваленное торосами и запорошенное снегом.

Двигались медленно, прощупывая ногой каждую пядь.

Стараясь действовать согласованно с движениями Бергмана, Владимир Ильич вглядывался в даль. Скалистые острова возникали перед его глазами, как мираж, и исчезали, затягиваясь льдистой мглой. Гудки пароходов оповещали, что и в открытом море и на большом фарватере все еще лежит туман.

— Много ли мы прошли? — спросил Владимир Ильич рыбака.

— Самое длинное — позади, самое трудное — впереди, — загадочно ответил Бергман.

Он все чаще останавливался, произнося свое «я-гха», и оно звучало то как тревога, то как вопрос, а то и как яростное ругательство.

Владимир Ильич облюбывал большую плоскую льдину. Он решил перебраться на нее. Но что такое?.. Нога скользнула по ледяной горке и нырнула в воду. Противоположный конец льдины стал быстро подниматься. Владимир Ильич покрепче ухватился за шест и шагнул на соседнюю льдину. Огромная льдина с легкостью поплавка скрылась под водой.

Владимир Ильич взглянул на своего спутника и по остекленевшим от ужаса глазам понял, как велика опасность.

— В лодку, скорее в лодку!

Кто крикнул это? Может быть, рыбаку почудилось?

Быстро, осторожно, слаженными движениями оба подтянулись к лодке, волоча по зыбким льдинам ноги. Шест скрипел под тяжестью повисших на нем тел. Почему-то вспомнился старый журавель у колодца в Шушенском. Спутники одновременно схватились за уключины и рывком перебросились внутрь лодки.

— Сатана пер-р-ркеле! — тяжело выругался Бергман, садясь на банку.

Он вытащил из внутреннего кармана комбинезона трубку и сунул ее в рот. Руки дрожали.

Владимир Ильич тоже почувствовал внезапный озноб и, не в силах сдержать дробного стука зубов, неожиданно рассмеялся:

— А вода здесь прохладная.

Льдины тихо терлись о лодку.

Бергман развернул большой тюк войлока, привязанный к банке, и вынул оттуда сапоги Владимира Ильича.

Сапоги были совсем теплые, как будто их сняли с печки. Внутри них лежали шерстяные носки, засунутые туда заботливой хозяйкой. Рыбак поймал благодарный взгляд профессора и отвел глаза в сторону.

Держа в руках носки, Владимир Ильич спросил, не промок ли Бергман.

Нет, он не промок. На нем брезентовый комбинезон с притачанными сапогами.

Владимир Ильич сменил носки и сапоги и стал делать энергичные движения руками, чтобы согреться. Ему вспомнился весенний день прошлого года в Куоккала. Они с Надеждой Константиновной ехали по лесной тропинке на велосипедах. Сделали привал. Надежда Константиновна отбивала такт ногой и весело подбадривала: «Вдох — выдох, вдох — выдох...»

Бергман тем временем извлек из войлока какой-то металлический цилиндр. Осторожно открыл крышку, и из посуды повалил душистый пар горячего кофе.

— Чудесное применение артиллерии, — отозвался Владимир Ильич, с наслаждением отпивая из снарядной гильзы горячий напиток.

Подкрепившись, они взялись за работу. Отталкиваясь баграми от тяжелых и вертких льдин, подвели лодку к ледяной кромке, опробовали ее крепость, вытащили лодку на лед и снова двинулись в путь.

Теперь уже не более полукилометра отделяло путников от острова Нагу, у которого проходил главный фарватер. Там нужно было дожидаться шведского парохода, идущего из Або на Стокгольм.

Эти сто — двести метров показались самыми трудными. Лодка обледенела и стала вдвое тяжелее, тащить ее приходилось через заросли кустарника. Забрызганная водой одежда покрылась ледяной коркой. У Владимира Ильича нестерпимо ныли ноги: хромовые сапоги стали тесными.

Ветер сбрасывал на путников вороха колючего инея. Из-под носа лодки выскочил белый заяц с желтоватыми подпалинами, и Владимир Ильич даже ахнул: «Ружьишко бы!» Повел глазами на Бергмана, но не нашел сочувствия у рыбака.

Сквозь деревья блеснула водяная дорога, проложенная ледоколом между островами. Еще немного усилий, и можно будет, сидя в лодке, дожидаться парохода.

Бергман отбил от лодки надстройки — они могут привлечь внимание, да и надобности в них больше нет. Лодку он оставит у знакомого рыбака, а сам вернется домой открытым путем на пароходе через Або.

Туман рассеивался. Гудки парохода гасли один за другим. Ледяные просторы из серых становились зеленовато-голубыми. Наступал день. Владимир Ильич и Бергман сидели в лодке и внимательно всматривались в даль, с нетерпением ожидая парохода.

Неожиданно для обоих над деревьями высокого острова заколыхался серый султан дыма. Пароход! Вот он вылезает из-за островов, словно раздвигая их в стороны. На узкой водяной дороге пароход кажется огромным.

Владимир Ильич снял с шеи шарф и принялся энергично им размахивать...

Их заметили.

Колеса парохода взбивали на месте воду, разгоняя плавающие обломки льдин. Вода вокруг закипела белым ключом. С борта спускали шлюпку с матросом.

Владимир Ильич обеими руками сжал руку Бергмана, потом сильным движением привлек его к себе и обнял за плечи.

— Люклинг реза! Люклинг реза!⁵ — взволнованно шептал рыбак.

* * *

---

⁵ Счастливого пути! (швед.)

«Что мог делать немецкий ученый в шхерах, да еще зимой?» — с сомнением качал головой капитан шведского парохода. Но, собственно, о чем раздумывать? Капитан обязан взять человека на борт в открытом море. И в бортовом журнале была произведена соответствующая запись.

...Владимир Ильич вышел на палубу. На пароходе — обычный рейсовый день. Размалеванный угольной пылью кочегар, высунувшись из люка, с наслаждением глотает холодный свежий воздух. Свою тысячу предобеденных шагов отмеряет на палубе свободный от вахты первый помощник капитана. Матросы закрепляют только что поднятую на борт шлюпку.

До самого горизонта лежат ледяные поля, дует северный ветер, и кажется, что Ботнический залив промерз до дна и существует только эта водяная дорожка, пробитая ледоколом. Но это не так. Поднявшаяся вода взломала льды, и их ровная белизна обманлива. Никакой ледяной панцирь не может сковать моря, утихомирить его.

Владимир Ильич быстро идет к себе в каюту, раскрывает ученическую тетрадь в синей шершавой обложке, на которой пишут ученики в абоских шхерах, и дописывает последние строки своей работы:

«...периодами временного затишья в массовом действии мы должны воспользоваться, чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам, как руководство для грядущей борьбы».

* * *

Пройдут девять с лишним лет титанического вдохновенного труда, и Владимир Ильич Ленин в апреле 1917 года все с той же несокрушимой верой в силу и талант русского рабочего класса возвратится в Россию, чтобы встать во главе Революции, преобразующей мир.

Зоя Воскресенская. «Сердце матери»

в рассказах

о Марии Александровне Ульяновой

Мама!

Самое прекрасное слово на земле — мама.

Это первое слово, которое произносит человек, и оно звучит на всех языках мира одинаково нежно.

У мамы самые добрые и ласковые руки, они всё умеют. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нем никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остается равнодушным.

И сколько бы ни было тебе лет — тебе всегда нужна мать, ее ласка, ее взгляд. И чем больше твоя любовь к матери, тем радостнее и светлее жизнь.

«Мамочка!» — ласково называл Владимир Ильич свою мать в детстве.

«Дорогая мамочка», — обращался он к ней в письмах из тюрьмы, из ссылки, из эмиграции.

«Берегите нашу мамочку, не оставляйте ее одну», — напоминал он сестрам и брату.

Мать Владимира Ильича Ленина, Мария Александровна Ульянова, прожила большую жизнь: восемьдесят один год.

Она не состояла в организации революционеров, царские жандармы не заключали ее в тюрьму, не угоняли в ссылку. Но она воспитала всех своих детей революционерами, пошла за ними, стала их верным единомышленником и на склоне лет могла сказать: я горжусь своими детьми!

Дети ей отвечали любовью, вниманием и заботой.

В Ленинграде, на Волковом кладбище, на могиле Марии Александровны всегда живые цветы. Люди приносят их в знак благодарности и глубочайшего уважения к великому жизненному подвигу этой замечательной русской женщины, подарившей миру его гения — Владимира Ильича Ленина.

НА СТАРОМ ВЕНЦЕ

Волга течет на юг, Свяга — на север. Четыреста верст упрямо пробирается Свяга рядом с великой рекой, увлекая за собой мелкие речушки, прокладывая свою дорогу к неведомому морю. Но за Казанью Волга преграждает ей путь. Некуда деваться своенравной реке, она смиряется, и теперь уже Волга несет ее воды обратно на юг.

Между Волгой и Свягой раскинулся город Симбирск.

На Старом Венце, что кручей взвился над Волгой, в конце Стрелецкой улицы стоит двухэтажный деревянный дом и из-под наслупленных резных наличников всеми окнами смотрит на Волгу.

В этом доме на втором этаже живет семья директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова. Старшей дочке Ане одиннадцать лет, и она главная помощница у мамы: накрывает на стол, моет посуду, нянчится с годовалым братишкой Митей. Саше — девять. Но он рослый, сильный мальчик, может и воды из колодца принести, и нащепать лучины для самовара. И еще есть обязанность у Ани и Саши — присматривать за младшими: братишкой Володей и сестренкой Олей. Оба быстрые, шустрые, не ходят, а летают; глаза устанут следить за ними, особенно за Володей.

Мама больше всего боится, чтобы Володя не прошмыгнул за калитку. Однажды чуть не случилась беда. Аня с Сашей были в гимназии, мама хлопотала на кухне. Выглянула во двор — нет Володи. Выбежала за ворота и чуть не упала от страха. Младший сын ее сидел на дороге и играл в камешки, а прямо на него неслась, раскосив налитые кровью глаза, чем-то напуганная лошадь. Володя и крикнуть не успел, почувствовал только, как его обдало жаром, перед глазами мелькнули копыта. Лошадь перескочила через мальчика и поскакала дальше. Мама схватила

малыша и плакала и смеялась. И с тех пор всегда волнуется, когда Володя исчезает. А двор у дома крохотный, пыльный, обсаженный редкими акациями. Единственное развлечение — качели.

Аня с Сашей заняты делом — начались занятия в гимназии; они сидят в комнате, готовят уроки. А Володя с Олей качаются на качелях. Володе хочется взлететь высоко-высоко и через забор увидеть светлые воды Волги.

Лицо у Володи разгорелось, на носу ярче выступили веснушки, кудри прилипли ко лбу. У Оленьки разметалась коса, и бант, как цветок, голубеет в пыли под качелями.

— Я вижу Волгу! — кричит Володя. — Я вижу ее уже до середины!

Он приседает, сильно толкает доску — Оля на другом конце взлетает вверх, визжит от страха и восторга, поворачивает голову назад: ей тоже хочется увидеть Волгу.

Мама вышла на крыльцо, подозвала малышей к себе, усадила рядом на ступеньку в тени, чтобы остыли, отдохнули. Раскрыла книжку с картинками. Брат и сестра сидят не шелохнувшись, глядят то на картинки, то на мамино лицо и, зажав коленями ладошки, поеживаются, когда мама читает что-то страшное, или весело хохочут — когда смешное.

— А теперь давай играть в буквы, — просит Володя.

Мама вытаскивает из коробки картонные буквы:

— Это буква «М», а это «А». Приложим одну к другой. Вышло «МА». И еще раз «МА» — получилось «МАМА».

— Вот и я угадала буквы! — Оля проворно складывает слово.

— Тебе, Олюшка, рано учиться, — ласково говорит мама. — Володюшка у нас уже взрослый, ему пять лет.

Но Оля всегда делает то, что делает брат.

И вот уже оба разыскивают буквы и составляют волшебное слово «МАМА».

— Показывай другие буквы, — торопит Володя.

Но мама посылает их играть в кубики. Хватит заниматься науками.

Сделано большое открытие. Теперь слово «мама» можно смастерить из стручков акации, начертить палочкой на песке. Оля выкладывает слово из кубиков. Володя подобрал у крыльца кусочек угля, зажал его в кулаке и думает, где бы ему написать это слово, чтобы всем было видно.

Подошел к калитке, нажал плечом. Калитка слегка скрипнула и распахнулась. Страшно и интересно. Страшно потому, что налево за высокой каменной стеной стоит тюрьма. Там всегда что-то скрежещет, звякает, оттуда всегда слышатся грубые окрики и печальные песни.

Интересно потому, что впереди Волга — широкая, сверкающая, и в нее смотрит солнце. Рыбачьи лодки, как семечки, рассыпаны по воде, а между ними дымит, пытит, вспенивает воду белый пароход.

Володя перебежал площадь. Узкая тропинка огибает утес и извилистой лентой спускается вниз. Володя приподнялся на цыпочки, аккуратно начертил угольком на камне большие буквы «МАМА».

Теперь это слово, наверно, увидят и на другом берегу. Спуститься бы и посмотреть снизу. Ну, всего несколько шагов...

Сверху с удочками на плечах мчались мальчишки, взбивая ногами клубы пыли, и Володе захотелось с ними. В воду он не полезет. Это мама с папой строго-настроено запретили. Но посмотреть снизу на утес и самому прочесть «МАМА» можно? Совсем близко увидеть пароход тоже интересно! А если ловко бросить камешек, то он полетит над водой и будет ронять светлые круги и в центре самого большого круга исчезнет. А если поставить ногу к самому краешку воды, то волна лизнет носок сандалии, и он заблестит, как начищенный...

Вот она, Волга, где-то далеко-далеко, на другом краю, соединяется с небом. А здесь, у берега, наверно, и папе будет с ручками.

Володя оперся ладонями о колени, наклонился — смотрит в воду, ждет, пока проплывет рыбешка или прикатит волна от лодки, и тогда отражение в воде сморщится, глаза и уши запрыгают и расплывутся в разные стороны. Смешно!

Солнце скатилось на край неба и стало растекаться по Волге. У ног Володи заплясали солнечные зайчики. Он хотел зачерпнуть в ладонь зайчика и услышал тяжелое дыхание. Кто это так тяжело и шумно дышит? Река? Нет, это позади него. Он оглянулся и замер. По берегу медленно двигались бурлаки. Вытянув вперед подбородки, обросшие бородами, они руками разгребали воздух; обутые в лапти ноги глубоко зарывались в песок.

Почему им так тяжело? Володя пригляделся и понял, что люди запряжены. Так мальчишки запрягают друг друга, когда играют в лошадки. Но это были взрослые мужчины, и им было не до игры. Замусоленные грязные лямки опоясывали им грудь, врезались в тело и сзади были привязаны к толстому канату.

Володя повел глазами по канату и увидел, что другой его конец прикреплен к огромной барже, нагруженной кулями из рогожи. На барже стоял дом с окнами, и из трубы шел дым.

Совсем близко от Володи, тяжело ступая, прошел запряженный человек. Он облизывал сухие губы и громко, с хрипом дышал. Глаза смотрели и не видели: он чуть не задел Володю.

Бурлаки с трудом передвигали ноги, баржа легко плыла против течения.

Володя вздохнул и оттянул рубашку от груди, словно тоже тащил эту баржу и лямка давила ему грудь. Чьи-то руки схватили его за плечи и подняли в воздух.

— Как тебе не стыдно! — услышал Володя голос Саши. — Мамочка волнуется, мы все тебя ищем.

Усадив брата на закорки, Саша стал подниматься вверх.

— Я пойду сам, — запротестовал Володя и спрыгнул с Сашиной спины.

Взявшись за руки, братья долго взбирались в гору.

Володя оглянулся назад.

Над Волгой плыли кудрявые облака — золотые, красные, сиреневые — и, как в зеркале, отражались в реке. Бурлаков уже не было видно.

У камня, на котором Володя написал «МАМА», виднелась светлая фигура.

— Ма-моч-ка-а! Нашелся-а! — кричал Саша.

И Володе стало стыдно, что он «нашелся», а не пришел домой сам.

— Володя! Как можно? — сказала с укоризной мама.

Сказала «Володя», а не «Володюшка». Значит, очень сердита.

Опустив голову, Володя шагал рядом с мамой.

На площади стало совсем темно. В зарешеченных окнах тюрьмы виднелись круглые пятнышки света. Тюрьма была такая же большая, как баржа. Только она стояла на месте.

На столе шумел самовар. Володя сидел между Аней и Сашей и усиленно дул в блюдце с чаем. Ему очень хотелось, чтобы мама назвала его «Володюшкой», и не терпелось спросить Сашу про бурлаков, но Саша увлеченно разговаривал с сестрами.

Завтра приедет папа из губернии, Володя должен сам рассказать ему о своем проступке. А это ох как нелегко! Володя тяжело вздохнул.

— Володюшка, закрой окно, стало совсем прохладно, — сказала мама, и в глазах ее снова появились веселые искорки.

НОВЫЙ ДОМ

В то памятное августовское воскресенье день начался необычно. Илья Николаевич ходил по маленьким комнатам квартиры, внимательно оглядывал их, измерял складным аршином длину и ширину буфета, рояля, своего письменного стола, потирал от удовольствия руки и чему-то улыбался в усы. И мама была радостно взволнована.

Дети с недоумением поглядывали на родителей, понимая, что предстоят какие-то важные события.

— Скоро мы переедем в новый дом. Вот где вам будет раздолье! — объявил папа, когда вся семья собралась за столом.

Дети еле дождались конца завтрака.

Папа посадил на плечи Митю, мама взяла на руки Маняшу, и все отправились вниз по Покровской улице.

Калитка открылась в сад. Но разве это был сад? Несколько одичавших яблонь и малинник вдоль забора вперемежку с бузиной и высоким репейником.

Сад отделялся от двора полуразвалившимся сараем и флигелем, возле которого лежало огромное дубовое бревно.

Саше и Володе понравились раскидистые вязаы, что росли у кухни, возле конюшни и в центре сада.

Володя мигом оседлал толстый сук.

— Готовый конь с зеленой гривой. Н-но!

Вошли в дом, разбежались по комнатам, аукались, и голые стены отзывались веселым эхом.

Дом просторный, с двумя застекленными верандами, антресолями. Но и семья стала большая — шестеро детей.

Прежде всего решили выбрать папе служебный кабинет. Мама обошла весь дом еще раз и решила, что для кабинета больше всего подходит комната с пятью окнами, три из которых выходят на веранду и два на улицу. Здесь Илья Николаевич будет встречаться со своими помощниками, принимать учителей, родителей.

Но Илья Николаевич возразил:

— Мне больше нравится средняя комната, а здесь поселится мама.

— В таком случае, это будет гостиная, — решительно сказала мама. — Поставим сюда рояль, дети будут заниматься музыкой, по вечерам можно потанцевать, попеть.

— Наконец-то у нас будет шумная комната! — обрадовались Володя и Оля.

Самую большую комнату отвели для столовой.

— Здесь дети могут учить уроки, играть в шахматы, читать.

— Это будет тихая-претихая комната, — решила Оля.

— Тем более что, когда я ем, я глух и нем, — добавил Володя.

На антресолях, куда вели крутые деревянные лестницы, — четыре маленькие комнаты с низкими потолками; одна из них была, скорее, лестничной площадкой.

— На антресолях разместим детей, — решили родители. — Аня кончит гимназию, будет работать учительницей, ей нужен свой угол. Вторая комната — для Саши; он устроится в ней со своими коллекциями, гербариями, колбами и пробирками. Третья — спальня для малышей.

— Я буду с малышами? — спросил Володя дрогнувшим голосом.

Мама задумчиво посмотрела на сына. Володе уже девятый год. Будущей осенью пойдет в гимназию.

— Куда же тебя определить — к старшим или к младшим? — спросила она.

— По-моему, Володю пора зачислить в старшие, — рассудил Саша. — Ему нужен свой «кабинет», и я предлагаю устроить его на лестничной площадке.

Володя с благодарностью взглянул на старшего брата.

— Совершенно верно, — обрадовалась мама. — Там устанутся и кровать, и стол, и книжная полка.

Володя горячо обнял маму.

— Что же это получилось? — вдруг забеспокоилась Аня. — Комнаты наверху — для нас, гостиная внизу — для шумных игр, столовая — для тихих, а где же у нас поселятся папа с мамой?

Мама засмеялась:

— О себе я подумала прежде всего. В передней поставим ширму, получится прелестная комната. Из окна чудесный вид на сад, и вы всегда перед глазами. А папа будет спать у себя в кабинете.

Аня с Сашей понимали, что родители прежде всего заботились о них, детях, и не думали о своих удобствах.

Началась веселая, хлопотливая пора переезда, устройства на новом месте. Пятый раз переезжала семья Ульяновых в Симбирске на новую квартиру, но на этот раз переезжала в свой дом.

Все свободное от учения время дети проводили за работой в саду и во дворе. Выкорчевали старые яблони и на их месте посадили молодняк. Выдрали лопухи и крапиву, расчистили дорожки. Пришел столяр, и Саша с Володей помогли распиливать дубовое бревно, твердое, как чугун. Работали и рубанком и молотком, и скоро в столовой выстроилось двенадцать тяжелых, добротных стульев.

Зимой во дворе соорудили снежную горку с ледяным раскатом до самого крыльца, лепили снежные бабы, заботливо окучивали молодые деревца снегом, чтобы они не замерзли.

Весной сад и двор нельзя было узнать. Ровная площадка во дворе покрылась травой, распушились зеленью молодые деревца, вылезли из земли синие крокусы, белые нарциссы.

В сарае появилась корова Красавка — кормилица детей.

И Саша понял, почему маме так понравился двор и сад, когда они пришли сюда впервые. Мама умела заглянуть в будущее, она тогда уже увидела пустырь, превращенный в прекрасный сад.

В семье Ульяновых наступила счастливая пора.

Мария Александровна сидит у раскрытого окна, штопает рубашку, поглядывает во двор. Старшие дети кончили учить уроки, только Аня в беседке зарылась в книги, готовится к выпускным экзаменам. Из трубы летней кухни валит рыжий дым. Это Саша занимается опытами по химии. В открытом настежь каретном сарае Володя и Митя тренируют мускулы на турнике и кольцах. Маняша сладко спит в тени под вязом.

Мария Александровна вспоминает свое детство — детство без матери. Умный, добрый отец, чопорная, строгая тетка, взявшаяся воспитывать ее, Машеньку, и четырех ее сестер. Жили дружно, росли трудолюбивыми, но без матери — как без солнца. Даже сейчас, когда самой Марии Александровне уже за сорок, ей очень не хватает матери. Навсегда сохранились в памяти мягкая, ласковая рука мамы и глаза, добрые и чуть грустные...

Надвинулись прозрачные майские сумерки. Вернулся Илья Николаевич с учительских курсов. Вся семья собралась за столом.

Наступает самое интересное время. Папа рассказывает о новых школах, о замечательных самоотверженных людях — сельских учителях. После ужина он сядет с Сашей играть в шахматы. Аня с мамой будут решать головоломные ребусы, а Володю пошлют спать. Во всем его приравняли к старшим, а вот спать он должен идти с младшими, в девять часов.

Оля косится на маятник — ему все равно, о чем рассказывает папа. Похожий на круглую луну маятник раскачивается из стороны в сторону и хоть бы на минуточку остановился. Нет, качается, подгоняет большую стрелку. Скоро она поднимется вверх, как грозный указательный палец, часы начнут бить девять раз, и уже после этого мама ни за что не разрешит задержаться.

Часы зашипели, и раздался громкий плач.

— Олюшка взвыла, — смеется Аня. — Значит, пришла пора спать.

Аня берет Митю и Олю за руки и ведет в детскую комнату. Володя поднимается к себе в «кабинет». Мама в гостиной раскрывает рояль. Ее пальцы быстро-быстро бегают по клавишам, торопят, чтобы дети в такт музыке поднимались по ступенькам наверх. Аня помогает малышам раздеться.

Митя покорно укладывается в кровать.

Оля решительно заявляет:

— Я спать не буду. Буду всю ночь лежать с открытыми глазами, — и тут же, всхлипнув, засыпает.

Володя сидит на кровати и, поддерживая веки пальцами, чтобы не закрылись глаза, слушает мамину колыбельную. Мама поет:

*Будешь жить ты в скромной доле,
Жизнью тихой, трудовой,
Жизнью тихой, неизвестной
Проживешь до смерти ты,
Только будь работник честный
И беги неправоты...*

Володя уперся локтями в колени, чтобы не соскользнули пальцы, не закрылись глаза. Закроются глаза — перестанут слышать уши. А он так любит мамину песню!

*Иль, быть может, на природу
Прозорливый кинешь взор,
Человеческому роду
Разодвинешь кругозор.
Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь.*

«Какая это тайна? — думает Володя. — Как можно подарить человеку новую силу? Надо спросить маму».

*Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда.
Спи, дитя, собирайся с силой
Для борьбы и для труда...*

«Нет, нет, спать я не буду. Буду сидеть всю ночь и думать о тайне. Как ее подглядеть? Какая она?»

*И в младенческом покое
Слушай песенку мою.
Спи, дитя мое родное...*

«Нет, нет, спать я не буду. Как хорошо поет мама!..»

Пальцы устали поддерживать веки. Руки опускаются, ноги скользят по простыне. Володя сваливается на бок и уж никак не может открыть глаза.

Баю-баюшки-баю...

СЕКРЕТ

В конце февраля в доме на антресолях поселялся Секрет. Он был беспокойный: стучал молотком, тархтел швейной машинкой, визжал, как пила, и похрипывал, как лобзик.

Стоило детям в столовой хоть на минуту остаться без родителей, Секрет соединял их головы и начинал таинственно шептать.

С появлением мамы он исчезал, и дети садились по местам с самым равнодушным видом.

Аня, Саша, Володя и Оля дали друг другу слово беречь Секрет и папе с мамой его не выдавать. Здесь же были Маняша и Митя. На Маняшу можно было положиться — ей два года, а Мите хоть и шесть, но он никак не может смириться с тем, что о Секрете не должна знать мама. Вечером Митя не вытерпел, подошел к маме и прошептал:

— Мамочка, а у нас есть секрет. Хочешь, скажу?

Мама строго посмотрела на младшего сына:

— Нет, я и слушать не буду. Секрета выдавать нельзя, его надо беречь.

По вечерам мама не заходила к детям наверх, чтобы не столкнуться с Секретом. Она сидела в столовой, вязала и улыбалась. Когда Аня попросила разрешения оставить себе деньги, заработанные за уроки, мама не спросила, зачем они ей понадобились. Она даже не заметила, что швейная машинка переехала из столовой в Анину комнату. Папа сидел у себя в кабинете и, заткнув уши, работал, чтобы не слышать, как Секрет прошивает стуком швейной машинки весь дом.

За ужином родители не замечали ни золотистых стружек, запутавшихся в кудрях Володи, ни висевших на шее у Оли пряжей цветных ниток, ни забинтованного у Саши пальца, ни перемазанного красками лица Мити. И папе почему-то в эти вечера не хотелось сыграть с Сашей в шахматы...

Только часы ни с чем не считались. Им не было дела ни до какого Секрета. И если бы они не били по вечерам девять раз, мама и не вспоминала бы, что детям пора спать.

Секрет помогал готовить уроки особенно тщательно, он не мог допустить, чтобы из-за него дети схватили, чего доброго, плохую отметку.

Накануне торжественного дня Секрет должен был спуститься с антресолей вниз, и мама с папой ушли к знакомым.

Саша с Володей принялись натирать воском крашенные полы и чистить себе и сестрам ботинки. И полы и ботинки сверкали, как зеркальные. Аня и Оля крахмалили, наглаживали братьям воротнички, рубашки и себе ленты. Митя наводил порядок в игрушках. Маняша сидела в детской, и, чтобы ей не было скучно, Оля дала ей поиграть своим Секретом. В этот вечер Маняша никому не мешала.

И когда, казалось, все было готово и до прихода родителей оставались считанные минуты, разразилась беда.

Оля с плачем прибежала к Ане:

— Смотри, что Маняша натворила! Где она только ножницы разыскала?

Аня ахнула, и сестры побежали к братьям за помощью. Володя увидел заплаканное лицо Оли, вынул из кармана платок, вытер ей слезы.

— Не плачь, — уговаривал он свою подружку. — Саша сейчас что-нибудь придумает.

Саша не умел огорчаться и всегда находил выход из положения, даже когда Секрет, казалось, был непоправимо искалечен.

Саша принялся рисовать. Аня подбирала нитки. Володя вдевал нитки в иголки. Оля вытерла насухо глаза и принялась за работу. Беда была ликвидирована, а Секрет после поправки стал еще красивее.

6 марта Секрет заставил маму спать дольше обычного, чтобы дети ушли в гимназию до того, как она проснется.

Уроки в этот день тянулись необыкновенно долго. Зато, когда они закончились и Саша с Володей встретились у Мариинской гимназии с сестрами, чтоб вместе идти домой, всем им показалось, что солнце светит совсем по-весеннему и улицы сверкают в праздничном инее, а Володя прислушался и нашел, что галки сегодня поют, как скворцы.

В доме пахло праздником.

Мама, одетая в свое лучшее платье, сидела с папой в столовой и ждала детей. Сверху доносился веселый переполох.

И вот они, шестеро детей, спускаются по лесенке и тремя парами входят в столовую. Впереди идут Маняша с Митей, за ними Оля с Володей и затем Аня с Сашей. У каждого за спиной Секрет, который они сейчас откроют маме.

Заполнили комнату, остановились. Шесть пар сверкающих глаз с восхищением смотрят на свою маму. Она сегодня такая красивая! Ей так идет синее платье с белым воротничком и волосы белые, как кружево, над высоким лбом! На лице улыбка, и в карих глазах поблескивают солнечные искры. Папа в парадном сюртуке стоит за стулом мамы, сияющий, торжественный.

Аня вышла вперед.

— Дорогая наша мамочка! — говорит она звонким, срывающимся голосом. — Мы поздравляем тебя с днем рождения. Желаем, чтобы ты всегда была здорова, всегда счастлива, всегда улыбалась.

— Спасибо, дорогие мои, спасибо! — И у мамы срывается голос и в глазах блещут слезы.

— Маняша, иди, — шепчет Аня.

Маняша бежит к маме, подает на блюдечке крохотный колобок. Она сама его состряпала.

— Попробуй, — предлагает она маме и живо взбирается к ней на колени.

— Ах, как вкусно! — откусила мама кусочек, а остальное Маняша запихала себе в рот.

Митя, выпятив важно губы, несет на ладонях конверт, разрисованный диковинными цветами и неведомыми зверюшками. Все самые яркие и веселые краски и все свое умение вложил Митя в рисунок. А как старательно выведены на листке четыре слова: «Дорогая мамочка. Поздравляю. Митя»!

Мама прочитала вслух и передала письмо папе:

— Смотри, какое чудное поздравление!

И папе очень понравился Митин подарок.

Оля положила маме на колени думочку. На зеленой подушке, как на лугу, пестрели вышитые полевые цветы и в середине большой красный мак.

— Очень красивая подушка, — залюбовалась мама, — настоящий весенний луг. — Особенно понравился маме мак. — Этот лепесток словно ветром отвернуло, и мак совсем как живой.

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная ножницами Маняшей.

Маняша взглянула на подушку и уткнулась лицом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки. Понравится ли маме его подарок? Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нем поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама. — В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Саша развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет, это когда-то была дощечка, а лобзик и пила в руках Саши превратили ее в тонкое кружево с красивыми зубцами и причудливо изогнутыми веточками и цветами.

— Это дощечка для резки хлеба, — сразу поняла мама. — Как раз мне ее и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду ее очень беречь.

Наконец пришла очередь Ани. Она раскрыла свой секрет. Теплая байковая кофточка, желтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок. Сама скроила и сшила.

Мама примерила кофточку и не захотела ее снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся:

— Это господин Секрет убежал.

И сразу стало шумно и весело. Шестеро детей уселись за стол. На одном конце Мария Александровна, на другом — Илья Николаевич.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

Дети вспомнили, как осенью папа водил их всех в фотографию, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась фотографа, когда он накрылся черной пленкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа. — Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. И мы все тоже крепко любим ее.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

В папином кабинете Аня и Саша занимаются астрономией. Сейчас они увидят, как ночь сменяется днем и почему наступает весна, а за ней лето, осень и зима.

Вместо солнца светит керосиновая лампа с рефлектором.

Земной шар величиной с Маняшин мячик вращается вокруг своей оси и вокруг солнца-лампы. Совсем крохотная луна, прикрепленная к длинному стерженьку, обращается вокруг земли.

Этот астрономический прибор — теллурий — папа выписал и недавно получил из Петербурга.

— Вообразим, что я на Луне, — говорит Аня. — Я лечу вокруг Земли. — Аня закрыла глаза. — Какая красавица Земля в солнечном свете!

— А ты переберись на другую половину Луны и посмотри, что там, — шутит Саша.

Илья Николаевич сидит рядом, показывает Саше, как надо управлять теллурием.

— Когда-нибудь пылливый ум человека заглянет и на другую сторону Луны, — говорит Илья Николаевич. — А сейчас мы устроим с вами солнечное затмение...

Рядом в гостиной горит только одна настенная лампа над роялем, оставляя большую часть комнаты в полумраке. Окна запушены изморозью. В передней весело потрескивают дрова в печке. Мама с младшими детьми готовится к увлекательной поездке.

Володя бегают из папиного кабинета в гостиную и обратно и не знает, на что ему решиться. Хочется самому сменить зиму на весну, и трудно устоять против соблазна прокатиться на тройке.

Наконец он уступает просьбам младших при условии, что ямщиком будет он, Володя.

Мама, Оля и Митя готовятся к путешествию: сдвинули вместе четыре стула — это сани. Впереди Маняшин высокий стул — козлы. Широкое низкое кресло с тремя зубцами на спинке отлично заменяет тройку вороных.

Володя запрягает лошадей: накручивает веревочки на зубцы кресла, подтягивает подпруги. А лошади застоялись, им не терпится пуститься в путь. Кучер сердито покрикивает на них.

Мама с Маняшей усаживаются на заднее сиденье, Оля и Митя — на переднее. Оля закуталась в теплый платок, Митя повязал башлык, Маняша натянула на голову капор. Даже мама повязала голову платочком. Путь предстоит дальний. Мороз лютый. Ямщик подтягивает кушак, надевает рукавицы и спрашивает густым басом:

— Далеко ли ехать, сударыня?

— Сегодня мы поедем в страну Добра и Радости, — отвечает Мария Александровна. — Знаете ли вы туда дорогу?

Володя задумался.

— Кажись, это за Подтянутой губернией, уездом Терпигоревым, Пустопорожней волостью?

— Да, да, — подтверждает мама. — Дорога туда нелегкая. Мы встретим много препятствий и опасностей. Ну, в добрый час! Закутайтесь получше, дети, — говорит мама, — поднимается ветер.

Оля натянула на самые глаза платок, Митя потуже завязал концы башлыка, и Маняша закрыла уши капором.

— Смотрите, какие мохнатые ели стоят по обе стороны, они закутались в снег, как в вату, чтобы не замерзнуть. А на пригорке ель совсем розовая — это ее закатное солнце освещает. — Мама показывает рукой на окно, разрисованное инеем.

И не темная застекленная веранда, а зимняя сказка возникает перед глазами детей. В белой дымке инея проносятся леса, их сменяют поля, а по ним до самого горизонта тянутся синие дороги.

— Смотрите, — кричит Оля, — солнце из золотого совсем стало красное, на него смотреть можно!

— Быть непогоде, — басит ямщик и постегивает кнутиком лошадей.

Маняша таращит большие черные глаза: где это мама и Оля увидели солнце?

— Смотри-ка, Маняша, из-под елочки выпрыгнул зайчик. — Мама показывает в сторону фикуса.

— Не вижу, — простодушно отвечает Маняша.

— Ну как же не видишь? — удивляется Митя. — Он на двух лапках сидит, передними мордочку моет.

— Он какой, серый или белый?

— Белый как снег, а ушки у него розоватые, — фантазирует Оля.

— Теперь вижу, — покорно соглашается Маняша, поглядывая на фикус, — только ушки у него зеленые.

— Н-но, милые, н-но, вороные! — покрикивает ямщик и оглядывается на пассажиров. — Сейчас через огненную реку переезжать будем, только отважные могут перебраться через нее, трусливые пусть заранее выходят.

Дети смотрят на маму. Митя говорит:

— Мамочка, вчера няня меня куриным пером пугала, такая страшная большая тень ползла на стене, а я закрыл глаза и не испугался.

— Ну, вот ты и стал смелее, — говорит мама, — сумеешь через огненную реку переехать.

Володя обернулся и, прищулив левый глаз, внимательно посмотрел на Олю.

— Может быть, барышне страшно, она не поедет дальше? Вон красный туман над рекой, сейчас мы ринемся в пламя.

— Я не страшусь! — гордо ответила Оля.

Митя вобрал голову в плечи, закрыл лицо руками, ямщик погнал лошадей во весь опор, и вот уже вокруг ревет пламя, спирает дыхание, огненные языки тянутся к лицу и рукам.

— Н-но, милые, н-но, вороные! — Ямщик разгоняет дым и пламя перед лицом, что есть силы стегает лошадей. — Ну, вот и проскочили огненную реку!

Все облегченно вздыхают.

Теперь Митя твердо знает, что ему нечего бояться тени какого-то куриного пера.

— Нам бы засветло проехать мимо башни Змея Горыныча, — беспокоится мама. — Он видит только ночью. У него один глаз, и тот загорается, когда восходит луна.

— Ямщик, мы проедем башню засветло? — опасливо осведомляется Митя.

— Приложим все наше старание, — отвечает ямщик и вдруг натягивает вожжи: — Тпру-у, тпру-у!

- Почему остановились? — спрашивает Мария Александровна.
- Пристяжная распряглась. Вот подтяну хомут, почищу под дугой бубенчики, чтобы веселее звенели, и поедем дальше. — Володя подтянул веревочки на крайнем зубце кресла. Взобрался на козлы, погоняет лошадей.
- Сорока на сучке сидит, нас в гости приглашает, — подмечает Митя.
- Лисица ее под деревом караулит. Ишь, плутовка, как хвостом машет, — добавляет Оля, — ласково так машет, но ты, сорока, ей не верь...
- Я вижу, белочка на дерево карабкается, — придумывает уже и Маняша, — карабкается, как наша Оля.
- Н-н-но, милые, н-н-но, вороны, живей! Овса, что ли, не ели? Держитесь крепче, господа хорошие, сейчас под горку понесемся! — кричит ямщик.
- Седоки схватились за спинки стульев, ветер в лицо бросает пригоршни снега, слепит глаза, но вот лошади вынесли сани в поле, побежали рысцой.
- Солнце скрылось, взошла луна. — Оля зачарованно глядит в потолок.
- Я вижу звезды! — убежденно говорит Митя.
- Видите большой ковш наверху, что это? — спрашивает мама.
- Большая Медведица, — хором отвечают Оля, Митя и Володя.
- Я не хочу медведицу, я хочу медвежонок, — заявляет Маняша. — Где он?
- А вот и медвежонок! — прыгает от радости на сиденье Оля. — Вылезает из берлоги, протирает глаза. Слышите, как ревет?
- Слышу, — испуганно шепчет Маняша.
- А что это за огоньки мелькают? — спрашивает Оля, поглядывая в переднюю, где на крашеном полу пляшут отсветы огня от печки.
- Это светятся папины школы, — отвечает мама.
- Вот мы проехали деревни Заплатово, Дырявино, — объясняет ямщик. — Чуть подале за ними будут Разутово, Знобишино, а под горой Горелово, Неелово...
- ...Неурожайка тож, — заканчивает Оля знакомые стихи Некрасова и, взглядевшись вдаль, спрашивает: — Что это за зарево над лесом?
- Это горят зубцы на башне Змея Горыныча, — отвечает мама.
- Оля вскрикивает, кувырком слетает со стула и проворно отползает в темный угол комнаты.
- Ямщик, остановите лошадей, девочка из саней выпала, — тормозит мама за плечи Володю.

Он с трудом останавливает разогнавшихся лошадей, спрыгивает с козел, привязывает вожжи к дереву и, поставив козырьком ладонь над глазами, пробирается сквозь метель, идет разыскивать девочку. И вдруг раздается тягучий страшный вой.

— Это наш Володя воет! — Маняша захлопала в ладоши.

— Нет, это волки, — догадался Митя. Он закусил зубами палец и отчаянными глазами следит за ямщиком. — Ямщик, держитесь правее, девочка лежит под елкой. Волки идут прямо на нее! — почти плачет Митя.

Ямщик пробирается через густой кустарник, сугробы под ногами все глубже. Даже Маняша стала беспокоиться и поторапливать его. Наконец ямщик разыскал девочку; она уже замерзала в снегу. Он поднял ее, обнял за плечи, тащит к саням, оттирает ей снегом руки, а волки вокруг воют всё громче и громче.

— Волки... — стонет Оля, — чуть не съели меня. Голодные, худые, желтыми зубами лязгают, глаза зеленым огнем горят.

— Один... два... три... — считает Митя. — Сейчас я их убью. — Он вскидывает воображаемое ружье на плечо, прицеливается. — Бах!.. — кричит он. — Упал, упал, задрыгал ногами. Бах! Второй под горку кубарем покатился!

— Бах! — не выдерживает ямщик. — Третьего, матерого, я убил!

— Володя, ты же ямщик. У тебя нет ружья, — напоминает Оля.

— В такую дальнюю дорогу ямщик может взять с собой ружье, — возражает мама. — У нас очень хороший кучер, смелый и добрый. Видите, как он умело правит лошадьми. Удалось бы ему проскочить башню Змея Горыныча, а там недалеко и до цели.

— А какая она, страна Добра и Радости? Мамочка, расскажи! — просят дети.

— В этой стране живут сильные, красивые люди. Они не знают, что такое ложь, трусость, зависть. Им неведомы болезни, войны, голод, им раскрыты все тайны мира. Они научились управлять солнцем, силами природы, их главные правители — Разум и Дружба.

Кучер опустил вожжи, повернулся и блестящими глазами смотрит на маму, подперев руками голову.

— Мамочка, а почему эти люди не могут сделать счастливыми всех? — спросил он.

— Вот когда будет побежден Змей Горыныч, тогда люди этой страны подарят всем счастье.

— Володя, — с упреком говорит Оля, — ты все время забываешь, что ты ямщик. Гони лошадей, не то попадем в лапы к Змею Горынычу.

— Н-н-но, голубчики, н-н-но, милые! — Володя прищелкивает языком. — Сударыня! — вдруг поворачивается он к Марии Александровне. — Дальше пути нет. Слышите, как храпят кони? Поднялся буран, зги не видно.

— Может быть, повернуть обратно? — спрашивает мама, обращаясь к детям.

— Нет, нет! — кричат Оля, Митя и Маняша.

— Обратного пути нет, — басит ямщик, — все дороги за нами замело. — Он приподнялся на козлах, вглядывается вдаль. — Сюда бредет Змей Горыныч, — фантазирует Володя, глядя на рояль. — У него три ноги, в пасти несметное число белых и черных зубов и огромный огненный глаз. Он бредет и лижет землю, а позади него мертвый след тянется. Мужчины, выходите из саней, встретимся с врагом...

Из саней выпрыгнул Митя. Володя разочарованно посмотрел на него.

— Оля, ты тоже будешь мужчина, — сказал он сестре.

За Олей потянулась Маняша.

— А вы женщина, — сказал ей ямщик, — сидите с мамой, мы будем вас защищать.

На крышке рояля трепетало отражение от лампы. Но это был уже не рояль, это был Змей Горыныч о трех ногах, и в его раскрытой пасти сверкали белые и черные зубы.

— Вперед! — крикнул ямщик. — Оля, поражай его в пасть, я отрублю ему заднюю лапу. Ого-го-го!

Володя, Оля и Митя с воплями ринулись навстречу врагу. Маняша прыгала в санях, ей тоже хотелось вступить в бой.

Шум сражения оторвал Сашу и Аню от солнечного затмения. Даже папа не мог усидеть у себя в кабинете.

— Сударыня! — крикнул из-под Змея Горыныча кучер. — Укройте вашего ребенка. Змей Горыныч может его ослепить!

Папа занял позицию за фикусом — заряжал воображаемую пушку.

— Р-р-раз! Р-р-раз! — поражал врага Володя.

Внезапно руки его рванулись к толстой ножке рояля — это его схватил Змей. Володя извивался, отчаянно отбивался ногами, старался высвободить руки из лап чудовища.

Саша подполз под рояль и стал наносить Змею удары в брюхо.

Оля положила пальцы на клавиши и завопила:

— Змей Горыныч укусил меня за руку! Я тяжело ранена!

Аня отвела раненую к саням, а сама кинулась помогать товарищам. Но Оле скучно было сидеть в санях, и она снова вступила в бой, воюя левой рукой.

— Бу-ум! — раздалось из-за фикуса, и папа хлопнул бумажной хлопушкой.

О, это был меткий удар!

— Папа выбил Змею глаз! Ура-а-а! Ура-а-а! — кричал Митя.

— Молодец наш папочка! — похвалил нового бойца ямщик.

Саша помог Володе высвободить руку, и они вместе отрубили Змею Горынычу лапу.

Маняша соскользнула со стула, побежала добивать Змея.

Мама села за рояль и стала импровизировать музыку боя.

...Вот он, Змей Горыныч, надвигается, огнедышащий, страшный. Против него идут люди с чистыми сердцами... Пальцы быстро бегают по клавишам. Удар! Еще удар!.. Змей стонет... ухает... корчится... подышает...

Сильные аккорды на басовых клавишах.

— Совсем подох... — смеется Володя, вылезая из-под рояля.

Папа опустил за шнур лампу-молнию и зажег ее. В гостиной стало светло и празднично. Змей Горыныч исчез.

Мамины руки ведут на рояле мелодию чистую, светлую. Усталые бойцы стоят вокруг мамы, сидят у ее ног и чувствуют себя очень счастливыми.

КАРПЕЙ

Аня проворно обрывала мелкие ягоды.

— Я как в малиновое варенье попала. Ты чувствуешь, какой чудесный запах?

Саша не отвечал. Он охотился за бабочкой. Такой в коллекции у него не было. Алые крылья с черными пятнами мелькали перед глазами. Но едва Саша поднимал сачок, бабочка исчезала и, словно дразня и увлекая, появлялась в чаще малинника. Саша упорно пробирался за бабочкой, царапая руки и лицо о колючие кусты. И вот она уже бьется в сачке.

Подошла Аня с корзиной, полной ягод.

— А у тебя пусто?

Саша только сейчас вспомнил, что обещал принести Мите целый туесок малины.

— Я быстро соберу, — сказал он смущенно.

Аня помогала брату наполнить туесок.

В малиннике было душно, парило. Кусали комары.

— Хорошо, что Володю с собой не взяли, — сказала Аня, обмахиваясь веткой. — На него комары набрасываются, как на сахар.

— Его даже малина не соблазнила, когда он вспомнил, сколько здесь комаров, — засмеялся Саша.

Неожиданно над головой загрохотал гром. Наползла черная туча.

— Пойдем скорее, — заторопился Саша, — не то промокнешь и опять будешь кашлять.

— Давай лучше под деревом постоим: все равно до дома добраться не успеем.

— Нет, мы переберемся на другой берег Ушни и зайдем к Карпею. Это близко.

Выбрались из малинника, сбежали по крутому берегу к реке, где у ивы была привязана лодка. Река потемнела, сморщилась. Туча сизым крылом закрыла солнце.

От берега до избы Карпей бежали по лугу, перепрыгивая через ряды скошенной травы.

Карпей еще в окно увидел детей и широко распахнул дверь в избу.

— Добро пожаловать, дорогие гости! Вовремя приспели.

Карпей был охотник и рыболов. Жил бобылем. В хате у него стояли стол да скамейка, зато стены сплошь были увешаны пучками трав, сетями, вершами, капканами. В избе пахло свежим сеном.

Ульяновы любили этого статного, красивого и доброго старика. Илья Николаевич называл его поэтом в душе. Карпей прожил долгую жизнь, много видел и умел хорошо рассказывать.

— Вовремя приспели, — повторил Карпей. — Я только что из лесу воротился, мед добывал.

Карпей принес из чулана деревянную чашку, полную коричневатых медовых сотов.

Аня и Саша макали куски хлеба в мед и, запрокинув головы, ловили ртом золотистые капли.

Дед Карпей взглянул в туюски, похвалил — хорошую малину собрали.

— А какой сегодня день-то? — хитро прищурившись, спросил он.

— Четвертое августа, — ответили разом брат и сестра.

— Вот то-то! Сегодня день Авдотьи-малиновки. Аккурат в этот день малина доспевает. Потому и удача вам.

За окном лил дождь, шумный, светлый.

— Ишь, припустился, — прислушался Карпей.

Аня выглянула в окно. Сквозь сетку дождя за Ушной видно освещенное солнцем поле.

— Грибной дождь!

— Ан нет! — возразил Карпей. — Грибной дождичек мелкий, теплый, с парком, а этот с холодком. Грибной дождик позавчера сеялся. Сеногноем его еще зовут — много сена губит. А этот дождь спорый, значит, скорый.

— Когда мы за грибами пойдём? — спросила Аня, страстная грибница.

— Денька через два. Самая пора маслятам. В бор пойдём, сосны там прямые, словно свечки стоят, под ногами мох, как перина.

Дождь действительно закончился быстро.

— Я вас через Ушню провожу, — сказал дед. — После дождя река бурливая, не ровен час, душегубку опрокинет.

Саша разулся.

— Я пойду босиком, а ты в лодке мои сухие сандалии наденешь, — сказал он сестре.

Аня попыталась возражать, но Саша сумел убедить, что это устраивает именно его — походить по мокрой траве босиком...

Карпей и Саша вели лодку против течения. Густые заросли ивняка сменил сосновый бор, звонкий, как гусли. Дождя здесь не было, но парило, пахло смолой и земляникой. За лесом раскинулось поле, а через него пролегал Владимирский тракт.

Карпей взгляделся в пыльное марево и велел Саше подгрести к берегу.

По Владимирской дороге медленно двигалась группа людей.

— Святая Владимирка, людскими косточками мощенная. — Карпей снял картуз, перекрестился. — Сколько каторжников по ней в Сибирь прогнали! Тыщи. Не многие обратно воротились... Гляньте, как они скованы промеж себя.

Каторжан было двенадцать человек, шли они по двое в ряд. Между обоими рядами покачивался железный прут, и к нему прикованы цепи от наручников.

Люди двигались по дороге, как серые тени, едва отличимые от пыльного тракта.

Аня и Саша, сцепившись за руки, в молчании следили за этой процессией, пока она не скрылась в лощине.

— Страшно как, когда живых людей железными цепями сковывают! — Аня не сдерживала слез.

Карпей вытер ладонью вспотевший лоб, надел картуз.

— Я, девочка, видел виды и пострашней...

Он присел на корму, вынул из кармана берестяную табакерку.

— Не забыть мне одного утра. Осенью это было. Шел я на охоту, шел по этой самой Владимирке и уж хотел в лес своротить, вижу — вдали пыль клубится. Партию ведут. Пригляделся — нет, не арестанты. Больно мелкий народ. Подождал, пока ближе подойдут. Гляжу — глазам не верю. Детей гонют, ведут, как взрослых арестантов, строем. Только что без кандалов... На каждом шинель надета и полы за пояс подсучены, чтобы по земле не волоклись. Идут босиком, а через плечо у каждого сапоги, за ушки связанные, висят. Все детишки по восемь — десять лет. Самому старшенькому не боле четырнадцати, как тебе, Сашенька...

Карпей затянулся козьей ножкой. Ветер подхватил синее облачко дыма.

— Какие глаза на меня глянули, сердце сковали. Большие, черные, по-младенчески открытые, ни слезинки в них, а мука страшная. Впереди махонький идет, вот такой... — Карпей показал рукой чуть повыше кормы. — Ему бы на коленях у мамки сидеть, в бирюльки играть, а он шинель пудовую на плечах тащит... Поглядел на меня круглыми черными глазами — только дитё так в душу заглянуть может. «Что за ребятишки?» — спрашиваю солдата, а у самого от ужаса зубы лязгают. «Жиденят ведем, — отвечает солдат. — По царскому указу в Сибирь гоним, да уж не знаю, сколько до места доведем. Почитай, половину вдоль дороги закопали. Хлипкий народ. Маета с ними». Сообразил я тогда, что это еврейских детей на царскую службу гонят. Двадцать пять лет полагалось им солдатчины отбыть. «Позволь, — говорю, — служивый, хлеб мой им отдать». — «Не порядок это», — буркнул солдат и погнался вперед. Я старшенькому успел краюху сунуть... Солдаты идут и следят, чтобы ровными рядами по уставу шли, чтобы с ноги не сбивались.

Для порядка мертвых из списка чиркают, для порядка несколько душ на место приведут. Вот какой он, царский порядок! — гневно закончил Карпей.

— За что это их? — спросил тихо Саша побледневшими губами.

— По царскому указу. По царскому порядку.

— Подлость это, — прошептала Аня, вытирая слезы.

Дети попрощались с Карпеем. Шли молча, оба потрясенные. Саша остановился, оглянулся на Владимирку.

— Ты права! Подлость это... Низость... Ненавижу царя!

Пришли домой.

Пятилетний Митя еще с крыльца увидел сестру и брата и кинулся им навстречу. Схватил туюсок с малиной, взвизгнул от радости.

Саша поднял братишку на руки, заглянул в его блестящие черные глаза, такие радостные и счастливые, доверчивые глаза ребенка, которого все любят и ласкают. Прижал к себе и осторожно опустил на землю.

Вечером Саша, Аня и Володя сидели на крылечке, смотрели на тусклые огоньки деревни, за которой проходила Владимирка. Саша поведал Володе о том, что они видели по дороге и слышали от Карпея.

Аня, повернув лицо к Саше, громко прочитала:

*Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется.
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой...*

Саша, обхватив за плечи Аню и Володю, привлек к себе и, переводя глаза с одного на другого, взволнованно ответил:

*По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба.*

Десятилетний Володя хорошо знал эти стихи Плещеева, которые так часто напевал отец. У Саши они звучали особенно призывно, и Володя, старавшийся во всем подражать брату, вместе с ним и сестрой громко пел:

*И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной!*

Все трое встали и уже кричали во весь голос в темноту, туда, где пролегал Владимирский тракт:

*И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной!*

Из комнаты вышла мама:

— Тс-с!.. Тише... Что с вами? Нельзя так громко. Это запрещенная песня.

— Эту песню всегда поет папа, — ответил Саша.

— Значит, она правильная, — добавил Володя.

— Нам хочется, чтобы ее услышали все, и те, которых ведут по этой дороге...

Мария Александровна смотрела на возбужденные лица детей, на их горящие глаза. Как они остро чувствуют несправедливость!

— Песня потому и запрещена, — сказала мама, — что призывает к честности, к неподкупной любви к родине. И стихи Некрасова, которые записаны у папы в тетрадке, тоже рассказывают правду, потому и нельзя их читать при посторонних.

— Это может повредить папе, — понимающе заметила Аня.

— Да. Вот, скажут, чему директор народных училищ учит своих детей.

— Но разве папа делает неправильно? — допытывался Володя.

— Нет, он делает правильно, вам надо знать правду, — ответила Мария Александровна. — А пока берегите эти строки в сердце своем.

СТАРОЕ КРЕСЛО

В папином кабинете стоит большое кожаное кресло. Оно всегда холодное и неудобное. Даже в жаркий день на него неприятно садиться. Поэтому и сидишь в нем в наказание. Чуть шевельнешься — кресло сердито скрипит, словно тоже осуждает за твой проступок.

Митя сидит в кресле, слушает, как тикает будильник. Раньше мама заводила в нем музыку, чтобы можно было знать, когда пройдут положенные минуты наказания, и, как только зазвучит мелодия «Во поле березонька стояла», можно было соскочить с этого кресла и идти играть. А сегодня мама музыку не завела. Просто сказала, что Митя должен сидеть в кресле тридцать минут, подумать о своем проступке и выучить урок из арифметики.

А Мите думать не хочется.

Мите хочется в столовую, где братья и сестры мастерят сейчас елочные игрушки. Митя тоже мог бы оклеивать орехи золоченой бумажкой — фольгой, а вместо этого сидит в кресле, и даже будильник ему не подскажет, когда можно сойти.

Сегодня на уроке арифметики учительница крутила на картонных часах жестяные стрелки и спрашивала, который час. Спросила и Митю. Он ответить не мог и получил двойку. А не ответил

потому, что Красавка отелилась. Митя весь вечер просидел на кухне возле теленка. Теленок смешной: не успел родиться, как уже старался встать на ноги, а они расползались у него в разные стороны. Митя пригибал ладонью голову теленка к миске с теплым молоком и совал ему палец в рот. Теленок принимался сосать молоко с пальца, а язык у него шершавый, щекочется. Нос у теленка розовый, с темным круглым пятном между ноздрями, глаза большие и скучные. Наверное, ему плохо без своей мамы. И Красавка жалобно мычала в хлеву, звала к себе своего маленького.

Мария Александровна сказала, что дети будут кормить теленка по очереди и нечего всем сидеть вокруг него. Он только что появился на свет, и ему надо дать хорошенько поспать.

Все пошли учить уроки, а Митя украдкой пробрался на кухню и все кормил теленка. И сейчас ему не терпится посмотреть на него, умеет ли он уже стоять на ногах. Но Митя должен сидеть в кресле и повторять урок из арифметики. А Мите не хочется учить уроки.

Мама сказала, что сидеть в кресле он должен полчаса и что может сойти без четверти пять. Когда это будет без четверти пять?

Митя сидит и думает.

Вокруг циферблата точки и черточки. Митя знает: между двумя точками — одна минута, а между черточками — пять минут. Большая стрелка помедлит, прицелится и перепрыгнет с одной точки на другую, а маленькая толстая стрелка стоит на месте и, кажется, вовсе не движется. Полчаса — это тридцать минут. Где же будет большая минутная стрелка, когда наступит без четверти пять?

Скрипнула дверь, и в кабинет заглянула смешная мордочка кота в большой шляпе с пером.

— Мяу!

— Володя, я знаю, что это ты. Пойди сюда, покажи мне, где будет большая стрелка, когда наступит без четверти пять.

— Мяу, милый мальчик, если я подскажу тебе, ты никогда не выучишь урока по арифметике. Соображай сам. Мяу! Мяу! — И Кот в сапогах исчез.

Митя вздохнул. Успеют ли теперь ему сделать маску зайчика? Он смотрит на часы. Даже вспотел от напряжения, и кресло кажется ему горячим. Несколько раз он проверял себя, прежде чем убедился, в каком месте минутная стрелка подаст ему знак к свободе.

За стеной в столовой слышен громкий смех. Звонче всех смеется Маняша. Мычит теленок на кухне. Его, наверно, забыли покормить. А стрелки застыли на месте. Наверно, часы вовсе остановились, и теленок может умереть от голода, и все игрушки будут сделаны без него, Мити. Позвать маму? Сказать ей, что часы остановились? Митя смахивает слезы с глаз, они мешают следить за стрелкой. Митя считает. Осталось сидеть семь минут. Это уже точно. С проверкой решал.

Опять мычит теленок. Сможет ли поголодать еще семь... нет, только пять минут?

Нигде так медленно не идет время, как в этом кресле. День пробежит — не заметишь, а в кресле каждая минута тянется, тянется, и конца ей нет.

Но наконец-то долговязой стрелке осталось перепрыгнуть с точки на черточку. И тогда будет без четверти пять. Но стрелка замерла и не думает перепрыгивать. Митя отвел глаза в сторону — может быть, он пригвоздил стрелку взглядом, загипнотизировал ее и она больше не стронется с места.

— Митя, сколько времени? — раздается голос мамы в дверях кабинета.

Стрелка испуганно вздрогнула и перескочила на длинную черту против цифры «9».

— Без четверти пять, мамочка. Полчаса прошло.

— Совершенно верно, — сказала мама. — Ты подумал над своим уроком из арифметики?

— Нет, не успел, — смущенно признался Митя, — я все время думал о том, когда можно будет встать с места.

— А сколько времени сейчас?

— Без тринадцати минут пять, — бойко ответил Митя, едва взглянув на часы.

— Ну, вот и отлично, — похвалила мама. — Иди покорми теленка — он, бедный, проголодался, — а потом будешь оклеивать орехи фольгой.

Митя соскользнул с кресла.

НА КОНЧИКЕ НИТКИ

Мама сидит на диване. Перед ней стоит Маняша. На руках у девочки растянута моток ниток. Мама сматывает нитки в клубок, берет две тоненькие блестящие спицы и показывает дочке, как надо вязать.

Едва заметно шевелятся мамины руки, и с левой спицы на правую, словно голубое ожерелье, нанизываются петли.

Маняше все понятно. Теперь она свяжет Мите шарф, и брат больше не будет болеть ангиной.

Дочка берет из маминых рук спицы, крепко сжимает их в пальцах, но поддеть и вытянуть кончиком спицы петлю не так-то просто.

— Вот если бы кончики были загнуты крючками, тогда было бы легче, — говорит Маняша.

А такими гладкими спицами могут управлять только мамины руки — они всё умеют. Не прекращая вязания, мама может заглянуть в учебник и объяснить задачу. Слушать, как Оля играет на рояле, и уловить неправильно взятую ноту. Спросить у Володи про дела в гимназии и продолжать считать петли.

Легко шевелятся кисти рук у мамы, указательный палец все постукивает да постукивает о кончик спицы. У нее все легко и просто. А Маняша ковыряет спицами и зевает до слез. Обернулась — чему это так заразительно смеются Володя и Оля? — и вязанье выпало из рук. Мурка спрыгнула с

дивана и подцепила вязанье лапкой, и со спицы, как капельки, соскользнули петли и пролились на пол извилистой ниткой.

Маняша тяжело вздыхает.

— Мамочка, мне не хочется вязать, — говорит она, откладывая спицы в сторону. — Я лучше буду учиться шить.

— И шить ты научись и вязать, — отвечает мама. — Нужно все уметь делать.

— А зачем? — простодушно спрашивает Маняша.

— Мамочка, а если человеку не нравится какое-нибудь занятие, зачем же его заставлять? — заступает за сестру Оля.

Мама покачала головой:

— Человек должен уметь все делать, чтобы обслуживать себя. Тогда он будет независимым, ему не потребуется просить других. А занятие в жизни надо выбрать то, которое по душе.

— Поэтому ты и Митю учишь шить на машинке? — спросила Оля.

— Да, он учится быть самостоятельным.

После обеда мама опять засадила Маняшу за работу.

— Это волшебный клубок. Когда весь вывяжешь, на кончике нитки получишь сюрприз.

— А нельзя сейчас размотать клубок и посмотреть, что там?

— Нет сюрприз надо заработать.

Маняша старается. Руки уже не так напряжены, и петли перебегают с одной спицы на другую почти как у мамы, только медленнее.

К вечеру можно было видеть, что Маняша вяжет шарф, голубой, пушистый.

Клубок с каждым днем становился меньше, шарф — длиннее.

И каждый раз, вернувшись из гимназии, Митя торопит Маняшу с уроками, хочет, чтобы она поскорее кончила вязанье.

На Свяге устроили каток, а мама без теплого шарфа не пускает. И Маняша поэтому не ходит на каток. Дети катаются парами: Володя с Олей, Митя с Маняшей.

Сегодня Маняша закончит шарф. Клубок сильно похудел и из круглого стал угловатым. Интересно, что это там, на кончике нитки?

Спицы в Маняшиных руках ходят легко и быстро. Теперь она может взглянуть на Мурку, когда кошка крадется к корзиночке, в которой бьется клубок, и отогнать ее ногой. Митя сидит на диване и торопит сестру.

— Потерпи немножко, совсем чуть-чуть осталось, — говорит ему Маняша.

Вот и последний ряд. Шарф закончен. Нитка натянулась.

Маняша тянет нитку — на кончике привязана маленькая дощечка шоколада.

Сюрприз!

Когда же мама сумела запрятать в клубок шоколадку, ведь она наматывала нитки вместе с ней, Маняшей?

— Мамочка, ты волшебница! — восхищается Маняша.

— А по-моему, волшебник тот, кто умеет простую нитку превратить в очень красивый и теплый шарф.

Мите шарф тоже очень понравился, он сразу повязал его на шею.

Оля и Володя в полном снаряжении ждут у дверей.

В шоколадке четыре дольки. Маняша отламывает и протягивает одну Оле, другую — Володе, третью — Мите, а четвертую разламывает пополам: маме и себе.

Сейчас все четверо побегут на каток.

Как много радости на кончике нитки!

ЛУЧШАЯ ОТМЕТКА

Весело возвращаться домой из гимназии в сентябрьский погожий денек: пышные сады расцвечены багряными красками, воздух напоен запахом созревающих яблок и горьковатых астр.

Дома ждут братья и сестры, веселые игры, прочитанная до самого интересного места книга, гигантские шаги во дворе. А вечером вернется из губернии папа, и ему можно будет с гордостью показать свой дневник, в котором красуются круглые пятерки.

По дороге Володя завернул к женской гимназии, подождал, пока выбежит Оля.

— Ну как? — задал он обычный вопрос.

Оля весело помотала головой, отчего ее коса, похожая на тугую рыбку, описала в воздухе полукруг.

— Из истории двенадцать, и из физики двенадцать, — пропела она тоненьким голоском.

— А у меня из латыни пять, — сказал Володя.

Пять — это высшая отметка в мужской гимназии, а двенадцать — в женской. Схватившись за руки, брат и сестра, цокая башмаками по деревянному тротуару, помчались вниз по Покровской улице.

— Ты знаешь, как я волновалась за физику? — вдруг остановилась Оля. — Сижу за партой и ничегошеньки не помню, а когда учительница вызвала к доске, в голове все пришло в порядок. Ух, как я рада, что не срезалась!

— Ты же вчера свою физику при луне повторяла, — засмеялся Володя. — Я вылез на балкон и видел, как ты пальцем на стекле формулы выводила.

Володя по-хорошему завидовал сестре, ее усидчивости и терпению. Вот кто умел упорно трудиться!

— Нас кто-то ждет у калитки, — сказала Оля.

Володя прищурил левый глаз.

— Да, какой-то парнишка. Я его не знаю.

Подошли ближе. У изгороди стоял мальчик лет двенадцати, ровесник Володи. Видно было, что он пришел издалека: лапти на ногах совершенно разбиты, длинный кафтан покрыт пылью, за спиной болтается мешок.

— Ты к нам? — спросил Володя.

— Я к главному учителю Ульянову. Люди сказали, что он живет здесь.

— Здесь, здесь, — живо подтвердил Володя. — Это наш папа. Почему же ты неходишь?

— Боязно. Мой отец страдал, что в Симбирске в каждом дворе злая собака.

— У нас никакой собаки нет. Заходи, заходи. — Володя распахнул калитку; Оля прошмыгнула первой и побежала вперед. — Только папу тебе придется ждать, он вернется вечером. Зачем он тебе? — полюбопытствовал Володя.

— В школу мне надо. Учиться.

— Как зовут тебя?

— Иваном.

— Меня зовут Володя, сестру — Оля. Будем знакомы.

— Твой отец сердитый? — спросил Ваня и замедлил шаг.

— Увидишь сам.

Мама с Олей накрывали на стол в беседке, а Володя с Ваней пошли мыться в сарай. Натаскали из кадушки воды, нагретой солнцем. Ваня с любопытством смотрел, как Володя мылил себе голову и как у него под пальцами вырастала пушистая снежная шапка.

И Ваня захотел такую же шапку. Он никогда не видел мыла и не знал его волшебных свойств. Володя фыркал — и Ваня фыркал. Володя обливался из ведра — и Ваня обливался. А потом, вымытый, чистый, с довольным видом осматривал себя в Володиных холщовых брюках и в серой рубашке.

За обедом мама подкладывала Ване самые большие куски. Ваня уплетал за обе щеки и рассказывал, что он давно, еще с весны, решил учиться. А отец не пускал в школу — незачем, говорит, бурлаку учиться. Бурлак бедный, ему ничего не надо знать; если будет много знать, невзлюбит свою жизнь. Отец у Вани бурлак, и дед был бурлаком, а Ваня хочет стать учителем. Люди сказали, что занятия в школе начинаются осенью, когда пожелтеют листья. Вот Ваня и ждал,

пока береза под окном вызолотит свои листочки. Ночью он тайком ушел из дому искать школу. Много деревень прошел — нигде нет школы. Люди сказали, что в Симбирск надо идти, к главному учителю Ульянову, он поможет...

Володя внимательно слушал, подавшись вперед, ссутулив плечи, сдвинув брови, и только тихонько произносил: «Гм... гм... да... да...»

После обеда Володя с Олей повели Ваню к себе наверх, показали ему книжки с картинками.

— Вот это библия! — воскликнул Ваня, разглядывая книжку.

— Какая библия? — удивился Володя. — Это «Хижина дяди Тома». Самая лучшая книжка на свете.

— Нет, библия, — настаивал Ваня. — Я сам видел такую штуку в церкви, только еще красивее.

Брат с сестрой переглянулись. Они поняли, что мальчик никогда не держал в руках книги. Володя был потрясен. Он ровесник Ване и успел прочитать много-много книг, а этот чудесный мир был закрыт для сына бурлака.

Ваня вертел в руках книгу, перелистывая ее, как слепой, ощупывал пальцами строчки, и глаза его оживлялись, когда он встречал картинку.

— Хочешь, прочитаю? — предложила Оля.

— Почитай. Покажи, как ты это делаешь.

Ваня слушал и следил за Олиным пальцем. Палец двигался по строчкам-бороздкам, и все бороздки были одинаковые, и каждая страница похожа на аккуратно вспаханное поле. Как же эта девочка высматривает в этих бороздках такие интересные истории и почему, как ни пялит глаза Ваня, он сам ничего этого не видит?

Володя сидел рядом и старался углубиться в латынь. И не мог. Его подавляло смутное чувство недовольства собою, какое-то сознание вины перед Ваней. Илья Николаевич часто рассказывал детям об ужасающей нищете и несправедливости в деревне. А теперь Володя сам услышал это от мальчика. Чем порадовать Ваню? Подарить ему свою любимую книгу? Но Ваня не умеет читать. Отдать свои сокровища — коллекцию перышек? Но он не умеет писать. Выпросить у Саши для Вани календарь?.. Нет, не то, не то...

Вечером приехал Илья Николаевич. Он был на открытии двух новых сельских школ, вернулся в отличном настроении, и ему не терпелось поделиться своей радостью с Марией Александровной, с детьми.

— Папочка, тебя ждет мальчик Ваня, — начал было Володя.

Но отец уже все знал от мамы.

— Мы поговорим с молодым человеком, а ты иди к себе.

Володя и Оля уселись на сундуке в передней и с нетерпением ждали решения отца.

Ваня вышел из кабинета счастливый. Он ничего не говорил, только смеялся.

Смеялись его глаза, губы и даже кончик сморщенного носа.

Володя побежал к отцу:

— Папочка, как хорошо, что ты определил Ваню в школу! Он такой счастливый!

— Нет, — ответил Илья Николаевич, — он опоздал, и ребята в занятиях ушли далеко вперед.

— Но он опоздал не по своей вине. Ему сказали, что занятия в школе начинаются, когда пожелтеют листья на деревьях. Вот он и ждал, а потом искал школу. Он шел до Симбирска две ночи и два дня. Разве можно, чтобы он вернулся ни с чем? — Перед глазами Володи стояло улыбающееся лицо Вани. — Папочка, разве ты не хочешь, чтобы он учился?

— Ты сам понимаешь, что нельзя задерживать целый класс из-за одного ученика. — Илья Николаевич внимательно смотрел на сына.

Володя вдруг весь вспыхнул, зарделись щеки, заискрились глаза.

Он подошел ближе к отцу:

— Он догонит, папочка. Мы поможем ему — я и Оля. Даю тебе слово.

Складка на лбу у Ильи Николаевича разгладилась, густые брови вскинулись вверх, губы дрогнули в улыбке.

— Вот именно этого я и ждал от тебя. Я буду просить, чтобы Ваню приняли в школу.

Володя порывисто обнял отца и помчался наверх...

Над садом висел серп луны, по небу плыли облака, оставляя за собой рассыпанные звезды. Огромные вязы в саду сильными изогнутыми сучьями, казалось, подпирали небо.

Володя стоял на балконе, вцепившись руками в перила, вглядывался в Млечный Путь.

На балкон выбралась Оля.

— Я показала папе свой дневник. Он посмотрел на двенадцать по физике и сказал: «Это еще не самая лучшая твоя отметка». А какая же может быть лучше, Володя? — Она взглянула в лицо брату.

Володя молчал.

— О чем ты думаешь?

— О Ване... Ты слышишь? — Володя указал рукой вниз.

Через двор, по дорожке, посыпанной лунным светом, шли папа, мама и старшие — Аня и Саша. Илья Николаевич смеялся особенно задушевно, и, как маленький колокольчик, звенел голос мамы.

— Ты слышишь? — повторил Володя. — Папа рассказывает про Ваню и радуется, словно открыл новую школу. Вот бы научиться так радоваться!.. — Володя схватил Олю за руку.

— Я знаю, знаю, что такое лучшая отметка! — Оля посмотрела на брата, на его сияющее лицо. — Лучшая каша с тобой отметка будет первая пятерка Вани. Правда?

Володя спрыгнул с перил и заглянул в окно. Ваня спал, крепко ухватив обеими руками «Хижину дяди Тома», которую Володя получил в подарок за успехи и учении.

СОЧИНЕНИЕ

В доме тихо. Слышится только, как потрескивают дрова в печке да пронесется вдруг по комнатам дуновением легкого ветра мелодичный звон часов. За окном двор и сад в белом зимнем убранстве. С отяжелевших ветвей березы опадают пушистые снежные хлопья и рассыпаются в воздухе серебристой пылью.

Тихо и спокойно на сердце у Марии Александровны. Мелькает иголка в ее руках. На столике растет стопка починенного и аккуратно сложенного детского белья. Сделав последний стежок и закрепив нитку, Мария Александровна воткнула иголку в подушечку, подошла к окну. С высокой ледяной горки, крутясь волчком, скатывается вниз на круглой ледянке Маняша. Митя стоит наверху, ждет своей очереди.

Мать постучала наперстком в стекло, позвала малышей домой. А сама пошла в столовую накрывать стол к обеду.

Заскрипела дверь с черного хода, зашуршал веник: Митя и Маняша очищают друг друга от снега. Не раздеваясь, заглянули в столовую.

— Вот и мы, — заявила Маняша.

— Вот и мы, — повторил Митя.

Оба как из снежной купели, на пунцовых щеках, на ресницах блестят капли от растаявших снежинок.

— Раздевайтесь-ка скорее, — улыбается мать. — Сейчас наши гимназисты придут, будем обедать.

— А потом спать? — вздыхает Маняша.

— Немножко отдохнете.

Стук-стук-стук... — стучат каблучки по ступенькам.

— Оля идет! — взвизгивают малыши и несутся навстречу сестре.

Оля целует Митю и Маняшу.

— Ой, как вам снег щеки нагрел!

— Не нагрел — наморозил, — поправляет Маняша.

Распахивается дверь с улицы на веранду, кто-то скачет через две ступеньки: раз, два, три, четыре... Это Володя.

В тесной передней возня, смех. Володя затеял с Митей борьбу — кто сильнее, Маняша рассказывает, как летела «вот с такой высоченной горы», перевернулась и «чуть не утонула в сугробе».

Но вот слышно, как кто-то сбивает с башмаков снег на веранде.

— Саша пришел!

И в передней сразу водворяется порядок.

Мария Александровна улыбается. Пришел наставник, старший брат Саша, и все, как по мановению волшебной палочки, становится на свои места.

— Саша, у меня валенки не снимаются, помоги... — жалобно просит Маняша.

Саша наклонился, Маняша обхватила брата за шею и повисла на нем.

Володя расчесывает волосы перед зеркалом и искоса поглядывает на брата. Не получается у него такая же прическа. У Володи волосы светлые, с рыжинкой, и закручиваются в разные стороны, а у Саши шапка темных волос, блестящих, чуть волнистых и послушных.

Маняша уже сидит у старшего брата на закорках, Оля потерлась щекой о его плечо и произнесла свое привычное ласковое «мур-мур». Никому другому Саша не позволил бы таких «телячьих нежностей», это можно только двум младшим сестрам.

— Мыть руки — и за стол! — говорит Саша, осторожно опуская Маняшу на пол, и бежит наверх положить на место портфель с книгами.

Последней приходит Аня.

И вот все за столом. Нет только Ильи Николаевича, он в разъезде по губернии. Когда отца нет дома, его во всем заменяет Саша.

Зоркий глаз матери подметил, что старший сын чем-то взволнован. Вот уже шестнадцатый год пошел ему, а мать не может вспомнить, чтобы он чем-то огорчил ее. Он не любит ласкаться, как все другие ее дети, всегда ровен, спокоен и послушен. Но покорным назвать его нельзя. «Я сам» — это были его первые сознательные слова. «Я сам буду есть ложкой... сам справлюсь с пуговицей... сам зашнурую ботинки... сам застелю постель... сам решу трудную задачу. Я — сам». Однажды она увидела, как Саша — ему было тогда три года — складывал из кубиков картинку. Пыхтел, мучился — не мог подобрать кошке ногу. Мать долго следила за мальчиком и решила помочь ему: взяла кубик, перевернула и поставила на место. У кошки появилась четвертая лапа. А Саша вдруг обмяк, вскинул темные глаза на мать, и она прочла в них упрек: она оборвала его пытливую мысль. «Я ведь хотел сам», — тихо сказал он. И это был урок для молодой матери.

Саша отличался отменным здоровьем, был сильным мальчиком, но эта сила таилась в нем, он словно стеснялся ее. С младшими был осторожен, никогда не повышал голоса, но все дети его беспрекословно слушались. Даже Аня уступила ему старшинство в семье, часто советовалась с ним, спрашивала его мнение.

Саша аккуратно ходил с отцом в церковь, знал наизусть все молитвы, хотя постоянно старался понять их суть и как-то долго допрашивал отца, что такое «иже еси на небеси». С третьего класса гимназии увлекся книгами по физике, астрономии, в летней кухне стал заниматься химическими опытами. И вот недавно, когда Илья Николаевич собирался в церковь, Саша подошел к отцу и мягко, как только он умел, но решительно сказал: «Папа, я не пойду в церковь». — «Ты чем-то занят, мой мальчик?» — спросил отец. «Нет», — коротко ответил сын. И еще несколько раз отец

звал его в церковь, и наконец Саша сказал: «Я больше не буду ходить в церковь». Отец понял, что это не каприз ребенка, а решение юноши, решение зрелое. «Ну что ж, неволить не буду», — вздохнул он. Саша видел, что отец огорчен, но даже ради него, любимого отца, он не мог поступиться собственными убеждениями.

Сегодня Саша чем-то обеспокоен, что-то упорно решает для себя, даже не расслышал вопроса Володи — пойдет ли он завтра на каток. Обычно все дети рассказывали, что произошло в гимназии. Так было и на этот раз. Только Саша молчал.

После обеда Володя с Олей повели малышей наверх укладываться спать. Мария Александровна с Аней убрали со стола. Саша взял из рук сестры тяжелую стопку тарелок и понес на кухню.

— Мне кажется, у Саши какие-то неприятности, — сказала мать. — Но не будем у него выпытывать. Если найдет нужным, расскажет сам.

Саша вернулся в столовую. Преодолел минутное колебание и спросил:

— Мамочка, Аня, у вас есть несколько минут? Я хотел бы прочитать вам свое сочинение.

Мать и сестра охотно согласились послушать.

Саша побежал на антресоли за тетрадкой и привел с собой Володю.

Мария Александровна подкрутила фитиль в лампе, чтобы было светлее. Все уселись за стол. Саша раскрыл тетрадь, Володя заглянул в нее. Густо исписанные лиловыми чернилами глянцевиные страницы привлекали внешним видом.

— Нам задали сочинение на тему: «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Я написал так, как понимаю свой долг перед обществом и государством, — сказал Саша.

— За этим сочинением ты и засиживался последние ночи? — спросила сестра.

— Да. Очень много думал: ради чего человек живет? Ради чего живу я? Сегодня нам раздали тетради. Господин Керенский поставил мне за сочинение четверку.

— Тебе — четверку? — изумился Володя. — Это несправедливо!

— Не спеши судить, — ответил Саша. — Меня огорчила не отметка, а озадачило замечание Федора Михайловича, что у меня в сочинении отсутствует главная мысль, а какая, он не сказал.

— Почитай, дружок, может, вместе и разберемся. — Мария Александровна взяла корзиночку с вязаньем — руки у нее всегда должны быть заняты.

Саша разгладил ладонью лист тетради.

— Сначала у меня идет краткий конспект. Я его опускаю. Начну с текста:

«Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела».

— Трудлюбивый человек не может быть не честен, — горячо возразил Володя. — Раз он любит труд, хорошо работает, значит, он честен.

— Володя, не перебивай, — остановила его Аня, — пусть Саша дочитает до конца.

Саша внимательно посмотрел на брата, словно взвешивая, доступно ли Володе то, над чем он сам долгими ночами мучился.

— Я не случайно поставил на первое место честность, — заметно волнуясь, ответил Саша. — Если человек честный, он выберет себе такое занятие, чтобы от него было больше пользы народу, обществу, а нечестный человек прежде всего будет думать о собственной выгоде. Такой труд может принести обществу вред. Ты согласна, мамочка?

Мария Александровна отложила вязанье в сторону. Ответила не сразу.

— Да, Саша, ты прав. Возьми хотя бы купца Никитина. У него вся семья работает от зари до зари. Сами мешки в амбары грузят. Осенью скупают зерно, а весной продают втридорога. Какая уж тут польза обществу!

Саша просиял.

— А ты согласен? — спросил он младшего брата.

— Вполне, — ответил Володя, глядя влюбленными глазами на Сашу. — Читай, читай дальше.

— «Но честности и желания принести пользу обществу недостаточно человеку для полезной деятельности: для этого он должен еще уметь трудиться, то есть ему нужны любовь к труду и твердый, настойчивый характер. Трудлюбие необходимо каждому трудящемуся человеку; труд по какому-либо внешнему побуждению не принесет и половины той пользы, которую принес бы свободный и независимый труд...»

— Вот это я не совсем понимаю, — сказала Аня. Она стояла, прислонившись к кафельной печке.

— Труд раба, труд по принуждению, подневольный труд не может принести той пользы обществу, какую ему может дать человек свободный, избравший себе профессию по своему желанию, — ответил Саша.

Мария Александровна вдруг по-новому увидела своего старшего сына. Какие глубокие мысли волнуют его! И эти мысли так близки и Ане и даже одиннадцатилетнему Володе. Он, младший, обычно непоседа и пересмешник, сейчас замер, оперся на сплетенные пальцы подбородком, не шевельнется, и только живо и заинтересованно искрятся чуть прищуренные глаза.

Аня подошла к брату, заглянула через плечо в тетрадь, еще раз перечитала.

— Но я не могу выбрать профессию по своему желанию, значит, я не свободный человек?

— Да, ты не свободный человек, — резко произнес Саша.

И эта жесткая нотка осуждения относилась вовсе не к сестре, а к кому-то другому, кто сковывает свободу сестры, поняла Мария Александровна.

— Дальше я это объясняю. — Саша перевернул страницу. — *«Любовь к труду должна простираться не только на легкие и ничтожные вещи, но и на то, что с первого взгляда кажется непреодолимым. Чтобы быть действительно полезным членом общества, человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями, ни перед теми, которые представляют ему внешние обстоятельства, ни перед теми, которые представляют ему собственные недостатки и слабости: для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать в себе твердый и непреклонный характер».* Мне кажется, что я ответил на твой вопрос, — обратился к сестре Саша.

— Да, твердого и непоколебимого характера мне как раз и не хватает, — призналась Аня, — но даже если бы он у меня был, как я могу изменить «внешние обстоятельства», как я могу изменить законы и порядок в нашем государстве?

Саша пожал плечами:

— Я считаю, что если действительно хочешь принести пользу обществу, то нельзя останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями.

— Но как их преодолеть, эти препятствия? — почти с отчаянием спросила Аня.

— Не знаю — как, но знаю только, что это необходимо. — И, уловив недоумевающий и встревоженный взгляд матери, продолжал читать: — *«Умственное развитие необходимо человеку так же, как и нравственное; без него деятельность человека может получить ложное направление и не будет приносить никакой пользы людям. Но и верно направленный труд умного и трудолюбивого человека может приносить различные результаты, смотря по тому, насколько производительно он выполняется...»*

Володя прикоснулся к Сашиной руке:

— Извини, что перебиваю, но объясни, что значит производительно выполнять труд?

— Слушай до конца. *«Для того чтобы деятельность человека приносила полезные результаты при возможно меньшей затрате труда и сил, для этого человеку нужно основательное знание того дела, которое будет предметом его занятий. От степени образованности вообще и, в частности, от знания своего дела много зависит та польза, которую принесет человек обществу».* Теперь понятно? — спросил Саша брата.

Володя утвердительно кивнул головой:

— Понятно. Надо отлично знать дело, за которое взялся, чтобы трудиться было легко и чтобы от этого труда было больше пользы. Так?

— И к этому необходима широкая образованность, — добавил Саша. Он закрыл тетрадь.

Некоторое время все молчали.

— Я бы никогда не смогла так глубоко и логично сформулировать идеал служения обществу, как сделал это ты, — сказала растроганная Аня.

— И за такое сочинение четверка! Я сразу сказал, что это несправедливо. Несправедливо! — горячился Володя.

— Я ничего не упустил в своем сочинении? — спросил Саша, обращаясь главным образом к матери.

— По-моему, это отличное сочинение. Но, может быть, в нем были грамматические ошибки?

— Нет, грамматических ошибок не было. Но мне кажется, что Федор Михайлович снизил мне балл за то, что я не внял его подсказке, когда он задавал нам это сочинение: «Соблюдать заповеди господни, служить верой и правдой царю». Это, очевидно, он считал главной мыслью сочинения.

— А почему ты не написал этого? — осторожно спросила мать, стараясь подавить тревогу, вдруг возникшую в сердце.

— Я написал то, что входит в программу моей жизни, — уклончиво ответил Саша.

— Я бы на месте господина Керенского поставил кол себе, преподавателю словесности, за то, что ничего не понял. — Володя взял в руки тетрадь. — Саша, разреши прочитать мне самому еще раз.

— Бери, но читать будешь, когда выучишь все уроки.

Володя прижал тетрадь обеими руками к груди и понесся к себе наверх.

— Как ты думаешь, папа одобрит мое сочинение? — спросил Саша мать.

— Думаю, что папе будет интересно проследить ход твоих мыслей. Глубокие и правильные рассуждения.

— Спасибо, мамочка!

Аня и Саша ушли. Мать осталась одна.

К чувству гордости за сына, озабоченного в свои пятнадцать лет вопросом, как принести пользу людям, примешалась тревога. Почему Саша не включил в свое сочинение тезис «служение царю»? Ведь еще года не прошло, как был убит царь Александр II. И сейчас во всех школах и гимназиях стараются внушить и укрепить любовь и преданность к царю. Поэтому и задали сочинение на такую тему. Саша этот вопрос в своем сочинении обошел. Случайно? Но из его суждений можно понять, что «служение царю», как и «служение богу», не входит в заповеди его жизни.

«Надо поговорить с Сашей», — решила Мария Александровна и поднялась к нему наверх.

Он сидел за большой грифельной доской, испещренной алгебраическими формулами.

— Тебе много задали уроков? — спросила мать, когда Саша поднял на нее свои глаза, ясные глаза, в которых она не увидела и тени смятения.

— Как обычно, — спокойно ответил он. — Вот я стараюсь найти самый короткий и простой способ решения этой задачи. Сижу над ней второй вечер... Я тебе нужен?

— Нет, нет. Я хотела только сказать, что ужинать мы сегодня будем позже, подождем папу.

«Зря я тревожусь», — попрекнула себя Мария Александровна и заглянула в комнату меньшего сына.

Володя, шагая по комнате, учил стихи из латыни.

Проснулись малыши и затеяли в своей комнате игру. Оля в гостиной села за рояль, разучивает новую пьесу.

Мария Александровна прошла в столовую, вынула из корзиночки вязанье, прислушалась к детским голосам, к звукам рояля. Тревога матери утихла, утаившись в глубине сердца.

ПАПИНА ВИШНЯ

Никогда не светит солнце так ярко, как в марте, никогда не бывает небо таким просторным и чистым, как в марте, и чем ярче сияет солнце, тем злее ночной мороз.

За ночь мороз старательно затягивает лужи узорчатым ледком, развешивает по краям крыши бахромку сосулек, сковывает сугробы. А солнце, отославшись за зиму, весело расправляется по-своему: растапливает ледяные пленки на лужах, острым лучом отпиливает сосульки, и они падают с хрустальным звоном. Сугробы дряхлеют, оседают, уходят в землю.

Длинным днем хозяйничает солнце, короткой ночью — мороз. И морозу не хватает ни времени, ни сил, чтобы восстановить то, что разрушило солнце. А солнце расчищает дорогу весне, которая идет с юга на север и скатывает снеговой ковер с земли.

Ледяная горка во дворе Ульяновых побурела и стала рыхлой, тропинки в саду почернели, углубились, и по краям нависли хрустящие льдистые крошки.

Митя и Маняша с нетерпением ждали, когда братья и сестры придут из гимназии. Мама сказала, что пора белить стволы деревьев, чтобы защитить их от вредителей, горячего солнца и мороза...

И вот после обеда три брата и три сестрички бегут в летнюю кухню. Там у Саши припасены известь, ведра. Малыши с любопытством смотрят, как Саша и Аня отмеряют известь, разводят ее в ведре с водой. Каждый получает кисть, и Саша указывает, кому какое дерево выбеливать. Володе достается старый вяз, что растет у беседки, Оля белит свою любимую осинку у забора, Аня — яблоньки, Мите и Маняше достается по вишневному деревцу. Папину вишню будет белить сам Саша.

Это деревце Илья Николаевич привез из деревни года три назад. Оно плохо приживалось, болело, чуть не погибло. Но Саша с Аней прочитали в книгах, как его лечить, чем подкармливать. И вишня выжила...

До позднего вечера работали дети. И в темноте стволы засветились, как снежные столбики.

В Володин день рождения прогремел первый гром, пролил веселый светлый дождь, и этот молодой гром разбудил сад к жизни. Наутро все деревья окутаны зеленой дымкой, а еще через несколько дней в ветвях словно запуталось легкое облако: зацвели вишни. И если подойти поближе, то услышишь, как деревце гудит.

Когда Маняша увидела в первый раз, сколько пчел налетело на вишню, она испугалась: повредят пчелы цветы — и не будет ягод. Но Саша ее успокоил: пчелы хоботком аккуратно выбирают из сердцевинки цветка сладкий нектар и лапками переносят пыльцу с цветка на цветок, чтобы завязались вишни...

Саша сидел у себя в комнате и готовил уроки. Все в доме уже спали. Вдруг порыв ветра распахнул форточку, и в комнату роем влетели снежинки, ледяной ветер пахнул в лицо.

Саша побежал в комнату Володи:

— Володя! Проснись! Беда!

Володя сел на кровати, протер глаза и в следующую секунду начал одеваться и успел догнать Сашу, когда он вышел на крыльцо.

Пахло зимой, снегом и свежей зеленью. Северный ветер обрывал лепестки цветов, смешивал их со снегом, пригибал к земле ветки молодых деревьев. Мороз, как ворюга, пробрался в сад и душил цветы.

Аню разбудили отсветы огня, которые плясали по потолку. Она выглянула в окно и сквозь белесую сетку метелицы увидела две тени возле костра. «Мороз! Братья спасают сад», — поняла она. Быстро оделась и, взяв в руки башмаки, на цыпочках пробралась через детскую комнату. Скрипнула половица. Оля подняла голову с подушки:

— Аня, ты куда?

— В сад, жечь костры. Мороз.

— Я с тобой.

— Хорошо. Не разбуди малышей.

Но Митя уже спустил ноги с кровати.

— Мороз! Погибнет папина вишня, мне ее жалко! — чуть не плакал он.

— Пойдем, оденься потеплее. Давай я помогу тебе зашнуровать ботинки, — наклонилась Оля к брату.

Маняша только покруче свернулась калачиком. Аня накинула на нее второе одеяло. Ветер дул изо всех сил, старался погасить костер, но он разгорался еще ярче; мороз хватал колючими пальцами молодые побеги, но теплый дым окутывал их и не давал заморозить.

Саша выбежал на улицу, постучал в соседние дома, разбудил людей, предупредил об опасности. Один за другим задымились костры в садах Симбирска.

Володя, Оля и Митя подносили поленья, пучки сена. Саша с Аней разводили новые костры. Проснулись птицы и заметались по саду. Порывом ветра из гнезда над окном сдуло птенцов. Оля подобрала их и завернула в шарф. Птенцы были голенькие — одни круглые синеватые животики и над ними широко раскрытые клювы. Воробьях летала над Олиной головой.

— Не бойся, глупенькая, — приговаривала Оля, — я твоих птенцов отнесу на веранду, а как только взойдет солнце, согреет землю, мы их тебе вернем.

Но воробьях не отставала от Оли и влетела в застекленную веранду.

Дружно и отважно отстаивали дети цветущий сад от мороза. А утром им помогло солнце. Оно растопило снег на крышах, отогрело деревья.

Побледневшие после бессонной ночи, но счастливые, сидели дети за завтраком и наперебой рассказывали папе и маме, как они победили мороз. А Мария Александровна и Илья Николаевич видели все это в окно и решили дать возможность детям самим справиться с бедой. Только Маняша не могла понять, почему Дед Мороз, которого все так ждут под Новый год с мешком подарков, весной становится таким злым и нападает на цветы и птенчиков.

Сад был спасен, только кое-где сморщились листочки, пожухли и опали. Птенчиков Саша с Володей водворили в гнезда. Снова загудели пчелы. А на вишневых деревьях на месте опадающих цветков стали появляться зеленые горошины. В загустевшем малиннике по утрам пели пеночки. Воробьи носились по саду и склевывали с деревьев жучков и гусениц.

— Молодцы воробьи, наши хорошие помощники! — хвалила Оля трудолюбивых птиц и подсыпала им пшено в кормушки.

...Кончились занятия в гимназии. В саду наливались красным соком вишни, яблоки стали светлее листьев, на грядках поспевала клубника. Сад прихорошился.

Володя устроился на толстом суку вяза, грыз семечки и читал книгу. Он уселся поудобнее, сук, который нависал зеленым крылом, качнулся, и с папиной вишни взвилась стайка воробьев. Птицы покружились в воздухе и снова опустились на дерево. Они острыми клювами вырывали кусочки мякоти, вишни сморщивались и становились уродливыми. И Володе показалось, что воробьям пришлось по вкусу именно папина вишня. Он быстро соскользнул с дерева и побежал к Саше. Позвали Аню и Олю.

Как спасти папину вишню от воробьев?

Оля предложила подсыпать им побольше пшена в кормушку.

— Дураки они, что ли, менять вишню на пшено! — пожал плечами Володя.

Как отогнать воробьев, придумал Саша. Девочки нарезали узенькие полоски блестящей бумаги-фольги, нанизали их, как флажки, на длинные нитки. Мальчики развесили эти гирлянды на деревьях. Особенно тщательно опутали папину вишню. Ветер колышет полоски, они шуршат, сверкают на солнце, пугают воробьев. Покружатся, покружатся воробьи над вишней — делать нечего, летят к кормушке с пшеном.

И вот наступило 14 июля — день рождения папы. Утром Илью Николаевича пришли поздравить его помощники, учителя, школьники.

В беседке был накрыт стол, посередине возвышался именинный яблочный пирог. А возле беседки стояла папина вишня, вся обсыпанная темными блестящими ягодами. Отяжелевшие ветки клонились до самой земли.

Аня подошла к вишне с ножницами в руках. Перерезала нитку, и гирлянды с фольгой опали.

— Угощайтесь, — пригласила она взрослых.

— А я предложу сначала отгадать загадку, — сказал Володя детям. — Кругла как шар, красна как кровь, вкусна как мед. Что это такое?

— Вишня! Вишня! — хором закричали дети.

— Давайте проверим, так ли это, — рассмеялся Володя.

И все стали обрывать сочные ягоды, ели их и очень хвалили. Маняша сама скоро стала похожа на вишню — так она перемазалась соком. И воробьи налетели и тоже лакомились, и их уже никто не отгонял. Вишен много. Хватит на всех.

В ПУТЬ

Легкий туман курится над полями. Над Волгой встает солнце, неяркое, затуманенное. Река дремлет. Южный ветерок ершит рябью воду. Медленно, бесшумно плывет по течению длинный плот, оставляя за собой приглаженный след на воде. На плоту вьется синеватый дымок от костра и сливается с белесым туманом.

У берега — почерневшая от времени баржа, груженная лесом. С баржи спускаются бурлаки, не освеженные сном. Сходни скрипят и прогибаются под их тяжелой, неторопливой поступью. Лениво переругиваясь, бурлаки натягивают на плечи лямки, впрягаются в работу.

Тишина... Сонная тишина над огромной рекой, над полями.

Деятельны и не сонны только стрижи. На известняковой скале прилепились их гнезда. Как черные маленькие молнии, мелькают острокрылые птицы. Из гнезд высовываются широко раскрытые желтые клювы птенцов. И снуют, снуют без конца работяги стрижи, рассекая крыльями туман.

Вот зачокал валец, и звонкое эхо рикошетом поскакало по воде. Зазвенела коса о брусек, сверкнула на солнце. Зашагали косари по необъятному заливному лугу, сочно захрустела трава под косой.

— Р-раз-два — взяли! Р-раз-два! Р-раз-два! — Бурлаки подались левым плечом вперед, стараются сдвинуть с места глубоко осевшую в воду баржу. — Р-раз-два — взяли! Р-раз-два! Р-раз-два! — несется, как стон, над рекой.

Солнце поднимается выше, легкие космы тумана тают, оседая на траве хрустальной россыпью росы.

У рогатой коряги мужик в холщовых портах, завернутых выше колен, тащит из воды вершу. Ему помогает мальчонка лет двенадцати, голый — одна суровая нитка с медным крестом на шее.

Гриша стоит по грудь в воде, подталкивает плетенку снизу. Вот наконец верша в лодке. Отец хватает уверенной рукой рыб за жабры и кидает их на дно лодки. Мальчишка ворошит руками рыбу, хлопает панибратски сома по жирному боку. Выпрямляется во весь рост и, заслонившись рукой от солнца, смотрит на косогор.

— Тять, Ульяновы идут. Бежать мне надо, — деловито говорит мальчонка, натягивая на мокрое тело штаны.

— Ого-го-го! — кричит в картонный рупор Саша, появившийся на вершине косогора, и с толстых ив соскальзывают и летят ему навстречу босоногие загорелые мальчишки в выцветших рубашках.

У Саши за плечами туго набитый вещевой мешок. Ветер шевелит на голове густые темные волосы, серая рубашка, подпоясанная шнурком, облегает стройную фигуру. Рядом с ним Володя с веслами на плече, в руке ивовая корзина. Глаза у Володи лукавые, чуть раскосые и широко распахнутые. Он с гордостью поглядывает на брата, которого окружили мальчишки.

— Александр Ильич, у нас все готово!

— Александр Ильич, прикажете паруса ставить?

— Ленка сегодня опять дрался, не берите его с собой!

Володе нравится, что мальчишки тоже признают в Саше старшего и называют его по имени и отчеству.

У берега на привязи покачиваются старые плоскодонные лодки. Володя принес с собой дощечки с надписями: «Неустрасимый», «Вольный», «Стремительный» и теперь вместе с мальчишками прикрепляет их к бортам лодок.

На траве под суковатой ольхой расположились Илья Николаевич, Мария Александровна, Митя и девочки.

Аня поставила корзину на землю и, чуть подавшись вперед, что-то шепчет реке, словно здороваётся с ней. Оля в восторге поет, тащит за руку Митю, а Митя боится оторваться от маминой руки. Черноглазая Маняша сидит на плече у папы; ей лучше всех видна Волга.

К лодкам бегут мальчишки с веслами, удочками на плечах.

Гриша, запыхавшись, спрашивает Илью Николаевича:

— Здравствуйте! Александра Ильича не видели?

— Здравствуй, Гриша! Саша внизу с ребятами оснащает лодки.

— Не лодки, Илья Николаевич, а пакетбот. И не с ребятами, а с матросами, — резонно замечает мальчик.

— Прошу прощения, — серьезно отвечает Илья Николаевич.

Гриша бежит вниз.

Володя уже ждет своего приятеля.

— Что это у тебя под рубашкой трепыхается? Наверно, птица? — заинтересованно спрашивает Володя.

— Не-е, сомище — во! У тятки стащил, — хвастается Гриша и вытаскивает из-за пазухи рыбу. Сом не так уж и велик.

— Это зачем же? — спрашивает Володя.

— Известно зачем — уху варить будем.

— Ишь, Христос нашелся, одной рыбой хочешь целую флотилию накормить! — Володя взял из рук Гриши извивающегося сома и поднес к носу. Сморгнулся: — Плохо пахнет!

— Пошто? — удивился Гриша. — Она же живая!

— Живая, а воняет. Потому что ворованная. Беги к отцу и отнеси, не то Саше скажу.

Гриша разочарованно вздохнул. Но делать нечего. Капитан флотилии Александр Ильич шутить не любит. Спишет с корабля, и останется Гриша с рыбой на суше.

Мальчик побежал, оглянулся, смерил глазами расстояние до флотилии и до коряги и решил схитрить. Швырнул сома в Волгу и побежал обратно к ребятам.

А матросы уже занимали места на пакетботах.

— Аня-а! — кричит Саша в рупор.

— Сейчас! — отвечает ему сестра, торопливо что-то дописывает, подбегает к маме и передает ей тетрадь: — Mamочка, я стихи сочинила. Про Волгу. Прочтешь, когда мы отплывем. Пожалуйста, не сейчас. — Аня целует мать, машет рукой сестре и отцу, бежит вниз, ухватив подол длинного ситцевого платья.

Оля потерлась о плечо матери:

— Мур-мур...

— Иди, иди, — торопит Мария Александровна дочку, — слушайся во всем Аню, как меня.

— Обещаю! — кричит уже на ходу Оля.

Митя вскочил на ноги:

— Mamочка, папочка, разрешите мне тоже ехать. Я во всем буду слушаться Сашу.

Илья Николаевич взглянул на Марию Александровну и крикнул Володе, чтобы он взял с собою Митю.

— Я тоже хочу путешествовать, — решительно заявляет Маняша.

Мария Александровна привлекла ее к себе:

— Тебе надо еще немножко подрасти... и нам с папой будет очень скучно.

Саша отдает команду:

— Сниматься с якоря! Приготовиться к поднятию парусов!

— Маняша! Mamочка! Папа! Ого-го-го! — кричит Володя.

— До свида-а-ня! — машут платками девочки.

Мальчишки поднимают паруса. Веселый гомон затихает. Лодки отчаливают.

— Счастливого плавания! — разносится над рекой бас Ильи Николаевича.

— В добрый час! — напутствует детей Мария Александровна. — И так, дети отправились в путь, — с легкой грустью говорит она. — Даже мне захотелось пуститься вместе с ними.

— И мне, — признается Маняша.

Илья Николаевич поднимает дочку на плечо. Лодки, как белые лебеди, проплывают под парусами мимо утеса. Возникает песня — мальчишеская, звонкая, задорная. Разносится по реке и удаляется вместе с лодками.

На берегу наступает непривычная тишина. Становится чуть грустно, что умолк гомон ребячьих голосов, утесла песня.

— Уже волнуешься? — спрашивает Илья Николаевич, поглядывая на жену.

— Немножко.

— А я совершенно спокоен. — Илья Николаевич, прищурившись, всматривается в голубое марево, где скрылись лодки. — Саша очень тщательно подготовился к путешествию, продумал все до мелочей. Я рад, что он немножко отдохнет от своих книг и кольчатых. Хорошо, что он решил идти вместе со всеми, а не пустился один на своей душегубке. — Илья Николаевич улыбнулся своим мыслям. — Саша у нас на верном пути. Слышишь, Машенька, сын у нас будет ученым.

— Ты доволен?

— Я горд.

Мария Александровна раскрыла тетрадь, пробежала ее глазами.

— Слушай, Илюша, какие стихи написала Аня:

*...В тебе, Волга, сила родная народа,
Стремленье к свободе всей русской земли,
И именем павших за правду, за братство
Недаром зовутся утесы твои...*

— Хорошие мысли... верные мысли... — Илья Николаевич одобрительно кивнул головой.

Мария Александровна села на пенек в тень, продолжала читать.

— Аня у нас будет писательницей. Я часто думаю, кем будет у нас Оленька. Музыкантом или филологом?

— Оля талантлива, весьма талантлива, — задумчиво говорит Илья Николаевич.

Маняша, которая внимательно рассматривала муравьиную кучу, заинтересованно спросила:

— А что такое «талантлива»? Это хорошо?

— Хорошо, — смеется отец. — Это значит — умеет много и усердно трудиться.

Маняшино внимание привлекла большая стрекоза с янтарными крыльями, и она помчалась за ней.

— Беспокоит меня Володя. Горяч, упрям, насмешлив.

— У него хорошее, доброе сердце. Он очень способный мальчик, — горячо защищает Мария Александровна сына. — Ты его редко хвалишь.

— Боюсь, Машенька, боюсь. То, чего Оля добивается упорным трудом, он делает шутя. Ему многое дано, с него надо больше спрашивать... Вот Митя, он в вас, в Бланков, он будет врачом.

— Да он и лицом все больше походит на деда, — соглашается Мария Александровна. — Какое большое счастье, что у нас столько детей! Выводить в жизнь мальчиков будешь ты, девочек — я.

— Вместе, Машенька, вместе, всю жизнь вместе. Мы оба им очень нужны, и ты и я.

— А кем буду я? — вдруг неожиданно появляется Маняша.

— А кем ты хочешь быть? — спрашивает отец.

— Я хочу быть путешественником и еще кататься на лодке, — отвечает Маняша.

— Почему бы нам действительно не прогуляться по Волге? — Илья Николаевич поднимает на руки дочку.

— Ура! — кричит Маняша. — Мы тоже поедем путешествовать, далеко-далеко!

Спускаются по кособору вниз. Илья Николаевич отвязывает лодку, раскачивает ее сильным движением и стаскивает с песка в воду.

Маняша хлопает в ладоши, радуется, что у нее такой сильный папа. Она занимает место рядом с мамой. Илья Николаевич садится на весла.

— Ты помнишь, Машенька, двадцать лет назад мы также катались на лодке и я пел тебе песни?

— Мы тогда были молоды, а сейчас нам вдвоем уже сто лет! — смеется Мария Александровна.

— Неужели сто? Да. Тебе — сорок восемь, мне — пятьдесят два. Но тогда мы были с тобой вдвоем, а сейчас нас восемь человек, восемь, Машенька! И в среднем на каждого приходится... Сколько же приходится? — Илья Николаевич быстро подсчитал: — Нам в среднем по двадцать два года каждому. Совсем немного. Мы еще молоды, очень молоды.

Сильными взмахами весел Илья Николаевич выводит лодку на середину реки. Положил весла на борт, светлые струи бахромой стекают в воду, и он, обхватив руками колени и глядя на сидящих перед ним двух Машенок, поет задушевно и молодо.

ОРДЕН СВЯТОГО СТАНИСЛАВА

Под Новый, 1886 год в семье Ульяновых, как всегда, устроили бал-маскарад. Илья Николаевич вывернул мехом вверх шубу, прицепил к бороде длинные льняные пряди. Мария Александровна смастерила из ваты шапку, и он сидел возле елки, как настоящий Дед Мороз, только под наклеенными бровями поблескивали молодые, с огоньком глаза.

Гостиная наполнилась шуршанием роскошных костюмов из гофрированной разноцветной бумаги. Прекрасная испанка с веером, сверкая черными глазами из-под маски, ни на шаг не отходила от Кота в сапогах, который больше смахивал на д'Артаньяна. И никто, конечно, не узнавал в этой паре Олю и Володю. А Красная Шапочка — Маняша узнавала всех. В барышне-крестьянке она сразу угадала Олину подружку Сашу Щербо, в Дон Кихоте — Митиного приятеля Алешу Яковлева и, конечно, узнала в маленьком гноме пятилетнего Сашу, сына директора гимназии. Только спутала сначала маму с Аней. Две тоненькие елочки, закутанные в зеленую бахрому, танцевали лучше всех, но у мамы-елочки из-под зеленой шляпы выбилась белая прядь волос.

Кот в сапогах был неистощим на выдумки. Он был и актером и режиссером, придумывал веселые шарады и первый запевал ломающимся голосом.

— Я совсем погибаю, милый друг... — пел Кот в сапогах подруге-испанке и, сорвавшись на высокой ноте, смеялся звонко, вытирал лапой в белой варежке слезы под маской и признавался: — Вот видишь, молодая испанка, совсем погиб я...

До самого утра светились окна в доме Ульяновых. Два раза меняли свечи на елке. Кружились, изнемогая от смеха и веселья, пары. Без устали играла мама-елочка на рояле то нежные вальсы, то задорную плясовую. А сколько песен было спето!..

Спать расходились усталые, счастливые. Впереди была еще целая неделя веселых каникул...

...Но кончились каникулы.

Утром Володя, Оля, Митя и Маняша, вскинув за плечи ранцы, отправились в гимназию, Илья Николаевич пошел к себе в кабинет заканчивать годовой отчет. Мария Александровна с Аней разбирали елку, аккуратно укладывали самодельные игрушки в коробки из-под ботинок и вполголоса обсуждали, как там Саша в Петербурге, так ли весело он провел свои каникулы. Аня собиралась возвращаться в Петербург на курсы.

Елка опустела. Дождем сыпалась с нее хвоя, на ветках поблескивали осенней паутиной ниточки канители, под ногами хрустела бертолетова соль, изображавшая снег.

Аня понесла коробки с елочными игрушками на чердак. Мария Александровна взяла в передней с полки «ежик» и стала чистить стекла на лампах. Мягко ступая, зашла в кабинет Ильи Николаевича. Он сидел за письменным столом прямой, развернув плечи, так же, как учил сидеть за партой учеников, и ручку легко сжимал пальцами, и лист бумаги лежал перед ним чуть повернутым влево. Он сам делал всегда так, как учил детей.

Мария Александровна сняла с лампы стекло, подышала в него, прочистила «ежиком», подровняла ножницами фитиль в лампе. За окном вьюжило, надвигались ранние зимние сумерки.

Илья Николаевич откинулся на спинку стула.

— Не зажигай пока лампу. Посумерничаем.

— Тебе пора отдохнуть, — сказала Мария Александровна.

— Я не устал, и осталось совсем немного.

Илья Николаевич перебирал на столе листы, исписанные красивым, четким почерком.

— Помнишь, Машенька, шестнадцать лет назад, когда мы с тобой приехали в Симбирск, я насчитал тогда по всей губернии...

— ...восемьдесят девять школ, — подхватила Мария Александровна.

— А сколько учеников в них было? — тоном экзаменатора шутливо спросил Илья Николаевич.

О, она очень хорошо помнит: две тысячи учащихся на всю губернию.

— А сейчас, Машенька, в губернии четыреста тридцать четыре школы, и учеников в них более двадцати тысяч.

В голосе Ильи Николаевича звучала гордость.

— А девочек сколько?

— Три тысячи с лишним. Маловато еще.

Мария Александровна вспомнила, как огорчало Илью Николаевича, что в школах вовсе нет девочек, и как он воевал с крестьянами, уговаривая их посылать дочерей учиться.

— Подумай, Машенька, в деревне стало в десять раз больше грамотных. А ты говоришь — «не следует ли отдохнуть». Душа радуется, когда смотришь на эти цифры. Но ой-ой-ой, сколько еще надо сделать! Дожить бы до такого дня, когда все население губернии будет грамотным. А?.. Доживем?

— Конечно, доживем.

— Придется выдержать большую борьбу против похода на земские школы. Если школы превратят в церковноприходские, отдадут их под власть попов — беда, будут они выпускать полуграмотных невежд.

В передней кто-то стучал промерзшими сапогами, обивая с них снег.

В кабинет вошел вестовой Михеич, привез почту.

Мария Александровна зажгла лампу, подождала, пока огонек расползется по всей кромке фитиля, надела стекло и сверху зеленый абажур.

— Из Казани какое-то важное письмо. — Илья Николаевич вскрыл пакет, вынул толстый лист бумаги, украшенный гербом Российской империи, пробежал его глазами и тихо охнул. — Машенька, — сказал он упавшим голосом, — наградили меня... орденом Святого Станислава первой степени.

— Поздравляю...

Мария Александровна взглянула на побледневшее лицо мужа и осеклась. Пошарила рукой стул, опустилась на него.

— Это конец, Машенька. Это третий звонок. Ведь это означает — пожалуйста в отставку, господин Ульянов. В отставку! — Илья Николаевич прислушался к этому странно и по-чужому звучащему слову. Встал и, заложив руки за спину, зашагал по комнате.

Только теперь до сознания Марии Александровны дошел страшный смысл этих слов. Она помнит, что первым звонком Илья Николаевич назвал орден Анны, которым он был награжден за двадцать лет службы; вторым был орден Святого Владимира, за двадцать пять лет службы, и тогда волновался, что уволят.

А теперь, после тридцатилетней работы, отправляют на пенсию, на покой.

— Неужели это мой последний годовой отчет? — Илья Николаевич посмотрел на бумаги, лежащие на столе. — Что же дальше? В пятьдесят четыре года надеть шлафрок, комнатные туфли и наблюдать жизнь через окно? И это называется покой? Это же смерти подобно!

Никогда не видела Мария Александровна своего мужа таким растерянным и поникшим.

— Может быть, можно ходатайствовать? — неуверенно сказала Мария Александровна.

— Нет, бесполезно. Закон есть закон. Я старался о нем не думать, смотрел только вперед, надеялся на какое-то чудо. Но чуда не произошло... В отставку!.. А у нас с тобой дети еще на ноги не поставлены. Как мы, восемь душ, проживем на одну пенсию?

— Об этом не печалься, — ласково сказала Мария Александровна. — Продадим дом, снимем маленькую квартиру, я сумею экономно вести хозяйство, а там и дети закончат образование.

— Но у меня так много неисполненных планов! — горько воскликнул Илья Николаевич. — Четыреста тридцать четыре школы! А их должно быть тысяча. Сотни новых светлых школ, грамотный народ, просвещенный край. Вот о чем мечтал я. И вместо этого орден, золотой крест на широкой красной ленте с двойной белой каймой, серебряная восьмилучевая звезда. Нарядно! Помпезно! На оборотной стороне звезды выгравировано по-латыни: «Премииандо инцитат!», что означает: «Награждая, поощряет!» Какое лицемерие! «Поощряет!» На что? На какие дела? Лишают возможности трудиться и называют это поощрением.

Крупные капли пота выступили на его высоком лбу.

Мария Александровна сидела подавленная. Слезы сжимали ей горло. Чем она могла помочь ему, чем утешить?

— Илюша, ты всегда будешь желанным гостем в школах...

— Гостем? — Илья Николаевич расстегнул ворот косоворотки. — А поставить преподавание так, как я это понимаю, мне дозvoлят? А новые школы разрешат строить?.. «Премииандо инцитат!» — сквозь зубы, как бранные слова, произнес Илья Николаевич.

— Не может быть, чтобы человека в расцвете его деятельности отстранили от работы. Будешь хлопотать, будешь добиваться. Тебя ценят.

— Ты видишь, как меня ценят, — усмехнулся Илья Николаевич.

— Мы найдем какой-нибудь выход, найдем. Все уладится. Ты отдохнешь, и, кстати, надо оформить дворянское звание. Ведь ты уже третий раз получаешь на него право.

— Что мне оно даст? Право на работу?

— Это звание нужно детям, оно облегчит им поступление в университет, поможет в жизни.

— Успеем, успеем.

— Так ты уже откладываешь четыре года, — с легким укором сказала Мария Александровна.

Она пыталась отвлечь Илью Николаевича, но он думал о своем. Его, привыкшего с малых лет к труду, к общению с большим коллективом людей, лишали работы, отстраняли от любимого дела...

Весть о награждении директора народных училищ орденом Станислава быстро распространилась по Симбирску.

В дом потянулись визитеры: сослуживцы, друзья, знакомые — поздравляли с высочайше пожалованной наградой.

Приехал инспектор Иван Владимирович Ишерский. Он искренне радовался. Илья Николаевич благодарил, — не хотел разочаровывать преданного друга, да и знал, что Иван Владимирович не поймет его. Многие ведь считают, что чины и ордена украшают человека больше, чем его дела. Но эти шумные поздравления угнетали Илью Николаевича, он вдруг стал мнительным, ему чудилось в этих поздравлениях прощание с ним.

На третий день, 10 января, Илья Николаевич пожаловался жене:

— Что-то тошнит меня от этих поздравлений и голова болит нещадно. Не пускай ко мне никого.

Мария Александровна помогла мужу прилечь на диван, положила на голову мокрое полотенце.

— Тише, дети, папе нездоровится, — сказала она и, отозвав Володю в сторону, попросила его сбегать за врачом.

Врач не нашел ничего тревожного. Очевидно, легкое отравление и усталость. Прописал капли Иноземцева и уехал.

Мария Александровна не сомкнула глаз всю ночь. И днем металась по дому, как птица с поломанным крылом, не находя покоя.

12 января Илья Николаевич почувствовал себя лучше и снова уселся за отчет.

В этот день мела сильная метель. Дети вернулись из гимназии, прошли в кабинет отца, увидели, что он углублен в работу, — значит, здоров. Но, видно, непогода давала себя знать. Маняша и Митя капризничали, были взъерошенные, как воробьи, не могли спокойно играть, и Мария Александровна отпустила Митю к Алеше Яковлеву, а Маняшу Аня забрала к себе наверх, где они уютно устроились с Олей и Володей. Аня рассказывала им о красивейшем в мире городе Петербурге, о перламутровом отсвете белых ночей на Неве, о Саше, который работает над дипломом и отказался поехать домой на каникулы, считая, что вдвоем с Аней это будет стоить слишком дорого. На будущий год Володя и Оля кончат гимназию и тоже поедут учиться в Петербург. В семье будет четыре студента.

— Страшно ехать на поезде? — спросила Оля. Кроме Саши и Ани, никто из детей Ульяновых не ездил по железной дороге.

— Нет, вовсе не страшно, — уверяла Аня, — только очень тесно и душно.

— И никакой палубы нет? — поинтересовалась Маняша.

— И палубы нет. На пароходе путешествовать куда приятнее.

— Мы каждый вечер вчетвером будем гулять по набережной Невы. — Оля прижалась к сестре.

Но Володя предупредил, что он будет пропадать в библиотеке.

Мария Александровна сидела в столовой, бралась то за шитье, то за вязанье, но работа валилась из рук. «Что это со мной? Почему так тревожно на сердце? Ведь доктор сказал, что ничего опасного. Может быть, стосковалась по Саше? Но от него вчера было письмо, бодрое, ласковое. Может быть, вьюга нагоняет тоску?»

Она отложила шитье, накинула платок и вышла в сад. Ходила по скрипучим от мороза дорожкам. Яблони, покрытые пушистым снегом, стояли словно в цвету. Тронула рукой ветку — снег осыпался, оголились темные узловатые сучки.

Вернулась в дом, осторожно приоткрыла дверь в кабинет Ильи Николаевича. Он сидел за письменным столом, оглянулся. «Очень плохо выглядит», — больно кольнуло в сердце. И снова тоска, отчаянная, до слез. Вышел к обеду в столовую, старался шутить, даже предложил Володе сыграть партию в шахматы, но раздумал, пошел к себе.

Мария Александровна заглянула в кабинет.

Илья Николаевич лежал на широком кожаном диване съездившись, словно ему было холодно.

— Илюша! — окликнула она мужа. — Илюша, что с тобой? — присела на край дивана, провела ладонью по высокому холодному лбу... — А-а-а!.. — разнесся вдруг вопль по комнатам.

Первый раз в жизни услышали дети этот отчаянный, полный ужаса крик матери.

Сбежали вниз. Мама стояла у дверей кабинета.

— Папа не умер! Нет! Он не умер! Он не может умереть!..

...В доме необычно тихо. Дети сидят в столовой, тесно прижавшись друг к другу, учат уроки. Аня, закутавшись в платок, прислонилась к теплой печке. Оля шепотом учит французские глаголы, смахивает слезы с ресниц. Володя вполголоса объясняет Мите задачу. Маняша старательно выводит буквы.

В доме словно ничего не изменилось. Мама, как всегда, встает раньше всех, кормит детей завтраком, отправляет их в гимназию. По возвращении спрашивает про отметки. Но дом стал пустой и гулкой. Нет папы. Он отсутствовал часто и раньше, разъезжая по своим школам. Но тогда все жили в счастливом ожидании. Зимним вечером, заслышав фыркание лошадей под окном, всей семьей бежали в переднюю, распахивали скрипучую, промерзшую дверь. На пороге появлялся в своей большой серой шубе с пушистым заснеженным воротником папа, стряхивал с усов и бороды светлые льдинки, подставлял холодную румяную щеку для поцелуя и нетерпеливо спрашивал: «В доме все благополучно? Все здоровы?..» И вот никогда-никогда этого больше не будет. Дверь в папин кабинет закрыта. По вечерам там всегда сидит мама. Дети чувствуют, что она не с ними. Они знают, что утром, как только закрывается за ними дверь, она отправляется на кладбище, на могилу папы. По вечерам не звучит больше колыбельная песня. Рояль затаен парусиновым чехлом.

Сейчас Мария Александровна сидит в кабинете Ильи Николаевича, в его кресле, за его столом, и о чем-то думает, думает...

На столе рядом с портретом Ильи Николаевича лежат его часы, старые мозеровские часы. Он купил их перед свадьбой и никогда не забывал заводить. И вот теперь они остановились. Мария Александровна взяла часы и осторожно завела их ключиком. Стальное сердце забилося мерно и четко. Время продолжало свой бег. Теперь Мария Александровна будет носить эти часы до конца своей жизни.

— Я пойду погуляю, — сказала она детям, заглядывая в столовую.

Мимоходом погладила Маняшу по голове, поправила косо лежавшую тетрадь у Мити.

— Мамочка, приходили Вера Васильевна и Иван Владимирович. У него какое-то важное дело, но мы решили тебя не беспокоить, — сказала Аня. — Он придет попозже.

— Да, хорошо.

— Можно мне с тобой? — спросила Аня и подняла на мать большие печальные глаза.

— Нет, ты простужена. Я скоро вернусь.

Дети переглянулись. Ничто не радовало маму, даже друзья, даже сердечная и добрая Вера Васильевна Кашкадамова.

Володя выждал, пока хлопнет дверь, быстро встал, набросил шинель и пошел следом за мамой. Нельзя оставлять ее одну.

Она шла вверх по Московской улице, освещенной луной и редкими газовыми фонарями.

Вот дом, в котором они жили двенадцать лет назад. Теперь там живут другие.

С Московской она свернула на Стрелецкую. Сюда, в этот дом, они приехали из Нижнего Новгорода шестнадцать лет назад. Здесь родились Володя, Оля, Митя.

Вышла на Старый Венец.

Володя как тень следовал за матерью.

Мария Александровна остановилась над спуском к Волге. Перед ней — застывшая ледяная пустыня. Метет позёмка. Затуманенная луна висит над Волгой, как одинокий газовый фонарь.

Совсем недавно они всей семьей спускались по этому откосу, шли провожать детей в далекое интересное путешествие. «Всю жизнь, Машенька, вместе, всю жизнь», — говорил тогда Илья Николаевич. «Сто лет на двоих не так уж много», — шутил он. А теперь все сто лет легли на нее одну.

Володя чувствует, какие думы одолевают маму, понимает, что ей нужно побыть одной, что он не должен быть свидетелем ее горестных дум. Он отходит за угол дома, сквозь голые кусты акаций смотрит во двор, на маленький флигель в три окна, где он родился. Здесь прошло его раннее детство. Он всегда был средним в семье, а теперь, после смерти отца и когда Саша в Петербурге, он стал старшим и самым сильным. Как помочь маме? Ей тяжелее всех.

— Как же дальше, Илюша? — шепчут губы матери. — Ты стоял рядом, как утес. Было спокойно, солнечно. Мы все надеялись на твою мудрость, а теперь?..

Шестеро детей... Шесть дорог...

Много дорог проложено через Волгу. Далеко за рекой мерцают слабые огоньки деревень. А где она, дорога ее детей?

Когда дети были маленькие, она затевала с ними бесхитростную увлекательную игру — путешествие в страну Добра и Радости. Змея Горыныча изображал рояль... Все было легко и просто. А как в этой жизни выбрать правильный путь?

Метет позёмка по Волге, замечает дороги, путает их. Луна исчезла в облаках. Ветер развеивает полы мантильи. Мария Александровна не замечает ни колющего ветра, ни холода, ни ночи.

— Что делать? Как быть? — шепчут губы. — Выдержит ли сердце?

— Мамочка! — тихо окликнул ее Володя.

— Ты что, Володюшка, случилось что-нибудь? — встревожилась мать.

— Нет, мамочка, дома все в порядке. Все ждут тебя, и я пошел к тебе навстречу.

Он взял мать под руку, взял крепко по-мужски и нежно по-сыновьи.

Мария Александровна глубоко вздохнула, словно очнулась от тяжелого сна. Дети ждут. Она ушла от них в свое горе. Но и они горюют не меньше ее. Она нужна, она очень нужна им.

— Скорее пойдем домой, — торопила Мария Александровна.

Дома ждал Иван Владимирович Ишерский.

— Я принес вам хорошие вести, дорогая Мария Александровна. Может быть, это явится для вас некоторым утешением в вашем горе. Казанское попечительство сообщило, что вам предоставлена честь получить орденские знаки Святого Станислава, пожалованные вашему покойному супругу.

Мария Александровна побледнела и, взглянув на детей, пригласила Ивана Владимировича пройти с ней в кабинет.

— Я их не намерена получать, — сказала она, опускаясь на стул.

Ишерский изумленно поднял брови.

— Но почему? Такая высокая награда. Может быть, вас смущает то, что за пожалованный орден вам надлежит внести на богоугодные дела сто пятьдесят рублей?

— Сто пятьдесят рублей? — удивилась Мария Александровна. — Как я могу отдать полуторамесячную пенсию, которую я получаю на семь человек?

— Эта недоимка числится за покойным Ильей Николаевичем, и, если не будет на то вашего доброго согласия, казна удержит эту сумму из пенсии. А орденские знаки, любезная Мария Александровна, надо принять. Большая честь, а за честь надо платить... — В голосе Ивана Владимировича зазвучали холодные нотки. Он не понимал Марию Александровну, так же как не мог никогда понять, почему Илья Николаевич откладывал оформление потомственного

дворянства своей семьи. — Я уверен, дорогая Мария Александровна, что вы измените свое решение. И еще я хотел посоветовать вам начать хлопоты о внесении вас и ваших детей в дворянскую родословную книгу.

Конечно, Ишерский желал добра ей и ее детям. Но как она может объяснить, что орден Святого Станислава вторгся в их жизнь как мрачное предзнаменование, что Илья Николаевич не мог смириться с необходимостью оставить любимое дело и, может быть, это и явилось главной причиной его смерти.

— Вы правы, Иван Владимирович, я завтра же напишу прошение о присвоении нам дворянского звания, а что касается орденских знаков...

— Надеюсь, что вы не заставите меня писать Казанскому попечительству о том, что вы отказались от их получения? — Ишерский нервно теребил бородку. — Что подумают о вас, о семье всеми уважаемого Ильи Николаевича. А платить на богоугодные дела вас все равно принудят.

— Что я могу поделать против насилия! — горько усмехнулась Мария Александровна. — Прошу вас сообщить куда надлежит, Иван Владимирович, что вдова действительного статского советника Мария Ульянова не пожелала принять орденские знаки Святого Станислава.

«Как горе ожесточает человека», — подумал Ишерский.

Мария Александровна стояла, комкая в руке платок. Сердце ее стремилось к детям, оно стосковалось по ним.

ПИСЬМО

Володя подошел к дому, взялся за ручку двери и медлил повернуть. Из гостиной доносились приглушенные звуки музыки. Играла мама. Совсем недавно сняла она траурный чехол с рояля, и в дом вернулись музыка и песни. По вечерам снова слышалась колыбельная, хотя в колыбели давно уже никто не лежал и самой младшей, Маняше, шел десятый год. Все в семье любили эту песню, и с ней так же трудно было расстаться, как со счастливым детством. А сейчас мама играет что-то свое, импровизирует, словно думает вслух.

Как тяжело Володе было открыть дверь и преодолеть восемь ступенек на террасу! Он остановился у окна. Настенная лампа в гостиной освещала раскрытый рояль, белую голову матери, ее четкий профиль. Какая мама тоненькая и хрупкая, в лице ни кровиночки, даже губы совсем бледные, и только в ярких карих глазах живость, и доброта, и затаенная грусть. Над клавишами летают мамины руки. Пальцы едва касаются клавиш, а струны звучат, как оркестр. Они так близки, мамины руки, что, если бы не было оконного стекла, Володя мог бы до них дотронуться. Чего бы только он не совершил, чтобы оградить маму от новых бед и несчастий!

Он сжал письмо. «Может быть, порвать — скрыть от мамы страшное известие?.. Нет, это невозможно, она узнает по глазам».

Он продолжал стоять у окна. Продлить хоть на несколько минут отдых матери, ее покой. Никогда он еще так нежно не любил мать, как теперь, после смерти отца. Володя видел, с каким

мужеством она затаила в себе горе, сделала все, чтобы дети меньше ощущали потерю отца, чтобы в доме не чувствовалось гнетущего траура. Он понимал, каких душевных сил ей это стоило.

И вот снова...

В гостиную вбежала Маняша. Мама что-то у нее спрашивает, вынула из-за корсажа часы и покачала головой. Видно, тревожится, что так долго нет его, Володи. Нет, он не зайдет в дом, пока она не кончит играть.

Мария Александровна пробежалась пальцами по клавишам и медленно опустила крышку рояля.

Володя вошел в переднюю.

— Это ты, Володюшка? Что так поздно? — окликнула его Мария Александровна.

— Я был у Веры Васильевны, мамочка, — говорит он скороговоркой, проходя в гостиную и приглаживая обеими руками непослушные кудри на голове.

— Почему ты решил заглянуть к ней? Она же вчера вечером была у нас.

— Мы беседовали о петербургских арестах. В столице раскрыто покушение на царя.

— Опять покушение? — спросила Мария Александровна, вспомнив, что шесть лет назад в симбирских церквах целый день колокола били в набат по случаю убийства Александра II. — Но почему ты решил говорить об этом с Верой Васильевной?

— Она беспокоится, как там Саша и Аня.

— При чем тут они? — И смутная тревога возникает в сердце матери.

— Среди студентов идут аресты. Сашу и Аню могли захватить заодно.

— Что это тебе пришло в голову? Не могут же арестовать всех студентов?.. Володя, ты что-то знаешь? — обеспокоенно спрашивает Мария Александровна.

Володя молчит, потупив глаза, стиснув пальцы.

Мать положила руки на плечи сына:

— Володя, говори, ты не умеешь лгать.

— Мамочка, ничего страшного не произошло. Но Вера Васильевна получила от Песковских сообщение, что Саша и Аня арестованы. Я уверен, что это недоразумение, — поспешил добавить Володя, видя, как побледнела мать. Сам он понимал, что это дело для Саши может закончиться очень плохо.

— Саша и Аня в тюрьме?.. Возможно ли это? Они так далеки от всех этих дел. Саша увлечен естественными науками. Он мечтает о профессорской кафедре. Непостижимо!

— Мамочка, я поеду в Петербург.

— Нет, у тебя скоро экзамены, Володя, выпускные экзамены. В Петербург поеду я, и немедленно. Ты останешься дома с младшими. Сходи за Верой Васильевной, надо посоветоваться с ней. Я пойду к Ивану Владимировичу, он поможет.

— Вера Васильевна сама обещала прийти, а к Ишерскому я пойду вместе с тобой.

...Они шли молча. По прерывистому, тяжелому дыханию матери Володя видел, как ей тяжело. Мария Александровна не замечала прохожих. Володя отвечал на приветствия за мать и за себя вежливым поклоном.

Ишерский сам открыл дверь.

— Мария Александровна, какими судьбами? Добро пожаловать! Лена, — крикнул он жене, — гости к нам, готовь чай!

Мария Александровна опустилась на стул, сдвинула на затылок платок.

— Горе у нас, дорогой Иван Владимирович. Сашу и Аню арестовали в Петербурге. Научите, посоветуйте, что делать, к кому обратиться. Как спасти детей моих?

— Это не в связи с покушением на его императорское величество? — испуганно перекрестился Ишерский.

— Да. Песковский пишет, что в связи с этим. Но мои дети не могли стать террористами — вы их знаете. Родной Иван Владимирович, помогите!

Хозяин дома знаком руки показал жене, чтобы она не входила в комнату.

— К сожалению, я здесь не помощник, — произнес он и, сев за стол, нетерпеливо забарабанил пальцами. — Суд разберется: если они не виновны, их освободят, а если задумали поднять руку на священную особу... Будем надеяться на лучшее. Да поможет вам господь бог!

Володя стоял за спиной матери, обняв ее за плечи.

— Мамочка решила ехать в Петербург, хлопотать. Куда вы посоветуете ей обратиться? — спросил он, прямо глядя в глаза Ишерскому.

— Не могу знать, не могу знать...

— Можете вы, по крайней мере, дать лошадь, чтобы мамочка могла добраться до Сызрани? — спросил Володя.

Ишерский встал.

— С превеликим удовольствием, но я уже отпустил кучера, — пробормотал Ишерский, избегая сверкающего взгляда юноши.

Мария Александровна тяжело поднялась со стула.

Хозяин спешил открыть двери.

— Уповайте на милость божью, на суд праведный.

Мария Александровна медленно спускалась по ступенькам, словно несла на себе новый тяжелый груз.

— И это называется прогрессивно мыслящая личность! — гневно и пылко вырвалось у Володи.

Все внутри него бушевало, протестовало.

— У него семья, Володюшка. Он опасается за ее благополучие... Ступай, Володюшка, на постоянный двор, на почту, найми ямщика, а я пойду домой. К знакомым не заходи, не надо их ставить в тяжелое положение.

Мария Александровна понимала теперь, что бороться за своих детей предстояло ей одной. В глазах симбирского общества она уже не вдова действительного статского советника, а мать государственных преступников. Но для нее, матери, ее дети не могли быть преступниками. Чистый, благородный Саша, справедливый во всем, он не мог пойти на преступление, стать террористом. Хрупкая, нежная Аня, всегда болезненная, мечтательная, увлеченная изящной литературой, — и... террористка? Нет, это немыслимо.

Может быть, Иван Владимирович прав: суд разберется, освободит их.

И вдруг в памяти Марии Александровны возник вечер в Кокушкине, когда Саша, Аня и Володя, стоя на крыльце, разгоряченные, потрясая сжатыми в кулак руками, громко, как клятву, повторяли:

*...И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной!..*

«Сберегите эти слова в сердце своем», — посоветовала она тогда детям. Вспомнилось гимназическое сочинение Саши. «Служба царю не входит в программу моей жизни...»

«Нет, нет, это невозможно», — отгоняла она от себя мрачные мысли. Саша не мог состоять в тайной организации, он сказал бы об этом отцу. Аня поделилась бы с ней, с матерью. У детей не было от родителей тайн.

Нельзя, чтобы глаза застилали слезы, чтобы горе туманило рассудок. Предстоит борьба. Нужно очень много сил. От ее душевной стойкости сейчас зависит все.

Дома ее ждала Вера Васильевна.

Мария Александровна пытливо заглянула ей в глаза. Может быть, и она... Нет, это настоящий друг, это настоящие слезы.

Молодая учительница прильнула к Марии Александровне.

— Что бы ни случилось, я всегда с вами. Да, да, поезжайте в Петербург, хлопчите, действуйте. За дом не беспокойтесь: я каждый день буду здесь.

— Спасибо, спасибо. Я уверена, что все обойдется, все кончится благополучно.

Вера Васильевна уже поведала детям — Оле, Мите и Маняше, — какая грозная опасность нависла над их старшим братом и сестрой. Завтра они об этом узнают в гимназии, надо было их подготовить.

Дети ни на шаг не отходили от матери. Первый раз в жизни уезжает она от них в далекий Петербург. Их доверчивые сердца полны надежды, что маме удастся высвободить Сашу и Аню из тюрьмы и они вернутся домой.

Володя весь вечер ходил от трактира к трактиру, от постоялого двора к почте, наведывался к чиновникам, купцам, которые часто ездили в Сызрань и никогда раньше не отказывались прихватить с собой кого-либо из семьи Ульяновых.

Но весть о покушении на царя и аресте детей Ульяновых уже облетела весь Симбирск, и ни у кого не оказывалось в санях места для Марии Александровны.

Одни, отводя глаза в сторону, бормотали что-то несвязное, другие грубо отвечали, что для Ульяновых нет места не только в санях, но и на православной земле.

Трусость, животный страх видел Володя в глазах симбирских обывателей. Даже те, которые любили при случае поиграть словами «свобода, равенство и братство», не прочь были рассказать анекдот о тупости и невежестве Александра III, поплакать над горькой долей русского мужика, теперь всячески подчеркивали свои верноподданнические чувства.

Уже отчаявшись найти сани, Володя вдруг вспомнил, что у его приятеля Гриши отец занимается извозом.

Поздно ночью он постучался в окно деревянного домика.

Гриша, заспанный, взлохмаченный, прижав нос к стеклу, взгляделся в темноту и, узнав Володю Ульянова, накинул полушубок и выбежал во двор.

Выслушав Володю, вздохнул:

— Уламывать отца придется, но ты знай себе да помалкивай. Поворчит, поломается, а поедет. Человек же он!

На рассвете Володя усадил мать в сани, крепко поцеловал ее, заботливо подоткнул со всех сторон плед. Глаза у Марии Александровны были сухи, губы решительно сжаты.

Володя с Верой Васильевной долго стояли на крыльце, прислушиваясь к дребезжанию бубенчика.

Мария Александровна отправилась в долгий и нелегкий путь.

СУД

Время перевалило за полдень. Солнце заглянуло в окно и опустило в зал Сената светлую завесу, отделив скамьи подсудимых от судей, сословных представителей, обер-прокурора, свидетелей обвинения. Суд витиевато именовался особым присутствием Правительствующего Сената.

Александр Ильич поднял кудрявую голову и, прищурившись, ласково и задумчиво посмотрел на солнечный луч.

У стола перед судьями подсудимый Канчер. Он жалко, трусливо лепечет:

— Несчастный случай свел меня с ними, — и кивает головой в сторону подсудимых. — Я не революционер. Нет, нет, я не революционер. Я всегда был верным подданным его императорского величества... Поэтому я припадаю к стопам...

Брезгливая гримаса исказила спокойное лицо Александра Ильича.

— Негодяй! — сжимая кулаки, бросает в лицо предателя сидящий рядом с Ульяновым Шевырев.

Председатель суда, или, как его здесь величают, первоприсутствующий сенатор Дейер, звонит в колокольчик. Его надменное лицо краснеет от гнева.

— Продолжайте, — говорит он по-отечески Канчеру.

— Я припадаю к стопам его императорского величества и всеподданнейше прошу даровать мне жизнь.

Тучка заслонила солнце, и светлая завеса исчезла. В зале потемнело. Канчер сел на место. Подсудимые раздвинулись в стороны. Предатель поглядел направо, налево и сжался в комок. Ему стало страшно от презрительных, негодующих взглядов его недавних товарищей. Он ерзал на скамейке и не чувствовал локтя ни с одной, ни с другой стороны.

Пройдет несколько лет, и Канчер сам наденет себе петлю на шею и повесится.

Но сейчас идет заседание суда. У дверей выстроились жандармы. На скамьях для публики чиновники, околоточные надзиратели, приставы. Их лица угодливо отражают движение каждого мускула на лице первоприсутствующего. Дейер благосклонно кивнул головой в сторону Канчера, и они кивают. Дейер с раздражением глянул на Шевырева, и они готовы вскочить и растерзать крамольника.

Дубовые двери медленно раскрылись, и в зал заседания вошла Мария Александровна.

Она идет по проходу, ищет глазами на скамье подсудимых сына... Нашла... Боль исказила ее лицо. Он тоже ее заметил, вскочил с места, улыбнулся...

Резкий звонок, и скрипучий голос Дейера прервал последнее слово Шевырева:

— Подсудимый Ульянов, сядьте!

Александр Ильич стоит и смотрит на мать спокойно и грустно, нежно и ободряюще... Опускается на скамью только тогда, когда садится мать.

В открытую форточку влетела вместе с солнечным лучом ласточка и заметалась под потолком. Подсудимые следят за птицей. В солнечной полосе светлая голова матери, умное, печальное лицо ее.

— Генералов, — дребезжит голос Дейера, — ваше слово.

Юноша встает и подходит к столу:

— В свое оправдание я могу сказать только то, что я поступал согласно своим убеждениям, согласно со своей совестью.

Садится рядом с Александром. Они сомкнули руки.

— Подсудимый Андреюшкин. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Александр Ильич шепчет ему:

— Говори все на меня, прошу тебя.

Андреюшкин звонким юношеским голосом отчеканивает каждое слово:

— Я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении, потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил.

Сел на место, шепнул Александру:

— Спасибо, друг.

Дейер вызывает Ульянова.

Александр Ильич не торопясь встает, окидывает взглядом товарищей, подходит к столу. Долго молча смотрит на мать. Мария Александровна, судорожно вцепившись пальцами в ридикюль, старается улыбнуться.

— Я отказался от защитника, и мое право защиты сводится к праву рассказать о том умственном процессе, который привел меня к необходимости совершить это «преступление».

Мария Александровна понимает, что эти слова сына обращены к ней, обращены к молодежи, что заполнила улицы вокруг здания суда.

— Я могу отнести к своей ранней молодости, — продолжает Александр Ильич, — то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае...

— «Случае!..» — зло выкрикивает чиновник из публики, — поднял руку на его императорское величество и называет это «случаем»!

— Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно...

«Почему же все скрыл от меня? Почему не доверил?» — с горечью думает Мария Александровна.

— Короче! — кричит Дейер. — Здесь не студенческая сходка... Вы забываете, что должны защищать себя...

Александр Ильич спокойно отвечает:

— Я защищаю свои убеждения... Я убедился, что единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом... Но жизнь показала, что при существующих условиях таким путем идти невозможно...

Александр Ильич смотрит на мать.

— Невозможно! — повторяет он, как бы оправдывая себя перед ней. — Если мне удалось доказать, что террор есть естественный продукт существующего строя, то он будет продолжаться...

Мария Александровна с болью смотрит на сына.

«Сашенька, прав ли ты, друг мой?» — говорят ее глаза.

Александр Ильич с убежденностью продолжает:

— Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданны своим идеям и настолько горячо сочувствуют несчастью своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело...

Дейер вскакивает с места и изо всех сил звонит в колокольчик. Обер-прокурор пронзительно смотрит на мать.

— Каков сынок? — спрашивает он ехидно.

Мария Александровна гордо поднимает голову, только слеза блестит на щеке.

— Повесить охальника! — кричат околоточные надзиратели, чиновники. — Повесить террориста!

— Смерть! Виселица! — беснуются жандармы, полицейские в зале.

Вокруг белой головы матери мелькают усы, похожие на пики, глаза, как свинцовые пули, шнуры аксельбантов, как петли виселиц...

«Не пощадят... Убьют... Не помилуют...»

Она встает. Сын не должен видеть ее слез. Она не сможет выслушать приговор о смерти сына.

Александр Ильич видит, как белая голова его матери мелькает над напомаженными шевелюрами, лоснящимися лысинами. Вверху под потолком мечется ласточка... Мария Александровна, задыхаясь, остановилась у дверей, смотрит на сына. Саша долго и скорбно глядит на мать.

— Прости! — чуть слышно шепчет он.

И мать услышала и еле заметно кивнула ему.

— Таких людей нельзя ничем запугать! — несется вслед уверенный голос ее сына.

Она выходит на улицу.

— Таких людей нельзя ничем запугать, — слышит она голос студента.

— Это герои, — говорит другой.

По улице ходят студенты в одиночку, парами. Полицейские строго следят за тем, чтобы молодые люди не собирались вместе.

— Мать! — восклицает студент, провожая Марию Александровну взглядом.

— Мать одного из тех, — шепчут вокруг.

Девушка-курсистка подбежала к Марии Александровне, схватила ее руку, целует.

Студенты срывают с голов фуражки.

Улицы сдвинулись... Душно... Дома падают... давят. Солнце сморщилось, потемнело.

Мать идет по улице.

НОЧЬ

Митя и Маняша спали в детской наверху, они еще ничего не знали.

Мама была там, в Петербурге, она узнала обо всем раньше всех.

В столовой догорала лампа, отбрасывая широкий светлый круг на стол, на разложенные на нем «Симбирские губернские ведомости».

Оля, обхватив голову обеими руками, покачивалась из стороны в сторону, изнемогая от слез.

Володя не сводил глаз со страшных строк:

«...Приговор особого присутствия Правительствующего Сената о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андреюшкиным, Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8-го сего мая 1887 года».

Володя провел ладонью по газете, словно хотел смахнуть, стереть эти строки, и никак не мог заставить себя осознать зловещий и чудовищный их смысл.

Как это может быть, чтобы Саша больше не существовал? Возможно ли, чтобы умного, светлого, справедливого Сашу казнили?..

От отчаяния и душевного протеста Володе хотелось кричать, немедленно бежать куда-то, найти убийц и уничтожить их.

И у Оли был такой же взрыв отчаяния. Володя долго готовил ее к этому известию, а когда сказал, она упала на пол и кричала, что убьет царя.

Володя сухими глазами смотрел на газету и сквозь строки видел Сашу, своего любимого брата.

Как все это могло случиться?..

Бывало, они, уединившись с братом на чердаке, горячо обсуждали прочитанные книги. Обоих увлекала героическая борьба народов всех времен. Саша много читал о французской революции и Парижской коммуне. Рассказывая Володе о судьбе коммунаров, он говорил, что настанет время, и в России будет коммуна, которая победит. «Саша обязательно будет революционером», — думал тогда Володя.

А в последний приезд на каникулы Саша был особенно молчалив, не отрывал глаз от микроскопа и был увлечен своей дипломной работой. Наблюдая за ним, Володя с разочарованием подумал, что нет, не получится из Саши революционера.

Как-то Володя застал брата одиноко сидящим в беседке. Сцепив пальцы на колене, он сосредоточенно думал. В глубоких глазах горел мрачный огонь. Володя вопросительно посмотрел

на него. Саша завел разговор о маме, сестрах, просил их очень беречь и никогда ничем не огорчать. Ведь с тех пор как Саша и Аня стали учиться в Петербурге, Володя стал самым старшим...

Запустив пальцы в кудри, Володя смотрел в темный провал окна и думал, думал. И боль, жгучая, нестерпимая, оттого что не стало Саши и что он погиб такой страшной смертью, лишала сил.

Ночную тишину нарушила грубая брань на улице. Раздался громкий треск, посыпались стекла, затрепетала на ветру занавеска, по полу покотился булыжник.

Володя вскочил со стула, заслонил собою сестру.

В разбитое окно пьяный голос кричал:

— Цареубийцы!.. Каторжники!..

Сверху послышался плач Маняши. Звон разбитого стекла, крики разбудили ее. Володя отвел Олю в темную гостиную, погасил лампу в столовой и побежал в детскую.

— Почему так страшно? — Полусонная Маняша обняла за шею брата. — Не уходи от меня.

— Успокойся, ветром выбило стекло. Спи...

Маняша улеглась, не выпуская из теплых ладоней руки брата.

Володя поглаживал ее по плечу, прислушивался к сонному бормотанию Мити и впервые ясно осознал свою роль старшего. И спокойный сон Маняши, и здоровье мамы, и благополучие сестер теперь зависит от него, от его мужества.

Маняша выпустила руку Володи. Уснула.

Оля лежала в гостиной на диване. Володя зажег спичку. В колеблющемся свете огонька лицо сестры было мертвенно бледно. На миг ему показалось, что она умерла.

— Оля, Оленька, открой глаза. — Володя приподнял ей голову.

Оля застонала и, уткнувшись лицом в грудь брата, разразилась слезами.

— Что мы будем делать без Саши? Что будет с мамочкой? О, если бы жив был папа...

— Я не знаю, как перенес бы все это папа, — сказал как бы про себя Володя.

Сквозь рубашку он чувствовал жаркое дыхание сестры, ее горячие слезы. Он еще крепче прижал к себе Олю и молчал.

— Володенька, почему ты молчишь? О чем все время думаешь?

— О Саше... о маме... о том, как жить дальше.

Луна поднималась все выше, и черные тени сгущались, отползали к окну.

Обессиленная от слез, Оля задремала. Володя осторожно подложил под голову диванную подушку и поднялся наверх в Сашину комнату.

На столе поблескивали пробирки, колбы. Хрупкое стекло, все Сашины вещи продолжали свою жизнь, а его самого нет.

Володя распахнул окно на балкон. Расстегнул ворот рубашки, глотнул свежего воздуха.

Мысли вихрем неслись в голове.

Что делать? Убить царя? Отомстить за Сашу и пойти его путем?.. Какую пользу принесет это народу? Шесть лет назад народоволец Гриневицкий убил царя. Вместо Александра II на престол сел Александр III. Стало еще хуже, народная нужда еще тяжелее; душится все передовое, честное. Закрываются папины школы, которые он создавал с таким трудом.

Каждый вечер, бывало, мама пела детям колыбельную песню.

И сейчас в ушах звучат ее слова:

*...Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь.*

Подарить человеку новую силу. Для борьбы. Но в чем эта сила? Где она? Как уничтожить несправедливость, гнет? Нет, одному это не под силу, и сотне самых отважных героев тоже. Здесь нужна воля миллионов. А как сплотить миллионы единой волей?

«Саша... Я принимаю от тебя факел борьбы. Я пойду к той же цели, к которой стремился ты, но буду искать иной путь, чтобы победить. Саша! Вся жизнь, всего себя я отдам делу, которому служил ты...»

Свежий предутренний ветер доносил из сада запах цветущих деревьев.

Володя вспомнил, как мама в запущенном пустыре, когда они пришли в этот дом впервые, сумела разглядеть будущий сад, в котором теперь нет ни одной мертвой ветки и все цветет.

Всходило солнце. Вишневые заросли порозовели, стволы вязов отливали медью.

Послышался скрип телеги, фыркание лошадей.

Володя поспешил вниз, открыл входную дверь... и Аня почти упала ему на руки. Мама откинула вуаль, сняла шляпку и медленно-медленно стала подниматься по скрипучим ступенькам вверх. Она шла в Сашину комнату.

— Мама с Аней приехали! — тормошил Володя Олю. — Приведи себя в порядок, умойся, освежи лицо. Мама не должна видеть наши слезы... Быстро вставайте! — забежал он в детскую. Помог Мите одеться, пытался даже заплести косу Маняше, но справиться с этим ему не удалось. — Пойдемте к мамочке!

Дети остановились у дверей в Сашину комнату. Мама лежала на кровати, уткнув лицо в подушку.

«Смерть, скорее бы пришла смерть!» — думала она.

— Мамочка! — тихо позвал ее Володя.

Мария Александровна не откликнулась. Володя подтолкнул Маняшу. Она взобралась на кровать, обняла мать за шею.

— Мамочка, повернись ко мне.

Мария Александровна присела на кровати, обвела взглядом детей: что-то похожее на тень улыбки скользнуло по ее лицу.

Все дети стояли у дверей и смотрели на нее — в глазах отчаяние и любовь, и эти глаза говорили: «Ты нам очень нужна. И мы тебе нужны».

— Пойдемте завтракать, — сказала Мария Александровна детям, сказала так, как говорила всегда.

ДОМ ПРОДАН

Все двери распахнуты. Во двор выносят мебель. На яркой зелени травы в солнечном свете столы, стулья, комоды выглядят ветхими.

Симбирские обыватели заходят в раскрытые настежь ворота, оглядывают, ощупывают вещи, покупают по дешевке домашнюю утварь. Пользуются случаем, что дом продан и обитатели его уезжают.

На подводу погрузили широкий кожаный диван, что столько лет стоял в кабинете Ильи Николаевича. Мария Александровна с детьми наблюдает с крыльца, как диван, вздрагивая на телеге, выезжает за ворота.

С этим диваном связаны дорогие воспоминания. На нем дети вместе с матерью слушали рассказы Ильи Николаевича, когда он возвращался из поездок по губернии, в зимние вечера распевали песни, учили наизусть запрещенные стихи Некрасова, Минаева, Плещеева, Курочкина, записанные Ильей Николаевичем аккуратным почерком в маленькую тетрадь.

На этом диване умер Илья Николаевич, умер за работой, за своим последним годовым отчетом...

Подводы выезжали со двора одна за другой.

Книжные полки никто не купил, и они стояли у зарослей акации, сложенные одна на другую, зияя пустыми провалами.

Володя с Олей и Гришей принялись упаковывать книги. Митя и Маняша заворачивали в старые газеты посуду, помогали Вере Васильевне укладывать ее в ящики.

Мария Александровна прошла по комнатам.

Гулко звучали шаги в пустом доме. Чужими и неуютными стали комнаты. В детской на полу, как на поле брани, валялись измятые бумажные солдатки. В Володиной комнате на обоях выделялся светлый квадрат — след географической карты. В Сашиной комнате на окне лежала разбитая колба.

Мария Александровна ходила из комнаты в комнату, еле держась на ногах от нахлынувших воспоминаний.

В гостиной остался рояль, у окна — пышные цветы в кадках, в углу — икона.

Мария Александровна взглянула на почерневший лик девы Марии и остановилась. В детстве и юности она свято верила, что богоматерь является заступницей от всех бед, несправедливостей. Маленькой девочкой горячо молилась, просила оставить ей мать... Мама умерла... И еще одну молитву помнит Мария Александровна: когда тяжело заболел ее третий младенец, Коленька, она обратилась за помощью к матери бога. Всю ночь молилась. К утру Коленька умер.

Постепенно угасала вера. Не уберегли иконы от преждевременной смерти Илью Николаевича, не спасли от казни Сашу. Исчезла потребность в дни горести и печали прибегать к молитве.

В гостиную зашел Володя и хотел было повернуть обратно, но увидел, что мама не молилась, нет, она стояла и о чем-то раздумывала. Володя бросил взгляд на икону. Круглые детские глаза богоматери и толстощекий младенец с глазами старца. А перед иконой стоит его мать — земная, прекрасная и сильная, нежная и мудрая. Нет, она не молилась, она размышляла...

Володя вопрос о религии решил для себя два года назад.

Это решение пришло к нему с познанием мира, чтением книг, изучением таких наук, как астрономия, физика, химия.

Перед началом учения и экзаменами в гимназии служили молебны. Священник внушал гимназистам, что горячая молитва их всегда дойдет до бога, поможет избежать коварных двоек, умудрит, прибавит знаний, а богохульников накажет.

Володя накануне экзамена снял с себя крест и забросил в заросли крапивы. Утром, по обыкновению, мылся в передней в тазу до пояса. Мария Александровна заметила, что на шее у него нет цепочки с крестом. Внимательно посмотрела на сына, ничего не сказала. Молча согласилась. Все экзамены Володя сдал на круглые пятерки...

Мария Александровна отвела глаза от иконы, заметила Володю.

— Володюшка, я решила не брать с собой иконы. Думаю отдать их в монастырь. Не нужны они нам. Если продавать — поднимется шум в городе. Хватит и того, что бьют стекла в нашем доме, что все бывшие приятели переходят на другую сторону улицы при встрече.

— Ты правильно решила, мамочка.

В тот же день к Ульяновым пришел старый монах. Он со знанием дела повертел в руках сложенные на ящиках иконы, осмотрел пробы на ризах — серебряные ли, колупнул ногтем лик девы Марии — захотел проверить, писаная икона или печатная, ловко завернул стопку икон в тряпицу и обвел взглядом углы комнат.

— А себе-то оставили что? — осведомился он. — Молиться вам надо о спасении души великого грешника Александра.

— Мы о себе не забыли, — ответил за мать Володя. — Мы отдаем лишнее.

Монах покосился на молодого человека, не зная, как понять его слова.

Потом пришли за Красавкой. Новый хозяин повел ее на веревке. Красавка мычала, упиралась всеми четырьмя ногами, мотала головой, протестовала против петли на шее. На прощание

собрала мягкими губами корки хлеба с ладоней детей. Девочки и Митя с грустью прощались со своей любимицей.

Всей семьей упаковывали рояль: обвязали его тюфяками, обшили рогожей. Это был мамочкин рояль. Это был большой источник радости. Мама должна к нему вернуться, и Оле нужно закончить музыкальное образование. Это была самая большая драгоценность в семье.

И еще швейная машинка.

Она служила маме больше двадцати лет. Сколько на ней было подрублено пеленок, сшито распашонок, рубашек, штанишек, платьев и сколько еще будет сшито, переделано, перелицовано, починено...

Машинка была старая и громко стучала, даже на улице было слышно. Дробный стук ее достигал самых дальних углов дома. Поэтому мама работала на ней только днем, когда дети были в гимназии, а Илья Николаевич в отъезде.

На этой машинке мама научила шить Аню, Олю и Маняшу.

Володя особенно тщательно упаковывал швейную машинку.

Обедали в этот день на ящиках с книгами. Маняша и Митя нашли, что так вкуснее и интереснее, чем за покрытым скатертью столом. После обеда пошли прощаться с садом.

Во дворе трава была помята и местами вытоптана. Обрывки шпагата, мочалы, бумаг кружились по ветру. Дети заглянули в каретный сарай, в пустой хлев. Уныло висели гигантские шаги, чуть поскрипывали кольца на качелях, словно приглашали покачаться в последний раз, но никто к ним не подошел.

Только сада не коснулись сборы. Яблоки на деревьях стали светлее листьев и висели как фонарики. Ветви отяжелели, и их поддерживали со всех сторон подпорки. Урожай обещал быть богатым. У беседки доцветал большой куст жасмина, и опавшие лепестки лежали на траве, как снег. Клумбы настурций жаркими кострами горели между яблонь. Малинник был увешан начинающими розоветь ягодами. Посыпанные свежим песком дорожки придавали саду праздничный вид.

Володя зашел в беседку. Здесь они любили уединяться с Сашей. Оля обняла шершавый ствол вяза, прижалась к нему щекой. Митя с Маняшей, взявшись за руки, бродили по дорожкам.

Мария Александровна в черном платье казалась меньше своих детей — так истаяла она за эти пять недель со дня гибели Саши. Глубоко затаив свое горе, она понимала, что дети, даже девятилетняя Маняша и тринадцатилетний Митя, прощались сейчас со своим детством.

Дальше оставаться в Симбирске было нельзя. Мария Александровна спешила к старшей дочери в Кокушкино, где Аня начала отбывать свою пятилетнюю ссылку. Тюрма, казнь брата надломили ее, и ей так была нужна поддержка матери. Володя будет учиться в Казанском университете. Оля должна закончить музыкальное училище. Мать не пустит теперь детей одних. Будет всегда с ними.

— Мамочка, можно срезать розы? — спросила Маняша.

Розы в этом году цвели особенно обильно и, нагретые солнцем, распространяли свой нежный аромат.

— Нет, оставим сад во всей красе. Не тронем здесь ничего. Пусть он принесет людям радость.

Мимоходом, по привычке, Мария Александровна оборвала с яблонь несколько больных листьев, сунула их в жестяную банку с керосином, стоявшую у изгороди.

Последним из сада вышел Володя. Он повернул щеколду в калитке, облокотился на изгородь и долгим взглядом окинул сад, стараясь запомнить его на всю жизнь.

К вечеру от Свяги к Волге по булыжной мостовой тянулись подводы. На передней лежал зашитый в рогожи рояль. Рядом шел Володя и уговаривал ломового извозчика ехать тише — рояль вздрагивал на телеге и глухо звенел.

Мария Александровна шла с Верой Васильевной. За Володей шагали Гриша, Ваня Зайцев и Никифор Михайлович Охотников. Саша Щербо помахала Оле из переулка. Все дети Ульяновы оставляли здесь своих друзей по гимназии, по играм, но осторожные родители не разрешали им провожать крамольную семью.

По обеим сторонам Московской улицы деревянные домишки крепко связались друг с другом высокими заборами, прочными замками на калитках. Но в этот час все окна были распахнуты, и обитатели домов тайком выглядывали из-за кисейных занавесок, оценивали имущество на подводах, качали головами: мол, вот им и горе нипочем, все вещи, даже столы со стульями распродали, а рояль везут с собой. Уж какие там теперь рояли...

Семья Ульяновых покидала Симбирск.

Позади, внизу, на спуске к Свяге, остался пустой дом с цветами на окнах и праздничный, цветущий сад.

ЛУННАЯ ТЕНЬ

Из распахнутого окна тянуло свежей сыростью, запахом цветущего табака, спелых яблок. Володя сидел за столом, читал и делал выписки в тетрадь. Иногда он отрывался от книги, прислушивался, как в саду стрекочут кузнечики, сонно попискивает какая-то пичужка. Вокруг лампы вьются мошки, комары, ночные бабочки обжигают о стекло крылья, падают на стол, оставляя на бумаге пепельный след пыльцы. А на смену им летят другие. Яркий пузырь керосиновой лампы притягивает их, как солнце, они летят, танцуют, обжигаются, гибнут...

Вот уже второй месяц Ульяновы живут в Кокушкине. В позапрошлом году приезжали всей семьей. Это было самое веселое и последнее беззаботное лето... В прошлом году приехали без Ильи Николаевича, через пять месяцев после его смерти. Вся деревня вышла тогда на тракт встречать осиротевшую семью, чтобы выразить сочувствие тяжкому горю. Илью Николаевича любили и почитали, а Марию Александровну старухи по привычке называли Машенькой: она выросла на их глазах. Здесь вышла замуж и свадьбу справляли в Кокушкине, а затем привозила сюда летом одного за другим всех своих детей. Дети вырастали, водили дружбу с деревенскими сверстниками

— русскими и татарами. Мария Александровна была в деревне и лекарем, и советчиком, и крестной матерью многих детей...

А вот в это лето никто не вышел навстречу. Даже деревенские ребята не прибежали за гостинцами. Ульяновы приехали на этот раз без Саши. Через семь недель после его страшной гибели, казни. И Аня прибыла в Кокушкино не отдыхать, а отбывать свою пятилетнюю ссылку. Опальная семья... Непривычно тихо стало в усадьбе. Один только урядник навещался каждый день, чтобы удостовериться, что его «подопечная» Анна Ульянова на месте. Зачастил в деревню и становой пристав из Лаишевского уезда. Большой, рыжий, он приезжал, развалившись в тарантасе, пинком сапога распахивал дверь в избу и, гремя саблей, усаживался в передний угол. Зыркал злыми зелеными глазками, устрашающе вопрошал: «Ну, как перед богом, докладывайте, кто приезжал к Ульяновым, кто носил им землянику, пошто приходят они к вам в деревню, о чем говорят?» Крестьяне божились, что ничего не видели, никто в усадьбу из крестьян не ходит и сами Ульяновы деревню не навещают. «Смотрите вы у меня. Мне все известно! — многозначительно произносил пристав. — Не забывайте, что Ульяновы опасные государственные преступники».

Так между усадьбой и деревней усилиями полицейских была воздвигнута стена...

Стрекочут кузнечики. Вьются вокруг лампы ночные бабочки... Все как прежде. И все иначе...

Володя смахнул с бумаги мошкарку, разгладил рукой книгу и заставил себя вчитываться в строчки «Юридической энциклопедии». Через три недели с небольшим он станет студентом юридического факультета Казанского университета. И уже сейчас старается включить себя в ритм студенческой жизни. Он должен явиться в аудиторию не раздавленным горем потери старшего брата, а собранным и стойким.

В саду слышались чьи-то тяжелые шаги. Володя поднялся со стула. Кто это мог быть? Наверно, урядник увидел освещенное окно и захотел проверить, что здесь происходит. Володя подошел к окну, чтобы закрыть его, но перед ним возникла фигура Карпей.

— Здравия желаем, Володимир Ильич. — Старик снял картуз и поклонился.

— Здравствуйте, дедушка Карпей. Что вас привело в такой поздний час?

— Беда привела, Володимир Ильич. Я понимаю, у вас свое лихое горе...

— Я сейчас выйду, дедушка Карпей.

Володя накинул на плечи гимназическую тужурку и вышел на крыльцо. Над вязами сверкали яркие звезды.

— Присядем, — сказал Володя.

Карпей, кряхтя, тяжело опустился на ступеньку.

— Что за беда? Что случилось, дедушка Карпей?

— Светопреставления люди ждут в пятницу. Прихода антихриста. Земля, говорят, разверзнется, скот и избы в тартарары провалятся, люди в геенне огненной сгорят.

— Кто говорит-то?

— Все говорят. Гуртовщики сказывали, которые скотину намедни гнали на убой в Казань. Юродивые люди приходили, говорили, что в пятницу конец света будет. Закупщики из городу приезжали, скот закупать. Яков Феклин согласился свою лошадь за четверть цены продать, все равно погибнет.

Володя встал:

— Вот, вот, вот! На лунной тени толстосумы наживаются. Сами-то они грамотные, понимают, что никакого светопреставления не будет, а людскую темноту используют. Но скажите, дедушка Карпей, если все погибнет и провалится в тартарары, зачем им скот покупать, на тот свет его с собой не возьмешь?

— Нет, зачем он там? — согласился дедушка Карпей. — Но ведь все говорят. А дыма без огня не бывает.

— Не бывает, — согласился Володя. — Вы разумный человек. Не верьте разным слухам. Седьмого августа, в пятницу, будет солнечное затмение. Об этом давно уже во всех газетах пишут. Скотопромышленники газеты читают и решили на этом поживиться. Уговорите, дедушка Карпей, людей не разоряться. Пусть они этих закупщиков вон гонят и скотину не продают за бесценок.

— Не поверят мне. Может быть, вы сами в деревню пойдете да мужикам все объясните?

Володя ответил не сразу.

— Нет. Наше появление сейчас в деревне может быть неправильно истолковано. Запугали ведь полицейские крестьян. А рано утром в пятницу мы придем в деревню. Я и Оля.

— А Марья Александровна? Она ведь для наших баб что мать родная. Сорок лет, поди, она вместе с ними.

— Я не хотел бы причинить маме лишнюю боль. Аня болеет, никак не может оправиться после тюрьмы и гибели брата.

— Да, да. Понимаю. Вы теперь, Володимер Ильич, за старшего. Коли моя помощь в чем нужна, я всегда готов... если живы будем. А это, — Карпей пододвинул Володе плетеную корзиночку, прикрытую лопухом, — это малина лесная для Марьи Александровны. Пусть не побрезгует.

Карпей ушел.

Володя стоял на крыльце и думал. «Старшой!» — сказал Карпей.

— Старший, — повторил Володя вслух, словно взвешивая это слово и постигая его значимость.

Старший — стало быть, ответственный за все: за судьбу всей семьи, за здоровье мамы и Ани, за будущее Оли, Мити и Маняши. И за судьбу деревни Кокушкино тоже. Нет, не только Кокушкина. Отец, Илья Николаевич, считал своим долгом сделать Симбирскую губернию сплошь грамотной, просвещенной, Саша думал о судьбе всего народа и считал себя лично ответственным за его будущее... Лично ответственным.

Легкая рука легла на плечо Владимира.

— Володюшка!

— Мамочка! Я тебя разбудил?

— Нет. Я не спала и все слышала. Я тоже пойду в деревню. Людям будет спокойнее, если мы будем рядом. Постараемся им объяснить, успокоить.

Ночью с четверга на пятницу Ульяновы отправились в деревню. Мария Александровна, Володя и Оля. Анна осталась дома с младшими. В избах светились огоньки. Никто в эту ночь не ложился спать. Люди сидели семьями на крылечках, одетые, обутые, собравшиеся в дальний путь. Малыши спали на руках матерей. Во всех избах горели перед иконами лампадки, и старики, стоя на коленях, клали земные поклоны, молились о спасении души, об отпущении грехов.

Мария Александровна присела на скамеечку у крайней избы рядом с хозяйкой Настасьей, — знала ее давно, была на ее свадьбе. Три девочки жались к матери. Настасья, распознав в темноте Марию Александровну, припала ей на грудь, расплакалась.

— Что ж ты младшеньких-то бросила? Как они без тебя на тот свет отправятся? Всем вместе надобно, — причитала Настасья.

— Полно, полно тебе, Настасья. Ничего плохого не произойдет. Поверь ты мне. Будет солнечное затмение.

— Вот так и юродивый говорил: поначалу погаснет солнце, потом затрясется земля, разверзнется...

— Не будет никакого землетрясения.

— Ой ли? — с сомнением покачала головой Настасья. — Откуда тебе воля божья известна?

— Да ученые давно все объяснили. Много веков назад...

В другой избе Оля установила на столе теллурий, который принесла с собой, и объясняла ребятишкам, как Земля вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси, а Луна оборачивается вокруг Земли и сегодня на некоторое время окажется между Землей и Солнцем. Тень от нее упадет на Землю.

— Что ты неправду говоришь, — возразил Оле татарский мальчик Мустафа. — Солнце большой, луна маленький.

— Окно больше твоей руки? — спросила его Оля.

— Ну и что?

— А вот ты прищурь один глаз, а перед другим выставь ладонь, и ты будто заслонишь ладонью окно.

Мустафа и другие ребятишки шурились, вытягивали ладони.

— А я рукой соседнюю избу закрыл, — радостно сообщил Васятка, сын бурлака.

Владимир беседовал с мужиками.

Старый мельник, который перед тем рассказывал, как выглядит антихрист — главный черт, с рогами и копытами, с длинным хвостом, изо рта огненный язык высовывается, — описывал так,

будто с ним лично знакомство водил, а выслушав Ульянова, схватил свой картуз и, бормоча себе что-то под нос, вышел вон.

Вскоре явился урядник.

— Богохульствовать, господин Ульянов, я запрещаю, — сказал он, входя в избу.

— Я не богохульствую, — с достоинством ответил Владимир, — я объясняю, как будет проходить солнечное затмение и что никакого вреда это людям не принесет.

— Люди перед светопреставлением должны молиться об отпущении грехов, а вы им тут всякие сказки рассказываете, от беседы с господом богом отвлекаете.

— Ну, тогда вы, господин урядник, которому все доподлинно известно, расскажите, как будет происходить это светопреставление.

Мужики притихли.

Урядник поскреб большим пальцем бороду.

— Как полагается. Солнце, значит, погаснет, будет земли трясение, потом появится антихрист в своем страшном обличье и всех нас в преисподнюю скинет.

— А я утверждаю, что землетрясения не будет. Никто никуда не провалится. Должен вас огорчить, что антихрист если и явится, то только к вам во сне.

Урядник перекрестился и плюнул через левое плечо.

— Луна на время закроет Солнце, — продолжал Владимир. — Темно будет не более двадцати минут. На время затмения похолодает, поэтому я советую всем одеться потеплее. Скот на пастбище не выгоняйте, потому что животные во время затмения ведут себя беспокойно, хотя и не собираются проваливаться в тартарары, просто для них это непривычно.

— Вы народ не мутите! С толку не сбивайте! — грозно сказал урядник. — Люди с жизнью прощаются.

— О том, кто сбивает народ с толку, мы узнаем через несколько часов. За вашу драгоценную жизнь я спокоен, господин урядник... Пока спокоен.

— О вашем дерзком поведении я доложу господину становому приставу.

— Тогда торопитесь. До светопреставления остается всего часа два. Начинает светать.

— Мы теперь перед богом все равны, — примирительно сказал Яков Феклин, стоявший рядом. — А вы, Володимир Ильич, не берите лишнего греха на душу.

— Все будет так, как я сказал, — твердо ответил Владимир. — Солнечное затмение очень интересное явление. Закоптите кусочки стекол, чтобы наблюдать, как Луна постепенно начнет закрывать Солнце.

Рассвело. На востоке по горизонту лежали тучи, плотные, как войлок, выше неслись облака. Люди вышли на улицу. Мальчишки взобрались на крыши домов, у каждого в руке было закопченное стекло. Об этом позаботилась Оля. Бабы сбились вокруг Марии Александровны.

— Солнце напоследок словно в одеялку закуталось, — раздался чей-то жалостливый голос.

Оля стояла рядом с Володей.

— Ужасно обидно будет, если тучи закроют все небо и люди не увидят всех фаз затмения, — сказала Оля. — Ты знаешь, я чувствую себя сейчас режиссером этого светопреставления.

— Да, недаром ты у нас считаешься главным астрономом.

Оля подбежала к Марии Александровне:

— Мамочка, дай мне, пожалуйста, твои... — Оля запнулась, — папины часы. Я буду рассказывать по минутам, чтобы люди поверили в силу науки.

Мария Александровна вынула из-за пояса тяжелые часы Ильи Николаевича и, отстегнув их от шнурка, протянула дочери.

— Затмение начнется через полчаса... Затмение начнется через полчаса, — говорила Оля, перебегая от группы к группе.

В хлевах стали жалобно мычать коровы, лошади били копытами о деревянный настил и отчаянно ржали. Тревожно прокричал петух. Куры хором закудахтали и мгновенно смолкли.

— Петух беду кличет... Скотина свою смертушку чует... — раздавались голоса.

— Скот чувствует приближение затмения и будет беспокоиться еще больше. Обратите внимание, — говорила Оля, — что во время затмения закроются все цветы, которые закрываются на ночь. Птицы замолкнут. Но пусть вас это не пугает. Кончится затмение, и цветы раскроются, птицы запоют.

Облака редели. Солнце словно оттесняло и плавило их и поднималось величественно.

— Затмение начнется через пять минут. Через пять минут, — звучал звонкий голос Оли.

— Тише ты, тише, — шептали и крестились бабы.

— Смотрите в стекла, сейчас сверху справа на Солнце появится ущербинка и будет все больше закрывать его.

Люди боязливо подносили к глазам закопченные стекла.

— Началось. Люди, будьте спокойны.

На Солнце словно надвигалась черная круглая заслонка.

Ребята скатывались с крыш и жались к матерям.

Солнце светило по-прежнему ярко, но уже половину его закрыла тень Луны. А затем день начал бледнеть. Постепенно гасли краски, небо линяло на глазах и из голубого делалось зеленовато-бутылочного цвета, зелень травы меркла. Поднялся ветер, холодный, пронизывающий. Луна

закрыла Солнце, и из-под круглого черного пятна стали выбиваться огненные языки, словно Солнце раздавили. Все вокруг стало пепельного цвета. Загорелись звезды.

Бабы взвыли и рухнули на колени.

— Господи, прости все прегрешения наши! Господи, спаси и помилуй!

Лошади дико ржали, били копытами, готовые разнести сараи, коровы утробно мычали, выли собаки.

Оля стояла рядом с Володей.

— Тебе страшно? — спросил он и обхватил сестру за плечи.

Оля дрожала.

— Мне холодно и очень неудобно. Это не похоже на сумерки, не похоже на ночь. Это какой-то мертвый полусвет. Ты совсем зеленый, как пришелец с другой планеты. Просто призрачный.

Володя неотрывно смотрел на круглое черное пятно, из-под которого выбивались протуберанцы, но эти языкастые и щеткообразные пульсирующие огни не освещали землю, а лишь подчеркивали мертвый мрак.

— О чем ты думаешь? — спросила Оля.

— Думаю о том, как люди плохо понимают, что живут в таком мраке даже при солнечном свете. И где эта сила, которая бы открыла народу солнечный диск Свободы? Саша пытался сдвинуть этот круг с горсточкой людей. А нам нужна огромная сила, воля миллионов. Земля летит вокруг Солнца с непостижимой скоростью...

— Два с половиной миллиона километров в день, — уточнила Оля.

— А мы так медленно идем по этой стремительной планете. Если мне дано прожить столько же, сколько папе, то я уже прожил почти треть жизни и ничего еще не сделал, — с горечью произнес Володя. — Ровным счетом ничего. Если бы поспеть за нашей планетой! Все это, конечно, из области фантастики, но жить надо так же стремительно, чтобы ни одна секунда не пропала даром.

Оля глянула на часы.

— Смотрите, смотрите, сейчас начнет появляться Солнце! Справа, сверху заблестит и начнет открываться, сейчас начнет светать. Смотрите в стекла! Показался серп Солнца. — Оля бегала, поднимала с колен людей.

Серп Солнца увеличивался, наливался светом. Светлело и на земле. По небу с юга на север словно кто-то стягивал пепельную траурную шаль. Небо начинало наливаться синевой, облака освобождались от пепла. На Солнце уже нельзя было смотреть без стекла. Черная тень Луны соскользнула, и траурная вуаль, мрачно полыхнув крылом, свернулась на севере за горизонтом.

Солнце светило нестерпимо ярко, празднично, победно. Легкие белые облака летели по синему небу, трава налилась зеленью, зазолотились поля пшеницы. В небо взметнулись несколько жаворонков и запели приветную песню солнцу. Прохладный воздух наливался теплом, благоуханием трав. Зазвенели комары и стали плести в воздухе тонкое замысловатое кружево.

Коровы мычали не тревожно, а просились на волю. Весело и призывно прокричал петух, и ему ответили хлопотливым кудахтаньем куры.

Люди любовались синевой неба, зеленью травы. Стаскивали с себя полушалки, пиджаки. Стало тепло. На пруду раскрывали атласные белые и золотые венчики кувшинки, табаки в палисадниках смыкали свои лепестки.

Люди, щурясь, из-под ладоней смотрели на солнце.

— Голубушка ты наша, снова светишь, снова греешь. Слава всевышнему!

Женщины плакали от счастья снова видеть солнце, свет. И впервые, сбросив с себя давящую так много дней тяжесть, обратились к Марии Александровне. Она стояла прямая, строгая, ее темные глаза светились печалью и нежностью. И тут только заметили бабы, что волосы у Марии Александровны белые, как облако. А еще в прошлом лете они были золотисто-рыжеватые. Женщины окружили ее, и каждой хотелось приглубить, утешить взглядом, легким прикосновением. Слова были лишние.

Дед Карпей ходил гоголем и спрашивал то одного, то другого мужика:

— Ну как, доволен теперь, что корову не продал? Пригодится на этом свете.

К Владимиру подошел Яков Феклин, низко поклонился ему:

— Спасибо вам, Володимер Ильич. Ежели вам понадобится лошадь в Казань ехать, милости просим, я всегда готов.

— Малина поспела. Урожай на нее богатый нынче. Ребятишки насобирают, принесут, — сказала Настасья. — Спасибо, голубушка наша, Марья Александровна.

Урядник стоял в стороне от всех, крутил самокрутку и не смел поднять глаза.

Лунная тень исчезла.

ОЛЯ

Оля держит на раскрытой ладони свою золотую медаль. «За благонравие и успехи в науках», — начертано полукругом, и богиня мудрости изображена на ней.

— Наука, медицина, химия, физика, математика — все это женского рода, а вот университет мужского, — пытается улыбнуться она.

— И вовсе не мужского, а среднего, — откликнулся Володя, оторвавшись от книги. — Я мужчина, а учиться тоже не имею права. Царизму нужно, чтобы каждое существо, переступая порог российского университета, было безлико, безъязыко, бездумно и, главное, верноподданно.

Володя распахнул студенческую куртку, словно ему было душно. Только три месяца ходил он в этой куртке в Казанский университет. А потом — участие в студенческой сходке, арест, ссылка.

Володя взглянул на мать. Уронив шитье на колени, прищурившись, она о чем-то думала. Он понимал ее мысли, чувства.

Мария Александровна в молодости мечтала получить образование, много читала, изучала иностранные языки, а смогла добиться лишь звания домашней учительницы. Только теперь, в свои семнадцать лет, Володя впервые понял, какие таланты были заглушены у матери. Она одаренный музыкант, прирожденный литератор, переводчик, но все это осталось оцененным только в кругу семьи.

Старшая сестра Аня — поэт по призванию — искала путь в литературу, чтобы быть полезной обществу. А теперь перед ней захлопнулись все двери. Ни в чем не повинная, она должна отбывать пятилетнюю ссылку в глухой деревне.

Больше всего обидно за Олю. Вот она сидит и в отчаянии накручивает черный локон косы на палец. Кто еще может так трудиться, как она? Оля не работает только тогда, когда спит. Ей все под силу. В пятнадцать лет окончила гимназию с золотой медалью. «Наша краса и гордость», — твердили преподавательницы. А что же дальше? Талантлива, но... девушка. Трудолюбива, как пчела, но... не мужчина.

Год назад царское правительство закрыло все женские высшие учебные заведения в России. «Ни к чему женщине образование», — решили тупые царские слуги.

— Быть образованной женщиной в самодержавной России считается преступлением, — негодовал Володя. — Софья Ковалевская вынуждена бежать из России только потому, что талантлива. Любая знахарка у нас более почитаема, чем высокообразованная женщина.

— А в Швеции Ковалевская ведет кафедру механики в университете! — добавила Аня. — Может быть, нашей Оленьке поехать учиться в Стокгольм?

Мария Александровна тяжело вздохнула:

— Как Олюшка в шестнадцать лет поедет одна в Швецию?

И для учебы за границей нужны деньги, и не малые. А где их взять? На мамину пенсию живут шестеро. Маняше и Мите здесь, в Кокушкине, учиться негде, надо ехать в Казань, но Ане и Володе не разрешают там жить. И вот все шестеро сидят в маленьком холодном флигеле, занесенном сугробами. Аня и Володя взялись обучать младших.

Оля горячо обняла мать:

— Не горюй, мамочка. Я поеду в Казань, найду себе уроки, заработаю много-много денег и отправлюсь учиться за границу.

И, как ни грустно было, все рассмеялись этой наивной мечте.

— Мы что-нибудь придумаем, все уладится, все будет хорошо! — старалась успокоить мать своих детей, а сама уж и не знала, что ей предпринять.

Володя шагал по комнате, поглядывая на мать и сестер, думал об их судьбе. Три талантливые женщины! А сколько на Руси загублено женских талантов!

Оля села писать письмо своей подруге Саше Щербо в Симбирск.

Дорогая Саша! Поздравляю с Новым годом...

Она смотрит в залепленное снегом окно, кутается зябко в платок, вспоминает, как они с подругой мечтали о необыкновенно красивой и полезной жизни, которая их ждет по окончании гимназии. Детские мечты!

Я, собственно, не признаю праздника Нового года, — пишет Оля, — он никому ничего не дает, кроме признаков. Вот если бы с него можно было начать новую жизнь, бросить все старое, бесполезное, дурное, тогда бы это был праздник, а то знаешь, что впереди ждет тебя все то же, такая же скучная и бесполезная жизнь, так чему же радоваться...

— Оленька, пойдем на лыжах пройдемся, хватит тебе писать, — предложил Володя.

Брат с сестрой пробежались на лыжах по парку. За калиткой в холодных лучах зимнего солнца сверкали поля, покрытые снежным настом. Лыжи сами несли вперед к чернеющей кромке леса. Володя прокладывал лыжню. Оля легко скользила за ним.

Миновали деревню Кокушкино. Убогие избы закопались по окна в сугробы, нахлобучили белые шапки снега. Из труб столбом валил желтоватый дым: избы топили соломой и навозом. Одинокие ветлы уныло раскачивали голыми ветвями, щетинилось сухое жнивье из-под снега.

Володя поджидал Олю у опушки. Воткнув палки в снег, он смотрел на избы, в которых притаилась невеселая жизнь.

Оля подбежала к брату, запыхавшись, затормозила и, все еще углубленная в свои мысли, стала чертить палкой по снегу. Потом взглянула прищуренными глазами на большое красноватое солнце, клонившееся к западу.

— Вот мы вместе с Землей завершаем очередной путь вокруг Солнца, — сказала она задумчиво, — и, глупые, надеемся, что следующий круг принесет нам счастье. Земля крутится, крутится вокруг Солнца, как клубок, а счастья людям нет.

Володя молчал.

— Скажи, Володя, — повернула она лицо к брату, — будет ли настоящий Новый год, такой праздничный день, с которого у людей начиналось бы счастье, когда все беды останутся позади?

— Должен быть, — ответил Володя. — Я сам после смерти Саши не перестаю думать над этим, и кажется... кажется...

— Ты что-то знаешь? — схватила Оля за рукав брата. — Скажи!

— Нет, еще не совсем знаю... Но я привез из Казани книги Карла Маркса, удивительные книги! В них с математической точностью доказывается, что человечество найдет себе путь к счастью.

— А кто этот Карл Маркс?

— Великий ученый. Он умер пять лет назад, но жив его друг Фридрих Энгельс, который работал вместе с ним. Осталось его учение. Я пока прочитал только одну книгу — «Коммунистический Манифест» и читаю вторую — «Капитал». А написано им очень много.

— Давай изучать вместе! — горячо воскликнула Оля.

— Только изучать мало. Будем знать ты да я, а что мы вдвоем можем сделать? Карл Маркс учит, что самый передовой класс человечества — пролетариат. Но нужно, чтобы рабочие поняли свою силу, объединились, и тогда они смогут сокрушить старый мир. «Коммунистический Манифест» завершается словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ах, как много надо знать и уметь, чтобы применить это учение в жизни! — вздохнул Володя.

— Ты мне дашь эту книгу?

— Да, только... — Володя приложил палец к губам. — Эти книги запрещенные. В Казани есть кружки, где их читают, обсуждают. Хорошо бы перебраться в Казань... — Володя помрачнел. — Но это невозможно.

Багровое солнце наполовину скрылось за горизонтом. Галки с криком носились над деревней, собираясь на ночлег.

— Пора домой, — спохватился Володя, — мамочка, наверно, волнуется. Мы с тобой совсем загулялись, хотя прошли не больше двух верст.

— Нет, мы сегодня прошли с тобой очень много, — ответила Оля.

Мария Александровна не спала всю ночь. Как помочь детям получить образование, выбраться на дорогу?

Она стала все чаще уезжать в Казань. Писала прошения, просиживала многие часы в приемных губернатора, попечителя Казанского учебного округа, жандармского управления. Просила, требовала, чтобы детям разрешили переехать в Казань, жить вместе с ней, матерью.

Однажды в осенний день вернулась в Кокушкино усталая и счастливая: получено разрешение на переезд всей семьей в Казань.

Володя с утра до вечера сидел теперь в своей комнате-кухне за книгами. Столом ему служила плита, застеленная газетами. Иногда к нему пристраивалась и Оля. По вечерам Володя уходил в библиотеку и нередко возвращался домой далеко за полночь взволнованный и словно светился изнутри.

Мария Александровна не спрашивала, где был, только иногда, обняв его за плечи, тихо говорила ему:

— Будь осторожен. Будь осторожен во всем.

Однажды он вернулся из библиотеки раньше времени, схватил Олю за руки и закружил по комнате.

— Ты будешь учиться, будешь!

— Где? — спросила оторопевшая от радости сестра.

— В Гельсингфорсском университете. Туда принимают и женщин, но... для этого надо изучить шведский язык.

Немецкий, французский, английский и латынь Оля знала. Она готова была немедленно приняться и за шведский, но где найти учебники или преподавателя?

Стали искать в Казани шведа, хотя и мало надеялись на успех.

Вскоре нашелся финский студент. Он изучал в Казани родственные финскому языки — мордовский и марийский и, как все финские студенты, владел шведским.

— Я буду готовиться на медицинский факультет, — решила Оля.

И началась упорная работа.

Оля блистательно сдала экзамены за музыкальное училище и с головой ушла в изучение шведского языка.

— Я уже по-шведски сны вижу, — призналась как-то она.

Оля и спала со шведским учебником под подушкой. На руке у нее всегда висела связка карточек со шведскими словами, которые она, даже гуляя, перебирала, как четки, и проверяла свои знания.

Финский студент был поражен. Ему казалось, что эта маленькая русская девочка с озорными и умными глазами стремительно ведет его за собой в гору. Студенту часто приходилось засиживаться за книгами до глубокой ночи, чтобы найти ответы на вопросы любознательной Оли. Через полгода она уже увлекалась сказками Сельмы Лагерлеф, затем принялась за Августа Стриндберга.

Весной 1889 года твердо заявила:

— Я могу слушать лекции на шведском языке. Можно посылать прошение в Гельсингфорс.

— Наконец-то наша Оля будет студенткой! — радовались братья и сестры.

Но ответное письмо из Гельсингфорса принесло разочарование: для поступления в университет необходимо было знать не только шведский, но и финский.

Учить шестой язык? Потерять еще не меньше двух лет? Что ж! Оля готова на все. Лишь бы получить высшее образование, стать полезной людям. Но и здесь ее ждала неудача.

Казанская полиция уже разглядела во Владимире Ульянове опасного вожака молодежи и решила, что пребывание семьи Ульяновых, один из членов которой казнен за покушение на царя, нежелательно в университетском городе.

Пришлось переезжать всей семьей в деревню Алакаевку под Самарой. Найти здесь учителя финского языка было невозможно.

Володя занимался с рассвета до позднего вечера. Уходил с кипой книг в свой лесной «кабинет» в зарослях орешника, читал, конспектировал, думал. На ночь книги прятал в большую корзину в чулане, покрывал полотенцем и сверху засыпал картошкой.

«Запрещенные книги», — понимала Мария Александровна.

Она продолжала упорно и терпеливо добиваться разрешения для Володи учиться в университете или сдавать экзамены экстерном. Два с половиной года писала прошения. Писал их и сам Володя. И на всех прошениях чиновники выводили резолюции: «Объявить об отказе министра», «В пользу Ульянова ничего не может быть сделано», «Отказать».

В 1889 году газеты сообщили отрадную весть. Передовые люди России добились наконец, чтобы царское правительство вновь разрешило высшие женские учебные заведения.

Мария Александровна мечтала о том, чтобы Оля поехала учиться в Петербург вместе с Володей.

— Я решила написать прошение директору департамента полиции, — сказала как-то сыну Мария Александровна. — Ведь они, в конце концов, решают, допустить тебя к экзаменам или нет. Читай, что я написала.

Володя пробежал глазами прошение.

...Я утверждаю, что как во всю доуниверситетскую его жизнь, так и за два с половиной года после исключения из университета, он (Владимир Ильич. — Примеч. авт.) вел почти изолированную домашнюю жизнь, вполне безукоризненную в политическом отношении, не обнаруживая притом решительно никакого даже интереса к чему бы то ни было предосудительному в каком-либо отношении...

Володя поднял глаза на мать.

— Мамочка, ты права, у меня абсолютно никакого интереса нет к чему-либо предосудительному, — и продолжал читать:

...Я тем настойчивее прошу Ваше превосходительство снять с моего сына так долго лежащую на нем кару, что кара эта вообще не позволяет ему найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет ни к чему приложить свои силы.

— Да, здесь я действительно ни к чему не могу приложить свои силы. Ты хорошо написала.

— И такое же заявление я пошлю министру народного просвещения. Впрочем, нет, не пошлю, а поеду в Петербург сама...

И какой же это был радостный день, запомнившийся в семье Ульяновых на всю жизнь, — день 20 мая 1890 года, когда пришел ответ из министерства народного просвещения, разрешавший

Владимиру Ульянову «подвергнуться в качестве экстерна испытаниям на звание кандидата прав в одном из университетов...»

— В Петербург! Только в Петербург! За год я пройду всю университетскую программу, — твердо сказал Володя. — А Оля будет учиться там на Бестужевских курсах.

— Но теперь я пойду на физико-математический факультет, — заявила Оля. — Я решила стать физиком...

Счастье всегда улыбается упорным, смелым, трудоспособным!

НАВСЕГДА!

Старый парк окутан зеленым сумраком. По траве скачут веселые солнечные зайчики. Ветер раздвинул кроны лип, выплеснул поток света на дорожку и смел зайчишек. Сомкнулись кроны, и снова засуетились, запрыгали светлые пятна по траве, кустам боярышника, по замшелым пенькам.

Аня едва ступает по дорожке, не идет, а летит, прижав обеими руками к груди книгу, силится утихомирить радостное волнение в сердце.

Почему сегодня так хорошо и празднично вокруг, как давно-давно не было? Каждое дерево, каждая травинка в парке сегодня заодно с Аней. Клен на пригорке стоял недвижим, но вдруг востепенел и заиграл всеми своими растопыренными ладошками-листьями, и на березе разом затанцевали все листья. Как это Аня до сих пор не видела красавицы елки, словно выточенной из цельного куска чудо-камня малахита? Ведь, наверно, и раньше все это было — и солнечные зайцы, и трепещущие листья, и игра светотеней.

Но ничего этого Аня не замечала. В ту весну, когда погиб Саша и она вышла из тюрьмы, для нее померкли все краски на земле, она ни разу не слышала с тех пор, чтобы в парке или в лесу пели птицы, а сегодня...

«Тьюить, тьюить...» — раздается над ее головой.

— Ля-ля! Ля-ля-ля! — звонко пропела Аня в ответ малиновке.

«Где она, малиновка?» Аня вглядывается в кусты боярышника, замечает маленькую круглоголовую птичку с белым брюшком и выпуклой рыжей грудкой. Малиновка вертится на длинной игле боярышника и продолжает свое «тьюить».

Аня присела на пенек, расправила наглаженное ситцевое платье, раскрыла книгу. Солнечный зайчик прыгнул на страницу, и сразу зарябило в глазах. Она рассмеялась, тряхнула локонами. Нет, сегодня не читается. Хочется петь, переключаться с малиновкой. А птичка исчезла.

Закуковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, скажи мне: «да» или «нет»? — спрашивает Аня.

«Ку-ку!»

— Да! — прислушивается она.

«Ку-ку!»

— Нет!

«Ку-ку!»

— Да!.. — Аня ждет, кукушка молчит. — Неужели «да»? А может быть, «нет»?

Кукушка молчит.

Аня пытается читать, но мешают медовые запахи, солнечные блики, малиновки. Как научиться сосредоточиваться так, как это умеет делать Володя? Он сидит поблизости в своем лесном «кабинете» и упорно работает, отрывается от книги только затем, чтобы размяться на трапедии. Ничто не может его отвлечь. А Аня... «Да, Саша был прав». Однажды она спросила брата, какой, по его мнению, у нее самый большой недостаток. «Неровность характера», — не задумываясь, ответил Саша. Как выработать ровный, невозмутимый характер, какой был у Саши, какой вырабатывает в себе Володя? «Прочитаю десять страниц и только тогда пойду домой», — решает она. Читает «Былое и думы» — эту книгу рекомендовал Володя. Но поверх герценовских строчек бегут другие, бегут строчки телеграммы, поразившей ее два года назад. Телеграмма была адресована не ей, а царю. Аня сидела тогда в тюрьме. Уже знала о страшной гибели брата. Целыми днями стояла, прислонившись к холодной стене камеры, и единственным желанием было поскорее умереть. Впереди предстояла пятилетняя одинокая ссылка в Восточной Сибири. В двадцать два года кончалась и ее жизнь. Впереди ничего светлого. Тьма... Пришла мама на свидание к ней в тюрьму, протянула листок бумаги: «Вот, смотри, какую телеграмму Марк послал царю». Аня сначала и не поняла. «Какой Марк? Ах да, Елизаров... студент, товарищ Саши. Такой большой и застенчивый...» Танцевала с ним на студенческой вечеринке... Очень неловкий. В суতোлке обронил очки, и Ане пришлось вести его на место. Без очков он был совсем беспомощный. Какую телеграмму он мог послать царю сейчас, когда Саши уже нет в живых? Равнодушными глазами пробежала исписанный листок.

Марк Тимофеевич телеграфировал в комиссию прошений царского двора.

*Ваше превосходительство!
Умоляю исходатайствовать перед его императорским величеством
государем императором не высылать мою невесту Анну Ильиничну Ульянову
в Сибирь, дозволить ей поселиться при мне. Пожалейте меня и ее мать.
Освободите ее для нас. Не разрывайте невидимо связанных сердец.
Действительный студент Елизаров.*

«Мамочка, зачем эта ложь? — разрыдалась тогда Аня. — Какая же я невеста Марку Тимофеевичу? Мне не нужны его жертвы. Ведь он никогда мне не говорил о своей любви». — «Не успел», — убеждала мать.

Марк Тимофеевич сам пришел к Марии Александровне, пришел после казни Саши, когда не только знакомые, но и родственники закрыли для семьи Ульяновых двери своих домов. Он

поведал матери о своей любви, о которой не успел и не осмелился сказать Ане лично. Тогда, в тюрьме, до сознания Ани не доходило, что это настоящая любовь. Слишком велико было потрясение гибелью Саши.

Хлопоты матери и телеграмма Марка Тимофеевича имели свои результаты. Ссылка в Восточную Сибирь была заменена Анне Ильиничне пятилетней ссылкой в деревню. Марк Тимофеевич остался в Петербурге — заканчивать университет. Писал почти ежедневно хорошие дружеские письма. Два года ни о чем не спрашивал Анну Ильиничну. На лето приезжал в деревню, но больше занимался с меньшими — Митей и Маняшей, которые всем сердцем привязались к этому сильному, доброму человеку. А вот теперь спросил Аню. И она ответила: «Да, согласна». Отправила письмо, и вдруг одолели сомнения. Хорошо ли сделала? Имела ли на это право?.. Кого спросить? С кем посоветоваться, пока не поздно? С мамой? Но так не хочется ее огорчать. С Володей?..

Аня собрала в горсть рассыпавшиеся по спине локоны, связала их лентой на затылке и побежала к зарослям орешника.

На дощатом столе разложены книги в бумажных желтых и серых обложках. Поверх них — камешки, чтобы озорной ветер не взьерошил страницы, не помял их. Подперев левой рукой голову и засунув пальцы в светлые кудри, Володя читает. Прищурил левый глаз. Поднял лицо, покачал отрицательно головой. «Нет, нет, маэстро Гегель, по-моему, вы здесь неправы. Интересно, что по этому поводу говорят Маркс и Энгельс».

Каждое утро, подтянутый и немножко торжественный, отправляется он с пачкой книг в лесной «кабинет», боясь опоздать даже на минутку. Он раскладывает на столе книги — это его учителя. Их много: Кант и Гегель, Дарвин, Чернышевский и Добролюбов и, конечно, Маркс и Энгельс. Не со всеми своими учителями и не во всем согласен Володя Ульянов, а когда не может решить сам, обращается снова к Марксу и Энгельсу, ищет у них ответа, не буквального, не лобового — ищет правильный путь к ответу. Два года после исключения из Казанского университета добивался Володя Ульянов права учиться. На каждое прошение получал отказ. А теперь готовится к сдаче экзаменов экстерном. Устроил себе университет в зарослях орешника. Студент в этой аудитории один, учителей много, и все они строги, требовательны.

Аня раздвинула кусты. Володя, упрямо закусив нижнюю губу, наносит карандашом еле заметные мелкие значки на полях книги. Быстро мелькает остро отточенный карандаш: то пригвоздит мысль восклицательным, то разворошит ее вопросительным знаком, то, как точным скальпелем, вспорет остроумной репликой. Жаркий разговор ведет девятнадцатилетний Володя Ульянов со своими учителями. Здесь, в этом лесном «кабинете», всегда оживленно.

Володя откинулся на скамейке, прислонился к стволу рябины, постукивает победно карандашом по столу, довольно улыбается. И Аня понимает: преодолена еще какая-то ступенька в его жадном стремлении познать явления жизни. Вытер ладонью вспотевший лоб, заметил кружевную косынку паутины, которую рядом с ним усердно выткал серый паучок. Один конец паутины прикреплен к столу, два других — к рябине. Володя поднял руку, хотел было стряхнуть и паука и блестящую на солнце серебряную паутину, но пожалел искусное творение труженика, осторожно подвинулся в сторону и тут же забыл о пауке, углубился в свою работу.

Аня заколебалась. Войти к нему в «кабинет» — значило бы ворваться в огромную аудиторию, прервать интересный, жгучий разговор, отвлечь на себя внимание. А вопрос у нее очень личный.

Володя занес карандаш над книгой. Аня осторожно сдвинула ветви орешника и пошла к дому.

Навстречу по дорожке мчалась Оля.

— Анечка, куда же ты пропала? Скоро приедет Марк, мы все пойдем встречать его за околицу. И Володю надо позвать.

— Нет, нет, не мешай ему. Пусть занимается. Есть еще время.

Оля, не скрывая восхищения, смотрела на сестру. Аня тоненькая и прямая и от этого кажется высокой. Локоны, подхваченные лентой, оттеняют бледное лицо и яркие карие глаза с золотыми точечками, как у мамы. А у Оли глаза круглые, в густых, дремучих ресницах.

Для Оли старшая сестра — идеал женской красоты и изящества. Оля старается во всем походить на Аню, но с огорчением отмечает, что не может сдержать стремительности в движениях, в походке. Аня даже книгу перелистывает каким-то неуловимо грациозным движением. Оля пробовала — не выходит. И стихи Аня пишет певучие, нежные. Оля пыталась и стихи сочинять, но они получались у нее озорные, насмешливые. Бросила.

И мечтать Оля не умеет. В ярких, буйных красках осени Оле чудятся языки пламени, которые вырываются из недр, охватывают поля и леса, и Оля даже слышит, как гудит огнем земля, отдавая собранные за лето солнечные лучи. А Аня осенью грустит. В метель Оле хочется кружиться вместе со снежинками, ее всегда одолевает буйное веселье, а Аня зябко кутается в платок и об одной-единственной снежинке может написать целую поэму...

Оля вздыхает. Нет, никогда ей, видно, не стать такой величавой, прелестной и умной, как Аня.

И еще у Ани есть жених. Марк. Самый замечательный человек на свете. Если бы у Оли был жених и она любила бы его так же, как любит Аня, она радовалась бы с утра до ночи, работала бы по двадцать часов в день, каждому рассказывала бы, какой у нее чудесный жених. А Аня грустит, и книга часто празднично лежит у нее на коленях. И письма от Марка прячет. До сих пор между братьями и сестрами не было никаких тайн. Все письма читали сообща. Но конверты, на которых крупным, размашистым почерком написано: «Мадемуазель Анне Ильиничне Ульяновой», — неприкосновенны. Правда, все знают, что вести в них хорошие. После каждого письма улыбка долго не сходит с Аниных губ.

Марк приедет совсем скоро, сегодня, а лицо у Ани встревоженное, какая-то боль щемит ее сердце. «Неужели, когда любишь, могут быть причины для страданий? — недоумевает Оля. — Неужели такой добрый, чудный Марк может вызывать какие-то грустные чувства?»

Оля шагает рядом с сестрой, поглядывает на нее. Почему Аня не поделится с ней своей тревогой? Правда, Оля почти на семь лет моложе сестры, ей только семнадцать, и в тюрьме ей не довелось сидеть, и даже в Петербурге ни разу не была. Мало видела в жизни. Но если бы Аня рассказала ей о своих терзаниях, Оля постаралась бы понять и, может быть, в чем-нибудь помогла.

Аня увидела вдали маму и ускорила шаг. «Надо оставить их вдвоем», — подумала Оля.

— Я побегу за Володей! — уже на ходу крикнула она.

Мария Александровна срезала цветы, готовила букет на стол к обеду в честь милого гостя.

— Мапочка! — Аня обвила руками шею матери, прижалась к ней. — Что я наделала? Почему я дала согласие? — с отчаянием прошептала она.

Мария Александровна не на шутку встревожилась. Долго и терпеливо выхаживала она свою старшую дочь после страшных дней в тюрьме. Потрясенная казнью Саши, Аня тяжело болела и угасала на глазах матери. Но молодость взяла свое. Дочь поправилась, снова стала весела и, как матери казалось, счастлива в своей любви. И вот снова взрыв отчаяния.

— Анечка, голубушка, что с тобой, скажи мне! — Мария Александровна повела дочь к скамейке села рядом, обняла за плечи.

— Мапочка, я не должна была давать согласия Марку Тимофеевичу.

Мария Александровна взяла в ладони голову дочери, заглянула ей в глаза:

— Любишь?

— Да, — чуть слышно ответила Аня.

— Значит, поступила правильно.

— Но ведь Марк должен будет со мной отбывать добровольную ссылку в деревне, а он всю жизнь мечтал о Петербурге. Он всегда говорил мне и... — Аня осеклась. Вот уже два года, как в присутствии матери дети не произносили имени погибшего брата, боясь разбередить ее рану. — И другим говорил, — поправилась Аня, — что никогда больше не вернется в деревню, будет жить в Петербурге. Я эгоистка, думаю только о своем счастье.

— ...и о счастье Марка, — поправила мать. — Скажи, пожалуйста, а если бы ты была на его месте, разве ты отказалась бы от него только потому, что он вынужден жить в деревне, а не в Петербурге?

— Конечно, нет! — горячо воскликнула Аня. — Я пошла бы за ним всюду, даже на каторгу.

— Так зачем же так дурно думать о Марке Тимофеевиче? Он идет за тобой в ссылку, потому что любит. Эта любовь прошла тяжелые испытания и не погасла. — Мария Александровна сидела, прищурив глаза, словно что-то видела там, в далеком прошлом... — Да, любовь — самая большая драгоценность в жизни. Поступай так, как подсказывает тебе твое сердце. Вы оба молоды и не всю жизнь будете жить в деревне, не всю жизнь... — вздохнула Мария Александровна.

Аня прижалась плечом к матери.

Сомнения улетучивались, на сердце снова становилось ясно и радостно. Конечно, не всю жизнь они с Марком будут жить здесь, в Алакаевке. Кончится срок ссылки, и оба поедут в Петербург, оба отдадут свои силы, знания, всю молодую энергию делу революции, которому оба поклялись служить.

Аня поцеловала седую мудрую голову матери.

...Лес, прохладный, душистый, расступился, и открылось ржаное, вызолоченное солнцем поле. За ним виднелись крыши деревни и темная зелень парка.

Марк Тимофеевич соскочил с телеги, перекинул пиджак через плечо и, чтобы сократить путь, пошел напрямик по узенькой кочковатой меже. Ветер гнал навстречу теплое дыхание ржаного хлеба. Марк Тимофеевич сорвал колосок, растер на ладони, сдул половику и ссыпал сизо-желтые зерна в рот, со вкусом разжевал их. «Косить пора», — подумал. И знакомое с детства беспокойство пахаря, дождавшегося урожая, проснулось в нем. Окинул взглядом поле. Урожай для здешних мест был неплохой, лишь кое-где качались на ветру прямые и надменные пустые колоски. «Сам-шест», — прикинул он. Снял очки и сразу стал похож на могучего русского богатыря. Из-под русских усов сверкнули крупные белые зубы, густые волосы и бороду разметало ветром, и только светлая, не тронутая загаром кожа выдавала городского жителя.

Теплое дыхание земли, прохладная синева неба и радость предстоящей встречи захлестнули сердце, и сама собой полилась песня.

Вблизи закуковала кукушка. За ней вторая, третья.

Марк Тимофеевич остановился.

Откуда в поле взялись кукушки? Осмотрелся вокруг. Из ржи, как из морской пучины, вынырнули Володя, Оля, Митя и Маняша. Окружили, повисли на шее, тербят, смеются.

Марк Тимофеевич, смущенный тем, что оказались свидетели его душевного порыва, отвечал невпопад и все смотрел поверх, искал глазами. Увидел... Аня оставила руку матери и, подхватив подол длинного платья, бежала навстречу, размахивая васильками. Марк Тимофеевич поспешно надел пиджак, заправил за уши очки.

— Марк Тимофеевич, миленький, ну скажите, надолго вы к нам приехали? — допытывалась Маняша.

Он шагнул вперед и, не отрывая глаз, смотрел на Аню.

— Я приехал к вам навсегда! Правда ведь: навсегда? — спросил он Анну Ильиничну, протягивая ей обе руки.

ПРЕКРАСНЫЕ КНИГИ

Тарахтит старая швейная машинка, тонкие пальцы умело направляют под стальную лапку куски материи. Больше четверти века служит машинка Марии Александровне. Платица и рубашки снашивались, а швы никогда не расползались. Отличная машинка, хоть и стучит очень громко.

За стуком машинки Мария Александровна не слышала, как в комнату вошел Митя, остановился за спиной матери, в смущении накручивает на палец кудрявый вихор, не решается прервать ее работу. Ждет, пока она сама его заметит.

— Ты что, Митенька? — оглянулась Мария Александровна и, увидев огорченное лицо сына, забеспокоилась: — Случилось что-нибудь в гимназии?

— Нет, мамочка, я ничего плохого не сделал. — Митя смотрит прямо в глаза матери. — Но тебя вызывает директор гимназии. Сказал, чтобы ты пришла к нему тотчас.

Мать пригладила рукой кудри сына.

— Не беспокойся. Я тебе верю. Иди обедай, а я пойду к директору.

— Наверно, ему наш классный воспитатель господин Кочкин что-нибудь наговорил. Он вчера был у меня, перерыл весь стол, просмотрел все книги, — сказал Митя.

— Не будем гадать. Пойду и выясню...

Директор Соколов, видно, ждал.

— Госпожа Ульянова, — начал он торжественно, — мы, то есть дирекция Самарской мужской гимназии, учителя и классные наставники, прилагаем все наше усердие, чтобы оградить вас от новых бедствий.

Мария Александровна внимательно слушала.

— Нам известно, что ваш старший сын Александр...

— Речь, по-видимому, идет о моем младшем сыне? — перебила его Мария Александровна и чуть приметным движением оттянула воротник от горла.

— Да, да, речь идет о Дмитрие Ульянове, гимназисте пятого класса. Но я хочу сказать, что ваш второй сын, Владимир, тоже не отличался примерным поведением. Нам известно о его участии в студенческих беспорядках в Казани. Ваша старшая дочь, Анна, находится под гласным полицейским наблюдением. Неужели вам мало страданий от старших детей, чтобы пускать и третьего вашего сына по весьма опасному пути?..

— Я вас не понимаю, господин директор, — снова прервала его Мария Александровна. — Митя плохо ведет себя? Ленился?

— Это было бы поправимо. Дело гораздо хуже, — продолжал директор. — Мы надеемся видеть в вашем младшем сыне образованного молодого человека, способного верой и правдой служить царю и нашему любезному отечеству. Но я с прискорбием должен отметить, что воспитание, которое он получает в гимназии, непоправимо разрушается дома.

— Но что же случилось, господин директор?

Соколов выдвинул ящик стола, вынул большую книгу в сером переплете, тисненном золотыми колосьями, и Мария Александровна узнала том сочинений Помяловского.

— Эта книга из нашей домашней библиотеки, — все еще недоумевая, заметила мать.

— Вот именно, — словно обрадовался директор, — эту книгу изъясил из стола вашего сына наш классный наставник господин Кочкин. Весьма опытный педагог, должен заметить, пекущийся о нравственном облике своих воспитанников.

Мария Александровна поняла теперь истинную цель регулярных посещений их дома Кочкиным: за ее пятнадцатилетним сыном тоже велась полицейская слежка.

— Известно ли вам, сударыня, что сочинения господина Помяловского признаны весьма вредными для юного возраста? Это запрещенная цензурой книга! — веско сказал директор и протянул ее матери.

Мария Александровна откинула переплет, прищурила глаза и прочитала вслух:

— «Знаете ли вы, что значит честно мыслить...»

— Что, что? — переспросил директор.

Мать закрыла книгу.

— Я прочитала первые слова на первой странице.

Директор снял пенсне и пронзительно посмотрел на Марию Александровну. Ее лицо было спокойно и непроницаемо.

— Я настоятельно прошу вас, сударыня, просмотреть вашу домашнюю библиотеку, изъять из нее вредные книги, чтобы оградить ваших детей от пагубного влияния запрещенной литературы. Вы образованная женщина и мать, и вы должны позаботиться о том, чтобы ваши дети читали только полезные книги.

— Хорошо, господин директор, я просмотрю нашу библиотеку и позабочусь о том, чтобы мои дети читали действительно прекрасные книги, — сказала Мария Александровна.

Директор проводил мать недобрый взглядом. Водрузив на нос пенсне и обмакнув перо в чернильницу, стал писать донесение попечителю Казанского учебного округа:

...Инспектор усмотрел на столе том сочинений Помяловского, признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных. Это сочинение было взято из домашней библиотеки...

По поводу этого случая я беседовал с матерью о вреде книг отрицательного направления для юношеского возраста и просил ее закрыть своему сыну доступ в домашнюю библиотеку...

Дома Мария Александровна еще раз просмотрела книгу Помяловского.

— «Знаете ли вы, что значит честно мыслить...» — прошептала она и подошла к книжному шкафу. На полках аккуратными рядами стояли книги, и из них выглядывали синие, красные, белые закладки. Вынула наугад книгу Чернышевского, по закладке раскрыла ее. Наверно, отчеркнул Володя. Он очень любит эту книгу — «Что делать?». Любит образ Рахметова.

Велика масса честных и добрых людей, таких людей (как Рахметов. — Примеч. авт.) мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

Мария Александровна поставила книгу на место. Вот книга с закладкой Саши. Это он делал такие красные закладки. Рылеев. «Иван Сусанин». Саша подчеркнул:

*Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит...
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!*

Саше было восемь лет, когда он выучил наизусть это стихотворение и, обычно стеснительный в выражении своих чувств, с особым жаром и глубоким проникновением в высокий смысл слов декламировал его в кругу семьи.

Мария Александровна перебирала книги Писарева, Добролюбова, Пушкина, Некрасова... Во всех закладки ее детей.

Поставила книги на место, прикрыла дверцу шкафа.

Ни одна хорошая книга не миновала семьи Ульяновых. Все самое ценное, что создала русская и мировая литература, было прочитано в этой семье, и прежде всего матерью. Книги и рояль всегда путешествовали с ними в их долголетней скитальческой жизни. В доме не было ни одной картины. Произведения талантливых мастеров были не по средствам, а к плохоньким, дешевым произведениям не лежала душа. Предпочитали голые чистые стены и книжные шкафы, полные книг.

Мария Александровна оглянулась. В дверях стоял Митя и вопросительно смотрел на нее.

— Мапочка, зачем вызывал тебя директор?

Мать привлекла к себе сына:

— Он говорил со мной о вреде чтения плохих книг, и я обещала ему позаботиться о том, чтобы мои дети читали только прекрасные книги. Здесь, — показала она на книжный шкаф, — все книги прекрасны.

И снова застучала машинка, из-под стальной лапки пополз шов, и разрозненные куски материи превращались в рукава, воротники, соединялись в ночную рубашку.

ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА

Судебное заседание закончилось в 3 часа 10 минут.

Владимир Ильич со стесненным сердцем проводил глазами своего подзащитного Муренкова. Вбрав голову в плечи, крестьянин понуро шел к выходу. Длинный, грязный армяк болтался на худом теле, как на кладбищенском кресте, на спине выпирали острые лопатки. Два года просидел он в тюрьме в ожидании судебного разбирательства, обвинялся в мелких кражах.

С великим тщанием молодой адвокат доказывал непричастность Муренкова к кражам, очищая честь человека от налипших на него обвинений. Муренков получил свободу. Но что это была за свобода? В тюрьме ему не давали умереть с голоду. На воле его ждали мучительные скитания в поисках работы, ждала угроза голодной смерти.

Муренков остановился у открытой настежь двери, боязливо оглянулся и быстро шмыгнул на улицу, словно опасаясь, что его снова могут задержать.

Владимир Ильич тяжело вздохнул.

Перед этим, на утреннем заседании, рассматривалось дело группы крестьян — Уждина, Зайцева и Красильникова. Они обвинялись в том, что проникли с целью грабежа в хлебный амбар богатея Коньякова.

Но красть они были не мастера и попались, едва только запустили руки в мешки с зерном, от одного запаха которого кружилась голова и немилосердно сосало под ложечкой. Уждин успел сунуть в рот горсть пахучих зерен, но и их заставили выплюнуть.

«Голод одолел, — говорил он на суде, — мочи моей больше не было глядеть на голодных ребятишек». «Голодовал больно, вот и пошел на воровство», — сказал Красильников в свое оправдание. «Работы нет, хлебушка давно не видел», — объяснил свой поступок Зайцев.

В глазах присяжных заседателей и судей трое голодных крестьян были шайкой грабителей; для помощника присяжного поверенного Ульянова это были впавшие в нищенство крестьяне, потянувшиеся голодными руками к зерну, которое они сами взрастили, собрали и которое ссыпал в свой амбар кулак Коньяков.

Если бы можно было здесь, на суде, все это высказать! Но должность адвоката требовала строго в рамках закона разобрать виновность подсудимых и найти смягчающие их вину обстоятельства.

Горячая речь помощника адвоката Ульянова была встречена судом хмурым молчанием. Присяжные заседатели стали на защиту своего собрата Коньякова. Удалившись на совещание, они единогласно решили, что крестьяне Уждин, Зайцев и Красильников виновны — «виновны в попытке присвоить чужое добро». Барышник Коньяков в плисовых шароварах и синем кафтане с видом обиженного дитяти поглаживал бороду. «Господь видит, что виновны», — всхлипывал он.

Но убедительность речи молодого адвоката была столь велика, что крестьянам вынесли самый «мягкий» приговор, на который только был способен царский суд.

При выходе из залы Владимира Ильича нагнал присяжный поверенный Хардин.

— Поздравляю, — потряс Андрей Николаевич руку своему помощнику. — Великолепная речь. Железная логика. Суд даже с требованием прокурора не посчитался, дал минимум...

— «Минимум»! — с иронией повторил Владимир Ильич. — Людей, которые погибают от голода, объявляют ворами, а настоящего вора — кулака Коньякова считают потерпевшим. Нищих лишают прав и состояния. Как вам нравится — голого, нищего человека лишить состояния! А?

Хардин положил широкую ладонь на плечо своего помощника.

— Не так горячо, побольше холодного рассудка, — говорил он по-отечески. — Вы своими молниеносными репликами, неопровержимыми доводами приперли суд к стенке, сделали, как

мы, шахматисты, говорим, шах и мат. Теперь я могу спокойно умирать — Самара будет иметь талантливую адвоката.

Владимир Ильич рассеянно слушал похвалы шефа, он думал о своем и только произносил: «Гм... гм... да... да...»

У выхода из здания суда распрощались. Владимир Ильич сощурился от яркого апрельского солнца. По утрам еще морозило, но на пригорках солнце растопило снег, обнажилась бурая земля, сугробы почернели и осели, на южной стороне с крыш свешивались бахромой сосульки, звенела капель.

У здания суда Владимира Ильича ждали Мария Александровна, Митя и Маняша. Митя последний год носил гимназическую шинель. Маняша в свои четырнадцать лет сочетала в себе жизнерадостность подростка с девической застенчивостью и раздумьем взрослого человека.

Митя первый заметил брата, шагнул к нему и, пытливо глядя в глаза, спросил, удалось ли выиграть дело.

— Почти... — устало ответил Владимир Ильич.

Маняша хотела знать все подробности. Радостно охнула, когда узнала, что крестьянин, который обвинялся в мелких кражах, освобожден.

— Ну, а бедняков, которые хлеб у этого самого Водкина, что ли, хотели отобрать, оправдали? — допытывалась она.

— Не Водкина, а Коньякова, — поправил Владимир Ильич сестру и нахмурился. — Нет, их осудили на три года арестантских рот.

— Значит, каторга? — уточнила Маняша. Голос у нее дрожал.

— Да, каторжные работы, — ответил Владимир Ильич, глядя прямо в широко открытые, требовательные глаза сестры.

Мария Александровна понимала состояние сына и не задавала вопросов.

— Волга тронулась, — сказала она. — Пойдем посмотрим ледоход.

— А где Аня? — спросил Владимир Ильич.

— Анечка пошла по домам выявлять больных холерой, — вздохнула мать. Она очень опасалась за хрупкое здоровье старшей дочери.

Все трое выждали, пока по дороге пройдет подвода. Лошадь с трудом тащила по оголившейся мостовой груженые верхом сани. Из-под рогожи торчали голые ноги, худые, желтые и неестественно прямые.

— Люди под рогожей! — воскликнула Маняша.

— Мертвые! — ахнул Митя.

Владимир Ильич снял шапку, Митя сдернул с головы фуражку. Горькая складка залегла у губ Марии Александровны. Прижав к себе Маняшу, она скорбными глазами провожала сани со страшной поклажей.

Это были жертвы голода. Летом 1891 года Самарскую губернию, как и все Поволжье, охватила засуха. К весне 1892 года голод принял ужасающие размеры. За ним потянулись его страшные спутники — тиф, цинга, приползла холера. Обезумевшие от голода крестьяне подались в город в надежде найти работу, пропитание. Но работы не было. Голод и болезни косили людей. Смерть наступала их на трактах, на вокзалах, на постоянных дворах.

— Около миллиона людей находятся сейчас под угрозой голодной смерти. Около миллиона в одной Самарской губернии. — Владимир Ильич стиснул зубы, вытер платком взмокший лоб.

Маняша ухватила под руку старшего брата, крепко прижалась к нему. Митя, забыв надеть фуражку, шагал рядом...

Вышли на высокий берег реки.

Разбуженная солнцем Волга взломала на себе ледяной саван. По необъятному простору неслись ледяные поля с отрезками бурых дорог, наползали друг на друга, дыбились, громоздились, кружились на месте и рушились в воду. Над Волгой стоял грохот и скрежет ломающихся льдин.

Недалеко от берега на льдине с пробитыми лунками плыл шалаш, возле которого на привязи металась собака. Она то садилась на задние лапы и, подняв морду, видно, выла, то снова пыталась сорваться с веревки. Из лунок фонтанами выбивалась вода.

Как рассыпанные спички, неслись и кувыркались бревна, плыли вывороченные с корнем деревья, куски раздавленной лодки. От стремительного движения льдин и грохота кружилась голова. Казалось, что внизу неподвижная река, а ты летишь над ней с захватывающей дух быстротой, и только ветер свистит в ушах.

Вода на глазах заливала низины; на пригорке, постепенно скрывающемся под водой, столпились березы, и кружевная тень от них плясала на воде.

Владимир Ильич не отрывая глаз смотрел на безбрежные могучие и живые воды реки, которые праздно несли в себе огромную энергию, способную напоить все засушливые земли России, превратить их в сочные пастбища и плодородные поля, накормить досыта людей; воды, играючи переворачивающие тысячепудовые льдины, могли крутить лопасти огромных турбин, дать человеку тепло и свет. И эта силища пропадала зря. На берегах великого водного бассейна посева превращались в пепел, люди из года в год умирали мучительной голодной смертью.

— Обуздать бы эту стихию, взять бы в упряжку эти миллионы лошадиных сил... — сказал как бы про себя Владимир Ильич.

Видно, и Марию Александровну одолевали те же мысли. Горе матери, потерявшей год назад дочь, отодвинулось перед народным горем, заслонило личное.

И перед глазами Маняши все еще плыли по воздуху худые ноги со скрюченными пальцами.

— Отдали бы богатеи все зерно голодающим. Неужели у них сердца нет? — спросила Маняша.

— Как бы не так! Отдали! — возразил Митя.

— Миллионеры Шихабалов, Субботин, Арханов «помогают голодающим»: продают по бешеной цене гнилую муку. Это борьба не с голодом, а с голодающими, — заметил Владимир Ильич, вспомнив сегодняшнее заседание суда. — Надо бороться с причинами, которые порождают голод... Надо решать дело всего народа!

Мать посмотрела внимательно на сына. «Дело всего народа», — повторила она мысленно. Как же это она до сих пор могла думать, что Володя нашел себя — нашел в деле присяжного поверенного. Она гордилась тем, что ее сын защищает бедных на суде, радовалась, когда ему удавалось выигрывать дело. Но у него совсем другие мысли, другие планы. Он стремится выиграть дело всего народа. Вот почему он сидит и пишет по ночам, вот о чем спорит с товарищами, запершись у себя в комнате.

Над Волгой плыли подсвеченные закатом облака. Река погружалась во мрак, над ее черной бездной стремительно неслись льдины, зловеще грохотали в темноте.

Вернувшись домой, Владимир Ильич закрылся в своей комнате и работал до самого утра.

Зимним вечером вся семья собралась в столовой, и Владимир Ильич никуда не пошел. Он спешил закончить перевод «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса.

Митя пришел в столовую готовить уроки, заглянул через плечо брата в книгу.

«Пролетариат всех стран, объединяйтесь!», — прочитал он и вслух перевел: — Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

Владимир Ильич повернул голову к брату:

— Нет, не «объединяйтесь», а «соединяйтесь».

— Смысл один и тот же, — возразил Митя.

— «Объединить» — это собрать вместе, а «соединить» — значит слить воедино. Ведь так, мамочка? Если бы Маркс хотел сказать «объединяйтесь», он употребил бы немецкий глагол «фербинден».

— Совершенно верно, — подтвердила мать.

Она была первой учительницей немецкого языка всех своих детей и научила их любви к точному, живому слову в переводе, и до сих пор Володя и Аня в затруднительных случаях обращались к ней.

Аня сидела над переводом пьесы Гауптмана «Ткачи». «Очень нужная книга для русских рабочих, она познакомит их с положением рабочего класса на Западе», — одобрил Владимир Ильич работу сестры.

Тут же, в столовой, расположились Марк Тимофеевич с газетами и Маняша с уроками.

Мария Александровна любила эти вечера, когда дети собирались вместе за столом, эту атмосферу напряженной работы мысли. Сама она сидела с журналом «Исторические записки», за которым

внимательно следила, и часто рассказывала о прочитанном детям или советовала прочитать самим, что заслуживало их внимания.

Подходил час ужина. Мария Александровна отложила журнал в сторону и пошла на кухню.

Тишина в столовой прервалась разговором, сначала тихим, затем все более оживленным. Мать прислушалась.

Володя объяснял Мите:

— Революцию призван совершить рабочий класс. Питерские рабочие объединяются в марксистские кружки, готовятся к бою. Они думают и болеют за судьбу самарских и других крестьян по-настоящему, не так, как шихабаловы, и не так, как народники михайловские и иже с ними. Там, в Питере, зреет революция.

Аня что-то тихо говорила.

— Да, да, только в Петербург! — воскликнул Владимир Ильич. — Я чувствую себя здесь, в Самаре, как в палате номер шесть.

— «Как в палате номер шесть», — прошептала Мария Александровна, присела на табуретку, скомкала в руках полотенце. — Володя стремится в Петербург.

Петербург! Пять лет назад в Петербурге был казнен Саша... Где его могила? Весь Петербург был для матери огромной мрачной могилой ее сына... В Петербурге сидела в тюрьме Аня и чуть не погибла там... Год назад в Петербурге умерла Оля...

Никогда матери не забыть дождливого майского утра, когда умирала в горячечном бреду Оля. Брюшной тиф осложнился рожистым воспалением. Володя не сообщил матери о болезни сестры. Взял все бремя на себя. Он отвез ее в больницу и просиживал там дни и ночи, отлучаясь только затем, чтобы сдать очередной экзамен в университете. Как мог он выдержать такое? В дни суда и казни Саши он сдавал экзамены за гимназию. В дни, когда умирала Оля, он нашел в себе силы, чтобы сдать экзамены за университет. Оля лежала без сознания. Черные яркие глаза подернулись перламутровой поволокой. Володя понимал — уходит из жизни талантливая, веселая сестренка Оля.

Послал телеграмму матери.

Телеграмма пришла вслед за Олиным письмом, где она писала матери, чтобы не беспокоилась о здоровье Володи, а о себе сообщала, что 8 мая приедет домой на каникулы.

Оля умерла 8 мая 1891 года, в день четвертой годовщины казни Александра.

В серый питерский день вел Володя за гробом сестры мать. Она сразу стала старенькой, у нее дрожала голова.

И с еще большей силой, чем после гибели Саши, уцепилась она всем своим материнским сердцем — любящим и эгоистическим — за своих детей, не хотела никуда отпускать от себя: ее дети гибли, когда отрывались от нее, уезжали в этот страшный Петербург. Она не могла тогда допустить, чтобы Володя остался в огромном мрачном городе, который поглотит и его, Володю.

Володя понимал отчаяние матери и сказал тогда о своем решении ехать работать в Самару: его приглашал туда в качестве своего помощника присяжный поверенный Хардин. В Самаре продолжала отбывать свою ссылку Аня, там же учились в гимназии Митя и Маняша.

Мать утешала себя мыслью, что Володя нашел свое призвание в адвокатской практике. В прошлом году на берегу Волги она поняла, что ошиблась. Сын решил посвятить себя делу всего народа... И еще одно поняла она теперь: это дело решать можно только в Петербурге, в рабочем центре. Вот почему стремится туда Володя, вот почему ему так душно в Самаре.

Ради нее, матери, поехал он в Самару и сидит здесь. Имеет ли она право задерживать сына при себе? Ее горе, горе матери, потерявшей двух детей, останется с ней на всю жизнь, но она не должна перекладывать свое бремя на детей, не должна мешать им идти избранной дорогой...

Самовар сердито плескался и фыркал, на полу растекалась дымящаяся лужа.

Мария Александровна сняла с самовара трубу и, стараясь побороть волнение, казаться спокойной, понесла посуду в столовую.

Дети принялись убирать со стола бумаги.

Мария Александровна разливала чай и, против обыкновения, не подавала стаканы, а раздвигала их: она боялась, что дрожащие руки выдадут ее.

— Подумайте, как быстро бежит время! — сказала она с улыбкой. — Через несколько месяцев Митя сдаст экзамены. Надо подумать об университете. Лучше всего, я думаю, ему учиться в Петербурге.

Владимир Ильич зорко посмотрел на мать. Задумав ехать в Петербург, он не хотел, чтобы мать ехала вместе с ним. В Петербурге он ринется в революционную работу, будет вынужден скрываться от полиции, вести конспиративную жизнь революционера. Зачем подвергать мать новым волнениям? Об этом он не раз говорил с Аней, и они решили, что, когда кончится срок ее ссылки, она с мужем, мамой, Митей и Маняшей поедет в Москву, а Владимир Ильич — в Петербург. Знал об этих планах и Митя.

— О нет! Я мечтаю о Московском университете, об университете, где учился Ломоносов, — твердо сказал он.

— Мы с Марком тоже хотели бы жить в Москве, — подтвердила Аня. — Марку там легче устроиться на работу, чем в столице.

— А Володе адвокатскую практику легче найти в Петербурге, чем в Москве, — подхватила мать.

Владимир Ильич сидел, помешивая ложечкой чай. Щеки его горели. Он давно ждал этого разговора и опасался его.

— Да, да, — убежденно сказала Мария Александровна, — пора нам распрощаться с Самарой, и московский климат для меня подойдет больше, чем самарский, и врачи там лучше. Как все хорошо складывается! — обвела она глазами детей.

— Что-то давно от Володи нет писем. Последнее было от пятого декабря, а сегодня уже двадцать третье. Завтра сочельник, через неделю наступит тысяча восемьсот девяносто шестой год. — Мария Александровна сняла очки, отложила книгу и вопросительно посмотрела на дочь.

Анна Ильинична давно уже заметила, что мать держит раскрытую книгу перед глазами, но не читает, не переворачивает страницы, о чем-то думает.

— Напрасно ты, мамочка, беспокоишься. Мы сами спутали ему все карты: написали, что ты собираешься к тете Ане, а ты ехать раздумала. Уверена, что в Казани тебя ждет письмо.

Неуютно было на сердце матери последние дни. И к сестре в Казань отказалась ехать из-за какого-то чувства беспокойства, и здесь, в Москве, себе места не находила. Такое состояние у нее было весной, когда Володя заболел воспалением легких. Беда никогда не застигала мать врасплох, приближение ее она чувствовала издали. Однажды только обманулась. Саша в Петербурге заболел тифом, а сердце ей ничего не подсказало. Может быть, потому, что болезнь он перенес легко и заминки в письмах не было. Увидев, что Аня побледнела, подсадовала на себя — нельзя было выказывать своей тревоги. Теперь Аня будет переживать вдвойне: и за Володю, и за нее, мать. В шестьдесят лет матери надо уметь уединяться и со своим горем и недугами и прикрыть панцирем сердечные раны. Иначе жизнь молодых станет невыносимой. А у них все впереди — и радости и кручины.

— Да, Анечка, ты права. Конечно, Володя послал мне письмо в Казань, а за это время переменял квартиру и письма моего не получил. Как это я раньше не додумалась. Иди-ка поставь самовар, а я почитаю, уж больно книжка интересная попалась. — Мария Александровна протерла очки, раскрыла книжку.

Аня пошла хлопотать по хозяйству. Сама она волновалась за судьбу брата не меньше матери. Владимир Ильич в последнем письме к матери писал, что «комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что все слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед... Останусь ли я тут еще на месяц или нет, — пока не знаю...»

Мария Александровна все поняла буквально. Сетовала на Володину хозяйку — чем может досаждают ей такой деликатный, во всем аккуратный и скромный квартирант, негодовала на соседа-балалаечника.

Для Ани же это было условное сообщение. И «придирчивая хозяйка» и «сосед-балалаечник» означали, что полицейская слежка за Владимиром идет отчаянная и долго ли он продержится на свободе, неизвестно. И вот после этого письма уже больше двух недель никаких известий.

Третий год живет Владимир Ильич в Петербурге. О том, какую огромную работу он ведет там по собиранию, просвещению и организации революционных сил, знает только сестра Аня. Мария Александровна догадывается. Не зовет же он мать к себе в гости. Иногда сам появляется в Москве на короткое время и здесь постоянно чем-то занят. Летом пять месяцев был за границей. Приехал оттуда полный впечатлений, деятельный и чем-то озабоченный. Славно они провели тогда несколько вечеров на даче под Москвой. Всем Володя привез подарки: Мите — астрономический атлас, Маняше — французские книги, а ей, матери, — кружевную наколку на волосы.

Чего она, право, нагоняет на себя страх? Надо пойти выпить ландышевых капель.

Звонок в дверь.

Кто это мог быть? Митя — в университете, Маняша — в гимназии, Марк Тимофеевич — на работе. Рано им еще. Наверно, почтальон.

— Аня, Анечка, скорей открой дверь!

Анна Ильинична побежала вниз по лестнице. Отодвинула задвижку, распахнула дверь и радостно ахнула:

— Надежда Константиновна! Какими судьбами? Почему не предупредили — мы бы вас встретили.

Надя приложила палец к губам.

— Владимир Ильич арестован, — только и успела шепнуть она.

Мария Александровна стоит на площадке лестницы, смотрит вниз.

— Кто это там, Аня?

— Надежда Константиновна к нам в гости припожаловала, — и, целуя Надю в щеку, шепчет: — Не говорите маме.

— Какая неожиданная радость! — откликается Мария Александровна. — Добро пожаловать! — И, видя, что в руках Нади только ридикюль, спрашивает: — Что это вы так налегке, где же ваш чемодан?

— Приехала на один день. Сегодня же вечером обратно в Петербург. И, кстати, куплю здесь чемодан желтый, с красивыми застёжками, — это она говорит уже для Ани.

— Неужто в Петербурге чемоданов нет? — недоверчиво смотрит на Надю Мария Александровна. — Раздевайтесь. Рассказывайте. Как здоровье вашей матушки? Как там Володя? Давно ли его видели?

— Последний раз видела восьмого декабря, — отвечает Надя.

И это правда. Руководители петербургских социал-демократов собрались вечером восьмого декабря, чтобы смонтировать и окончательно отредактировать первый номер первой рабочей газеты в России. В ту же ночь Владимир Ильич и многие товарищи из руководства социал-демократической организации в Петербурге были арестованы.

— Как Володя выглядит? Он не болен? — допытывалась мать.

— Нет, нет. Выглядел отлично и совершенно здоров. — Наде трудно было под пытливым взглядом Марии Александровны. — Где у вас можно помыть руки? Проводите меня, пожалуйста, — попросила она Анну Ильиничну.

На кухне Надя моет руки и шепчет Ане, стоящей рядом с полотенцем в руках:

— Владимир Ильич сидит в «предварилке» на Шпалерной... Получила от него шифрованное письмо. Позавчера был первый допрос. Следователь потребовал предъявить чемодан, с которым он вернулся из-за границы. Он дал показания, что чемодан оставил в Москве у матери. Желтый

чемодан с какими-то замысловатыми застежками... Его надо немедленно купить. Полиция может к вам явиться с минуты на минуту. Если чемодан не будет предъявлен, Владимир Ильич будет считаться арестованным. Все дело, пишет он, в этом чемодане... Надо срочно ехать в магазин.

— Нет-нет, — шепчет Аня. — Выпейте чаю. И маму подготовим. Она должна узнать это от нас, а не от полиции.

Мария Александровна ждала их за столом.

— Что же вы, Надежда Константиновна, на один день приехали? Я думала, вы у нас погостите.

— Я приехала по делам. По поручению Владимира Ильича, — отвечает Надя. — Я должна купить для него желтый чемодан, с которым он приехал из-за границы. На всякий случай. Он считает, что им может заинтересоваться полиция, а чемодан он кому-то отдал.

Мария Александровна горько усмехнулась:

— Он его не отдал, а разрезал на куски и сжег в печке. В этом чемодане было двойное дно, в котором он привез нелегальную литературу. Прости, Анечка, но я нечаянно услышала твой разговор с Володей на даче.

Этот чемодан волновал Владимира Ильича с момента переезда границы. Таможенный чиновник вынул все вещи из чемодана, перевернул его вверх дном и щелкнул по нему пальцем.

«Ну, думаю, влетел», — рассказывал сестре Владимир Ильич.

Таможенник не спеша аккуратно уложил все вещи в том же порядке и сказал: «Вы свободны». Владимир Ильич решил, что полиция предпочла проследить его связи и «взять» не одного его.

...Аня наливала чай. От взора матери не укрылось, что носик чайника мелко-мелко бьется о край чашки и что их гостя уж очень сосредоточенно рассматривает узор на скатерти.

— Володя арестован, — не столько вопросительно, сколько утвердительно прозвучал голос матери, заставляя Надю поднять глаза.

Аня выскочила из-за стола. Она не могла сдержать слезы.

Тревожное томление матери обернулось бедой. А в беде она всегда сильна, сильнее всех ее близких.

— Он не арестован, он временно задержан, — выдавливает наконец из себя Надя. — Все дело в этом злосчастном чемодане. Мы его купим, вы его предъявите полиции, и все обойдется.

— Все обойдется, — машинально повторяет мать, «Все обойдется», — говорила она, когда внезапно занемог Илья Николаевич. «Все обойдется», — твердила она детям, когда получила сообщение об аресте Саши... «Все обойдется», — когда заболела Оля.

Мария Александровна вынула из-под пояса часы Ильи Николаевича, глянула на них, щелкнула крышкой, засунула обратно.

Наде показалось, что это щелкнуло сердце матери, закрылось на замок.

— Аня, вам надо спешить. Чай вы допьете после. Немедленно идите в магазин и без чемодана не возвращайтесь. Пойдите на Кузнецкий мост, там найдете что нужно. А я поеду в банк за деньгами. Надо действовать... Нанять адвоката... Попытаться взять Володю на поруки под залог... Все обойдется, все обойдется...

«ВЕСЬМА ВАЖНО»

Солнце над Петербургом поднималось ясное, яркое, и с первыми лучами его возникли и поползли по улицам тени. На Шпалерной мрачная тень тюрьмы покрыла и толпу женщин у кованых ворот, и девчонок, чертивших мелком на панели «классы», и мальчишек, пускавших в канавке свои первые кораблики из спичечных коробок.

Женщины, молодые и старые, в шляпках и платочках, все с узелками в руках, выстраивались в очередь. Скоро откроется окошко в толстой тюремной стене, и чиновник начнет принимать передачи для заключенных.

Мария Александровна примкнула к очереди. Впереди нее стояли три девушки. Одна — пышноволосая, с красивым русским лицом, другая — тоненькая, бледная, настоящая петербургская курсистка, и третья — брюнетка с искрометными глазами, — все разные, но что-то очень хорошее, чистое объединяло их, и лица у всех трех радостные, воодушевленные.

Распахнулась дверца в стене. Тюремщик из глубины лениво буркнул:

— Подавайте, кто там!

Женщины протягивали пакеты, бутылки с молоком, называли фамилии заключенных и молча расходились, одолеваемые тяжелыми думами.

— Кому? — задал обычный вопрос чиновник пышноволосой девушке.

— Кржижановскому Глебу Максимилиановичу.

— Кем приходитесь?

— Невеста я. — Девушка протянула узелок.

— Старкову Василию Васильевичу, от невесты...

— Ванееву Анатолию Алексеевичу, от невесты...

Мария Александровна поняла теперь, почему и в этом горестном месте у девушек светятся счастьем глаза, и ей стало немножко грустно, что нет такой славкой девушки, которая бы сказала: «Ульянову Владимиру Ильичу, от невесты».

— Следующий, — прервал мысли матери возглас чиновника.

Мария Александровна подала бутылку с молоком и пакет с сухарями.

— Ульянову Владимиру Ильичу, от матери, — сказала она и отошла от окна.

В тени, у тюремной стены, заметила девичью фигурку в длинной черной юбке, в узком жакете с пышными рукавами. Из-под маленькой неказистой шляпки на мать глядели приветливые глаза.

Мария Александровна сразу узнала ее — это Надежда Константиновна.

Надя подошла, поздоровалась.

— Мария Александровна, я получила от Владимира Ильича загадочное письмо. Он просит, чтобы я позаимствовала у вас волшебную лампу Аладдина. Это говорит вам что-нибудь?

— Нет, — недоуменно пожала плечами Мария Александровна. — Что это ему пришло в голову?

— Пожалуйста, вспомните все, что связано с этой сказкой, или с лампой, или с Аладдином. Судя по тону письма, это очень, очень важно для Владимира Ильича.

Мария Александровна потерла ладонью лоб.

— Волшебная лампа Аладдина... Лампа Аладдина... — шептала она. И вдруг улыбнулась: — Это настольная лампа, что стояла в кабинете Ильи Николаевича, ко мы давно ее продали... когда покидали Симбирск.

— Но что с нею связано, почему она волшебная? — допытывалась Надежда Константиновна, взяв под руку Марию Александровну.

Обе женщины медленно пошли вдоль тротуара.

Надежда Константиновна продолжала настойчиво допрашивать:

— Очевидно, с этой лампой связаны какие-то события. Вспомните, пожалуйста, вспомните.

И Мария Александровна вспомнила.

В далеком прошлом, когда еще был жив Илья Николаевич, зимними вечерами мать затевала с детьми игры в шарады, загадки.

Однажды Мария Александровна положила на стол листок бумаги и предложила детям прочитать на нем известное четверостишие Пушкина.

Дети по очереди вертели в руках чистый листок, просматривали его на свет, приставляли к зеркалу, но на бумаге не было никаких следов.

Володя унес листок в другую комнату и, вернувшись, сказал:

— Я прочитал в темноте, здесь написано! «Зима! крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...»

— Не хитри, — погрозила пальцем мать.

— «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...» — стала декламировать Аня.

Саша сидел и, запустив пальцы в кудри, пытался разгадать мамину хитрую загадку.

— Ну что, сдаетесь? — спросила она весело.

— Сдаемся! — хором закричали дети.

— На этом листке написано четверостишие из «Руслана и Людмилы», — торжественно объявила мать.

— Но это надо еще доказать! — возразил Володя.

— Изволь, — согласилась Мария Александровна. — Для этого мне нужна волшебная лампа Аладдина. Принесите ее из папиного кабинета.

Саша принес лампу под зеленым абажуром и поставил ее на ломберный стол. Аня спустила лампу-молнию, погасила ее. Глаза матери лукаво щурились. Она подняла двумя пальцами листок, поводила его над лампой и, сделав таинственное лицо, прошептала:

— Появитесь, волшебные строки!

Дети, затаив дыхание, следили за руками матери.

— Раз, два, три... — Мария Александровна медленно опустила листок на стол, провела по нему ладонью, дунула и перевернула.

Дети ахнули.

На чуть опаленном листке ярко проступали коричневые строчки:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...*

— Химические чернила! — восхищенно воскликнул Саша. — Но чем ты писала?

После долгих уговоров мама наконец согласилась открыть секрет.

— ...Таинственными чернилами было простое молоко. Дети весь вечер играли в почту-загадку и перепалили над лампой изрядное количество бумаги, хорошо развлеклись, — заключила свой рассказ Мария Александровна.

Надежда Константиновна неожиданно пылко обняла Марию Александровну и покрыла ее лицо поцелуями.

— Спасибо, спасибо! Я теперь все понимаю. Спасибо за чудесный подарок!

— Но я ничего не понимаю, — пожала плечами Мария Александровна.

— Это нужно ему для работы. В следующий раз я принесу ему сырое молоко.

Мария Александровна встревожилась:

— Но ему нельзя пить сырое молоко, у него больной желудок.

— Я знаю, — улыбнулась Надежда Константиновна. — Он его пить не будет. Это нужно для работы.

— Уж очень много Володя работает, — посетовала Мария Александровна, — целые дни сидит в камере за книгами. Я боюсь, он подорвет свое здоровье...

— Владимир Ильич каждое утро и вечер занимается гимнастикой, делает по сто земных поклонов, вышагивает по камере тысячу шагов. Письма пишет веселые, бодрые... товарищам по работе пишет, — поспешила добавить Надя.

Мать вздохнула:

— Чем все это кончится? Я подавала прошение в департамент полиции, просила отпустить его мне на поруки под денежный залог. Сослалась на его плохое здоровье, даже схитрила, — улыбнулась Мария Александровна, — написала, что от рождения рос хилым и слабым ребенком.

Девушка звонко рассмеялась. Хилость и слабость так не вязались с образом живого, неутомимого Владимира Ильича!

— Была я на личном приеме в департаменте полиции, — продолжала Мария Александровна, — мне ответили, что «ввиду упорного запирательства Ульянова» в моей просьбе отказано. Дали понять, что, если он признается, зачем ездил за границу, сообщит фамилии членов «Союза борьбы», тогда к моему прошению отнесутся более благосклонно. Я заверила, что за границу он ездил лечиться по совету врачей и моему настоянию. Не поверили. Что будет? Что будет?

— Уверю вас, ничего страшного. — Девушка понимала тревогу матери, уже потерявшей одного сына. — Им и в голову не приходит, — кивнула она на тюрьму, — что книги Владимира Ильича для них опаснее бомб, что он организует поход не только против царя, но и против всего старого мира. Я уверена, что ему дадут несколько лет ссылки.

— Несколько лет ссылки! — повторила Мария Александровна. — Легко сказать! Загонят в глухую сибирскую деревню, обрекут на полное одиночество.

— О, у него на случай ссылки грандиозные планы. Он там скучать не будет. Большую работу задумал — написать книгу о развитии капитализма в России. Владимир Ильич не знает, что такое скука, уныние. А как он умеет мечтать! — с жаром воскликнула Надя.

Мать жадно слушала. Она готова была слушать о своем сыне без конца. И Наде очень нужно было, просто необходимо, поделиться своими мыслями с родным Владимиру Ильичу человеком.

Они остановились на углу улицы.

— Мы часто ходили с ним по ночному Петербургу, мечтали вслух. Дома я всегда заставляла его за письменным столом. «Вот посмотрите, — говорил он и показывал таблицу, всю испещренную цифрами, показывал, как художник свое произведение. — Вот она какая, Россия-то! Обратите внимание, как бурно развивается промышленность, как растет пролетариат». И я уже не видела цифр, а видела этого нового хозяина мира — класс, призванный совершить великое дело. Только один Владимир Ильич умеет так много видеть за скучными цифрами, заставить мечтать так, что дух захватывает.

Мать с нежностью смотрела на девушку, на ее чистый профиль, на потемневшие и ставшие совсем синими глаза.

— Я видела, как этот класс-гигант встает, разрывает цепи, крушит гнилое, старое, утверждает на земле высокие идеалы. И тогда мы, взявшись за руки, шли с ним по набережной Невы и говорили о будущем. Нам никогда не хватало времени, чтобы обо всем переговорить... Но что я, право, заболталась, — спохватилась Надя и, зардевшись, взглянула на Марию Александровну, встретила ее добрую, ясную улыбку и заторопилась: — Сейчас их поведут гулять. Давайте встанем вот здесь. Я несколько дней стояла чуть правее, и Владимир Ильич не видел меня. Такая досада!

Надя точно примерилась, где ей встать.

— Посмотрите, окно на третьем этаже, оно выходит из коридора. Когда их поведут на прогулку, он увидит этот кусок улицы. Встаньте рядом со мной.

Надя поправила бантик на блузке, быстро пробежалась тонкими пальцами по волосам и, подняв голову и чуть прикрыв глаза пушистыми ресницами, словно боясь расплескать радость, всматривалась в зарешеченное окно.

— Наверно, в этот момент их ведут, — прошептала она, взяла под руку Марию Александровну и замерла.

Мария Александровна едва заметно кивнула — украдкой здоровалась с сыном.

— Ну, а теперь можно идти, — словно очнулась Надя и, вконец смущенная, пожала плечами. — И зачем понадобилось Владимиру Ильичу, чтобы я каждый день приходила на этот угол? Право, не понимаю!

«А я, кажется, понимаю, кажется, понимаю». — Сердце матери наполнилось радостью. Она уверенно оперлась на руку Нади.

Был субботний день, когда заключенным передавались книги и получались от них прочитанные.

Теперь у тюремного окошка встречались две матери: Мария Александровна и Елизавета Васильевна Крупская.

Надежда Константиновна в августе 1896 года тоже была арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Елизавета Васильевна очень беспокоилась за единственную дочь, с которой никогда не расставалась.

— Чем все это кончится? Какой приговор ждет Надю? — тревожилась она...

Мария Александровна успокаивала, утверждая, что обоим дадут по несколько лет ссылки, и что в ссылке можно отлично работать, и что такие люди, как Володя и Надя, унывать не умеют. Обе матери решили ехать в ссылку вместе со своими детьми. Мария Александровна делилась с Елизаветой Васильевной своим богатым опытом — и как обмануть бдительность тюремщиков и передать зашифрованную записку, и как обнаружить в книге условные знаки и тайнопись, — советовала, чтобы Елизавета Васильевна передала дочери «Гимнастику Мюллера», и что для сохранения здоровья необходимо делать тысячу шагов по камере и по сто низких поклонов. Елизавета Васильевна внимательно прислушивалась к ее советам...

Заскрежетали ржавые петли, открылось окошко.

Мария Александровна передала книги для Владимира Ильича и получила от него прочитанную. Обе матери отошли в сторону, чтобы незаметно для тюремщика просмотреть книгу.

— Есть условный знак, означающий «весьма важно», — сказала Мария Александровна, листая страницы, — и второй знак, что книгу надо передать Наде.

— Как хорошо, что мы с вами здесь встречаемся и можем немедленно выполнять поручения наших детей! — Елизавета Васильевна подошла к окошку, протянула книгу и с замиранием сердца следила, как тюремщик перелистывал страницу за страницей.

Затем он небрежно кинул книгу на стол, и у матери отлегло от сердца.

Обе матери постояли, посмотрели на тюремные стены, словно видели сквозь них своих детей, и пошли на набережную Невы. Можно было вдоволь наговориться, не таясь высказать тревоги и предположения. Мария Александровна и Елизавета Васильевна хорошо понимали друг друга и за эти дни стали большими друзьями.

Надежда Константиновна поминутно смотрела на часы и с нетерпением ждала, когда в камеру принесут чай. Сидела, перелистывала книгу и очень волновалась. «Какое-то важное сообщение. Неужели еще кто-то арестован? Или, может быть, Владимиру Ильичу объявили приговор?» — думала она и поглядывала на дверь.

Загремел засов, вошла надзирательница. Надежда Константиновна подставила жестяную кружку и с радостью почувствовала, как нагревается ручка: из чайника лился крутой кипяток.

Едва надзирательница закрыла за собой дверь, Надежда Константиновна схватила книгу... Сообщение на странице двадцать пятой... Вот она, эта страница. Надо спешить, пока не остыла вода. Осторожно вырвала из книги лист, оторвала от него сверху поперечную полоску, опустила в кипяток. Вынула — пусто. Оторвала еще одну полоску. Долго держала в кипятке и — вот досада! — порвала так, что на полоске проявились только верхние кончики букв. Опустила в кружку третью полоску, а чай уж остывает, молочные чернила плохо завариваются. Вдруг не проявятся? Нет, вылезли нижние кончики букв.

На этих двух полосках — всего одна строчка. Значит, сообщение еще впереди. Рвет полоски, опускает в кружку, вынимает, подносит ко рту, стараясь горячим дыханием проявить тайнопись. Больше ничего нет. Важное сообщение — в одной строчке.

«Что же это может означать?» — с нарастающей тревогой думает Надежда Константиновна, соединяет обе полоски, восстанавливает разорванную строчку. Вглядывается близорукими глазами в бледные буквы...

— Неужели правда? — шепчет она почти испуганно.

Четким, крупным почерком тщательно и твердо выведено: «Я Вас люблю!»

— «Я вас люблю», — повторяет она. Еще и еще раз читает, беззвучно смеется. Долго сидит, подняв голову, приложив ладони к пылающим щекам.

Под потолком, из глубокого проема окна, виднеется нестерпимо яркий кусочек неба, и, когда смотришь на него, не замечаешь ни шершавых грязных стен камеры, ни ржавой решетки, забываешь, что сидишь в тюрьме.

В ССЫЛКУ

Февральская метелица гудела и посвистывала по питерским улицам, наметала косые синие сугробы на панелях, обдавала снежной пылью, перехватывала дыхание.

Мария Александровна прохаживалась вдоль тюремной стены и не отрывала глаз от зеленого квадрата дверцы. Каждый раз, когда скрежетал ключ в замке и громыхал засов, она подавалась вперед, вытягивала голову — вся в нетерпении, в ожидании.

Дверца распахивалась, над высоким железным порогом сначала появлялась нога в сапоге, а за ней вываливалась фигура жандарма в голубоватой шинели. Мария Александровна снова втягивала голову в плечи и опять шагала. Порой она останавливалась, с тревогой поглядывала на свои руки в вязаных нитяных перчатках и, разведя их в стороны, смотрела под ноги, словно что-то обронила. Нет, ничего не обронила, но пальцы не ощущали привычной тяжести узелка с передачей. Сегодня она пришла к тюрьме с пустыми руками, без связки книг, без бутылок с молоком, даже не взяла с собой ридикюля, чтобы вот этими свободными от ноши руками обнять сына.

Сегодня его должны выпустить из тюрьмы на свободу. Мария Александровна грустно улыбнулась. На свободу... чтобы отправить в ссылку. Сколько он пробудет дома? Нет, не дома, а в кругу семьи. Никакого дома нет, дом был, а сейчас случайные мебелишки, хозяйские неуютные квартиры. Но разве в этом счастье? Дом там, где семья. А всем вместе, кажется, быть не суждено. Она, мать, поедет вместе с Владимиром в Сибирь, он не будет в ссылке один. Разрешение на ее поездку уже получено, но Володя об этом еще ничего не знает.

Лучики-морщинки разбежались от уголков засветившихся глаз матери. Он, конечно, будет возражать и все равно обрадуется...

Уже много раз с визгом распахивалась дверца в тюремной стене, а его все нет. Метелица запушила белым мехом ротонду, превратила козий воротник в горностаи.

Более четырнадцати месяцев ходила Мария Александровна к этим воротам, протягивала в окошко узелок с передачей, четырнадцать месяцев не было и часу покоя. Чем кончится дело? Засудят на каторгу? А может быть... Как бы ни заверяли ее дети и друзья, что дело кончится ссылкой, а вот десять лет пульсирует в сердце рана. Десять лет назад она ехала с передачей к старшему сыну и еще не знала, что Саше уже не нужно молоко, что его повесили в ту ночь... И сейчас, пока не прижмет к себе Владимира, не услышит, как бьется его сердце, ничему не поверит, не успокоится.

Почему его так долго нет? А впрочем, часы не назначены, просто объявили, что выпустят из тюрьмы 14 февраля.

Прюнелевые ботинки вытаптывают елочкой тропинку вдоль тюремной стены, и, как бы ни заметала следы метелица, тропинка становится все глубже, все явственнее.

«Как это я раньше не догадалась, что мне тоже нужны валенки, в прюнелевых башмаках в сибирской деревне не обойдешься. Все ли я подготовила для сына?» — перебирает в памяти мать. Валенки есть, и теплое белье припасла, и отцовская шуба будет хорошей защитой от сибирских морозов. Не одну сотню верст исколесил в этой шубе по Симбирской губернии Илья Николаевич и не думал, не гадал, что она пригодится среднему сыну в ссылке; и никогда отцу не приходила в голову мысль, что так страшно оборвется жизнь его старшего сына Александра...

Снова заскрежетал засов, и в темном проеме вдруг неожиданно появился он, Володя, появился весь сразу, перемахнул через порог, широко распахнул руки и озорно засмеялся. Мать подалась вперед, а ноги словно пристыли, не двигаются, рванулась раз, другой, схватила за руку сына и потащила его прочь от тюремных ворот, от этих стен...

— Скорее, скорее домой, — торопила Мария Александровна. — Аня ждет.

Владимир Ильич обнял мать, стряхивает с ее плеч снег, и мать слышит стук сердца, его сердца.

— Нам надо взять извозчика, — разомкнул наконец руки Владимир Ильич.

— Нет, нет, пойдем пешком, Сергиевская всего в полутора кварталах отсюда.

— Но мне нужен по крайней мере ломовой извозчик, — смеется Владимир Ильич. — Столько книг накопилось в камере.

Надзиратель, согнувшись под тяжестью перевязанных шпагатом тюков, протискивался через дверцу. Владимир Ильич окликнул проезжавшего мимо легкового извозчика, пересчитал тюки, уложил их в санки и протянул надзирателю монету.

— Премного благодарен, ваше высокоблагородие, — низко кланялся надзиратель. — Премного благодарен.

Владимир Ильич взял под руку мать:

— Вот видишь, только перешагнул порог тюрьмы и сразу стал высокоблагородием.

— И этот титул стоит пятиалтынный, — улыбнулась Мария Александровна.

Они шагали следом за извозчиком, санки доверху были нагружены книгами.

— Я хорошо поработал, — с удовольствием потер руки Владимир Ильич. — Когда в камере делали обыск, у жандармов не хватало терпения перебирать все книги.

Извозчик повернул со Шпалерной на Литейный проспект, прямая широкая стрелка которого терялась в затуманенной вьюжной дали.

— Какой простор! — воскликнул Владимир Ильич. — Мне кажется, что Литейный стал за это время в десять раз шире и длиннее. И как оглушительно шумно, и какая веселая метелица!

— Все было бы отлично, если бы впереди не было Сибири! — заметила с грустью мать.

— Впереди жизнь, свобода, впереди уйма дел, мамочка, и так много прекрасного впереди! — горячо откликнулся Владимир Ильич.

Извозчик въехал во двор дома на Сергиевской улице. Владимир Ильич отметил: двор проходной и из него выход на три улицы. Отлично. Все учтено, квартира выбрана по всем правилам конспирации.

Анна Ильинична, закутавшись в пуховой платок, сбежала с крыльца. Перетащили тюки. Владимир Ильич старательно отряхнул с них снег, сложил их в углу комнаты.

— А теперь — здравствуйте! — сказал он весело.

И вот уже гремит на кухне раковина. Владимир Ильич кидает пригоршни воды в лицо, мать стоит рядом с полотенцем, сестра держит свежую рубашку, а потом все трое ходят друг за другом по комнатам.

— Прелестно, замечательно! — говорит Владимир Ильич.

— Тебе нравится наша квартира? — удивляется Анна Ильинична.

— Мне нравятся окна без решеток, мне нравятся эти чудо-двери, которые распахиваются, едва к ним притронешься, двери без железных засовов и глазков. Глазки в дверях — это мерзость. Мне все нравится, что распахивается в жизнь, в мир — большой, просторный, незарешеченный.

Наконец мать уговорила сестру за стол.

— Все чудо, великолепное чудо! — восхищался Владимир Ильич. — Рядом мамочка, Анюта, вот бы сюда Маняшу, Митю и Марка. И можно говорить простым человеческим языком, не опасаясь надзирателей. Вилка, нож — это чудо цивилизации, белая фарфоровая чашка — тоже чудо.

Разговор вперебой, обо всем, и все трое обходят главный вопрос: когда отправляться в ссылку.

— Четыреста тридцать три дня ты просидел в одиночке, — говорит мать.

— Ты считаешь, много? По-моему, маловато, — отвечает Владимир Ильич почти всерьез. — Не успел закончить работу над книгой о рынках. Сначала ужасно раздражал глазок, а потом я приуныл не смотреть на него, а только слышать, как надзиратель отодвигает задвижку, и он, наверно, страшно удивлялся, что я все время жую, а я жевал хлебные чернильницы... Кстати, Анюта, вам хорошо удалось разобрать объяснение программы партии?

— Отдельные страницы слабо проявились, надо, чтобы ты проверил.

— Это у меня молоко скисло. Ужасно досадовал.

— Как ты вырос, Володя! — с невольным уважением сказала Анна Ильинична.

— Это просто у меня лысина увеличилась, — отшутился Владимир Ильич.

— Нет, я о программе и объяснении к ней. Замечательный документ!

Переписывая с Надей проявленные горячим утюгом строчки объяснения программы партии, Анна Ильинична по-иному увидела брата. Это был уже не тот юноша в Кокушкине, который со страстью накинудся на марксистскую литературу, и не тот, который, работая в Самаре, в нелегальных кружках, разбирался сам и помогал другим разобраться в русском народничестве и овладеть марксизмом. Перед ней предстал убежденный марксист, руководитель, видевший далеко вперед.

— Я представляю, как полиция с ног сбилась: руководство «Союза борьбы» арестовано, а листовки от его имени издаются, рабочие обучаются, как вести борьбу, организовывать стачки.

— Вот-вот, это и нужно было показать — что организация существует, действует. И знаешь, Анюта, кого мы должны благодарить за все это? Мамочку!

Мария Александровна не на шутку рассердилась:

— Ну что ты говоришь, Володя, при чем тут я?

— А молоко?

— Да, но молоко тебе носили и Анюта, и Маня, и Надежда Константиновна.

— Мамочка, а ты не помнишь, что секрету молочных чернил обучила нас ты?

— Но это была простая детская игра, — пожала плечами мать.

— Весьма полезная игра, — серьезно сказал сын.

...Когда Владимира Ильича втолкнули в одиночную камеру и за ним загремел засов, мысль стала напряженно работать над тем, как наладить связь с волей, чтобы рабочие знали, что «Союз борьбы» живет и действует. Надо было заполнить время напряженной работой, сделать все, что было задумано на воле: разработать программу революционной социал-демократической партии, написать давно задуманную книгу о развитии капитализма в России, чтобы завершить идейный разгром народничества. Надо, наконец, переписываться с товарищами, оставшимися на воле. Но как это сделать? Эзоповским языком листовку не напишешь. Надежные шифры разработать не успели. Владимир Ильич шагал по камере и мучительно думал. Думал о товарищах, думал о родных и, как бы разматывая клубок жизни, незаметно переселился в детство и вдруг вспомнил «волшебную лампу Аладдина» на ломберном столе, и мамины руки над зеленым абажуром, и коричневые строки: «У лукоморья дуб зеленый...» Его охватило счастливое волнение. Молоко! Да, это было настоящее открытие. Написал домашним, чтобы принесли сырое молоко и мягкий черный хлеб. И мама, та самая мама, которая научила этому волшебному письму, вдруг запротивилась: «Сырое молоко и черный хлеб. Ни за что. Опять обострится гастрит». Спился с Надеждой Константиновной, чтобы она взяла у его матери «волшебную лампу Аладдина». И Надежда Константиновна, умевшая, как никто, понимать Владимира Ильича, попросила Марию Александровну вспомнить все, что связано с «лампой Аладдина». Мать вспомнила. Теперь секретом расшифровки тайнописи овладели товарищи на воле. Завязалась переписка и внутри тюрьмы. Больше ста писем написал Владимир Ильич тайнописью; два печатных листа программы социал-демократической партии и объяснительной записки к ней. Основные положения и выводы новой книги были написаны молоком, и первомайская листовка, и брошюра о стачках.

Когда Надежда Константиновна была арестована и тоже очутилась в камере на Шпалерной, Владимир Ильич написал ей тайнописью самое сокровенное. И все это молоком. И всему этому научила мама.

— Да здравствует молоко! — поднял Владимир Ильич стакан и залпом осушил его.

Мать наконец решилась спросить о главном:

— А когда тебе ехать в ссылку, Володя?

Владимир Ильич вздохнул:

— Сегодня вечером.

— Но это невозможно! — воскликнули Мария Александровна и Анна Ильинична.

— Да, я тоже считаю, что это невозможно. Мне позарез надо встретиться с товарищами, разработать план действий, выяснить, как жили и работали без нас молодые, что-то похоже, что они решили идти по легкой дорожке, хотят свернуть движение на экономическую борьбу. Надо вырвать разрешение пробыть в Питере три дня, за три дня я все успею.

— Ну что же, — сказала мать, — для этого не нужно волшебной лампы Аладдина. Я напишу прошение и сейчас же поеду в департамент полиции. Уверена, что мне не откажут. Аня, достань визитное платье. Володя, дай чернила, только не молочные.

Мария Александровна раздвинула тарелки на столе и, обмакнув перо в чернильницу, лукаво взглянула на сына:

— Не диктуйте и не мешайте, я знаю, что надо писать.

Директору департамента полиции, — вывела она тонким почерком. — Сын мой Владимир Ульянов, приговоренный к ссылке, выпущен только сейчас из заключения и явился ко мне с известием, что его обязали выехать из Петербурга сегодня же вечером. Но вследствие того, что мне невозможно собрать его в несколько часов (меня не предупредили о дне высылки его), у него нет даже теплого белья на дорогу...

Сын и дочь стояли за спиной матери и следили за бегающим пером. Анна Ильинична, прочитав последнюю строку, рассмеялась:

— Ты посмотри, Володя, сколько мама припасла тебе белья, и папину шубу, и валенки.

— Полиции это знать не обязательно, — резонно возразила Мария Александровна и продолжала писать:

...и деньги, необходимые нам на дальнюю дорогу, я могу получить только завтра в банке...

— Мамочка, — прервал ее Владимир Ильич, — почему ты пишешь «нам», надо писать «ему».

— Погоди, я потом объясню.

...к тому же мне необходимо быть с ним завтра у врача, я имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить сыну остаться в

Петербурге до вечера 17-го. Я умоляю Ваше превосходительство не отказать мне в этой просьбе.

Мария Ульянова.

Мария Александровна осторожно приложила розовый лист промокательной бумаги и аккуратно провела по нему ладонью.

— В добрый час! — сказала она. — А теперь я объясню, почему я написала, что деньги нужны на дорогу «нам». Я еду с тобой в Сибирь и уже получила разрешение.

Владимир Ильич протестующе поднял руку.

— Да, Володюшка, это дело решенное. И поедем мы не по этапу. Говорят, это мучительная процедура — тащиться от одной пересыльной тюрьмы до другой, поедем за свой счет. В департаменте полиции приняли во внимание, что я стара, чтобы таскаться по этапам, и мы едем вместе.

Владимир Ильич смотрел на мать с чувством обожания и какой-то неосознанной вины.

— Мамочка, — сказал он решительно, — ты не можешь ехать со мной в ссылку, ты нужна здесь, а я должен следовать по этапу вместе с товарищами, я не имею права на привилегированное положение.

— Это дело решенное, — повторила мать тоном, каким говорила в детстве и который означал, что никакие разговоры по этому вопросу недопустимы. — Ты не можешь быть там один.

— А я и не буду один! Я надеюсь быть там с Надеждой Константиновной. Думаю, что ее дело тоже скоро закончится и она приедет ко мне как невеста... как жена, — произнес он тихо и нежно.

Мать почувствовала, что ее оставляют силы, что-то больно задело за сердце. Ведь она ждала и радовалась мысли, что у Володи будет жена, семья, догадывалась о любви сына к Надюше, и все же... Радость за счастье сына и горечь его потери, потери для себя. Извечная трагедия матери. Как сложно устроено материнское сердце... Но, как всегда, Мария Александровна сумела укрыть где-то в недоступном уголке души эгоистическое чувство, взглянув в глаза сыну, сказала:

— Твое счастье, Володя, — это мое счастье.

Владимир Ильич острым взглядом подметил душевное смятение матери и, когда она спросила его, может ли он выполнить ее просьбу и ехать не по этапу, понял, что это нужно ей, нужно для ее душевного покоя, что он не может огорчить ее, и твердо ответил:

— Хорошо, я поеду за свой счет.

Мать с благодарностью провела рукой по щеке сына, тоже поняла, что он поступился своими принципами ради нее.

— Надюша — прелестная девушка, умница и товарищ отличный, — ликовала Анна Ильинична. — Маняша будет в восторге, она всегда предсказывала, что вы поженитесь.

— Да, да, Надюша будет отличной подругой, лучшей жены и желать нельзя, — искренне сказала Мария Александровна и, спохватившись, заторопилась — присутственные часы в департаменте подходили к концу.

Владимир Ильич вызвался проводить ее.

К департаменту подъехали за несколько минут до конца приема.

Мария Александровна легко взбежала на второй этаж и подала дежурному офицеру визитную карточку.

— «Вдова действительного статского советника Мария Ульянова», — прочитал офицер и, откозыряв, проскользнул за дубовую дверь. — Пожалуйста, не задерживайте его превосходительство, — предупредил офицер, распахнув дверь в кабинет.

— Ваше превосходительство, — обратилась Мария Александровна к генералу, — только очень спешное дело заставило меня еще раз беспокоить вас. Вы были столь любезны и разрешили мне следовать в ссылку за моим сыном Владимиром Ульяновым. Но ему приказано выехать из Петербурга сегодня, и для меня это было полной неожиданностью, я не собралась и не купила в дорогу самое необходимое. — Она протянула прошение.

Сановник взял двумя пальцами бумагу, пробежал ее глазами и вздохнул, раздумывая.

— Ваше превосходительство, только три дня! — умоляюще воскликнула Мария Александровна.

— Хорошо, хорошо, — с раздражением ответил генерал и, передав стоявшему рядом адъютанту прошение, продиктовал: — «Ввиду отъезда с матерью, разрешить. Упомянуть об этом в бумаге градоначальнику».

Подписывая резолюцию, генерал ворчливо заметил:

— Напрасно, напрасно в ваши годы вы отправляетесь в Сибирь. Не советовал бы. Пусть сын сам несет наказание за содеянное, не стоит баловать.

— Сердечно благодарю, ваше превосходительство, — ответила Мария Александровна, думая о своем.

Владимир Ильич, едва взглянув на мать, по ее сияющим глазам понял, что разрешение получено. Три дня в Питере. Это победа, можно многое успеть, протянуть ниточки связей в далекую Сибирь, успеть поспорить, отстоять принципы, посмотреть на молодых, которым суждено продолжать их общее дело здесь, в Питере.

Владимир Ильич бережно усадил мать в санки, пристегнул полость.

— Сегодняшний вечер мы проведем вместе? — спросила мать.

— Мамочка, — шепнул Владимир Ильич, — мне необходимо сегодня же повидаться с товарищами, и мне удобнее сойти по дороге. Если филеры и следят за мной, то дежурят возле дома, а не ждут меня здесь, у полицейского департамента.

Мария Александровна подавила вздох:

— Делай как лучше, тебе виднее. Только очень прошу, не задерживайся слишком поздно. Мы с Аней будем тебя ждать. Ты ведь и пообедать как следует не успел.

Снежная пыль мела в лицо, санки переваливались по ухабам, темнело, один за другим зажигались газовые фонари, и вокруг них роились тучи белых комаров-снежинок, загорались фонари у подъездов домов, в их свете искрились инеем гранитные цоколи. Невский выглядел торжественно и празднично в сияющем фейерверке снегов.

Поворачивая на Садовую, извозчик чуть придержал лошадей. Владимир Ильич прижал к губам руку матери, откинул полость и соскочил с подножки. Мария Александровна следила, как ее сын, подняв воротник пальто, словно растворился в косматой метелице...

500 РУБЛЕЙ

— Вы являетесь членом преступного сообщества, возмущаете умы рабочих. У вас, неимущего студента, обнаружено пятьсот рублей, — перечисляет следователь «преступления» студента Московского университета Дмитрия Ильича Ульянова.

Дмитрий Ильич молчит.

— Сознайтесь, на какие преступные цели и от кого вы получили эти деньги? — продолжает допытывать следователь.

Дмитрий Ильич молчит.

Да, он действительно состоит в тайном студенческом марксистском кружке, ведет занятия с рабочими на заводе Гужона, разъясняет им, кто повинен в их тяжелой доле, организует их на борьбу за свои права, за свободу. Даже состав членов кружка лежит перед следователем, записанный в студенческой тетради Дмитрия Ильича. Но фамилии записаны невидимыми чернилами между строчек лекции по анатомии. А пятьсот рублей студенты и рабочие собрали на организацию подпольной типографии. Утратить эти деньги нельзя. Типография должна действовать. А как их спасти, когда они уже в руках полиции?

— Кто вам дал эти деньги? — уже кричит следователь.

Дмитрий Ильич молчит и будет молчать до тех пор, пока не придумает выход из положения.

Взбешенный следователь велит увести заключенного в камеру. Не сегодня, так завтра он заставит заговорить этого студента, заставит сознаться.

«Надо написать письмо маме, — решает Дмитрий Ильич, — она выручит». Письмо будет тщательно просматриваться в тюремной канцелярии. Его надо зашифровать. Как же мама узнает, что письмо содержит шифр?

Подумав, Дмитрий Ильич садится за письмо. Пишет долго, много, пишет все, что приходит в голову. Следит только за тем, в каком слове сделать грамматическую ошибку. «Нелегко писать с ошибками! Просто невероятно трудно», — усмехается про себя Дмитрий Ильич.

Письмо послано.

Теперь он уверен, что мама выручит.

«Что за странное письмо?» — перелистывает Мария Александровна исписанные листки. Две бессонные ночи провела она после ареста Мити — и вот это письмо. О чем только он не пишет: и о сердечных болезнях — это то, что они проходят сейчас на медицинском факультете, и воспоминания из детства, и о корове Красавке. Подробно излагает содержание книги Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Огромное письмо, а о себе только в конце сообщает, что здоров и надеется скоро быть дома. Пишет словно не из тюрьмы, а с прогулки во время каникул. И так много ошибок, это непохоже на Митю, с огорчением думает Мария Александровна. Уж не заболел ли он? Что за нелепая фраза:

Ву —
глу м ышь седит на мення глядит!
Бяда!

Мария Александровна подчеркивает ошибки, всматривается в слова и вдруг видит, что из ошибок составилось: «В углу мышь седит на мення глядит. Бяда!» «У меня...» Письмо, видно, не простое, а зашифрованное.

Мария Александровна тщательно выписывает ошибки и читает подчеркнутые ею буквы. Получилось новое письмо:

«У меня отобрали пятьсот рублей. Три ассигнации по сто, четыре по пятьдесят. Предупреди Марка, что эти деньги он дал мне на обзаведение хозяйством. Пусть получит обратно».

Мария Александровна поспешно одевается и едет к Марку Тимофеевичу.

...На третий день следователь вырвал «признание» у арестованного. Дмитрий Ильич сообщил, что деньги его личные и что он получил их в займы от мужа сестры Марка Тимофеевича Елизарова. «Признался», — сердце сжалось. А что, если мама не сумела раскрыть шифр или письмо задержали в тюремной канцелярии?

Следователь вызвал Елизарова.

— Какими средствами располагает Дмитрий Ульянов? — спросил он.

— Какие средства могут быть у студента? Никаких... — Марк Тимофеевич пожал плечами.

— Так-с, никаких, — обрадовался следователь. — Вот это нам и нужно было знать.

— Поэтому я и ссудил Дмитрию Ульянову пятьсот рублей на обзаведение хозяйством. Он студент четвертого курса. Я полагал, что он кончит университет, станет работать врачом и вернет мне деньги.

— Ульянов из университета исключен, — отрезал следователь.

— Значит, зря я ему давал, — вздохнул Елизаров. — Он, наверно, успел их истратить?

— Нет, — ответил следователь, — деньги отобраны при обыске.

— Тогда прошу вернуть их мне.

— А не помните ли вы, сколько ассигнаций вы ему дали, какого достоинства?

— Три ассигнации по сто рублей и четыре по пятьдесят, — отвечает Марк Тимофеевич, вспомнив записку, переданную ему Марией Александровной.

— Совершенно верно, — вздыхает следователь. — За получением их обратитесь в тюремную кассу.

ЦВЕТЫ В КАМЕРЕ

Мария Ильинична, сцепив руки за спиной, ходит по камере, отсчитывает тысячу утренних шагов. В последнем письме мама просила не засиживаться за вязанием, спрашивала, сколько шагов в длину ее камера, и очень просила побольше маршировать.

— Восемьсот двадцать... восемьсот тридцать... — отсчитывает Мария Ильинична шаги десятками. Отсчитывает и знает, что мама не даром спрашивала, сколько шагов в камере.

Она тоже утром делает тысячу шагов по комнате, занимается гимнастикой, делает холодные обтирания, чтобы сохранить силы, которые так нужны ее детям. Милая мамочка! С какой готовностью она пошла бы в тюрьму вместо каждого из своих детей, так же, как добровольно решила идти в ссылку с ней, дочерью.

— Восемьсот девяносто... девятьсот... — считает Мария Ильинична и ходит, ходит, нахмутив темные брови, сцепив пальцы.

Кто придумал тюрьму? Кто-то очень жестокий, с черным, волчьим сердцем. Нет тяжелее доли для революционера, чем заключение в тюрьме. И заключают его в тюрьму за то, что он очень любит свободу и к этой свободе зовет людей.

Осенью Мария Ильинична должна была ехать в Брюссель, заканчивать университет. Каникулы проводила в Москве и, конечно, не могла сидеть сложа руки: включилась в работу Московской партийной организации, стала ходить в рабочие кружки и попала в лапы полиции. Заграничный паспорт у нее отобрали. Двери университета захлопнулись. А в московской охранке в деле Марии Ульяновой появилась следующая запись:

Мария Ульянова несомненно поддерживает революционные традиции своей семьи, все члены коей отличаются крайне вредными направлениями. Так, брат ее Александр казнен в 1887 году за участие в террористическом заговоре; Владимир сослан в Сибирь за государственное преступление, и Дмитрий недавно подчинен гласному надзору полиции за пропаганду социал-демократических идей, а сестра Анна, состоящая, как и муж ее Марк Тимофеевич Елизаров, под гласным надзором полиции, ведет постоянные сношения с заграничными деятелями.

— Девятьсот сорок... девятьсот пятьдесят...

Приоткрывается форточка в двери, и надзирательница бросает в камеру письмо.

Мария Ильинична поднимает с пола узкий конверт.

— От мамочки! — кладет письмо на стол и продолжает ходить.

Надо обязательно вышагать эту тысячу. Мама спросит, и обмануть ее нельзя. «В последнее свидание я заметила сильную одутловатость на лице твоём», — писала Мария Александровна в предыдущем письме. Одутловатости быть не должно. И Мария Ильинична шагает.

— Тысяча! Наконец-то! — облегченно вздыхает она, берет письмо и торопится оторвать кромку конверта.

Листок почтовой бумаги обезображен коричневыми полосами с угла на угол, вдоль и поперек. Это следы ядовитой кислоты, которой выявляют тайнопись. Сквозь ржавые полосы еще ярче проглядывают строки письма — мамин изящный ровный почерк.

Мария Ильинична с жадностью читает письмо.

*Нагулялись досыта, набрали по большому букету полевых цветов.
Хотелось мне очень отвезти свой тебе, но, к сожалению, там не берут
цветов...*

Эти строчки сплошь залиты кислотой. Вот здесь-то, наверно, решил полицейский чиновник, за этими цветами, и скрывается тайный смысл. К чему иначе писать в тюрьму о цветах.

*Будь здорова, моя дорогая, так желает очень твоя мама.
М.Ульянова.*

Мария Ильинична перечитала еще раз дорогие строки и задумчиво смотрит на столик в камере — грубо сколоченные три доски, почерневшие от времени. И в ее воображении на столе возникает большой желтый обливной кувшин, любимый кувшин мамы, и в нем цветы. Как красиво подобран букет... Так умеет только мама. Вот клейкая полевая гвоздика, которую в поле и не заметишь, сиреневые левкои, желтый львиный зев, и чудится: в раструбе цветка копошится пчела, вытягивая хоботком сладкий нектар, кукушкины слезки дрожат на тоненьких волосках, даже красные метелки щавеля украшают букет. И как много в нем васильков — любимых цветов Марии Ильиничны. И вот уже не букет перед нею, а освещенный солнцем луг с травой по колено, и в траве цветы, цветы, а над лугом опрокинут океан воздуха, и какой это воздух! Вкус и аромат особенно умеют ценить люди, посидевшие в тюрьме. Так пахнет свобода, так благоухает сама жизнь.

Мама понимает это.

Сестра Аня понимает. «Я по сравнению с тобой прямо миллиардерша какая-то относительно воздуха. Да нет, еще богаче», — писала ей недавно Аня.

В дверях камеры визжит ключ.

— На допрос! — сонным голосом говорит надзирательница.

Мария Ильинична щурит глаза — перед нею все еще поле и солнце, жужжат пчелы, теплый ветер касается щек...

— Назовите членов преступной социал-демократической организации, в которой вы состоите, — начинает допрос следователь.

— Не знаю, — коротко отвечает Мария Ильинична. — Не знаю, — повторяет она, и в глазах играют отсветы солнца.

Следователя от нее заслоняет мамин букет — васильки, львиный зев, гвоздика. Полицейского и революционерку разделяет огромное поле, освещенное солнцем, и трава по колено, и океан воздуха.

Ничего этого не видит следователь. Не понять его жандармской душе, что простые слова матери в письме к дочери, желание послать ей в камеру букет цветов и с ними воздух полей так же сильны, как сильна вера революционерки в правоту своего дела, вера в победное завершение борьбы ради того, чтобы все люди могли наслаждаться и воздухом, и цветами, и самой свободой.

Следователь бессилён перешагнуть это поле. Он пристально смотрит на Марию Ульянову и не видит следов уныния. Что-то очень важное сообщили ей сегодня в письме, думает он, что-то очень хитро зашифрованное, отчего она так уверенно держит себя на допросе и так безмятежен ее вид, словно она на прогулке, на воле, а не в тюрьме перед ним, следователем.

— Уведите, — приказывает он надзирательнице.

КОСТРЫ

Дождь лил не переставая третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали мелкие зеленые яблоки, сбитые ветром. Примолкли птицы. Река вздулась от дождей и плескалась у самой изгороди.

Ненастье и тревога полонили маленький бревенчатый домик. А еще недавно стояли жаркие июньские дни и в доме было светло и празднично. Вся семья Ульяновых ждала дорогого гостя — Владимира Ильича.

Мария Александровна сняла этот желтый домик в живописном месте Подмосковья, на берегу реки Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой фруктовый сад, у крыльца развесистые ивы. В углу сада беседка, и перед ней крокетная площадка.

«Все здесь напомнит Володе детство», — думала Мария Александровна. И комнату Владимиру Ильичу приготовили в мезонине. Она такая же крохотная, какой была его комната в Симбирске.

Для себя Мария Александровна облюбовала комнату, как и всегда, окном на дорогу, на переднем крае, чтобы видеть, когда дети возвращаются домой, и хоть на несколько минут сократить

ожидание, и чтобы ночью первой услышать хруст гравия под тяжелыми полицейскими сапогами и суметь предупредить детей и первой встретить опасность.

Еще десять дней назад матери казалось, что все беды миновали, дети на свободе, Владимир Ильич вернулся из трехлетней сибирской ссылки. Полиция запретила жить Ленину в промышленных центрах, и он поселился в Пскове, чтобы быть ближе к революционному Питеру. Из старинного русского города стал протягивать во все концы России нити связей с рабочими кружками, с революционерами, готовил создание общерусской партийной газеты.

В начале июня обещал приехать погостить в Подольск. Но вот пришла тревожная весть: Владимир Ильич снова арестован в Петербурге, уже вторую неделю сидит в тюрьме. Мария Александровна не вынесла нового испытания — слегла. Оттого пасмурно и неуютно стало в маленьком доме и так беспокойно у всех на сердце. Даже собака Фридка приуныла, лежит у ног Дмитрия Ильича, вздрагивает чутким ухом, посматривает умным глазом на хозяина, понимает, что не до нее теперь.

В комнате у Марии Александровны врач.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич сидят в столовой, ждут, что скажет доктор, вполголоса обсуждают, как выручить брата из тюрьмы. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский учебник — ищет способ помочь маме справиться с болезнью. Арест Владимира Ильича — огромная беда для всех, крушение планов по созданию революционной газеты. Но сестры и брат ничем помочь не могут: Мария Ильинична и Дмитрий Ильич сами недавно освободились из тюрьмы, Анна Ильинична и ее муж Марк Тимофеевич тоже находятся под наблюдением полиции...

За окном шумит дождь, по стеклам хрустальными спиралями стекают струи, листья мокрыми ладошками стучат в окна, квохчет курица под крыльцом, уговаривает глупых цыплят посидеть спокойно под теплым крылом, подождать, пока кончится несносный дождь.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны. Все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, Вячеслав Александрович? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична. — Какое лечение?

— Ничего страшного, ничего страшного. А лечение — свежий воздух, прогулки и волнения только радостные.

— Но у мамы больное сердце, ей столько пришлось пережить, — говорит Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дадут о себе знать, — добавил Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на книгу, которую Дмитрий Ильич держал в руках.

— Дорогой коллега, — сказал он, — не ищите! Сердце матери еще ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости для нее самое лучшее лекарство... Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать. Завтра снова наведуось. Честь имею кланяться!

Дмитрий Ильич пошел проводить доктора. Левицкий был его большим другом. Когда Дмитрий Ильич приехал в Подольск отбывать свою ссылку, никто не хотел брать на работу крамольного студента, исключенного за революционную деятельность из университета. А Левицкий согласился взять его к себе помощником и сам потянулся всем сердцем к семье Ульяновых.

Сестры направились в комнату матери, но она сама шла им навстречу — одетая, причесанная.

— Мамочка! Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — ответила Мария Александровна. Она старалась держаться бодро, только чуть вздрагивала голова. — И сегодня я еду в Петербург.

— Но ты же больна. Нельзя тебе! — воскликнули с отчаянием сестры.

— Не могу я бездеятельно сидеть и ждать. Может быть, мне и удастся облегчить участь Володи. Подаю прошение в жандармское управление... Митенька, — обратилась она к сыну, — сходи, пожалуйста, на станцию, купи мне билет третьего класса до Петербурга. Да оденься получше, главное — не промочи ноги. Такой унылый, нескончаемый дождь.

Все трое понимали, что отговаривать маму от поездки бесполезно; они пытались только убедить ее ехать во втором классе.

— Нет, нет, — возражала Мария Александровна, — деньги надо беречь. Может быть, Володе потребуется адвокат. Анечка, приведи в порядок мое визитное платье, а мы с Маняшей соберем саквояж.

Дмитрий Ильич надел плащ, прицепил поводок к ошейнику Фридки и отправился на вокзал. Анна Ильинична вынула из гардероба черное платье и стала прилаживать к нему свежий воротничок.

«Славный мамочкин боевой мундир», — подумала она с нежностью.

Не для праздных визитов было сшито это платье, а для посещений приемных жандармских управлений, генерал-губернаторов. Каждый раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, мать вступала в тяжелую, упорную и терпеливую борьбу. Только платье знает, как тревожно билось сердце, а затем и вовсе замирало, слыша жестокое, холодное: «В вашей просьбе отказано». Сколько раз бросали матери упрек, раня ее в самое сердце: «Ваш старший сын повешен». Но она никогда не складывала рук, не приходила в отчаяние, а, сжав тонкими пальцами перо, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений! Сколько раз, придя домой из присутствия, мать на пороге дома засовывала взмокший от слез платок в глубокий карман платья...

...Шумит за окном дождь. Квохчет под крыльцом курица. Стучатся мокрые листья в окно.

В равномерный унылый шум врывается звон колокольчика, в передней и в комнатах словно закружился веселый летний ветер.

— Мамочка! Володя приехал! Мамочка!

— Володюшка! Володюшка! — спешит мать навстречу сыну. — Здоров? Свободен?

— Архиздоров, совершенно свободен и счастлив безмерно. — Владимир Ильич скинул мокрое пальто и обнял мать.

— По дороге на станцию встретил! — кричит восторженно Дмитрий Ильич. — Вижу, кто-то спешит, шагает, не разбирая луж. Кто это может так спешить в нашем Подольске? Пригляделся — Володя!

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что все это на самом деле, — теребит брата Мария Ильинична.

— Анечка, убери скорей мое визитное платье, — просит Мария Александровна. — Теперь оно мне не понадобится.

— С превеликим удовольствием, мамочка! — Анна Ильинична водворяет платье на место. Плотнo-плотнo закрывает шкаф, словно опасаясь, что черное платье может снова вторгнуться в их счастливую жизнь. — Дай-ка я тебя еще раз поцелую, — обнимает она брата.

Сестры собирают на стол. Дмитрий Ильич раздувает самовар, Фридка, высунув розовый язык, косится по комнатам, ластится к новому другу, трется круглой мохнатой головой, будто понимает, что тот был в большой опасности. Фридка — породистый сенбернар — не даст в обиду своего хозяина и его друзей. Она умеет помочь путешественнику, попавшему под снежный обвал в горах. В метель и стужу с сумкой красного креста на шее она бесстрашно пробирается по кручам над бездной, сильными лапами откапывает пострадавшего. Часто рискует жизнью, чтобы защитить своего друга — человека.

— Ладно, ладно, — гладит Владимир Ильич по голове Фридку, — иди на место, дай знать, если сюда жандармы вздумают припожаловать.

И Фридка, словно понимает, идет в переднюю, ложится у порога, поднимает настороженное ухо.

Радость, смех снова вернулись в маленький дом.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом с ней.

— До чего ж хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже в ненастье уютно, — уверяет счастливая мать. — Посмотри, какой светлый дождь за окном.

— Ну, расскажи, Володёк, как тебе удалось выбраться из тюрьмы и как ты попался, — просит Анна Ильинична.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил «хвост», — смеется Владимир Ильич. — Когда жандармы меня схватили, первой мыслью было: как бы освободить карманы. Но куда там! Два дюжих фараона закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я что-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей получил от Калмыковой на газету, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, зашифрованные записи явок, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно от страха! — поеживается Мария Ильинична.

— Но, — поднимает палец Владимир Ильич, — все это было записано молоком, лимонной кислотой и разной прочей снedyю, записано между строчек на всяких счетах и квитанциях. Сажу в камеру и раздумываю: догадаются жандармы все эти счета утюгом прогладить или нет?

— Уверен, что не догадались! — воскликнул Дмитрий Ильич. — Когда меня арестовали, у меня в кармане был список членов кружка на заводе Гужона. Молоком записал, а проявить они не догадались.

Владимир Ильич серьезно посмотрел на брата:

— Учти, что жандармы будут умнеть вместе с ростом нашей организации. Надеяться на их тупость легкомысленно, и нам надо подумать о стойких химических чернилах, об искусной конспирации...

— Ну, а потом что было? — нетерпеливо спрашивает Мария Ильинична.

— Через десять дней меня вызвали и строго предупредили о том, что в Петербург и еще в другие шестьдесят городов мне въезд запрещен и чтобы из Пскова я никуда не отлучался. Вернули мне в целости и сохранности все бумажки, счета и деньги. Я просто глазам своим не поверил. «Вот олухи царя небесного!» — подумал я и тут же вежливо попросил разрешения поехать к вам в гости.

Одного Владимира Ильича не пустили. Приставили чиновника охранного отделения, который привез его в Подольск и сдал местному полицейскому исправнику.

Здесь ждало новое испытание. Исправник потребовал заграничный паспорт Владимира Ильича, повертел его в руках и неожиданно сунул к себе в стол. «Нечего вам по заграницам ездить, — сказал он, — паспорт останется у меня».

— Вот тут я страшно разозлился, — продолжает Владимир Ильич. — Я понял, что этот старый плут и мошенник запер в свой мерзкий стол все наши планы по созданию газеты. Возмущенный донельзя, я крикнул: «Буду жаловаться на ваши незаконные действия начальству!» Крикнул так свирепо и угрожающе, что перепугал старикашку. Он живо отпер стол и, видя, что я собираюсь уходить, стал просить меня забрать паспорт и никому не жаловаться.

Последние слова Владимир Ильич произнес сквозь смех и, откинувшись на спинку дивана, смеялся захлеб, до слез.

Ему вторил звонкий смех Марии Ильиничны.

— Ты получил заграничный паспорт? — спросила Мария Александровна, стараясь не выдать своего огорчения.

— Да, мамочка! Я должен ехать в Германию. — Владимир Ильич встал и, по привычке конспиратора, накинул на двери крючок, плотнее закрыл окно и тихо продолжал: — Мы задумали большое дело — решили издавать газету.

Владимир Ильич с увлечением стал рассказывать о своих сокровенных планах. Рабочие поднимаются на борьбу. Нужен главный штаб, который бы направлял борьбу против царизма. Нужна общерусская газета, которая объяснит миллионам рабочих и крестьян их задачи, выработает единую программу действий, подготовит создание революционной партии пролетариата. План организации газеты продуман, но издавать в России ее нельзя из-за

полицейских преследований. Поэтому решено печатать ее за границей. Тайными путями газета будет доставляться в Россию и здесь через верных людей распространяться среди рабочих.

Владимир Ильич успел уже побывать в Риге, Смоленске, Петербурге, Москве и везде создал опорные пункты для газеты, условился с товарищами о способах связи, пересылке корреспонденции.

— Как решили назвать газету? — спрашивает Анна Ильинична.

— «Искра». «Из искры возгорится пламя». Помните?

— Да, да, — говорит Мария Ильинична, это из ответа декабристов Пушкину.

Мария Александровна слушает детей и понимает, что задумано важное дело.

— В добрый час! В добрый час! — шепчет она.

— И, кстати, я покушаюсь на тебя, Анюта, — говорит Владимир Ильич. — Тебе придется ехать вслед за мной в Германию, помочь в организации газеты. Кончится срок ссылки у Надюши, и она приедет к нам.

— Вот когда Анины литературные таланты пригодятся, — замечает Мария Александровна.

Анна Ильинична даже вспыхнула от радости. Она всегда рвалась к литературной работе, писала рассказы для детей, переводила книги с итальянского, английского, немецкого языков. А теперь такое важное и почетное дело — издавать газету для рабочих.

— Вот бы съездить на Волгу — в Самару, в Нижний, по пути завернуть в Сызрань, затем проехаться к Надюше.

— Соскучился? — сочувственно спросила мать.

— Очень! — искренне вырвалось у Владимира Ильича. — Это первая наша разлука. И связи Надюша там успела завести среди революционеров. Очень хотелось бы с ними встретиться. Разложить везде костры. Рабочие рвутся к борьбе. Горючего в России становится все больше. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешения у полиции? — спросила Мария Александровна.

— Уже просил, и не единожды. Наотрез отказали.

Мария Александровна задумалась.

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

По скрипучим ступенькам поднялись наверх.

— Как в Симбирске! — воскликнул Владимир Ильич, поднял руку и коснулся пальцами потолка.

Налево у стены железная кровать, покрытая клетчатым пледом, направо окно и дверь на балкон. У окна небольшой письменный стол и лампа под зеленым абажуром, и на этажерке любимые книги: Чернышевский, Добролюбов, Лермонтов, Пушкин.

— Отдохну здесь всласть, — говорит Владимир Ильич, — и поработаю отлично. Я вызвал сюда товарищей, надо с ними посоветоваться. А пока они приедут, я буду проводить все время с тобой.

Владимир Ильич вышел на балкон. Дождь перестал. Из сада потянуло запахом цветов. Птицы, обрадовавшись солнцу, запели на все голоса.

— Пойдем, мамочка, посмотрим сад, — предложил Владимир Ильич. — Только надень пальто и, главное, галоши, чтобы, как ты нас учила, не промочить ноги.

Мария Александровна взглянула на сына сияющими глазами:

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим «кострам» на Волге.

— Мамочка!

— Да, да. Я должна познакомиться со своей невесткой, — продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей? Ты же с ней знакома.

— Но охране об этом неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довез...

— Полиция не разрешила: еще полгода ей отбывать свою ссылку.

— Так вот, я должна познакомиться с твоей женой. Это мое материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду в Петербург и буду просить разрешения.

— Ты можешь ехать в Уфу и без всякого разрешения.

— Не могу же я ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня больное сердце... На самом деле оно у меня совершенно здоровое, — поспешила добавить она. — Представить матери свою жену должен сын. Ты, Володюшка! Завтра же я поеду в Петербург.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По лестнице поднималась Анна Ильинична.

— Ну, как тебе здесь нравится, Володék? Наконец-то мамочка дождалась тебя.

Владимир Ильич только развел руками. Вид у него был радостный и чем-то смущенный.

— Анечка, — ласково сказала Мария Александровна, — я еду в Петербург. Придется опять вынуть мое визитное платье, и пусть Митя сходит на станцию. Теперь я могу ехать вторым классом.

Утром пришел доктор Левицкий.

— Я нашел вашу матушку в отличном состоянии, — сказал он Дмитрию Ильичу.

— Вы правы, дорогой Вячеслав Александрович, хорошая доза радости оказалась наилучшим лекарством для нее.

Дмитрий Ильич пригласил доктора в сад.

— Я познакомлю вас со своим братом.

Левицкий слышал о Владимире Ильиче как о революционере и ученом и ожидал встретить пожилого человека в очках и с тросточкой, чинно гуляющего по дорожкам сада. Он был очень удивлен, увидев коренастого молодого человека с крокетным молотком на плече. Владимир Ильич, прищурился левый глаз, с живым интересом следил, удастся ли Маняше прогнать свой шар сквозь двойные ворота.

— Ловко! Молодец! — с восторгом воскликнул он.

Переложив на левое плечо молоток, он дружески протянул Левицкому руку и тут же пригласил его принять участие в игре. Владимир Ильич бросил на доктора быстрый, острый взгляд. Вячеслав Александрович был года на два моложе. Густая каштановая борода и мягкая шевелюра обрамляли красивое лицо с правильными чертами. Глубоко сидящие серые глаза говорили об уме и твердости характера, и вместе с тем во всем облике доктора было что-то юношески чистое, доброе.

Дмитрий Ильич видел, что брат и доктор понравились друг другу. День был воскресный, и Владимир Ильич предложил доктору покататься на лодке.

Вячеслав Александрович чувствовал себя удивительно легко с новым знакомым. Ему очень нравились эти люди с широкими интересами, высокой культурой, веселые и общительные, и он понял, что теперь вся его жизнь будет связана с этой семьей.

Владимир Ильич сел на весла, легкими взмахами вел лодку вниз по Пахре и подробно расспрашивал доктора, почему это в Подольском уезде такая высокая смертность среди детей и большой процент забракованных по болезни новобранцев.

— Виноваты в этом, Владимир Ильич, знаменитые фетровые подольские шляпы.

Владимир Ильич вскинул брови.

— Как это понимать?

— Я изучаю сейчас физическое развитие населения Подольского уезда, — объяснил Левицкий, — и установил, что здоровье населения подтачивается постоянным ртутным отравлением. Местные фабриканты при обработке кроличьего пуха, из которого выделяются шляпы, применяют ртуть. Я протестую против такого варварского способа, но фабрикант остается фабрикантом. Раз это приносит ему прибыль, ему наплевать на здоровье рабочих.

— Совершенно верно, — ответил Владимир Ильич. — Что же вы думаете делать дальше?

— Я прочитал в одном французском журнале, что во Франции нашли способ безртутного производства шляп. Там вместо ртути применяют едкий калий.

— Знают ли сами рабочие, что они систематически отравляются?

— Я объясняю это не только фабрикантам, кустарям, но и самим рабочим. Но не могут же они бросить работу и умирать с голоду.

— И многим рабочим вы это объяснили?

— Десяткам, многим десяткам.

— А об этом должны знать рабочие всей России. Так же как и подольские рабочие должны знать об ужасающей эксплуатации в шахтах на Дону, на текстильных фабриках в Иваново-Вознесенске, на Ленских золотых приисках.

— Но как это сделать?

— Надо об этом оповещать всех рабочих через газету и, мало этого, показать им путь к освобождению, научить их организованно бороться с фабрикантами.

Вячеслав Александрович невесело усмехнулся:

— Какая же газета напечатает такое?

— Я знаю такую газету, — твердо сказал Владимир Ильич. — Она называется «Искра». Напишите об этом статью и передайте брату Дмитрию: он знает, куда ее послать.

Владимир Ильич опустил весла и загляделся на берег Пахры.

У воды густые розовые заросли иван-чая, за ними поляна, покрытая ромашками, темным шатром раскинулась ива, процеживая сквозь зеленые пряди солнечные лучи.

— Какая красота вокруг, океан воздуха, а люди в этом здоровом краю умирают от отравления, дети обречены на тяжелый рахит. Газета научит рабочих, как им стать хозяевами своей судьбы...

— Вы правы. И если действительно такая газета есть...

— Она будет, непременно будет, дорогой Вячеслав Александрович.

Вернувшись домой, Владимир Ильич шагал по комнатам, с довольным видом потирал руки и наконец сказал брату:

— Интересный человек твой доктор! Он очень дельный. Ты его расшевеливай, заставляй писать корреспонденции в «Искру». Дай ему почитать Маркса... Очень дельный и хороший человек!

...Вечером проводили Марию Александровну в Петербург.

— Мамочка совершенно напрасно поехала, — сказала Анна Ильинична, глядя на удаляющийся поезд. — Не дадут ей такого разрешения.

— Но она будет спокойна, что сделала все, что могла. А уж если мамочка что задумала, отговаривать ее бесполезно, — ответила Мария Ильинична.

— Пока она вернется, мы должны очень многое сделать, чтобы потом было больше свободного времени для нее, — сказал Владимир Ильич.

Он попросил брата подобрать подходящую «записную книжку». Дмитрий Ильич предложил только что полученный пятый номер журнала «Научное обозрение». Этот толстый журнал пришелся по вкусу Владимиру Ильичу. Полистав его, он остановился на статье С.Чугунова «Шейное ребро у человека с точки зрения теории эволюции».

— Вполне подходяще, — сказал Владимир Ильич. — Сюда мы запишем проект программы Российской социал-демократической партии, и в таком виде его можно будет провезти через границу.

Мария Ильинична налила в чашку молока, вставила новое перо в ручку и принялась аккуратно вписывать молоком между строчек «Шейного ребра» проект программы. Ее сменил Дмитрий Ильич.

В субботу из Москвы с работы приехал Марк Тимофеевич, Владимир Ильич посвятил и его в свои планы, и они целую ночь просидели над изобретением «хитрого столика», который должен был хранить партийные документы и быть недоступным для полицейских ищеек.

Марк Тимофеевич закончил чертеж, когда утренние лучи солнца заглянули в комнату на антресолях.

Наверно, английский изобретатель Уатт не работал с таким усердием над изобретением первого универсального парового двигателя, как работали Владимир Ильич и Марк Тимофеевич над этим партийным хранилищем.

Это был шахматный столик в сто клеток для игры вчетвером. Круглая тумба опирается на три изогнутые ножки, на тумбе — целое архитектурное сооружение из выдвигаемых ящичков, и их венчает крышка, отделанная филенкой. Стоит вынуть гвоздик из филенки, и крышка легко отодвинется, как в пенале. Под крышкой — вместительное углубление.

— Полицейских будут интересовать прежде всего ящики. Толщину крышки замаскирует филенка. Отличное изобретение! — радовался Владимир Ильич. — Теперь дело за мастером. Нужен очень опытный краснодеревщик, а главное — абсолютно верный человек.

— Есть у меня на примете такой умелец, — сказал Марк Тимофеевич. — За верность его я ручаюсь.

Сейчас мы знаем имя этого умельца. Хитрый столик соорудил рабочий завода Михельсона — краснодеревщик Семен Петрович Шепелёв. Творение его рук позволило партии в течение семнадцати лет, до победы Октябрьской революции, хранить в нем важнейшие партийные документы. Сколько раз при обысках столик ощупывали, выстукивали, опрокидывали опытные полицейские ищейки. Столик ни разу не выдал тайны. Вот почему и сегодня он занимает почетное место в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. Его, верного ветерана партии, бережно хранят под стеклянным колпаком...

Переписка с товарищами, остающимися в России, будет контролироваться охранкой. Надо придумать хитрые шифры, хорошо запоминающиеся ключи к ним, которые бы не могли раскрыть опытные знатоки конспиративных шифров в охранке. Владимир Ильич придумывал шифры, выверял их, работал с точностью математика и вдохновением поэта. Нужно было подумать и над тем, как сохранить здоровье и бодрый дух товарищей на случай их ареста.

— Ты скоро будешь врачом, — сказал Владимир Ильич брату. — Я хочу получить у тебя медицинские советы. Как следует держать себя в смысле личной гигиены, если попадешь в каторжную тюрьму? Когда я сидел в «предварилке», я никогда не упустил случая натирать полы в камере и коридорах. Устраивал себе такую славную гимнастику. Но этого мало. Надо научно разработать режим, который бы помог сохранить силы, укрепить волю.

Дмитрий Ильич с удивлением посмотрел на брата.

— Почему ты думаешь о каторге? Ведь ты едешь за границу?

— Всякое может быть, — ответил Владимир Ильич. — Не навек же я туда еду. Эти советы надо широко распространить среди наших товарищей, чтобы каждый был подготовлен и знал, как вести себя в тюрьме.

Наконец приехали муж и жена Шестернины с Тамбовщины и вслед за ними товарищ Владимира Ильича по сибирской ссылке Пантелеймон Николаевич Лепешинский.

Домик на Пахре стал ходить на штаб. Когда молодые люди собирались в столовой и начинали вполголоса разговаривать, Фридка шла в переднюю и ложилась у порога. Зато когда все выходили с крокетными молотками в сад, Фридка могла вдоволь бегать по дорожкам, хватать в зубы закатившийся в траву шар, а по утрам, когда все обитатели дома бежали на Пахру купаться, Фридка сидела на берегу и беспокойно водила глазами, следя за пловцами. Больше всего беспокойства ей доставлял Владимир Ильич. Вот он плывет саженками, выбрасывая поочередно вперед руки, и вдруг скрылся под водой. Фридка встает на четыре лапы, вытягивает вперед морду. Пропал человек, нет его. Фридка с размаху кидается в реку, а Владимир Ильич вынырнул на противоположном берегу, выбрался на песок и звонко смеется.

— Что, испугалась? Думала, утону? — похлопывал он Фридку по мокрой голове.

Вечером к хозяйке дома Кедровой пришел исправник. Он подробно расспрашивал хозяйку, чем занимаются Ульяновы, что за гости к ним приехали, не таятся ли они, не готовят ли заговор против государя императора. Хозяйка с недоумением посмотрела на старика и пригласила его выйти на крыльцо. Из-за забора доносились взрывы веселого смеха, слышался стук крокетных шаров, синий дымок от самовара вился над забором. Приятный тенор запел:

*Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами,
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных...*

— Кто это поет? — спросил исправник.

— Старший сын Ульяновых, Владимир Ильич, — ответила Кедрова.

— Тот самый, который прибыл из сибирской ссылки?

— Вам лучше знать, откуда он прибыл. Но он смеется звонче всех и всегда насвистывает или напевает. По утрам вперегонки с подольскими мальчишками плавает в Пахре. Наговаривают вам на него. Разве революционеры умеют так веселиться? Это вполне благопристойные молодые люди, — уверенно заключила хозяйка.

Поверх забора показалась огромная голова Фридки. Увидев полицейскую форму, она оскалила зубы, глаза ее грозно засверкали, и исправник поспешил уйти в дом.

...На третий день вернулась Мария Александровна.

Все дети встречали ее на станции, и никто не задал вопроса, удачно ли она съездила. И она ничего не сказала. Но, приехав домой, она вынула из ридикюля казенную бумагу с печатями и протянула ее Владимиру Ильичу:

— Вот тебе подарок.

— Разрешили? — просиял Владимир Ильич и крепко прижал к себе мать. — Ты не представляешь, дорогая мамочка, какой это замечательный подарок!..

В последний вечер перед отъездом в Уфу решили покататься на лодках. На живописной лужайке под шатром ивы устроили веселый пикник: пели песни, играли в горелки. Мария Александровна сидела в тени на пенечке и с улыбкой наблюдала, как веселится молодежь.

К вечеру, освеженные прогулкой, с охавками незабудок и ромашек возвращались домой. Выбрались на берег. Над Пахрой поднималась голубоватая дымка. Солнце село, и стало быстро темнеть. Острее запахло свежескошенным сеном, и, словно по мановению дирижерской палочки, застрекотали кузнечики. Плеснулась рыба в притихшей Пахре, испуганно квакнула лягушка, в прибрежных кустах отчетливо и звонко чокнул соловей раз, другой и замолк. По скошенному лугу промчались на неоседланных лохматых лошаденках мальчишки в ночное и скрылись в ложине. И снова тишина наполнилась стрекотом кузнечиков. В небе загорелись первые звезды.

Никому не хотелось уходить в дом. Уселись у стога и молчали. Владимир Ильич, облокотившись на охавку сена, жадно вдыхал душистый воздух, ощущал тепло еще не остывшей после дневного зноя земли. Завтра всем предстояло разъехаться в разные стороны. Шестернины возвращались на Тамбовщину. Лепешинский ехал в Псков. Владимир Ильич с Марией Александровной и Анной Ильиничной — на Волгу. Доктор Левицкий стал не просто доктором, а корреспондентом газеты «Искра», а Мария Ильинична и Дмитрий Ильич отныне являлись агентами «Искры». Все сидели и думали о трудном и прекрасном пути, на который вступили многие честные русские люди.

— Давайте споем, — нарушил тишину Владимир Ильич, — нашу любимую.

Эту песню перевел с польского языка в сибирской ссылке Глеб Максимилианович Кржижановский, и ее часто пели они в Шушенском.

*Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...*

Товарищи тихо, почти шепотом подхватили:

*В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...*

С противоположного берега потянуло дымком и запахом печеной картошки. Это ребята в ночном развели костер в ложбине, в горячих углях ворошили картошку. Неподалеку вспыхнул и взметнулся высоко в небо другой костер, и на фоне пламени возникли мальчишеские фигуры.

— Костры! — задумчиво сказал Владимир Ильич. — Мы с вами, товарищи, тоже раскладываем костры по всей России, и они загорятся от нашей «Искры».

— И кто знает, — откликнулся Пантелеймон Николаевич, — может быть, всем этим мальчишкам будет суждено зажечь огонь революции.

На опушке леса вспыхивали всё новые огни. Мальчишки подкидывали сухой валежник, ворошили угли, и в небо взлетали мириады искр и становились звездами.

На земле стрекотали невидимые кузнечики, над ухом тонко звенели комары, предвещая хорошую погоду.

ХИТРЫЙ СТОЛИК

Мария Александровна шла по Крещатику, шурилась от яркого зимнего солнца и наслаждалась морозным пахучим воздухом, сказочной красотой города. Зима, словно соревнуясь с летом, разукрасила скверы и сады Киева, опушила каждую ветку, превратила заснувшие почки в пышные цветы, выстелила улицы белым ковром. Пирамидальные тополи, кудрявые каштаны выстроились по обеим сторонам улицы торжественно неподвижные, красуясь на солнце своим роскошным, но непрочным нарядом.

Владимирская горка белым прибоем вскипала на фоне голубого неба.

Большие зеркальные витрины зима задернула тончайшим тюлем, разрисованным диковинными тропическими цветами и листьями. Даже фонарные столбы и гранитные цоколи зданий были покрыты сверкающей изморозью.

Вздымая снежную пыль, проносились легкие возки, лошади с заиндеветыми холками весело позванивали бубенчиками; в сквере молодые люди затеяли игру в снежки, освежая после новогодней ночи разгоревшиеся от вина и танцев лица.

На сердце у Марии Александровны было солнечно и отрадно. За несколько месяцев Киев стал для нее родным городом: здесь были ее дети, и все они на свободе.

Судьба, которая теперь и для Марии Александровны стала означать большевистскую партию, забросила в этот город ее детей — Анну, Марию, Дмитрия и его молодую жену Антонину. Ну, а где дети, там и мать. Было бы совсем хорошо, если бы и Володя с Надей жили поблизости, а не в далекой Женеве, и Марк не в Питере, а здесь, но главное — все здоровы, все на свободе.

И легко дышится, и морозец такой славный, бодрящий, и сегодня ночью все вместе встретили Новый, 1904 год! Хорошо встретили! Когда часы стали бить полночь, Мария Александровна, по обычаю, с каждым боем высказала про себя двенадцать желаний. Семеро детей у нее сейчас. Каждому пожелать здоровья, счастья. Уже семь ударов, и еще удачи их общему делу. А потом ее материнские сокровенные желания: чтобы появились у нее внучата, и чтобы весь этот 1904 год она не разлучалась с детьми, и чтобы хватило у нее сил идти с ними дальше...

Мария Александровна вынула из кармашка муфты большие часы Ильи Николаевича, с которыми она не расставалась, и заторопилась домой: скоро придут товарищи к ее детям, и она, мать, должна быть на своем посту.

На Лабораторной улице было пустынно. Только сверху вниз по крутому спуску катилась ватага мальчишек на санках.

Ничего подозрительного опытный глаз Марии Александровны не приметил.

Анна, Мария и Дмитрий сидели в столовой, ждали Глеба Максимилиановича Кржижановского и его жену Зинаиду Павловну. На шахматном столике поблескивала украшенная елка, во всех комнатах весело потрескивали дрова в печках. Было по-домашнему уютно и тихо. Шум с улицы не доносился сюда, в маленькую квартиру во дворе.

Через несколько минут раздался условный звонок.

Дверь пошла открывать, как всегда, Мария Александровна. И друзей, и врагов она встречала первой. И комната у нее, как всегда, помещалась на переднем крае, поближе к входной двери.

— С Новым годом! С новым счастьем! С новым здоровьем! — приветствовали молодые люди Марию Александровну.

Зина прижалась к ней, целовала ее щеки, белые волосы.

— Вы так похожи на мою мамочку, хотя она совсем, совсем другая, — говорила Зина.

— Наверно, все мамы чем-то похожи друг на друга, — ласково отозвалась Мария Александровна.

— А я вам новогодний привет привез от Владимира Ильича, — сказал Глеб Максимилианович. — Только что получил от него письмо.

— Как они там? Что-то не балуют меня последнее время письмами. Здоровы ли?

— Живы, здоровы. У Владимира Ильича сейчас горячая пора, и он как на поле брани.

Дмитрий Ильич уже откупоривал бутылку вина — отметить Новый год с друзьями.

— Выпьем за старый год, — предложил он.

— Тысяча девятьсот третий был славный год, — отозвалась Мария Ильинична. — Подумайте только, товарищи, создана партия. Есть программа — ясная цель для всего рабочего класса.

— Выпьем за наши успехи в наступающем году, — предложил Глеб Максимилианович, — выпьем за здоровье дорогого Владимира Ильича. Он дерется за нашу партию, как барс. Трудно ему приходится.

— Товарищи, дорогие, — восклицает Анна, — что же это творится? Большевики каждое собрание превращают в сущий ад. Они забыли, что у нас есть общие враги, они избрали мишенью нас, большевиков.

— Владимир Ильич прислал статью «Почему я вышел из «Искры». — Глеб Максимилианович вынул из нагрудного кармана письмо. — Большевики, подлым путем захватившие «Искру», разумеется, отказались его напечатать. Нам надо распространить письмо здесь, напечатать в подпольных типографиях. Прошу, Мария Ильинична, организуйте это дело. Драгоценное письмо. Пока надо спрятать его подальше.

Мария Александровна зажгла свечи на елке; все уселись вокруг, смотрели на мерцающие огоньки, и всем вспомнилось детство.

Глеб Максимилианович затянул:

*Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд...*

Ему стали подпевать. Кржижановский очень любил петь и сам сочинял революционные песни или переводил их с польского, французского. Но никто не знал, какой у него голос: революционные песни всегда пели вполголоса, почти шепотом, и звучали они от этого задушевнее.

Снова раздался условный звонок.

— Это Юрий, — сказал Глеб Максимилианович.

Мария Александровна пошла открывать дверь.

Молодой человек учтиво поздоровался с ней.

— Шссский... — произнес он нарочито невнятно свою фамилию. — Добрый вечер, товарищ Клэр, — протянул он руку Кржижановскому, — добрый вечер, Ольга, — назвал он по партийной кличке Зинаиду Павловну, — вашу лапку, товарищ Медведь, — приветствовал он Марию Ильиничну, — мое почтение, товарищ Андреевский, — поздоровался с Дмитрием Ильичом.

Мария Александровна ушла в свою комнату.

— В письме Владимир Ильич пишет... — начал было Глеб Максимилианович.

Но Юрий перебил его:

— Вы хотите сказать, Старик пишет.

— Да, да, совершенно верно. Старик пишет, что мартовцы захватили «Искру» и подбираются к Центральному Комитету партии. Захватывают партийные деньги и открыто говорят: «Ждем провала большевиков в России, тогда наша возьмет».

— Вот до чего докатились, — возмущалась Зинаида Павловна. — Ждут нашего ареста! Это же предательство!

— А что же предлагает Старик? — живо поинтересовался Юрий.

— Старик считает необходимым, — продолжал Кржижановский, — чтобы мы, работники ЦК, объездили всю Россию и завоевали на нашу сторону местные комитеты, где засели меньшевики. Это в первую очередь относится к нашему Киеву...

— Не так страшен меньшевистский черт, как его представляет Старик в своей Женеве, — мрачно бросил Юрий и затянулся папиросой.

— Я просил бы вас не курить, — серьезно заметил Дмитрий Ильич, — мамочка не выносит табачного дыма.

— Но вы сами, насколько я знаю, курите.

— В квартире, где она находится, — никогда!

Юрий погасил папиросу.

— К стыду нашему, должен признаться, — ответил Глеб Максимилианович, — что Старик осведомлен о положении в России и даже в Киеве значительно лучше, чем мы с вами. У него великолепная информация.

— А я думаю, что нам на месте виднее. Впрочем, хватит нам выяснять отношения. Большевики и большевики — члены единой партии. Можно не обращать внимания на оттенки.

Мария Ильинична вскочила, возмущенная:

— «Оттенки!» Хороши оттенки! Большевики не верят в наше дело, не верят в победу. На съезде большинство пошло за Лениным. Что же, мы должны это большинство потерять?

— История нас рассудит, — заключил Юрий.

— Завтра мы тронемся в путь по комитетам, — сказал Кржижановский, не желая разжигать ссору.

— Вы увидите, — убежденно добавил Дмитрий Ильич, — какие резолюции будут приняты рабочими в поддержку Ленина. Влияние Ленина в партии огромно, — я убедился на съезде и убеждаюсь каждый день, встречаясь с рабочими!

— Не Ленина, а Старика, — язвительно поправил Юрий. — И, кстати, сам Старик указывал в каком-то из последних писем, что полагаться на ваши речи о влиянии имени Ленина — ребячество.

— Вот по этому вопросу я нахожусь в оппозиции и считаю, что Ленин — наше самое сильное оружие. Не на ваш же авторитет мне ссылаться.

— Митя, не горячись, — успокаивала брата Анна Ильинична.

— Ленин... Митя... Маняша... Что это за конспирация? Семейственное согласие здесь неуместно.

— Это согласие партийное, принципиальное, — отрезал Глеб Максимилианович.

— Кстати, вам бы не грех познакомить меня с последним письмом Старика, — заметил Юрий.

— Оно сейчас спрятано, — отвечает Мария Ильинична.

— Где? — поинтересовался Юрий.

— Ни один партийный конспиратор не задаст такого бестактного вопроса, — напомнила ему Зинаида Павловна.

— Тогда мне здесь делать нечего. — Юрий встал и демонстративно ушел, не попрощавшись.

Вскоре ушли и Кржижановские.

Мария Александровна зашла в столовую.

— Дети, вы так громко разговаривали и спорили. Между вами нет согласия? — спросила мать.

— Нет, мамочка, между нами согласие полное. Но здесь был один чудак, и Митя погорячился, — ответила Анна Ильинична.

— Чудак ли это? — задумчиво произнесла Мария Ильинична. — Это примиренец, если не готовый меньшевик.

— Я как медик полагаю, что процесс у него необратимый, — сердито заметил Дмитрий Ильич. — Он всецело на стороне меньшевиков, и его поведение мне явно не нравится... Итак, завтра мы разведемся по комитетам. Я пошел домой: Тоня, наверно, волнуется.

— А кто останется с мамочкой? — спросила Мария Ильинична.

— Я останусь, — ответила Анна Ильинична.

— Ни в коем случае, — возразила Мария Александровна. — Дело прежде всего, а я уж не такая хворая и старая, чтобы при мне оставался кто-нибудь. Раз нужно — поезжайте все.

— С тобой останется Тонечка. — Дмитрий Ильич нежно поцеловал мать и ушел.

— А теперь спать, спать, — решительно сказала Мария Александровна и погасила свечи на елке. Медовый запах воска распространился по комнате.

Мария Александровна проверила, хорошо ли заперта дверь, и легла. Лежала и думала о трудной судьбе своих детей.

Человек с шипящей фамилией чем-то взволновал их. Очень неприятный человек, и глаза у него нечистые, и любезность не от сердца.

Громкий стук в дверь прервал ее мысли.

Сердце заколотилось. Нащупала ногами ночные туфли, накинула халат, неслышно прошла через столовую в спальню.

— Полиция, — предупредила она дочерей и пошла открывать.

И снова все перевернуто в квартире, елка, словно забившись в угол, тускло поблескивает украшениями, шахматный столик опрокинут, ящики из него выдвинуты, шахматы раскиданы по полу. Даже золу выгребли из печей, и горячие угли на поддоне покрылись летучим серым пеплом.

Полицейские увели обеих дочерей...

Мария Александровна осталась одна.

В окно брезжит рассвет. «Надо предупредить Митю, — думает Мария Александровна. — И, наверно, придется переехать жить к нему, пока все уладится. Немедленно написать письмо Володе...»

Подходя к дому, Мария Александровна еще издали увидела, что в подъезде толпятся люди. Почувствовала что-то неладное.

— Заарестовали их, — сообщил дворник, когда она подняла руку, чтобы позвонить в квартиру Дмитрия Ильича.

Итак, арестованы все четверо.

«Пойти к Кржижановскому? Нет. Нельзя. Могу притащить за собой «хвост».

Еле передвигая ноги, она пошла на Лабораторную. И сразу спина согнулась, словно на нее взвалили тяжелую ношу.

На углу сквера неожиданно возник Глеб Максимилианович.

— Дорогая Мария Александровна, не волнуйтесь. Их арестовали заодно со всеми. Была массовая операция, Зину схватили на улице. Я ухажу в подполье. Партийный архив передайте человеку, который предъявит вам вторую половину этого листка. И больше никому.

Глеб Максимилианович сунул Марии Александровне в руки обрывок календарного листка и исчез.

Мария Александровна спрятала листок в муфту.

...Ах, какая высокая и крутая лестница домой!.. Плохо слушаются ноги. Отперла квартиру, вошла к себе в комнату и без сил опустилась на стул. С портрета на нее смотрели строгие глаза Ильи Николаевича.

«Илюша, ты неодобрительно смотришь на меня. Я написала Володе очень грустное письмо. Плохо сделала, друг мой, плохо, проявила слабость. Они ведь мне ничем оттуда помочь не могут. Напрасно их растревожила. Что ждет коих детей? Куда пойти? Киев теперь чужой, незнакомый город. Ни одной родной души».

Мария Александровна принялась за уборку. Надо было чем-то отвлечься.

У дверей тихонько задребезжал звонок. Один, два, три раза. Свои... Кто же это?

Мария Александровна открыла дверь.

У порога стоял человек с шипящей фамилией.

«Неужели это тот человек, которому я должна передать партийный архив?»

— Здравствуйте, дорогая Мария Александровна! — Юрий говорил ласково и вкрадчиво. — Очень сочувствую вашему горю. Но будем надеяться, что все уладится. Я пришел за документами. Как хорошо, что я успел познакомиться с вами!

— Все документы забраны при обыске, — после секундного колебания ответила Мария Александровна и отчужденно посмотрела на молодого человека.

— Но последнее письмо Владимира Ильича, я надеюсь, не попало в руки полиции?

— Забрали всё, — ответила она холодно.

— Не может быть, чтобы забрали! — воскликнул Юрий. — Мария Ильинична его хорошо спрятала. Это драгоценное письмо! Может, поискать?

— Полиция уже тщательно все обыскала. Ничем не могу помочь.

Юрий с холодной вежливостью откланялся.

— Прошу прощения. Если понадобится моя помощь — я к вашим услугам. Есть ли у вас деньги?

— Да, я получаю пенсию и смогу обойтись, — поблагодарила она.

Дверь за Юрием захлопнулась.

«Неужели это он предал?» — подумала Мария Александровна, и холодок омерзения пробежал по спине.

Мысли снова обратились к детям. Нужно действовать: идти в жандармское управление, хлопотать. А она не может уйти, пока важные документы не переданы в надежные руки.

В полдень явилась девушка, румяная от мороза, улыбочивая. Она сразу расположила к себе сердце матери.

— Здравствуйте, Мария Александровна! Я по поручению Глеба Максимилиановича. У меня есть письмецо. — Девушка протянула кусочек листка.

Мария Александровна вынула из глубокого кармана платья вторую половинку. Сложила вместе. Половинки сошлись.

— Обождите, пожалуйста, в моей комнате. Сейчас я вам принесу.

Мария Александровна прошла в столовую, плотнее задернула на окна занавески. С трудом перевернула опрокинутый шахматный столик, вынула из филенки гвоздик и потянула к себе крышку. В углублении лежали материалы партийного съезда, газеты «Искра», письмо Владимира Ильича. Мария Александровна вынула документы, задвинула крышку, вставила на место гвоздик. Ласково погладила блестящую поверхность столика и поставила на него вазу с цветами.

Девушка аккуратно уложила документы в специальные внутренние карманы, вшитые в подкладку жакета.

— Теперь я не замерзну. — И она улыбнулась, да так хорошо и светло, что Мария Александровна с облегчением вздохнула: документы были в надежных руках.

Мария Александровна присела к окну, провожая девушку взглядом, пока она шла по двору. Перед глазами стояло ее лицо. «Как украшает человека благородное дело!» — подумала мать. Она знала многих товарищей своих детей, и все они для нее были один красивее другого. Особенно хороши у них глаза, зажженные большой мыслью, не затуманенные корыстью, завистью, злобой. Много видела Мария Александровна и полицейских, жандармов, чиновников и их начальников. И не могла вспомнить ни одного красивого. Может быть, и были среди них люди с правильными чертами лица, стройные, холеные, с изнеженными руками, но красивого не было. И глаза у них другие: видела она умные и тупые, злые и равнодушные, надменные и угодливые, а искры большого внутреннего огня ни разу в них не заметила.

Она оделась и отправилась в жандармское управление. Просила освободить одну из дочерей для ухода за ней, старой и больной матерью. Отказали... Получила разрешение на свидание с Аней. И то хорошо...

Мрачная большая комната для свиданий разделена двойной железной решеткой. С одной стороны — заключенные, с другой — толпа родственников.

В комнате стоял невообразимый галдеж. Женщины помоложе и мужчины заняли первый ряд у решетки. Мария Александровна вытягивала голову, становилась на цыпочки, чтобы увидеть свою дочь.

— Мамочка, здесь я! Как ты себя чувствуешь? — кричала Анна Ильинична.

— Хорошо. Я совершенно здорова! — Но слабенький голос матери тонул в галдеже. Пыталась объяснить жестами, но за широкими спинами стоящих впереди Аня поминутно теряла мать из виду. — Береги здоровье, Анечка! Я хлопочу, хлопочу!

Аня разводила руками и прикладывала ладонь к уху, что-то отвечала, но, как ни старалась мать выделить из общего людского гула голос своей дочери, она могла уловить только отдельные слова. Марию Александровну толкали, оттирали назад, сдавливали со всех сторон. От крика и напряженного стояния на цыпочках заболело сердце, сорвался голос.

Вконец измучившись, она взглянула на дочь еще раз, приветливо помахала ей рукой.

Анна Ильинична с отчаянием в глазах видела, как голова матери в маленькой потертой шляпке то показывалась, то исчезала, как в волнах, в людской толпе.

...Проходили дни... недели... месяцы...

Каждое утро, захватив с собой четыре узелка, ехала Мария Александровна на конке в другой конец Киева, в лукьяновскую тюрьму.

Без устали писала прошения, просиживала часами в приемных жандармского управления, генерал-губернатора, суда, прокуратуры, добивалась личного приема.

Семнадцать лет назад, когда ее детей, Сашу и Аню, впервые заключили в тюрьму и над сыном нависла смертельная опасность, она еще верила в монаршую милость, наивно полагала, что можно тронуть сердце царицы-матери. Она писала:

Вашему Величеству, как матери, вполне понятен весь ужас моего положения, то горе и отчаяние, которое невозможно выплакать слезами, рассказать словами... заступитесь... помогите...

Императрица не отозвалась. Не помогла. Не заступилась. У нее было сердце волчицы.

С тех пор прошло много лет. Мать потеряла веру в бога, в монаршую милость, в справедливость царских законов. Она верила теперь, свято верила в дело своих детей, ради которого они отказались от благополучной жизни, подвергались заключению в тюрьмы, шли в ссылку. Вместе со своими детьми мать прошла великую школу борьбы.

Она теперь хорошо знала: рассчитывать на сочувствие к ней жандармов, на уважение их к заслугам покойного мужа и даже к дворянскому сословию не приходится. Только борьба, умная, терпеливая, только знание законов, только хитрые и убедительные доводы могут облегчить положение ее детей.

Стараниями Марии Александровны через полгода Анна Ильинична и Мария Ильинична были освобождены. Улик против них не было. И на этот раз выручил хитрый столик.

Но Дмитрий Ильич с женой оставались в тюрьме. При обыске у них была обнаружена программа занятий в рабочих кружках. В программе были перечислены труды Маркса и Энгельса, произведения Ленина.

После освобождения из тюрьмы дочерей Мария Александровна энергично принялась хлопотать об освобождении сына и его жены.

Она писала киевскому прокурору:

У сына при обыске отобрали писанная кем-то и данная ему на хранение программа занятий с рабочими.

Полагаю, что семимесячным заключением, полтора месяца из них он был даже продержан в крепости, сын мой достаточно уже наказан за имение при себе этого листка...

Не могу не высказать глубокого убеждения своего, что дети мои были арестованы единственно вследствие предубежденного взгляда на семью нашу, как это было три года назад, в Москве, когда во время беспорядков в городе забрали семейных моих, а потом отчислили их от дела.

Убеждение это подтверждается замечанием, сделанным мне в Киевском жандармском управлении, куда я явилась тотчас после ареста детей и где мне указали на старшего сына, прибавив, что он сильно скомпрометирован.

Старший сын мой⁶ живет уже более 10 лет отдельно от семьи и несколько лет за границей, и если он действительно скомпрометирован, то я не думаю, чтобы сестры и брат его должны были отвечать за его поступки.

Упорный, мудрый и настойчивый ходатай по делам своих детей, она и на этот раз сумела вырвать из тюрьмы сына Дмитрия.

«Жена моего сына тяжело больна, дальнейшее заключение ее в тюрьме может кончиться ее гибелью, и в этой смерти будут повинны тюремное начальство и жандармы. Спасти ее жизнь может только освобождение из тюрьмы» — вот смысл ее ходатайства за жену сына.

И Тоня была вырвана из тюрьмы.

Дети снова на свободе. И ласково звучит голос матери:

«Будьте осторожны! Будьте очень осторожны!»

И ни слова упрека, ни слова о своих бессонных ночах, о своих больных ногах, которые столько выстояли, столько тропинок протоптали...

---

⁶ (Владимир Ильич. — Примеч. авт.)

НА ОТДЫХ К МАМЕ

К вечеру ливень прекратился. Далеко за лесом изредка погромыхивал гром. По светлому небу неслись дымные облака.

В наступившей после дождя тишине особенно звонко журчали ручьи. Ветер стряхивал с цветущих лип вороха мокрых душистых цветков.

Пронесся поезд, сверкнул вереницей огней, и в лесу стало еще сумрачнее.

— Липы-то как пахнут! — вдохнул полной грудью Владимир Ильич.

— Словно по густому меду идешь, а не по грязи, — отозвалась Надежда Константиновна, с трудом вытаскивая из раскисшего чернозема ноги.

Мария Ильинична поскользнулась, уцепилась за рукав брата и весело рассмеялась:

— Ну и грязь! Чуть было не увязла в этом меду, как муха!

Ветер распахнул ветви кустарника, и вдалеке мелькнуло освещенное окно.

— Мамочка нас ждет. Наш дорогой маяк, — задушевно произнес Владимир Ильич. — Страсть как люблю это освещенное окно! Как бы темно ни было и как бы поздно ни приехал, тебе всегда светит это окно и дверь непременно откроет мамочка...

Владимир Ильич осторожно толкнул набухшую калитку; она заскрипела, как простуженная. В матовом свете белой ночи нежной пастелью проглядывал цветник. Гуськом пробирались по узкой тропинке, задевая руками влажные цветы. Едва ступили на скрипучие ступеньки, из сеней распахнулась дверь, и на крыльце, кутаясь в платок, появилась Мария Александровна.

— Мамочка, иди в дом, простудишься! — воскликнул Владимир Ильич.

На пороге сняли мокрые ботинки и нырнули в освещенный, празднично убранный дом.

— Наконец-то, — обнимала детей Мария Александровна. — Последний поезд давно прошел, а вас все нет и нет. Я уж думала, опять что-то задержало.

В столовой мурлыкал самовар, на конфорке грелись бублики, стол был накрыт к ужину.

Прислушиваясь к смеху своих детей, обступивших на кухне рукомойник, Мария Александровна разливала чай. Как хорошо, когда в доме звенят веселые голоса!

Надежда Константиновна и Мария Ильинична уселись за стол и нацелились на сладкие булочки.

Владимир Ильич расхаживал по комнате, рассматривал полевые цветы, в изобилии заполнившие вазы на столе, пианино, потрогал руками пальму, чему-то улыбнулся, далекому...

— Хорошо, очень хорошо, — потирая руки, сказал он. — Отдохнем всласть.

— Садись к столу, Володюшка, — позвала мать.

— В Симбирске у нас такая же пальма была, в гостиной против рояля стояла, — задумчиво сказал Владимир Ильич. — Когда мы уезжали оттуда, последнее, что мне запомнилось, — это пальма в окне.

— Как дела, Володюшка? — внимательно посмотрела мать на сына. — По газетам все как-то мрачно выходит. Все в один голос утверждают, что революция погибла, а вот ваше «Эхо»...

— Наше «Эхо» — эхо рабочих голосов, пролетариат не намерен сдаваться. И я буду последний, кто скажет, что революция потерпела поражение.

— Ты знаешь, Володя, я сегодня выступала у работниц на Невской бумагопрядильне, — начала было Мария Ильинична.

Но Надежда Константиновна угрожающе на нее зашикала.

— Володя! Мы приехали отдыхать, ты же обещал... — Надежда Константиновна погрозила пальцем. — Нет, товарищи, так не годится. Володя вконец умаялся. За два только месяца выступал пятнадцать раз, написал около сорока статей, большую брошюру. А вчера пришел с совещания, поднял обе руки вверх и говорит: «Сдаюсь, надо передохнуть». Дал мне торжественное обещание все восемь дней быть неграмотным, обещал ходить по грибы, купаться, собирать роскошные букеты водяных лилий.

— Ну что ж, — пожимает плечами Владимир Ильич, — я готов быть даже глухонемым. Только последний вопрос: что пишут Аня, Марк и Митя, как у них идут дела?

— Письма коротенькие, — ответила Мария Александровна, — пишут, что здоровы, много работают. Завтра дам почитать, а сейчас пора спать.

Все послушно расходятся по комнатам.

Мария Александровна еще долго сидит у себя в спальне; ей хочется продлить ночь, чтобы дети выспались, набрались сил.

В прошлом, 1905 году всю страну охватил пожар революции. Рабочие объявили всеобщую забастовку, остановили станки, погасили топки, с оружием в руках вступили в бой с царизмом за дело всего народа. За рабочими восстали крестьяне. По всей стране запылали помещичьи усадьбы, заколебалась армия. Никогда еще не было такого. И все дети Марии Александровны — в этой борьбе, в самой гуще событий. Митя в родном Симбирске организует рабочих и крестьян. Марка за участие в организации всеобщей железнодорожной забастовки сослали в ссылку в Самару, но он и там вместе с революционными рабочими. Маняша ведет работу на питерских фабриках. У нее талант разговаривать с женщинами, вести их за собой. Аня работает в большевистском издательстве. На днях поехала к мужу в Самару, повезла указания Центрального Комитета.

Читая ежедневно «Эхо», Мария Александровна узнает руку своего сына Владимира, понимает, что судьба революции — дело его жизни. Надежда Константиновна — его верный помощник, большой друг, заботливая жена. «Как же хорошо, что они выбрались отдохнуть! Зачем только мне понадобилось затеять разговор о том, что пишут газеты?» — досадует на себя Мария Александровна.

...В окружении высоких сосен стоит дача Елизаровых в Саблине.

Взошло солнце и опрокинуло на землю тени от деревьев. Проснулись птицы, зазвенел лес.

Тихо открылась дверь, и на крыльцо вышел Владимир Ильич.

Прошелся по саду, сделал несколько гимнастических упражнений, поднял голову и загляделся на скворечник.

Старый скворец, сидя на крыше, уговаривал птенца соскользнуть с площадки, испробовать крылья. А птенец не решался. Тогда скворец расправил крылья, плавно всплыл вверх, облетел скворечник, опустился на крышу и снова принялся уговаривать малыша, рассыпая самые убедительные трели. И скворчиха, высунув голову в круглое окошечко, подбадривала свое детище. Наконец птенец решился, сорвался с площадки и, судорожно, быстро взмахивая крыльями, пища от страха, опустился на ветку рябины. Отец летал вокруг него — то падал вниз, то взмывал вверх. Птенец повертелся на ветке и перелетел к матери. И они весело заверещали. Птенцу уже не сиделось.

Он делал круги все шире и шире и наконец вовсе скрылся из виду.

Владимир Ильич покачал головой, усмехнулся, вынул из кармана сложенную вдвое тетрадь и карандаш, уселся на крылечке и принялся писать...

Мария Александровна долго не решалась выйти из комнаты, боялась, скрипнет половица — разбудит детей. Наконец, осторожно ступая в мягких туфлях, вышла в сени. Дверь в сад была полуоткрыта. «Как же это я забыла запереть на ночь дверь?» — мелькнула беспокойная мысль.

На ступеньках сидел Владимир Ильич. Держа тетрадь на коленях, он быстро писал. Мать положила ему на голову руку.

— Мамочка! — вскочил Владимир Ильич и спрятал за спину тетрадь.

Мария Александровна рассмеялась.

— Я просто решил некоторые мысли записать, пока вы спите. Пойдем прогуляемся по саду.

Владимир Ильич увидел огуречную грядку, раздвинул шершавые листья, сорвал огурец, смахнул ладонью колючую щетинку и с наслаждением стал грызть.

— Вкусно!

Из дома слышалось пение.

— Слышишь, Надюша с Маняшей поют жестокие романсы, — усмехнулся Владимир Ильич.

В ситцевых светлых платьях, с туго заплетенными по-девичьи косами, они выбежали в сад и походили на беспечных девушек — обе смешливые, жизнерадостные.

— С солнечным утром! С началом чудесного отдыха! — кричали они. — Пошли купаться!

— Иди, иди, Володюшка, а я тем временем приготовлю завтрак в беседке. — Мария Александровна сорвала несколько молодых огурчиков и протянула сыну: — Вам на дорогу.

...Вернулись с Тосны с букетами ромашек.

— Ой, какие мы голодные!.. — смеялась Мария Ильинична. — Mamочка, Володя так нырлял и отмахивал саженками, что все саблинское мальчишеское племя решило, что он знаменитый моряк.

— А где же Володя? — спросила мать.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна оглянулись с недоумением.

— Странно. Он все время шел позади нас и насвистывал, а потом попросил нас спеть. Куда же он исчез?

— Я, кажется, догадываюсь, — вздохнула Надежда Константиновна. — Наш романс ему потребовался для того, чтобы улизнуть на станцию за газетой. Не так-то легко ему быть неграмотным... А вот и он, и, конечно, с пачкой газет.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична со смехом побежали навстречу Владимиру Ильичу с намерением отобрать газеты, но, взглянув на его помрачневшее лицо, остановились.

— Володя, что случилось? — спросила обеспокоенная Надежда Константиновна.

— Дума разогнана, — ответил Владимир Ильич. — Я так и предполагал. Этого надо было ожидать... Итак, царь переходит в наступление. Нужно немедленно собрать товарищей, посоветоваться о тактике партии. — Владимир Ильич развернул газеты.

Надежда Константиновна прочитала набранные большими черными буквами слова:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РАСПУЩЕНА

Мария Александровна молчала. Она поняла, что отдых кончился.

Владимир Ильич взглянул на ее огорченное лицо.

— Mamочка, ты понимаешь, мы должны немедленно ехать. — Он вынул из кармана часы. — Поезд из Питера только что прошел, значит, обратно будет через час. Мы еще успеем позавтракать.

Сидели молча, поглядывая на сосредоточенное лицо Владимира Ильича.

— Маняша, ты поедешь на Выборгскую сторону по известным тебе адресам. Соберемся у Менжинского. Надя поедет на Лиговку.

Владимир Ильич одной рукой помешивал ложечкой чай, другой перелистывал газету.

Скрипнула калитка. Мария Александровна вышла из беседки. У калитки стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати и в смущении теребил картуз.

— Ты к кому? — спросила Мария Александровна.

— Мне Владимира Ильича.

Мария Александровна насторожилась:

— Здесь такой не живет.

— Ну, если его нельзя, тогда Надежду Константиновну. Скажите, Ромка пришел по важному делу.

Вид у парнишки был решительный, глаза смотрели прямо и серьезно, и только пальцы, вцепившиеся в картуз, выдавали волнение.

Встревоженная Мария Александровна позвала Надежду Константиновну. Увидев парнишку, Надежда Константиновна протянула ему руки как старому знакомому. Мария Александровна успокоилась и вернулась в беседку.

— Беда, Надежда Константиновна, — сказал Ромка не мешкая. — Ефим Петрович просил передать, — он понизил голос, — полиция ищет Владимира Ильича. Я был на станции, там полно шпиков и жандармов.

Надежда Константиновна побледнела.

— Спасибо, Ромушка. Как в Питере сейчас, спокойно?

— Не-е, какое там. Царь Думу разогнал. Народ возмущается.

— Как обратно добираться будешь?

— Мне што, я и зайцем проскочу...

Стараясь казаться беспечной и веселой, Надежда Константиновна вернулась к столу. Мария Александровна пытливо посмотрела на нее.

— Кто это приходил, Наденька?

— Мальчишка знакомый, землянику продавал, да больно дорого просил, я не взяла.

— Я что-то не заметила у него в руках корзины с земляникой. Едва ли из Питера на дачу землянику возят.

Надежда Константиновна с виноватым видом посмотрела на Марию Александровну:

— Мальчишка приехал сказать, что Дума разогнана. Больше ничего.

Владимир Ильич понял, что получено какое-то тревожное сообщение.

— Надюша, пойдем вещи уложим, а то ты забудешь что-нибудь самое необходимое.

— Да поешьте вы что-нибудь! — взмолилась Мария Александровна.

— Мы сейчас же вернемся, — заверила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич выслушал сообщение спокойно.

— Ты не волнуйся, Надюша. Я пойду отсюда пешком до следующей станции и там дождусь поезда. В Поповке искать меня уж никак не могут. Но идти туда надо немедленно, иначе пропущу поезд.

— Володя, — положила руки на плечи мужа Надежда Константиновна, — мне очень хочется сказать тебе, чтобы ты был осторожен.

Владимир Ильич поцеловал жену.

— Будь совершенно спокойна. Заверяю тебя, что поймать им меня не удастся. Никогда. Слышишь — никогда. Вот что нам сказать мамочке?.. Придется поплотнее позавтракать, и это ее успокоит.

— Но у тебя считанные минуты!

Владимир Ильич уселся за стол, выпил залпом остывший чай.

— Еще стаканчик, — протянул он стакан матери. — Проголодался ужасно. — Один за другим съел три пирожка, запивая горячим чаем. — Ну, теперь я должен идти. По дороге мне надо навестить одного товарища, — сказал Владимир Ильич весело. — Маняша и Надюша будут ждать меня на станции. Обратное мне не имеет смысла возвращаться. До свидания, дорогая мамочка. Мы обязательно приедем к тебе отдыхать, и тогда уж надолго.

Мария Александровна проводила сына до калитки. Он пошел по лесной дороге, устремленный вперед, энергично помахивая рукой.

Мать смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом дороги. На душе у нее было тревожно...

ДРАГОЦЕННОСТЬ

Подошел поезд, и тотчас раздался второй звонок.

Вячеслав Александрович помог старушке с большой поклажей подняться в вагон, а сам задержался на подножке.

Третий звонок, поезд снова застучал колесами, и доктор Левицкий спокойно прошел в вагон. «Хвоста» не было. Кроме этой бабки, на станции в Подольске никто в поезд не сел.

Левицкий встал у окна. Сквозь забрызганные серой грязью стекла мелькали семафоры, полустанки, почерневшие от осенних дождей избы. При подходе к станции поезд резко тормозил, и тогда доктор балансировал, опирался ладонями о стены, чтобы удержаться на ногах.

— Чего ты, мил человек, из стороны в сторону шарахаешься? — спросила его бабка, расположившаяся у окна. — Сел бы. В ногах правды нет.

— Благодарю, — пробормотал Вячеслав Александрович и продолжал стоять.

— И одет-то по-чудному, — рассматривала его старушка, — сам в летнем, а на голову и ноги уже зимнее напялил.

— По погоде, бабушка, и оделся, — ответил доктор. — Видишь, снег с дождем перемешался, ни зима, ни осень. Плащ мне в самую пору.

По раскисшей дороге вдоль железнодорожного полотна шла колонна арестованных. Люди с трудом вытаскивали ноги из густой грязи.

— И сколько их гонют! — пригорюнилась бабка. — Почитай, уже три года на каторгу людей гонют, и конца-краю не видать.

— Всю Россию на каторгу не угонишь, — вырвалось у Левицкого.

— Вот-вот, и я говорю — не угонят. Моего внука Павлушку тоже угнали. «Ладно, — сказал он на прощанье, — придет опять пятый год, так мы им покажем».

По вагону шел жандарм, придерживая рукой шашку. Он посматривал по сторонам, прислушивался к глухому ропоту людей.

— Правильно говоришь, мать, — ответил доктор, завидев жандарма. — Царю надо воздать должное. Верой и правдой служить надо, — сказал и поперхнулся, словно что-то несвежее проглотил.

Жандарм с почтением посмотрел на солидную фигуру мужчины, окинул подозрительным взглядом старую женщину.

— А я-то думала, что ты настоящий человек, а ты вон кто! — плюнула бабка в сторону Левицкого и пересела на другую скамейку, продолжая ворчать. — Ты и стоишь-то, наверно, из почтения к жандармам, всю дорогу навтыяжку. Вернется мой Павлушка с каторги, мы вам покажем...

Левицкий сморщился, как от боли, но промолчал.

Поезд подходил к московскому вокзалу.

На площади доктор вскочил в трамвай. Осмотрелся и с облегчением вздохнул: все места были заняты. Можно постоять. Ухватился за ремень и стоял, раскачиваясь из стороны в сторону. Сидящий рядом студент, взглянув на осанистую бороду и усы солидного господина, встал с места:

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, я сейчас выхожу. — Левицкий недружелюбным взглядом окинул студента.

На первой остановке сошел и, подняв воротник плаща, с осторожкой зашагал по скользкому тротуару.

В гостях у Ульяновых сидит Григорий Степанович. Самовар на столе допевает свою песенку, в окна шлепаются мокрые комья снега и тяжело сползают вниз по стеклу.

Анна Ильинична угощает гостя чаем, Мария Александровна в кресле-качалке, закутанная пледом, зябко поевживается. Углы комнаты, обставленной тяжелой хозяйской мебелью, тонут в полумраке.

— Уж я и счет потеряла, сколько раз мы после Симбирска переезжали с места на место, — рассказывает Мария Александровна.

Анна Ильинична сняла эти две небольшие комнаты в мебелишках на Божедомке в октябре 1908 года. Предстояла большая и важная работа по изданию книги Владимира Ильича. Нужно было

затеряться в большой Москве, поменьше встречаться с людьми, чтобы не привлечь внимания полиции, не поставить под удар книгу, которую все с таким нетерпением ждали.

Но близкие друзья находили их и здесь. Григорий Степанович — земляк, из Симбирска. Работает сейчас в Саратове. Был рабочий паренек — Гриша, но за эти годы успел закончить техническое училище, поработать агентом «Искры», быть хозяином подпольной партийной типографии, познакомиться с тюрьмой, бежать за границу и там, не теряя даром времени, сдать экстерном экзамен за технологический институт.

— Я сейчас важная персона, — смеется Григорий Степанович, — получил место баулейтера — производителя работ в крупной немецкой фирме, строю трубочный завод под Саратовом. В кабинете у меня теле фон, сейф, к которому никакие специалисты из полиции не смогут подобрать ключ. Есть где хранить нелегальную литературу.

Григорий Степанович расправил свои роскошные усы и помотал головой, чтобы освободить шею от высокого, туго накрахмаленного воротничка.

— Вот к этой штуке, — показал на воротничок, — никак привыкнуть не могу.

Высокий, синеглазый, с гладко выбритым подбородком, одетый в модный темный костюм, он никак не походил на потомственного рабочего, и, уж конечно, никакой жандармский глаз не смог бы в нем заподозрить большевика.

Сидели и вспоминали симбирские годы, волжские просторы.

— Самую главную новость я припас на закуску, — сказал Григорий Степанович. — Я еду в Париж, к Владимиру Ильичу.

— Вы увидите Володюшку! — всплеснула руками Мария Александровна.

— Да, меня посылают наши посоветоваться с Владимиром Ильичем, как быть с меньшевиками. Туманят они мозги рабочим, сами ни во что хорошее не верят, зовут приспособляться к царским законам, придумывают разные учения, доказывают, что революция погибла. А у нас знаний не хватает, чтобы разбить их доводы.

— Да, здесь нужно сильное оружие против всех этих лжеучений, которые выросли как ядовитые грибы, — ответила Анна Ильинична. — И Владимир Ильич отлично это знает. Он написал книгу по философии. Она очень поможет всем нам положить конец путанице и блужданиям в рабочем движении. — Анна Ильинична вздохнула. — Рукопись этой книги Владимир Ильич уже отправил в Москву, и вот она где-то задержалась. А может быть, попала в руки полиции?

— Вы не рассказывайте Владимиру Ильичу о моей болезни, — предупредила Мария Александровна, — не тревожьте его. Скажите, что чувствую себя хорошо, не болею. Присмотритесь, как они там живут, не нуждаются ли в чем.

— А о московских делах передайте Владимиру Ильичу следующее... — сказала Анна Ильинична.

— Я пойду к себе, отдохну, вы занимайтесь своими делами.

Анна Ильинична провела мать в спальню, усадила ее в кресле, закутала больные ноги пледом.

Разговор Анны Ильиничны с Григорием Степановичем прервал звонок в передней.

Григорий Степанович вынул из жилетного кармана визитную карточку баулейтера фирмы «Вейсман и К°» и положил на стол.

Анна Ильинична пошла открывать дверь.

— Здравствуйте, доктор, — приветствовала она Левицкого. — Как вы кстати, мамочка себя очень плохо чувствует.

Вячеслав Александрович снял шапку, плащ и беспомощно посмотрел на ботики.

— Вам подать стул? — спросила Анна Ильинична доктора.

— Нет, нет. Если разрешите, я останусь в ботиках. Мне трудно нагибаться.

Левицкому не было еще и сорока лет, и Анна Ильинична посмотрела на него с сожалением.

— Познакомьтесь, — сказала она и провела его в комнату.

Григорий Степанович пододвинул доктору стул. Анна Ильинична налила стакан крепкого чаю.

— Присаживайтесь, — пригласила она Вячеслава Александровича.

— Благодарю. Я с детства привык к «а-ля фуршет» — пить чай стоя, — пошутил доктор, искоса посмотрел на визитную карточку, перевел взгляд на фетровую шляпу Григория Степановича. — Вредная шляпа, — сказал он резко.

— Вы как доктор полагаете, что в шляпе ходить сейчас не по сезону? — любезно откликнулся Григорий Степанович. — Но я по делам фирмы еду за границу, а там меховых шапок не носят.

— Разрешите, я пройду к больной, — сказал Вячеслав Александрович.

Присутствие Григория Степановича, которого доктор принял за немца, его обеспокоило.

Анна Ильинична открыла дверь в спальню.

— Здравствуйте! Какие жалобы? — нарочито громко сказал доктор, чтобы не выдать себя за старого знакомого перед немцем.

Он тщательно прикрыл дверь.

— Здравствуйте, дорогой Вячеслав Александрович. Как давно я вас не видела и как вы кстати пришли!

— Я вам привез клад, драгоценности, — прошептал Вячеслав Александрович, наклонившись к Марии Александровне.

— Какой клад? Откуда? — несказанно удивилась она.

— От Владимира Ильича.

— От Володюшки? Вы его видели?

— Шесть лет назад в Цюрихе. Я тогда ездил во Францию изучать шляпное производство и завернул к нему. Видите ли, русский фетр делают с применением ртути. Масса отравлений среди

рабочих, а во Франции нашли новый метод... Но об этом после. Сядьте, пожалуйста, спиной ко мне.

Мария Александровна, все еще недоумевающая, поднялась с кресла, плед соскользнул с колен и свалился на пол.

— Не беспокойтесь, я подниму плед через пять минут. А пока я должен снять пиджак.

Мария Александровна недоумевала: что это случилось с Вячеславом Александровичем, обычно таким серьезным и простым? Его чудачества сегодня были непонятны.

— Я еще тогда, в Цюрихе, сказал Владимиру Ильичу, чтобы он располагал мною, и вот я счастлив доложить, что он оказал мне высокое доверие...

Вячеслав Александрович снял пиджак. Грудь его была тщательно забинтована по всем правилам медицины.

Доктор стал разматывать бинты и снимать с себя листы рукописи, которые осторожно укладывал на стол.

— Ну, теперь смотрите, — сказал он торжественно, освободившись от последнего листка и надев пиджак. — Теперь я и плед могу поднять.

Мария Александровна повернулась, увидела пачку листов, прочитала на верхнем листе: «Материализм и эмпириокритицизм».

— Володюшкина рукопись по философии! Вы не представляете себе, как мы волновались за ее судьбу! И Володюшка отчаянное письмо прислал. Беспокоится — неужели пропала рукопись, плод работы многих месяцев? Единственный экземпляр. Ведь это действительно драгоценность. Великое спасибо вам, дорогой Вячеслав Александрович! — Мария Александровна обняла доктора и расцеловала его по-матерински в щеки.

— Ну-с, — улыбнулся растроганный Вячеслав Александрович, — теперь я приступлю к исполнению своих прямых обязанностей. Что вас беспокоит?

— Простыла я. Ноги плохо слушаются. Но это потом, потом, — говорила Мария Александровна, любовно перебирая страницы. — Вот и гость наш уже ушел.

Анна Ильинична распахнула дверь.

— Анечка, дорогая, Вячеслав Александрович привез Володину рукопись!

Анна Ильинична подошла к столу и ахнула.

— Теперь я понимаю, почему вы привыкли пить чай «а-ля фуршет», — засмеялась она.

— Я опасался помять драгоценные листы, — ответил доктор. — Я даже какие-то верноподданнические слова в вагоне говорил, чтобы меня жандарм не задержал. Благовоспитанного юношу ко всем чертям послал за его любезность, правда мысленно. И еще, прошу прощения, поскольку курьер сказал мне, что рукопись предназначена для публикации, я позволил себе прочитать ее без разрешения. Читал всю ночь. Читал с упоением. Это огромно! Это

гениально! А теперь разрешите мне стаканчик чаю. Я люблю пить чай сидя, с блюдечка и вприкуску...

И начались тревожные, хлопотливые дни. Анна Ильинична ездила по издательствам, выясняла возможность опубликования книги. «Если нет издателя, посылай прямо и тотчас Бончу: пусть только никому не дает читать и бережет сугубо от провала!» — предупредил Анну Ильиничну Владимир Ильич в письме.

Рукопись уложили в шахматный столик, и он надежно хранил ее.

Наконец издатель найден. Рукопись сдана. Стали поступать корректурные листы. Целые вечера просиживали мать и сестра, склонившись над листами, вычитывая их, выверяли.

— Здесь бы я поставила точку с запятой, — говорит Мария Александровна. — Дальше идет много опечаток. Несколько раз слово «абсолютно» написано с буквы «о».

Анна Ильинична читает.

— Володины нападки на буржуазных философов, на их тарабарщину, великолепны. Все так убедительно, так ясно. Но вот здесь я буду ходатайствовать снять «гоголевского Петрушку», и без того остроумно и веско.

— Володюшка не согласится, — замечает мать, — у него все продумано, каждое слово к месту.

Мария Александровна и Анна Ильинична с увлечением и большой тщательностью работают над корректурой философской рукописи Владимира Ильича, которая осветит путь рабочему классу к его великой цели.

...Соединять такую кропотливую и скучную работу с уходом за мамой невероятно трудно. Я могу только удивляться, каким образом последние корректуры могли выходить при подобных условиях работы такими образцовыми, — писал Владимир Ильич сестре.

РЕФЕРАТ

В небольшой комнате было уже шумно. Все пришли заранее, боясь опоздать, пришли прямо с работы, настроены были по-праздничному, взволнованные предстоящей встречей. Запах табака смешался с запахом типографской краски, машинного масла, олифы, рыбы.

В одной из комнат народного дома в Стокгольме собрались русские социал-демократы, зарегистрированные в шведской полиции как общество «Досуг и польза».

Чтобы скоротать время до начала собрания и оправдать название общества, смотрели туманные картины, перекидывались шутками, но делали это так, между прочим. Сегодня всех их занимали другие мысли.

В комнату вошел Яков Семенович, и с ним две женщины. Одна пожилая, стройная, с тонким, прекрасного рисунка лицом, вторая молодая, черноволосая, с широко расставленными искрометными карими глазами.

— Прошу любить и жаловать, — обратился к присутствующим Яков Семенович, — мать Владимира Ильича, Мария Александровна, сестра Мария Ильинична, член социал-демократической партии.

В комнате стало тихо. У всех остались матери там, в России, и она, мать Ленина, пришла сюда как посланец их матерей, и от нее пахло детством, материнской лаской.

Мария Александровна и Мария Ильинична сели на предложенные стулья. Мария Александровна обвела глазами почему-то вдруг взгрустнувших людей и сердцем поняла их.

Высокий худой юноша с крутыми завитками черных волос, встретившись взглядом с ней, опустил глаза и стал хлопотать возле волшебного фонаря, установленного на столе.

— Надо оправдать название нашего общества, — обратился он к товарищам. — Будем развлекаться туманными картинами. До начала собрания добрых четверть часа.

Он прикрепил большой лист бумаги к стене и распорядился:

— Кто там поближе, погасите свет, начинаем представление.

В комнате стало темно. В памяти Марии Александровны возникли своды мрачного зала судебного заседания, куда двадцать три года назад она пришла, чтобы выслушать последнее слово своего Саши. Полутемный зал для матери осветила тогда улыбка ее сына.

И вот сегодня, спустя почти четверть века, не устояла она против желания послушать своего другого сына — Владимира. Кто знает, может быть, и не придется его больше услышать! Семьдесят пять лет все чаще напоминают о себе...

Здесь встретили ее хорошо, тепло, и столько улыбок засветилось в этой комнате; и вот девушка рядом, наверно, стосковалась по своей матери, что так прильнула к ней, и от ее волос пахнет табаком, как от волос Маняши, когда она возвращается с рабочей окраины.

На белой стене трепетало светлое пятно от волшебного фонаря, затем появился квадрат и вырисовалась Адмиралтейская игла. Вот Невский проспект, нарядная публика, застывшие на лету кони, вывески: «Торговый дом», «Промышленный банк».

— Питер, — вздохнул кто-то.

Питер... Россия...

Каждый из сидящих в этой комнате оставил Россию по велению партии. На родине им угрожала в лучшем случае бессрочная каторга «за преступные деяния, направленные к лишению государя императора власти, к ниспровержению монархии в России, к установлению демократической республики».

На чужой земле не чувство безопасности и свободы охватило каждого, а щемящая тоска по России. И с особой остротой каждый ощутил полноту своей личной ответственности за счастье родины.

— Жаль, что нет такого телескопа, чтобы посмотреть, что делается у наших, на Путиловском, как они там? — раздался голос из темного угла.

— Глазком бы взглянуть на глуховцев. — В звенящем женском голосе слышались слезы.

Вид на Неву с царской яхтой «Штандарт» сменил уголок Летнего сада.

...Летний сад!

Мария Александровна шла тогда мимо этого сада, еще прозрачного, но уже обрызганного яркой зеленью едва распутившихся почек, шла и заставляла себя думать о том, что в такие весенние дни смерть не в силах состязаться с жизнью, должна отступить, и надежды, как весенние почки, пробудились в сердце, и ослаб груз горя, и приговор о смертной казни казался нелепым и неправдоподобным. «Приговором хотят запугать, казнить не посмеют, не могут».

Мария Александровна старалась заглянуть сквозь страх в сердце, чтобы оно подсказало хороший исход, укрепило надежду.

Вошла во двор Петропавловской крепости. Посыпанные ярким песком дорожки, нарциссы в своей первозданной белизне, синие чашечки крокусов, изумрудная зелень травы радовали глаз.

«Как красиво здесь, — с чувством благодарности подумала она. — Как успокаивают, наверно, узников даже короткие прогулки».

А потом взглянула на это глазами Саши и обмерла, ужаснулась жестокости. Ведь сделано это не из человеколюбия, а со злым умыслом. Показать, как хороша жизнь на воле, что можно бесконечно наслаждаться цветами, солнцем, воздухом, если отступишься от своих убеждений, если смиришься со злом на земле; показать в контрасте жизнь на воле и сырой каменный мешок в крепости. И Мария Александровна перестала видеть краски.

Через двойной ряд железных решеток на нее смотрели прекрасные горячие глаза сына; белым высоким лбом он прижимался к ржавому переплету, чтобы быть ближе к матери. Побелевшими пальцами судорожно вцепился в решетку.

— Мужайся, Саша! Ты должен жить. Борись за жизнь. Человек все может, пока он жив.

— Борьтсья за то, чтобы влачить существование в этом каменном мешке? — горько усмехнулся Саша.

— Из каменного мешка можно выволить, из могилы — никогда, — с отчаянием убеждала она сына.

«Мужайся!» — сказала она себе. И снова хождения по высоким судебным инстанциям, в департамент полиции, оскорбительные предложения охраны, бесстыдная спекуляция на чувствах матери.

«Мужайся!» — повторяла она, и просила, и требовала, и разжигала в сердце своем искру надежды, и не давала ей угаснуть, и она, эта искра, помогала ей бороться.

8 мая Мария Александровна ехала в конке, держала на коленях аккуратный узелок с бельем для Анны — ехала к ней на свидание в тюрьму.

Сидела и придумывала милые семейные мелочи, о которых расскажет Анне, чтобы она не чувствовала себя одинокой, расскажет, как мужественно держится Саша и что есть надежда, безусловно есть, даже не надежда, а полная уверенность, что Саше сохранят жизнь и что все со временем уладится.

И Мария Александровна сама верила в такой исход.

В конку вошли студенты; они были возбуждены, перекидывались какими-то междометиями, смысл которых был понятен только им.

Рядом с Марией Александровной сел юноша, сунул в карман шинели сложенный листок бумаги, поставил локти на колени и закрыл лицо руками.

Мария Александровна видела, как на сукне шинели, словно на промокашке, расплывались пятна. Студент плакал. «И у него тоже горе, — подумала она. — Не надо плакать, юноша, у молодости впереди много радости». Марии Александровне хотелось утешить его.

Конка остановилась.

Послышался веселый голос мальчишки, вскочившего на подножку.

— Правительственное сообщение! Государственные преступники казнены!

— Казнили! Каких людей казнили... — проскрежетал зубами студент.

Сердце матери метнулось.

«Сашу повесили!.. Сашу казнили!.. Нет, нет, не может быть».

— Что это кричат мальчишки? — прошептала она и с мольбой посмотрела на студента, чтобы он не подтвердил страшной догадки.

Студент вынул из кармана листок и молча протянул его.

«Сегодня... в Шлиссельбургской крепости... — прыгали буквы и жгли сухим огнем глаза, — подвергнуты смертной казни государственные преступники Шевырёв... Ульянов...»

— Ульянов...

Мария Александровна разгладила на коленях листок, свернула его вчетверо и отдала юноше.

— Совсем казнили? — спросила она.

Студент отнял руки от лица, посмотрел на женщину тяжелым недоумевающим взглядом, пожал плечами.

В конке стало душно.

Мария Александровна поднялась и пошла к выходу. Ей казалось, что ее горе может поранить других.

«Это ошибка, — подсказывал ей какой-то внутренний голос. — Иди бодрее. Аня ждет свиданья... Не попади под лошадь. Не сгибайся. Опустив вуаль на лицо, чтобы людей не поражала смертельная бледность. Иди спокойнее, задохнешься. Горе придет потом. Только слабых оно

сбивает с ног, сильные несут его бремя долго, всю жизнь... Аня ждет в тюрьме... Какое счастье, что она в тюрьме, ограждена от мира, не узнает сразу. Ее можно подготовить...» Вспомнила — Саша болел брюшным тифом, а она, мать, не была рядом с ним, не знала. Сердце матери должно было подсказать, что болен сын, должна была поехать к нему... Нет, упреки потом... Сашенька, мальчик мой родной!.. Нет, нежных слов не нужно, они разорвут сердце...»

По улице шла пятидесятидвухлетняя женщина в траурной одежде. В трауре по мужу, который пора уже было снять. Шла легко и стремительно. Вошла во двор тюрьмы. Молча, коротким движением протягивала пропуск, и двери раскрывались без обычных казенных расспросов. Глаза у этой женщины темные, повелительные, и, не покажи она пропуска, кованые ворота распахнулись бы перед ней — матерью...

Яркий свет брызнул в глаза, нарушил тишину и вернул Марию Александровну к действительности.

— Ильич! Ленин! Владимир Ильич!

Разом сдвинулись с места стулья, большевики окружили Владимира Ильича. Крепкие рукопожатия, улыбки, радостные возгласы и жадные внимательные взгляды, какими обычно встречают доброго, близкого друга.

Владимир Ильич поздоровался с товарищами, подошел к столу и раскрыл папку.

— Я надеюсь, мы проведем досуг с пользой, — заметил он и поискал глазами мать. Улыбнулся ей, дружески кивнул сестре.

Петропавловская крепость слабой тенью мерцала на стене. Юноша спохватился, выключил фонарь, и тень крепости исчезла.

Председатель для порядка постучал карандашом по столу. Коричневые ногти на руках выдавали профессию кожевника.

— Слово для реферата о положении дел в партии имеет Владимир Ильич Ульянов-Ленин, — объявил он.

И Владимир Ильич сразу приступил к докладу.

О тяжелом кризисе рабочего движения и социал-демократической партии говорил он. Многие организации разбиты, интеллигенция бежит из партии, уныние и апатия проникли в среду пролетариата.

Мария Александровна не ощутила пессимистических ноток в голосе Владимира Ильича. Ее внимание привлекло слово «кризис». Обычно этим словом врачи характеризуют перелом в болезни.

— Кризис продолжается, но конец его близок. — Владимир Ильич вышел из-за стола. Он говорил в полный голос, подчеркивал каждую мысль жестом руки.

Все, подавшись вперед, словно стараясь быть ближе к оратору, внимательно слушали. Нет, не просто слушали — вместе с ним думали, определяли свое место в нелегком партийном деле.

Сидевший неподалеку от Марии Александровны юноша в начале доклада готовился что-то записывать в блокнот, но так и застыл с карандашом в руке.

Мария Александровна поняла, что записать краткое содержание реферата было трудно. В каждой фразе — большая мысль. Точный и строгий анализ положения и горячая вера в силы рабочего класса, в его революционную партию — вот ощущение от всех высказанных мыслей.

Голос Владимира Ильича становился громче, пламенел.

«Как громко говорит он, вредно ему так волноваться», — подумала Мария Александровна, глядя, как на виске сына бьется набухшая синяя жилка.

— Только упорная революционная борьба пролетариата, только совместная борьба миллионов могут подрвать и уничтожить царскую власть.

В ушах матери прозвучали слова Саши на суде: «Я убежден в необходимости террора...» И она вспомнила его горячие слова о том, что в русском народе всегда найдется десяток людей, преданных своим идеалам, сочувствующих несчастью своей родины настолько, что для них не является жертвой умереть за свое дело. А вот другой ее сын убежден и убеждает, что это дело рук миллионов. «Только совместная борьба миллионов», — повторила про себя мать.

Как много изменилось за четверть века. Саша тоже шел к великой цели, но шел еще ощупью, многое тогда ему было не видно. Володя идет широким шагом, уверенно, словно в руках у него яркий фонарь, который далеко светит.

Мария Ильинична уже давно поглядывала на мать; она догадывалась, какие мысли ее тревожили.

Владимир Ильич кончил доклад, закрыл папку, так ни разу и не заглянув в нее.

Все поднялись и вполголоса запели. И Мария Александровна по-новому вдумалась в слова песни:

*Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой...*

Владимир Ильич подошел к матери:

— Ты не устала? Я понятно говорил?

Мария Александровна молча кивнула головой, не в силах ответить.

«ЛУННАЯ» СОНАТА

Над Вологодой опустилась темная августовская ночь. Один за другим гаснут огни в окнах. Настороженную тишину изредка нарушает хриплый лай дворняжек...

Дробно застучала колотушка. Это ночной сторож вышел на улицу. Идет и заглядывает в редкие освещенные окна. Вот сидит за работой кружевница Груша. Пальцы ловко перебирают бахрому звонких кленовых коклюшек, перекалывают на валике булавки с разноцветными головками, и на темном сукне вырисовывается кружево, похожее на изморозь. Быстро работают неумомимые руки, нога покачивает люльку с ребенком.

— Эхма! — вздыхает сторож. — Солдатская жена теперь Груша, кормилица семьи. А кому нужно ее кружево?

Идет дальше. Постукивает гайка, привязанная на веревочке, о доску. Раз-два! Раз-два!

А здесь и стучать не надо. В этом доме провожают новобранцев. Сторож прильнул к окну. На скамейках чинно сидят парни. Возле каждого две женщины: с одной стороны девушка, с другой — мать. Пиликает гармоника, заунывно поют прощальную девушки, голоса, припав к плечу сыновей, матери.

Идет сторож. Неумолчно и грозно стучит его колотушка, словно хочет разогнать всех воров на земле.

Подошел к бревенчатому дому, укрытому липами и зарослями бузины, зажал гайку в кулак, заглушил колотушку. Окна в доме плотно завешаны белыми занавесками, и весь дом по вечерам звенит музыкой. Музыка диковинная, а до самого сердца добирается, и хочется забросить свою колотушку в заросли бузины и стоять у окна всю ночь и слушать, слушать...

Мария Александровна сидит у старенького пианино. Взяли это пианино напрокат у местного купца. Стояло оно в купеческой гостиной, «к стене примкнуто», немое, беззвучное, служило вместо полки для всяких безделиц, на крышке его красовался тульский самовар.

...Спокойная, ласковая музыка, словно кто-то в тихий вечер поет у немолкнувшего ручья, и чудится — ветер осторожно перебирает шероховатые, прямые, как струны, стволы высоких сосен.

Анна Ильинична прислушалась.

— Лунная соната... Мамочка играет для нас, чтобы нам спокойнее работалось, чтобы показать, что она занята и не требует нашего внимания.

Мария Ильинична оторвалась от шифровальной таблицы и вздохнула:

— Всегда для нас, всю жизнь для нас. И ничего для себя. Мне так больно сознавать, что мы не смогли ей обеспечить даже спокойную старость. Чего ей стоило пережить последний арест Володи! В восемьдесят лет ехать за мной сюда, в Вологду, в добровольную ссылку. Чем и когда мы оплатим за ее подвиг?

— Я всегда думаю, что мамочке пришлось в жизни труднее, чем нам, — говорит Анна Ильинична. — Сколько одних дорог в тюрьмы она протоптала. Я как-то подсчитала — она пережила девятнадцать наших арестов. Недаром Володя говорит, что в тюрьме сидеть легче, чем стоять возле тюрьмы. Но будем надеяться, что это было последнее испытание для нее. Скоро кончится твоя ссылка... А Россия уже бурлит...

Большая народная беда разразилась над миром. Идет война. Каждый день, каждый час, каждую минуту кто-то гибнет на этой войне, становятся вдовами жены, сиротек дети.

В стремительной опасности находился в первые дни войны Владимир Ильич. Война застала его на территории Австро-Венгрии, в деревне Поронино. По ложному доносу он был арестован австрийской полицией как агент царской России. В условиях военного времени ему угрожала смертная казнь.

Сестры решили не говорить об этом матери и крепились изо всех сил, не показывали виду.

Мария Александровна узнала сама из газет...

А вскоре царская Россия предприняла наступление против австро-венгерской армии, и Владимиру Ильичу грозила опасность стать пленником царской армии. Это означало верную гибель...

Но мать выдержала испытание этих двенадцати страшных дней.

Теперь Владимир Ильич в Швейцарии, в безопасности. А сердце матери щемит и болит за всех сыновей, что отправляются каждый день на эту бойню. Против войны восстали все ее дети: и Володя, и Аня, и Митя, и Маняша. Если бы ей было не восемьдесят лет, она, мать, тоже сумела бы сказать свое гневное слово против войны. Но иссякают силы. Годы дают себя знать.

Мать вкладывает свои думы в музыку. Чем она еще может поддержать своих дочерей?

А в соседней комнате Анна Ильинична и Мария Ильинична заняты важным делом. Они сидят и свертывают серые листки в маленькие тугие комочки, засовывают их в спичечные коробки. Эти большевистские листовки расскажут рабочим, крестьянам, солдатам и их женам, во имя чьих интересов ведется эта грабительская война. Газета «Правда» разгромлена царской полицией. Но партия ни на один день, ни на один час не теряет связи с народом. Растет горка коробок на столе. В них слова жгучей правды.

— Это для железнодорожных мастерских, — говорит Мария Ильинична и отодвигает груды коробок в сторону. — Теперь ты готовь для чугунолитейного завода, а я разберу и расшифрую почту, напишу письмо Володе.

Как хорошо спорится работа под музыку, какую силу и бодрость она вселяет!

...Звучит вступление к «Патетической» сонате Бетховена. Гневный голос человека, уверенного в своей правоте, уверенного в своей силе, пламенеет, крепнет. Мудрый голос оратора захватывает слушателей, зажигает их сердца.

В мелодию врывается стук, требовательный, грубый... Как хорошо знает мать этот стук в ночи! Он никогда не предвещал ничего хорошего. Свои, товарищи, стучат тихо, стучат условно в окно.

Встревоженное лицо Марии Ильиничны выглянуло из комнаты. Мать шепчет:

— Уничтожайте что можно, я их задержу.

На полуслове обрывается голос оратора в сонате, тонет в гуле гневных голосов, рушится как лавина, бушует как пламя большого пожара.

Мария Александровна откинула крышку пианино... Гул гнева растет и ширится. Синие жилки вздулись на руках. Пот мелким бисером покрыл лоб. Руки матери заряжают великой энергией каждую струну. Никогда еще это старое пианино с прожженной самоварными углями крышкой не пело так сильно.

Дом содрогается от грубого стука сапог в дверь.

Пот заливает лицо матери.

Гудит от никогда не переживаемого торжества маленькое пианино, чутко отзывается каждая струна на пальцы матери, звучит ее гневом, протестом ее сердца.

Входная дощатая дверь сорвана с петель. Теперь уже стучат в комнату.

А пианино поет торжественно, мощно; кажется, в доме поют все вещи и стены. Но вот руки, обессиленные, никнут. Мать вытирает платком лицо, идет открывать дверь.

— Кто там? — спрашивает спокойно, словно только что поднялась с постели.

— Открывайте! Ишь, разыгралась! Скорей! Не то высадим и эту дверь.

Мария Александровна откидывает крючок.

Пристав и пятеро полицейских врываются в комнату, словно в осажденную крепость.

— Почему не отпирали?

— Увлеклась игрой, не слышала вашего стука.

— Нам Марию Ульянову, — потрясает пристав бумагой.

Только на секунду задумалась мать.

— Я Мария Ульянова, — отвечает она, и в голосе слышится еле скрываемая радость.

Пристав озадаченно смотрит на маленькую старушку с белой головой.

— Паспорт!

— Сию минуту. Сию минуту. — Мария Александровна выдвигает один за другим ящики комода, достает ридикюль, роется в нем.

— Ну, чего там шарить? Подавай паспорт! — торопит пристав.

— Я прошу с вдовой действительного статского советника обращаться на «вы», — строго предупреждает Мария Александровна.

Пристав поднес паспорт к лампе, внимательно его просматривает.

— Гм... да... Мария Ульянова... Восемидесятый год... Вдова действительного статского советника. Это ваша комната?

— Да, я живу в этой комнате.

— А куда ведет вторая дверь?

— Там живут посторонние, — отвечает спокойно Мария Александровна.

— Вы ссыльная Мария Ульянова? — уточняет озадаченный пристав.

— Да, я Мария Ульянова, нахожусь здесь в добровольной ссылке.

— Как бы не так — «добровольной»! — язвит пристав. — По приговору суда за революционную деятельность сослана в Вологду на три года... В «добровольной»... Вот что, госпожа Ульянова, нам с вами возиться некогда. Скажите прямо, где нелегальщину прячете? Нам все известно. И какие газеты получаете, и что с самим Лениным в переписке состоите, и что здесь, в Вологде, крамолу

сеете и являетесь руководителем социал-демократической организации. Как видите, запирательство излишне. Подавайте бумаги.

Мария Александровна идет к этажерке, набирает пачку газет, подает их приставу.

Пристав перебирает «Речь», «Русское слово» и в раздражении смахивает газеты на пол.

— Я не шутки пришел сюда шутить! Эти газеты высочайше дозволены. Давайте нелегальные.

— Вот все газеты, что я получаю.

Пристав расшвыривает сапогами газеты.

— Это все дребедень. На черта они мне! Давайте большевистские.

— Я таких газет не выписываю.

— Тогда одевайтесь, пойдете с нами.

Мария Александровна подходит к вешалке. Надевает шляпку и долго прилаживает ее, раздумывает, удалось ли дочерям уничтожить самые важные бумаги.

— Живей, живей! Грехи бы в церкви замаливала, а она фортепианы... крамолу сеет...

— Милостивый государь, — гневно говорит Мария Александровна, — вы забываетесь! Я буду жаловаться на ваше поведение генерал-губернатору, начальнику жандармского управления. Вы действуете незаконно. — Мария Александровна решительно села. — И пешком я не пойду. В мои восемьдесят лет я не могу ходить пешком.

— Живо за извозчиком! — приказывает взбешенный пристав полицейскому.

Мать перехватывает подозрительный взгляд пристава на дверь второй комнаты и садится за пианино. Играет финал сонаты. Чуть затаенная музыка издали ширится, растет. Громовые раскаты вплетаются в стройную мелодию, один сильнее другого... Руки срываются... силы сдают... И опять торжественно звучит мелодия.

— Лошади поданы, — докладывает полицейский.

— Кончайте вашу музыку, — ворчит пристав. — Поехали в тюрьму. Вы арестованы.

Мария Александровна встает.

Из комнаты выходит Анна Ильинична.

— Вы с ума сошли! Неужели вы не видите, что перед вами глубокая старушка? По какому праву? — говорит она гневно.

— Мое дело казенное, — отвечает пристав. — У меня есть предписание арестовать ссыльную Марию Ульянову и доставить ее в тюрьму.

— Как отчество Марии Ульяновой? — спрашивает Анна Ильинична.

Пристав разворачивает предписание:

— Мария Ильина...

— А перед вами Мария Александровна. Посмотрели бы паспорт.

— Смотрел, смотрел, — бормочет проштрафившийся пристав. — А где Мария Ильина Ульянова?

— Я здесь, — Мария Ильинична выходит из комнаты.

— Что же вы, сударыня, мне целый час голову морочили? — кричит пристав...

На извозчике отъезжает в сопровождении полицейского Мария Ильинична.

Вдогонку ей несется музыка. Громовые раскаты вплетаются в стройную мелодию, один сильнее другого.

Идет по темным улицам Вологды ночной сторож. Громовыми раскатами стучит его колотушка. Грозно стучит. Страшно стучит в напряженной тишине, словно хочет разогнать всех татей на земле — и тех, кто отнял у Груши мужа, и тех, кто посылает на войну молодых парней, и тех, кто отнимает у людей самое дорогое — свободу.

Призывно, гневно звучит маленькое пианино.

Ему вторит колотушка. Грозно стучит!

«ДОЛОЙ ВОЙНУ!»

Мария Александровна у себя в комнате на Широкой улице в Питере. Восемьдесят один год скоро, а не может она быть ни минуты без работы. Слабеющими пальцами вяжет, что-то шьет, присаживается за пианино и каждый день пишет письма. И по-прежнему все время ждет. Ждет, когда Аня вернется с работы, и вернется ли? Ведь она сейчас все время под угрозой ареста. Ждет писем от Маняши, которая теперь в армии, где-то под Львовом. Ждет писем от Мити — он служит военным врачом в Севастополе — и, конечно, ждет вестей от Владимира Ильича и Надежды Константиновны — теперь они в Швейцарии, отрезаны от России не только границами, но и фронтовыми линиями.

Мать всегда ждет. Мать всегда в тревоге.

У дверей раздался звонок.

Сдвоенный, громкий. Так всегда звонила Маняша. Может быть, это она?

Открыла дверь, всматривается в пришельца. Доброе, но незнакомое лицо, солдатская шинель.

— Вам кого?

— Не узнали, Мария Александровна? Роман Васильев. Ромка.

— Сразу не признала, Роман Игнатьевич. Проходите. Откуда вы?

— С каторги бежал. На фронт пробираюсь. Есть кто-нибудь из ваших?

Мария Александровна рассказывает про каждого.

— Что пишет Владимир Ильич, что делать велит?

— Много пишет. Хотите почитать?

— Если можно...

Мария Александровна прошла в комнату Анны Ильиничны, выдвинула ящик хитрого шахматного столика, принесла Роману пачку газет «Социал-демократ», брошюры.

— Вот читайте, а я пока чай приготовлю.

Роман разложил газеты и забыл обо всем на свете. Мария Александровна хлопотала у стола, поглядывала на гостя, видела, с какой жадностью он вчитывается, раздумывает.

«Сердцем читает», — подметила Мария Александровна.

Роман аккуратно сложил газеты.

— Как же это Владимир Ильич сумел все народные думы распознать, понять, что каждому человеку нужно? До чего же все просто и ясно! Вот, например, братание... Это русский солдат умеет. Как же хорошо обнять немца, а не стрелять в него! Воткнуть штык в землю, раскурить вместе одну закрутку и сказать: конец войне. Ты рабочий, и я рабочий. Нам делить нечего, драться не из-за чего. Пойдем по домам бить своих буржуев, царей и кайзеров, чтобы они не мешали нашей дружбе. Будем хозяевами своей судьбы. Хорошо!

Мария Александровна с улыбкой смотрит на Романа. Не первый раз она видит, как Владимир Ильич овладевает сердцами и умами людей. Понимает это, и сердце наполняется большой материнской радостью, гордостью.

— Володя сейчас усердно работает. Собирается писать новую книгу, об империализме. Аня ему много материалов посылает, говорит, что все эту книгу очень ждут. Много работает, — вздохнула Мария Александровна. — Но лишь был бы здоров.

— А вот моя мать зовет меня крамольником. «Ах ты, сын крамолы», — распекает она меня при каждой встрече. Я ей письмо написал. В стихах. Повидать ее не сумею. Хотите, прочитаю?

— С удовольствием послушаю, — ответила Мария Александровна.

Роман смущенно откашлялся, вынул из кармана листок и стал читать:

*Не зови меня сыном крамолы,
Моя добрая бедная мать.
Если ты сломлена произволом,
То твой сын будет волю ковать.
За страданья, за горе, за муки
Выйдут в битву тьмы наших колонн,
И, сплетая в союз братский руки,
Силой буйной разрушим мы трон.
Уж трепещут в дворцах паразиты,
Натравляя на нас разный сброд.
Все они будут нами разбиты,
И свободно вздохнет наш народ.*

*Не зови меня сыном крамолы
И не плачь обо мне, моя мать,
Мы покончим навек с произволом.
Будет солнце свободы сиять⁷.*

Роман спрятал листок в карман.

— Мать у меня добрая, хорошая, но неволя ее к земле пригнула. Всю жизнь в страхе живет, чтобы меня с работы не прогнали, чтобы в тюрьму не посадили, чтобы на войне не убили.

Мария Александровна усмехнулась:

— А вы думаете, Роман Игнатьевич, что есть такие матери на свете, которые не тревожатся за своих детей, могут спать спокойно, когда их дети в тюрьме? И нет сейчас такой солдатской матери, которая бы не просыпалась ночью в страхе...

— Это правда, — сказал, как бы раздумывая, Роман, — но моя мать никак понять не может, что мы вступили в святую борьбу с произволом.

— Поймет, Роман Игнатьевич, поймет. Владимир Ильич вместе с вами, своими единомышленниками, объявил сейчас войну войне. Войну за мир. Какая мать не благословит такой войны? Разве ваша мать не благословит вас на это?

— Я, наверно, не мог растолковать ей это, — вздохнул Роман Игнатьевич. — Будете писать Владимиру Ильичу, передайте от меня привет, скажите, что задание его я выполню. Вот только немецкого языка не знаю. Может быть, поможете, Мария Александровна?

— С удовольствием.

— Скажите, как будет по-немецки «Долой войну»?

— Нидер мит дем криг! — раздельно произнесла Мария Александровна.

Роман старательно записал русскими буквами на клочке бумаги.

— А как сказать «Долой царя и кайзера! Да здравствует социалистическая революция!»?

— Нидер мит дем цар унд кайзер! Эс лебе социалистише революцион!

— Ну, я думаю, хватит, остальное сердце подскажет.

Роман Игнатьевич с благодарностью посмотрел на Марию Александровну. Она сидела в кресле, положив руки на подлокотники. Пальцы чуть шевелились и вздрагивали, словно раздумывали, чем бы еще заняться. Трудная жизнь и преклонные годы иссушили, исчертили морщинами лицо, и только глаза не погасли. В них светились мудрость и неутолимый интерес к жизни, большая человеческая доброта и материнская ласка.

1963–1965

---

⁷ Стихи написаны старым большевиком И.В.Шуваловым.

Александр Аросев. «Недавние дни»

Очерки

I. В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ

Если войти в Московский Совет, подняться по лестнице направо, потом свернуть налево, то попадете в большую, просторную комнату. Вот именно в ней, зимой 1918 года, поздно ночью в одном углу сидела машинистка и допечатывала на "Ремингтоне" "Положение о домовых комитетах". Глаза ее слипались, но буквы, строки, странички текли из машинки нервно, торопливо, погоняя машинистку, время и друг друга. В другом углу той же комнаты, кутаясь в неряшливо наброшенную на плечи шубку, сидела т. Несмелинская, секретарь комиссара юстиции Московской области, и просматривала длинный список арестованных. Рукам было холодно. Глазам было трудно читать от множества бессонных ночей и оттого, что список был написан неграмотно.

Слышно было, как на Кремлевских башнях часы ударили без четверти три. Пробили. И звуки повисли и растеклись над непроглядно темной огромной Москвой.

Скрипнула дверь в дальнем углу комнаты и оттуда показался зеленолицый, как окисленная медь, т. Зельдич. За ним белый, как восковая свеча, совсем еще мальчик, 19-тилетний юноша, т. Бертеньев.

- А где же он мог бы поселиться? Как вы думаете? - спросил Зельдич.

- Насколько мне удалось установить чехгез тов. Андхгонникова, - Бертеньев мягко картавил, - в Замосквохгечьи. Пока это все. Более точные сведения надеюсь получить сегодня ночью.

- Так, так, - раздумывал вслух Зельдич.

Оба они только что вышли с заседания президиума исполкома, чтобы поговорить наедине о секретных делах.

Зельдич сел на стол посреди комнаты. Докурил папироску и закашлялся. Вообще он был слаб. Должно быть 3 года крепости, хотя и в Московской "Таганке", а все-таки дали себя знать. Да ему уже и стукнуло за сорок.

Бертеньев наоборот, хотя и был изнурен непрерывной революционной работой, начиная с первых дней февральской революции, тем не менее по молодости своей был бодр. Вместе со страданиями, революция ему приносила много и наслаждений, из которых первым было - подвергать себя опасности. Поэтому-то он и выполнял исключительно секретные поручения. Весь его внешний вид говорил об этом: на шее хорошим ремнем был прикреплен электрический фонарь, к отогнутому лацкану его ватной тужурки был приколот постоянный пропуск во все помещения Совета, из правого кармана торчала бомба, из левого протянулся витой шнур от маузера средней величины. Впрочем, из того же кармана торчал клочок бумаги от плитки шоколада.

- Вы сами думаете туда ехать?

- О да, - ответил Бертеньев.

- Только во время захвата надо быть очень осторожным. Особенно необходимы все бумаги, которые найдете у него.

- О да, я понимаю.

Бертеньеву очень нравилось что сорокалетний Зельдич вполне серьезно полагается на него, Бертеньева, почти мальчика.

- Не знаю, насколько точен этот снимок, - сказал Бертеньев и из грудного кармана своего френча он вынул три портрета ген. Алексеева.

В это время отворилась та дверь, через которую вошли Зельдич и Бертеньев, и сразу несколько человек, продолжая шумно спорить, ворвались в тихую, большую, залитую электричеством комнату.

- Вон он Зельдич-то, вон он, - говорили кругом.

- Вы что же удрали с президиума? - спрашивал Зельдича человек почтенного возраста, вида и в очках.

Около Зельдича и Бертеньева собрались почти все члены президиума и начался частный спор - продолжение официального, который происходил за дверью этой комнаты.

И Бертеньеву было необыкновенно приятно стоять в компании старых, заслуженных революционеров, от которых теперь содрогалась вся Россия, и толчки этого содрогания чувствовались уже во всем мире.

А внизу, под винтовой лестницей в потайной комнатке коменданта, сидел некий дылда, бывший юнкер Александровского училища, бежавший к Каледину на Дон, но потом снова вернувшийся в Москву. Для спасения своей шкуры он предложил свои услуги по раскрытию контр-революционных организаций.

Фамилия его была - Самсониевский. Он сидел один. Как будто свободен. Но за дверью по коридору ходил вернейший хранитель Совета и преданнейший своему делу революционер, рабочий Михаил Андронников. Дылда сидел и курил такие же длинные, как он сам, сигары. Пускал дым на разный манер: и кольцами, и винтом, и столбиком. Он должен был открыть местопребывание ген. Алексеева.

- А что, в самом деле, неужели Алексеев такой дурак, что приехал в Москву? - рассуждал сам с собой дылда. - Нет, не таков Алексеев.

Вскоре в эту комнатку спустился Бертеньев.

- Вы готовы? - глядя прямо в глаза юнкеру, спросил он.

- Всенепременнейше, мой милый, - ответил юнкер.

"Мерзавец, как издевается-то!" - подумал Бертеньев.

- Полугрузовичек ожидает во дворе. Двинемся, - сказал Андронников, входя в комнату вслед за Бертеньевым.

Посреди автомобиля поставили пулемет. И сели четверо: Бертеньев, дылда, Андронников и помощник последнего, бывший солдат автомобильной роты, Голубин. Двинулись к Калужской заставе.

"В капкане, - мелькнуло в голове юнкера. Он завернулся в доху и посмотрел на небо. - До чего все бессмысленно, - думал юнкер, - какой-то грузовик, какие-то люди. Я им указываю. Они мной владеют. Чего-то ищут, стараются. А мне? Что мне надо? Я люблю только сигары. Особенно "Воск" настоящий".

Бертеньев ткнул дылде в бок коробкой сигар.

- А-а. Благодарю вас, мерси, - сказал дылда. - Как вы прекрасно угадали мою слабость.

"Нат-Пинкертон, - подумал про себя Бертеньев: - Дурак!" - сейчас же ответил он сам себе, боясь поддаться опасному самовосхвалению.

По указанию дылды остановились у какого-то дома.

Потом у другого.

Потом у третьего.

- Надувает, сволочь, - сказал Андронников.

- Я бы просто пристрелил отврат такой, - ответил Голубев, пока дылда уходил во двор и разыскивал квартиру Алексеева.

Всю ночь проколесили по Замоскворечью.

К утру умаялись. Тем более, что почти все ночи на предыдущей неделе Бертеньев и Андронников гонялись по Петровскому парку, вылавливая бандитов. Попадали и под огонь. Тогда работали маузерами и пулеметом. Спали по утрам два-три часа в сутки не более, так как днем надо было с утра поверить посты в Совете и в банках. Потом отправиться в штаб округа, затем на собрание либо ответственных работников, либо на конференцию, либо пленум Совета, либо на заседание М. К. с организаторами районов и т. д. и т. д.

Вот и в этот раз приехали в Совет в 7 утра. Дылду отправили в Бутырки. Бертеньев беспрерывно

курил то папиросы, то сигары, прошел тайными и таинственными переходами и коридорчиками в свою маленькую комнатку.

Комнатка была очень маленькой. Вся белая. Посреди потолка шарообразная лампочка огромной силы света. У левой стены широкий диван, а перед ним большой письменный стол, заваленный частями револьверов, винтовок, электрических фонарей разных калибров и проч. Под кроватью был пулемет "Lues", а в углу в кожаном футляре телескоп.

Пришел сюда Бертеньев и, не раздеваясь, грохнулся как сноп на широкий диван.

В его комнату никто никогда не входил, за исключением Андронникова. Только Андронников знал все ходы и переходы, приступочки и лесенки, ведущие в комнату.

Грохнулся Бертеньев, однако заснуть не мог...

Дверь комнаты распахнулась и вошел Андронников и так же, как Бертеньев, не говоря ни слова, шлепнулся на диван рядом с ним.

И стали оба лежать и глядеть в потолок.

Андронникову тоже было не до сна. В голове шевелились все клеточки мозга. Мысли были неоформленные, бессловесные, но они были, были. Их ясно чувствовал всем существом своим Андронников. Мысли были чудные, большие, а в голове вертелись все какие-то обыкновенные слова: "С этой дылкой еще раз поедем и если не найдет, надо - к стенке". Нет, не то было у него на уме. "Взять бы и щелкнуть Каледина со стороны Миллерово. Там киевские броневики должны быть". И опять не то, не то было в самых мыслях. Шевелилась каждая клеточка мозга и не давала спать, и все думалось где-то там внутри, далеко о великом, большом, чему не подыщешь слов на человеческом языке.

- Эх, дураки мы, - сказал вдруг со вздохом Андронников.

- Почему вы так настроены? - отозвался Бертеньев.

- Да как же, ты подумай: вместо того чтобы запереть по казармам офицеров и юнкеров, мы их, понимаете, на Дон пустили. Черт-те што.

Андронников сплюнул.

А Бертеньев подумал: "Может быть глупо, а может быть нет. Все зависит, по какому направлению пойдет равнодействующая двух столкнувшихся под прямым углом линий". Во всяком случае, раз это вышло так, а не иначе, то Бертеньеву казалось, что это именно так и нужно.

- Может быть, это лучше, - сказал он, - иначе они могли бы взорвать нас изнутри.

- Положим, изнутри-то им было бы труднее, - растянул Андронников с некоторым довольствием в голосе.

- А вот ведь мы изнутри все это совершили.

- Эх, сказал! - Андронников даже соскочил с дивана. - Сварил же у тебя котелок. Да ведь мы идем из самого естества, из корня, из земли. Растем можно сказать; ну, и распираем, значит, этот строй, который над нами. А они что? Гниль, дрянь. У них так уже на лбах написано: конец и крышка. Ихний мир все одно кончился. Да брат... Дай-ка закурить. Вон уже и светать начинает...

Бертеньев немного озяб. Поэтому ему не хотелось вынимать руки из рукавов своей ватной куртки.

- Будьте добры, Андронников, запустите сами вашу лапу в пхгавый боковой кахгман.

Андронников закурил. Посмотрел в мутный синий свет, что застилало окно.

- Нет, дураки мы, что ни говори, - опять начал Андронников, - на что староверы - у нас на квартире они живут - и то говорят, что опростоволосились мы малость. Теперь с этой калединщиной, может, больше году промаемся. Черт-те што!

Бертеньев как-раз в это время стал погружаться в приятную предрассветную дремоту. Держа руки в рукавах тужурки сложенными на груди, он согрелся.

"Им пришел конец, - проносилось в голове Бертеньева, - откуда Андронников это знает?.. Андронников стоит у окна... Должно быть поздно... Рассветает".

И вдруг в ушах Бертеньева стал вертеться напев мелодекламации:

Мой последний менюэт.

А в большие окна зала

Пробивается рассвет.

Это было давно-давно на выпуске в военном училище, когда Бертеньева выпускали в прапорщики. Артист Максимов так хорошо, так вдохновенно говорил:

Мой последний менуэт.
А в большие окна зала
Пробивается рассвет.

Это было перед самой революцией. Тогда был последний менуэт того дворянства, у которого на лбу написано: "конец и крышка", которого Андронников называет "гниль" и "дрянь".

Мой последний менуэт.
А в большие окна зала
Пробивается рассвет.

Может быть, тогда был последний менуэт и для его сферической тригонометрии... С этим и уснул Бертеньев, крепко, без снов.

Андронников, бледный, весь пропитанный табаком и потом, смешанным запахом просырелого белья и одежды, сидел у окна, докуривал папиросу и дремал, тыкаясь в подоконник. Дремал, но не мог заснуть. Какая-то работа в мозгу мешала.

Вдруг вскочил Бертеньев внезапно, весь как-то передернувшись.
- Ах, да, я и забыл. Вы знаете товахгищ Андхгонников, ведь сегодня в Колонном зале съезд Советов будет Ильич. И совсем ведь забыл, чехгт возьми.

Из окна уже всю комнату заливал белый свет зимнего утра, а в потолке все еще ярким светом пылал электрический стеклянный шар.

Стук в дверь.
"Войдите!"

И в комнату вошел Зельдич. Как тень, бесшумно.

- Папиросы есть? - спросил он.

- Voila, - ответил Бертеньев, подавая коробку.

- Ну, что же вы думаете делать с этим калединским шпиком? (речь шла о юнкере, с которым накануне путешествовали по Замоскворечью).

- У меня на него надежд больше, у т. Андхгонникова меньше.

- Сволочь определенная, - сказал Андронников, прилаживая взвод к магазинной коробке маленького револьвера системы "Clement".

- По моему тоже шарлатан.

- Если вы в этом убеждены, - сказал Бертеньев, - давайте покончим с ним, если колеблетесь - необходимо сделать все, чтоб окончательно убедиться.

- Мы послали через Киев предложение, установить военной разведкой там или здесь ген.

Алексеев, - отклонился от прямого ответа тов. Зельдич.

- До каких же пор!? - возмущался Андронников.

II. ФАДДЕИЧ

Андронников происходил из семьи, которая могла бы быть многочисленной, если бы многие братья его и сестры не умирали еще в младенчестве. В живых, кроме него, был только брат и сестра - брат моложе его, а сестра постарше, года на три.

Отец и мать не особенно сожалели об ушедших из жизни малютках.

- Обстоятельства к тому ведут, что никак невозможно распространяться нашему брату, - говаривал отец - низенький старикашка с сизым носом и свинцовыми глазами.

Это признание у него вырывалось в беседе с приятелями, когда он сидел с ними у себя за столом, перебирая закорузлыми пальцами по краешку клетчатой красной скатерти, замызганной и протертой до дыр.

- Обстоятельства к тому ведут... - повторял он.

И все его приятели сочувственно кивали головами.

А Миша Андронников, девятилетний мальчик, прозябший и продрогший на улице, забивался в угол широкой деревянной кровати, поджимал под себя ноги и думал:

"Обстоятельства... обстоятельства... и всегда-то эти обстоятельства. Разбил бы я морду этим обстоятельствам".

Особенно не нравилось Мише то, что отец именно так смиренно барабанит по столу. Не понимал этого Миша. А что не понимал, то не нравилось ему. Отец его был человек кроткий, но если сердился, то всегда буйно и громко.

Не выносил Миша отцовской смиренности. И может быть отчасти поэтому сам он с кем мог, например, со своим маленьким братом, поступал весьма сурово.

Отец Миши работал тогда на Обуховском заводе и жил с семьей в так называемых "карточных домах", где имел комнату и кухню.

С 12-ти лет Миша стал обучаться слесарному делу. Науку эту он больше всего превосходил затылком, так как за каждый промах получал от "старшого" "затрещину". Старшой Васюкин особенно хорошо приспособил к этому делу свою ладонь. И так "трескал", что у Миши сразу загорались оба уха, в голове начинало шуметь гу-гу-гу, а перед глазами мелькали искры, словно снежинки в безветряную погоду.

Так понемногу Андронников подрос и стал юношей. Белокурый. Сероглазый.

Миша никогда не ходил в школу, поэтому грамоте учился от товарищей, по заборным росписям, по вывескам, по надписям на спичечных коробках и по отрывному календарю.

Однажды, будучи уже 17-ти лет, Миша прочитал книжечку, купленную им самим на ларе около "Скорбящей". Книжечка была так себе, и называлась "Пан Твардовский". Купить и прочитать эту книжечку надоумил его некий Фаддеич. Это был странный человек. Не то умный, не то дурак. Может быть, то и другое - вместе. Он был одноглазый, так как один глаз, будучи проколот во время работы острой стальной соринкой, - вытек. Всегда носил Фаддеич синеватые очки, перевязанные через затылок грязной бечевкой. Волосы у него на голове были рыжие и прямые, как мочало. Кроме того был грязен. Зимой и летом ходил в одних опорках на босу-ногу.

Он казался Мише ученым человеком. Еще бы. Ведь он издевался над иконами и попами. И имущества никакого не имел, если не считать одного маленького сундучка, наполненного бог весть какими книжками. Жил Фаддеич как птица небесная, беззаботно и на пропитание промышлял различными медицинскими советами и заговорами от зубной боли. За это все бабы в Обухове звали его "целителем Пантелеймоном", а мужчины - "мошенником".

Был и "грешок" за Фаддеичем: он пил, много пил, но зато пьян никогда не бывал. - "И окаянная-то его не берет", - говорили про Фаддеича соседи.

Семьи не было у Фаддеича.

Может быть, отчасти поэтому, он любил Мишу Андронникова.

Выучил даже его писать. И пили они вместе. Подвыпив, Фаддеич больше всего "радел о вере", т.-е. старался разрушить в Мише всякую веру.

Однако это мало задевало Андронникова. И не потому, чтоб он был верующий. Такие вопросы, как вера или безверие, стояли просто вне его духовной жизни, по ту сторону его души.

Миша все больше и больше задумывался совсем о другом.

- Скажи ты мне, "профессор кислых щей", - так тоже иногда называли Фаддеича, - на кого это я тружусь? Ведь сколько за день этого железа переведешь? Какие приспособления всякие разные в работе употребишь? И все - куда-то плывет. А куда? Я не знаю. Может, ты знаешь, на кого я работаю, стараюсь? А?

- Глуп ты, как гусиный хлуп, оттого и стараешься. И все вы такие. Ну, к чему ломаете руки? Ведь все, что вы, дураки, - тысячи вас, а может и миллионы, - сработаете, а какой-нибудь Чорт Иванович прячет это в свой склад, а там, глядишь, какому-нибудь немцу отдает, а немец, тот уж прямо акции в банк переводит. Твой Чорт Иванович буреет, а ты как сукин сын ходишь, возле заводских заборов да напрашиваешься: нет ли у вас вакансии; мне-де охота больно шею вашему степенству подставить, поезжайте на мне верхом, пожалуйста.

- Как же так, "Кривуля", ты говоришь? Нешто не надо работать? Коли мы перестанем работать,

что же будет? Пустыня, а не жизнь. Ни тебе выделки какой, ни постройки... Что же это?

- Вот, вот оно самое как раз это и нужно. Все, значит, с землей сравнять. Тут и придет карачун панам, купцам, фабрикантам, помещикам и прочим гадам, и начнем мы тогда свое, другое... Начнем все делать по-братски, без насилия.

- Нет, Кривуля, а что, если о ту пору нам самим карачун придет?

- Нам? Вовсе нет. Нам ничего не надо, ни домов, ни городов. А хлеба кусок всякий добрый дядя на селе даст. Сейчас мы значит к мужику и стукнемся. С ним вместе и начнем новое устройство. Братство тогда на земле и будет. Братство, понимаешь? Это не то что равенство, это на градус повыше его. Братство!

- А завод как же? Обуховский?

- Да на кой он нам кляп, этот заводище? Машинное капище, больше нет ничего. Срыть его, и на том месте капусту насадить.

Интересно было это слушать Андронникову. Одно только было не по душе, что Фаддеич завод хочет срыть. Ведь сколько в нем кирпича, железа, машин, сколько в нем сил и пота и самого Андронникова и его отца, и многих, многих других. Сколько жизней это стоит. И вдруг срыть! Нет, ни за что. Какой-то там Чорт Иванович акции получает и от прибыли буреет, да завод-то тут при чем? В заводе пот, труд и кровь рабочих! Вот кабы выручить этот завод из рук Чорт Ивановичей!

И эти мысли глубоко запали в голову Миши Андронникова.

По-прежнему он встречался с Фаддеичем в пивнушках, по-прежнему Фаддеич наставлял Андронникова на счет того, что не надо работать, а следует, наоборот, все привести в запустение, но Андронников уже не подчинялся этому направлению мысли. Он слушал Фаддеича только потому, что его рассуждения были для Андронникова как бы наждачным камешком, на котором Миша оттачивал свои собственные мысли, идущие поперек рассуждений Фаддеича.

"Профессор кислых щей" начинал это понимать. Огорчался от этого. Андронников замечал, как все части лица Фаддеича будто опускаются, оно делается скорбным и вместе с тем старческим и мелким. Один глаз под синим стеклом очков начинает часто, часто мигать как догорающая свеча. И рыжая борода Фаддеича, словно второе лицо его, но уже совсем безглазое, отворачивается в сторону, в сторону.

Чем дальше шли их беседы, тем все больше и больше Андронников понимал, что Фаддеич прав в одном: жизнь должна перемениться. Но как? Вот тут-то и ковал Андронников свою собственную мысль. Жизнь надо изменить не отказом от работы, а чем-то другим. Чем же? Вероятно, мощным напором всех слесарей, столяров, смазчиков - словом, всех рабочих завода. Мощным напором за овладение заводами. Вот чего Андронников никогда не говорил Фаддеичу, бережно храня от него свои мысли в себе.

Но Фаддеича не даром звали и "профессором", и "целителем", и даже "мошенником"... Фаддеич, бывало, смотрит, смотрит на Андронникова одним глазом, да как моргнет им, будто скажет: "а я, брат, все понял, не таись".

Побаивался этого взгляда Андронников, а почему и сам не знал. Фаддеич же все чаще и чаще впивался своим единственным зрачком сразу в оба глаза Михаила. От этого взгляда Михаил сжимался и упорно таил свою зреющую мысль, как сокровище. Но именно - поэтому-то Андронников и нуждался в беседах с Фаддеичем. Он говорит, а Миша в уме своем возражает ему, заостряя свою мысль.

Однажды в чайной какой-то босоногий пострел, юркнув между столами, сунул Андронникову отпечатанный листочек. Наверху была надпись: "Товарищи"... внизу - Петербургский комитет Р. С. Д. Р. П., а еще наверху, сбоку "пролетарии всех стран, соединяйтесь".

- Прячь, прячь, не читай здесь, - шепнул Андронникову сосед, рабочий высокого роста с красивыми черными усами.

- А что? - возразил и спросил Андронников.

- А то! За такие бумажки возьмут тебя, раба Божьего, архангелы-то, да на казенный хлеб.

- Не боюсь я этого.

Однако, листок свернул и спрятал.

- Ты в каком цехе? - спросил Андронникова сосед, приятный человек, помакивая в чашку куском сахара и потягивая грязноватую горячую влагу.

Андронников ответил.

- Вот коли ты "этого" не боишься, приходи в наш цех. К нам оратор будет из города.

Стал Андронников бывать на собраниях, где говорили ораторы. Жизнь как то по особенному закрутилась. Появились невиданные раньше люди. Говорили много непонятного, но все такое, что брало за сердце. Теперь "Кривуля" мерк в представлении Андронникова с каждым днем. Андронников перед собой увидел многих рабочих, которые думали так-же, как он. И увлекся мало-по-малу Миша этой работой, таинственной, вечерней, серьезной, всепоглощающей.

В то время Мише было 19 лет. И хотя в нем временами поднимала бунт молодая кровь, но он не увлекался "любовными делами". Они казались ему делами несерьезными, несовместимыми с тем большим, что захватывало все его чувства и помыслы.

Однажды утром в воротах завода Андронников встретил Фаддеича.

- Куда шествуешь, сын мой потерянный? - спросил Фаддеич.

- На бал, танцевать иду.

- Попляши, пропляши за фрезерным станочком. Да... Слышал?

- Что?

- А то, что завтра ко дворцу народ собирается. Насчет перемены режима, Царя-батюшку умаливать будут.

- Слышал. Только мы не идем.

- Кто это вы?

- Группа наша. Нешто не слышал? Группа социал-демократов.

- Э-х, вона ты куда попал. То-то и Фаддеич стал ненужен.

И один глаз "Кривули" заморгал, а из другого, - из засохшей дыры, - скользнула слеза. И борода его, как второе лицо только без глаз, отвернулась и пошла в сторону, в сторону.

- Кабы не на работу спешить, обсказал бы я тебе все как следует про нашу программу, - сказал Андронников. - Но только не ходи ты, Кривуля, на площадь к царю. Чем к нему ходить, лучше послать этого царя... знаешь куда?

- Молод ты, сынок, молод. И думаешь, что я этого не знаю. Па-а-нимаем. И не за этим я пойду на площадь, а затем, чтобы, знаешь, этак хоть из-за углушку посмотреть, как народ "дурака валять" будет. Где народ там и я. Потому люблю народное замешательство.

Вглянул на него Андронников и только тут заметил, что рыжие усы и борода Фаддеича начали сесть частыми, белыми, прямыми сединами. "Стар человек", - подумал про себя Андронников.

- Торопись. На работу торопись. Ну, прощай, прощай. Эх, чтой то из вас выйдет, из молодых, - сказал Фаддеич.

- Не ходи, Кривуля, к царю! Если пойдешь, какой же ты после этого анархист. Просто беспартийная орава. Не ходи, Фаддеич. Стыдно рабочему человеку к царю шляться. Прощай, понимать это надо.

- Па-анимаем, сынок мой, все понимаем.

Фаддеич моргнул одним глазом, словно подмигнул и, шлепая калишками на босу ногу по деревянному тротуару, скрылся в январском утреннем тумане.

С тех пор Андронников не видал Фаддеича до 1911 года, когда он встретился с ним в Пермской тюрьме, через которую Андронников шел уже во вторую ссылку, в Архангельскую губернию, а Фаддеич шел в Вологду на суд, где должны были судить раскольничью секту бегунов, к которой примкнул уже седеющий Фаддеич и жил с ними в Сибири.

Фаддеич сгорбился и осунулся. Его единственный глаз был похож на глаз пойманного орла. Гневный зрачок, полный пламенной ненависти, яркий, черный, блестящий миллионами искр не смотрел, а впивался своим острием и беспокоил. Ах, как беспокоил этот глаз! А другой, - дыра засохшая, - весь изжелтел, иссох. И видно, та слезинка что скользнула из этой дырки тогда, когда он встретился с Андронниковым у завода, была последней.

И лицо не лицо стало, а камень, на котором жаркие лучи солнца, ветры буйные, холодные, ночи бессонные, беспокойные, дни тюремные, тусклые, тусклые высекали морщину за морщиной. От этой каменности лица глаз слепой - дыра засохшая - походил на ласточкино гнездо в скале. Борода и усы его только едва-едва показывали свой огненный блеск из-под ледяной седины.

- Помнишь, я тебе сказал: посмотрим, что выйдет у вас, молодых? Вот и вышло. Тебя, как и меня волокут. Тебя на ссылку, меня на суд. Значит, и твоя программа и моя - лопнули. Я ходил к

царю, ты не ходил, а он, стерва, все равно оказался победителем. Да. И вот - как пошли это нашему брату, рабочему и всякому бродящему и вольному люду, банки ставить, так и ушел я в Сибирь. С неким Парфеном встретился, с бегуном. К нему пристал. Он и крестил меня во бегунах.

"Стар человек", - мелькнуло в голове Андронникова, пока он слушал.

- Бежал ты к бегунам? Ну, что ж? Может, твое дело таковское, а мы на своем будем стоять по-прежнему. Не мы - так може опосля нас, а все-таки забьют капиталу в затылок осинового кол.

- Посмотрим. Единожды уж посмотрели, - опять подмигнул одним глазом бегун. И огонек зрачка его в каменном лице был похож на огонь, зажегшийся в сухой нагорной пещере.

Перед Фаддеичем, дряхлым, поседевшим, разочарованным, бросившимся в объятия сектантства, Андронников чувствовал себя мощным, крепким, словно вылитым из чугуна, напряженным, как металл белого каления. Теперь уж не тот Андронников, что читал "Пана Твардовского" - безусый, сердитый на все, что непонятно. Теперь он член партии, социал-демократ, левого крыла (большевиков), знающий, что ему надо. Правда, что в глазах его, в этих радужных жилках была невысказанная грусть, зато черные, острые зрачки горели смелостью. Подбородок его опушился бородкой, белокурой. На висках легкие белые кудри, как стружки. Ростом тоже вытянулся. В его открытом русском виде было что-то повелительное. Не даром его приятельница эс-эрка Палина прозвала его Иван-Царевич.

Такой уверенный и крепкий Андронников немного раздражал бегуна, который куда-то шел да не дошел, а этот крепыш, молодой, белый, сероглазый, кто его знает, может и дойдет.

Всю ночь спорили они шопотом, лежа на тюремных нарах.

На утро надзиратель громко выкрикнул:

- Фаддеев, собирайся со всем барахлом в контору.

Значит, по этапу отправка.

Ни единым мускулом не подернулось каменное лицо Фаддеича. Но и в чугуно-крепком теле Андронникова "не сдала" ни одна жилка. Руки друг другу пожали спокойно.

Фаддеич взметнул арестантский мешок на свою сгорбленную спину. Отвернулся. Что-то махнул рукавом по лицу, наверное подумал, что выпала из засохшей дыры слеза. Но она не выпала. И, шлепая растоптанными лаптями по асфальтовому полу, вышел из камеры.

С тех пор не видал Андронников Фаддеича. Но образ бегуна запечатлелся в его голове.

И странно: когда Андронников был уже в ссылке и встретил там свою старую знакомую эс-эрку Настасью Палину, она показалась ему похожей на Фаддеича. Похожа, но неизвестно чем. У Настасьи Палиной лицо было простое, русское, бесцветное до скуки, чуть-чуть скуластое, чуть-чуть пушок на верхней губе и немного раскосые глаза.

Не в этих ли раскосых глазах было что-то похожее на одноглазие Фаддеича? Может быть. Особенно когда Настасья думает... Жутковато даже: один глаз ее смотрит на него, на Андронникова, а другой в сторону, куда-то в угол комнаты и, может быть, в самую истину, которую видит она одна.

"Где-то теперь Палина?" - часто вспоминал Андронников после революции.

Велика земля русская, долго ли в ней затеряться!

III. ПАТРИОТЫ

По Советской площади от Камергерского переулочка спешила Настасья Палина. Широкая, размашистая.

Изящные ботинки стягивали ее сильные пружинистые ноги. Шубка драная и выцветшая. Нескладная, должно быть, с чужого плеча. На голове капор голубой, мохнатый. Без перчаток. От холода руки в рукава. Лицо совсем серое, землистое и раскосые глаза, от бессонницы покрасневшие.

Усталая голова ни о чем не могла думать, а губы твердили одно и то же: "Арбат, пройдя церковь, направо второй дом; Арбат, пройдя церковь, направо второй дом".

Ей надо было это запомнить, поэтому надо было повторять, а так как надо было повторять, то

ей казалось, будто у нее не голова, а какой-то ящичек, поставленный на шее и в нем вертится барабанчик с надписью: "Арбат, пройдя церковь, направо"...

Из правого кармана Насти виднелся томик стихотворений ее любимого автора Бодлера "Цветы зла".

Дошла до памятника Пушкина.

"А может быть за мной следят", - подумала и оглянулась. Села на скамейку, чтоб взглядеться в окружающих. Кажется, никого подозрительного нет.

Взглянула на Пушкина. Подумала: "спокойный был век, сочный, наполненный". Вот и надпись на пьедестале:

И слава обо мне пройдет все племена земные,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.

Пушкин был уверен в этом. Для уверенности нужна спокойная душа. Для спокойной души - устойчивый век. "А мы мечемся", подумала Настя и пошла дальше.

У Никитских ворот на Настю пустыми глазами смотрели два разрушенных в октябрьские дни дома.

И вдруг у Насти какое-то смутное чувство стыда подступило к сердцу. С чего бы это? Лицо все густо, густо покраснело. Вероятно, просто нервность. Ах, это тревожное время. Ну, что особенного в этих домах? Просто на этом самом месте стреляли друг в друга, с одной стороны помещик - барин - офицер, с другой крестьянин - мужик - солдат, т.-е. то, что Насте было известно под именем "народ". И ведь всегда казалось Насте, что ей нравится бороться "за народ", который она так же любила, как раньше, в детстве медное распятие над изголовьем своей кровати и вечерами - тихий, красноватый, мигающий свет лампы. Ее отец - суровый чиновник при губернаторах московских - был набожный человек.

И нравилось ей бороться за народ так же, как стоять великопостную службу, особенно, когда поют на клиросе: "Се жених грядет в полунощи". А теперь и креста-то на ней нет. Да к чему же он и горячая вера в него, когда есть еще более горячая борьба "за народ". "Народ" это то, во имя чего надо страдать, что заполняет душу, жизни дает и свет, и цель, и точку опоры, а глазам открывает правду.

Вспомнила Настя, как однажды она сидела с террористом Резниковым - 19-ти-летним мальчиком в Петербурге на Дворцовой набережной у Невы. Была ночь. На редкость прозрачное, звездное небо манило к себе взоры людей. "Звездочки", - сказал сентиментально Петя Резников. - "Куски металла, облака газа и волны жидкости, вот вам и звездочки", - ответила Настя, которая иногда подтрунивала над сентиментальностью Пети. "Может быть, ваша правда, - ответил Петя. Вздохнул и каким-то внутренним голосом добавил: - Где же, где же ты звездочка - правда?"

Вспомнила это Настя. Посмотрела на небо: серые, немного сизые облака. Плывут куда-то. А по земле по тротуарам несутся прохожие. Где же ты, правда? Не в этих ли разрушенных домах? Если так, то зачем же она не была тут с ними, с этими мужиками, рыжими, черными, рябыми, корявыми, у которых детские глаза и которые тут вот падали, подстреленные, обливающиеся кровью. Да. Она не была тут. Не была потому, что этот "народ", как дети, потянулся к новой жизни. К новой просветленной жизни. Но - нет сомнения - обманулись мужики. Они ведь лежачие, они дети. Они хотели лучшего, но вот пришли к ним большевики и лучшее обратили в худшее. Свободу подменили дисциплиной - "кровь и железо"!!! - Равенство превратили в самовластие сотни своих главарей. А братство? Да, братство. Оно недавно переехало из Петербурга в Москву и называется Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем. Конечно, промахнулись мужики. А все-таки они боролись, и их враг был подлинный настоящий враг, помещик, барин, офицер. И над ним солдат, мужик-крестьянин одержал действительную победу. Может быть, эта победа и есть настоящая, народная, правильная. Нет, нет, не может быть: - эта победа - ложь. А правда то, что ищет Настя и другие, многие. И краска стыда исчезла с лица Насти.

"Арбат, пройдя церковь направо, второй дом"...

Ошибся народ. Он - дети.

Но "глас народа - глас божий". Опять колебания. Да, правда, но если есть Бог, то есть и другая

сила! Дьявол. И дьявол временами бывает сильнее Бога. И снова успокоилась Настя.

Прошла половину Арбата, прошла церковь, свернула направо и очутилась у парадного крыльца, забитого досками. Она нажала кнопку. За дверью тотчас же послышался удар, довольно большого, колокола. Дверь слегка приоткрылась и в щель высунулся длинный, тонкий нос белобрысого юнца с фуражкой кадетского корпуса на голове.

- Простите, - сказала Настя, - здесь живет Исидор Константинович Самсониевский?

- Н не... не знаю, - запинаясь, ответил юнец, - минутку погодите, узнаю у швейцара.

И опять захлопнул дверь.

Слышно было, как там разговаривали, советовались. Потом открыли дверь.

Перед Настей стоял все тот же белобрысый юноша в кадетской фуражке, швейцар-старик с дрожащими руками, слезящимися глазами и вынюхивающим носом и председательница домкома - молодящаяся старушка с буро-седыми волосами, которые она раньше красила, и пропитанная вся запахом жженого кофе.

- У нас не живет Самсониевский, - говорил швейцар, - вот посмотрите домовую книгу.

- А кто он такой? - спросила председательница, кутаясь в пуховый платок.

"Должно быть, это все те, что стреляли в мужиков, это те, что рады каждой капле пролитой солдатской крови. Так неужели в большевиках правда?" - подумала Настя.

И все три персонажа, стоящие передней, показались ей отвратительными. С каким бы удовольствием она посмотрела сейчас на их трусливо-искривленные лица, еслиб могла сказать: "Я агент Ч. К., я вас арестую".

- Видите ли, - начала Настя. - Самсониевский - это генерал. Сюда он переехал недавно. Может быть, он у вас еще не записан. Раньше он жил на Старо-Конюшенной, но его дети и вся семья уехали на юг, а он переехал сюда в квартиру бывшего фабриканта, фабриканта, фамилия его как-то на "К". Вы не бойтесь, я очень хорошая знакомая генерала. Мы знакомы "домами", мой отец был чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе.

- Совершенно справедливо. Так точно-с. Хе-хе-хе. Как же я раньше не догадался, - залебезил швейцар. - Их превосходительство, генерал Самсониевский живут у Копыловых.

- Ах, генерал... Это - который недавно... - воскликнула сверхбальзаковская дама, не зная, в сущности, что недавно, кто недавно, просто так, чтоб сотрясти воздух.

- Пожалуйста, я вас могу проводить к Копыловым, - предложил белобрысый кадет, который во все время разговора вихлялся, как на шарнирах.

- Здравствуйте, Исидор Константинович, - сказала Настя, здороваясь с генералом, низеньким старичком, со скорбно отвисшей нижней губой, и в засаленном мундире.

Генерал жил в маленькой коморке, которая за эти несколько дней пропиталась запахом махорки и керосина. Старичек жил на остатки сбережений, аккуратно рассчитывая каждую копейку, сам себе готовил на примусе обед, состоявший из картошки и луку, никакими услугами своих квартирных хозяев он пользоваться не желал. Исидор Константинович еще с детства страдал идеей независимости, которая временами снедала его как болезнь. Еще в школе его заветной мечтой было сделаться "никем", в крайнем случае устроить в лесу пчельник. За такие "идеи" отец его бил и выводил в люди, что называется "за уши". Но так как Исидор Константинович отбил от настоящего образования, то его пришлось пустить по "военной карьере".

- Как? Какими судьбами вы попали сюда? Как вы нашли меня?

Генерал был не столько рад, сколько удивлен. Он знал Настю, как революционерку, которая побывала в тюрьме и далекой Архангельской ссылке. И вот теперь, странно, когда революция победила и все, кто раньше боролся за нее, должны быть у власти, теперь она приходит к нему, к забитому, к побежденному, к генералу.

- Садитесь, - и генерал гордо, чисто генеральским жестом предложил ей сесть.

В это время в каморку, приотворив дверь, заглянули поочередно две озорных физиономии: мальчишка Володька и его сестра Нюра - дети фабриканта Копылова. Оба жевали шоколад. Заглянули в дверь.

- Хе-хе-хе.

- Хи-хи-хи.

И две пары резвых ног поспешно убежали в дальние комнаты. Генерал только передернул

плечом. Очевидно, дети его постоянно дразнили.

- Я слышала, ваши уехали, - сказала Настя.

- Извините меня, - сказал генерал, заморгал глазами и отвалился на спинку складного деревянного кресла, искренно обрадовавшийся тому, что им заинтересовались и что теперь он может сказать все, все, что таким грузом почти полгода лежало на сердце. - Это вопрос слишком серьезный. Но... но они, теперь могу сказать прямо и резко, дураки. Форменные, квадратные дураки!

Семья генерала состояла из его жены и трех сыновей, гимназист, реалист и студент, последнее время бывший юнкером. Он был самый высокий, самый ленивый и самый грубый. Все трое, во главе с матушкой, наговорив отцу кучу дерзостей, забрав все бриллианты и золото, уехали в Анапу.

- А вы остались? - спросила Настя, глядя на облезшую стену за головой генерала и думая больше о том, с чего бы начать свой разговор.

- Как видеть изволите. И очень просто почему. Вскоре после восстания в нашей квартире был обыск. Пришли солдаты, такие brave. С ними в рваном пальто, должно быть, рабочий. Кепка как блин на голове. В руке наган держит, как пойманную рыбу. А солдаты - мужики, такие крепкие, здоровые. Один белый с синими глазами, даже застенчивый. - Вы извините - кричит, генерал. Раньше вы действительно были генерал, а теперь потеснитесь вон в тот чуланчик, сортирчик, значит - простите, но "слово из песни не выкинешь". - "Да, а мы кричит, пока что у вас пошарим, нет ли уружия какого". Славные такие ребята. Один, который во время обыска охранял меня в "чуланчике", оперся подбородком на дуло винтовки, как на метлу. "Да что ты, говорю, братец, этак застрелишься". - "Как же, - отвечает он, - стреляться-то? Она без патрон". Как вам нравится? У них даже винтовки не заряжены. Вы знаете, я всегда держался той мысли, что русский солдат не может идти на плохое дело. Там, где наш русский солдат - там дело правое и верное. Я ведь знаю русского солдата. С ним и ел, и пил, и спал. В китайских, в японских походах погибал в горах и песках. Русский солдат. Этот тот, который с Суворовым Альпы перешел, который Наполеону Бородино устроил. Он? Нет, никогда он не пойдет на авантюру. У русского солдата крест на груди и в груди. Что же, думаю, такое? Что стряслось с ним и со всей Москвой? Почему она сотряслась? Не мог успокоиться. Мучился этими вопросами. Отправился в библиотеку. Отыскал какую-то книжонку. "История французской революции". Два раза прочитал ее. И - кончено: понял, все понял. Сразу. У нас то же самое, то же, то же самое. Значит революцию опровергать нельзя. Ее надо принять целиком. Она будет так же, как у французов... Разве только конец...

- Ах, Исидор Константинович. Да ведь у французов она кончилась победой буржуазии.

- Что? Ну, я, конечно, не искушен в политике... А только, знаете ли... Чего плохого-то в буржуазии?

Настя поняла, что он, действительно, слишком далек от политики. И кроме того поняла, что он одинок, безумно одинок, а потому словоохотлив и, вследствие этого, у него не слова следуют за мыслью, а мысль плетется, прихрамывая за словами.

Опять приотворилась дверь, опять высунулись в дверь Володька и Нюрка, запели:

Генерал, генерал,
Пташечка, кинареечка
Жалобно поешь...

и убежали.

Генерал подскочил к двери.

- Мерзавцы!! - прошипел он. - Без присмотра растут, как скотина. Купеческое отродье.

- Исидор Константинович. Не волнуйтесь. Я сейчас сама пойду, переговорю с их родителями.

- Целую ручки. Низко кланяюсь. Спасибо. Но - оставьте, не надо. Я боюсь. Я бы сам давно... Но, знаете, донесут еще на меня, что я контр-революционер. Разве это трудно. Тем более ведь я генерал...

- Ага... lettres de cacher? А разве французская революция знала это? Вот видите. Похожа ли наша революция на французскую?

Глаза Насти совсем разошлись в разные стороны.

Генерал смотрел ей в переносицу и вдруг подумал: "Царевна Софья". Но тут же возразил себе: "Нет, Софья была не косяя".

- Как? - удивленно спросил генерал, стараясь понять суть ее вопроса. - Разве вы, вы революционерка, не верите в нашу революцию?

- Верю, - твердо и серьезно ответила Настя.

Генерал обрадовался такому ответу, ибо всякий другой ему был бы менее понятен и взволновал бы его.

- Ну, то-то же, то-то же. А я было-подумал...

- Оставим это, - перебила его Настя. - Я пришла ведь к вам, собственно, по делу. Разрешите мне оставить у вас некоторые бумаги, письма моей матери и прочее. Я уезжаю из Москвы далеко, далеко. Для одного дела. Мало ли что может случиться. Если разрешаете, я вам сегодня вечером занесу...

"Ох, какая косяя", - подумал про нее генерал.

"До чего люди в старости глупеют", - думала Настя, глядя прямо в недоумевающее лицо генерала.

- Пожалуйста. Господи, какой тут может быть разговор. Только... имейте в виду, у меня теперь остались только два друга: независимость и спокойствие. Если ваши бумаги лишат меня их... Вы понимаете?

- Даю вам честное слово.

- Ну, ну, ну. Хорошо. Ладно. Несите ваши бумаги.

Ах, как хотелось бы генералу теперь узнать, куда едет Настя, зачем. Проклятая деликатность не дает возможности спросить.

Настя размашистым жестом поцеловала генерала в лоб.

- До свиданья.

- Жалко, жалко... Так скоро, - генералу было от души жалко расстаться с Настей. - А то бы... Я бы угостил. Правда, одна только картошка, да и то вчерашняя... Ну, морковного чайку можно было бы...

Настя потуже повязала чепец и вышла из комнаты, сопровождаемая генералом.

Проходя через столовую фабриканта Копылова, Настя застала все семейство за завтраком. На стол только что были поставлены дышащие паром и маслом котлеты. Володька и Нюра доедали куриный бульон. Сами хозяева с салфетками на грудях и с лоснящимся румянцем на щеках только что приготовились вкушать.

- Так по вашему солдат всегда прав? - спросила Настя уже в передней.

- Где русский солдат - там дух свят.

- А чем кончится наша революция? Вы давеча заикнулись...

- Кончится, милая моя, монархией.

Сказал он это, а Насте словно пахнуло в лицо запахом могилы и меди - вместе. Запах этот шел от засаленного его мундира и медных пуговиц на нем.

- Но только, - сказал совсем тихо генерал, приотворяя парадную дверь, - но только не царской, а народной.

И седоватые кудряшки на висках генерала показались Насте рожками дьявола.

Едва она захлопнула дверь, как до ее слуха донеслось:

Генерал, генерал,
Пташечка, кинареечка
Жалобно поешь.

И Настя подумала: "Почему же духовной пищей этих детей сделалось издевательство?"

IV. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Кого там они взяли на автомобиле, у почтамта? Видал? - спрашивал Голубин, стоявший с отрядом по Мясницкой, у солдата, бегущего с той стороны.

- Кого-то из наших, из большевиков. Не разобрал хорошенько, но кажется т. Смидовича... С ним еще был кто-то.

Солдаты небольшого отряда жались к высоким домам по Мясницкой, изредка высылая разведчиков. В отряде был и Андронников. Посмотрев долго и пристально вдоль Мясницкой, он командовал:

- Приготовляй винтовки, ребята! Вон; вон там у третьей тумбочки они ставят пулемет.
- Тра-та та-та, - ружейный и пулеметный огонь затрещал со стороны отряда Андронникова.
- Тра-та, та-та-та, - ответили только ружейным огнем с той стороны.
- Цепями, бегом! - командовал Андронников.

В его отряде был один старый солдат, который подумал: "Чорт знает что! И командовать-то не умеет! Ну, да все одно: поняли. Бежим вперед!".

Выпустив все патроны, старый солдат залег за тумбочку и быстрым опытным движением руки вставил новую обойму.

- Тра-та-та-та, - трещали ружья со всех сторон.
- Вжик-вжик-вжик, - то справа, то слева мимо ушей свистели пули.
- Това!.. - хотел крикнуть старый солдат, высунувшись из-за тумбочки. Но не закончил: опять нырнул головой за тумбочку и ударился в нее лбом, присевши на коленях, словно делая земной поклон.

Так и остался он тут коленапреклоненный, упершийся головой в тумбочку у самой земли. Минуты три шел пар от крови и спина солдата - широкая, мужицкая - судорожно вздрагивала. А потом кровь стала багроветь и холодеть. Тело же успокоилось, застывши в земном поклоне.

- Стой, товарищи, не стреляй! Бросай винтовки! - кричал Андронников к тем, которые стреляли с враждебной стороны.

- Сам не стреляй, бросай винтовки! - отвечали с той стороны люди, отступающие вдоль стены переулка и волочащие за собой пулемет.

Андронников и те, кто были с ним, подбежав почти вплотную к своим врагам, крикнули:

- Стой, ни с места! - и все держали винтовки (Андронников впрочем, маузер), направленные против людей, волочивших пулемет.
- Какого чорта в своих стреляете, - говорил Андронников сдавшимся, - тоже солдаты! Отправить всех их в Александровское, на Арбат.
- У нас тут раненый есть, - робко сказал молодой рыжий паренек из сдавшихся.
- Вы эс-эры? - спросил Голубин.
- Мы из отрядов Попова. Ничего не знаем мы, как командовали, так и вышли. А что и к чему - не знаем.

- Халуй! Что ты врешь-то!? - гаркнул на рыжего парня пожилой солдат с большой бородой лопатой и очень грустными голубиными глазами. Из-под солдатской фуражки виднелось правильное деревенское кружало. - Не слушай его, товарищи. Мы все эс-эры и знаем, зачем и куда шли. Мы за Советскую власть только, значит, за свободные советы. И еще мы не согласны немецкому кайзеру руки давать, как он нас на фронте бил. А мы за Советскую власть, за самую советскую, только значит, чтобы не одни коммунисты при ней были.

- Эх ты! Зипун с бородой! Мало, видать, каши ел, коли так рассуждаешь, - выступил Голубин. - Ну, да что тут! Кровь проливаете только! Голова с соломой. Давай, стройсь! Ведем их, товарищи, в Александровское!..

Рыжий паренек дрожал, как в лихорадке. Все сдавшиеся выстроились и пошли под конвоем, во главе которого был Голубин, Андронников и еще трое остались, чтобы найти раненого.

Около угла солдат с благообразной бородой и печальными глазами оглянулся и крикнул Андронникову.

- Эй ты, коммунист! А на счет крови не думай на нас. Чай мы и сдались-то, чтоб друг дружку не бить!

Вдалеке ударило: - Ууххх!

Это лево-эс-эровская трехдюймовка открыла огонь по Кремлю.

- Где тут у вас раненый, - сказал Андронников, поднявшись на третий этаж в квартиру.

- Вы коммунисты? Комиссары? - вместо ответа спросила еще в прихожей молодая женщина, у которой глаза в темноте прихожей блестели, но не одинаковым блеском: один ярким, другой тусклым. И голос ее было-показался знакомым Андронникову.

- Вы кто? - спросил он.

- Вы за мной или за раненым?

Между тем Андронников, трое красноармейцев и женщина вошли направо в большую буржуазную гостиную. Искося и украдкой Андронников взглянул на незнакомку. Что-то знакомое в ее лице... Легкие морщинки около глаз, немного вытянувшийся подбородок должно быть от голода - это чужое на этом лице. А вот немного калмыцкие скулы, прямые волосы назад, крутой лоб - это то самое знакомое, давнишнее.

Женщина заявила, что сейчас позовет хозяйку и двинулась к выходу.

- Не надо, - поспешил Андронников и резко выпрямившись, загородил ей дорогу.

Взглянули друг другу в глаза. А глаза-то у нее раскосые, один смотрит ему в левый глаз, а другой, наполненный тайной и страхом, вперил свой взор в угол комнаты. Но в обоих спокойные блестящие зрачки.

Узнал, узнал он ее. Встречал и в Петербурге, а потом по Архангельской ссылке!.. Зимние длинные ночи... Русские споры обо всем и ни о чем; от споров чувство бесплодности на душе. Дружили они. Играли в шахматы. У нее же Андронников стал обучаться немецкому языку и математике. Учился по-своему, не считаясь с математическими "условностями". Так, например, при решении сложных задач, когда Палина его спрашивала: - "Ну, как же, Михаил Дмитриевич, что сначала надо узнать". - Андронников вынимал поспешно карандаш из-за уха и говорил, тыкая пальцем в цифры: - "Вот это, значит, складать, а эти две тыщи отбавлять и разбивать на сто". - Палина не успевала сообразить, как уже ответ был найден.

Но не всегда близкое сидение с Палиной способствовало решению математических задач. Кровь ударяла в виски Андронникову. Он захлопывал задачник. - "Не задача, а сволочь" - и начинал мерять комнату смазными сапогами. Палина тоже начинала страшно косить глаз на черную пасть русской печки и быстрыми движениями пальцев переламывала спичку за спичкой. А тусклая жестяная лампа освещала их розовеющие лица. Но... приходил кто-нибудь из ссыльных и напряжение разряжалось.

Однако надо же было раз случиться такому вечеру, когда долго никто не приходил. Андронников, прошагав по комнате вдруг, как вихрь, сбросил книги со стола, чуть не уронил лампу и обнял Палину. А Палина откинула голову назад, глаза ее закрились бесовским озорством, и она перед его горящим взглядом и красными губами показала ему язык. Вырвалась, села на лавку, еще раз показала язык и беззвучно смеялась каждой чертой своего лица, каждой складкой платья и обоими раскосыми глазами. Андронников бросился еще раз. Повторилось то же самое. Палина оказалась сильной, как зверь и ловкой, как ведьма. Ни тот, ни другая не могли проронить ни слова, боясь по инстинкту нарушить возбуждающее молчание, эту игру нервов, эту жестокую животную борьбу. Голова Андронникова горела, казалось, вот-вот волосы вспыхнут. И черная пасть русской печки посреди избы пробуждала в душе что-то древнее - звериное, родовое. Печь была давно истоплена, в ней потухли угли и из открытой черноты несло жаром очага. Андронников еще раз схватил Палину и дышал, как в лихорадке. Раскосая и немного растрепанная Палина опять показала язык и вырвалась так, что ее волосы разлетелись толстыми прядями с затылка по спине и плечам. "Ведьма", - мелькнуло в разгоряченном мозгу Андронникова.

- А ну, как сядет на помело, да в печь, да в трубу... И страх объял его. Но не страшный страх, а сладкий. Его словно вышибло из времени и он почувствовал себя черным язычником. Бревенчатые стены избы зашпакованные кошмою, русская печка, пышащая теплом повеяли чем-то кровным, материнским, вековечно родным. И сладкий страх и страшная сладость перемешались в сердце в одну страсть к раскосой Палиной. Ему показалось, что один глаз ее отликает красноватым, другой лиловым светом, а в обоих одно и то же: глубокое затаенное озорство. Такое же скрыто у Фаддеича в его единственном глазу.

Вой собаки послышался за дверью. Чьи-то шаги по кривым, скрипучим ступеням крыльца. Дверь открылась и с берданкой за плечом вошел ссыльный, а с ним собака; возбужденная, виляющая и глаза налиты кровью.

Вошедший сказал:

- Где-то тут недалеко от вашего дома бродит забежавший волк.

- Вот прелесть, - обрадовалась Настя и уставилась в окно, загородившись руками от света лампы. - Не он ли это, посмотрите.

И все трое уставились в окно. Действительно, немного поодаль от избы у снежного сугроба запорошенной бани смиренно сидел волк и поводил острой мордой, нюхая воздух.

- Эх, царапну его, - сказал вошедший.

- Пойдемте все на лыжах, - сказал Андронников.

И через полчаса все трое были далеко за селом, в снежном океане. Волк, конечно, убежал. И тот, у кого была берданка, пошел искать его.

На горизонте всходил поздний бледный полумесяц. Настя и Андронников стояли друг против друга. Чувство страсти ушло куда-то вглубь, но между ними родилось какое-то особенное, философское настроение.

- Вы социал-демократ, - сказала Настя, - потому что думаете, что на земле можно достичь удовлетворения, а я - революционерка, мне вся история человечества доказывает, что ничего положительного, будь то социализм, коммунизм, коллективизм, анархизм или что-нибудь еще - достичь нельзя. На земле может быть только приятное или неприятное.

Приятное - это революционная борьба, иногда победа, иногда - поражение, но всегда напряжение, а неприятное - это стряпать обеды, вовремя вставать и ложиться спать, лечить зубы и хвалиться честностью - и никакого напряжения.

Андронников ответил ей:

- Вы сами, вы, Настасья Палина, не нуждаетесь в социализме, - оттого такое ваше рассуждение.

Полумесяц почти спрятался за холмом и был похож на высунутый язык, а на другом конце неба северное сияние заплесало бриллиантами. Легкие, блестящие звездочки-снежинки облипали Палиной оленью шапку с длинными ушами и ее дугообразные брови, глаза-же ее стальные-серые смотрели в разные стороны, но в обоих где-то далеко, далеко было все еще скрыто большое серьезное озорство.

Андронников в валенках "с мушками", в коротком ватном пиджаке и папахе смотрел ей в упор и думал: "Зачем они, эти, такие живут? Для чего? Статуя литая, а подошел, пощелкал, ан и видно, что внутри-то пусто".

Долго так они стояли, спаянные морозом, северным сиянием и северным молчанием, смутно осязаемой странной безысходностью каких-то вопросов и желаний. А озорство, как душевная мука, глядело из глаз Насти. И стукнулась тогда в голову Андронникова неразрешенная загадка: "уж не враг ли это передо мной".

Так это было давно и так сразу всколыхнулось в душе Андронникова именно сейчас.

И сейчас Андронников нашел разгадку своей загадки: "Да, это враг передо мной". Такие, как Палина, не заблудшие братья, которых можно вернуть, а подлинные, неистовые враги.

- Вы эс-эрка, - сказал Андронников, - вы, если не ошибаюсь, были в ссылке в Кемском уезде...

- Мы настолько хорошо друг друга узнали, что нам не о чем разговаривать, - ответила Настя и села на диван.

Андронников нашел раненого, допросил, вызвал машину, через 1/4 часа на хорошем "пирсе" к дому подъехал Бертенев. Он был радостный и раздуманный от ветра и борьбы, как всегда с тонкой папиросой между тонких красивых пальцев; на груди электрический фонарик и бинокль Цейса, справа маузер, слева кольт.

Раненого и эсэ-рку Палину увезли в Александровское училище.

Всю эту ночь Андронников и Зельдич допрашивали арестованных левых эс-эров.

Среди допрашиваемых был и благообразный мужик с бородой лопатой и грустными глазами, арестованный на Мясницкой, который тихо, но настойчиво доказывал, что советы должны быть свободными и что нельзя допускать к власти одних только коммунистов.

Когда же ему во время допроса между прочим сообщили, что их вожди: Камков, Попов и др. бежали, мужик отвечал: "Вольному - воля, спасенному - рай", а если сумел, то и "винта нарезать"*1. Раз советы, должна быть свобода, ну, никак не пресс и не по скуле, а что вожди бежали, до этого мне никакого касательства нет: они сами собой, я - сам по себе.

Долго он говорил, волновался и стоял на своем. Никакой в нем не было злобы, а тихое

упорство во имя защиты взлелеянной в его сердце идеи свободы.

Под утро, часу в девятом, Андронников и Зельдич, как подкошенные, вытянулись на своих креслах, там же, где допрашивали, и заснули, засвистав в четыре ноздри.

А во дворе, в помещении арестованных, находилась вместе с другими эсэрами Настасья Палина.

"Мы - герои, - думала она, - а они - толпа. Произошел конфликт, трещина между героями и толпой. Мы - герои, должны спасти толпу, которая не ведает, что творит.

V. СОЛДАТЫ

Андронников, как член М. К., почти не вылезал из митингов и заседаний. А Бертеньев все глубже и глубже уходил в работу В. Ч. К. Андронников из Московского Совета переселился на Рождественский бульвар в дом, занятый рабочими Городского района, по преимуществу печатниками. А Бертеньев переселился на Лубянку 11 в одну из самых отдаленных и потайных комнат, которая сразу же заставилась ящичками, коробочками с патронами, с частями автоматических револьверов, японскими карабинами, винтовками и т. п.

Однако это не мешало Андронникову считать Бертеньева своим другом, и наоборот. Тем более эта дружба не могла быть поверяема даже в беседах. Некогда было беседовать ни тому ни другому.

Раз во дни наступления чехо-словаков они встретились на заседании ответственных работников в Белом Зале Московского Совета.

Андронникова вызвали в N полк, как представителя М. К. В полку делалось что-то неладное.

- Едем вместе, у меня машина есть, - предложил Бертеньев.

И поехали.

Сидя в машине, Бертеньев начал:

- Вчера на рассвете по этой же дороге везли мы на грузовике Щегловитова, Хвостова, Восторгова и этого дылду-юнкера Самсониевского. Щегловитов нервничал больше всех. Все спрашивал, куда его везут. Хвостов молчал и был похож на "тесто" из Синей Птицы. - Словом, каждый из них вел себя по своему. Восторгова я приказал пустить первым... Готово... Из двух ноганов...

---

*1 "Винта нарезать" значит "бежать" по тюремному.

Андронников плохо слушал и думал про N полк и военного комиссара Резникова, бывшего с.-р., который теперь, должно-быть, там и, вероятно, не успокаивает, а только мутит. "Жалко, я Муралова не прихватил с собою".

- Щегловитов упал на колени. Позорно так.

Бертеньев бросил за борт автомобиля потухшую папиросу и закурил другую.

- Заплакал даже. "Не я виноват в военно-полевых судах и казнях, не я". И особенно просил дать ему рассказать о деле Бейлиса, в котором также, по его утверждению, не он виноват. Престранный фрукт...

Кто-то из наших, не дожидаясь моего приказания, ему в спину... Готово... Ну, а Хвостов попросил закурить, встал к дереву и умолял в самое сердце, даже сам палец приставил к груди, указывая куда надо, чтобы без промаха... Готово...

- Больно уж вы там долго возились, - с отвращением сказал Андронников. - Такую дрянь надо бы сразу, залпом...

- Вы не знаете, иначе этого никак нельзя, - сказал Бертеньев, напирая на каждое слово, будто он что-то знал такое, чего не могут знать другие.

- А юнкера-дылду тоже. К нему подошел я. Он думал, что я хочу ему что-то сказать и слегка оскалил зубы улыбкой, а я ему прямо в центр лба... Готово... Ни одного движения больше.

- Канительщики вы, - ответил Андронников.

Автомобиль фыркнул, словно с устатку, прекращая свой бег у большого красивого подъезда больших казарм.

В просторном, пропитанном сыростью клубе, стоял невообразимый шум и гам многих голосов, из-за которых едва слышался с трибуны надорванный почти дискант Резникова.

Румяное, разгоревшееся лицо его, никогда не проходящая улыбка на лице, полубараньи, полудетские глаза, визгливый голос - способны были скорее возбуждать, чем успокаивать солдатскую полуголодную и полураздетую массу.

- Сапоги выдай, а потом и пой.

- Ладно, слышали. А ты поди-ко постой в карауле в одной гимнастерке.

- Ишь, ты, "товарищи", "товарищи", и как скоро эти слова лопотать научились.

Гремели с разных сторон.

А Резников, один из военных комиссаров Москвы, давно уже прокричал голос и говорил писком, да еще с каким-то подсвистом.

Продираясь сквозь толпу солдат, Андронников слышал, как надрывался Резников:

- Дело в том-то и есть, товарищи, что контр-революция, субсидируемая буржуазными правительствами Англии и Франции, хочет сжать нас железным кольцом и захватить плодороднейшие места на Волге, вынуждает нас напрячь все силы, чтобы сломить голову этой реакции, и тогда мы без всякого сомнения поднимем производительность на наших фабриках и заводах, поможем крестьянину провести социализацию земли и таким образом вследствие этого наладим правильное распределение среди всего населения и в первую голову среди частей создаваемой нами новой невиданной миром во всеобщей мировой истории всего мира Красной армии.

- Сапоги давай. Полно брехать.

- Слышали это, слышали.

- Все хорошо, только хлеба нету-ти.

Опять гремели неугомонные голоса.

Увидав Андронникова, Резников сразу и обрадовался и смутился. Раскраснелся еще больше, а язык, пострел, сам, как заведенный волчок, крутился, продолжая речь:

-... и вот надо быть выдержанными и дисциплинированными...

- "Выдержанными"... То-то вы картошку выдерживаете, пока не загниет...

- Нешто без хлеба бывает дисциплина?

Резников был уже не в силах продолжать.

От неудачи, от длинной речи, он дышал, словно раздувал десять самоваров. И все-таки расцветал румянцем и улыбался, и глаза, по всегдашнему, были ясны и уши горели, как у мальчишки, которому их "отодрали". Очень, очень не хотелось ему, чтобы именно сейчас видели его Андронников и Бертенев... Стыдно было ему, когда-то смелому эс-эру, террористу, за свою неудачу. Стыдно было ему и перед самим собою за то, что народ, который он любил, за который он боролся и страдал, оказался таким неблагодарным. Вон он, многоголовый, рычит, как вепрь, и полон гнева...

Встал председатель, безусый, безбородый и беспартийный солдат с лицом скопца и с родинкой на подбородке, из которой торчали три длинных волоса.

- Товарищи, товарищи. Сейчас слово будет представителю от Московского Комитета большевиков. Но прежде, чем дать слово следующему оратору, прошу вас, товарищи, быть вообще организованными. Кто что имеет, какое мнение, или что - выходи сюда и скажи, нечего галдеть. Эй, вы, там, товарищи у окна, вам говорят не галдите. А сейчас товарищ обскажет нам все дело в продовольственном смысле.

Андронников не особенно громко, но твердо начал:

- Скажу вам просто, товарищи, что насчет обмундирования и продовольствия вы правы. Хлеба и всего прочего у нас нет. Нет у нас - и нечего вам дать. Что же выходит? Предположим, что мы бы вас распустили по домам, так разве от это прибавился бы в стране хоть один сапог? Вы говорите хлеба. Да ведь вы сами крестьяне, ну-ка, потряхни головой каждый из вас, подвозят ли мужички хлеб к ссыпным пунктам, как полагается?.. А где везут, есть ли вагоны, чтобы доставить к центру?

Андронников забрасывал собрание вопросами и сам же на них отвечал. И мало-по-малу перешел на прямые упреки собранию, даже напал на крикунов. Так как Андронников со вчерашнего дня ничего не ел, то голос его был особенно звонкий и отчетливый.

Бертенев и Резников сидели в глубине сцены. Бертенев до особой, садической слабости

любил созерцать человеческую глупость, особенно, когда она яркая, неприкрытая, не глупость, а дурость, поэтому он с жадностью наблюдал Резникова, ожидая момента, нельзя ли вцепиться в его дурость каким-нибудь замечанием или вопросом.

- Как вы думаете, - спросил он наконец Резникова, - что выйдет из этой истории? - и указал на кочковатое поле солдатских голов.

- Чорт ее знает. Во всяком случае ухо надо держать востро.

- А мне, кажется, ерунда.

- Наверное. Чорт ее знает. Вероятно, ерунда.

Бертеньев слегка закусил губу, и на левой щеке его засверкала ямочка смеха.

Между тем Андронников уже при полной тишине собравшихся рисовал картину хозяйственной безвыходности до тех пор, пока на советскую Россию будут нападать и пока красноармейцы вместо единодушной безоговорочной поддержки - будут галдеть.

- Мы большевики-коммунисты ставку делаем всегда на массы. Пусть масса скажет, что надо. Если нужна другая власть, - пожалуйста сюда и говорите на-чистую: "Долой - дескать - Советскую власть".

И остановился. Солдатские головы закачались, как от ветра, и лица бородатые стали мрачнее туч...

- Да мы не насчет власти, а насчет сапог... - заговорили слегка солдаты.

- Мы не против Советской власти...

- Вестимо Советскую надо... Зачем нам буржуев?... Довольно...

- А ежели Советскую власть надо, - подхватил Андронников, - так поддерживать ее надо, жизнь за нее отдавать надо, а не галдеть совсем напротив...

И опять пошел засыпать упреками.

Андронников вставил в оправу своих простых слов все недовольство солдатской массы, взял это недовольство, приподнял, показал всем, объединил всех и, объединивши, как опытный кормчий, повернул это недовольство в другую сторону, в сторону врагов революции. Он доказал, что разрешение всех тяжелых вопросов лежит в победоносном окончании гражданской войны.

Резников возражал, а Андронников направлял.

- Пишите, пишите скорее резолюцию, - толкнул Бертеньев Резникова в бок, раскрывая одновременно перед ним портсигар с тонкими желтыми папиросами.

- Ах, да, совершенно верно.

Резников достал свою "полевую книжку" и начал:

- Принимая во внимание... - задумался.

- Не так, это шаблонно, - шептал Бертеньев, сверкая бесовской улыбкой. И ямка на левой щеке, - пишите иначе: "Заслушав доклад военного комиссара... т. Резникова..." это обязательно надо, по крайней мере, завтра увидите себя в "Правде" на задней странице.

- Ну, хорошо, только тогда так: "Заслушав доклад военного комиссара, т. Резникова, и содоклад т. Андронникова, мы...

- У вас почерк плохой, - заметил Бертеньев, - давайте, я буду писать, а вы диктуйте.

И Бертеньев своим классически спокойным, красивым почерком стал нанизывать букву на букву, словно бусу на бусу в старо-русском ожерельи.

Едва Бертеньев и Резников закончили резолюцию, как Андронников своим звонким голосом, бросив в сердца солдат бодрость и уверенность, закончил:

- Да здравствует Советская власть! Смерть Колчаку и эс-эрам и всем наушникам и спекулянтам.

На сцену вынырнул черномазый и грязный солдат высокого роста с руками длинными, болтавшимися как две мохнатые лопаты, и протрубил, как иерихонская труба:

- Долой контр-революцию, генералов.

Правую лопату-руку он сжал в кулак и воздел вверх.

- Долой. Ур-ра, - гаркнули красноармейцы, словно камни ломали в горах.

- Товарищи, - начал председатель с бабьим лицом и волосатой родинкой у подбородка, - товарищи, военный комиссар т. Резников сейчас прочитает нам резолюцию от имени всего собрания.

Резников прочитал:

- Кто "за"? - лес рук.

- Кто "против"? - никого.
  - Воздержавшиеся есть? - Кто-то сзади поднял руку, но, увидав, что больше никто не поднимает, быстро спровадил свою руку обратно в гущу толпы.
  - Принято единогласно, - заключил председатель.
- В этот день Андронников опоздал уже на совещание в Белом Зале.

VI. БЕРТЕНЬЕВ

Самсониевский был потрясен своим арестом. В "Бутырках" он просидел недель пять или шесть. Но даже спустя много времени после освобождения не мог понять, что послужило основанием к его аресту. Если б обвиняли в спекуляции - было бы еще понятно, так как его могли видеть на Смоленском рынке в старых генеральских калошах с разрезами для шпор и в широкой генеральской накидке, ходившего и продававшего серебряный позолоченый портсигар, брюки, сапоги и еще что-то. Раз даже продал последние две золотые монетки. Но что же делать, ведь для жизни необходимо пропустить через кишки и желудок хлеб, картошку, морковь и т. п. Кроме того генерал любил через нос и легкие пропускать табачный дымок. Все это требовало выносить на Смоленский всевозможные вещи.

Однако, нет: не в спекуляции обвиняли его в Че-Ка, а в политическом заговоре, в сношениях с баронессой Де-Пот и генералом Алексеевым и в посылке офицеров на Дон к Каледину.

На допросе Самсониевский недоумевал и негодовал.

- Помилуйте, - говорил он, - Каледина я лично знаю. Это мой личный злейший враг. Еще в Академии мы с ним разошлись. Я считаю его авантюристом. Спросите у Брусилова, он знает о наших отношениях.

Самсониевского допрашивал Бертенев.

Глядя на седенького сморщенного генерала своими серыми от бессонной мути глазами, Бертенев думал: "А что, испугать мне этого генерала или нет? Можно изрядно испугать: стоит только сказать ему, что он предан в Че-Ка своим собственным сыном юнкером-дылды. Сказать разве? Как-то забегают морщины на его сморщенном лице!"

Красный багровеющий закат пробивался узкой полоской через дома Лубянки в окно комнаты Бертеньева. Косой багровый луч, как меч, перерезал синее сукно стола, перегибался и падал в угол, где на полу стояла эмалированная плиточка с надписью: "Страховое общество "Якорь". Она обратно откидывала багровый свет и краснела, томилась своей ненужностью здесь... И может быть, от этого и от сидящего генерала, глядевшего напряженным взглядом, Бертеневу стало скучно. От скуки он, не переставая, курил тонкие песочного цвета папиросы.

- Да, - думал он, борясь со стихийно наседающим сном, - да, а ведь можно и обрадовать генерала, если ему сообщить, что вчера состоялось постановление коллегии о его освобождении.

А стихийный сон мягкой доброй лапой хлопывал Бертеньева по затылку, и багровые сумерки превращались в серые.

- Интересно, - думал Бертенев, - как будет радоваться это лицо, если сообщить ему об освобождении.

Чтобы не дать сомкнуться стопудовым векам, Бертенев перевел глаза на планочку: Страховое общество "Якорь" и вспомнил, как еще во времена Керенщины в Белом Зале Московского Совета русские социалисты (кроме большевиков) принимали английских и французских гостей. Один из французов, Кашэн, в своей речи сказал: - Вот вы, русские, совершили грандиозную революцию, а посмотрите вон, прямо, справа, над головами президиума в этом здании висит еще икона. - Нет, нет, - решил Бертенев, - непременно прикажу убрать эту дощечку.

Самсониевский сидел, как пригвожденный к стулу, и курил папиросы, которыми его усердно и совершенно механически снабжал Бертенев.

- А вот, между прочим, - думал Бертенев, - стоит мне сказать этому генералу, что его сын третьего дня застрелен нами за ложное предательство его, своего отца, и генерал от ужаса выронит папиросу изо-рта.

- Скажите-ка, вот что, гражданин Самсониевский, - начал Бертенев, - вы знаете что-нибудь из

Гоголя... наизусть?

- То-есть как. - Никак нет. - Ничего, а впрочем к чему?

- Э, плохо ваше дело, если не знаете.

- Виноват, дайте припомнить... Знаю. Конечно, знаю. Вот это: "прошу, пане, сказал Собакевич, наступая гостью на ногу".

- Неверно. Неверно. Неверно, - равнодушно повторил Бертеньев. - Там сказано вот как: "Увидев гостя, он сказал отрывисто "прошу" и повел его во внутренние жилья".

Бертеньев знал наизусть чуть ли не всего Гоголя.

Самсониевский смутился, и папироска дрожала в его волосатых дряблых пальцах.

- Больше ничего, - сказал Бертеньев, - подождите меня здесь.

Потом отворил то, что генерал считал шкафом - это была потайная дверь в соседнюю комнату - вошел в этот "шкаф", захлопнув его за собою.

В комнате было совсем почти темно. Явился спокойный с грустным лицом латыш и вручил Самсониевскому бумагу о его освобождении.

И вот теперь прошло после этого почти два месяца, а генерал, засыпая всякий раз, твердил себе это место из Гоголя. Даже днем, когда вздремнет в складном деревянном кресле, утопая в табачном дыму, губы его шамкают:

- "Увидев гостя, он сказал отрывисто "прошу" и повел его во внутренние жилья".

Задремав так однажды, генерал был разбужен.

- Простите, Исидор Константинович, - говорил фабрикант Копылов, вежливо прижимая свою пухлую ладонь к плечу генерала. - Не беспокойтесь. Позвольте вас познакомить с Карл Ивановичем Брэнгэн, бывший владелец фабрики N.

И Брэнгэн, высокий, тонкий черный человек с очень ясными стеклышками пенснэ у глаз, тоже вежливо дугообразно полупоклонился.

- Видите ли в чем дело - начал Копылов, по коммерческой манере своей не любивший терять ни минуты. - Вы знаете, что вместе с господином Брэнгэном мы были пайщиками акционерного общества N, которому, между прочим, принадлежит завод в Калужской губернии. Теперь, как вам известно, я работаю в советском "распределителе" N 12, а Карл Иванович управляет упомянутым мною заводом в Калужской губернии, ныне национализированном. Но так как вы сами знаете, что этот режим... Вы понимаете меня... То вот я и хотел бы предложить вам продать нам тот участок вашей земли, который граничит с участком, принадлежащим заводу.

- Позвольте, земля-то теперь не моя.

- Пустяки, мы считаем ее вашей.

Карл Иванович и Копылов сели на скрипучую кровать генерала. Они знали, что генерал разорен и революцией, и своей собственной семьей. Значит, ему нужны деньги.

- Мы вам гарантируем. Ведь это только для вас новость, а мы, коммерсанты, Боже мой, да если бы вы знали сколько мы подобных сделок заключили. Что вы! - Пустяки.

Копылов указательным и большим пальцем разводил по своим белым усам и острой бороде, а Карл Иванович, как жердь, торчащая из воды, сидел неподвижно, перебирая в своем уме различные суммы, которые можно было бы предложить генералу.

Самсониевский силился понять, что это значит, и никак не мог: с одной стороны, такая сделка - вещь вполне возможная, нормальная, устоявшаяся в веках, с другой стороны - режим. Режим. - Да. Но если у нас, как у французов, то и режим пройдет, как головная боль. Вернется семья. Но нет, жену он к себе не пустит. Никогда, ни за что. А вот детки... Приедут, нужно будет то, да се. Неизвестно что будет. Между тем перед ним два сытых господина - у них такие порядочные лица - предлагают деньги, еще и царские. И, собственно, справедливо за землю. А Че-Ка? Ведь он недавно оттуда. Нет, не надо соглашаться. Хотя ведь предъявило же ему Че-Ка совершенно нелепое обвинение в каком-то политическом заговоре, да еще в близости к Каледину. Видимо Че-Ка само плохо знает...

- Чего же тут? Надо согласиться.

И согласился, для деток. Если детки живы, здоровы, приедут, их надо пригреть...

На другой день условились итти к нотариусу.

А пока что наступала непроглядная зимняя ночь.

Оставшись один, генерал стал варить картошку на плохом примусе, который то вспыхивал синей звездой, то подмигивал красноватыми языками.

Окно слегка дребезжало под напором морозного ветра. Чем дальше земля отворачивалась от солнца, тем смелее становился ветер. Он, как странник беспутевый, перебирал костяшками-пальцами по стеклу, просясь к покою...

К ночи вихрь стал завывать, как стая волков. И все настойчивее стучал - просился к теплу, к печке.

Играли снежные бураны. Крутились в пляске, несясь с сине-белых просторах полей. Метелица металась по дорогам; у стен и заборов заметала холодно-снежный пух; в слепом ночном просторе вдруг упиралась в дыру, щель, разбитое стекло, в трубу на крыше, в подъезд сквозной со сводами могилы и там, задушенная визжала, выла, хрипела, охала, стонала, как яга...

Генерал откушал картошку.

А за окном, за домом, за улицей, по полям вокруг Москвы снежный буран-бурелом метался, как миллионы слепых во тьме.

Генерал плотнее занавесил окно, облокотился о раму и слушал, стараясь понять и снег, и ветер. Вот так и она, революция со штыками: не знает ничего, а ломает - думалось в мозгу. - А где-то сейчас, в эту ночь мои детки?

У генерала забурлило в животе от недоваренной картошки. И собственный живот показался ему мешком, набитым картошкой. К чему это все? - подумалось ему. - К чему питаться. Все, как река течет и ни к чему. Вот он дожил до 60 лет. А к чему? Кому это нужно? Богу? Чорту? Людям? Да ведь Бог, чорт, люди - это он сам. Да. А к чему он самому себе? К тому, чтобы вечерами слушать царпанье надоедливой крысы или временами, как теперь, прислушиваться, как воет метелица-ведьма? Нет, он и сам себе не нужен. Разве вот тревоугодие? Теперь вся жизнь превратилась в тревоугодие: только и думай, чем бы набить чрево. Пустое это... тревоугодие, да и брюхо тоже пустое. Все пустое, ненужное никому, а главное самому себе. Может деткам нужно... Детки. Они уехали, покинули его. Все увезли с собой.

Раньше это не волновало. Но вот сейчас... только сейчас. Этой мятежной и метельной ночью сердце, локти, колени, все существо его почуяло, что совершилось что-то большое.

Сначала было: генерал, прочная семья, тишина и все на месте. Было определенное положение, обеды, ужины, и вдруг - маленькая каморка, красноватый свет грязной лампочки, какими освещались раньше уличные ватер-клозеты, картошка, картошка, картошка, тяжелая, как комья грязи, и - один, никого...

А ветер вокруг Москвы по широким полям зачерпал своими вихрями голоса волчьих стай, волочил их в снежных волнах по улицам Москвы и затыкал ими все щели окон, стен и дымовых труб, обвивал фонари и милиционеров на углах снежными космами и плясал вокруг них, повторяя волчьи песни.

Один генерал. Такое большое, бесповоротное в своей великости произошло с ним. Но он не сразу постиг значение этого именно потому, что это произошло тогда, когда кругом, всюду происходило все большое и внезапное. И все происходившее было велико, выше роста человеческой жизни.

А ветер закоченевшими костяшками пальцами стучал и шарил по стеклу. Как коршун-лиходей искал добычи, долбя своим клювом стекло.

- Видно только фабрикантам пригодился, - подумал про себя генерал. - И то, чтоб как из выжатого, выброшенного лимона выжать последний сок: за деньги оттянуть землицу, которую и без того отняли. Для верности дела петля с двух сторон. А детки? Хоть бы старшего повидать. Юнкер ведь мой милый, блестящий юнкер. Юнкер и - всегда сигары курил. Чудак такой. Ростом чуть не до потолка, а как ребенок.

Генерал отдернул засаленную занавеску. Черное стекло, а за ним малые белые пушинки-снежинки кружились по стеклу и умирали, падая на раму.

"Восстанет сын на отца и отец на сына", - не то снежинки шелестели, не то губы генерала самовольно это шептали.

Никогда генерал не верил в привидения. Раз только испугался, будучи мальчиком, лет 9-ти, в большом доме отца, в деревне. Няня ему рассказала, что каждый день около 12-ти часов ночи к соседке, дом которой виден в окно, прилетает ее муж, удавившийся год тому назад. Он прилетает

по воздуху, в виде темного шара и опускается в трубу. А как пробьет 12 часов, так он снова вылетает из трубы и уносится "на тот свет". Вот раз мальчик - Иринчик, теперешний генерал, караулил у окна, когда полетит привидение. Напряженно-сверкающими глазками впился в черное стекло. Издалека приближалась гроза и мигала небесным огнем-молнией. Долго, напряженно смотрел мальчик в окно. Все не видно было шара. А как пробило 12 часов, так вдруг из трубы соседки поднялся шар темный и легкий, как есть согнутая спина человека. Поднялся и так легко, легко улетел по воздуху. На другой день отец объяснил мальчику: "Пустяки, - это начинающийся перед грозой ветер поднял с крыши пыль". И все-таки, где-то глубоко в душе мальчика отложилось впечатление о шаре темном. И вот сейчас всплыло.

Шар - привидение или взмет пыли. Но ведь было видно, что шар темный поднялся с дома соседки.

Генерал зрачками, горящими, как уголья впился в темноту, вихрастую снежными вихрями.

Шар. Что это? Несомненно он, шар. В правом четырехугольнике окна ясно обозначился шар темный. Генерал задернул штору. Потом опять отдернул. Шар темный в правом четырехугольнике окна.

Генерал опять задернул штору, и левая рука его стала шарить часы на столе. - "Нет ли уже 12-ти часов, - подумал он. - Нет, нет, зачем часы?.. Неужели я верю..."

И опять открыл штору.

Шар темный, как луна, ясно обозначался в правом четырехугольнике окна. А может быть это луна? Да где же там, в такой метели? Шар - луна... как есть лицо.

Генерала ударило в мелкую дрожь, как лешего перед могильным крестом. И вдруг на один миг, короткий, мгновенный, как вечность, миг, никогда невозвратимый, генерал увидал в окне, что шар этот - не шар, а луна. Луна же сама не луна, а лик. Человеческое лицо. Лицо его старшего сына. Темное, землистое и вместо глаз два пятнышка, как две кровинки.

Генерал задернул занавеску, съежился. В нем тряслись все жилки и мускулы, словно на этих струнах сыграли чортов марш. Зуб на зуб не попадал.

Все члены генеральского тела приобрели сразу странную независимость, разладились: левая рука искала часы на столе, правая держала занавеску, одна нога ширкала по полу, другая - подкашивалась коленкой под стол, а голова качалась, как бы раскланиваясь.

Вдруг правая рука без всякого веления нервного центра отдернула занавеску.

Взглянул генерал и... ничего. Только темно и вихрь царापался в окошко. Да, вероятно, и не было ничего. Ах, сердце, сердце: что захочет, то и видит.

"Уж не умер ли он, сын мой возлюбленный?" - где-то уже отдаленно, на самом дне души перевернулась эта забота, как уходящая волна.

Стало спокойнее на душе и за окном. Звонки у парадного.

Чтобы окончательно исторгнуть из воспоминаний лунный лик своего сына, генерал поспешил сам открыть дверь.

Вошла Наталья Палина. Широколицая, размашистая, как ходячий ветер.

- Я к вам. Сначала не решалась войти... Все смотрела в окно к вам. Вы должно быть не видели меня в темноте... Ради Бога, Исидор Константинович, извините. Такое дело...

Палина была возбуждена. И все на лице ее было кругами: и глаза, и румянец на щеках, и волосы, завитые ветром.

- Позвольте переночевать у вас? - сказала она.

- Пожалуйста, я так рад, - генерал говорил правду: одному ему было слишком страшно в своей каморке.

Палина объяснила генералу наскоро, что она против большевиков и что поэтому ее преследуют.

- Ведь вы как будто уезжали, у меня ваши бумаги.

- Не уехала тогда, а теперь еду. Бумаги целы?

- Да, да, несмотря на обыск.

- Как? У вас? - забеспокоилась Палина.

- Но к счастью, милая моя, все оказалось недоразумением, кто-то донес на меня...

- Не ваши ли квартирохозяева?

- Может быть, хотя какое же я им зло сделал? Разве на их пострелят, которые меня дразнят,

слишком громко крикнул.

Приход Палиной, спокойный разговор с ней восстановили общее равновесие генерала. Поэтому сразу он почувствовал себя слабым и сонным. Устроив Настю на кровати, он сам лег на сундук, не раздеваясь, и уснул, как убитый.

Во сне генерал стонал и проснулся от этого очень рано.

VII. ЛЕНИН

Из аппаратной, где хрипели Юзы и Морзе, Ленин прошел в свой маленький кабинет. Сел в кресло и мелким бисером на квадратике бумаги написал:

Феликс Эдмундович, я согласен. Договоритесь окончательно с Яковом Михайловичем. Необходимо: 1) проделать всю операцию в кратчайший срок, 2) о деталях условиться с военными властями, 3) провести это завтра на Полит-бюро.

С коммунистическим приветом Ленин.

Нажал кнопку. Вошел секретарь - молодой рабочий с простым и строгим лицом. Ленин сам запечатал записочку и передал ее секретарю. Потом, через другую дверь, вышел к телефонной будке. Говорил с Арзамасом. Слышалось только: "А что? Allo! Центр города еще в наших руках? Что в наших? Там Розегольц? Слышу, слышу. Центр еще держится? Рабочие вооружены? Allo! С какой стороны? Лаишева? Хорошо. Звоните еще часа через два. До свиданья".

И опять через свой кабинет прошел в аппаратную, где хрипели Юзы и Морзе...

А в Лаишеве уже вешали "за большевизм", расстреливали, топили, пороли, отрубали уши...

А в Казани в номерах бывших Щетинкина по коридорам подходили друг к другу, советовались, как быть со штабом и золотом. Одни терялись. Другие ободряли.

А с Порохового, Алафузовского и Крестовникова заводов двигались темно-синие колонны рабочих к Казанской крепости.

И в Нижнем-Новгороде собирали огромные "Ильи Муромцы" для полетов над Казанью и Самарой.

А у Московского Совета на площади стоял полк рабочих и красноармейцев, готовых к отправке на фронт и ждущих Ленина.

Звонили ему по телефону, он обещал "сейчас" и не ехал. Андронников, который отправлялся на фронт во главе этого отряда, взял автомобиль во дворе Московского Совета и переулками, чтоб не расстроить ряды полка, выехал в Кремль.

При самом въезде в Кутафью башню он чуть не столкнулся с автомобилем, в котором на правой стороне, привалясь немного к боку, в угол, сидел Ленин в помятой черной шляпе. Увидев Андронникова, Ленин в момент перекинулся на другую сторону автомобиля и крикнул:

- Вы за мной? Я еду, еду.

Автомобили разминовались, но Ленин задержал свой, и Андронников, догнав его, пересел к Ленину.

Андронникову нравилось это песчаного цвета лицо, эти морщины, расходящиеся от носа, словно высеченные по камню, эти зрачки и черные и огненные.

В общем, лицо такое простое. Если бы не глаза, то даже скучное. А в глазах есть противоречие: они и добрые и строгие, но под добротой и под строгостью где-то глубоко таится смех. Такой веселый, солнечный, как у пана. Впрочем, этого Андронников не сознавал и сейчас особенно был далек от того, чтобы ощущать что-либо подобное. Но это самое: и доброта, и строгость, и смех, и ум, сливаясь вместе во что-то особенное и вместе с тем простое человеческое, кружилось, навевалось вокруг Андронникова. Этим особенным и простым человеческим Ленин словно обнимал Андронникова.

Вот отчего Андронников всегда становился в тупик, когда его спрашивали: "А каков Ленин сам по себе?"

Помятую шляпу свою Ленин прихлопнул на самые уши, чтоб не сдуло и опять погрузился в

правый угол автомобиля.

- Как по-вашему, возьмут Казань или нет? - спросил он Андронникова.
- Едва ли, удержим, - ответил Андронников.
- А как настроение?
- Да у нас хорошее настроение. Ребята понимают опасность.

Ленин сразу насторожился: прищурил немного левый глаз и приподнял правую бровь.

Немного вбок, подставляя правое ухо, наклонился к Андронникову: если Ленин слушал, то всегда весь без остатка.

- Понимают, - говорил Андронников, - особенно рабочие. Впрочем, теперь и красноармейцы.
- А как относятся к созданию большой армии, настоящей?
- Хорошо, ведь без этого не обойтись.

Автомобиль с переулка въехал во двор Совета.

Ленин из автомобиля, по привычке своей, словно вырвался: вбежал по лестнице и промелькнул в комнату президиума. Андронников не поспевал за ним.

Потом они оба вышли на балкон. Андронников был торжественен. Голубые глаза его блестели, все черты лица, слегка потемневшего от бессонных ночей и голодовки, стали более определенными и напряженными. Новая кожаная куртка "на рыбьем меху" - военная обнова, - облегла его непривычно, неуклюже, но так блестела! Так хорошо, по-новому охватывала плечи, руки, грудь! И в душе Андронникова было большое обновление. Все вещи и люди пред ним были уже другими: свежими и новыми.

Рядом с ним стоял весь горячий "Ильич" и, перегибаясь через перила балкона, поворачиваясь немного вправо и влево, произносил речь. Говорил, исторгая слова из самой глубины своей сущности, отчего и звук голоса был сочным, налитым той особенной жизненной силой, которая полной чашей льет в сердце уверенность. Все слова у Ленина обыкновенные. А попадет это слово в сердце, раскусишь его, в нем ядрышко. И от этого горячего Ленина, от его изборожденного песчаного лица, от простых глаз, не то огненных, не то коричневых, от всей его плотной фигуры, на Андронникова опять нашло то странное закружение, которое обнимало его по-особенному, человеческому, по родному. Будто это старший брат его.

Среди речи Ленина, Андронникову ударило вдруг в уши: "Дьявольски трудное дело управлять страной"... Неужели мы с ним и еще такие же управляем страной? - подумал Андронников. И вот такой, коричневый пиджачок на Ленине, помятая шляпа. А - власть! Все это родное, свое - и власть! Вспомнил Андронников, что металл так плавится: сначала горячий, мягкий, послушный ударам, согласный руке. А выплавится - станет холодный, режущий, всегда мощный, непобедимый. Вот и власть так родилась из огня, из горяча. Потом охлаждается, чтобы быть непобедимой.

Ленин давно уже кончил. Говорил кто-то из полка, а в голове Андронникова все вертелось: "непобедимы, мы, мы, мы - непобедимы".

Тем временем на площади уже скомандовали строиться и уходить. Андронников, немного растроганный, взволнованный, сел в свой автомобиль.

- Товарищ спросил его шоффер, - а что, как Владимир Ильич, вообще, так вообще, человек какой?

- Как и все: обыкновенный.
- Нет.
- Почему же "нет"?
- Да потому что нет!

Вечером у приятелей гор. района были проводы Андронникова.

За грязным медным самоваром, пытящим посредине двух сдвинутых ломберных столов, сидело человек восемь. Был тут и Голубин, простой русский рабочий, был сам хозяин квартиры, типограф, сгорбленный, бледный, с клочковатой растительностью в разных местах исхудалого лица и его жена, бледная женщина с черными глазами как уголья, всегда веселыми, дразнящими. Тут же сидел Резников. На кушетке развалились двое: один неопределенного возраста, еврейского типа, немного раскосый, немного грязный и поддегивающий брюки обоими локтями рук, рядом с ним латыш с грустными глазами и с правильно скучным лицом, как большие камни мостовой. Это тот самый, который освобождал генерала Самсониевского. Первый, грязноватый,

держал латыша за обе пуговицы пиджака и, казалось, для вящего доказательства собирался нырнуть головой ему за пазуху. Немного боком к ним сидела стриженная девица в синем платье и синем пенсне, Несмелинская. В отдалении, хихикая неизвестно от чего жались друг к другу две блондинки, почти девочки, работницы; у обеих подвязанные веревками мягкие туфельки, выкроенные из старой юбки.

Посреди комнаты прохаживался Бабаев в черной рубашке, одна рука за поясом, другая в глубине косматого затылка. Поодаль от стола, ближе к окну, молча и сосредоточенно возился Бертенев; он старался извлечь из угла, заваленного старыми книгами, сапогами, двумя винтовками и еще какими-то ремнями, - похороненное там пианино.

Когда Андронников вошел, Бабаев говорил: "Все это так, но зачем же опять протекция, волокита... А-а!.. Михаил Иванович. Наше вам! Вместе видно поедем?" - обратился Бабаев, увидя Андронникова.

- Нет, брат - опять начал Бабаев, обращаясь к хозяину квартиры, типографу, суть в том, что мужичок не дурак и понял, кто против него, и понял большевиков.

- И видать, что здорово понял, - возражал бледный типограф, - коли на Сухаревку с мешками едет, да еще какой? - самый беднейший.

- Не в том суть! это по нужде, а не по душе. По душе он с нами, а по нужде мы сами не с ним и неумело подошли к нему.

- Все "неумело". В семнадцатом году слезные прокламации ему писали, подвозите мол к станциям хлеб, умираем, а он к нам спиной. "Неумело", скажешь?.. Потом стали собирать - прячет, опять должно быть "неумело". Что не делай ему, все "неумело" будет. Бледнолицый типограф махнул рукой, не желая дальше спорить - "себя расстраивать". С малых лет он в городе, в типографии. И отец его тоже не выходил из московских подвалов. Поэтому типограф не долюбивал крестьян. Бабаев же, бобыль и бродяга, в жизни своей сталкивался непрерывно с мужичком, находил в нем отзвук и братское отношение, поэтому загорелся весь:

- Неосмысленности ты говоришь. Как буржуй рассуждаешь или помещик. Ну, разве это коммунизм в таком рассуждении? Мы с тобой без крестьян ничто... Понял?!

А от дивана, где сидели двое, слышен был запальчивый голос, в котором было много задорных ноток:

- Совнарком, конечно, не что иное, как пролетарский совет министров.

- Тогда Ц. И. К. - парламент, - отвечал латыш.

- И парламент и не парламент, надо мыслить диалектически. Мы марксисты...

Между тем, Бертенев, Андронников да еще присоединившийся к ним Резников выволокли пианино из-под всякого хлама, обтерли пыль, от которой чихнули поочередно две жавшиеся друг к другу девушки.

- Я верю только в Ильича! После Брестского мира я приобрела к нему необычайную веру, - проговорила девушка в синем пенсне, Несмелинская, сидевшая на ручке дивана.

- Ильич?! Никто не говорит про это, - отозвался Андронников.

- Да уж и защитника крестьян нельзя отыскать большего, как он, - вставил Бабаев.

- Вот именно, - согласилась Несмелинская.

- Да только он их защищает особенно с рабочей стороны он к ним подходит, - заметил Андронников, который пыхтел на четвереньках, поправляя педаль пианино.

- И совершенно верно... Вот что я могу рассказать вам, ребята, - Бабаев почему-то перетянул пояс потуже, разгладил пятерней лохматую бороду, колупнул еще раз в своем затылке, крикнул. - Ммда!.. Вот написал я раз к Ленину письмо. Не так, мол, надо подходить к крестьянину. И все, значит, по порядку ему изобразил. И то и это и то и это, и все такое. Неправильно, мол, ты немного, Ильич, и так и далее, и так и далее. Прошло уже много времени. Перед самой моей поездкой на фронт, пошел я к Ленину. Тем наипаче, что мне было дано ответственное задание по части полковника Муравьева. Ммда! Пришел я к нему. Говорит он со мной о том, о сем, а о письме не напоминает. Что, думаю, за оказия! А у меня на конверте и расписка его есть. Неужто, думаю, не читал? - Нет, наверно, мол, забыл, делов много. Неловко это мне маленько. Тем наипаче, что я там подробно о продовольственном деле писал. Выбрал я минутку среди разговора да и спросил: "А что, Владимир Ильич, получили вы мое письмо?" - Он за столом посредине, я немного сбоку. Как он это сразу повернулся ко мне всем корпусом, кулаки в боки

упер, а лицом то ко мне близко-близко перекинулся через кресло, перекопился, знаете, как всегда на один глаз. - "Получил", говорит. - И откинулся опять назад, про другое ведет разговоры. А про письмо ни гугу. "Постой", думаю. Опять я выбрал минутку, и осторожно: - "А вы... того, мол, читали?" Опять одним глазом прищурился, другим как стрельнет. - "Читал", говорит, а сам опять о другом. Ничего, видно, не поделаешь. Не хочет говорить. Потом стал прощаться. И все: "товарищ Бабаев", да "товарищ Бабаев". - Видать, что-то еще хочет. А я ничего. Схватился уже за ручку двери, хочу отворить. Он меня за руку - "Знаете, - говорит, - товарищ Бабаев; если вздумаете, что написать буду рад. Ваши письма мне передадут прямо. Пишите обязательно. Распрощались по-хорошему. Вот ведь какой он. Значит понял, что я ему дело писал.

Бертенев опытной рукой попробовал клавиши на пианино и заиграл. Вся комната осветилась сразу, словно двойным светом.

"Управлять", значит - "Рука с рукою, мысль одна", - подумал Андронников под звуки волнующей его музыки. "Все выше, все выше", твердил он сам себе неизвестно о чем.

А звуки лились, словно радовались своему воскресению из хаоса.

"Все смелее, смелее", твердил про себя Андронников неизвестно почему.

А за окном, не закрытым занавесками, притаилась тихая, черная московская улица. Тихая, черная, как лихая изменщица.

- Тррррр, тррр... - как бешеный ворвался телефонный звонок во все уши.

Андронников сидел близко к телефону.

- Слушаю, - сказал он.

- Где, в Басманном? - спросил он, встrepенувшись и побледнел. - А-а. В Замоскворечье, у Михельсона?.. Сейчас еду.

Оборвались звуки музыки, звуки слов. Оборвались мысли и чувства.

Андронников, нахлобучив фуражку, впопыхах успел только сказать:

- Ленина... стреляли...

VIII. БОРЬБА

"Как проклятая оглушает, - рассуждал Фаддеич, лежа на Услонской горе вниз лицом, головой к Волге. - И откуда она плюется, - рассуждал он про пушку. - Должно быть за дровами спрятана. На Устьи-то дрова шпалерами лежат. В аккурат для артиллерии".

И видит своим одним глазом Фаддеич, как сверху Волги идет маленький буксирный пароход. Медные перильца его палубы блестят на утреннем солнце, как венки икон. И на буксире за собой тащит он баржу, которая купается в волнах Волги, как сыр в масле.

"Это баржа Сережа, - подумал Фаддеич, - должно быть, ахнет сейчас".

Баржа Сережа, действительно, окуталась дымом.

Фаддеич подумал: "Как это гора-то не разломится".

И тишина с безоблачного неба спустилась на Волгу. Золотое торжественное солнце блистало в небе, как бриллиант в синей оправе.

А Фаддеич все лежал, давя тощим брюхом сочную траву, и устремлял свой глаз вниз на капризную, блестящую синеватой чешуей Волгу.

"А трава-то, трава-то - аромат зеленый. И откуда это земля произрастает все?" проносилось в голове Фаддеича, пока солнце ласкало его лысину мягким едва ощутимым теплом. Фаддеич помаргивал своим одним глазом, похожим на непотухший огонек в поле. Два берега. Здесь - красные, там - белые. А Волга их разделяет, и Фаддеич один между Волгой и солнцем высоким в синей порфире. Волга бурлацкая, кулацкая, сизая, пьяная. Солнце - ясное, тихое, Фаддеич одинокий одноглазый, непонимающий и растерянный. "С народом надо быть", думал он. "А где народ?" "И там и тут народ. Надвое он сейчас. Непонятный, смутный народ. Только небо ясное, как порфира синяя. И земля - аромат зеленый".

Встать хотел Фаддеич и не мог. Только мял сочную траву тощим животом своим. Глянул-было на солнце одним глазом своим, да опять лбом к земле приложился. Лысину и шею его целовало теплыми губами золотое солнце. "До чего аромат". "Вот кабы все так: лоб, брюхо, да земля, а

более бы ничего. Не надо бы город с башней Сумбеки и село Услон с церковью, как навозной кучей, прикрытой зеленым колпаком. Небо - бесконечно синий Бог и все. Просто, а понять людям трудно. Потому, как истуканы. Им поклонялись, от них и научились истуканству".

Фаддеич перевернулся на спину. Итти ему было некуда, не к чему да и опасно, потому что всякий встречный спросит: - ты чей? От Услон-горы или от Казань-города? Белый или красный?

Солнышко идет по небу, как дозорный с золотым щитом по синему ковру. В ушах только от полноты воздуха "ж-ж-ж" да кое-где кузнечик побалуует травинкой и аромат зеленый - кругом, кругом.

Эх, ты Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Разгуляй-ка ты, родная,
Думы парня дурака.

Издаലെка услышал эту песню Фаддеич. И только что услышал, как песня оборвалась. Это из украинной избы Услонского села вышли двое солдат. Они ночевали в избе. Там пахло чем-то прелым и сырым. Такой запах всегда бывает ближе к осени, тогда изба - похожа бывает на внутренность гриба.

- Не ори, душегуб!.. - добродушно заметил высокий белый, борода лопатой, солдат Бакин своему приятелю Клопину, маленькому и кряжистому, любившему петь.

И оборвалась песня.

- Ах, со стариком-то не попрощались! Занятный старик. Вернемся в избу! - заметил низенький, кряжистый.

И оба вернулись в избу проститься со стариком крестьянином, приютившим их на ночь.

Когда они снова входили в избу, старик, спустивший с печи тонкие как жерди ноги, обвертывал их в онучи. И опять чем-то прелым ударило в нос вошедшим.

Две бабы - одна старая, другая молодая - ставили на стол деревянное блюдо, чашки, самовар. Возились и что-то мяли в корчаге за печкой. Когда окна избенки содрогались от снарядов, молодая приговаривала: - "Ахти Господи!", а старая - "пресвятая заступница"!.. Старик же осенял себя крестом и говорил: "не бойсь, не бойсь, бабы".

- Проститься, дедушка, пришли к тебе.

- Ну, ну, сынки, спасибо. И старик, не обув еще лаптей, спрыгнул с печки.

И Бакину и Клопину старик этот очень нравился своими рассуждениями, которые они вели "вечер до-поздна". Кроме того Бакин был не прочь еще раз "зыркнуть" жадными глазами на молодуху-вдовицу, с которой он перед рассветом успел улучшить минуту во дворе, под навесом, где блеяли овцы и пахло сеном и тишина ночная, легким теплом отрываясь от земли, прощалась со всем земным, и с Бакиным, и с молодой бабой. А в свежем предутреннем ветерке дышал на них бог Ярило пьянящим дыханием.

Поэтому не смел теперь Бакин долго смотреть на вдовицу, а только изредка метал глазами.

- Добровольно служишь? - спросил старик Бакина.

- По воле, - ответил тот.

- Мы по воле, - прибавил кряжистый.

- Вот оно что!.. И хорошо. У меня тоже сынок добровольно... Да под Пензой, чехи да словаки долго жить ему приказали.

- Не ча, не ча, старина, тужить, - поспешно ответил кряжистый, боясь, чтобы старик, как вчера, не впал в очень длинные, чувствительные рассказы.

- И не тужу, оттого, что за землю. Ежели поближе подойдут да в нашу деревню придут, я, хотя и старик, да и много нас, стариков-то, прямо чем попало царевых детей бить будем.

Ударил снаряд.

"Ахти Господи!" - шепнула молодая. "Пресвятая заступница!" - прошамкала старуха. "Не бойсь, не бойсь, бабы, по-делом ему, басурману, не отымай землю".

- Правильно, отец, - сказал Бакин. - Одначе, прощай.

- Почеломкаемся, старина! - и кряжистый обнял старика и троекратно ткнулся с разных сторон ему в бороду.

Бакин же почувствовал большое смущение и как бы стыд и поэтому ткнулся в бороду старика торопливо и повернулся к выходу. Простились и с бабами.

Старик проводил их до дверей.

- А вот ты, - обратился старик к Бакину. - Ты, видать, в Москве будешь апосля войны. Скажи там Ленину, мы, мол, всем народом, т. е. услонские мужики-крестьяне, мы его в поминальну книжку записали. Поп-те не знает.

- Э, что там поминанье твое, - ответил Бакин. - Сам плох - не поможет и бог. А мы вот помянули его вот этим, - и он показал на винтовку.

В словах этих у Бакина потонуло все его смущение, потому что ему самому слова эти понравились.

Во дворе оседлали они своих лошадей и поскакали в гору.

Фаддеич слышал, как по горе проскакали на лошадях. Не видно их. Только земля задрожала под затылком Фаддеича. Фаддеич привстал и увидел, как за клубилась легкая пыль, пропадая в кустах.

Загудела артиллерия с той и с другой стороны. Над Волгой опять скрестились параболы снарядов.

А на Услонском взгорье стоял лысый, седой Фаддеич, глядя одним глазом в ту сторону, где исчезли всадники, а другим - дырой иссохшей - в самого себя - внутрь. В правой руке его съежилась шапчонка, а в левой, как свеча перед Богом, покоилась сосновая палочка.

В селе, где стоял штаб, Андронников узнал, что дела складывались неважно.

Штаб занимал большой помещичий дом. Во всех комнатах шла лихорадочная работа. А наверху, в антресолях дома совещались, спорили и перекорялись. Мимо дома проходили толпы красноармейцев, побросавших позиции у берега Волги, под ураганным, неприятельским огнем. И тут же в штабе, как раз где спорили, на антресолях, Андронников заметил молодую женщину, но лица ее видать не мог, ибо она как будто нарочно отворачивалась от Андронникова. Одета она была по-боевому: - солдатская гимнастерка, защитная юбка, желтые сапоги и фуражка с поднятым козырьком. Курила махорку по-мужски. Волосы ее были стрижены клочками, видно на-спех. А глаза... не разберешь: уж больно вертит своим лицом. Однако, для Андронникова было в ней что-то знакомое, например, манера курить и эта вольная размашистость.

Вечером при свете свечей, эта самая женщина стала угощать всех чаем и булками.

- Молодец Маруся, - сказал про нее кто-то. - И когда это она все успевает организовать.

- Хорошо вам расхваливать меня, когда сами завтра покинете нас... - ответила Маруся.

- Тсс. Тише. Не вслух.

- Пустяки, здесь штаб.

- Стены. И стены с ушами. Это ведь фронт.

И от этого разговора что-то неприятно опасливое прокралось в душу Андронникова, как вор ночной. Андронников наклонился к уху соседа:

- А что, разве она здесь остается?

- Да, для разведки в глубоком тылу противника.

Ночью Андронников ушел на позицию. С рассветом началась легкая перестрелка. Часам к десяти чехо-словаки и офицеры, осыпая позиции красных частым огнем, готовы были броситься в атаку. Андронников знал о решении штаба сдать эти позиции, но увлекся боем, загорелся вместе со всеми жаждой победы и бился. Бился вместе со всеми до 3-4 часов дня, когда сверх ожидания неприятель отхлынул и красным нужно было подтянуть небольшие резервы, чтобы перейти в контр-атаку и, может быть, даже смять противника. Не теряя времени, Андронников поскакал в штаб, пользуясь наступившим временным затишьем на позициях.

К вечеру Андронников прискакал в село, где помещался штаб, но штаба уже не было. В штабе никак не предполагали, что натиск неприятеля будет сдержан.

Утомленный, словно пьяный, Андронников проходил комнату за комнатой в том доме, где был штаб.

Спускаясь с антресолей, он встретился с Марусей, и опять она отвернула лицо свое.

- Воды... Нет ли испить у вас? - просипел Андронников.

- Есть, есть, как же. Может, и закусить хотите?

Не успел Андронников ответить, как вбежали еще двое красноармейцев, один маленький, кряжистый из тех, которые во всех артелях слывут запевалами, другой высокий, здоровый, бородатый с голубыми грустными глазами.

Последний, увидав Андронникова, подбежал к нему:

- И вы... И ты... Вот где... Вместе...

Тем временем Маруся принесла чаю, блинов и деревенского пива.

- Вы... Ты... ты... вместе, - бормотал опять бородатый мужик, хватая Андронникова за плечи и руки.

Между тем низенький коренастый красноармеец, не обращая ни на что внимания, усевшись за стол, стал глотать блины.

Голубые грустные глаза бородатого сияли радостью. И на мгновение, которое было и которого не было, Андронников почувял себя будто во сне: все что-то знакомое и что-то страшное, чужое.

- Я эс-эр из отряда Попова... - говорил бородатый... - Помните, вы меня арестовали на Мясницкой.

Да. Теперь Андронников вспомнил его: это тот самый, который и на улице и на допросе ратовал "за вольные советы" против коммунистов.

- Вон что: теперь видно союз, - сказал Андронников.

- Теперь я за вас. Ведь я крестьянин. Ежели союза промеж нами не будет, генералы одолеют нас... Ты, видно, из того отряда, что от Волги до перелеска. Та-ак. Ну, а мы рядом с тобой, шабры*1. Я сюда для связи в ваш штаб и прискакал.

- Да, а штаб-то от нас ускакал. Давай, двинем вместе в деревушку N, - может, он там.

---

*1 Шабры - значит соседи.

- Валим. Только дай малость подкрепиться: все время в боях и все голодные.

- Ну, ладно. Только моментом, моментом и на лошадей.

С жадностью и торопливостью стал мужик уписывать блины, а Андронников обжигался чаем. Маруся же приносила еще и еще стопы блинов.

И всякий раз Андронников пытался заглянуть ей в глаза, а сам все думал: там бой - тут блины. Вчера здесь штаб - сегодня Маруся. И раз, когда Маруся ставила на стол блины, Андронникову удалось заглянуть ей в глаза. А глаза-то у нее раскосые...

И неестественная, адская тревога запала в душу Андронникова.

Улучив минутку, отозвал он в сторону бородатого красноармейца:

- Знаешь что, товарищ... товарищ...

- Бакин - моя фамилия, - подсказал Андронникову бородатый.

- Товарищ Бакин, ты помнишь Мясницкую?

- Ну, да.

- Так вот, сейчас придет девица, "Маруся" ее зовут. Гляди на нее в оба. Потом скажи мне.

- А что?

- Ничего. Только гляди, а потом скажи мне.

Но не пришла больше Маруся. Низенький, коренастый красноармеец пошел уже седлать лошадей, а Бакин с Андронниковым пошли по комнатам искать Марусю.

Дом был "господский" и много в нем было разных комнат и переходов. В огромном зале высокие зеркала и белые колонны, уже затертые солдатскими локтями и спинами. На некоторых стенах надписи углем или карандашом неприличного свойства. В одном углу на короткой колонке маленький амур, которому кто-то подрисовал усы. Отсюда через открытые двери соседней комнаты была видна кухня. Там Маруся и еще каких-то три женщины, видимо прислуги, были заняты печеньем блинов. Маруся, раскрасневшаяся, с размашистыми манерами безрассудно решительного человека месившая в корчаге тесто, была похожа на молодую ведьму, готовящую зелье.

- Видишь? - спросил Андронников.

- Кажись, та... Она... - ответил Бакин и двинулся-было по направлению в кухню.

- Ты молчи. Если ты теперь с нами, молчи, - сказал Андронников, схватив Бакина за рукав его грязной гимнастерки и быстрыми шагами входя с ним в кухню.

- Вы остаетесь здесь, товарищ Маруся? - сказал Андронников. - Это хорошо. А мы уходим.

- Э... а... Э... - что-то хотел сказать Бакин.

Андронников наступил ему на ногу до боли. Бакин прикусил язык.

Маруся скользнула из кухни.

Андронников, держа все время Бакина за рукав, последовал за ней. Второпях шепнул Бакину:

- Точно, узнал! - Это она?

- Что-то сумление напало, как будто и она... а при таком случае, сумление...

- Ты понимай: ведь при штабе была. А теперь в тылу врагов остается. Если же она та, из правых эс-эров, то враг ведь наш. Понимай. Израсходуем, что ли?

Бакин последнего слова не понял и спросил:

- Чего?

- Ну, хоть один патрон...

- А как не та?

- А если та?

В окно, которое выходило во двор, мелькнуло круглое лицо Маруси.

Андронников и Бакин теперь уже оба держали друг друга за руки, как бы этим физическим способом старались один другого удержать от колебаний. Так, оба сомневаясь, они выбежали за Марусей во двор. И тут один из них уже решился...

- Маруся... - крикнул Андронников, - испить на дорогу-то... Испить дайте.

Маруся быстро обернулась и пошла к ним.

Едва она переступила на крыльце три ступеньки, как Андронников, оттолкнувшись от Бакина, быстрым движением вынул Маузер и пустил одну пулю в спину Маруси прямо против сердца.

Марусе показалось, что сначала ее кто-то легонько ущипнул сзади, а потом толкнул сильно сразу и в грудь, и в живот, и в голову. И упала она навзничь в разверстую черную пасть русской печки, глянувшей на нее из-за спины годов, из того времени, когда русская печь хотела ее поглотить, да волки помешали. Вот теперь шлепнулась она в эту пасть на кучу мягких, горячих как кровь, блинов, разбрызгавшихся под ней.

Кряжистый красноармеец бросился на выстрел.

Бакин подошел, заглянул в лицо убитой и с легкой дрожью в голосе сказал:

- А ведь это она. Она самая. Вижу теперь...

- Кто она? - спросил его низенький товарищ, Клопин.

- Да ты не знаешь. Настасья Палина. Вроде, значит, за шпионство...

Андронников, Бакин и третий спутник разыскали поздно вечером штаб.

А под утро, туда, где лежала еще не убранная убитая, пришли офицеры. Бравый полковник низенького роста распорядился:

- Выбросить эту красноармейскую бабу куда-нибудь.

Прапорщик, служивший раньше старшим околоточным, желая выслужиться, осмелился предложить:

- Господин полковник, разрешите тщательно обыскать убитую.

И обыскал. Ничего не нашел. Впрочем, воротник у гимнастерки показался ему немного твердоватым на ощупь, как будто там бумага шуршала. Распороли. Оказалось коротенькое письмо одного эс-эра, который уведомляет Палину, что Савинков предполагает быть в Казани, что с делом, которое взяла на себя Ройд-Каплан*1, торопиться не следует, так как Савинков по прибытии в Казань предпримет против штаба Троцкого не менее значительный шаг, чем то, что поручено Ройд-Каплан, и что оба эти акта должны быть совершены приблизительно одновременно.

Поспешный и услужливый прапорщик уже писал рапорт - как раз на том столе, где еще вчера сидели Андронников и Бакин. Рапорт гласил, между прочим, следующее:

"...при этом мною обнаружено, что труп видимо принадлежит нашему элементу, а не к большевикам, что вполне ясно из прилагаемого при сем письма в размере одной четверти листа, из которого вытекает, что означенный труп есть эс-эрка и секретный агент этой партии, а также и

господина Савинкова, способствовавшая нашему делу борьбы с большевиками и в частности по убийству Ленина..." и проч.

Основание: распоряжение полковника Н.

Приложение: одно письмо в размере четверти листа.

Подпись: Прапорщик Бултышкин.

Бумага эта, помеченная боевым лозунгом: "Совершенно секретно", восходила от начальства к начальству. А пока что: "белые" газеты уже печатали:

Дикие расправы большевиков.

"Большевики расстреливают всех, кто не хочет с ними уходить от народной армии. Так, недавно (число и год) во дворе, где стоял большевистский штаб, была зверски заколота солдатами неизвестная девушка, которая по темноте своей была вовлечена в большевизм, но прозрев, наконец, не захотела дольше с ними оставаться. За это палачи штыками изуродовали ее".

Настасья Палина была схоронена на красивом взгорье и даже отмечена крестом - шест с покривившейся поперечиной.

Одиноким, одноглазый Фаддеич проходил этим местом через несколько дней. Солнце угасало и была тишина. Он остановился. Перекрестился. Перевязал травинкой покривившуюся поперечину креста и сел возле могилы.

---

*1 Ройд-Каплан стреляла в Ленина.

Был такой тихий вечер, когда душа ничего не просит. Ничем не волнуется, как озеро лесное, в котором отражаются поникшие белые березы. Когда не знаешь, живешь ты или нет.

Сделал Фаддеич маленький венчик из желтых цветочков. Повесил на крест. Постоял, моргая одним глазом, как одинокая первая звезда в небе. И ждал: не выкатится ли слеза из окаменевшей дыры - засохшего глаза. Но не выкатилась. Сухая душа: вспыхивать еще может, а исторгнуть слезу - бессильна.

Поклонился Фаддеич в пояс кресту. И тихим шагом побрел дальше, пробираясь в Сибирь, к бегунам: не разыщет ли он там опять своего брата во Христе, Парфена.

IX. ВЧЕРА И ЗАВТРА. СНОВА БОРЬБА

Андронников сидел в своем кабинете.

Весеннее солнце смотрело в огромное окно и любовалось обстановкой кабинета. Все было в нем в стиле Людовика XIV, если не считать стоящего в углу американского стола тов. Несмелинской - личного секретаря комиссара, - которая находилась сейчас внизу в кладовой, чтобы следить за раздачей селедок, каменнообразного мыла и незажигающихся спичек. Правда, в кабинете был и еще один дефект: кресло, может быть от стыда, повернутое спинкой к публике и загруженное папками с надписью "Дело", при помощи чьего-то перочинного ножа было лишено узорной шелковой обивки. Может быть, это "обрезание" кресла произошло до того, как его перевернули и загрузили бумагами, а может быть - оно последовало уже после, когда кресло было загружено бумагами и, следовательно, исчезновение обивки могло пройти незаметным. По этому делу работала сначала правомочная комиссия, потом полномочная комиссия. Ни та, ни другая виновных не обнаружила. Дело было передано в бюро ячейки, которая в свою очередь передала в участок, участок в район, район в М. К., М. К. в Ч. К., Ч. К. в Уголовный розыск, который также виновных не обнаружил.

И кресло стояло, как сфинкс, затаив в своей материальной душе этот роковой секрет.

Андронников рылся в портфеле, туго набитом бумагами. Но та пустота, которую он ощущал в

желудке, мешала работать. Словно он со дня рождения не ел. Насколько был полон портфель, настолько пуст желудок. Он взял вчерашние "Известия", ибо сегодняшние получались только после 12 час. дня. В отделе "Извещения" прочел имена товарищей, "мобилизованных М. К. для сегодняшних митингов в районах Москвы". Там он нашел имя т. Резникова и свое. "Опять. Ну, что я буду говорить?" - подумал он. И вспомнил, как вчера был по поручению М. К. на собрании рабочих электрической станции около Большого Каменного моста.

Электротрест постановил слить правления Электрической Станции 1886 г. (что у Чугунного моста) с электрической станцией у Большого Каменного моста. Рабочие заволновались. Рабочие как дети, у которых хотят отнять их собственную дорогую игрушку, говорили: "Кто же спас нашу станцию, когда кругом все расхищали". "Я вот, например, - говорил изъеденный оспой рабочий, - вместе с Макар Иванычем, да с Федюшкой перекатили трубы от ворот в сарай и заперли. Опять же оборудование на станции. Нешто не мы все вместе за этим глядели? Кабы не доглядели, так теперь может и станции бы не было. И вдруг отдай ее в чужие руки. Нет, это братцы никакая не централизация, а просто охмурение рабочего. Не согласны мы".

Андронников глубоко вздохнул. Собрал силы. Старался вспомнить все, что надо и стал говорить. Не вязалась речь. Побойчее из числа покорных задавали вопросы простые и практические. Например: "а если новое правление потребует наши трубы туды передать, что же, значит отдавать им?" - "Отдавать или не отдавать?" - мучительно бился этот вопрос в голове Андронникова. Это кровное, родственное отношение рабочих к орудиям их труда было глубоко понятно Андронникову, но Электротрест...

- Нет, - решил он - не пойду сегодня на митинг.

А апрельское лучистое солнце смеялось в окно и дразнило соблазном.

Нажал кнопку Андронников. Вошел курьер, ободренный малый в засаленных, зеленых обмотках и ботинках. Лицо у малого было в веснушках и истощенное. Выражение глаз безразличное.

- Секретаря Управления, - бросил Андронников. Малый повернулся и вышел, хлюпая отстававшей подошвой от правого ботинка.

Слышно было, как, выходя из двери, малый столкнулся с каким-то просителем, рвущимся к Андронникову. Произошел короткий, но крепкий разговор. Уборщица Лукерья загородила собою дорогу к комиссару, а малый пошел за секретарем.

Потом слышал Андронников, как малый возвратился и опять сел у двери на табуретку. А секретарь все не шел. На столе тикали покривившиеся часы, которые и могли ходить только, когда криво висели. А секретарь все не шел. Опять нажал кнопку Андронников. Опять вплыл в комнату малый в своих ботинках-лодках.

- Что же секретарь? - спросил Андронников.

- Они продукты получают в кладовой.

- Так сбегай в кладовую.

- Бегал.

- Ну, и что же?

- Их там нет.

- Так ведь ты же говоришь, что он продукты получает?

- Здесь в нашей кладовой только селедку да мыло дают, а соль и фасоль, как ответственным, выдают на складе N 2. Через три квартала отсюда. Может, сбегать?

- Нет, не надо. Зови помощника.

Опять пропал малый. Кривые часы все тикали. А солнце шло к веселому весеннему полдню. "Наверное, жаворонки прилетели", - подумал Андронников.

Вошел помощник секретаря. Причесанный и приглаженный, как фигура, сорвавшаяся с вывески парикмахерской. На ногах "галифе", какие не снились, вероятно, самому генералу Галифе. И высокие до колен желтые ботинки на шнурках.

- Дайте телефонограмму.

- Хорошо.

Раздался телефонный звонок.

- Алло... Кто его спрашивает? - говорил пом-секретаря. Потом закрыл разговорный рожок: - Какой-то Бабаев, вас спрашивает.

- Хорошо. Алло, Андронников у телефона. Тов. Бабаев, здравствуйте!

И слышит, как Бабаев ему говорит:

- Слушай, Андронников, как бы мне тебя повидать. С полчаса тому назад был у тебя, да твои церберы не пустили.

- А в чем дело?

- В чем дело?.. Да... ни в чем. Понимаешь, на душе накопело... Обо всем бы поговорить... О положении. Я недавно приехал с фронта.

- Та-ак... Хорошо... значит о положении?!

- Ну да, - вообще, знаешь, душой поделиться, душой. Больно уж много новых кругом... Не понимают... Удели часок...

- Ча-сок. Да ведь я очень занят.

- А вечером-то.

- Срочное заседание в ПУР'е.

- После ПУР'а.

- После? ну ладно, приходи 2-й Дом Советов. Да, знаешь что, окажи товарищескую помощь; ты свежий человек. Съезди сегодня на митинг в Сокольники. Я там должен быть, - да понимаешь ли, Пур этот самый. Согласен? Ну, вот хорошо. Я сообщу в М. К., что ты будешь вместо меня. Спасибо. Ну, пока.

И оттого, что согласился Бабаев, Андронникову стало приятно и стыдно. И к стоящему перед ним вылощенному пом-секретарю он почувствовал мучительное отвращение.

Вечером этого дня, когда замерцали огни в домах, Резников в хорошей закрытой машине подъехал к красивому особняку в отдельной части Москвы.

Что-то мягкое и тающее переливалось в сердце Резникова, когда он ступал по мягким коврам роскошного особняка.

Тяжелые драпри дверей, мягкие табуретки, кресла, кушетки, угловые диваны - все это трогало в душе струны каких-то далеких воспоминаний прошедшего детства. Легкости хотелось и беззаботности. И удовольствия, удовольствия.

Фабрикант Копылов, Бернгэм, какой-то толстяк и дамы - все знакомились с ним. Копылов потирал свои мягкие как резиновые руки. И в этот момент приложения своей руки к нежным, выхоленным ладоням, по сердцу Резникова скользнуло что-то похожее на забвение прошлого и небрежение к будущему.

Видел он впереди себя только вымытые до блеска лбы и выбритые до ослепления подбородки. Чего же больше? Может быть, это и есть самое главное в жизни?

Зал, колонны, большой стол, закуски, цветы - все это прошло, неужели стало настоящим? По стенам к спинкам диванов теснились нарядные дамы, а около них егозили острою своих ботинок и округлостью подбородков напудренные кавалеры.

Резников почувствовал, как ноги его будто отекали, а руки болтались неуместно, как на шалнерах. "Так тебе и надо, - подумал Резников, - ну, зачем, зачем пришел?"

Со всех сторон Резников чувствовал на себе любопытные взоры барышень, дам, кавалеров. Ведь, вероятно, все были предупреждены, что придет большевик, комиссар.

В углу зала, где сидело трое румын, долженствовавших впоследствии быть оркестром, стоял Копылов и нашептывал низенькому толстяку с апоплексической шеей и безобразным лицом:

- Ну, полноте, что вы, теперь они не такие. Это три года тому назад... А теперь не то. Только слава, что большевики. Я всегда это предсказывал.

- Да хорошо вам говорить, коли вы около своей фабрики остались, а у меня все имение разграблено, да и сейф почистили.

- О, уважаемый Максимилиан Флегонтович, сами, голубок мой, виноваты. Вы все с норовом. А тут надо было неспеша, да помягче. Вот, например, вы говорите - сейфы. Я вот так раз-то, - в начале это было, - прихожу насчет сейфа. Сидит в холодной комнате какой-то солдат и грудь у него декольтирована, а морозище такой, что я шубу не решался расстегнуть. Ну, думаю, уж больно свирепый. Однако, подошел. "Скажите, - говорю, - товарищ, вы относительно сейфов"? "Нет, - говорит, - на это есть другой, этажем повыше". Я к тому. Народа у него видимо-невидимо, словно из углов кабинета вырастают, как поганки после дождя. Сам он, бедняга, сидит, включенный, бледный, будто, перевернув вниз головой, его только что недавно употребляли

вместо швабры. Разумеется, нам-то начихать, что с него 77-й пот сходит. Его корявые пальцы даже ручку не умеют держать... Но все-таки не надо грубить. Я ему два ласковых слова. Он мне что-то ругательное. Я будто не расслышал, опять беру лаской, гляжу: морщит лоб, чешет его перстами. Значит - гнев на милость идет. Ну, и в конце концов сошлись: он в дураках, а я в барышах. Нет, Максимилиан Флегонтович, на них грех сердиться. Вот, например, этот Резников. Советую, сойдитесь с ним покороче, он пригодится.

- А берет? - и толстяк перед носом Копылова потер большим пальцем об указательный, что означало: не берет ли взятки.

- Нет! что вы? Это бесплатный пассажир. Честнейший малый. Вот именно тем-то он и ценен.

- А не чекист секретный?

- Господь с вами! Разве я позволил бы себе вас с чекистом знакомить. Я его знаю.

Толстяк и Копылов подошли к Резникову.

- Позвольте вас познакомиться...

- Очень, очень приятно.

Резников был совсем, как в плену.

- Вы не беспокойтесь... Не стесняйтесь, - подбадривал его Копылов, похлопывая по спине, - здесь есть один и от Р.-К. И. (Рабоче-Крестьянск. Инспекции)... Славный малый, юрист, образованный, дельный... Вы не стесняйтесь... Вон он сидит в том углу.

Резников посмотрел и увидел кошачье лицо с кошачьими усами, с кошачьими мягкими движениями. И даже руки мягкие, как лапки кота.

Между тем кругом щелкали орехи и подсаживались к столу. Радость долженствовала быть по случаю возвращения стариков Копыловых и его младшего брата, которые все время были в Крыму.

"Да я-то к чему здесь?" - спрашивал самого себя Резников. Сейчас он должен был бы быть около Бутырок, в рабочем клубе, тесном и грязном. Там при входе направо на засаленной двери надпись: "Месная комячейка Р. К. П.". А налево зал, скамейки, невыметенные кожурсы семян. Прямо сцена. На ее правой стороне портрет Маркса с лицом замоскворецкого купца; на левой Ленин, из серии тех портретов, про которые на IX съезде еще Радек сказал, что ими можно "пугать людей". А вверху Троцкий - бледная фигура. Туда сейчас, вероятно, сходятся рабочие - темные, тяжело-думные, голодные...

Резникова больно кольнуло в сердце... Что же это? Угрызение совести? Стыд? - Разве стыдно раз в три года отдохнуть?

Там, в темном клубе уже, вероятно, собрались рабочие. Сначала говорят: "докладчик-то из центра опаздывает". Потом: "всегда так бывает" и наконец: "митинг не состоялся". И расходятся обратно рабочие - темные, тяжело-думные, но глубокие душой...

- Брат-то его, - говорил, наклонившись к Резникову, человек с лицом кота, - вовсе не из Крыма, а из Ч. К. выпущен.

- Как?

- То-есть, пожалуй, даже из Крыма. Но только он приехал еще раньше от генерала Врангеля для переговоров с Советской властью.

Поэтому и сидел в Ч. К., оттуда и переговоры вел. А теперь его выпустили. Едет в Ростов.

Резников посмотрел в ту сторону, где сидел брат Копылова. Это был высокий, здоровый человек, с умным и простым лицом. Наклонившись к толстяку, он с искренним жаром говорил ему:

- Старого не вернуть, Максимилиан Флегонтович, не вернуть. Кончено. Советская власть - вы понимаете, как я могу к ней относиться, но она крепка. Ее никто не свалит, если она сама себя не свалит. Посудите сами: ведь мужик получил от нее землю. Если бы мы, дураки, при походе на Москву объявили, что земля остается за мужиками, мы бы с вами сидели здесь при других обстоятельствах. А теперь наше дело проиграно в-чистую. Знаете, что нам осталось? Нам осталось сказать: была Русь дворянская, теперь она мужицкая. Да здравствует мужицкая, Советская Русь!

- Ерунда! Я не смею здесь говорить, но я бы вам доказал!

- Кончено! Кончено! Все доказано. Я военный человек и знаю, что для того, чтобы признать себя побежденным, надо иметь не меньшую силу души, чем итти на штурм неприступной крепости.

- Не верю! Ложь! - Толстяк горячился, подскакивая на стуле. - Я вам... - Он зашептал в ухо Копылову.

- Что? Ошибаетесь. Для нас нет больше Англии и Франции...

В 6 часов утра Резников ехал на автомобиле домой по заснувшему Китай-Городу. Рдеющий восход румянил шпиц Спасской башни и зубцы Кремля.

Резников оглянулся назад: там, в особняке, вчерашний день. Здесь, над Кремлем, завтрашний. А он, Резников, на пути от вчера к завтра. Но тому, кто не спал, трудно отличить вчера от завтра, ибо и то и другое сливается в сегодня. И сегодня это только мнимое, ибо между вчера и завтра нет сегодня. И есть, и нет...

А в это время Бабаев неистощимо, воодушевленно доказывал Андронникову во Втором Доме Советов (номерок в пятом этаже с окнами под стеклянный колпак):

- Ленин на Съезде шутками отделялся, а не возражал. На всякий случай, на случай, что, дескать, при другом повороте дел, он возьмет под руку ту же самую оппозицию. И тогда она будет настоящей, а ты и все вы такие окажетесь оппозицией.

Жесткие волосы бороды Бабаева были продолжением его нервных морщин. Серые глаза его сливались с синими кругами утомления под глазами и в лохматых волосах головы выглядывала преждевременная седина. И все лицо сливалось с грязной занавеской окна.

- Это потому, - возражал Андронников замогильным голосом от усталости, - что ваша оппозиция много-сердчатая, да мало-деловая.

- Ой, смотри, ребята, бросьте эту тактику "хи-хи" да "ха-ха" к рабочему.

- Не тычь рабочим! - внезапно раздражился Андронников, - и я такой же "профессор", как ты.

С этими словами Андронников бросился на грязную кушетку. Кушетка жалобно пискнула.

На лице Бабаева сменились три цвета: красный, бледный и его обыкновенный серо-желтый.

- Но ведь ты с головой ушел в бюрократию, - сробевшим тоном, как младший перед старшим, говорил он, - сидишь в управлении, над штатами пыхтишь, какие-нибудь там схемы разрабатываешь. А рабочий? Что такое рабочий теперь? - Наймит. Да, наймит только не у Ивана Иваныча, а у государства. Наймит, а не власть.

Странно болезненно и спутанно чувствовал себя от этих слов Андронников. С языка рвались возражения, но то, что говорил Бабаев, было такое, как болото в тундре: чем больше его мнешь, тем оно больше засасывает. Андронников томился, глядел усталыми лихорадочными глазами в желтизну лица Бабаева, в его жесткую и нервную бороду, в его мерцающие болезненным блеском глаза, понимал и в то же время не понимал его.

- А партия? - жег безжалостно Бабаев сердце своего старого товарища. - Вот сегодня мне Голубин, из Замоскворечья, говорил, что больший процент уходящих из партии падает на рабочих. Интеллигент не уйдет из партии. К чему ему? Он благодаря своему развитию может получить хорошую вакансию и так и далее. А наш брат рабочий? Какую он вакансию может получить? Только так себе, комиссаришка какого-нибудь, вроде стражника над рабочими. И должен будет своего же брата все за бока, да за бока и тут же агитировать: объединяйтесь-мол, идите в наш лагерь. Это еще хорошо, а то пошлют коммуниста-рабочего в учреждение, там его курьером поставят, а спец сидит себе на семи совнаркомовских пайках, понукает...

Андронников метнулся из одного угла комнаты в другой, потом подошел вплотную к Бабаеву и спросил:

- А ты выйдешь из партии?

Бабаев ответил без колебания.

- Нет, но имей в виду...

- Нет?

- Нет.

- Хорошо, продолжай дальше.

- Да... но имей в виду, что не все рабочие, уходящие из партии, уходят от революции.

И опять заговорил неугомонный, мятущийся Бабаев. Андронников же шагал по комнате.

Потом не выдержал. Стал возражать. Усталый ночной спор, где слова вылезали сами собой, без разбора и контроля, свернулся на узкую колею перебирания товарищей. Вспоминали кого попало. Вот, например, юноша Бертенев. Его не любил Бабаев за то, что на лице своем он носит все 50 лет. Практичен, спокоен, деловит... Резников - тоже. Был когда-то террорист, а что теперь?

Бюрократ. Впрочем, тоже толковый работник.

Так, топчась на именах и фамилиях, Андронников и Бабаев не могли уже вернуться к широким вопросам. Будто в словах была своя сила, и они обрушились мутным потоком в узкую канаву полусплетен.

Такое явление за последнее время Андронников не раз замечал. О чем бы среди товарищей ни зашел спор - вдруг с одного пункта спор делал крутой поворот и упирался в перечисление имен и фамилий. При этом никто о другом не отзывался хорошо. Словно все были ненавистны каждому и каждый всем.

- Будет, погоди, будет, - возмутился, наконец, Андронников, - нельзя же так! Устали. И ты устал.

- И от усталого слышу.

- Так создавай же силу! Чорт тебя возьми, а не кричи "караул". Перед тобой пень, а не разбойник. Сломай пень, и иди дальше.

- А мужик? - спросил Бабаев, словно подкараулив.

- И мужик наша сила.

- Смотри, как бы она не скосила.

Головы спорящих все более и более тяжелели. И вскоре приятели захрапели кошмарным, нездоровым сном.

Андронникову снился Бабаев, у которого было птичье лицо, и он каркал, словно ворон к ненастью. И потом чувствовалось Андронникову, что под спиной его, под ногами, под руками, под затылком все с треском рушится. "Перевернуться надо, перевернуться", - шептал он себе. А сверху на него смотрели два больших глаза. Два глаза без лица. Просто. В пространстве. Два глаза и больше ничего. Оба глаза без слов мутным светом своим говорили: "нельзя повернуться, нельзя повернуться". А под затылком, под спиной все трещало, проваливалось. Два глаза без лица то приближались, то удалялись. Мутные, серые. Они смотрят на него, на Андронникова. И он ждал, мучительно ждал, скроются ли эти глаза. А под затылком все ломалось и трещало. Того и гляди полетит он весь сейчас в пространство, в черноту. Он оперся локтями, приблизил свое лицо к страшным глазам и увидел, что они раскосые. Андронников отстранился, но напрасно: два глаза без лица смотрели на него не переставая. Теперь они косили все больше и больше, пока наконец не взглянули один на другой, отвернувшись от лица Андронникова. Взглянули эти глаза один в другой, превратились в точку и, как снежинка маленькая, полетели в темное пространство. От этого что-то жужжало в ушах Андронникова. А под затылком все ломалось и трещало. "Повернуться надо" - прошептал Андронников.

Перевернулся и проснулся.

Было уже поздно.

С тяжелой головой час спустя сидел Андронников в своем кабинете. Приходила разная публика, был между прочим фабрикант Копылов, защищавший свой проект.

Андронников был невнимателен. Независимо от воли ум его напрягался в одну сторону: победить Бабаева. Противопоставить усталости силу. Переживал моментами нечто странное: хотелось стулья, столы перевернуть, хотелось отворить двери, окна и призывать. Призывать! Как раньше призывал он. Три года призывал и сам шел, и бился, и уставал, и упорство росло. Набегали и пробегали недели, дни и годы, а упорство росло. Не уйти ли опять в пекло мастерской? Эх, кабы это было пекло! Все равно, все равно, туда надо итти.

"Пойду на завод! - решил Андронников. - А здесь? Оставить фабриканта Копылова?.."

Телефонные звонки, доклады, предложения о штатах, о смете, о схемах перебивали его мысли и вертелись, как карусели на базаре, то конь, то лев, то лодочка...

Но мысль билась и боролась, стараясь разорвать мутную паутину вертящихся дней и лиц.

Фабрикант Копылов! Вот в чем дело!

А Бабаев не туда метит, стреляет по воробьям.

Между тем в окна стали хмуриться розовые апрельские сумерки. Барышни с каким-то остервенением, словно гонимые вихрем, бросали свои машинки и сиденья, поспешно пудрились, прятали в большие ридикюли листы чистой бумаги, карандаши и перья, останавливались около уборной, чтобы поправить шляпку и бежали по лестнице вниз на улицу. Все комнаты учреждения делались похожими на покинутый дом обезлюдевшего города. И только одна уборщица Лукерья

шарила по столам, не оставил ли кто-нибудь случайно кусочек сахара.

Андронников поспешно, сбивчиво, зачеркивая и перечеркивая, выводил на бумаге:

"Без создания известной техники невозможно создать коммунизма. Те навыки, которые были приобретены раньше... те навыки..."

"Футы чорт! - подумал он. - Не клеится мысль, совсем не клеится!"

Зачеркнул все написанное.

И опять стал писать, выражая по-другому все одну и ту же мысль. Выбивался из сил, чтобы обосновать ее. Насиловал свой мозг. И каждый раз написанное ему не нравилось.

Совсем вечером ушел он из Управления.

И странно: ноги сами понесли его куда-то. В ногах была своя воля. "Куда я иду?" - смутно спрашивал он себя. "В Сокольники, на окраину Москвы," - отвечали ноги. И несли его, как паруса челн. Вспомнил Андронников, что бывал он здесь на заводах. Вспомнил автомобильный завод и трамвайный парк.

"Туда, туда", - толкали его ноги. "Зачем? К кому?" - возражал его разум. - "Туда, туда", - упрямылись ноги. И несли его, как колеса под гору.

Долго крутился Андронников среди низеньких домиков, у которых стены были пропитаны потом, где каждое окно кричало в улицу о борьбе за хлеб, где каждое ветхое перильце цеплялось за жизнь. Тут, словно ища исхода, как источник в каменистой почве, Андронников ходил, кружился.

Домой вернулся поздно. Пропустил сразу три заседания. И спал без снов в своем номере под стеклянным колпаком.

К нему что-то вернулось от прежнего. И это что-то заполняло разрыв между прежним и настоящим. Создавалась связь между прежней борьбой и теперешней судьбой.

И опять как прежде - хотя еще смутно виднелся, мелькая, тернистый путь борьбы, борьбы.

А в двух шагах от него, тут же вокруг 2-го Дома Советов шумела, кишела совсем по своему многолюдная, разноцветная Москва.

Генерал Самсониевский, истощенный голодом до сухаря, гордый и непреклонный, в генеральской накидке и хлюпающих галошах (с разрезами сзади для шпор) выходил погулять в театральные садик и шамкал губами "Отче наш". Фабрикант Копылов мелькал на автомобиле: то осматривать склад, то к Бернгэму спекулировать бриллиантами.

И проститутки выходили на улицу каждый вечер. И старый еврей, бродячий музыкант, стоя среди Театральной площади, плакал на окарине тонкими, переливчатыми звуками.

- О чем это он играет, няня? - спросила однажды проходившая мимо девочка свою няню.

- Видно кушать хочет, о хлебушке поет, о хлебушке.

Александр Твардовский.⁸ «Ленин и печник»

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети - попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

---

⁸Собр. соч. в 5-ти томах. Из-во "Художественная литература", М., 1966

За версту - как шел пешком -
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги - напрямик.

А печник и рад отчасти,-
По-хозяйски руку в бок,-
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе,-
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

- Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! -
Да с плеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.
А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
- Хорошо ругаться можешь! -
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник - душа живая,-
Знай меня, не лыком шит! -
Припугнуть еще желая:
- Как фамилия? - кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
- Ленин,- просто отвечает.
- Ленин! - Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабывать печник не мог.

А по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника

На коне в возке хорошем -
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.

Входят гости:
- Вы такой-то?.

Свесил руки:
- Вот он я...

- Собирайтесь! -
Взял он шубу,
Не найдет, где рукава.
А жена ему:
- За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе - головой.
- Попрошу,- сказал военный.
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки напрямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом,-
Ну овин - ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок -
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог -

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал:
- Хорошо ругаться можешь,-
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было,- прочь.
- Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
- То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч - рывком,

Достает инструмент. - Ну-ка...-
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда
Догадался - и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось - песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас -
Дело поправимо,
Дело это - плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, - тех слов дороже
Не слышал еще печник:
- Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну а руки в глине были -
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все запнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел - его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощеньем
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.
Сознаю свою ошибку...

Только Ленин перебил:
- Вон ты что, - сказал с улыбкой, -
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, -
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет - не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
- Где ты, как? - душа горит...
- Да у Ленина за чаем
Засиделся, - говорит...

1938-1940

Максим Горький. «В.И. Ленин»

Владимир Ленин умер.

Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, «который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность». Немецкая буржуазная газета «Prager Tageblatt», напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления пред его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

По тону статьи ясно, что вызвало ее не физиологическое удовольствие, цинично выраженное афоризмом: «Труп врага всегда хорошо пахнет», не та радость, которую ощущают люди, когда большой беспокойный человек уходит от них, — нет, в этой статье громко звучит человеческая гордость человеком.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших представителей русской воли к жизни и бесстрашия русского разума.

Лично для меня Ленин не только изумительно совершенное воплощение воли, устремленной к цели, которую до него никто из людей не решался практически поставить пред собою, — он для меня один из тех праведников, один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Петр Великий, Михаил Ломоносов, Лев Толстой и прочие этого ряда. Я думаю, что такие люди возможны только в России, история и быт которой всегда напоминают мне Содом и Гоморру.

Писать его портрет — трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им.

Героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска, его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, искренне верующего в возможность на земле справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е.П.Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаея Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Аpassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, детской, думаю: вот какие чудеса могут делать люди, — И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело: — Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-м, — должность адски трудная.

Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Невозможен вождь, который — в той или иной степени — не был бы тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уот Тайлоре, Фоме Мюнцере, Гарибальди. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» ценность человеческой жизни явно понижается, о чем неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырех лет позорной общеевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне культурные нации оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая глупость: тугие петли ее и по сей день душат людей.

Человек изумительно сильной воли, Ленин был во всем остальном типичным русским интеллигентом. Он в высшей степени обладал качествами, свойственными лучшей русской интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до

рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л.Андреева: «Люди живут плохо — значит, я тоже должен плохо жить».

В тяжелом, голодном 19-м году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неуютную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам.

Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Копченой рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмутив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину. Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидишь. А кругом все голодают. Ерунда.

Неприхотливый, чуждый привычки к вину, табаку, занятый с утра до вечера сложной, тяжелой работой, он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Его внимание к ним возвышалось до степени нежности, свойственной только женщине, и каждую свободную минуту он отдавал другим, не оставляя себе на отдых ничего.

Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги:

— Здравствуйте, как здоровье? Я сейчас кончу... Тут один товарищ, в провинции, скучает, видимо, устал. Надо поддержать. Настроение — немалая вещь.

На столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой. Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище... Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно в нем? Его мужицкий голос, мужицкая мысль, настоящий мужик в нем. До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня азиатскими глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный, жмурясь, точно кот на солнце.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней стыдливый отзвук глубоко скрытой, радостной любви к своему народу. На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-м, а не забываете вы Россию, живя на этой шишке?

В.А.Строев-Десницкий сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере. Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за

книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:
— Они своих не знают, а мы знаем.

Не могу представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к «простым» людям.

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина, и немало других крупных русских людей, каким-то чудесным чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех — «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться и детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:
— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объяснили ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь леси:
— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:
— Ага. Дринь-дринь.

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака:
— Синьор Дринь-Дринь.

Он уехал, а они всё спрашивали:
— Как живет синьор Дринь-Дринь? Царь не схватит его, нет?

В 1907 году, в Лондоне, несколько рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде Кто-то из них характерно сказал:
— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой такой же умный человек — Бебель или еще кто. А вот чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого, — не верится.

Другой рабочий добавил, улыбаясь:
— Этот — наш. Решительный.

Ему возразили:
— И Плеханов наш.

Я услышал меткий ответ:
— Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — товарищ наш.

Осенью 18-го года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина.
— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное.

Известно, что строже всех судят человека его служащие.

Но шофер Ленина, Гиль, много испытывавший человек, говорил:

— Ленин — особенный. Таких — нет. Вот — везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь, изломают машину, даю гудки, очень волнуюсь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофер, я знаю, так никто не сделает.

Старый знакомый мой, тоже сормовский, человек мягкой души, жаловался на тяжесть работы в Чека. Я сказал ему:

— И мне кажется, что это не ваше дело, не по характеру вам.

Он грустно согласился:

— Совсем не по характеру. Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держать душу за крылья» — насиловать органический социальный идеализм свой ради торжества дела, которому они служат.

Приходилось ли самому Ленину «держать душу за крылья»? Он слишком мало обращал внимания на себя для того, чтобы говорить о себе с другими, он, как никто, умел молчать о тайных бурях в своей душе. Но однажды, в Горках, лаская каких-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все.

Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями.

Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить. Уже только одна эта, в корне искажающая человека необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает жизнь на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека, который с такою глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, железного человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем в юности и зрелом возрасте от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной, в старости от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто, до сего дня, не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался, а между тем в стране, где живут по книгам, такое сочинение не только имело бы оглушительный успех, но тотчас же вызвало бы ряд подражаний. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для

себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Может быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее легко устранимой, так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни.

Но все равно для меня исключительно велико в нем именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустраняемая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отмести прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом, и это была в нем не русская черта. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку, — Человеку с большой буквы.

В 1907 году, в Лондоне, он памятно говорил мне:

— Может быть, мы, большевики, не будем поняты даже и массами, весьма вероятно, что нас передуют в самом начале нашего дела. Но это неважно. Буржуазный мир достиг состояния гнилостного брожения, он грозит отравить всё и всех, — вот что важно.

Через несколько лет, в Париже, кажется в начале Балканской войны, он напомнил:

— Видите, — я был прав. Началось разложение. Угроза отравиться трупным ядом теперь должна быть ясна для всех, кто умеет смотреть на события прямыми глазами.

Характерным жестом своим он сунул пальцы рук за жилет под мышками и, медленно шагая по тесной своей комнате, продолжал:

— Это — начало катастрофы. Мы еще увидим европейскую войну. Дикая резня будет. Неизбежно. Пролетариат? Думаю — пролетариат не найдет в себе сил предотвратить эту кровавую склоку. Он, конечно, пострадает больше всех, это, пока, его судьба. Но — преступники увязнут, потонут в крови, ими пролитой. Его враги — обессилеют. Это — тоже неизбежно.

Оскалив зубы, он посмотрел в окно, куда-то вдаль.

— Нет, вы сообразите: чего ради сытые гоняют голодных на бойню друг против друга, а? Можно ли примириться с этим? Можете вы указать преступление, менее оправданное, более глупое? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории.

Он часто говорил об истории, но в его речах я никогда не чувствовал фетишистического преклонения пред ее волей и силой.

В 17—21 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы видеть их, но они не могли быть иными.

Он — политик. Он в совершенстве обладал тою искусственно, но четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия.

У меня органическое отвращение к политике, и я очень сомнительный марксист, ибо плохо верю в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности.

Когда в 17-м году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами коммуны он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе,

быте, в истории русского народа. Научная, техническая, вообще квалифицированная интеллигенция, с моей точки зрения, революционна по существу своему и вместе с рабочей, социалистической интеллигенцией — для меня самая драгоценная сила, накопленная Россией; иной силы, способной взять власть и организовать деревню в России 17-го года, не было и нет. Но эти силы, количественно незначительные и раздробленные противоречиями, могли бы выполнить свою роль только при условии прочнейшего внутреннего единения. Пред ними стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать, преобразить его хозяйство и всем этим быстро двинуть страну вперед; все это достижимо лишь при наличии подчинения инстинктов деревни организационному разуму города.

Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. В этих целях я предложил устроить на Капри школу для рабочих и в годы реакции, 1907—1912, усиленно пытался всячески поднять бодрость духа рабочих. Ради этой цели тотчас после февральского переворота, весной 17-го года, была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», учреждение, которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде. Во главе ассоциации встали крупные ученые, члены Российской Академии наук В.А.Стеклов, Л.А.Чугаев, академик Фереман, С.П.Костычев, Л.А.Петровский и ряд других. Деятельно собирались средства: С.П.Костычев уже приступил к поискам места для устройства исследовательского института по вопросам зооботаники. Начинание это было уничтожено октябрьской революцией, средства ассоциации конфискованы.

Для большей ясности скажу, что основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства ее и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций. Диктатура политически грамотных рабочих в гесном союзе с интеллигенцией была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню. С коммунистами я расхожусь по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят и все «большевики», воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности. Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадью, запряженной в тяжкий воз истории России. Несмотря на все толчки и возбуждения, испытанные им, разум народных масс все еще остается силой, требующей руководства извне.

Я знаю, что за эти мысли буду еще раз осмеян политиками революции. Я знаю также, что наиболее умные и честные из них будут смеяться неискренно.

До 18-го года, до пошлейшей попытки убить Ленина, я не встречался с ним в России и даже издали не видел его. Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукою и едва двигал простреленной шеей. В ответ на мое возмущение он сказал неохотно, как говорят о том, что надоело:

— Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет.

Мы встретились очень дружески, но, разумеется, пронзительные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением. Взгляд очень привычный мне, — вот уже лет тридцать смотрят на меня так. Уверенно ожидаю, что этим же взглядом проводят меня и в могилу. В этой уверенности не следует искать самохвальства, я не хочу ею намекнуть, что именно «заблудившиеся» всегда открывают новые пути и Америки. Но мне легче соглашаться из уважения к ним, даже из вежливости, чем по необходимости, ясной для них, но неясной для меня.

Через несколько минут Ленин азартно говорил:

— Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их нет, не может быть. Они никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуты в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась.

— Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре, а?

Ироническое, характерное:

— Гм-гм...

Острый взгляд становится еще острее, и пониженным голосом Ленин продолжает:

— Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много и правильно шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто.

— Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — неплохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Он засмеялся и беззлобно сказал:

— За это мне от интеллигенции уже попало по шее.

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. И — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков.

Беседы с ним на эту тему возникали почти при каждой встрече. И хотя на словах его отношение к интеллигенции оставалось недоверчивым, враждебным, — на деле он всегда правильно оценивал значение интеллектуальной энергии в процессе революций и как будто соглашался с тем, что, в сущности, в идеале, революция является взрывом именно этой энергии, не нашедшей для себя в изжитых и тесных условиях возможности закономерного развития.

Помню, я был у него с тремя членами Академии наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать — одно удовольствие. Особенно понравился мне этот...

Он назвал одно из крупных имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

— Спросите Z, пойдет он работать с нами?

И когда Z принял предложение, это искренно обрадовало Ленина; потирая руки, он шутил:

— Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перевернется.

На 8 съезде партии Н.И.Бухарин, между прочим, сказал:

— Нация — значит буржуазия вместе с пролетариатом. Ни с чем несообразно признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии.

— Нет, извините, — возразил Ленин, — это сообразно с тем, что есть. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации пролетариата от буржуазии, но — посмотрим еще, как оно пойдет.

Затем, показав на примере Германии, как медленно и трудно развивается процесс этой дифференциации, и упомянув, что «не путем насилия внедряется коммунизм», он так высказался по вопросу о значении интеллигенции в промышленности, армии и кооперации; цитирую по отчету «Известий» о прениях на съезде:

«Этот вопрос на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средства буржуазной науки и техники сделают его более доступным массам.

А для этого надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех специалистов. Без буржуазных специалистов нельзя поднять производительной силы. — Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистами, поставить в такие условия, чтобы они не могли вырваться, но надо дать возможность работать им лучше, чем при капиталистах, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. — Буржуазные специалисты привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т.е. обогащали буржуазию огромными материальными предприятиями и в ничтожных дозах уделяли ее для пролетариата. Но они все-таки двигали культуру — в этом их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс не только ценит культуру, но и помогает проведению ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Тогда они будут поработаны морально, а не только политически устранены от буржуазии. Надо вовлечь их в наш аппарат, а для этого надо иногда и на жертвы идти. По отношению к специалистам мы не должны придерживаться системы мелких придилок. — Мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика. — Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовывали меньшевиков и левых эсеров, то через эти колебания все же идет одна самая твердая линия: контрреволюцию отсекай, культурно-буржуазный аппарат использовать».

Но не мое дело говорить о Владимире Ленине-политике, мне дорог и близок Ленин-человек.

Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Меня изумляла его нечеловеческая работоспособность.

Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира, — роль врага хаоса.

Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным честным солнцем юга, любоваться золотыми цветами Дрека и чумазыми ребятами рыбаков. А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал:

— А я мало знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка — и почти всё.

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно «заливался» смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию «гм-гм» он умел придавать бесконечную гамму оттенков, — от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом «гм-гм» звучал острый юмор, доступный только человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни.

Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами великого хитреца, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви и красоты.

Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильный жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью. И на лице монгольского типа горели, играли эти острые глаза неумолимого охотника на ложь и горе жизни, горели прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и жутко-ясной. Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе. Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды, и хотя часто правда эта была неприемлема для меня, однако же не чувствовать силы ее я не мог.

Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горок, — до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова. Они всегда напоминают мне холодный блеск железных стружек. С удивительной простотой из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали «обыденной жизнью».

Мне отвратительно памятен такой факт: в 19-м году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, исказить, осмеивать, порочить прекрасное.

Не следует думать, что поведение «деревенской бедноты» было подчеркнуто мною по мотивам моего скептицизма по отношению к мужику, нет, — я знаю, что болезненным желанием изгадить красивое страдают и некоторые группы интеллигенции, например, те эмигранты, которые, очевидно, думают, что если их нет в России, — в ней нет уже ничего хорошего.

Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить во что бы то ни стало человека необыкновенного. Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут, если они жаждут, — вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

«Не мешайте нам жить, как мы привыкли».

Владимир Ленин был человеком, который так исхитрился помешать людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это.

Не знаю, чего больше вызвал он: любви или ненависти? Ненависть к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие чумные пятна всюду блещут ярко. Но я боюсь, что и любовь к Ленину у многих только темная вера измученных и отчаявшихся в чудотворца, та любовь, которая ждет чуда, но ничего не делает, чтобы воплотить свою силу в тело жизни, почти омертвевшей от страданий, вызванных духом жадности у одних, чудовищной глупостью — у других.

Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта. — Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас со всех сторон медведем лезет контрреволюция, а мы что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь? — Какою мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды, после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне, почти презрение. Он спрашивал: — Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?

Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов пролетариата, не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головою и говорил: — Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— Гм-гм, — скептически ворчал Ленин на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу.

— Между нами, — говорил он, — ведь они изменяют, предательствуют чаще всего из трусости, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент.

И все-таки я не помню случая, когда бы Ильич отказал в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех проклятых «недостатков механизма», которыми всегда изобиловала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и чье-то злое нежелание облегчить судьбу людей, спасти их жизнь. Мечь и злоба тоже часто действуют по инерции. И, конечно, есть маленькие, психически нездоровые люди с болезненной жадной наслаждаться страданиями ближних.

Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность, а и забота о будущем их. Так, например, одному генералу, ученому, химику, угрожала смерть.

— Гм-гм, — сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. — Так, по-вашему, он не знал, что

сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

- А генерала вашего — выпустим, кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?
- Гомоземлюсью...
- Да, да, — карболку какую-то. Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтоб скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией.

Через несколько дней он снова спрашивал:

- А как — генерал? Устроился?
- Ну, хорошо, — говорил он мне в другой раз, по поводу некой просьбы исключительной важности, — ну, ладно, — возьмете вы на поруку этих людей. Но ведь их надо устроить так, чтоб не вышло какой-нибудь шингаревщины. Куда же мы их? Где они будут жить? Это — дело тонкое!

Дня через два, в присутствии людей не партийных и мало знакомых ему, он озабоченно спросил:

- Устроили вы все, что надо, с поруками за четверых? Формальности? Гм-гм, — заедают нас эти формальности.

Спасти этих людей не удалось, их поторопились убить. Мне говорили, что это убийство вызвало у Ленина припадок бешеного гнева.

В 19-м году в Петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

- Я княгиня Ц., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

- Если это и выдуманно, так выдуманно неплохо. Шуточка революции.

Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

- Да, этим людям туго пришлось, история — мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо. Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и снова к земле не прирастут. А трансплантация, пересадка в Европу, умных не удовлетворит. Не вживутся они там, как думаете?
- Думаю — не вживутся.
- Значит — или пойдут с нами, или же снова будут хлопотать об интервенции.

Я спросил: кажется мне это, или он действительно жалеет людей?

- Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови.

И вспомнив некоторых товарищей, которые изжили классовую зоопсихологию, работают с «большевиками», он удивительно нежно, ласково заговорил о них.

Сам почти уже больной, очень усталый, он писал мне 9.VIII.1921 года: А.М.! Переслал Ваше письмо Л.Б.Каменеву. Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерасчетливо. В Европе, в хорошей санатории будете и

лечиться и втрое больше дело делать. Ей-ей. А у нас — ни леченья, ни дела, одна суетня, зряшная суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас!

Ваш *Ленин*

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтоб я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то где-то болен, нуждается в отдыхе.

Таких писем, каково приведенное, он написал разным людям, вероятно, десятки и десятки.

Я уже говорил о его совершенно исключительном отношении к товарищам, о внимании к ним, которое пронизательно догадывалось даже о неприятных мелочах их жизни. Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая, иногда, свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам.

Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным. Я знаю, что между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знак равенства, но сам он этого как бы не знал, а вернее — не хотел знать. Он был резок с людьми, споря с ними, безжалостно высмеивал, даже порою ядовито издевался — все это так.

Но сколько раз в его суждениях о людях, которых он вчера распинал и «разносил», я совершенно ясно слышал ноты искреннего удивления пред талантами и моральной стойкостью этих людей, пред их упорной и тяжелой работой адских условий 1918—1921 годов, работой в окружении шпионов всех стран и партий, среди заговоров, которые гнилыми нарывами вздувались на истощенном войною теле страны. Работали — без отдыха, ели мало и плохо, жили в непрерывной тревоге.

Но сам Ленин как будто не испытывал тяжести этих условий и тревог жизни, потрясенной до самых глубочайших основ своей кровавой бурей гражданской распри. И только один раз, в беседе с М.Ф.Андреевой, у него, по ее словам, вырвалось что-то подобное жалобе:

— Что ж делать, милая М.Ф.? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете, мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!

Лично я слышал от него лишь одну жалобу:

— Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!

Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова:

«В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай».

И, посмеявшись, сказал, со вздохом:

— Какая умница! Эх...

Именно с уважением и удивлением он сказал, проводив из кабинета одного товарища «хозяйственника»:

— Вы давно знаете его? Он был бы во главе кабинета министров любой европейской страны.

И, потирая руки, посмеиваясь, добавил:

— Европа беднее нас талантливыми людьми.

Я предложил ему съездить в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но — поехал. В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобritельно сказал:

— Гм-гм! — и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

— А как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то, изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что придете вы с товарищем, но умолчал, кто товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация! Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похихатывал и говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И. есть и еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто — по слухам — будто бы не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Удивленный его лестной оценкой, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной.

— Да, да, — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много, и кажется, особенно много обо мне и Троцком.

Ударив рукой по столу, он сказал:

— А вот показали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас — все есть! И — чудеса будут!

Он вообще любил людей, любил самоотверженно. Его любовь смотрела далеко вперед и сквозь тучи ненависти.

И был он насквозь русский человек — с «хитрецей» Василия Шуйского, с железной волей протопопа Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого. Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывая свою страну, —

издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду на темном фоне фантастической русской жизни, блестящей золотыми звездами.

Владимир Ленин разбудил Россию, и теперь она не заснет.

Он по-своему — и хорошо — любил русского рабочего. Это особенно сказывалось, когда он говорил о европейском пролетариате, когда указывал на отсутствие в нем тех свойств, которые так четко отметил Карл Каутский в своей брошюре о русском рабочем.

Владимир Ленин — большой, настоящий человек мира сего — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно!

Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение — значение вождя всемирного трудового народа.

И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира.

И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память.

Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его живы.

В конце концов побеждает все-таки честное и правдивое, созданное человеком, побеждает то, без чего нет человека.

Примечание

Впервые в отрывках под заглавием «Горький о Ленине» напечатано в газете «Известия ВЦИК» (1924. №84. 11 апреля). Затем с небольшими сокращениями под заглавием «Владимир Ленин» — в журнале «Русский современник» (1924. №1 (май)). Первые отдельные издания: Максим Горький. Ленин: (Личные воспоминания). М., 1924; М. Горький. Владимир Ленин. Л., 1924. Сразу же очерк был переведен на иностранные языки и напечатан в Англии, Франции, США и Германии. Полностью первая редакция появилась под заглавием «В.И. Ленин» в книге: М. Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки. Берлин: Книга, 1927, а также в 19-м томе Собрания сочинений Горького, вышедшем в том же издательстве. Без изменения первая редакция была перепечатана в 20-м томе Собрания сочинений Горького, выходившем в это же время в России в Государственном издательстве (ГИЗ).

В 1930 году в связи с подготовкой нового Собрания сочинений Горького к нему обратился с письмом заведующий ГИЗ А.Б. Халатов: «Вашей статьей о Ленине мы очень дорожим. Но мы просим Вас ее пересмотреть и проредактировать, учтя наши замечания. Вы знаете, как осторожно мы относимся к каждому слову о Ленине, и Вы не осудите нас за то, что мы вынуждены обратиться к Вам с этой настоятельной просьбой».

С учетом этих замечаний, а также в результате знакомства с уже изданными к 1930 году воспоминаниями о Ленине других лиц, Горький и приступил к работе над второй редакцией очерка, вышедшей в 1931 году отдельным изданием в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ). Этот текст впоследствии и стал каноническим.

Вторая редакция существенно шире первой. Образ вождя Октябрьской революции, насыщенный многими бытовыми подробностями, оказался человечнее и ближе пониманию простого читателя. В то же время исчезла угловатость, «графичность» первой редакции, написанной по недавним впечатлениям (Горький покинул Россию в 1921 году во многом из-за несогласия с политикой большевиков и лично Ленина).

Но вместе с тем во второй редакции нетрудно обнаружить стремление писателя приспособить образ вождя к духу нового времени. Так, очевидно в угоду Сталину, вставлены слова Ленина о Троцком: «А все-таки он не наш! С нами, а — не наш...» С другой стороны, снятым оказалось сравнение Ленина с Петром I, заострявшее исторический вопрос о русской революции в первой редакции. Появились в новой редакции и покаянные нотки, говорившие о том, что Горький либо пересмотрел свои взгляды 1917—1918 годов, отчетливо выраженные в цикле «Несвоевременные мысли», либо в начале 1930-х счел их действительно «несвоевременными». Оставив во второй редакции место, где он писал о несогласии с политикой Ленина в отношении научной и художественной интеллигенции, этой «горсти соли», брошенной «в пресное болото» русской жизни, Горький тем не менее посчитал нужным покаяться: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть». Однако — не вычеркнул.

В настоящем издании напечатана полностью первая редакция очерка Горького о Ленине. Ее все же следует рассматривать не как текст, отражающий последнюю волю писателя, но как исторический документ.

Анатолий Луначарский. «Ленин и искусство (Воспоминания)»

- Впервые — «Художник и зритель», 1924, № 2—3, февраль—март.
- Печатается по тексту кн.: Луначарский А. В. Об изобразительном искусстве, т. 2, с. 7—12.

У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, он всегда называл себя в этом отношении профаном, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определены. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д.

Еще в 1905 году, во время первой революции, ему пришлось раз ночевать в квартире товарища Д. И. Лещенко,¹¹⁰ где, между прочим, была целая коллекция кнаффуссовских изданий¹¹¹ посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне:

«Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством».

Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко.

Несколько раз приходилось мне встречаться с ним уже после Октябрьской революции по поводу разных художественных жюри. Так, например, помню, он вызвал меня, и мы вместе с ним поехали на выставку проектов памятников, на предмет замены фигуры Александра III, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа Спасителя¹¹² Владимир Ильич очень критически осматривал все эти памятники. Ни один из них ему не понравился. С особым удивлением стоял он перед памятником футуристического пошиба, но, когда спросили о его мнении, он сказал: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского».¹¹³ На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-

нибудь футуристическое чучело».

В другой раз дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М.¹¹⁴ проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: «Карл Маркс, стоящий на четырех слонах». Такой неожиданный мотив показался нам всем странным и Владимиру Ильичу тоже. Художник стал переделывать свой памятник и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина¹¹⁵ то скульптор М. ворвался в кабинет Владимира Ильича и пожаловался ему. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое жюри. Сказал, что сам приедет посмотреть алешинский проект и проект скульптора М. Пришел. Остался алешинским проектом очень доволен, проект скульптора М. отверг. В этом же году, на празднике Первого мая, в том самом месте, где предполагалось воздвигнуть памятник Марксу, алешинская группа построила в небольшом масштабе модель памятника. Владимир Ильич специально поехал туда.¹¹⁶ Несколько раз обошел памятник вокруг, спросил, какой он будет величины, и в конце концов одобрил его, сказав, однако:

«Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожей, чтобы было то впечатление от Карла Маркса, какое получается от хороших его портретов, а то как будто сходства мало».

Ещё в 1918 году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство; при этом он изложил два проекта.¹¹⁷ Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил.

Этот проект был подхвачен и своеобразно осуществлен т. Брихпичевым, который был тогда заведующим Гомельским ОНО. Гомель я нашел буквально испещренным такими надписями. Даже все зеркала в каком-то большом ресторане, превращенном в просветучреждение, т. Брихничев расписал изречениями.

В Москве и Петрограде это не привилось не только в столь преувеличенной форме, но даже в форме, соответствовавшей мысли Ильича.¹¹⁸

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе — памятников временных, из гипса, как в Петрограде, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на мое предложение осуществить идею Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник, будет торжественно открываться речью о данном революционере и на пьедестале будут сделаны разъясняющие надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой».¹¹⁹

В Петрограде эта «монументальная пропаганда» была довольно удачной. Первым таким памятником был Радищев скульптора Шервуда.¹²⁰ Копию его поставили в Москве.¹²¹ К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петербургских памятников по самой хрупкости материала не могло удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например, бюсты Гарибальди, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие.¹²² Хуже выходили памятники с «левым» художественным уклоном; так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской,¹²³ то некоторые прямо шарахнулись в сторону. <...> Памятник немедленно был снят. Так же точно, помнится, памятник Чернышевскому многим показался чрезвычайно вычурным.¹²⁴ Лучшее всех был памятник Лассалю*. Этот памятник, поставленный у бывшей городской думы, остался и до сих пор. Кажется, его отлили из бронзы. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым.¹²⁵ К сожалению, он разбился и сейчас заменен и в том же

месте, то есть около Смольного, бронзовой головой Маркса более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева.

* Памятник Лассалю художника Залита.¹²⁶

В Москве, где как раз мог видеть памятники Владимир Ильич, они были неудачны. Маркс и Энгельс изображены были в каком-то бассейне и получили прозвище «бородатых купальщиков».¹²⁷ Всех превзошел скульптор К.¹²⁸ В течение долгого времени люди и лошади, ходившие и ездившие по Мясницкой, пугливо косились на какую-то взбесившуюся фигуру, закрытую из предосторожности досками. Это был Бакунин в трактовке уважаемого художника. Если я не ошибаюсь, памятник сейчас же по открытии его был разрушен анархистами, так как при всей своей левацкой «передовитости» анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного издевательства над памятью своего вождя.

Вообще удовлетворительных памятников в Москве было очень мало. Лучше других, пожалуй, был памятник поэту Никитину.¹²⁹ Я не знаю, смотрел ли их подробно Владимир Ильич, но, во всяком случае, он как-то с неудовольствием сказал мне, что из монументальной пропаганды ничего не вышло. Я ответил ссылкой на петроградский опыт. Владимир Ильич с сомнением покачал головой и сказал: «Что же, в Петрограде собрались все таланты, а в Москве бездарности?» Объяснить ему такое странное явление я не мог.

С некоторым сомнением относился он и к мемориальной доске скульптора Коненкова. Она казалась ему не особенно убедительной. Сам Коненков, между прочим, не без остроумия называл это произведение «мнимо-реальной доской».¹³⁰ Помню я также, как художник Альтман подарил Владимиру Ильичу барельеф, изображавший Степана Халтурина. Владимиру Ильичу барельеф очень понравился, но он спросил меня, не футуристическое ли это произведение? К футуризму он вообще относился отрицательно. Я не присутствовал при разговоре его во Вхутемасе, в общежитие которого он как-то заезжал, так как там жила, если не ошибаюсь, какая-то молодая его родственница. Мне потом передавали о большом разговоре между ним и вхутемасовцами, конечно, сплошь «левыми». Владимир Ильич отшучивался от них, насмехался немножко, но и тут заявил, что серьезно говорить о таких предметах не берется, ибо чувствует себя недостаточно компетентным. Самую молодежь он нашел очень хорошей и радовался ее коммунистическому настроению.¹³¹

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется, исключительно в Художественном, который очень высоко ставил. Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление.¹³²

Владимир Ильич сильно любил музыку, но расстраивался ею. Одно время у меня на квартире устраивались хорошие концерты. Пел иногда Шаляпин, играли Мейчик, Добровейн, Романовский, квартет Страдивариуса, Кусевицкий и т. д. Я много раз звал Владимира Ильича, но он всегда был занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но, представьте, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переносу». Помнится. Цюрупа, которому раза два удалось залучить Владимира Ильича на домашний концерт пианиста Романовского, говорил мне также, что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован.

Прибавлю к этому, что Владимир Ильич очень нервно относился к Большому театру.¹³³ Мне несколько раз приходилось указывать ему, что Большой театр стоит нам сравнительно дешево, но все же, по настоянию Владимира Ильича, ссуда ему была сокращена. Руководился Владимир Ильич двумя соображениями. Одно из них он сразу назвал. «Неловко, — говорил он, — содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне». Другое соображение было выдвинуто, когда я на одном из заседаний

оспаривал его нападения на Большой театр. Я указывал на несомненное культурное значение его. Тогда Владимир Ильич лукаво прищурил глаз и сказал: «А все–таки это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет».

Из этого не следует, что Владимир Ильич был вообще враждебен к культуре прошлого. Специфически помещичьим казался ему весь придворно–помпезный тон оперы. Вообще же искусство прошлого, в особенности русский реализм (в том числе и передвижники, например), Владимир Ильич высоко ценил.

Вот те фактические данные, которые я могу привести из моих воспоминаний об Ильиче. Повторяю, из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей.

Товарищи, интересующиеся искусством, помнят обращение ЦК по вопросам об искусстве, довольно резко направленное против футуризма. Я не осведомлен об этом ближе, но думаю, что здесь была большая капля меду самого Владимира Ильича. В то время, и совершенно ошибочно, Владимир Ильич считал меня не то сторонником футуризма, не то человеком, исключительно ему потворствующим, потому, вероятно, и не советовался со мной перед изданием этого рескрипта ЦК, который должен был, на его взгляд, выпрямить мою линию.¹³⁴

Расходился со мной довольно резко Владимир Ильич и по отношению к Пролеткульту. Один раз даже сильно побранил меня. Скажу, прежде всего, что Владимир Ильич отнюдь не отрицал значения кружков рабочих для выработки писателей и художников из пролетарской среды и полагал целесообразным их всероссийское объединение; но он очень боялся поползновения Пролеткульта заняться и «выработкой» пролетарской науки и вообще пролетарской культуры во всем объеме. Это, во–первых, казалось ему совершенно несвоевременной и непосильной задачей, во–вторых, он думал, что такими, естественно, пока скороспелыми выдумками пролетариат отгородится от учебы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры, и, в–третьих, Владимир Ильич побаивался, по–видимому, и того, чтобы в Пролеткульте не свила себе гнезда какая–нибудь политическая ересь. Довольно недружелюбно относился он, например, к большой роли, которую в Пролеткульте играл в то время А. А. Богданов.

Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта, кажется, в 1920 году, поручил мне поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я средактировал довольно уклончиво и примирительно. Мне казалось неправильным идти в какую–то атаку и огорчать собравшихся рабочих. Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес. Позднее Пролеткульт был перестроен согласно указаниям Владимира Ильича. Повторяю, об упразднении его он никогда и не думал. Наоборот, к чисто художественным его задачам относился с симпатией.¹³⁵

Новые художественные и литературные формации, образовавшиеся во время революции, проходили большей частью мимо внимания Владимира Ильича. У него не было времени ими заняться. Все же скажу — «Сто пятьдесят миллионов» Маяковского Владимиру Ильичу определенно не понравились.¹³⁶ Он нашел эту книгу вычурной и штукарской*. Нельзя не пожалеть, что о других, более поздних и более зрелых поворотах литературы к революции он уже не мог высказаться.

Всем известен огромный интерес, который проявлял Владимир Ильич к кинематографии.

* Зато небольшое стихотворение того же Маяковского о волоките очень насмешило Владимира

Ильича, и некоторые строки он даже повторял.¹³⁷

---

¹¹⁰ Лещенко Дмитрий Ильич (1876—1939) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1900 г. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, с 1924 г. — на научно-педагогической работе.

¹¹¹ Серия обильно иллюстрированных монографий, издававшихся с 1895 г. в Германии художником и искусствоведом Германом Кнакфуссом (1848—1915).

¹¹² 14 апреля 1918 г. был опубликован декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». Памятник Александру III работы скульптора А. М. Опекушина и архитектора А. Н. Померанцева, воздвигнутый в 1912 г., был разобран в 1918 г., и на его месте было решено поставить памятник «Освобожденному труду». 1 мая 1920 г. В. И. Ленин после выступления с речью на закладке памятника «Освобожденному труду» побывал на выставке скульптурных проектов этого памятника.

¹¹³ Речь идет о проекте Б. Д. Королева.

¹¹⁴ Меркуров Сергей Дмитриевич (1881—1952).

¹¹⁵ Проект группы скульптора Сергея Семеновича Алешина (1886—1963) получил первую премию на конкурсе Наркомпроса 15 апреля 1920 г. 20 апреля 1920 г. Совнарком утвердил эскиз Алешина и поручил его группе приступить к созданию памятника. Проект не был осуществлен.

¹¹⁶ Закладка проекта-модели памятника К. Марксу, созданного совместно с С. В. Кольцовым, состоялась 1 мая 1920 г. в Москве на площади Свердлова в присутствии В. И. Ленина, который произнес там речь.

¹¹⁷ Луначарский подробнее рассказывает о беседе в статье «Ленин о монументальной пропаганде» («Литературная газета», 1933, 29 января, № 4—5).

¹¹⁸ Ленин выражал возмущение тем, что «для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 182). Об этом он телеграфировал 18 сентября 1918 г. Луначарскому. В дальнейшем на стенах некоторых московских зданий появились (иногда оформленные в виде барельефов) актуальные лозунги, а также цитаты из сочинений основоположников марксизма и революционных мыслителей. (Перечень мемориальных досок приводится в кн.: «Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1925 год», с. 589.) В подборе текстов принимал непосредственное участие Луначарский.

¹¹⁹ См. статью «Монументальная агитация» и примечания к ней в настоящем томе, а также приложение 10.

¹²⁰ На открытии памятника А. Н. Радищеву, поставленного в Петрограде, в проломе решетки Зимнего дворца, 22 сентября 1918 года Луначарский произнес речь. Он же выступал с речами и при открытии в Петрограде памятников Марксу, Герцену, Добролюбову, Шевченко, Гарибальди, Лассалю.

¹²¹ Памятник Радищеву в Москве (тоже работы Л. Шервуда) был поставлен на Триумфальной площади (теперь площадь Маяковского). Открытие его состоялось 6 октября 1918 г.

¹²² Памятник Гарибальди работы К. Залита (Зале) был поставлен у Московских ворот; памятник

Шевченко работы Я. Тильберга — на улице Красных Зорь; памятник Герцену работы Л. Шервуда — у Литейного моста.

¹²³ Памятник С. Перовской работы И. Гризелли был поставлен в 1918 г. в Петрограде на площади Восстания.

¹²⁴ Памятник Чернышевскому работы Т. Залькална был поставлен в 1918 году на Сенатской площади.

¹²⁵ Памятник Марксу работы А. Матвеева был поставлен в Петрограде перед Смольным. Открытие состоялось 7 ноября 1918 г.

¹²⁶ Луначарский ошибочно приписал этот памятник К. Залиту. В 1918 г. на Невском проспекте у здания бывш. Городской думы был поставлен памятник Лассалю работы В. Синайского.

¹²⁷ Памятник Марксу и Энгельсу работы С. Мезенцева.

¹²⁸ Б. Д. Королев (1885—1963) — советский скульптор. По другим воспоминаниям Луначарского, анархисты только угрожали разрушить памятник, который уже решено было снять (ср. в статье «Советское государство и искусство» в настоящем томе).

¹²⁹ Памятник поэту И. С. Никитину работы А. Блажеевича был открыт на Театральной площади (ныне площадь Свердлова) у Китайгородской стены 3 ноября 1918 г.

¹³⁰ Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» работы скульптора С. Т. Коненкова, установленная на стене Сенатской башни Кремля, была открыта 7 ноября 1918 г. На церемонии открытия с речью выступил В. И. Ленин.

¹³¹ 25 февраля 1921 г. В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской посетил общежитие Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас), где жила дочь умершей деятельницы международного коммунистического движения Инессы Арманд. Об этой поездке Ленина во Вхутемас и беседе его со студентами рассказывается в воспоминаниях И. А. Арманд и С. Сенькина (см. в кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969).

¹³² Ленин посетил в эти годы в Московском Художественном театре спектакли «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, «Дядя Ваня» А. П. Чехова, «На дне» М. Горького, а также спектакли Первой студии МХТ «Потоп» Ю.—Х. Бергера и «Сверчок на печи» Ч. Диккенса.

¹³³ Отношение Ленина к Большому театру было более многосторонним. П. Н. Лепешинский рассказывает, как в 1919 г. В. И. Ленин на заседании Совнаркома отстоял Большой и Малый театры от покушений закрыть их под тем предлогом, что они якобы не нужны «рабоче-крестьянской республике» (см.: Лепешинский П. И. На повороте. М., 1955, с. 110—112). Сам же Луначарский не согласился, несмотря ни на какие требования рабочих, поддержанные даже Политбюро, с предложением закрыть Большой театр и настоял, при помощи М. И. Калинина, на отмене решения Политбюро (см.: Генкина Э. Б. О ленинских методах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство. — «Вопросы истории», 1965, № 4, с. 40—41).

¹³⁴ Имеется в виду письмо ЦК РКП (б) «О Пролеткультах», опубликованное в «Правде» 1 декабря 1920 г. См. также примечания к статье «Об Отделе изобразительных искусств».

¹³⁵ Первая конференция пролетарских культурно-просветительных обществ состоялась под председательством Луначарского 16—19 октября (29 октября—1 ноября) 1917 г. в Петрограде. См.

также приложение 11.

¹³⁶ Отрицательная оценка поэмы Маяковского «150 000 000» нашла свое выражение в записках В. И. Ленина Луначарскому и М. Н. Покровскому от 6 мая 1921 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 179—180).

¹³⁷ См. известный отзыв В. И. Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 13).

Мария Прилежаева. «Жизнь Ленина»

Эта повесть о жизни Ленина, о его детстве и юности, об основных этапах его революционной борьбы и государственной деятельности.

Для младшего школьного возраста.

РАДОСТЬ

Над Симбирском заливаются жаворонки. Звенят в небе над Волгой. Волга круто повернула у города, несет к югу глубокие воды. Льды недавно прошли. С высокого симбирского берега видны луга, синие дали. Плывет по Волге пароход.

"Белый пароход, куда ты поплывешь?" - "Далеко, к морю Каспию".

В Симбирске весна. Слышно, как хором щебечут воробьи.

Все улицы и сады полны птичьим щебетом. В Карамзинском сквере по черной клумбе важно расхаживает грач с большим серым клювом. Ветер треплет ветви берез. На улицах весенняя радость.

А в доме Ульяновых радость. Дом Ульяновых недалеко от Волги. Солнце горячо светит в окна. Доносятся гудки пароходов.

Мама нагнулась над колыбелью. В колыбели сын. Мама глядит на него с задумчивой лаской: "Кем ты будешь? Какая тебя ждет судьба?"

Вошел отец, Илья Николаевич Ульянов - инспектор народных училищ Симбирской губернии. У него важная работа. Хорошо ли учителя учат ребят? Илья Николаевич помогает, советует учителям, как лучше учить. Добивается, чтобы как можно больше было новых народных школ в Симбирской губернии. Заботится, чтобы вдоволь было для школьников книг и учебников. Очень полезная для народа работа у Ильи Николаевича!..

- Машенька! - позвал он, входя. - Добрый день, Маша милая!

Вместе с отцом пришли к маме старшие дети - Анюта и Саша. Темноглазой курчавой Анюте шесть лет. Саше четыре.

Полные любопытства, они приблизились к колыбели.

- Дети! - сказал Илья Николаевич. - У вас родился брат. Любите его.

- Какой маленький! - удивилась Анюта.

- Подрастет, будет большим, - ответил отец.

- А как его зовут? - спросил Саша, поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше увидеть младшего брата.

- Назовем Володей, - ответила мама.

- Хорошо, пусть будет Владимир, - согласился отец.

- Хорошо! - согласились и дети. - У нас брат Володя!

Так 22 апреля 1870 года в городе Симбирске на Волге появился на свет новый человек, Владимир Ульянов, который станет после великим Лениным.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

День за днем, год за годом, Володя подрос - исполнилось восемь лет. Он давно не младший в семье. Теперь Маняша лежит в плетеной колыбели. Да еще Оля и Митя родились после Володи. Анюта, Саша, Володя, Оля, Митя, Маняша. Да папа, да мама. Вот какая большая семья!

Анюта и Саша ходят в гимназии. Всегда у них новости и рассказы о товарищах и подругах, об уроках, книгах. А Володя только готовится поступать в гимназию, арифметике и грамоте его учит учитель. И мама. Много разных интересных историй знает мама. О жарких и холодных странах. Об умном псе сенбернаре, который спас путника, заблудившегося в альпийских снегах. О нашествии на Россию Наполеона и Бородинском сражении.

Не перечислить маминых рассказов зимними вечерами за обеденным столом. Горит висючая лампа под белым абажуром. Мягко падает свет. Рассказывай, мама!

А то все засядут на целый вечер за книжки.

В разгаре зимы, перед елкой, вечера особенно дружны и веселы. В столовой настоящая мастерская игрушек. Стол завален разноцветной бумагой. Дети режут и клеят из бумаги коробочки, домики, цепи для елки.

Илья Николаевич работает. Мама плотно прикрыла дверь из столовой, чтобы в папин кабинет не долетали голоса.

Шумит, извивается в руках детей длинная цепь из розовых, синих, золотых и желтых колечек. Скоро зажгутся свечи на елке. Плка уже стоит в темном зале, дожидается, когда будут ее наряжать.

- Идем посмотрим елку, - позвал Володя.

Оля мигом согласилась:

- Идем!

Маленький Митя спрыгнул со стула:

- И я.

- Возьмемся за руки, цепью, - сказала Анюта.

Неслышно шагая, они вошли в зал. Таинственно в темном зале. Сквозь ледяные узоры окон светит луна. Белые пятна лунного света лежат на полу. Высится елка. Запах хвои льется от лапчатых веток. Дети бесшумно обошли душистую елку.

- Идемте по всему дому, - позвал Володя.

Все почему-то затихли. Сегодня вечерний дом кажется новым, необычным. Дом и верно новый, они недавно сюда переехали. Вот мамина комната, отгороженная от коридорчика не стеной, а занавеской. Слабо горит ночник на комодке. В колыбели Маняша. Живая цепь тихо обогнула Маняшину колыбель. Потянулась дальше, в угловую нянину комнату. Там кровать под лоскутным одеялом, возле стены кованный железом сундук, крышка изнутри заклеена картинками и конфетными обертками. Забавный нянин сундук!

Дальше. По узенькой лестнице поднялись на антресоли, в детские комнаты. Здесь еще ярче и полнее светит луна. Снежные цветы на замороженных окнах похожи на пушистые папоротники. Не разрывая рук, дети обошли антресоли и спустились по узкой лестнице вниз.

Распахнулась дверь из кабинета отца, и он появился на пороге.

- Вот она, моя гвардия! - воскликнул отец, загребая в охапку их всех.
Но заметил: дети задумчивы. Крепко держатся за руки. Отец не знал, что Володя придумал игру: обойти цепью весь дом.
Но о чем-то отец догадался и о чувством сказал:
- Мои дорогие, дружите всегда, как сейчас.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Лето - золотая пора! Летом в Симбирске жарко, сухо. Зреют в садах яблоки. Симбирск полон садов.

Позади дома Ульяновых тоже есть сад. Небольшой, а чего только в нем нет! Серебристая аллея из тополей. Вязы раскинули шатры, в самый зной под ними не жарко. Разрослись акации, название у них "Желтый бор".

Семь утра. Солнце скользнуло в окно, теплый луч лег на подушку. Володя проснулся. Открыл глаза, секунда - и на ногах. Гимнастика - раз, два, три! Умылся - и вихрем в сад, под яблони. Особенное удовольствие опередить братьев и сестер, собрать упавшие за ночь яблоки и потом всех угощать. И поддразнивать:

- Сони, лежебоки, проспали!

Впрочем, в доме Ульяновых все поднимаются рано. У Саши и Володи обязанность: натаскать из колодца воды в кадки для поливки цветов. Не натаскали с вечера, давайте сейчас. Иногда поливать цветы выйдет мама. Иногда дети управятся сами.

А потом в столовой на столе кипит самовар. И мама напоминает за завтраком: сегодня французский день. Значит, за столом говорят по-французски. Завтра - по-немецки.

Конечно, легче бы каждый день говорить по-русски. Но мама хочет, чтобы дети знали иностранные языки.

- Что ты будешь делать после завтрака? - спросила Оля Володю.

- Как Саша.

- Я буду читать, - сказал Саша.

Как всегда, Саша будет читать. Он читает серьезные книги: Сашу интересуют химия, естественные науки. Саша устроил химическую лабораторию во дворе.

Завел живой уголок: там копаются в листьях ежик, белка скачет по жердочкам в клетке.

Раздолье летом! С утра забирай какую пожелаешь книжку, найди в саду потенистее уголок - и все на свете забыто. До обеда только птицы слышны в саду. Да стук маминной машинки долетает из дома: постоянно мама кому-нибудь из шестерых детей что-то шьет. И девочек научила шитью.

После обеда, вволю начитавшись, Оля зовет Володю:

- Идем играть.

- В черную палочку, палочку-застукалочку! "Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет".

Все врассыпную по саду. Кто-то водит. Неслышно крадется. Вон качается зеленый зонтик лопуха...

Когда солнце уйдет со двора, на крокетной площадке крокет. Строго по правилам. Нельзя вести шар. Надо бить коротким ударом. Нельзя... Надо... Володя и папа - самые азартные спорщики. Самые хохотуны. Смеху во время игры!

Между тем солнце клонится к западу, близко вечер, спала жара.
- Сыновья, на Свягу! - слышна команда отца.
Вся семья Ульяновых отправляется на Свягу купаться. Мальчики с отцом, девочки с мамой.
Свяга - тихая речка, мирно течет в зеленых берегах.
С разбегу, с мостков, бултых в воду, брызги фонтаном, и Володя наперегонки с папой и Сашей плывет.
Небо еще светлое, розовое от зари, а над горизонтом уже зажглась первая звезда.
Володя и Саша идут после купания вдвоем, впереди.
- О чем ты задумался, Саша?
- Обо всем. Видишь звезду? Откуда она? Как она началась? Как началась жизнь на Земле? Зачем мы живем? В чем наша цель?
Володя слушает. "Зачем мы живем? В чем наша цель? Интересно жить, думать, спрашивать, узнавать, что-то делать. Умный Саша. Хочу быть, как Саша".

НА ПАРОХОДЕ

Двухпалубный пароход стоял у пристани. Окна кают горели на солнце. Надраенная медь сверкала как золотая. Все было чисто, парадно. Капитан отдавал в рупор команду с капитанского мостика.
"Не опоздать бы", - в беспокойстве подумал Володя. Но папа и мама не беспокоились, и Володя молчал. Только нетерпеливо сжимал ручку корзинки с продуктами да вертел головой, боясь пропустить что-нибудь интересное.
"Скорее бы все-таки на пароход, вдруг отчалит..."
Папа проверил билеты. Пересчитал вещи. У каждого корзинка или сверток по силам. А один узел поднял на плечо матрос и, не согнувшись, понес в каюту. Пароход прогудел басистым гудком. Закрутились колеса, забила вода под плицами, пароход отошел от Симбирска. Поплыли в Казань.
Каждое лето они уплывали в Казань. Оттуда сорок верст на лошадях в деревню Кокушкино. Володя с зимы начинал ждать это путешествие по Волге в Казань и Кокушкино.
Симбирск позади. Долго виднеются его красные крыши в садах на высокой горе. Волга повернула, и Симбирска больше не видно.
Стая чаек провожает пароход. Кто-то из пассажиров кормит чаек, они на лету ловят хлеб или камнем падают к воде и снова ввысь, в небо.
Володя тоже побросал чайкам крошек и побежал к машинному отделению. Паровая машина, блестя медью и маслом, дрожа от напряжения, шумно работала. Шатуны без остановки ходили, горячие струйки пара со свистом вырывались из клапанов. Голый до пояса кочегар, черный от копоти, работал у жаркой топки. Ручейки пота текли у него по спине.
- Живей поворачивайся! - подгонял машинист.
Кочегар схватил кружку, зачерпнул из ведра, жадно напился. Провел ладонью по мокрому лбу, вытер ладонь о штаны. Шлепая плицами, пароход усердно бежал вверх по Волге. На палубе гуляли пассажиры, любовались прекрасными видами. Папа вышел из каюты с шахматной доской. Шахматы удивительно были красивы, папа вырезал их из дерева, каждую фигуру сделал по-разному.
- Сразимся? - предложил отец Володе.

После папы Володя был первым шахматистом в семье.

Отец играл с ним на равных, хотя Володе всего десятый год. Впрочем, не так уж мало, в августе держать экзамены в гимназию - прощайся с волей, казак!

- Милостивый государь, не угодно ли шах? - объявил отец.

- Уважаемый противник, нам шах не угоден.

Володя живо двинул коня на защиту.

- Хитер! В таком случае идем этой пешкой.

- А мы от вашей пешки ускачем.

Володя сделал неожиданный ход.

Ветер шевелил Володины каштановые с рыжевatinкой волосы. Солнечная Волга слепила глаза.

- А в машинном отделении так жарко! - хмурясь, вспомнил Володя. - Кочегар обливается потом. Неужели как-нибудь нельзя облегчить?

Отец промолчал. Подошел Саша и, пожав плечами:

- А кто будет об этом заботиться? Хозяину парохода безразлично, тяжело кочегару или нет.

- Но ведь несправедливо! - воскликнул Володя.

- Справедливостей не так много на свете.

Оба мальчика поглядели на отца.

- Папа, ты защищаешь справедливость, мы знаем! - горячо сказал Саша.

- Каждый на своем месте должен защищать справедливость, - ответил отец.

Пароход загудел широко, на всю Волгу. Шел встречный, пароход слал приветствие встречному. Волга сильнее закачалась, покатила к берегам длинные волны.

КОКУШКИНО

Сутки на пароходе, сутки в Казани, на третий день к вечеру приехали в Кокушкино. Всю дорогу Володя рассказывал Оле и Мите о жизни в Кокушкине. Оля и Митя слушали, будто никогда не видали Кокушкина, уж очень увлекательно Володя описывал. Катания по реке Ушне на лодке. Извилистая, быстрая Ушня! Рыбы в Ушне! В круглых омутах ходят зубастые щуки. Шныряют проворные ерши. Окунь жадно хватая наживку.

- Митя! Клюнуло, вытаскивай, Митя, окунь, толстенный!

Митя едва не выпрыгнул из тарантаса. Возница подхлестывал лошадь вожжами, одобрительно хмыкал:

- Расписывает-то как, ишь сказочник, а!

Сказочник, расцветая от похвалы, расписывал дальше. Кокушкинские грибные леса. Красные от земляники вырубки. Малинники в ближнем овраге. Сенокосы на лугах. Ночное, когда после вечерней зари деревенские ребята скачут верхами, гонят коней пастись до утра на лесные поляны.

В Кокушкине есть дом, оставшийся после смерти деда маме и маминым сестрам. Мама приезжает в Кокушкино пожить летом с детьми. И мамины сестры приезжают с детьми. Веселое собирается общество!

Вон и Кокушкино показалось, небольшая деревенька с соломенными крышами на крутом берегу реки Ушни. А вон, чуть поодаль, в саду, деревянный дом с колоннами и мезонином.

Здравствуй, Кокушкино! Володя первым соскочил с тарантаса, стремглав

помчался обежать любимые места, оглядеть сад, поздороваться с кустами сирени, лужайками, клумбами. Оля летела за ним.

- Смотри, Оля, еще пышнее стал сад!

- А вон смотри, Володя, скамейка наша под липами, низенькая, будто в землю вросла.

- А вон спуск к реке. Спустимся?

Спустились. Узнали Ушню. Ольхой и плакучими ивами заросли берега. Из воды смотрят золотые кувшинки. Может быть, в одном таком желтом цветке жила Дюймовочка из андерсеновской сказки. Старая лодка привязана к колышку, уткнулась носом в берег. Хочется покататься. И в лес сбегать хочется.

- Пойдем, Оля, в лес.

- Сейчас? Одни? Вечер, Володя.

- Ну и что же, что вечер? Не беспокойся, ты ведь со мной.

Оля шагала рядом, хотя было немного ей страшновато. Особенно в овраге. Овраг довольно глубокий. Сюда не доходило вечернее солнце, было сыро и сумрачно.

Поднялись из оврага. Перед ними раскинулся скошенный луг, тесно уставленный копнами сена. А там, совсем близко, и лес. За зиму Володя и Оля отвыкли от леса, ветвистых берез, косматых елей, непроходимой чащобы орешника. Лес показался Володе и Оле дремучим. Солнце зашло. У Володи стало на душе беспокойно. Но отступить нельзя. Он шел впереди. Оля за ним. Темнота леса надвигалась на них. Деревья их окружили. Неба не видно, луга с копнами сена не видно. Под ногой треснул сучок.

- А вдруг разбойники на нас нападут? - спросила Оля.

Володя знал: разбойников в кокушкинских лесах не бывает. Но невольно с опаской огляделся по сторонам. Казалось, за каждым деревом кто-то притаился.

- Ты не боишься, Володя, разбойников? - шепотом спросила Оля.

- Не боюсь. И ты не бойся. Здесь не водятся разбойники.

"У-ух! - ухнуло из лесу. Резко, отрывисто. - "Ух!"

Ветер пролетел поверху, прошумел в листьях деревьев.

Оля схватилась за брата:

- Что это?

- Наверно, сова. Да, конечно, сова. Слыхала про сов? Самые умные птицы.

- Пойдем домой, Володя.

- Пойдем.

Он повел Олю, осторожно выбирая в сумраке дорогу, раздвигая кусты.

Лес был полон валежником. Они спотыкались. Володя чувствовал, рука сестренки дрожит в его руке. Вдруг ему показалось, они заблудились. Сердце застучало как молоток. "Зачем завел Олю?"

- Завтра утром поедем, Оля, на лодке, - сказал Володя, - покажу тебе замечательное место. А еще я одну земляничную поляну помню, в десять минут целую корзинку земляники с тобой наберем...

Он говорил, чтобы отогнать от себя страх и успокоить Олю. Говорил, пока не поредели деревья, стало светлее, показался скошенный луг и овраг. За оврагом деревня Кокушкино.

- Наш дом! - закричала Оля. - Володя, я почти не боялась.

Володе теперь тоже представилось, что он ничуть не боялся.

Он очень любил Олю.

Сегодня Володя узнал, как сильно любит свою дорогую сестренку.

Они весело пошагали домой. Их догоняла песня. Крестьянские девушки возвращались с поля и пели:

Зеленейся, зеленейся,
Мой зелененький садочек.
Расцветайте, расцветайте,
Мои алы цветики.

ГИМНАЗИСТ

Наступил августовский день 1879 года, когда Володя пришел в гимназию держать экзамены в первый класс. Двухэтажная каменная гимназия стояла в центре города, недалеко от Волги. Здесь Володя будет учиться восемь лет.

Но сначала экзамены. Учителя строго сидели за экзаменационным столом. Учеников вызывали по очереди. Володя смело вышел к доске. Учителя задавали вопросы. Володя отвечал без запинки. Дали задачку. Быстро решил.

- Даровитый мальчик! - говорили учителя между собой.

- Сын Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ.

К тому времени Володин отец стал уже директором, учителя не только в Симбирске знали и уважали его, но и во всей Симбирской губернии.

- Способный сын у Ильи Николаевича и весьма подготовленный, - согласились гимназические учителя.

И поставили Володе по всем предметам пятерки.

- Наш Володя гимназист! - встретили дома.

Братья и сестры тормошили и поздравляли его. Мама примерила Володе гимназическую форму с блестящими пуговицами. Завтра он пойдет на уроки в первый класс. Мама смотрит в окно. Теперь у нее два гимназиста, Саша и Володя. И гимназистка Аня. Время летит, дети растут.

Вечером в доме Ульяновых в столовой зажжена всякая лампа под белым абажуром. Дети собрались готовить уроки на завтрашний день. У пятилетнего Мити уроков нет. Высунув от усердия язык, Митя рисует пароход с дымной трубой и высокие волжские волны. Володя отделался быстро: не так много задано первоклассникам. Отточил карандаши. Он любил, чтобы было много карандашей и чтобы были тонко отточены. Карандаши - загляденье! В тетрадях ни пятнышка, учебники в чистых обложках. Уложил в ранец, все приготовил на завтра. Теперь чем заняться? С хитрым видом принялся что-то мастерить из бумаги. Смастерил кузнечика, сбегал к няне за ниткой, привязал. Скок! - кузнечик прыгнул к Ане под нос на учебник.

- Володя, не мешай. Снова ты с шалостями.

Нитка дернулась, кузнечик убрался. Через секунду на Сашину тетрадку - скок!

- Володя, отстань.

Кузнечик не отстает. Скачет и скачет, никак не уймется.

За столом смех, пока кто-нибудь не поймает кузнечика, оторвет нитку и бросит.

- Угомонись, - говорит Володе Аня.

Володю угомон не берет. Как бы еще пошутить?

- Митя, а Митя!

Митя тихонько взвизгнул, предчувствуя что-то забавное, а может быть, страшное. Володя приставил два пальца к вискам:

- Идет коза рогатая, идет коза бодатая, кого бы ей забодать?

- Не меня, не меня!

Рога идут, приближаются к Мите, медленно, прямо к нему. Митя кубарем,

с визгом и смехом, скатился со стула под стол. В дверях появился отец:

- Володя, идем ко мне.

Еще не остывший от шалостей, Володя вошел в кабинет. Здесь стоял книжный шкаф, в простенке меж окон большой письменный стол, а у другой стены овальный столик и диван для посетителей.

- Сядь, - сказал отец. - Посиди.

И углубился в работу. С малых лет Володя чувствовал уважение к кабинету отца. Папа много работал, очень много. Выезжал в губернию, в деревенские школы за сотни верст и в зимние морозы, и в осеннюю грязь. Не было, наверно, ни одной начальной школы в Симбирской губернии, куда бы Володин отец не приезжал помогать учителям. А дома надо писать отчеты, планы, педагогические статьи и заметки. Отец работал с утра до ночи.

- Володя, - позвал он через некоторое время.

Володя охотно подошел. Шалости уже вылетели у него из головы.

- На сегодня окончил работу, - сказал отец, аккуратно складывая в папку свои бумаги. - Кончил дело - гуляй смело. А другим не мешай, - несердито погрозил он Володе. - Ну, как в гимназии дела, гимназист?

Володя рассказал, как дела. Ничего дела.

Из зала донеслась негромкая музыка.

Они тихонько вошли в зал. Был полумрак. В подсвечниках рояля горели свечи. Мама играла. Что-то светлое, ясное, как летний солнечный день, играла мама. Володя с отцом сели в уголке, долго слушали музыку.

БУДЬ ТОВАРИЩЕМ

Зазвенел звонок к уроку. Второклассники с шумом занимали места. Была весна. Окна были открыты. Вдруг с улицы на подоконник вскочила кошка.

- К нам новичок! - хохоча, крикнул кто-то.

Вошел учитель. Мальчик, сидевший у окна, недолго думая схватил кошку, сунул в парту, захлопнул крышкой.

- Начнем урок, - сказал учитель, поднимаясь на кафедру и поправляя на носу пенсне.

"Мяу", - промяукала кошка.

- Что такое? - строго сдвинул брови учитель.

В классе послышались кашель и шорохи, у кого-то шлепнулись на пол книги. Гимназисты старались всячески заглушить мяуканье кошки в парте. А она все пуще: "Мяу, мяу, мяу".

Мальчик перепугался, что влетит от учителя, и выпустил кошку. Кошка как ни в чем не бывало направилась между партами к учительской кафедре. Второклассники замерли.

Учитель побагровел, пенсне упало с носа, повисло на шнурке.

- Что за безобразие? Кто принес?

- Мы не приносили. Она сама вскочила в окно.

- Кто спрятал? Сейчас же сознавайтесь. Кто спрятал кошку? Назовите тотчас!

Ни звука в ответ. Никто не оглянулся к окну, где тот мальчик сидел ни жив ни мертв от грозного крика.

- Смутьяны! - сказал учитель. - Будет доложено инспектору.

Урок прошел в глубокой тишине. После звонка, когда учитель удалился, Володя вышел перед классом:

- Будем молчать!
- Верно, Ульянов! Не выдавать! Ни за что!

С последней парты поднялся один второклассник, длинный, тонкий, неслышный. Бочком незаметно ушел. "Куда он?" - удивился Володя. Но некогда было раздумывать. Обсуждали происшествие. Никто не обратил внимания на то, что Длинный ушел.

- Ребята, - сказал Володя, - молчать, как один.
  - Как один! - подхватил второй класс.
- Было и боязно, и дружно, и какой-то у всех был подъем.
Длинный вернулся, сел за парту.

В конце перемены появился инспектор, выпячивая грудь в зеленом мундире:

- По местам!
- Вмиг второклассники были за партами. Стояли. Что будет?

Инспектор леденящим взглядом обвел второклассников и... задержался на мальчишке, спрятавшем кошку.

- Вон из класса! Единица за поведение. В карцер!

Мальчик, ошеломленный, поникнув, отправился в карцер. Все были поражены. Как мог инспектор узнать? Кто-то наябедничал. Кто?

Володя оглянулся на Длинного.

У того горели уши, пугливо шныряли глаза...

Плохо стало в классе. Каждая, даже небольшая, проказа и малейшая шалость становились известны инспектору. Ежедневно кого-нибудь то в карцер, то без обеда. Мальчики стали подозрительны. Боялись дружить. У всех вертелась мысль: "Кто же, кто ябедничает инспектору?"

Однажды в перемену Володя увидел: из кабинета инспектора выскочил Длинный и, прячась, шмыгнул в ребячью толпу. "Он", - понял Володя.

- Он ябедничает, - сказал Володя товарищам.

Многие уже и сами догадывались.

- Я его изобью! - сжимая кулаки, возмущался Дима Андреев, Володин товарищ. - Ребята, подстережем его на улице, проучим.

- Лучше по-другому проучим, - сказал Володя. - Объявим бойкот.

- Что такое бойкот?

- Не разговаривать, не отвечать на вопросы, не замечать, будто его нет.

Как раз вошел Длинный. Глаза, как всегда, жалко суетились и бегали. Он заметил, все умолкли при его появлении.

- Какой сейчас у нас будет урок? - спросил Длинный.

Никто не ответил. Один мальчик подбежал к доске, написал крупно: "С ябедами не разговариваем" - и быстро стер тряпкой.

Длинный съежился и, втянув голову в плечи, ушел за свою парту.

Володя его презирал. Когда Длинный попадался навстречу, Володя глядел мимо. И все так. Длинный остался один, совершенно один. Никто не говорил с ним ни слова. На него не глядели. Не замечали.

Шли дни. Шла неделя, другая, третья. Доносов не стало. Второклассников не сажали каждый день в карцер.

- Он перестал ябедничать, мы его проучили, - говорили между собой второклассники. Но по-прежнему не замечали его.

Раз после уроков Володя вбежал в пустой класс взять забытую книжку. Длинный сидел на последней парте и плакал. Володя подошел:

- Ты раскаялся? Ты больше не будешь?

Длинный поднял дрожащее, залитое слезами лицо. С ним говорили, он не верил ушам!

- Никогда, никогда! - залепетал он. - Я от страха. Я боялся, что

инспектор прогонит меня из гимназии за то, что плохо учусь. Не могу я так жить, без товарищей!

- Будь сам товарищем, и у тебя будут товарищи, - ответил Володя. - Ну ладно, мы верим. Уговорю ребят, что тебе можно верить.

И бойкот Длинному во втором классе кончился. Никто не поминал прошлого. Длинный получил урок на всю жизнь... И все второклассники получили урок.

ТРЕВОЖНО

Брат Саша не любил гимназический казенный дух и муштру. А учился отлично, кончил с золотой медалью. Володя тоже не любил гимназические порядки и тоже учился отлично, был выдающимся учеником с первого до последнего класса.

Когда Володя был в младших классах, отец опасался: приучится ли Володя к труду? Уж очень был он способен, легко схватывал новое. После папа убедился, как настойчиво умеет Володя работать. Да и то сказать, было у кого научиться: в доме царило глубокое уважение к труду.

Саша кончил гимназию и поступил в Петербургский университет. Перед отъездом Саши в Петербург братья пошли на Старый Венец - так назывался в Симбирске высокий берег, круто обрывающийся к Волге. Братья с детства любили Старый Венец. Просторное небо над ним. Просторные открываются дали.

- Что тебе нравится более всего в человеке? - спросил Володя.

- Труд. Знания. Честность, - ответил Саша. И, подумав, добавил: - По-моему, такой наш отец.

Сашины слова о папе вспоминались и вспоминались Володе сейчас. У Володи выдержанный характер, но и его начинала брать тревога: папа в поездке по деревенским школам. Давно пора бы вернуться, а его нет и нет.

Володя занимался в своей маленькой комнате на антресолях. Маленькой комнатке, где всегда безупречный порядок. Не брошена на пол бумажка, не захламлен письменный стол. Рядом такая ж комнатка Саши. Пустая. Третий год Саша учится в Петербургском университете. И Анюта - в Петербурге на Высших женских курсах. Володя скучает по Анюте и Саше, особенно по Саше. Когда Саша жил дома, они обсуждали прочитанные книги, часами говорили о жизни.

- Однако довольно предаваться воспоминаниям, - оборвал себя Володя, - за дело!

Уроки выучены. Как в детстве, аккуратно приготовлен на завтра ранец. Весь вечер Володя читал. У него был громадный план чтения! Сюда входила история, книги об устройстве общества и жизни народа, и художественная литература - Тургенев, и Пушкин, и, конечно, Толстой.

Гимназические учителя не знали, что, кроме того, он читал книги Добролюбова, Писарева, Белинского, Герцена. Эти книги говорили о том, чего никогда Володя не слышал на уроках в гимназии. Они открывали глаза на несправедливости в обществе.

...Володя оторвался от страниц, взглянул на часы! Ух как зачитался!

Надо проведать маму. Он сунул книжку в стол и побежал вниз, в столовую.

Мама была не одна. Друг отца Иван Яковлевич Яковлев по-соседски зашел на часок. Он был чувашом, служил инспектором чувашских училищ, был образованным, горячим защитником своего маленького, забитого царской властью народа. Неторопливый, полный достоинства, Яковлев прочувствованно

говорил маме:

- Наш Илья Николаевич тем удивителен, тем благороден, что в своей деятельности заботится не об угождении начальству, а о пользе народной. Множество добра сделал Илья Николаевич и нам, чувашам, и мордвинам. Сколько школ пооткрывал. Власти не дают открывать чувашские школы, а он хлопочет, из последних сил добивается.

Мама сказала:

- Долго что-то не едет. Как я за него беспокоюсь!

- А вы погодите нервничать, Мария Александровна. Илья Николаевич больно уж человек увлекающийся, задержался где-нибудь в школе. Да и дорога неблизкая.

Из зала слышалась музыка. Оля играла Чайковского. Все примолкли и слушали.

Но что это? Бубенчики. Ближе. Звонче. Сюда, к нам! Володя вскочил. И мама порывисто встала, лицо оживилось, глаза заблестели:

- Володя, дети, папа приехал!

Да, теперь слышали все, бубенчики залились под окном и остановились возле ворот. Илья Николаевич, в тулупе поверх форменной шинели, вошел с ледяными сосульками в бороде, весь замороженный.

- Здоров, слава богу, здоров! - облегченно воскликнула мама.

Все помогли отцу раздеваться. Тащили домашнюю куртку и туфли. Накрывали на стол. Усаживали отца, угощали. Растроганный, согретый, отец смущенно поглаживал бороду:

- Ну-ка, ну-ка, после дорог-то, вьюжных да холодных, дома-то как хорошо!

Когда первые восклицания кончились и морозный румянец остыл на щеках Ильи Николаевича, Володе показалось, папа сильно устал. И печален. Иван Яковлевич Яковлев тоже заметил, друг вернулся из губернии невесел.

- Плохое что встретилось, Илья Николаевич?

Горькая складка прочертилась у Ильи Николаевича на выпуклом лбу.

- Представьте степное селишко, от Симбирска верст полтора, от проезжего тракта тридцать в сторону, глушь. Школа посредине стоит. Как бобыль, одинокая. Всю продувает ветрами. При школе комнатенка учительницы. Ни газеты, ни книжки. Дров нет. Мыслимое ли дело, дров не запасли на зиму школу топить! А все оттого, что богатею, старосте сельскому, не угодила учительница, головы не склонила. Травит, ест поедом. И заступиться некому...

- Папа, ведь ты заступился! - воскликнул Володя.

- Заступился, да уехал. А она снова одна, учительница наша, там осталась в поединке с богатеем. Богатей все село в кулак захватил. Никаких прав у крестьян. Земли мало. Вся земля у богатеев и помещиков. Беднота с половины зимы без хлеба сидит.

Илья Николаевич зашагал по комнате, расстегнул воротник, ему было душно, что-то тоскливое было в глазах.

- Голубчик мой, - с беспокойством проговорила Мария Александровна. - Устал ты, отдохнуть тебе надо.

- Эх, Машенька, где уж тут отдыхать? Школы-то меня по всей губернии ждут. Школам-то нашим больно несладко живется.

- Голубчик, тревожно мне за тебя.

- Ничего, Машенька, я еще крепок. А кругом молодые дубки поднимаются.

Он обнял Володю. Володя вытянулся. Как отец, был немного скуласт, так же огромен был лоб. Ласка отца его тронула. Но он был застенчив. И лишь молча улыбнулся в ответ.

ОТЕЦ

Зимние каникулы подходили к концу. Скоро Ане возвращаться в Петербург на Высшие женские курсы. Аня приехала домой на каникулы, а Саша нет. Саша писал реферат, по горло был занят в биологическом и литературном кружках. Да и ехать вдвоем получалось накладно. В Симбирск железная дорога не шла, ехать надо до Сызрани, от Сызрани на лошадях верст полтораста. Путешествие слишком дорого стоило.

Соскучившись о доме, Аня радовалась каждой мелочи. Фикусам и олеандромам в столовой и зале - мама чудесно выхаживала цветы! От цветов было празднично в доме.

Радовалась пестрым половичкам на полу. Милому роялю, на котором теперь, кроме мамы, с большим искусством играла сестра Оля. Белому снегу за окнами, белому саду.

Все каникулы Володя не отходил от сестры.

- Поговорим? - звал Володя, когда смеркалось.

Они устраивались в зале, в уголке на диване, не зажигали огня. Иногда подсаживалась к ним Оля и тоже слушала Анютины рассказы о Петербурге, студентах, студенческих землячествах и сходках.

"Когда ж, когда же и мы поедем учиться в Петербург? - мечтали Володя и Оля.

В этот день, 12 января 1886 года, как обычно, посумерничали в зале. Скоро Ане уезжать. Чемодан уложен. Совсем скоро в дорогу! И жалко расставаться с домом, и тянет к оживленной питерской жизни.

- Дети, пить чай! - позвала мама.

Молодежь поднялась идти в столовую. Мимо папиного кабинета, по детской привычке, на цыпочках.

Отец был очень занят. Составлялся годовой отчет о работе школ: Илья Николаевич с утра до ночи писал. Целые дни к нему приходили инспектора и учителя обсуждать выполнение программ и успехи учащихся. Отчет директора народных училищ все рос, не видно было конца. И сейчас из папиного кабинета вышел могучий, широкоплечий Иван Яковлевич Яковлев.

- Илья Николаевич! Хоть часок отдохните, совсем ведь заработались! - сказал на прощание Иван Яковлевич. - Что это, право, не разогнете спины?

- Вот уж закончу отчет, тогда уж... кхэ, кхэ... Иван Яковлевич покачал головой уходя.

В раскрытую дверь Володя увидел ссутулившуюся папину спину. Он сидел у стола, подперев висок кулаком. "Пощады папа себе не дает", - подумал Володя.

Но в столовой было так тепло и уютно, на подносе тоненько посвистывал самовар: тревожные мысли рассеялись, на душе снова стало светло. Опять они заговорили с Аней о Володиной будущей студенческой жизни. И о том, что Саша, наверно, будет ученым: у Саши способности и все задатки ученого. А Оля, может быть, станет музыкантшей - такие прекрасные успехи делает на рояле! - великолепная музыкантша выйдет из Оли при ее-то труде и упорстве! Мама отнесла папе в кабинет стакан крепкого чаю и вязала у самовара, слушая разговоры детей. Немного спустя появился из кабинета отец, остановился у порога. Обвел всех долгим, пристальным взглядом. Молча ушел.

"Папа не такой, как всегда", - кольнуло Володю.

Мама беспокойно сдвинула брови, но не бросала вязать. Разговоры

продолжались. Мирно тикал маятник стенных деревянных часов.

- Пойду проведаю папу, - внезапно решила Мария Александровна.

Отложила вязанье и торопливо пошла в кабинет.

- Дети! - слышался ее отчаянный крик.

Они прибежали.

Отец лежал на диване, съежившись, с потухающим взором. Жестокий озноб бил его, тело содрогалось. Мама, упав на колени, кутала пледом ноги отца, стараясь согреть.

Побежали за доктором. Захлопали двери. Слышался чей-то плач, испуганный шепот. Отец лежал без сознания. Дети, потрясенные, стояли над ним.

Через час у детей не стало отца.

Гроб поставили в зале. Три дня мама не отходила от гроба. Стояла безмолвная. Девочки плакали. Володю душили слезы. Он крепился. Только иногда убегал в свою маленькую комнату на антресолях. "Папа, умный, любимый! Неужели тебя нет? Как нам быть без тебя?"

Множество людей приходили проститься с Ильей Николаевичем. Приходили учителя, ученики и друзья. Володя знал, отец делает важную и полезную для народа работу, но только теперь понял, как много доброго сделал отец для людей!

Хоронили Илью Николаевича в морозный, блистающий день. Пушистые от инея, недвижно стыли деревья. Красные снегири беспечными стайками перелетывали с ветки на ветку. Ветки качались, осыпая серебристые струи. Люди несли гроб. Впереди на руках учеников Ильи Николаевича плыли венки.

"Отец, прощай! - горько думал Володя. - Милый наш папа, за все спасибо тебе".

ПЕРВОЕ МАРТА

Еще при жизни отца Иван Яковлевич Яковлев привел однажды к Володе молодого чуваша, учителя из чувашской школы - Охотникова. У Охотникова не было законченного образования.

- Надо его получить за восемь классов гимназии, - сказал Яковлев. - Потом в университет поступит. Очень нужны чувашскому народу просвещенные люди!

Володя согласился заниматься с Охотниковым. Бесплатно, потому что при большой семье жалованье у Охотникова было маленькое, едва хватало прожить. Когда Илья Николаевич умер, Володя особенно старательно стал заниматься с Охотниковым. Как бы в память отца. Отец ведь так заботливо хлопотал о чувашских школах, так много помогал.

- Большой человек. Жил для пользы народа, - вспоминал Охотников Илью Николаевича.

Все чаще Володя задумывался: как жить для пользы народа? Вот он учит крестьянского сына Охотникова. А еще? Еще Володя начал уже понимать, что настоящие защитники народа - революционеры. Но Володя не знал точно, как заниматься революционной борьбой. Он не любил гимназические суровые и злые порядки. Не верил в бога, сорвал с себя крест. Он много думал о том, как несправедливо устроено общество: богатые бездельничают, бедные не покладая рук трудятся. А все равно бедны. Разве справедливо? Он не любил царя. В гимназическом зале висел огромный, от пола до потолка, портрет царя

Александра III. У царя тяжелое лицо. Глаза пустые и тусклые. Царь деспот. Но как с ним бороться?

Думает ли об этом Саша там, в Петербурге? Или Саша далек от политики и занимается только наукой? Володя не знал. То, что случилось в Петербурге 1 марта 1887 года, для Володи, для мамы, даже для Ани, которая особенно с Сашей дружила, постоянно в Петербурге с ним виделась, - то, что случилось, было для всех как гром среди ясного неба.

В классе шел последний урок. Восьмиклассники слушали объяснения учителя.

Прозвенел звонок. Учитель оставил класс. Гимназисты собирали тетради и книги. Все было обычно. Но возле гимназии Володю дожидался посыльный:

- От Веры Васильевны. Велела прийти, да живее!

Вера Васильевна Кашкадамова была учительницей, давним другом отца. Володя со всех ног побежал.

У Веры Васильевны дрожали губы, глаза были красны от слез. Протянула письмо.

Писали из Петербурга. 1 марта группа студентов покушалась на жизнь царя Александра III. Покушение не удалось. Студенты арестованы. Среди них Александр Ульянов.

Долго не мог Володя выговорить слова, прочитавши письмо. Саша! Брат. Тонкий, высокий, с большими задумчивыми глазами, талантливый Саша! Что с тобой будет?

Надо подготовить маму. Как ей сказать, что Саша арестован? И Аня арестована.

Прошло немного больше года после смерти отца. Мама еще носила траур по папе. Не заплакала, не забилась от горя, только сразу осунулась. В черном платье, такая серьезная, скорбная, что у Володи больно заняла душа, мама распорядилась, что делать по дому, как жить. А сама сегодня же собралась в Петербург. Скорее найдите лошадь до Сызрани! Найдите попутчика. Из Симбирска ведь часто ездят в Сызрань.

Володя обходил дом за домом, где собирались ехать в Сызрань: "Возьмите, пожалуйста, маму!"

Но весть о покушении Саши на царя и аресте уже облетела весь Симбирск. Никто не хотел брать Марию Александровну. "Нет у нас лишнего места в санях. Нет и нет". И отводили глаза. Володин ученик Охотников вместе с ним обошел домов, наверное, десять. "Пожалейте мать". Нет, не пожалел никто.

Охотников побежал к земляку-чувашу. Упросил.

Чуваш помнил Илью Николаевича, повез Марию Александровну в Сызрань.

Володя остался старшим в доме. Самой младшей, Маняше, всего восемь лет.

- Поиграй со мной, Володя, - просила Маняша. - Отчего ты совсем не смеешься, Володя?

Володя заставлял себя поиграть с маленькой сестренкой, а улыбнуться не мог. "Саша, Саша! Что с тобой сделают?"

Наступил май. В гимназиях начались экзамены. Володя и Оля держали экзамены. Молчаливые, окаменелые, приходили в актовые залы. Ждали вызова. Учителя поражались ответам - брат и сестра отвечали блестяще. Отвечали блестяще... А в газете "Симбирские губернские ведомости" было уже напечатано, что сын покойного директора народных училищ Александр Ульянов...

Четвертый раз в эту последнюю гимназическую весну Володя шел на экзамен. Весенний птичий гомон полнил улицы. Две тонконогие девчонки прыгали через веревочку на деревянном тротуаре. Все было обычно, и все полно жизни, движения.

Возле фонарного столба увидел людей. Какая-то бумажка была приклеена на столбе. Люди читали. Вон папин знакомый чиновник. Заметил Володю, отвернулся и поспешно зашагал прочь от столба. Соседка тоже отвернулась. Люди разошлись. Володя медленно приблизился. Прочитал объявление. Потемнело в глазах. Пять студентов, покушавшихся на жизнь царя Александра III, восьмого мая были казнены. Сашу казнили.

Мало, что сообщили в газетах, - по всему городу висели объявления о казни.

Тишина, полная ужаса, встретила Володю в актовом зале гимназии. Володя раньше всех решил задачи по геометрии и тригонометрии, сдал учителю тетрадь и ушел. Ушел на Старый Венец.

Весенняя полная Волга несла к морю Каспию вольные воды. Шел небольшой пароходик, тянул на буксире баржу. Все было тихо, спокойно. Что они сделали с Сашей!

Через неделю вернулась из Петербурга мама. Володя увидел, мама совсем поседела, у нее стали белые волосы.

ПРОЩАЙ, СИМБИРСК!

Почти все симбирские знакомые отвернулись от них. Избегали. Когда Мария Александровна шла по улице, встречные торопливо переходили на другую сторону, чтобы не здороваться с матерью казненного сына.

Прямая, высоко подняв голову, шла по городу мама. Не плакала, не говорила о Саше. "Сильная, гордая мама!" - с уважением думал Володя.

Как трудно и горько было им! Один Иван Яковлевич, верный товарищ Ильи Николаевича, преданный друг, не оставлял семью Ульяновых. По-прежнему навещал дом. Сядет возле мамы, опершись на толстенную сучковатую палку, и молчит. Или обсуждает с мамой, как жить Ульяновым дальше. Где жить?

Володя окончил гимназию. Учителя сомневались и спорили: возможно ли брату казненного дать золотую медаль? Но Володя так великолепно выдержал выпускные экзамены, так превосходно, что постановили: все-таки дать.

- Надо Володе поступать в Университет, - делилась мама с Иваном Яковлевичем. - Но ведь в Петербурге не примут?

- Не примут. И пытаться напрасно.

А если бы даже и приняли, маме не хотелось отпускать Володю одного в Петербург.

Ехать же в столицу всей семьей невозможно, - слишком дорога столичная жизнь, не под силу.

После смерти отца трудно стало Ульяновым. Дети учились, никто не зарабатывал. Маме дали пенсию за отца, но скупую: каждую копейку приходилось рассчитывать, ведь пятерых детей надо кормить, одевать, обувать.

Из Симбирска решили уехать. "Уедем от родного нашего дома, где каждый уголок напоминает былое счастье. От нашего сада, где любимо и дорого каждое дерево. От бывших друзей и знакомых, которые все стали чужими".

Нет, не все. Володин ученик Охотников не стал чужим. Учительница Вера Васильевна Кашкадамова не стала чужой. Напротив, в беде теснее сблизилась с мамой.

В симбирской газете появилось объявление: "По случаю отъезда продается дом с садом, рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой".

Дом стал похож на проходной двор. Постоянно у подъезда звенел колокольчик. Являлись покупатели, ходили по комнатам. Высматривали, трогали, щупали вещи. Оглядывали маму, шушукались. Мама стояла у двери, бледная, с черной кружевной наколкой на белых волосах. Володе хотелось загородить маму от недобрых, щупающих взглядов.

"Мама! Не показывай им наше горе, этим равнодушным людям, они не сочувствуют, у них одно любопытство".

Володя старался быть строгим и сдержанным, как мама. Чтобы не дрогнуло лицо. Не скатилась слеза.

Стоял прямой, негорбленный.

И думал, думал о Саше. "Саша, ты ненавидел царя. Ты хотел убить царя. Ты надеялся, тогда порядки изменятся, людям будет лучше. Но ведь шесть лет назад, в 1881 году, также 1 марта, революционеры-народовольцы убили царя Александра II. Разве лучше стало жить людям? Нисколько. На место царя Александра II сел новый царь - Александр III. Лучше стало? Нисколько. Значит, по-другому надо бороться".

Так думал Володя.

А колокольчик у входной двери все звенел да звенел. Входили новые покупатели. Щупали, трогали, вытаскивали из дома Ульяновых вещи.

Только рояль никто не купил.

Володя погладил прохладную крышку. "Все наше детство и счастье связано было с тобой".

Рояль поехал с Ульяновыми в город Казань.

КАЗАНСКАЯ СХОДКА

Запрещается читать недозволенные книги. Запрещается состоять в кружках и обществах. Запрещается образовывать землячества. Запрещается... Запрещается... За нарушение выговор. Карцер, штраф, исключение. И даже... отдача в солдаты, в дисциплинарный батальон.

Володя Ульянов, став студентом, надеялся, что в Казанском университете порядки свободнее, чем в Симбирской мужской гимназии. Куда там! За каждым шагом и словом студентов наблюдали "педели" - так прозвали в университете надзирателей, приставленных ходить по пятам, выслеживать, нет ли чего подозрительного. Не говорит ли кто против царя и правительства? Против начальства? Против инспектора Потапова? Инспектор Потапов был грубый громоздкий мужчина, с широкой бородой, как у царя Александра III, и оловянными глазами, в которых не светилось ни искры души. "Педели" являлись к Потапову доносить на студентов. Потапов составлял списки виноватых и без пощады вышвыривал вон из университета. Особенно бедных студентов. Бедным все труднее становилось учиться: плату за обучение увеличили в несколько раз.

Угрюмо, тягостно было в Казанском университете. Как в тюрьме.

Вся Россия была как тюрьма.

Наступило 4 декабря 1887 года. В этот день в газете напечатали сообщение о студенческих беспорядках в Москве. А казанские студенты давно были недовольны своим беспорядком. Среди казанских студентов появилось тайное воззвание: "Встаньте за свои права! Боритесь!"

Первые лекции прошли, однако, тихо. В двенадцать часов раздалось:

- Студенты! В актовый зал на сходку!

- На сходку! - загремело по коридорам университета.
Толпа буйно помчалась вдоль коридора, вверх по лестнице, в актовый зал на втором этаже. Среди первых мчался Володя Ульянов.
Двери в актовый зал были заперты. Студенты навалились, двери с треском распахнулись. Студенты ворвались в чинный актовый зал.
- Товарищи! - объявил председатель сходки. Вмиг наступила тишина. - Товарищи! Нет выше слова - товарищи! Клянемся поддерживать друг друга. Защищать свои требования. Мы требуем свободы, законности, правды...
В зале появился инспектор, бородатый, плечистый Потапов.
Студенты не любили его. Ненавидели.
- Господа! Именем закона требую, разойдитесь немедленно!
- Вон! Вон отсюда! Долой! - закричала толпа.
Свист, крики полетели со всех сторон на Потапова. Инспектор испугался, бежал из актового зала, кулачищами расчищая дорогу.
Пришел на смену ректор. Что-то он скажет?
Студенты затихли. Ректору вручили петицию.
"Русская жизнь невозможна. Студенческая жизнь невозможна!" - говорилось в петиции.
- Успокойтесь, господа, - не зная, как усмирить разгоряченное юношество, принялся уговаривать ректор.
- Значит, вы не согласны выполнять наши требования? - снова забушевали студенты. - Товарищи, в знак протеста оставляем университет. Уходим. Сдавайте билеты!
На кафедру ректора лег первый билет. Потянулись руки. Студенты швыряли студенческие входные билеты. Десять... двадцать... девяносто девять студентов не пожелали оставаться в университете. "У студентов нет прав. Не хотим быть бесправными".
Володя Ульянов тоже положил свой билет. В этот день к вечеру он был исключен из университета.
Ночью его арестовали. А через несколько дней исключенного студента Владимира Ульянова выслали под надзор полиции в деревню Кокушкино.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ В КОКУШКИНЕ

Там уже жила Аня. Ее посадили в тюрьму безо всякой вины. За то, что сестра Александра Ульянова. Без вины присудили к высылке на пять лет в Сибирь. Мама хлопотала, подавала прошения, и Анне Ульяновой разрешили отживать срок в Кокушкине.

Зима стояла студеная, вьюжная. Флигелек, где поселились высланные брат и сестра, продувало насквозь. Ночами свистело, завывало в трубе. До окон наметало сугробы. Тоскливо было в зимнем Кокушкине.

Временами наезжал урядник. Выспрашивал кокушкинских крестьян:

- Как Ульяновы?

- Ничего. Хорошие люди. Ученые люди.

Уезжал урядник ни с чем.

Всю зиму Володя читал. С утра до ночи. Любимым писателем его в эти месяцы стал Чернышевский. Самым дорогим и прекрасным писателем! Революционность Чернышевского покоряла Володю. Чернышевский объяснял устройство русского общества. Властвуют царь, чиновники, фабриканты, помещики. А крестьянам и рабочим тяжело, нестерпимо. Володя знал, как живут

кокушкинские крестьяне - тяжело, бедно. Володя помнил, как, вернувшись из поездок по школам, отец рассказывал о безземелье симбирских крестьян. Прав Чернышевский! Чернышевский показывал неустроенность русской жизни. Звал бороться. Звал к революции. Книга Чернышевского "Что делать?" была запрещенной. Эти страницы читал Саша. Так же тайно, запершись на ключ, плотно завесив окошки. Дорогие страницы! Володя перечитывал их много раз. Новое и новое открывалось ему.

Поздним вечером, начитавшись, он звал сестру Аню в сад. Они ходили взад и вперед узенькой дорожкой, протоптанной ими в снегу. Володя рассказывал Ане о прочитанных книгах. О мыслях, мечтах, цели жизни. Какая у Володи цель жизни? Революционная борьба. Всю жизнь, все силы он хочет и мечтает отдать на борьбу против царя и богатых классов. За счастье и свободу народа.

Зимняя ночь миллионами звезд глядела на соломенную деревеньку Кокушкино, на одинокий флигелек в саду, такой заброшенный и печальный.

Глухая деревенская тишина кругом.

Но вот пришла весна.

Тронулся лед, расковал реку Ушню.

Бурно побежали по оврагам ручьи. Глянули голубые подснежники. Жаворонки зазвенели. Светлой зеленью распушились березы.

Как дальше будет жить Володя Ульянов? Революционная борьба - его единственная, главная цель. Но надо зарабатывать деньги на жизнь. Необходимо окончить университет, получить диплом, иметь специальность.

Весной Володя подал прошение в Казанский университет.

Инспектор Потапов помнил декабрьскую сходку, горящие глаза студента Ульянова. Ни за что инспектор Потапов не позволит Ульянову вернуться в университет. Володе отказали.

К концу лета Мария Александровна подала прошение министру просвещения: разрешите моему сыну поступить в университет - в Москве, или Киеве, или Харькове, все равно...

Господин министр просвещения ответил: бывшему студенту Владимиру Ульянову не разрешаю поступать в университет.

Осенью Владимир Ульянов обратился к министру внутренних дел с просьбой отпустить его за границу. Он решил учиться в заграничном университете, если здесь, дома, не дают закончить высшее образование.

Министр внутренних дел отказал.

И еще раз Владимир Ульянов обращался с просьбой к министру. И еще раз власти отказали Ульянову.

Ну что ж, придется самому изучать университетский курс. К тому времени семья Ульяновых поселилась в Самаре. Там, в Самаре, бывший студент Владимир Ульянов за полтора года самостоятельно изучил четырехлетнюю программу юридического факультета и отправился в Петербург на экзамены.

САМАРСКИЕ ГОДЫ

- Владимир Ильич Ульянов! - вызвал председатель испытательной комиссии при Петербургском университете.

Ульянов взял билет. Вопросы достались трудные. Седоволосые важные профессора внимательно слушали. Слегка скуластый молодой человек, с искристыми, чуть суженными глазами, знал предмет глубоко и свободно.

Профессора обменялись мнениями.

- Провинциал, из Самары, а как хорошо подготовлен! - одобрил один.

- Давно не слышал таких превосходных ответов! - согласился другой.

Третий без слов поставил отметку: "Весьма удовлетворительно".

Мнение было общим: Ульянов заслуживает весьма удовлетворительной оценки. Самой высокой оценки на выпускных университетских экзаменах!

- Поздравляю, господин Ульянов! - сказал после экзаменов один профессор.

- Спасибо! - ответил Владимир Ильич.

Настроение у Владимира Ильича было превосходное. Он еще мало знал Петербург и в свободное время любил бродить с сестрой Олей по Невскому проспекту, набережным, Летнему саду, знакомиться с городом, великолепными дворцами, музеями. Оля жила этот год в Петербурге, училась на Высших женских курсах.

Сдав экзамены, Владимир Ильич направился к Оле. Хотелось поделиться радостью. Солидный профессор поздравил - по всем предметам получены высшие отметки. Не зря поработал. Скоро совсем переедет в Петербург и начнет свою самую важную работу, революционную работу.

Он весело шагал к сестре, в общежитие на Васильевском острове.

"Вытащу Олю, побродим по Неве. А там и летние каникулы недалеко, поедем вместе в Самару".

Вошел в комнату. Оля, горячая, красная, в беспамятстве металась на подушках. Волосы растрепались, пылающие губы растрескались.

Она все что-то ловила руками, о чем-то молила.

- Мама! - слышалось сквозь бессвязную речь. - Спаси меня, мамочка!

Владимир Ильич взял ее руку, она не узнавала, вырывалась. Он отвез сестру в больницу, вызвал телеграммой мать.

В Самаре не было железной дороги. Пока Мария Александровна добралась до Петербурга, Оле совсем стало плохо. Умерла она 8 мая 1891 года. Четыре года назад в этот день был казнен Саша.

Владимир Ильич вел маму под руку за гробом. Все существо протестовало против этой бессмысленной гибели. Девятнадцатилетняя девушка, прелестная, умная, так безвременно умерла, так обидно! Мама шла за гробом, крепко сжав губы, без слез.

Вырос на кладбище свежий холмик. - Олины подруги уложили могилу цветами.

Похоронили Олю, и Владимир Ильич с матерью вернулись в Самару, домой.

Самарские годы были важным временем в жизни Владимира Ильича. Там он подготовился к университетским экзаменам. Там познакомился ближе и глубже с учением Маркса.

Великий немецкий ученый и революционер Карл Маркс написал знаменитую книгу "Капитал" и вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом "Манифест Коммунистической партии". Карл Маркс доказывал: рабочий класс победит капиталистов, возьмет власть в свои руки и устроит на земле новое, коммунистическое общество. С необычайным волнением Владимир Ильич читал Маркса. Учение Маркса до глубины души увлекло и захватило его. Убедительно, ясно открылся путь в будущее. Выбран путь. Навсегда.

Люди, следовавшие учению Маркса, назывались марксистами. Владимир Ильич стал марксистом. Организовал и возглавил в Самаре марксистский кружок, разъяснял и пропагандировал Маркса. Конечно, пропагандировать Маркса можно было только тайно, чтобы не попасться в лапы жандармов.

После экзаменов Владимир Ильич стал помощником присяжного поверенного в самарском суде, много раз выступал в защиту крестьян и бедных людей.

Работал, учился и мечтал вырваться из Самары в крупный промышленный

город, лучше всего в Петербург. Там много заводов и фабрик. В Петербурге мощный рабочий класс. Вот куда рвался Владимир Ильич.

Давно бы уехал он в Питер, да жаль было маму. Мама тосковала об Оле. Владимир Ильич старался заботой и нежностью скрасить печальные мамины дни.

Осенью 1893 года Ульяновы уехали, наконец, из Самары. Мите пришлось время поступать в университет, он выбрал московский. И Мария Александровна переехала с Митей и Маняшей в Москву.

Анна Ильинична вышла замуж. Муж, Марк Тимофеевич Елизаров, в петербургские студенческие годы был товарищем Саши. Тогда они с Анной Ильиничной крепко сдружились - сблизило горе, сроднила беда. Жили Анна Ильинична и Марк Тимофеевич с Ульяновыми общей семьей. Вместе и в Москву перебрались.

Владимир Ильич поехал в Петербург один, полный сил и революционной энергии.

ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Был вечер. На петербургских улицах тускло светились фонари. Редкие пешеходы спешили по домам.

Владимир Ильич ехал в конке. Конка дребезжала, качалась с боку на бок на рельсах. Пара гнедых лошадемок, мотая головами, усердно тащила вагончик. Окна замерзли, не видно было, где едут. Ехать далеко. За Невскую заставу, на рабочий кружок.

Когда Владимир Ильич садился в конку, следом за ним вскочил на подножку маленький человечек в темных очках. Владимир Ильич заметил его на остановке. Он стоял, закрывшись газетой, будто читает, а сам поглядывал за Владимиром Ильичом. "Шпик", - понял Владимир Ильич, когда человек проворно вскочил в конку.

Владимир Ильич сел у самого выхода, поднял воротник и стал думать, как уйти от шпика. Притворился, что дремлет, а сам дышит на стекло, чтобы оттаял кружочек, чтобы глядеть - не пропустить остановку. Он знал одну остановку, где можно улизнуть от шпика. Скосил глаза на окно, смотрит в оттаявший кружок, не пропустить бы. Не долго осталось. Теперь и вовсе не долго. Следующая остановка.

- Кому сходить? - спросил кондуктор.

Все молчат. И Владимир Ильич молчит.

Лошади тронулись, и тогда Владимир Ильич вскочил с места и выпрыгнул из конки. И со всех ног - к проходному двору. Позади слышался суматошный звон колокола: звонил кондуктор. Конку остановили. Но Владимир Ильич уже добежал до проходного двора. Юрк в ворота. Шпик тоже соскочил с конки, да поздно. Оглянулся направо, оглянулся налево. Никого.

А Владимир Ильич через проходной двор выбрался на другую улицу и благополучно пошел на кружок.

Кружок собирался на квартире Ивана Бабушкина - слесаря с механического завода за Невской заставой. Завод по имени хозяина назывался Семянниковским. За Невской заставой было много заводов и фабрик. Утром, еще темно, на разные голоса начинали гудеть заводские гудки. По-темному шли на работу рабочие. А кончали работать ночью. Совсем солнца не видели. Беспросветная жизнь! Но ведь нельзя же, нельзя же вечно так жить!

Рабочие тайно от полиции собирались на квартире слесаря Бабушкина,

обсуждали свое положение.

И в этот вечер собрались и ждали лектора Николая Петровича. На самом деле это был Владимир Ильич. Он назвался Николаем Петровичем, чтобы шпики и полицейские не узнали, кто он.

Зачем же Владимир Ильич приезжал на рабочий кружок за Невской заставой? И на другие кружки?

Затем, что хотел, чтобы все рабочие узнали учение Маркса. Маркс учил: рабочие есть та сила, которая может перестроить общество. Если рабочие захотят и сумеют восстать против фабрикантов и против царя, никто их не сломит. Значит, надо объединяться рабочим. Надо поставить цель и идти к своей цели. Какая у рабочих может быть цель? Одна. Взять власть в свои руки. Устроить государство трудящихся. Прекрасное государство, справедливое общество! Маркс назвал это общество коммунистическим.

ПЕРВАЯ КНИГА

В то время, когда Владимир Ильич занимался в кружке слесаря Ивана Васильевича Бабушкина за Невской заставой, немало рабочих марксистских кружков собиралось в разных концах Петербурга. Когда Владимир Ильич приехал в Петербург, прежде всего начал искать связи с революционерами-марксистами.

- Товарищи! - сказал Владимир Ильич. - Надо нам всем нести учение Маркса в рабочие массы. Надо объединиться с рабочими и подготавливать революцию.

Так образовался революционный Союз, который после стал называться "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Сначала "Союз борьбы" был только в Петербурге, а потом и в других городах.

Вот какое громадное дело поднял Владимир Ильич!

Но Владимир Ильич не только кружками руководил то за Невской, то за Нарвской заставами, то на Васильевском острове. Была у него еще одна важная работа. Лишь выпадал свободный час, Владимир Ильич занимался этой работой. Днем, поздно вечером, иногда даже ночью Владимир Ильич писал. Книга, которую писал Владимир Ильич, была страшна для капиталистов. Она рассказывала рабочим, как вернее бороться с властью капитала, как организованнее вести эту борьбу.

Скоро Владимир Ильич закончит книгу. Товарищи-марксисты тайно ее отпечатают и распространят по рабочим кружкам.

Поздно. В комнате Владимира Ильича за тюлевой занавеской встала черная тьма. В доме напротив окна погасли. Наступила ночь. Город спал.

Владимир Ильич отложил перо и встал из-за стола. Сделал три шага. Комната маленькая, но он любил пошагать.

- Дорога одна. Русский рабочий пойдет этой прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции, - вот о чем думал и писал Владимир Ильич. Книга его звала русских рабочих к победоносной коммунистической революции.

Еще никто никогда не обращал к русским рабочим таких смелых призывов.

А было Владимиру Ильичу в то время всего двадцать четыре года. Он был совсем молодым. Он много знал. И верил: русские рабочие совершат революцию.

БУНТ НА СЕМЯННИКОВСКОМ

На рождество Семянниковский завод, что за Невской заставой, не работал. Под праздник должны были платить рабочим получку. Протяжно, на всю заставу прогудел гудок. Станки остановились.

Иван Бабушкин прибрал инструменты.

Вошел мастер в новых скрипучих сапогах, толстощекий и сытый:

- Ребята, потерпите денег до вечера.

Из углов мастерской послышалось недовольно:

- Своего жди, как милости!

Но ничего не поделаешь, приходилось ждать. Рабочие толпились в мастерской и во дворе, топтались на морозе, дую в кулаки. Поглядывали на проходную: не несут ли конторщики деньги из банка?

- Лучше бы работать, чем зря болтаться, все лишнее выработаешь, - ворчали рабочие.

Наконец на крыльце конторы появился управляющий в полушубке из белой овчины.

Толпа хлынула к крыльцу.

- Нынче денег нет, завтра будем платить, - объявил управляющий.

И все. Иди домой под праздник с пустыми карманами. Напрасно ждут ребяташки гостинца - баранку или пряник. А у кого и на хлеб ни копейки нет дома.

- Нам шиш, а у капиталиста за день процент на деньги вырос, - сказал Бабушкин.

О таких случаях, какой произошел с ними сегодня, говорил Владимир Ильич на кружке. Объяснял: капиталисту выгодно подольше капитал в банке держать, нарастают проценты. Капиталисту каждый день лишнюю прибыль приносит. А рабочие пускай подождут.

На другое утро вместо отдыха пришлось идти к заводу за жалованьем. Денег опять не платили. Время текло, короткий зимний день шел к концу, а конторщики с деньгами не показывались.

- Братцы, обманули нас! - раздался чей-то гневный голос. Как сигнал.

Люди закричали, кинулись с улицы к проходным.

В проходных образовалась давка. Рабочие в ярости рвали двери с петель, били стекла:

- Получку пла-а-ти!

Просвистел камень, двуглавый орел над заводскими воротами закачался. Полетели камни, палки, куски каменного угля. Разбили фонарь. Толпы рабочих бросились к хозяйской лавке возле завода. Выбили дверь. Ворвались. Топорами и кольями крушили товар.

- Жечь управляющего! - послышался зов.

Толпу понесло к флигелю управляющего.

Флигель притаился, наглухо закрыл ставни. Рабочие навалили к запертому крыльцу поленьев и щепок, плеснули керосину. Пламя вспыхнуло, вскинулся к крыше столб черного дыма и искр.

- Так его, так его, не будет обманывать! - кричали рабочие.

Но издали донесся звук медной трубы. Мчалась пожарная часть. Вестовой на жеребце подскакал к горящему крыльцу.

- Пшел вон! - заорал на рабочих.

Примчались пожарные. Оцепили флигель, наставили лестницу, нацелили на огонь брезентовые рукава, - скоро пожар угас.

- Расходись по домам! - распорядился брандмейстер в пожарной каске.

Народ стоял.

Брандмейстер махнул рукавицей. Поднялся пожарный рукав и принялся стегать по толпе ледяной струей. Люди побежали. Ледяной ливень гнал их, хлестал. Одежда лубянула на морозе.

Только к вечеру привезли деньги из банка. Хозяева побоялись дольше задерживать выплату. За получкой выстроились очереди измученных угрюмых людей. Платили до ночи. К ночи завод утих.

ЧЕТЫРЕ ЛИСТОВКИ

Жандармы ходили по квартирам, хватали бунтовщиков-семянниковцев. Выкручивали за спину руки, вели в полицейский участок.

- Лавку хозяйскую бил? Садись в тюрьму, за решетку.

- Крыльцо управляющему жег? В тюрьму, за решетку.

Бабушкин ждал: "Придут и за мной".

Поздно вечером в дверь постучали. Быстро, коротко. Сердце упало: "За мной".

Бабушкин немного помедлил и пошел открывать дверь.

Стучался Владимир Ильич. Весь белый от инея, на бровях наморозило сугробики снега. Сбросил пальто и, потирая озябшие руки, зашагал по горнице:

- Ну, говорите! Выкладывайте. Как началось? Что пережили рабочие?

Бабушкину хотелось всю душу вылить Владимиру Ильичу. В памяти стоял вчерашний бунт на заводе, разгром хозяйской лавки, костер на крыльце управляющего. За лавку да за костер жандармы и хватали сегодня рабочих.

- Нет, сознательному рабочему не кулаками надо бороться, - сказал Владимир Ильич. - Напишем об этом листовку.

Они сели рядом за стол. Шепотом, чтобы не услышала хозяйка, обсуждали, о чем будут писать в листовке. О том, что настало время борьбы. Никто не освободит от рабства рабочего. Никто. Только он сам. Не кулаками надо бороться, а организацией.

Товарищи рабочие, объединяйтесь, требуйте свои права у хозяев! - призывала листовка.

Была поздняя ночь. Опершись щекой на кулак, Бабушкин следил за быстрым пером Владимира Ильича. И вдруг клюнул носом:

- Я ничего, ничего, просто так.

- Просто так, сидя уснул! - засмеялся Владимир Ильич. - Ложитесь-ка, ведь завтра чуть свет на работу.

Бабушкин послушался, лег, а Владимир Ильич стал переписывать листовку. Надо переписывать крупными буквами, печатными буквами, чтобы рабочие могли легко разобрать. Владимир Ильич усердно выписывал каждую букву. Одна листовка, вторая, третья, четвертая.

Внезапно загудел фабричный гудок, заполнил небо, улицы и бился в замороженное оконце Бабушкина. Это Семянниковский завод звал рабочих к утренней смене. Загудели заводы и фабрики. Невская застава проснулась.

- Бабушкин, вставайте, - будил Владимир Ильич.

Бабушкин вскочил.

- Что? А? Где? Почему? - не понимал он со сна.

Тер глаза. Никак сообразить не мог: откуда в его комнатухе раным-рано Владимир Ильич? Как он здесь очутился? Но увидел на столе переписанные

печатными буквами четыре листовки и все вспомнил.

- Надо распространить их среди рабочих, - сказал Владимир Ильич. - Жалко, больше не успел переписать. А как надо бы, эх, жаль, не успели...

Они вышли из дому. В небе еще не погасли ночные звезды. Тихо мерцали голубоватыми лучиками. Белые столбы дыма поднимались из труб. Улица была залита темными толпами рабочего люда. Владимир Ильич и Бабушкин смешались с народом.

Бабушкин нащупал в кармане четыре листовки. Сейчас потихоньку раздаст их знакомым рабочим. Те прочитают и передадут дальше. И много рабочих узнают о том, как надо лучше устраивать стачки.

- Наш первый агитационный листок. В добрый час, Бабушкин! - сказал Владимир Ильич.

"МИНОГА"

Узкая длинная рыба. Непонятно, почему Надежде Константиновне Крупской, такой привлекательной девушке, дали кличку "Минога". Впрочем, членам "Союза борьбы" сплошь и рядом давали самые странные клички. Например, кличка Глеба Кржижановского - "Суслик". Чем он на суслика похож? Да ничем. Невысокий, живой, глаза яркие, черные. Он был близким другом Владимира Ильича. Учился на инженера и был хорошим марксистом. Великолепно вел кружки на рабочих окраинах. Очень его Владимир Ильич за это ценил!

А вот нижегородцев Анатолия Ванеева и Михаила Сильвина звали "Мининым" и "Пожарским". Вроде подходит. Что касается Владимира Ильича, прозвище у него было "Старик". За ум и образованность его так прозвали.

В один ноябрьский день, когда деревья Александринского сквера стояли уже по-зимнему белые, как в сказке о деде-морозе, "Минога", то есть Надежда Константиновна Крупская, не спеша прогуливалась по скверу против Публичной библиотеки. На ней была короткая шубка. меховая шапочка не закрывала косы. В маленькой муфте пальцы крепко сжимали тетрадку. Тетрадка содержала сведения об ужасающей жизни рабочих.

Надежда Константиновна служила в Управлении железных дорог, а еще была учительницей вечерне-воскресной школы рабочих за Невской заставой. Эту тетрадку Надежде Константиновне принес рабочий фабрики, ее ученик. Сведения были нужны для листовки.

Год прошел, как Владимир Ильич сочинял вместе с Бабушкиным первую листовку и четыре раза переписывал ночью. Теперь петербургский "Союз борьбы" выпускал сотни экземпляров листовок, тайно перепечатывал их на mimeографах и распространял по всему Петербургу.

...Вот наконец он, Владимир Ильич! Он появился в подъезде Публичной библиотеки. Надежда Константиновна, увидев его, заспешила на Невский. Они встретились на Невском и пошли вниз к Неве. Владимир Ильич взял ее под руку.

- Успешно работалось в библиотеке? - спросила Надежда Константиновна, а сама всунула в рукав ему из муфты тетрадку.

- Отлично! - ответил Владимир Ильич, глубже засовывая тетрадку в рукав. - Точные сведения?

- Да.

- Спасибо! - сказал Владимир Ильич.

Она обернула к нему розовое от мороза лицо. У нее сияли глаза. Как

хорошо было Владимиру Ильичу с этой простой и серьезной девушкой! Они познакомились вскоре после приезда Владимира Ильича в Петербург. Неужели только тогда? Владимиру Ильичу казалось, он всю жизнь ее знал. Он любил делиться с ней мыслями. Она охотно и радостно помогала ему. У них были общие взгляды, общая цель.

Вдруг Надежда Константиновна почувствовала, Владимир Ильич предостерегающе сжал ее локоть. Сзади следовал за ними человек. Неприятнейший тип, с поднятым воротником. Плечи сгорблены, руки в карманах.

Владимир Ильич мгновенно перевел разговор. Громко стал толковать о самых житейских вопросах. О том, что на Лиговке, слышал, есть магазинчик, где дешевы зимние шапки. Надо бы съездить купить...

А сам все быстрее вел Надежду Константиновну по Невскому проспекту.

Пересекли, свернули на какую-то улицу. Шпик, не отступая, шел по пятам.

- Разойдемся, - шепнул Владимир Ильич.

Они простились. Надежда Константиновна вернулась назад, на Невский, ждать конку. Владимир Ильич пошagal дальше случайной улицей. Шпик увязался за ним. Несколько минут Владимир Ильич быстро шел вперед. Вдруг круто повернул в переулок. Шпик не рассчитал, проскочил дальше по улице.

А Владимир Ильич увидел в переулке роскошный подъезд богатого дома. С коврами и пальмами. И пустое кресло швейцара в подъезде. Мигом вошел, сел в кресло, схватил газету со столика, загородился.

Шпик прибежал в переулок. "Где человек, за которым шпионил? Сквозь землю, что ли, провалился?" Шпик рот от удивления разинул. Побегал по переулку и побрел восвояси ни с чем.

Такой у него жалкий был вид, что невольно Владимир Ильич не удержался от смеха. Но скорей домой, нельзя тянуть время - как бы не явился швейцар! Владимир Ильич пощупал в рукаве тетрадку. Здесь. Опасность позади. Скорей домой, за работу.

НЕ УБЬЕШЬ НАШЕ ДЕЛО

Восьмого декабря 1895 года в квартире Надежды Константиновны Крупской было собрание членов "Союза борьбы". "Союз борьбы" решил выпускать нелегальную газету "Рабочее Дело". И вот собрались обсудить статьи для первого номера. Четыре статьи написал Владимир Ильич. Боевые и смелые, они всем очень понравились!

Печатать газету "Рабочее Дело" решили в подпольной типографии. Была такая типография на берегу Финского залива в питерском пригороде.

- Там и будем печатать, - договорились члены "Союза борьбы".

Передали статьи Анатолию Ванееву. Анатолий Ванеев, двадцатитрехлетний студент, был стойким человеком. Всей душой предан был революционной работе. Владимир Ильич ему поручал самые ответственные и опасные дела. Завтра Анатолий Ванеев отвезет статьи в типографию, и скоро рабочие будут читать свою первую газету.

Расходились члены "Союза борьбы" с собрания поздно, довольные сделанным делом.

Владимир Ильич задержался. Они говорили с Надеждой Константиновной и не могли наговориться. О товарищах. Владимир Ильич откопает в человеке интересную черточку и пойдет хвалить - не нахвалится. Любил он людей!

Надежде Константиновне очень было дорого это. Говорили о рабочих. Как рвутся рабочие к знаниям! Возьмите Бабушкина, яркий, талантливый...

- До свидания, Надя, - сказал Владимир Ильич. - Завтра прибегу к вам сломя голову...

Улицы были пусты. Горели редкие фонари. Тусклый свет фонарей не заглушал света звезд. Владимир Ильич дошел до Публичной библиотеки. Здесь тоже было пусто. Он был один. Липы Александринского сада наклонили сучья под тяжестью снега. Треснул сучок. С ветки хлынул снежный дождь. Хорошо было у Владимира Ильича на душе!

Он пришел домой на Гороховую улицу, где недавно снял комнату. Слишком уж за ним охотились шпики: из осторожности приходилось часто менять адреса.

Вошел на цыпочках, чтобы не разбудить хозяйку. Спать не хотелось. Решил почитать. Владимир Ильич подбирал материал для своей новой будущей книги. И сейчас, только сел, зачитался, увлекся. Взглянул на часы: скоро два.

- Надо ложиться, - сказал он себе и еще зачитался.

В два часа позвонили.

Владимир Ильич не сразу понял, удивленно прислушиваясь. Звонок повторился, резко, грубо. Зашлепали в коридоре ночные туфли хозяйки.

- Кто там? Кто там? - слышен был голос хозяйки у двери.

Вошел дворник, в дубленом полушубке и фартуке. За ним бесшумно прошмыгнули в комнату Владимира Ильича двое штатских. Позади жандармский офицер.

- Предписание на арест.

Двое штатских бросились делать обыск. Рылись в книгах, ощупывали постель, осматривали печь и печную отдушину.

Владимир Ильич без слов стоял у стены.

Он думал о товарищах. Что с ними? Один он взят или товарищи тоже? А Надя? Что с Надей? Неужели наше дело пропало? "Нет. Нас уже не погубишь, - думал Владимир Ильич. - Не убьешь наше дело. Встанут новые сотни тысяч рабочих. Поднимется на Руси весь рабочий народ".

КАМЕРА Э 193

Узенькое решетчатое окошко под потолком. Сквозь грязное стекло слабо льется серый свет. Железный откидной стол у стены. Железный стул. В углу прямо на пол свалены книги. Читать разрешается. Сестра Аня и Надя натаскали Владимиру Ильичу уйму нужных книг. Надю не арестовали в ту ночь. А сестра Аня с мамой приехали из Москвы, как только Владимира Ильича посадили в тюрьму.

Сегодня четверг - день свиданий. Владимир Ильич отложил в сторону книги. Надо заняться другими делами. Пошагал для разминки и стал у стола спиной к двери. В двери круглый глазок, надзиратель поминутно глядит. Стоя спиной к глазку, Владимир Ильич скатал из хлебного мякиша катышек, продавил пальцем углубление.

Зачем? Вот зачем. Такая у Владимира Ильича из хлеба чернильница. Вместо чернил молоко. Он взял книгу и принялся выводить между строк молочными чернилами слова. Напишет слово, молоко просохнет - слова не видно. Сегодня передаст книгу домой. Надя или Аня нагреют страницу над лампой, и вот чудеса-то: медленно, постепенно слова начнут оживать,

проявляться, как негатив на пластинке. Пожалуйста, читайте письмо. Владимир Ильич писал на волю не письмо, а листовку.

В ту ночь с 8 на 9 декабря вместе с ним арестовали сто шестьдесят членов "Союза борьбы". Но "Союз" не распался. Там, на воле, поднятые "Союзом", продолжались забастовки и стачки. Владимир Ильич посылал листовки для стачечников.

За дверь громыхнули ключи, взвизгнул замок. Дверь отворилась. Вошел надзиратель. Владимир Ильич вмиг схватил хлебную чернильницу с молоком. И в рот. Проглотил.

Надзиратель приблизился. Ничего не увидел подозрительного: заключенный читает. Бренча ключами на железном кольце, надзиратель удалился из камеры.

А Владимир Ильич слепил новую чернильницу и продолжал писать дальше. Потом и эту чернильницу съел. Так надзиратель и остался с носом, не узнал ничего.

Через час снова загремели ключи - Ульянова повели на свидание с невестой. Надежда Константиновна дождалась по ту сторону двойной решетки. Руки нельзя пожать. Можно только кивнуть. Улыбнуться. Надежда Константиновна улыбнулась, хотя горько ей было видеть Владимира Ильича за решеткой. Молодец он! Нисколько не падает духом. Даже в тюрьме бодрый, веселый.

Надежда Константиновна передала приветы от мамы и сестры. Здоровы. Помнят. Любят.

- Любят очень! - повторила она, и Владимир Ильич увидел: лицо ее вспыхнуло, милое, такое родное...

Потом перешли к делам. Как говорить о делах, когда жандарм разгуливает между двойной решеткой и прислушивается к каждому слову?

- Сегодня отослал Аняте прочитанные библиотечные книги, - сказал Владимир Ильич. - Да еще Маняшину книгу, - добавил он после коротенькой паузы. И очень внимательно поглядел на Надежду Константиновну.

"Маняшину, - отметила про себя Надежда Константиновна. - Он выделил: Маняшину. Что он хочет сказать? Никак не догадаюсь... А! Догадалась! Письмо или листовку надо искать в Маняшиной книге. Ему прислали какую-то Маняшину книгу, там и надо искать".

Надежда Константиновна закивала, раскраснелась от радости, что поняла. А Владимир Ильич продолжал дальше загадывать ребусы.

- Номер моей камеры знаете?

- Еще бы не знать! Конечно. Сто девяносто три!

"Зачем он спрашивает? Не зря же он спрашивает. Ах вот что! - сообразила она. - Листовка на странице сто девяносто три. Ну, разумеется, он намекает на это!"

- Вы в театрах, Надюша, бываете? - вдруг спросил Владимир Ильич.

Она подумала и ответила:

- Да.

- И со знакомыми видите?

- Частенько, - лукаво улыбнулась она. - Со всеми знакомыми вижусь.

Ловко же они обводили вокруг пальца жандарма! Владимир Ильич получал важнейшие сведения. Надя посещает театры. Это значит, держит связь с рабочими. Со всеми знакомыми видится. Значит, "Союз борьбы" действует. Новых арестов нет.

Жандарм поглядел на стенные часы.

- Свидание окончено.

Как быстро пролетел час! Не хочется расставаться.

- Скорее расскажите что-нибудь о себе!.. - торопил Владимир Ильич.
- Свидание окончено, - перебил жандарм.
- До встречи, Володя! Не скучайте. Будьте здоровы.

Владимира Ильича уводили. Он шел и оглядывался. Она стояла, пока его не увели.

Повернулся в замочной скважине ключ. Снова он в камере. Все в нем было полно впечатлением встречи. Он представил, вот Надя выходит из тюрьмы. Вот, может быть, сейчас направляется к Летнему саду.

Владимир Ильич долго шагал в полумраке и с нежностью думал о ней.

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Ровно год Владимир Ильич жил в далекой ссылке, в неведомом никому селе Шушенском. Да в тюрьме отсидел перед ссылкой четырнадцать месяцев. Да осталось еще ссылки почти два года.

Далеко затерялось сибирское глухое село! Шестьсот верст от железной дороги. Железную дорогу недавно провели по Сибири, ехать поездом из Москвы в Красноярск десять суток. Потом пароходом суток пять вверх по реке Енисею. Потом лошаадьми. Тогда уж и Шушенское.

В этот день 7 мая 1898 года Владимир Ильич нарушил обыкновение, не сел писать книгу "Развитие капитализма в России". Книгу о том, что в русских деревнях и городах все больше силы набирают капиталисты и кулаки и все беднее и тяжелее жить под властью капитала народу.

После обеда постучал в окошко крестьянин, бедняк Сосипатыч, щуплый, проворный, в треухе и худеньком зипунишке, с ружьем через плечо:

- Слышь, Владимир Ильич, идем, однако, уток стрелять.

Сосипатыч опасался, не стал бы Владимир Ильич отказываться, а он тотчас согласился. Владимир Ильич был неспокоен. Пора Надежде Константиновне приехать из Питера, а она все не едет. Надежда Константиновна за революционную работу позднее товарищей тоже отсидела в петербургской тюрьме. После тюрьмы присудили ссылку. Выхлопотала, чтобы в Шушенское, к Владимиру Ильичу. Теперь вот добиралась, да что-то долго уж очень. Может, в Красноярске ждет парохода?..

Чтобы заглушить беспокойные мысли, Владимир Ильич снял с гвоздя берданку - и вон из избы.

- Сапоги подходящи, однако, - одобрил Сосипатыч.

Сапоги у Владимира Ильича и верно подходили для лазанья по топям за утками. Болотные сапоги, выше колен. Старенькая берданка заряжена утиной дробью. Они отправлялись верст за десять, на Перово озеро. Уток там водилась такая масса, что берега были усыпаны утиным пером. Оттого и называлось озеро Перовым.

А денек удался чудесный. Солнце грело нежарко, и каждый листик и травка насквозь светились под веселым лучом. Как умытые, свежо зеленели луга. Синие и лиловые ирисы пышно раскрылись в траве. И вдали, по всему горизонту, на голубом небе, высилось громадное, слепящее, яркое. Это были одетые снегом Саяны.

Версты три отшагали, и Владимир Ильич почувствовал бодрость и свежесть во всем теле. Хоть двадцать, хоть сорок верст готов так идти. Да слушать истории Сосипатыча. Сосипатыч знал, чего Владимиру Ильичу надо. Рассказывай ему о деревне, о своей жизни беднячком. Описывай ему всю деревню подряд.

В том дворе такой-то хозяин. В этом такой-то. Сколько едоков? Скотины? Земли?

В том дворе, в третьем и в пятом, по всему селу Шушенскому. Да не приври ни полслова...

- Стой. Вон и озеро. Гляди не промажь, Владимир Ильич. Первый-то выстрел не промажь, постарайся, примета такая, - захопотал Сосипатыч, когда подошли к месту охоты. - Ты уж первым-то выстрелом не подпорти, Владимир Ильич!

Владимир Ильич стал с ружьем. Удивительная радость стоять с ружьем и внимать жизни леса! Птичьему свисту и трелям. Озорному кукованию кукушки. Шелесту ветра в ветвях.

В густых камышах Перова озера что-то зашевелилось, шумнуло: большая сизо-темная кряква поднялась и тяжело пролетела в десяти шагах от Владимира Ильича. Он выстрелил. Мимо!

Засмотрелся, опоздал спустить курок.

- Эхма, Владимир Ильич, воронишь, однако! - рассердился Сосипатыч.

Впрочем, несмотря на примету, дальше охота пошла удачно. Настреляли уток. Развели костерик. Вскипятили в закопченном чайнике чай.

Сосипатыч в счастливом расположении духа принялся подзадоривать Владимира Ильича остаться на ночь. К ночи утки поднимутся из камышей на жировку, что тут будет! Тучи неоглядные!

Сильно задорил, но Владимира Ильича какое-то предчувствие звало домой.

Стемнело. Пригнали стадо в село. Во дворах доили коров, слышалось дзеньканье молока о подойник. Да журавли колодцев скрипели, поднимая воду. Где-то блеяла заблудившаяся овца.

- Гляди, Владимир Ильич, свет у тебя, - заметил Сосипатыч.

Владимир Ильич и сам видел. В его двух оконцах в избе, крайней по проулку, горел свет. Зеленый. Горячее, радостное поднялось в груди Владимира Ильича.

На крыльце, в темном платье, тоненькая и легкая, держась за перила, стояла Надежда Константиновна. Владимир Ильич взбежал на крыльцо.

- Здравствуй, Надя!

- Володя, - отозвалась она.

- Идите-ка, идите показывайтесь, какой вы здесь стали? - весело звала из комнаты Надина мать, Елизавета Васильевна. - Невеста приехала, а он, гуляка, на охоту закатился до ночи!

В комнате горела лампа под зеленым абажуром.

- Тебе для работы. От зеленого света спокойней глазам, - сказала Надежда Константиновна.

Она везла эту лампу из Москвы десять суток в поезде. Потом на пароходе. Потом на тряской телеге. Крепко держала в руках. Боялась, не довезет зеленую лампу до Шушенского! Вот, довезла.

УВАЖЬ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Надежда Константиновна приехала в Шушенское невестой Владимира Ильича. Назначили венчание, а для венчания нужны были кольца. Где их добыть? В Шушенском кроме Владимира Ильича жили ссыльные: поляк Ян Проминский с семьей и финн Оскар Энгберг. До ссылки Оскар работал на Путиловском заводе в Петербурге. Да еще знал ювелирное дело.

Когда Надежда Константиновна собралась в ссылку, Владимир Ильич написал в письме: привези, пожалуйста, Оскару инструменты, а то заскучал без работы парень. И на жизнь зарабатывать надо.

Надежда Константиновна привезла Оскару целую корзину инструментов. Оскар Энгберг и выковал Владимиру Ильичу с Надеждой Константиновной из медных пятак кольца. Надежда Константиновна всю жизнь их берегла.

Зажили по-семейному. Переехали на квартиру в новый дом на самом берегу реки Шуши. Дом отличался ото всех. С высокими окнами. И особенно выделялся двумя деревянными колоннами на парадном крыльце. Откуда он такой, необычный, взялся? Вот откуда. Власти издавна ссылали в Шушенское, дальше сибирское село, политических. В сороковых годах здесь в ссылке жили два декабриста. Один декабрист знал архитектурное дело. Он и сочинил проект дома с колоннами, в котором теперь поселились Ульяновы и Елизавета Васильевна.

Соорудили Владимиру Ильичу рабочий уголок в новой квартире. Поставили полку с книгами. И конторку. Конторка была высокая, с покатою, как у парты, крышкой и перильцами. Лампа на конторке с зеленым абажуром. Зимними вечерами рано гаснут в Шушенском окна, а зеленый огонек Владимира Ильича все горит...

Он любил писать стоя. Книгу "Развитие капитализма в России", очень большую книгу, почти всю написал, стоя у конторки. Много работал Владимир Ильич! И книга, и статьи, и переводы с английского! Переводы с английского они делали вместе с Надеждой Константиновной для заработка и отсылали в Петербург в редакцию. Надежда Константиновна была усердной помощницей Владимира Ильича. Было у нее и свое дело - писала брошюру о женщине-работнице. Ведь она хорошо знала рабочую жизнь.

Им нравилось вместе трудиться: он за конторкой, она за столом. И отдыхали неразлучно. В лесу и на Шуше или далеко уйдут к Енисею. Хоть и трудно в ссылке, а хорошо было им, молодым и влюбленным.

Полдень. Елизавета Васильевна стукнула в дверь: пришел посетитель. Очень занят Владимир Ильич, не хочется отрываться от рукописи, так уж не хочется! Но если пришел за советом бедный крестьянин - все дела в сторону! Елизавета Васильевна впустила крестьянина. Он был весь выцветший, со впалыми щеками, в морщинах, хотя и не очень глубокий старик. Поискал икону в углу, не нашел, покрестился на окно.

- Садитесь, пожалуйста, - пригласил Владимир Ильич.

Крестьянин сел, поставил у ног кринку, завязанную в кумачовый платок.

- С бедой я, уважь, Владимир Ильич, дай совет.

- Говорите, говорите, пожалуйста, - живо отозвался Владимир Ильич и приготовился слушать, заложив пальцы за проймы жилета.

Крестьянин был дальний, долго рассказывал, кто таков да откуда, пока, наконец, добрался до беды. Вот какая случилась у него беда. От нужды послал старшую дочь в работницы к богатому мужику на год за двадцать целковых. Отработала девка одиннадцать месяцев, а тут заболела мать, да шибко, с печки от хворобы не слазит. А изба малых детишек полна. Пришлось старшей дочери домой ворочаться, за хворой матерью и ребятишками ходить. А хозяин за работу платить отказался, говорит, договор нарушен, месяц до года не дожила, не стану платить!

- Неужто задаром почти полный год девка работала? - сокрушался мужик. - Так и оставить?

- Нет, так оставить нельзя! - решительно воскликнул Владимир Ильич. Зашагал по комнате, быстро, гневно.

Мужик следил за ним слезящимися глазами. Вздыхал. И Надежда Константиновна, кутая плечи в платок, ждала, что решит Владимир Ильич.

- Вот что, напишем в волостное правление, потребуем закона, а кулака судом припугнем, - сказал Владимир Ильич.

Остановился у конторки, минуту подумал, а через полчаса бумага готова. Убедительная получилась бумага. Подробно объяснил Владимир Ильич мужику, куда отнести бумагу, что говорить, с кем говорить.

- Правда за вами, - толковывал Владимир Ильич. - Не сдавайтесь. Откажут по первому прошению, еще приходите. Дальше будем писать. Правда за вами.

Мужик теребил и мял шапку в руках, качал головой, благодарил. Поднял с пола кринку в кумачовом платке и Надежде Константиновне:

- Прими маслица в благодарность, хозяйюшка.

- Что вы! Что вы! - воскликнула Надежда Константиновна. - Да разве можно! Да что вы надумали-то?

- Нет уж, масла не надо, - решительно отказался Владимир Ильич.

Никак было мужику невдомек, почему они отказываются от благодарности, чудные люди! Ведь бумагу-то писал Владимир Ильич? За спасибо, выходит?

Ушел. Унес в сердце добрую память о политическом ссыльном Ульянове. Во многих крестьянских сердцах за свою жизнь в Шушенском оставил Владимир Ильич по себе добрую память.

ЧТО БЫЛО В МАЕ

В прошлом году Владимир Ильич встретил Первое мая без семьи. Настал новый май, теперь Надежда Константиновна с ним. Надумали шушенские ссыльные по-революционному отпраздновать Первое мая.

Утром позавтракали, принарядились - в дверь Проминский. Тоже нарядный, в галстук.

- С Первым маем вас!

Владимир Ильич завел охотничью собаку, совсем еще молоденькую и резвую, назвал Женькой. Женька с веселым лаем кинулась навстречу Проминскому, думает, пришел звать на охоту. Все собрались. И отправились к Энгбергу. И Женьку с собой взяли.

Весна в этом году была поздняя. По реке Шуше шел лед. Льдины толкались, спешили и уходили в Енисей.

Над рекой слышалось шуршание льда. Хоть и прохладный был день, а праздничный, яркий. И настроение у всех было праздничное.

Пришли к Энгбергу, уселись на лавке, запели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели одну песню, принялись за другую. Весь этот день полон был пения.
Попраздновали у Энгберга, пошли на луг. Там, вдали от села, под синим
шатром неба, загремела "Варшавянка":

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас грозно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Революционную гордую песню "Варшавянка" привез из Польши Проминский.
Когда его гнали в сибирскую ссылку, попал в московской пересыльной тюрьме в
одну камеру с русскими марксистами, членами "Союза борьбы". Там был Глеб
Кржижановский. А Глеб Кржижановский был не только инженер и марксист. Он
еще и стихи сочинял. Проминский в тюрьме тихонько пел "Варшавянку"
по-польски. Глеб Кржижановский переводил на русский.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Неслись зажигающие слова над шушенским лугом в этот день Первого мая.
Счастливым был день! Вечером Владимир Ильич и Надежда Константиновна
долго не могли заснуть. Говорили, мечтали о будущем. Придет ли время, когда
в свободной России рабочие и весь народ свободно будут праздновать Первое
мая с красными флагами?

А назавтра... Пыль по дороге столбом. Топот копыт. В Шушенское
прискакали жандармы. Тарантас подкатил под окошко Владимира Ильича.
Тпру-у! Лошади стали. Спрыгнули с тарантаса двое жандармов при шашках. С
заднего сиденья сошел жандармский офицер, коротенький, плотный,
перехваченный поясом, с револьверной кобурой.

- Обыск! - бросил офицер. И прямо в рабочую комнату Владимира Ильича,
к книжному шкафу.

А там на нижней полке запрещенная литература, нелегальная переписка,
химические средства для шифрованных писем. Найдут жандармы - годы ссылки
набавятся. Много, может быть, лет.

- Пожалуйста! - сказал Владимир Ильич, подставляя стул к книжному
шкафу.

Поразилась Надежда Константиновна его выдержке.

- Пожалуйста. Отсюда начнете?

Владимир Ильич, спрашивая, кивнул на верхнюю полку. Коротенький
офицер, поддержанный жандармами под локти, пыхтя забрался на стул. Начал
обыск сверху. А книг масса. Сотни книг! И научные тут были книги. И Пушкин
был. И Тургенев.

Офицер полистал полчаса, час. Уморился. Велел жандармам продолжать
обыск. Сам сел. Глаза скучные. Попробуй перелистай сотни страниц.
Жандармскому офицеру и смотреть-то на эту уймаищу книг было скучно. Медленно
ползло время.

Владимир Ильич изредка давал объяснения, какие, где расположены книги.
Спокойно, уверенным тоном.

И вот добрались до нижней полки. И вот судьба ссыльных Ульяновых висит
на волоске.

Надежда Константиновна выступила вперед и улыбнулась:

- А здесь моя педагогическая литература о школах. Я ведь учительница.
- Довольно! - махнул рукой жандарм.
Он хотел есть. Рюмочку водки выпить хотел. Умаялся он. "Ну их, этих ссыльных! Учены уж больно".
И обыск закончился. Как раз перед нижней полкой закончился. А там нелегальная литература, химические средства...
Жандармы уехали.
Елизавета Васильевна вошла. Все время обыска она просидела в соседней комнате, нервно куря папироски, одну за другой.
- Пронесло? - спросила Елизавета Васильевна.
- Пронесло! - засмеялся Владимир Ильич и добавил сибирское словечко: - Однако...

У ПОСТЕЛИ ВАНЕЕВА

Два раза в неделю почтарь приносил почту. Иногда чуть не полмешка притащит писем и книг.
Шмякнет об пол:
- Читайте!
Писали родные, писали товарищи. На пятьдесят и сто верст в округе жили ссыльные члены "Союза борьбы". Жили и дальше, совсем далеко, в самых гиблых ледовых местах.
Один раз Владимир Ильич получил из дома пакет - от Анны Ильиничны. Секретный, это он распознал по условной крохотной метке. Значит, в пакете есть что-то важное. Так и было. Проявил тайнопись: перед ним сочинение.
Сестра писала в письме: вот, мол, познакомься, какие в Питере пошли взгляды вместо марксизма.

Владимир Ильич стал читать. Сдвинул брови, нахмурился. Не понравилось ему сочинение, какое прислала Анна Ильинична. Сестра назвала его нерусским названием: "Кредо". На русский перевести - значит: верование, взгляды.
Анна Ильинична писала в письме, что собралась группа людей и стала высказываться против марксизма. Небольшая группка, а бойкая. Что же она проповедует? Вот что. Рабочим неинтересна политика. Рабочим не нужна революция. Рабочие хотят одного: чтобы повыше был заработок. А для этого надо мирно жить с хозяевами и фабрикантами.
Такие взгляды назывались "экономизмом". Владимир Ильич и его товарищи-революционеры были марксистами. А то появились "экономисты".
- Что делать? - вслух раздумывал Владимир Ильич, шагая по комнате. - Ведь они уведят рабочих от революционных задач!
Надежда Константиновна знала привычку Владимира Ильича иногда думать вслух. Не надо мешать. Сейчас он найдет решение.
И верно. Пошагал-пошагал, подумал и нашел:
- Созовем товарищей. Обсудим "Кредо". Напишем "Протест". Подпишемся под "Протестом" и разошлем тайно по заводам и фабрикам.
Тут же они с Надеждой Константиновной принялись писать письма всем ссыльным друзьям, чтобы придумали причину, отпросились бы у властей и приезжали на сбор. А где назначить сбор? Самое подходящее - в Шушенском. Но Владимир Ильич выбрал село Ермаковское, шестьдесят верст за Шушенским. Там

жил в ссылке друг и помощник Владимира Ильича по "Союзу борьбы" Анатолий Ванеев. В тюрьме он тяжело заболел. Вцепилась чахотка и грызла. Грызла все злее. С постели подняться не мог.

Вот почему Владимир Ильич назначил сбор в селе Ермаковском.

Политические ссыльные собрались из разных мест.

Ванеев лежал на белых подушках. Сам бледнее подушки, исхудалый, с лихорадочным блеском в огромных глазах. И счастливый. Как он был рад! Он участвовал в общем деле. Хочется жить! Работать! Приносить людям пользу.

Обсудили "Кредо". Подписали "Протест". Полетит в рабочие кружки по всем городам революционный призыв из далекой Сибири:

"Товарищи, не слушайте "экономистов". У нас один путь - революция!"

После обсуждения Владимир Ильич не ушел, сел у постели Ванеева. Ванеев устал. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу. Глаза провалились, как в ямы.

- Не уходи, - слабо выговорили бледные губы.

Владимир Ильич не уходил. Бедный Ванеев, замученный царской тюрьмой и неволей! Владимир Ильич поправил на нем одеяло, погладил плечо. И говорил, делился планами. Скоро ссылке конец. Владимир Ильич рассказывал, что будет после ссылки. Создадим рабочую марксистскую партию. Будем выпускать газету, нашу, пролетарскую газету. Будем бороться с царизмом.

Ванеев слушал жадно, восторженно. Августовский вечер за окном потемнел. Издалека долетали щемящие грустные звуки гармоники. А Ванеев шептал пересохшими от жара губами:

- Спасибо, Владимир. Ты вдохнул в меня жизнь. Я верю...

Это был последний счастливый вечер Ванеева.

Не прошло и трех недель, Владимир Ильич и Надежда Константиновна снова приехали в село Ермаковское хоронить Анатолия.

- Прощай, Анатолий, - говорил над гробом Владимир Ильич. - Клянемся тебе, мы будем верны революционному делу.

Летели первые снежинки, падали и не таяли на мертвом лице Анатолия.

Владимир Ильич заказал чугунную плиту на могилу. "Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ".

НА ВОЛЮ!

Непонятное происходило в доме. Непривычное. Чемоданы, узлы, связки книг во всех комнатах. Обычный порядок был странно нарушен. - Женьку с каждым часом все больше разбирало беспокойство. Она ходила по дому, открывая носом двери. Всюду сваленные на пол книги, клочки бумаг, обрывки веревок. Женька тыкалась в плечо Владимира Ильича, присевшего на корточки перед кипами книг. Владимир Ильич связывал книги, а Женька, жалобно ласкаясь, поскуливала: да объясните же, что тут у вас?

- Время пришло расставаться, - сказал Владимир Ильич. Потрепал Женьку. С каким восторгом сопровождала она его на охоту! - Настала, Женька, пора расставания. Передадим тебя в надежные руки.

Помощница Елизаветы Васильевны по хозяйству, синеглазая Паша, проливая горячие слезы, утираясь фартуком. Уезжают из Сибири Ульяновы, кончилась ссылка, отжили срок. - Скучно будет Паше, однако, без них! А Минька, шестилетний соседский мальчонка, азартно подбирал брошенные в

суматохе тетрадку, карандаш, коробку из-под монпансье и тому подобные ценности:

- Тетенька Надежда Константиновна, можно?

Пришел Оскар Энгберг. Надежда Константиновна с ним занималась - читали "Капитал" Карла Маркса. Оскар на прощание принес подарок. Из крышки часов сделал брошку в виде книжечки, старательно вырезал надпись: "Капитал" Маркса, том I - на память о наших занятиях".

- До свидания, дорогой товарищ Энгберг! - простились Надежда Константиновна и Владимир Ильич. - Придется ли встретиться?

- Вот революцию сделаем... - ответил Оскар.

Двадцать девятого января до рассвета, когда в Шушенском еще сонно глядели темные окна, дымы еще не поднимались над трубами и за околицей склонилось к земле предутреннее мгlistое небо, у крыльца остановились двое саней. Утирая фартуком слезы, забегала туда-сюда Паша. Владимир Ильич принялся грузить книги и вещи. Все помогали, суетились.

- Сядьте, да сядьте же, посидеть перед дорогой надо, - уговаривала Елизавета Васильевна.

Посидели молча.

- Едем! В путь! - вскочил Владимир Ильич.

Мороз стоял основательный. Владимир Ильич помог женщинам надеть в дорогу дохи. Укутал, подоткнул с боков сено, чтобы не дуло.

- Владимир Ильич, а вы-то без дохи, обморозитесь! - забеспокоилась Елизавета Васильевна.

- Меня радость греет, что едем на волю, никакой мороз не прошибет, - ответил Владимир Ильич.

- Ну хоть муфту мою возьмите, руки-то спрятать!

Он засмеялся, взял муфту, залез в сани. И кони рванулись.

Вот и Шушенское позади, навсегда. Вот и небо заяснелось. Вспыхнуло облачко. Полился на востоке из-за края земли розовый свет. И торжественно поднялось дневное светило.

И на душе у Владимира Ильича было торжественно. Первое утро свободы! За последние месяцы он похудел в ожидании конца ссылки, опасался все, не придрались бы власти, не прибавили бы срок.

Владимир Ильич думал, думал. Все об одном. О возобновлении партии. Когда Владимир Ильич был в ссылке, в Минске созвали I съезд, в 1898 году. Но тут же власти арестовали почти всех организаторов партии. Надо восстанавливать партию. Газета - первый для этого шаг. Нелегальная, марксистская газета. Она соберет и объединит все передовые силы России. Вот о чем думал Владимир Ильич.

А дорога бежала. Останавливались на почтовых станциях только затем, чтобы поменять лошадей да поесть. Эх, позабыли пельмени! Вкусны мороженые, стучающие в мешке, как орехи, пельмени, с луком и перцем, особенно в дальней дороге, когда надышишься досыта чистейшим воздухом, нажжет щеки колючий мороз! Досадно, забыли!

Далеко ехать до города Минусинска. Да от Минусинска больше трехсот верст до станции Ачинск. День и ночь ехали. Дни стояли яркие, солнечные, с синевой небес, разрисованными жемчужным инеем ветками, блистанием снега. Ночи лунные. Огромная луна в просторном небе плыла как корабль между редкими звездами. В ночи звонче перекликались бубенчики.

Прискакали на станцию Ачинск на пятый день, на рассвете. Станционный колокол пробил: близится поезд.

Громко дыша, черный, в саже и масле, паровоз подтащил пассажирский состав. Минута остановки. Колокол пробил отправление. Долгожданное сбывалось. Впереди новая жизнь.

ИЗ ИСКРЫ - ПЛАМЯ!

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Так писал Пушкин декабристам в Нерчинские рудники. Поэт-декабрист Одоевский ответил Пушкину:

Наш скорбный труд не пропадет!
Из искры возгорится пламя!

Владимир Ильич решил дать газете название "Искра".

В Шушенском он обдумал газету от первой до последней строки. Теперь надо было ее создавать. Вернувшись из Сибири, Владимир Ильич поселился в Пскове. Один. Без Надежды Константиновны. У Надежды Константиновны не кончилась ссылка - ведь она позднее попала в тюрьму и Сибирь, - поэтому теперь ей назначено было доживать срок в Уфе. А Владимиру Ильичу разрешили жить в Пскове. Трудно расставаться с Надюшей. Но даже в мыслях ни ему, ни ей не пришло, что можно бы подождать, помедлить, пока кончится срок ее ссылки. А тогда уж... Нет, Владимир Ильич не мог медлить и ждать. Революционная работа неотложна. Самое главное дело, смысл жизни. "До свиданья, Надюша. До встречи".

В Пскове Владимир Ильич развернул подготовку "Искры" вовсю. Выезжал в разные города. Всюду искал товарищей для работы в "Искре". Надо было подготовить авторов, которые писали бы в газету статьи. Надо найти агентов-распространителей. Ведь "Искру" нельзя обыкновенным способом продавать в газетных киосках. Живо засадят в тюрьму. Значит, распространять надо будет тайно. Надо раздобыть денег на выпуск газеты. И денег Владимир Ильич раздобыл.

На первое время деньги для "Искры" дала учительница вечерней рабочей школы Александра Михайловна Калмыкова. Она хоть и была владелицей петербургского книжного склада, а дружила с марксистами, особенно с Владимиром Ильичом.

Все подготовлено. За четыре месяца Владимир Ильич, как говорится, гору своротил.

Но где же выпускать "Искру"? Разве можно было в России печатать такую газету? Против царя. Против помещиков и фабрикантов. Против полицейских чиновников. Конечно, нельзя выпускать в России такую газету! Где же?

Владимир Ильич посоветовался с товарищами. Обсудили со всех сторон и решили выпускать газету за границей. Конечно, и там выпускать такую газету можно было только в глубокой тайне. Но там все же не так много было русских полицейских ищеек, не сразу угодишь за решетку.

Решено. Владимир Ильич съездил попрощаться с Надеждой Константиновной - у нее только через девять месяцев кончится ссылка, - и поезд помчал его в далекие чужие края. Надолго ли? Оказалось, надолго.

В немецком городе Лейпциге, с узкими улицами, островерхими домами и кирками, было много фабрик и еще больше типографий и всевозможных книжных лавочек. Жил в Лейпциге один немец, лет тридцати пяти, по имени Герман Рау, веселый, усатый, подстриженный бобриком. Он был хозяином маленькой типографии в деревушке Пробстхейд, неподалеку от Лейпцига. В типографии Германа Рау всего-то и стоял один-единственный станок. Правда, большущий. На этом большущем допотопном станке печаталась спортивная рабочая газета, разные объявления и брошюры.

Герман Рау был социал-демократом и состоял членом немецкой социал-демократической партии. Однажды лейпцигские социал-демократы сказали Герману Рау, что приехал из России марксист. Приехал в Женеву. Затем поселился в Мюнхене. Задача у русских марксистов: выпускать революционную газету. С этим делом обратился приезжий к русским эмигрантам и немецким социал-демократам. Решили: первый номер "Искры" выпустить в немецком городе Лейпциге.

- Надо помочь русским товарищам, - сказали Герману Рау лейпцигские социал-демократы, когда получили из Мюнхена весть о приезде.

Герман Рау рад помочь, да вот беда: в типографии и в помине не было русского шрифта. Был немецкий шрифт, а русского не было.

Думали день, думали два, на третий надумали, вернее, договорились с надежным товарищем. В одной лейпцигской типографии печатались для России на русском языке церковные книги. К этой-то типографии и подкатил однажды наборщик, помощник Германа Рау, ручную тележку. Подкатил, стал в сторонке, закурил сигарету. Стоит. Люди мимо идут, ничего не видят особенного. Через некоторое время кто-то махнул рукой из окна. А еще погода вышел товарищ, рабочий с подвязанным фартуком. Видно, в фартуке тяжесть. Да, там был русский шрифт, свинцовые русские буквы. Товарищ ссыпал шрифт в тележку. Наборщик прикрыл старой курткой и повез. Теперь скоро будет печататься "Искра"!

Приехал из Мюнхена Владимир Ильич. Привез статьи для газеты, свои и товарищей. Владимир Ильич снял комнатенку на окраине Лейпцига. Каждое утро вставал до рассвета. И нынче рано проснулся. За окном темнота. Тихо. Даже фабричных гудков еще не слышать. В комнате зябко. На улице стоял сырой холодный декабрь.

Владимир Ильич вскипятил на спиртовке чай. Выпил, обжигаясь, из жестяной кружки и, как обычно, вышел из дома. Идти далеко - до деревни Пробстхейд, до типографии Германа Рау. Наверное, километров пять-шесть надо идти. Конки туда не было, шагай на своих на двоих. Навстречу шли пешие или ехали на велосипедах рабочие. Тарахтели повозки: крестьяне везли продукты на рынок. Вот город кончился. Началось снежное поле. Вдалеке чернел лес. Засветились огоньки окрестных селений. И в типографии Германа Рау, в деревне Пробстхейд, светились окошки. Горела керосиновая лампа.

Вся типография состояла всего из одной большой комнаты. Половину комнаты занимал громоздкий старый станок. Были еще две наборные кассы. В чугунной печке жарко трещали дрова, качалось пламя, качались тени на стенах. В типографии был хозяин Герман Рау, да наборщик, да один ученик. И никого больше.

- Сегодня важный день, - сказал Владимиру Ильичу по-немецки Герман Рау.

Владимир Ильич кивнул. Да, сегодня был важный день. Владимир Ильич волновался. До сих пор все велась подготовка, а сегодня...

Наборщик тяжело поднял раму с набором. Перенес к станку. Герман Рау

встал за станок. Взялся за ручку. Станок зашумел. Валик завертелся. И газетный лист сполз с машины, еще влажный лист! Первый номер "Искры" был напечатан.

Владимир Ильич взял газету. Как долго и страстно мечтал он об этой минуте!

"У нас есть газета, наша, рабочая, революционная газета! Лети же, наша газета, на родину. Буди мысли и сердца, зови к революции".

Владимир Ильич вслух прочитал заголовок:

- "Искра".

В правом верхнем углу было напечатано крупно:

"Из искры возгорится пламя!"

ЛЕНИН

Пассажирский поезд шел по Германии к Кенигсбергу. В вагоне третьего класса в уголке у окна сидел молодой человек. Он ехал из Мюнхена и всю дорогу дремал. Во всяком случае, ни с кем не промолвил ни слова. Довольно большой чемодан стоял у его ног.

Приехали в Кенигсберг, старинный город, с каменной крепостью, кирками, красными черепичными крышами. Там шумливое Балтийское море и порт. В порту стояли пароходы. Среди них один под названием "Святая Маргарита". Немец из Мюнхена довольно свистнул и не стал толкаться в порту, а отправился в ближний пивной погребок. В погребке былолюдно, воздух был сизый и горький от табачного дыма. Немец из Мюнхена занял свободное место, а чемодан запихнул под столик. Спросил сосисок с капустой и стал медленно есть, запивая пивком. Очень медленно. Можно подумать, времени свободного у него было пропасть. А может быть, он кого-нибудь ждал? Да, именно так. Он ждал матроса с парохода "Святая Маргарита". Для встречи с ним немец и приехал из Мюнхена, хотя ни разу до сих пор его не видал. Когда новый посетитель входил в погребок, мюнхенец в упор глядел на него, энергично приглаживая волосы к правому уху правой рукой. Конечно, никто не обращал на это внимания. В самом деле, что такого особенного, что человек приглаживает волосы? Между тем это был условный знак.

Вот вошел матрос, крепкий, невысокий, коричневый от морского загара. С порога оглядел людей, заметил человека, приглаживающего волосы, направился прямо к нему. Сел за столик, нащупал ногой чемодан:

- Дьявольский ветер.

- Не беда, если попутный, - ответил немец из Мюнхена.

- Угадал, братишка, попутный.

Это был пароль. После пароля они сразу почувствовали друг друга товарищами. У них было общее опасное дело, для которого они сошлись в пивном погребке.

Скоро они кончили разговор, поднялись и вышли из пивной. Теперь не приезжий нес чемодан, а матрос. Никто не заметил перемены. Кому какое дело? Идут два приятеля, о чем-то толкуют. На перекрестке попрощались. И немец из Мюнхена, засунув руки в карманы, довольный, что сделано дело, посвистывая, направился к поезду, обратно домой. А чемодан поехал через Балтийское море на пароходе "Святая Маргарита" в шведскую столицу Стокгольм.

К ночи разревелся ветер, забушевали волны, налетел страшный шторм. Буря трепала "Святую Маргариту", обшивку бортов трещала, гнулась мачта,

волны окатывали палубу, темь была на море, хоть выколи глаз.

В Стокгольм опоздали на шесть часов. Наверное, финское судно "Суоми" давно на пути в Гельсингфорс. По расписанию часа уже четыре в пути. А матросу как раз "Суоми" и надо.

"Не поспел! - с досадой думал матрос. - Как теперь быть? Подвел шторм проклятый!"

Вдруг он увидел "Суоми". Финское судно стояло в стокгольмском порту и разводило пары. Должно быть, шторм его задержал, и только теперь оно собиралось отчаливать. А "Святая Маргарита" почти рядом причаливала. К счастью, наш матрос сменился с вахты. Тут же схватил чемодан - и опрометью на берег. "Суоми" близко, но "Суоми" отходит.

- Тихий вперед! - скомандовал капитан.

Закипела вода под винтом. Тронулся пароход. Поздно.

- Господин помощник капитана! - кричал матрос, таща чемодан. - Вам посылка из Кенигсберга от тетушки.

Матрос запыхался от бега. Чемодан был тяжелый. А "Суоми" уходит. Напрасны усилия.

Но нет, не напрасны. Случилось чудо. Капитан услышал и...

- Тихий задний, - раздалась на "Суоми" команда. - Стоп. Спускай трап.

- Господин помощник капитана! - во все горло кричал матрос. - Вам теплые фуфайки тетушка посылает. Да новый костюм.

В кучке людей, стоявших у причала, послышался смех. Все почему-то были довольны, что "Суоми" вернулась за посылкой для помощника капитана. А он, молодой, с розовыми щеками, подхватил чемодан, благодарно махнул матросу и потащил посылку в каюту. Запер каюту на ключ. Ключ спрятал в карман.

- Показывайте подарки, тетушкин баловень, - пошутил капитан, когда вышли в море. - Поглядим, какие ему наряды прислали.

- Боюсь, они старомодны, как сама моя тетушка, - отшутился помощник.

И чемодан продолжал долгий путь.

В финском городе Гельсингфорсе шел дождь. Проливной. Из водосточных труб, с крыш хлестала вода. Бурные потоки неслись вдоль тротуаров. Крупными пузырями надувались лужи, предвещая ненастье. Люди попрятались по домам. Улицы были пустынные.

Помощник капитана с парохода "Суоми", в черном плаще, торопливо шагал по направлению к конке. Он был озабочен. Что за ливень! Не промок бы чемодан под таким ливнем. Настоящий потоп. Даже для дождливой Финляндии слишком. Помощник капитана поглядывал по сторонам, ища того рабочего, который должен был встречать его у остановки. Но "Суоми" опоздала на несколько часов. И этот потоп! Улицы пусты. Неужели рабочий из Питера не дождался? Ах какая досада! Вон и конка... А питерца нет. Но в эту минуту из-под арки дома напротив вынырнул человек лет сорока, ничем не приметный. Огляделся, подошел. Это был петербуржец.

- Чертовски не повезло, - проворчал он. - Пять часов болтаюсь здесь под дождем. Весь иззяб...

- Шторм задержал. Когда едете? - спросил помощник капитана.

- Сегодня.

- Зер гут, немедля извещу телеграммой.

Рабочий кивнул, взял чемодан и взобрался на подошедшую конку.

Через несколько часов чемодан ехал поездом по Финляндской железной дороге в Петербург.

Поезд шел мимо голых весенних полей. Мимо мокрых деревенек и нарядных, но еще необжитых, заколоченных дач. Питерец хорошо знал эти места и в окно не глядел. Читал газету, ждал Белоостров.

От станции Белоостров начиналась Россия. Там всегда бывал таможенный

осмотр.

В вагоне появился чиновник:

- Пра-ашу открыть чемоданы.

Питерец не спеша открыл.

Пара белья, старенький клетчатый плед, коробка дешевых конфет. А фуфайки, о которых кричал кенигсбергский матрос? Фуфаек не было. Впрочем, чиновник о фуфайках не слышал. Постукал по стенкам чемодана, ничего не нашел подозрительного.

В тот же день рабочий был в Петербурге и поднимался по лестнице на второй этаж каменного, украшенного скульптурами дома на Васильевском острове. Над дверью медная дощечка: "Зубной врач".

Приезжий позвонил: два долгих звонка, третий короткий. Это значило: пришел свой человек.

Зубной врач открыл:

- Проходите, вас ждут.

Дело в том, что тут была явка. Так называлась квартира для тайных встреч революционеров.

В зубном кабинете рабочего дожидалась девушка.

- Давайте, - сказала она.

И взялась за чемодан. Чего только он, бедняга, не натерпелся в дороге! Были и шторм, и ливень, и обыск.

Девушка живо выкинула из чемодана клетчатый плед, другие вещи. И что это? Приезжий хитрым движением нажал на дно. Дно открылось, как крышка. Чемодан был с двойным дном. Плотнo-плотнo там были набиты газеты. Девушка взяла одну. "Искра"!

Так вот что с таким трудом, в такой тайне везли из Мюнхена разные люди! Через Кенигсберг, Стокгольм, Гельсингфорс в Петербург...

Девушка принялась перекладывать газеты "Искра" из чемодана в деревянную коробку для шляп - тогда дамы носили большие широченные шляпы. И коробка для шляп была преобладающей! Девушка полным-полно напихала в нее газет, перевязала ремнями. Подняла - тяжело:

- Ничего, донесу.

И понесла рабочим, в рабочие кружки, на окраины Питера. Она была агентом "Искры". Во всех больших городах России тайно работали агенты "Искры".

"Искру" везли по морям. Везли на поездах. Тайно переправляли в разных местах через границу.

"Искра" раскрывала рабочим и крестьянам глаза на их жизнь.

"Искра" учила: "Боритесь с царизмом! Боритесь с хозяевами!"

"Искра" звала к созданию партии. Звала к революции. К борьбе против царя.

Поднималось в России могучее рабочее движение, разбуженное "Искрой".

Во главе всего этого большого движения, руководителем его и основным редактором "Искры" был Владимир Ильич.

Много писем получал Владимир Ильич из России от рабочих и агентов "Искры". Сотни шифрованных писем шли из России. Шли из России с заводов и фабрик статьи и заметки. Владимир Ильич печатал их в "Искре". Писал рабочим в Россию ответы. Писал статьи для "Искры". Писал книги о политике и революционной борьбе.

Свои статьи и книги с декабря 1901 года Владимир Ильич стал подписывать: Ленин. Почему Владимир Ильич взял такую фамилию? Может быть, назвался именем суровой и мощной сибирской реки? Может быть.

Появилось новое имя: Ленин. О нем узнает весь мир.

БОЛЬШЕВИКИ

В горной Швейцарии, у берегов синего-синего Женевского озера, раскинулся красивый город Женева. В предместье Женевы, неподалеку от озера, в рабочем поселке Сешерон был один дом. Двухэтажный, но совсем небольшой. Как у всех домов, черепичная крыша. На окнах голубые ставни.

В домике жили "Ильичи". Так ласково называли товарищи Владимира Ильича с Надеждой Константиновной.

Сначала Ильичи жили в Мюнхене. Мюнхенская полиция пронюхала про "Искру", пришлось уезжать. Перебрались в столицу Англии - Лондон, на много верст протянувшийся город, дождливый, туманный. Целый год выпускали в Лондоне "Искру". И там стало опасно. Надо новое пристанище искать для "Искры". Так Ильичи очутились в Женеве, в рабочем поселке Сешерон.

- Отлично! - сказал Владимир Ильич, в минуту обежав двухэтажный домик: внизу довольно просторная кухня, наверху небольшие светлые комнатки. - Отлично. Тихо. Спокойно будет работать.

Работы у Владимира Ильича уйма, но тишина скоро кончилась. Жители поселка заметили: к русским и вообще-то приходило много людей, а в июле 1903 года посетителям вовсе не стало счета. Приезжали по одному, по двое, по трое. Нездешние люди - это не трудно было понять: от местных отличались и одеждой и речью. Речь была русская. Приезжали русские люди. Видно, в Женеву они попадали впервые, все было им внове. Солнечное небо им нравилось, и веселенькие ставни у окон, и цветы в палисадниках.

Может быть, жители поселка Сешерон удивлялись, что летом 1903 года так много понаехало русских в Женеву. Никто, конечно, не знал, что это из разных местностей России съезжались делегаты на II съезд партии. Все непременно заходили к Ильичам, а некоторые так прямо с поезда к ним, в Сешерон. На кухне с утра до ночи кипел и фырчал эмалированный чайник. Со стола не убиралась посуда. Каждого встречали приветом и горячим чаем с мягкой булкой. Ведь были некоторые делегаты, что в России жили в ссылке. Смелчаки! Выбрали делегатами, так они из ссылки бежали на съезд. У иных на еду даже не было денег. Но все полны были жизни и веры. Все были веселы.

Иногда вечерами соседи Ильичей примолкали, слушая пение из домика русских, где в эти дни так много толпилось приезжих. Удивительное пение, такого еще не слыхивали в рабочем поселке Сешерон. Широкие, вольные, то заунывные, трогаящие душу печалью, то залихватские и удалые мотивы лились из окон.

- Видно, хорошие люди эти русские. Только хорошие люди могут петь так задушевно! - говорили соседи.

Делегаты приезжали к Ленину поговорить о вопросах съезда, поделиться мыслями. Делегаты знали, он больше всех подготавливал съезд. Владимира Ильича очень ценили и уважали все делегаты. Ведь это он писал в "Искру" так много статей. Это он написал замечательную книгу "Что делать?" о том, как строить партию. Подготавливал для партии Устав и боевую Программу.

"Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, - объяснял Ленин, - все должны принимать участие в работе".

Владимир Ильич еще в ссылке обдумывал Программу.

И хотел договориться на съезде, как правильнее бороться за новое общество. Как к нему скорее прийти.

Из Женевы делегаты поехали в столицу Бельгии - Брюссель. В Брюсселе открылся II съезд. Не в просторном, светлом зале проходил съезд, как теперь бывает у нас. Нет, никакого не было зала, а был огромный мучной склад, неуютный и темный. Пахло сыростью. Ночью, наверное, в темноте бегали крысы.

Склад проветрили, подмели. Сколотили деревянную трибуну. Большое окно завесили красной материей. Поставили лавки. И делегаты заняли места. На трибуну поднялся Плеханов. Плеханов был первым русским марксистом. Он был ученым. Еще до Ленина написал много книг, объясняющих революционное учение Маркса. Плеханов торжественно открыл II съезд партии, сказал хорошую речь.

Все слушали с замиранием сердца. Как волновался Владимир Ильич! Даже побледнел. Только ярко горели глаза. Давно мечтал он о партийном съезде, о восстановлении партии. Наконец-то сбылось!

Началась работа съезда. И почти с первых же дней началась на съезде борьба.

Что же это была за борьба? Кто против кого боролся?

Дело в том, что нашлись делегаты, которые не соглашались с боевой Программой Ленина.

Слишком она казалась им новой и смелой. Новизна их пугала. И эти делегаты стали спорить с Лениным. Но Ленин был прав и так страстно и горячо защищал свою правоту, что большинство делегатов стало на его сторону. На съезде обсуждали Программу и Устав партии. Были выборы в Центральный Комитет и редакцию газеты "Искра". И по всем вопросам разгоралась борьба. Ленин сделал на съезде доклад, очень ясный и убедительный, все слушали с необыкновенным вниманием. На съезде было тридцать семь заседаний. Ленин выступил сто двадцать раз с речами и репликами. Захватывающе он говорил! Большинство делегатов было за Ленина. Их стали называть большевиками. Кто за рабочую революцию, за счастье народа, за ленинскую Программу, за Ленина - тот большевик. А тех, кто на II съезде откололся от Ленина, назвали меньшевиками, их было меньше. Меньшевики отошли от революционной борьбы. Большевики, напротив, теснее собрались вокруг Ленина.

Съезд работал, заседания шли одно за другим, а возле мучного склада стали появляться подозрительные личности. Шныряли, подсматривали. Оказывается, бельгийская полиция распознала, что съехались русские революционеры, целую толпу шпиков подослала следить. Надвигалась опасность. Пришлось всему съезду перекочевать в новое место. Переехали в Лондон. Там продолжалась работа. Тоже тайно. Каждый день приходилось менять адрес, искать для заседаний пристанище. Вот в каких трудных и опасных условиях шел второй съезд.

Ленин победил. Большевики были с ним, неустрашимые и пламенные соратники Ленина!

...В Лондоне часты дожди. И тут долго сеял меленький дождичек, лондонцы ходили под большими зонтами. Прямо-таки запружены были улицы зонтиками. На час прилетит ветер с Ла-Манша, разметет в небе плотные тучи, блеснет голубизна, засветит солнце. И снова дождь.

В один такой сырой день после съезда, когда сверкнул ненадолго луч солнца и скрылся за тучами, Ленин сказал:

- Товарищи! Двадцать лет назад здесь, в Лондоне, умер Карл Маркс. Поедем поклониться могиле великого Маркса.

- Поедем, - согласились большевики.

И они отправились все вместе на кладбище. Кладбище было в парке, расположенном в северной части Лондона на высоком холме. С холма далеко виден был Лондон. Темные от копоти здания, темные крыши, дымные трубы

заводов.

На могиле Маркса лежала плита из белого мрамора, словно в раме из ярко-зеленой травы.

Куст роз в изголовье. Лепестки печально поникли. Сеял дождь. Черные зонтики медленно двигались улицами.

- Товарищи, - негромко сказал Ленин, сняв шляпу. - Великий Маркс - наш учитель. Поклянемся над могилой Маркса, что будем верны его учению. - И добавил: - Никогда не оставим борьбы. Вперед, товарищи. Только вперед.

ЗЛОДЕЙСТВО

В Петербурге на Путиловском заводе уволили троих рабочих. Ни за что. Не понравились мастеру - и все тут, уволены. Буря поднялась на заводе.

- Нет у нас прав. Давайте нам права. Долой мастеров-живодеров! - требовали путиловцы.

Вспыхнула стачка. Все путиловцы, все до единого, отказались работать. Завод стал. В тот же день остановились еще два завода. А через день бастовало уже 360 заводов и фабрик. Затихли станки. Петербург оцепенел, притаился. Все ждали, что будет.

В воскресенье 9 января 1905 года тысячи рабочих вышли на улицы.

- Идем к царю милости просить, - говорили рабочие. - Царь-батюшка, заступись за правду, не дай пропасть с голоду.

Большевики отговаривали: не ходите, не послушает вас царь.

Рабочие шли: царь не знает, как бедует народ. Узнает, так вступится. Припугнет лихих мастеров и хозяев. А то уж совсем житья не стало рабочим.

Рабочие несли царю петицию со своими просьбами. Утром в воскресенье со всех концов Петербурга двигались, двигались к Зимнему дворцу рабочие шествия. Текли вдоль улиц, выливались на площади. Качались над головами церковные хоругви, поблескивая золоченым шитьем. Плыли на вышитых полотенцах иконы. Шли и дети и женщины. С верой, мольбой.

Но что это? На перекрестках построены отряды солдат. Ружья у ноги. Офицеры перед строем в белых перчатках.

В это время на Дальнем Востоке шла война. На суше и на море были жестокие бои. Почти год назад напали на Россию японцы. Русские генералы оказались совсем не готовы. Русские войска терпели изо дня в день поражения. Тысячи солдат погибали где-то далеко...

А здесь, в Питере, царские офицеры вывели солдат против своих безоружных рабочих. Расставили по всей столице. Зачем?

- Для порядку, - объяснял один рабочий, держа у груди икону пресвятой божьей матери. - Толчеи, стало быть, опасаются.

Рабочий этот вышел на улицы вместе с женой. Огромные, как черные ямы, глаза мрачно блестели на ее истомленном лице.

- Воротилась бы домой, - поглядев на жену, сказал рабочий. - Лица нет на тебе. Ребятишки одни в каморе заперты. Не сотворили бы чего... Вернись, Татьяна, домой.

- Нет, нет! - иступленно заговорила она. - Выйдет к народу царь, кинусь в ноги. Царь-батюшка, пожалей ребятишек! Сердце-то царское и помягчает. У самого, чай, дети.

Каменная громада Зимнего дворца неприступно высилась в глубине площади. Сотни окон немо глядели. Снег перед дворцом был нетоптанный, белый.

Плотная цепь солдат с угрюмыми лицами охраняла дворец. При виде толпы офицер поднял руку в перчатке. Ружья вскинулись к плечу.

- Братцы, не страшайте, солдатики! - закричали рабочие. - Свои ведь идем. С добрым словом к царю.

- Неужто он один в таком дворце громадном живет? - изумлялась Татьяна, дивясь величественному, как крепость, дворцу.

- Стой! Не ходи дальше! - прокричал офицер. - Нельзя. Не смей дальше!

Рабочие смешались. На минуту произошла заминка. Но задние, не видя солдат, напирали.

- Боже, царя храпи! - разносилось по площади.

Рабочие в передних рядах подняли белые платки и махали ими.

- Мы - мирные! Царю просьбу несем! - кричали рабочие и шли с хоругвями, иконами, белыми платками.

- Пли! - приказал офицер.

Раздался треск. Непонятный, негромкий. Вспышка. Человек двадцать из толпы рабочих рухнули наземь.

Татьяна охнула, схватилась за мужа и медленно сползла к его ногам.

- Татьяна!.. - не веря, крикнул он.

Она лежала на боку, уткнувшись в снег мертвым лицом.

- Пли! - повторилась команда.

- Пли! Пли! Пли!

- Убили нас! - страшно охнул рабочий. Дикими глазами он глядел на жену. Обезумел. Замахнулся иконой, швырнул в солдата, кинулся пулям навстречу: - Злодеи! Проклятые... Ребятишки-то. Трое. В каморе запертые...

Люди бежали с площади. Прятались в подъездах домов. Падали замертво. Снежная площадь перед Зимним дворцом почернела от тел убитых. Выскакал конный отряд, с шашками наголо.

- Бра-атцы! Пропали! - поднялся над толпой страшный вопль.

- Проклятые, проклятые!

- Вот он, ваш царь! - яростно агитировал молодой большевик. - Вот в кого вы верили. В зверя жестокого верили!

Рабочие поняли. Царь их расстрелял. Навсегда была расстреляна народная вера в царя.

В это Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Петербурге было убито больше тысячи рабочих. Пять тысяч ранено.

К вечеру на петербургских улицах валились фонарные столбы, строились баррикады. Рабочие поднимали против царской власти бои.

На окраине Женевы, вблизи реки Арвы, была улица Каруж. Русские эмигранты называли ее Каружкой. На Каружке преимущественно они и селились. Здесь была столовая мужа и жены Лепешинских, товарищей Владимира Ильича по сибирской ссылке. Столовую Лепешинских знали все русские эмигранты. Просторная комната на первом этаже, две витрины вместо окон. Длинные дощатые столы, очень чистые. И пианино. Это была не только столовая, а вроде бы клуб большевиков. Здесь читали лекции, играли в шахматы, обсуждали политику...

Когда телеграф принес в Женеву весть о Кровавом воскресенье, все эмигранты без зова собрались в столовой Лепешинских. Говорили мало. Было тихо. Лица были серьезны и строги. Большевики понимали: в России начиналось большое, небывалое.

"Домой, домой, на родину!" - думал Владимир Ильич.

Чей-то голос скорбно запел:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Все поднялись и подхватили:

Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

У многих на глазах были слезы.

- В России революция, - сказал Владимир Ильич.

Горячо прозвучало это великое слово. В тот же вечер Ленин написал призывную статью для газеты "Вперед". Это была новая газета большевиков. "Искру" захватили меньшевики. А большевики теперь выпускали газету "Вперед".

Ленин писал: "Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы, и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу...

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!"

КРАСНЫЙ ФЛАГ В МОРЕ

Однажды в конце лета у двери женевской квартиры Ульяновых зазвенел колокольчик.

- Володя, к тебе, - сказала Надежда Константиновна, впуская в дом незнакомого молодого человека.

У него было круглое, открытое мальчишечье лицо. Ясные, светлые глаза любопытно и чуть удивленно глядели из-под черных бровей.

- Проходите, очень рады вам, - сказала Надежда Константиновна. "Экий славный паренек. Так на лице и написано, что прямой да хороший. Должно быть, приезжий".

В России шли непрерывные забастовки и стачки, к Владимиру Ильичу часто приезжали с родины большевики за советом.

Молодой человек вошел вслед за Надеждой Константиновной к Ленину. Вытянулся у порога, слегка выкатив грудь, - чувствовалась военная выправка.

- Откуда вы? - улыбнулся Владимир Ильич.

- Матрос Афанасий Матюшенко с броненосца "Потемкин", - отрапортовал незнакомец. И стоял как на службе - руки по швам.

Владимир Ильич стремительно к нему шагнул. Схватил руку. Пожал.

- Руководитель команды революционного броненосца "Потемкин"! Надюша, взгляни, совсем молодой...

Через полчаса кипел на спиртовке эмалированный чайник. На столе высилась горка ломтей пышного хлеба. Аппетитно желтело свежее масло в масленке.

- Ну, рассказывайте, милый Матюшенко, пожалуйста! - нетерпеливо сказал Владимир Ильич, когда тот умял несколько ломтей хлеба с чаем.

И матрос Афанасий Матюшенко рассказал историю эскадренного броненосца "Потемкин".

Это был недавно отстроенный, самый мощный военный корабль. Он стоял в Севастополе. Какие огромные орудия были на нем! Семьсот сорок матросов составляли команду.

В России бушевали восстания. В деревне крестьяне бунтовали против помещиков. Не утихала русско-японская война. Японцы побеждали, страшные потери несли русские войска. Погибла целая наша эскадра в Цусимском проливе. Все было гнило и плохо у царских правителей. Народ презирал и ненавидел царя Николая II.

Командир броненосца, лютый и безжалостный человек, боялся, как бы революционный дух не проник на броненосец "Потемкин", и увел броненосец из Севастополя на военные учения в море. Подальше от родных берегов, от рабочих забастовок и стачек.

Рано утром в открытом море матросы поднялись по сигналу. Назначены были наряды. Большой группе матросов велели мыть палубу.

Ветер доносил какой-то противный запах с верхней палубы. Матросы-мойщики поднялись наверх. И что же? Там на крюках было подвешено мясо. Жирные белые черви ползали в нем, червей было так много, что казалось, мясо шевелится. Мерзко стало матросам от этого зрелища.

- Вот чем запасли нас кормить!

- Не будем есть червей, пусть офицеры сами лопают!

- Так офицеры и станут. У них свой харч, офицерский. Им что до нас.

Подшло время обеда. Дали сигнал. Матросы спустились в камбуз. Кок собрался раздавать борщ, а в нем черви.

- Не будем есть, - отказались матросы.

Настала тишина. Что-то страшное наступило. Кок испугался. Позвал офицера. Офицер прибежал, набросился на команду с бранью и... осекся. Увидел бледные, суровые лица. Офицер пошел к командиру с докладом. Скоро послышалась барабанная дробь - барабанщик играл сбор. Матросы сбежали на палубу, выстроились по бортам броненосца, застыли. Синее море было вокруг, лучезарное небо. Невысокие волны ходили по морю. Стая дельфинов резвилась в волнах.

- Бунтовщики! - топя сапогами, орал командир. - Черви им привиделись! Бунтовать вздумали? Я вам покажу, как на военном корабле бунтовать! Говори, кто зачинщики?

Матросы молчали. Стояли как вкопанные. Офицеры вывели на палубу караул с винтовками. Выстроили против матросов.

- Кто зачинщики?

Матросы молчали.

- Принести брезент! - отдал приказание командир.

Что это значило? Это значило, командир выбрал жертвы на казнь. Ткнет пальцем: вы зачинщики. И конец.

Брезент принесли, раскатали на палубе. Сейчас им накроют матросов. Кого накроют - под расстрел без суда.

Все замерли. Сейчас, сейчас смерть... Спасения нет. А вокруг синее море, небо, полное горячего света, веет вольный ветер.

Вдруг один круглолицый, ясноглазый матрос выскочил из строя:

- Братцы! Доколе будем терпеть? Издеваются над нами. К оружию, братцы!

И кинулся за ружьем в батарею. Это был Афанасий Матюшенко. Неугомонной душой называли его товарищи.

- Долой командира-дракона! - призывал Матюшенко. - Долой царя! Да здравствует свобода, товарищи!

Строй сломался, тишина сломалась. Матросы расхватили винтовки.

Старший офицер отступил за башню, в упор прицелился, спустил курок револьвера. Насмерть раненный, рухнул матрос, вожак команды, стойкий,

смелый большевик, товарищ Вакулинчук.

- Вот вы как? Получайте же! - бешено закричал Матюшенко и наповал убил офицера.

Ярость обуяла команду. Еще нескольких, особенно ненавистных, офицеров застрелили и выкинули в море. Командир-дракон спрятался. Матросы нашли, выволокли из каюты - туда же, за борт.

И броненосец "Потемкин" свободен. Броненосец "Потемкин" во власти команды.

А дальше что? Кому управлять кораблем? Куда идти кораблю?

Выбрали судовую комиссию, главным Афанасия Матюшенко. Идти решили в Одессу. И на мачту, где до того дня висел царский флаг, подняли свой, революционный. Это было 14 июня 1905 года.

Броненосец "Потемкин" на всех парах шел под красным флагом в Одессу.

Флаг полоскался на ветру. Горел как огонь. Светил как маяк. Звал и вел матросов на борьбу за свободу.

Пришли к Одессе, стали на рейд. Спустилась ночь. Прожекторы броненосца щупали тьму. Слепящие пучки света обшаривали Черное море и затаившиеся ночные улицы города. Дула орудий нацелились на Одессу. А там полыхали рабочие стачки, там рабочие бастовали против хозяев. Что бы броненосцу "Потемкин" сразу, без промедлений, выступить на помощь рабочим! Открыть огонь, разбить дворцы вельмож и начальников. Но вожак команды, большевик, раненный офицером, скончался. А остальные были так молоды и неопытны!

Между тем царь слал из Петербурга в Севастополь приказы командиру Черноморского флота:

"Немедля подавить восстание!"

Всю Севастопольскую эскадру двинули в Одессу против мятежного броненосца "Потемкин".

И вот на четвертый день утром часовые "Потемкина" увидели на горизонте мачты и трубы. Один корабль, второй, третий. А за ними еще корабли двигались на окружение броненосца "Потемкин". Тринадцать против одного.

На "Потемкине" сыграли боевую тревогу. Матросы заняли места на постах. Что будет?

Броненосец молча пошел навстречу эскадре. В гробовой тишине, только медленно поворачивая башни, нацеливая дула орудий. Сигнальщик, по приказу Матюшенко, сигнализировал: "Команда "Потемкина" просит комендоров не стрелять".

И вдруг тысячное "ура" разнеслось по морю со всех тринадцати кораблей, приведенных усмирять броненосец "Потемкин". С одного корабля просигналили: "Присоединяемся к вам".

И корабль понесся, как птица, на сближение с "Потемкиным".

- Ура! - гремело над морем.

Начальник эскадры испугался: вдруг взбунтуются все? И отдал приказ:

- Эскадре уходить в Севастополь.

Теперь два мятежных корабля под красными флагами стояли у тревожных берегов Одессы. Стояли и... не брали Одессу. Ждали чего-то. Колебались. Не знали, как поступить.

А на "Потемкине" шло к концу топливо. Была на исходе пресная вода. Скоро без пресной воды станут машины. Матросы волновались. Надо действовать. Как?

Соседнему кораблю ненадолго хватило мужества. Скорбно пополз вниз по мачте красный флаг революции. Корабль сдался властям.

Потемкинцы снялись с якоря и ушли из Одессы в открытое море.

А в это время посланец Ленина спешил из Женевы на помощь восставшим потемкинцам. Ленин наказывал: "Убедить матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтоб немедленно был послан десант... Город надо

захватить в наши руки..."

Посланец Ленина приехал в Одессу, а красного флага на рейде нет. Красный флаг далеко.

Совсем мало на броненосце оставалось пресной воды. Скорее, скорее надо найти выход. Пришли в Феодосию:

- Дайте воды.

Власти отказали!

- Не желаем снабжать бунтовщиков.

Снова красный флаг в море. Непобежденный и бесприютный. Непокойно было на корабле, неуверенно. Дни и ночи Матюшенко не спал. Где выход?

На одиннадцатый день вечером броненосец стал на рейд в румынском порту. Чужие берега, чужие дома, чужие огни.

- Дайте воды.

Румынские власти не дали. Нет больше сил у броненосца "Потемкин". Нет воды, нет угля, нет хлеба.

Румынское правительство предложило:

- Сдавайте нам броненосец, а мы дадим вам приют. Не выдадим вас царю.

И наступила последняя ночь для матросов на броненосце "Потемкин". Свободный броненосец "Потемкин", прощай! Одиннадцать дней ты наводил трепет на генералов и офицеров, на царя и всех богачей. Ты верен был революционному знамени. Слава тебе!

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

С Николаевского вокзала из Москвы уходил в Петербург скорый поезд. До отправления оставалось четыре минуты. Пассажиры заняли места. Небольшие группы провожающих толпились у подножек вагонов. Возле последнего вагона стояли два шпика.

- Нет и нет... - со вздохом сказал один, у которого русые усики закручивались крутыми колечками.

- В последний момент, должно, прибежит, углядим, - ответил другой.

Они зорко глядели из-под низко нахлобученных шапок. На платформе появились еще пассажиры. Один, довольно коренастый, в круглых синих очках, с чемоданом и дорожной желтой коробкой - такие коробки модны были в Финляндии. Второй - щеголь, в клетчатом пальто.

- Чудесно сегодня утром пробежались на лыжах! - проходя мимо шпиков, оживленно говорил щеголь в клетчатом пальто. - Весь день силушка по жилушкам так и играет, а день-то снежный, морозный!

Пассажир в синих очках что-то ответил. Шпики не расслышали. Шпики нервничали: тот, кого они ловили, не показывался. А этот, в синих очках, кто такой? Должно, не тот, кого они поджидали, а подозрительно... не упустить бы. Шпики кинулись вслед за пассажиром в синих очках.

Но поезд тронулся. Пассажир в синих очках, с чемоданом и желтой коробкой, вскочил на подножку. Щеголь остался. Оказалось, был провожающим.

- Так и нет, - огорченно сказал один шпик. - Начальству донесли, что нынче в Петербург собирался. Ан нет. Вот его карточка, вроде никого на вокзале похожего не было.

Он вынул из кармана фотографию. Лицо, чуть скуластое, с громадным лбом и резко сломанными бровями, насмешливо щурясь, глядело с фотографии.

- Ленин-Ульянов. Из Женевы в Россию на рабочие восстания прибыл.

Главнейший у них. Непременно поймать его велено. Завтра опять придем сторожить, - сказал шпик, пряча карточку.

А скорый поезд мчался сквозь звездную ночь, раскидывая по макушкам деревьев хлопя едкого дыма. Лес, заваленный снегом, безмолвный и глухой, тянулся вдоль рельсов.

Поезд мчался. Горели глаза паровоза. Громыхали на стыках колеса...

Рано утром в Петербурге человек в синих очках взял извозчика и довольно скоро был дома - на углу Бассейной и Надеждинской улиц, почти в центре столицы. Был ли это его дом? Небольшая комнатенка. Необжито, пусто. Стол дощатый, без скатерти, да табурет, как на кухне.

Человек снял очки, сунул в чемодан. Вынул из желтой коробки бумагу, без промедления сел за стол и, не поднимая головы, стал писать.

Через час за дверью что-то тихо заскреблось. Повернулся снаружи в скважине ключ. Дверь отворилась. Вошла Надежда Константиновна, с муфтой, в шапочке, отороченной мехом.

Владимир Ильич вскочил:

- Надюша, родная!

- Охотились в Москве за тобой? - в тревоге спросила Надежда Константиновна.

- Еще как! - усмехнулся Владимир Ильич.

Пряча беспокойство, Надежда Константиновна стала разбирать чемодан. Синие очки! Зачем?

- Маскарад! - ответил Владимир Ильич. - При помощи этих синих очков оставили господ сыщиков с носом, Надюша!

Владимир Ильич и Надежда Константиновна нелегально вернулись из Женевы на родину. Жили в Петербурге врозь, по чужим паспортам. Виделись тайно. Свидания были кратки и спешны.

Сейчас Владимир Ильич торопился рассказать о московских небывалых событиях! Он ездил в Москву обсудить их с товарищами.

События начались в октябре. Забастовал Московский железнодорожный узел. Забастовали московские фабрики. Остановились трамваи и конки. Погасло электричество. Выключили водопровод. Вся рабочая Москва бастовала. Перекинулось на другие города. Охватило деревни. Вспыхнула Всероссийская всеобщая политическая стачка.

Чтобы притушить революцию, царь выпустил манифест. Обещал в манифесте рабочим свободу. Но это было обманом. Рабочие знали: нельзя верить царю. Рабочие помнили январский расстрел у Зимнего дворца в Петербурге.

И вот 7 декабря 1905 года днем, в 12 часов, вновь объявлена была в Москве забастовка. Правительство послало войска усмирять забастовщиков. И тогда вступили в действие рабочие боевые дружины. На улицах, площадях и бульварах, у заводов и фабрик поднялись баррикады.

Главные силы восставших рабочих обосновались на Пресне. Это рабочий район. Там много фабрик и заводов. Образовался Совет рабочих депутатов. Установилась рабочая власть.

А царское правительство спешно сгоняло к Москве пехотные, кавалерийские, артиллерийские полки и батареи, казацкие части. Царские пушки палили по Пресне. Как спичечные коробки, вспыхивали деревянные рабочие дома и бараки. Десять дней длились бои. Рабочие и большевики сражались героически. Но царские пушки жестоко подавили восстание.

Нужно ли было братья за оружие рабочим?

- Нет! - говорили меньшевики.

- Не надо, - утверждал Плеханов.

Он был первым русским марксистом, а когда в России забушевали революционные битвы, Плеханов ушел от Ленина и все дальше уходил от

большевиков.

- Нужно было восстание, - твердо заявил Ленин. - Надо было рабочим братья за оружие. Рабочий класс получил боевое крещение.

Сейчас, запершись в бедной, пустой комнатенке, Владимир Ильич шепотом рассказывал обо всем этом Надежде Константиновне. Ведь Надежда Константиновна была секретарем Центрального Комитета партии, ведала явками, партийными связями, большевистскими встречами, была самым близким помощником Ленина.

И вспомнился им, горько вспомнился дорогой их товарищ Николай Бауман. Вместе с Лениным Бауман подготавливал выпуск "Искры". Переправлял "Искру" из-за границы в Россию. Жандармы ловили его, сажали в тюрьму. Он бежал. И снова, и снова неустрашимо и вдохновенно работал для партии. И снова его сажали в тюрьму.

В октябре 1905 года Баумана выпустили из заключения. А через несколько дней, во время демонстрации, наемный убийца обломком чугунной трубы ударил Баумана. Насмерть.

Тысячи московских рабочих провожали гроб большевика. Мужественного, красивого...

- Такими людьми сильна наша партия, - сказал Владимир Ильич.

Встал, подошел к окну. Надежда Константиновна стала с ним рядом.

- Погляди, Володя.

Против окна, на той стороне улицы, виднелся человек в меховой шапке, в пестром кашне, приличный по внешности, но странно неподвижный. Другой частыми шажками ходил по тротуару. Некоторое время Владимир Ильич с Надеждой Константиновной наблюдали за ними.

- Придется менять адрес, - сказал Владимир Ильич.

Взял со стола только что написанную статью, отдал Надежде Константиновне. Она молча спрятала в сумочку. Владимир Ильич затолкнул желтую коробку под кровать.

- Унести бы ноги, - проговорила Надежда Константиновна.

Болела у нее душа за Владимира Ильича!

Каждый день, каждый час, каждую минуту подстерегала опасность. Схватят, запрут под тюремный замок. Сошлют на вечную каторгу.

Но она не сказала о своем беспокойстве ни слова, а сказала, что товарищи ждут Владимира Ильича в условленном месте. Что за этим она и пришла к нему на Бассейную. И что надо отсюда поскорей уезжать, а то вон каких молодчиков выставили...

Они вышли из дома под руку и пошли не налево, как было им нужно, а в обратную сторону. Владимир Ильич с любезным видом завел разговор о концерте. Хорошо бы сегодня послушать концерт. Надежда Константиновна кивала, соглашаясь. А сама косилась: что шпики? Один, в пестром кашне, как раньше, стоял неподвижно. Другой от нетерпеливости характера бегал.

- Извозчик! - подозвал Владимир Ильич.

Проезжавший мимо извозчик остановился. В нескольких шагах от шпиков Владимир Ильич посадил в санки свою спутницу, сел сам.

- Садовая! - велел наобум. А Надежде Константиновне по-немецки вполголоса: - Желал бы я хорошего морозца этим олухам, да с вьюгой, пускай бы померзли.

Не доезжая Садовой, они отпустили извозчика, нырнули в проходной двор, знакомый Владимиру Ильичу по старым питерским годам. И поехали на Васильевский остров. Если за ними следят, надо запутать следы, сбить с толку. Они ехали куда глаза глядят. Январский день, необычно для Петербурга, был ясный и солнечный. Все было бело. Искрился снег. Мороз щипал щеки.

- Соскучился я по этой снежной белизне! - с чувством вырвалось у Владимира Ильича.

- Зимушка наша. Зимушка русская! - отозвалась Надежда Константиновна.

Они были счастливы хоть нечаянно побыть немного вдвоем.

А под вечер в точно назначенный час, уверившись, что шпик за ним не крадется, Владимир Ильич шагнул по указанному Надеждой Константиновной адресу. Собрались питерские большевики и передовые рабочие, дожидались выступления товарища Ленина.

СНОВА ЧУЖБИНА

Два года вспыхивали и горели по всей России костры рабочих и крестьянских восстаний. Два года царские правители душили революцию в России. И началась расправа. Аресты. Ссылки. Казни, казни...

Владимир Ильич жил недалеко от Петербурга, в Финляндии. Здесь редактировал и выпускал большевистскую нелегальную газету "Пролетарий". Отсюда держал постоянную связь с Петербургским большевистским центром. А Надежда Константиновна почти ежедневно ездила в Петербург с партийными поручениями Ленина.

Однажды вернулась из Петербурга сильно расстроенная. Уж очень злобствовали против Владимира Ильича царские власти! Одну книжку его запретили, постановили отдать Ленина за эту книжку под суд. Другую книжку конфисковали. Разослали по всем жандармским управлениям приказ:

"Разыскать большевистского вождя Ленина!"

- Доберутся они до тебя, вся полиция на ноги поставлена, - с грустью сказала Надежда Константиновна.

В те времена Финляндия была под властью русского царя, царские полицейские без препятствий шныряли по княжеству Финскому. Вот-вот выследят Ленина.

Большевистский центр постановил: Ленину надо эмигрировать за границу. Газету "Пролетарий" издавать за границей.

- До свидания, родной мой, - простилась Надежда Константиновна. - Встретимся в Швеции.

Надежда Константиновна в Стокгольм, столицу Швеции, приедет позднее. Сейчас Владимир Ильич поехал один.

Был декабрь 1907 года. Поезд шел из Гельсингфорса в портовый финляндский город Або. В купе ехали финны. Финны - народ молчаливый. Да Владимиру Ильичу и не хотелось разговаривать. Снова покидает он родину! Много пережито за два революционных года на родине. Революцию подавили. Но рабочий класс закалился, научился опыту революционной борьбы...

Занятый мыслями, Владимир Ильич не сразу заметил сквозь стеклянную дверь купе в коридорчике человека. А когда заметил, по виду и шныряющему взгляду моментально определил полицейского шпика. Владимир Ильич научился их узнавать. Шпик за ним наблюдал, и давно, - это ясно. Наверное, на вокзале в Або Владимира Ильича ожидают жандармы. Конечно, шпик известил телеграммой жандармов: мол, встречайте добычу.

Плохи дела. Последнюю остановку перед Або проехали. Больше остановок не будет. Сойти не удастся. Поезд вез Владимира Ильича прямо в лапы жандармов. Положение создавалось пренеприятное. Владимир Ильич взглянул на стеклянную дверь. Шпика не видно. Очевидно, уверен, что добыча надежно в

руках. Ушел в свое купе отдохнуть. Скверны дела: через час Владимира Ильича посадят в тюрьму.

Он поднялся. Чемоданчик у него был небольшой. С чемоданчиком в руке Владимир Ильич не спеша направился в тамбур. Только бы не выскочил шпик! Упаси бог! Владимир Ильич отворил дверь из тамбура. Ледяной ветер хлестнул в лицо. Как быстро несется поезд! Вагон качает: не устоишь на ногах. Владимир Ильич несколько минут выжидал. Не решался. Слушал торопливый перестук колес. Может, ему показалось, а может, и верно поезд замедлил на повороте - все равно другого выхода не было. Владимир Ильич прыгнул. Дух захватило. Невольно он зажмурил глаза и провалился во что-то пушистое.

Он упал в глубокий сугроб, удивительно удачно упал! Снег насыпался за воротник и в ботинки, залепил лицо, но кости были целы. Цел, жив! Поезд прогромыхал мимо сугроба. Помигал красный фонарь на площадке последнего вагона и исчез. Вдалеке замерли звуки. Тишина. Ночь. Мохнатые звезды в холодком небе.

Владимир Ильич выбрался из сугроба. Отряхнулся от снега. И пешком зашагал вдоль рельсов по направлению к Або. Далеко ли идти? Двенадцать верст, по чужой дороге, в зимнюю ночь, - далеко! Зато спасся от жандармов. А шпик? Владимир Ильич представил, как ошарашенно мечется перепуганный шпик, разыскивая его по вагонам, и засмеялся: "Проворонил, голубчик, намылят тебе голову!"

Теперь оставалось дошагать по рельсам до Або, сесть на шведский пароход - и опасности позади.

Но на пароход Владимир Ильич опоздал. И опасности были не позади, а рядом. И слева, и справа, и всюду. Порт набит русскими жандармами и сыщиками, туда и носу нельзя показать. Город полон жандармами. Так сказал один финский товарищ. Этому товарищу большевистский центр поручил устроить Владимиру Ильичу переезд из Або в Стокгольм. Что делать?

Уезжать из чужого города Або - вот что надо делать. И скорее, немедленно.

Финский товарищ переправил Владимира Ильича в рыбацкий поселок на скалистом берегу моря. Здесь были шхеры, то есть сотни островов, полуостровов, бухт и заливов. Острова, большие и маленькие, далеко уходили в глубь моря, и все это было покрыто снегом и льдом. Ведь стоял декабрь, стояла зима.

Двое рыбаков согласились проводить Владимира Ильича на один островок. Шведские пароходы приставали к этому острову в шхерах.

Как?! Разве пассажирские пароходы ходили по льду?

Да, ходили. Ледоколы разрезали льды, образуя фарватер. Мимо того острова, к которому рыбаки повели Владимира Ильича, как раз и был проложен фарватер.

Была темная, немного вьюжная ночь. Вышли ночью, чтобы не заметили люди. Всякому показалось бы странным, куда и зачем отправляются путники по такому ненадежному льду. Лед был ненадежен. Кое-где змеились по нему коварные трещины. Иногда поднималась поверху вода. Рыбаки знали, что русский, которого они согласились вести к пароходу по шхерам, борется против царя. Финны ненавидели царя. Если русский против царя, они сделают для него все, что надо.

Путники молча шли, нащупывая длинными шестами дорогу. Тихо шли. Шаг, еще шаг. Колючий снег резал щеки. Ветер усилился. Вздыхал тучами снег. С моря долетали гудки. Там пароходы пробивались сквозь снежную вьюгу и мглу.

"Спасибо рыбакам, в такую непогожую ночь взяли меня проводить, - думал Владимир Ильич. - Спасибо, товарищи".

Он не знал, как рискованно, почти невозможно было идти в эту непогожую

ночь. Шагал, проверял на ощупь дорогу шестом, старался не упускать из виду рыбаков впереди. Вдруг... лед пошатнулся. Раздался треск, будто выстрел. Лыдина накренилась и плавно стала уходить из-под ног. Из трещины хлынула вода. Шест Владимира Ильича шарил, дна не было. Конец. Все.

Он не помнил точно, как удалось ему выбраться. Кто-то протянул руку. Он схватился, прыгнул.

Проводники хлопали его по спине, говорили по-фински.

И по немецки:

- Геноссе, геноссе, товарищ.

Они радовались. Как они радовались, что русский гэноссе, товарищ, который борется против царя за народную долю, не утонул подо льдом!

Владимир Ильич добрался до острова. Шведский пароход его захватил и доставил в Стокгольм. Там Владимир Ильич дождался Надежду Константиновну.

И вот они снова в Женеве. Снова чужбина.

Неприглядна была Женеве в тот декабрьский день, когда Владимир Ильич со своим верным другом, родной и любимой Надюшей, очутились там после революционной России.

Зима, а снега нет. Только ветер, резкий и жесткий, несет вдоль тротуаров холодную пыль.

Женевцы попрятались по домам. Не видно людей на улицах. Одиноко, неприятно в Женеве.

СВИДАНИЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Владимир Ильич вышел из библиотеки. В каких только библиотеках не приходилось ему работать! В мюнхенской, женевской, цюрихской, и лондонской, и парижской, и копенгагенской! Теперь вот в этой, стокгольмской. Шел 1910 год, и опять Владимир Ильич в столице Швеции - Стокгольме. Он жил во Франции, а сюда приехал на время. По особому, совершенно особому поводу.

Быстрый и радостный, он шагал осенними стокгольмскими улицами.

Куда же он шел? Предстояло выступить с докладом в шведском Народном доме. Он шел на доклад. Десятки раз приходилось Владимиру Ильичу делать доклады в самых различных городах перед рабочими и членами партии. Отчего же он сегодня так весел? Он кидал вокруг дружелюбные взгляды, всматриваясь на ходу в чужую, шведскую жизнь. Негромкий, чистый и прибранный город, с кривыми узкими улицами. Королевские дворцы, мосты через каналы, скверы, клумбы, стаи галок вокруг колоколен, медлительные экипажи на площадях - все это Владимиру Ильичу давно знакомо. А сегодня вызывало улыбку.

Он увидел продавщицу цветов. Корзина красных, желтых и розовых роз стояла у ног молоденькой девушки.

- Пожалуйста, вот эти красные розы. Мерси. Благодарю вас.

Владимир Ильич шел на партийный доклад с цветами. Не странно ли?

Однако вот и Народный дом. Сегодня здесь, в одной из комнат, собрались русские большевики-эмигранты.

- Ленин! Ленин! - встретили Владимира Ильича дружные возгласы.

Его обступили, жали руку. Это были политические эмигранты из России.

Все знали Ленина. По книгам и статьям. По большевистским газетам: сначала "Искра", потом "Вперед", "Новая жизнь", "Пролетарий". Знали по съездам партии.

В глубине комнаты сидели две женщины. Одна совсем пожилая. На ней было

черное платье с глухим воротничком и кружевная накладка на белых, совершенно белых как снег волосах. Черты лица ее были тонки. Она вся помолодела и оживилась, когда раздалась одобрительные возгласы:

- Ленин!

Рядом с ней молодая, темноглазая, чуть скуластая, строгая. Она тоже расцвела при появлении Ленина. Владимир Ильич к ним подошел, положил на колени старой женщины розы.

- Мама и сестра приехали из России меня навестить, - просто объяснил он окружающим.

- Спасибо, что приехали, - сказал матери один большевик. - Вы можете гордиться таким сыном.

А Ленин стал за небольшой, вместо кафедры, столик и начал доклад. Необычный доклад. Впервые его слушала мать. Он говорил товарищам, большевикам. И матери, маме. Мать была другом своих детей. А ведь все ее дети были революционерами. Она навещала их в тюрьмах. Носила передачи. Когда в 1895 году Владимира Ильича заключили в тюрьму, мама приехала в Петербург. "Мамочка, помню, как ты глядела на меня через решетку. Губы дрожали у тебя, а ты улыбалась".

Владимир Ильич говорил в своем докладе о положении в партии. О том, что надо бороться со всеми неверными течениями.

Революция 1905 года потерпела поражение, но надо не падать духом. Надо смело идти вперед. Одна у нас дорога... Владимир Ильич говорил о дороге революционной борьбы.

После доклада опять его окружили. Насилу Владимир Ильич выбрался из Народного дома.

Был вечер. Из окон домов лился мягкий свет, оранжевый и голубой от абажуров. Тянуло морской прохладой из порта. Где-то звучала музыка.

Мама и Маняша ждали Владимира Ильича на улице.

- Мама, Маняша, как я рад, что вы здесь! - воскликнул он.

Ему хотелось услышать, что думает мать о сегодняшнем вечере. Вспомнилось Владимиру Ильичу детство и мама из его счастливого детства. Она всегда была неспешна. Ровна. Справедлива. За всю жизнь Владимир Ильич не знал ни единого случая, когда в чем-нибудь не согласился бы с матерью.

- Ты знаешь, Володя, - сказала она, - я читала многие твои книги и статьи и очень ценю твой ум и твои задачи. А сегодня я убедилась, как горячо тебя любят люди.

Десять дней прожили в Стокгольме Мария Александровна и Маняша. Владимир Ильич приехал из Парижа увидеться с ними. Быстро промелькнули дни!

Русский пароход уходил из Стокгольма утром. Осень сумрачно надвинулась на город, завесила плотными тучами небо. Ветер срывал листья с деревьев. Беспорядочно гнал по заливу мелкие волны. Лодки громко плюхали днищами по воде. Было беспокойно, нерадостно.

Владимир Ильич обнял мать.

Они мало говорили. У Владимира Ильича сердце разрывалось от горечи, когда мать, обняв его еще и еще, пошла по трапу на пароход. И все оборачивалась и махала платком. Пароход довольно долго стоял, а Владимир Ильич не мог туда подняться. На пароходе - русская территория, русские законы. Только Владимир Ильич туда ступит ногой, в тот же миг его арестуют. Мама махала платком. Низкий гудок протяжно разнесся над заливом. Пронзительно прокричала чайка. Пароход отошел.

Прощай, мама!

Он больше ее не увидел...

В ДЕРЕВНЕ ЛОНЖЮМО

Тысячи русских революционеров-эмигрантов жили во Франции. Владимир Ильич тоже жил и работал в Париже. А весной 1911 года они с Надеждой Константиновной выехали на все лето в деревню Лонжюмо.

Лонжюмо недалеко от Парижа, километрах в пятнадцати. Длинная улица протянулась больше чем на километр вдоль деревни. Ночами по улице тархтели колеса возов, крестьяне везли на парижский рынок продукты.

Дома в Лонжюмо были каменные, невзрачные, насквозь прокопченные. Копоть валила из трубы небольшого кожевенного заводика. Даже листья и трава были от копоти тусклые и скучные в этой деревне. Правда, вокруг зеленели поля. Но Владимир Ильич с Надеждой Константиновной приехали сюда не для отдыха. Напротив, для трудной работы.

Был ранний час. На дворе во все горло запел петух. Владимир Ильич проснулся. Комната была темной и сырой даже в это яркое летнее утро. Казалось, и солнце еще не взошло - так было сумрачно в комнате.

Между тем Надежда Константиновна уже несла завтрак, состряпанный на керосинке.

- Изволили проспать, милостивый государь? За поведение - кол.

Такую отметку выставил себе Владимир Ильич, живо поднимаясь с постели. И скорей помогать по хозяйству. Чашки, тарелки на стол. Сахарница...

- Ой! - вскрикнула Надежда Константиновна.

Сахарница вырвалась у него из руки. Владимир Ильич изловчился, подхватил:

- Чем не жонглер?

- На троечку, - ответила Надежда Константиновна.

Что-то колы да тройки у них на языке! Уж не заделались ли учителями Владимир Ильич с Надеждой Константиновной?

Нестерпимая жарница стояла в то лето во Франции! С утра нещадно пекло и жгло солнце. Лохматая дворняга лежала в тени под забором на улице. Высунула язык и часто-часто дышала.

- Жарко, псина? - дружески потрепал дворнягу Владимир Ильич. - Доброе утро! - поздоровался с рабочим-кожевником.

Ильичи снимали у него две темные комнаты в сумрачном доме с черепичной крышей.

Было воскресенье. Рабочий сидел в тени забора, положив на колени жилистые руки. У него было узкое, худое лицо. Пепельного цвета усы опускались вниз. Таким усталым он казался и изможденным!

Мимо по улице проезжал экипаж на рессорах, с лакированными крыльями. Под кружевным зонтиком ехала дама с миловидными, нарядными детьми. Рабочий торопливо вскочил, низко поклонился. Дама кивнула.

- Супруга хозяина, - почтительно сказал кожевник.

- Вот у кого отдых в полное удовольствие, - с насмешкой заметил Владимир Ильич.

Рабочий помолчал, погладил опущенные усы и смиренно ответил:

- Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо.

Через улицу, наискосок, зазвонили колокола. Отворились для воскресной службы двери храма. Рабочий перекрестился и направился в храм, бормоча:

- Господь создал мир, нам ли судить?

- Да-а... - в раздумье протянул Владимир Ильич.
- Мосье, - спросил соседский французский мальчишка, - вы, наверное, на Сену купаться?

- Нет, дружок, не купаться.

- А, знаю, знаю, - закивал французский мальчишка, - вы в свою школу. Вы и в праздники учите.

Школа Ленина на другом краю длинной улицы в Лонжюмо была необычной школой. И по виду она не походила на школу. Раньше когда-то тут был постоянный двор. В глубине двора стоял просторный сарай. На пути в Париж останавливались в нем дилижансы. Кучера отдыхали, курили. Кормили лошадей. Но это было давно...

Весной 1911 года Владимир Ильич снял сарай под школу. Ученики выгребли мусор. Сколотили из досок стол на восемнадцать человек. Раздобыли у соседей старенькие табуретки и стулья - и школа открыта.

Какие же ученики в ней учились? Учениками были русские рабочие. Тайно от царских жандармов они приехали сюда из разных городов России учиться. А учителями были Владимир Ильич, Надежда Константиновна и некоторые другие товарищи.

Ученики сидели за столом, когда Владимир Ильич пришел на урок. Честь по чести встали при входе учителя. Но вот что смешно: все босые. Жара в Лонжюмо была нестерпимая, вот они и ходили босые.

Это были молодые ребята, любопытные и способные. Они любили уроки и лекции Владимира Ильича! Всегда он умел заинтересовать с первого слова.

- Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо, - начал неожиданно Владимир Ильич сегодня урок.

Лукавая улыбка играла у него на губах, смеялись глаза. Все в удивлении молчали. Прямо-таки мертвая тишина воцарилась в ответ.

- Так мне сказал один французский рабочий-кожевник, - после паузы объяснил Владимир Ильич.

Ученики зашумели:

- А! Вон оно что! Э! Это какой-то слизняк проповедует, это не борец.

- Отсталый ваш француз, Владимир Ильич! Ведите его в нашу школу, живо проветрим мозги.

А один ученик поднялся и сказал:

- Я тоже рабочий-кожевник, только, думаю, божьи законы нам не подходят. Надавать надо богатеям по шее да и строить новое общество.

- Правильно! - закричали вокруг.

Шумный получился урок. Но Владимиру Ильичу это и нравилось.

- Значит, не обязательно, чтобы были богатые и бедные, - подхватил Владимир Ильич.

И незаметно и просто перешел к уроку по политической экономии. Так называется очень важная наука о развитии общественного производства.

Владимир Ильич учил рабочих марксизму. Рабочий должен быть образованным, умным и сведущим. И превосходно должен разбираться в политике.

Разве будет бороться за революцию такой человек, как тот французский кожевник, который бормочет: "Господи помилуй!" - и знать ничего больше не знает? И у нас в России немало таких отсталых рабочих. Отсталость - не подмога революционной борьбе.

- Учиться надо рабочим! - говорил Владимир Ильич.

Потому и организовал он в Лонжюмо партийную школу. Ученики проучились в ней четыре месяца и поехали домой, понесли русскому рабочему классу свою

революционную веру и знания. А французская деревня Лонжюмо, обыкновенная деревня, не очень казистая, сейчас известна стала всем людям оттого, что там была первая партийная школа Ленина.

ВОЙНА ВОЙНЕ

- Батюшки мои, не верится, что из такой беды страшной вырвались!

Надежда Константиновна глядела на Владимира Ильича. Здесь, с ней, не в тюрьме! Живой, в глазах искры, морщинки смеха у губ. Беда миновала, а в глубине души было ей все еще страшно.

- Дурное сновидение. Вон из головы! - ответил Владимир Ильич. -
Полюбуйся, Надюша, на осенний Берн.

И распахнул окно. Оранжевый свет осенних листьев полился в окно. Они были в столице Швейцарии Берне. На свободе. А совсем недавно Владимир Ильич сидел за тюремной решеткой. Случилось это в Поронине.

Поронин, польский городок, или, скорее, поселок, находился в то время под властью австрийцев. 1 августа 1914 года Германия объявила России войну. И ее союзница Австро-Венгрия объявила России войну. А Франция и Англия объявили войну Австро-Венгрии и Германии.

Началась мировая война.

Тысячи женщин - русских, немецких, французских, английских, австрийских, венгерских - с плачем обнимали сыновей и мужей. В последний, может быть, раз. По железным дорогам России везли орудия и мужиков из Рязанской, Тульской, Ярославской губерний. На позиции, в бой. Зачем, для чего эта война? Никому не известно. Известно правителям. Но сынков правителей не гнали в теплушках на убой, как скотину. Гнали крестьян и рабочих.

В первые же дни войны австрийские жандармы в Поронине арестовали Ленина. Русский. Все что-то пишет. Что-то посылает в Россию. Значит, шпион. Доказательства? Какие там доказательства! Жандармы постановили - значит, шпион.

За это грозила смертная казнь. Сколько муки, отчаяния пережила Надежда Константиновна! Был Владимир Ильич две недели на волосок от смерти. Нашлись товарищи. Хлопотали, боролись за Ленина. Удалось вырвать из тюрьмы. Надежда Константиновна, словно не веря, что он на свободе, трогала его плечи и грудь. Пронесло напасть.

- И забудем, - сказал Владимир Ильич. И отрезал рукой.

Всего лишь вчера они приехали из Поронина в Берн, столицу нейтральной Швейцарии. Швейцария не воевала. Здесь шла обычная жизнь. Не плакали матери, не ломали в ужасе рук.

- Быстрее, Надюша, дружок! - торопил утром Владимир Ильич.

Они наспех позавтракали, убрали посуду и вышли из дому. В кирках еще служили обедню, когда они вышли. Колокольный звон мелодично разносился над Берном. Берн - просторный, неторопливый город, с древними зданиями, мостами через реку Аару и памятниками. На гербе Берна изображен медведь. И на многих домах нарисован добродушный коричневый зверь, вставший на задние лапы. Мало того - в Берне есть ров, так там и вовсе живые медведи. Вечно там толпится народ.

В Берне Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились, как всегда, на самой окраинной, короткой и узкой улочке под названием

Дистельвег. Что значит по-русски: дорога в чертополохе. Ясно, не роскошная улица.

Минут десять Владимир Ильич и Надежда Константиновна прошагали по улице Дистельвег, и город окончился. И начался лес, золотистый и пестрый, сентябрьский лес, сразу за городом. Привольно шагать извилистой горной тропой среди могучих буков и лиственниц, с холма на холм, все выше и круче.

Стоп. Владимир Ильич остановился.

- Здесь, Надюша? - спросил он, узнавая приметы, по которым в этом месте нужно было с тропки свернуть. Перепрыгнуть канавку. Еще два десятка шагов. Развести рукой кусты - и перед глазами поляна. Несколько человек расположились на поляне, подстелив пиджаки и плащи.

- Здравствуйтесь, товарищи! - сказал Владимир Ильич.

Позади треснул сучок. Закачались еловые ветки. Высунулась голова. Из чащи вышел человек с плетеной корзиночкой, в каких бернцы носят завтраки, идя на пикник.

Может, эти люди собрались на пикник? День чудесен. Ясное небо не жарко. Лес так покоен и тих!

Но на поляне был не пикник. Вчера, приехав в Берн, прямо с поезда, Владимир Ильич дал весть знакомому русскому большевику-эмигранту. Тот сообщил другому. В один вечер передалось по цепочке:

- Товарищи, завтра утром в Бернском лесу.

Большевики сошлись точно в назначенный час. Все хотели слышать, что скажет Ленин.

- На русский народ и на другие народы обрушилась война, - сказал Владимир Ильич. - Кому выгодна война? Капиталистам. Капиталисты наживают на войне миллиарды. Рвутся захватить все новые рынки, чтобы больше и больше получать прибылей. А солдат и рабочих обманывают: мол, защищайте отечество. На самом деле это не защита отечества, а защита капиталистической выгоды. Надо объяснить солдатам, рабочим, крестьянам: к вам в руки попало оружие. Солдаты и пролетарии всех стран, обратите оружие против своих царей и капиталистов. Делайте революцию. Долой несправедливую войну. Война войне!

Вот о чем говорил Ленин в Бернском лесу. И писал об этом статьи и заметки. И посылал их в Россию, большевикам. А большевики тайно распространяли на фронте среди солдат и рабочих. Война войне.

Солдаты читали, задумывались: "А не пальнуть ли из этих винтовок по своим фабрикантам да помещикам? Сбросить царя. Да и начать жить по-новому".

ДОМОЙ НАВСЕГДА

В Берне Ленин писал книгу об империализме. О том, что капиталисты не могут жить без грабительских войн. Захватывают чужие страны. Превращают в колонии. Все больше за чужой счет богатеют. И уже не могут остановиться. Рвутся весь мир разделить меж собой. Отхватить покрупнее кусок. Чем дальше, тем больше будет таких захватнических войн. Тем хуже будет при империализме народу. Но силы и разум рабочего класса растут. Время социалистической революции близится.

Надо знать всю жизнь, всю историю, чтобы написать эту книгу. Владимиру Ильичу много приходилось читать.

И они поехали с Надеждой Константиновной в город Цюрих. Думали недельки две пожить в Цюрихе, а задержались на целый год. Работа задержала

Владимира Ильича. Библиотеки для работы были там богатейшие. Да и город неплох. Большой, оживленный. Много заводов, рабочих.

Ильичи сняли комнатенку у одного сапожника. Окошко выходило во двор, там была колбасная фабрика. Тяжелый, жирный запах стоял во дворе, приходилось весь день держать окошко закрытым. Но Владимиру Ильичу нравилось жить у сапожника. Сапожник был революционно настроен и вообще хороший был человек.

Владимир Ильич до вечера пропадал в библиотеке. Прибежит домой пообедать - и снова за работу.

Узкий тротуар под каштанами вел к библиотеке. Круглый год четыре раза в день шагал Владимир Ильич под каштанами, мимо ратуши с башенкой, древнего собора, старых домов. На стенах домов написаны изображения разных ремесел: часовщик чинит часы величиною с колесо или башмачник шьет башмаки по ноге великану.

А недалеко прелестное переменчивое Цюрихское озеро. Разбушуются сердитые волны, озеро с громом бьется о набережную, тогда не подступись. Утихнет, засинеет, засияет на солнце - и не оторвешь глаз, не наглядишься! Владимир Ильич восхищался швейцарской природой. Но как тосковал он о родине! Все сильнее тосковал о России.

Однажды после обеда Владимир Ильич только собрался в обычный путь - в библиотеку, в дверь застучали. Громко, резко. Вошел знакомый эмигрант. Не вошел, а ворвался. На лице и испуг и восторг:

- Слышали? Нет? Не слышали? В России революция.

Владимир Ильич схватил шляпу. Надежда Константиновна пальто надевала на ходу. Помчались к озеру. Озеро все серебрилось и сияло на солнце. Белые лебеди, горделиво выгнув шеи, плавно плыли по озеру.

Владимир Ильич подбежал к навесу. Здесь, на берегу озера, под навесом, всегда вывешивались свежие газеты.

Владимир Ильич жадно читал телеграммы в газетах. 1917 год. Февраль. В России революция.

- Наконец! - воскликнул Владимир Ильич.

Он был тесно связан с Россией, руководил нарастающей революционной борьбой, знал, что революция близка. И все же весть, прилетевшая с родины, взволновала необычайно.

Нет сомнений: дома совершается что-то огромное. Скорее на родину! Нельзя дольше здесь оставаться. Скорее в Россию! Вся его жизнь была отдана тому, что там сейчас совершается. Весь его труд! "Союз борьбы за освобождение рабочего класса", газета "Искра", партия - все звало к свержению царизма.

Но как уехать? Продолжалась война. Английские и французские власти не желали кончать войну. А большевики агитировали против войны. Все пути из Швейцарии в Россию были в руках английских и французских властей. Разве они пропустят большевиков в Россию?

Владимир Ильич потерял покой. Перестал спать. Похудел. Глаза ввалились, горели упрямым огнем.

Наконец после долгих хлопот и тревог пришло разрешение. Швейцарские товарищи выхлопотали для русских революционеров-эмигрантов пропуска домой.

Поезд отходил через два часа. Ни одной лишней минуты не хотел жить Владимир Ильич на чужбине. За два часа собраться? Уложить вещи, сдать в библиотеку книги, расплатиться с хозяевами? Бегом, бегом. Успели. Через два часа выезжали из Цюриха в Берн. Изерна домой. Тридцать русских эмигрантов вместе с Лениным возвращались в Россию.

"Спасибо за доброту и приют!" - послал Ленин прощальное письмо швейцарским товарищам.

А поезд шел. Громыхали колеса. Мчались мимо ослепительные озера и величественные горы Швейцарии. Потом потянулись аккуратные немецкие города и поля.

Пересекли Германию, глазам открылось Балтийское море. По усеянному минами Балтийскому морю на грузовом пароходе добирались до Швеции. Оттуда в Финляндию. Долгая, опасная дорога! Но вот скоро и Петроград.

В окно виднелся низкорослый лесок из тонкоствольных сосен и елей. Белел недотаявший снег. Черными лужами разлились торфяные болота, уставленные мшистыми кочками. Был поздний вечер, наступала ночь.

- Ночью в Петроград приедем, спят, наверное, все, - сказала Надежда Константиновна.

В тусклом свете фонарей неясно выступили громады каменных зданий. Склады, депо... Поезд замедлил ход, приближаясь к Финляндскому вокзалу. Мощный паровозный гудок разорвал ночное безмолвие. Поезд подходил к перрону. Шумно дышал паровоз... Но что это? На перроне играли "Марсельезу".

- На караул! - донеслась команда.

Перрон был битком набит народом. Рабочие. Отряды Красной гвардии. Как вылитые из бронзы, плечом к плечу, кронштадтские матросы.

- На караул!

Все замерло, стихло. Красногвардейцы, матросы взяли на караул.

Ленин вышел на площадку вагона. Он был потрясен этой встречей.

- Товарищи!..

- Да здравствует Ленин! Долой войну! Да здравствует революция! - загремело в ответ.

Там, за вокзалом, на площади тысячи голосов подхватили. Море людей на площади. Как языки пламени, пылали освещенные прожекторами знамена. Человек кинулся к Ленину. Ученик из школы Лонжюмо. Через шесть лет повстречались на родине.

- Владимир Ильич, приветствую вас от имени большевиков Петрограда.

У вокзала стоял броневик. Башня была неподвижна, пулеметы молчали. Броневик тоже встречал вождя партии и рабочего класса. Рабочие и солдаты подняли Ленина на броневик. Руки дружески тянулись к нему. Улыбались глаза. Светились истомленные лица.

Ленину хотелось обнять их всех, родных рабочих людей, измученных войной и разрухой.

- Товарищи! - сказал Ленин. - Вы сделали революцию, свергли царя. Но власть захватили капиталисты и хотят править нами. А нам нужна власть трудящихся. Восьмичасовой рабочий день нужен нам. Земля крестьянам. Хлеб голодным. Мир народу. Социалистическая революция нам нужна!

- Ура! Да здравствует Ленин! - кричала площадь.

Как будто не ночь была, а радостное, весеннее утро.

Броневик тронулся. Торжественно тронулся броневик. Ленин возвратился домой навсегда.

РАССТАННАЯ УЛИЦА

Владимир Ильич приподнял голову от подушки. Огляделся с улыбкой. Чистенькая скромная комната со светлыми обоями.

Небольшой письменный стол. На столе газеты. Цветочный горшок на окне. В углу кресло, обитое темно-красным вышитым шелком.

"Где я? Снится мне?"

Нет, Владимиру Ильичу не снилось. Он был у сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова, на их петроградской квартире.

В памяти вспыхнул весь вчерашний день, полный счастья и удивительных встреч! С вокзала броневик повез Владимира Ильича в бывший дворец балерины Кшесинской, фаворитки царя Николая II. Теперь там располагались Центральный Комитет и городской комитет партии большевиков.

Медленно двигался броневик прямыми, стройными петроградскими улицами.

Была поздняя ночь, но во многих окнах горел свет. На улицах толпился народ.

- Ленин! - кричали люди.

Броневик останавливался. Владимир Ильич видел, как народ ждет его слов.

Он старался просто и ясно говорить о социалистической революции, нашей, рабочей. Сердце его полно было пламенных слов.

А рабочие все прибывали.

Сотни людей окружили дворец Кшесинской, недалеко от Невы и Петропавловской крепости.

- Пусть Ленин выйдет! Пусть Ленин скажет! Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич несколько раз выходил на балкон. Если бы не ночь, с балкона был бы виден позолоченный шпиль Петропавловской крепости и тяжелые неприступные стены. Много лучших светлых людей загублено в ее казематах, сырых и ледяных, как колодцы! Ты не страшна нам больше, проклятая крепость. Не грозись, не пугай.

"Старое не вернется, - говорил Владимир Ильич. - Вперед, товарищи! Да здравствует социалистическая революция!"

Во дворце собрались большевики со всего Петрограда. Не расходились. Не отпускали Ленина. Необыкновенная была эта ночь!

Только утром, в пять часов, Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, усталые и счастливые, добрались домой. Наконец-то на родине. Сколько всего пережито! Великий в жизни России произошел перелом...

От волнений, переживаний Владимир Ильич почти не спал. Может, какой-нибудь час.

Тихо в квартире, ни звука.

Квартира похожа на плывущий корабль. Так подумал Владимир Ильич, бесшумно идя вдоль коридора. По сторонам комнаты, будто каюты. В конце треугольная столовая и треугольник балкончика, как нос корабля. В столовой пианино. Во всех квартирах Ульяновых всегда бывало пианино, всегда была музыка.

Владимир Ильич взял ноты. Мамины ноты. Семь месяцев не дождала мама до этого дня. И Надина мама не дождала.

Владимир Ильич с грустью оглядывал комнату, похожую на нос корабля. В этой качалке мама сидела с книжкой, куталась в шаль. Старенькая, было ей зябко, и вечно болела душа за детей. Кто-то в ссылке. Кто-то в тюрьме. Мамочка! В какие только тюрьмы не носила ты передачи! Петербургскую, московскую, киевскую, саратовскую... По каким городам не мотала тебя судьба! Митя выслан в Подольск. Ты в Подольске. Маняшу выслали в Вологду. Без жалобы, без слова упрека, немедля начинаешь собирать чемодан, и поезд увозит тебя в незнакомую Вологду. А дальше где будет твой дом? Где надо детям.

Владимир Ильич положил ноты на пианино и тихо вернулся в комнату, в которой сестра поселила их с Надей. Раньше здесь жила мама. Последнее мамино жилье. Мамино темно-красное кресло. Вышила своими руками: разбросала по шелку цветы... Мама! Хоть на мгновение увидеть бы тебя, поцеловать твои

нежные, терпеливые, твои материнские руки!

Скоро в доме проснулись. Но сегодняшнее утро было не то, что вчера. Вчера были все радостны, оживлены. Сегодня говорили негромко.

Сестра Анюта спросила:

- Сразу поедem туда?

Всю дорогу Владимир Ильич молчал.

От Лиговки к Волкову кладбищу вела Расстанная улица. Скорбная улица. Последний путь. Расстаемcя.

На кладбище еще лежал снег. Там и тут между могилами белели сугробы. Сосновая ветка на могиле у мамы. Рядом холмик поменьше, Олин холмик. Понуро свесили неодетые ветви осины.

Ленин снял шапку. Низко опустил голову. Долго стоял над могилой.

Картины детства пронеслись перед глазами. Симбирский дом. Уютная лампа зажжена в столовой. Дети уселись за стол. Мама раскрыла книгу. Что-то интересное, необыкновенное ожидает детей. Какой хороший у мамы голос, звучный и легкий!

Или вот совсем другое. Громыхает на двери камеры тюремный замок:

"Заключенный Ульянов, на свидание с матерью!"

Он спешит тюремным коридором, боясь упустить хоть одну минуту свидания. Сумрачный зал с низкими сводами. Двойная решетка.

К решетке прильнуло мамино светлое от ласки лицо. "Здоров ли? Володя! Молока тебе принесла, гостинцы. Книжки, какие просил..."

Милая мама! Не дождала ты до нашей новой жизни, не увидишь. Как горько, как больно! Мама, родная, не забуду твой ум, твою доброту.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Ленин поклонился могиле матери и с Волкова кладбища поехал на собрание большевиков делать доклад. Было 4 апреля 1917 года, поэтому доклад Ленина после назвали "Апрельские тезисы". Он писал их в вагоне, когда возвращался на родину. Кратко нарисовал точный план, как после свержения царя действовать в России большевикам и народу.

Временное правительство взяло власть. А кто во Временное правительство входит? Помещики да капиталисты, богач к богачу. Охота ли богачам заботиться о рабочих и крестьянах? Совсем неохота. Они о своих богатствах заботятся. Для чего же тогда большевикам поддерживать Временное правительство? Не будем. Будем Советы поддерживать. Советы рабочих и крестьянских депутатов в ту пору уже создались, да не очень еще были сильны. Много меньшевиков в них засело и других несогласных с большевиками людей.

- Усиливать надо Советы! - говорил Ленин.

Что это значит? Значит, сделать их большевистскими. И тогда с помощью Советов отобрать у помещиков землю, у капиталистов заводы. Земли и заводы станут народными. И кончим войну.

Вот к чему звал Ленин большевиков и рабочих.

Он был тверд. Великая задача была перед ним. Ленин был верен великой задаче.

Рабочие понимали, что путь их с большевиками. Но не все. И крестьяне не все понимали. Меньшевики и буржуи всячески сбивали крестьян и рабочих. Писали в своих газетах разные небылицы про большевиков. Агитировали за

войну. За буржуйскую власть. А у большевиков была своя газета под названием "Правда". Помещалась она в одном большом доме на набережной реки Мойки, занимала три комнаты. Газета действительно открывала народу правду.

Ленин сразу приехал в свою большевистскую газету. Написал статью. На другой день еще. Каждый день одну или две, даже три статьи писал в "Правду". Выступал на заводах и фабриках по всему Петрограду. И так понятно объяснял народу борьбу большевиков за счастье трудящихся, что все больше и больше склонялось рабочих и крестьян на сторону Ленина.

Солдаты писали с фронта: "Товарищ, друг Ленин. Помни, что мы, солдаты... все, как один, готовы идти за тобой".

Только три месяца, как Ленин приехал в Россию, и как все переменялось! Ленин был не один. У него были товарищи. Вместе добивались нового. Солдаты не хотят воевать. Рабочие не хотят работать на капиталистов. Крестьяне требуют землю.

В один летний день рабочие и солдаты Петрограда вышли сами на улицы. Слишком тяжело им было. Большевики не призывали их к этому, но, уж раз так случилось, возглавили демонстрацию и старались, чтобы она была мирной. Шли по городу с лозунгами: "Вся власть Советам!", "Долой министров-капиталистов!", "Хлеба, мира, свободы!".

Шли уверенно, строго - могучие силы чувствовались в этом народном движении.

И министры Временного правительства трусили. Что делать? Как остановить демонстрацию? Хоть называли они себя революционным правительством, а поступили подло, как царь. Открыли по демонстрантам огонь. Приказали войскам стрелять в безоружных людей.

Это было 4 июля 1917 года.

На другой день утром Владимир Ильич поехал на набережную реки Мойки в редакцию "Правды". Проверить, как идет выпуск газеты, дать советы товарищам. Владимир Ильич понимал: наступает опасное время.

...Военный автомобиль с визгом затормозил у здания "Правды". Послышался топот сапог. Рывком распахнулась дверь. Несколько юнкеров со штыками наперевес ворвались в редакцию "Правды":

- Где Ленин?

К счастью, Ленина не было. Владимир Ильич в это время благополучно возвращался из "Правды" домой. Надежда Константиновна и сестра ждали его в коридоре, прислушивались у двери, безмолвные и застывшие. Надежда Константиновна, несмотря на жару, нервно кутала плечи шарфом.

- Володя! Временное правительство объявило тебя вне закона.

И тут зазвенел длинный звонок. Все вздрогнули, затаили дыхание.

- Неужели за тобой? - шепотом спросила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич неслышно шагнул к своей комнате. Порвать адреса и документы. Быстро! Не дать сыщикам в руки.

- Откройте! - раздался за дверью приглушенный голос.

- Свердлов! - узнала Анна Ильинична. - Да, это Свердлов!

Отлегло от сердца: не арестовывать пришли, не с обыском. Все обнимать готовы были Свердлова.

- Яков Михайлович, голубчик, входите! - наперебой звали сестра и Надежда Константиновна худощавого, темноглазого человека в пенсне.

Он был совсем еще молодой. С юных лет вся его жизнь отдана была партии. Царское правительство сослало революционера Свердлова в далекий Нарымский край. Четыре раза Свердлов пытался бежать, и все неудачно. И снова бежал...

Но недолго побыл на воле. Опять схватили жандармы. Теперь ссылку назначили в дикие, гибельные места Туруханского края. Зимами там выше крыш

наметает сугробы. Беснуются вьюги. Мчатся снежные вихри вдоль Енисея. Долгие месяцы не видно румяных утренних зорь. Дня нет. Полярная ночь.

Только революция освободила из тяжелой ссылки Свердлова. Умный, талантливый, он был страстным большевиком и помощником Ленина.

Вот какой человек утром 5 июля пришел к Елизаровым.

- Юнкера разгромили редакцию "Правды". Выбили стекла. Все искололи штыками. По городу аресты, обыски. Юнкера бесчинствуют. С минуты на минуту могут нагрянуть сюда. Надо уходить, Владимир Ильич!

Владимир Ильич в раздумье молчал. Снова охота за революционерами. Слежка, тюрьмы. Снова скрываться. Как при царизме.

Владимир Ильич колебался. Но слишком серьезна угроза. Человека, объявленного вне закона, может всякий убить без суда. Временное правительство решило его уничтожить.

- Надо уходить, Владимир Ильич! - твердо повторил Свердлов.

Снял пальто, накинул Владимиру Ильичу на плечи:

- Наденьте. В чужом не сразу узнают. Поднимите воротник.

Владимир Ильич поднял воротник. Обнял сестру и жену. Прощальным взглядом окинул свой трехмесячный приют, квартиру сестры, похожую на плывущий корабль.

И ушел неизвестно куда. У революционеров называлось это: в подполье.

ЛЕСНОЙ КАБИНЕТ

Под Петроградом, недалеко от финской границы, в поселке Сестрорецке был большой оружейный завод. Рабочий Николай Александрович Емельянов работал на Сестрорецком заводе лет тридцать. А жил на станции Разлив, оттуда до завода пешком всего полчаса. Станция называлась по озеру Разливом. Озеро здесь начиналось и тянулось верст семь; в солнечные дни голубое, как небо. По берегам - ольха, да кусты, да болота.

Однажды к Емельянову приехал человек. Емельянов его знал: это был доверенный ЦК. По важному делу приехал доверенный. Центральный Комитет партии большевиков постановил: скорее укрыть вождя партии Ленина от преследований контрреволюционного Временного правительства.

- Поручено тебе, товарищ Емельянов. Сумеешь ли?

- Затем я и большевик, чтоб суметь, - ответил Емельянов.

На первое время он решил спрятать Владимира Ильича на сеновале у себя во дворе.

Но скоро понял: нет, не годится, опасно. Кругом соседи. Чужие ребятишки забегают во двор. У Емельянова своих детей семеро - по товарищу на каждого, считайте: малая ли команда составит? Нет, другое надо искать убежище.

Ранним утром Емельянов разбудил Владимира Ильича. Солнце еще не взошло. Над прудом висел сизый тонкий туман. Пруд был сразу за домом. Емельянов отвязал лодку. Тихо плеснулась вода под веслом. Сонные дома бесшумно стояли вдоль пруда. Мимо сонных домов вывел Емельянов лодку по пруду в озеро Разлив. Озеро светлое, большое, безлюдное. Ночь только ушла. Люди спят. Птицы спят. Чуть заалела заря на востоке.

Емельянов торопился переправить Ленина на другой берег Разлива. Версты четыре туда. Волновался: не увидел бы кто из соседей, что раным-рано везет чужого человека неизвестно куда, неизвестно зачем. Во всех газетах было

напечатано, что власти ищут Ленина. Разные люди встречаются... Поэтому Емельянов спешил.

Владимир Ильич сидел за рулем. Утренний ветерок налетел, и седые туманы тронулись над Разливом. Яснее стали видны берега. Розового света зари прибывало.

В этот тихий час вспомнились Владимиру Ильичу давние годы, дорогие друзья. Вспомнился питерский рабочий Бабушкин. Вместе с Бабушкиным написал Владимир Ильич первую листовку "Союза борьбы". Твердым революционером и большевиком стал питерский пролетарий Иван Васильевич Бабушкин. Власти казнили его без суда в 1906 году.

И матрос Афанасий Матюшенко с броненосца "Потемкин", который приезжал к Владимиру Ильичу в Женеву рассказать о восстании! После вернулся на родину, власти казнили его.

Еще один товарищ вспомнился Владимиру Ильичу - молодой уфимский рабочий Иван Якутов. В революцию 1905 года Иван Якутов образовал в Уфе рабочую республику. Революцию подавили, Ивана Якутова казнили на тюремном дворе. Тысячи павших за революцию рабочих бойцов! Вечная память вам.

Владимир Ильич подумал, что сестрорецкий рабочий Емельянов тоже сильно рискует, укрывая его от буржуазных властей. Попадется - не помилуют. А ведь семеро ребятишек останутся.

- Спасибо, Николай Александрович, - сказал Владимир Ильич.

Емельянов быстро взглянул на него, понял:

- Чего там, Владимир Ильич! Это честь для меня.

И повел лодку к берегу. В осоку. Осока шуршала, раздвигаясь под лодкой.

Прямо у берега стоял лес. Не лес, а лесок из голенастых осинок, ольхи, тонкоствольных берез. Невысокий, частый лесок.

Разгрузили лодку, оттащили провизию да одеяла с подушками в глубь леска, с полверсты. Да еще Владимир Ильич нес под мышкой кипу бумаг и синюю тетрадь.

Почти год работал в Цюрихе, в библиотеке, делал разные необходимые записи. Сейчас была кладом для Владимира Ильича эта синяя тетрадь с записями.

Однако куда же Емельянов ведет? А вот куда. Прошагали леском, и открылась поляна. Большая зеленая поляна. На поляне шалаш. Возле шалаша врыты колышки в землю, подвешен на колышках котелок. Понимайте, что кухня.

- Ба! - воскликнул Владимир Ильич. - Знатное жилье, Николай Александрович! Лучше и вообразить невозможно.

- Это видали? - спросил Емельянов.

И показал косу, приставленную к шалашу. И брусочек...

- Владимир Ильич, я в косцы вас нанял. Поляну эту заарендовал, скосить, стало быть, надо. В случае, если ягодники или грибники на шалаш набредут, вы, Владимир Ильич, ни полслова. Финна я в косцы подыскал. Ничегошеньки по-русски финн не кумекает. Ни словечка не смыслит.

- А похож я на финна? - спросил Владимир Ильич.

Емельянов внимательно, в который уж раз, Владимира Ильича с ног до головы оглядел. Владимир Ильич бороду сбрил, подстриг усы. В косоворотке, поношенном пиджачке - рабочий, да и только.

- Здорово на финна-рабочего смахиваете, - одобрил Емельянов. И дальше: - Провизию будем возить на заре или ночью.

- Непременно газеты, все, какие выходят! - сказал Владимир Ильич.

- Будет исполнено. Мальчишек своих мобилизую. Одного-то нельзя. Заметят, что больно много один газет набирает. Распределю, какие кому доставать. Да на лодку. Да к вам.

Солнце поднялось. На траве засверкала роса. Казалось, вся поляна обрызгана была драгоценными камушками.

- Вот что еще, - сказал Владимир Ильич. - Косцу вашему необходимо много писать. Где бы пристроиться?

- Гляньте, - с удовольствием заявил Емельянов.

Раздвинул вблизи шалаша густые кусты, развел в сторону ветви, и Владимир Ильич увидел вырубленную в кустах уютную площадку. И два чурбана. Один пониже, другой повыше. Пониже табурет, а это будет стол.

- Лесной кабинет ваш, - сказал Емельянов. - И не видно. И тишь, чтобы мысли не спугивать.

Через некоторое время, наладив в шалаше порядок, Емельянов уехал. Владимир Ильич пошел к озеру проводить. Постоял, пока лодка скрылась в голубом просторе Разлива. Где-то вдали запоздалая кукушка вздохнула: "ку-ку". Смолкла. Лето шло к середине, птицы не пели - кормили птенцов.

Владимир Ильич помахал невидной уже лодке и быстрым шагом направился в свой "кабинет". Раскрыл синюю тетрадь. Он писал книгу о том, как надо рабочим бороться за диктатуру пролетариата - как строить свое государство.

КОЧЕГАР ПАРОВОЗА Э 293

Хорошо, что Центральный Комитет партии постановил укрыть Ленина. На другой день, как он ушел из дому, прискакали юнкера с обыском. Перерыли все вещи. Штыками шарили под кроватями. Искали Ленина.

А Ленин жил в шалаше у Разлива. Ничего бы, да комары не давали покоя. Тучи комаров. День и ночь грызли.

- От Временного правительства спасся, а от комаров спасения нет, - говорил, весь искусанный, Владимир Ильич.

Или припустят дожди. Тогда сиди в шалаше. Костер зальет - не разожжешь, и чаю вскипятить негде, не погреешься горяченьким. Трудновато приходилось. Но Владимир Ильич голову не вешал. Работы у Владимира Ильича было без края. Писал статьи, обдумывал книгу. Руководил съездом большевиков. В Петрограде собрался VI съезд большевистской партии. К Владимиру Ильичу тайно приезжали товарищи. С ними Владимир Ильич посылал свои советы и указания съезду.

Владимир Ильич говорил: надо готовить вооруженное восстание и пролетариату с беднейшим крестьянством брать власть. Вот какую грандиозную задачу поставил Владимир Ильич перед съездом! Съезд согласился с Лениным и принял решение готовить восстание.

"В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами... настает смертный час старого мира" - так было написано в воззвании съезда.

Буржуазное Временное правительство боялось и ненавидело Ленина. Оно понимало, что вождь партии - Ленин. Это Ленин ведет так смело и решительно партию. В погоне за Лениным буржуазное правительство поставило на ноги сотни сыщиков. Была у полиции знаменитая собака-ищейка по имени Треф, так и ее пустили по следу за Лениным.

Стало рискованно жить в шалаше. Да и лето шло к осени. Ночи стали студеные, длинные. Зарядили дожди. Угрюмо супился насквозь вымокший лес.

И ЦК партии постановил перевести Ленина из шалаша в другое, более отдаленное место. Во что бы то ни стало уберечь вождя партии!

...Однажды Емельянов чуть свет явился на Оружейный завод. Прямо к

начальству. Но разве сыщется такое начальство, чтобы с зарей поднялось на работу? Конечно, и в помине начальника не было. Емельянову того и надо. Знакомый караульный разрешил войти в кабинет. Для караульного Емельянов придумал причину, на самом же деле ему нужно было раздобыть пропуск для перехода границы Финляндии. Некоторые заводские рабочие жили тогда в финских местностях, так им начальник выдавал такие пропуска на проезд. Пропуска у него на столе валялись кое-как, в беспорядке. Емельянов, что под руку попало, загреб - и в карман. И к Ленину в шалаш. Превратился Владимир Ильич в Константина Петровича Иванова. Начисто обриты усы и борода, подрисованы брови. Надет парик. Из-под надвинутой кепки упали на лоб пряди волнистых волос. Совершенно на себя не похож сделался Ленин - Надежда Константиновна и та не сразу узнала бы.

Поздним вечером оставили шалаш у Разлива и отправились в путь, через лес, к железной дороге. Вели Владимира Ильича Емельянов да двое финских товарищей. Вначале шли благополучно, только уж очень было темно, по-осеннему. Шли гуськом узкой тропкой. Ветви бьют по лицу. Вдруг стали спотыкаться о кочки. Тропка исчезла. Деревья поредели. А кустарник разросся чаще, непроходимее. И что это? Что это?.. Потянуло дымом. Костер или где-то пожар? С каждым шагом дым ядовитее. Трудно стало дышать. Слепли глаза. Владимир Ильич остановился, взялся за грудь. Грудь разрывалась от кашля. Идти невозможно.

- Свернем, - сказал Емельянов. - Горит торф на болоте.

Ничего нет страшнее и коварнее торфяного пожара! Огонь тлеет под землей, раскаляется, ползет дальше. И вдруг взвывается ввысь бушующий столб, все сжигая и уничтожая кругом.

"Что наделал! На пожар завел Ленина. Неужто погубим?" - думал Емельянов.

- Владимир Ильич, за мной! Товарищи...

Они задыхались. Брели в клубах белого дыма. Как слепые. На ощупь. Спотыкались. Падали. Поднимались, снова брели.

Но вот дым стал редеть. Дым оставался в стороне, позади. Под ногами не шатались больше зыбкие болотные кочки. Вырвались из горящего торфяного болота! Вырвались наконец. Убежали от пожара. Спаслись.

Измученные, они сели на землю отдохнуть. Дрожали ноги от слабости. Емельянов мучительно себя корил. Страшно подумать, что могло быть...

А назавтра ночью, в час пятнадцать минут, к станции Удельной из Петрограда подошел дачный поезд. Поезд направлялся в Финляндию. Машинистом был финн Гуго Ялава. Он был большевиком, жил в Петрограде. Он любил свой испытанный паровоз Э 293, с черной, расширенной сверху трубой и круглыми горячими боками. На Удельной Гуго Ялава остановил паровоз у переезда. Выглянул на волю. Так и есть. Возле переезда стоял человек, курил; вспыхивал светляком в темноте огонек папиросы. Другой читал у фонаря газету. Так было условлено. Провожающие - один курит, другой читает. Значит, все в порядке. Сейчас покажется Ленин. "Где же он?" - забеспокоился Гуго Ялава.

В эту секунду к паровозу быстрой походкой подошел невысокий коренастый рабочий. В кепке. Каштановая прядь упала из-под кепки на лоб. Взялся за поручни, подтянулся, залез на паровоз:

- Здравствуйте. Я Константин Петрович Иванов. К вам в кочегары.

- Здравствуйте, товарищ кочегар, - приветствовал Гуго Ялава.

Владимир Ильич, а это был он, сбросил пальто и, как заправский кочегар, принялся укладывать возле топки в клетку дрова. Паровоз коротко свистнул, заработали шатуны. Побежал мимо лес.

До станции Белоостров доехали без забот. Станция Белоостров была

пограничной. Едва поезд остановился, по вагонам началась проверка у пассажиров документов. Заверещали свистки. Вдоль поезда торопился кондуктор, раскачивая в темноте фонарем. Слышались крики, брань.

- Как бы к нам на паровоз не пожаловали, - с опаской сказал Гуго Ялава. - Хотя и с пропуском, а все от сыщиков лучше подальше.

- Какой же выход? - спросил Ленин.

- Найдем, - сказал машинист.

Спрыгнул на рельсы, живо отцепил паровоз и погнал на всех парах к водоразборной колонке. Будто надо воды набирать.

Первый звонок. Сыщики из пограничной охраны все шныряли по вагонам. Кого-то искали. Кого-то куда-то вели. Вся станция была в возбуждении.

Второй звонок. Паровоз у колонки не тронулся. Только за минуту до отправления Гуго Ялава подвел свой 293-й к вагонам. Прицепил. Третий звонок. Паровоз озорно засвистел. "Остались с носом, голубчики!" - дразнил сыщиков машинист Гуго Ялава.

И поезд помчался дальше. Ночь летела навстречу. Летело звездное августовское небо. Владимир Ильич высунулся из паровозной будки. Свежий ветер ударил в лицо.

Скоро они были в Финляндии.

СТРАННЫЙ ПРИЮТ

Финские товарищи устроили Владимира Ильича в глухой деревеньке Ялкале. В стороне от деревни у самого леса стоял небольшой финский дом. Из окон виднелись темные сосны на взгорьях. Да огромные серые валуны на лужайке обступили незатейливое жилище, где поселился Владимир Ильич. Хозяин, бывший рабочий, заботился, чтобы Ленину у него спокойно жилось и работалось. Но остановка в Ялкале получилась недолгой. Деревенька была от станции верстах в десяти, газеты прибывали с большим запозданием, а то и вовсе нет. А Владимиру Ильичу без газет все равно что без воздуха. И товарищи нашли для него новый приют.

В главном финском городе Гельсингфорсе начальником полиции был в то время молодой еще человек по имени Густав Семенович Ровио. Однажды Ровио вызвали к генерал-губернатору. Генерал-губернатор был русский. Петроградские власти назначили его наблюдать за финскими порядками. У финнов было свое управление, но приходилось петроградского начальника слушать, поскольку Финляндия входила тогда в состав Русского государства.

- Господин полицмейстер, все ли спокойно в городе Гельсингфорсе? - строго спросил генерал-губернатор.

Густаву Ровио было едва тридцать лет, но, несмотря на молодость, он, как все финны, был нетороплив и рассудителен.

- Господин генерал-губернатор, в таком большом городе иной раз без происшествия не обойдется, - рассудительно отвечал Густав Ровио.

- Что-нибудь политическое?

- Нет, всего лишь мелкая кража, господин генерал-губернатор.

Генерал-губернатор, прямой как доска, еще прямее расправил плечи и устрашающе тихо сказал:

- Из Петрограда получен секретный приказ.

- Слушаю, - ответил Густав Ровио.

- Знаете, кто такой Ленин? - спросил генерал-губернатор.

Ровио немного помешкал, пощупал бритый подбородок, потом ответил, что знает, да, знает, конечно! Ведь во всех газетах напечатано, что Временное правительство хочет Ленина арестовать, но никак не разыщет.

- Есть подозрение... - начал генерал-губернатор и с опаской огляделся, хотя в кабинете они были вдвоем, - ...есть подозрение, что Ленин может скрываться здесь, в Гельсингфорсе.

Ровио молчал и в упор, со вниманием глядел на генерал-губернатора, ожидая, что последует дальше.

- Вы должны принять самые срочные меры.

- Непременно, господин генерал-губернатор!

- Если Ленин попадетс вам в руки...

- Если Ленин ко мне попадет, будет сделано все необходимое, господин генерал-губернатор!

- Имейте в виду: за поимку Ленина назначена большая награда, - милостиво поощрил генерал-губернатор. - Поняли? Можете идти. И старайтесь.

Густав Ровио поклонился и оставил губернаторский кабинет. Капли пота крупно выступили у него на висках. Большим клетчатым платком Ровио вытер виски. Затем потрогал карман и как бы с облегчением вздохнул.

От генерал-губернатора он пошел не на службу, а на вокзал. Почтовый поезд Гельсингфорс - Петроград отходил не скоро, но состав был готов, и на перроне Густава Ровио дожидался поезда почтальон, безразличный и сонный на вид. Казалось, ничто на свете не может его удивить. Они не спеша прошлись вдоль перрона. Улучив минуту, Ровио вынул из кармана пакет и передал почтальону. Почтальон с неожиданной быстротой в мгновение ока сунул его за пазуху.

- От того человека в прежний адрес, - сказал Ровио.

- Ясно, - ответил почтальон и передал Густаву другой пакет, который тот так же живо спрятал. После этого они разошлись.

Но и теперь начальник полиции направился не на службу.

- Имею я право использовать обеденный час? - спросил себя Ровио. - Имею.

И пошагал в бакалейную лавочку. Купил десяток яиц, четверть фунта масла и булку.

"Теперь курс на дом", - мысленно скомандовал Ровио. Он избегал центральных улиц, шагал переулками и делал довольно порядочный крюк. Вообще, если бы внимательно за ним понаблюдать, непонятными показались бы его некоторые действия. Но кто станет наблюдать за начальником полиции? Это его дело смотреть, чтобы в городе все шло по порядку.

"Секретный приказ, а? Скажите пожалуйста!" - вспомнил он недавний разговор, поднимаясь на пятый этаж большого дома на Хагнесской площади, где была его однокомнатная, с кухней, квартира и где сейчас сидел за столом - если бы знал генерал-губернатор! - Владимир Ильич и писал книгу "Государство и революция" - о том, как строить первую в мире страну рабочих и крестьян. И синяя тетрадь с цюрихскими выписками перекочевала сюда из шалаша. Лежала перед Владимиром Ильичом на столе. Он так был занят работой, что не сразу услышал приход Ровио.

Ровио осторожно кашлянул. Владимир Ильич вскочил:

- Почта есть?

- Почта-то есть, да сначала пообедать надо бы, Владимир Ильич.

- Нет, сначала посмотрим почту. Давайте, давайте.

Владимир Ильич потирал от нетерпения руки, пока Ровио доставал из нагрудного кармана пакет.

- В обмен на ваш получайте, Владимир Ильич.

В пакете было несколько писем. Владимир Ильич одно пробежал. Другое. А

это химическое. Зажгли лампу. Исписанную страницу нагрел над лампой. Выступили между строчками буквы. Владимир Ильич читал, приговаривая:

- Так. Так. Так. Интересные новости.

Новости были о том, что в Петрограде и Москве большевики все сильнее оказывают влияние на Советы. Советы стали большевистскими, нашими. Народ потерял веру в буржуазную власть. Народ все больше верит нам, писали из Питера.

Вот какие были новости, и Владимир Ильич, то хмуря брови, то светлея лицом, прохаживался по комнате, где у стен благопристойно выстроилась обитая зеленым бархатом мебель, высокое зеркало украшало пузатый комод, а в углу ютился небольшой книжный шкафчик.

Полицмейстер снял визитку, в которую обычно наряжался, идя к генерал-губернатору, засучил рукава и принялся готовить на кухне яичницу.

Странно все же: почему этот полицмейстер был в компании не с генерал-губернатором, а с Лениным?

Потому он был с Лениным, что происходил из потомственной пролетарской семьи, работал токарем и с восемнадцати лет стал участвовать в революционном движении. Это только после свержения царя рабочие выбрали Ровио начальником гельсингфорсской милиции.

По-старому должность его называлась: полицмейстер. Так именовал Густава Ровио генерал-губернатор да и многие другие, туго привыкавшие к новому.

Состряпав яичницу, Ровио снова облачился в визитку с манишкой и черным, вместо галстука, бантиком и пригласил Владимира Ильича пообедать.

У Владимира Ильича от полученных новостей было отличное настроение. Скоро вернется в Россию! Партия большевиков поднимет рабочий класс на восстание. Рабочие свергнут Временное правительство. Будет рабочая власть. Об этом Ленин писал в статьях, которые секретно посылал в Петроград. Писал в своей книге.

А Ровио уплетал яичницу и рассказывал о генерал-губернаторе. Ленин выслушал, лукаво сощурился:

- Бывают несуразности в жизни: хозяин к генерал-губернатору ходит с докладами, а кого у себя принимает?

- Как - кого? - хладнокровно возразил хозяин. - Почтенного финского пастора.

Ах и расхохотался же Владимир Ильич! Верно, он приехал в Гельсингфорс под видом пастора. В деревеньку, где Владимир Ильич жил после шалаша, финские товарищи прислали любителей-актеров. Актеры были рабочими, социал-демократами. Ловко они его загримировали. Привезли из города длинный пасторский сюртук, высокую шляпу, как полагается. Приклеили пышные брови, надели парик, нарядили и... хоть сейчас в кирку обедню служить! Богобоязненные финки при встрече с Владимиром Ильичом смиренно отвечивали низкие, в пояс, поклоны. Так прибыл он в Гельсингфорс. А теперь скоро о новом парике надо заботиться.

Да, скоро. В один прекрасный день Густав Ровио повел Владимира Ильича к парикмахеру. Парикмахер родом был петербуржец, маленький, шустрый, как обезьянка. Он был старым театральным парикмахером и знал в столице множество графов и князей. Графам и князьям хотелось быть изящными кавалерами, он их всех подмлаживал, красил бороды, мастерил парики.

- А вы и без парика довольно еще молодой, - успокаивающе сказал Владимиру Ильичу парикмахер.

- Вот хочу постареть, - ответил Владимир Ильич.

- Да зачем? Для чего? - изумился парикмахер, всплеснув коротенькими морщинистыми ручками.

- Солиднее как-то, внушительнее, - с улыбкой сказал Владимир Ильич. -
Сделайте меня с сединой, лет эдак под шестьдесят.
- Под шестьдесят? С сединой? Никогда!
- Почему?
- Чтобы я довольно молодого еще человека раньше времени превращал в старика?! Ни за что! - кипятился маленький парикмахер, размахивая ручками. - Мое призвание - возвращать людям молодость.
- Благородное призвание, но сделайте для меня исключение, - с улыбкой настаивал Владимир Ильич.
Парикмахер ахал и охал. Владимир Ильич сквозь смех его убеждал, а Густав Ровио думал:
"Долго ли еще Владимир Ильич будет менять парики и одежду? Долго ли будет скитаться?"

ЕЩЕ ОДНО ПОДПОЛЬЕ

Студеный осенний ветер насквозь продувал старинные Выборгские улицы. В один такой холодный день осени из Питера в Выборг приехал Эйно Рахья.

Когда в конце лета сестрорецкий оружейник Емельянов и двое финнов выводили Владимира Ильича от озера Разлив через лес, один из тех финнов и был Эйно Рахья. Высокий, большелобый, весь веселый какой-то, он бесстрашным был человеком.

В опасные случалось попадать ему переделки! Летом 1917 года однажды стало известно: тюремные надзиратели собираются выпустить арестованных генералов, жандармов и всякую, как тогда называли в народе, "старорежимную контру".

Эйно Рахья командовал в это время петроградским отрядом финнов-красногвардейцев. Собрал отряд, нагрязнул в тюрьму.

- Если хоть одного жандарма отпустите!.. - револьвером пригрозил надзирателям.

Временное правительство в ответ приказало разогнать отряд финнов-красногвардейцев, арестовать Эйно Рахью. Не тут-то было! Эйно Рахья и след простыл.

А работал он на аэропланном заводе. И большевиком стал в 1903 году, когда II съезд утвердил Устав и Программу партии. Вот этого смельчака, никогда не унывающего Эйно Рахью, ЦК партии прикрепил теперь связным к Ленину.

Рахья прибыл в Выборг за Лениным. Владимир Ильич перебрался сюда из Гельсингфорса, поближе к России. Он стремился в Россию. И вот настал этот день.

Владимир Ильич был неспокоен. А Рахья хоть бы что!

- На вокзал двинем, Владимир Ильич?

И знай себе отмеривает по аршину, благо длинные ноги. Впрочем, нет, Эйно волновался. Только не показывал виду. Владимир Ильич тоже, конечно, скрывал беспокойство. Они сели в поезд и молча доехали до одной финской станции. В вагоне были все финны, а Владимир Ильич не знал финский язык, так что уж лучше помалкивать, чтобы не привлекать внимания.

Время от времени Владимир Ильич проверял, цел ли в кармане ключ. Цел, куда ему деться! Этот ключ Надежда Константиновна привезла Владимиру Ильичу

еще в Гельсингфорс. Емельянов достал Надежде Константиновне пропуск в Финляндию. Оделась работницей, нахлобучила на брови темный платок, навела под глазами морщины. А глаза молодые. Умные, внимательные Надюшины глаза!

Ключ был от конспиративной квартиры на рабочей окраине Питера, на Сердобольской улице, недалеко от Финляндской железной дороги.

И план, как квартиру найти, Надежда Константиновна привезла. Владимир Ильич план заучил и порвал. А ключ спрятал и теперь ехал с ним в Петроград.

Поезд приближался к станции. Рахья быстро встал, пошел из вагона. Владимир Ильич за ним. На станции слезли, и у Владимира Ильича сердце так и подпрыгнуло. На путях стоял дачный питерский поезд, а у поезда паровоз Э 293. "Здравствуй, старый приятель! Выручил меня раз. Еще выручай".

Из паровозного окошка выглядывал машинист Гуго Ялава. Серьезный-пресерьезный, но при виде Рахьи и знакомого кочегара заулыбался: "Что-то поседел наш кочегар!".

Словом, Владимир Ильич возвращался из Финляндии в Петроград на том же паровозе, на ту же станцию Удельная. Эйно Рахья доехал пассажиром в вагоне.

От станции Удельная до Сердобольской улицы верст пять пустырем. В тот студёный октябрьский вечер и вовсе было на улицах пусто. Только ветер гулял да свистел.

Но Надежда Константиновна дожидалась в условленном месте. В драповом полупальто, круглой фетровой шапочке. Владимир Ильич взял ее изящную руку. Без перчатки. Никогда не умела она о себе позаботиться! Работа, работа, работа для революции. Где велит партия, куда пошлет партия.

На углу Сердобольской улицы и Большого Сампсоньевского проспекта высился кирпичный некрашеный дом, мрачноватый на вид. Четырехэтажный, он казался громадным посреди ветхих деревянных домишек.

Владимир Ильич решительно направился к подъезду, будто всю жизнь здесь ходил. Эйно Рахья свернул на Сампсоньевский (сегодняшняя его задача исполнена), а Владимир Ильич впереди Надежды Константиновны поднялся на четвертый этаж. Открыл дверь ключом. От двери пойдёт коридорчик. Его комната в конце коридорчика. Налево последняя. Владимир Ильич твердо все это усвоил из плана. В квартире не должно быть никого, кроме хозяйки, Надюшиной подруги, Маргариты Васильевны Фофановой.

Но что такое? Владимир Ильич отпер дверь: голоса. Из одной двери в коридор широко падал свет. Ярко горела над обеденным столом висючая лампа. За столом несколько женщин - по всему видно, учительницы.

- Наша педагогическая цель, дорогие друзья... - услышал Владимир Ильич.

Невероятно, но в квартире собрание! В конспиративной квартире. Именно в этот вечер приезда! Ни на миг не смешавшись, Владимир Ильич торопливо прошел в конец коридора. Немного ссутулился. Он был в седом парике. Он был старичком, быстрым и легким.

- Батюшки мои! - охнула Надежда Константиновна, когда они очутились одни в чистой, поразительно аккуратной комнате, где теперь Владимир Ильич будет жить. - Батюшки мои, как мы с Маргаритой опростоволосились-то!

- Да, - сказал Владимир Ильич.

Он не стал успокаивать Надежду Константиновну, что, мол, ничего, обойдется. Наверное, обойдется, но нельзя так рисковать в такое опасное время!

- Почти три недели ждали тебя! - сокрушалась Надежда Константиновна. - Все не едешь... А сегодня как раз я и не предупредила Маргариту.

- Последнее подполье, надеюсь, - сказал Владимир Ильич.

Открыл окно. Внизу шумел ветер в деревьях. "Должно быть, там сад".

- И птичий питомник, - сказала Надежда Константиновна, как всегда

угадывая его мысли.

- Смешное соседство! - улыбнулся Владимир Ильич.

Из коридора донеслись обрывки фраз.

- До свидания! - слышен был голос Фофановой: она выпроваживала учительниц.

- Последнее подполье, надеюсь, - повторил Владимир Ильич.

- Очень опасное, очень! - вырвалось у Надежды Константиновны.

Владимир Ильич увидел нескрытую тревогу у нее в глазах. Да, здесь, на Сердобольской улице, было опаснее, чем в шалаше или в Гельсингфорсе.

Сыщики Временного правительства за каждым углом, на каждом шагу.

Здесь так было опасно, что никто, даже члены ЦК партии не знали, где поселился вернувшийся из Финляндии Ленин.

Знали только Надежда Константиновна и связной Эйно Рахья.

НАКАНУНЕ

Через несколько дней Эйно Рахья пришел проводить Владимира Ильича на одно тайное собрание. Был поздний вечер. Магазины закрылись. Неподалеку от дома вывеска с позолоченным кренделем указывала булочную. Дверь на замке. Ставни на запоре. Но длинный хвост, главным образом женщин, протянулся у булочной с запертыми наглухо ставнями. Кутаясь в платки, женщины терпеливо стояли, ежась от холода. У другой булочной тоже. И у третьей. Вечерний Петроград был полон унылыми, безмолвными очередями. Давно уже хлеб продавали по карточкам. Полфунта, а то и четверть фунта в день. Надо успеть захватить. Опоздал - и ни за какие деньги куска хлеба не купишь. Женщины становились в хвост у булочных на ночь. Тяжко им было! Мужья на фронте. Война с немцами все тянулась. Мужья и сыновья мучились на фронтах, ни за что пропадали.

- И дома хорошего мало, - сказал Эйно Рахья. - Хозяева закрывают заводы. Заводы стоят. Безработица.

Положение в стране было бедственное. Поезда ходили кое-как. Расписание сломалось. Поезда не везли уголь и сырье на заводы. Не везли хлеб в города.

- Чего ждать? - сказал Эйно Рахья.

- Большевик должен знать чего, - резко ответил Владимир Ильич. - Надо не ждать, а делать рабочую революцию.

С самого начала Февральской революции Ленин убеждал: необходимо добиваться, чтобы Советы стали большевистскими. Тогда рабочий класс сможет взять власть мирным путем. Но меньшевики не соглашались, мешали.

Теперь все изменилось. Мирным путем победы не добьешься. Пришло время брать власть вооруженным восстанием. Не медлить!

В тот октябрьский вечер на тайное собрание пришли члены Центрального Комитета партии. Все знали, что будет Ленин. Они давно не видели его и теперь ожидали с надеждой. Он был неузнаваем в своем седом парике. Но голос, но мысли, но призывы и воля были ленинские.

Готовить вооруженное восстание! Привлекать на сторону рабочих войска. Направить сильнейших большевиков в различные области и по другим городам. Крепче вооружить отряды Красной гвардии на заводах и фабриках. Назначить умных командиров в отряды. Распределить точно, куда двинутся отряды Красной гвардии, когда час пробьет.

Руководить восстанием должен Военно-революционный комитет.

Вот какой план намечен был Лениным. ЦК обсудил. Хороший план. Все правильно, ясно. Все согласились.

Но нашлись двое членов ЦК. Напрасно называли они себя большевиками. Яростно спорили против восстания пролетариата, не соглашались с великим замыслом Ленина, партии. Кто же они, эти предатели? Зиновьев и Каменев.

Зиновьев и Каменев умели рассуждать. Ораторами были отличными. А когда дело дошло до восстания, струсили.

- Разве способен рабочий класс управлять государством? - не верили Зиновьев и Каменев.

И вот теперь, в решающее время, они выступили против восстания. Мало того, в одной меньшевистской газете рассказали о том, что большевики готовят восстание. Где, как, когда - все выболтали Зиновьев и Каменев. Все выложили Временному правительству. А о себе: мы против восстания.

Выдали капиталистам товарищей. Нет, они не товарищи!

"Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю... - гневно писал Владимир Ильич. - ...Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена".

Но Ленин не дрогнул. Восстание будет. ЦК вплотную приступил к подготовке восстания.

В СМОЛЬНЫЙ

На берегу реки Невы, где, круто повернув течение, она устремляет путь к Ладожскому озеру, в давние времена был в Петербурге Смоляной двор. В огромных чанах варили смолу. Тут и хранили ее для судостроения. А судостроительные верфи расположились через Неву на той стороне.

Потом на месте Смоляного двора построили монастырь, а затем институт для благородных девиц, то есть дворянских дочерей. Вытянутое почти на четверть версты, трехэтажное строгое здание, с колоннами, мраморной лестницей и просторным входом под арками. От Смоляного двора институту пошло название Смольный.

В семнадцатом году после свержения царя институток распустили по домам, а в Смольном разместился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. И Военно-революционный комитет тоже был в Смольном.

Военно-революционный комитет держал связи со всеми заводами. Организовал на заводах красногвардейские боевые отряды. Двадцать тысяч петроградских рабочих были вооружены и только ждали призыва начинать восстание! Военно-революционный комитет посылал большевистских комиссаров к матросам Балтийского флота агитировать против буржуазного правительства и господ морских офицеров. Матросы рвались в бой. Целые полки солдат переходили на сторону большевиков и Военно-революционного комитета.

А Временное правительство что? Временное правительство боялось большевиков и рабочих.

"Запрещается рабочим носить оружие! - издало Временное правительство строгий приказ. - Арестовать всех членов Комитета! Найти Ленина, заточить в каземат".

И конечно, Временное правительство не сидело сложа руки, а всячески старалось собрать силы против большевиков и рабочих, стягивало свои войска к Петрограду, окружало кольцом.

Ленин написал товарищам в ЦК, что нельзя откладывать дальше восстание! Настал час!

Двадцать четвертого октября Владимир Ильич снова послал записку в ЦК. Фофанова сходила в ЦК, принесла ответ. Ленину пока не разрешали выходить из подполья. Любой офицер мог застрелить или зарубить его шашкой, если увидит на улице.

Центральный Комитет партии под руководством Владимира Ильича вел последнее приготовление к решительной схватке. Но точный срок восстания еще не был назначен.

Завтра, 25 октября, в Смольном открывается II съезд Советов. Делегаты съехались в Петроград из разных городов и сел.

"Необходимо начать восстание сегодня, до открытия съезда, - думал Владимир Ильич. - Свергнуть Временное правительство и завтра передать власть Советам".

Так Ленин думал. Но шли часы. Послал еще записку в ЦК. Беспокойно было у Владимира Ильича на душе. В этой беленькой квартирке на Сердобольской улице сейчас особенно было ему тяжело. Даже пошагать свободно нельзя: через стену услышат. Скажут: кто там у Фофановой ходит?

К вечеру Фофанова вернулась со службы. Владимир Ильич взволнованно встретил ее.

- Пожалуйста, отнесите еще письмо. Сейчас же, сразу, не раздевайтесь, пожалуйста. Я сейчас...

И он быстро ушел к себе. И написал членам ЦК:

"Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно".

И дальше он писал, что надо выступить нынче же, свергнуть Временное правительство, взять власть. История не простит нам, если мы не решимся сегодня. Завтра может быть уже поздно. Сегодня последний и окончательный срок.

- Скорее несите письмо! - торопил Ленин Фофанову.

И остался один. Как беспокойно! Сел, к чему-то прислушиваясь. Чего-то будто ждал.

И вдруг и верно у входной двери раздался звонок. Пришел связной Эино Рахья:

- Что в городе делается, Владимир Ильич!

Вот что было в городе. Был сырой, неприятный вечер. Резкий ветер рывками налетал с Невы. Тяжелый туман окутывал улицы. Падал мокрыми хлопьями снег. Или принимался сеять меленький дождь. И сеял, и сеял... Но люди группками собирались то здесь, то там под воротами. Пронесется грузовик, полный солдат или рабочих с ружьями. Где-то трахнет выстрел. Застрочит пулемет. Снова тихо, тревожно.

Возле мостов горели костры, красногвардейцы несли караул. Днем Временное правительство распорядилось разводить мосты над Невой. Прискакали юнкера, согнали пешеходов, остановили движение. Но только один Николаевский мост развели. Подоспели наши. Прогнали юнкеров.

Если бы юнкерам удалось развести мосты, была бы беда: все районы оказались бы друг от друга отрезанными. Тут поодиночке юнкера и разбили бы революционных рабочих.

Вот что рассказал Владимиру Ильичу связной Эино Рахья.

Владимир Ильич выслушал. Помолчал и стремительно поднялся со стула. Не говоря ни слова, вытащил из комода свой старый парик. "Что это он?" - встревожился Рахья. Партия поручила ему охранять Ленина, ему, рабочему-большевику Эино Рахье.

- Куда вы, Владимир Ильич?

- Немедленно в Смольный! - твердо ответил Владимир Ильич.

- Да ведь убьют вас. На юнкеров нарвемся - застрелят!
Владимир Ильич не спорил. Знай себе налаживал перед зеркалом парик. Надел старый пиджачишко, пальто. И Рахья понял, что напрасно отговаривать, и стал сам собираться.
Придумали они еще завязать Владимиру Ильичу щеку, будто болят зубы, тогда уж и вовсе трудно будет узнать.
И вышли из дому. Владимир Ильич пошел в Смольный.

НАЧАЛОСЬ

Легко сказать - пошел. Десять верст от Сердобольской до Смольного! Трамваев не видать, не слышать. Люди попрятались. Темь непроглядная. Под ногами чавкала грязь и растаявший снег. Ветер резал лицо.

Владимир Ильич шел, слегка нагнув голову, выставив грудь навстречу ветру. Эйно Рахья на своих длинных ногах едва за ним поспевал.

- Стой, стой! - во все горло закричал Эйно Рахья, увидев приближающийся к остановке трамвай.

Трамвай и сам стал. Вскочили на подножку. Трамвай, почти пустой, следовал в парк. Повезло. Хоть полдороги доехать.

Владимир Ильич зорко вглядывался в темноту, в глухую осеннюю ночь. Грузовик, полный вооруженных солдат, поравнялся с трамваем и умчался вперед. Еще грузовик обогнал.

- Лихо нынче буржуйам придется, - сказал кто-то.

- Сворачиваем в парк, вылезайте, - объявила кондукторша.

Снова Владимир Ильич и Эйно Рахья шагали ночными пустынными улицами. На юнкеров не нарваться бы!

И вот как раз послышался цокот копыт по булыжнику. Два юнкера верхами:

- Пропуск!

Один туго натянул поводья. Конь, заломив шею, вздыбился.

- Пропуск! - требовал юнкер, тесня конем Эйно Рахью.

На старика юнкера не обратили внимания. Чего с деда взять? Держась за подвязанную щеку, дед просеменил мимо вздыбленной лошади.

- Какой такой пропуск? - притворяясь простачком, отговаривался Эйно Рахья, стараясь выиграть время, пока Ленин уйдет. - Знать не знаю, где и добывать-то его. Да зачем? Без пропуска человека рабочего видно.

Юнкер с ругательством занес над головой Рахьи нагайку.

- Брось ты его, - крикнул другой.

Они ускакали. Эйно Рахья бегом поспешил догонять Владимира Ильича. Он уже револьвер в кармане нащупывал. Не снес бы нагайки.

- Спасибо, - коротко сказал Владимир Ильич.

Огромное поле перед Смольным, перерезанное мостовой, поросшее тощими деревцами и редким кустарником, былолюдно и шумно. Горели костры. Стреляли в небо пучками огненных искр. Солдаты топтались у костров, грелись. Один за другим подъезжали грузовики. Соскакивали с грузовиков вооруженные матросы и рабочие. Валом валили в Смольный. Господских пальто и фетровых котелков было не видно. Все простой люд.

Доносилась с поля команда:

- Отряд, стро-ойсь!

Слышались зовы:

- Путиловцы где? Откликнитесь, путиловцы!

- Братцы, семянниковцев не видели?

Толпа гудела. Все поле было в движении. Возле Смольного стояли орудия. Часовые караулили входы. Окна всех трех этажей длинного здания Смольного ярко светились. Величественно было это зрелище освещенного Смольного и возбужденных, с горящими глазами, людей. За спинами щетинились дула винтовок.

У Владимира Ильича сильно билось сердце. Настал день, ради которого он жил.

Их пропустили в Смольный. Для входа в Смольный у Эйно Рахья нашлись пропуска.

Владимир Ильич, в распахнутом пальто, руки в карманы, забыв о дедовском парике, стремительно прошел коридором, людным и тесным от ящиков с патронами и штабелей винтовок. Взбежал на третий этаж, в комнату Военно-революционного комитета.

Члены комитета все были в сборе. Шло заседание. Кто стоял, кто сидел. Секретарь писал протокол. Вот уже полсутки шло заседание. Обсуждали план выступления.

Непрерывно вбегали связные Красной гвардии, воинских частей и заводов.

Ленин вошел. Снял кепку. Вместе с кепкой снялся парик. Навсегда.

Отслужил службу.

- Ленив! - узнали все.

Председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский, исхудалый, с воспаленными от недосыпаний глазами, кинулся к Ленину:

- Владимир Ильич!

Как он обрадовался приходу Владимира Ильича! Будто силы и смелости прибыло с Лениным. Подвойский нетерпеливо ждал, что он скажет.

- Промедление смерти подобно! - быстро, решительно сказал Владимир Ильич. - Надо захватить телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Без промедления. Сейчас. В эту ночь.

Связные вбегали в комнату, где помещался Военно-революционный комитет, штаб революции, куда пришел Ленин.

- Ленин пришел! Ленин! - полетело по Смольному.

Связные входили и получали приказы. Военно-революционный комитет приказывает: занять телеграф, телефонную станцию, вокзалы, мосты. Занять все правительственные учреждения.

- Красная гвардия, строить-ся! - гремело на поле перед Смольным.

Горели костры. Грузовики, полные вооруженных рабочих, уезжали в мрак и ненастье октябрьской ночи. Уходили солдаты и матросы.

В ночь с 24 на 25 октября вооруженной пролетариат и революционные войска взяли в свои руки Петроград, столицу России.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась.

ЗИМНИЙ ВЗЯТ

А Временное правительство со своими защитниками засело в Зимнем дворце. Зимний дворец одним фасадом выходит на Неву. Другой фасад смотрит на громаднейшую Дворцовую площадь. Белые колонны и статуи украшают дворец. По карнизам висят колоссальные фигуры и вазы. Золоченый орел распахнул крылья над башней, а раньше еще развевался на мачте императорский штандарт.

Раньше в Зимнем дворце жили цари.

Ленин сказал председателю Военно-революционного комитета Подвойскому:
- Весь Петроград в наших руках, а Зимний не взят. Немедленно надо захватить Зимний и арестовать Временное правительство.

- К штурму готовы! - ответил Подвойский.

25 октября, в первое утро Октябрьской революции, люди читали обращение Ленина "К гражданам России!".

Ленин писал, что Временное правительство свергнуто, власть перешла в руки Советов. Революция победила.

Верно, все так и было. Никакой у Временного правительства власти не оставалось, но министры его заперлись и сидели в Зимнем дворце.

- Что же это получается? - строго сказал Ленин Подвойскому.

- Сегодня Зимний будет наш! - ответил председатель Военно-революционного комитета. Выбежал из Смольного и поехал на автомобиле проверять, как выполняется план взятия Зимнего.

Красногвардейским отрядам и революционным полкам отдан приказ: окружить Зимний дворец!

Рабочие и солдаты захватили возле Зимнего все проспекты и улицы. Брали Зимний в кольцо. Громыхали колесами пушки, занимая позиции. Медленно входили в Неву миноносцы. Двигались к Зимнему. Развернувшись, вставали на якорь.

И трехтрубный крейсер "Аврора", с белыми бортами, обшитыми медью, целил на Зимний жерло орудия. Зимний в осаде. Было это в ночь на 26 октября 1917 года.

А люди помнили Кровавое воскресенье 1905 года. Здесь, перед этим дворцом, на Дворцовой, обширной и праздничной, площади сошлись толпы рабочих. Со всех питерских заводов и фабрик. Мирно шли к царю. С иконами. "Батюшка-царь, помоги, сил не стало терпеть, с голоду пухнем".

Тысячи рабочих были убиты и ранены в то воскресенье на Дворцовой площади перед Зимним дворцом.

Настал октябрь 1917 года. Теперь рабочие пришли сюда не с иконами.

Страшись, Зимний дворец!

- Долго ли будем тянуть? - волновались и ругались солдаты. - Кто нами командует?

Комиссары и члены Военно-революционного комитета на машинах и горячих конях объезжали солдатские цепи.

- Товарищи, потерпите, вот сил побольше подтянем, чтоб наверняка бить буржуев, без промаха. Товарищ Ленин восстанием командует.

- Ленин! - летело по солдатским и рабочим цепям. - Братцы, товарищ Ленин восстанием командует.

Ленину в Смольный непрерывно слали донесения, как идет окружение Зимнего. Ленин с карандашом наклонялся над планом. В этих улицах размещены такие-то части. Такой-то полк здесь... Сюда надо добавить людей. Прибыли матросы из Кронштадта. Крейсер "Аврора" в готовности.

- Товарищи, время. Начинайте штурм! - сказал Ленин.

Холодный ветреный вечер опустился на город. Дома притаились с запертыми подъездами. Чуждо глядели темные окна домов. На улицах зажигали костры. Ветер нес едкий дым. Гнал тяжелые тучи над Питером.

А Зимний тоже не спал. Также готовился к схватке. Юнкера и офицеры сложили из дров баррикады. Загородили дворцовые входы и выходы. Расставили между баррикад пулеметы.

Зловещая тишина была вокруг Зимнего.

Из Смольного прикатил самокатчик на мотоцикле. Снова Военно-революционному комитету посыльный от Ленина.

- Немедля идите на штурм. Кончайте с Зимним. Пора.

И вот во мраке, в ночной тишине ухнуло над Невой, разорвалось, прокатилось, сотрясая воздух от земли до небес. И долго эхо повторяло тра-ах, тра-ах...

Это дала сигнальный выстрел "Аврора". Условный знак к штурму.

Словно подхваченные волной, солдаты и красногвардейцы поднялись, кинулись к Зимнему. Цепь за цепью катились лавины бойцов. Из ближних улиц открыла стрельбу артиллерия. Трещали пулеметы. С ревом выехал на Дворцовую площадь броневик, поливая огнем дровяные баррикады, заградившие Зимний. И юнкера побросали оружие и побежали во дворец.

- Ура! - кричали, преследуя юнкеров и офицеров, красногвардейцы и солдаты.

- Ура! - Они расшвыривали поленья, карабкались на баррикады, соскакивали на ту сторону.

- Ура! Да здравствует рабочая революция!

Красные отряды ворвались во дворец. И... зарябило в глазах. Роскошь-то, богатство-то, золото, блеск! Коридоры, коридоры, комнаты.

Сотни комнат и залов. Хрустальные люстры, бархат и шелк, картины и статуи, драгоценная мебель, зеркала.

Какой-то красногвардеец пырнул штыком зеркало в золоченой оправе. С хрустом брызнули осколки стекла.

- Сдурел?! - закричали на красногвардейца. - Нынче это не царское добро. Наше, народное.

- Товарищи, соблюдайте революционный порядок! - забравшись на бархатный стул, агитировал командир отряда.

Красногвардейцы и солдаты катились дальше, дальше, из комнаты в комнату, из зала в зал. Винтовка наперевес, рука на затворе. Самые смелые и руководители впереди: Антонов-Овсеенко, Еремеев, Подвойский... Дворцовые служители, в синих ливреях с позументами, в ужасе пятились. Министры Временного правительства сбились в одном зале. Юнкера защищали их.

- Юнкера, офицеры, сдать оружие. Господа министры, вы арестованы.

Была глубокая ночь, но в Смольном ярко сверкали огнями все окна. Люди толпились на лестницах, и в коридорах, и в комнатах. Все были возбуждены. Нетерпеливо ждали вестей. Что на Дворцовой площади? Как идет бой?

И Ленин, полный ожиданий, был в Смольном. По виду спокойный, проводил совещание.

Громко стуча каблуками, вошел председатель Военно-революционного комитета Подвойский. Лицо залубенело от октябрьской стужи и ветра. Откозырял по-военному.

- Товарищ Ленин! Докладываю, Зимний взят.

Ленин вскочил. Подошел. Обнял Подвойского крепко-крепко.

ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ

Вторые сутки члены Военно-революционного комитета работали без отдыха, Антонов-Овсеенко, Бубнов, Дзержинский, Подвойский, Свердлов, Сталин и много других большевиков. Вторую ночь Владимир Ильич не сомкнул глаз. Надежда Константиновна поглядела на его радостное и живое, но такое осунувшееся лицо и вздохнула.

- Отдохнуть Владимиру Ильичу надо бы, а дома-то у нас нет. К нашим далеко. Ума не приложу, где его устроить, - сказала она Бонч-Бруевичу.

Бонч-Бруевич был товарищем и помощником Ильича с женевских времен. Писал в газету "Искра". Переpravлял из-за границы партийную литературу русским рабочим, а в 1905 году - оружие.

- А моя квартира на что? - воскликнул Бонч-Бруевич. - И недалеко, и спокойно.

И сейчас же потащил Владимира Ильича с Надеждой Константиновной к машине, которая стояла у Смольного.

Владимир Ильич как сел на заднее сиденье, так и уснул. А когда приехали через четверть часа, проснулся будто ни в чем не бывало.

- Поужинаем чем бог послал, - сказал Бонч-Бруевич.

Тихонько, чтобы никого в квартире не разбудить, они собрали на стол. Хлеба нашлось, кусочек сыра да молоко.

- Великолепный ужин! - похвалил Владимир Ильич. - А есть как хочется!

И они стали ужинать и все вспоминали, что произошло за эти дни, какие события. Рабочая социалистическая революция свершилась. Теперь навеки ей будет наименование: Великая Октябрьская социалистическая революция!

Они размечтались о будущей жизни и опять забыли про сон. Хозяин наконец воспротивился:

- Ложитесь, а то ведь свалитесь, Владимир Ильич! А вам сейчас болеть воспрещается.

И он проводил Владимира Ильича в свою комнату, где у окошка стоял письменный стол. Владимиру Ильичу без письменного стола да без пера невозможно. Надежду Константиновну положили спать у хозяйки на диване.

Владимир Ильич погасил электричество. Но уснуть не мог. Совершенно не мог! Мысли толпились в голове. С завтрашнего дня надо строить новое государство. Будет первое в мире рабоче-крестьянское государство. Не бывавшее никогда, во всем свете, нигде.

Планы один за другим, один другого значительнее являлись Владимиру Ильичу. Он знал учение Маркса. Идеи Маркса вели Ленина в революционной борьбе. Маркс всегда приходил на помощь. А создавать рабоче-крестьянское Советское государство надо самим, своим трудом, своим разумением.

Владимир Ильич прислушался. Тишина в доме. Всех сморил сон. И неугомонный Бонч-Бруевич уgomонился, должно быть. Владимир Ильич зажег свет и сел за письменный стол. В окно глядела черная ночь. Минуту Владимир Ильич сидел без движения, слегка склонив голову, словно вслушиваясь в свои мысли. Он был очень серьезен и задумчив в эту глухую, темную ночь.

Взял перо и быстро начал писать.

Ленин писал, что помещичьи, церковные, монастырские земли и земли всех богачеев переходят бесплатно крестьянам. Кто не работает на земле, тому земли нет. Кто работает на земле, тому землей и владеть.

Ленин писал о том, что было вековой мечтой и надеждой народа. Новая жизнь в Советском государстве начиналась с мечты, которая становится былью.

Как легко дышалось Владимиру Ильичу, как хорошо! А над Петроградом, после волнений, залпов и штурмов, бесшумно шла ночь. В темной улице одно светилося окно. Так и в Шушенском было. Все село спит. Только у ссыльного Ульянова горит зеленая лампа.

Владимир Ильич положил перо. В небе чуть заяснело. Близилося утро.

"Часа два успею соснуть", - подумал Владимир Ильич и лег. И только опустил голову на подушку, в ту же секунду уснул крепким сном.

На столе лежал исписанный лист.

За окном набирало силу утро. Небо белело. Вот из мутных облаков вырвалось солнце, забежало в комнату, где спал Владимир Ильич. Скользнуло

по листу. И осветило торжественный на листе заголовок: "ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ".

БЕЛЫЙ ЗАЛ С КОЛОННАМИ

Раньше здесь устраивались празднества. Бывали балы. Играла музыка. Скользили по навощенному паркету атласные башмачки институток. Сама государыня императрица, в сопровождении фрейлин, приезжала иной раз на бал. Обмахиваясь веером, милостиво наблюдала за танцами.

Да разве снилось солдату, бедняку с Орловщины, что когда-нибудь придется вступить в этот белый с колоннами зал? Его и близко-то не подпустили бы к Смольному: "Ступай прочь, деревенщина, неумытое рыло!"

А сейчас... делегатом на II съезд Советов приехал солдат.

Белый зал Смольного был полон народом. И делегаты тут собрались и не делегаты. Матросы в тельняшках и бушлатах, с ручными гранатами за поясом. Красногвардейцы с винтовками, и вчера бравшие штурмом Зимний дворец. Бородатые мужики - эти из дальних мест, делегаты сельских Советов. А то рабочие с заводов и фабрик - по косовороткам узнаешь.

Стулья и скамейки были сплошь заняты. Люди сидели на подоконниках, на полу. Стояли. У всех приколоты красные ленточки. Цветисто от красного. Дымно от табаку, шумно.

- Наша взяла. Долой буржуев! Вся власть Советам!

Солдат с Орловщины озирался по сторонам и все примечал.

И высокие потолки этого важного зала. И мраморные колонны. И на передней стене золоченую раму в человеческий рост. Портрет царя скинули, а пустая рама осталась.

Всю эту необычайную обстановку солдат удивленно оглядывал, а сам с нетерпением ждал, когда выйдет Ленин и станет говорить народу речь. Все ждали.

Немало здесь было делегатов I съезда. Тогда в июне, на I съезде, товарищ Ленин тоже говорил речь и призывал Советы брать власть.

"Башковитый, как ладно удумал, - рассуждал про себя орловский солдат. - Добились, стряхнули буржуйскую власть, а дальше как станем жить?"

Тут вокруг зашумели:

- Ленин! Ленин!

Многие повставали с мест, чтобы лучше увидеть, как выходят члены президиума.

И солдат вскочил и глядел во все глаза.

Вышли члены президиума. Сели за стол. Один в черной кожаной куртке, стеклышки со шнурком на глазах. Вроде военный, а вроде и нет. По виду решительный.

- Свердлов, - объяснили солдату.

И Феликса Эдмундовича Дзержинского, боевого большевика, показали - высокий, худощавый. И председателя Военно-революционного комитета Николая Ильича Подвойского - лицо приятно, взгляд открытый, прямой.

Но вот председатель объявил, что заседание съезда открыто, и дал слово товарищу Ленину.

Солдат в нитку вытянулся, чтоб хорошенько разглядеть, какой такой Ленин. А он коренастый, роста не больно высокого. Брови, чуть будто надломленные, разбежались к вискам. А глаза так в душу и смотрят...

Ленин быстро поднялся на трибуну. И весь зал поднялся. Встал как один

человек.

- Да здравствует Ленин! - кричали люди.

Не хотели умолкнуть. Летели вверх матросские бескозырки и шапки.

- Да здравствует Ленин!

Ленин стоял на трибуне. И видел в зале, перед собой, счастливые лица. Видел людей в простой, бедной одежде. Тут не было господ в сюртуках и белых манишках и дам в модных костюмах. Тут были рабочие, крестьянские и солдатские делегаты. Трудовой народ. Перед этим народом Ленин чувствовал себя в ответе за его долю и счастье.

Он поднял руку. Он просил слова. И зал постепенно утих. Но люди не садились, слушали Ленина стоя. И орловский солдат, крепко сжимая винтовку, весь обратился в слух, ловил каждое слово.

Ленин сказал речь о мире. Рабочим и крестьянам война не нужна. Советскому государству война не нужна. Кончать надо с войной. Рабочие люди хотят мирной жизни. И Ленин прочитал Декрет о мире. Он написал этот декрет нынче утром, когда пришел от Бонч-Бруевича в Смольный.

С каким вниманием и волнением делегаты слушали Ленина!

Четвертый год шла война с немцами. Народ замучился от этой войны, страдался.

"Так вот какая она, наша Советская власть, справедливая власть, о народе заботится!" - думал орловский солдат.

Загремело "ура!". Мраморные колонны Белого вала не слыхивали такого громового "ура!". Такого могучего и грозного пения.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов, -

воодушевленно пели сотни людей.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Потом Ленин прочитал Декрет о земле, который написал ночью в квартире Бонч-Бруевича. И снова делегаты, особенно крестьянские, одобрили ленинский декрет.

II съезд Советов, собиравшийся 25 и 26 октября 1917 года в Белом зале Смольного, был знаменитый, замечательный съезд. На этом съезде Ленин объявил Советскую власть.

На этом съезде Ленин прочитал делегатам декреты о мире и земле, и съезд их утвердил.

Еще съезд утвердил народных комиссаров. И назначил Председателем Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Так составилось первое Советское правительство.

Съезд работал всю ночь, только под утро закрылся.

Делегаты сразу начали разъезжаться по домам - в Орловскую, Казанскую, Ярославскую и все другие губернии. В города. В воинские части и флот.

- Скорее, товарищи, поезжайте домой, - торопил делегатов Владимир Ильич. - Рассказывайте о нашей победе. Рабочая революция победила. У нас теперь Советская власть. Укрепляйте повсюду, по всей России Советскую власть.

Надежда Константиновна шла длинным, широким коридором Смольного. Был вечер. Надежда Константиновна возвращалась с работы. Денек выпал нелегкий. С учителями провела совещание. С рабочими. Надо организовать школы, библиотеки, детские дома, рабочие клубы. По-новому надо налаживать просвещение, для пользы трудящихся. Она устала и с удовольствием после трудового дня возвращалась домой.

Дом их был в Смольном. Поселились Ильичи в комнате, где раньше жила классная дама. Высоченная, длинная комната с одним окошком во двор. Низкой перегородкой отгорожена спальня. Там две железные кровати поставлены, покрытые одеялами из солдатского, грубой шерсти, сукна. Печка еще была в спальне.

"Догадался бы Желтышев печь истопить, - подумала Надежда Константиновна. - Вот было бы здорово".

Желтышев был пулеметчиком. Со своим полком боролся в Октябре за Советскую власть. Теперь этот пулеметный полк нес в Смольном охрану. А Желтышева к Председателю Совета Народных Комиссаров приставили.

Только Надежда Константиновна о нем вспомнила, а он тут как тут.

- В столовку откомандировался за ужином, - объявил Желтышев. Махнул свободной рукой: - Гляньте, Надежда Константиновна, затихает помаленьку.

По обеим сторонам в коридор выходили двери, двери. Из некоторых еще доносились голоса, телефонные звонки и стук машинок. Но больше в такой поздний час было комнат за дверями утихших.

- А Владимир Ильич все не идет, - вздохнул Желтышев. И как бы самому себе разъяснил: - Обо всем народе заботиться надо. А народ-то разбуженный, бо-ольшущего ума требует.

Он заметил утомленность Надежды Константиновны:

- Иззябли, чай? Холодьюга на дворе, зима заступила. Погрейтесь ступайте.

Значит, вытопил печь. Умница Желтышев, молодец! Вправду на дворе холодно.

Надежда Константиновна поспешила к себе. Вход в комнату вел через умывальную. Кранов, наверное, двадцать насчитаешь по стенам. Раньше здесь умывались институтки. "Теперь все двадцать для нас", - подшучивала Надежда Константиновна. Другого богатства, кроме казенных умывальников, у них с Владимиром Ильичом не было. Мебель в комнате стояла самая простецкая. Шкаф, да буфетик, да маленький письменный стол.

Да напротив диван и два кресла в полотняных чехлах и круглый столик. За ним и обедали, а иногда и серьезные государственные вопросы обсуждали.

Надежда Константиновна сняла шубу и стала у печки. У печки тепло. А Владимира Ильича нет и нет. Он потому и выбрал в Смольном жилье, что от работы близко. На лифтике поднялся на третий этаж, и сразу Предсовнаркома рабочий кабинет и приемная. В кабинете Предсовнаркома решалось все строительство новой, социалистической жизни. Отсюда выходили декреты о том, что больше навеки нет в России дворянских и купеческих званий, что железные дороги, морской и речной флот, банки - все принадлежит государству. И заводы и фабрики перейдут государству, и рабочий класс сам будет управлять производством.

Все было ново, необыкновенно. Все создавалось впервые, только в нашей, Советской стране.

А в приемную к Ленину с утра до ночи шли рабочие, крестьяне, солдаты, матросы. Советоваться, как строить эту новую рабоче-крестьянскую жизнь.

"Должно быть, не выберет время поужинать", - подумала Надежда

Константиновна об Ильиче.

Шаги. Не он ли? Так и есть! Его шаги, быстрые, легкие. Дверь из умывальной открылась, и появился Владимир Ильич.

- Перерыв решил сделать, - с веселым блеском в глазах заговорил Владимир Ильич. - Взглянул в окно - зима на дворе. Прогуляемся, Надюша, по молодому снежку, а? Как ты смотришь?

- Я так смотрю, что в девять вечера пора бы работу до завтра вовсе кончать, - резонно ответила Надежда Константиновна.

- Вот к товарищу Желтышеву это прямо относится! - сказал Владимир Ильич, видя входящего в эту минуту Желтышева. - Товарищ Желтышев, извольте тотчас отправляться на отдых. Извольте, извольте, - решительно повторил Владимир Ильич.

Желтышеву ничуть не хотелось отправляться на отдых. Ему нравилось заботиться о Владимире Ильиче. Приносить на ужин пшеничную кашу. Ходить в киоск за газетами. Протапливать печь.

А сегодня у Желтышева была особая причина не спешить уходить.

У него был для Надежды Константиновны сюрприз. Вытащил из кармана малюсенькое круглое зеркальце.

- Институтская ученица оставила. А я подобрал. Надежда Константиновна, может, когда промеж работы причесаться или что другое понадобится, для такой причины в самый раз подходяще. - И он протянул подарок и оглянулся: одобряет ли Владимир Ильич?

Должно быть, Владимир Ильич ото всей души одобрял, потому что раскатился своим заразительным смехом. Потом потер лысину и сказал:

- Эх я, недогадливый! Ни разу не догадался, Надюша, купить тебе зеркальце.

- Где уж тебе догадаться! - посмеялась Надежда Константиновна.

А Желтышев весь расцвел и отправился, довольный, на отдых.

- Что за люди, чистое золото! - бормотал он, покачивая головой и широко улыбаясь.

А Надежда Константиновна с Владимиром Ильичом поужинали пшенной кашей, скупо политой подсолнечным маслом. И Владимир Ильич снова позвал Надежду Константиновну подышать выпавшим снегом. Уж очень любил он первые зимние дни! Чистоту, белизну пушистого снега.

Надежда Константиновна надела меховую шапку, погляделась в подаренное зеркальце.

- Постарела я, Володя, - вдруг сказала она.

- Нет, нисколько! - живо ответил Владимир Ильич.

Ее прямые чудесные волосы начинали седеть. Тонкие морщинки прочертили лоб. Но Владимиру Ильичу она казалась прежней, какой он ее помнил. Он помнил ее в шушенский вечер, когда она приехала в ссылку и привезла ему зеленую лампу. Почти всю дорогу держала лампу в руках.

- Ты очень устаешь на работе? - тревожно спросил Владимир Ильич.

- Не очень, - ответила она.

Она никогда не жаловалась.

- Сердце только иной раз приметя бежать вскачь, - сказала Надежда Константиновна.

И заторопила Владимира Ильича на прогулку. Она ведь знала, что это лишь перерыв. Что после прогулки Владимир Ильич поднимется на лифте на третий этаж и до глубокой ночи в кабинете Предсовнаркома не будет работе конца. Работе и мыслям. О том, как строить государство, первое в мире. Государство крестьян и рабочих.

НЕ УМЕЕМ - НАУЧИМСЯ

На посту у входа в Смольный стоял солдат:

- Пропуск!

И загородил винтовкой троим рабочим дорогу. Двое постарше, с бородами. Третий довольно еще молодой. Молодого звали Романом.

- Где у вас тут пропуска-то дают? - поинтересовался один, спокойно отстраняя винтовку.

- Но-но... не балуй! - прикрикнул солдат. - Комендатура пропусками заведует.

В это время как раз сам комендант Смольного, бывший матрос товарищ Мальков, появился в подъезде. Бушлат распахнут, под бушлатом тельняшка.

- Кого вам, ребята?

- Ленина надобно. Причина есть важная, - ответил Роман.

- Безотлагательно, - добавил другой.

- Ишь какие, - протянул, оглядывая рабочих, Мальков. - А в Октябрьские дни где были?

- Зимний брали. Где же еще?

Через четверть часа все трое входили в приемную Совнаркома. Большая комната. Обставлена бедно. Два деревянных дивана перегородили на две половины приемную. И там стол, и здесь стол да несколько стульев - вот и вся обстановка.

Рабочие перекинулись взглядом: просто, по-нашенски. Намотали на ус.

Секретарша проверила пропуска, пропустила. Дальше шла канцелярия. Там тоже столы. На одном - пишущая машинка. Два шкафа, телефоны с деревянными ручками. И еще вешалка у двери. Дверь вела в рабочий кабинет Ленина.

Рабочие сняли ватные куртки, повесили. Ушанки втиснули в рукава. Одернули косоворотки.

Секретарша отворила дверь в кабинет:

- Проходите, пожалуйста. Товарищ Ленин вас ждет.

- Не осерчал бы? - шепнул Роман спутникам.

Но было уже поздно - они перешагнули порог в рабочий кабинет Предсовнаркома. И он сам, товарищ Ленин, поднявшись из-за стола, встречал их, невысокий, подвижный, с искрой в живых коричневых глазах:

- Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста!

Усадил. И сам сел. Не через стол от рабочих, а рядом. В руке карандаш, он им помахивал и быстро-быстро кидал вопросы:

- С какого завода? Какой специальности? Как дела на заводе? Есть ли сырье? Действует ли рабочий контроль?

Владимир Ильич заметил, рабочие мнутя, медлят с ответами. Владимир Ильич положил карандаш, всунул пальцы за проймы жилета, откинулся на спинку стула и ждал.

- Докладывай ты, - подтолкнул пожилой молодого.

И другой локтем в бок:

- Роман, излагай.

У Романа горло осипло. В Октябрьские дни, с винтовкой наперевес, перемахивая через три ступеньки, вбегал роскошной мраморной лестницей в Зимний дворец. Юнкера отстреливались из-за углов. Но Роману было не страшно. Будто крылья несли его.

Товарищ Роман, что же сейчас-то ты заробел? Ведь Ленин с тобой

говорит. Ленин все понимает. Он наш.

- Владимир Ильич, с поклоном мы к вам...

- Нет, нет! Поклонов не надо, - строго отрезал Владимир Ильич. - Что за дело у вас? Давайте откровенно, по-дружески.

И улыбнулся. Так хорошо улыбнулся.

И от ленинской улыбки Роман осмелел и без утайки рассказал, какая важная причина привела их к Председателю Совета Народных Комиссаров. Хотелось бы Роману с товарищами рассказать Владимиру Ильичу про завод, да не работают больше они на заводе. Из рабочего класса откомандировали их в народный комиссариат, или, короче сказать, наркомат. Царские чиновники разбежались, не пожелали с Советской властью сотрудничать. Кто не убежал, волюнку вместо работы волюнит. Прислали рабочих...

- Советской власти на подмогу прислали? - живо перебил Владимир Ильич.

- Вроде так.

- И что же?

Владимир Ильич сощурился и не сводил с Романа испытующих глаз. Роман в замешательстве пригладил русые волосы. Как на горячих углях сидел.

- Не получается, Владимир Ильич.

Стыдно признаваться. А зачем и пришел? Затем, чтобы прямо сказать: "Не выходит. Не умеем. Не можем".

- Товарищ Ленин, Владимир Ильич, - вставил рабочий постарше, - прикажите обратно в рабочий класс нас вернуть. Трудно нам.

Третий подхватил:

- На заводе с пользой работали. А в наркомате тычемся, ровно слепые.

Они просили так убедительно! Наверно, Владимир Ильич согласится, и рабочие с чистой совестью вернутся к станкам.

Он все молчал. И они замолчали.

- Вы думаете, мне легко управлять государством? - вместо ответа спросил Владимир Ильич. - Вы думаете, у меня опыт есть? Ведь я никогда не был Председателем Совнаркома. И другие наши наркомы никогда не были прежде наркомками.

Один рабочий нерешительно покачал головой:

- Больно уж внове все.

- Так старое-то мы с вами сломали! Кто вместо нас станет устраивать новое?

И Ленин повеселел, ближе придвинулся со стулом к рабочим и стал уговаривать, объяснять. Конечно, трудно рабочим в наркоматах без знаний. Зато есть пролетарское чутье. Надо нашу, партийную, советскую линию проводить в наркоматах. Кроме рабочих, кто будет ее проводить? Всяду рабочий глаз нужен, рабочий контроль.

- А ну как ошибемся, Владимир Ильич?

- Ошибемся - поправимся. Не умеем - научимся. Итак, товарищи рабочие, - вставая, твердо сказал Владимир Ильич, - партия послала вас, выполняйте долг. - И с одобряющей и доброй улыбкой повторил: - Не умеем - научимся.

После такого разговора с Лениным у рабочих робость пропала. Владимир Ильич заразил их уверенностью: силы будто втрое прибавилось. Теперь с утра до ночи не будут вылезать из наркомата, пока не поймут всю механику.

- Обещаем, товарищ Ленин, долг выполним, - сказали рабочие.

И все трое вышли из кабинета Председателя Совнаркома уверенные. И говорили между собой, что правильно Владимир Ильич рассудил наше рабоче-крестьянское государство, нам и в ответе быть за него.

ТЯЖЕЛЫЙ УРОК

Четырехлетняя война разорила страну. В Петрограде все лютее был голод. По карточкам давали четверть фунта хлеба, и все. А это кусочек величиной с пол-ладони. Будешь ли сыт таким кусочком? На завтрак не хватит, не то что на целый день. Да варили на обед селедочный суп. Так в рабочих семьях, так в Совнаркоме. И Владимир Ильич так же жил и получал такой же скудный паек.

Ленин собирал Совнарком ежедневно - уж очень дел было много. Все неотложные. Как бороться с голодом - первое неотложное дело. Не один Питер, все города голодали. А хлеб был в России. В Сибири был и в Поволжье. Надо из деревень раздобыть хлеб и по голодающим городам развезти - кажется, просто? Ох, не просто! Железнодорожный транспорт расстроен. Значит, надо в первую очередь налаживать транспорт. Ведь и топиться городам нечем: дров нет, угля нет. Так давайте скорее налаживать транспорт! Не тут-то было! Всюду полно саботажников, спекулянтов. Спекулянты на народном бедствии хотели нажиться, саботажники - подорвать революцию. За ними буржуазия стояла. Буржуазия ненавидела Советскую власть. Буржуи, царские чиновники, спекулянты портили, вредили, мешали. Буржуи надеялись: вот придут немцы, свергнут Советы, тогда заживем. Только и мечтали о немецкой победе.

Было о чем задуматься Ленину!

У немцев сохранилась еще сильная армия. А у нас старая, царская, разваливалась. Офицеры бросали позиции, уходили. Солдаты рвались домой. Страшная опасность нависла над родиной.

"Что делать?" - думал Ленин. Днем и ночью собирались члены ЦК партии, народные комиссары. Обсуждали, решали, как быть.

- Товарищи! Мы подписали Декрет о мире, надо кончать войну с немцами, - говорил Ленин.

И Совнарком послал немецкому командованию предложение о мире. Немецкие власти согласились. Условие немецкое было: все земли, которые немцы захватили у нас во время войны, переходят к ним.

- Примем условия, другого выхода нет, - сказал Владимир Ильич.

Другого выхода не было. Народ был измучен войной. Измучен разрухой. Народ хотел мирно жить, трудиться, накапливать силы.

На заседаниях Центрального Комитета партии много раз обсуждался вопрос о заключении мира с Германией. Ленин доказывал: надо непременно закончить войну. И скорее, скорее. Пусть на тяжелых условиях. На всякие жертвы надо пойти во имя спасения Советской Республики. Надо укреплять Советскую власть, создавать новую рабоче-крестьянскую армию, восстанавливать хозяйство.

Если бы все поддержали Владимира Ильича! Нет. Острые разногласия начались. Нетвердые, нестойкие люди спорили с Лениным, высказывались против заключения мира. "Грабительский мир. Не хотим подписывать грабительский мир", - говорили они. Не понимали, какая страшная беда подкрадывается к Советской России.

А Ленин понимал. Тяжело ему было.

- Товарищи! У нас разруха и голод. Нет у нас сил. Хоть на время надо получить передышку, чтобы сохранить Республику Советов.

Так убеждал Владимир Ильич. Он был твердо уверен в своей правоте. И потому так непоколебимо, горячо убеждал товарищей. И убедил.

Советское правительство вновь направило к немецким генералам делегацию. Главой делегации был Троцкий. Он был наркомом. Что же он сделал?

Предательски нарушил указания Ленина. Центральный Комитет партии и

Советское правительство вынесли решение подписать с германским командованием мир. Империалисты рвутся задушить Советскую страну. Необходимо сорвать вражеские планы. Любой ценой - мир!

А Троцкий? Мира не подписал, а войну объявил прекращенной. Солдаты наши хлынули по домам, бросили фронт. Фронта не стало.

И немецкие генералы без препятствий двинули свои армии по русским дорогам. Глубже, глубже в Россию. Ближе, ближе к столице. Совсем близко. Петроград под угрозой. Неужели немецкие генералы захватят столицу? Неужели конец революции?

Буржуи, спекулянты, торговцы притаились и ждали. И уже готовили черные списки, с кем расправляться. Готовили списки большевиков и рабочих.

На руку немецким империалистам и буржуазии было поведение Троцкого. Троцкий и раньше не раз мешал создавать в России боевую партию коммунистов. Не раз сколачивал всякие группировки против Коммунистической партии, против Ленина.

Снова непрестанно собирался ЦК, Совнарком. В Смольном не было дров. Печи не топились. Холодно. Члены ЦК и наркомы сидели за длинным столом в пальто и шубах, подняв воротники. Лица были суровы. Февральская метель свистела и кружила за окнами.

- Горький, обидный, тяжелый урок! - сказал Ленин.

Теперь все знали и видели, как Ленин был прав. Зачем сразу не послушали Ленина?

"Социалистическое Отечество в опасности!" - выпустил воззвание Совет Народных Комиссаров.

Рабочие, крестьяне, товарищи! Вставайте на защиту Отечества! - призывало воззвание.

Тысячи добровольцев в городах, деревнях и рабочих поселках откликнулись на воззвание Совнаркома и Ленина.

И создалась новая армия.

Красная Армия. Советская Армия. Вступила против немецких захватчиков в бой. Не пустила их дальше.

Это было в феврале 1918 года. С тех пор каждый год мы празднуем 23 февраля день рождения нашей Советской Армии. Она не раз защищала нас от врагов. И всегда защитит.

Немецкие генералы, когда Красная Армия против них выступила, решили согласиться на мир. Теперь это был договор еще более грабительский. Еще больше земель отхватили у нас немецкие генералы. Контрибуцию наложили на нас. Контрибуция - значит: платите победителям деньги. А еще и хлеб, мясо и другие продукты давайте.

Советское правительство вынуждено было на это пойти.

"Этот зверь прыгает хорошо... Он прыгнет еще раз... Поэтому надо быть готовым... брать даже один день передышки", - так Ленин сказал на VII экстренном съезде партии.

VII съезд выслушал доклад Председателя Совнаркома о войне и мире и признал политику Ленина верной.

А через несколько месяцев в Германии произошла революция. И грабительский договор стал недействителен.

- Далеко наш Ильич смотрит! - одобрительно говорили рабочие.

МОСКВА, МОСКВА...

Был поздний мартовский вечер. На платформе под названием Цветочная площадка по Николаевской железной дороге на окраине Питера стоял состав с темными окнами. Платформу охранял караул. Вдоль всего поезда виднелись винтовки латышских стрелков. Пулемет глядел черным дулом в сумрак ночи с паровозного тендера. Какие-то люди перебежали по платформе, прикрывая тусклый свет ручных фонарей. Кого-то пропускали в вагоны. Паровоз разводил пары. Поезд с темными окнами ждал отправления. Куда?

Не очень высокий человек, в пенсне, в кожаной куртке, тихо разговаривал у вагона с другим, худощавым, прямым, в длинной шинели.

- Вы уверены, что контрреволюция не знает о сегодняшнем поезде? - спрашивал Дзержинского Яков Михайлович Свердлов.

- Возможно, знает, скорее всего - да. Но откуда отправление, не знает.

- Ловко придумано, что не с главного вокзала, а с тихонькой Цветочной площадки, - сказал Свердлов.

- Контрреволюция готовила взрыв. Каждый день открываем диверсии, - ответил Дзержинский.

Дзержинский, как и Свердлов, много раз при царской власти бывал в тюрьмах, в ссылках, на каторге.

А в 1917 году вместе с Лениным и другими членами ЦК партии руководил Октябрьским восстанием. После революции Владимир Ильич предложил назначить Дзержинского Председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Все знали нежное сердце Дзержинского. Но к врагам революции он был беспощаден. И заботлив и ласков с детьми. И верил пламенно, что Советская власть построит для народа счастливую жизнь. Дзержинский работал без отдыха, дни и ночи, иногда круглые сутки, работал, работал.

Для революции. Для народа. Для партии.

Между тем на платформе показалась группа людей. Владимир Ильич быстро шагнул впереди. Надежда Константиновна поспежала за ним, перевесив через руку клетчатый плед. Кто-то хотел взять у Надежды Константиновны плед.

- Спасибо, я сама, - отказалась она.

Все поднялись в вагон. Зажгли свечку в купе. Плотно завесили окно.

Послышался свисток. Латышские стрелки вспрыгнули на подножки вагонов.

Паровоз тронулся. Поезд с погашенными огнями отошел от платформы.

Владимир Ильич пристроился к откидному столику у окна, вытащил из портфеля бумаги.

- Побойтесь бога, Владимир Ильич, хоть в дороге отдохните! - воскликнул Свердлов.

- Если бы мы бога боялись, не бывать бы на матушке-Руси революции, - усмехнулся Владимир Ильич.

И принялся перечитывать и править только что написанную статью. Владимир Ильич писал, что мы сделаем нашу революционную Русь могучей, обильной.

Россию окружали враги. Контрреволюция готовила заговоры. А Ленин верил: мы сделаем великой нашу социалистическую Родину. Силы революции растут. И победят.

Весь поезд спал. Только машинист, зорко глядя в ночную весеннюю темень, осторожно вел паровоз. Только красные латышские стрелки на площадках вагонов несли караул. Да Владимир Ильич при неровном свете свечи дописывал для завтрашней газеты статью.

Напротив, на нижней полке, неслышно спала Надежда Константиновна, подложив под щеку ладонь. Владимир Ильич осторожно накрыл ее клетчатым пледом. Этот плед подарила мама, когда приезжала с Маняшей в Стокгольм.

Мамина память, клетчатый плед...

Вечером 11 марта 1918 года специальный поезд с Советским правительством благополучно прибыл в Москву. Не удалось контрреволюционерам устроить диверсию. Ленин, ВЦИК, Совнарком переехали из Петрограда. Теперь столицей нашей Родины будет Москва. Москва - центр страны. И от границ дальше.

Сначала Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселились в гостинице "Националь", против Кремля. Скоро весь Совнарком будет жить и работать в Кремле. На другой день после приезда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной решили прогуляться по Москве, поглядеть Кремль. Поехал с ними старый друг Бонч-Бруевич. Он был управляющим делами Совнаркома, заботился, как в Кремле разместить Совнарком.

В Октябрьские дни в Кремле засели юнкера, забаррикадировались, стреляли из пушек. Завязались сильные бои, но революционные отряды вышибли белогвардейцев и царских прислужников из древних кремлевских стен.

Запущенным был Кремль весной 1918 года. Многие здания стояли разбитые, черные от пожаров. Кучи битого кирпича и стекла навалены всюду. Площади залиты грязными лужами талой воды. Раскиданы бревна - тут возводили юнкера баррикады. Всюду мусор и хлам...

Владимир Ильич и Надежда Константиновна пересекли площадь. Вот знаменитый Царь-колокол, стоит как гора. В давние-давние времена рабочие умелые руки отлили эту красу, медный колокол. И Царь-пушку отлили рабочие мастеровитые руки! А древние зубчатые кремлевские стены! А кремлевские башни! Каждая на свой лад, своя кладка, свой рисунок у каждой. Отовсюду веет стариной и историей.

Владимир Ильич задумчиво глядел вдаль. Широко, вольно виделась Москва с кремлевского холма.

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе! -

прочитала Пушкина Надежда Константиновна.

Владимир Ильич улыбнулся:

- Ну вот и здравствуй, Москва.

ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

VII съезд партии большевиков принял решение о мире с Германией. Тогда, на VII съезде, Ленин поставил еще вопрос: предложил назвать партию большевиков Коммунистической. Наша цель - строить коммунизм. Значит, и название дадим нашей партии: Коммунистическая.

Все большевики согласились.

На многих встречах с рабочими и в своем кремлевском кабинете Ленин решал и обдумывал, как строить новое общество. Первые шаги труднее всего! Самые начальные, первые, важные. Ленин думал, думал об этом. Советовался, обсуждал с членами правительства.

Часто Владимир Ильич встречался с Яковом Михайловичем Свердловым.

Свердлов был председателем ВЦИК - Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Ленин советовался с ним, они дружно решали государственные дела и вопросы.

Ленин хотел за то время, пока Советская власть добилась передышки в войне, прочнее наладить новую жизнь.

В первую очередь он искал помощи у рабочего класса. "Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата", - написал Владимир Ильич в знаменитой статье "Очередные задачи Советской власти". ЦК партии одобрил мысли и планы Ленина. Статью напечатали в газетах "Правда", "Известия". Огромные цели открывались народу. Коммунисты, рабочие, крестьяне шли за Лениным, верили Ленину.

В ленинском кабинете в Кремле у письменного стола стояло кресло с плетеным сиденьем и спинкой. Владимир Ильич любил это простое кресло. Может быть, потому, что в давние детские годы в симбирском доме Ульяновых были похожие плетеные стулья. Владимир Ильич помнил зимние вечера в уютной столовой под висячей лампой с белым абажуром. И чудесные книги. Счастливое детство!

Ленин хотел, чтобы у всех рабочих и крестьянских детей в Советской стране было тоже счастливое и доброе детство.

При царе детям рабочих и крестьян трудно было учиться. Редко кому удавалось кончить гимназию. А институт и того реже. Теперь для детей трудящихся были открыты все школы, все институты. Учитесь! Читайте книги - библиотеки для вас!

Война разорила Россию - голодно, холодно! - но лучшие пайки, лучшее питание, дети, для вас! Никогда, ни в одном буржуазном государстве не было такой любовной заботы о детях трудящихся. Такой заботы о людях труда.

При царе и буржуях рабочие работали двенадцать часов в сутки, а то и пятнадцать! Пришла Советская власть. Председатель Совнаркома Ленин подписал декрет: рабочий день для всех восемь часов.

Раньше лучшая земля была у кулаков и помещиков. Заводы и фабрики, железные дороги, шахты и копи, нефтяные промыслы, банки - все переходит государству. Все народное, все советское, все государственное. А помещиков и буржуев долой! - Хотите - работайте. Кто не работает, тот не ест.

Вот какой небывалый переворот произошел в нашей стране! Смело шагала революция дальше и дальше. И во главе всего нового, небывалого стоял Владимир Ильич, стояла партия коммунистов.

ПО ДЕРЕВНЯМ И СЕЛАМ

Когда задолго до революции Владимир Ильич вместе с другими товарищами жил эмигрантом в Женеве, однажды приехала из России молодая революционерка Лидия Александровна Фотиева. И сразу стала горячей помощницей Ленина. Всю душу отдавала революционной работе, все время. Только одна была у нее страсть, кроме революционного дела: она была музыкантша. Иногда свободным вечером большевики собирались в столовой Лепешинских, где был у них вроде клуб. Лидия Александровна садилась за пианино. Если приходил Владимир Ильич, Лидия Александровна играла "Патетическую сонату" Бетховена. Владимир Ильич любил эту сонату. Как необыкновенно он слушал, с какой нежностью и глубокой задумчивостью!

После революции Лидия Александровна Фотиева стала секретарем

Совнаркома. Работа заполнила все. Она и жила в Кремле, чтобы поближе быть к Совнаркому.

Утром, перед тем как идти в Совнарком, Лидия Александровна непременно присаживалась к пианино. Веснами и летом, когда окна открыты, в кремлевском, еще пустом и безлюдном дворе лились звуки "Патетической сонаты" Бетховена, полные могучей силы, могучего чувства.

Потом Лидия Александровна Фотиева шла в Совнарком. Она знала все дневное расписание Ленина, все, что требовалось ему для работы.

К Председателю Совнаркома постоянно шли посетители. Она знала, кого сразу к Ленину надо пустить, а кто и повременить может.

- Владимир Ильич, ходоки из дальней деревни, - сказала в этот день Фотиева.

- Зовите, зовите! - ответил Владимир Ильич.

Он слышал утреннюю музыку. Ему нравилось, как начинала свой день секретарь Совнаркома Лидия Александровна Фотиева.

- Зовите, пожалуйста, - повторил Владимир Ильич.

Бородатые, до черноты обожженные солнцем и ветром крестьяне садились за длинный стол под зеленым сукном. Сначала смущались. Но Ленин был прост, и ходоки незаметно смелели.

От ленинской простоты мужикам будто смекалки и ума прибывало. А Ленину это и надо. Ленину важно, чтобы каждый свои мысли и мнения без страха, напрямик говорил.

- Товарищ Владимир Ильич, ты над нами боль-шой, - говорили ходоки, - знаний у тебя хошь отбавляй...

- Отбавлять, пожалуй, ни к чему, - возразил с улыбкой Владимир Ильич. - А насчет деревни так и вовсе знаний нехватка.

- Мы тебе про деревню всю как есть правду доложим.

- Ну-ка, ну-ка, давайте!

- Перво-наперво Советская власть по сердцу пришлась крестьянскому миру, что помещиков с земли согнала, - начал самый старый ходок, у которого борода закрыла полгруды и над выцветшими глазами нависли дремучие брови.

- Дальше, - говорит Владимир Ильич, - давайте выкладывайте.

- Дальше о кулаке речь пойдет. Задушит кулак новую жизнь. Не даст ходу. На бедноту надейся, Владимир Ильич. А кулак Советской власти не друг. Кулак супротивник...

Это Ленин знал. Но слушал. Внимательно слушал ходоков-бедняков. Проверял свои знания. Выводы делал. И появлялся потом новый декрет, новый советский закон.

Так, летом 1918 года Ленин подписал декрет Совнаркома о комитетах бедноты в деревнях. Стали они называться комбедами. Комбеды - опора Советской власти в борьбе против кулачества.

Кто же такие были кулаки? Сейчас в нашей Советской стране кулаков давным-давно нет. И слыхом про них не слышать. Кулаки были крестьяне. Да только зажиточные, иной раз очень даже богатые. В старые времена правдой богатство мужику не нажить. Кулаки богатели неправдами, спекуляцией, чужим трудом богатели. Разживутся, земель накупят. Нагонят пахать батраков из бедноты деревенской. До весны хлеба у бедняка не хватало. Просит бедняк в долг у кулака ржи пудишко. За этот пудишко кулаку поле вспаши. Да осенью вместо одного два пуда отдай. Выхода нет. Идет бедняк в кабалу. Голодный. От ветерочка, словно пустой колос, качается. А кулацкие амбары, полные пшеницы и ржи, стоят под замками, как крепость. Рассчитывает кулак: вот еще вздорожает хлеб, вот еще... Кулак из-за прибыли горло соседу готов перегрызть.

А голод в городах все страшней, все безысходней! Что делать? Чем

кормить рабочих и служащих, ребятишек, Красную Армию? Как хлеб раздобыть?

Ведь есть же, есть хлеб в деревнях! От ходоков знал Владимир Ильич, что есть. Только кулаки отдавать не хотят, прячут, в землю закапывают.

Несправедливо! Нельзя допустить, чтобы люди в городах погибали от голода, а у кулаков амбары хлебом набиты. Батраки кулацкий хлеб вырастили. Не кулацкий он, а народный.

Ленин так рассудил и позвал рабочих.

- Товарищи рабочие, - сказал Владимир Ильич, - составляйте на заводах и фабриках продовольственные отряды и разъезжайтесь по деревням. Там комбеды. Комбеды за нас. И середняк на нашу сторону клонится. Вы им подскажите, как укреплять в деревнях Советскую власть. А они вам подскажут, где кулаки прячут хлеб от голодных.

И Ленин подготовил декрет о том, что кулаки обязаны весь лишний хлеб сдавать комбедам и продовольственным рабочим отрядам.

Совнарком декрет утвердил. Так в первые годы революции Ленин и Советская власть спасали от голода рабочий народ.

НАШЕСТВИЕ

На берегу Баренцева моря, за Полярным кругом, в 1915 году поднялся город Мурманск. Самый молодой в те времена. Небольшой, а важный наш порт на Северном морском пути.

Однажды, весной 1918 года, на рассвете, когда серый туман клубился над морем, бесшумно возникли из тумана черные очертания военного судна. Чужой флаг, обвисший от сырости, надвигался на Мурманск. Целились дула орудий. Английский крейсер вошел в Мурманский порт.

Вскоре, так же внезапно, появился еще крейсер, стал рядом. Французский. За ним американский.

На советский берег высадились чужие войска.

Их прислала Антанта. Антантой назывался тогда военный союз Англии, Франции и Америки. Союз капиталистов, буржуазных правительств. Антанта хотела свергнуть в России революционную Советскую власть. Антанта боялась, как бы рабочие других государств не задумали по примеру русских сделать у себя революцию.

Грозная весна 1918 года! Грозное лето!

В разгаре лета целая эскадра Антанты вступила в Белое море.

Спешит, торопится к Белому морю суровая Северная Двина.

Верстах в полсотне от устья, вдоль забитой плотами и судами многоводной реки, вытянулся узкий город с деревянными тротуарами, верфями, лесопильными заводами, складами леса. Бескрайняя мшистая тундра подошла к городу с другой стороны. Наш военный и торговый порт, наша северная крепость - Архангельск.

Антанта захватила Архангельск. Белогвардейцы с ликованием встретили наступление Антанты. Одна мечта была у белогвардейцев: свалить Советскую власть. В Архангельске поднялся белогвардейский мятеж. Сотни рабочих, красноармейцев, советских матросов пали в неравном бою.

И ожили притаившиеся торговцы, буржуи. Царские офицеры снова нацепили золотые погоны. Затрезвонили колокола: в церквах кадили ладаном, служили молебны попы.

Контрреволюция наступала на Севере.

Контрреволюция бушевала на Дальнем Востоке. В Сибири. На Урале. Подступала к Поволжью. Вражеские крейсера высадили войска во Владивостокском порту.

В сибирских деревнях бунтовали кулаки. Громили комитеты бедноты, нещадно казнили коммунистов. Рекой лилась кровь.

Кровь лилась в донских и кубанских городах и станицах. Белые генералы захватили Дон и Кубань. На Украине хозяйничали немцы.

Все теснее сжималось вражеское кольцо вокруг Советской России.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло, только слабо желтела полоска зари.

Владимир Ильич вышел из своей квартиры в Кремле. Всего несколько шагов отделяло квартиру от рабочего кабинета Предсовнаркома. Ближе, чем в Смольном.

В конце коридора, у входа в кабинет, стоял часовой.

- Здравствуйте! - приветливо сказал Владимир Ильич.

Возможно, это было не совсем по уставу, но Владимир Ильич всегда приветствовал часовых. Часовой вытянулся при виде Ленина и с удивлением подумал: "Когда же он спит?"

Совсем недавно, почти на рассвете, Председатель Совнаркома ушел с работы домой. Солнце не поднялось, Ленин опять на работу. Часового даже не успели сменить. "Ведь эдак и с ног, того гляди, свалится", - в беспокойстве подумал о Владимире Ильиче часовой.

Большая карта России висела в кабинете, в простенке между окнами.

Владимир Ильич долго стоял у карты, заложив руки за спину, вглядываясь в линии фронта. Владимир Ильич знал все города и пункты, где сейчас шли бои. Знал командиров и комиссаров. Многих по именам и в лицо. Старался узнать характеры, подготовку, способности. От характеров и способностей командиров зависело, как пойдут наши дела на фронтах.

Много талантливых полководцев поднялось из народа, когда на советские земли ворвались враги.

Василий Иванович Чапаев! Настоящий народный герой. Об отваге и военной смекалке Чапаева уже ходили легенды. И Клима Ворошилова имя славным становилось в народе.

Скоро запоется по всей стране боевая, зовущая песня:

Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить за СССР...

И с великим уважением, с великим доверием Ленин подумал о Фрунзе. В декабре 1905 года большевик Михаил Васильевич Фрунзе привел отряд иваново-вознесенских рабочих на помощь восставшей Пресне в Москве, а теперь командовал армией на очень тяжелом участке.

Владимир Ильич мысленно обошел все фронты. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Лазо, Котовский, Щорс, Тухачевский...

Северный фронт. Южный. Восточный.

На востоке Сибирь, Урал, Волга. На востоке хлеб.

С помощью Антанты белогвардейцы и кулачье захватили восточные хлебные области. Задушить голодом рабоче-крестьянское государство - вот к чему стремилась Антанта.

"На Восточный фронт и надо направить главный удар Красной Армии, - обдумывал Владимир Ильич. - Прогнать из Поволжья и Сибири белогвардейцев, сломить кулачье".

Владимир Ильич сел за стол и снова внимательно прочитал вчерашние донесения с фронтов. Вчера с Дзержинским, Свердловым, Чичериным и другими товарищами до поздней ночи обсуждали положение на фронтах. Решения приняты. Теперь нужно было написать ответы командирам, распоряжения и приказы на фронт. Владимир Ильич работал, пока желтизна зари посветлела и рассеялась в небе, выкатилось из-за крыш домов летнее солнце и Лидия Александровна Фотиева, постучав в дверь, сообщила, что явились посетители. Владимир Ильич взглянул на часы. Посетители явились, как назначено, в срок. "Сразу видно, военные", - заметил Владимир Ильич. Вложил в папку бумаги и письма. Передал Фотиевой.

- Прошу вас, срочно!

И провел рукой по лицу, чтоб не видели, как встревожен.

Вошли военные. Это были красные командиры, хорошо известные Ленину. И один бывший генерал царской армии.

- Ну, докладывайте наш план наступления, - обратился к нему Владимир Ильич.

Удивительно: Владимир Ильич советовался с царским генералом! Ведь Ленин подписал декрет о том, что служба в Красной Армии - честь. Что эта честь дается беднякам, рабочим, всем трудящимся и их сыновьям. Что кулацких и дворянских сынков нельзя пускать в Красную Армию. Что командирами и военными в Красную Армию нужно посылать коммунистов.

И вдруг царский генерал! Может ли быть? Но это был опытный, образованный генерал, превосходно знающий военное дело. Он был честный. Душа его оскорбилась нашествием на Россию Антанты. И он поверил делу Ленина. Таких знающих и честных военных специалистов, которые верили нашему делу, Ленин звал помогать Красной Армии.

Генерал водил длинной указкой по карте и докладывал Владимиру Ильичу план наступления.

- Да, да, - кивал Владимир Ильич.

Владимир Ильич соглашался. Владимир Ильич одобрял суждения генерала, потому что вчера, позавчера, один и с товарищами, и сегодня на заре обдумывал и взвешивал такой именно план. И сейчас себя проверял.

- Красивая должна получиться операция, - заключил генерал, удовлетворенно опуская указку.

- Красивая или нет, не имеет значения, - сказал Владимир Ильич. - Важно победить... Ваше мнение, товарищи! - обратился он к красным командирам.

Они долго и тщательно обсуждали все подробности наступления.

И решение было общим и твердым.

- Трудное положение, - сказал Владимир Ильич. - Но Красная Армия должна победить.

ТРИ ПОДЛЫЕ ПУЛИ

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной завтракали в кухне. У них была и столовая, в их небольшой кремлевской квартирке. Но там они собирались, когда кто-нибудь зайдет выпить чаю и поговорить о делах. А одни, когда чужих нет, обходились незатейливым столиком в кухне. Просто. Рядом плита. Протяни руку - чайник горячий.

Была пятница. В Москве был введен порядок, что по пятницам члены ЦК и

народные комиссары выступали на рабочих собраниях. Владимиру Ильичу Московский комитет партии прислал заранее путевку.

Вдруг из Петрограда телеграмма. Правительственный телеграф в коридоре Совнаркома работал круглые сутки, так что телеграмму Владимиру Ильичу доставили в ту же минуту.

Из Петрограда сообщали, что убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией товарищ Урицкий. Через некоторое время из Московского комитета телефонный звонок:

- Товарищ Владимир Ильич, ЦК не советует сегодня вам выступать.
- Что еще за новости? - нахмурился Владимир Ильич.
- Опасно, товарищ Ленин. Обнаглела контрреволюция.
- Э, батеньки мои, волков бояться - в лес не ходить.

И повесил телефонную трубку.

Надежда Константиновна переглянулась с Марией Ильиничной.

- Володя, не ездь сегодня. Поберегись, пожалуйста!

- Там поглядим, - уклончиво ответил Владимир Ильич и заторопился в свой рабочий кабинет.

Урицкий убит. Еще раньше был убит другой видный большевик, Володарский. Контрреволюция выслеживала членов Центрального Комитета и правительства.

Но разве мог Владимир Ильич не ехать к рабочим? Рабочие ждут.

В назначенный час пришла машина. Шофер Степан Казимирович Гиль всегда возил Ленина и сегодня повез. Сегодня у Владимира Ильича было два выступления в разных районах. А вечером заседание Совнаркома.

- Перед рабочими выступлю, успею и на Совнарком, - сказал Владимир Ильич.

Гиль только головой покачал:

- И откуда у вас силушки берутся, Владимир Ильич?

Он привез Ленина на Большую Серпуховскую улицу, на бывший завод Михельсона. Владимир Ильич бывал здесь и раньше.

Рабочие собрались в гранатном цехе, большом деревянном, недавно построенном здании. Люди сидели, стояли у станков и в проходах. Лица были строгие. Строгое внимание в глазах.

Ленин говорил о гражданской войне. О борьбе с белогвардейскими бандами.

А рабочие этого цеха готовили против белогвардейцев гранаты. Надо будет, и воевать пойдут.

Ленин видел: нет, ни за что рабочие не уступят свои заводы, свою власть буржуйам.

Вот откуда, товарищ Гиль, силушки наши берутся. Рабочий класс, как аккумулятор, заряжает энергией.

...Митинг окончился. Окруженный рабочими, Ленин вышел из цеха. Гиль мигом завел машину, поставил на скорость. Шофер Гиль был осторожен. Вон какая уйма народу! Непокойное время. Шофер Гиль знал про убийство Урицкого. Уж садился бы скорее в машину Владимир Ильич... Его не отпускали. Вопросы сыпались со всех сторон... Помолодевший, живой, Владимир Ильич говорил, говорил с рабочими. Вдруг... Что это? Выстрел? Владимир Ильич не сразу понял. Толкнуло в левую руку. Он покачнулся. Еще выстрел. Резкая боль рванула шею. Владимир Ильич начал валиться на бок. Третья пуля чиркнула по пальто на спине.

Ленин упал.

- Ленина убили! - отчаянно закричали в толпе.

Узколицая женщина, с темным взглядом, бросила на землю браунинг, кинулась со двора. Люди побежали ловить контрреволюционерку-убийцу.

- Владимир Ильич! - звал Гиль. - Товарищ Ленин!
- Домой, - белыми губами выговорил Владимир Ильич.
Рабочие подняли его, помогли сесть в машину. Мертвая тишина наступила в толпе. Кажется, всем слышно было прерывистое дыхание Ленина.
Гиль на полной скорости мчал машину к Кремлю.
- Владимир Ильич, мы вас внесем, - просил Гиль, когда подъехали к дому.
Владимир Ильич не хотел. Мучила боль, рубашка взмокла от крови. Но пошел сам, опираясь на Гиля и провожавших рабочих. Медленно, медленно, молча. На третий этаж. Какая длинная трудная лестница! Крутые ступени...
В ужасе бежала навстречу Мария Ильинична:
- Володя! Володя!
- Немного ранен... пройдет, - с трудом сказал Владимир Ильич. - Успокойся, Маняша. Не пугайте Надю.
Надежды Константиновны не было дома. Она была на работе.
А в Совнаркоме все собрались. Ведь Владимир Ильич назначил заседание на девять часов. Все знали - Ленин требовал точности. Первый раз, единственный раз Председатель Совнаркома опаздывал...
Осторожно подвели Ленина к постели, покрытой клетчатым пледом. Надежда Константиновна берегла этот плед... Владимира Ильича положили. Он слабел. Желтизна поползла по лицу.
Двери в квартиру были распахнуты. В смятении и страхе толпились товарищи.
Приехали врачи.
- Что? - спрашивали с надеждой товарищи. - Не тяжело ранен Владимир Ильич? Не очень опасно?
Тяжело ранен. Очень опасно...
Томительно тянулись минуты. Вот вернулась с работы Надежда Константиновна. Отчего открыты двери? Отчего так много в доме людей?
Кто-то бережно погладил ее по плечу. Она поняла. Спросила:
- Жив?
Стон донесся из комнаты Ленина. Она выпрямилась, подтянулась и с сухими глазами, без слез, вошла к Владимиру Ильичу. Он увидел ее, улыбнулся через силу:
- Ничего, Надя, с революционером это всегда может случиться. Пустяковая рана, поправлюсь...
И закрыл глаза. У него падал пульс. Ему было хуже и хуже.
Неужели Ленин умрет?

В ЭТИ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

В коридоре Совнаркома стрекотали телеграфные аппараты: та-та, та-та, та-та... Передача - прием, передача - прием... Один телеграфист в солдатской шинели принял бегущую ленту. Вчитался. С какой-то особой поспешностью расшифровал и бегом понес в конец коридора, на квартиру Ленина.

Дверь открыла Надежда Константиновна. Он протянул телеграмму.
- Скорей передайте Владимиру Ильичу, - сказала она.
"Володе будет приятно, что именно этот солдат принес такое известие", - подумала Надежда Константиновна.

Они его знали со Смольного. В Октябрьские дни Советскому правительству понадобились свои верные телеграфисты. Солдат выучился телеграфному делу. Из Петрограда с правительством переехал в Москву.

- Несите, - торопила Надежда Константиновна, и телеграфист, обрадованный таким поручением, вошел в маленькую комнату.

Там стояла узкая кровать, покрытая клетчатым пледом. Рядом с кроватью у окна письменный стол. Владимир Ильич читал за столом. Левая рука его висела на перевязи. Он похудел и осунулся, а в остальном был прежним. Так же остры глаза, так же быстры движения.

Телеграмму прислали бойцы Красной Армии.

"Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города - это ответ на Вашу одну рану, а за вторую - будет Самара!"

- Ну молодцы! - воскликнул Владимир Ильич. - Ну, спасибо, спасибо! - растроганно повторял он. И снова перечитывал вслух телеграмму: - "Взятие Вашего родного города..." Наши взяли Симбирск, слышите, товарищ телеграфист? Замечательная победа, слышишь, Надюша?

Владимир Ильич тут же написал ответную телеграмму. Поздравлял красноармейцев с победой, благодарил. Писал, что взятие Симбирска - самая целебная на его раны повязка.

- Нет лучше для меня лекарства, чем эта весть! Теперь живо пойдет на поправку, - сказал Владимир Ильич.

И верно, через несколько дней в "Правде" был напечатан врачебный бюллетень о том, что здоровье Владимира Ильича поправилось.

Врачи позволили Ленину вернуться к работе.

Времена наступали тяжелые. Антанта поняла, что с Красной Армией шутки плохи, и двинула на нас еще больше сил. Четырнадцать государств вторглись на советские земли. Белогвардейцы и кулаки хлебом-солью встречали чужие войска. Вступали под чужое командование. Белогвардейские составляли полки. И шли на Советскую власть. Страна наша стала осажденной крепостью.

- В осажденной крепости вся жизнь должна идти по-военному, - сказал Ленин.

Постоянно к Ленину приезжали военные специалисты и красные командиры докладывать о положении на фронтах и советоваться.

Ленин сказал:

- Во время гражданской войны нужны особенные порядки.

И предложил ввести всеобщую трудовую повинность. Советские люди все-все-все должны работать на заводах и фабриках, в учреждениях, на полях, на железных дорогах. Помогайте Красной Армии, советские люди!

Красной Армии нужно оружие. Товарищи рабочие, изготавливайте оружие. Больше оружия!

Красную Армию нужно обувать, одевать. Товарищи рабочие, больше шейте сапог, гимнастеров, шинелей.

Фабрики не успевали шить сколько надо. Не хватало кожи для сапог. Не хватало материи. Как быть? Как одеть народ и Красную Армию?

Правительство и партия объявили сбор у населения теплых вещей. Люди несли на сборные пункты полушубки, фуфайки, шерстяные шарфы и носки.

А буржуи не хотели расставаться со своими богатствами. Красная Армия была буржуям чужой. Им не жалко красноармейцев, не жалко детишек. Пусть мерзнут.

- Надо отобрать у буржуазии лишние теплые вещи. Хватит им по одному пальто, - сказал Ленин Дзержинскому. - Трудящиеся последнее отдают. И богатые пусть поделятся.

Дзержинский был председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, или, как тогда называли, ЧК. Дзержинский послал

чекистов в дома богачей. Собирали чекисты одежду и обувь. Потом раздетым, разутым рабочим по ордерам раздавали без денег. И Красной Армии посылали на фронт.

Но голод был самой страшной бедой. Давно продукты в городах выдавали по карточкам. Помалу, впроголодь.

Советское правительство издало новый строжайший закон. Назывался новый закон продразверсткой. Это значит, крестьяне обязаны были весь лишний хлеб и продукты сдавать государству. Муку, крупу, мясо, масло, картофель - все отдавали для Красной Армии, для рабочих и служащих. Тяжело крестьянам, но другого выхода не было.

Такой порядок, когда в Советской стране была продразверстка и всеобщая трудовая повинность, когда весь народ работал для фронта, когда продукты распределялись по карточкам, а одежду выдавали по ордерам, потому что продуктов и одежды было так мало, когда полуразрушенный транспорт был занят перевозкой орудий и войск для защиты страны и ехать в поезде можно было только по пропуску, - такой порядок Ленин называл военным коммунизмом.

Трудные годы!

Счастье, что в эти трудные годы был у нас Ленин.

СЛУЧАЙ В СОКОЛЬНИКАХ

Во время болезни Владимира Ильича, когда несколько дней он был при смерти, Надежда Константиновна скрывала страх и тоску, держалась как каменная, стойкости ее все удивлялись.

А когда Владимир Ильич поднялся, сама заболела. Да сильно! От душевного потрясения вспыхнула старая болезнь. Ныло сердце, не могла ходить, не спала, задыхалась. Врачи сказали, только чистый воздух может помочь.

Санаториев в ту тяжелую пору было у нас очень мало. Но для слабых детей в Сокольниках под Москвой открыли Лесную школу. Стояла школа посреди парка, воздуха чистого - океан!

Надежду Константиновну уговорили здесь пожить.

Когда Ленин приехал поглядеть Лесную школу, где придется Надежде Константиновне жить, навстречу выбежала ватага ребят. Впереди, задрвав хвост крючком, неслась собачонка.

- А позвольте познакомиться, как вас зовут? - спросил Владимир Ильич.

- Ее Бобкой зовут! - в восторге закричали ребята.

- Господин Бобчинский, - сказал Владимир Ильич.

И протянул Бобке руку, а она лапку дала. Ну уж тут ребята вовсе пришли в восхищение. Не знали, чем еще Владимира Ильича удивить. Другую свою любимицу, кошку Муську, притащили показывать. И Ленин решил, что Надежде Константиновне хорошо будет среди этой веселой и живой ребятни. Проводил Надежду Константиновну в Лесную школу. Страшно занят был Ленин. Каждый день до поздней ночи занят был решением государственных дел. Все в государстве строилось заново, а ведь Ленин был главой государства.

А вечером все-таки выберет час, скажет Гилю:

- Поедем навестим Надежду Константиновну, а?

Настала зима. Навалило снега. Москву замело, занесло. Ломовики не успевали вывозить из города снег, так и стояли сугробы по улицам, вышиной чуть не в два этажа.

В один такой снежный январский день 1919 года в Лесной школе была назначена елка. Владимир Ильич обещал приехать на елку. Собрались под вечер с Марией Ильиничной, взяли для Надежды Константиновны бидончик молока и поехали.

Машину, как всегда, вел шофер Гиль. Да еще поехал товарищ из охраны, Чебанов.

Был воскресный день, народу на улицах множество. Заваленные сугробами улицы были узки, словно траншеи, в иных местах не проедешь. Но шофер Гиль ловко маневрировал между людьми и горами снега, машина шла без задержки.

Вдруг, при въезде в Сокольники, у железнодорожного моста, где не видно было людей, трое человек загородили дорогу:

- Стой. Будем стрелять!

Гиль хотел проскочить, но Владимир Ильич велел остановиться. Владимир Ильич подумал, что это милиционеры. Время военное, милиционеры обязаны следить, кто выезжает на машине за город. А что не по форме одеты, так тогда милицейской формы еще не водилось.

Автомобиль стал. Трое здоровенных мужчин окружили машину. Распахнули дверцы. Нацелили револьверные дула:

- Вылезайте!

Все вышли.

- Я Ленин, - сказал Владимир Ильич.

Он все еще думал, что это милиционеры. Но что такое? В одну секунду двое приставили к вискам Владимира Ильича револьверы. Он чувствовал их холодную сталь. Третий, в папахе, с наглым лицом, живо обшарил карманы. Забрал кремлевский пропуск и маленький ленинский браунинг.

- Какое вы имеете право? - возмущенно воскликнула Мария Ильинична. - Показывайте ваши мандаты.

- Нам мандаты не требуются. У нас на все право есть.

И бандиты вскочили в автомобиль и погнали прочь, издали грозясь револьверами. Автомобиль скрылся из виду. Все это случилось так быстро, никто не успел и опомниться.

Несколько мгновений Владимир Ильич в негодовании молчал. Потом с упреком:

- Позор! Сколько нас народу, дали машину угнать.

- Владимир Ильич! Я в них оттого не стрелял, что боялся, вас не убили бы? - горячо сказал Гиль.

- Да, пожалуй, бессмысленно было лезть в драку, силы уж очень неравные, - согласился Владимир Ильич.

Кинул на товарища Чебанова взгляд и расхохотался. Да как! Заразительно, как только он умел хохотать. Невольно и Мария Ильинична с Гилем рассмеялись. Один Чебанов без смеха стоял... держал в руке бидон с молоком.

- Единственно, что спасли от грабителей! - смеясь, воскликнул Владимир Ильич.

Чебанов прямо-таки онемел от стыда. А Владимир Ильич не унимался:

- Спасибо, хоть молоко сберегли. И бидон как-никак тоже необходимая вещь.

И, подшучивая над чекистом Чебановым, который с каким-то ошарашенным видом одной рукой щупал в кармане оружие, а в другой нес злополучный бидон, все пошли в Сокольнический райсовет, недалеко от железнодорожного моста. В райсовете Владимиру Ильичу раздобыли машину и повезли его с Марией Ильиничной в Лесную школу. И тут же сообщили о нападении Дзержинскому. Получив приказ, чекисты рассыпались по Москве в погоне за грабителями. И скоро поймали.

Надежда Константиновна бродила как тень от окна к окну. Вглядывалась в зимний сад, утонувший в глубоком снегу. Отчего опаздывает Владимир Ильич? Неужто снова беда?

Тревога передалась ребятам. Охватила всю школу. Медленно-медленно двигалась стрелка часов.

Наконец чей-то счастливый голос разнесся по дому:

- Приехали!

И Владимир Ильич вбежал со двора. Пальто нараспашку, борода и брови заиндевели, щеки разрумянились.

- Дед Мороз! - закричали ребята. Облепили, повисли.

- Здравствуй, милый, хороший Дед Мороз, ты нам праздник привез!

Насилу Владимир Ильич сквозь ребячью толпу добрался до Надежды Константиновны. Сначала не хотел о бандитах рассказывать, но она вглядывалась в него с таким беспокойством, сердцем чуяла что-то неладное.

- Пустяки, Надюша, сущие пустяки.

Она побледнела, услышав про грабителей. Ничего не сказала. Только тихо:

- Спасибо, обошлось.

И началось веселье. Красавица елка, убранная самодельными флажками, золоченой звездой и игрушками, высилась до потолка в школьном зале. Чудесно пахло зимним лесом и хвоей. Ребята повели хоровод вокруг елки. И Владимир Ильич пошел в хороводе. Ребята пели, и Владимир Ильич пел. Затеяли игру в кошки-мышки. В жмурки играли. В прятки играли. Веселились до упаду. Вот был праздник так праздник!

А Надежда Константиновна, которая одна знала, что два часа назад Владимир Ильич стоял под дулами бандитских револьверов, от смерти на шаг, глядела на него, любовалась и думала с гордостью: "Ты бесстрашный человек. Оттого и веселый".

ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ

Снова поезд шел из Петрограда в Москву. Снова в поезде Владимир Ильич. И сестра Анна Ильинична. Был март 1919 года. Ночь. Тусклым светом горела керосиновая лампочка. Вагон шатало. Тоскливо стучали колеса.

Анна Ильинична съежилась в уголке, сгорбила плечи. Они ездили хоронить Марка Тимофеевича, мужа Анны Ильиничны.

Новая напасть навалилась на нашу страну. Смертоносная болезнь ходила по городам и селам, железным дорогам и станциям - всюду, куда заползала сыпнотифозная вошь. Люди умирали от сыпного тифа. Больниц было мало, докторов мало, лекарств мало.

Марк Тимофеевич Елизаров приехал в Петроград в командировку и умер от тифа-сыпняка в несколько дней. К двум родным могилам под белостволой березой на Волковом кладбище прибавилась третья. Анна Ильинична горбила плечи, куталась в шаль. Владимир Ильич ласково провел ладонью по ее сидящим уже волосам.

...Много светлых и горестных лет связано с Марком. В юности Марк был

товарищем Саши. Сашу казнили. Марк вошел в их семью. Умный, душевный, он стал близок и нужен всем в доме, родной человек!

- Он и революции очень был нужен, настоящий был коммунист! - сказал Владимир Ильич.

Анна Ильинична оцепенела от горя, но повторила с любовью и гордостью:

- Марк настоящий был коммунист.

Поезд мчался сквозь темную ночь. Черным забором тянулся вдоль полотна железной дороги не одетый мартовский лес. Соломенные деревни летели навстречу. Глухо и немо высились фабричные трубы. Не дымя. Все меньше работало заводов и фабрик. Сырья не хватало. Топлива нет. Фабрики останавливались. Разруха.

"Тяжко, особенно тяжело в такое суровое время терять верных друзей", - думал Владимир Ильич.

А в Москве ждало новое горе. Председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова свалила испанка. Откуда-то, из Испании, принеслась небывалая болезнь, налетела как вихрь. Без пощады сжигала, тысячами косила людей. Тысячами косил сыпной тиф. Голод, гражданская война. Бедствия, бедствия. В заграничных газетах злорадно писали: Советской власти скоро конец.

Владимир Ильич стиснул ладонями голову. Трудно.

Выжил бы только Свердлов! Как они работали вместе!

"Надо, Яков Михайлович, сделать..." - скажет о чем-нибудь Владимир Ильич.

В ответ спокойно:

"Уже".

"Что уже?"

"Сделано, Владимир Ильич".

"Когда вы успели, Яков Михайлович? Мы с вами почти и не говорили об этом".

"Почти..." - смеется Свердлов.

Он понимал с полуслова. Ленин любил деловитость Свердлова, революционность, государственный ум.

Врачи не пускали Владимира Ильича навестить больного. Испанка - прилипчивая болезнь.

Владимир Ильич не послушал. Пришел к товарищу. И ужаснулся.

Неужели это Свердлов? Этот истаявший человек на белых подушках, недвижимый, с заострившимся носом. Борода отросла, лицо казалось старым, чужим. Глаза провалились. Он был без памяти.

Владимир Ильич сел у кровати. "Товарищ, надежный, талантливый, не уходи!" - думал Владимир Ильич.

Образ его, молодого и здорового - ведь всего тридцать три года было Свердлову! - стоял в памяти Ленина. Всегда энергичный, находчивый. Владимир Ильич представить даже не мог, чтобы Свердлов убоился самой страшной опасности. А как хорошо умел он говорить с народом, вдохновенно звать к революционной работе!

Ресницы дрогнули, Свердлов открыл глаза. Издалека, в полусознании глядел он на Ленина. Узнавал. Улыбка, какая-то жалобная и страдальческая, тронула губы. Владимир Ильич взял его плоскую, как щепка, руку. Пожал.

И, низко опустив голову, вышел. Через несколько минут Свердлова не стало. Очнулся на миг из забытья перед кончиной, словно затем, чтобы увидеть Ленина. Сказал взглядом: прощай. И ушел навсегда. Никогда не забудет Владимир Ильич о своем неутомимом помощнике самых первых, тяжелых месяцев жизни и строительства советского общества.

...Жизнь продолжалась. Надо оборонять, укреплять советское общество.

На место Свердлова Ленин предложил Председателем ВЦИК Михаила

Ивановича Калинина.

Калинин - крестьянский сын из Тверской губернии, рабочий питерских заводов. Ленин знал, кого выдвигать. Михаил Иванович Калинин был хороший коммунист и человек хороший и умный: люди любили его.

"Я, СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА..."

Больше миллиона отлично вооруженных белогвардейцев и интервентов подступали к сердцу России - Москве. Шесть вражеских фронтов железным кольцом окружали нашу Советскую Родину. Никогда не было так зловеще и грозно.

В один майский день Москва охвачена была необычайным движением. С рассвета тревожно толпились женщины у ворот заводов и фабрик. Ждали чего-то. Ребятишки цеплялись за материнские юбки. Московские дети рабочих окраин, с бумажно-белыми личиками, голодным блеском в глазах. Распахивались заводские ворота. Рабочие, кто в шинелях, кто в ватных куртках, кто в чем, с вещевыми мешками и винтовками на плечах, выходили из заводского двора.

- Равняйся! - летела команда.

Красноармейцы равнялись. Совсем недавно они прошли наскоро красноармейскую науку. Равнение не очень складно у них получалось. Зато научились стрелять.

- На Красную площадь шагом марш! - слышно было команду.

Из всех районов и заводов Москвы шагали, шагали к кремлевским стенам отряды. Женщины, в белых и красных косынках, с узелками шли по бокам. Спотыкались, спешили, заглядывали в лица бойцов, совали узелки.

Черная от горя, старая мать криком кричала:

- Ва-а-ся, сыночек! Господи, сохрани сыночка родимого от пули буржуйской...

Красноармеец хмурился, не знал, куда деться от стыда.

- Позоришь меня перед народом, мамаша. Бога вспомнила! Где твое пролетарское сознание?

И, словно в поддержку, озорно взвилась лихая комсомольская песня, сложенная рабочим поэтом:

Долой, долой монахов!
Долой, долой попов!
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.

Босоногие ребятишки шныряли между красноармейскими отрядами, взхлеб хвалились друг перед дружкой:

- У нашего тятеньки во винтовка!

- Эка невидаль, винтовка! У моего-то лента пулеметная. Как из пулемета по буржуям пальнет!

- А мой папанька, гляньте, гранатами весь пояс увешал. Погодь, наши заводские белым гадам покажут...

"Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии..."

Какие гордые, большие слова! Сердце бьется сильнее от этих слов. Так гулко и жарко билось сердце у Ленина, когда год назад Председатель Совнаркома сам принимал присягу на верную службу Советскому государству. Это было на заводе Михельсона. Вместе с молодыми рабочими, бойцами красногвардейских отрядов, говорил Ленин клятву: "Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики".

Владимир Ильич шел с товарищами на Красную площадь.

Красная площадь была запружена людьми. Качалась, шумела строгим, сдержанным шумом. Владимир Ильич увидел лес вскинутых кверху штыков. Жестко и остро сверкала на солнце сталь. Женщины не отходили от сыновей и мужей.

Владимир Ильич видел: многие красноармейцы обнимали жен, прощались. Целовали детишек.

На Красной площади собрались красноармейские отряды и отряды всевобуча.

Что такое всевобуч? Ленин подписал в прошлом году декрет Совнаркома о том, что все рабочие и трудящиеся должны обучаться военному делу. Родина в опасности. Рабочие, все-все, учитесь стрелять, готовьтесь оборонять Советскую Родину!

Трибуны не было. Стоял старенький грузовик, забрызганный грязью. Один борт обтянули кумачом. Укрепили у борта доску на шесте. На доске крупными буквами лозунг: "Разобьем злодейскую банду помещиков и капиталистов!"

Владимир Ильич с командирами Красной Армии обошел войска и по приставленной лесенке поднялся на грузовик.

Перед глазами раскинулось море людей. Тысячи рабочих с винтовками.

У каждого печали и радости, надежды, любовь. Каждый по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства оставил все и уходил на гражданскую войну против белых.

Владимир Ильич заговорил.

Стало тихо на площади.

Ленин говорил о том, что раньше солдат учили защищать царя и буржуев. А теперь красноармейцы себя защищают, свои дома и детей. От помещиков и буржуев защищают свое государство. Ленин говорил душевно и просто. Как раз о том, о чем думали тысячи красноармейцев возле кремлевской стены. Думали красноармейские жены. Жены не плакали. Лишь туже стягивали ситцевые кофтенки у горла. Да бледнели лицом. И старая Васина мать не кричала больше.

После митинга красноармейские отряды прямо с Красной площади пошли на вокзалы. И поезда повезли красноармейцев на фронт.

Ленин стоял на грузовике. Смотрел вслед уходящим. Сверкали на солнце штыки.

"Я, сын трудового народа..." - торжественно повторялась в душе Владимира Ильича красноармейская клятва.

КАЗЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Сотрудников в Совнаркоме было немного. Вдоволь каждому хватало работы. Но дело свое каждый любил, работали с радостью.

Владимир Ильич уважал небольшой коллектив совнаркомовских работников.

- Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан, - шутил Владимир Ильич.

Служащим нравилась его пословица.

- Мы маленькая рыбка, - смеялись они.

- Да удаленькая, - хвалил Владимир Ильич.

На заседание Совнаркома Ленин пришел за пять минут до начала. Он всегда приходил заранее. Кипа разных сообщений и телеграмм ожидала его. Пока собирались наркомы, усаживались за длинный стол, покрытый зеленым сукном, Ленин кое-что прочитал. Часть бумаг отложил. Другие подписал. Некоторые вернул секретарю. И объявил заседание Совнаркома открытым.

Опоздавших не было. Все точно пришли к началу. Никому не хочется попадать в протокол. Или, хуже того, схватить выговор. Ленин за опоздания не миловал.

- Начинаем, - сказал Владимир Ильич.

Один товарищ стал сообщать, как обстоят дела с продовольствием. Он был членом продовольственной комиссии. У продовольственной комиссии все продуктовые запасы были безошибочно подсчитаны, до фунтика учтены, до полуфунта! Товарищ сообщил, по скольку можно в этом месяце выдавать трудящимся хлеба, соли и масла.

Скучно получалось. Детям побольше. Но все равно скупо.

- Стариков одиноких не забудьте, - вставил Владимир Ильич.

Докладчик продолжал сообщение. Владимир Ильич, чуть склонив голову, слушал, чертил на листе квадратики и косые линейки.

Видно, туго, очень туго у нас с продуктовыми запасами, если докладчик на предложение Председателя Совнаркома ничего не ответил.

- Одиноких стариков нельзя забывать, - снова вставил Владимир Ильич. - Кто о них позаботится, если не Советская власть? Да, да! Мы бедны, но извольте найти выход, - и вопросительно взглянул в сторону наркома продовольствия: что скажет Александр Дмитриевич?

Александра Дмитриевича Цюрупу Ленин знал давно, с той поры, когда вернулся из ссылки. Владимиру Ильичу тогда Цюрупа сразу очень понравился. Веселый. Голубоглазый, с копной вьющихся светлых волос.

Но, конечно, не во внешности дело: Александр Дмитриевич Цюрупа был замечательным революционером - вот в чем суть. И самоотверженным работником был, превосходным наркомом! С такими наркомами хорошо Ленину было работать.

Но что с ним? Ленин сдвинул брови, внимательно взгляделся в Цюрупу. Как исхудал! Ни кровинки в лице. Под глазами черные ямы.

"От голода. Изголодался Цюрупа!" - понял Владимир Ильич.

Вырвал из блокнота листок и, продолжая слушать докладчика, написал строгую записку Цюрупе, что надо заботиться о казенном имуществе, надо беречь, нельзя так запускать, неразумно.

Цюрупа прочитал, улыбнулся. Казенным имуществом Владимир Ильич называл здоровье особенно много работающих для государства людей. Цюрупа хотел ответить Владимиру Ильичу, что не один он голоден, все не досыта едят, как-нибудь дотянем до хороших времен, тогда уж наедемся.

Но товарищ из продовольственной комиссии кончил докладывать, и Цюрупа не стал писать ответную записку Владимиру Ильичу, а протянул руку, прося слово. Слишком важный обсуждался вопрос. Цюрупа должен высказать свои советы и мысли. Встал. И вдруг пошатнулся и рухнул без сознания на пол. Ленин вскочил, подбежал:

- Александр Дмитриевич, голубчик, что с вами?

Цюрупа лежал на спине, раскинув руки, с мертвенно-серым лицом. Его окружили. Кто-то вызвал по телефону врача.

- Воды, скорее воды!

Кто-то обрызгал из графина Цюрупе лицо. Он пошевелился. Глубокий вздох поднял грудь. Он приходил в себя. Его посадили на стул. Он вытер платком

лицо, вид у него был виноватый, смущенный.

- Наделал хлопот, сорвал заседание!

- Нарком продовольствия падает от голода в обморок, - покачал головой Владимир Ильич. - Тяжело мы живем. А все-таки казенное имущество необходимо беречь, - сказал он Цюрупе. - Товарищи, сие казенное имущество уж очень в плохое пришло состояние. Предлагаю немедленно отправить в капитальный ремонт.

"ДЕНЬ НАСТАЛ ВЕСПЛЫЙ МАЯ..."

Владимир Ильич поднялся рано и тихонько, чтобы не разбудить Надежду Константиновну с Марией Ильиничной, прошел в кухню. Костюм сегодня на нем был надет затрапезный, штiblеты поношенные. И галстук не повязан.

На кухне вовсю кипел чайник, в кастрюльке дышала горячим паром картошка. Хозяйство Ульяновых в кремлевской квартире вела Саня, двоюродная сестра рабочего Ивана Васильевича Бабушкина, которого царские жандармы расстреляли в 1906 году.

- Владимир Ильич, неужто и вправду собрались? - удивилась Саня.

- А это что? - спросил Владимир Ильич с лукавыми огоньками в глазах.

Показал чайник на плите и кастрюлю. - Это что? Кто завтрак мне пораньше приготовил сегодня? Спасибо, Саня. Садитесь, вместе позавтракаем.

И с аппетитом принялся завтракать, а Саня, наливая в стакан ему крепкого чаю, все дивилась:

- Вроде дело-то не по вас, Владимир Ильич. Ваша забота умом раскидывать.

- А если Советскому государству надо, чтобы и руками денек поработать? - весело улыбнулся Владимир Ильич.

Живо покончил с завтраком и вышел из дому. Утро было свежее, чистое. Легкий ветерок шевелил ярко-зеленые листья деревьев. Белые облачка бродили в голубом небе.

В Кремле было не по-обычному оживленно и людно. На обширной кремлевской площади строились отряды курсантов - они жили и учились в Кремле. Были тут и сотрудники Совнаркома и ВЦИКа.

Было Первое мая.

Партия обратилась к народу с призывом организовать сегодня вместо праздничных демонстраций субботник.

Год назад рабочие Московско-Казанской железной дороги в субботу, после рабочего дня, не ушли домой. Остались в мастерских. Отремонтировали четыре паровоза и шестнадцать вагонов бесплатно. Ленин написал о первом рабочем субботнике статью под названием "Великий почин". Ленин назвал коммунистической эту бесплатную, по доброй воле, работу.

И вот в праздничный день Первого мая 1920 года был объявлен Всероссийский субботник. Во всех уголках нашей огромной России люди выходили на улицы или в цеха на заводах и сообща делали для общей пользы что-нибудь важное.

Кремлевские курсанты выстроились недалеко от казармы, у древней Царь-пушки. Бронзовая Царь-пушка стоит на чугунном лафете. Возле сложены чугунные ядра. Из Царь-пушки никогда не стреляли, старинные мастера-оружейники отлили ее всем на удивление, а врагам на страх. И поставили навечно в Кремле.

Курсанты выстроились, и начальник курсов объяснил, что надо делать. Очистить кремлевскую площадь от бревен, досок и всякого хлама. Привести Кремль в образцовый порядок.

- Есть привести Кремль в образцовый порядок! - согласно отозвались курсанты.

В это время подошел Владимир Ильич. Подошел своей быстрой походкой, в стареньком пиджаке и кепке, серьезный и весь в каком-то подъеме, с радостным блеском в глазах.

- Поступаю в ваше распоряжение, - вытянувшись по-военному, отрапортовал Владимир Ильич командиру. - Прошу принять меня в расчет для участия в субботнике.

- Займите место на правом фланге, - сказал командир.

Часы на кремлевской башне отзвонили время серебряным звоном. Грянули медные трубы оркестра.

- Приступите к работе! - раздалась команда. Повторилась по отрядам.

Весело приступили люди к работе. Музыка веселила, солнечный день. И что Ленин вместе с ними работает, очень было курсантам приятно.

Бревна были тяжелые. Таскали одно бревно шестером. Скоро курсанты заметили: Владимир Ильич все старается с толстого конца бревна захватить.

- Не годится так, - решили курсанты. - Надорвется Владимир Ильич.

- Товарищ Ленин, - сказал один, - не можем мы, товарищ Ленин, чтобы вы тяжести такие таскали!

- Вы же таскаете. А мне отчего нельзя? - возразил Владимир Ильич.

И спокойно к следующему бревну пошагал.

- Ступайте лучше, Владимир Ильич. Мы без вас здесь управимся, - попевая за ним, уговаривал курсант.

- Нет уж, нет уж, не выпроваживайте. Все равно не уйду.

- Да ведь вам пятьдесят годиков стукнуло, Владимир Ильич!

Выпалил такое курсант и смутился. Уж очень попросту они держатся с Лениным, будто с ровесником, своим братом, рабочим парнем.

Владимир Ильич обернулся, погрозил пальцем, смеясь:

- Если я вас старше, молодой человек, так извольте со мной не спорить.

Вспомнился Владимиру Ильичу другой май, когда они с Надеждой Константиновной были в Шушенской ссылке. Еще были там ссыльные - финн Оскар Энгберг и поляк Ян Проминский. Втайне от урядников соорудили они красный флажок и Первого мая собрались на лугу. Пели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!

И мечтали там, в ссылке, о будущем...

Вот оно, будущее. Народ свободный, трудится для себя. Красная Армия на фронтах перешла в наступление. Скоро разобьем интервентов и контрреволюцию, вышвырнем вон навсегда.

...Владимир Ильич вернулся с субботника в мокрой от пота рубашке. У одного штиблета оторвалась подошва.

- На тебя обуви не напасешься, - сказала Надежда Константиновна.

И пошла доставать Владимиру Ильичу свежее белье. А он, усталый и довольный, мылся в кухне под краном, отфыркивался, мотал головой, брызги летели в стороны.

Потом Надежда Константиновна приколола Владимиру Ильичу к пиджаку красную ленточку, и он поехал на Театральную площадь на закладку памятника

Карлу Марксу и сказал там революционную речь. И еще в этот день закладывали памятник "Освобожденному труду", Владимир Ильич и там речь говорил.

А вечером выступил на митингах в одном, втором, третьем районе. И поехал в рабочий дворец. В этот день Первого мая 1920 года в Москве открывался рабочий дворец.

Владимир Ильич радовался сегодняшней согласной работе на Всероссийском субботнике. Новым памятникам радовался. Новой культуре.

Руки и ноги гудели у Владимира Ильича от усталости. И было хорошо-хорошо.

КОМСОМОЛИЯ

Всем известно, что комсомольцы - смелые ребята, передовые ребята. Надо партии для пользы народа послать на опасное дело бесстрашных людей - кто впереди? Всегда комсомольцы.

Небывалые дороги надо прокладывать - кто откликнется по первому зову? Комсомольцы. Война - комсомольцы не дрогнут.

Тысячи подвигов совершили комсомольцы на гражданской войне. Тысячи поросших травой и цветами комсомольских могил в сибирских землях, на Украине, в Крыму и Поволжье, под Курском и Питером. Тысячи комсомольских героев...

Владимир Ильич отложил карандаш. Листок бумаги на столе исписан тонким высоким почерком. Ленин набрасывал план выступления.

Сегодня он выступает на III съезде комсомола. А всего Российскому комсомолу от роду два года. Интересно было Владимиру Ильичу думать о комсомольцах. Задиристые, упорные! Дети рабочего класса и бедных крестьян. Мы сделали революцию, думал Владимир Ильич, а достроить коммунистическое общество как надо едва ли успеем. Молодое поколение будет достраивать. Вы, комсомольцы, в первую очередь!

Тем временем комсомольские делегаты собирались на съезд. Прямо с субботника. Все утро разгружали на вокзалах товарные платформы, складывали в поленницы на складах дрова, наводили порядок на улицах. Прихорашивали Москву.

Был холодный день 2 октября 1920 года. Небо серое. Вдруг налетит ветер, и туча желтых листьев взвьется с ветвей на бульваре, покружит в воздухе и опадет на землю шуршащим дождем.

Комсомольцы радовались свежести утра, и сухому шороху листьев, и общей работе, от которой горели ладони. А главное, сейчас на съезде выступит Ленин!

Понятно, комсомольские делегаты со всех ног спешили к назначенному часу в дом Э 6 на Малой Дмитровке. Теперь в этом доме Театр Ленинского комсомола. Тогда театра не было. Сцены не было. Вместо сцены некрашенные подмостки без занавеса. Длинный стол на подмостках и кафедра. Да плакаты и лозунги на красных полотнищах.

"Ты записался добровольцем? - спрашивал с одного плаката красноармеец в буденовке и властно указывал пальцем: - Ты?"

А многие комсомольцы как раз приехали с фронта. Ведь эти комсомольские делегаты из разных городов и деревень были не школьники. Кто грамоту знал, а кто и нет, кто и книжки ни разу в руках не держал. Зато они беспощадно громили на фронтах белогвардейские банды. Зато без страха отбирали у

кулаков припрятанный хлеб. Зато готовы были в огонь и в воду за Советскую власть.

И сердца комсомольские с волнением выстукивали: сейчас будет Ленин. Услышим Ленина!

В ожидании они тесно сидели на скамьях, плечом к плечу, в шинелях и кожанках. Комсомольцам двадцатых годов особенно нравились черные кожанки, как у Свердлова. Шинель - тоже неплохая одежда, пропахшая потом и порохом боевая шинель. И папаха или буденовка с красной звездой.

"Что Ленин скажет?" - гадали делегаты. И ждали: скажет о войне. В бой позовет, к героизму и подвигам. Красная Армия гнала беляков. Но еще не кончилась гражданская война.

Смело мы в бой пойдем, -

поднялось в одном конце зала. И загремело мощно и гулко:

За власть Советов.
И как один умрем
В борьбе за это!

Но вот все примолкло. Начались выборы президиума, как всегда на собраниях. Стол для президиума был покрыт красным сукном. Товарищи заняли места. Два портрета висели на стене. Маркс и Энгельс внимательно и с приятной глядели на комсомолию.

Вдруг раздалось восторженно:

- Ленин!

Комсомольцы вскочили, захлопали в ладоши. Ленина комсомольцы любили, гордились им.

Ленин снял пальто с черным бархатным воротничком и аккуратно положил на стул. Поздоровался за руку с товарищами, которые сидели в президиуме. И все его жесты, улыбка и все, что он делал и как делал, - все его поведение до того комсомольцам понравилось, так был он дорог и мил, что у многих этих боевых комсомольских ребят слезы стояли в глазах от любви и какого-то необыкновенного счастья.

Ленин подошел к краю подмостков, вынул из жилетного кармашка часы на цепочке, без крышки. Показал: кончайте, мол, хлопать, будем работать.

И еще больше комсомольцам понравился.

И если бы он сказал: "Ребята! Все до единого, не медля минуты, на фронт!" - все, как один человек, ушли бы на фронт.

Но Ленин сказал другое. Сначала комсомольцев взяло смущение. Сначала не поняли.

Ленин не стоя говорил, а прохаживался по краю подмостков. Было тесно. Кто постарше из президиума, заняли места за столом. Стульев не хватало, члены президиума комсомольцы недолго думая уселись прямо на подмости. Ленин осторожно шагал мимо них. И говорил.

О чем же? О том, что сейчас задача комсомольцев - учиться.

Поразились комсомольцы. Владимир Ильич видел удивление, растерянность на молодых, жадно внимающих лицах и старался как можно понятнее объяснить свою мысль. Скоро мы кончим гражданскую войну. Прогоним врага. А дальше? Начинать надо строить. Заводы, фабрики, тракторы, самолеты, машины. Электрифицировать надо страну. А что такое электричество, товарищи комсомольцы, вы знаете?

Надо знать, много знать!

Владимир Ильич толково и просто доказал комсомольцам, что без знаний

невозможно построить коммунистическое общество.

Надо знать и трудиться. "Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами". Владимир Ильич говорил, что учиться коммунизму - это значит каждый шаг своей жизни связывать с борьбой пролетариев против старого общества. И строить новое, коммунистическое.

МЕЧТЫ И ДЕЛА

В кабинете Владимира Ильича сидел знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Наверное, нет ни одного школьника, кто не читал бы книги Уэллса "Борьба миров", "Машина времени", "Человек-невидимка". Во всем мире прославились полные удивительной фантазии книги Уэллса!

Уэллс критиковал недостатки капиталистической жизни, увлекался наукой и техникой, и Владимиру Ильичу интересно было с ним познакомиться. Смеющимся взглядом Владимир Ильич поглядывал на довольно крупного и плечистого английского джентльмена с ровным пробором и короткими усиками. На нем был прекрасный костюм. Тугой воротничок ослепительно белой сорочки подпирал круглый бритый подбородок. Видно было, прославленный писатель не знал, что такое нужда.

А советские люди жили голодно, холодно. Рубашки негде купить. Магазины пустые.

Герберт Уэллс рассказывал Владимиру Ильичу о своих впечатлениях. Он приехал из Англии две недели назад и без усталости ходил петроградскими и московскими улицами. Приезжал на заводы. Больше половины заводов стояло. Молчали станки. Уэллс ехал в школы. Школьникам выдавали по ломтику хлеба на завтрак. А учебников не хватало. Учились по одной книжке втроем, вчетвером.

Уэллс наблюдал, расспрашивал, слушал. И был потрясен. Невыносимо тяжело Советской стране! Разруха, голод. Нет топлива. Нет освещения. Россия во мгле.

Так говорил Ленину Герберт Уэллс.

На лице Ленина постепенно угасала улыбка. Нет, он не сердился на знаменитого английского писателя. Ленин любил откровенный разговор. Что думаешь - выкладывай прямо. Уэллс говорил правду: в России разруха. Уэллс справедливо рассуждал: не большевики довели страну до разрухи, а царское правительство, капиталисты, свои и чужие. Это они обрушили на Россию войну. Но Уэллс не верил, что большевики возродят Россию, вытянут из нищеты и войны.

Тут Ленин нагнулся через стол ближе к Уэллсу и с вспыхнувшим в глазах смешком задал вопрос:

- А вы представляете, что делают большевики для возрождения России? Хотите узнать?

Уэллс был фантаст и ученый. Оттого Ленин и решил поделиться с ним планом. План был великий, громадный! Ленин давно его задумал.

С молодых лет был у Владимира Ильича близкий товарищ Глеб Максимилианович Кржижановский, коммунист и талантливый инженер. Он был и поэт. Еще в царское время перевел на русский язык революционные польские песни. И раньше их пели, а теперь вся страна распевала:

Но мы подыдем

Гордо и смело
Знамя борьбы
За рабочее дело...

Много вечеров Ленин обсуждал с инженером Кржижановским свой план. Двести ученых, самых крупных и опытных, позвал Ленин для составления и рассмотрения плана.

И вот теперь делился с Уэллсом. Уэллс по-русски не знал. Но Владимир Ильич как заправский англичанин говорил по-английски. Уэллс восхитился - так свободно, богато лилась его английская речь! А мысли! Мысли были яркие, как молнии. Смелее самой смелой фантазии. Уэллса ошеломил ленинский план. Электрифицировать Россию! Бескрайние равнины, леса. Деревни при свете жалкой лучины. Запущенные города. Заводы умолкли. Торговля заглохла. Железные дороги разбиты...

- И в таких ужасных условиях вы мечтаете по всей вашей огромной стране зажечь электричество?

- Да. Мы построим электростанции. Дадим заводам энергию. Пустим электрические поезда.

"Изумительный человек! - слушая Ленина, думал Уэллс. - Но... кремлевский мечтатель". Писателю-фантасту план Ленина казался несбыточной сказкой.

Через два месяца в Большом театре открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Это было в декабре 1920 года.

На бархатных креслах сидели люди в косоворотках и гимнастерках, изношенных пиджаках и валенках, сидели люди с решительными, непреклонными лицами - сидела Советская власть. Они собрались здесь утверждать новые законы и план жизни и хозяйства на будущее.

На сцене установили огромную карту электрификации нашей страны. Владимир Ильич много раз звонил Кржижановскому, торопил художника и монтеров изготовить карту к сроку. Хотелось Владимиру Ильичу, чтобы депутаты Советов наглядно увидели: вот наш план электрификации, вот так мы преобразим Россию. Через десять лет приезжайте, Уэллс, поглядеть...

Невысокий черноглазый инженер Кржижановский стоял на сцене. Энергичный и быстрый, сейчас он был тих. Волновался.

Вчера здесь, на этой сцене, Ленин сказал: "Коммунизм - это есть Советская власть плюс электрификация всей страны". А сегодня инженеру Кржижановскому надо рассказать, как все это будет. Он волновался. Деревянная указка в его руке чуть подрагивала. Вот он поднял указку, притронулся к карте. Свет в зале погас. А на карте от прикосновения указки зажегся огонек. Один огонек. Второй, третий. Кржижановский говорил, где мы будем строить электростанции, как будем строить, как поднимется наша промышленность, оживут наши поля. И огоньки все зажигались, обозначая места электростанций, и карта расцветала чудесно, волшебю. И окрепшим, сильным голосом говорил Кржижановский.

Владимир Ильич видел вдохновенное лицо друга, глубокое, безграничное внимание зала, огни карты - зарю будущего. И знал: теперь этот план, которому он отдал душу, станет мечтой и делом всех депутатов. Мечтой и делом народа. Он не один. С ним советский народ и товарищи.

В декабре двадцатого года в газете "Правда" появилась наконец последняя сводка Революционного военного совета: "На фронтах спокойно". Красная Армия выгнала интервентов. Разбила белые банды. Только до Дальнего Востока не дошла пока Советская власть. Погодите, дойдет.

Почти во всей стране война кончилась. Военный коммунизм не годился больше для жизни. Ленин обдумывал новую политику, подходящую для мирного времени.

Но подкрадывалось ужасное бедствие к Советской стране.

Зима стояла без снега. Не выли вьюги, не наметали сугробы. Морозы вымораживали голую землю. Были чахлы весенние всходы. Тощие росточки жадно ждали дождей. Напрасно. Всю весну и все лето раскаленный шар солнца вставал с востока в душном небе без облачка. Вечерами зловеще пламенел багровый закат. Жаркий ветер высушивал в бедных всходах последние соки. Земля каменела от зноя. В Поволжье погибли поля. Засуха настигла Крым и Южный Урал.

Голодная смерть поглядела в глаза миллионам людей.

Владимир Ильич приходил в Совнарком. Заседание начиналось в назначенный час. На повестке дня вопрос о помощи голодающим. Владимир Ильич направлял, руководил, требовал действий, неотложных, решительных. Как во время войны.

Советское правительство обратилось к народу. Во все области и города полетели телефонограммы: "Товарищи, делитесь чем можете!"

Председатель ЧК Дзержинский поехал в Сибирь собирать хлеб для Поволжья.

На Украине был хороший урожай. Ленин написал письмо украинцам.

"Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная", - писал Владимир Ильич.

Послал обращение заграничным рабочим. Помогите!

Советское правительство образовало Помгол, то есть Комиссию помощи голодающим. Помголом ведал Калинин. На Михаила Ивановича Ленин надеялся. На его крестьянскую смекалку и пролетарское чутье.

В специальном поезде, под названием "Октябрьская революция", Михаил Иванович поехал в Поволжье.

- О детях позаботиться надо. О детях особенно, - сказал Владимир Ильич. И добавил: - Пожалуйста!

И такую заботу, такое горе услышал Калинин в голосе Ленина! Будто миллионы ребятишек на Волге с усохшими личиками были Председателю Совнаркома родными детьми. Михаил Иванович кашлянул, пряча смятение. Тронул бородку:

- Все силы приложим. Все возможное сделаем.

- Выше возможного! - сказал Владимир Ильич.

Был поздний вечер. В кабинете Предсовнаркома светилась неяркая лампочка. Владимир Ильич отложил кипу подписанных и решенных бумаг.

Болела голова. Невыносимо болела. Владимир Ильич перемогался. Нельзя хворать, некогда. Но сейчас никто его не видел, и он устало оперся лбом на ладонь. Мысль о голоде сверлила мозг.

"Выше возможного!" - думал Владимир Ильич.

Советское правительство делало выше возможного. Мало золота в советских банках. Но Ленин подписал приказ о выдаче двенадцати миллионов золотых рублей на закупку за границей семян для сожженных полей. Рабочие писали в Совнарком:

"Товарищ Ленин! На нашей матушке-Руси тысячи тысяч церквей. Золотые

кресты в церквах, ценная утварь. Отобрать бы да пустить голодным на хлеб".

Молодцы рабочие! Ленин ухватился за подсказку рабочих. Надо подготовить декрет об изъятии церковных ценностей. Что еще?

Зазвонил телефон. Говорил из Поволжья Калинин, Ленин тревожно приник ухом к трубке:

- Как, Михаил Иванович?

- Плохо, Владимир Ильич.

Мертвые поля. Мглистым маревом окутаны деревни и села. Не слышно мычания коров. Скотину прирезали или от бескормицы пала. Даже грибов и ягод не родила земля в это окаянное лето. Люди варили похлебку из листьев и трав. Валились с ног от слабости. Целые семьи вымирали, будто в чуму. Волки хищно рыскали из деревни в деревню...

Долго после звонка сидел Ленин, откинувшись на спинку стула, не двигаясь. Непривычно это для Ленина.

Очень правильно, что Помгол организовал вывоз детей из голодных губерний. И жутко было: так тихи полные ребятишек вагоны, так тихи...

В разные города из голодных губерний шли поезда. А Москва взяла чувашских детей. В бывших барских и буржуйских хоробах пооткрывали детские дома для маленьких осиротевших чувашей.

Была совсем уже ночь. Владимир Ильич бесшумно вошел в дом. Все спали. Но нет, Маняша не спала, дожидалась. Позвала на кухню.

- Не жалеешь ты себя, Володя. Хоть чаю горячего выпей. А Надя вернулась с работы без ног, прилегла.

Владимир Ильич увидел на столе зашитую в мешковину посылку. Крестьяне из Тамбовщины писали, что посылают окорок да сальца: "Отведайте нашего деревенского продукта, Владимир Ильич, подкрепите силы".

- Володя, ты никогда не принимаешь посылок, - заговорила Мария Ильинична, - и мы с Надей совершенно согласны. Но, Володя... У тебя такой утомленный вид...

Владимир Ильич улыбнулся. Милая Маняша! Он любил ее. Она была малышом, когда в 1887 году казнили брата Александра. Весь город отвернулся от дома Ульяновых. А чуваш Иван Яковлевич Яковлев, товарищ отца, не ушел, не оставил. И чуваш Охотников не бросил в беде. Спасибо им.

- Знаешь, что мы с этой штуковиной сделаем? - сказал Владимир Ильич, похлопывая по зашитой в мешковину посылке. - К нам в Москву привезли чувашскую ребятню. Отошлем в детский дом, в чувашский. Согласна, Маняша?

Мария Ильинична пристально поглядела на брата. Истомленный, под глазами тени. Устал. У нее сердце тоскливо сжималось.

- Попросим, чтобы самым слабым раздали, самым слабеньким, - сказал Владимир Ильич.

Она кивнула.

У Владимира Ильича по-прежнему болела голова. Но он повеселел. Капля в море тамбовская посылка. А приятно все же, что завтра каким-то маленьким, изголодавшимся детишкам отрежут к обеду по куску вкусного розового тамбовского окорока.

ЧТО ТАКОЕ НЭП

И рабочие приходили в кабинет Ленина рассказывать, как живут и работают. И командиры Красной Армии приходили обсуждать военные действия. И ученые. Со всеми Ленин советовался, каждого внимательно слушал.

А потом на Совнаркоме обсуждались подсказанные народом вопросы, и правительство принимало законы, нужные для Советской страны.

Приходили крестьяне. В первые месяцы у крестьян основной вопрос был насчет помещичьих и кулацких земель. Как их между бедняками и середняками распределить, как полезней использовать?

Потом началась гражданская война.

Тогда Советское правительство установило для крестьян продразверстку. Это значит: убрали рожь - на семена отложи, на еду себе отложи, да небогато, а в самый обрез. Остальное подчистую отдай государству. Не отдашь - кто накормит Красную Армию? Кто рабочих накормит?

Тяжелы для крестьян были те времена. А что делать? Всем тяжело.

Но вот кончилась война. И к Ленину стали приходиться из деревень ходоки. С Тамбовщины, из Владимирской и Орловской губерний, из Сибири. Идут и идут. Бородатые, не верхогляды, с опытом жизни. Ленин был рад. Расспрашивал: какое у вас о будущем мнение?

Крестьяне говорили: надо отменить продразверстку. Устанавливайте вместо разверстки налог.

А это что значит? Значит, не всю рожь, что посеял да сжал, отдавай. Кто больше нажал, тому больше осталось. Интерес у крестьянина. И засеять побольше хочется. И поглубже вспахать. Потому что отвезет государству налог, сколько положено, а все в амбаре для себя кое-что осталось. Остаток продаст. Что для дома и хозяйства понадобится, в городе купит. Мыла, керосину, материи. Косы и плуги, жнейки - рожь жать. Плуги и жнейки в поле не вырастишь. Значит, надо в городах на полный ход пускать фабрики и заводы. Чтобы всего было вдоволь.

Неужели не сумеет трудящийся народ своими руками добиться безбедной жизни? Капиталистов прогнали, белые армии выгнали - сами свою долю будем устраивать.

Из таких разговоров с крестьянами, из советов с товарищами и собственных мыслей родился у Ленина план. Новой экономической политикой назвал Ленин этот план.

После революции вошло у нас в моду длинные названия сокращать. Так и здесь сократили, и получилось название - нэп.

Советская власть позволила открыть частную торговлю. Но очень немного. Не опасно для Советской страны. Ведь власть была рабоче-крестьянская. Рабоче-крестьянская власть зорко следила за главным: крепила и развивала промышленность, железные дороги, морской и речной транспорт - все это было народное, собственность государства.

Во время гражданской войны Советское правительство ввело суровые и крутые порядки. Так было нужно. В мирное время порядки надо было менять.

Все, что Ленин делал, чего добивался, - все для пользы, выгоды, счастья народа. Теперь, после войны, Ленин добивался развития хозяйства, торговли, промышленности, электрификации, машиностроения и крепкой дружбы между деревней и городом.

Вот для этого строительства и нужен был нэп. X съезд партии утвердил ленинский план нэпа.

Нелегко добивался Ленин перестройки жизни по-новому. Были преграды. Были споры, нападки. Казалось, о чем спорить? А вот Троцкий спорил. Как всегда, выдвигал неверное, вредное мнение. Он был против Брестского мира. Много он принес зла советскому народу.

И сейчас выступил против Ленина. По разным вопросам он с Лениным и партией спорил. Не согласен был с планами Ленина. Привлекал на свою сторону нестойких партийцев. Сколачивал против Ленина группы. И другие противники были у Ленина.

Надо бы вместе, дружно, согласно налаживать мирную жизнь. Так мечтал Ленин, - чтобы партия всегда шла согласно!

Но находились люди, мешали строить новую жизнь.

Ленин беспощадно против них боролся.

Большинство коммунистов стояло за Ленина. И они побеждали и вели партию и советский народ к коммунизму.

КОГДА ПОЕТ ЛЕД

- Едем! - сказала Надежда Константиновна.

- Непременно, Володя! - подхватила Мария Ильинична, в душе опасаясь, что он будет противиться.

Но Владимир Ильич не противился, хотя и соблазнительно было посидеть над статьей в уединенном по случаю воскресного дня кабинете. И письма важные написать было надо...

Но октябрьское ясное утро манило на волю. Хорошо в такой погожий денек прокатиться за город, позабыть до завтра дела! В календаре красное число как-никак. И они уселись в большую черную машину английской марки "роллс-ройс", и товарищ Гиль повез Владимира Ильича с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в Горки.

Выехали из Москвы. Владимир Ильич полной грудью вдыхал свежий воздух. Утренняя розовая зорька была так мила! Солнце медленно всплывало, озаряя тихим светом блекло-голубой небосвод. Дорогу подморозило, на кочках и колдобинах машину трясло. Гиль вел не спеша, осторожно. А Владимир Ильич любил быструю езду. Чтобы ветром резало щеки, кружилось весело сердце!

- Вы, товарищ Гиль, машину ведете, будто каждой курице реверанс делаете, - сказал Владимир Ильич.

Шутки Владимира Ильича веселили товарища Гиля. Но скорости он не прибавил. Нет уж, будем лучше реверансы курицам делать, проезжая деревни, а растрясти Владимира Ильича по избитой дороге шофер Гиль себе не позволит.

Горки - старинная усадьба. Прекрасный парк окружил особняк с белыми колоннами и два флигеля. Тенисты аллеи из раскидистых лип и могучих дубов. Привольны лужайки. Есть там удивительные уголки - видно оттуда далеко-далеко, видно даже Подольск.

Владимир Ильич любил глядываться в зеленоватую даль и угадывать город за лесами и резвой речкой Пахрой. Владимир Ильич приезжал в Подольск молодым, когда вернулся из ссылки. В 1900 году это было, вот когда. Там жила в это время Мария Александровна с высланным из Москвы сыном Митей. И сестры Владимира Ильича там жили, когда Владимир Ильич приехал повидаться с родными перед отъездом в Швейцарию. Владимир Ильич подготавливал тогда выпуск за границей "Искры" - рабочей революционной газеты...

Машина въехала в парк и мягко, без толчков, подкатила к северному флигелю. У Владимира Ильича не лежала душа к большому дому. Предпочитал северный флигель, где маленькие комнатки, невысокие потолки, небольшие окошки. При господах здесь, должно быть, были помещения для служащих. После Октябрьской революции господа удрали за границу, а Советское правительство позднее открыло в Горках дом отдыха. И Председателю Совнаркома определили здесь место для отдыха, когда после ранения врачи строго-настрого предписали ему чистый воздух.

Верно. Едва Владимир Ильич вырывался из духоты заседаний и московского

шума в горкинский парк - голова почти переставала болеть.

- Деревенского воздуха глоток глотнул, сразу щеки и порозовели, - довольно заметила Надежда Константиновна.

- Милостивые государыни, следуем в дальнее странствие, - заявил Владимир Ильич.

Было сухо и холодно. Каменно стучала под ногами земля. Листья с деревьев опали. Весь парк гляделся насквозь, и только сирень скучно стояла в сумрачной зелени пожухлой листвы. Да встретится рябина с отяжелевшими от красных гроздьев ветвями.

Стая желтогрудых синиц шумно перепархивала с куста на куст.

- Эй вы, жилетники! - крикнул Владимир Ильич.

- Что это? - не поняла Надежда Константиновна.

- Погляди, будто жилетики желтые надеты на них, - сказал Владимир Ильич.

Как любила Надежда Константиновна его любовь, его восхищение природой! В эмиграции в свободные часы они лазали по горам. Или укатят на велосипедах бог знает куда. Чем глуше лес, круче, нелюдимей тропки, тем сильнее Владимира Ильича брал задор.

- Махнем, Надюша, туда, там скала нависла над озером...

Величавы, роскошны швейцарские озера и горы. А русская, скромная природа ближе. Роднее.

- Смотрите, Малый пруд! - сказал Владимир Ильич.

- Вон в какое мы славное местечко притопали! - обрадовалась Мария Ильинична.

Пруд застыл. Синевато-сизый, прозрачный ледок сковал Малый пруд. Как бы стеклом его затянуло, и сквозь стекло отражались в пруду опрокинутые стволы и голые сучья деревьев, путаница кустарника на плоских берегах. Темные водоросли видны были под крышей ледка.

Вдруг звенящий мелодический звук разнесся по пруду. Словно на каком-то странном инструменте тронули струну, и она прозвучала нежно и длинно.

Брошенный кем-то комок смерзшейся земли проскользнул по льду от берега до середины. Лед отозвался.

- Чудеса! - тихонько ахнул Владимир Ильич.

Тут они увидели отделенных от них кустарником мальчишку и девчонку, лет по восьми. Это мальчишка запустил на лед комок.

- Как поет! По всему пруду звон, - сказала девочка.

- Поймать надо день, когда его впервой ледком схватит, - ответил мальчишка. - А то покрепчает или снегом закроет, тут он петь перестанет.

- Давай еще, - попросила девочка.

Снова заскользил по пруду комок, лед зазвенел.

- Ой! - вскрикнула девочка.

Ребята увидели взрослых. Мальчишка снял шапку:

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, - ответил Владимир Ильич, приближаясь. - Откуда вы?

- Мы местные. Недалече, из Горок. - Мальчишка махнул рукой в сторону деревни Горки, видной от пруда. - А вы, чай, московские?

- Угадал, - засмеялся Владимир Ильич. - Хорошо у вас лед поет.

- А как же! В самый раз надо его уловить, не всякий сумеет, - хвастливо ответил мальчишка. - А вы начальство небось?

- У нас "лампочка Ильича" загорелась, - сказала девочка.

- Электричество. Не хуже Москвы. Как вечер, деревня вся так и засветится, - хвастал мальчишка.

- Значит, довольны? - спросил Владимир Ильич полушутя, полувсерьез.

- А что? Дальше-то лучше, чай, будет!

И они переглянулись, и мальчишка стащил с головы шапочку, сказал: "До свидания", - и они побежали куда-то, может, домой, а может, еще подсматривать чудеса и загадки осеннего леса.

А Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной пошли глубже, глубже в парк, потому что Малый пруд от дома не так далеко, а ведь Владимир Ильич позвал их сегодня в дальнее странствие.

МАЯК

Вставай, проклятем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов:
Кипит ваш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Гимн гремел. Бился в окна двусветного зала в Большом Кремлевском дворце. Летел к лепным потолкам.

Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Несколько сот человек стояли в кремлевском зале и на пятидесяти языках пели гимн. На французском, немецком, итальянском, турецком, японском, английском, норвежском, финском, эстонском, латышском... русском, конечно.

Ленин тоже пел. Владимира Ильича всегда волновал международный рабочий гимн. А сейчас, когда сотни коммунистов разных стран собрались на IV конгресс Коминтерна у нас, в Советской стране, и в бывшем царском дворце пели вольно, свободно, - сейчас душа его полна была счастьем.

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Много иностранных революционеров знал Владимир Ильич, когда был в эмиграции. Знал талантливого французского социалиста Жана Жореса, который создал "Юманите", знаменитую революционную газету во Франции.

А немецкие марксисты! Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт! А сколько финских революционных рабочих знал Владимир Ильич! А гельсингфорсский социал-демократ Ровио, скрывавший Владимира Ильича от преследований Временного правительства! А швейцарец Фриц Платтен, который помог Владимиру Ильичу с товарищами вернуться на родину, когда в России началась революция! И еще много было иностранных революционеров, рабочих и нерабочих, с которыми встречался и дружил Владимир Ильич.

Теперь, когда рабочая Октябрьская революция победила в России, марксисты-революционеры тоже образовали в своих странах коммунистические партии.

- Объединимся в единый союз, - сказал Владимир Ильич.

Коммунистические партии объединились. Дали союзу название - Коммунистический Интернационал, Коминтерн.

Владимир Ильич поднялся на кафедру. Сотни глаз были устремлены на

него. Владимир Ильич видел интерес и ожидание в глазах. О чем рассказать коммунистам разных стран?

Наверно, важнее всего им услышать о жизни советского общества. О новом.

И Владимир Ильич стал рассказывать, как идет у нас хозяйство в Советской стране: чего добились за пять лет, а чего не добились. Войну победили, голод победили. С разрухой справляемся. Лучше стало жить крестьянам. И рабочим получше. Торговать учимся. А машины делаем пока еще плохо, мало. Больше надо машин. Без машин не построишь коммунизма. А перед нами цель - коммунизм. И перед вами, иностранные товарищи, цель - революция.

Вот о чем говорил Владимир Ильич. Он говорил по-немецки. Русский язык в то время мало кто знал за границей, а немецкий многие понимали.

"Хорошо говорит по-немецки", - хвалили про себя немецкие коммунисты.

Доклад кончен.

Все встали, огромная армия коммунистов.

- Ура, Ленин! Да здравствует Ленин!

Буря бушевала в двухсветном зале, настоящая буря!

Понятно, Владимира Ильича трогало это море любви. Но овации, такие громкие, его смущали. Он думал, как бы выбраться скорее из зала. Куда там! Толпа плотно обступила. Каждый хотел что-то сказать. О чем-то спросить. Или хотя бы поздороваться.

- Здравствуйте, товарищ Ленин! - протискавшись ближе, громко говорил по-французски кудрявый человек. У него блестели черносливины глаз, он весь сиял и без конца дружелюбно твердил: - Здравствуйте, товарищ Ленин! Камрад, камрад... - И по-русски с трудом, по слогам: - Ле-нин вождь!

Ленин улыбнулся:

- Вы, товарищ, из каких местностей Франции?

- Я итальянец. Но вы не знаете наш итальянский...

- Немного! - возразил по-итальянски Владимир Ильич.

- О! Товарищ Ленин все знает! - воскликнул кудрявый итальянец.

И на итальянском, немецком, французском, английском со всех концов несло:

- Ленин - друг! Ленин - вождь коммунистических партий! Учитель - Ленин!

А один иностранный шахтер, в белоснежном воротничке, с лицом, усеянным темными точечками угольной пыли, приставил ладони ко рту и, как в рупор, с воодушевлением кричал:

- Советская страна - наш маяк! Держим курс на маяк.

ВЕЧЕРОМ ПОД НОВЫЙ ГОД

Владимир Ильич заболел. Тяжело заболел. Очень опасно.

Некоторые думали, болезнь настигла внезапно. Нет, давно подкрадывался коварный недуг. Бессонница. Иногда до утра не удавалось сомкнуть глаз. Мучительно длилась бесконечная ночь. Почти постоянно болела голова. Пришел лихой час, Владимир Ильич слег.

Он лежал в своей комнатке в кремлевской квартире.

- Слишком много работал Владимир Ильич, свыше человеческих сил, слишком много! - сказали врачи. - Необходим абсолютный покой.

Но Владимир Ильич не мог не работать. Болезнь опасна. Надо спешить высказать необходимые мысли.

Владимир Ильич лежал с вытянутой поверх одеяла неподвижной рукой. Компресс охлаждал воспаленную голову.

Был вечер. На столе слабо горел ночничок. Предписано Владимиру Ильичу отдыхать после обеда. Он не спал.

Вчера открылся в Москве I съезд Советов СССР, Вчера 30 декабря 1922 года на съезде был утвержден договор о создании Союза Советских Социалистических Республик.

Владимир Ильич долго подготавливал этот значительный день.

Не все сразу поняли, почему важно, чтобы был именно Советский Союз. Почему с такой страстью, так упорно Владимир Ильич этого добивался.

Ленин добивался, чтобы СССР был совершенно новым государством, совершенно отличным от царской России. Ведь при царе было так. Была Россия. А Украины вроде вовсе и не было. И Белоруссии не было. И Армения, и Азербайджан, и Грузия считались всего лишь частью России. Окраинами. Никакой самостоятельности не давали народам. В школах не позволяли учить детей на родном языке. У многих народов даже своего алфавита и грамоты не было. Малым народам не давали расти. Ленин ненавидел это неравенство...

Как глубоко он задумался! Надежда Константиновна остановилась у двери, прислушалась: спит?

- Не сплю, Надюша. Готовлюсь к работе.

Она бесшумно вошла. Погасила ночник. Зажгла лампу. Комната осветилась. Осветилось любимое лицо на подушке.

- Неугомонный мой! - сказала Надежда Константиновна.

Стенные часы в столовой гулко пробили шесть раз. С шестым ударом появилась стенографистка Мария Акимовна Володичева. Хрупкая, лет тридцати, умно-внимательная. Пристроилась у столика вблизи кровати. Карандаш наготове.

- Итак... - сказал Владимир Ильич.

Сегодня врачи позволили диктовать сорок минут. Уйма времени - сорок минут! Тем более, статья в голове вся написана. Если бы Владимир Ильич был на съезде, он сказал бы то, что сейчас диктовал. Это был наказ товарищам. Товарищи послушают Ленина, примут его наказ, как строить и крепить СССР. Нельзя ни в чем обездолить малые народности. Народы нельзя обижать! Советские республики должны быть равны. Дружны. И СССР станет справедливым и несокрушимым государством. И во всем мире пробудятся угнетенные империализмом народы...

Надежда Константиновна в соседней столовой слушала родной голос. Оперлась подбородком на сплетенные пальцы. Исхудавшее лицо светилось тревожной любовью.

Но диктовка кончилась, стенографистка Володичева ушла. Надежда Константиновна сменила ее у постели больного. И улыбка ее была ясной. Ни горя, ни страха не увидел в ее взгляде Владимир Ильич. Спокойствие Надежды Константиновны Владимира Ильича успокаивало.

- Что мне вспомнилось, Надюша, - сказал Владимир Ильич. - Помню, отец бился, открывая школы в Симбирской губернии. Для чувашей, мордвинов, татар устраивал школы. До отца не было этого в Симбирской губернии.

- Редкий он был человек, - ответила Надежда Константиновна. - С малого начинал. Зато у нас теперь революция дороги открыла большие.

Она видела, Владимир Ильич доволен сегодня работой. Даже глаза разблестелись, как прежде. Компресс снял, значит, легче голове. Может, и поднимется скоро?

"Может? Что это я? - испугалась Надежда Константиновна. - Не может, а

непременно! Полгода назад было похожее с ним, отболел и поднялся. Так и теперь".

Она заботливо поправила на Владимире Ильиче одеяло.

- А ведь нынче новогодний вечер, Володя, - вспомнила Надежда Константиновна. - Не зря у тебя настроение хорошее. - Нагнулась к нему, поцеловала: - С Новым годом, Володя.

ВСЕГДА В БОРЬБЕ

Врачи опасались, не повредило бы Владимиру Ильичу диктование статей. Владимир Ильич, дайте отдохнуть голове! Не думайте о государственных делах. Оставьте деловые статьи.

Ни за что!

Но переспорить докторов не так-то легко. Пришлось Владимиру Ильичу пуститься на хитрости.

- Буду диктовать не статьи, а дневник.

Провел докторов. Уступили: диктуйте. Впрочем, наверное, доктора понимали: не про погоду будет этот дневник. Разве запретишь Ленину заботиться о судьбе созданного им государства? Владимир Ильич нервничал, совсем не мог уснуть, когда ему не разрешали диктовать. Доктора разрешили. Только осторожно. Полчаса, сорок минут в день. Не больше.

И в назначенный час приходила стенографистка Володичева. Записывала иногда страничку в день, а то две или три. В этих страничках был заключен мудрый План дальнейшего устройства нашего общества. Владимир Ильич критиковал недостатки. Советовал, как лучше наладить государственный аппарат. Как сохранить в Коммунистической партии единство и дружбу. Больше всего боялся Ленин, чтобы в партии не вышло разлада.

В постели, больной, долгие часы обдумывал Владимир Ильич каждую мысль для своих статей. Каждое слово.

Статьи Ленина печатались в "Правде". Рабочие люди читали, делились между собою:

- Правильно Ильич про нашу жизнь понимает. Чего мы и не видим, все увидал!

И радовались:

- Видно, здоровье у нашего Ильича идет на поправку.

Вдруг... Был мартовский день. Весело светило весеннее солнце. Вовсю чирикали воробьи на бульварах и в скверах. Пенные ручьи шумно бежали вдоль мостовой. Все в природе говорило о жизни и радости. Но люди, открывая в это утро, 14 марта, газету, становились хмуры и пасмурны. Люди толпились на улицах возле щитов и витрин для газет. Всюду наклеены были листы. "Правительственное сообщение".

Если правительственное, значит, что-то серьезное. Не случилось ли несчастья какого?

"Бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича.

За последние дни в состоянии здоровья Владимира Ильича произошло значительное ухудшение..."

Черные буквы кричали: случилось, несчастье случилось... "Значительное ухудшение". Страшно читать. Люди отходили понуриив головы.

Сумрачно было в этот день в рабочих цехах.
- Ильич-то наш, эх! - вздохнет старый рабочий.
Молодые не верили, что надвигается грозное.
- Нет, не станут зря бюллетень выпускать, - сокрушались старики. - Эх, Ильич!

А Владимиру Ильичу было плохо. Беспощадно наступала болезнь. Владимир Ильич потерял речь. Что может быть горше! Ленин умолк. Не слышно стало живого, немного картавого, быстрого говора.

Круглые сутки дежурили в квартире Владимира Ильича доктора. Наука, талант, искусство медиков вступили в сражение за его жизнь. Вся страна с надеждой следила. Утром люди спешили к газете, прочитать бюллетень.

Вечер! Весенний ветер колышет красный флаг над зданием Совнаркома. Что там, в кремлевской квартире?

Вечер. Кончились дневные труды и хлопоты. Тысячи людей с мучительным беспокойством ищут в вечерних газетах: что в кремлевской квартире?

Тихо в комнате Владимира Ильича. Из столовой доносится мерный стук маятника. Там дежурная медицинская сестра. А возле постели Надежда Константиновна.

Владимир Ильич поднял тяжелые веки. "Ты здесь, Надя?"

Надежда Константиновна понимала все, что он хотел сказать и спросить. Говорила с ним, будто слыша ответ.

- Тебе лучше сегодня, - уверенно сказала она.

И Владимиру Ильичу показалось, что и правда лучше. И глаза его ответили: "Да".

- Ты вылечишься. Доктора говорят, всю волю надо на помощь позвать. Собери всю волю, Володя.

"Собираю", - ответил глазами Владимир Ильич.

- Ты всю жизнь боролся за счастье народа. Поборись теперь за себя. Для народа же, для революции. Из всех сил поборись!

Снова Владимир Ильич ответил понятно для Надежды Константиновны: "Да".

Нестерпимая жалость ее пронзила. Слезы больно подкатили к горлу. На секунду она обессилела. Справилась. И заботливо, с лаской:

- А сейчас пора отдохнуть. Поспи, чтобы силы набраться. Все будет хорошо. Усни. Я не уйду. Я буду рядом сидеть.

ОСЕНЬ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

В апреле открылся XII съезд Российской Коммунистической партии. Съезд послал приветствие Владимиру Ильичу.

"От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу..."

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя..."

Надежда Константиновна прочитала приветствие. Глубоким взглядом, полным чувства, ответил Владимир Ильич.

Владимир Ильич не сдавался болезни. В середине мая его перевезли в Горки, в Большой дом. Самую маленькую комнату выбрал для себя Председатель Совнаркома в Большом доме. Угловую, с высокими окнами. Из окон виден сад. В яркой зелени, полный птичьего свиста и гама. Орала грачи. С каждой ветки

неслось ликование. Весь воздух звенел.

А ночью пели соловьи. Глядели в окна звезды.

Владимир Ильич вдыхал чистый воздух. Понемногу здоровье его улучшалось. Спасибо Горкам! Владимир Ильич стал спать. Захотелось на деревенском воздухе есть. Прибавилось силы.

Медленно двигалась поправка. Владимир Ильич начал ходить, опираясь левой рукой на палку. Учился писать левой рукой. Упражнялся в восстановлении речи. Учительницей была Надежда Константиновна. Дверь в комнату закрывалась во время урока. Они были вдвоем. Никто не слышал, как вела Надежда Константиновна урок.

В доме немного повеселело. А как были счастливы все, когда раздавался смех Владимира Ильича! Ведь он был жизнерадостный человек. И смешливый. А теперь, когда здоровье прибывало, Владимир Ильич и вовсе радовался каждой шутке, умному слову, и приезду друзей из Москвы, и новой книге, и рыжим листьям в осеннем саду. Наступила осень тысяча девятьсот двадцать третьего года.

В октябре однажды Владимир Ильич пришел, опираясь на палку, в горкинский небольшой гараж и дал понять, что желает ехать в Москву. Выводите машину. Едем. Надежда Константиновна с Марией Ильиничной ужасно разволновались.

- Да разве можно? Да чем это кончиться может?!

И доктора были против.

Но Владимир Ильич был человеком настойчивым. Что решил, то решил.

Черный "роллс-ройс" выехал из усыпанного оранжевыми листьями парка и покатил в Москву. Не очень шибко покатил, остерегаясь ухабов. Завиднелась Москва. Золоченые главы, белокаменные стены, дымы над фабричными трубами. Владимир Ильич при виде Москвы снял кепку, замахал над головой. Москва! Скорее в Кремль!

Сердце часто и сильно толкалось в груди, когда он перешагнул порог зала заседаний Совнаркома. Все было дорого здесь Владимиру Ильичу. Длинный стол под зеленым сукном. Плетеное кресло во главе стола. Каждый час в этом зале был памятен!

Нечаянно взгляд упал на печку в углу, и Владимир Ильич рассмеялся. Вспомнил, как прятались за печкой курильщики. Курили, а дымок пускали в отдушину. Владимир Ильич решительно запрещал на заседаниях Совнаркома курить. Вот иному наркомому станет невтерпеж, и улизнет за печку и наслаждается там, пока председатель не застучит по столу карандашом.

Что-то строгое и нежное поднялось в душе Владимира Ильича. Он любил товарищей.

Владимир Ильич постоял, повспоминал и пошел в свой кабинет. И кабинет оглядел. При виде географических карт, портрета Маркса, телефонов на столе, книжных полок снова нахлынули мысли о недавнем.

Но Владимир Ильич не прощался. Нет. Он хотел жить и вернуться сюда.

Постоял. Поглядел. И приблизился к пальме. Большая тенистая пальма росла в кадке возле окна. Ветви у нее были похожи на раскидистые зонтики в жарких краях. Ее берегли. Владимир Ильич просил беречь эту пальму.

В детстве в симбирском их доме было много цветов. Такая же пышная, раскидистая пальма стояла в столовой. Точно такая, с вечнозелеными листьями.

Потом проехали, поглядели Москву. Поехали на Сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку.

Первая советская выставка! Владимир Ильич непременно хотел ее посмотреть.

Выставку сделали на берегу Москвы-реки, у Нескучного сада. Раньше там

были мусорные свалки. Свалки убрали. Разбили на месте их цветники. Построили павильоны. Вырос хорошенький деревянный городок.

Слишком еще помнили люди войну, голод и холод. Слишком все это было недавно.

Оттого удивительны были деревянные павильоны с узорами, прямо не верилось!

А в павильонах - россыпи золотой пшеницы и ржи, пирамиды толстенных капустных кочанов, горы розового скороспелого картофеля, арбузы и дыни - плоды полей и садов.

Видно было, оживает деревня.

И фабрики и заводы прислали свои изделия на выставку. Видно было, что город оправляется от нищеты и разрухи.

Владимир Ильич возвращался из Москвы усталый, но полный душевного подъема и жизни.

И так остро, так сильно вспомнилось Надежде Константиновне выступление Ленина в Большом театре 20 ноября 1922 года. Это было последнее выступление его перед болезнью.

Ленин сказал: "...из России нэповской будет Россия социалистическая".

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Сани неслись. Снег брызгал из-под копыт. Полозья визжали по скользкому следу. Солнце только зашло. В полгоризонта полыхала заря. Но сумерки быстро надвигались, гуще разливалась синева по снежному полю, темнее вдали высился лес. И вот одна во все небо зажглась спокойная, высокая звезда.

Владимир Ильич возвращался с охоты. Ружье он держать еще не мог, лишь наблюдал, как другие охотятся. Но и это доставляло радость. Он любил охоту и все, что с охотой связано. Бродить по лесу и вдруг увидеть: из-под увялой прошлогодней листвы топорщатся, тянутся вверх весенние молодые росточки. Или, закинув голову, долго следить, как мягко перелетывает белка с ветки на ветку. Или заметить на снегу путаный заячий след... Все это Владимир Ильич любил. И из ружья любил попадать.

Но бывали случаи, когда другой охотник непременно бы выстрелил, а Владимир Ильич нет. Один раз охотились с флажками на лисицу. Охотники обнесли значительную часть леса цепью из красных флажков. Там лисица. Она пугается красных флажков, ищет выхода.

А выход оставлен, охотники с шумом и криками гонят лисицу к выходу.

Владимир Ильич стоял с ружьем. "Эх, кабы повезло, подстрелить бы!" Вдруг - просто чудо! - из-за елей прямо на него вышла лисица. Владимир Ильич замер. Она была так красива, ярко-рыжая на белом снегу, с острой мордочкой, великолепным пушистым хвостом! Шла прямо на ружье, все ближе. Ближе. Но Владимир Ильич не выстрелил. Уж очень была она хороша! И день был хорош, как сегодня, снежный, яркий.

Владимир Ильич улыбнулся, вспомнив тот случай с лисой.

Как весело звенят полозья саней! Тихо приближается вечер. Заря медленно остывает, а над лесом, против зари, нарисовался светленький серпик.

Этот светленький серпик увидела и Надежда Константиновна из окна и сказала Марии Ильиничне:

- Сегодня будто праздник. Взгляни, и луна-то нынче особенная.

- У нас оттого легко на душе, что Володе лучше. Подумай, даже на охоту поехал, совсем замечательно! - ответила Мария Ильинична.

- А помнишь, как он на елке смеялся, почти как в прежние времена?

И они начали вспоминать недавнюю елку, которую зажигали в Большом горкинском доме для детей совхозных рабочих и служащих, и Владимира Ильича у елки, его смех и доброту с ребяташками. И игру Марии Ильиничны на пианино, и с каким удовольствием Владимир Ильич слушал.

Только приятное и отрадное хотелось им вспоминать в этот день.

Владимир Ильич возвратился из зимнего леса с румянцем во всю щеку. Морозный воздух, охота, езда на санях освежили и взбодрили его. Но полагается отдых. Таков был режим. Доктора глаз с Владимира Ильича не спускали. Пришлось лечь на часик в постель.

Пока Владимир Ильич отдыхал, Надежда Константиновна с Марией Ильиничной не переговаривались, а только остерегали одна другую, приложив палец к губам: тс-с. Не разбудить бы.

И на душе у обеих была еще робкая, еще несмелая радость. Они с надеждой глядели на будущее.

Доктора обнадеживали.

Один недавно сказал:

- Наверняка к весне вылечим.

А вечером Надежда Константиновна читала Владимиру Ильичу. Когда он стал поправляться, она каждый день читала ему "Правду". А сейчас читала рассказ Джека Лондона.

Владимир Ильич сидел в кресле, задумчиво, чуть сощуренным взглядом глядел в окно. Там в глубоком снегу стоял старый парк. "Парка не видно. Мороз заледенил стекла окон. Белые ветви папоротников причудливо распустились на окнах. Волшебные, как в детстве, ледяные цветы.

Рассказ назывался "Любовь к жизни". Через снежную пустыню пробирался человек, умирающий с голоду. Человек ослабел и уже не мог идти и полз по снежной пустыне. Рядом полз больной, тоже умирающий волк. Между волком и человеком завязалась борьба. Кто победит? Неужели волк? Нет. Победил человек. Жажда жизни влила в него силы. У человека была цель - корабль, видный уже, на краю пустыни у берега моря. Там жизнь. И он полз, полз...

Владимиру Ильичу очень понравился этот рассказ. Надежда Константиновна понимала, что так его увлекло. Мужество. Упорство. Воля человека к жизни. Нельзя сдаваться.

Владимир Ильич не сдавался. Надежда Константиновна понимала его мысли и чувства, навеянные сегодняшним чтением. Мысли о возвращении к жизни. К труду.

Разве могла она в тот январский вечер подумать, что совсем мало осталось Владимиру Ильичу жить?

Новый приступ болезни сразил внезапно. И навсегда.

Ленин умер 21 января 1924 года в шесть часов пятьдесят минут вечера в Горках.

ВСТАНЬТЕ, ТОВАРИЩИ!

Много красноармейцев и партизан во время гражданской войны знало паровоз "У-127". Всю войну он возил на фронт бойцов и орудия. А с фронта раненых в тыл. Трудился без устали. Белогвардейские гранаты и пули нещадно

хлестали его и калечили. К концу войны паровоз совсем был разбит, вышел из строя.

Вспомнили о нем, когда советский народ начал восстанавливать в стране хозяйство. Тогда рабочие нашли на паровозном кладбище паровоз "У-127" и решили: давайте-ка, братцы, подлечим его.

Хорошо подлечили. Паровоз "У-127" вышел из ремонта как новый. Рабочие-ремонтники были беспартийные, а новый свой паровоз, сработанный в неурочное время, отдали в дар коммунистам. И избрали Владимира Ильича почетным машинистом. Выписали Ленину расчетную книжку.

В скорбные дни, когда Ленин умер, этому паровозу было назначено везти из Горок в Москву траурный поезд.

Всю ночь и весь день и еще ночь из ближних и дальних деревенок и сел шли в Горки крестьяне прощаться с вождем.

Был жестокий мороз. Порывами налетал острый, режущий ветер. В горкинском парке стеклянно стучали, качаясь от ветра, ветви деревьев. Черные с красным полотнища обвили белые колонны Большого дома. Дороги устлали еловые ветви. На снегу печально лежали цветы.

Четыре версты от дома до станции несли гроб на руках рабочие, крестьяне, коммунисты, товарищи, члены правительства. И паровоз "У-127" повез горестный поезд в Москву.

Машинист Матвей Кузьмич Лучин двадцать один год водил поезда. Теперь он вел паровоз "У-127". Без остановок шел поезд. Ровно в час надо привезти в Москву гроб с телом Ленина. По сторонам вдоль всей железной дороги стояли крестьяне.

Паровоз приближался с протяжным, тревожным гудком. Люди не трогались. Стояли без движения на рельсах. Плечом к плечу. Молча. Паровоз не дошел до станции, остановился, тяжело задышал. Машинист вышел из паровоза на лесенку.

- Товарищи! - сказал машинист. - На этом паровозе Владимир Ильич был почетным машинистом, моим напарником. Слово я дал Владимиру Ильичу никогда не опаздывать. Нынче приказано ровно в час быть в Москве. Помогите слово сдержать. Ильичу дано слово...

И заплакал. И люди заплакали. Расступились, открыли поезду путь.

Москва. Снова товарищи взяли на руки гроб с дорогим Ильичом. Из улицы в улицу медленным шагом сквозь тысячи безмолвных людей несли к Дому Союзов.

Вдруг где-то над крышами возник глухой шум. Заполнил небо. Низко пронеслись аэропланы. И, словно белые голуби, полетели листки. Люди ловили. Читали о Ленине.

И еще поставлены были на площадях деревянные щиты с биографией Ленина. Ведь Ленин очень был скромн. Ни за что не позволял писать о себе.

И вот его нет, и народ толпился у деревянных щитов и читал короткий рассказ о великой жизни Ленина.

Холодно. На московских улицах горели костры. Бесконечными вереницами двигались люди к Дому Союзов. День и ночь. Отогревались у костров. Снова шли. Или топтались на месте, чтоб не обморозить ноги, пока на шагок двинется очередь.

Москвичи и приезжие из всех концов Советской страны. Русские и украинцы, армяне и казахи, белорусы, грузины... Иностранцы коммунисты и рабочие.

В Доме Союзов, утонув в цветах, стоял гроб. Тихо звучала музыка. Тихо шли люди.

Похоронили Владимира Ильича в воскресенье 27 января в четыре часа по

московскому времени.

На Красной площади построили Мавзолей. Трое суток строили его в лютую стужу. Долбили, взрывали, оттаивали мерзлую землю кострами, копали котлован. И выросло строгое здание. Тогда было оно деревянным. Позже на месте его воздвигнут величественный Мавзолей из гранита и мрамора.

Утром 27 января сходились и съезжались на Красную площадь делегации от заводов и фабрик, из разных городов и Советских республик, от иностранных коммунистических партий. С утра под январским студеным небом стоял на высоком помосте покрытый красными знаменами гроб Ильича.

Замер почетный караул. Замерла Красная площадь. И вот кавалерийский эскорт пронесся карьером мимо гроба полководца первой в мире социалистической революции. И вот артиллерийские запряжки прошли крупной рысью, отдавая последние воинские почести Ленину.

И потянулись рабочие колонны и, приближаясь к помосту, приспускали до самой земли траурные флаги.

Ровно в четыре часа в городах и поселках, где было радио, раздались слова:

"Встаньте, товарищи! Ильича опускают в могилу".

Остановились станки. Стали машины. Стояли, склонив головы, люди. За границей рабочие прервали работу. Пять минут было молчание. А трубы заводов и фабрик гудели, гудели. Стали на всех путях поезда и гудели. Остановились в морях наши пароходы. Долгий, неутешный неся голос скорби над полями, и селами, и городами, и всей нашей Родиной.

Ледяной ветер метался по Красной площади. Плескал траурные полотнища и красные стяги. Морозил слезы на лицах.

Прогремел прощальный салют.

Гроб с телом Ленина опустили навсегда в Мавзолей.

Смеркалось. Близилась ночь. Людские колонны все шли через Красную площадь мимо Мавзолея, все шли...

ВИШНИ ЦВЕТУТ

Наступила весна. В горкинский парк прилетели грачи. Прилетели на родину и хлопотали над гнездами, устраивая жизнь, оглушая окрестности радостным гамом. И жаворонки прилетели. Высоко, в бездонной голубизне неба лилась, не смолкая, песнь жаворонков. Над Малым прудом плясали в лучах солнца стрекозы с прозрачными крылышками.

Надежда Константиновна постояла у пруда. Она знала в горкинском парке все любимые места и дорожки Владимира Ильича.

Но был один уголок, который Владимир Ильич не успел увидеть, а Надежда Константиновна любила сюда приходить. Пришла и сейчас. Села на скамейку. Задумалась, положив на колени руки в морщинах, с набухшими жилками.

Здесь цвели вишни. Юные, тонкие вишенки с темно-красными, словно облитыми лаком, гибкими ветками.

Вишни цвели в первый раз. Владимир Ильич не успел увидеть их цвета.

В последнюю осень приехали к Владимиру Ильичу в Горки рабочие с Глуховской мануфактуры. Привезли Владимиру Ильичу письмо от фабрики и подарок - вишневые саженцы из фабричного сада.

Как обрадовался Владимир Ильич встрече с рабочими! Счастливым светом загорелись глаза!

На прощание один старый рабочий сказал:
- Я рабочий-кузнец, Владимир Ильич. Я кузнец. Мы скуем все намеченное тобой.

И крепко обнял Владимира Ильича. Постояли обнявшись. Через этого старого кузнеца Владимир Ильич как бы всему рабочему классу горячий привет посылал. А рабочий дал обещание Ленину.

"Обещаем, Ильич, дорогой наш Ильич!" - повторяла Надежда Константиновна рабочую клятву.

Жужжали пчелы над вишнями...

Много весен миновало с тех пор, много лет.

Вишни в горкинском саду разрослись.

Выросло, возмужало созданное Лениным государство. Выросла созданная Лениным партия.

Бывали трудные времена, лихие и тяжелые годы. Вынесла все испытания Родина. Крепче, сильнее, краше становится Советский Союз. В самых дальних краях нашей Родины горят "лампочки Ильича". Электростанции, заводы и фабрики, космодромы, колхозы, совхозы, новые города, школы, клубы, театры...

Если бы мог увидеть Владимир Ильич!

Но, наверное, Ленин сказал бы:

"Не останавливайтесь. Не все достигнуто. Ведь наша цель - коммунизм".

Коммунизм - это справедливость и правда. Это общий труд на общее благо. Это бесстрашные дороги вперед и вперед, в поисках нового. Это наша мечта о счастье и жизни красивой и благойродной.

Ленин показал нам к ней путь.

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Эту повесть о жизни Ленина я писала с огромным волнением. Мне хотелось нарисовать живой образ Владимира Ильича, рассказать о его детстве и юности, об основных этапах его революционной борьбы и государственной деятельности. Хотелось, чтобы, читая эти страницы, вы еще горячее полюбили родного Ильича.

Конечно, невозможно в одной книге рассказать обо всей жизни Владимира Ильича - так значительна и безмерна она. Эта повесть лишь одна из ступеней вашего познания Ленина. А когда подрастаете, вам откроется много нового о неповторимой жизни и великом подвиге Владимира Ильича - создателя нашей Коммунистической партии и Советского государства.

Автор

Мариэтта Шагинян. «Четыре урока у Ленина»

Урок первый: ВОСПИТАНИЕ КОММУНИСТА

Чем бы ни был занят коммунист, какой бы специальностью ни обладал, он прежде всего должен иметь дело с людьми, знать и понимать человека, как говорится, «уметь подойти к человеку». А это вовсе не так легко, как оно кажется, и от природы такое умение дается так же редко, как талант или гений. У нас нет, к сожалению, обычая рассказывать об этом умении по-настоящему, от глубины сердца, когда вручаешь партбилет новому члену партии. Обычно больше спрашивают, с чем *он* идет в партию, а напутствие делают более или менее одинаковое и часто очень формальное. Между тем тот, кто принял в свои руки впервые книжечку, знаменующую его принадлежность к самой передовой части человечества, должен непременно задуматься о своем новом положении в обществе и о том, какие новые качества в общем понятии «человечность», какие новые задачи в воспитании его собственного характера и какие усилия работы над собой входят отныне в сумму того, что он привык считать своим обычным нравственным долгом.

Помню, как я вступала в партию в первые дни отступления наших войск осенью 1941 года. Вся обстановка тех дней была особая, тревожная и приподнятая. Война охватила людей сразу, как пожар в доме, душевное состояние каждого как бы обнажилось и высветлилось, характеры стали сразу видны, как скелет на рентгеновском снимке, разница между ними сделалась резче и отчетливей. Нашим руководителям было очень некогда, и все же они сделали нам напутствие. Получая свою кандидатскую книжку, я услышала общие фразы о войне, патриотизме, долге члена партии. Последний как бы понимался сам собой и не был разъяснен конкретно, в условиях войны он похож был на долг каждого честного человека и сына своей родины вообще. Но когда я вышла на улицу, спрятав свою драгоценную книжку в мешочек на груди, жизнь тотчас же сама стала конкретизировать этот долг, вернее, поставила меня лицом к лицу с новой обязанностью.

Тому, что такое агитация и как надо агитировать, я никогда не училась, хоть и была в общении с людьми великой спорщицей, когда нужно было что-то защитить или опровергнуть. А тут первая задача, поставленная передо мной, как перед кандидатом партии, была стать агитатором, выступать перед людьми.

Москва лежала испещренная, как спинка марала, защитными пятнами красок на стенах, обложенная мешками с песком, исполосованная белыми бумажными лентами по стеклам окон. Небо над ней стояло дымное, окутанное пеленой взрывов. Завывали сирены, сгоняя людей в убежища. Утром, на позднем рассвете, как кусок льда в холодном сумраке неба, качался над площадями распластанный серебристо-голубой аэростат. Все повседневное отошло куда-то, сменилось огромнейшим биваком, чем-то временным, непрочным, исчезающим. А мы, часть писателей, должны были тотчас вмешаться в этот зыбкий мир неустойчивости, дав почувствовать людям, что вещи крепко стоят на земле, привычные формы советской власти были и остались гранитно-прочными, и душевная жизнь человека должна войти в берега незыблемо-твердого, незыблемо-стойкого мира, — мы были назначены агитаторами.

Выступать приходилось очень часто: и в полупустых аудиториях Политехнического, и в кинотеатрах перед экраном до начала сеанса, и в набитых до отказа мраморных коридорах и площадках метро после того, как завывала сирена... Но когда наступала передышка между профессиональной работой — писанием для газет, для тогдашнего Совинформбюро, для многотиражек — и выступлениями с агитационными речами — а такая передышка чаще всего бывала во время ночных тревог, — я жадно вчитывалась в книжки, которые нашлись у меня под рукой. То были книжки издания тридцатых годов воспоминания о Ленине работников Коминтерна

и воспоминания о Ленине Надежды Константиновны Крупской. Мне страстно хотелось узнать и почувствовать по этим книжкам, какие качества коммуниста сделали Ленина вождем международного рабочего движения, почему и за что он стал так любим человечеством, каким свойствам его характера нужно научиться Подражать, и вообще, чем отличается настоящий коммунист от обыкновенного человека за вычетом его убеждений.

Тайна характера — это ведь и тайна поведения, ключ к тому комплексу, который влияет на вас в другом человеке, внушает доверие и уважение к нему, жажду за ним следовать; и это не рождается разумом, оно глубже разума, и оно связано как-то и с тем, каким ты сам теперь должен стремиться быть.

Сейчас такие раздумья во время ночных бомбежек могут показаться наивными. Но в те дни для вступившего в партию они были, мне думается, нередки. Жизнь перед нами как бы раскалывалась надвое, и хотелось понять и осознать до конца, куда вы вступаете. В низеньком подвале, где на все убежище горела одна-единственная ввернутая в стену лампочка, мало кто старался подсесть к ней, — предпочитали угол потемней, куда приткнуться подушку и подремать до конца тревоги. Да и подсев к ней, трудно было читать: так скудно горела лампочка. Но то, что я тогда прочитала, помечая для себя самое важное красными крестиками, я запомнила на всю жизнь.

Наступал отбой. Люди гуськом поднимались наверх, на чистый воздух холодного утра, и в эти необыкновенные минуты городской тишины особенно отчетливо, как-то первозданно отстаивалось в мозгу все прочитанное за ночь.

Прежде всего хотелось узнать из книг, как Ленин выступал перед людьми, какой урок можно было извлечь агитатору из его искусства влиять и убеждать. Общие фразы тут не помогли бы, общие определения, разбросанные во многих статьях и книгах, рассказы очевидцев, слушавших Ленина, тоже мало чем могли помочь, мысль должна была зацепиться за что-то очень конкретное, за какую-то уловленную особенность. В этом отношении маленькая, на плохой, желтоватой бумаге изданная книжка о впечатлениях зарубежных коммунистов в сложную эпоху распада II Интернационала и первых шагов III Интернационала оказалась особенно полезной.

Люди, привыкшие слушать множество социал-демократов и среди них таких классиков социал-демократии, как маститый Август Бебель, неожиданно знакомимся с Лениным, о котором знали только понаслышке. У них было наготове старое мерило сравнения, был опыт всех видов красноречия с трибуны, и они не могли, впервые услышав Ленина, не подметить нечто для себя новое в его выступлениях.

Очень было интересно читать, например, как описал японский коммунист Сен-Катаяма, приехавший из Мексики в Советскую Россию в декабре 1921 года, доклад Ленина в Большом театре, на Всероссийском съезде Советов. Сен-Катаяма совсем не знал русского языка, он не понял ни одного слова в докладе; но глазами он воспринимал вместо ушей и то, как Ленин говорил, и то, как его слушали. Видно, это было для него и ново и непривычно до такой степени, что Сен-Катаяма, за три часа в продолжение доклада не понявший произносимых слов, тем не менее не утомился и не соскучился.

Вот его описание: «Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово. Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-либо жестам, но

он обладал чрезвычайным обаянием; когда он начал говорить, наступила гробовая тишина, все глаза были устремлены на него. Товарищ Ленин окидывал взглядом всю аудиторию, как будто гипнотизировал ее. Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих долгих трех часов. Он увлек всю аудиторию. Слушателям время казалось очень кратким. Товарищ Ленин величайший оратор, которого я когда-либо слышал в моей жизни».⁹

Тут еще тоже все очень общо. Но если особенность Ленина как оратора была нова для Сен-Катаямы, нам тоже кажется кое-что неожиданным в его зрительном восприятии. Образ Ленина — в рисунках наших художников, в памятниках скульпторов, в воспроизведении актеров — вошел к нам и остался зримо перед миллионами советских людей — с широким жестом. Жест этот, взмах руки, устремленной вперед, сделался как бы неотъемлемым от него. А у Сен-Катаямы Ленин «не прибегал к каким-либо жестам», он словно стоял неподвижно перед слушателями. И мало того, отсутствие жеста сочеталось у него с однообразной интонацией: три часа — без перемены интонации! И дальше. Звучащая для нашего советского уха как-то странно и неприемлемо фраза о том, что Ленин «как будто гипнотизировал» аудиторию. Совсем это не похоже на тот портрет, какой создали наши скульпторы и художники.

Но попробуем все же вдуматься, что именно поразило Сен-Катаяму в ораторском искусстве Ленина. По его собственному признанию, русского языка он не знал и, значит, ни слова из доклада не понял. Откуда же взялась его уверенность в том, что Ленин «неуклонно развивал свою мысль, излагая аргумент за аргументом»? Ясное дело, не имея возможности услышать смысл слов, Сен-Катаяма не мог не услышать и, больше того, не почувствовать глубочайшей силы убежденности, которою была проникнута речь Ленина. Эта убежденность ни на секунду не ослабевала, — отсюда впечатление неуклонного развития мысли; и она длилась, не ослабевая, не утомляя слушателей, целых три часа, — значит, в ней не было утомляющих повторений, а новые и новые доказательства (аргументы), следовавшие одно за другим. Уловив эту главную особенность в речи Ленина, Сен-Катаяма свой мысленный образ от нее невольно перевел в зрительный образ, может быть, по ассоциации «капля точит камень», и отсюда появился в его описании совсем непохожий Ильич живой и всегда очень взволнованный Ильич, — вдруг превратившийся у Сен-Катаямы в неподвижную статую без жеста, с монотонной интонацией, остающейся без перемен целых три часа.

Но Сен-Катаяма бросил еще одно определение, не дав к нему ровно никакого пояснения для читателя: Ленин «обладал чрезвычайным обаянием». Чтоб раскрыть тайну обаяния Ильича как оратора для массы слушателей, оставшуюся у Сен-Катаямы голым утверждением, очень полезно представить себе, к каким ораторам из числа самых авторитетных вождей в то время привыкли зарубежные коммунисты, то есть с кем мысленно мог бы сравнить Сен-Катаяма Ленина.

В воспоминаниях теоретиков и практиков революционного движения трудно найти (да и нельзя требовать от них!) что-либо художественное, переходящее в искусство слова. И тем не менее, вспоминая о Ленине на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году, Феликс Кон, наверное, совсем не собираясь сделать этого, оставил нам почти художественный портрет Бебеля. Для меня, много жившей в Германии и короткое время учившейся в Гейдельберге, этот портрет был просто откровением, потому что мне пришлось часто сталкиваться у простых немцев с

---

⁹ «Ленин и международное рабочее движение». Партиздат, М., 1934, с. 139–140. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Госполитиздат (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). М., 1957, т. 2, с. 628.

непонятной для русского человека чертой чиновничества, каким-то особенным уважением к чиновничеству, к мундиру. На Штутгартский конгресс приехал глубоко почитаемый вождь Август Бебель. Идолопоклонства в немецкой рабочей партии не было. Сам Владимир Ильич писал об этом очень красноречиво: «Немецкой рабочей партии случалось поправлять оппортунистические ошибки даже таких великих вождей, как Бебель».¹⁰ Но у верхушки социал-демократии в их партийном обиходе были некоторые внешние заимствования форм, принятых в кругах буржуазной дипломатии. Так, для целей выяснения «точек зрения» и для дружеских сближений устраивались «приемы», «чашки чая», встречи за круглым столом. «Такой банкет был в Штутгарте устроен за городом, — рассказывает Феликс Кон. — Пиво, вино, всевозможные яства пролагали путь к „сближению“... Как самый авторитетный вождь II Интернационала и блюститель традиций, Бебель на банкете совершал торжественный обход всех делегаций, обращаясь ко всем со словом „Kinder“ („дети“), с одними отечески шутя, других журя, а иных наставляя на путь истины. Окружавшая Бебеля свита поклонников и поклонниц усиливала величественность этого обхода...»¹¹

Ярко встает перед нами вся картина. Бебель несомненно был великий вождь (так называл его Ленин, так запомнился он студенчеству моего времени, сидевшему над «Женщиной в прошлом, настоящем и будущем»), и то, что я хочу дальше сказать, не в обиду его имени будь сказано. Но когда личное величие осознано как положение среди своих современников и человек стремится сочетать его с демократизмом, этот демократизм только подчеркивает разницу в положениях и «чинах» того, кто обходит собравшихся на «прием», и тех, кого он обходит. Формула «чтобы никого не обидеть» утверждает, как само собой разумеющееся, вышестояние одного лица над другим, и это могло проскользнуть у верхушек социал-демократии. Но можно ли хоть на минуту представить себе нашего Ильича в положении Бебеля, обходящим делегатов? Физически нельзя себе это представить. И нельзя его себе представить «окруженным свитой поклонников и поклонниц». В «чрезвычайном обаянии» Ильича как оратора, подмеченном Сен-Катаямой, в огромной его популярности среди сотен людей, затаив дыхание слушавших его доклад, было какое-то иное качество. Но какое?

Пойдем немножко назад во времени, и из Штутгарта 1907 года заглянем в 1902 год — в мюнхенские воспоминания Надежды Константиновны Крупской. Верная соратница Ильича, как и сам Ильич, она очень уважала Плеханова; когда я в одной из своих работ («Фабрика Торнтон») поставила имя Плеханова рядом с Тахтаревым, Надежда Константиновна в письме поправила меня, указав, что Плеханов был одним из основоположников нашей партии, а Тахтарев — «революционер на час». Но вот что она вспоминает, когда они создавали «Искру»:

«Приезжали часто в „Искру“ рабочие, каждый, конечно, хотел повидать Плеханова. Попасть к Плеханову было гораздо труднее, чем к нам или Мартову, но даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, *рабочий чувствовал лишь громадное расстояние* (курсив мой. — М. Ш.) между собой и этим блестящим теоретиком, но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить. А если рабочий не соглашался с Плехановым, пробовал изложить свое мнение, —

---

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 409.

¹¹ «Ленин и международное рабочее движение», с. 9.

Плеханов начинал раздражаться: „Еще ваши папеньки и маменьки под столом ходили, когда я...“¹²

Опять удивительно конкретный облик характера! Блеск остроумия, высокая образованность — все это отлично знал и видел в самом себе сам Плеханов. Он получал от своих больших качеств личное удовольствие, личное удовлетворение, как наслаждается талантливый актер, когда ему удается превосходно сыграть. В Цюрихе во время резкого спора с группой «Рабочего дела», приведшего к разрыву, спорщики волновались и переживали; дошло до того, что Мартов «даже галстук с себя сорвал». Но Плеханов «блистал остроумием». И Надежда Константиновна, вспоминая об этом, пишет, невольно дорисовывая данный ею раньше портрет: «Плеханов... был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему приходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив».¹³ Если в характере Августа Бебеля было немецкое соблюдение традиционности, обнаженное даже до некоторой наивности, то в характере личного удовлетворения самим собой, в черте, которую русский язык определил как «сам себе цену знает», у Плеханова уже не наивная традиционность, а индивидуализм большого таланта, видящего прежде всего свое «как», а не чужое «что». И все же мы только приблизились к ответу, в чем «иное качество» Ленина как оратора, и опять надо пропутешествовать из книги в книгу, на этот раз к впечатлению одного шотландского коммуниста, чтоб докопаться наконец до точного определения.

Шотландцы — очень упрямый народ с удивительно стойким, сохранившим себя несколько столетий без изменения национальным характером. Когда мы читаем В. Галлахера, делегата от Шотландского рабочего комитета на Втором конгрессе Коминтерна, то в его коротеньких воспоминаниях так и встает перед нами герой романов Смоллета, хотя герои романов Смоллета жили в середине XVIII столетия, а молодость Галлахера пришлась на XX век. Та же прямота и резкость, тот же разговор без обиняков и дипломатии — рубка по-шотландски, и то же умное наблюдение, соединенное с природным здравым смыслом. Без малейшего смущения, а даже как-то горделиво Галлахер признается, что на собраниях и комиссиях для выработки тезисов, «которые придали II конгрессу такое огромное значение в истории Коминтерна», лично он, Галлахер, «отнюдь не оказался полезным». Почему? Да потому... Но лучше не передавать своими словами, а дать слово самому шотландцу:

«Приехав в Москву с убеждением в том, что мятежник из Глазго знает гораздо больше о революции, чем кто-либо из наших русских товарищей, несмотря на то, что они переживали революцию, — я сразу же старался направить их на „верный“ путь по целому ряду вопросов...»¹⁴

Ну чем не герой Смоллета? Поучить уму-разуму русских большевиков! Но в этом чисто шотландском гоноре (наши ребята из Глазго! Это вам не кто-нибудь!) есть нечто куда более симпатичное и располагающее к себе, нежели удовольствие Плеханова от своих собственных качеств, и нет ни малейшего сомнения, что шотландская самоуверенность Галлахера понравилась Ильичу, может быть, вызвала у него, как и у нас, литературные реминисценции, разбудила в нем

---

¹² «Воспоминания о Ленине». М., 1933, с. 45.

¹³ «Ленин и международное рабочее движение», с. 144–145.

¹⁴ «Ленин и международное рабочее движение», с. 144.

природный ильичевский юмор. С неподражаемой откровенностью Галлахер рассказывает дальше, что он был чрезвычайно раздражен «из-за непривычных» для него «условий питания» и в таком состоянии сделался невероятно обидчив. Узнав, что в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» Ленин изобразил в «дурном свете» именно его, Галлахера, он чуть ли не набросился на Владимира Ильича:

«Я настойчиво пытался его уверить, что я не ребенок, а, как я говорил, „набил руку в этом деле“.¹⁵ Многие из моих замечаний были сделаны на языке более вольном, чем обыкновенный английский». Это значит, что Галлахер набросился на Ленина по-шотландски, с горчицей и перцем, не присущими выдержанной английской речи. Как известно, английский язык самый вежливый на свете; ведь ни на каком другом языке, кроме, может быть, китайского, не додумались говорить «сэнк ю» (благодарю вас) тотчас в ответ на «сэнк ю» собеседника, для того, чтобы собеседник, получивший от вас «спасибо» на «спасибо», в третий раз сказал «сэнк ю», то есть свое спасибо на спасибо за первое спасибо! Шотландский язык, претендующий на то, что в Шотландии-то и говорят на самом чистом, первичном английском языке, таких тонкостей не знает. И вот представьте себе, читатель, разъяренного шотландца, осыпающего Ленина лексиконом, принятым «по ту сторону Клайда». Ленин утихомирил его коротенькой запиской: «Когда я писал эту маленькую книжку, я не знал вас». Но он не забыл ни самого шотландца, ни его фразы «на языке более вольном, чем английский». Когда через несколько месяцев приехал в Советский Союз из Великобритании другой коммунист, Вильям Поль, Владимир Ильич описал ему выходку Галлахера и, вероятно, мастерски передразнил того, повторив знаменитую фразу, в точности и с шотландским акцентом: Gallacher said he wis an awl haun et the game (Галлахер сказал, что он набил себе руку в этом деле). Сообщая об этом со слов Поля, Галлахер заканчивает свой рассказ: «Поль говорит, что он (Ленин) прекрасно передал акцент Клайдсайда».¹⁶

Мы должны быть горячо благодарны шотландскому коммунисту даже за один только этот драгоценный штришок бесконечно дорогого для нас юмора Владимира Ильича. Но мы обязаны Галлахеру несравненно большим. При всем своем ребячестве и шотландской задирчивости именно Галлахер сумел наиболее зорко подметить и наиболее точно передать основную особенность ленинских выступлений и бесед:

«Я два раза был у Ленина дома и имел с ним частную беседу. Меня больше всего поразило в нем то, что пока я был с ним, я не имел ни одной мысли о Ленине, я мог думать только о том, о чем он думал, а он все время думал о мировой революции»¹⁷ (курсив мой. — М. Ш.).

Вот, наконец, черта, за которую может уцепиться мысль. Видеть лицом к лицу Ленина, слышать его голос, может быть, не раз встретиться с ним глазами и, несмотря на это, все время не видеть и не слышать самого Ленина, не думать о нем *самом*, а *только о предмете его мыслей, о том, что Ленин думает, чем он сейчас живет, то есть воспринимать лишь содержание его речи не «как» и «кто», а «что»!* Таким великим оратором был Ленин, и так умел он целиком отрешиться от себя самого, перелившись в предмет своего выступления, что слушателю передавались вся

---

¹⁵ У Галлахера сказано «game» — в этой игре. (Он имел в виду революцию. — М. Ш.).

¹⁶ То есть берегов реки Клайд, около Глазго. — М. Ш.

¹⁷ «Ленин и международное рабочее движение», с. 145.

глубина его убеждения, все содержание его мыслей, заставляя забыть о самом ораторе и ни на секунду не отвлечь этим внимания от существа его речи или беседы.

Представляю себе две формы реакции на два типа ораторов. К одному после его доклада подходишь с восхищением и поздравлением: «Как вы прекрасно, как блестяще выступили!» И к другому подходишь и говоришь не о том, *как* он выступал, а сразу же о предмете его речи, захватившем, заинтересовавшем, покоровившем вас. Подчеркнув красным крестиком глубокие и бесхитростные слова Галлахера, я сделала для себя такой вывод: если аудитория начнет после твоего доклада хвалить *тебя* и восхищаться *тобой*, значит, ты *плохо* сделал свое дело, ты провалил его. А если разговор сразу же пойдет о предмете и содержании твоего доклада, как если б тебя самого тут и не было, значит, ты *хорошо* выступил, сделав свое дело на пять.

Таков был первый урок, почерпнутый мною из чтения во время бомбежек, и с тех пор, направляя свои внутренние усилия в работе агитатора так, чтоб по окончании доклада слушатели сразу заговаривали о его содержании, а не обо мне, я мысленно все время представляла себе образ Ленина-докладчика. Пусть при этом не удавалось достичь и стотысячной доли результата, зато сама память о полученном уроке была драгоценной; храня ее неотступно, воспитываешь у себя трезвую самооценку любого внешнего успеха.

2

Так был сделан первый шаг в познании особенностей Ленина как агитатора. Но секрет огромной любви к нему миллионных масс, любви не только разумом, но и сердцем, все еще оставался неопределимым. Правда, была уже вполне очевидна разница в том, как, например, почтительно следовала за Августом Бебелем «свита его поклонников и поклонниц», безусловно глубоко любивших Бебеля и преданных ему; и как — совсем не почтительно — кидались навстречу Ленину люди, чтоб только посмотреть на него и побыть около него. Часто наблюдая такие встречи в Москве в 1921 году, Клара Цеткин рассказывает о них в своих воспоминаниях:

«Когда Ленин заходил ко мне, то это было настоящим праздником для всех в доме, начиная с красноармейцев, которые стояли у входа, до девочки, прислуживавшей в кухне, до делегатов Ближнего и Дальнего Востока, которые, как и я, проживали на этой огромной даче... — „Владимир Ильич пришел!..“ От одного к другому передавалось это известие, все сторожили его, сбегались в большую переднюю или собирались у ворот, чтобы приветствовать его. Их лица озарялись искренней радостью, когда он проходил мимо, здороваясь и улыбаясь своей доброй улыбкой, обмениваясь с тем или другим парой слов. Не было и тени принужденности, не говоря уже о подобоострастии, с одной стороны, и ни малейшего следа снисходительности или же погони за эффектом — с другой. Красноармейцы, рабочие, служащие, делегаты на конгресс... — все они любили Ленина, как одного из своих, и он чувствовал себя своим человеком среди них.

Сердечное, братское чувство роднило их всех». ¹⁸

В этих словах нет ничего нового, каждый, кто когда-либо писал о личных встречах с Лениным, неизменно отмечал то же самое — великую простоту, сердечность, товарищество Ильича в его

---

¹⁸ «Ленин и международное рабочее движение», с. 77–78; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 469–470.

общении с другими людьми. Можно назвать поэтому рассказ Клары Цеткин типичным. Есть в нем только одно, что немецкая коммунистка прибавила от себя. Не услыша этого, как личного признания от самого Ленина, не цитируя какого-нибудь ленинского высказывания в письме или разговоре, а как бы невольно беря на себя функцию психолога или писателя (который может говорить за своих воображаемых героев), она пишет про Ленина: «...он чувствовал себя своим человеком среди них». Если б редактор потребовал от нее на этом месте справку, откуда она это знает, или строгий «коронер» на судебном процессе указал ей, что свидетель не имеет права говорить за других о том, что другие чувствуют, а только за себя, что он сам чувствует, Клара Цеткин вынуждена была бы поправиться и уточнить свою речь таким образом: «Я чувствовала» или «я видела, что Ленин чувствует себя своим человеком среди них». Тогда нужно было бы доискаться, что же именно в отношении Ленина к другим людям (ведь не только простота и сердечность!) вызвало у Клары Цеткин такое признание.

Здесь мы оставим на время книжку воспоминаний и обратимся к другим источникам более общего порядка.

Когда вышло первое издание сочинений Ленина, у нас еще не существовало разветвленной сети кружков политечебы с широко разработанной программой чтения. Каждый вопрос в этих программах охватывал (и охватывает сейчас) много названий книг классиков марксизма, но не целиком, а с указанием только нужных для прочтения страниц, — от такой-то до такой-то. Считаю для себя счастьем, что я избегла в конце двадцатых годов этой пестроты знакомств с книгой по кусочкам и смогла прочитать Ленина том за томом, каждое произведение в его целостном виде. Правда, не имея ни консультанта, ни старшего товарища, который «вел» бы меня в этом чтении, я часто «растекалась мыслью» по второстепенным местам, увлеченная какой-нибудь деталью, и упускала главное. Зато детали эти мне очень потом пригодились. Одна из таких деталей, останавливающая внимание на первых же страницах «Материализма и эмпириокритицизма», помогает, мне кажется, понять очень важную вещь: связь *индивидуализма* в характере человека со склонностью его мышления к теоретическому *идеализму*. Владимиру Ильичу очень полюбилось одно выражение у Дидро. Начав свою полемику с Эрнстом Махом, он приводит полностью всю цитату, где Дидро употребил это выражение. Судя по сноске, Ленин читал французского энциклопедиста в оригинале и сам перевел цитируемое место. Речь идет о беседе Дидро с Даламбером о природе материализма. Дидро предлагает своему собеседнику вообразить, что фортепьяно наделено способностью ощущения и памятью. И вот наступает вдруг такой момент сумасшествия... Далее следует знаменитая фраза Дидро: «Был момент сумасшествия, когда чувствующее фортепиано вообразило, что оно есть единственное существующее на свете фортепиано и что вся гармония вселенной происходит в нем».¹⁹ Этот образ чувствующего фортепьяно, на клавишах которого (органах восприятия) играет объективный мир, то есть материально существующая природа, — и которое вдруг сошло с ума, вообразив, что в нем единственном заключена вся гармония вселенной, — захватил Ленина так сильно, что он не только процитировал это место, но и вернулся к нему снова, повторил его, развил и приблизил к нам, дав его читателю в несколько ином ракурсе. У Дидро ударение стоит на мысли, что фортепьяно вообразило, будто *вся гармония вселенной происходит в нем* (курсив мой. — М. Ш.). Ленин, издеваясь над «голеньким» Эрнстом Махом, пишет, что, если он не признает объективной, независимо от нас существующей реальности, «...у него остается одно „голое абстрактное“ Я, непременно большое и курсивом написанное Я = „сумасшедшее фортепиано, вообразившее, что

---

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 31.

оно одно существует на свете“». ²⁰ Казалось бы, это опять та же цитата из Дидро, — но не совсем та! Ильич ставит знак равенства между «сумасшедшим фортепиано» и местоимением первого лица единственного числа «Я». Он как бы центрирует внимание не на второй мысли Дидро (что «сумасшедшее фортепиано» вообразило себя творцом гармонии вселенной, носящим весь объективный мир внутри себя, как позднее «Мировой Разум» Гегеля); он попросту выбрасывает эту вторую половину фразы, чтоб она не двоила внимания читателя, и подчеркивает первое утверждение Дидро, что «сумасшедшее фортепиано» вообразило себя *одним на свете*. И больше того, оно превратилось в «Я» с большой буквы. Но когда «Я» с большой буквы становится центром мира и оно существует в единственном числе, что же делается с бедным «ты», со всеми другими познающими субъектами? Не перестает ли каждое «Я» реально чувствовать бытие каждого «ты», не становятся ли эти «ты» для него лишь порождением его собственных идей? Так от крайнего *теоретического солипсизма* Беркли незаметно в уме читателя прокладывается мостик к *крайнему практическому индивидуализму* в характере человека, заставляющего его как бы не чувствовать бытие другого человека рядом с тобой с той же убедительной реальностью, с какой ты ощущаешь глубину и реальность своего собственного бытия.

Разумеется, все эти рассуждения очень субъективно-читательские. Но зерно истины в них есть. Именно от полноты своего материалистического сознания Ленин очень сильно ощущал реальное бытие других людей. И каждый, к кому подходил Ленин, не мог не чувствовать *реальность этого подхода* человека Ленина к другому человеку, а значит, не мог не переживать ответно свое человеческое равенство с ним. В материалистическом переживании бытия «ты» с той же силой, как бытия своего «я», есть совсем новое качество нашего времени, и каждый партийный руководитель должен стремиться воспитать в себе это качество. В памяти всплывают многие образы литературы, где как бы подтекстно, а иногда и в самом тексте проводится мысль, что далеко не все люди существуют реально, многие только «кажутся» для того, чтобы твое «я» прошло великий искус жизни... Когда в «Братьях Карамазовых» идет страшный рассказ о детях, безвинно переносящих чудовищные муки, и читателю как бы задается вопрос: за что? — опять возникает призрачное ощущение бытия некоторых живых существ, только «кажущихся», но не существующих реально. «Это, брат, не наши люди, это пыль, поднявшаяся... Подует ветер, и пыль пройдет...» говорит Федор Карамазов про сына Ивана. ²¹ Знаменитый самгинский вопрос у Горького «да был ли мальчик?», еще недавно служивший в нашей литературе своего рода метафизической проблемой, тоже порожден утверждением единственного «Я» на земле. А на западе! У немецких романтиков, в «Эликсире Сатаны» Гофмана, в огромном числе сегодняшних книг, не таких талантливых, но рожденных подводным течением идеализма, разве не выводятся наряду с действующим «я» люди-призраки, имеющие лишь подсобное существование? У Кафки эта призрачность существования «ты», подобно раковой опухоли, так чудовищно разрослась, что метастазы охватили даже его гиперболическое, огромное «Я» с большой буквы, и это «Я», герой Кафки, становится сам призраком, теряющим реальные очертания земного бытия. Так сошедшее с ума фортепьяно продолжает свое шествие в искусстве и мышлении современности. Пример с Кафкой особенно ярок для тех читателей, кто знаком с творчеством этого страшного выразителя крайней линии идеализма в литературе: Кафка удивительно сильно, до тошноты и головокружения (потому что это непривычно и несвойственно нормальному мышлению) показал

---

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 36–37.

²¹ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, т. 1, Гослитиздат, М., 1958, с. 241.

беспомощность взаимоотношений между «я» и «ты», между субъективным сознанием и его призраком, как бы физическую невозможность для «я» добиться от «ты» прямого ответа на вопрос или прямого противодействия на действие, когда оно требуется по ходу романа.

Но вернемся из этого призрачного мира сошедшего с ума фортепьяно в живой мир нашей исторической действительности. Переживали ли вы когда-нибудь, читатель, особое счастье от общения с человеком, который, вы чувствуете, подошел к вам с тем выражением равенства, когда его «я» ощущает реальное бытие вашего «ты»? Это не так уж часто бывает на земле. Люди разны во всем, — не только по внешнему положению в обществе, но и по таланту, по уму, по характеру, по возрасту, по степени внешней привлекательности. Но в одном они равны абсолютно. В том, что все они *реально существуют*. И вот в присутствии живого Ленина и даже в чтении — одном только чтении его книг — каждый из нас испытал *живое счастье утверждения реальности твоего собственного бытия*, каким бы маленьким или ничтожным ни казалось оно тебе самому. Мне кажется, это одна из очень важных причин, почему людям было хорошо с Лениным и Ленину было хорошо с людьми. Один из членов Великобританской социалистической партии, побывавший в Москве в 1919 году, Д. Файнберг, определил это чувство как особое ощущение внутренней свободы: «...с каким бы благоговением и уважением вы ни относились к нему, вы сразу же чувствовали себя свободно в его присутствии».²² А это значит, что вы реализовывали в общении с Лениным лучшие стороны вашего характера, то есть, говоря проще, становились при нем лучше.

3

Для вступающего в партию всегда очень важен вопрос о его старшем (по партийному опыту) товарище, секретаре парторганизации или парторге. С ним тянет посоветоваться, у него поучиться, ему поисповедоваться, и это очень естественно в том новом положении, в каком оказывается и перед самим собой, и перед обществом молодой член партии. Едва ли не самым тяжелым разочарованием в его партийной жизни бывает, когда этот руководитель оказывается простым формалистом, или даже себялюбцем, или равнодушным человеком, и, говоря с ним, вы чувствуете, что он внимателен только для виду, отделяется ответами, занят чем-то своим. Его формальное отношение может постепенно погасить в новом члене партии стремление по-новому, осознанной, ответственной относиться к своему делу и мало-помалу тоже заразит его формализмом. Так множатся ряды чиновников с партбилетами в кармане. Ученый, даже великий ученый, может быть плохим, никудышным психологом, глядеть мимо вас, не видя вас, слушать и не отвечать, принимать черное за белое, и за это с него человечеством не спросится, больше того, даже при полном отсутствии внимания к вам и понимания вас у такого ученого можно каждый день, каждый час учиться и расти возле него, учиться могучей концентрации ума, преклоняться перед самоотдачей всей жизни предмету своей науки. Но член партии, коммунист, если он руководитель какого-нибудь коллектива, не имеет права на полную самоотрешенность. Он обязан видеть и чувствовать людей, которыми руководит. И сказать про него, что он плохой психолог, это все равно как признать: он разваливает дело, не справляется с главной своей задачей. Можно ли научиться пониманию людей и общению с людьми по учебникам психологии и педагогики? Здесь

---

²² «Ленин и международное рабочее движение», с. 51; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 3, с. 207.

я, пожалуй, разойдусь во мнении со многими. Мне кажется, не только нельзя научиться (да еще при том состоянии учебников, каковы они у нас и во всем мире сейчас!), а можно вдобавок и то верное, что практически, на опыте жизни получено, утратить и совсем запутать в голове.

Конечно, чтоб быть таким психологом, как Ильич, надо родиться Ильичем, с его громадной опорой на материалистическое сознание, с его превосходным воспитанием у таких родителей, как один из лучших русских педагогов, Илья Николаевич Ульянов, и одна из тактичнейших женщин, с ее огромной силой воли и умением создать бытовой и творческий режим в доме, Мария Александровна Ульянова. Но разобранным выше основным и как бы первичным свойствам его натуры, — полному отсутствию тщеславия и острореальному ощущению бытия другого человека, настолько же реальному, как ощущение собственного бытия, — можно всю жизнь *стремиться внутренне подражать*, и даже если это не удастся вам ни в какой мере, это станет вашей совестью, вашим вернейшим критерием в оценке характеров — вашего собственного и окружающих вас людей. Зато многим чисто педагогическим приемам Ленина, и особенно его способу постоянного изучения людей, можно каждому коммунисту научиться и, во всяком случае, необходимо знать о них.

Умение подойти к человеку, понять его, правильно сагитировать, выучить или дать урок выросло у Владимира Ильича в процессе постоянной, неутомимой работы с людьми, страстной потребности изучать людей, быть с ними, чувствовать их. Никогда не было у него равнодушия к человеку или невнимания к его прямым нуждам. Но, кроме прямой практики работы с людьми, Ленин всегда учился из книг, из художественной литературы тому, что такое глубинная психология людей. Мы знаем со слов Надежды Константиновны, что он буквально тосковал в Кракове по беллетристике и «разрозненный томик „Анны Карениной“ перечитывал в сотый раз». ²³ «Сто раз» перечел роман, где выступает любимый герой Толстого Левин, с его крестьянской философией, где дается такой великолепный разрез современного Толстому общества, где без нарочитости, с величайшей правдой искусства раскрываются такие характеры, как страшный в своей сухой душевной наготе Каренин! Характеры иного общества, иной эпохи... Но мог ли бы Ленин так гениально увидеть в Толстом «зеркало русской революции», если б не перечитывал его многократно?! Школа психологии, открываемая подлинным искусством слова, очень много дала Ильичу в его понимании людей.

Каждый народ с огромной выразительной силой проявляет себя в своем языке. Владимир Ильич хорошо это понимал. Его работе с людьми много помогало постоянное, непрекращающееся изучение языков, на каких говорят люди. Об этом наши пропагандисты как-то мало задумываются. Между тем общение писателей с рабочими разных национальностей через переводчиков, объезд чужих стран и пребывание в них без возможности прочесть даже афишу на столбе, не говоря уже о газетах, — вещь для них тяжелая, все равно что стояние у запертой двери без ключа к ней. Хотя сам Ленин писал в анкетах, что плохо знает иностранные языки, но вот что говорят свидетели:

«Товарищ Ленин хорошо понимал английский язык (и говорил по-английски)...» (Д. Файнберг).²⁴
Ленин «совершенно свободно говорил по-английски» (Сен-Катаяма).²⁵

---

²³ «Воспоминания о Ленине», с. 208.

²⁴ «Ленин и международное рабочее движение», с. 55; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 3, с. 208.

«В 1920 году, когда происходил II конгресс Коминтерна, Владимир Ильич в своем выступлении подверг критике ошибки руководства Коммунистической партии Германии и линию итальянца Серрати. Пока речь шла о Германской коммунистической партии, Владимир Ильич говорил по-немецки, а потом, когда заговорил об ошибках Серрати, сразу же перешел на французский язык. Я была на этом заседании конгресса, которое происходило в Андреевском зале Кремлевского дворца. Вспоминаю тот гул, который прошел по залу. Иностранцы товарищи не могли себе представить, что русский, который только что блестяще говорил по-немецки, так же свободно владеет французским языком»²⁶ (Е. Д. Стасова).

Но, свободно выступая с докладами и беседами на немецком, английском и французском языках, Владимир Ильич хорошо знал и итальянский, читал итальянские газеты. Осенью 1914 года, в страстной полемике с немецкими и прочими социалистами, санкционировавшими военные кредиты, Ленин противопоставляет им в статье «Европейская война и международный социализм»²⁷ итальянских коммунистов. Он цитирует несколько раз итальянскую газету «Аванти», давши на *трех с половиной* страницах своей статьи *одинадцать* итальянских фраз, точнее, сто девять *итальянских слов*. По характеру этих цитат видно, что Ильич наслаждается высоким революционным содержанием, приподнятым музыкальной красотой языка. Для него это знание чужих языков, свободное употребление их отнюдь не простой багаж образованности. Через язык он постигает внутренний жест народа, особенности его реакций, его характера, его юмора; он ищет лучших путей к нему, лучшего взаимного разумения. Мы уже видели, как тонко подметил, а потом использовал он шотландские особенности английского языка Галлахера. Но не только четыре европейских языка знал Ленин. До конца своих дней он интересовался и языками братских славянских народов и продолжал по мере сил и времени изучать их. Как в приведенных выше случаях, знание языков помогало Ильичу сразу устанавливать контакт с англичанами и французами, так помогло ему знакомство с чешским языком и обычаями. Летом 1920 года приехал в Москву Антонин Запотоцкий. С волнением и в растерянности он ожидал приема у Ленина: как и о чем решиться говорить с ним? Но тревогу его как рукой сняло:

«Прежде всего оказалось, что он (Ленин. — М. Ш.) понимает чешскую речь... Беседу он начал вопросом, который наверняка ни одного чеха не привел бы в замешательство. Он спросил, едят ли еще в Чехии кнедлики со сливами. Он помнил об этом любимом чешском блюде еще со времени своего пребывания в Праге...»²⁸

Приезжает в Москву болгарский коммунист Хр. Кабакчиев и привозит Ленину в подарок целую кучу брошюр на болгарском языке, которыми он очень гордится: вот какая у нас массовая политическая литература! В таких случаях интерес к подаренным книгам обычно потухает при виде незнакомого языка, на котором они написаны. Но мы можем сразу представить себе живого Владимира Ильича, с любопытством пересматривающего брошюры.

---

²⁵ Там же, с. 141; там же, т. 2, с. 629.

²⁶ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 320.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 8.

²⁸ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 535.

«А трудно ли выучиться болгарскому языку?»²⁹ — внезапно спрашивает он у Кабакчиева. Это не праздный вопрос. Ленин просит выслать ему поскорее болгаро-русский словарь. А через некоторое время, видимо, отчаявшись получить от Кабакчиева, Ленин пишет записочку библиотекарше с просьбой достать ему болгаро-русский словарь.

От изучения чужих языков — к изучению народа, и так буквально до последних дней жизни. Этого не должен игнорировать партийный работник, желающий изучить науку руководства людьми, умелого подхода к людям, понимания их и влияния на них. Еще и потому, может быть, что знание многих иностранных языков помогает открыть силу и красоту, особенности и своеобразие собственного, родного языка и получше владеть им в общении со своим народом. Ведь недаром Гете любил говаривать, что только знание чужих языков дает человеку возможность полностью понять свой собственный.

В годы, когда непосредственное воздействие живого Ильича еще не стерлось из памяти, М. Шолохов отразил стремление коммуниста овладеть иностранным языком. В «Поднятой целине» запечатлен образ простого и малограмотного партийного руководителя в деревне, жадно изучающего каждую свободную минуту английский язык, необходимый ему для «мировой революции». В те годы людям широко навстречу шло и наше государство, основав так называемые ФОНы³⁰ для партийных и творческих работников, — индивидуальное обучение иностранным языкам. К сожалению, мало кто воспользовался ими по-настоящему.

Огромное внимание уделял Ленин молодежи. Он учил никогда не бояться ее, внимательнейшим образом следил за ней, умел бережно относиться к ее самолюбию (Н. К. Крупская рассказывает, как он поправлял начинающих и молодых авторов совершенно для них *не заметно*), а главное обладал чудесным даром (или сам воспитал в себе выдержку) *не раздражаться на ее ошибки*. Сталкиваясь с чем-либо отрицательным, он не забывал припомнить или заметить *одновременно* и что-нибудь положительное в том же человеке. Организатор швейцарской молодежи в десятых годах нашего века В. Мюнценберг пишет после совместной работы с Лениным: «Его критика никогда не оскорбляла нас, мы никогда не чувствовали себя отвергнутыми, и, даже подвергая нас самой суровой критике, он всегда находил в нашей работе что-нибудь заслуживающее похвалы».³¹ Мюнценберг называет такое отношение Ленина *педагогическим*, то есть направленным на воспитание кадров: «Без его непосредственной личной товарищеской помощи, оказывавшейся им с огромным педагогическим тактом, Международное бюро молодежи в Цюрихе ни в коем случае не принесло бы такой пользы юношескому движению в 1914–1918 гг.».³² И он заканчивает свои воспоминания: «За свою пятнадцатилетнюю работу в движении социалистической молодежи я получил неисчислимо много от известнейших вождей рабочего движения, но не могу вспомнить ни одного, который бы, как человек и политик, стоял ближе к юношеству и политически больше влиял бы на пролетарскую молодежь, чем Владимир

---

²⁹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 532; «Ленин и международное рабочее движение», с. 126.

³⁰ ФОН — факультет общественных наук. — *Ред.*

³¹ «Ленин и международное рабочее движение», с. 25.

³² Там же, с. 24.

Ильич Ульянов-Ленин». ³³ Надо отметить тут, что Ленин всегда подмечал лучшее в человеке — и это одна из главнейших черт, необходимых для педагога, а значит, и для коммуниста, работающего с кадрами; потому что строить свою воспитательную работу с людьми коммунист может, лишь опираясь на *лучшие* их черты, а не на худшие. Надежда Константиновна рассказывает: «У Владимира Ильича постоянно бывали... полосы увлечения людьми. Подметит в человеке какую-нибудь ценную черту и вцепится в него». ³⁴ В начале мая 1918 года группа финских товарищей, наделавших крупных ошибок и потерпевших в партийной борьбе полное поражение, шла к Ленину с повинной головой, сознавая со всей серьезностью собственный промах. Люди были уверены, что получат суровый разнос. Но Ленин обнял их и вместо разноса начал подбадривать, утешать, поворачивать их мысли к будущему, говорить о том, что предстоит им делать дальше.

Подобных примеров очень много, и, когда читаешь бесхитростные рассказы об этом, чувствуешь, что в проявлении такой чуткости *вовсе не одна только* ильичевская доброта: ведь когда нужно, Ильич умел быть беспощадно суровым. Но одним из серьезнейших оружий воспитательной работы с кадрами было у Ленина *умение не только не подавлять у человека чувство его собственного достоинства, а, наоборот, пробуждать и укреплять его*. С теми, кто имел это чувство собственного достоинства, Владимир Ильич общался как будто с особенным удовольствием. Как правило, это были русские рабочие, приезжавшие к нему в эмиграцию, крестьяне, которых «мир» посылал к нему ходоками в первые годы революции, те из ученых и творческих работников, которые, подобно Михайле Ломоносову, не желали быть холуями у самого бога, а не «токмо» у сильных мира сего. Между прочим, он очень ценил эту внутреннюю человеческую независимость у английских рабочих, которых изучал во время лондонской эмиграции буквально со страстью. Страницы, посвященные этому у Надежды Константиновны, просто обжигают при чтении. В английских церквях после службы устраивались своеобразные дискуссии, на которых выступали рядовые рабочие. И Владимир Ильич ходил по церквям, чтобы только слышать эти выступления. Он жадно читал в газетах, что там-то и там объявляется рабочее собрание, и он ездил по самым глухим кварталам на эти собрания, ходил в рабочие библиотечки-читальни, ездил на крышах автобусов, посещал «социал-демократическую» церковь в Лондоне, где священник был социал-демократ, чтобы изучить рабочую молодежь. Приезжие в Лондоне знакомились лишь с верхушкой английского рабочего класса, подкупленной буржуазией, но Ленин пристально следил за рядовым английским рабочим, сыном народа, проделавшего своеобразные революции, прошедшего через чартизм и создавшего «*habeas corpus*», эту заповедь личной человеческой независимости. Слушая выступления рядовых рабочих, Ильич говорил Надежде Константиновне: «Из них социализм так и прет! Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий — сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает». ³⁵ В них он видел «движущие силы будущей революции в Англии». ³⁶ Надежда Константиновна прибавляет от себя: «На рядового английского рабочего, сохранившего, несмотря

---

³³ Там же, с. 30.

³⁴ «Воспоминания о Ленине», с. 64.

³⁵ «Воспоминания о Ленине», с. 56.

³⁶ Там же.

ни на что, свой классовый инстинкт, и надеялся всегда Ильич». ³⁷ Классовый инстинкт рабочего, покоящийся на могучем чувстве коллектива, выработанный ежедневным совместным трудом, теснейшим образом связан с чувством собственного достоинства, несомкстимым ни с холуйством, ни с заискиванием, ни с трусостью, ни с наглой самоуверенностью. Неизмеримая пропасть отделяет это спокойное и твердое сознание себя человеком от самолюбивого тщеславия, самонадеянности, самоуверенности, наглости, ячества. *И надо тонко уметь различать эту разницу, если хочешь руководить кадрами и воспитывать людей.* Если всем видам тщеславия надо давать отпор, стараясь искоренять их в членах партии, то людей со спокойным чувством собственного достоинства, людей с независимым и безбоязненным суждением нужно беречь в рядах партии как зеницу ока.

4

В прошлом был в наших творческих союзах метод воздействия на сделавшего ошибку товарища, получивший мрачное название «проработки». Мало кто найдет у нас, особенно из творческих работников, кто не перенес бы тяжело, за себя или за другого, эту проработку. Заключалась она в том, что совершивший ошибку подвергался весь целиком как бы моральному расстрелу не из ружья, которое поразило бы одно какое-нибудь ошибочное место в нем, а из пушки, ядро которой превратило бы его всего в пух и прах. При такой «проработке» не только не оставлялся признанным какой-нибудь нетронутый уголок присущих ему хороших качеств или хорошо сделанной работы, но и не допускались никакие голоса, которые вдруг прозвучали бы в момент «проработки» не в унисон с голосами обвинителей (ядро пушки), а с напоминанием о качестве в человеке, заслуживающем уважения. Если быть откровенным, мало кому из так «проработанных» товарищей пошли они действительно на пользу. Раздумывая над тем, почему у нас к ним все-таки время от времени прибегали, я, сама для себя, пришла к несколько еретическому выводу: они казались полезными и ведущими к укреплению нового общества, подобно тому как кризисы якобы ведут к укреплению капитализма. Совершивший ошибку рассматривался как симптом назревшего общего уклона в ошибку или выражение общего назревавшего недовольства — и совершенный моральный разгром его очищал атмосферу, как тайфун или шквал. Кризис, сокрушив отдельных капиталистов, давал капитализму в целом возможность двинуться дальше. И творческие союзы на «развалинах» одного «проработанного» начинали сызнова движение вперед. Я отнюдь не претендую на верность моего объяснения, я только упоминаю об этом как о личной попытке объяснить для себя самой метод «проработки». Так это или не так, но надо со всей решимостью и бесстрашием большевиков признать, что метод «проработки», осужденный нашей партией, *делающий человека средством, никогда и ни в малейшей степени не был приемлем для Ленина.* Он был по самой природе своей глубочайшим образом антиленинским. Абсолютно принципиальный в партийной борьбе, вскрывающий партийные ошибки до самого их дна, никогда не останавливавшийся перед тем, что мы называем «говорить правду в глаза», Ленин никогда не делал отдельного человека средством (что исключает всякую возможность педагогического воздействия на него), а всегда относился к человеку как к цели (с учетом его изменения, воспитания, роста). Вот почему унижение человека, такое глубокое унижение, при котором униженный сам перестает уважать в себе человеческое достоинство, есть самый

---

³⁷ Там же.

отрицательный способ воспитания человека. Такое унижение (русский язык знает еще более сильное слово для него «уничтожение»), такое уничтожение ломает кадры, коверкает им нервную систему или воспитывает холуев, лицемеров, приспособленцев и подхалимов.

Я привела несколько примеров ленинского отношения к человеку в тех простых случаях, когда люди сознавали свою вину и нужно было бережно сохранить их веру в себя и силу для завтрашней работы. Но вот более сложный пример, когда требовалось как будто сохранить для партии дарование, считавшееся блестящим, человека с большим как будто литературным и политическим будущим и для этого избавить его от всеобщего осуждения таким авторитетнейшим органом, как III конгресс Коминтерна, тем более что вышеописанный товарищ и вины особенной как будто не проявил: написал совершенно правильную по содержанию брошюру, а только малость переборщил в ней, переборщил в тоне, в критике, в нападках... Я имею в виду интереснейший эпизод с немецким коммунистом Паулем Леви и позицию в этом деле Владимира Ильича. Мне кажется, каждый партийный руководитель, кто хочет быть подкованным в своей работе психологически и педагогически, должен не только прочесть, но прямо изучить страницы, посвященные этому эпизоду в воспоминаниях Клары Цеткин. С тех пор прошло свыше сорока лет. Объективный исторический анализ стер все сложности и тонкости, всю конкретность обстановки, существовавшей в тот год (1923), и, например, в нашей БСЭ, как и в новых учебниках истории партии, эпизоду с Леви дано скупое и сжатое толкование, а сам Леви попросту сброшен со сцены истории как заведомый ренегат и оппортунист. Но сорок лет назад все это не было так явно и понятно для каждого. Сорок лет назад факты представлялись несколько по-другому, а сам Леви еще занимал руководящий пост в молодой Германской компартии, и позиция его далеко не всякому была видна во всей ее двойственности. Вот почему весь эпизод с Леви, особенно во время войны, при тусклой лампочке бомбоубежища, произвел на меня такое сильное впечатление в трактовке его по горячему следу, сразу после события, устами старой, опытной немецкой коммунистки. Событие, взволновавшее все секции Коминтерна, было революционное рабочее движение (или вспышка) в марте 1923 года в немецком городе Мансфельде. За вспышкой последовали организация партизанских отрядов в округе и ряд вспышек и стычек с полицией в других городах. Вызвано это было невозможными притеснениями со стороны хозяев, вводом полиции на фабрики и заводы, обысками, арестами. Сейчас, когда прошло свыше сорока лет, стало особенно ясно, что буржуазия сама спровоцировала эти вспышки, желая заранее, до полной организованности рабочих, разбить лучшие их силы по частям. Тогда же с особенной силой видна была вторая сторона Мансфельда: недисциплинированность движения, его малая продуманность, плохое руководство, недостаточная связь с рабочими массами — словом, обреченность этого движения на провал. И оно вызвало резкую критику со стороны большинства коммунистов. В самый его разгар Пауль Леви выступил против него с острейшей критикой. Казалось бы, он наговорил массу верных вещей и был теоретически прав. Но... Перейдем к двум собеседникам — Ленину и Кларе Цеткин.

Клара Цеткин обеспокоена, она волнуется за судьбу Леви. Она знает, что, несмотря на справедливость его критики, он вызвал к себе отрицательное отношение Коминтерна. Осуждают его многие секции, осуждает особенно сильно русская секция. Ему хотят вынести публичное порицание, исключить из партии. Какими горячими словами она защищает его перед Лениным! «Пауль Леви не тщеславный, самодовольный литератор... Он не честолюбивый политический карьерист... Намерения Пауля Леви были самые чистые, самые бескорыстные... сделайте все

возможное, чтобы мы не потеряли Леви!»³⁸ Словно предчувствуя, в чем будут заключаться обвинения, она их сразу же, еще до их предъявления, отрицает. Но Ленин совсем не поднимает *этой* «перчатки», не подхватывает тех легких обвинений, которые она перед ним отрицает. Он говорит о Леви (в протокольном рассказе Цеткин) так, как если бы думал вслух, — очень серьезно и с очень большим желанием понять и проанализировать то, что произошло, до конца и во всем объеме, не столько о самом Леви, сколько о партийной психологии в целом:

«Пауль Леви, к сожалению, стал особым вопросом... Я считал, что он тесно связан с пролетариатом, хотя и улавливал в его отношениях к рабочим некоторую *сдержанность*, нечто вроде желания „*держаться на расстоянии*“. Со времени появления его брошюры, у меня возникли *сомнения на его счет*. Я опасаясь, что в нем живет большая склонность к самокопанию, самолюбованию, что в нем — что-то от литературного тщеславия. Критика „мартовского выступления“ была необходима. Что же дал Пауль Леви? Он жестоко *искромсал партию*. Он не только дает очень одностороннюю критику, преувеличенную, даже злобную, — он ничего не делает, что позволило бы партии ориентироваться. Он дает основания заподозрить в нем *отсутствие чувства солидарности с партией* (курсив мой. — М. Ш.). И вот это обстоятельство было причиной возмущения многих рядовых товарищей. Это сделало их слепыми и глухими ко многому верному, заключающемуся в критике Леви. Таким образом, создалось настроение — оно передалось также товарищам и из других секций, — при котором спор о брошюре, вернее, о личности Пауля Леви, сделался исключительным предметом дебатов — вместо вопроса о ложной теории и плохой практике „теоретиков наступления“ и „левых“».³⁹

Как надо быть благодарными Кларе Цеткин за то, что она подробно записала эти слова Ильича! И как хочется думать и думать над ними, над тем, что такое партийная политика, что такое человек в партии... Необдуманное и скороспелое выступление немецких рабочих обошлось дорого и всей немецкой компартии, и всему революционному движению на Западе. Оно дало легкую победу буржуазии. Поэтому нужно было («необходимо» — по Ильичу) осудить тактику левых, сделать ее поучительным уроком. А тут примешался Пауль Леви с его брошюрой и *помешал* работе Коминтерна. Вместо общей проблемы изволь возиться с «проблемой Пауля Леви». Но уж, если на то пошло, в его как будто правильной позиции, в его как будто верных замечаниях есть как раз то самое «личностное», «субъективное», что сделало эту позицию и эти замечания неверными. Ильич говорит о критике односторонней, преувеличенной, почти злобной, не дающей никаких ориентиров на будущее, как о чем-то не только *неправильном самом по себе*, но и заставляющем заподозрить в Пауле Леви «*отсутствие чувства солидарности с партией*». Отрыв его от рабочей массы («желание держаться на расстоянии») приводит к отрыву от партии. Так личностное, примешиваясь к политике, делает порочной самое политику.

Приговор над Леви еще не произнесен Коминтерном, Леви еще не осужден, но в этом осторожном раздумье Ильича перед нами во весь рост встает сам Леви, как человек, обрекающий себя на исключение из партии, потому что он сам оторвался от солидарности с нею.

---

³⁸ «Ленин и международное рабочее движение», с. 74–75; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 467–468.

³⁹ «Ленин и международное рабочее движение», с. 73; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 466–467.

В словах Ильича есть и нечто большее, чем только относящееся к самому Леви. Есть скрытая внутренняя теплота к рабочим, восставшим с оружием против хозяев: неудачное, недисциплинированное, принесшее ущерб общему делу, а все же это *восстание*, исторический момент борьбы; пролилась кровь тех, кто эту ошибку сделал, и как раз им-то, ошибившимся, нет и не должно быть осуждения в большом плане революции: ведь без таких ошибок не могло бы быть и восстания победоносного. Этого не понял Леви, но это поняли «рядовые товарищи», не «державшиеся на расстоянии» от рабочей массы, и отсюда их возмущение против Леви.

Дальнейшая судьба Леви показала, с какой изумительной портретной точностью дан был этот человек в скупых фразах Ленина. Откуда же это безошибочное знание людей, давшее ему преимущество в оценке Леви перед старой, опытной немецкой коммунисткой? Казалось бы, она должна насквозь знать свои кадры, а Ленин, почти не встречавшийся с ними, — далеко уступать ей в этом знании. Между тем, вероятно бессознательно, Клара Цеткин, описав историю с Леви, обнаружила свою наивность и неопытность в оценке близкого ей человека, в то время как Ленин, мало знавший этого человека, безошибочно воссоздал его характер и судьбу. Чтоб выработать такой взгляд и оценку, надо пройти жизненную практическую школу Ильича его постоянное общение с рабочим классом, привычку в первую очередь думать о простом труженике, о его психологии, его отношении к людям, о его нуждах — и для выработки собственного суждения становиться *на позицию «рядовых товарищей»*. До последних дней жизни сохранил Ильич эту способность никогда не «держаться на расстоянии» от народа, всегда чувствовать себя среди него, становиться на позицию рядового товарища.

В самом конце маленькой книжки, которую я брала с собой в бомбоубежище, есть рассказ...

В конце октября 1923 года Ленин, казалось, уже начал оправляться от удара. Он мог ходить, двигать левой рукой и произносить, хотя с большим трудом и неясно, отдельные слова. Но жить ему оставалось уже недолго меньше чем три месяца... Единственное слово, которым он владел твердо, было «вот-вот». И этим словом, внося в него различные интонации, он делал свои замечания по ходу бесед с ним. Когда в воскресный день конца месяца к нему приехали И. И. Скворцов-Степанов и О. А. Пятницкий, он вышел им навстречу, опираясь левой рукой на палку. А дальше пусть продолжает О. А. Пятницкий:

«Тов. Скворцов стал рассказывать Ильичу о ходе выборов в Московский Совет. Владимир Ильич невнимательно слушал. Во время рассказа т. Скворцова он одним глазом смотрел на рассказчика, а другим просматривал заглавия книг, лежавших на столе, вокруг которого мы сидели. Но когда т. Скворцов *стал перечислять те поправки к наказу МК, которые вносились рабочими фабрик и заводов, — об освещении слободок, где живут рабочие и городская беднота, о продлении трамвайных линий к предместьям, где живут рабочие и крестьяне, о закрытии пивных и пр., Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел: „вот-вот“, стал делать замечания во время рассказа с такими интонациями, что нам вполне стало ясно и понятно, так же как это бывало раньше, до болезни Ильича, что поправки к наказу деловые, правильные и что нужно принять все меры, чтобы их осуществить»* (курсив мой. — М. Ш.). 40

---

⁴⁰ «Ленин и международное рабочее движение», с. 156; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, с. 677.

Рассказ о выборах, как о чем-то уже предрешенном, Ильич слушает невнимательно и даже взглядом, обращенным к книгам на столе, показывает свое невнимание. Но когда речь зашла о голосе рабочих масс, об их нуждах, — все в Ленине встрепенулось.

Таков предсмертный урок Ленина, данный им каждому коммунисту. И пусть слышится нам его «вот-вот» всякий раз, когда совесть наша подсказывает нам главное, что надо сделать коммунисту, на что обратить внимание в работе с людьми.

Педагогика — это наука о росте человека, она обращена к становящемуся, развивающемуся, совершенствующемуся в человеке. Никакие старые понятия о доброте, о сердечности не покрывают и не составляют всей полноты того нового, с чем Ильич подходил к людям и что заставляло людей обращаться к нему лучшими своими сторонами, делаться с ним лучше. Этика Ленина всеми корнями своими уходит в глубину диалектико-материалистического сознания и ощущения мира, это новая этика материалиста, для которого бытие всех других людей существует так же реально, как и его собственное, и он верит в это чужое бытие, в его рост, в его живые, жизнеспособные стороны. Тут больше, чем обыкновенная старая доброта. И ответная любовь людей к Ленину неизмеримо больше простой ответной любви за простую, обыкновенную доброту.

1963–1964

Урок второй: ПО СЛЕДАМ ИЛЬИЧА (Поездка в Нормандию и Бретань)

1

Передо мной была увлекательнейшая задача. Все дома в городах Европы, где Ленин подолгу жил; библиотеки, даже столы, за которыми он занимался; помещения, где происходили партийные съезды и конференции; кофейни и столовые, известные по деловым встречам большевиков, — все это изучено и отмечено, хранит о себе какой-нибудь материальный след — доску с надписью, фотографию. А вот места отдыха, куда Владимир Ильич в редких случаях чтоб побыть или побродить с Надеждой Константиновной на природе — спасался от нервного городского напряжения, эти места, за исключением, может быть, Швейцарии, изучены гораздо меньше. Среди них есть одно во Франции, где как будто не побывала нога советского очеркиста. И это местечко мне предстояло «открыть» для читателя... О нем, сколько знаю, имелась только страница в воспоминаниях Надежды Константиновны — и ничего больше.

Был 1910-й, очень тяжелый для Ленина год. Партию расшатывали внутренние разногласия, «борьба разных „уделов“ внутри партии», по выражению Ильича.⁴¹ Ему приходилось, живя в Париже, вести острую борьбу против меньшевиков — «ликвидаторов» и «отзовистов»,

---

⁴¹ Письмо В. И. Ленина к А. М. Горькому от 14 ноября 1910 года. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 48, с. 1.

печатавшихся в органе меньшевиков «Голос социал-демократа», и группы Богданова — Луначарского, издавших свой фракционный сборник «Вперед».⁴² Те и другие яростно нападали на большевистский центр, а Ленин, громя их, пытался в то же время наладить связь с Плехановым и плехановцами и объединить партию с наиболее здоровой частью меньшевиков, хорошо подкованных марксистски. Вот эта борьба за очистку и объединение брала у Ленина много нервной энергии, потому что к ее серьезной идейной стороне примешивалось много мелкого и мелочного, названного Лениным «склокой». В письме из Парижа Горькому на Капри еще 11 апреля он гневно жаловался, что к «серьезным и глубоким факторам» идейной борьбы примешивается нечто «анекдотическое»:

«Вот и выходит так, что „анекдотическое“ в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр. Говорят, что с.-р. Чернов написал даже водевиль по поводу объединения у с.-д. под названием „Буря в стакане воды“ и что сей водевиль дают здесь на днях в одной из (падких на сенсацию) групп эмигрантской колонии.

Сидеть в гуще этого „анекдотического“, этой склоки и скандала, маеты и „накипи“ тошно; наблюдать все это — тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь в 100 раз тяжелее, чем было до революции.⁴³ Эмигрантщина и склока неразрывны».⁴⁴

Если так обстояло в апреле, в весеннем Париже, когда зацветают каштаны и дышать становится легко, то уже в июле, в парижской невыносимой духоте и сухости, склока становилась и вовсе непереносной. Надежда Константиновна пишет в своих воспоминаниях:

«Склока вызывала стремление отойти от нее. Лозовский, например, целиком ушел во французское профессиональное движение. Тянуло и нас поближе стать к французскому движению. Думалось, что этому поможет, если пожить во французской партийной колонии». Замечательны эти простые строки: не куда-нибудь в глушь, в природу, в одиночество, а поближе к другим собратьям-партийцам, французам, чтоб присмотреться, как там у них, вне собственной мелочной «склоки». Но если у себя заедала вот эта «куча мелких делишек и всяческих неприятностей»,⁴⁵ то у французов оказалось не лучше: «Сначала поехала туда я с матерью, — продолжает рассказывать Крупская. Но в колонии у нас житье не вышло. Французы жили очень

---

⁴² Напомним читателю, чем были в то время так называемые «отзовисты» и «впередовцы». В своей статье о «впередовцах» и о группе «Вперед», написанной в 1914 году, Ленин так определяет оба эти течения: «...впередовцы... были клеены из разнородных антимарксистских элементов. Этих элементов, в смысле идейных течений, было два: махизм и отзовизм...

„Махизм“ есть та философия Маха и Авенариуса, с исправлениями Богданова, которую защищали этот последний, Луначарский, Вольский и которая *прячется* в платформе „Вперед“ под псевдонимом „пролетарской философии“...

Отзовисты были против участия в III Думе, и события показали ясно, что... *на деле* их точка зрения приводила к анархизму». — *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, с. 355–356.

⁴³ Имеется в виду революция 1905 года. — *М. Ш.*

⁴⁴ В. И. Ленин. Письмо А. М. Горькому от 11 апреля 1910 года. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 47, с. 250–251.

⁴⁵ Письмо В. И. Ленина к А. М. Горькому от 14 ноября 1910 г. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 48, с. 1.

замкнуто, каждая семья держалась обособленно, к русским относились недружелюбно как-то, особенно заведующая колонией... Рабочих там почти не было. Вскоре приехали туда Костицыны и Саввушка — впередовцы — и сразу вышел у них скандал с заведующей». Колония находилась неподалеку от дешевого курортного местечка Порник. И тогда Надежда Константиновна, спасаясь уже от чужой «склоки», переехала в этот маленький приморский курорт.

«Наняли мы с матерью две комнатухи у таможенного сторожа. Вскоре приехал Ильич. Много купался в море, много гонял на велосипеде, — море и морской ветер он очень любил, — весело болтал о всякой всячине с Костицыными, с увлечением ел крабов, которых ловил для нас хозяин. Вообще к хозяевам он воспылал большой симпатией. Толстая, громкоголосая хозяйка-прачка рассказывала о своей войне с ксендзами. У хозяев был сынишка, ходил он в светскую школу, но так как мальчонка прекрасно учился, был бойким, талантливым парнишкой, то ксендзы всячески старались убедить мать отдать его учиться к ним в монастырь. Обещали стипендию. И возмущенная прачка рассказывала, как она выгнала вон приходившего ксендза: не для того она сына рожала, чтоб подлого иезуита из него сделать. Оттого так и подхваливал крабов Ильич. В Порник Ильич приехал 1 августа, а 26-го уже был в Копенгагене, куда он поехал на заседание Международного социалистического бюро и на Международный конгресс».⁴⁶

Чем-то удивительно непосредственным веет от этого рассказа, где Надежда Константиновна именует по привычке французских «патеров» польскими «ксендзами». Так ярко и весело образ Ильича не вставал перед нами ни в каком другом описании его летнего отдыха. «Гонял на велосипеде», «воспылал большой симпатией», «с увлечением ел крабов», «много купался», «весело болтал о всякой всячине» с теми «впередовцами», с которыми совсем недавно в Париже яростно воевал, и ко всему этому «море и морской ветер», которые, оказывается, Ильич очень любил... Видно, и впрямь Порник хорошо запомнился Надежде Константиновне! Но где этот Порник? Жив ли хотя бы парнишка, сын «громкоголосой прачки»? Сохранился ли домик «таможенного сторожа»? По словам Надежды Константиновны, Ленин провел в этом местечке полных двадцать шесть дней — срок нынешней санаторной путевки (от 1 до 26 августа). И тут начинается неувязка.

«В Порник Ильич приехал 1 августа», — сказано в «Воспоминаниях». Но «летопись», прилагаемая к каждому тому собраний Ильича, говорит другое. Под рубрикой 1910 года там сказано, что в Порник Ленин прибыл (или выехал туда из Парижа) 22–23 июля, то есть на девять-десять дней раньше.⁴⁷ Куда же делись эти несколько дней? Мне важно было как-то решить этот вопрос для себя, потому что он касался очень существенного момента, — дороги. Если ехать из Парижа прямо в Порник через Анжер и Нант, то поездка, при разветвленной сети железных дорог во Франции еще полвека назад, заняла бы всего несколько часов. А вот если ехать кружным путем, — кружный путь шел в Бретань через Нормандию и был самым обычным, самым естественным для туристов, прошлых и настоящих. Посмотреть только один крохотный Порник, совсем не типичный для Бретани, и не увидеть таких красочных ее мест, как Кемпер, как сказочный остров Киберон, как центр средневекового корсарства город Сен-Мало, а попав в Сен-Мало, не взглянуть на красавицу Нормандию с ее знаменитым на весь мир островком Мон-Сен-Мишель и столицей Руаном казалось просто невозможным. Решив побывать в Порнике и найти там следы Ильича, я

---

⁴⁶ «Воспоминания о Ленине», с. 162–163.

⁴⁷ Счет там и тут идет в одном и том же календарном стиле.

страстно хотела ехать туда кружным путем, уверенная, что Ленин потратил лишние дни с 22 июля по 1 августа именно на этот кружной путь. Но данных для такой уверенности у меня не было.

И тут совсем неожиданно мне пришел на помощь собрат по газете «Известия» В. Полторацкий. Чуть ли не перед самым моим отъездом во Францию он отвел меня в сторонку и как-то таинственно шепнул, чтоб я «непременно, непременно побывала в Мон-Сен-Мишель, отыскала там ресторан „Мать-курочка“, а в ресторане спросила альбом посетителей, а в этом альбоме нашла французский автограф Ленина: „Спасибо за вкусную омлетку“, вот этот автограф заснять бы или выкупить!». ⁴⁸ Сам Полторацкий не видел его, но он сослался на «достовернейшее свидетельство друга». Ничтожный шанс, но если правда, что Ленин побывал в Мон-Сен-Мишель, значит, он или заехал туда в 1902 году, по дороге из Парижа в Лонгви, где отдыхал в июне — июле с матерью и Анной Ильиничной; или — как мне очень хотелось верить — по дороге в Порник в 1910 году, если ехал туда кружным путем. Я не очень верила в автограф Ленина. Но мне казалось невероятным, чтоб Ильич, вживавшийся в страны и города, где ему приходилось бывать, постоянно искавший близости с простым народом, мог миновать, живя во Франции, такие места, как Вандея, не поглядеть, не прислушаться, не понаблюдать современных вандейцев, какими они стали. И как-то не вязалась с образом Ильича, неутомимого ходока, опытного путешественника, что он так просто сел в поезд и через пять-шесть часов был на берегу Атлантического океана, в то время как имел в запасе свободные дни, а вокруг...

Я развернула карту. Большой, изрезанный, как кружевная бахрома, полуостров — с частью Нормандии и Северной Бретани, омываемой рукавом Атлантического океана Ла-Маншем (там как раз бухточка Лонгви, где побывал Ильич в 1902 году), и Южной Бретанью, изглоданной самим Атлантическим океаном на юге, — лежит в кольце необыкновенно поэтических побережий. Каких только названий не надавали им: «Изумрудный берег», «Берег розового гранита», «Львиный», «Корнуэльский», «Дикий» и, наконец, «Берег любви», тот, на котором прикорнул маленький Порник.

Быть может, самое интересное в путешествиях по Франции — это наглядное познание истории. Когда-то на школьной скамье мы заучивали мертвые строки о переселении народов, о Римской империи, захватившей почти всю Европу и всюду понастроившей свои мосты, дороги, театры, о вторжении варваров в эту империю, о германцах и готах, кельтах и саксах, франках и фризах, о войнах между ними, о размежевании Европы среди них, о формировании стран и народов, которые известны нам сейчас — уже не из учебников — как французы и англичане, голландцы и немцы, итальянцы и швейцарцы. Но в путешествии вы вдруг замечаете, что «история» не проходит, а как бы «переходит» подобно тому, как детство человека переходит в его юность, а юность в зрелость, а зрелость в старость, и ребенок еще сохраняется в старике, как юноша в зрелом человеке. Корнуэльский берег во Франции! Но ведь Корнуэлл есть и в Англии. Это ее название, ее побережье с «концом страны», Лэндс-Энд... Общность названий, сходство в языке, английские имена в нормандских городах, — а сама Англия в двух шагах, через Ла-Манш — и следы ожесточенной, не утихавшей, вспыхивавшей, как из тлеющих углей, борьбы, растянутой на столетия, между двумя соседями, Англией и Францией, ненависть ко всему английскому в памятниках Сен-Мало, в Руане, где англичане сожгли Жанну д'Арк, — родство в произношении, в отдельных словах, в названиях. Историк может прочесть тут о первичных истоках народов,

---

⁴⁸ Ильич любил яичницу. Надежда Константиновна похвалилась однажды, что умеет готовить десять сортов омлетки.

переплетении их, цементировании смешанных событий в легенды, а легенд в традиции, подобно тому, как геолог в пластах пород и в вулканической магме читает историю Земли.

И еще потому интересно ездить по Франции, что вы тут почти не выходите из царства литературы и искусства. Биографии замечательных деятелей, цитаты из них, черты и жесты их на памятниках, бюстах, барельефах окружают вас почти на каждом шагу. Самые маленькие города любят играть в свои собственные игрушки — модели знаменитых зданий, панорамы знаменитых событий, коллекции местных чудес; почти всюду есть музеи и музейчики с восковыми фигурами исторических персонажей, приближающих к вам в искусных сценках главные события их жизни. Память не хочет уйти от прошлого, и это длительное, неумирающее, мостообразное восприятие всего того, что происходило с народом века и тысячелетия, постепенно переходит в воображение, в талант мифотворчества.

Уж, разумеется, современные народы, как и античные, не создают и не создавали своих мифов «из ничего»! И еще непременно почувствует турист преобладание — над мифом, историей и материальными свидетельствами власти художественного слова. Наверняка три четверти туристов во Франции ничего бы не пережили перед памятниками Жанны д'Арк без Вольтеровой и Шиллеровой «Орлеанской девы»; перед могучей скульптурой стрелка-отца и мальчика-сына в Альтдорфе или часовенкой Телля, этих чудесных местечек в Швейцарии, если б не «Вильгельм Телль» того же Шиллера, заученный еще в школе; или — перед стертым, облупившимся, старинным фасадом дома Тассо в Сорренто — без гётевского «Торквато Тассо»; а у нас, на родине, в изумительном Угличе, — без пушкинского «Бориса Годунова»...

Но если Владимир Ильич действительно проехал в Бретань кружевным побережьем Нормандии, он вряд ли давал своей памяти увлечься историей. Надежда Константиновна писала: «...поближе стать к французскому движению». Нормандия и Бретань были в прошлом оплотом реакции, французской Вандеей, и Ленин в поездке, как и всегда, мог жадно интересоваться людьми, народом, злободневной политической современностью. Пытаясь хоть немножко, в меру сил и возможностей, поступать по-ленински, я выехала в этот кружный путь, держа в узде всю свою любовь к прошлому и к памятникам искусства; и чтоб удержаться от музейного восприятия столицы Нормандии, Руана (а его все гиды зовут городом-музеем), вооружилась последним номером газеты «Париж-Нормандия» и маленьким журнальчиком «Весь Руан» последнего выпуска.

2

Поздняя осень 1966 года — льет без конца дождь, словно серая сетка стоит перед глазами; холодно, выступают из берегов реки, наступает на берег океан, и это всего катастрофичней там, куда мы едем на быстрой французской «симке» (Simka). Пишу «мы», потому что спутник мой, представитель нашего агентства «Новости» в Париже, тоже заинтересован поездкой «по следам Ильича». Мимо, сквозь серую сетку, после выезда из предместья Сен-Клу, мелькают, как дети на параде, карликовые грушевые деревца с огромными, не по росту плодами; висячий туман над Сенной, цементные заводы — Ciments Fran#231;ais — и нескончаемые надписи на стенах: «Мир Вьетнаму!», «Вон, американцы!».

В развернутой и колеблющейся от быстрого движения газете — почти то же самое: антиамериканские манифестации против Джонсона, открытие в Нью-Йорке террористического заговора против коммунистов, запуск нового советского «Спутника» — все это с явно выраженной симпатией к левым политическим силам. Журнальчик «Весь Руан» локальной. В передовице негодование по адресу тех, кто утверждает, что «Руан — мертвый город». Приезжайте, — и выбирайте жизнь по своему вкусу, приглашает журнал. За этим следует длинейший перечень всего того, что происходит в преддверии зимы 1966 года в столице Нормандии: дюжинами зрелища, концерты, выставки, ярмарки, фильмы, традиционный бал в Руанском университете, возобновление чтений об учении «хатха-йога», юбилеи, конференции. Университет объявляет во втором семестре дискуссию «Молодежь нашей нации». Казалось бы, злободневнейшая тема, но в заключение дискуссии обещан фестиваль «об эротике в кино», и фильмы «О любви» и «Моника» Бергмана, — должно быть, чтоб привлечь публику на серьезный доклад.

Еще событие, на этот раз писательское. Общее собрание нормандских писателей, отчеты — финансовые и моральные, — выбор делегатов для поездки на север и юг департамента, шефство над постановкой памятника участнику «Сопrotивления» и под конец товарищеский обед в гостинице «Англетерр» все так похоже на наши собственные писательские дела. И вдруг в этом маленьком местном журнальчике, вряд ли когда-нибудь проникающем за пределы Франции, необычайная хвалебная речь по адресу «изумительного советского фильма „Огненные кони“». Тщетно стараемся мы припомнить, какой же это фильм у нас об огненных конях. И наконец находим подлинное его название, звучащее в латинской транскрипции так: «Тент забипих предков». И только ремарка «по роману Коцюбинского» объясняет нам, наконец, что речь идет о советском фильме «Тени забытых предков». Вряд ли подозревают скромные украинские постановщики, каких эклог удостоился в Руане их фильм, высоко поднятый даже над «Горящим Парижем», шедшим одновременно с ним. Над рецензией об «Огненных конях» стоят три звездочки и большая буква А (высшая оценка фильма), а в самой рецензии фильм аттестован как «не имеющий себе подобного, не похожий ни на какой другой, — все в нем свет, жизнь, краска — классические данные советской кинематографии, — праздник для глаз и для сердца».⁴⁹ Позднее в Руане я увидела очередь на него перед кассой кино. Руанцы, как и множество простых людей за рубежом, остро отзываются сердцем на тот произвольный советский оптимизм (утро века), каким, подчас независимо от воли авторов, пронизаны у нас не только счастливые, но и печальные фильмы; за рубежом оптимизм — вещь дефицитная. Стоило бы над этим задуматься тем спесивым критикам, чужим и своим, кто презрительно клеймит этот оптимизм как нечто «нарочитое» и «официальное».

Пока я перелистывала журнальчик, машина въехала в город-музей — и тут же стоп: в центре останавливаться негде. Мы обошли пешком весь Руан, компактный в своей архитектурной красоте; облазили три его жемчужины: собор Нотр-Дам, церковь Сен-Маклу и аббатство Сент-Уан; дали насладиться глазам старинными нормандскими домишками в деревянных, крест-накрест опоясывающих фасады переплетах, совсем таких, какими любовался Сергей Образцов в шекспировском Стрэтфордена-Эвоне, — сходство архитектур не случайно, ведь двадцать один год (1066–1087) Руан был столицей Англии.

От истории, сколько ни вертись, в этом клубке нормано-англо-французского сцепления удержаться было немислимо. У аббатства Сент-Уан стоит массивная скульптура викинга Роллона,

---

⁴⁹ «Tout-Rouen», 29 octobre — 11 novembre 1966, p. 50.

узкая (или кажущаяся узкой) в голове и плечах по сравнению с огромными слоновьими ногами, не ногами — стопами. Упершись ими в землю, он туда же, вниз, показывает толстым указательным пальцем: «Здесь мы останемся, господа и сеньоры». Все языческое, римское в Руане начисто смело в девятом веке норманнское завоевание. Потом пришли англичане.

Лет пятьдесят назад у нас часто ставили оперу «Роберт-дьявол». Эту оперу, как и старый балет «Корсар», недавно возобновленный в ленинградском Малом оперном, пришлось мне добром помянуть в Руане. Честно говоря, они были причиной того, что я не оказалась полной невеждой, а уже была подготовлена к тому, что был такой Роберт-дьявол, а «корсары» — вовсе не разбойники, не пираты, а нечто вроде партизан средневековья... В пятнадцати километрах от Руана стоит реставрированный замок Роберта-дьявола, личности вполне исторической, занявшей в истории Франции большое место: встретив красивую деревенскую прачку Арлетту, он прижил с ней сына, сперва называвшегося Вильгельм Бастард, а потом получившего другое имя: Вильгельм Завоеватель. О Вильгельме Завоевателе трудно не знать, он неистребимо входит во все учебники. Это он, завоевав Англию, на двадцать один год сделал Руан английской столицей. Но если одна французская крестьяночка, Арлетта, была косвенной причиной хозяйничанья англичан во Франции, другая французская девушка, Жанна из деревни Домреми в Лоррэни, помогла выгнать англичан из Франции. И за это в Руане, на площади Старого Рынка, англичане ее сожгли.

Мы пришли на площадь Старого Рынка уже порядком усталые. Площадь узкая — не развернуться, пожалуй, двум грузовикам. И на ней небольшой квадрат, опоясанный низенькой оградой. Просто квадрат, отличающийся от земли тем, что он покрыт чистым золотом, и чья-нибудь любящая рука всегда сменяет на нем простенький букет полевых цветов. Здесь была сожжена Жанна д'Арк. Возле стены подальше — ее памятник, маловыразительный и как-то модернистски-вытянутый в длину. А на углу — музей, который очень стоит посетить. Может быть, и наивный он, и неприятный, но есть вещи и минуты, когда хорошо почувствовать себя ребенком. Излюбленные восковые фигуры, так часто встречаемые в музейчиках Европы, обычно бездарны, и смотреть их неприятно. Здесь это не так. В глубоких нишах вдоль зигзагов темного коридора музея представлены сценки из жизни Жанны. Сперва она пастушкой в Домреми слышит «глас божий», приказывающий спасти родину; потом — последовательные этапы ее удивительного подвига во главе французского войска, в окружении народа; потом тюрьма — допрос — сожжение, и, может быть, потому, что фигуры вылеплены не броско, краски не яркие, видимы они из глубины ниш, из темноты, откуда их выхватывает скупой сноп света, они производят сильное впечатление и на детей и на взрослых. С детским интересом рассматриваете вы и кукольную модель старого города Руана — тесно прижатые друг к другу треугольники домов, по-нормандски переплетенных деревянными поясками и окружающих знакомую площадь Старого Рынка, какой она была 30 мая 1431 года, когда на ней сожгли Жанну. Пятьсот тридцать пять лет назад! Какое еще событие подобной давности может так взволновать человека?

Нам в нашей поездке осенью 1966 года вообще посчастливилось на круглые даты: за четыре месяца до нашего приезда руанцы отмечали 360-летний юбилей Пьера Корнеля, отца французской драматургии, родившегося в Руане, а через месяц после нашего посещения руанцы отметят 145-летний юбилей другого великого земляка, Густава Флобера. Оперный сезон открывается здесь третьим руанцем, современником Корнеля, — композитором Буайльдье, автором оперы «Белая дама». Дни смертей не считаются юбилейными, но все же удивительно, что ровно пятьдесят лет назад, чуть ли не день в день, в ноябре 1916 года, на руанском вокзале скончался Верхарн, хоть и не руанец, но влюбленный в Руан поэт. С такими традициями не мудрено местным нормандским писателям собраться в союз и проявлять необыкновенную

активность. Сохранились и загородный павильон на берегу Сены, разделившей Руан на две части, — в этом павильоне Флобер писал «Мадам Бовари»; и старинное поместье Корнеля, — очень похожее своим общим обликом на Стрэтфорд, — где создавался «Сид». Охватить все это в несколько часов пешего хождения сделалось бы уже не наслаждением, а мукой. И мы поплелись напоследок в сумрак собора, где не было службы, и сели на скамью передохнуть.

Эти скамьи с пюпитрами, куда кладут молитвенники, и с приступочкой, чтоб опускаться на колени, белели в темноте множеством белых конвертов. Лишая какого-то верующего его достоинства, мы взяли один конверт на память и уже в машине открыли его. В нем был листок с печатным текстом. Члены руанской диосезы приглашались помочь построить в новых городах департамента двадцать четыре церкви, «чтоб удовлетворить потребность горожан, утвердить среди них присутствие церкви, воспитать новое поколение верующих». На постройку недоставало девяти миллионов новых франков (после денежной реформы здесь всегда прибавляют «новых»). И кончалось воззвание литературной фразой: «Без церкви чего-то лишена жизнь человеческая».

Как всегда к концу дня, мы ехали из Руана молча. Мы ехали дальше, к океану, и на каждом шагу нам стали попадаться следы наводнения, о котором в те дни без конца писали газеты. Сама дорога не была затоплена (в Париже нас пугали, что не доберемся), но на полях, по обе ее стороны, серебрились язычки воды, которыми океан словно влизывался в сушу. Воздух был полон стоячими капельками влаги, осаждавшимися на стекла. Видеть уже ничего не хотелось, и местечко Понтерсон, для француза звучащее целым миром воспоминаний о рыцарях-феодалах и Столетней войне, для нас попросту было местом ночевки в очень скромной и почему-то очень дорогой дорожной гостинице.

3

Сейчас, когда я пишу эти строки, Мон-Сен-Мишель осаждается тысячами, десятками тысяч приезжих. Снимки во французских газетах показывают такие скопища машин на дорогах к нему, что они кажутся нашествием саранчи. Не потому, что сезон (Мон-Сен-Мишель — одно из европейских чудес для туристов), — сезона еще нет, март месяц, а потому что пролив Ла-Манш внезапно ушел. Он ушел очень далеко от берега, обнаружив дно на пятнадцать метров в глубину, со всеми его чудесами, — затопленным когда-то судном, океанической флорой и фауной. Археологи, зоологи, ботаники ринулись изучать все это, покуда океан не вернулся. А с ними примчались любопытные, чтоб посуху, пешечком, минуя дамбу, со всех сторон прогуляться к монастырю-крепости.

Мы же четыре месяца назад были в совсем другом положении. Ла-Манш тогда не ушел, а чересчур нахлынул на берег. Газеты писали об угрозе наводнения по всему северу Франции. Понтерсону, правда, ничего не грозило, но в гостинице все было сыровато и, как мне показалось, солоновато: постельное белье, скатерть, оконная занавеска. В гостинице, кроме нас, никого не было, и по дороге машин тоже не было. При всем утомлении я спать не могла — мне предстояло искать первый след Ильича. О Мон-Сен-Мишель — Гор#233; святого Михаила — я ничего не знала, кроме того что это гранитный остров на океане, очень почитаемый верующими. К нему ведет с берега искусственная дамба, но в церковные праздники целые толпы паломников бредут туда по мелководью пешком, по колено в воде, обвязавшись для безопасности веревками. Монастырь на скале в оны времена монахи превратили в крепость и стойко защищали его от

англичан. Все это было отчасти похоже на нашу подмосковную Троице-Сергиевскую обитель, тоже прославленную патриотическим подвигом в прошлом. Но при чем тут ресторан «Мать-курочка»?

От утомления, а может, и от волнения я не могла заснуть. Утром сквозь занавеску пробилось ослепительное солнце, и, когда мы выехали, все от него сверкало: асфальт, росинки на траве, листья. Впереди ничего видно не было, кроме очень прямой пустынной дороги, — ни Ла-Манша, ни острова. Я все спрашивала: где океан? Где Мон-Сен-Мишель? А дорога все шла и шла меж рядами деревьев, по скучной низменности без всяких «видов», тупо упираясь в горизонт. И вдруг горизонт словно опал. В одну секунду во всю ширину раздвинулось громадное величие океана. А в центре его, чудесно очерченный, невероятный, немыслимый треугольник, пронзающий верхним шпилем небо и ступенчато спускающийся к более широкому основанию, — остров, ни на что не похожий, может быть на сказку раннего детства про «чудо-юдо рыбу кит», на которой стоит со всеми куполами и колокольнями престольный град.

Это так неожиданно-прекрасно по своей четкости и неправдоподобию, что описать невозможно. Ни единой полутени, все графично, вычерчено, как рейсфедером, на эмалевой голубизне неба, на зеленоватой синеве океана. Машина уже ехала по мокрой дамбе, почти вровень с тихой водой. И вот мы внизу, на каменной площади, откуда начинается «восход» к монастырю-крепости, тысяча ступеней в стенах с бойницами, с площадками, овеваемыми ветром. Соленый ветер рвет волосы...

Впрочем, все это было еще впереди, а внизу, на первой узкой улочке острова, мы попали в ярмарочную слободу, точь-в-точь такую, какая в царское время окружала Троице-Сергиевскую лавру. Справа и слева шли лавчонки, прилавки, витрины с кучей всяких сувениров, петушков-шантеклеров, фигурок, картинок, ковров, значков, деревянной резьбы, нормандской керамики. Эта знаменитая сине-белая керамика на самом деле прекрасна, но ее кружки, кувшинчики, тарелки пестрели надписями, а надписи поразили нас — в этом культовом месте — своей крепкой похабщиной. Тут был французский площадной хохот, хохот Рабле. Самую скромную из этих надписей под женским круглым, как барабан, лицом — «Elle fait la musique sur son dot», — во всей ее двусмысленности я не решилась бы перевести для читателя на русский язык. Мы зашли в исторический музейчик Мон-Сен-Мишель — он мог бы рассказать нам интереснейшие вещи, мог бы опять напомнить о Жанне д'Арк, для которой «глас божий» олицетворен был «святым Михаилом» этого самого монастыря. Мог бы поведать о монастырском предателе, аббате Жоливе (в каждой исторической трагедии, как в «Отелло», непременно есть свой Яго!), не только продавшем монастырь англичанам в самый разгар войны, но и принявшем потом участие в сожжении Жанны. Мог бы... но ничего этого мы не услышали. Сторож-гид ждал со скукой, пока мы не наберемся группой, а это по малолюдью длилось долго, а потом тащил нас по темным комнатам, жалея зажигать свет, и едва плел что-то вполголоса.

Мы вышли оттуда с другого хода, так и не разобрав ничего, но зато сразу попали на блинный запах. Национальное нормандское блюдо, сладкие блины «среде», пеклось прямо снаружи, на горячих сковородках. И вдруг в углублении над дверью я увидела нечто, заставившее меня забыть и музей, и керамику, и весь остров. Там была вывеска. На вывеске стояло: ресторан «Мать-пулярка» — пулярка, то есть упитанная курочка, курочка первый сорт, какую продавали в Москве, на Охотном рынке, до революции кухаркам богатых хозяев. Но дверь в ресторан оказалась наглухо запертой. Мы стали спрашивать: «Где хозяйева?» — «Они уехали на зиму». — «Можно их адрес?» — «Не известен их адрес...» Ресторан упирался в скалу, другого хода в него не было. Он был заперт, заперт безнадежно, и с ним заперт альбом для посетителей. Расспрашивая и роясь в

каталогах, мы узнали, что «Мать-курочка» на весь мир знаменита своими омлетками. Был ли ресторан здесь в 1910 году? Даже раньше был. «Мать-курочка» тут с незапамятных времен...

Что же принес для моих поисков Мон-Сен-Мишель? Ни альбома, ни автографа Ленина повидать не удалось. Это не значит, что их не было. Но трудно допустить, чтоб записи посетителей за полвека уместились в одну тетрадь. Или — еще труднее — чтоб любопытным гостям показывали десятки или сотни тетрадей. Однако же «Мать-курочка» существует, прописана во всех гидах, знакома тут всем и каждому, а главное — существовала с незапамятных времен и на всю Францию славилась омлетками. Значит, это не выдуманно. И, наконец, неизвестно, когда, в каком году таинственный «очевидец» видел этот автограф в альбоме «Матери-курочки», может быть, и не так отдаленно от 1910 года?..

Пора было ехать дальше. И все же я повесила нос, как бывает при первой неудаче. Мы опять миновали дамбу и повернули направо, покидая Нормандию для Бретани. Вдоль шоссе стелились затопленные поля. Проносились деревья в позе приседающих танцоров; их кроны, все до одной, были согнуты в одну сторону, как веники, под действием ветра с Ла-Манша. На каждом шагу — в названиях, в архитектуре — мы снова подмечали яркое сходство со староанглийским. Особенно в архитектуре. Если Руан показал нам лишь несколько старинных домиков, переплетенных темными деревянными планками крест-накрест, как в Стрэтфорде, то сейчас все встречные деревушки пестрели этими домиками-зебрами и особенно характерными трубами, когда-то поразившими меня в Англии: одна толстая, круглая поднимается высоко-высоко над крышей, а на ее верхушке, как ладонь с пятерней, рядом торчат несколько тонких дымоходиков, подобно растопыренным пальцам. И профиль у домиков какой-то бутылочный, словно приставлена им сбоку, наполовину разрезанная вдоль, гигантская бутылка с квадратным, выпирающим вбок туловищем и длинным жирафоподобным горлышком. Кривой этот, «бутылочный», профиль преследовал нас, пока вдруг сразу нормандская деревня не сменилась бретонской, и тут все пошло другое: современные домики, обязательно выложенные темным (темнее, чем белые стены) кирпичом, как узорной инкрустацией, вокруг окон, вокруг дверей, по ребрам углов — в шахматном порядке или елочками.

Мы опять примчались к «рукаву» океана. Мы въехали в бывшую столицу корсаров, Сен-Мало, и, бросив машину, бегом пустились на пляж. В Мон-Сен-Мишель нам не удалось побродить по самому берегу, подышать соленой океанской волной, и захотелось хоть тут, в Сен-Мало, вознаградить себя. Но пляжа в нашем понимании и тут не было, а были камни, мощенная камнями площадь, ведущая к воде, огромные каменные руины бастионов, каменные крепостные башни, камень стен, облепленных скользкой, мокрой зеленью времени, камень, камень, целые громады камня, в одиночку много раз противостоявшего набегам английского флота. Это о камнях Сен-Мало, в бессилии глядя на них, тщетно бился Мальбрук, Mallborough, быть может, тот самый, о постыдном походе которого сложена у нас песенка. Со своим двенадцатитысячным войском он бесплодно покрутился, поджег кое-что и отплыл восвояси.

Жители этого «города камней» заслужили в книгах историков и в обиходе такое родовое (по городу) название, с каким не может соперничать чисто территориальное или, во всяком случае, ограниченное личной какой-то городской особенностью, прозвание жителей Парижа — парижанами, Руана — руанцами. Их кличка «малоинцы», или «малоэнцы», смахивает на что-то племенное, что-то национальное. И у Сен-Мало обособленная, самостоятельная история. У них был особый, частный флот, суда которого назывались «корсары». Эти «корсары» имели охранные грамоты от французских королей, разрешавшие им во времена войны под собственным

командованием нападать на вражеские корабли, грабить их и топить. По сути дела, и корабль, на котором капитаном был молодой Дантес, будущий граф Монте-Кристо, был потомком тех же «корсаров». С кораблей название перешло на моряков. Я назвала их выше «партизанами средневековья». На европейский лад, по-своему, они ими и были. Но партизаны-корсары-малоэнцы в чем-то, где-то, даже в этом своем широком звучании городского прозвища, были, на мой взгляд, братски близкими другим могучим жителям крепости-порта — генуэзцам. И если генуэзец Христофор Колумб открыл Америку, то малоэнец Жак Картье «открыл» Канаду после Кабо. В 1535 или 1536 году он со своей флотилией из трех кораблей достиг «новой земли», завладел горой, которую в честь французского короля Франсуа Первого назвал «Королевской горой» — Mont Royal, а впоследствии «ройяль» (королевский) заменили звучащим более практично «реаль» — так возникла столица Канады, теперешний Монреаль. Где-то я прочитала во французских газетах, что к предстоящей Всемирной выставке в Монреале руанцы и малоэнцы льют у себя на фабрике что-то вроде стопудовой свечи, которая будет зажжена в честь Картье в таком же гигантском подсвечнике над выставкой. Дух авантюры, предпринимательства, «генуэзский дух» веет в Сен-Мало. Есть такое ребячливое свойство у человека: не успеешь что-либо узнать сам, как тут же хочется поделиться этим с другими людьми, чуть ли не лекцию прочесть, пока горит на языке и увлекает тебя только что узнанное. Кажется, нигде в мире так сильно не пробуждалось во мне это ребячье свойство, как именно здесь, в каменном Сен-Мало.

Мы вперебежку облазили все места, куда между камней добежала волна, добирались до берега, где в промежутках между набегом волн мальчишки шныряли за раковинами, подвернув штаны. Холодный ноябрьский ветер брызгами обдавал нас, а я все это время представляла себе, как бы, будучи гидом, повела советскую экскурсию по Сен-Мало.

Конечно, следовало обойти все башни, щегольнуть их названиями, повести в музей, но все это есть в путеводителях, а я бы начала с «Баскервильской собаки». Я бы сказала, что Конан Дойл, наверное, придумал свою тему под впечатлением Сен-Мало. «Собачья стража» — это бретоно-нормандская традиция, почти миф, — устрашающая ночная легенда, которой малоэнцы в ужас приводили англичан. На страже крепости они держали огромных одичало-худых догов, и эти доги днем сидели на цепи в специальной собачьей нише. Но наступала ночь. Мародеры, тайные пролазы, морские хищники, шпионы английского короля, подплывавшие к каменной крепости разведчики — все они, леденя от страха, удирали от призрачной гигантской собаки, спущенной ночью с цепи. Утром собак сзывали особым рожком, и огромные доги с красными, свисающими из пасти языками после ночной охоты за человеком сбегались опять к своей нише, где получали корм и цепь на шею.

«Собачью стражу» завели себе по примеру Сен-Мало и в крепости Мон-Сен-Мишель. Видение огненного баскервильского пса имело, мне кажется, исторические корни в английском ужасе перед догами Сен-Мало.

Показав туристам угрюмую собачью нишу, я бы повела их к памятнику Шатобриану. В далекой моей юности, на школьной скамье, я читала патетические страницы книги, которую сейчас назвала бы ультрареакционной: «Гений христианства» Ренэ де Шатобриана. Наша французенка задавала их нам заучивать наизусть. До последних лет я была убеждена в сугубой реакционности Шатобриана. Но, узнав, что он малоэнец, родился в Сен-Мало, имела терпение снова за него взяться, особенно за «Мемуары», целиком опубликованные посмертно. И нашла в них захватывающие страницы о Наполеоне... Этот «белый эмигрант», после французской революции служивший отвратительным последышам Бурбонов, вздыхал в тайных своих мемуарах

(«Мемуары из-за гроба») по вольному ветру родного корсарского океана, признаваясь себе в чем-то, похожем на понимание революции. И о каменной своей родине, об этом страшном в своих развалинах (Remparts) — авантюрном корсарском Сен-Мало, — он сказал нежнейшие слова, удивительные по женственной мягкости устарелого французского языка:

Combien j'ai douce souvenance
Du joli lieu de ma naissance!

(Какое нежное воспоминанье
Я храню о красивом месте моего рождения!)

Советские туристы, может, и рассердились бы на меня за то, что я всюду пристегиваю литературу и умаляю историю, но что такое история без художественного образа, сближающего ее с современностью?

Когда заполняешь каждую единицу времени глубокими впечатлениями, оно неизмеримо удлиняется. Это мы заметили по себе. Вот уже Мон-Сен-Мишель⁵⁰ и Сен-Мало позади, а нам все мало, все хочется еще и еще. И мы, не чувствуя усталости, забыв про ноябрь, решаем из Сен-Мало прямо по диагонали промчаться с берега Ла-Манша («рукав» Атлантического океана) на берег самого океана и успеть повидать до завтра легендарный Киберон и корнуэлльский берег.

Французский Корнуэльль, особенно на «Диком берегу», своими скалами и бухточками похож на английский. Бретонцы, как и английские корнуэлльцы, говорят на одном и том же языке (или диалекте) — корнуэлльском. Я надеялась поближе присмотреться к самому типу людей, к архитектуре домов, чтобы уловить еще сходства. Но времени, которого, казалось, было у нас в избытке, хватило лишь на переезд без остановок с одного берега на другой. В ноябре темнеет рано. В темноте мы пронеслись через город Ванн, где будем ночевать, и заспешили к острову, — верней, полуострову, узенькому клочку земли, — Киберону, о котором наслышались в Париже чудес. Есть в Англии на самом ее корнуэлльском кончике мыс Лэндс-Энд, «конец страны». Летом все его ложбины покрыты палатками туристов. Дикий ветер рвет их полотнища. Узкий мыс, вонзающийся в океан, словно зубами ощерился, — торчат из воды клыки скал, разбиваются о них пеной волны, спускаешься к берегу головоломными тропками, и кажется, тут всегда пронзающе холодно. Таким же хаосом каменных нагромождений открывается и корнуэлльский берег Франции.

Но погулять и увидеть все это поближе не удалось. Киберон показался нам совершенно плоским, чуть ли не в уровень с водой, или въезд в него был с плоской стороны. Зимой, да еще ночью, мы въехали в странные, мертвые улицы, лишь в двух-трех окнах слабо светившиеся. Мы прошли по набережной, в которую плескались, как рыбы в ночной игре, мелкие волны, чуть ли не хватая нас за ноги. Воздух был — не надышишься, соленый, пропитанный йодом, льдистый. В этой сплошной пустыне, где магазинчики глухо заколочены, машин, кроме нашей, ни одной, прохожих нет, и нет

---

⁵⁰ Кстати, недавно я прочла в «Литературной газете», как один из наших писателей разделался с этой исторической святыней французского народа, назвав ее коротенько по-панибратски «Сен-Мишель» и заметив мимоходом, что это крохотный городок на маленьком острове.

звука шагов, да и других звуков, кроме шлепанья мелких волн о набережную, в этой мертвой пустыне глаза наши с трудом нащупали полуосвещенное, жалкое на вид кафе под вывеской «Gare de la Bretagne» с полуоткрытой дверью. Вошли в него и порядком удивили хозяйку за стойкой, — молча она подала нам чашечки с густым, настоящим кофе, какого во Франции редко где выпьешь. Какие-то киберонцы в рыбацких, в толстую клетку гарусных свитерах, облокотясь на стойку, лениво тянули винцо. В соседней комнате несколько парней развлекалось у автомата с прыгающими шариками, а две пары равнодушно танцевали под хриплую граммофонную пластинку.

И все-таки было странно хорошо, поэтически хорошо. Живут люди прямо в обнимку с океаном, каждую секунду готовым слизнуть их мысик, живут, должно быть, заработком летнего туризма, обслуживания чужих людей, а зимой вот так, в скуке и равнодушии, проживают этот заработок, неизвестно для чего оставаясь в пустом, мертвом городе... Впрочем, возможно, все это показалось нам, как сон снится. Едва отогрелись, мы опять вышли в город. Звук изменился: вместо шлепанья волн мы услышали отдаленный гул, очень солидный, полный осуждения, — это громадиной надвигался на нас океан, гудя, как обозленный гигантский жук, даже страшно стало. Обидели мы, наверное, своими невежественными мыслями и Киберон и киберонцев.

Вернувшись в Ванн, мы заночевали в первой попавшейся гостинице, которую и разглядеть не успели, а наутро я проснулась с чувством невыносимой тяжести — так бывает, когда знаешь, что вся твоя вчерашняя работа пойдет в корзину. Я понимала, легендарный Киберон не может быть плоским куском земли с единственным кафе. Чего-то мы вчера нахалтурили. И недаром гудел разозленный океан. Чего-то мы «недоучли», как любил иронически поговаривать Зоценко. Было еще темно. Внизу под комнатой двигался хозяин, готовил нам завтрак — наструганное завитушками масло, джем в баночке, хлебцы — хлебцев еще не принесли из булочной, и противный, пахнувший мылом кофе тоже еще не вскипел. Я выбралась тихонько на улицу, должно быть, далекую от центра Ванна, и села в скверике на скамью, мокрую от осенней хляби.

В руках у меня были толстые и тонкие брошюры о Бретани, закупленные по пути, и я стала делать то, что надо бы сделать раньше: разыскивать в них Киберон. Позор обрушился на мою старую голову! Мы проморгали изумительные вещи! Во-первых, и въехали только на самую первую пядь земли Киберона, зашли в первое привокзальное кафе, где хозяйка, должно быть, угостила нас тем, что сама для себя сварила, оттого и показалось непохожим на обычную бурду в дешевых французских кофейнях. И «туристский заработок» у рыбаков! Да эти рыбаки налавливают на Кибероне сардины чуть ли не на всю Францию. И если б дело было днем, я могла бы побывать в удивительнейшем научно-лечебном институте, который французы окрестили, должно быть, из уважения к океану, даже не латинским, а греческим именем моря — институт «Таллясса» (или Таллята) — терапии, терапии водой океана, излечивающей артрозы, артриты и ревматизмы. Изгоняющей солью соль! За двенадцать километров от места, где мы вчера повернулись, был знаменитый «Дикий берег», нагромождение скал, утесов, лабиринтов, пещер и других чудес, для которых имеются специальные проводники. Еще что? Еще — и тут я совсем расстроилась, — еще Вандея.

Описание в гидах и брошюрах стало вдруг патетическим. И мне вспомнился наш Крым. Должно быть, как в Крыму при Врангеле, сюда, на Киберон, в 1795 году, удирая от революции, сбежались тысячи роялистов, чтоб погрузиться на суда, которые их вывезут в Англию. Вот они ждут, ждут на Кибероне, а океан, который почтен здесь греческим словом «Таллята», встал и не дает подойти кораблям к острову, а лодкам к кораблю. И все роялисты были захвачены войсками Конвента и

расстреляны частью на Кибероне (там мы могли бы увидеть памятник на месте расстрела), частью в Ванне. В Ванне при этом в назидание республиканским потомкам приводится в гидах вандейский образец мужества: когда расстреливали группу роялистов с завязанными на спине руками, один из них попросил солдата снять с него шляпу, чтобы смотреть смерти в глаза. Но не успел еще тот исполнить его просьбу, как сосед-вандеец крикнул: «Не смей его касаться, ты не достоин!» — и, подпрыгнув, зубами сорвал с товарища шляпу. Как-то странно в современной Франции читать в бретонских брошюрах эти восхваленья геройства вандейцев.

Я все сидела и читала, забыв про завтрак. Я читала про историю Бретани, как она боролась в веках за свою самостоятельность, как добилась ее и была отдельным государством со своими герцогами и как присоединил ее к Франции не сам бретонский народ, а династический жест: бретонская принцесса, выходя замуж за французского короля, «подарила» свою Бретань наследному французскому принцу. Вот, может быть, тут в поддержку классовых интересов примешивалась и доля национальной «самостийности» Бретани, когда Вандея оцетинилась оружием против революционных войск Конвента? И, может быть, тут и припрятаны корешки той горьковатой, соленой насмешки, с какой французские поэты посмеивались над самым бретонским из всей Бретани городом Кемпером, который мы пропустили в своем путешествии? Баснописец Лафонтен в «морали» одной своей издевательской басни над Кемпером восклицает: «Упаси боже от поездки туда!», а другой поэт и философ, Вольтер, сказал о знаменитом бретонском критике Жане Фрероне, ядовитейшем на язык уроженце Кемпера, свои четыре строки, которым потом много раз подражали в аналогичных случаях:

L'autre jour, au fond d'un vallon,
Un serpent mordit Jean Freron:
Que pensez-vous qu'il arrive?
Ce fut le serpent qu'il creva.

(Однажды, в глубокой долине
Змеей был укушен Фрерон.
Что, думаете, случилось?
Околела змея, не он.)

За завтраком к моему унижению хозяин прибавил еще и от себя малую толику. Сев с нами за стол и узнав о нашем летучем посещении Киберона, он сокрушенно покачал головой: значит, и на Белль-Иль не попали?

На Белль-Иль (Красивый остров) мы, разумеется, не попали, туда надо ехать катером с Киберона, и днем, а не ночью.

«Pitié — жаль! — сказал он несколько свысока. — Вы там, в Москве, может, читали „Три мушкетера“? Слышали о д'Артаньяне? Знаменитый Фуке, министр финансов Людовика XV, купил этот остров на уворованное золото. Там есть что посмотреть. Построил укрепленья, завел свой флот, обеспечил себе, одним словом, старость (хозяин по-военному сказал „retraite“ отступление). Но не тут-то было. Д'Артаньян сцапал его в Нанте, и пришел ворюге конец».

Возвращаться опять на Киберон и съездить оттуда на Белль-Иль, как он нам посоветовал, мы не могли. В этот день нам предстояло увидеть наконец предельную цель моей поездки — курорт

Порник. И увидеть со свежими силами, не на закате, а в первую половину дня, чтоб остаться там до темноты. Единственное, что мы могли себе позволить, — это поскорей покончить с завтраком, заехать по дороге в Нант и посмотреть бретонский этнографический музей, способный хоть отчасти возместить нам тот красочный Кемпер, которого мы так и не повидали.

4

На полпути между Ванном и Нантом мы еще раз нюхнули воды, на этот раз речной. Небольшая с виду река устроила такое наводнение, что затопила окрестности и наплескалась вдоволь на дорогу. Зовут эту реку именем, видно, данным ей по горькому опыту веков: «Vilaine», а по-русски: «Подлюга».

Нант — большой индустриальный центр с портом на Луаре. Он был некогда столицей Бретани, а сейчас очень осовременился, застроился новейшими домами, вплоть до Ле Корбюзье, и чем-то при нашем первом беглом осмотре напомнил мне Милан. Мы быстро привыкаем к сочетанию старины и модерна в европейских городах, но трудней привыкнуть в них к неожиданной тяжести и великанским квадратным размерам, словно ящик поставили на муравьиной куче, так называемых «замков» пятнадцатого века, нарушающих всякое представление о связи или гармонии городских частей. В Милане такой квадратный «замок-дворец» с высоченными, мощной кладки стенами, проходными дворами, зубцами, башнями сразу делает современные улицы вокруг неуместно хрупкими. В Нанте этот ренессансный замок гораздо видней, чем в Милане, он сидит со своими двумя круглыми толстыми башнями у входа, в самом центре города и при этом «действует»: ров по-настоящему заполнен водой, мост через него поднимается и опускается, и вот что еще мы видели собственными глазами: когда пробил час закрытия (в замке размещены музеи) и нас «попросили» с его обширного, сыровато-зелено-осклизлого двора выйти вон из ворот, сторож поднял, буквально поднял крупнейший ключ, чуть ли не в одну треть его самого, и запер им за нами чугунные ворота. Неужели ключу свыше четырехсот лет и столько же замочной скважине? Или его искусственно возобновляют из музейных соображений?

В Нанте много замечательных скульптур и картин, для которых стоит пойти в музей, например, знаменитая «Мадам де Сеннон» Энгра — красавица в красном бархате спиной к зеркалу, с тусклым отражением ее спины в зеркале, — одно из классических чудес живописной техники. Но мы туда не пошли, как не смотрели и знаменитую гробницу короля Франсуа Второго в соборе Святого Петра. Мы сразу же побежали по мосту через ров в замок, где находится бретонский этнографический, или, как он называется, Народный музей. Залы в нем названы по буквам, и этих зал чуть ли не столько же, сколько букв в алфавите. Но зато посетителей, кроме нас, — никого. Разгуливавший без всякого дела черноусый бретонец-гид разговорился с нами и тут же рассказал всю свою подноготную. Он — торговый моряк, служил в Нанте на торговом корабле, но пришли немцы и все корабли в Нанте пожгли, а его отправили в лагерь неподалеку от Польши. Из лагеря он удрал, бежал в Польшу, приютила его польская семья — оказались партизаны. Они его переправили к русским. Служил, по его словам, «санитаром в госпитале у маршала Тимошенко в Бронницах», подучился русскому, а после войны вернулся в Нант. Все это он говорил привычным, сочиненным голосом. Я попросила его расписаться в моем блокноте, и «бывший санитар у маршала Тимошенко» что-то уж очень медленно, после раздумья, расписался: «Fernand Juilband». Но, кроме сомнительной биографии, он показал нам в музее кое-что интересное. Мы увидели тут бретонские домики с инкрустацией светлого фасада темными кирпичами, выложенными елочкой

на углах стен, вокруг окон, вокруг дверей; предметы обихода и кустарной промышленности старого Кемпера — прялки с колесом, все виды плетенья из соломы — блюда, коврики; во всех видах дерево — шкафы, посуда, деревянная кровать, она же сундук с расходящимися стенками, и, наконец, жилая комната крестьянского бретонского дома с восковыми фигурами в национальных одеждах. Меня всегда удивляло наше выражение «заламывать шляпу». Откуда оно взялось, для чего нужно и как нужно шляпу на голове «заламывать»? Только в бретонском музее процедура эта оказалась осмысленной, точь-в-точь как перемена флагов на корабельных мачтах.

Несколько мужских восковых фигур бретонских крестьян стояли и сидели в комнате с черными фетровыми шляпами на головах. У того, кто сидел за столом перед миской, поля его шляпы были подвернуты (заломлены) с боков, справа и слева, как трубки. Другой, постарше, стоял с подвернутым кверху передним бортом шляпы, открывшим ему лоб. А третий, наоборот, с заломленным кверху задним бортом, обнажившим затылок. Оказывается, все это неспроста, а строго по семейному положению. Заламывать сбоку оба борта имели право только женатые; заламывать шляпу спереди — вдовцы; а сзади холостяки... Но в целом — и торфяные разработки, и выкуривание соли из океана, и глиняный круг для посуды, и деревянный ткацкий станок ничем особенным, узкоспециальным от старинного обихода других народов как будто не отличались и чем-то даже напомнили мне сходный музей в Эстонии.

И вот наступила минута, ради которой начата была моя поездка. Порник! От Нанта до Порника — рукой подать, а день еще только начался, и весь он целиком может быть отдан на розыски. Но кроме того, что Надежда Константиновна с матерью и впередовцами, Костицыными и Саввушкой, «решили перебраться в Порник и кормиться там сообща», а сама Крупская наняла, в ожидании Владимира Ильича, «две комнатухи у таможенного сторожа», — я ровно ничего не знала. Ни где эти две комнатухи, ни в каком они доме, и сохранился ли дом, и у кого начать о них спрашивать. С августа 1910 года прошло целых пятьдесят шесть лет и две мировые войны. В Москве нигде никаких подробностей о пребывании Ленина в Порнике, кроме странички воспоминаний Надежды Константиновны, узнать не удалось. Наши люди в Париже тоже ничего не знали и, кажется, даже не побывали в Порнике, по крайней мере в самом Порнике следов от их посещения не осталось. И все же я как-то твердо была уверена, что найду эти «две комнатухи у таможенного сторожа», и еще была уверена, что идти спрашивать надо не в полицию или в архивы, а в народ.

Теплый след Ильича, его личности, его дела не мог не остаться жить в народе, вот только нужно было решить, кого из народа первого взять за рукав и начать спрашивать. Но две вехи для поисков я сразу же установила. «Сообща питаться»... Питание на летнем отдыхе страшная вещь — по труду, какой нужно на него затрачивать. Конечно, главную заботу приняла на себя мать Надежды Константиновны. И тут на помощь ей во Франции должна была прийти благословенная лавка, именуемая «шаркютери» (Charcuterie). В словарях ее, как и подобную ей, итальянскую «салумерию» (Salumeria), переводят словом «Колбасная». Но и колбасные и гастрономы ни в какое сравнение с ними не идут. Это необычайно многогранные по ассортименту скопления всего жареного, вареного, печеного, изготовленного с гарнирами и соусами, — чего только душа пожелает; и домашние хозяйки могут найти там очень дешевые готовые блюда. В шаркютери маленьких местечек вроде Порника должны знать всех жителей, кто чем дышит и на что способен; в шаркютери могут легко указать стариков, помнивших, что было в их городе полвека назад. И шаркютери я приняла за первую «веху». Второй «вехой» была территориальная: таможня. Ясно, что таможенные служащие не могли селиться за тридевять земель от места своей службы, а старались быть поближе к нему. В приподнятом настроении, счастливая, словно еду на

свидание с Ильичем, я уселась в «симку». Мы решили с моим попутчиком в Нанте не есть и ничего съестного не покупать, а заехать за провизией в Порнике в первую же шаркютери.

Мягкой ложбинкой, вдоль небольшой веселой речки пошла наша дорога все вниз, вниз к океану, окрашенная скупым, но все же солнцем, вдруг матово поплывшим над нами сквозь сеть облаков. Этой дорогой неминуемо должен был ехать Ильич, теперь уж наверняка мы двигались по его следам. От волнения и счастья близости к нему все казалось вокруг необычайно милым, приветливым, ушедшим от времени. Нас никто не обгонял и мы никого. Было по-зимнему пусто, воздух все свежел и свежел, сквозь окно доносился соленый ветер океана, и мы незаметно въехали в Порник, очень простой и скромный город, а наша речуга вдруг обрела набережную. И на этой набережной необычайно нарядно в лучах солнца засияла большая зеркальная витрина. В ней гордо стояла белая фарфоровая свинья, окруженная длинными блюдами с заливным и салатами. Над витриной *белым* по черному фону стояла огромная надпись: Charcuterie. А немного пониже и более мелкими буквами еще раз: Charcuterie du Port. N. Tr#233;buchet. tel. 110.

Мне очень не хочется беллетризировать наше путешествие и передавать все последующее как приключенческий роман. Мне очень дорого все нами пережитое в Порнике. Кроме того, не я одна, а и спутник мой, Л. Морозов, проявил в наших поисках огромное упорство и неутомимость, и мы, как дети, могли бы поссориться: кто что открыл. Факт тот, что, купив на обед курицу и расплатившись за нее, мы с полчаса задержались в магазине. Хозяйка его, мадам Требюше, статная, высоколобая женщина, в белом фартуке и теплых ночных туфлях, узнавши, зачем мы приехали, посоветовала съездить недалеко, на горку — к местному художнику и журналисту, старику на пенсии, мсье Андрэ Баконнэ, который может нам помочь. Потом, узнав, что мы писатели, да еще из Москвы, она вызвала дочь — худенькую девушку в челке, с модно рассыпанными по плечам волосами, и представила ее нам — по отцовской линии — как правнучку Виктора Гюго. Хозяйка не сочиняла. В доказательство она принесла книгу, где имя Требюше было напечатано в связи с Виктором Гюго (я не успела как следует вчитаться в нее). Так и не удалось нам во Франции отойти от французской литературы, и на прощание мы познакомились с правнучкой автора «Les Miserables». От мадам Требюше, кстати сказать, я получила недавно дружеское письмо... Не сочинила она и о старичке пенсионере. Старик этот нам не только помог, но и решил нашу задачу.

Андрэ Баконнэ жил на крохотной площадке, высоко над городом, в первом этаже дома, на котором, видимо, по здешнему обычаю, тоже красовалась огромная надпись, на этот раз *черным* по белому: «Peinture. Vitrierie». (Живопись. Витражи.) Когда мы с трудом въехали на площадку, дверь его жилья оказалась запертой, и на ней висел замок. Мы было приуныли, но застрекотал мотоциклет, въехал, помогая себе пятками, румяный и круглый старичок, подошел к двери и попросту снял замок, оказавшийся «липovým». Мы вошли вслед за ним в явно холостяцкую комнату, с деревянным столом, пластмассовой тарелкой на нем (пустой) и оловянным прибором. Вокруг в беспорядке висели плакаты, картоны, изрезанная полосами бумага. Пригласив нас сесть, вдовец (или холостяк) мсье Баконнэ сперва расспросил, что нам нужно, а потом... и тут мы почувствовали, как дети в игре, когда ищут спрятанную вещь, — тепло, еще теплей, горячо, — просто ответил:

— Таможенника, только не сторожа, а смотрителя, звали мсье Додар (Dodard); их было два брата, Додара. Один сдавал свою половину дома постояльцам. Он потом умер. Его вдова, мадам Додар, продала дом мадам Пуалан в тысяча девятьсот двадцать первом году...

Мы едва успевали записывать в блокнот родословную дома, где жил Ильич: Додар, Пуалан. Но это еще не был конец французским именам. Заметно было, как Баконнэ охранял гражданское достоинство этих старых жителей Порника, всюду прибавляя «господин», «госпожа» и отвергнув существительное «сторож». Чуть позднее мы убедились еще в одном подчеркивании, но об этом позже.

— Мадам Пуалан имела двух дочерей. И теперь я вас подвожу к самой сути дела. Одну свою дочь она выдала за мсье Пэнбёфа (R. C. Paimbœuf) из агентства Кэно (Quénot), а другая вышла за здешнего учителя, он теперь тоже на пенсии, мсье Плэзанс.

Мы, торопясь, записывали: Пэнбёф, Кэно, Плэзанс...

— Да вы не спешите, сейчас мы сами туда поедem, и вы их увидите воочию. Мадам Пуалан умерла во время войны. Мсье Пуалан — сразу после войны. Теми комнатами, где когда-то жил вождь большевиков le grand Lépine, владеют нынче мадам и мсье Плэзанс.

Мы вскочили с места. Жив дом, уцелел! Существуют комнаты! Стало, как в игре, у самой находки, жарко. Но спокойный мсье Андрэ Баконнэ, тоже вставая, неторопливо продолжал свою речь:

— Чтоб навестить супругов Плэзанс, надо сперва побывать у мсье Пэнбёфа.

Через несколько минут наша «симка», дирижируемая горделивым Андрэ Баконнэ, остановилась у агентства Кэно, где, как водится, над витриной уже великанскими буквами, опять черым по белому, стояло «Agence Quénot». Сам мсье Пэнбёф, высокий и седоволосый, аристократического вида, прежде чем повести нас к своей belle-soeur, щедро раздал нам проспекты курорта Порника. Один из них был цветной. Вместо милого и простого местечка, уже ставшего нам, кроме набережной океана, хорошо знакомым, на нас оттуда глядели чуть ли не дворцы, кафе под тентами, шумные залы ресторанов с нарядной толпой, пляж, усеянный дамами, словом, это был какой-то совсем другой Порник. Кроме того, он оказался вотчиной знаменитого «Синего Бороды», маркиза Жилля де Ретца, имя которого упоминается рядом с опять вошедшим в моду маркизом де Садом. И развалины замка «Синего Бороды» где-то тут на горе, над побережьем. И гольф и казино (с игрой, — добавлено в скобках). Уж, наверное, ничего этого не было пятьдесят лет назад, кроме замка Жилля де Ретца.

Через тихие, узенькие, очень скромные улицы, где все от всего оказывается в двух шагах, мы прошли на ту, название которой (наверное, измененное с годами) — «Mon désir», «Мое желание». Эта улица, чтоб точнее ее назвать, стала исполнением наших желаний. На ней мы увидели двухэтажный дом бретонского типа, инкрустированный в елочку, темными кирпичами на белом фоне по углам, вокруг окон и дверей, — такой же, какие мы видели по всей Бретани и в нантском Народном музее. На втором этаже с балкончиком на улицу были «две комнатухи», в которых Ленин провел двадцать пять дней августа в 1910 году.

Навстречу нам вышли мадам и мсье Плэзанс, она худенькая, улыбчивая женщина с морщинками вокруг добрых, прищуренных глаз; он в парусиновом рабочем пиджаке, с удивительным лицом, не только просто «интеллигентным», — лицом мыслителя. Оба преклонных лет, но полные жизни, довольные жизнью, с тем прекрасным, какое поколениями воспитывается у европейских народов, чувством самоуважения, присущего трудившимся всю свою жизнь людям. И они были на редкость приветливы к нам, искренни и гостеприимны. Выше я сказала о *подчеркивании*. Дважды — в агентстве Кэно и сейчас от мадам Плэзанс, говорившей нам о своем муже, мы услышали твердое, словно курсивом взятое для наших ушей, что мсье Плэзанс был всю жизнь учителем светской

школы, светской, а не католической. Подчеркивание показывало, что это имеет здесь для их семьи большое, совсем не случайное значение, а как бы политическое и моральное. Ничего общего с иезуитами! И мы тотчас вспомнили рассказ Надежды Константиновны о мальчонке, сыне их хозяйки, которого иезуиты старались переманить в свою школу, а хозяйка, к великому удовольствию Ильича («воспылавшего к своим хозяевам большой симпатией»), восклицала: «Не для того она сына рожала, чтоб подлого иезуита из него сделать». Так и повеяло на меня временем, когда родной Ильич был тут, ходил по плитам, на которых мы сейчас стояли, сидел на балкончике...

— Не на балкончике сидел он, — сказала вдруг мадам Плэзанс, угадав мои мысли, потому что я смотрела вверх. — Тут раньше была лестница, спускавшаяся вниз прямо с балкона, и камарад Ленин любил сидеть на ступеньках с книгой или с тетрадкой на коленях. Пойдемте, я вам покажу, как они жили.

И мы долго ходили по «двум комнаткам». Сейчас они, конечно, были заставлены приличной мебелью, — бахромчатые скатерки, резные тарелки и вышивки на стенах, большие настенные часы в резной круглой рамке, стулья в чехлах. Но теснота была все такая же, когда в них размещались трое: Надежда Константиновна, ее мать и Владимир Ильич. И тот же, густо оплетенный вьющейся зеленью, был внутренний кусок веранды с открытой стеной в сад, где они пили чай. А воду для чая нужно было нести из сада ведром из колодца, — и колодец был тот же, что пятьдесят шесть лет назад. Нести на второй этаж! Сколько раз делал это, помогая жене, сам Ильич. Мы прошли в сад и постояли в этом заросшем, запущенном, еще не вовсе облетелом уголке у обыкновенного круглого колодца с ведром на цепи. Мой спутник все щедро заснял — дом, комнаты, сад, колодец и милых хозяев, — их лица улыбаются сейчас с фотографии, как будто говоря мне: мы — французский народ, простой французский народ, но с убеждениями и с чувством достоинства, национального, классового или просто народного, воспитанного почти двумястами лет свободного дыхания.

Часы на фотографии, как тогда в жизни, указывают половину третьего. Время было расставаться с домиком. Я не сказала еще, что этот бретонский домик имел название «Les Roses» (Розы), написанное сверху на фасаде.

— Здесь было раньше множество роз, — сказала, прощаясь, мадам Плэзанс, — сейчас осталось от них только два куста. Розы мелкие, но хорошо пахнут. Вот увезите эту: она нынешний год последняя — в подарок от вождя большевиков.

Маленькая белая роза, протянутая мне хозяйкой, действительно сильно пахла, так сильно, что, уложенная в конверт, она пропитала потом своим южным, крепким запахом весь чемодан и даже сейчас, правда очень слабо, но еще дышит ароматом. Возбужденные и счастливые, мы помчались на «симке» к океану и наконец-то спустились на пляж, где Ленин «много купался в море, много гонял на велосипеде, — море и морской ветер он очень любил»... Не успела я очутиться на пустынном берегу, как тотчас нашла сухого краба и тоже спрятала его в конверт, он, однако же, скоро рассыпался в прах и не оставил после себя ничего похожего на засушенную розу. Все-таки было хорошо найти его. И хорошо бегать по камушкам, дышать зимним холодом океана, смотреть, как подбираются и лижут берег волны и опять уходят. Мы в Порнике. Мы нашли домик, где жил Ленин. И мы нашли его, справляясь у народа, от народа, через народ, как, по убеждению моему, только и нужно искать следы Ильича.

Но это не было последним уроком нашей счастливой поездки. Фраза Надежды Константиновны, которую я цитирую выше, не кончалась точкой после слов «он любил». Дальше идет запятая и новая, тоже еще не окончательная фраза: «весело болтал о всякой всячине с Костицыными». Задумайтесь: весело болтал. О чем? О всякой всячине. С кем? С Костицыными. А Костицыны были члены группы «впередовцев»! Путаники в теории, они мешали чистоте линии партии своими требованиями свободы философской мысли (от марксизма, добавлял Ленин), свободы богостроительства (хуже, чем поповство, добавлял Ленин), тайной приверженностью к махизму, к эмпириокритицизму, открыто стоять за которые после работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в мае 1909 года, было уже не совсем удобно. С «впередовцами», как и с «ликвидаторами» и «отзовистами», которым «впередовцы» явно сочувствовали, Ленин яростно полемизировал в Париже. Это были представители той «левой фразы», которую Владимир Ильич органически ненавидел и не выносил. Той самой «левой фразы», которая на деле всегда вела и ведет направо, к реакции. И вдруг с членами группы «Вперед», рыцарями этой «левой фразы», Ильич искренне смеется, болтает о всякой всячине, проводит время по-добрососедски. Что это значит?

На лестнице, ведущей с балкона, той самой, где Ленин любил сидеть с тетрадкой и заниматься и которой сейчас уже нет, можно мысленно представить себе согнутую перочинным ножиком фигуру Ильича, погруженного в работу. Он любил так набрасывать свои мысли, согнувшись в три погибели, где-нибудь на приступочке во время конгрессов, на дачной лесенке. Над чем же тогда работал Ильич? Он писал одну-единственную статью, непримиримо острую, против группы «Вперед». Статья называется «О фракции „впередовцев“». Она была напечатана позднее (12 сентября 1910 года) в № 15–16 «Социал-Демократа». Ленин объясняет в этой статье, как всегда чеканно и просто:

«Объективные условия контрреволюционной эпохи, эпохи распада, эпохи богостроительства, эпохи махизма, отзовизма, ликвидаторства — эти объективные условия *поставили* нашу партию в условия борьбы с кружками литераторов, организующих свои фракции, и от этой борьбы фразой отделаться нельзя. Отстраниться же от этой борьбы значит отстраниться от одной из современных задач рабочей с.-д. партии». Однако — и какое замечательное «однако» имеется у Ленина в самом начале того же абзаца:

«Еще и еще раз надо повторить, что это лицемерие впередовцев объясняется не личными качествами Петра или Сидора, а *политической* фальшью всей их позиции, объясняется тем, что литераторы-махисты и отзовисты *не могут* вступить *прямо и открыто* в борьбу за дорогие им несоциал-демократические идейки». ⁵¹

Политическая фальшь позиции не означает фальши характера. Она не касается у Петра или Сидора их *личных качеств*. С великой человечностью различает тут Ленин за фальшью политической позиции *живого человека*. И в свете этих ленинских слов такой простой и понятной становится веселая болтовня Ленина «о всякой всячине» *на отдыхе* с «впередовцами» Костицыными. А ведь бывало у нас, что ошибочная и фальшивая позиция целиком покрывала всего Петра или Сидора, словно перестали они быть живыми людьми со всеми их личными качествами. Перестали быть, а вокруг них, как вокруг зачумленных, вдруг образовывалась пустота.

---

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 318. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.)

От них разбегались лучшие друзья-товарищи. И последний урок, полученный нами в Порнике, учит, что поступать так — значило поступать *не по-ленински*.

Мы уезжали из Порника в теплой волне любви к Ленину, словно и в самом деле повидались с ним, подышали одним с ним воздухом. Было так полно и хорошо, как в редкие минуты счастья, и верилось: придет время, когда все мы научимся не только мыслить, но и *жить и чувствовать по-ленински*.

Март — апрель, 1967

Ялта

Урок третий: В БИБЛИОТЕКЕ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

1

Было то самое «дождестояние» в Лондоне, когда мельчайшая влага не сыплется, а как бы стоит в воздухе, и газеты коротко, в графе о погоде, оповещают: «шаор».⁵² Этот стоячий душ не беспокоит лондонцев; и зонтики, никогда в Англии не выходившие из моды — даже в эпоху плащей, — не раскрываются.

Я шла под таким шаором не своей дорогой, а совсем противоположной. Моей дорогой было бы доехать до станции метро «Тотенхем-корт-роуд», свернуть на Грэт-Рассел-стрит и через две минуты быть у цели. Но вместо этого, отнюдь не по ошибке, а после долгих ковыряний в мельчайших квадратиках многостраничного плана Лондона, озаглавленного «От А до Z», я очутилась на станции «Кингс-Кросс», зашагала по длинной и мрачноватой, старой диккенсовской улице Грэйс-Инн и свернула по Хольфорд-стрит к Рассел-сквер. Не просто шла, а словно ступала по зеркалу, оглядывая дома по сторонам и тротуар под ногами.

Этой дорогой, или почти что этой, — каждый день, с девяти утра — шел Владимир Ильич Ленин. Шел под дождем и солнцем, под снегом и смогом, при фонарях и при слабом лондонском утреннем свете, — должно быть, с такой же приятной зябкостью ожидания или — хорошее русское слово — предвкушения, с какой торопишься на свиданье с чем-то любимым. Ильич очень любил место, куда он ежедневно уходил на половину дня.

Жизнь человеческая проходит. Она течет удивительно быстро. Но в памяти, как в несгораемом шкафу, долго хранятся ощущения пережитых нами прочных радостей, не теряя своего первоначального вкуса. Я уверена, что Ильич хранил в памяти ощущение своих занятий в

---

⁵² Shower.

библиотеке. Среди немногих личных часов счастья было счастьем для него занятие в знаменитой Ридинг-Рум — читальном зале Британского музея.

Надежда Константиновна рассказывает:

«Когда мы жили в Лондоне в 1902–1903 г., Владимир Ильич половину времени проводил в Британском музее, где имеется богатейшая в мире библиотека с прекрасно налаженной техникой обслуживания».⁵³ Он пристрастился к ней, полюбил ее настолько, что: «Во время второй эмиграции, когда разгорелись споры по философским вопросам и Владимир Ильич засел за писание „Материализма и эмпириокритицизма“ в мае 1908 г., он поехал из Женевы в Лондон, где пробыл больше месяца специально для работы в Британском музее».⁵⁴ Словно с улицы на улицу — из одного государства в другое, далеко не соседнее, — только чтоб засесть в любимой библиотеке!

Н. А. Алексеев добавляет к воспоминаниям Крупской о годах их первой эмиграции, как они «нашли себе две комнаты без мебели недалеко от станции городской железной дороги — Кингс-Кросс-Род» и как «в этих двух комнатах, для которых пришлось приобрести самую скромную меблировку (кровати, столы, стулья и несколько простых полок для книг), Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили все время до переселения „Искры“ в Швейцарию (весной 1903 года)».⁵⁵ Алексеев долго жил в Лондоне и считал себя «до известной степени старожилом», но Ленин, по всегдашней своей привычке предварять живой практический опыт общим и цельным знанием, полученным из чтения, — еще до переезда в Лондон внимательно изучил его план. И Алексеев вынужден признаться, что Владимир Ильич поразил его, старого лондонца, своим «умением выбирать кратчайший путь, когда нам приходилось куда-нибудь ходить вместе (пользоваться конкой или городской железной дорогой мы по возможности избегали по финансовым соображениям)».⁵⁶

Вот почему и я, пройдя в первый раз по прямому своему пути, пустилась вторично по закоулкам. Мне хотелось угадать, где прокладывал Ленин свой «кратчайший путь». Англичане — народ надежный, не знающий того «бешенства превращений», каким окрестил некогда Сперанский любовь русского человека к постоянным переменам. За десятки лет, даже за сотни, сколько ни омолаживай здесь старую архитектуру, сколько ни воздвигай, как это нынче делают, умеренных небоскребов в самом сердце города — Лондон бережно хранит старые названия улиц, старые их очертания, — и все те же названия стояли на углах тех же закоулков, по которым сокращал себе Ленин дорогу от Кингс-Кросс до Бритиш-Мьюзеума. И хотя вместо станции железной дороги появилась станция метро, но в тех же местах, с тем же названием, с таким же назначением. А дождь все стоял и стоял в воздухе серебристой рыбьей чешуйкой. В его мельчайших штрихах, словно в штриховом пункте Ван-Гога, проступили наконец передо мной величественные колонны одного из прекраснейших и любимейших зданий Лондона.

---

⁵³ «Воспоминания родных о Ленине». Госполитиздат, М., 1955, с. 204.

⁵⁴ Там же. (Выделено мной. — М. Ш.)

⁵⁵ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 215–216.

⁵⁶ Там же, с. 217.

Я не была новичком в Британском музее. Несколько лет назад (чтоб быть точной — в 1956 году) мне пришлось поработать в его библиотеке. Сейчас я тоже пришла сюда не как турист, а как читатель. Те, кто ходит смотреть музей, понятия не имеют о разнице таких двух посещений. Чтоб иметь право заниматься в читальном зале Британского музея, нужны две солидные рекомендации, да и то, — если накопилось большое количество заявок, — вы не сразу получите входной билет. Первый раз мне очень помог Кристофер Мэхью, ведавший в те годы упраздненным нынче русским отделом «Британского Совета». А сейчас я привезла с собой рекомендацию директора нашей Ленинской библиотеки, Ивана Петровича Кондакова, и этой единственной рекомендации, как раньше — мистера Мэхью, оказалось достаточно.

Но в 1956 году увидеть место, где сидел и работал Ильич, и узнать толком, каков порядок занятий в знаменитом читальном зале (Reading Room), мне не удалось. Дело тогда шло о рукописи английского востоковеда Джона Хэддона Хиндлея, находившейся в отделе восточных манускриптов, где она, по молодости своих лет (почти современная!), выглядела младенцем, хотя и была в своем роде уникальной. Хиндлей перевел с фарси на английский труднейшую философскую поэму Низами Гянджеви «Сокровищница Тайн», и это был первый перевод поэмы на европейский язык. Нужен он был мне до зарезу, чтоб критически сравнить его с собственным стихотворным переложением «Сокровищницы» по подстрочнику покойного советского иранолога Ромаскевича. Этот большой ученый, дословно выполнивший свою задачу, создал такой легион туманностей, такое безбрежное море загадочных ассоциаций, такие зашифрованные ребусы, что не одна я, но и несколько образованных иранцев, которым я показала раздобытый мной подлинник, стали в тупик уже не перед подстрочником, а перед самим оригиналом поэмы.

Полюбив и переведя «Сокровищницу Тайн», я не бросила Низами, а продолжала изучать все, что о нем написано в Европе. За десятки лет европейские ученые проложили тропинки к его пониманию. Они шли в одиночку. Англичане облюбовали басню о двух совах из «Сокровищницы» и печатали ее много лет в детских литературных хрестоматиях; немцы (иранолог Хаммер) перевели немало кусков из его поэм. Гёте дал целый очерк о Низами в своем «Западно-Восточном Диване». Но полный перевод «Сокровищницы Тайн» отважился сделать только один Хиндлей. Весь невероятный, беспримерный в истории размах советской деятельности, — того, что можно назвать *государственным* решением чисто культурной задачи, когда созваны и связаны в содружестве виднейшие ученые и поэты, заказаны и оплачены полные научные переводы и стихотворные их переложения; и все это, под шефством лучших иранологов многих республик, издано с комментариями, иллюстрациями и даже, на родине Низами, с параллельными текстами оригинала и перевода, — весь этот размах словно вызвал великого поэта вторично к жизни. Рядом с таким размахом одинокие усилия западных ученых, часто нигде не находившие поддержки, казались каким-то «гласом вопиющего в пустыне». Но тем более привлекательным и заманчивым был для меня, углубившейся в Низами и не бросившей заниматься им по окончании юбилея, — одинокий перевод «Сокровищницы Тайн» Хиндлея, бескорыстный труд ученого, так и оставшийся в рукописи.

Написав в английской анкете, что я хочу ознакомиться именно с этим трудом, я получила входной билет для занятий в отдел восточных рукописей и прошла в небольшой кабинет, уставленный длинными столами с удобными пюпитрами для расстановки больших рукописных фолиантов.

Память моя благодарно хранит часы, проведенные в этом кабинете, и удивительное внимание работника отдела, положившего передо мной не только желанного Хиндлея с его слегка выцветшим, но разборчивым почерком, а и огромный печатный том с библиографией находящихся в отделе *армянских рукописей*, — по фамилии он узнал, что я армянка, и захотел сделать мне приятное.

Повторяю, однако, что было это давно, свыше десятилетия назад. Отдел восточных манускриптов лежит в стороне от центрального читального зала. И мне даже краешком глаза не пришлось тогда увидеть сердце Британского музея — тот круглый зал, увенчанный высочайшим, как в византийском храме, просторным куполом, ту самую Ридинг-Рум, в которой ежедневно сидел и занимался Владимир Ильич Ленин.

Но зато вступить в него и увидеть его мне предстояло теперь в юбилейном году 1967.

3

Туристы, ежедневно тысячами посещающие знаменитый на весь мир Британский музей, связывают его обычно с сокровищами египетского отдела обоих этажей, с мумиями, с предметами античных и азиатских культур, остатками народов майя, греко-римскими, индийскими, персидскими, хеттскими и другими древностями. Когда с путеводителем в руках они идут из комнаты в комнату, из галереи в галерею, им и в голову не приходит, что двигаются они по четырем сторонам квадрата вокруг укромно вместившегося в их центре и протянувшегося вверх на два этажа своеобразного круга в квадрате. Библиотека внедрена в музей необыкновенно удачно, с той редчайшей экономией и отжатостью пространства, каким вообще отличается архитектура этого великолепного здания. Двадцать раз посетив выставочные залы музея, вы можете ее попросту не заметить. Больше того, если вы обычный торопливый турист, вы можете даже и не знать о ней, не подозревать входа в нее и вообще ею не интересоваться. А ведь она — сердце здания. Она — ее собирательный нерв, от нее все росло и отпочковывалось. Ее история, полная национального своеобразия и в том, как она развивалась, и в том, как сами англичане о ней рассказывают, — *чисто английская*, ярко передающая английский характер, английский юмор, английские народные черты. Современному человеку может показаться странным, но людям моего поколения естественно думать, что в Британском музее главное — это его знаменитая библиотека, а предметы его коллекций это уже второстепенное и прикладное.

Люди моего поколения считали привычным и законным сочетание библиотеки с музеем под одной крышей. Студентами мы говорили: «Иду в Румянцевский музей». Это означало, что мы идем заниматься в *библиотеку* Румянцевского музея. За все годы моей молодости я, как и все мои товарищи по факультету, не знала и не интересовалась, что за экспонаты имеются в «Румянцевке» и есть ли они вообще, — единственным существующим для нас предметом в ней была книга. Поэтому фраза в воспоминаниях Н. К. Крупской о том, что Ленин, не ходивший в Лондоне по музеям за исключением Британского, — и в Британский ходил отнюдь не для того, чтоб смотреть собранные там драгоценные коллекции, а влекла его «богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать»,⁵⁷ фраза эта

---

⁵⁷ «Воспоминания о Ленине». М., 1933, с. 55.

воспринималась мною как нечто глубоко естественное. Когда, наконец, побывав в дирекции и получив на месяц свой пропуск № 1 399 533, я перешагнула впервые через порог Ридинг-Рум, меня, как воздухом, охватило особое чувство дома, куда вступаешь в новое свое существование, «у порога оставив туфли» — забыв все личное, мелкое, бытовое, несущественное, беспокойное, рассеивающее.

Кто хочет хорошо понять человека Ленина, вжиться в его характер, тому не миновать глубокого раздумья о роли библиотеки в сложной ленинской жизни.

Библиотека — это не только книга. Это прежде всего колоссальный концентрат спрессованного времени, как бы сопряжение тысячелетий человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу, для жизни *в постоянстве*, а не *в текучести*. Вы входите в храм Сбереженного Времени, чтоб приобщиться к этому великому постоянству в текучести, — как бы становитесь его частицей. Вы становитесь его естественной, органической частицей, потому что здесь нельзя читать без отдачи своей собственной творческой энергии для понимания и усвоения прочитанного. В библиотеке, как нигде, вы переживаете всю глубину знаменитой латинской формулы: «*Do ut des*», — даю, чтоб ты дал, — изрядно опошленной ее узкопрактическим пониманием.

Замечательно, что именно в Лондоне Владимир Ильич вспомнил об этой формуле в ее глубоком творческом смысле. Когда оставшиеся в Москве социал-демократы, которым посылалась нелегальная литература из Лондона для освоения, распределения, читки и комментирования в рабочих кружках, стали вопить «мало», «мало», «недостаточно массово», «недостаточно понятно», в то же время не утруждая себя освоением этой литературы, не вчитываясь в нее сами, не двигая ее в кружки, не комментируя, не разъясняя, не используя и сотой доли того, что им послано, — Ленин хлестнул по этой пассивности товарищей таким грозным и гневным окриком в своем письме к Ленгнику, каким гремел лишь в редчайшие минуты негодования на своих соратников: а «Сумели ли вы использовать те *сотни*, которые вам *доставили, привезли, в рот положили??* Нет, вы не сумели этого сделать... увертка, отлыниванье, неуменье и вялость, желание получить прямо в рот жареных рябчиков» — и формула, выделенная Лениным в скобки, как бы для того, чтоб подчеркнуть ее безусловный, зависящий не только от данного момента, вечный смысл:

«(Никто и никогда ничего вам не *даст*, ежели не сумеете *брать*: запомните это)».⁵⁸

Но библиотека не только концентрат времени, читальный зал не только связывает читающего с книгой. Читальный зал вводит читателей в творческую атмосферу сотен и тысяч других людей, читающих рядом с ними, смешивая воедино их сосредоточенные дыхания и невидимые флюиды токов их мышления. Если есть гипноз общего действия толпы на улицах, в театрах, на митингах, где люди заражаются друг от друга чувствами и поступками, то незримый и тихий взаимогипноз читателей в библиотеке, отрешенных от текучести жизни, ушедших в творческое освоение чужой мудрости, которую нельзя взять, не привнеся в нее частицу себя самого, — этот взаимогипноз очень велик и реален.

---

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 271. «Несколько мыслей по поводу письма 7 ц. 6 ф.». Написано в февралю, позднее 12, 1903 г., послано из Лондона в Киев. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.).

Есть в воспоминаниях об Ильиче два удивительных рассказа, на первый взгляд противоречащих друг другу. В одном Н. А. Алексеев рассказывает, как он встретил приехавшего в Лондон Ленина: «Владимир Ильич объяснил мне тотчас по приезде, что прочие искровцы будут жить коммуной, он же *совершенно не способен жить в коммуне, не любит быть постоянно на людях*. Предвидя, что приезжающие из России и из-за границы товарищи будут по российской привычке, не считаясь с его временем, надоедать ему, он просил по возможности ограждать его от слишком частых посещений».⁵⁹ Но вот, почти в это же время — за несколько дней до приезда в Лондон, Ильич остановился в Брюсселе. Его там встретил Н. Л. Мещеряков: «...я повел Владимира Ильича показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показались толпы рабочих... Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь замедлить его движение».⁶⁰ Читаешь — и почти видишь, почти физически чувствуешь произвольную тягу Ленина к толпе, к массе, чувствуешь физическое усилие Мещерякова оттянуть его, чтоб не попасть в неприятности на чужой земле. Как будто — противоречие. На самом же деле — слитное свойство характера: потребность сосредоточиться, быть с самим собой; и страстная тяга — быть с народом, в народе. Тут, может быть, и корни любви Ильича к библиотеке. Ты один, сосредоточен в себе, ничто и никто не отвлекает; а в то же время, — ты в волне умственных энергий огромного числа людей, работающих с тобой рядом.

Удачная архитектура Ридинг-Рум, его круг с большим диаметром, проходы, не в длину и ширину, а главным образом вдоль стен по кругу; его скамьи, расположенные радиусами от центра; стены, сплошь опоясанные полками, уставленные книгами, до которых помогают добраться удобные передвижные лесенки, а выше предела лестниц — вторые этажи, обведенные дорожкой с железными перильцами, — все это позволяющее множеству людей заниматься рядом, но не мешая друг другу, и множеству книг расположиться всегда очень доступным для читателя образом, — удивительно способствует и сосредоточенному одиночеству, и взаимослиянию творческих энергий читателей, — одновременному бытию с самим собой и в массе, подмеченному современниками у Ленина.

4

Я вступила в Ридинг-Рум не одна. Со мной был сотрудник библиотеки, мистер Фэйрс, специалист по русскому и румынскому языкам, с которым меня познакомили в дирекции. Мистер Фэйрс помог мне для начала разобраться, где выдают справки и куда идти, чтоб заказать и получить книгу: как и что писать на бумагах для заявок; где искать каталоги и как с ними обращаться.

Отдел для справок был у самого входа, а стол заказов и получения книг — в центре круга. Все как будто похоже на наши порядки, но есть разница: надо обязательно *самому* найти шифр книги и проставить его в заявке, а кроме того, — найти и проставить, тоже в заявке, *номер занятого вами места*.

---

⁵⁹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 216. (Выделено мной. — М. Ш.)

⁶⁰ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 221.

Шифр найти очень легко. Здесь нет «карточной системы», туго набитых длинных ящиков с карточками на стержне, которые не так-то легко перебирать и удерживать на нужном для списывания месте. Вместо них — каталоги, огромные фолианты с крупно помеченными на корешках буквами, — тут же, рядами, под столом заказов; раскройте, и на широких белых страницах маленькие печатные наклейки броско, удобно для глаз, с оставлением белых пространств для будущих наклеек. Заполнив заказ, вы через полчаса уже сидите и занимаетесь.

Что до номера места... Я было размашисто прошла вдоль скамей и сразу положила тетрадку на свободный стол. Но мистер Фэйрс покачал головой. Он подвел меня к круглому проходу вдоль стен, куда эти скамьи, ряд за рядом, выходили геометрией радиусов или, если хотите, музыкой струн, и указал на четкие отметки каждого ряда: латинская буква и цифра, буква и цифра. Оказывается, не каждый свободный стол — свободное место для вас; искать себе место требовалось не анархически, а в соответствии с заглавными буквами своего имени, как оно помечено на входном пропуске. И если все места в вашем ряду были уже заняты, вам следовало терпеливо ждать, пока одно из них освободится, а не усаживаться за любой свободный стол.

— Мы не знаем точно, где сидел Ленин, — сказал мне мистер Фэйрс, давно угадав, какое именно место интересует меня в этом зале. — Он жил в Лондоне и работал у нас под именем «Якоб Рихтер» и, значит, сидеть мог примерно вот тут...

Мы подошли к двум рядам, недалеко от главного прохода в холл. Прошло шестьдесят пять лет. Но ряды по радиусу, буквы и цифры на рядах остались, вероятно, теми же, как и система рассаживания. Она идеальна для контроля и в то же время требовательна к читающему: чтоб заполучить свободное место в узком, предназначенном тебе буквенно-цифровом ряду, надо рано вставать. И Ленин, как мы знаем, уходил в библиотеку с раннего утра. Он любил точность и систему; в его лондонской комнате всегда был порядок. Современник пишет: «Всем известно, что Ленин вел очень скромный образ жизни как за границей, так и в России. Жил он невероятно скромно. Он любил порядок, царивший всегда в его кабинете и в его комнате, в отличие, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок — всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич. У Ленина, напротив, был необыкновенный порядок, воздух в комнате всегда чистый. Если у него в комнате закуривали, он хотя в то время еще и не запрещал курить, но начинал морщиться, открывал форточки и вообще обнаруживал большое неудовольствие».⁶¹

Приходя в библиотеку, Ленин попадал в любимые им условия: точность, система, курить запрещено, воздух чист. Весь уклад Библиотеки Британского музея должен был особенно ему нравиться: при всей его сложной точности, этот уклад очень легко, словно играючи, запоминается. Никакой казенщины в правилах, — может быть, потому, что в них есть какой-то элемент изящества и непринужденности, как в правилах детской игры. Вы подчиняетесь ему легко, с удовольствием, а между тем он сразу и очень твердо организует вас, вводит или, как моряки говорят о своем судне, «кладет на курс», дает чудесное чувство целенаправленности.

Среди условий для занятий в Библиотеке Британского музея имеется одно, очень важное. Если нужную вам книгу можно легко достать в любой другой библиотеке Лондона, вам это укажут и адресуют вас туда. Есть ходячий рассказ об одном пожилом англичанине, десятки лет прожившем

---

⁶¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 222.

в Центральной Африке. Вернувшись в Лондон, он вспомнил о любимой своей книге, читанной в молодые годы в библиотеке музея, отправился туда и спросил себе входной билет. Узнав, что «любимая книга» старика была «Опыты» Бэкона, ему ответили, что он найдет ее в любой публичной библиотеке и может даже купить за шесть пенсов в десяти шагах от Британского музея. Получить право на место, осаждаемое сейчас сотнями ученых со всех концов мира, может поэтому лишь тот, кто нуждается в специальных книгах по специальной тематике, имеющих и легче всего получаемых именно в Библиотеке Британского музея.

В этот приезд мне нужны были комплекты газеты «Таймс» за вторую половину восьмидесятых годов прошлого века. Кроме того, уже будучи в Лондоне, я прочитала в одной из воскресных газет обстоятельную рецензию на только что вышедшую книгу оксфордского историка Сетона Уатсона «Российская империя 1801–1917»⁶² и загорелась ее прочесть. Старые газеты уже давно в огромных тюках, целыми вагонами были переправлены в газетное отделение Британского музея за полтора часа езды от Лондона. Но это относилось к газетам, выходявшим до девятнадцатого века, и меня не касалось. А книгу Уатсона еще нигде, даже в продаже, получить было нельзя, и, спокойно заполнив свою анкету, я получила пропуск без всяких затруднений. Однако мистер Фэйрс покачал головой. Библиотека — да; но Ридинг-Рум — нет!

Для чтения газет в библиотеке специально имеется так называемая Periodical Gallery, Галерея периодики. Для чтения новейших, только что полученных, но еще не зарегистрированных и не внесенных в каталог книг нужно пройти в так называемую North Library, — Северную библиотеку. К той и другой ход был из Ридинг-Рум. Нечего делать! Пришлось мне каждое утро двигаться по окружности, верней, полуокружии прохода в круглой Ридинг-Рум, любовно поглядывая на радиусы ее именных рядов, уходящих к центру круга; и ровно на половине пути сворачивать в длинный коридор, слева от которого железная лестница вела меня наверх, в Галерею периодики, а прямо в конце коридора были двери в Северную библиотеку. Так целый месяц и продолжалось, хотя все-таки, в ожидании позднейших своих заказов, я и посиживала иной раз в круглой Ридинг-Рум, читая взятые с полок интересные журналы.

5

Но прежде чем продолжить свой рассказ об Ильиче, его отношении к книге и чтению, мне хочется ближе познакомить нашего читателя с самой Библиотекой Британского музея. Англия не имеет ни одного учреждения более демократичного и в то же время более национального, чем эта библиотека. Жаль, мало у нас, — о наших двух огромных книгохранилищах Ленинской в Москве и Публичной в Ленинграде, — занимательно, без формалистики и казенщины рассказанных историй их возникновения, развития и быта. Те же, что есть, например, книга И. Романовского⁶³ о Ленинской библиотеке, малоизвестны. А ведь для читающего человека, в огромном большинстве случаев автодидакта, дающего себе «самообразование» подчас до конца жизни, даже и в звании академика, большая государственная библиотека больше достойна имени «Alma mater», чем

---

⁶² Hugh Seton Watson. The Russian Empire 1801–1917, Oxford, 1967. «The Oxford History of Modern Europe».

⁶³ И. Романовский. Книга и жизнь. Очерки о Государственной библиотеке имени Ленина, изд-во «Московский рабочий», 1950.

университет. Сколько исторически интересного, яркого, как открытие, узнали бы мы о самих себе, о своих народах, об их выдающихся представителях, о хороших и смешных, трагических и дурных сторонах русской истории в описаниях наших двух библиотек и даже в том *изложении*, каким эти описания были бы сделаны!

Говоря «типично английское», наиболее характерное для английского народа, — я как раз имею в виду не только «биографию библиотеки», факты и списки имен, — а и способ самого *изложения* этих фактов. Об англичанах сложилось мнение, будто они самоуверенные гордецы, — но что такое настоящая гордость? Когда в 1958 году на выставочных стендах английского павильона в Брюсселе появились надписи: «Мы первые открыли то-то», «У нас первых сделано было то-то», «Впервые то-то и то-то придумано было именно в Англии», — то впечатление возникало не об английской гордости, а только о великобританском хвастовстве. Но когда в самой Англии, в ее книгах о своей стране, в ее массовых туристических гидах читаешь умную насмешку над собственными недостатками или серьезный укор за них самим себе, невольно проникаешься симпатией к английской гордости, той гордости, что родится из спокойного самоуважения.

Приведу для примера два больших справочника, писанных для чужого глаза и по своим задачам граничащих почти с рекламой. Об одном я где-то уже рассказывала, это огромный гид по Англии, очень дорогой, считающийся чуть ли не лучшим. В самом его начале с неистребимым английским юмором говорится: «Наша страна никогда не отличалась умением вкусно готовить, зато она славилась свежестью своих продуктов; приехав к нам сейчас, — вы увидите, что готовить вкусно мы не научились, зато продукты наши утратили свою свежесть». Глазам своим не веришь — сказать о себе этакое в туристическом гиде! А вот другой путеводитель — по истории Библиотеки Британского музея. В главе о начале движения за публичность библиотек сказано серьезно и укоризненно, уже отнюдь не с юмором: «Для такого большого города, как Лондон, открытие общей публичной библиотеки произошло очень поздно, гораздо, например, позднее, чем в Париже, где библиотека Мазарини открылась для публики в 1643 году, а Королевская, практически тоже уже доступная, формально была открыта в 1753 году».⁶⁴ Нации с меньшим чувством самоуважения наверняка написали бы о своей публичной библиотеке в подобных же обстоятельствах, как об «Одной из первых», или «В ряду первых библиотек Европы», или «Среди зачинателей публичного использования библиотек, наша...» и т. д. Что, впрочем, лишь на какую-то йоту неточности не соответствовало бы в данном случае правде, — Библиотека Британского музея была открыта всего на шесть лет позже Королевской в Париже (15 января 1759 года). Но все же — йота!

Черта эта, — очень маленькая, малозаметная для самих авторов, встречается в манере изложения английских книг, говорящих о себе и своем народе, очень часто. Я привела ее именно как манеру изложения фактов. Но еще больше национально-английского найдет читатель не только в манере изложения, а и в самих фактах истории Библиотеки Британского музея. Есть среди них вещи забавные, в чисто английском духе: еще в середине прошлого века, например, женщины (леди), допущенные к занятиям в библиотеке гораздо позже мужчин, — должны были приходиться туда не иначе, как *парочками*. Почему? Потому ли, что, садясь за стол (а в библиотеке, как и в столовой, стол играет решающую роль), в комнате, сплошь наполненной мужчинами, женщина должна для приличия быть в защитном сопровождении *другой* женщины? Или еще забавный пример английской дисциплины: первые годы существования библиотеки, когда читальный зал был

---

⁶⁴ The British Museum Library. London, 1948, 388 p., p. 31.

маленький и плохо проветривался, а допускались в него лишь «люди с положением», он частенько бывал пуст, но служащие (как правило, крупные ученые преклонного возраста) должны были высиживать положенные часы до конца. Однажды старый доктор Петер Тэмпльмен, заведовавший читальным залом, задыхаясь от духоты и видя, что зал пуст, вздумал было выйти на минуту подышать свежим воздухом. «Назад, сэр!» — громовым голосом закричал на него «опекун» или «шеф» библиотеки («Trustee» по-английски): довольно сильное выражение «назад» (get back) — но непременно и неизменно с добавкой «сэр'а». Самое страшное ругательство, произносившееся по-английски в самом яростном пылу драки, — неизменно вылетало из уст англичанина с этим хвостиком «сэр'а».

От таких забавных случаев, накопившихся в анналах библиотеки за два столетия, веет чисто английским духом, Диккенсом, Теккереем, — кстати, и Диккенс и Теккерей были в свое время завзятыми ее читателями. Но есть в истории Британского музея и нечто другое, тоже чисто английское, глубоко симпатичное во всех его проявлениях. Я не говорю тут о черте, присущей *каждому* публичному книгохранилищу, — раскрытой двери для бесплатного пользования сокровищами человеческого ума и постоянного, тоже повсеместного, интернационализма, то есть преимущественного доступа иностранцам: даже в Англии, вообще говоря недолголюбивающей чужестранца, alien, — в Библиотеке Британского музея всегда есть для этого «нелюбимого» гостя вежливый и добрый прием. Не говорю тут и о неоспоримом факте широкой доступности читального зала для революционеров-эмигрантов, от итальянского антиклерикала-изгнанника Габриэля Россети, — и до Маркса и Ленина. Это все черты, можно сказать, общие, вытекающие из самого бытия книги, из общего гуманитарного настроения библиотек, их мировой переклички, их взаимообмена, их «национализации», то есть перехода на бюджет нации и бесплатности ими пользования. Но есть в истории Библиотеки Британского музея оригинальные эпизоды, в которых наглядно проявляется свой особый, только англичанам присущий, национальный характер. О двух из них хочется рассказать читателю.

6

Закончилась знаменитая кампания 12-го года. Наполеону нанесен удар. Союзные силы ездят друг к другу с дружественными визитами. В 1814 году царь Александр I приезжает в гости к английскому королю и желает осмотреть Библиотеку Британского музея. Начало века вообще славится тем, что правительства хвастают не только военными своими силами и блеском дипломатий, но и сокровищами высшего порядка. Большая часть европейских библиотек насчитывала со дня своего открытия почти два столетия. Испания хвастает своим «Эскуриалом», Бавария — Мюнхенской, Италия — Ватиканской, Лауренцианой, Амброзианой, Габсбурги — Венской, Польша — Ягеллонской... На весь мир прославлена знаменитая Вольфенбюттельская библиотека в Германии. Но Александру I хвастаться, особенно по сравнению с книгохранилищами, созданными еще в XVI веке, было нечем; подражая Наполеону, порядочно пограбившему Европу для Франции, он тоже изрядно пограбил: попросту перевез огромную польскую библиотеку из Варшавы к себе в Петербург. И вот теперь он ходит по Ридинг-Рум и осматривает британскую, сравнительно молодую, — ей было в то время всего пятьдесят пять лет.

По библиотеке водит Александра I один из тогдашних служащих, в виде исключения не из ученого звания, а бывший дипломат, Иосиф Планта. Царь критически осматривает книжное наличие и бросает замечание о «небольшом размере национальной библиотеки». Иосиф Планта по-

французски (как велся весь разговор) отвечает: «Но, ваше величество, ведь все здесь оплачено!» (Mais, Sire, tout est paye ici!).⁶⁵ Сейчас о таком ответе царю-книгокраду, только что присвоившему «задарма» польское книгохранилище, сказали бы: «Здрóрово!» Не знаю, попал ли этот эпизод в русские истории александровской эпохи, но в анналы Библиотеки Британского музея он попал.

А вот второй эпизод, еще более смелый, в еще более английском духе. В 1830 году выходит в Лондоне книга «Наблюдения над состоянием исторической литературы», написанная «острым на язык» (как его аттестуют сами англичане) антикварием, сэром Николасом. (Харрис Николас, заметьте, читатель, тоже «сэр», то есть лицо привилегированное). В этой книге он нападает на состав «опекунов» (Trustee's) Библиотеки Британского музея: «Там, где, как следовало бы ожидать, должны быть выбраны люди согласно их заслугам, *нет ни одного лица*, кто выделился бы в науке, в искусстве, в литературе; вместо этого они состоят из одного герцога, трех маркизов, пяти графов, четырех баронов и двух членов парламента! Это лишь добавляет к многочисленным другим примерам лишнее доказательство того пренебрежения (neglect), с которым относится к гению британское правительство».⁶⁶ Дело не только в том, что «острый на язык англичанин» замахнулся на консервативные порядки в национальной библиотеке. А в том, что и сейчас цитируются его слова с великим удовольствием и одобрением в официальном историческом очерке библиотеки, написанном ее сотрудниками тоже большей частью «сэрами».

Еще несколько слов — уже о *сегодняшнем* своеобразии всего, связанного с библиотекой. Всякий раз, когда в тихой Рассел-стрит выросло передо мной за чугунной решеткой величественное здание Британского музея, я поражаюсь цыганской панораме вокруг него. У самого входа, на ступенях лестницы — толпятся десятки приезжих, главным образом молодежи, — с фотокамерами, чемоданами, рюкзаками. Копшатся, двигаются наподобие голубиной стаи, читают газету, часами сидя вдоль стен на складных стульчиках или на камнях. У входной двери в музей есть маленькая ниша с краном. Закусывая из бумажек, люди попросту подходят к крану и пьют, подставляя губы под водяную струйку. Тут же разгуливают бобби в белых перчатках, не обращая на эти «кэмпинги» у стен мирового музея никакого внимания. Никто не останавливает, не гонит молодежь, и я никогда не видела, чтоб после них оставался мусор...

Не знаю, имел ли Владимир Ильич представление об исторических английских чертах, которые я выше коротко описала, верней, о фактах, в которых эти черты проявились в истории библиотеки. Книга, мною цитированная, была издана почти полвека спустя после года работы Ильича в Ридинг-Рум. Мало кто из посетителей-туристов и сейчас знаком с нею: ведь книге этой, изданной в 1948 году, суждено скоро стать библиографической редкостью. Но самый «дух» библиотеки, ее широкое, умное гостеприимство, удивительно экономное использование пространства для удобной «укладки» ее фондов и каталогов, удивительная быстрота нахождения и вручения нужной книги читателю — все это, дважды упомянутое Надеждой Константиновной в воспоминаниях, как «удобство работы» и «прекрасно налаженная техника обслуживания»,⁶⁷ не

---

⁶⁵ The British Museum Library, Ch. III, p. 57.

⁶⁶ Там же, p. 90–92. (Выделено автором, — М. Ш.)

⁶⁷ В первом случае в «Воспоминаниях о Ленине». Партиздат, 1933, с. 55; а во втором — в «Воспоминаниях родных о Ленине». М., Госполитиздат, 1955, с. 204.

могло не быть хорошо известно Ильичу и прочно им любимо. Ведь и характеристика, данная библиотеке Н. К. Крупской, могла быть приведена ею только со слов самого Владимира Ильича.

Добавлю еще, что и особая любовь Ленина к Лондону в немалой степени вызвана была качествами библиотеки. А что за все время двух своих эмиграций он неизменно предпочитал Лондон, расставался с ним тяжело и нехотя, известно из писем и воспоминаний. Во вторую эмиграцию, как уже рассказано читателю, он попросту «сбежал» из Женевы в Лондон (в 1908 году), чтоб свыше месяца в Библиотеке Британского музея изучать книги по философии для «Материализма и эмпириокритицизма». А в конце первого пребывания в Лондоне, весной 1903 года, когда Плеханов настаивал и настоял на переброске печатания «Искры» в Швейцарию, Ленин настойчиво этому противился.

«Недаром я один был против переезда из Лондона»,⁶⁸ — писал он Алексею, жалуясь на тяжелую атмосферу, сложившуюся для него в Женеве.

7

Когда я только еще во вкус входила своих чтений в библиотеке, мистер Фэйрс, не забывавший меня, поднес мне драгоценный подарок. Это были фотографии с пяти документов из «Департамента печатных книг» музея, связанные с работой Ленина в Ридинг-Рум. Правда, три документа были уже опубликованы у нас в 1957 году, известны они и по книге В. М. Семенова «По ленинским местам в Лондоне», — и все же осталось кое-что новое в них, о чем можно было бы поразмыслить.

Перепишу их для читателя такими, какими они лежат сейчас передо мной.

21 апреля 1902 года, то есть почти сразу же по приезде в Лондон, Ильич подает прошение директору Библиотеки Британского музея о выдаче ему билета для занятий в читальном зале. Он пишет, что приехал из России для изучения земельного вопроса. В свое прошение он вкладывает рекомендательное письмо от генерального секретаря Всеобщей федерации профсоюзов И.-Х. Митчелла. Своим тонким, необыкновенно ясным и разборчивым почерком Ильич пишет по-английски, строго в общепринятой форме обращения и подписи (см. рис.):

30. Holford Square. Pentonville W. C.

---

⁶⁸ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 219.

Sir,

I beg to apply for a ticket of admission to the Reading Room of the British Museum. I came from Russia in order to study the land question, I enclose the reference letter of Mr. Mitchell.

Believe me, Sir, to be Yours faithfully.

Jacob Richter.

April 21. 1902.

To the Director of the British Museum.⁶⁹

Проходит целых три дня. Большой срок для английского обычая отвечать тотчас же. Почему такая задержка? Приложенная к заявлению Ленина рекомендация И.-Х. Митчелла как будто в порядке. Вот она, днем раньше написанная:

April, 20

Dear Sir,

I have pleasure in recommending Mr. Jacob Richter LLD. St. Petersburg for admission to the Reading Room. My friend's purpose in desiring admission is to study the Land Question.

I trust you will be able to comply with this request. Yours truly

I. H. Mitchell

Gen. Secretary General Federation of Trade Unions (дальше неразборчиво)
168, Temple Chambers

69

30. Хольфорд-сквер. Пентонвиль У. С.

Сэр,

Я прошу о входном билете в Читальный Зал Британского Музея. Я приехал из России, чтобы изучить земельный вопрос. Я прилагаю рекомендательное письмо г-на Митчелла.

Заверяю вас, Сэр, в полной преданности,

Ваш Якоб Рихтер.

Апрель, 21. 1902

Директору Британского Музея.

Повторяя просьбу своего друга Якоба Рихтера о допущении его к чтению в Ридинг-Рум, Митчелл добавляет к имени Рихтера три буквы, означающие доктора юриспруденции, члена высоко чтимой в Англии корпорации юристов. Повторяет он и причину просьбы — изучить земельный вопрос. Почерк Митчелла довольно небрежен, а чин и адрес проставлены под самым письмом почти неразборчиво. Но причина задержки ответа дирекции не из-за этого. Заявления и рекомендации обычно требуется сопроводить не только служебным, но и своим личным адресом. Тут-то и оказалось «слабое место».

23 апреля он снова дает Ильичу рекомендацию, на этот раз сугубо официальную, не на бумажке с небрежным и неразборчивым почерком, а на печатном бланке федерации, не от руки, а на машинке, с печатью тредюнионов, изображающей двух мастеров в центре круга, с каким-то рабочим орудием в руках, и сам объясняет задержку:

General Federation of Trade Unions
Chief Office: 168–170,
Temple Chambers Temple Avenue
London, April 23d 1902

Sir,

With reference to my recommendation of Mr. Richter for admission to the Reading Room, the difficulty no doubt arises through the street where I reside (Voltaire Street Clipham) being only recently built, and may not yet be in the Directory. I now desire to repeat the recommendation from the above address. Here again however you may not find it correct: in the Directory as prior to December 1901 the address was 40 Bridge House, 181 Queen Victoria Str. E. C.: that address

---

70

Апрель, 20.

Дорогой Сэр,

Я имею удовольствие рекомендовать м-ра Якоба Рихтера, доктора прав (из С.-Петербурга) для входа в Читальный Зал. Намерение моего друга, ходатайствующего о допущении, — изучить земельный вопрос.

Я уверен, что Вы сможете удовлетворить ходатайство.

Ваш искренне

И.-Х. Митчелл.

Генеральный секретарь Всеобщей Федерации тред-юнионов
168, Тэмпл Чэмберс
Тэмпл...

will be found in the Directory.
Trust this may be satisfactory.

Yours truly
I. H. Mitchell ⁷¹

Получив новую рекомендацию от Митчелла, Владимир Ильич препроводил ее в дирекцию со своим вторым письмом 24 апреля:

Sir,
In addition to my letter and with reference to Your information N 4332 I
enclose the new recommendation of Mr. Mitchell.

Yours faithfully
Jacob Richter

24. April 1902.⁷²

71

Всеобщая Федерация тред-юнионов.
Главная контора: 168–170.
Тэмпл Чэмберс, Тэмпл-авеню,
Лондон, апрель, 23.1902.

Сэр,
С моей рекомендацией м-ру Рихтеру для допуска в Ридинг-Рум трудность, без сомнения, произошла из-за улицы, где я живу (Вольтер-стрит, Клапам), только недавно застроенной и, может быть, еще не попавшей в справочник.

Я теперь желаю повторить мою рекомендацию — с упомянутым выше адресом. Вы можете опять не найти его правильным по справочнику, поскольку до декабря 1901 года адрес был 40 Бридж-хауз 181 Куин Виктория стр. Е. С: этот адрес и остался в справочнике.

Надеюсь, это объяснение удовлетворит Вас.

Ваш искренне
И.-Х. Митчелл.

72

Сэр,
в дополнение к моему письму и к Вашему сведению № 4332 я включаю сюда новую рекомендацию мр. Митчелла.

Ваш искренне
Якоб Рихтер.

А 29 апреля, спустя неделю после поданного заявления, Ленин пошел получать свой билет, приготовленный для него еще 25 апреля. Кроме него, получившего в этот день билет вторым по счету, первым, точнее первой, расписалась Изабелла Мэри Гербель, жившая на Монтэгу-стрит, в Блумсбери, рядом с Британским музеем, а третьим, вслед за Ильичем, — Теодор Трэси Норгэйт. Они обязались соблюдать директивы читального зала и дали заверение, что им «не меньше двадцати одного года» — возраст, с которого стали допускать в библиотеку вместо прежних двадцати пяти лет.

Что же вычитывается из этой канцелярской переписки, помимо прямого ее смысла? Прежде всего более подробный адрес Ильича. До получения подарка от мистера Фэйрса я имела из мемуарной литературы только общее указание: жил недалеко от станции Кингс-Кросс. А вот, оказывается, сам Ленин написал свой адрес с абсолютной точностью: не так уж близко, в стороне от Кингс-Кросс, в доме № 30 по Хольфорд-сквер, в районе Пентонвильской тюрьмы. Это уже точное указание, и Ленин словно придвинулся, стал осязаемым, стал увиденным по достоверному месту жительства.

Во-вторых, что там ни говори, а в Лондоне шестьдесят пять лет назад можно было жить под любым именем и работать в государственной библиотеке, не предъявляя паспорта. Замечательно, что и сейчас, даря мне снимки с документов и показывая приблизительное место, где сидел Ильич, мистер Фэйрс совершенно просто, мимоходом, как нечто обыкновенное и отнюдь не предосудительное, упомянул, что Ленин «жил в Лондоне под фамилией Рихтера». Жил — и никто его не беспокоил.

В-третьих, тут, может быть, я слегка фантазирую, объясняя не совсем обычную манеру Владимира Ильича в английском написании буквы «и». Дело в том, что столбик английской буквы «и» (I) равносильно у нас прежнему русскому написанию так называемой «и с точкой», а в своем гордом прямолинейном одиночестве означает у англичан местоимение личное — «я». И пишется это «я» («ай») англичанами всегда с большой буквы, в то время как «вы» — второе лицо, вежливо проставляемое у нас с большой буквы (Вы), у англичан пишется с маленькой. Но навязчивый столбик «ай» не только пишется заглавной буквой, а и не может быть заменен в английской речи одним глаголом без «я», как у нас: «прошу», «говорю», «хочу». По-английски надо обязательно сказать: «Я прошу», «Я говорю», «Я хочу»; и в рассказе от первого лица это «Я» перед многочисленными обозначениями действия всегда торчит, как частокор, предворяя глаголы и надоедая своим повторением. Но пропускать и не писать его было бы в английском языке простой неграмотностью, и Ленин не мог убрать или уменьшить число своих «я» из коротенького письма. В первом же заявлении, состоящем из семи строк, ему пришлось употребить его три раза и притом не в середине (как бы мимоходом), а в самом начале речи: «Я прошу», «Я приехал», «Я включаю».

И вот теперь я подхожу к той маленькой странности Ильича, о которой упомянула выше. Дело в том, что «и с точкой» пишется с точкой лишь в *маленькой* букве, а когда она большая, то есть заглавная, ставить над ней точку *не принято*. Я не видела нигде и никогда ни в одном европейском факсимиле (автографе), чтоб кто-либо ставил над заглавной латинской буквой «и» (столбиком, похожим на единицу) неожиданно крепкую и явственную точку. Англичане пишут свое «Ай» — «Я» — всячески: большим рогом, хлыстом, полукружием, даже всякими закорючками и завихрениями, — но никто, нигде и ни разу, судя по личному моему опыту, не поставил над своим большим заглавным «и» точку. А вот Ильич в своих заявлениях директору Британского музея, красиво опуская заглавное «ай» под строку, всюду возносил над его головой отчетливую, крепкую, маленькую черную точку — *i*. Это удивительно, потому что до Ленина этого никто не делал. Каюсь, для меня, когда думаю и пишу о Ленине или когда его читаю, нет мелочи даже в самомалейшей мелочи. Все хотелось бы объяснить, понять, свести к целому. И тут мне начинает казаться: может быть, выросшее английское «Я» смущало Ленина, доставляло ему чувство неловкости, тем более, когда приходилось «вы» писать с маленькой буквы? Может быть, твердо, с нажимом ставя свою точку над этой вознесенной головой «Я», Ильич хотел поставить его в строй остальных слов фразы, как бы несколько приравнять его к остальному алфавиту маленьких букв?

Когда я поделилась моей догадкой с одним знакомым товарищем в Лондоне, он ответил: «Ну уж это вы принялись фантазировать». Хорошо. Если это совершеннейший плод фантазии, то почему же, почему во втором своем заявлении (от 24 апреля) Ильич, отлично знавший правила английской орфографии, взял да и написал (посмотрите сами!) слово «вашему», никогда не пишущееся англичанами с большой буквы, именно с заглавной, соблюдая русскую манеру:

«...to Your information»

«к Вашему сведению» —?!!

Можно тут увлечься и написать с три короба о механизме привычек в момент писания, хотя Ильич всегда отлично сознавал, что делает, но это ведь не объяснит явно не случайной, постоянно повторяющейся, отнюдь не общепринятой, а, наоборот, присущей только ему одному манеры ставить с нажимом черную точку везде над заглавной буквой «И», умаляя личное «Я» и вежливо относиться к «Вы».

8

Что же еще можно вычитать из подаренных мне мистером Фэйрсом документов? Самое главное: цель занятий Ленина в Ридинг-Рум. Он написал о ней очень точно: приехал из России, чтобы заняться изучением земельного вопроса; и Митчелл в своей рекомендации подтвердил, что Якоб Рихтер намеревается читать в библиотеке по земельному вопросу, только, как истый англичанин, снабдил эти два слова заглавными буквами.

Начало двадцатого века, время первой эмиграции Владимира Ильича, было для него очень напряженным, а для читателей произведений Ленина, писанных в те годы (1901–1903), исключительно интересным. Напряженным оно было, как у бойца передового фронта в момент боя: атакуя и отражая атаки на все четыре стороны, Ильич страстно боролся с приверженцами стихийной практики, — «экономистами» «Рабочего дела»; с левацкою фразой тех, кто получит позднее название ликвидаторов; с правящими все более и более плехановцами, будущим

лагерем «меньшевиков»; и с опасным дилетантизмом эсеров, бесшабашно возрождавших народничество и терроризм. Буквально мечом и стилетом сверкает проза Ленина в этих атаках. Ответственнейший момент в истории революции — создание программы молодой русской социал-демократической партии! Если мы заглянем хотя бы только в список работ Ленина, падающих на эти годы, мы увидим, как он бьется за точность теории, за выковку основных теоретических положений — в борьбе с бесконечными, осаждающими его со всех концов уклонами. Подобно скале среди встречных бурунов, встает его капитальный труд «Что делать?», казалось бы, сотканный из полемики «текущего момента», а на самом деле незыблемый во все времена, удивительно злободневный и для нашего времени. Свыше восьми статей «Материалов к выработке программы РСДРП». Огромное количество писем, ответов на письма, небольших статей в «Искре». «Аграрный вопрос и „критики Маркса“»; «Аграрная программа русской социал-демократии»; конспекты лекций «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России». Наконец, брошюра «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы», — около двухсот тридцати пяти убористых страниц только об одном аграрном вопросе. И уже по заглавиям можем мы догадаться, как много читал Ленин по аграрному вопросу и что именно мог заказывать в Библиотеке Британского музея.

Он подходил к своей теме очень широко. Всю западную литературу требовалось привлечь, чтоб показать положение земельного вопроса на Западе и у нас; отношение к нему марксистов на Западе и у нас; критику Маркса на Западе и у нас. Как всегда бывает у подлинного творца, вершиной этих огромных знаний, огромного чтения с карандашом в руках (как читал Ильич), глубинного освоения темы, рождается простота, солнечная простота, несущая в себе все краски спектра слиянно, — брошюра, адресованная простому малограмотному и вовсе не грамотному читателю — русскому крестьянину. Надежда Константиновна пишет: «Из работ, которые не нервировали Владимира Ильича в Лондоне, а дали ему известное удовлетворение, было писание брошюры „К деревенской бедноте“». ⁷³

Чтоб правильно понять всю ярость борьбы Ленина в те годы (1901-1903), нужно хорошо помнить лицо и суть направлений (или уклонов), с которыми он боролся, и поэтому ясно видеть, чем они грозили развитию революции на Руси.

Термин «экономисты» неудачен. Ленин принимал его с оговорками и ставил в кавычках. Дело в том, что слова «экономист», «экономизм» ассоциируются в головах у читателей с чем-то кабинетным, книжным, теоретичным и уважающим теорию. А на деле было как раз наоборот. «Экономистами», группировавшимися вокруг «Рабочего дела» и «Рабочей мысли», были те, кто считал главным практическую борьбу за экономические требования рабочих и шел в хвосте стихийного развития рабочего движения. По самой своей цели «экономисты» суживали деятельность революционера в России. По самой своей узости они ставили во главе движения кустарничество рабочих масс, действия самих рабочих, стихийные вспышки и стачки. Словом, все, что ограничивалось борьбой за улучшение жизни рабочего класса. И только. Такая узость губила все движение в целом, сводила его к буржуазному тред-юнионизму. Против такой узости Ленин метал свои молнии, подчас очень жестокие: «...на стоячей воде „экономической борьбы с хозяевами и с правительством“ образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению

---

⁷³ «Воспоминания о Ленине», с. 67.

Плеханова) „заднюю“ русского пролетариата». ⁷⁴ Не кустарничество, не одна лишь узкая борьба за лишнюю копейку от хозяев — рабочему движению надо было вдохнуть высокие политические задачи: свержение царизма, великую цель всенародного скачка из азиатского самодержавия в мир более свободных и развитых государственных форм; а для этого не плестись в хвосте у стихийности, а идти с проповедью социализма, «уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что „коммунисты поддерживают всякое революционное движение“, что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса». ⁷⁵

Он обрушивается на тех, кого называет влюбленными в мелкое кустарничество, напоминая им о широте и героизме прошлого: «Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах?» ⁷⁶

Он размакировывает «экономистов» в самом главном — в неумении из-за пренебрежения к теории правильно решать даже *практические* задачи: «Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: „теоретик“, которые называют „чутьем к жизни“ свое коленопреклонение пред житейской неподготовленностью и неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших практических задач... это буквально такое же „чутье к жизни“, которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: „таскать вам не перетаскать!“ при виде похоронной процессии». ⁷⁷

Он дает, наконец, ужасный по своей беспощадности портрет русского «экономиста»:

«Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь». ⁷⁸

Читаешь эти страстные бичевания — и в памяти невольно встает латинская классика, речи Цицерона против Катилины — по их построению, гневу, ледяному огню. Но Ильич — это Ильич, он не менее беспощаден к себе самому.

---

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 107.

⁷⁵ Там же, с. 83. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.).

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 107.

⁷⁷ Там же, с. 105–106.

⁷⁸ Там же, с. 127.

Выше я назвала произведения Ленина этих лет, 1901–1903, особенно интересными для чтения. Они особенно интересны потому, что Ленин, страстный полемист — в противоположность многим другим писателям-полемистам и даже в противоположность жанру литературной полемики, — с величайшей редкостью, почти в единичных случаях допускал то, что мы называем «личными моментами», — ссылку на какой-нибудь случай из собственной жизни, пример личного опыта, противопоставление себя: «а вот у меня», «а я в таких случаях», «мне приходилось» и т. д. Искать что-нибудь личное у Ленина — все равно, что искать иголку в стоге сена. По его книгам нельзя составить не только биографии, но даже хотя бы странички из его биографии. Однако в годы 1901–1903 эта поразительная скупость на все личное вдруг *покидает* Ленина.

Тотчас же после грозного обвинения в адрес «экономистов» он обращает это обвинение против себя: «Пусть не обижаются на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе». ⁷⁹ И дальше буквально пронзает читателя место, совсем непохожее на обычные страницы Ленина, место, содержащее внезапный, полностью открытый перед нами «личный момент», не защищенное ничем окно во внутренний мир Ильича:

«Я работал в кружке, ⁸⁰ который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накаплилось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью „позорят революционера сан“, которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров». ⁸¹

В разгаре борьбы на все четыре стороны он, как мы видим, не щадит и себя, не ищет смягчающих выражений, беспощаден, свиреп на слова, бьет наотмашь. Не менее беспощаден он и к «сползающим» теоретикам — будущим меньшевикам. Плеханов в те годы — еще огромный авторитет для него, учитель. Но вот перед нами первый проект Программы партии, предложенный Плехановым. Слева — двенадцать параграфов этого проекта, справа замечания Ленина. Только два из двенадцати, очень коротеньких — седьмой в семь строк, десятый в пять строк, — остались у Ленина без критики; зато к первому параграфу Ленин делает пять замечаний, ко второму — пять, к третьему — три, к четвертому — два, к пятому — пять, к шестому — четыре, к восьмому — два, к девятому — одно (но какое!), к одиннадцатому — три, к двенадцатому — пять, — итого тридцать пять замечаний. В них поражают своей резкостью такие выражения: «весьма непопулярно, абстрактно», «к чему повторение?», «слишком узко», «надо назвать

---

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 127.

⁸⁰ В. И. Ленин имеет в виду возглавлявшийся им кружок петербургских социал-демократов («стариков»). На его основе в 1895 году был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — Примечание редакции Собраний сочинений, там же, с. 498.

⁸¹ Там же, т. 6, с. 127. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.)

прямее. Непопулярно», — а всю десятую страницу параграфа девятого Ленин убил единственным словечком «nil» («nihil») — ничто, пустышка.⁸² Можно себе представить, как обиделся Плеханов!

Необычайно поучительны сейчас для мыслителя и особенно для писателя эти страницы Плеханова с карандашными поправками Ленина. Перед нами от этих поправок плехановские страницы вдруг потухают, стираются резинкой, предстают небрежным наброском ума равнодушного, руки неряшливой, как если б для учителя русских социал-демократов содержание Программы партии не требовало особо точной формы, а было чем-то вроде официального канцелярского документа. А каждое слово Ленина — алмаз по стеклу, неоспоримый урок мастерства точной прозы. О втором варианте Программы, предложенном Плехановым, Ленин дал еще более резкий отзыв. Перечислив «четыре основных недостатка», проникающих собою весь проект и делающих его «совершенно неприемлемым», он заключает свою критику словами: «Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на *комментарий*. Программа должна давать *краткие*, ни одного лишнего слова не содержащие, положения, предоставляя *объяснение* комментариям, брошюрам, агитации и пр.».⁸³

Если Владимир Ильич не мог, борясь за точность формулировок, пощадить даже Плеханова, можно представить себе, как не щадил его алмазный резец многословия и пустословия вокруг важнейших вопросов теории. Казалось бы, борьба с какими-то миллиметрами. Но проводится водораздел между теми, кого поздней размежует съезд на большевиков и меньшевиков. «От упрочения того или другого „оттенка“ может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет», — писал Ленин в «Что делать?» еще до переезда в Лондон.⁸⁴ Тот или иной «оттенок» мог просочиться в программу в одном-единственном слове, как это было, например, со словечком «выкуп» в споре, возвращать ли крестьянам «отрезки» с выкупом или без выкупа. В ранней моей юности, еще подростком, мне довелось в дачном вагончике швейцарской железной дороги услышать этот яростный спор между соседями двумя русскими эмигрантами, и долго потом допытываться, что же это такое таинственные «отрезки»... Ленин всей силой логики обрушился на слово «выкуп» в «Поправке к аграрной части программы» в апреле 1902 года. Он считал, что допущение этого слова *деградирует* революционное значение возврата отрезков крестьянам до простой либеральной реформы. Он назвал выкуп равнозначным слову «покупка», а значит, носящим «специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры». Он прибег к слову «пакость»: «Ухватившись за *допущение* нами выкупа, не невозможно испакостить всю суть нашего требования (а пакостников для этой операции найдется более чем довольно)».⁸⁵ Вчитайтесь: одно только «допущение» (а не прямой закон о выкупе), в результате которого одна только «не невозможная» (вместо «возможная» или «неизбежная») порча программы — иначе сказать, одна лишь щель для *проскальзывания «оттенка»* в программу — может повлиять на всю дальнейшую судьбу русской социал-демократии!

---

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 195–202.

⁸³ Там же, с. 238.

⁸⁴ Там же, с. 24.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 239–240. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.)

Я привожу все эти примеры, потому что за «словесной» борьбой стояла жизненно важная ленинская борьба, — как говорится, не на жизнь, а на смерть — за бытие социализма на Руси. Весь лондонский период жизни Ленина прошел в этой борьбе. Но, кроме леса «уклонов», среди которого приходилось ему прорубать дорогу, стеной наступали на Ильича личные на него нападки. Человека, вошедшего в нашу эпоху безмерно деликатным и скромным, чутким и добрым, простым и равным — и любимым за это как никто другой на земле, этого человека в чем только не обвиняли! В антидемократизме, догматизме, насилии над чужим мнением, желании диктаторства, зажиме критики, «литературщине»⁸⁶ и даже *horribile dictu*⁸⁷ — в создании культа своей персоны! Но на личные нападки Ильич отвечал почти равнодушно и даже с иронией. Когда кто-то спросил у него, что представляет собой группа «Борьба», он ответил репликой в «Искре», что это бывшие сотрудники «Зари», несколько статей которых редакция отклонила. Тогда они выступили в печати, «жалуясь на наш „недемократизм“ и ратуя даже... против Personencultus! Как опытный человек, вы уже из одного этого, бесподобного и несравненного, словечка поймете, в чем тут суть»,⁸⁸ — пишет Ильич и отсылает своего корреспондента посмотреть относительно «демократизма» в «Что делать?». Кстати сказать, «Personencultus»⁸⁹ — словечко немецкое. Переведя его у нас как «культ личности», мы лишили это слово его более узкого и мелкого смысла. В точности оно означает «персональный культ». Это далеко не совпадает со словом «личность», имеющим в нашем понимании более положительный и глубокий смысл, чем «персона», которая может и не быть личностью, а претендовать на культ по своему служебному положению. Применение этого немецкого словечка к Ленину было не только оскорбительно — оно было смешно по своей нелепости. Вот почему Ленин иронически назвал его «бесподобным и несравненным». Но личные нападки не могли все же, вплетаясь в идейную борьбу, не запутывать этой борьбы, не изводить и не мучить его. «Нервы у Владимира Ильича так разгулялись, что он заболел тяжелой нервной болезнью — „священный огонь“, которая заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов»,⁹⁰ писала в конце лондонского периода Надежда Константиновна.

И все же, опять повторяю, Ленин любил Лондон, любил свое пребывание в Лондоне, свой стол в Библиотеке Британского музея, за которым так отчеканенно-ясно, так легко писалась его работа «К деревенской бедноте» сгусток почти годового чтения «по земельному вопросу». Когда вся группа «Освобождение труда» во главе с Плехановым стала настойчиво требовать перенесения «Искры» в Женеву и всеобщего переезда в Швейцарию, Ленин долго сопротивлялся. Он не хотел

---

⁸⁶ До этого додумался Л. Надеждин в брошюре «Канун революции» (у Ленина упомянуто в т. 6, с. 154. — М. Ш.).

⁸⁷ Страшно сказать (*лат.*).

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 359.

⁸⁹ «Личность» в русском понимании этого слова больше соответствует немецкому «*Persönlichkeit*», а не «*Person*», означающей «особу», «персону».

⁹⁰ «Воспоминания о Ленине», с. 66.

переезжать из Лондона в Швейцарию. И до самого конца «один только Владимир Ильич голосовал против переезда туда».⁹¹

9

«Личные моменты» в произведениях Ленина особо заметны как раз в этот лондонский период. Они помогают понять ту внутреннюю диалектику его писаний, которая попросту ускользает от читателя, прошедшего через старые формы нашей обязательной партучебы. Была у нас такая «выборочная» манера «задавать» Ильича кусками: не всю книгу, а «от — до». Работы Ленина делились для нас на места «более важные» и «менее важные», и читать надо было только самые важные — отмеченные группы страниц, иногда отдельные страницы книги и даже отдельные абзацы в страницах. Мне, например, казалось, что я наизусть знаю «Что делать?» — еще бы: «сдала на экзамене» (слово-то какое: «сдать»!). Но, прочитав перед занятиями в лондонской Библиотеке Британского музея тома 5-й и 6-й четвертого издания, убедилась, как эта особая внутренняя ленинская диалектика вся ушла сквозь пропущенные школьной партучебой страницы, словно рыба через слишком большие ячей рыбачьей сети.

Особое, не всегда и не всем заметное качество произведений Ленина это, как я считаю, диалектическое соотношение знака времени и места, то есть фактора сугубо исторического, который нельзя отнести или применить ни к какому другому времени и месту без искажения его смысла, — и фактора абсолютно истинного, предельно правильного, который будет истинным и правильным в применении к любому времени и месту. Казалось бы, например, сугубо исторично все то, чего требовал Ленин от своих товарищей, оставшихся в России, в цитированном мною выше лондонском письме Ф. В. Ленгнику «Несколько мыслей по поводу письма 7 ц. 6 ф.», написанном вдобавок «не для печати». Но вот же формула «*do ut des*», извлекаемая из слов, взятых Лениным в скобку и как бы отделенных этим от текста: «(Никто и никогда ничего вам не даст, ежели не сумеете *брать*: запомните это)», как я уже показала читателю, носит вневременный, абсолютный характер.

В том же письме, кстати, есть еще одна драгоценная ленинская мысль, далеко выходящая за пределы времени и места и, к сожалению, совсем не обратившая на себя внимания наших издателей и редакторов. С течением лет мы всё ускоряем процесс погони за *новыми* авторами и *новыми* книгами старых авторов, считая как будто духовную пищу совершенно адекватной пище кулинарной, где свежесть продукции — требование каждодневное. Революционеры в России в самом начале века (1901–1903) тоже требовали от Ильича новых и новых брошюр новых и новых авторов, они называли то, что им шлют из-за границы, «старьем». Ильич яростно отвечает, опять же отделяя свои слова от общего текста тем, что опускает их в сноску:

«Это старо! — вопите вы. Да. Все партии, имеющие *хорошую* популярную литературу, распространяют *старье*: Геда и Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта и пр. *по десятилетиям*. Слышите ли: по десятилетиям! И популярная литература *только та и хороша, только та и годится*, которая служит *десятилетия*. Ибо популярная литература есть ряд *учебников для народа*, а учебники излагают азы, не меняющиеся *по полустолетиям*. Та „популярная“

---

⁹¹ Там же, с. 66.

литература, которая вас „пленяет“ и которую „Свобода“ и с.-р. издают пудами ежемесячно, есть *макулатура и шарлатанство*. Шарлатаны всегда суетливые и шумят больше, а некоторые наивные люди принимают это за энергию». ⁹²

Тоже как будто о конкретном случае времени и места. Но оглянемся, призадумаемся: пятьдесят лет жизни, как минимум, для брошюр, для учебников... Ну, а вершины советской литературы, сумевшие запечатлеть *азы* новой жизни общества, — разве не стали они сейчас недоступной редкостью, затопляемой все новой и новой литературой? И разве долгая жизнь одной хорошей книги старого автора, как пламя костра поддерживаемая переизданиями, не лучше, чем десять менее ценных, менее удачных книг новых авторов? Я, может быть, преувеличиваю, но процесс *освоения* хорошей книги не тысячью-другой читателей, а миллионными народными массами, был, несомненно, дороже Ленину, чем непрерывная погоня за новым и новым, неусвояемым, недолговечным, «макулатурным».

Освоение — процесс творческий. Он не должен, не смеет стать механическим. Вспоминается мне первое наше знакомство с Лениным, задолго до сложившихся форм партучебы. То были годы выхода первого издания его сочинений, в еще очень бедных, светло-палевых, гнувшихся под руками обложках. Помню, когда раскрылись передо мною эти тома, я испытала не то страх, не то разочарование: все в них мне показалось движущимся, возражающим, отвечающим на возражения — сплошь полемическим, и только полемическим, и, честно говоря, я не знала, как это все уляжется в моей голове, да и как за это попросту взяться. Закончив в дореволюционное время историко-философский факультет, где главными моими учителями были идеалист Челпанов и юмист Н. Д. Виноградов, я привыкла видеть истины неподвижными, как звезды в ночном небе, все равно, даются ли они абсолютными у идеалиста или предметом для сомнения у скептика. Но тут «небо в звездах» закружилось над моей головой, мысли в ней сталкивались, как отраженные от удара мечом, рождались от других таких ударов, и было неизвестно, существуют ли они сами по себе, вне ударов и без ударов о чужие мысли, есть ли вообще абсолютные утверждения в сплошной полемике, как их искать, где их искать, что это за метод — полемически раскрывать перед человечеством новую систему?

И вот, очутившись впервые перед полемической манерой Ленина, я решила — с нахальством новичка — «оправдать» ее перед собой, ища какое-нибудь сравнение с прошлым, с классической философией. Мне уже было известно (и страшно нравилось!), что Ленин любил классическую латынь (мне тоже пришлось в свое время «сдавать» латынь и греческий), а кто-то из писателей, кажется, Сергей Третьяков, нашел даже в прозе Ленина сходство с латинским синтаксисом. И тут вдруг «звезды в небе» перестали надо мной кружиться и остановились. Я вспомнила Платона. А Федр, а Феэтет, а Симпозион, а Федон, а Тимей Платона, из которых человечество извлекло позднее стабильные истины, — разве они не были диалогами, ударами меча о меч, вопросами и ответами? А любимые мною «Беседы о торговле зерном» аббата Галиани, — разве не были они на границе диалектического материализма своими полемическими зигзагами вопросов и ответов? Разве в поэзии не выросла трагически из полемике человека с дьяволом, Мефистофеля с Вечно-Женственным, бессмертная вершина человеческой мысли — «Фауст» Гёте? Тот самый «Фауст» Гёте, томик которого, единственный из художественной литературы, кроме еще стихов Некрасова, взят был Ильичем в далекий путь своей первой долгой эмиграции? И вообще разве полемика — не главный метод для оттачивания своей истины, своей философской позиции с

---

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 270 (сноска).

древнейших времен? Так, подкрепив себя Платоном, Галиани и вечной своей любовью к Гёте, я стала вчитываться в первое издание Ленина, со страницы на страницу, подбирая искорки от ударов его меча, выписывая их для памяти. И только многие годы спустя научилась понимать звезды-искорки в их глубокой связи с целым — со всем, что писал Ильич.

Я говорю с читателем откровенно, потому что лишь так можно говорить о чтении Ленина. В те годы, двадцатые, мы все были смелее в своем мышлении, и не только наедине с собой. Это были священные для меня годы глубокого увлечения молодежи и людей моего возраста *теорией*. Красота и увлекательность теорий была огнем, пожиравшим наши сердца в вузах, на рабфаках, в специальных школах, какой была, например, Плановая академия, куда я поступила, чтоб переучиваться. Изумительная, музыкальная прелесть второго тома «Капитала» Маркса поглощала меня вечерами, как никакое другое наслаждение от искусства. Диалектический материализм в «обращении капитала» воспринимался как художественный, как фуги Баха. На кафедре математики читала в то время лекции профессор Яновская, а мы бегали слушать ее и пьянели от изложения математических тетрадей Маркса, где Маркс бросил мысль о «нуле», как не о нуле, потому что, если б ноль был только ноль, от него невозможен был бы переход к единице... Больно и жалко видеть, как далеки многие из современных молодых людей от этого пьянящего увлечения человеческой мыслью!

Но виноваты в этом отчасти мы сами. Научить человечество мыслить по-новому, раскрыть перед ним все безмерное богатство идей Ленина — дело великого умения и великого горения. Есть времена, когда теория, всякая теория, мертвоет, слеживается в догму, превращается из яркого, пронизанного жизнью учения в сухой и черствый катехизис; есть времена, когда начетническое, неумное и равнодушное, слепое и начальственное отношение к теории, как к оружию для тормоза мысли, вызывает резкую ответную реакцию у людей и особенно у молодежи — *против всякой теории*, за стихийное «нутро». А у нас в России соблазны «нутра» всегда были особенно сильны. Они принимали формы бакунианства, эсеровства, анархизма, терроризма, нечаевщины, ухода с головой в практику, какой вырождается в «проповедь мелких дел», в тред-юнионизм, в постепенное схождение самого действия на нет, к положению, когда «гора родила мышь». И, наконец, еще хуже, еще опаснее: ухода в западные идеологии бессознательного и подсознательного, эти психологические синонимы стихийного.

10

Ставить знак равенства между подсознательным, бессознательным и стихийным может на первый взгляд показаться неверным или необоснованным. Но роднит их одно: они находятся вне сознания, за скобками процесса сознания. Та «внутренняя диалектика» в произведениях Ленина, особенно в период первой эмиграции, о которой я говорю выше, медленно подводит читателя к этому выводу.

«Что делать?» — неисчерпаемый источник мыслей — мы привыкли воспринимать как борьбу за создание организации революционеров, четко и твердо знающих теорию социализма и несущих эту теорию в массы. Но самый ход утверждений Ленина и *особенности* его борьбы за теорию изучались (если изучались) гораздо меньше. Между тем полное раскрытие всех логических путей мышления Ленина в этой удивительной книге, раскрытие брошенных им там и тут, как бы на ходу,

идей, заключенных в сноски или скобки, могло бы, мне кажется, само по себе стать могучим философским оружием в нашем поединке с современной западной философией.

Есть один драгоценный, взятый из опыта, «личный момент» Ильича — в сноске, казалось бы, имеющей сугубо практическое значение, под текстом, тоже сугубо практическим, относящимся все к той же теме неподготовленности русского революционера к четкой организационной работе. Он, этот «личный момент», особенно близок нам, писателям.

«Как сейчас помню свой „первый опыт“, — пишет Владимир Ильич в этой сноске, — которого бы я никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая „с пристрастием“ одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: „мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!“»⁹³

В той же сноске он делает вывод из опыта, которого «никогда бы не повторил». Называя способ неподготовленного «внедрения в жизнь» и опроса самих рабочих «нелегальным», поскольку он запрещался и преследовался полицией, а чтение множества выходящих тогда и не запрещенных цензурой печатных книг «легальным материалом», Ленин разъясняет дальше: «...мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знающим сплошь да рядом только одно отделение большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно и приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, земских и пр. изданиях».⁹⁴ Значит ли это, что не надо «внедряться в жизнь», а лучше изучить вопрос по книгам? Нет, конечно. Необходимо и то и другое. «...следовало бы собирать и систематически группировать *легальный* и *нелегальный* материал».⁹⁵ Но слово «легальный» Ленин подчеркивает, и это к нему он пишет приведенную мной выше сноску, давая читателю заглянуть в интимный уголок своей памяти, где невольно заговариваешь от первого лица.

«Легальный», то есть печатный, материал Ленин выделяет и подчеркивает не потому, что считает его более важным, а потому, что «экономисты», с которыми он яростно спорил в «Что делать?», на первое место для революционера ставили стихийные движения самих рабочих, практическую борьбу их за лучшие условия труда, и отсюда естественно вытекал неизбежный эмпиризм «экономистов», снижение ими значения теории, малая теоретическая подготовка, иронический попрек «книжностью» в сторону Ленина и ленинцев. Подчеркнутое Лениным слово «легальный» означало не преимущество книги перед «опросом рабочих», а недостаточное внимание к книге у «экономистов», увлеченных потоком «стихийности» и «практицизма»: «...мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его»,⁹⁶ — пишет Ленин о печатном материале

---

⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 152 (сноска).

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 152 (сноска).

⁹⁵ Там же, с. 152. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.)

⁹⁶ Там же.

в том же тексте. Опять это скромное, человеческое, ленинское «мы», приписывание общего недостатка и себе, хотя сам Ильич еще в тюрьме и в далеком Шушенском настойчиво запрашивал и читал всевозможные статистические сборники, поглощен был этим «легальным материалом» и, главное, блестяще умел его классифицировать и использовать.

Но не только на книгу, как на источник общего, подготовительного знания перед «внедрением в жизнь», указывает Ильич «экономистам». В полемике с апологетами нутра и стихийности он напоминает им, что ведь теоретическое рождение социализма возникло отнюдь не из стихийности революционного движения, — социализм привнесен этому движению извне; и не самими рабочими, а мыслящей интеллигенцией и даже — Ленин не убоился сказать — «буржуазной» интеллигенцией, поскольку никакой другой тогда еще не существовало.

«Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции».⁹⁷

Высокую роль революционной интеллигенции как носительницы *сознания* Ленин подчеркнул в ответ на принижение роли теории у своих противников.

Казалось бы, спор этот носил чисто политический характер, исчерпываясь теми положениями, какие мы заучивали в нашей обязательной партучебе. Но присмотримся, прислушаемся, углубимся в читаемое. Ленин страстно спорит. Он наносит удары. И вдруг он останавливается и останавливает нас в чтении, целиком приводя главное обвинение противника против себя самого. Он не только приводит целиком это главное обвинение. Он его подчеркивает. Вчитайтесь, как вчитался в него сам Ленин:

«Обвинительный тезис „Рабоч. Дела“ (органа „экономистов“! — *М. Ш.*) гласит: „преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития“». ⁹⁸ До сих пор «стихийность» противопоставлялась «экономистами» всем теоретическим формам сознательности. Но тут, в этой главной формуле обвинения против Ильича, его противники отождествляют «стихийность» уже с «объективным элементом развития». Стихийность становится самой природой, жизнью, приматом, а значит, чем-то противоположным сознанию. На одном полюсе — «субъект», «сознание», на другом — бессознательное, природа, объективный элемент развития.

Может быть, именно слово «объективный», отождествление стихийности рабочих масс с самой природой, с объектом — и остановило внимание Ильича настолько, что заставило привести все обвинение и подчеркнуть его. Понятие «объективный элемент развития», противостоящее сознательности, переводило спор из пределов конкретной политики в область чистой философии.

---

⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30, 31.

⁹⁸ Там же, с. 29. (Подчеркнуто Лениным. — *М. Ш.*)

Но почему я пишу «Ленин остановился, Ленин останавливает нас у этого обвинения»? Потому, что приведя его, Ленин говорит:

«Мы скажем на это: если бы полемика „Искры“ и „Зари“ не дала даже ровно никаких других результатов, кроме того, что побудило „Р. Дело“ додуматься до этого „общего разногласия“, то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью».⁹⁹

Мы присутствуем тут при яркой вспышке той самой звездной искры удара меча о меч в полемике, когда проблема конкретного спора переходит в *общую* сферу философии, теряет знак исторического времени и места. Ленин охвачен «громадным общим интересом». Он считает, что «на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью». И он останавливается.

Стихийность не есть статика; стихийность — понятие динамическое. Стихийное движение рабочих масс — это переход от статики бессознательного, внесознательного в некий вид динамики. И Ленин как бы охватывает мыслью всю историю революционных рабочих движений в России от первых вспышек 60-х и 70-х годов. Тогда рабочие в знак протеста еще только «стихийно» бунтовали, разбивая и калеча орудия производства, машины; но стачки 90-х годов, когда сознание рабочих выросло, — это уже не бунты, а значительный шаг вперед в истории рабочего движения. Такой экскурс в прошлое понадобился Ленину как разбег для оформления гигантской мысли, *общей мысли, абсолютное значение которой в полной своей мере раскрывается в наше время:*

«Это показывает нам, что „стихийный элемент“ представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности».¹⁰⁰

Знак времени, места, обстоятельств полемики отпадает в этой гениальной формуле, потому что Ленин пишет «в сущности», он говорит о *существовании* предмета. Стихийность, движение бессознательного к действию, не противостоит сознанию. Оно не объект, а лишь *начало субъекта*, — стихийный элемент — это лишь *зачаточная форма сознательности!* Можно десятки диссертаций написать на эту формулу, заключенную Лениным в три строки.

11

Обернемся на Запад. Развитие философской мысли на Западе шло в последние десятилетия все к большему и большему утверждению стихийно-бессознательного начала. Когда прочитываешь новые философские работы, начиная с Бергсона, развитие человечества начинает казаться графиком перехода от «беспомощного» разума, ставшего как бы уже бесплодным, к неразработанному богатейшему океану бессознательного, «грядущему дню» философии. Тем же путем развивается западное искусство. В нем воцарился Фрейд. Что такое фрейдизм? О нем

---

⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29–30. (Подчеркнуто Лениным. — М. Ш.)

много писалось и пишется. Пытались писать и у нас. Не сказано было только самое главное: фрейдизм это вынесение на свет божий того, что великий инстинкт самосохранения человечества сумел тысячелетиями подавлять, вырабатывая предохранители в виде тормозов моральных, запретов юридических и ужаса физиологического перед недозволенным, грешным, чудовищным, *приводящим к дегенерации рода человеческого*. Раскопав в глубине человеческой психики атавистические отростки древних эмоций, связанных с кровосмесительством («эдипов комплекс»), загнанные в самую глубь беспамьтства, Фрейд как бы одним взмахом свел на нет работу тысячелетий над самосохранением биологического вида человека — высшего создания природы, *homo sapiens*. И это вынесение на свет божий того, что человечество *сумело*, руководясь самосохранением, *подавить*, сделалось у Фрейда предметом изучения, провозглашено прогрессивнейшим, самоновейшим методом самопознания и психотерапии. Развязывание «подсознательного» — это, может быть, *самая горькая и обезчеловечивающая нас катастрофа современности*. Она приводит и к тому разорванному беспорядку в логике формы, какой стал обычной манерой крайнего западного искусства, и мнимо побеждает своей «стихийностью» опороченное временем *ratio*; логику разума. Мнимо — потому, что даже у гениальных творцов, соблазненных Фрейдом, таких, как шведский режиссер Ингмар Бергман, в итоге их творческих усилий жизнь обнаруживает не бездонность, а близкое *дно*, не стихийность, а *худосочие* обнаженной сексуальности, ее быструю исчерпываемость, ее безбудущность. Эта безбудущность характерна в самых сильных вещах современного искусства.

Бессознательное не бездонно. Оно не противостоит разуму, не имеет своего собственного «будущего», оно лишь *почва* для роста сознания, «зачаточная форма» сознания. Считать «бессознательное» особым, отдельным качеством психики, существующим вне разума, — огромная ошибка, новый вид того самого вечно меняющего окраску и форму хамелеона «идеализма», с которым всю жизнь боролся Ленин. Вот это и раскрывается в его простой и ясной формуле, в его удивительно здоровой, жизненной философии.

Но как же сам Ленин? Ведь были же другие времена и другие обстоятельства, где сам Ленин восставал против избытка рассудочности и теоретичности, где он цитировал знаменитый стих Гёте:

Сера, друг, всякая теория
И вечно зелено дерево жизни.

В том-то и весь секрет. Бессознательное, стихийность не есть *прогрессивный* результат развития бытия и мышления, «океан *будущей* философии», как это представляется некоторым философам и художникам на Западе, а только *младенчество*, утренняя пора, исток, *зачаточная форма сознательности*, по Ленину, и возвращаться к ней *временами* есть диалектическая потребность для разума, для развивающейся сознательности, как диалектически необходим отдых, как необходимо было для легендарного Антея припадение к матери-Земле. Но испытывающий, эксплуатирующий, исследовательский поход в «бессознательное», или «несознательное», как в материал для будущего нашей философии, использование его как новой, более прогрессивной ступени гносеологии — значит истощение и безумный перерасход того, что является истоком и питанием для развивающейся человеческой мысли. Взгляд на «бессознательное» как на что-то, противоположно разуму существующее, как на новый потенциал для построения философских систем грозит человечеству страшной минутой худосочия, когда лопата жестко стукнет о дно, а корень засохнет под деревом и «вечно зеленое дерево жизни» перестанет быть зеленым.

Бессознательное надо сугубо беречь от истощения и загрязнения, как берегут люди источники питьевой воды и младенца во чреве матери, потому что оно *зачаточная форма нашей сознательности*.

Ленин часто припадал к истоку жизни. Его любовь к природе, постоянная тяга к ней хорошо известны человечеству. О любви его к «бессловесным тварям», животным, любви почти детской, говорят фотографии последних лет Ильича в Горках — с котенком, с собакой. Н. А. Алексеев рассказывает: «Великолепный естественнонаучный музей в Южном Кенсингтоне не произвел на него особенного впечатления, зато лондонский Зоологический сад весьма ему понравился: живые животные занимали его больше, нежели чучела». ¹⁰¹ Вечное младенчество и возвращение к нему временами свойственны каждому здоровому человеку. Непосредственного ребенка хранил в себе и наш Ильич. Лучший его портрет — гениальный портрет — оставил нам Горький:

«Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно „заливался“ смехом, иногда до слез... Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви». ¹⁰²

12

Дни моего чтения в Библиотеке Британского музея подходили к концу, и я дорожила в ней каждой минутой. Но вот утром в метро, подобрав забытую кем-то газету «Дейли миррор», неожиданно вычитала, что сегодня в Сохо, на Дин-стрит, там, где сейчас ресторан «Quo vadis», ¹⁰³ предстоит большое событие. Было еще только девять часов. Событие объявлено на одиннадцать часов. Но все равно, идти в библиотеку, садиться за чтение не стоило. Я вышла из метро, взволнованная и тем, что могла бы пропустить событие, и случайностью, подсунувшей мне вовремя газету, и развернула свой справочник «От А до Z». Сохо — это совсем близко, свернуть в первый же переулочек налево по Оксфорд-стрит, прямо против выхода из моей станции Тотенхем-корт-роуд. Я прошла переулочком в Сохо, старый знаменитый уголок Лондона, села в скверике против церкви св. Патрика и еще раз перечитала газету.

Товарищ мой по перу, Орестов, долго разыскивал в Лондоне квартиры, где жил Карл Маркс. Он поставил вопрос о помещении мемориальной доски на одной из них. Препятствие было не во властях города. Препятствие оказалось в независимости домовладельцев от властей города. Без согласия этих домовладельцев на стенах их домов нельзя было ничего вывешивать. Маркс жил во многих местах. Один за другим домовладельцы, где были его квартиры, отказывались «портить

---

¹⁰¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, с. 218.

¹⁰² М. Горький. В. И. Ленин. — М. Горький. Собр. соч. т. 17, Госполитиздат, М., 1949–1953, с. 30.

¹⁰³ «Камо грядеши» (куда идешь).

фасады». Согласился только ресторанчик, над которым в верхнем этаже Маркс снимал квартиру несколько лет подряд, где он писал «Капитал», где потерял двух своих детей. Сегодня и предстояло открытие мемориальной доски на фасаде этого дома, Дин-стрит, 28.

Долго высидеть в скверике Сохо было невозможно. Всего несколько шагов вело из него, по переулочку, на Дин-стрит. А когда я очутилась на Дин-стрит, сразу же увидела нужный дом. Ресторан под названием «Quo vadis» занял весь первый этаж. Его большие окна были парадно начищены, столики за ними в новых белых скатертях. На порог то и дело выскакивали официанты — не вылощенные джентльмены в форменных кителях, а что-то, как мне показалось, отчасти даже русское, опоясанное чем-то вроде фартуков, любопытные, молодые, быстроглазые парни.

К одиннадцати весь тротуар, всю улицу перед домом запрудили люди. Наверху, между вторым и третьим этажами, раскачивалась под ветром небольшая занавесочка, от которой вниз спускалась веревка. Толпа потеснилась. Пожилой человек прошел к стене ресторана. Это был профессор Андрию Ротштейн, хорошо знакомый советским людям директор Библиотеки-музея имени Маркса в Лондоне. Засуетились фотографы, нацелились фотокамеры Андрию Ротштейн дернул веревку, занавеска свернулась, и мемориальная доска, небольшая, круглая, с именем Маркса, годами его рождения и смерти и годами проживания здесь, открылась очень скромно, совсем не импозантно, даже не особенно разборчиво в надписи. Полилась английская речь профессора, очень внятная, очень доступная тем членораздельным, легко постижимым английским языком, каким говорят обычно русские, прижившиеся в Англии. Я радовалась, что слышу и понимаю, радовалась милым, незнакомым, но явно своим людям вокруг, тихому августовскому дню, тому, что попала вовремя, не пропустила и стою на улице, где когда-то тяжело ступал стареющий седокудрый создатель «Капитала», шла легкая Женни, бегали ножки их девочек...

Сблизились время и пространство. И было хорошо думать, что в центре между радиусами Дин-стрит, где жил Маркс, и Хольфорд-сквер, где жил Ленин, — совсем недалеко друг от друга — находился вечно молодой, нестареющий очаг человеческого познания, вознесенный над временами и политическими волнениями, открытый для пытливой мысли и прилежного изучения, гостеприимно встречающий своего и чужестранца, давший много счастливых часов Ленину — Британский музей с его бессмертной Ридинг-Рум.

Ноябрь — декабрь, 1967

Переделкино

Урок четвертый: РОЖДЕСТВО В СОРРЕНТО

Дорогая мамочка! Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго.

Крепко, крепко обнимаю.

Всем привет.

Твой В. У.

**Письмо В. И. Ленина матери
от 1 июля 1910 года.¹⁰⁴**

I. Генуя

1

«Доброе рождество» — *Buono Natale*, — как его называют итальянцы, наступает по всей Италии, да и по всей Европе, задолго до его собственной даты. Оно встретило меня уже в конце ноября, когда я спустилась из Швейцарии в Италию. Ехала я медленно, по-маленьку, с севера на юг, подолгу останавливаясь в попутных городах, захваченная, по правде сказать, совсем не этими городами, а своей большой темой, мерещившейся мне пока еще в тумане, — разрозненными цитатами, строками из чужого письма, тем притяжением случайностей, когда, как пословица говорит, — на ловца и зверь бежит. Вы глубоко задумались перед вступлением в работу, вас крепко обняла, как страсть обнимает сердце, одна-единственная тема, пока еще вопросительная, нерешенная, совсем для вас новая, а со всех сторон, словно трава на колесо тележки, вдруг накручиваются и накручиваются подсказки, совпадения, открытия, неуклонно направляя мысль вашу к решению.

Я ходила по старинным улицам, рассеянно глядя на зазыванье витрин. Над улицами, на цветных полотнищах, огромные буквы оповещали «*Buono Natale*». Вечером зажигались тысячи цветных огоньков. Шла предрождественская ярмарка. Чего только не выставлялось в окнах! Крохотные деревца из марципана; громадины свечи, витые, в лентах, в блестках; переливы стеклянных шаров, гирлянды золотых цепей и волны серебристой паутины. Только деды в бороде и традиционных колпаках еще не появлялись, час их пока не пробил. Но улицы уже лихорадило этим длинным, на недели растянутым кануном праздника. Даже и то, что все было похоже на наши собственные елочные украшения, навивалось как-то на колесо моих размышлений. Общечеловеческое, человеческое... Но вот поди ж ты! Такая невозможная — на первый взгляд — цитата. Она уже несколько дней, словно мелодия, ворочалась у меня в голове во всем своем неподобающем, еретическом смысле, — так, по крайней мере, мне тогда казалось под гипнозом усвоенных за десятки лет привычек мышления.

Почти полвека назад в Москве — полуголодной, холодной, полной восторженного чувства новизны и свежести восприятия мира — очень скромно, как всегда в те дни, отмечали пятидесятилетие Владимира Ильича. Московский Комитет РКП(б) устроил 23 апреля 1920 года собрание, на которое пригласили Горького, чтоб Горький сказал свое слово. Глуховатым голосом, немного с задышкой, сперва тихо, потом все громче Горький произнес это чудесное слово, начало

---

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 315.

которого, когда я перечитала его несколько лет спустя, помню, остановило, недоуменно обидело и — запомнилось с налетом чего-то еретического. Горький сказал:

«Товарищи, есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом. Русская история, к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот, например, Христофор Колумб... И мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей, — людей, которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. У нас в истории был, — я бы сказал: почти был, — Петр Великий таким человеком для России.

Вот таким человеком только не для [одной] России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич».¹⁰⁵

Еретическим в ту минуту показалось мне сравнение Ленина — Ленина! — с Христофором Колумбом. Кто такой Христофор Колумб, чтоб сметь его сравнивать с Лениным... Обида окрасилась негодованием, недоумением по адресу Горького, а впереди, в Сорренто, ждал меня месяц работы над заключительной темой книги — главой «Ленин и Горький». Мне хотелось не просто написать эту главу, засев в Сорренто — самом оторванном от родины, самом одиноком в жизни Горького месте, где он писал «Клима Самгина». Мне хотелось для себя решить, что эти два человека дали друг другу, за что и почему полюбили друг друга и чем были нужны друг для друга. И вдруг такое неожиданное сравнение, еще при жизни Ленина сделанное Горьким. Генуя на долгом пути в Сорренто была первой моей остановкой, затянувшейся, может быть, потому, что цитата Горького, как ребус, требовала своей разгадки сразу же на первом этапе путешествия, в городе, где родился Колумб.

Я понимала, как у импульсивного Горького с его колоссальной памятью-копилкой могло возникнуть, а верней, подвернуться под руку, сравнение с Колумбом. Горький по-своему понимал людей, иногда совершенно не считаясь с историей. Замученного и раздерганного посетителями на Капри, тяжело переживавшего полемику и разрыв Ленина с Богдановым и Луначарским, Марья Федоровна Андреева убедила его поехать попутешествовать на север Италии, чтоб отдохнуть и набраться новых впечатлений. В Генуе, не успев выйти на привокзальную площадь, Горький столкнулся с огромной толпой народа, встречавшей поезд из Пармы с голодными ребятишками бастующих пармских рабочих. Он увидел, как итальянцы, тоже рабочие, разбирали в свои семьи детишек, чтоб их подкормить, а над ними на площади возвышалась статуя Христофора Колумба. И в своем ярком, сердечном очерке, в самом его начале и в конце, он связал эту статую с толпой рабочих: «...благородная фигура человека, открывшего Новый Свет...», «...на высоком пьедестале фигура Колумба, мечтателя, который много пострадал за то, что верил, и победил, потому что верил. Он и теперь смотрит вниз на людей, как бы говоря мраморными устами: „Побеждают только верующие“».¹⁰⁶ Может быть, в этой романтической характеристике Колумба отразилась тогдашняя полемичность самого Горького, его заступничество за Богданова?

Генуя с ее дворцами и виллами, с сотнями разноцветных флагов в порту, Генуя Великолепная, раскинутая тремя этажами впритык к морю, представилась мне совсем другою. Она казалась городом особенного для Италии духа, городом генуэзца — предпринимателя, мореплавателя, открывателя и хапуги-филантропа с кающейся католической совестью. Если говорить в

---

¹⁰⁵ М. Горький. Собр. соч., т. 24, с. 204. См. там же примеч., с. 544.

¹⁰⁶ М. Горький. Сказки об Италии. — М. Горький. Собр. соч., т. 10, с. 11 и 14.

общеввропейском плане, то вся она, весь город, — это массивная каменная память огромных человеческих страстей, бешеного эгоизма и неустойчивой романтики.

В первый же день я вскарабкалась на второй этаж этого города, чтоб посмотреть странный средневековый памятник филантропии генуэзских грабителей — «Гостиницу для бедных», «Albergo dei poveri», — дворец, величаво сходящий ступенями в парк. Он оказался сейчас убежищем для престарелых. С каменных стен его гулких коридоров до сих пор глядят темные полотна старинной живописи, а сами коридоры голы. Служители в фартуках молча развозили по ним на тележках ужин, а по сумрачным углам, беззубо шушукая, сидели старики и старухи, — и старость была тут такая же унижительная, такая же ненужная для живых людей, как, может быть, жалкая бездомная нищета паломников, заполнявших эти стены несколько веков назад. Оттуда я пешком добралась до центра и у ворот Сопрано увидела домик Колумба, каменную глыбу без окон и дверей, похожую на каземат. Окна и двери в ней, впрочем, имелись, но поросли густейшим навесом каких-то мхов. Он был окружен высокой каменной стеной, заглянуть за которую мне удалось, только поднявшись на цыпочки; там был запущенный сад, где на четырех колонках, под красивым каменным перекрытием стоит бельведерчик... вот и все. Но нет, не все: надо еще сказать о колумбовых кошках.

В этом зеленеющем зимою саду мы вдруг увидели что-то необычное. Одна, две, три... кошки, самые разные, всех цветов, всех возрастов, не три, а тридцать, а может, и триста, в сидячем, лежащем, стоячем положении, серые, белые, дымчатые, черные, тигровые, с круглыми, как бусины, разноцветными глазами. Бездомные кошки в Италии любят развалины. Я как-то подцепила, снимаясь в Колизее, сиамского бродячего котенка себе на плечо. Но здешние, колумбовы, держались тут оседло, они были как дома. Подошел старый худощавый генуэзец в очках и шляпе; он снял перчатки, развернул бумажный пакет. Кошки начали вставать, потягиваться и медленно подходить к нему. И генуэзец стал их кормить сырыми рыбками, бросая их через ограду за хвост.

Ночью я долго не могла заснуть после первого дня в Генуе. Колумб, но ведь он даже имя свое не дал открытой им новой стране! Колумб, даже и не знавший, что он такое открывает... Даже и не хотевший открыть новую часть света, а мечтавший о новом ближайшем пути для выгодной морской торговли... Колумб...

2

Я проснулась с твердым намереньем хорошо изучить Геную.

Среди сынов, вылетевших из нее на широкое небо истории, был и такой, как демон-скрипач, Николо (ударение на последнем слоге!) Паганини; и такой, как мечтатель-интеллигент Джузеппе Мадзини, перевернувший страницу в истории своей родины — на дате ее объединения.

Сперва мы пошли разыскивать домик Паганини. По разным справочникам нам было известно, что находится он в переулке Гатамора, но, когда развернули план и стали его искать, оказалось, что переулок Гатамора ни на каком плане не числится. К кому бы мы не обращались с вопросами, все пожимали плечами. А наиболее услужливые посылали нас то туда, то сюда, и мы все время кружили и возвращались на прежнее место.

Мой спутник — сотрудник агентства «Новости» — был такой же упрямец, как я; чем недоступней казался неуловимый Гатамора, тем настойчивей мы повторяли всем встречным-поперечным на все лады его название, пахнувшее Эдгаром По. Наконец какой-то мальчуган с лицом великого мореплавателя повернул нас спиной и подтолкнул, резко изменив наши вращательные движения на прямолинейное вниз, под уклон. Взглянули — и обмерли. Перед нами была куча мусора; эта куча опускалась в овраг, весь забитый сломанными ящиками, кирпичами, бутылками, тряпьем, стеклом, всякой нечистью — совсем как мусорная куча Бофина из «Нашего общего друга» Диккенса. И на грязной облупленной стене, идущей вниз вдоль мусорной кучи, мы прочли магическое слово: *Гатамора*.

Держась друг за друга, стали мы спускаться вниз, пока не возникло перед нами нечто, как сиплый удар смычка по заржавевым спущенным струнам: дом, едва живой, на честном слове, нет, на железных канатах, обвязавших и поддерживающих его ветхие стены от паденья. Не дверь, а намек на дверь, забитую и тоже, как стены, охваченную цепью. Ниша над дверью треугольником, в форме избяного чердачка, с разбитым барельефом, когда-то, должно быть, прекрасным. И надпись, читаемая с трудом:

**В этом доме
в день 27 октября года MDCCL XXXII
родился
украшение Генуи и наслаждение мира
Николо ПАГАНИНИ,
звуков своего божественного искусства
непревзойденный мастер.**

Мы молча стояли и были счастливы, что сумели добраться до этого дома, которому вряд ли еще суждено простоять долго. И Паганини нам улыбнулся. Нагнувшись, я случайно подобрала кусочек разбитого барельефа: часть лица с округлой щекой, началом рта, носом и глазом, как будто смотревшим на нас. Над этим ущельем мусора — (нэвэрмóp — никогда — Гатамора) — взлетали вдали здания современных модерн, элегантные в своей прямизне, молодость города, как высокая сосновая поросль среди гниющих старых пней, — Генуя, подобно всем городам Европы, растет сейчас вверх сквозь память веков.

Разумеется (хотя бы ради доходной статьи от туризма!), все, что мы видели, будет восстановлено и, как старинная фамильная драгоценность, умеючи вкраплено в стройные струны новых высотных зданий, — и «каза» Паганини, и мрачный каземат Колумба, и башни ворот Сопрано. А все же — как жестоко ответили люди тому, кто был «наслаждением мира»: виденный мною в прошлом году безвкусный памятник на могиле Паганини в Парме; и сползающий в мусорную яму отчий дом его в Генуе...

Многие потом спрашивали: «Как это вам удалось отыскать дом Паганини? Мы бродили, бродили и никак, ну решительно никак...»

Да, мы с моим спутником отыскивали его, и это было нелегко. Но, идя обратно, верней — осиливая мусорную кучу вверх, мы оба подавленно молчали. И чтоб хоть как-то освежить и высветлить впечатленье, отправились к Джузеппе Мадзини.

Сперва мы пошли по улице Бальби, сплошь уставленной дворцами. Шли, не жалея времени и стараясь удержать в памяти длительным оттиском всю величавую красоту этих дворцов, — внутренний дворик Палаццо Реале с его мозаикой под ногами и балюстрадой над лежащей внизу старинной частью Генуи, ее «подвальный этажом». Широкие ступени лестницы в университете, зовущие вас ступени, но охраняемые львами на ее выступах справа и слева. Вырезы окон со строгими орнаментами, с каменным кружевом гербов и надписей и с неизменными чугунными решетками на каждом окне. Решетки напоминали о несметных богатствах генуэзских дождей, о начальной, — грабительской, фазе капитализма, о далеко не мечтательном, далеко не идиллическом открытии Нового Света. Старая Генуя, плебейская, торговая, портовая, лежала внизу, и к ней, как ручейки, сбегали очень узкие — ослу с поклажей не повернуться, — темные и грязные старинные улочки-щели без тротуаров. На углу одной из таких опускавшихся вниз улиц мы увидели дом Мадзини, с Музеем Рисорджименто.

Эти музеи «Объединения Италии» находятся почти в каждом крупном итальянском городе, потому что каждый внес свою долю борьбы в это историческое событие, один меньше, другой больше, а Генуя — как чуть ли не главная арена борьбы, — разумеется, большую, если не самую большую. Но когда мы вошли в музей, там было пусто и темно. Одиноким слугитель продал билеты, и он же пошел с нами, последовательно зажигая и туша свет по мере нашего продвижения.

Из мрака оживали великолепные портреты Мадзини, Гарибальди, Гофредо Мамели, рукописи стихов Мамели, его маска, гравюры, газеты, автограф сицилийской прокламации Гарибальди, письмо Мадзини к графу Кавуру, написанное мелким выразительным почерком «человека букв» и оратора, с эмоционально взвизгивающимися концами слов. Вся история объединения прошла перед нами в боях, зажигаясь и потухая, — переговоры, переписка, воззвания... Но перед одним документом я остановилась. Вынув свой блокнотик, я старательно переписала этот документ для читателя. Он был составлен на немецком языке ненавистным для итальянцев австрийцем директором полиции, носившим такое же имя, как у Мадзини, только на немецкий лад, — Иозеф. А фамилия его была, как это ни горько, — чешская Ванечек. В то время, когда сами чехи вели борьбу против австрийского ига...

Но, может быть, я несправедлива к этому Ванечку. Дело в том, что, работая в архивах, я просто не могла не чувствовать всякий раз горячей благодарности полицейским, жандармским и прочим «охранным» писакам: не будь их канцелярской работы, множество ценнейших материалов пропало бы для писателя-историка. И австрийский чех-полицейский заслужил, мне кажется, сугубую благодарность. Ни один художник не смог бы оставить Италии такого портрета Мадзини, какой вышел из-под его пера. Если б Горький прочитал его «приказ», он, наверное, так же тщательно и с тем же чувством переписал бы его, как я.

Австрийская полиция разыскивала опасного генуэзского адвоката-революционера, еще в 1831 году основавшего революционный союз «Молодая Италия», — и верный слуга австрийской империи, губернский советник и директор полиции в Инсбруке, Иозеф Ванечек, издает в 1852 году подробное описание внешности Мадзини для задержания его на любой границе, ареста и доставки под строгой охраной. Вот опознавательные знаки Мадзини в этом документе:

«Возраст: около 55 лет; волосы — густые, седеющие; лоб: высокий и выдающийся, исключительно прекрасный (ausgezeichnet schön); брови

черные, глаза — темно-карие, с мечтательным выражением; нос прямой, рот маленький, улыбающийся; борода серая с узкими, но длинными усами; подбородок острый, лицо продолговатое, цвет лица желто-коричневый, болезненный. У него глубоко сидящие глаза, его походка легка, хотя чуть сутуловата, руки и ноги пропорционально небольшие. Чаще всего одет он в черное. Он говорит слегка аффектированно тосканским диалектом, голос у него слабый, и курит он легкие сигары». ¹⁰⁷

Может быть, этот портрет, показавший Мадзини, как живого; а может, и пример Горького-очеркиста, описывавшего при своих поездках по Италии главным образом современных ему итальянцев — рабочих-мостовщиков, забастовщиков, прохожих, бродячих музыкантов, рыбаков, — нас тоже потянуло на живых генуэзцев. И, словно отвечая на душевную тягу, в гостинице нас ожидало письмо. Были мы от хождения по городу нестерпимо утомлены, ноги ныли, хотелось надеть ночные туфли и засесть пить чай в номере с запасенными вкусными пиццами (разогретыми лепешками-бутербродами). Но письмо было пригласительное, очень заманчивое:

«Se Loro desiderano incontrare un gruppo di intellettuali di sinistra... questa sera alle ore 22 fino alle 23,30 si sará una tavola rotonda al Carabaga Club d'Arte...»

(Если хотите встретиться с группой левых интеллектуалов... этим вечером с десяти до одиннадцати тридцати будет круглый стол в художественном клубе «Карабага».)

И откуда только взялась у нас сила — снова отправиться поздно вечером в темную и неведомую сеть переулков далекой окраины Генуи, Сампьердарены! Мы даже передохнуть не успели, взяли и отправились.

3

Приглашение не было для нас неожиданностью. Еще только приехав в гостиницу и показывая наши паспорта, мы услышали от быстроглазого молодого портье, что у него есть знакомый скульптор-коммунист, продающий свои изделия приезжим... вот не хотите ли? Он тотчас написал нам адрес и сунул в руки. Левый скульптор, Гвидо Цивери, жил как раз на той самой пролетарской окраине Генуи, Сампьердарена, куда я все равно мечтала отправиться в первый же день. В Сампьердарена родился предмет моего очередного увлечения, очень большой, очень интересный человек, которого Паустовский метко окрестил «конквистадором», — тоже один из завоевателей

---

¹⁰⁷ «Genova Mazziniana e Garibaldiana». 1849–1860. Saga Genova, 1960, 33.

и открывателей современного генуэзского периода. И мы с моим спутником тогда же отправились в Сампьердарена.

Для Генуи — это совсем особое место, и если идешь туда пешком (мы всюду старались ходить пешком), минуешь как будто столетия. У начала пути широким змеиным зигзагом простирается над городом эстакада. Такие эстакады, для разгрузки уличного движения возносящие дорогу наверх, на воздух, вместо спуска ее в подземные туннели, строят сейчас все чаще, начали строить и у нас, и, по правде говоря, всегда кажется, что они не столь разгружают, сколь утесняют улицу для пешеходов, шествуя по земле своими толстенными чугунно-бетонными ногами, и застыт перед глазами и без того узкие уличные горизонты. Но генуэзская эстакада очень элегантна и кокетлива, она сразу вводит вас из музейной старины в век развернутой индустрии.

Проходя по ней, вы чувствуете порт невдалеке, слышите шелест жуков-машин над собой по сухому асфальту — и все дальше отступает город дворцов, все проще, мещанистей домишки вокруг, бедней магазинчики с дешевой дребеденью, простоватей люди, безвкусней одежда, — идти можно час и два, а все те же вокруг грязно-серые улицы с умирающими постепенно отголосками большого центра. Тише, тише... ни машин, ни гудков, ни топота, но в тишине каким-то странно-напевным тоном, словно в старинной, сейчас навеки уже исчезнувшей «шарманке», стеклянно-переливчато окликнет вдруг прохожий с противоположного тротуара вышедшую из дверей магазинчика толстуху хозяйку своим музыкальным «джорно» — здравствуй.

А мне мерещилось, что еще не было тут улиц. Семьдесят лет назад лигурийские волны омывали эти берега, застроенные лачугами рыбаков. И, купая в песке свои голые пятки, подвернув старые штанишки, здесь бегал сын бедняка-сампьердаренца, черный, как жук, носатый, с глубоким взглядом из-под тенистых ресниц, — будущий гений итальянской индустрии, создавший ее полвека спустя в том самом городе, где другой гениальный итальянец, тоже, как он, курчавый и широкоглазый из-под тени густых своих итальянских ресниц, — Антонио Грамши, создал — в противовес ему, Итальянскую компартию. Но все это произойдет куда поздней того времени, когда Ленин полушутя-полусерьезно писал Горькому из Парижа на Капри: «...марксистов только нет в Италии, вот чем она мерзка».¹⁰⁸ Марксистов — и породившей их крупной индустрии.

Добравшись наконец до тупика, где стоял домик с надписью на дверях «Цивери», мы постучали. Высокий молодой итальянец в бархатных штанах и джемпере прямо скатился на нас с крутой лестницы и тотчас же, словно мы годы были знакомы, потащил к себе наверх. Открытая площадка над лестницей; пластинки темной керамики вдоль стен; низкие, мягкие кресла — он утопил нас в них, а сам взгромоздился на что-то твердое и сразу же, решительным тоном определил свою позицию: «Я принимаю всё у вас, всё, всё, всё, что в политике; но ваши взгляды на искусство — нет, нет, нет! Непостижимо, почему так отстаете, где корень? Откуда это?»

С места в карьер мы были, поскольку назвались москвичами, окрещены «конформистами». Но, говоря с нами ругательной скороговоркой (разговор шел по-французски), хозяин все время гостеприимно улыбался нам, и, как это ни странно, в ту же секунду, даже меньше, чем в секунду, между нами установилось то, что политики именуют словом «контакт». Беседа наша буквально разразилась, как разражаются грозы летом, — иного слова не подберу. Хозяин раз двадцать вскакивал, хватал книги с полки, перелистывал, совал нам. Раз двадцать хватали мы друг друга за пуговицу, за рукав, крича что-то одновременно. Над лестницей вынырнула стриженная под

---

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 13.

мальчика шатенка, каких встречаешь на наших поэтических диспутах. Она представилась художницей Ольгой Каза, директором клуба «Карабага». Пришла пора передышки и питья неизменного кофе. Потом Гвидо Цивери подарил нам три выпуска своего журнала, начинающегося не с первого, а с нулевого номера (Numero Zero — я вспомнила математические тетрадки Маркса!), — под названием «Трое красных» (Tre Rosso). И тут же приглашение — встретиться еще раз в клубе. Вот в этот клуб мы теперь и спешили, усталые до одури. На самой, казалось бы, глухой улице Сампьердарена неожиданно возник ярко освещенный небоскреб. Внизу, в его холле, и расположился Клуб левых мастеров искусства «Карабага».

В первом же зале, куда мы вошли, была устроена выставка. Спустя год в Париже я видела такую же выставку под названием «Свет и Движение» (Lummiére et Mouvement) — последнее слово левого искусства, где вся материя живописи, — полотно, картон, уголь, краски, — уже исчезла, а предмет искусства создавала игра электричества с помощью электроники: на экранах или даже без них возникала сверкающая беготня цветов и света, в первую минуту интересная, но нестерпимая для глаз, если смотреть ее долго. В зале «Карабага» все это было проще и бедней, но принцип тот же: творческая воля художника заменена случайностью и физикой; игра музыканта на клавишах математической или импровизированной пробой клавиш теми, кто вовсе не умеет или не хочет играть. «В природе все уже есть, художник не может выдумать ничего такого, что уже не имелось бы в мастерской самой природы». Приблизительно так объяснял нам Цивери, бегая пальцами по какой-то «электронной» клавиатуре.

Но это случилось позднее, а сперва мы прошли через выставочный зал в другую комнату, где стоял круглый стол, а за столом разместилось человек тридцать молодежи. По стенам развешаны были картоны, изображающие уже вполне материальные квадраты и только квадраты — самых различных видов, с симметричными спиралями внутри и завитками, уходящими в их глубину. Произведения эти, как стояло в программе, принадлежали кисти падуанского художника Гаэтано Пеше, приехавшего с ними из Падуи в Геную. Мы попали на обсуждение его картин. Милая Ольга Каза тотчас поднялась нам навстречу, помогла раздеться и усадила. На столе стоял магнитофон. За столом сидел наш новый друг Гвидо Цивери и вел собрание. Возле него — критик с густо разросшимися волосами и бровями, в очках, держал речь с микрофоном в руках, — он делал доклад. А прямо перед нами, слегка вытянув ноги и спрятав руки в карманы брюк, сидел герой обсуждения, молодой человек с открытым бледным лицом, явно склонный к полноте, в безукоризненном костюме и красном галстуке навывпуск, — Гаэтано Пеше. Разговор шел по-итальянски и по-французски.

Докладчик долго объяснял философскую систему восприятия мира у Гаэтано Пеше в изысканно-запутанных и невразумительных терминах. Выступавшие то находили в квадратах эту «новую философию видимого пространства», то отрицали ее. Присутствовавший инженер-электроник робко осмелился спросить, каково содержание в этих квадратах, то есть, иначе говоря, что нового в смысле понимания пространства? Высокая мужеподобная студентка деловито предложила использовать все это в промышленности, в частности, может быть, в «Фиате»... Каждому, кто выступал, Гвидо Цивери давал в руки микрофон.

Я жадно смотрела на эту молодежь. Подобно нашей, подобно всякой молодежи во всем мире и молодой поре в жизни каждого человека на земле, — она горела своим великим, неистребимым стремлением найти необычное, новое, не такое, как у стариков, как у прошедших поколений. Курили очень мало, меньше, чем на заседаниях пожилых людей. Одна-единственная бутылка с минеральной водой стояла возле докладчика, с одним-единственным стаканом. Студенты, может

быть, мелкие служащие, артисты-студийцы, вот этот инженер с завода; все — крайних левых направлений в политике, крайних левых направлений в искусстве; и все — с теми честными, агрессивно глядящими на вас глазами юности, когда страстно хочется расчистить себе свое место в мире, выпихивая старое (нельзя занять уже занятое пространство!), противореча, опровергая, не соглашаясь, волнуясь неведомо отчего, от безграничного чувства жизни, подступающего к горлу. Что мне особенно понравилось — чистота атмосферы, совсем как в молодости моего поколения: ни на грамм эротики и секса, ни на грамм хулиганства, ни на грамм грубости. Мне казалось, я очутилась в самом начале века, в собственной студенческой среде.

Наконец дошла очередь до героя диспута, творца квадратов. Гаэтано Пеше приподнялся с ленивой грацией, сложил губы улыбкой — с ямочкой на полной щеке — и объявил, ошеломив всю аудиторию, что в его произведениях нет и не было ровно никакой философии пространства: он просто любит писать разные квадраты, какими их представляет себе... После хохота (громче всех хохотал сконфуженный докладчик) и аплодисментов, под жужжанье магнитофона, Гвидо неожиданно протянул микрофончик... мне. Я увидела, как вздрогнул мой спутник.

Застенчивой в таких случаях до одури в нашей собственной обстановке, особенно перед задиристой молодежью, мне вдруг, словно шестьдесят лет назад, неудержимо захотелось выступить. Я схватила микрофон и ринулась в бой, откуда только взялось у меня такое свободное обращение с французским математико-философским лексиконом! Гаэтано я назвала *отсталым*. После Эйнштейна, — объявила я с апломбом, — смешно барахтаться в симметрии. Пространство криво. Две параллельные встречаются. Его квадрат Эвклидов. Он не сумел преодолеть отсталость своего видения мира, он даже внутри — внутри — *dedans!* — самого квадрата видит пространство перпендикулярно, чертит его наивными законами симметрии, забыв о разнице правого и левого... И все это аккуратно, журча, как кот, записывал магнитофон — на память генуэзскому потомству.

Но тут вдруг я осеклась. Став еще бледнее, побледнев буквально как мел, медленно-медленно, как привидение, поднимался со стула Гаэтано Пеше. Улыбка его исчезла, ямочка на щеке выровнялась: «Вы считаете меня натуралистом? НАТУРАЛИСТОМ?» Набирая это страшное слово заглавными буквами, не сказал, а как-то проскрежетал творец квадратов. Мне почудилось, что я становлюсь гоголевским Вием. Еще секунда — и закричу: вот он *конформист* — мстя за нанесенную Гвидо Цивери мне самой обиду. Но через секунду все успокоилось, Пеше выдохся, магнитофон умолк, я начала прощаться, целуясь с женщинами, двадцать раз тряся руки мужчинам, обмениваясь адресами, приглашая в гости в Москву. Гвидо Цивери стал объяснять нам на прощанье выставку в холле. А потом милая молодая пара отвезла нас на своей маленькой машине в гостиницу.

4

И вот опять ночь без сна, — ночь без сна из-за сравнения с Христофором Колумбом. Но в хаосе дневных впечатлений, умноженных вечером в «Карабага», вставала какая-то новая нота, назойливая, вроде комариного жужжанья: а почему, собственно, не сравнивать Горькому Ленина, которого он знал лучше, чем я, отдаленная от него исторически целым поколением (двадцать лет!), — сравнивать с кем хочет и как хочет! Вечер в «Карабага» оставил во мне какую-то резкость оппозиции — самой себе. Новая нота была в повороте вниманья, — от цитаты из речи Горького — к тому, как я сама эту цитату восприняла. И дело тут было вовсе не в Колумбе.

Итальянские кровати в гостиницах жестки; и подушки, тоже очень жесткие, — лепешкообразны. Если вы не заснули сразу, то вам кажется, что мысли прямо натекают вам в голову, лежащую очень низко на этой лепешке, натекают, словно из дождевого желоба, и никак их не вытряхнуть. Воспоминанья, ассоциации, далекое прошлое, совсем далекое детство: родители разговаривают с гостем, няня слушает в дверях из освещенной лампадкой детской;¹⁰⁹ гость говорит, что патриарх страшно похож лицом на писателя Писемского, няня шепчет негодуя: как это мыслимо лицо духовное сравнивать с обыкновенным (няня произносит, как ей полагается, «обнаковенным») господином... Мыслимо, мыслимо... Спустя семьдесят пять лет за одним столом со мной сидит редактор, старый друг и человек не глупый. Карандаш его, пока он читает мою рукопись, наготове, — прикушен зубами, — и я вижу, как он ставит им птичку на полях. «Немыслимо», «не вяжется с Лениным»... очень мягко и дружески говорит он моей особе: «Вы пишете „окрик“ — нельзя сказать „окрик“ в отношении Ильича, это не его метод. Поставьте слово „возражение“». Я тогда здорово накричала сама на редактора. Я совала ему цитаты из ленинских писем: «...сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными»¹¹⁰ или совет Горькому: «Наплюйте в харю упрекающим»¹¹¹ или — в бешенстве на того же Богданова: «Сам он есть минус (а не 0). Удивляюсь я, что в „Прибое“ голосуют за Богданова, не защищая его фальшивых пошлостей... Это не коллегиально. Вы забыли. Пишите. Объясните. Аргументируйте. А то голосовать без коллегиального обмена мнений. Трусливо. Дико. Пошло. Вредно. Пусть объяснят... ради чего они тащат в рабочую среду пропаганду гнили».¹¹² Как Ленин ненавидит! Даже нет восклицательных знаков — это от холодной иронии бешенства, это как удар кулаком по столу, а вы — Ленин «возражает», «возражение». Да тут тысяча криков, а не только окрик!

Я вертелась на плоской подушке, а мысли все лезли, миллионы примеров вертелись в голове, и опять наплыло в память: санаторий, те далекие годы, когда я, писатель, очутилась в одной палате со старой большевичкой, крупной работницей, хорошо знавшей Ленина. Вечером перед сном она, помню, перебирала свою седую косицу на ночь, доплетая ее, а я — не знаю, как к слову пришлось, спросила о речи Горького на 50-летию Ленина. «Уж и не любил же этих юбилеев Ильич, — сказала старая большевичка, — терпеть их не мог. Ну а Горький, большой писатель, занесся, конечно, размахнулся, — он всю жизнь размахивается. Христофор Колумб, — выдумал тоже Алексей Максимович!» Она тогда посмеялась, а я на нее уставилась. Ей в этом сравнении, хорошо знавшей человека Ильича, — почудилось смешное преувеличение, гипербола, размах. Почему? Потому ли, что Колумб из глубины истории взирает сейчас на нас, как башня, как миф, как легенда? А Ленин для нее был еще живой и теплый, еще всегдашний — чудесный человек, гениальный человек, неповторимый, но — живой, теплый. И до чего человек!

---

¹⁰⁹ Как стареют слова! Нынче написать просто «детская» (Kinderstube) может показаться уже непонятным. А добавлять «комната» — громоздко.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 148.

¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 162.

¹¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 263.

Когда-то я для себя стала выписывать, как Ленин, подобно нам, грешным, звал людей уменьшительными именами в письмах: «Сафарчиком»¹¹³ — Г. Сафарова, «Коллонтайшей»¹¹⁴ — А. Коллонтай, а царя — «Николашей»,¹¹⁵ как презрительно именовали жалкого Романова в те годы. И Ленин удивительно выдумывал слова — например, у него мне в первый раз встретилось слово «читабельный», «читабельны»¹¹⁶ — а уж слово «министериализм» в применении к меньшевикам, «министериабельный негодяй» о циммервальдовце Роберте Гримме!¹¹⁷ Это все — в интимной переписке, — опять слышу редактора. И опять мысленно «возражаю» ему, если уж говорить о «возраженье» в этом страшном ночном кошмаре, когда одурело устал, а сна нет и мысли грызут мозг: «Почему интимной? Ничего не интимной, Ленин черным по белому пишет, живой Ленин: „Никогда ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у социал-демократов на прилизанную пустоту и убожество эсеров и К°“». ¹¹⁸

Прилизанность... и я встала и села на своей железной кровати. Милая Генуя, милые молодые люди, с которыми, расхрабрившись, вообразила себя чуть ли не студенткой. Дело-то не в Колумбе, не в сравнении, не в Горьком и даже, вот сейчас, не в Ленине, дело идет о *моем* собственном существовании, тоже человека на земле, какого ни на есть, но человека же. Что произошло со *мною* за истекшие несколько десятков лет, если я, как неграмотная орловская нянька (мы с сестрой звали ее ласкательно «нюга»), вот как эта нюга стала вдруг чувствовать «табу», расстояние между «светским господином» и «духовным лицом», воспринимать самого дорогого, самого любимого из людей, Ленина, как что-то *не* человеческое, *над* человеческое, с чем нельзя сравнивать никого другого, будь это архи-Колумбы? Что произошло со мною, человеком восьми десятков лет, потерявшим ощущение живого бытия настолько, что воспринимаю просто живое, как ересь, возрождаю понятие «еретический»? Начинаю возводить условности, участвовать в создании мифа, делать из фактов жизни — мифологемы? Это *корка* — сказала я сама себе очень громко, потому что мне захотелось выговорить свою мысль вслух.

С годами человеческое сознание обрастает коркой. Мы начинаем видеть вещи, как на остановленной пленке, застылыми в движенье. И это не высокая неподвижность искусства, когда остановилось то, что совершенно. Это остановка предмета в движенье, прерванность развития. Чьего? Моего собственного. Корка старости, корка отпада от жизни. Оттого что я выскочила со своей задорной речью на совещании молодых, я почувствовала в эту ночь как бы прояснение своих кристалликов, своего внутреннего зрения на простые и очень понятные вещи вокруг.

Закон времени для всех обязателен, он медленно, мазок за мазком, намазывает эти корки старости — они выглядят как штампы, как трафареты, как «модели» — модное слово

---

¹¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 290.

¹¹⁴ Там же, с. 92.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 155.

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 155.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 443.

¹¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 81.

современности, — модели, в которых, в сущности, закупорено остановленное на ходу развитие человеческого сознания. Мы сунем эти штампы и модели потомкам, как заработанную нами историческую истину, — а потомки видят лишь корку, лишь катаракту на кристаллике, и совершенно неважен предмет их борьбы против нас, предмет их буйства, — важен самый факт вот этих «буйств» молодости, потому что приводят они объективно к соскабливанию корок. Растущий коралл — мягок; он затвердевает, когда перестает расти. Я записываю все эти рассуждения очень скучными фразами, может быть, спорными, но в ту минуту, когда они возникали в моем бессонном мозгу, я ими не думала, они горели, были похожи на какие-то картины. Однажды, когда воду из озера Севан еще не стали спускать и островок на нем еще был островом, а не выпуклой частью суши, я подсмотрела на нем из кустов, как змея меняла кожу. Змея была небольшая, в черной, шуршистой, разношенной какой-то корке, похожей на кольчугу. Она медленно, извиваясь и вздрагивая (дрожь ходуном проходила по всему ее телу, с головы до хвоста), вползала в узкую щель между двумя камнями. И пока вползала (видно было, что с трудом, против воли, насильственно, больно), части корки, словно лохмотья, соскабливались с нее и грязной грудой накапливались у входа в расщелину.

А с другой стороны расщелины показалось голое, розовое тело обновленной змейки. Этому телу было холодно от прикосновения воздуха, его обжигало солнце, но змея ползла и ползла, пока не выползла на траву вся и замерла, обновленная в свежей новизне бытия, — отдыхая от трудов, не двигаясь, вбирая тепло и жизнь...

Вот так надо нам уметь соскабливать с себя корку. Нельзя нам стареть и обрастать ею — слишком много еще дела на земле, слишком важно с живым трепетом осваивать прошлое, потому что прошлое — еще в росте, его нельзя останавливать на ходу, нельзя создавать из него штампы и «модели». А тем более — в работе о Ленине...

Так прошла у меня последняя ночь перед отъездом из Генуи Великолепной.

II. Болонья

1

Не знаю, почему... Нет, даже знаю почему, — но этот город я полюбила еще десять лет назад больше всех остальных городов Италии. В истории «Ленин — Горький» он играет, правда, роль микроскопическую и притом неприятную. Десятые годы нашего века для революционной русской эмиграции были годами «школ». В разных городах — в Париже, в Лонжюмо, на Капри открывались школы для рабочих из России, важные не только потому, что передовые рабочие должны были осваивать в них марксизм, но и для самих учителей, через учеников как бы соприкасавшихся с далекой родиной, с революционной массой. Нельзя жить человеку без общения, основанного на главной для тебя идее, главной для тебя работе. В Болонье тоже открылась такая школа, но, как и «каприйская», с преобладанием «передовцев»; и больше чем «каприйская» — ставшая фракционной.

Третьего января 1911 года Ленин написал Горькому: «Получил из Болоньи приглашение ехать в школу (20 рабочих). Ответил отказом. Со впередовцами дел иметь не хочу. Перетаскиваем опять рабочих сюда».¹¹⁹ Сюда — означало в Париж, где Ленин организовал большевистскую школу пропагандистов; «опять» — потому что Ленин уже перетащил из каприйской школы к себе часть рабочих.¹²⁰

Итак, Болонья в моей теме предстает со знаком минус и даже — после Вероны, которая хоть и упомянута Лениным только одной фразой, но с восклицательными знаками и охотой приехать: «Как я чертовски злился в Берне и потом!! Думаю: если Вы в Вероне... ведь я бы в Верону м о г приехать из Берна!!»¹²¹ И все же — на пути в Сорренто — вторую остановку я сделала в Болонье.

Со времени «впередовской» школы утекло немало воды. Болонья не год и не два выбирает себе в синдаки (мэры) — коммунистов. В Болонье сразу чувствуешь хозяина-коммуниста, — больше заботы о городском быте, проще в гостиницах, дешевле и лучше в столовых и среди них — одна замечательная «Самообслуга» (Selfservice), каких нигде в Италии, да, пожалуй, и во всей Европе не сыщешь, потому что, бывая в этой столовой через промежутки двух и трех лет, всякий раз нахожу ее все на том же высоком уровне, отнюдь не ухудшающейся, как это происходит с самообслуживанием в Париже на Рю-Риволи и в Лондоне с Лайонсами. Короче говоря, в Болонье удобней жить. Я и приехала, чтоб пожить, подумать, порыться в прихваченных книжках. А жить в иностранном городе — это совсем не то, что приехать туристом.

Есть такое слово в ботанике «ареал» — полный смысл его я никогда не могла освоить научно, а только чувством, переводя на свой писательский язык: пространство, очерченное вокруг вас в лимите возможности вашего распространения. Ну, турист бегаёт; сегодня он тут, завтра — за десятки улиц; он — не на цепочке каких-то лимитов, а в букете звездочек путеводителя: то посмотреть, это посмотреть... Бегаёт, ест где попало, даже помоемся, побреемся где-нибудь на ходу, во встречающих *lavabo*¹²² — и все это каждый день разное, в разном районе. Для туриста европейские (и наши) города всегда — *большие*, хотя сами по себе они, может быть, и вовсе не велики.

Но для «проживающих» в городе — каждый город всегда очень маленький, даже если он необъятен, как Лондон. Вы проживаете с деловой целью (почитать, порыться в архиве, поработать дома за письменным столом); и цель становится вашим «ареалом», очерчивая вокруг вас лимиты вашего (максимум — районного или все того же транспортного) передвижения туда и обратно.

В Болонье, например, несколько лет назад я работала в музыкальном архиве Коммунальной библиотеки на площади Россини, а жила возле вокзала. Каждый день я ходила по одному и тому же маршруту, мимо тех же памятников, магазинов, киосков; забирала газету у той же стойки, того

---

¹¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 14.

¹²⁰ Из каприйской школы в Париже во главе с рабочим Н. А. Вилоновым выехали сперва шесть человек, а потом и остальные. См. о школах в эмиграции брошюру: Н. В. Нелидов и П. В. Барчугов. Ленинская школа в Лонджюмо. Из-дво политической литературы, М., 1967.

¹²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 210.

¹²² Общественных уборных (*итал.*).

же продавца; обедала в той же столовой и все там же покупала себе неизменную югурту и пиццу на ужин — ясное дело, город замыкался для меня в небольшой круг и возникало не совсем приятное чувство своей «видимости» для окружающих. Вы встречали все тех же прохожих, и даже собаки, которых прогуливали хозяева, были все те же, на тех же улицах. Но если прохожие, продавцы, приказчики, пёсики сделались вам знакомы — себя вы тоже невольно ощущаете привычной и знакомой для них фигурой. И город кажется как дом, улицы как комнаты, и весь мир, вся планета-земля, кажутся, в сущности, очень тесными.

Закрыв сейчас глаза, отчетливо вижу длинную улицу Индепенденца, идущую, как и все улицы Болоньи, сплошным крытым портиком; подземный туннель-соттопассаджо, из которого выходишь на все четыре стороны: направо на улицу Уго Басси, где можно так вкусно пообедать в знаменитой «сельфсёрвис», — блюдом, которое тут, в Болонье, называют «тортеллини», в Турине «каполетти», в Венеции «равиоли», а у нас, по всему Советскому Союзу, — ушками, пельменями, колдунами, береками; выйдешь прямо — к гиганту Нептуну, попирающему фонтан; налево — на короткую улицу Виа Риззоли, а за ней к университету, к театру и к уединенной красоте дворца, где ютится архив имени Падре Мартини с узеньким читальным залом. Я, конечно, могла бы вдвое сократить этот путь, занимающий в целом двадцать минут, если б боковыми улочками без тротуаров пошла по диагонали от своей гостиницы. Но не было охоты сокращать. Вниманье цеплялось за каждую знакомую встречу, — помню в соттопассаджо лица бродячих музыкантов, пиликавших какой-то невозможный джазоподобный «модерн»; филателистский магазин марок, хозяин которого именовался по-русски и странным образом Марковым; — и живших в тот месяц, буквально живших в каменных проходах туннеля, лежа и сидя на своем ярком тряпье, цыган. А главное — мне каждое утро хотелось, пройдя по Виа Риззоли, сказать свое *buona matina*¹²³ двум болонским красоткам, башням Азинелли и Гаризенда, тоже как будто вам кланявшимся в своей удивительной архитектурной кривизне.

Каждый город, как человек, имеет свой характер. Еще в самый первый приезд сюда я купила у букиниста, под портиками университета, гравюру старой Болоньи семнадцатого века. Если б не тускло-кирпичный колорит самого города, не его равнинность и не ломко-песочная краска старости самой гравюры, я приняла бы Болонью за горную Сванетию. Ни в одном итальянском городе, да и нигде в мире не было ничего подобного! Старинная Болонья вся, как еж, оцетинилась в небо сотнями тонких игл-башен. Будто толпа трубачей трубила, задрал их кверху, множеством дудок-труб. Будто огромная масса молящихся воздела к богу свои худые, длинные руки. Думаешь, — ну и город, ну и характер, — возвышенно живет, возвышенно думает. А этот же самый город в то же самое время спрятал своих жителей от неба, как ни один другой город в мире. Все его улицы, круглым счетом все, — это крытые переходы, идущие бесконечными рядами портиков, поддерживаемых колоннами. Для пешеходов — ни дождя, ни снега, ни солнца, ни неба, ни зонтиков, ни плащей, — нынешние плащи-болоньи это принципиальный дождевик, лишенный капюшона, его заменяет пелеринка. Не нужен капюшон в Болонье!

Помню, я где-то писала, как в полном отчаянии от этой «спущенной доли», как люди глаза опускают, от этой уткнувшейся в землю манеры строить улицы портиками, я решила выбраться за город, чтоб подышать открытым над головой небом, дошла до «заставы» — ворот Сарагоцца, — чтоб подняться на гору к «святой» мадонне Сан-Лука, очаровательной церкви на горе, покровительнице Болоньи, — и вдруг ахнула: змеиными зигзагами поднималась к ней на гору все

---

¹²³ Доброе утро (*итал.*).

та же лента портиков, крытая в колоннах дорога! Портики идут три километра, шестьсот шестьюдесятью шестью арками на высоту около трехсот метров над уровнем моря. Вот и выбралась под открытое небо...

С веками, в результате войн и разрушений, почти все башни в Болонье исчезли, словно резинкой стерлись с гравюры; кое-где, может быть, и остались, но их закрыли новые многоэтажные дома. И только из этих сотен рук, воздетых к небу, остались два длинных пальца, один выше, другой ниже, прямой и наклонный, во всей выразительности их двоеперстия: Азинелли и Гаризенда. Но приземленность долу, глаза, опущенные к земле, портики, или аркады, как их чаще называют, — остались не тронутые временем.

Мне кажется, есть в этой архитектурной диалектике, в победе земного над небесным, что-то общее и с диалектикой истории самого города. Старейшие, рожденные в середине века, насчитывавшиеся когда-то единицами на весь мир, университеты Европы и особенно Италии унаследовали от прошлого несколько сумрачную теологическую черту даже там, где нет специальных кафедр теологии. Они так долго были под гипнозом формулы: философия — служанка богословия, что дальний отсвет этой давным-давно похороненной формулы все же таится, как тень в углах, в самой архитектуре старых университетских зданий, в латинских названиях их аул (аудиторий), в надписях, высеченных на массивных стенах, в решетках на окнах. А Болонья выбрала трезвый, реалистический путь образования очень смолоду, много десятков лет назад, и это придает ее интеллекту особую, дорогую для нас черту.

В век увлечения техникой я всегда с большим уважением прохожу длинным рядом солидных зданий на Замбони — отделений знаменитого на весь мир университета: зоология, антропология, сравнительная анатомия, гистология, патология, гигиена, медицина (как искусство врачебное)... В прошлом Болонья славилась своими юристами; сейчас готовит врачей и хирургов. В то время как в Генуе господствуют инженер и техника, в Болонье — медицина и хирург.

Можно, разумеется, считать наш век инженерным веком, но даже если физике и технике удалось сдвинуть на второе место науки гуманитарные, они не смогли отодвинуть биологию, — и открытия в биологии не уступают по своему мировому значению и не меньше волнуют человечество, нежели открытия в физике. А это значит очень многое. Это придает техническому лицу эпохи смягчающее выражение великого социального гуманизма, а математико-абстрактному характеру мышления — живой материалистический оттенок.

2

Когда я поделилась всеми этими размышлениями с одним из своих болонских друзей, он сперва посоветовал мне уж не очень-то «идеализировать» и не увлекаться тем, что пишут в «гидах», а приглядеться к недовольству студентов, к студенческим демонстрациям, послушать рабочих, когда они ругают своего синдака за «подхалимаж» у кардиналов и Ватикана. Но потом он вдруг и сам загорелся и добавил от себя, что Болонья «все-таки передовая» — не только в медицине и в хирургии, а, например, в музыке:

«Где в Италии впервые была поставлена опера Вагнера? У нас, в болонском оперном театре. Он, между прочим, когда-то весь сгорел, а мы его полностью восстановили, каким он был при вашем Мысливечке. И сейчас намечается у нас в старом, оперном искусстве нечто новое. Сходите,

обязательно сходите послушать премьеру „Турка в Италии“, мы тут впервые воскрешаем эту оперу совсем молодого Россини... Но не думайте, что с помощью трюков или зауми какой-нибудь или вывертов наизнанку. А впрочем, молчу, — интересно, что вы сами найдете».

Я решила — будь что будет — непременно пойти не на премьеру, конечно, а на скромный дневной спектакль в воскресенье.

«Будь что будет» — потому что с оперой были у меня связаны довольно конфузные воспоминания. Когда, не глядя ни в афиши, ни в газеты, лишь бы только попасть в миланскую «Ля Скала», лишь бы послушать в ней хоть какую-нибудь оперу, я уселась в первом ряду (почти одна в нем!) этого знаменитого театра и с трепетом взглянула на сцену, глаза мои встретились с другой парой глаз, крайне удивленных: с дирижерского пульта смотрел на меня Кондрашин! В миланской «Ля Скала» в этот вечер не опера шла, а концерт из произведений Шостаковича и Прокофьева, под управлением нашего дирижера... Другой «оперный» опыт произошел у меня в Неаполе и тоже пять лет назад. Желая во что бы то ни стало попасть на премьеру в театр «Сан-Карло», где в XVIII веке царил мой Мысливечек со своими лучшими операми, я рискнула заплатить за место в первом ряду огромную (тогда) сумму — десять тысяч лир, но не учла одного: в партер «Сан-Карло», в день премьеры, без вечернего туалета никого не пускали, а вечернего туалета у меня не было. С некоторым колебанием подошла я поэтому к кассе «Театро Коммунале» и, распросив кассиршу, можно ли прийти запросто, в свитере, купила билет, неуверенная, поняла ли она что-нибудь из моих речей.

Наступило воскресенье. «Театро Коммунале», восстановленный точь-в-точь в том самом виде, каким он был двести лет назад, — уютно, боком стоит на маленькой площади. Люди в пальто и шляпах проходили по широким лестницам, празднично освещенным, и только снимали, как перед входом в церковь, у дверей в партер свои шляпы. Дамы в мехах (меха в Европе носят не столько из-за холода, сколько из снобизма) рассаживались рядом со мною, не снимая пальто. По мягкому ковровому проходу их всякий раз сопровождал на место человек восемнадцатого века: все служители были тут в белых чулках до колен в обтяжку, лакированных туфлях, коротких атласных штанах, камзолах и красных жилетах, словно век рококо надвинулся к нам из прошлого. Зал, воссозданный по рисунку 1756 года, уходил своим куполом высоко вверх, и хрустальная люстра бросала вниз очень мягкий, скользящий свет. Все в этом зале — от потолка до позолоченных орнаментов на ложах, от мягких кресел партера до многоярусной системы с галеркой, говорило о восемнадцатом веке, о родине оперного искусства, о той сказочной поэзии театра, которую мы знаем по нашей бывшей Мариинке в Ленинграде и по Большому в Москве; отсюда, из Европы, сверкающе праздничный тип этого театра начал свое странствование по всему миру.

Мне не пришлось конфузиться за свой свитер в демократической Болонье, — люди тут же, на спинках кресел, вешали свои пальто и шарфы, сворачивали трубкой плащи и, как в лондонских кино, совали их под сиденья; меха и брильянты никому не мешали, кроме тех, на ком они были. Я развернула программу. «Турок в Италии» написан двадцатидвухлетним Россини и первый раз появился на сцене «Ля Скала» в 1814 году. Тогда же он был освистан и жестоко провалился. Зрители приветствовали только певцов, а сконфуженного автора, сидевшего в оркестре за чембало (обычай, еще в то время не исчезнувший), никто не замечал.

На следующий день газеты презрительно писали, что «вульгарную буффонаду», вещь, которая еще туда-сюда сойдет в провинции, — нельзя ставить на столичных сценах. Так писалось на заре XIX века, называвшего вульгарной буффонадой вкусы и приемы прошлого, восемнадцатого века,

любившего в опере выводить народ на сцене, портовую толпу, цыган, праздных девиц и подгулявших моряков, а также шум и гам толпы, любящейся если не балетом, так цирковой акробатикой. Пьесу Феличе Романи, легшую в основу оперы Россини, называли грубым площадным фарсом. Содержанье ее (фривольная горожанка отбивает у цыганки богатого приезжего турка, а рогоносец-муж горожанки страдает вместе с брошенным ею прежним любовником) — еще целиком в духе комедий конца восемнадцатого века. Только в виде новшества Романи вставляет в действие оперы сухой речитатив (secco — тоже отголосок века рококо!) некоего «Иль поэто», введенного в пьесу как ее автор, участвующий в игре, верней, руководящий игрой на самой сцене.

Но даже и в то время у Россини оказался один восхищенный зритель, только один-единственный, — зато какой! Итальянцы звали его по-свойски Арриго Бейль. И был это Анри Бейль, известный всему читающему человечеству как Стендаль... Я вычитала историю «Турка...» в программе, пока не начался спектакль, а после окончания его, неподвижно просидев два акта в течение почти трех часов, я мысленно благодарила судьбу за редкостное, освежающее наслаждение, снявшее с меня всякую усталость, потому что оно не только пережилось, как счастье, но и зажгло мою мысль.

Говорят, отцы и дети хуже понимают друг друга, чем деды и внуки. Если смена поколений исторически конфликтна, то понимание через голову поколенья налицо не только в семьях, а и в культуре, в науке. С каким величайшим презреньем смотрел девятнадцатый век — «железный», по Блоку, на алхимию восемнадцатого, на его материализм, на его наивную музыку и наивные драмы Метастазиио. А мы сейчас смотрим в лицо людям восемнадцатого, нашим «дедам», с любовью и пониманием, и химия нашего века отнюдь не смеется над алхимией... Но это к слову.

Что нового сделали болонский театр и его режиссер Альдо Трионфео на сцене с «Турком...» Россини, если добрый знакомый посоветовал мне пойти на этот спектакль, как на нечто передовое в опорном искусстве? Поняла я это далеко не сразу. И поняла, может быть, по-своему — не так, как сами постановщики. Прежде всего — тут действительно не было никаких трюков, все происходило просто и реально, как обычная драма человеческих страстей; не было попытки дать условную портовую толпу, условных цыганят и девиц, — но и подчеркиванья «реальности» их, как делали когда-то наши «художественники», тоже совсем не было. Поэт, — чудесный актер Альберто Ринальди, — в одежде эпохи молодого Гёте, с тем же отблеском восемнадцатого века на ней, как на самом театре, расхаживал по сцене с тетрадью и карандашом в руках, всматривался в своих героев, говорил сам с собой своим «secco», записывал в тетрадку и направлял действие — сперва к драматической кульминации, потом к счастливому концу. Во всем этом как будто не было ничего нового, а, наоборот, отдавало традицией совсем так, как чудесной, — драгоценной на мой взгляд, — традиционностью пахнут спектакли Островского, особенно «Волки и овцы», в исполнении на сценах приволжских театров, в Ярославле, Костроме, Ульяновске... Однако что же освежило и сняло усталость — и держало в неослабном внимании три битых часа? В чем обнаружился новый подход к опере?

Завязка и развязка «Турка в Италии» заключена была, по-моему, в центральной сцене встречи мужа-рогоносца и турка, влюбленного в его жену. Добродушный и смешной муж любит свою легкомысленную жену; влюбленный турок хочет откупить ее у мужа. Два характера необычайно ярко отразились и засверкали в музыке, сопровождаемые высоким реализмом жестов на сцене: восточный элемент этой музыки зазвучал для меня у Россини так знакомо, словно сам Россини слышался наших дудуков и сазандарей. Родной для моего уха ритм весь перевоплотился в

отрывистые, страстные движения турка, в ту цепь удивительно точных нюансов при вставании, сгибе ладоней, присаживании на корточках, мимике, какая неоспоримо передает для нас атмосферу и типаж Востока. Привычное россинневское острое стаккато, быстрая скороговорка (знакомая нам по «Севильскому цирюльнику») — и в ответ ей задушевные, чуть тронутые знаком вопроса европейские арии — создали удивительную сцену, где турок и муж-рогоносец разговаривают, не понимая друг друга. Турок хочет купить у мужа его жену за золото, считая это обыкновенной честной операцией. Муж не понимает, чего хочет турок, он не понимает, что *можно купить человека у человека...* И вдруг опера-буфф, написанная свыше полутора столетий назад, раскрывает в гениальной музыке и в глубокой игре певцов, что она вовсе не пустяк на один вечер, вовсе не чередование «номеров» на сцене, а настоящая интересная пьеса. Ее завязка — как я уже сказала — таит в себе и развязку. С легкомысленной жены спадает ее увлечение, она тянется назад, к мужу, туда, где обнаружилось уважение к ней, как к человеку, или, переводя на сухой язык наших дней, туда, где для нее — знакомый мир привычных социальных отношений.

Все это, повторяю, субъективное восприятие оперы. Но один вопрос всплыл у меня над всеми впечатлениями: условность искусства прошлого, скажем — опера XVIII века с ее типизированными персонажами, — была ли она *условностью* в восприятии этого искусства современниками или творцами самих этих опер? То есть сидел ли автор, грызя ручку, чтоб преднамеренно сочинить именно абстрактно- типовые фигуры, которые потом получили бы хождение, как типовые маски? И сидели ль зрители в театре, воспринимая зрелище именно как абстрактно- типовое, намеренно- условное? А не выросла ли «условность» и не возникло ли представление об условности гораздо позднее, сквозь призму времени? Да и что такое «условность», все эти бесконечные споры и разговоры конца девятнадцатого века о масках, о «Comedia del Arte», о персонифицированных человеческих «качествах вообще», абстрактных типах, отвлеченных от конкретных множеств, как некие общие черты, связанные — по условной договоренности между собой (чтоб легче было строить выдуманную «реальность») — лишь — *логической формальной* связью? Короче говоря — существовала ли такая преднамеренная условность в эпоху, когда эти вещи, воспринимаемые нами нынче как условные, создавались? И не есть ли это aberrация позднейшего времени? Захваченная такими мыслями, я дошла вдруг до открытия, в чем новизна спектакля, созданного болонским «Театро Коммунале».

3

Я дошла до него не в театре и не сразу, а за своим шатким столиком в гостинице, где работала по утрам над привезенными с собой выписками. Я вздумала вообразить себя древним греком. Сижу я, древний грек, в театре и смотрю на всякие там «облака» и «лягушки» Аристофана. Вокруг меня хохот, и сама я хохочу до колик. Так было. Но разве мог бы древний грек хохотать над абстрактными облаками, связанными между собой формальной связью? Что ему Гекуба и что он Гекубе? Чтоб искусство — даже аллегорическое, даже замаскированное — могло задевать и захватывать зрителя, приводить его к резкой эмоциональной разрядке, оно должно покоиться не на формально-логических, а на *конкретно-социальных связях*, которые зритель узнает и которыми может заинтересоваться.

Новизна, с какой сумел болонский театр воскресить старика Россини, и заключается, по-моему, в том, что постановщик не поверил в «преднамеренную условность» далекого искусства прошлого. Он взглянул на шуточные, мелодраматические коллизии старой оперы, как на выросшие в

тогдашней реальной обстановке и передавшие тогдашнюю реальную разницу двух социальных систем, которая и породила, в свою очередь, две конкретные психологии — мужа-европейца и турка, владельца гарема. Он, болонский театр, снял с наших глаз и слуха «чувство условности», словно катаракту, отнюдь для этого не прибегнув ни к каким навязчивым дидактизмам и натурализмам, а только глубже раскрыв текст и музыку, то есть то, с чем опера и была написана.

Выписки, привезенные мною в Италию, были главным образом из переписки Ленина с Горьким — и одно место, меньше всего известное и даже, кажется, не попавшее в сборники, посвященное ленинским высказываниям об искусстве, — неотступно стояло передо мной, когда я думала о болонском спектакле.

Напомню читателю, что самый достоверный свидетель жизни Ленина, Крупская, спустя шесть лет после его смерти, в мае 1930 года, в своем письме к Горькому оставила нам доказательство особой важности этой переписки: «Знаете, Владимир Ильич очень любил Вас... Когда Вы приехали, мне ужасно хотелось поговорить с Вами об Ильиче, попросту по-бабьи пореветь в Вашем присутствии, в присутствии человека, с которым Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо». ¹²⁴ Горький, по словам этого письма, был человеком, с которым Ленин *говорил о себе больше, чем с кем-либо*. О себе — не значит, разумеется, что Ленин рассказывал Горькому о своем прошлом, своих чувствах, своих житейских радостях и горестях. О себе — по духу письма Крупской значит «раскрывал себя»: в суждениях о людях, о работе, о событиях, то есть обо всем, что происходило, больше, чем перед другими.

И вот голосом этой большой внутренней интимности, когда Ленин спорит с Горьким, — очень осторожно, стараясь не травмировать его, а в то же время предельно точно, чтоб не оставлять его в заблуждении, — о непримиримом расколе между ним и «впередовцами» по философским вопросам, он неожиданно высказывается и об искусстве. Ловя с величайшим добродушием Горького на противоречиях («некругло у Вас выходит» — дважды в письме это словечко «некругло»), — Ленин вдруг сам высказывается что-то «некругло», словно самому себе противореча. Так как это место очень важно, а в цитате оно выглядит очень сложно, я остановлюсь на нем подробно.

Горький, силясь примирить дорогих ему людей, — Луначарского и Богданова, — с Лениным, а в то же время понимая, что он плохо разбирается в существе раскола и сам этот раскол не кажется ему уж очень необходимым или важным, — договаривается до фразы: «Людей понимаю, а дела их не понимаю». Ленин отвечает ему с той своей всегдашней стремительностью, с какой слова у него льются на бумагу: «Ошибаетесь Вы насчет теперешнего раскола и справедливо говорите: „людей понимаю, а дела их не понимаю“». ¹²⁵ Написал это Ильич и тут же увидел, что не то написал, не то, что хотел, «справедливо»-то относится, собственно, не к самой фразе и даже... даже не то слово, а если подумать — наоборот! И около слова «справедливо» Ленин ставит звездочку, а в сноске пишет: «Добавление насчет „справедливо“: оговариваюсь. Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Если б он ограничился только этой гениальнейшей оговоркой, а верней, полным разносом признания Горького, полным отрицанием пониманья людей у Горького, раз тот не понимает их дел, — перед нами была бы законченная формула

---

¹²⁴ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд-во АН СССР, М., 1961, с. 219–220.

¹²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

материалистической теории искусства. Но великодушный и деликатный Ильич захотел обстоятельней развить то, что он лично считал важным критерием искусства, и добавил: «Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не смысл борьбы, не *значение* ее партийное и политическое». ¹²⁶

Поскольку я обещала читателю содрать с себя корку официального «страха божия» и не бояться впасть даже в такую «ересь», как разбор сказанного Ильичем, как если б он был обыкновенным человеком, я выскажу тут нормальное свое мнение, что Ильич вдруг добавленьем уничтожил сказанное раньше и как бы вместо оговорки — повторил Горького! Ну разве фраза «можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое» — не то же самое, что сказал Горький — «людей понимаю, а дела их не понимаю»? Совершенно то же самое, и если б Ильич действительно согласился с такой формулой, он не стал бы и оговорку писать. А он написал, и я повторяю ее, на этот раз прибегнув к собственному подчеркиванию: «Не понимая *дел*, нельзя понять и *людей* иначе, как... *внешне*».

Сейчас объясню читателю, почему я придаю такое огромное значение мысли Ленина, сказанной в виде оговорки, — в ее первой части. Но до этого хочу попытаться объяснить противоречие, в которое тут впал сам Ленин. Может быть, он не мог позволить себе сказать крупному художнику, что тот не понимает подлинной психологии людей, если не вник в глубокий политический смысл борьбы, в которой эти люди участвуют, — и сказал это обратным ходом, переведя центр тяжести вопроса с «людей» на «борьбу», то есть на их «дело». Может быть, тут просто, от спешки, с какой добавлялась оговорка, произошли переползание смысла и синтаксическая перевернутость. Но что бы там ни было, факт остается фактом. Ленин прежде всего сказал (и этого топором не вырубешь): «Не понимая *дел*, нельзя понять и *людей* иначе, как... *внешне*».

Для меня это краеугольный камень эстетики Ленина, его понимание лепки художественного образа в литературе. Только лишь обличье человека, восприятие его по признакам, открытым для всех, — ну, скажем, — на улице, на скамейке в парке, на фотографии и даже — при разговоре, в гостях, в вагоне поезда (хотя и тут не остается человек без дела в прямом смысле слова, то есть без пассивного участия своего в каком-то общем движении) — не может привести к глубинному пониманию психологии этого человека, а разве что к конкретным штрихам условного в целом портрета, — к «*внешнему образу*». Большой советский актер спросил у меня как-то: пробовали вы, сидя в театре, разгадывать для себя настоящий характер актера, каков он в жизни, когда видите его игру на сцене? Должно быть, он и сам, спрашивая это, не понял, какую глубокую и очень сложную вещь сказал, — ведь не только остроумная тренировка наблюдательности, а еще и дар диалектики нужны для такой разгадки, — поскольку «*игра на сцене*» — дело жизни актера...

Мы сами себя не очень знаем, мучаемся то неверием в себя, то преувеличеньем своих возможностей, — с тех незапамятных времен, когда древний философ выставил трудную задачу для нашего самоэкзамена: «познай самого себя». А мудрейший поэт человечества, Гёте, решил эту задачу очень просто, он ответил: *начни действовать и ты сразу поймешь, что в тебе есть, на что ты годен*. Ленин (как, кстати, не однажды) совпал тут — в своей формулировке познания людей — в точности с Гёте. Но только действие, дело он понимал глубже, не «общечеловечно», а по-марксистски, корнями, уходящими в экономику, в класс, в производственные отношения, а не

---

¹²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221. (Курсив Ленина. — М. Ш.)

только в одни производительные силы. Мне хочется привести тут пример, на который приходилось и в прошлом ссылаться.

Однажды чудесная советская писательница на большом собрании заявила, что художнику не надо знать экономические законы или торговлю, чтоб создать художественный образ. Я тогда ответила ей (экспромтом в ту минуту и много, много раз сознательно в последующие разы, как и сейчас): а как же лучший русский писатель после Пушкина, — Гоголь, — настойчиво просил у друзей и знакомых, когда засел за «Мертвые души», книг по статистике, экономике, о русском сельском хозяйстве? Отнюдь не потому только, что хотел знать последние данные о помещичьих усадьбах на Руси, по которым собирался поехать вместе со своим Чичиковым, это — само собой. И не потому только, что его интересовала механика взятия подушных налогов за крестьян у помещика. Это — тоже само собой, ведь он должен был знать, прекращается ли налог за «душу» сразу, как эта душа помрет, или надо помещику платить и за мертвого до новой «ревизской сказки», ведь на этом был построен весь его замысел, на это именно, как на удивительный казус, полный необыкновенных возможностей для романа, — обратил его внимание Пушкин. Но роль Гоголя, как великого творца-художника, вовсе не исчерпывалась этими, как мы их назвали бы сейчас, техническими моментами. Гоголь оставил нам галерею бессмертных художественных образов, — я не представляю себе ни единого грамотного человека в нашей стране, кто, прочитав «Мертвые души», при одном только упоминании имен: Коробочка, Собакевич, Манилов, Чичиков, — не представил бы их себе, как живых, с плотью и кровью той человеческой особенности, какую мы именуем характером. Как живых — а не внешне-условно.

Однако же разберемся аналитически, чем и в чем достиг Гоголь этой бессмертной передачи живого человеческого характера? Описаньем главного *дела* их встречи: *купли-продажи*. Уберите из романа страницы, где Манилов, в результате туманного «заумного» философствования, мягкотело отдает свои «мертвые души» — витающие в его мозгу где-то абстрактно — задаром Чичикову; вычеркните сцену, где, на первый взгляд, добродушная, но кулачиха до мозга костей, Коробочка, понимающая своих мертвых крестьян, как материальные трупы и кости в земле, изматывает Чичикова своей нерешительностью: «Право... мое такое неопытное вдовье дело: лучше я маненько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам»; снимите у Собакевича, прожженного дельца, во всем любящего прочность, как он торгуется с Чичиковым: «Вам нужно мертвых душ? — ...без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе» — и тут же запрашивает за мертвую душу аховую цену — сто рублей. Для него эти души, поскольку они понадобились, — товар, он перечисляет их качества: «Милушкин, кирпичник: мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного! А Еремей Сорокоплёхин!.. в Москве торговал, одного оброку приносил...».¹²⁷ И на все конфузливые напоминания Чичикова, что ведь это, так сказать, мертвые, «неосвязаемый чувствами звук», «предмет просто фу-фу... кому нужен?» — он отвечает: «Да вот вы же покупаете, стало быть, нужен». Попробуйте убрать все эти сценки торговли — и тогда образы, словно из камня выточенные в вашей памяти, вдруг сразу обмякнут, потеряют характер, станут более или менее общими, внешними. Бессмертно, в полноте характеристики, возникают они именно в момент купли-продажи. А вместе с ними возникает картина всей русской крепостной деревни до реформы, весь конкретный исторический уклад отсталой русской экономики. «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне».

---

¹²⁷ Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. 5, Госполитиздат, М., 1953, с. 55, 106, 107 и др.

Обратил ли Горький особое внимание на эту фразу в письме Ленина? У нас есть важные свидетельства. Весной 1930 года готовилось к печати новое издание воспоминаний Горького о Ленине. Но вот Горький получил уже упомянутое мною письмо Надежды Константиновны от 25 мая. И он делает вещь, показывающую, как глубоко отозвалось в нем это письмо, — он пишет 20 июня своему секретарю: «Я предлагаю задержать выпуск воспоминаний, потому что могу дополнить их теперь, имея в руках письмо Н. К. Крупской, в котором она свидетельствует, что со мною „Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо“». ¹²⁸

Чем же он хочет дополнить свои воспоминания?

В этот же год, 1930-й, Горький набрасывает хранящиеся сейчас в архиве «Заметки», где есть очень важное место о Ленине. Это место показывает, что Горький правильно понял Крупскую, именно так, как сказано мною выше: для Ленина говорить о себе — не значило делиться интимными личными горем-радостью, а полнее, откровеннее раскрывать себя в своих мыслях и суждениях о вещах. Именно в этом смысле напрягает Горький свою память, стараясь припомнить — чтоб не исчезло! — как раскрывался Ильич перед ним в своих внутренних настроениях, какие удивительные, необычные мысли высказывал. Он припомнил встречу с Лениным у Екатерины Павловны Пешковой 20 октября 1920 года в Москве. Я приведу ее почти всю. Начинает Горький сокрушенно, как исповедь-покаяние.

«Люди читали, учились, а я, начиная с 907 года, усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики той интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии. Это — тяжелая работа, но я должен был сделать ее для того, чтоб знать по возможности все, что может отравить, задержать рост революционного правосознания пролетариата. Сколько подлого и глупого прочитано мною! И остались непрочитанными умнейшие статьи Ильича, друга, учителя, так трогательно заботливо относившегося ко мне.

Когда у Екатерины Павловны я сказал ему об этом, он засмеялся и ответил:

— А — я? Гегеля не успел проработать как следует. Да — что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать. Я вовсе не оправдываю вас и себя тоже. Но ваше дело все-таки другое. Не по существу, а по форме. Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот — разница.

И — великодушно похвалил:

— Зато дела дурацкие вы знаете назубок. Слушая ваши рассказы, даже боишься: не успеет написать». ¹²⁹

Тут Ленин — за три с лишним года до своей смерти — с удивительной силой указывает разницу между политиком и художником. Чтоб создать художественный образ «дурака», писатель должен

---

¹²⁸ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 446.

¹²⁹ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 316.

«дураком вообразить себя», а для этого — напитаться «дурацкими делами». Новая ли это мысль у Ленина? Впервые ли он так категорично делит («не по существу, а по форме») работу политика и работу художника? Нет, еще в самом начале их дружбы с Горьким, в разгар борьбы с идеалистическими тенденциями «впередовцев», Горький присылает в газету «Пролетарий» (которая, по мнению Ленина, должна оставаться абсолютно нейтральной к расхождению большевиков в философии) статью, излагающую взгляды только одного течения — богдановского, враждебного Ленину. И что же пишет Ленин Горькому, отклоняя его статью, в острую минуту, когда сам он «прямо бесновался от негодования», читая «эмпириокритиков, эмпириомонистов и эмпириосимволистов», — что пишет он писателю пролетариата? Вот что:

«Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того, я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая *этого* рода воззрения и из своего художественного опыта и *из философии хотя бы идеалистической*, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу». ¹³⁰

«Пролетарий», орган политический, должен идти своим, политическим путем, не печатая фракционного материала. Но художник, писатель Горький, может извлекать свой опыт из любого источника, хотя бы из *идеалистической философии* (Ленин даже подчеркивает — идеалистическую философию!), потому что он может извлечь для себя из нее нечто, необходимое в его творчестве, приносящее в итоге пользу рабочей партии, — огромную пользу, как пишет Ленин. Художник, чтоб создавать образы, должен осваивать почву, питающую эти образы, — иначе вряд ли будут они реальными.

Мне вспоминается тут, к слову сказать, письмо Блока, где, критикуя раннюю мою пьесу, он пишет мне, что для правильного изображения отрицательных персонажей надо в них «сатирически влюбиться». Это как будто «из другой оперы», но по существу исходит из того же глубинного понимания художественного творчества, огромной силы бесстрашного знания, знания до влюбленности, знания до перевоплощения в изображаемого человека. Политик, руководитель, стратег дураком вообразить себя не имеет права; он органически не смеет влюбиться в дурака — до самоперевоплощения в него; а художник должен и смеет, иначе он никогда не покажет дурака в искусстве.

Ленин широко понимает это, он широко открывает двери всяческой информации и всяческим «любвям до перевоплощения» — для творческого работника. Заметки, в которых Горький силился восстановить в памяти сказанное ему Лениным, говорят о *профессиональном* характере восстановленных слов, об отношении их к *психологии творчества* писателя и к так называемой *специфике* этого творчества. Но, кроме сказанного Лениным у Пешковой: «Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот разница», — Ленин добавляет (и Горькому кажется, что это из великодушного желания похвалить): «Зато дела дурацкие вы знаете назубок». Такое коротенькое добавление! А между тем оно в точности совпадает с ленинской формулой: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне».

Помню, когда я впервые, несколько лет назад, начала читать «Клима Самгина», я испытала странное чувство невыносимой сухости от непрерывного, бездейственного говорения множества

---

¹³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 143. (Курсив Ленина. — М. Ш.)

персонажей, почти нигде не показанных Горьким во время их профессиональных, служебных, общественных занятий, то есть когда они что-нибудь *делали бы*, — а только в бесплодном словоговорении. Особенно это относилось к Самгину, молчаливо и тоже совершенно бездейственно пребывающему в центре словоговорения, иногда, не слушая собеседника, поглощенному в безостановочный самоанализ. Даже когда по ходу романа он должен поступить на службу в Земгорсоюз, в тексте появляется пропуск. Комментарий к роману говорит: «Объясняется этот пропуск тем, что Алексей Максимович, нуждаясь в каких-то дополнительных справках, отложил написание этих сцен, перейдя непосредственно к дальнейшему изложению».¹³¹ Но и в первых трех книгах герои этой многонаселенной гигантской эпопеи почти не действуют, а только говорят; даже положительные образы, эсдеки (социал-демократы), проходят по страницам, лишь роняя слова.

Правда, в первой книге происходит событие, прямым участником которого становится Клим Самгин. Его товарищ детских игр, мальчик Борис, катаясь с ним на коньках, тонет в полынье. Клим ползет к ней, а из воды, моля о спасении, протягиваются ему навстречу красные, израненные об лед руки тонущего мальчика. Он — из трусости не доползает, не спасает товарища. Действие со знаком минус. Однако все же действие. И вот, в продолжение всего романа, эта реальная рука реально тонущего товарища медленно теряет свою реальность, принимая в воспоминаниях Самгина иллюзорный характер: «да был ли мальчик-то?» Реальный лейтмотив романа как бы переворачивается к вам спиной, становясь иллюзией... Сознательно ли избрал Горький такой прием для медленного развенчивания Самгина, не воплотившего себя перед читателем ни в одном акте человеческой деятельности, кроме серии любовных связей?

Тут невольно приходят в голову собственные слова Горького, как он, «начиная с 907 года, усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики той интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии», — и навстречу этому самопризнанию встает ответ Ленина: «Зато дела дурацкие вы знаете назубок». Не в великодушную похвалу, как подумалось Горькому, — это сказано было гораздо глубже и серьезней. Огромный книжный материал, — и притом односторонний, — глыбой навис над широчайшим полотном, призванным воссоздать не узкий круг, а несколько десятилетий важнейшей эпохи в русской предреволюционной жизни. И многие из нас, горячо любивших Горького, как любят свежий ветер, ворвавшийся в форточку, как раз в эти же годы, в эти же предреволюционные дни, молча спрашивали себя, вспоминая свои счастливые слезы над его страницами: где же тут Горький, создавший «Мать», «Страсти-мордасти», «Рождение человека», «Фому Гордеева»? Где тут биение сердца Горького? Его умение увидеть лилию на мусорной куче, свет в темноте?

Биографические «Заметки», в которых Горький силился восстановить сказанное ему Лениным, писались как раз в те годы, когда он заканчивал четвертую часть «Клима Самгина». Как известно, роман этот остался неоконченным... Но не совсем. И тут, как мне кажется, можно услышать отголоски сказанных Горькому ленинских слов.

В архиве Горького нашлись отдельные наброски и отрывочки, относящиеся к концу романа, доведенному до Октябрьской революции: сцены приезда Ленина в Петербург, Ленин в понимании народа, Ленин, каким он кажется интеллигенции и Климу Самгину; сцены финала, и, напоследок, даже конец, так и озаглавленный «Конец» с большой буквы, — очень страшный.

---

¹³¹ М. Горький. Собр. соч., т. 22, с. 556–557.

Я напомню его читателю, но сперва несколько слов об одном отрывочке.

В потоке имен гигантской эпопеи есть имя, как будто малозначащее: Любаша. Простая девушка, стихийно, по классовой принадлежности своей, тянущаяся к революционерам. Горький выделяет ее и вот что пишет о ней в своем отрывке:

«Любаша... померла. Скончалась. Не идет к ней — померла. Зря жила девушка. Рубашки эсерам шила и чинила, а ей надо бы на заводах, на фабр[иках] работать».¹³²

Кто это говорит? Самгин? Нет, это говорит Горький, пожалевший действенное лицо своего романа. Он хотел бы дать ей настоящее дело, он чтит ее словом «скончалась», потому что Любаше, труженице, как-то не идет менее уважительное слово «померла». И вот мы подходим к сценке, озаглавленной «Конец»:

«— Уйди! Уйди с дороги, таракан. И — ох, тар-ракан!
Он отставил ногу назад, размахнулся ею и ударил Самгина в живот...
Ревел густым басом:
— Делай свое дело, делай!
— Порядок, товарищи, пор-рядок. Порядка хотите.
Мешок костей.
С[амгин].
Грязный мешок, наполненный мелкими, угловатыми вещами.
Кровь текла из-под шапки и еще откуда-то, у ног его росла кровавая лужа,
и казалось, что он тает.
Женщина наклонилась и попробовала пальцем прикрыть глаз, но ей не
удалось это, тогда она взяла дощечку от разбитого снарядного ящика, положила
ее на щеку».¹³³

Тут все страшно. Почему «тар-ракан» в адрес Самгина? Не совсем обычное ругательство для униженья человека... Но приходит в память выражение «лучше маленькая рыбка, чем большой таракан»,¹³⁴ употребленное Лениным в письме к Горькому, — не оно ли всплыло из подсознания писателя? И это убийственное «делай свое дело, делай» — трижды корень от «делать», наконец-то появившийся — для уничтоженья бездельника Самгина. И — грязный мешок с костями. Жутко расправился Горький с созданным им на тысячах страниц персонажем. Есть и еще одна деталь: не два глаза, только один глаз оказался открытым у мертвого. Врачи сказали бы, что эта асимметрия (один закрылся, другой остался открытым) встречается чаще всего у сифилитиков. Сколько нужно было ненависти к своему герою, чтоб, еще не дописав книгу, создать (сознательно? интуитивно?) такую деталь и набросать заранее такой полный, такой страшный его конец...

---

¹³² М. Горький. Собр. соч., т. 22, с. 551.

¹³³ М. Горький. Собр. соч., т. 22, с. 552.

¹³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 154.

День уже угасал в Болонье, когда я вышла проститься с городом. Мне было отрадно, что и он, этот любимый мной город в Италии, чем-то вмещался и обогатил мою тему, которой я жила мысленно все эти дни.

Среди итальянских городов Болонья стоит особняком. Другие захватывают вас отдельными красотами — соборными площадями с их «дуомами» и «кампаниллами», всякий раз неповторимо разными, как во Франции, Падуе, Павии, Парме; громадинами средневековых замков-крепостей, давящих своей квадратной массивностью хрупкие современные улицы вокруг, как в Милане; остатками античных руин, словно зубами гигантов прорезывающими уличный асфальт, как в Вероне; перламутровым таяньем воды и неба и кружевными фасадами истертых временем дворцов, как в Венеции... Но Болонья — особая. Она — вся. То есть вся она целая, как бы из одного куска. У нее в центре, как на окраинах, один и тот же колорит багрового оттенка, как у заходящего при сильном ветре солнца.

Быть может, оттого, что в центре ее стоит статуя Нептуна, держащего трезубец, Болонья всегда напоминает мне что-то геральдическое, — старинные гербы на щитах и всякие символы-эмблемы на фасадах, печатках, гробницах, во всей их колючей витиеватости, в самоутверждении их остроконечных форм, — когда еще ничто смягчающее, ничто чувственное не коснулось этих жестких орлиных клювов, рыцарей в железных наколенниках, скрещенных мечей и пик. Но несмотря на колючий облик, — как хорошо и просто жилось в Болонье! И мне захотелось тихонько бросить монетку («на возвращенье») в дивный бассейн у ног Нептуна, как делают с фонтаном Треви туристы в Риме.

III. Сорренто

*...Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, wie ich liede.*

Goethe¹³⁵

1

Ехать на машине из Неаполя в Сорренто — сплошное мученье. Спутник, сидящий у баранки, начинает вас ненавидеть. Я раздумывала в дороге, почему. Откуда у водителя рождается ненависть к седоку? И поняла, что сам ты — сидишь и больше ничего, сидишь и думаешь, может быть, даже нос уткнул в прихваченную желтую итальянскую книжонку (дешевые детективы так и зовутся в Италии желтыми, джалло). А водитель переживает драму непрерывной аритмии, худшей,

---

135

...И если человек немеет в скорби, —
Мне бог судил сказать, как я страдаю.

Гёте, «Торквато Тассо».

Goethe's sämmtliche Werke. Zwölfter Band, Reclam — Verlag, s. 126.

чем сердечная. Дело в том, что все дороги на выезде из Неаполя, даже в раннее утро, почти в ночь, забиты машинами до полной непроходимости, как кишки. Двигаешься не только шагом, — счастливые пешеходы давно обогнали вас, и — вон они где, уже за поворотом! Двигаешься — толчками. Шаг вперед — стоп, два шага — стоп. И эта страшная аритмия длится час, и два, и три. С ненавистью косит на вас глаз водитель: захотела ехать машиной!

А мне действительно было отнюдь не плохо. Я сидела и думала. Отсутствие дорожных впечатлений справа и слева, спереди и сзади, почти не менявшихся у вас на глазах, не мешало, а помогало развитию мыслей. Я думала о двух людях, очень близких друг другу, но сознавших (или, может быть, только почувствовавших) степень этой близости лишь перед самой своей смертью. Вокруг, хоть и стиснувшее нас боками и носами автомобилей, было преддверие рождества; сама неистовость этого «движенья толчком» говорила о кануне рождественского праздника: на ежемгновенных стоянках ухитрялись пробираться к сидящим в машинах безумные лоточники со всевозможным удешевленным товаром; поперечные ленты плакатов кричали над дорогой: «Доброе рождество! Доброе рождество!» — а я думала о том, как два близких друг другу человека — умирали. Они удивительно умирали.

Я везла с собой, разумеется, не джало. В сумке у меня лежала свернутая тетрадь записей из нужных книг, которые, по толщине их, невозможно было захватить за рубеж. Записи эти и читать не стоило, я знала их наизусть, знала так, что глазами видела, о чем они говорят. Глазами видела, как первая из них писалась — с бегущими по щекам слезами у того, кто писал, потому со слезами, что и сейчас, читая ее, плачешь.

«Дорогой Алексей Максимович, похоронили мы вчера Владимира Ильича, писала Крупская Горькому. — ...Около газеты, которую мы читали каждый день, у нас шла беседа. Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: „Что, что?“ ... И еще. В книжке Гильбо он нашел ссылку на Вашу статью о Ленине от 18-го года,¹³⁶ помещенную в Коммунистическом Интернационале, и попросил перечитать ему эту статью. Когда я читала ему ее — он слушал с глубоким вниманием...»¹³⁷

Шесть лет прошло с тех пор, как Надежда Константиновна писала это, а слезы еще не были выплаканы — ни у нее, ни у тех, кто пошел за Лениным. 25 мая 1930 года она опять пишет Горькому: «...Когда Вы приехали, мне ужасно хотелось поговорить с Вами об Ильиче, попросту побабьи пореветь в Вашем присутствии, в присутствии человека, с которым Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо... И все вспоминалось мне, — я раз уже писала Вам об этом, — как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал...»¹³⁸

---

¹³⁶ Описка самой Надежды Константиновны: 20-го года.

¹³⁷ Журнал «Октябрь», июнь 1941 года, с. 20; «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 218–219.

¹³⁸ Журнал «Октябрь», июнь 1941 года, с. 22.

Спустя двенадцать лет после ухода Ленина умирал и Горький. Тот Горький, кто говорил сам о себе, что питает «органическое отвращение к политике»,¹³⁹ кого огрехи революции, непониманье необходимых ее жестокостей, злобные стенанья буржуазной интеллигенции, голод и неразбериха в Петрограде, уже не столице, но полном столичной мути, — оттолкнули от первых лет Октября, грозных, но таких захватывающе счастливых своей нравственной силой; Горький, кто отдалился от Ленина и большевиков, а потом, — вернувшись, в тридцатых годах был действительно с ними и, по словам Крупской, «по уши в политике, пишет горячие публицистические статьи, видит рабочих, сколько хочет»,¹⁴⁰ — этот живой, любимый Горький был при смерти. Вокруг его смертной постели тоже стоял мысленно советский народ. Но реально — был с ним один из самых тонких и умных врачей-физиологов, А. Д. Сперанский. Он дежурил у Горького в последние ночи и, когда Горький умер, напечатал в «Правде», чему был свидетелем в эти часы ночных бдений.

По его словам, умирающий «несколько раз вспоминал Ленина. Однажды ночью начал рассказывать о первой с ним встрече: „Я об этом не писал, да, кажется, и не говорил. Увиделись мы в Петербурге, не помню где. Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом и ухватками мордвина. Сначала как-то все не шло у нас, а потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись и сразу обоим стало легко говорить...“»¹⁴¹

Умирающий Ленин думал о Горьком, «подводя итоги жизни», и ему захотелось перечислить, что написал о нем Горький в своей статье. Умирающий Горький думал о Ленине, и ему захотелось высказать то, о чем он еще никому не говорил и написать не успел, — как они в первый раз встретились, один маленький, лысый, с лукавством в глазах, а другой — неуклюжий, большой, скуластый, как мордвин, поглядели друг на друга внимательней, — раньше «не шло», а тут засмеялись и все стало легко. У Ленина — через мысль, у Горького — через пластику образов, — такова удивительная предсмертная «встреча памятью» двух людей, кончающих жизнь. Она так знаменательна в биографии обоих, что хочешь углубиться в нее, подумать о ней, как о заданной жизнью загадке.

И прежде всего: о чем говорила статья Горького, написанная в июле 1920 года — еще при жизни Ленина — и тогда же, в 12-м номере «Коммунистического Интернационала» напечатанная? Что заставило тяжело больного, умирающего Ленина все свое внимание напрячь, слушая эту статью, и глядеть вдаль, в окно, как бы подводя «итоги жизни»?

Горький писал о Ленине, как о романтике, об утописте, о человеке, видевшем впереди чудесный мир счастья всего человечества: «...я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастье всех людей, о светлой, радостной жизни... Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен назвать „узко практическими“, но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина —

---

¹³⁹ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 257.

¹⁴⁰ «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Госполитиздат, 1955, с. 40.

¹⁴¹ «Правда», 20 июня 1936 года.

общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля...». ¹⁴²

Надежде Константиновне казалось: в эти последние часы жизни (оставалось ее, если судить по Летописи, подготовленной Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, во всяком случае не больше, чем две трети месяца, а возможно, и несколько дней) Ленин, слушая статью Горького, подводил итоги жизни и думал об авторе статьи. Читателю сейчас, после знакомства со статьей Горького, кажется, что Ленин весь ушел мыслью в будущее, в светлый мир счастья человечества. Но возможно и третье, и это третье — вероятней всего, ведь Ленин захотел перечесть, что написал Горький *о нем самом, о Ленине*, написал еще при его жизни. Вряд ли, слушая слово друга о себе, представляя его словами свой путь человеческий, личный путь одного из миллионов людей, — если не «на отдыхе», то — перед вечным отдыхом, перед уходом в небытие, — не оглянулся Ленин *на себя самого*, не задумался о своем прошлом и о себе, как о *человеке*, мыслившем, боровшемся, страдавшем, любившем, чувствовавшем...

Могут возразить мне, что это лишь домысел, — и заглянуть в душу Ленина, когда он умирал, ни для кого невозможно. Однако есть очень веское обстоятельство в пользу именно этого «третьего». Читатель обратил, конечно, внимание на слова Надежды Константиновны «попросил *перечесть*». Статья Горького «Владимир Ильич Ленин» была *прочитана* Лениным уже три года назад, когда она появилась в печати. Сомнения в этом быть не может, потому что она тогда же вызвала у него очень бурную реакцию недовольства и специальное решение Центрального Комитета. Вот что пишет об этом А. А. Андреев в своих воспоминаниях: когда появились статья и вдобавок письмо Горького к Уэллсу (в том же номере напечатанное), содержащие, кроме высокой хвалы Ленину в первой статье, еще и неверные положения о русском крестьянстве, о взаимоотношении Востока и Запада, и т. д., в письме к Уэллсу, — Ленин был *возмущен*. Он «*потребовал строгого решения ЦК, указывающего на неуместность подобных статей и запрещающего впредь помещать их в журнале. Такое решение по предложению Ленина было принято*». ¹⁴³

В проекте этого решения имеются такие слова: «...ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *анти* коммунистического». ¹⁴⁴

Мог ли Владимир Ильич забыть и это решение, и свою бурную реакцию на хвалебный тон статьи? Вряд ли. Почему же вдруг, спустя три года, тяжело больной, не могший ни говорить, ни читать, а только слушать, как читают ему вслух, захотел он снова воскресить в памяти слова о нем Горького? Ведь не для политически неверных мест, чтоб повторить мысленно свое осуждение? Не для недовольства «высокой оценкой», показавшейся ему в первом же чтении неуместной? Заглянуть в тот миг в его душу было нельзя, но Надежда Константиновна глядела в его лицо, — хорошее, задумчивое, отнюдь не возмущенное: «Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал...»

---

¹⁴² «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, с. 1932–1933.

¹⁴³ Журнал «Коммунист», 1956, № 5, с. 56. (Подчеркнуто мною. — М. Ш.) Мотивировка Ленина — «неуместность подобных статей... в журнале» — говорит о том, что возмущение его вызвано было не только «неверными положениями», но и хвалебными фразами Горького в его адрес.

¹⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 429.

А ведь — вспомним — с каким огромным грузом на плечах должен был уходить Ленин из жизни! Он оставлял за собой созданный им, недостроенный новый мир и огромные трудности его сохранения и развития; он знал, что за дверями ждут от него его верные соратники указания, совета, помощи; он о каждом из них глубоко задумывался в последние годы, каждого как бы остерег и предупредил анализом его достоинств и недостатков о степени пригодности для революционной работы; и, наконец, он сердцем чувствовал, не мог не чувствовать горячую боль и тревогу дорогих ему — жены, сестры... сколько всего! А между тем — взгляд, уходящий вдаль, в окно, — словно не в будущее, а — в *прошедшее*, тишина памяти. Словно набег волны Времени *поверх всего* — поднял и понес память не от себя к миру, а от мира к себе, может быть, в первый раз с вопросом — какой я, какова прожитая жизнь, каким представляет меня воображение художника, друга.

Горький тоже оставлял за собой груз недоделанного: был недописан «Клим Самгин», казавшийся ему самым важным трудом его жизни; он оставлял мир профессиональной работы, — все эти письма, требовавшие ответов, чужие рукописи, требовавшие прочтения, — соратников, выпестованных им людей пера. И в его жизни было много любвей, а вокруг — много привязанностей. Но мысль его обращалась перед смертью — к Ленину. Он не то чтобы «вспомнил его». Сперанский пишет: «Несколько раз вспоминал».

Я назвала эту предсмертную «встречу памятью» двух людей «удивительной». А ведь если подумать — удивительного в этом ничего не было. Удивительно, что этой дружбы-любви между вождем-политиком, отцом революции, и художником-самородком из народа, этой необходимости таких двух разных людей *друг для друга* — еще не коснулось большое искусство. И еще удивительней, — как до сих пор относимся мы к человеческому в биографии Ленина, покрыв непроницаемой шторкой то самое «окно вдаль», куда перед смертью смотрел уходящий взгляд человека — Ленина.

«Аскетически и мужественно», — написал Горький. Мужественно — да. Но «аскетически» — тут Горький ошибся! Ленин ненавидел аскетизм, он страстно любил жизнь. Он прошел через благодатную личную любовь. Он людей любил горячо, глубоко, влюбленно. Он даже о Марксе и Энгельсе страстно писал: «Я все еще „влюблен“ в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно».¹⁴⁵ Помню, каким откровением для меня была страница из книги Дридзо о Крупской. Там рассказано, как целомудренно-сдержанная Надежда Константиновна просто не выдержала, десятки раз читая книжки и рукописи, где на все лады повторяется, будто они с Лениным в селе Шушенском только и делали, что Веббов переводили. Переводили Веббов! Молодожены были, любили друг друга, все радовало в те дни, «молодая страсть» была, — эти два слова принадлежат ей самой, их приводит в своих воспоминаниях Вера Дридзо,¹⁴⁶ — а тут вдруг «Веббов переводили». Чувствуешь, как велико негодование этой сдержанной женщины, сохранившей в двадцатом веке все чистые черты революционерки прошлого века, если, не выдержав, произносит она «молодая страсть». Но ведь признаемся: чем другим занято было немало писателей, историков, исследователей, как не набрасыванием на пламенную жизнь

---

¹⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 378.

¹⁴⁶ Вера Дридзо. Надежда Константиновна Крупская. Госполитиздат, М., 1958, с. 20. Вот полная цитата из Крупской: «Мы ведь молодожены были, — и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти». «...А он — „все Веббов переводили“».

величайшего человека современности, из года в год, для детей и для взрослых, домотканой кисеи: «Веббов переводили»...

Огромная жизнь прожита, но не аскетическая. Жизнь на отказах, да, на «отречении», — *Entsagung* по Гёте, — на том великом отказе от увлекательного, захватывающего, отвлекающего, личного во имя народного счастья, — великого творческого счастья главной любви, главной темы жизни. От «шахмат» — во имя политики...

Я вдруг очнулась от мыслей, как от прерванного сна. Словно внутренний толчок прервал их, хотя это был совсем не толчок, а как раз наоборот: плавный, легко шуршащий шелест ритмично летевшей машины. Мы выбрались, оказывается, из «толчеи непротолченной», — по выдуманному Надеждой Константиновной словечку,¹⁴⁷ — и мчались теперь по узкому берегу Неаполитанского гольфа. Справа синели воды залива, синели — не то слово. Синь была, не глядя на месяц декабрь, раскаленная, как на окалинах расплавленного металла, с затаенной краснотой огня. Солнце жарило не по сезону. Слева висели песочного цвета скалы с пыльной растительностью и яркой, тоже до боли в глазах, белизной редких строений. Флора исчезала, фауны не было — на всем залитом солнцем, как жидким золотом, побережье в одиночку катилась мячиком наша машина с подобранным товарищем у руля. Где-то за ущельями осталась Помпея, миновали «Китайскую землю» Террачину. Ехать стало очень интересно. Я уложила тетрадь с выписками, по которым осторожно, словно дитя за руку, вела свои несмелые мысли, обратно в сумочку и стала глядеть по сторонам. Но тут — отступление.

Гётевский термин «*Entsagung*» и само упоминание о Гёте многим может показаться странным рядом с именем Ленина. Хотя сам Ленин — в случайных воспоминаниях — дважды упоминается рядом с именем Гёте, сперва — когда захватил с собой в эмиграцию среди немногих книг томик «Фауста» (видимо, на немецком языке), и вторично — когда попросил уже из эмиграции — выслать ему «Фауста» в русском переводе, но дело, разумеется, не в этих случайных упоминаниях.

Ленин был величайшим революционером нашей эпохи, а Гёте вошел в историю литературы как «консерватор». Но последнее верно лишь отчасти и притом в той же мере, в какой применимо и к Ленину, не раз требовавшему уважения к прошлой культуре, освоения всего лучшего в ней, сбережения ее, — и утверждавшему даже, что без такого освоения — коммунизма не построить. Не только от молодежи, то есть от тех, кто сел за школьную парту *учиться*, требовал этого Ильич. Замечательно, что он хотел этого от старых учителей, тех, кто будет *учить* новое поколение — и к сожалению, слова его о учителях цитируются куда реже, чем речь к комсомолу. Вот что сказал Владимир Ильич на совещании политпросветов 3 ноября 1920 года:

«...цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки... и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно, только *овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии*. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом». Пусть будут эти старые учителя «пропитаны недостатками капиталистической культуры», но все равно их надо «брать... в ряды работников просветительной политической

---

¹⁴⁷ «Воспоминания о Ленине», с. 156.

работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели». ¹⁴⁸

Все это, однако же, лишь попутно. Главное, почему я не боюсь вставить имя Гёте в свои размышления о Ленине, — потому, что в области мысли и Гёте был величайшим революционером. Он стоял на хребте двух эпох, когда средневековое, феодальное мышление еще не исчезло, и оно начинало перерождаться в кабинетную, абстрактную мысль идеалистической философии нового времени. А Гёте — вот в чем величие созданного им — стал на переломе этих двух эпох как бы маяком для эпохи *будущего*, ясным, трезвым, глубоким материалистом-диалектиком. Не аром его наследие дало огромный цитатный материал для Гегеля, Маркса, Энгельса. И часто, читая Ленина, я встречала почти дословное выражение глубочайшей диалектической идеи, которая у Ленина восходила к Марксу — Гегелю, как к первоисточку, а у Гегеля восходила к высказанному у Гёте. В одной из десяти тетрадей Ленина по философии имеется отрывок, озаглавленный «К вопросу о диалектике», где Ленин как бы суммирует глубоко захватившее его у Гегеля соотношение релятивного и абсолютного, частного и общего, единичного (которое он называет «отдельным») и всеобщего. И Ленин, суммируя свои мысли, создает для себя такую формулу:

«...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного». ¹⁴⁹

Если б Ленину попался в ту пору девятнадцатый том сочинений Гёте в издании Хемпеля (лучшем, на мой взгляд, издании Гёте) и он развернул его на странице 195, ему бросилась бы в глаза его собственная «суммирующая» мысль в лаконичном изложении поэта:

Что есть общее?
— Единичный случай.
А что есть отдельное?
— Миллионы случаев. ¹⁵⁰

Г. В. Плеханов, с которым Ленин, как с близким соратником, почти всегда боролся бок о бок в *философских* спорах, ¹⁵¹ выступая с ним вместе против Богданова цитирует (в примечаньях к

---

¹⁴⁸ Н. К. Крупская. Ленинские установки в области культуры. Партиздат, М., 1934, с. 21–22; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 404–405. (Разрядка моя. — М. Ш.).

¹⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

150

Was ist Allgemeine?
— Der einzelne Fall.
Was ist das Besondere?
— Millionen Fälle.

(Goethes Werke. Hempel-Ausgabe. B. XIX. S. 195.)

¹⁵¹ Ленин поправлял Плеханова, когда тот ошибался (в книге «Материализм и эмпириокритицизм»,

своему переводу «Людвига Фейербаха» Энгельса) знаменитое шестистишие Гёте о познаваемости мира:

Вы должны, при изучении природы,
Всегда воспринимать единичное как всеобщее;
Ничего нет внутри, ничего нет снаружи,
Ибо то, что внутри, то и снаружи.
Так схватывайте ж без промедленья
Святую открытую тайну.¹⁵²

И, процитировав, пишет: «В этих немногих словах заключается, можно сказать, вся „гносеология“ материализма...»¹⁵³

А кардинальнейшая идея собственно ленинской философии, идея, без которой, в сущности, не было бы и марксизма, — что всякая теория проверяется практикой и практика является критерием теории, — эта идея ведь — сердце гётеанства, любимое дитя гётевского мышления. Гёте говорил об этом множество раз, он неоднократно к этому возвращался, как бы подчеркивая повторением важность и неизменность мысли: «Моим пробным камнем для всякой теории остается практика».¹⁵⁴ Но как тут не вспомнить раздел «Критерий практики в теории познания» в «Материализме и эмпириокритицизме», раздел, где Ленин вводит практику как критерий в самую основу гносеологии и громит идеалистов за отделение теории от практики; как не вспомнить и постоянные указания Ильича — практикой проверять теорию! До самых последних дней жизни делал Ленин эти указания. В последнем, что он написал, «Лучше меньше, да лучше», он наблюдает в советских, еще хаотических и не нашедших себя учреждениях «интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями».¹⁵⁵ Что означает такое несоответствие? Отрыв теории от практики, уход теории в абстракцию. Мизерная, трусливая практика (неумение внести ничтожнейшие практические реформы при полете прожектерской мысли под облака) — становится как бы критерием этой заоблачной теории, подвергает критике самый «прыжок вперед». Отсюда вывод: лучше меньше, да лучше. Когда, например, слишком много и легко разглагольствуют о пролетарской культуре, Ильич тянет «теорию» назад, применив «пробный камень практики»: «нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость

например, см.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 18, с. 155 и дальше).

¹⁵² Goethes Werke. Nempel-Ausgabe, B. II. S. 230. (Перевод мой, дословный. — *М. Ш.*).

¹⁵³ *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. VIII. Государственное издательство, М. — П., 1923–1927, с. 387.

¹⁵⁴ *В. О. Лихтенштадт. Гёте.* Государственное издательство, СПб, 1920, с. 387.

¹⁵⁵ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 400.

вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус». ¹⁵⁶

Сфера этих идей — материалистическая диалектика познания мира и проверка критерием практики всякой теории — не только марксо-ленинская, она и гётеанская сфера. И я останавливаюсь на ней так долго потому, что, как ни странно прозвучит это для современного советского уха, — личный мой путь к марксизму проложен был гётеанством. А так как все это вместе имеет и прямое касание к проблеме Ленин — Горький, я решаюсь начать издали и обо всем, как на духу, рассказать читателю, не боясь утомительных, быть может, для него отступлений...

Мы подъезжали тем временем к Сорренто. Почему я вздумала провести рождественские две недели в Сорренто, хотя друзья настойчиво уговаривали меня остаться и под Генуей, и над Болоньей, где сулили «красивейшее в мире место», названное так самим Наполеоном? Сюда привело, как на свидание с чем-то единственно милым сердцу, — страстное желание быть ближе к месту моей темы и еще — несколько беглых фраз из воспоминаний М. Ф. Андреевой. Она писала: «Горький с увлечением показывал Ленину Помпею, Неаполитанский музей, где он знал буквально каждый уголок. Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя. Горький удивительно рассказывал. Он умел двумя-тремя словами нарисовать пейзаж, обрисовать событие, человека. Это его свойство особенно восхищало Ленина. Со своей стороны, Горький не переставал восхищаться четкостью мысли и яркостью ума Владимира Ильича, его умением подойти к человеку и явлению прямо, просто и необыкновенно ясно. Мне кажется, что именно с того времени Ленин нежно полюбил Горького. Не помню случая, чтобы Ленин сердился на него. Горький любил Ленина горячо, порывисто и восхищался им пламенно». ¹⁵⁷ В этих немногих словах большая артистка сумела ярко противопоставить две индивидуальности, сохранив эмоциональный оттенок их отношения друг к другу. И кроме того Неаполь, Везувий, Неаполитанский музей, исхоженные и мною вдоль и поперек... И ко всему прочему — происхождение самого слова «Сорренто», от древнего латинского корня «улыбка»; уже несколько лет оно как бы улыбалось мне. Я никогда раньше не жила в Сорренто, но несколько раз проезжала его. И до Октября, и после, — на старом фаэтоне и в современном автобусе; и случалось все время так, что это было ночью или поздно вечером с торопливой необходимостью добраться на ночевку в Амальфи или назад, в Неаполь. Мне запомнились погруженные в черноту спящие улочки, неожиданно ярко освещенные витрины магазинчиков и настежь раскрытые двери этих магазинчиков, прямо в ночь, с выставленными наружу необыкновенной красоты изделиями — парчой, кружевами, деревянными ящичками с цветной инкрустацией, керамикой, фарфоровыми статуэтками. Туристы хищно набрасывались на них, а издали откуда-то шел монотонный гул, — это Тирренское море металось у берегов взад и вперед.

С тех пор воображение хранило почему-то Сорренто, как прибрежную деревушку, полого идущую к морю, где можно сидеть на песке и подставлять голые ноги воде морской. Но сейчас, при дневном свете, все это оказалось иллюзией. Никаких берегов — словно сорочье гнездо на голом дереве, — в будний день и вне сезона — Сорренто закинуто на крутые скалы, совсем пусто и чудовищно скучно. Обойти его, со всеми пригородами и ландшафтами, можно было в первый же

---

¹⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 389.

¹⁵⁷ М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1961, с. 98–99.

день, а заглянуть вниз, в те места под скалами, где ютилось нечто вроде тряпичных обрезков, — отдельные чуть вытянутые за язык у скалы крохотные кусочки «пляжей», куда спуски были только искусственные, значило вдохнуть чуть ли не трупный запах устойчивой зимней сырости и мокрой осклизости каменных стен, спускавшихся вниз. За две недели я ни разу не побывала внизу у моря, зато море затягивало мой горизонт с трех сторон, когда я выглядывала из окна своей комнаты. Получить ее удалось сразу, и очень дешево, в отеле второй категории, то есть выше среднего. Мы въехали на машине куда-то прямо к каменной балюстраде, за которой необъятно синело море, исчерканное белыми хвостиками пены от ветра, редкого здесь даже зимой. Справа — нас перепугала вывеска отеля-люкс «Империял Трамонтано». Слева, скромнее, — отель с гомеровским названием «Сирена». Там я и остановилась. Поскольку почти все время, за вычетом рождественских праздников, я жила в этой «Сирене» одна, мне думается, скромная моя плата поддерживала общее отопление в ожидании настоящей гостевой публики.

Если б не работа, делать в Сорренто мне было бы решительно нечего, но зато работа моя получила сразу же неожиданную помощь. Рано утром, проснувшись от воя ветра в оконных ставнях и типичного запаха английского завтрака (бэкон энд эгс!), единственно для меня одной, я быстро вскочила с жадным чувством исследователя. Какой-никакой, а город был новый. Сколько раз потом пришлось мне повторять эти «открытия» первого дня, и сейчас, закрыв глаза, я их отчетливо себе представляю. Вот я выхожу из «Сирены» на площадь-сквер, где стоит, прямо перед «Сиреной», дом, где родился Торквато Тассо. Фасад его так обветшал, что стал похож на аквамариновый цвет моря, усиленно стертый школьной резинкой. Доска — со стихами Тассо к «Сирене»... Но эта «каза» (дом) закрыта, и, по-видимому, только постояльцы «Империяла Трамонтано», расположенного в парке за ее «спиной», могут иметь к ней доступ вне сезона. Сколько я ни просила черноглазых портье как-нибудь свести меня туда, их жаркие обещания так и остались втуне... Дальше, на скверик выходит католическая школа, и каждый день озорные ребята играют тут во время перемены, метая по всем направлениям увесистые мячи. С опаской иду по узкой щели к центру — тротуаров нет, машины влезают в щель непрерывно, иногда с двух сторон, и пешеход, чтоб не быть раздавленным, должен вскакивать на ступеньки лавочек. А лавочек много, очень провинциальных; до субботы и воскресенья, когда наезжают туристы, никакой россыпи «сувениров», хотя на удивительный, уникальный фарфор, — жанровые сценки и портретные статуэтки, сделанные в единственном числе большими художниками и стоящие многие тысячи лир, — вы всегда можете любоваться в окнах. Ни один из этих шедевров поражающей тонкости и раскраски не был куплен за две недели моей отсидки в Сорренто.

Узкая щель называется Страда Тассо, а школа — Святого Павла. Центр пройти из конца в конец, от статуи святого Антония, патрона Сорренто, до статуи Тассо — минута, не больше. Сперва я не стала смотреть «достопримечательности», а разговорилась со старым извозчиком, сидевшим на облучке очень задрипанной коляски. Дело в том, что в Сорренто было много изящных беговых дрожжек с очаровательнейшими лошадьми и элегантными веттурино, похожими на берейторов, — подступиться к ним было страшновато. А вот этот, пробудясь от старческой дрёмы, радостно разговорился со мной о «Массимо Горки». Хотя и на извозчицких колымагах в Италии есть счетчики, мы ударили с ним по рукам за тысячу лир. И поехали на виллу, где Горький жил несколько лет, начиная с 1924 года, и где писал «Клима Самгина». Ехали все вверх и вверх почти шагом, а старик сидел на облучке вполборота ко мне, как на дамском седле, и рассказывал по-итальянски о Горьком. Единственное, что дошло до меня из его рассказов, — это «Madre», «Madre», — «Мать» Горького, любимая, популярная у простого итальянского люда и тесно связанная с именем писателя. Не раз слышала я это любовное «Мадре», сопровождаемое доброй улыбкой, от носильщиков в Риме, от газетчиков и портье в Болонье и от официанта, носившего

мне еду, в моей «Сирене». Вилла, где жил Горький, имеет мемориальную доску на стене — и стоит высоко над городом. Воздух там горный. Старик повел меня вокруг нее к уступу, где любил Горький сидеть на солнышке, на легендарном «камне Торквато Тассо».

Горький любил Сорренто, ходил летом на хвостики пляжей купаться — и других с собой звал. В июне 1931 года, ведя беседу «с молодыми ударниками, вошедшими в литературу», он не без гордости рассказал им: «В маленьком городе Сорренто в 1924 году на одной улице было написано: „Вива Ленин“. Полиция закрасила надпись желтой краской. Написали красной: „Вива Ленин“. Полиция закрасила бурой. Написали белой: „Вива Ленин“.

Так и написано по сию пору...»¹⁵⁸

Сколько времени длилось это «по сию пору» — не знаю, но сейчас надписи нет. Обжившись, я почувствовала особое зеленое очарование этого городка — он весь мандариновый, словно это не город, а плантация. Маленькие кудрявые мандариновые деревца окаймляли все улицы и желтели в эту зиму неслыханным обилием плодов. На рождество их увесили электрическими свечками, и под цветным огнем мандарины кругло сияли, как золотые шары елочных украшений. В два-три дня все тут стало мне родным два убогих кино, дешевенькое кафе, в котором я часто встречалась и обменивалась любезными приветствиями со стариком извозчиком, — он пил у стойки бурый кофе, а его кляча стоя спала у входа. Стали родными и, признаться, порядком опостытели, — и единственная элегантная улица Корреале с надписью «зона тишины» (Silenzio), где расположились богатые виллы и отели; и стена, тянущаяся чуть ли не на квартал, за которой помещались конюшни и школа верховой езды, — оттуда тянуло любимым мною теплым запахом лошадиного пота. И другая стена, уцелевшая от XV века, cinquecentesche. Вокзал окружной везувианской дороги — по ней придется уезжать в Неаполь... Казалось бы, откуда здесь придет помощь в работе? А помощь пришла.

На третий день, идя по Корреале, я уперлась в здание муниципалитета, где находился уже осмотренный мною музей всякой всячины, и вздумала прочесть огромный список имен на мраморной доске, помещенной на фасаде музея. Это были имена всех знаменитостей, побывавших в Сорренто. Надев острые очки, кого только не насчитала я в этом списке: конечно же, первым — Гёте. За ним Байрон, Берлиоз, Альфред де Мюссе, Сент-Бёв, Ламартин, Теодор Моммсен, Лев Толстой, мадам де Сталь, Фридрих Ницше, Томас Рид, Анатоль Франс, Марион Крауфорд... Я читала и читала, потом начала перечитывать сначала, но нет: того, кто прожил в Сорренто несколько лет, нашего Максима Горького, в списке не было! Почему? За революционность? Но ведь он знаменит в Италии больше, чем три четверти перечисленных имен...

Рядом со мной кто-то пригласительно закашлял. Я увидела старичка, прилично одетого, со шляпой в руке, он, видимо, снял ее из вежливости, желая приступить к разговору. Должно быть, уж очень был у меня советский вид — старичок сразу угадал, кого я ищу и не нахожу. Встретясь со мной глазами, он как-то предположительно начал: «Massimo Gorki?» И тут же dokonчил: «Горький, мне кажется, приехал позже, чем вывесили доску. Горький в Сорренто — это уже наше с вами время, *gentile signora*, — наше время, *nostro tempo*...»

---

¹⁵⁸ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 303.

Я поблагодарила и пошла домой с чувством внезапного озарения. *Наше время!* Не сразу даже до конца понятно стало, какая помощь пришла ко мне.

Читатель, может быть, заметил, а скорей всего, не заметил (как и я сама), что, работая над темой «Ленин», я мыслила и жила в прошлом, в той отодвинутости времени, когда мы, люди пера, или, как нас окрестили, люди буквы (литеры), воспринимаем его исторически. А воспринимать время исторически — это значит чувствовать себя отсутствующим (или, точнее, не присутствующим лично) в той эпохе, какую стараемся описать. И еще одно наблюденье, может, и не ускользнувшее от читателя, — он, во всяком случае, волен его тут же проверить: есть такой жанр, кроме романа, который естественно было бы назвать «историческим», поскольку он говорит о прошлом, — это мемуары. А между тем нет в мире, и абсолютно быть не может, таких «воспоминаний», которые *писались бы* «исторически». Дело в том, что в них стержнем (или осью) сидит живое человеческое «я», вокруг которого и вертится материал, сразу становящийся не фактами истории, а фактами жизни. Пока жив сам мемуарист, живет и поживает его «я», — жив и материал вокруг него, пульсирующий кровью сегодняшнего дня, хотя бы описывался мемуаристом день вчерашний и позавчерашний. Только после смерти стержня, то есть — самого мемуариста, факты его жизни, мертвея, уходят в историю. Наше время!

Я шла домой, занятая внутренней перестройкой, происходившей в моем сознании. Цифры 1924–1936, от переезда Горького в Сорренто и до его смерти в Москве, стояли перед глазами с яркостью зажженной иллюминации. Но вот они стали тускнеть, и вместо них загорелись 1905–1924, годы, охватывающие мою тему, годы знакомства, дружбы, конфликта и предсмертной близости Ленина и Горького. В них было одно, о чем раньше я как-то совсем забыла. В них был тот непреложный факт, что годы эти были и моей современностью, я сама жила в эти годы, — пусть в их начале мелкой, обыденной жизнью еще несмышлениша, но в том же времени и пространстве, в той же приблизительно обстановке. Память, как шахматные фигуры на доске, начала тотчас же услужливо передвигать передо мной кадры, открылось светящееся окошечко в прошлое, — год 1905-й, Москва, мне семнадцать лет. Зима, баррикады в том переулке, где мы с сестрой, отпущенные на рождественские каникулы из пансиона домой, таскали от тетки с ее милостивого дозволения какие-то старые ведра и заношенные матрацы на стихийно громоздившуюся баррикаду. Зима 1906-го — делегаты из реального училища Фидлера в нашей гимназии Ржевской... и лето в Швейцарии, то самое лето, когда в дачном вагончике я подслушала русский разговор о непонятных «отрезках». И мы с еще молодой моей матерью поднялись — из Montreux или Glion'a, уж не помню, — мы тогда жили в Лозанне, — на самую вершину Rocher de Naye, шли целый день, а заночевали в гостинице, чтоб, как принято, восход солнца встретить... Rocher de Naye! Спустя десять лет, в декабре 1916 года, Ленин писал Инессе Арманд в Кларан: «Гуляйте по горам на лыжах около Rocher de Naye».¹⁵⁹ Значит, будь я сознательней, учись и возвращайся в другой среде, я могла бы при своих выездах за границу встретиться где-нибудь с Инессой и вдруг — чего только не бывает в жизни — на улице, в вагоне, в лесу, на прогулке, в Париже, в берлинском Тиргартене пройти мимо небольшого, простого на вид, в скромном пиджаке, в котелке — величайшего человека эпохи, которого мне предстояло на всю жизнь заключить в сердце и разуме; — и которого я никогда, ни разу в жизни не видела. Выезды мои до революции в зарубежные страны — Швейцарию, Австрию, Германию, Францию совпадали во времени не только с годами эмиграции Ленина, но и с местами его жизни на чужбине, а я — так близко —

---

¹⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 339.

ничего не знала и не увидела. Может быть, создадут в математике такую отрасль, которая рядом с теорией вероятностей разработает теорию «утерянных возможностей»...

Писать о Ленине, переходя с девяностых годов в эпоху собственного сознательного существования, значило — изменить метод показа времени. Эпоха придвинулась с большой дозой требовательности и ответственности. Ленина увидеть не пришлось. Но Горького я знала и видела, и тотчас же вошли в работу отсветы лично пережитого, отзвук человеческих голосов тех лет, панорама пейзажей и городов, опыт современника, и не привлечь его в работу уже стало невозможно. Мне много раз приходилось отказываться от просьбы написать воспоминания о Горьком — они казались такими незначительными, так мало было личного общения. Но знала я Горького длительно, протяжением жизни, хотя личное наше общение и было ничтожно. Знала его и той молодостью знания, когда — с тысячами других современников почувствовала свежий ветер его прихода в литературу, — а это уже некий плюс перед густо насыщенным личным общением воспоминаниями тех, кто знал Горького только уже зрелым. Я была свидетельницей того смешного высокомерия с примесью зависти, с каким относились к нему в годы 1908–1912 в среде декадентов. И, наконец, я лично встретила с ним в 1920 году и уже не переставала изредка видеть его вплоть до лета 1936-го, когда пришлось вместе с товарищами по перу постоять в почетном карауле у его гроба...

2

В начале девятисотых годов, как любят писать учебники, дышать становилось душно, и эта политическая духота чувствовалась даже теми, кто не участвовал в политике и ничего о ней не думал. Но я хочу быть искренней. Я не помню — на протяжении всей долгой жизни, — чтоб новое поколение, новая молодежь человечества выходила на так называемую «историческую арену» пессимистически, — молодежь в массе. Молодость сама в себе носит потенцию счастья: биологически — от нерастраченности сил, нервов, органов восприятия; душевно — от сознания большого времени жизни впереди. Это как шахматный игрок в самом начале соревнования.

Вспоминая себя на пороге жизни, — не в одиночку, а с однолетками вокруг, завистливо думаешь, до чего же мало значили тогда всевозможные личные невзгоды, жизнь впроголодь, прогорклая котлета в студенческой столовке, спанье на верхней багажной полке в бесплэцкартном вагоне третьего класса, муки занятий с балбесами, оторванная подошва. Даже то, что нависало извне, — избиение демонстраций, увольнение студентов из университета, арест любимых профессоров и писателей, имело в себе нечто от счастья или от эйфории, — подъемное желанье протеста, борьбы. Главное же — это подъемное чувство сливало с массой, выводило на широкий простор из комнатного мирка.

В кругу, где я училась, не было профессиональных революционеров. Но все равно, мы что-то делали для революции, мало в этом разбираясь: бегали по самым дорогим московским магазинам, таинственно требуя у хозяев-кассиров «жертвовать на революцию», — и гордо отрывали нумерованный листок от эсеровской книжки с бланками для расписок; молча, без вопросов принимали у неизвестно кого связи неведомой нелегальщины и совали их под матрац, пока не придет за ними такой же молчаливый человек. Но среди всей этой подъемной, божественно увлекательной суеты явление Горького было наиболее ярким. Приход его в литературу мне напоминает сейчас косые лучи солнца вечером, когда тень человека удлиняется и

сам человек, возникая на пустой дороге, заслоняет горизонт и кажется гигантской фигурой. Он был ни на кого до него не похожий. От него веяло незнакомым человечеством, словно с другой планеты. Люди в его книгах были тоже огромные, как он, по чувствам и характерам: речи их необыкновенно смелы и пронизывающи, любовь — ошеломляющая в своей откровенности, в прямоте показа. Горький, один, вдруг занял всю литературу. Помню, как всем нам хотелось бродить, помогать рождению человека на больших дорогах, греться у костров, своими глазами увидеть бедного калеку в ящике, собиравшего жуков и кузнечиков... мир людей, о которых думалось с дрожью, но они высокой своей человечностью заставляли нас плакать, и слезы текли при чтении — они и сейчас начинают течь, когда перечитываешь «Страсти-мордасти». Таким свежим, смелым, сильным открылся моему поколению молодежи новый писатель со странным именем Максим Горький. А уж «Сокола» и «Буревестника» мы знали наизусть.

Потом пошли годы спада. Изменился весь тон в газетах, в разговорах. Усилилась у знакомых студентов критика философии Маркса. Я тогда понятия не имела ни об «экономике», ни о «философии» Маркса, но в памяти цепко удержала фразу знакомого, казавшегося до крайности авторитетным, очкастого армянина, студента по фамилии Амиров, ходившего к нам с сестрой в гости: «В политэкономии дальше Маркса никто не пошел, но в философии Маркс слаб, философия — слабое место марксизма». Это звучало безапелляционно, частенько повторялось в разных местах, где собирались студенты. А у нас, на Высших женских курсах Герье, в Мерзляковском переулке, в доме, подъезд которого утиным носом вылезал на угол Поварской, тоже начались новшества. Перед аудиториями, на площадке лестницы, расположился книжный киоск. Странные книги, точней книжки, листовки, брошюрки по копеечке, по пятаку отказавшись от расхода на конку, можно было раскошелиться на них, — до того необычными были их названия: «Агнец божий», «Оптина Пустынь», «Философия Отцов Церкви», «Логос в понимании старцев», «Когда все мертвые воскреснут». Необычны были названия не столько сами по себе, сколько в сочетании с именами авторов — Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, Николая Федорова, Льва Тихомирова и чаще всего Михаила Новоселова, творца и составителя всей этой «религиозно-философской библиотеки», отрывочков, снабженных, кажется, им самим выдуманными названиями. Он и сам, Новоселов, стоял возле своего киоска, невысокий, кругловатый мужчина с лицом Пиквика и слегка подмасленными со лба жидкими волосами клопиного цвета. Помню, как, протянув мне книжку Льва Тихомирова, он ласковым голосом сказал: «Ознакомьтесь, если не пугает вас имя бывшего террориста», — и не захотел взять за нее три копейки. А я, признаться, с благодарностью принимая даровую книжку, не знала этого Льва Тихомирова ни как «до», ни как «после» его появления в кругу «православной» философии.

Новоселов был московским уловителем душ, с типично московским оттенком черносотенного славянофильства. В Петербурге тяга к религиозным вопросам окрасилась несколько западнически. Две фразы, точней, два стиха в поэзии встали эпиграфом к этим годам спада и опустошенности. Брюсовское:

О, закрой свои бледные ноги.¹⁶⁰ —

и гиппиусовское:

---

¹⁶⁰ В. Брюсов. Избранные стихи. Academia, М., 1933, с. 157.

Ритмически они закрывали еще недавно звеневшие нам колоколом ритмы «Буревестника». Они делали прежние ритмы примитивными, наивными, безвкусными. Они импонировали своей таинственной необычностью.

Помню, как, сидя на тумбочке в нашей с сестрой комнате, почти лишенной мебели и окна, и свесив вниз худые, как палочки, ноги в элегантных серых брюках, наш частый гость, Владя Ходасевич, снисходительно объяснил нам смысл этого непонятого брюсовского стиха, состоявшего из одной-единственной строчки: «Бледные голые ноги на ремесленных фигурах богоматери, по всем проезжим дорогам Польши, например, — это натурализм, опошление культа Мадонны, — брюсовский моностих выразил пасквильность, нечистоплотность натурализма... О, закрой свои бледные ноги! — это целая философия, целый бунт в искусстве!»

Ну а гиппиусовское «Мне нужно то, чего нет на свете» неожиданно ранило мою собственную душу. В эпоху спада среди окружающей молодежи вспыхнула эпидемия разочарования, безнадежности, неверия в пользу человеческих действий на земле. Факт стал принимать очертания неубедительности, условности, вроде кантовской вещи в себе. И несравненно реальной, несравненно желанней всего фактического вставала в душах потребность чуда, вера в чудо. Я прочитала первую книгу стихов Гиппиус (вторая, уже по просьбе самой Гиппиус, печаталась под моим собственным шефством в московском издательстве «Альциона» у тогдашнего издателя Кожебаткина) и выучила ее наизусть. Мне казалось: евангельское «у неимущего отнимается и то, что он имеет, и отдастся имущему много», которое я понимала, как имение высшего духовного богатства, обладание высшей духовной реальностью по сравнению с духовным убожеством «нищих духом», — целиком применимо к этой книге. Нечто вроде физического закона — огромная масса, притягивая к себе, — нарастает, мелкая пылюга — окончательно распыляется... Вот почему не удалась революция! Ей не хватило веры. Нельзя идти в революцию, не обладая высшей реальностью, богом в сердце! Революция с богом в сердце — вот о чем поют эти стихи с их новым, изломанным, спиральным ритмом! И я, выкарабкавшись из уловительных сетей Новоселова, села строчить письмо своему новому божеству. Пишу эти — с теперешней моей точки зрения просто чудовищные — строки о безмерном одурении тогдашнего моего внутреннего мира, потому что оно было типовым, показательным для времени и моего круга. Из песни, как говорится, слова не выкинешь, а песня у меня начиналась одуряющая. Божество отозвалось на письмо. Оно позвало в Питер, к тем, кто собирается делать «религиозную революцию». И договорившись с дирекцией курсов, что буду приезжать на семинары и на экзамены, не посещая лекций из-за глуховатости, — я наскребла денег на «максимку» (так звали самый дешевый и самый долгий поезд из Москвы в Питер) и поехала на новый этап своего духовного становления.

Это не мемуары, и писать, как я пребывала у Мережковских в роли своеобразной девочки-послушницы, как участвовала по вечерам у них на чтениях Евангелия и самодельных молитвах, как написала первую свою книжку прозы, вышедшую в «Альционе» под двусмысленным для читателя названием «О блаженстве имущего», я здесь не буду, это никаким концом не связано с моей темой. Но о главном, что было с ней связано, расскажу. Одной из моих «негласных»

---

¹⁶¹ З. Н. Гиппиус. Собрание стихов, 1889–1903. Книгоиздательство «Скорпион», М., 1904, с. 2.

обязанностей у Мережковских, живших тогда втроем в доме Мурузи на Литейном, — сухонького, маленького, с блестящим черным пробором Дмитрия Сергеевича Мережковского; слегка инфантильного, барственно-крупного и выхоленного, с голубыми навывкат глазами, Дмитрия Владимировича Философова и самой Зинаиды Николаевны Гиппиус, очень высокой и тоненькой, с русалочьим взглядом из-под пышной русой прически и хрипловатым, от вечного курения душистых папиросок, голосом, — одной из моих обязанностей у этой троицы было доставление им, на предмет религиозно-революционной пропаганды, самых настоящих *рабочих* (как нынче сказали бы: от станка), разочарованных «неудачей 1905 года». А эта обязанность привела меня на Гагаринские курсы, где в то время читались студентами общеобразовательные лекции для рабочих.

Группа слушателей захотела познакомиться с предметом, не входившим в программу курсов, с «древнегреческой философией». И этот предмет был предложен мне, поскольку я числилась на историко-философском факультете. Предложение было отчасти конспиративное. Читать нужно было на дому у рабочих, с осторожностью. Главой группы стал путиловец, рабочий Кузьмин. Я сразу увлеклась предметом. Набросала тезисы. И, по всегдашней своей страсти к преждевременным обобщениям, ринулась вперед к новой, обобщающей идее своих лекций, конечно — собственной, — новые идеи слетались в ту пору к моей голове такими же стаями, как голуби в Венеции на площади Святого Марка.

Все было прекрасно и реально в этом эпизоде моего питерского житья, реально, хоть и сопряжено с тайной. Вечером заходил ко мне всякий раз новый рабочий, и мы выходили в темную сырость старого Петербурга, садились на конку — рабочий не позволял мне платить за себя — и ехали не знаю куда, ехали долго, на окраину. Выходили уже в другую темень, где зажженные глаза окон глядели не со второго и третьего этажей, а словно из-под земли, подслеповато, из деревянных домишек, и шагать надо было осторожно, оглядываясь. Каждый раз встреча была назначена в новом месте. И каждый раз повторялось одно и то же: прибранная комнатка со столом на середине, табуретками вокруг. Садись не все, остальные стояли, набиваясь в комнату. На стол озабоченная, приветливая женщина ставила стакан чаю с сахаром и печенье на блюде, говоря: «Кушайте, не стесняйтесь». Я разворачивала бумажку с конспектом. Никогда с тех пор не испытывала я такого «счастья отдачи» от живого своего слова, от лекции, от выступления на собраниях, как в те часы. Вокруг были внимательные, удивительно хорошие человеческие лица. А перед моим умственным взором возникали Гераклит и Пифагор, Демокрит и Эпикур, Платон и Диоген... И осенившая меня общая «идея» вдруг придала курсу какой-то особый для рабочих интерес. Идея была не из учебников, не из Куно Фишера, не из Виндельбанда, а из собственной моей авторской головы: *древние философы свою философию всегда проводили в жизнь*.

Я так с нее и начала свой курс, — эпикуровским изречением: нет пользы в медицине, не лечащей тело, как нет пользы в философии, не очищающей душу, не влияющей на поведение человека.

Особенно яркими примерами служили для меня киренаики, гениальный философ счастья Аристипп, материалист Эпикур, циник Диоген. Я видела их перед собой, когда о них говорила. Видела тяжело больного Аристиппа с его кровавой рвотой и невыносимыми болями, худого, как скелет, в хитоне, с венком на блеклых, развитых, ставших ломкими от болезни и потерявших блеск локонах — в саду под портиком у входа, в кругу друзей, с пиалой вина в исхудалых руках, вина, запрещенного эскулапом. Силой воли, я говорила — силой своей идеи, — он заставлял себя не чувствовать боль, побеждать болезнь, отодвигать смерть. Он был убежден, что цель человечества — счастье, а быть счастливым — значит вкушать наслаждение, питать свои органы чувств, давать

главному из них, ощущению, живущему во чреве, — его законную, природой назначенную пищу; и вот он, хоть и терзает его болезнь, — смеется над своей болезнью и живет — согласно своей философии, наслаждаясь даже больным, истерзанным телом. Ученики и друзья, восхищенные Аристиппом, поднимали пиалы в честь безмерной победы духа над телом, идеи над материей... Но Эпикур был совсем другой, — Эпикур был здоровяк и мыслитель, учившийся у Демокрита. Термин «эпикурейство» — зря спекулируют его именем, — свое содержание термин украл у Аристиппа. А Эпикур жил нормальной жизнью, проповедуя материализм, как единственную истину. Он был, в сущности, образцом нормального человека, сына природы. А вот циник Диоген, — «цинизм» тоже вошел в обиход человеческой речи, хотя тоже с другим, наслоившимся за тысячелетия оттенком, — Диоген проповедовал философию полного пренебрежения к чувствам, к потребностям тела, к его капризам; он требовал полного, безоглядного опрощения, наготы телесной и духовной, — и совершенно опростился сам, отказался ото всего, нагишом залез в бочку, таким и остался в памяти человечества, проповедником опрощенья из пустой бочки. Не то важно, что философия эта примитивна, смешна в своей наивности и категоричности, а то важно, что философ, проповедуя ее, сам жил по своей проповеди, теорию превратил в поведение, теория в античной древности не отрывалась от практики...

— Слово с делом у них не расходилось, — вставил вдруг один из моих слушателей. Рабочие не только не скучали, не только не путались в лесу терминологии из-за моей школярской привычки приводить ученые термины, они преспокойно разбирались в них и откликались не на одни лишь образы и картины, а и на главную мою идею; и они прекрасно поняли историзм первых философских учений греков. Когда лекции кончились (на смерти Сократа) и я гордо произнесла «вот какова была древняя греческая философия», — главный заправила этого «сверхпрограммного» курса, путиловец Кузьмин, как бы подвел итог:

— Начало они положили правильное, — ну а как впоследствии пошло развитие мысли, можете вы вкратце изложить?

Я, помню, остановилась. Привыкнув мыслить прежде всего образами, я вдруг увидела целую пчелиную башню ячеек, в которых сидели философы девятнадцатого века. То было особое мышление, уходившее вглубь, мышление сидячей жизни, мышление о мышлении, паутина — отнюдь не обязывавшая, не звавшая жить по себе, — и невозможно было жить по ней... хотя пессимист Шопенгауэр, например, мог бы, конечно, застрелиться, чтоб уйти в мировую волю, но он любил играть на скрипке... Гартман, — но Гартман одной рукой написал свою диссертацию, а другой рукой сам себя анонимно опроверг. Вообще... Я смутилась, я любила в те дни Гегеля и страстно изучала его, упиваясь страницами «Логики» и «Феноменологии»; по уши увязала и в «Критике Практического разума» Канта. Мне казалось: вот сейчас совершу какое-то предательство в отношении своих любимцев. И я вяло промямлила:

— Потом наступила эра исследования самого процесса человеческого мышления, очень важная эра.

Обратно я всегда ездила одна, меня лишь доводил кто-нибудь до конки. Но на этот раз маленький черномазый человек в картузе и промасленных рукавах, стоявший во время лекции в самых дверях, сел со мной рядом на скамейку. Меня строго предупреждали о «шпиках», которыми кишела тогда наша жизнь, и советовали ни с кем не говорить вне своей лекции. А маленький человек ерзал, желая заговорить, и наконец сказал: «Были, товарищ, и в наши времена философы, у кого теория рядом с практикой шла. Слышали, может, про философию Карла Маркса?» Я ответила, отодвигаясь от него: «Политика меня не интересует».

Но то было предохранительное вранье, — на всякий случай, если черномазый в промасленных руках окажется шпиком. А в мыслях у меня всю дорогу и дома весь оставшийся вечер фраза эта перекликалась с другой фразой — о философии Маркса, будто философия эта — слаба. Кто и когда так сказал? Студент Амиров после неудачной революции 1905 года? Не потому ли, что мозги его съедены пассивной, созерцательной, размышляющей по своим пчелиным ячейкам философией девятнадцатого века? Не потому ли и называет он философию Маркса слабой, что она *активна*, как в эпоху древних греков? Интересно, что это за философия? И почему я все повторяю, как попугай, «неудачная революция»? Вон мои слушатели — живые, интересные, заинтересованные, далекие от нытиков-интеллигентов. Раз есть такие, как можно говорить «неудачная», — для них уж наверное что-то удалось в ней... Я незаметно сползала в «ересь» из позиции скромной послушницы. И ни одного из моих милых слушателей не привела тогда к Мережковским.

Переживаемое не проходит даром, оно незаметно наслаивается на вас, покуда количество не переходит в качество. Через два года перо мое, раньше благоговейно выводившее «О блаженстве имущего», настроило резкую рецензию на новый роман Гиппиус. Роман носил название «Чертова кукла», и в нем, как чертовы куклы, как куклы в руках у зла, деревянно-ходульными были выведены марксисты-большевики. А рецензия моя называлась «Театр марионеток», и в ней я написала, что сам этот роман — ходульно-деревянный, искусственный, с марионетками в руках у автора, порожденными незнанием людей и жизни... Рецензия, напечатанная в «Приазовском крае», стала одной из причин резкого разрыва с Мережковскими и благополучно увела меня из Питера назад, в Москву.

Прошли годы — несколько долгих лет ученья и бродяжничества, проведенных под знаком Гёте, годы первой империалистической войны и новой революции. И вот я опять перебралась из Москвы в Питер и стою с пятью красивыми, купленными в Гейдельберге тетрадками, исписанными еще молодым, бисерным почерком, у многоэтажного дома на Кронверкском проспекте, тщетно выискивая «парадный ход» с улицы. Не найдя его, прошла в ворота, поднялась по черной лестнице и, постучавши, оказалась в большой полупустой кухне. Высокий человек, насупленный, видимо, очень недовольный, не сразу показался в дверях.

Есть одна фотография от 1920 года, снятая в Петрограде, — Горький, Андреева, Уэллс. Горький и Уэллс сидят, а Мария Федоровна стоит за ними, облокотившись на спинку стула Горького. Удивительно не типичное, разлаженное какое-то лицо у Горького на этой фотографии, а глаза печальные, с острым внутренним недовольством и каким-то стеснением. И еще есть, такой же нетипичный, — рисунок художника Н. А. Андреева от 23 июня 1921 года, где Горький дан остро, в три четверти, с заостренным кончиком носа, почти лысым черепом и — злым, пронизывающим недоверчивым взглядом, сузившим почти до точек зрачки.¹⁶²

Вот такое лицо было у Алексея Максимовича, — недовольство, стеснение, тяжелая внутренняя печаль, когда я увидела его первый раз в жизни, — зимой 20-го года, в его тогдашней питерской квартире. За рукав проведя меня из кухни в свой кабинет, Горький первым долгом излил свое недовольство: что это за унижение паче гордости, манера приходить к человеку с черного хода, когда есть обыкновенная входная дверь, — нельзя так, нельзя унижать себя, достоинство надо

---

¹⁶² Первое фото я видела в книге: *М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы.* (Изд. 1961, с. 304.) А рисунок Андреева в книге: «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы».

свое беречь... Пока он так отрывисто, — усаживая меня, опять принудительным жестом за плечо, — и сам усаживаясь, — обрушивал на меня свои нравоученья, не давая слово сказать, я поняла, что «слово» вообще не стоит говорить, все равно он может не поверить мне. Я, разумеется, в жизни своей никаких различий между «черным» и «парадным» ходом не делала, шла, куда попало, а тут просто не отыскала дверей к нему и вынуждена была пойти со двора, чтоб расспросить кого-нибудь. Расспросила первую встречную старушку — и пошла, куда она показала пальцем.

Подождала, пока отрывочные фразы кончились резким переходом к другому тону:

— Ну как? Устроились? Слышал — в «Доме искусств» — там много интересных молодых писателей. Что у вас в руках?

В руках у меня была рукопись «Путешествия в Веймар», проделанного мной перед самым началом первой мировой войны пешком, из Гейдельберга в Веймар. Я собиралась просить Горького устроить эту мою книгу в издательстве Гржебина или вообще, где это возможно. Кроме нее — ничего не было у меня для печати, а нужно жить.

Горький взял одну из моих тетрадок, перелистал ее без особенного интереса, о чем-то, видимо, совсем постороннем задумался, потом закрыл тетрадь, отложил ее и опять сказал:

— Ну-с, я слушаю.

Об этой первой встрече с Горьким я долго мечтала; и что именно собиралась сказать ему — долго повторяла в уме. Я хотела рассказать, как важно сейчас, перед новой эпохой философии, все огромное явление Гёте, которого у нас совершенно не знают; как важно воскресить его, снова о нем заговорить, и притом не о поэте, а о философе, мыслителе Гёте, очень близком новому нашему мирозерцанию... Хотя сложившаяся десятками лет его совершенно неверная, искаженная репутация мешает этому. Мыслей накопилось множество, они друг друга теснили, я была уверена, что изложить их — не хватит назначенного мне часа. Но вот — сижу, вижу чуть припухлые в веках горьковские печальные глаза, повисший ус, такое знакомое по фотографиям и рисункам, такое родное простонародное лицо, — а слова куда-то попрятались, в голове пусто и не могу ничего путного сказать. Горький мне помогает, вдруг назвав совсем незнакомое имя:

— Лихтенштадт много поработал над Гёте, рекомендую прочесть, обязательно поищите и прочтите.

О Лихтенштадте я услышала впервые, записываю его фамилию на обложке одной из своих тетрадок и прорываюсь наконец к своей главной фразе: книга моя о Гёте может показаться не марксистской, я еще очень плохо знаю Маркса, а когда она писалась, почти вовсе не знала, но с тех пор очень много...

И тут Горький сказал вещь, положившую конец нашей первой с ним встрече. Сухо и коротко он прервал меня словами:

— Я не марксист.

Что потом говорилось — не помню. Я была сбита с толку и смущена. И мне, грешным делом, показалось, что Горький, как раньше с черной лестницей, так сейчас — понял меня превратно, подумав, может быть, что я пытаюсь с марксизмом своим так же сознательно, с особой целью войти к нему «с парадного хода», как сознательно и с особой целью самое себя привела к нему с

черного. Вот и не получилась у нас встреча с Горьким, первая и единственная, где мы разговаривали с глазу на глаз. Горький, так хорошо знавший людей, совершенно не понял меня. А я, хранившая нежно в памяти «Страсти-мордасти» и «Мать», — отшатнулась от Горького.

В 1965 году вышла книга, очень помогающая хорошо понять Горького и любовь к нему Ленина. Это семьдесят второй том «Литературного наследия», содержащий неизданную переписку Горького с Леонидом Андреевым. Трудно найти еще пример в мировом эпистолярном наследии, где было бы больше блеска, остроумия, веселой молодой жизнерадостности и — драматического развития конфликта двух разных индивидуальностей, сперва как будто растущих из одного и того же корня (реалистического понимания искусства и революционного отношения к самодержавному русскому строю); потом — не сразу, а ступень за ступенью, трещина за трещиной раскрывающих чуждость этих друзей друг другу, — одного, настоящего самородка из народа, для которого его позиция в искусстве и политике была продиктована классом и коренилась в глубине сознания; другого — бунтовщика лишь по видимости, по молодости, с натурой по сути путаной, с воспитанием и бытом богемно-мещанским и с двигательной пружинкой поведения — тщеславием. Читая, как Горький постепенно отодвигает от себя Леонида Андреева, как Леонид Андреев делает вид, что не видит реальных причин для этого; и как Горький — пронизательно замечая, что друг его только притворяется не видящим, не понимающим глубины расхождения, а сам отлично понимает и видит, — все-таки жалеет его, все-таки еще остерегает и поучает со своей горьковской неподражаемой суровостью — читая все это подряд, испытываешь наслаждение, как от трагедии Еврипида.

В мутной общественной атмосфере декадентских лет, среди множества «малых сил», унесенных модой, опустошенностью, разочарованием, отчаянием, скукой, любопытством, стихийной тягой к беспочвенному, безответственному забвению всего того, что еще годы назад казалось традицией русских классиков, потребностью народной совести и главным делом передового русского человека, — фигура Горького-борца, вставшего во весь рост наперерез мутному течению, такая фигура не может не покорить читателя, не привлечь к нему сердце, не обнадежить, не стать его духовной опорой. Замечательная эта переписка. Горький, в занятой им общественно-политической позиции, а не только по силе и яркости своего самобытного таланта, был настолько выше окружающей его среды, что не заметить его и не полюбить Ленин просто не мог, «Максим Горький» была та самая «практика» в области литературы, существование которой подтверждало марксистскую теорию.

Заметил Горького Ленин еще в 1899 году, когда в письме к А. Н. Потресову похвалил в журнале «Жизнь» беллетристику, а беллетристикой этой были пять глав «Фомы Гордеева» и ранние рассказы Горького. В 1901 году, вспоминает Е. Д. Стасова, «В. И. Ленин очень интересовался всем, что выходило из-под пера М. Горького. И мы, работники партии, старались держать Ленина в курсе того, что писал Горький. Так, его рассказ „О писателе, который зазнался“, появившийся в Петербурге нелегально, был переписан В. Ф. Кожевниковой и мною химическими чернилами между строк диссертации К. А. Крестникова „К морфологии крови при свинке“». ¹⁶³ Выражение «писатель, который зазнался» так понравилось Ленину, что он употребляет его в «Что делать?», в главе о псевдолевацких требованиях «свободы критики» и обвинениях ядра партии в «догматизме». В последующие годы Горький и Ленин подходят друг к другу все ближе и ближе, хотя личной встречи у них еще нет. Горький посылает деньги за границу на издание

---

¹⁶³ «М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов». Изд-во АН СССР, М., 1957, с. 71.

большевистского органа, еще не будучи в партии. Он уже свой. Он перенес крещение арестами. В январе 1905-го М. М. Литвинов видит, как в одном вагоне с ним, из Риги в Петербург, жандармы «тащат» арестованного Горького. И, наконец, этот медленный, все усиливающийся процесс сближения писателя с большевиками завершается вхождением его в партию во второй половине 1905 года. И все это время продолжается его переписка с Леонидом Андреевым.

Но если крепнет и мужает голос Горького в его письмах к другу, хотя он не пишет ему о своих политических связях; если чувствуется за критическим тоном какая-то твердая почва, идейная и позиционная, а не только простой профессионализм, — то все особенности мышления Горького, поздней обнаруживающиеся в конфликте с Лениным по поводу Богданова и «богостроительства», остаются при нем, остаются с самого начала, со дня вступления в партию, и, думается мне, дойдут во всей своей силе до того сумрачного питерского часа, когда я приду к нему через кухню и услышу его сухое и твердое: «Я не марксист».

Вот Горький вступил в партию, он необычайно горд этим. Он будет, как ребенок, счастлив возможностью побывать на Лондонском съезде и долго потом вспоминать это. Он уже встретился с Лениным, — произошла та самая знаменательная для него встреча 27 ноября 1905 года в Петербурге, о которой он с нежностью будет говорить Сперанскому за несколько часов до смерти.

И после такой встречи, решающей в его жизни, вот что пишет о себе Горький Леониду Андрееву в ответ на его очередное туманное письмо:

«Судишь ты обо мне не очень глубокомысленно. Я социал-демократ, потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное. Ты скажешь — „казарма“! Мой друг — во всякой философии — важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна. Анархизм — нечто очень уж примитивное. Отрицание ради утверждения абсолютной автономии моего „я“ это великолепно, но ради отрицания — не остроумно. В конце концов анархизм мертвая точка, а человеческое „я“ суть начало активное...».¹⁶⁴

Здесь, хоть и в отрывочной форме, отражающей естественный поток его мыслей, дан весь Горький сначала и до конца, даже с его упрямой привычкой употреблять множественное «суть», где надо ставить в единственном числе «есть». Весь Горький — с его кажущейся наивностью, а в то же время с его удивительной верностью своим убеждениям, точнее — характеру своего мышления. Думаю, что лучше, полней, искренней Горький о себе нигде не высказывался, нежели в этих строках, писанных в медовый месяц его пребывания в партии. И потому очень стоит остановиться на них, разобраться в них, представить их себе яснее.

Как некогда «Человек — это звучит гордо», у Горького с настоящей, торжественной гордостью звучит «Я социал-демократ, потому что я — *революционер*». Но он понимает, что революционеры и революции бывают разные, а поэтому приводит определение для «социал-демократического ученья»: оно — *наиболее революционное*. Почему «наиболее» — не объясняет, хотя речь идет об «учении», а тут уж непременно нужно бы объяснить. Но знание своего друга и его, андреевских, собственных вкусов и воззрений — сразу подсказывает ему тут, что именно должен возразить Леонид Андреев: «*Казарма!*» Социал-демократизм мерещится туманно революционной русской

---

¹⁶⁴ «Литературное наследство», т. 72; «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Письмо Горького Андрееву от 2... 5/15... 18 марта 1906 г. Изд-во «Наука», М., 1965, с. 265.

интеллигенции, для которой 1905 год пришел в облики ликующего, стихийного восстания, импровизации уличных баррикад, импровизации форм управления, Советов, — как льющийся поток звуков под рукой гениального пианиста-импровизатора, — социал-демократизм для этой интеллигенции, во всей «сухости» своей дисциплины, во всей «категоричности» своих требований, во всей строгости своего жизненного устава — мерещится именно скучной, обязательной, насильственной казармой, как Гиппиус мерещился он куклой в руках у Дьявола. И тут бы Горькому раскрыть великие идеи Маркса, весь новый гуманизм, который целостно, полностью, приращенно, *implicite*, то есть как бы целиком уже содержащийся в практике большевиков, представляет новую грандиозную страницу в книге истории человечества, меньше всего похожую на «казарму». Но вместо этого Горький сразу как бы соглашается с Леонидом Андреевым, лишь снисходительно объясняя ему что «во всякой философии — *важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна*». Не обращай на это вниманья — как бы поучает он Леонида Андреева, боящегося «казармы». Важна критика, важно отрицание!.. Но тут опять встает на пути его мышления заминка. Горький спотыкается об анархизм. Ведь куда проще — анархизм из рук вон революционен, анархизм вовсе как будто лишен «положительной части», он весь с головой и хвостом укладывается в критику и отрицание... Но нет! Горький не хочет сползать неведомо куда, он не анархист, он в социал-демократической партии. Словно говоря с самим собой (как это часто случается в его письмах к Андрееву), словно рассуждая и споря внутри себя, как в шахматы играют сами с собой, Горький отвечает себе: анархизм — нечто очень уж примитивное. Отрицать ради утверждения полной, абсолютной независимости своего человеческого «я» — это великолепно (это, как ты, друг Андреев, хочешь в своих драмах), — но отрицать для отрицанья — бессмыслица, «не остроумно». И тут Горький подходит к гениальному выводу, ярко озаряющему и весь жизненный путь его, и весь его внутренний мир, и — объяснивший мне всю степень любви к нему Ленина именно *за это*, за наличие *этого* в Горьком... Он пишет: «В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое „я“ суть начало активное...» Тут даже и «суть» простишь ему! Тут даже и все остальное простишь ему! Да, человеческое «я» — начало активное! Да, оно противостоит всем пассивным философиям мира, всему, что ведет к мертвой точке. Да, да, в человеческом «я», как в главном фокусе, природа заложила свою кульминацию роста, движения, преодоления, стремления, познания назовите, как хотите, — великий хоботок действенного процесса, заключенного для человека в вечную проблему «смысла жизни». А проще сказать — человеческое «я» это то, что *живет*, это жизнь в наиболее интенсивной — сознательной — ее форме, — в росте. «Человеческое „я“ — начало активное», — эта формула Горького сильней, содержательней и потенциальней, на мой взгляд, чем повторяемое на все лады «Человек — это звучит гордо».

На протяжении всех лет дружбы Ленина с Горьким было у них много не только расхождений во взглядах, не только споров, но и фактического «принятия мер» против появлений в печати обоюдных взглядов, отрицавшихся то одной, то другой стороной. Мы уже видели, как Ленин «принял меры», потребовав специального постановления ЦК, чтоб статьи, подобные горьковской «Владимир Ильич Ленин», не появлялись в журналах, «как неуместные». Ленин, несмотря на просьбу Горького возобновить выход «Новой жизни», — оставил эту просьбу без внимания. И больно читать, когда на просьбу самого Ленина в январе 1916 года помочь издать его брошюру, где он «старался как можно популярнее изложить новые данные об Америке, которые... особенно пригодны для популяризации марксизма и для фактического обоснования его», просьбу, сопровождаемую фразой, от которой сжимается сердце: «В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке и потому просил бы, если это возможно и не затруднит Вас чересчур,

ускорить издание брошюры»,¹⁶⁵ ответа, по-видимому, от Горького не последовало, и, во всяком случае, в издательстве «Парус», куда она была послана и где Горький был почти хозяином, — брошюра Ленина «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» не появилась. Она была напечатана только в 1925 году, в 22 томе первого ленинского собрания. Но самым жестоким, на мой взгляд, в истории этой дружбы — и самым характерным для непонимания Горьким марксизма — было письмо Горького к Пятницкому, предупреждавшее, чтоб Пятницкий не издавал в России «Материализма и эмпириокритицизма»:

«...Относительно издания книги Ленина: я против этого...» (Дальше идут объяснения, почему «против», с комплиментами по адресу Ильича, — он боец, он назовет дурачками своих противников, издающих эту книгу.) «...Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К°, с другой — очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедуют исторический фатализм, противная сторона — исповедует философию активности. Для меня ясно, на чьей стороне больше правды...».¹⁶⁶

Это Ленин и Плеханов, марксисты, — проповедуют исторический фатализм! Хотя и ребенок знает, — а тем более должен знать член социал-демократической партии, что «философы до сих пор только объясняли мир», а существо философии Маркса — в задаче «преобразовать мир». Ленин «фаталист», создавший передовой отряд преобразователей мира, перевернувший страницу в истории общества! «Фаталистично» учение о свободе, предполагающее в человеке величайший самостоятельный акт его «я» — сознание необходимости! И рядом — компания эпигонов умирающей философии девятнадцатого века, эпигонов, не сумевших даже понять Гегеля, перешагнувших через Гегеля, — вся пресловутая «философия активности» которых заключалась в изготовлении «и нашим, и вашим» крошки, где можно было бы залить противоположность между идеализмом и материализмом растворителем — домашним русским квасом. Я понимаю, как бешено мог ругаться Ленин. Но, ругаясь бешено, во всю мощь своей кипучей природы, Ленин никогда не поднимал руку на Горького, на свою любовь к Горькому. В четвертом «Письме из далека», в труднейшее для Ленина время, сразу после Февральской революции, в марте 1917 года, — земля горела у него под ногами в Цюрихе, и каждым нервом своим он тянулся в Россию, — и тут даже не смог он устоять перед Горьким, перед его улыбкой. А разбушеваться по-ленински было за что:

«Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, — пишет Ленин о послании Горького после Февральской революции Временному правительству и Исполнительному комитету, — насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками. Пишущему эти строки случилось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: „Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди“. Нелегко спорить против этого.

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

---

¹⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 170.

¹⁶⁶ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 42.

Но зачем же Горькому братья за политику?». ¹⁶⁷ Максим Горький в своем обращении к февральскому правительству выразил, по мнению Ленина, «чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих». ¹⁶⁸

О том, что делалось с ним в это время, мы можем представить себе по массовым чувствам обывателей, по стихийному доверию толпы, по влюбленной вере в Керенского, охватившей не только гимназисток и «мелкую буржуазию», но и часть рабочего класса, и многих, многих в нашей собственной среде. Горький *поверил* в Февральскую революцию. А Ленину надо было поворачивать рычаг истории к Октябрю и все силы партии, все силы сознательных рабочих — грудью бросить на руль, на рычаг, отягощенный напором масс в другую сторону. Надо было повести «упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу» с «обывательскими предрассудками», — чтоб из русла буржуазно-республиканских иллюзий повернуть Россию в русло социализма. Гигантские усилия тех месяцев еще не нашли себе художника в их полный рост. А Горький, такой нужный именно тогда, такой любимый товарищ, чье усилие могло бы стать решающим для студенчества и для интеллигенции, — в эти именно месяцы ушел из партии. Он считал, что не время еще социализму на Руси.

В гениальной горьковской формуле об активности человеческого «я» — не достало расшифровки понятия «активности», как ведущей, направляющей ход истории вперед, *положительной* силы, противопоставленной «мертвой точке анархизма». Горький остался верен «критической стороне» своей философии. Мы знаем, что всей своей последующей жизнью — учителя и собирателя советских писателей, гневного публициста против врагов нового общества, верного помощника партии — он искупил свою ошибку. Но и тогда — ошибавшегося, недовольного, больного, которому «жить противно», Ленин любил Горького. Он настолько любил Горького, что — занятый по горло, 31 июля 1919 года, в нечеловечески трудной, напряженной обстановке яростной войны с интервентами и голода в стране — нашел время и силы ответить на озлобленное «критическое» письмо писателя, измученного петербургской жизнью, так мудро и так подробно, как только отец мог ответить сыну. Привожу отрывки из этого письма Ленина, говорящие и сейчас совести каждого творческого работника:

«...Если *наблюдать*, надо наблюдать внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать. Вместо этого Вы поставили себя в положение профессионального редактора переводов и т. п., положение, в котором наблюдать нового строения новой жизни нельзя, положение, в котором все силы ухлопываются на большое брюзжание больной интеллигенции, на наблюдение „бывшей“ столицы в условиях отчаянной военной опасности и свирепой нужды.

Вы поставили себя в положение, в котором непосредственно наблюдать нового в жизни рабочих и крестьян, т. е. 9/10 населения России, Вы *не можете*;

---

¹⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 48–49.

¹⁶⁸ Там же, с. 49. Позднее, в 1933 году, в письме к И. А. Груздеву Горький отрицал, но, правда, не очень убедительно, существование такого «обращения» и приписал его выдумке иностранной прессы. См.: М. Горький. Собр. соч., т. 30, с. 303.

в котором Вы вынуждены наблюдать обрывки жизни бывшей столицы, из коей цвет рабочих ушел на фронты и в деревню и где осталось непропорционально много безместной и безработной интеллигенции, *специально* Вас „осаждающей“. Советы уехать Вы упорно отвергаете.

Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам, Вы пишете, не только тяжело, но и „весьма противно“!!! Еще бы! В такое время приковать себя к самому больному пункту в качестве редактора переводной литературы (самое подходящее занятие для наблюдения людей, для художника!). Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете*. Вы отняли у себя возможность то делать, что удовлетворило бы художника, — в Питере можно работать политику, но Вы не политик. Сегодня — зря разбитые стекла, завтра выстрелы и вопли из тюрьмы, потом обрывки речей самых усталых из оставшихся в Питере нерабочих, затем миллион впечатлений от интеллигенции, столичной интеллигенции без столицы, потом сотни жалоб от обиженных, в свободное от редакторства время, никакого строительства жизни видеть *нельзя* (оно идет по-особому и меньше всего в Питере), — как тут не довести себя до того, что жить весьма противно.

Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее свержение. Естественно. За первую Советскую республику первые удары *отовсюду*. Естественно. Тут жить надо либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового...

...Высказал Вам откровенно мои мысли по поводу Вашего письма... Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно.

***Крепко жму руку
Ваш Ленин». 169***

Огромным накалом воли полны эти строки. Как удар колокола, утверждающий, подтверждающий, звучит дважды ленинское «естественно», образец его ударного стиля, где словесность и письменность слиты в одно. Для Ленина бешеная месть буржуазии за ее свержение — это *естественно*. Первые удары со всех сторон на первую Советскую республику — это *естественно*. Гремит гром, сверкает молния, идет буря — это *естественно*, как сама природа. Ильич целиком в борьбе, в своей революционной стихии, он стал ликующей, направляющей, победительной силой самой истории, как бы ставшей природой.

Ну, а Горький, тот, кто пел навстречу буре, когда ее еще не было, кто звал ее — «пусть сильнее грянет буря»? Горький был тем, за что до конца жизни любил Ленин Горького, за что он не только прощал его, уча и наставляя, как отец сына, но и за то любил он Горького, и в этом глубочайшая разгадка их взаимоотношений, их дружбы — до «встречи памятью» перед смертью, — что он был ему *жизненно нужен*. Горький был большим, настоящим художником.

Вчитаемся, как перечисляет Ленин обстоятельства жизни в Питере, столице, потерявшей свою столичность. «Зря разбитые стекла», «выстрелы и вопли из тюрьмы», «сотни жалоб от обиженных», «обрывки речей самых усталых из оставшихся в Питере нерабочих»... В стремительном вихре письма это все несется, как клочки бумаги, легкий мусор, брошенные черепки из покидаемой, уже пустой квартиры. Оно сдувается ветром истории в небытие. Оно несущественно, оно видится Ильичу в потоке ослепляющего света Грядущего, которое очистительно, грозными шагами идет в мир и завтра станет реальностью.

А теперь представим себе, как этот звон разбитых стекол, выстрелы, вопли, жалобы обиженных воспринимает Горький, стоящий в самом центре потрясенного города и, как радиоантенна, принимающий всеми нервами, всем восприятием художника, — особой, сугубо-чувствительной человеческой организацией, — стоны страдания, шум обрушивающегося старого мира, случайность, ставшую хозяйкой расстроенного, неслаженного, потерявшего ритм оркестра, случайность, оправданную народом в жестокой поговорке «Лес рубят — щепки летят». Художник никогда не оправдывал горя человеческого. Не важно, кто они, откуда. Люди. Люди — не щепки. И люди к нему — к художнику-антенне — кидают свои жалобы, свой скрежет зубов. Горький становится голосом протеста человеческого, в своем роде фигурой старинного романа Жан-Поля Рихтера «Зибенкейзом, адвокатом бедных». И — для Ленина, к Ленину, — обвинителем за сумасшедший оркестр страдания, все равно какого, но — человеческого. Он не желает покидать Петербург, не желает ехать за границу, не желает плыть по Волге на пароходе с Надеждой Константиновной, как предлагает Ленин. Больной, измученный, он отвечает «нет, нет, нет» на все предложенья Ленина. И вот он становится «полпредом» уходящего, старого, страдающего мира, а вместе с этим — помощником, собирателем, организатором всего, что осталось в нестоличной столице талантливого, ценного, умного. Пайки для ученых, квартиры для бездомных, дрова для квартир, собаки для Павлова, грандиозная система кормления интеллигенции кормленья не только тела, но и духа, — в невиданного размаха издательстве «Всемирная литература». И тут же, на ходу, он успевает обогатить зашедшего к нему писателя незнакомым (но таким родным и нужным впоследствии) именем Лихтенштадта.

Ленин был великим диалектиком, ненавидевшим все стоячее, и особенно остановившееся, обезжизненное слово. Надо понять и помнить его гениальное рассуждение в письме к Инессе Арманд:

«Люди большей частью (99 % из буржуазии, 98 % из ликвидаторов, около 60–70 % из большевиков) не умеют думать, а только заучивают слова. Заучили слово: „подполье“. Твердо. Повторить могут. Наизусть знают.

А как надо изменить его формы в новой обстановке, как для этого заново учиться и думать надо, этого мы не понимаем». ¹⁷⁰

Ленин остался таким же до самой смерти — и судя по всему, что вынес он на своих плечах с 1917 года, от Брестского мира и до нэпа, указанные им «60–70 % из большевиков» — нисколько не уменьшились, если не возросли числом. Во всяком случае, в тех последних трудах своих, которые он уже не может писать, а только диктует, — он тот же могучий и гибкий диалектик. В 1923 году 4 и 6 января он диктует статью «О кооперации». Разговор о кооперации до революции вызывал у большевиков «законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение», — но изменилась

---

¹⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 242–243.

обстановка, она стала новой, все средства производства в руках у народной власти, а «улыбки» у 60–70 % все те же. «И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России... В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно...». ¹⁷¹ До самой смерти, уже потеряв возможность держать ручку в руке, он учит огромный процент товарищей, чуть ли не две трети, пониманию диалектика, необходимости думать, переосмысливать слово при каждой перемене обстановки.

И Ленин — в органической связи с прирожденным даром диалектического мышления — глубоко, до самозабвения любил жизнь, «вечно зеленое дерево жизни». Жизнь была для него великим корректором. Уроки жизни он схватывал сразу и охотно говаривал, получая их, что «ошибался жестоко». Так оно вырвалось у него однажды в письме Горькому:

«Прав был философ Гегель, ей-боту: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется». ¹⁷²

Вот этим жизнелюбием, связанным с гибкой диалектичностью мышления, Ленин любил Горького, тянулся к нему. Ошибутся те, кто думает, что в своей с ним переписке один только Ленин учил Горького и был односторонне нужен Горькому. Вчитавшись в каждое слово этой переписки, начинаешь чувствовать, каким необходимым был мятущийся, отступающий, упрямый, впечатлительный, яркий Горький для Ильича, обтачивавшего свои мысли об эту дружбу, об ответы, казалось бы, такого несхожего, разного, чуждого человека, — *политику нужен художник*, как воздух, как хлеб, как правой ноге нужна левая; давным-давно какой-то философ сказал, что, двигаясь, мы последовательно падаем, и если б не было левой ноги, человек падал бы в одну сторону, а если б не было правой — в другую — и только потому, что он падает то на одну, то на другую — получается движение вперед. Может быть, это сильно сказано, — чересчур. Но мне думается, будь Горький другим, не ошибайся он в 1908-м, в 1917-м и, может быть, не один раз *до* и *после*. — Ильич не смог бы любить его так, как любил, заряжаясь, настаиваясь, оттачиваясь от своего спора с ним.

И тут я опять подхожу к последней их «встрече памятью» у порога смерти.

Не только перед одной Надеждой Константиновной, но и перед каждым из нас, жизнью связанных с Ильичем, должны встать веред глазами это лицо и этот взгляд, когда Ленин слушал и смотрел в окно куда-то вдаль... «В последний месяц жизни», писала Крупская Горькому, — значит, зимой. Когда в окно видны заснеженные деревья, но сквозь ветви все же проглядывает даль, быть может, аллея парка в Горках, быть может, дальний просвет между елей. Зима, птицы не поют, скованы льдом сосульки, не слышно сквозь стены треска мороза, тихо. Надежда Константиновна читает спокойно, не повышая голоса, чтоб не взволновать больного. Она читает статью Горького:

---

¹⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369–370.

¹⁷² Там же, т. 47, с. 219.

«...Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля...»¹⁷³

И тут, мне кажется, углы губ Ильича чуть тронула едва заметная улыбка. Доказательств нет. Единственный свидетель, Крупская, об этом ни слова не сказала. А улыбка мерещится мне, когда закрою глаза, когда, медленно ступая в очереди, всматриваюсь в неподвижные черты, скованные, в вечной тишине Мавзолея. Улыбка чуть-чуть, — должна была быть. Почему Владимир Ильич вдруг вздумал прослушать давным-давно знакомую, порядком обозлившую его статью старого друга? Ведь не для того же, чтоб обласкать себя волной хвалебных слов на прощанье? И не для того, чтоб проверить, правильно ли он тогда возмутился статьей?

Я вхожу теперь в область догадок. И каждый, кому дан ключ в эту область, имеет право в нее войти. Ключ — любовь. И ключ этот дан мне в руки.

..Гм, гм... мог сказать себе Ильич. «Краткому, характерному восклицанию „гм-гм“ он умел придавать бесконечную гамму оттенков от язвительной иронии до осторожного сомненья, и часто в этом „гм-гм“ звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни»,¹⁷⁴ как написал о нем Горький после его смерти.

Что же мог бы он выразить этим «гм-гм» сейчас? В последние годы, вот и в это лежачее, насильственно-неподвижное время, ему, бойцу, сильно не хватало своего старого спора с другом; он, боец, скучал без полемики. Он хотел коснуться, дотронуться до этих строчек, зарядку получить, отпрянуть от них, чтоб горячее дыхание жизни, «живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется», — окропили его своей живой водой, раз уж врачи запрещают споры, свиданья, а встать, на лыжах пойти туда вдаль — нельзя и уже никогда нельзя будет. Возможно, он этого не думал ясно. Возможно, это шевелилось где-то в душе, в инстинкте, — без слов. Но толчок и — отпрядывание: живительный контакт с противником в споре тотчас произошел.

Гм-гм... «аскетически и мужественно». Неверно формально: аскеза несовместима с мужеством, бегство от жизни — трусость, а не мужество. И фактически неверно... никогда он не был аскетом. Он был борец.

Говорят, перед уходом из жизни проплывают перед глазами образы прожитого с детских до последних дней. Какие образы проплыли тогда перед взглядом Ленина, устремленным вдаль? Он глядел в заснеженную аллею парка. Недавно по этой аллее шел кузнец с глуховской фабрики — удивительный старик, словно сошедший со страниц раннего Горького. Кузнец крепко обнял Ленина и все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я — кузнец. Мы скуем все намеченное тобою», — и плакал старик.¹⁷⁵ Тепло народной любви охватило Ленина... Они, глуховцы, привезли вишневые деревца для посадки. Это хорошо — деревца, природа. И может быть, память унесла его далеко-далеко, к подножию Ротхорна, в швейцарскую деревушку

---

¹⁷³ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, с. 1932–1933.

¹⁷⁴ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», с. 262.

¹⁷⁵ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 3, с. 369.

Сёренберг, где втроем они бродят по лесу, собирают грибы — грибов уйма была... И его уголок в саду, рабочий стол, счастье работы.

Много позднее Крупская расскажет в своих воспоминаниях: «Вставали рано, и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своем углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки». ¹⁷⁶ Теплая волна музыки, смешанная с благоуханием леса, белых грибов, сухих, мшистых ложбинок под солнцем, — гора «Красный Рог» — Ротхорн, белые альпийские розы...

Ленин умел ненавидеть в борьбе, как это свойственно человеку. И Ленин умел любить, как это свойственно сердцу человеческому. А если б этого не было, если б был он аскетом, — человечество не могло бы так горячо полюбить его самого, — родного и близкого, нужного и своего, как оно любит Ленина сейчас.

*Ялта.
28 мая 1968 г.*

Слово и слава Ленина

Владимир Ленин. Детская болезнь "левизны" в коммунизме

ОПЫТ ПОПУЛЯРНОЙ БЕСЕДЫ О МАРКСИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ

Написано в апреле-мае 1920 г.

Напечатано отдельной книгой в июне 1920 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

---

¹⁷⁶ «Воспоминания о Ленине», с. 237–238.

Посвящаю эту статью высокопочтенному мистеру Ллойд-Джорджу в изъявление признательности за его почти марксистскую и во всяком случае чрезвычайно полезную для коммунистов и большевиков всего мира речь 18. III. 1920.

1. В КАКОМ СМЫСЛЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25.X- 7.XI 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западно-европейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.-е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, -- а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) советской власти, а также основ большевистской теории и тактики. Этого не поняли «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского в Германии, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии, которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства. Между прочим, анонимная брошюра «Всемирная революция» «Weltrevolution», вышедшая в 1919 году в Вене (Sozialistische Bucherei, Heft 11; Ignaz B and, показывает особенно наглядно весь ход мысли и весь круг мысли, вернее, всю бездну недомыслия, педантизма, подлости и предательства интересов рабочего класса -- и притом под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Но остановиться подробнее на этой брошюре придется когда-либо другой раз. Здесь же отметим только еще одно: в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 году, когда Каутский писал в революционной «Искре» статью: «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время (в противоположность 1848 году) можно думать, что не-только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и

революционного деда все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника, - европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов». (Д. Каутский. «Славяне и революция». «Искра» ? 18, 10 марта 1902 г.) Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!

II. ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ УСПЕХА БОЛЬШЕВИКОВ

Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то, что 2 1/2 года, но и 2 1/2 месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т.-е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои.

Диктатура пролетариата есть самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной, войны не на живот, а на смерть, -- войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, неуклонности и единства воли.

Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная

централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко недостаточно размышляют о том, что это значит, при каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу советской власти и большевиков почаще сопровождать серьезнейшим анализом причин того, почему большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.

И, прежде всего, является вопрос: чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с не пролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, не осуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, во фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается лишь правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917-1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-на-просто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой -- и только этой -- революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, приме; но с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно*) дикого и реакционного царизма» жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством

интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903-1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

III. ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

Годы подготовки революции (1903-1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически все основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарски-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают -- и готовят -- грядущую открытую борьбу классов. Все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905-7 и в 1917-1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв.

Годы революции (1905 -- 1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким, крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении Советов предвосхищают великую борьбу 1917-1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношения и связи -- все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки -- и масс и вождей, и классов и партий, -- году «мирного» «конституционного» развития. Без генеральной репетиции» 1905 года победа октябрьской революции 1917 года была бы невозможна.

Годы реакции (1907-1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография па место политики [В печатном тексте дальше добавлено: «Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контр-революционных настроений.» Ред.]. По в то же время именно великое

поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политические борьбу. Дружья познаются в несчастьи. Разбитые армии хорошо учатся.

Победивший царизм вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, надклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избежать капитализм разлетаются прахом. Классовая борьба выступает совсем по новому и тем более отчетливо.

Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится попятить, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступить. Приходится понять, -- и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, -- что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях.

Годы подъема (1910-1914). Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленских событий 1912 года, несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была попята всей буржуазией после 1905 года и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционнейшей Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию.

Первая всемирная империалистская война (1914-1917). Легальный парламентаризм, при условиях крайней реакционности «парламента», служит полезнейшую службу партии революционного пролетариата, большевикам. Большевики депутаты идут на каторгу**). В эмигрантской прессе все оттенки взглядов социал-империализма, социал-шовинизма, социал-патриотизма, непоследовательного и последовательного интернационализма, пацифизма и революционного Отрицания пацифистских иллюзий находят у нас свое полное выражение. Ученые дураки и старые бабы II Интернационала, которые пренебрежительно и высоко мерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во всех передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917-20 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгетизм во Франции, взгляды вождей Нез. раб. партии

п фабианцев в Англии, Турати в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков.

Вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917 г.). Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную -- в обстановке войны, -- чем любая страна в мире. Правительство стали создавать вожди оппозиционных и революционных партий -- как в наиболее «строго-парламентарных» республик IX, при чем звание вождя оппозиционной партии в парламенте, хотя и самом что ни на есть реакционном, облегчало последующую роль такого вождя в революции.

Меньшевики и «социалисты-революционеры» в несколько недель великолепно усвоили себе все приемы и манеры, доводы и софизмы европейских героев II Интернационала, министриалистов и прочей оппортунистической швали. Все, что мы читаем теперь о Шейдеманах и Носке, Каутском и Крнспипе [В печатном тексте: Гильфердинге Ред., о Реннере и Аустерлице, Отто Бауэре и Фриц Адлере, о Турати и Лонгэ, о фабианцах и вождях «Незав. рабоч. партии» в Англии, все это кажется нам (и на деле является) скучным повторением, перепевом знакомого и старого мотива. Все это у меньшевиков мы уже видали. История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран.

Если все герои II Интернационала потерпели банкротство, осрамились на вопросе о значении и роли советов и советской власти, если особенно «ярко» осрамились и запутались па этом вопросе вожди вышедших ныне из II Интернационала трех очень важных партий (именно немецкой независимой с.-д. партии французской лонгетистской и английской независимой рабочей партии), если все они оказались рабами предрассудков мелко-буржуазной демократии (совсем в духе мелких буржуа 1848 года, звавших себя «социал-демократами»), то мы уже на примере меньшевиков видели все это. История сыграла такую шутку, что в России в 1905 году родились Советы, что их фальсифицировали в феврале-октябре 1917 года меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь во всем мире родилась идея советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран, при чем старые герои II Интернационала повсюду так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение Советов, как наши меньшевики. Опыт доказал, что, в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции, всем странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия.

Свою победоносную борьбу против парламентарной (фактически) буржуазной республики и против меньшевиков большевики начали очень осторожно и подготавливали вовсе не просто-вопреки тем взглядам, которые нередко встречаются теперь в Европе и Америке. Мы не призывали в начале указанного периода к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения без предварительных изменений в составе и настроении Советов. Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, а говорили- с апрельской (1917) конференции нашей партии говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотнительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы.

IV. В БОРЬБЕ С КАКИМИ ВРАГАМИ ВНУТРИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВЫРОС, ОКРЕП И ЗАКАЛИЛСЯ БОЛЬШЕВИЗМ?

Во-первых и главным образом в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе. Этому врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания. Эта сторона деятельности большевиков теперь уже довольно хорошо известна и за границей.

Иное приходится сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения. За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено, -- и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, -- что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это -- социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, -- все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной -- более или менее оригинальной-обстановке.

Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга. И если в России, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма. Говорю: «отчасти», ибо еще более важную роль в деле ослабления анархизма в России сыграло то, что он имел возможность в прошлом (70-ые годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою непригодность, как руководящей теории для революционного класса.

Большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имела всегда у революционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900-1903 годах, когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России. Большевизм воспринял и продолжал борьбу с партией, всего более выражавшей тенденции мелкобуржуазной революционности, именно с партией «социалистов-революционеров», по трем главным пунктам. Во-первых, эта партия, отрицавшая

марксизм, упорно не хотела (вернее, пожалуй, будет сказать: не могла) понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых, эта партия видела свою особую «революционность» или «левизну» в признании ею индивидуального террора, покушений, что мы, марксисты, решительно отвергали. Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазною всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900 -- 3 году, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию 99). В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы хихикать над наибольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии на-ряду с подражанием крайним оппортунистам этой же партии в вопросе, напр., аграрном или в вопросе о диктатуре пролетариата.

История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что революционная немецкая социал-демократия (заметьте, что еще Плеханов в 1900-3 годах требовал исключения Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 году разоблачали всю низость, подлость и предательство Легипа, -- что революционная немецкая социал-демократия ближе всего была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 году, после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев и на левом, пролетарском крыле «Независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гидьфердингов, Ледебуров, Криспипов. Если бросить теперь общий взгляд на вполне законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой социалистической Советской республики, то совершенно определенный и бесспорный абрис принимает вообще отношение марксизма к анархизму. Марксизм оказался правым в конце концов, и если анархисты справедливо указывали на оппортунистичность господствующих среди большинства социалистических партий взглядов на государство, то, во-первых, эта оппортунистичность была связана с искажением и даже прямым сокрытием взглядов Маркса на государство (в своей книге «Государство и революция» я отметил, что Бебель 36 лет, с 1875 до 1911, держал под спудом письмо Энгельса, особенно рельефно, резко, прямо, ясно разоблачившее оппортунизм ходячих социал-демократических воззрений на государство); во-вторых, исправление этих оппортунистических взглядов, признание советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В двух случаях борьба большевизма с уклонами «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 году из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах и в 1918 году (Брестский мир) из-за вопроса о допустимости того или иного «компромисса».

В 1908 году «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте». «Левые» -- из числа которых было

много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть) членами коммунистической партии -- опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 году. Когда царь в августе 1905 года объявил созыв совещательного «парламента», большевики объявили бойкот его -- против всех оппозиционных партий и против меньшевиков -- и октябрьская революция 1905 года действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным.

Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. По слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на иные условия, в иную обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой легко поправимой, [К политике и партиям применимо -- с соответственными изменениями -- то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их.] был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году. Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 8 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание, и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии. Теперь, когда глядишь назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась, становится особенно ясным, что большевики не могли бы удержать (не говорю уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908-1914 годах, если бы они не отстояли в самой суровой борьбе обязательности соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с обязательным участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.).

В 1918 году дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 году виднейшие представители «левого коммунизма», напр., тт. Радек и Бухарин, открыто признали свою ошибку. Им казалось, что Брестский мир был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был обязателен.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, напр., «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечание товарища Лэнсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди трэд-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев, а в случае, который был со мной лично, действительно так и поступили, но потом были пойманы и расстреляны). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

А вот когда меньшевики и эс-эры в России, шейдсмановцы (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр и Фридрих Адлер (не говоря уже о гг. Реннерах и К°) в Австрии, Ренодели и Лонгэ с К° во Франции, фабианцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы») в Англии заключали в 1914- 1918 и в 1918-1920 годах компромиссы с бандитами своей собственной, а иногда также «союзной» буржуазии против революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали как соучастники бандитизма.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить конкретные случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и предательство и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против этих конкретных компромиссов, не позволяя мерзавцам, жуликам, адвокатишкам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «водители тред-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой» рабоч. партии именно так увертываются от ответственности за совершенное ими предательство, за совершенный ими такой компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные данные каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. По тот, кто вздумал бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни, или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германским империализмом, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм па деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли на каторгу, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве.

Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир всем народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эс-эры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914-1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т.-е. защиту своей грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией своей страны и борясь вместе со своей буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией их стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. Их компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя соучастниками империалистского бандитизма.

V. «ЛЕВЫЙ» КОММУНИЗМ В ГЕРМАНИИ. ВОЖДИ -- ПАРТИЯ -- КЛАСС -- МАССА

Германские коммунисты, о которых мы должны говорить теперь, называют себя не «левыми», а -- если я не ошибаюсь -- «принципиальной оппозицией» (grundsatzliche Opposition). Но что они вполне подходят под признаки «детской болезни левизны», это видно будет из дальнейшего изложения.

Стоящая на точке зрения этой оппозиции брошюрка «Раскол Ком. Партии Германии (союза спартаковцев)» («Die Spaltung der K.P.D. Spartacus-Bund»), изданная «местной группой в Франкфурте на Майне», в высшей степени рельефно, точно, ясно, кратко излагает сущность взглядов этой оппозиции. Несколько цитат будет достаточно для ознакомления читателей с этой сущностью:

«Коммунистическая партия есть партия самой решительной классово-борьбы...

... «Политически это переходное время» (между капитализмом и социализмом) «является периодом пролетарской диктатуры...

... «Возникает вопрос: кто должен быть носителем диктатуры: коммунистическая партия или пролетарский класс?.. Принципиально следует стремиться к диктатуре коммунистической партии или к диктатуре пролетарского класса?!!».

[курсив и жирный шрифт везде в цитате взят из оригинала].

Далее «центр»***) («die Zentrale»*) Ком. партии Германии обвиняется автором брошюры в том, что этот «центр»***) ищет пути к коалиции с Незав. с.-д. партией Германии, что «сопрос о принципиальном признании всех политических средств» борьбы, в том числе парламентаризма, выдвинут этим «центром»

лишь для прикрытия его настоящих и главных стремлений к коалиции с независимцами. И брошюра продолжает:

«Оппозиция выбрала иной путь. Она держится того мнения, что вопрос о господстве комм. партии и о диктатуре партии есть лишь вопрос тактики. Во всяком случае господство комм. партии есть последняя форма всякого господства партии. Принципиально надо стремиться к диктатуре пролетарского класса. И все мероприятия партии, ее организации, ее форма борьбы, ее стратегия и тактика должны быть приурочены к этому. Сообразно этому со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику, лавирования и соглашательства». (В оригинале «Praktiers», видимо опечатка вместо Praktierens.) «Специфически пролетарские методы революционной борьбы должны быть усиленно подчеркнуты. А для включения самых широких пролетарских кругов и слоев, которые должны выступать в революционной борьбе под руководством (unter Flihrung) комм. партии, должны быть созданы (sind zu treffen) новые организационные формы на самой широкой основе и с самыми широкими рамками. Это место соединения» (или сбора, Sammelbecken) «всех революционных элементов есть рабочий союз, построенный на базе фабричных (Betriebs-) организаций. В нем должны соединиться все рабочие, которые последовали лозунгу: вон из профсоюзов! Здесь формируется борющийся пролетариат в самых широких боевых рядах. Признание классово борьбы, советской системы и диктатуры достаточно для вступления. Все дальнейшее, политическое воспитание борющихся масс и политическая ориентировка в борьбе есть задача комм. партии, которая стоит вне рабочего союза»...

...«Две комм. партии стоят теперь, след., друг против друга: одна -- партия вождей, которая стремится организовать революционную борьбу и управлять ею сверху, идя на компромиссы и на парламентаризм, чтобы создать такие ситуации, которые позволили бы им вступить в коалиционное правительство, в руках которого (deien?) находилась бы диктатура.

«Другая -- массовая партия,

которая ожидает подъема (Emporschlagen) революционной борьбы снизу, зная и применяя для этой борьбы лишь один ясно ведущий к цели (zielklare) метод, отклоняя всякие парламентарные и оппортунистические методы; этот единственный метод есть метод безоговорочного (или беззаветного? riicksichtslos) свержения буржуазии, чтобы затем учредить пролетарскую классовую диктатуру для осуществления социализма»...

...«Там диктатура вождей -- здесь диктатура масс! таков наш лозунг».

Таковы наиболее существенные положения, характеризующие взгляды оппозиции в немецкой коммун, партии.

Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 года, скажет сразу, прочитав эти рассуждения: «какой это старый, давно знакомый хлам! какое это «левое» ребячество!» Но присмотримся к приведенным рассуждениям поближе. Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся

смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; -- что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства;--что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии;--что политические партии в виде общего правила руководятся более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина? какой-то новый волапюк? С одной стороны, повидимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными съездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами, прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного, пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократичным» приемам выделения или образования или сохранения «групп вожаков», -- люди растерялись и начали выдумывать сверхъестественный вздор. Вероятно, голландские «трибунисты», которые имели несчастье родиться в маленькой стране, с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения, люди, совсем не видавшие смены легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бессвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слышали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему. выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852-1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были -- прямо или косвенно -- на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т.-е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Договориться по этому поводу до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, взглядов всех цивилизованных людей, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долгой вождей») новых вождей которые

говорят сверхъестественную чепуху и путаницу. Таковы в Германии Лауфенберг, Вольфгейм, Хорнер (Horner), Карл Шредер (Kari Schroder), Фридрих Вендель (Friedrich Wendell), Карл Эрлер *(Erier).. Попытки этого последнего «углубить» (по-немецки: verballhornen) вопрос и объявить вообще ненадобность и «бур-жуазность» политических партий есть уже такие геркулесовы столпы нелепости, что остается только руками развести. Бот уже поистине: из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовищно-большую, если на ошибке настаивать, если ее углубленно обосновывать, если ее «доводить до конца»!

Отрицание партийности и партийной дисциплины-вот что получилось у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии. Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся годами повсюду после завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. Уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов-это мы сравнительно легко сделали-это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов -- самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата.

Рядом с вопросом о вождях -- партии -- классе -- массе следует поставить вопрос о «реакционных» профсоюзах. Но сначала я позволю себе еще пару заключительных замечаний на основании опыта нашей партии. Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На IX съезде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п. Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Эта болезнь проходит

безопасно, и организм после нее становится даже крепче. С другой стороны, быстрая смена легальной и нелегальной работы, связанная с необходимостью особенно «прятать», особенно конспирировать именно главный штаб, именно вождей, приводила у нас иногда к глубоко опасным явлениям. Худшим было то, что в 1912 году в Ц. К. большевиков вошел провокатор, Малиновский**. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя па каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу. Над этим фактом не мешает хорошенько подумать тем немецким (а также английским и американским, французским и итальянским) товарищам, которые стоят перед задачей научиться вести революционную работу в реакционных профсоюзах.

*) «Комм. Раб. Газета» («Kommun. Arb.-Zeitung», Hamburg 7. II. 1920, No 32: «Die Auflosiing der Partei» «статья». («Роспуск партии» Карла Эрлери): «Раб. класс не может разрушить буржуазного государства без уничтожения буржуазной демократии, и он не может уничтожить буржуазной демократии без разрушений партии» («Die Arbeiterklasse kanud. burgerliclien Staat nichtzerlrum mern ohne Vernichtung der biirgeriichen Demokratie, u. sie kann die blir-fferliche Demoknitie mcht vernichten ohne die Zei triimmerung der Parteien»)

Наиболее путанные головы из романских синдикалистов и анархистов могут получить «удовлетворение»: солидные немцы, видимо считающие себя марксистами (К. Эрлер и К. Хорнер своими статьями в названной газете особенно солидно доказывают, что они считают себя солидными марксистами, и особенно смешно говорят невероятный вздор, обнаруживая непонимание азбуки марксизма), договариваются до вещей совсем не подходящих. Одно признание марксизма еще не избавляет от ошибок. Русские это особенно хорошо знают, ибо у нас марксизм особенно часто бывал «модой». **) Малиновский был в плену в Германии. Когда он вернулся в Россию при власти большевиков, он был тотчас предан суду и расстрелян нашими рабочими. Меньшевики особенно зло нападали на нас за нашу ошибку, состоявшую в том, что провокатор был в Цека нашей партии. По когда мы, при Керенском, требовали ареста председателя Думы Родзянко и суда над ним, ибо Родзянко узнал еще до войны о провокаторстве Малиновского и не сообщил этого думским трудовикам и рабочим, то ни меньшевики, ни эс-эры, участвовавшие в правительстве вместе с Керенским, не поддержали нашего требования, и Родзянко остался на свободе, свободно ушел к Деникину.

VI. СЛЕДУЕТ ЛИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ РАБОТАТЬ В РЕАКЦИОННЫХ ПРОФСОЮЗАХ?

Немецкие «левые» считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламации и гневных восклицаний против «реакционных» и «контр-революционных» профсоюзов достаточно (особенно «солидно» и особенно глупо выходит это у К. Хорнера), чтобы «доказать» ненужность и даже непозволительность работы революционеров, коммунистов в желтых, социал-шовинистских, соглашательских, Легиновских, контр-революционных профсоюзах.

Но, как ни уверены немецкие «левые» в революционности такой тактики, на самом деле она в корне ошибочна и ничего кроме пустых фраз в себе не содержит.

Чтобы пояснить это, я начну с нашего опыта-сообразно общему плану настоящей статьи, имеющей целью применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

Соотношение вождей -- партии -- класса -- масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру пролетариата осуществляет коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного съезда (IV. 1920) 611 тыс. членов. Число членов колебалось и до октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии-только для рабочих и крестьян- в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т.-е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще не стойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам. Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выборный на съезде Центр. Комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально беспартийными. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (В. Ц. С. П. С. -- Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуществлять диктатуру без тесной связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженной работы их не только в хозяйственном, но и в военном, строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2 1/2 лет, но и 2 1/2 месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контр-революционным проделкам, начиная от идейной защиты (буржуазной) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимость -- от пролетарской государственной власти!), до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как беспартийные рабочие и крестьянские конференции, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о преобразовании Народного Комиссариата Государственного Контроля в «Рабоче-Крестьянскую Инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким демократическим учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как выросал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» или «снизу», диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука.

Таким же смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные (wichtig vun?) совсем ученые и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказываться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большей частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз» и т. д. и т. п.

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнюю девочку пытаться сделать матерью. В лучшем случае это глупая шутка или глупая детская шалость, в худшем -- гадость и преступление.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не Серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового объединения. Когда стала вырастать высшая форма классового объединения пролетариев, революционная партия пролетариата (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по новому, а не только по старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постепенного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая «реакционность» профсоюзов, в указанном смысле, неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. Бояться этой «реакционности», пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, рабочего, в котором не было бы цеховых и трэджюнионистских предрассудков, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

Далее. В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказалась и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас. У нас меньшевики имели (частью в очень немногих профсоюзах и сейчас имеют) опору в профсоюзах именно благодаря цеховой узости, профессиональному эгоизму и оппортунизму. На Западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии», чем у нас. Это бесспорно. Борьба с Гомперсами, Хендсрсонами, господами Жуо, Мерргеймамп, Легинами и К° в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют совершенно однородный, социальный Аполитический,

тип. Эту борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социал-шовинизма. Нельзя завоевать политическую власть (и не следует Пробовать брать политическую власть), пока эта борьба не доведена до известной степени, при чем в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» не одинакова, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране. (У нас мерилom успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, несколько дней спустя после пролетарского переворота 25. X. 1917, при чем на этих выборах меньшевики были разбиты на-голову, получив 0,7 милл. голосов -- 1,4 милл. с добавлением Закавказья -- против 9 милл. голосов, собранных большевиками: см. мою статью «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» в No 7-8 «Коммун. Интернационала».)

Но борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые от реакционности и контр-революционности верхушки профсоюзов умозаключают к... выходу из профсоюзов!! к отказу от работы в них!! к созданию новых, выдуманных, форм рабочей организации!! Это-такая непростительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии. к Ибо наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов» (labor lieutenants of the capitalist-class, по прекрасному и глубоководному выражению последователей Даниеля де-Лиона в Америке). Не работать внутри реакционных профсоюзов, I это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (ср. Энгельс в 1852 г. в письме к Марксу об английских рабочих).

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно работать там, где есть масса. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере), это именно такие организации, где есть масса. В Англии, по данным шведской газеты «Folkets Dagblad Politiken» (от 10. III. 1920), число членов трэд-юнионов с конца 1917 года до конца 1918 поднялось с 5,5 милл. до 6,6 милл., т.-е. увеличилось на 19%. К концу 1919 года считают до 7 1/2 милл. У меня нет под рукой соответствующих данных о Франции и Германии, но совершенно бесспорны и общеизвестны факты, свидетельствующие о большом росте числа членов профсоюзов и в этих странах.

Эти факты яснее ясного говорят о том, что подтверждается также тысячами иных указаний: рост сознательности и стремления в организации именно в пролетарских массах, в «низах», среди отсталых. Миллионы рабочих в Англии, Франции, Германии впервые переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предрассудками) форме организации, именно к профсоюзам, -- а революционные, но неразумные, левые коммунисты стоят рядом, кричат «масса», «масса»! -- и отказываются работать внутри профсоюзов!! отказываются под предлогом их «реакционности»!! выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, негрешный цеховыми и узко-профессионалистскими грехами «Рабочий Союз», который будто бы будет (будет!) широким и для участия в котором требуется только (только!) «признание советской системы и диктатуры» (смотри цитату выше)!!

Большого неразумия, большого вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить!

Да если бы мы сейчас в России, после 2 1/2 лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов- уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами.

Нет сомнения, господа Гомпсрсы, Хепдерсопы, Жуо, Лепты очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от такой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «промышленных рабочих мира», проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них. Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделками буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже-в случае надобности-пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу. При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных возможностей», но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев*. Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически.

Исполком III Интернационала должен, на мой лично взгляд, прямо осудить и предложить следующему съезду Комм. Интернационала осудить как вообще политику неучастия в реакционных профсоюзах (с подробной мотивировкой неразумности такого неучастия и крайней вредности его для дела пролетарской революции), так и в частности линию поведения

голландских трибунистов, которые-все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрито, целиком или отчасти-эту неправильную политику поддерживали. III Интернационал должен порвать с тактикой II-го и больных вопросов не обходить, не затушевывать, а ставить их ребром. Всю правду в лицо сказали «независимцам» (Независимой с.-д. партии Германии), всю правду в лицо надо сказать и «левым» коммунистам.

*Гомперсы, Хендерсоны, Жуо, Легины -- не что иное как Зубатовы, отличающиеся от нашего Зубатова европейским костюмом, лоском, цивилизованно, утонченно, демократически прилизанными приемами проведения их подлой политики.

VII. УЧАСТВОВАТЬ ЛИ В БУРЖУАЗНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ?

Немецкие «левые» коммунисты с величайшим пренебрежением -- и с величайшим легкомыслием -- отвечают на этот вопрос отрицательно. Их доводы? В приведенной выше цитате мы видели:

...«со всей решительностью отклонить всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма»...

Это сказано претенциозно до смешного и явно неверно. «Возвращение» к парламентаризму! Может быть, в Германии уже существует Советская республика? Как будто бы нет! Как же можно говорить тогда о «возвращении»? Разве это не пустая фраза?

«Исторически изжит» парламентаризм. Это верно в смысле пропаганды. Но всякий знает, что от этого до практического преодоления еще очень далеко. Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, объявить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы т почве капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле всемирно-историческом, т.-е. эпоха буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры пролетариата началась. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10-20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это-с точки зрения всемирной истории-мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть. Но именно поэтому в вопросе практической политики ссылаться на всемирно-исторический масштаб есть теоретическая неверность самая вопиющая.

«Политически изжит» парламентаризм? Вот это другое дело. Если бы это было верно, позиция у «левых» была бы прочная. Но это надо доказать серьезнейшим анализом, а «левые» не умеют даже и подступиться к нему. В «тезисах о парламентаризме», напечатанных в No 1 «Бюллетеня Временного Амстердамского Бюро Коммунистического Интернационала» («Bulletin of the Provisional Bureau in Amsterdam of the Communist International». February 1920)112) и явно выражающих голландски-левое или лево-голландское устремление, анализ тоже, как увидим, из рук вон плох.

Во-первых. Немецкие «левые», как известно, еще в январе 1919 года считали парламентаризм «политически изжитым», вопреки мнению таких выдающихся политических руководителей, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Известно, что «левые» ошиблись. Одно уж это сразу и в корень разрушает положение, будто парламентаризм «политически изжит». Па «левых» падает обязанность доказать, почему их тогдашняя бесспорная ошибка теперь перестала быть ошибкой.

Ни тени доказательства они не приводят и привести не могут. Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку-вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это -- воспитание и обучение класса, а затем и массы. Не выполняя этой своей обязанности, не относясь с чрезвычайным вниманием, тщательностью, осторожностью к изучению своей явной ошибки, «левые» в Германии (и в Голландии) как раз этим доказывают, что они не партия класса, а кружок, не партия масс, а группа интеллигентов и повторяющих худшие стороны интеллигентщины немногочисленных рабочих.

Во-вторых. В той же брошюре франкфуртской группы «левых», из которой мы привели подробные цитаты выше, мы читаем:

...«Миллионы рабочих, идущих еще за политикой центра» (католической партии «центра»), «контр-революционны. Сельские пролетарии выставляют легионы контр-революционных войск» (стран. 3 вышеназванной брошюрки).

По всему видно, что это сказано чересчур размахисто и преувеличено. Но основной факт, изложенный здесь, бесспорен, и признание его «левыми» особенно наглядно свидетельствует об их ошибке. Как же это можно говорить, будто «парламентаризм изжит политически», если «миллионы» и «легионы» пролетариев стоят еще не только за парламентаризм вообще, но и прямо «контр-революционны»? Явно, что парламентаризм в Германии еще не изжит политически. Явно, что «левые» в Германии приняли свое пожелание, свое идейно -- политическое отношение за объективную действительность. Это -- самая опасная ошибка для революционеров. В России, где сугубо дикий и свирепый гнет царизма особенно долго и в особенно разнообразных формах порождал революционеров разных толков, революционеров удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли, в России эту ошибку революционеров мы особенно близко наблюдали, особенно внимательно изучали, особенно хорошо знаем, и потому нам она особенно ясно видна и на других. Для коммунистов в Германии парламентаризм, конечно, «изжит политически», по делу как раз в том, чтобы не принять изжитого для нас за изжитое для класса, за изжитое для масс. Как раз тут мы опять видим, что «левые» не умеют рассуждать, не умеют вести себя как партия класса, как партия масс. Вы обязаны не опускаться до уровня масс, до уровня отсталых слоев класса. Это бесспорно. Вы обязаны говорить им горькую правду. Вы обязаны называть их буржуазно-демократические и парламентарные предрассудки предрассудками. Но вместе с тем вы обязаны трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся массы (а не только ее передовых людей).

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное меньшинство промышленных рабочих идет за католическими попами, -- сельских рабочих за помещиками и кулаками (Grossbauern), -- то отсюда уже с несомненностью вытекает, что парламентаризм в Германии еще не изжит политически, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне обязательно для партии революционного пролетариата именно в целях воспитания отсталых слоев своего класса, именно в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской массы. Пока вы не в силах разогнать буржуазного парламента и каких угодно реакционных учреждений иного типа, вы обязаны работать внутри них

именно потому, что там есть еще рабочие, одураченные попами и деревенскими захолустьями, иначе вы рискуете стать просто болтунами.

В-третьих. «Левые» коммунисты очень много хорошего говорят про нас, большевиков. Иногда хочется сказать: поменьше бы нас хвалили, побольше бы вникали в тактику большевиков, побольше бы знакомились с ней! Мы участвовали в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное собрание, в сентябре-ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет? Если нет, надо ясно сказать и доказать это: это необходимо для выработки правильной тактики международным коммунизмом. Если да, надо сделать отсюда известные выводы. Разумеется, о приравнивании условий России к условиям Зал. Европы не может быть и речи. Но по вопросу специально о том, что значит понятие: «парламентаризм политически изжит», обязательно точно учесть наш опыт, ибо без учета конкретного опыта подобные понятия слишком легко превращаются в пустые фразы. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре -- ноябре 1917 года, больше*), чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократического парламента. Что в России в сентябре -- ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократичного буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до и*) после завоевания пролетариатом политической власти. Что эти выборы дали чрезвычайно ценные (и для пролетариата в высокой степени полезные) политические результаты, это я, смею надеяться, доказал в названной выше статье, подробно разобравшей данные о выборах в Учредительное собрание в России.

Вывод отсюда совершенно бесспорный: доказано, что даже за несколько недель до победы Советской республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона, облегчают «политическое изживание» буржуазного парламентаризма. Не считаться с этим опытом и претендовать в то же время на принадлежность к Коммунистическому Интернационалу, который должен интернационально вырабатывать свою тактику (не как узко или односторонне национальную, а именно как интернациональную тактику), значит делать глубочайшую ошибку и как раз отступать от интернационализма на деле, при признании его на словах.

Взглянем теперь на «голландски-левые» доводы в пользу неучастия в парламентах. Вот перевод (с английского) важнейшего из названных выше «голландских» тезисов, тезиса 4-го:

«Когда капиталистическая система производства сломлена (надломлена? has broken down) и общество находится в состоянии революции, парламентская деятельность постепенно теряет значение по сравнению с действиями самих масс. Когда, при таких условиях (when, then), парламент становится центром и органом контр-революции, а, с другой стороны, рабочий класс строит орудия своей власти в виде Советов, -- может оказаться даже необходимым отказаться от всякого и какого бы то ни было участия в парламентской деятельности».

Первая фраза явно неверна, ибо действие масс -- напр., крупная стачка-важнее парламентской деятельности всегда, а вовсе не только во время революции или при революционной ситуации. Этот явно несостоятельный, исторически и политически неверный, довод показывает только с особенной наглядностью, что авторы абсолютно не учитывают ни общеевропейского (французского перед революциями 1848, 1870 годов; германского 1878-1890 годов и т. п.), ни русского (см. выше) опыта относительно важности соединения легальной и нелегальной борьбы. Этот вопрос имеет громаднейшее значение как вообще, так и специально потому, что во всех цивилизованных и передовых странах быстро приближается время, когда такое соединение все более и более становится-частью уже стало-обязательным для партии революционного пролетариата в силу нарастания и приближения гражданской войны пролетариата с буржуазией, в силу бешеных преследований коммунистов республиканскими и вообще буржуазными правительствами, идущими на всяческие нарушения легальности (чего стоит один пример Америки) и т. д. Этот важнейший вопрос голландцами и левыми вообще совершенно не понят. Вторая фраза, во-первых, неверна исторически. Мы, большевики, участвовали в самых контр-революционных парламентах, и опыт показал, что такое участие было не только полезно, но и необходимо для партии революционного пролетариата как раз после 1-ой буржуазной революции в России (1905) для подготовки 2-ой буржуазной (II. 1917) и затем социалистической (X. 1917) революции. Во-вторых, эта фраза поразительно нелогична. Из того, что парламент .становится органом и «центром» (на деле «центром» он никогда не бывал и быть не может, но это мимоходом) контр-революции, а рабочие создают орудия своей власти в виде Советов, из этого вытекает то, что рабочим надо подготавливаться-подготавливаться идейно, политически, технически - к борьбе Советов против парламента, к разгону парламента Советами. Но из этого вовсе не вытекает, что такой разгон затрудняется или не облегчается присутствием советской оппозиции внутри контр-революционного парламента. Мы ни разу не замечали во время своей победоносной борьбы с Деникиным и Колчаком, чтобы существование у них советской, пролетарской, оппозиции было безразлично для наших побед. Мы прекрасно знаем, что разгон нами учредилки 5. 1. 1918 был не затруднен, а облегчен тем, что внутри разгоняемой контр-революционной учредилки была как последовательная, большевистская, так и непоследовательная, лево-эс-эрская, советская оппозиция. Авторы тезиса совершенно запутались и забыли опыт целого ряда, если

це всех, революций, свидетельствующий о том, как особенно полезно во время революций соединение массового действия извне .реакционного парламента с сочувствующей революции (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозицией внутри этого парламента. Голландцы и «левые» вообще рассуждают здесь как доктринеры революции, никогда в настоящей революции не участвовавшие или в историю революций не вдумавшиеся или наивно принимающие субъективное «отрицание» известного реакционного учреждения за действительное его разрушение совместными силами целого ряда объективных факторов.

Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд. Именно такую медвежью услугу оказывают голландские и немецкие левые новой детине о превосходстве советской власти над буржуазно-демократическими парламентами. Разумеется, кто стал бы говорить по-старому и вообще, что отказ от участия в буржуазных парламентах ни при каких условиях не допустим, тот

был бы не прав. Пытаться дать здесь формулировку условий, при которых бойкот полезен, я не могу, ибо задача этой статьи гораздо более скромная: учесть русский опыт в связи с некоторыми злободневными вопросами интернациональной коммунистической тактики. Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками. Анализируя первый случай, мы видим: удалось не допустить созыва реакционной властью реакционного парламента в обстановке, когда с исключительной быстротой нарастало внепарламентское (в частности стачечное) революционное действие масс, когда никакой поддержки ни единый слой пролетариата и крестьянства реакционной власти оказывать не мог, когда влияние на широкие, отсталые массы революционный пролетариат обеспечивал себе стачечной борьбой и аграрным движением. Совершенно очевидно, что к европейским современным условиям этот опыт не применим. Совершенно очевидно также, -- на основании изложенных выше доводов, -- что защита, хотя бы условная, отказа от участия в парламентах голландцами и «левыми» в корне неправильна и вредна для дела революционного пролетариата.

В Западной Европе и Америке парламент сделался особенно ненавистным передовикам-революционерам из рабочего класса. Это бесспорно. Это вполне понятно, ибо трудно себе представить нечто более гнусное, подлое, изменническое, чем поведение гигантского большинства социалистических и соц.-дем. депутатов в парламенте за время войны и после нее. Но было бы не только неразумно, а прямо преступно поддаваться этому настроению при решении вопроса, как следует бороться с общепризнанным злом. Во многих странах Зап. Европы революционное настроение является теперь, можно сказать, «новинкой» или «редкостью», которой слишком долго, тщетно, нетерпеливо ждали, и может быть поэтому так легко уступают настроению. Конечно, без революционного настроения в массах, без условий, способствующих росту такого настроения, революционной тактике не претвориться в действие, но мы в России слишком долгим, тяжелым, кровавым опытом убедились в той истине, что на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена на трезвом, строго-объективном учете всех классовых сил данного государства (и окружающих его государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений. Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это-не решение трудной и труднейшей задачи. Создать действительно революционную парламентскую фракцию в европейских парламентах-гораздо труднее, чем в России. Конечно. Но это есть лишь частное выражение той общей истины, что России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (эс-эр, партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом;-таких специфических условий в Зап. Европе теперь нет и

повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, -помимо ряда других причин, -- начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам. Пытаться «обойти» эту трудность, «перескочив» через трудное дело использования в революционных целях реакционные парламенты, есть чистейшее ребячество. Вы хотите создать новое общество? и вы боитесь трудностей при создании хорошей парламентской фракции из убежденных, преданных, героических коммунистов в реакционном парламенте! Разве же это не ребячество? Если К. Либкнехт в Германии и З. Хеглунд в Швеции умели даже без массовой поддержки снизу дать образцы действительно революционного использования реакционных парламентов, то как же это быстро растущая массовая революционная партия, в обстановке послевоенного разочарования и озлобления масс, не в силах выковать себе коммунистической фракции в худших парламентах? Именно потому, что отсталые массы рабочих и еще больше*) мелких крестьян в Западной Европе гораздо сильнее, чем в России, пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками, именно поэтому только изнутри таких учреждений, как буржуазные парламенты, могут (и должны) коммунисты вести длительную, упорную, ни перед какими трудностями не останавливающуюся борьбу разоблачения, рассеяния, преодоления этих предрассудков.

Немецкие «левые» жалуются на плохих «вождей» их партии и впадают в отчаяние, договариваясь до смешного «отрицания» «вождей». Но в условиях, когда часто приходится прятать «вождей» в подполье, выработка хороших, надежных, испытанных, авторитетных «вождей» дело особенно трудное, и успешно преодолеть эти трудности нельзя без соединения легальной и нелегальной работы, без испытания «вождей», между прочим, и на парламентской арене. Критику-и самую резкую, беспощадную, непримиримую критику -- следует направлять не против парламентаризма или парламентской деятельности, а против тех вождей, которые не умеют -- и еще более тех, кои не хотят, -- использовать парламентских выборов и парламентской трибуны но революционному, по коммунистически. Только такая критика-соединенная, конечно, с изгнанием вождей негодных и с заменой их пригодными -- будет полезной и плодотворной революционной работой, воспитывающей одновременно и «вождей», чтобы они были достойны рабочего класса и трудящихся масс, и массы, чтобы они научились разбираться правильно в политическом положении и понимать нередко очень сложные и запутанные задачи, которые из этого положения вытекают*.

*) Я имел слишком мало возможности ознакомиться с «левым» коммунизмом в Италии. Несомненно, тов. Бордига и его фракция коммунистов-бойкотистов» (Comunista astensionista) неправ, защищая неучастие в парламенте. Но в одном пункте он, мне кажется, прав-насколько можно судить по двум номерам его газеты «Совет» «il Soviet», NoNo 3 и 4. 18.1 и 1. II. 1920), по четырем книжкам прекрасного журнала т-ща Серрати: «Коммунизму» «Comunismo», NoNo 1-4, 1. X.--30. XI. 1919) и по отрывочным номерам итальянских буржуазных газет, с которыми мне удалось ознакомиться. Именно, тов. Бордига и его Фракция правы в нападках на Турати и его единомышленников, которые остаются в партии, признавшей советскую власть и диктатуру пролетариата, остаются членами парламента и продолжают свою вреднейшую, старую оппортунистическую политику. Конечно, терпя это, тов. Серрати и вся итальянская социалистическая партия делают ошибку, которая грозит таким же глубоким вредом и опасностью, как в Венгрии, где венгерские господа Турати саботировали изнутри и партию, и советскую власть. Такое ошибочное, непоследовательное или бесхарактерное отношение к оппортунистам-парламентариям, с одной стороны, порождает «левый» коммунизм, с другой стороны, до известной степени оправдывает его существование. Тов. Серрати явно неправ,

обвиняя в «непоследовательности» депутата Турати («Comunismo», ? 3), тогда как непоследовательна именно итальянская соц. партия, терпя таких оппортунистов-парламентариев, как Турати и К°.

VIII. «НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ»?

Мы видели, в цитате из франкфуртской брошюры, с какой решительностью выдвигают «левые» этот лозунг. Печально видеть, как люди, несомненно считающие себя марксистами и желающие быть марксистами, забыли основные истины марксизма. Вот что писал в 1874 году против манифеста 33-х коммунаров-бланкистов Энгельс, принадлежащий, подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания:

...«Мы-коммунисты» (писали в своем манифесте коммунары-бланкисты) «потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые только отдалают день победы и удлиняют период рабства.»

«Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет более места частной собственности на землю и на все средства производства. 33 бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что раз они хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если-в чем они твердо уверены, -на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты.»

«Что за детская наивность -- выставять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!» (Фр. Энгельс: «Программа коммунаров-бланкистов», из немецкой с.-д. газеты «Volksstaat», 1874, ? 73, в сборнике: «Статьи 1871-1875 г.г.», рус. пер., Петр. 1919, стр. 52-3).

Энгельс в той же статье выражает свое глубокое уважение к Вальяну и говорит о «неоспоримой заслуге» Вальяна (который был, подобно Гэду, крупнейшим вождем международного социализма, до их измены социализму в августе 1914 года). Но явную ошибку Энгельс не оставляет без подробного разбора. Конечно, революционерам очень молодым и неопытным, а равно мелкобуржуазным революционерам даже очень почтенного возраста и очень опытным, кажется чрезвычайно «опасным», непонятным, неправильным «разрешать компромиссы». И многие софисты рассуждают (будучи сверх или чересчур «опытными» политиками) именно так, как упомянутые т-щем Лэнсбери английские вожди оппортунизма: «если большевикам разрешается такой-то компромисс, то почему же нам не разрешить любые компромиссы?». Но пролетарии, воспитанные на многократных стачках [чтобы взять одно только это проявление классовой борьбы], прекрасно усваивают обыкновенно глубочайшую (философскую, историческую, политическую, психологическую) истину, изложенную Энгельсом. Каждый пролетарий переживал стачку, переживал «компромиссы» с ненавистными угнетателями и эксплуататорами, когда рабочим приходилось браться за работу, либо ничего не достигнув, либо соглашаясь на частичное удовлетворение их требований. Каждый пролетарий, благодаря той обстановке массовой борьбы и резкого обострения классовых противоположностей, в которой он живет, наблюдает разницу между компромиссом, вынужденным объективными условиями (у

стачечников бедна касса, нет поддержки со стороны, они изголодались и измучились до невозможности),-компромиссом, нисколько не уменьшающим революционной преданности и готовности к дальнейшей борьбе рабочих, заключающих такой компромисс, -- и, с другой стороны, компромиссом предателей, которые сваливают на объективные причины свое шкурничество (штрейкбрехеры тоже заключают «компромисс»!), свою трусость, свое желание подслужиться капиталистам, свою податливость запугиваниям, иногда уговорам, иногда подачкам, иногда лести со стороны капиталистов (таких компромиссов предателей особенно много дает история английского рабочего движения со стороны вождей английских тред-юнионов, по в той или иной форме почти все рабочие во всех странах наблюдали аналогичное явление).

Разумеется, бывают единичные случаи исключительно трудные и сложные, когда лишь с величайшими усилиями удастся правильно определить действительный характер того или иного компромисса, -- как бывают случаи убийства, когда очень нелегко решить, было ли это вполне справедливое и даже обязательное убийство (напр., необходимая оборона) или непростительная небрежность или даже тонко проведенный коварный план. Разумеется, в политике, где дело идет иногда о крайне сложных -- национальных и интернациональных-взаимоотношениях между классами и партиями, очень много случаев будет гораздо более трудных, чем вопрос о законном компромиссе при стачке или о предательском компромиссе штрейкбрехера, изменника вождя и т. п. Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов!»), которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса* вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое -- кроме знания и опыта -- политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов.

Наивные и совсем неопытные люди воображают, что достаточно признать допустимость компромиссов вообще, -- и будет стерта всякая грань между оппортунизмом, с которым мы ведем и должны вести непримиримую борьбу, -- и революционным марксизмом или коммунизмом. Но таким людям, если они еще не знают, что все грани и в природе и в обществе подвижны и до известной степени условны, нельзя ничем помочь, кроме длительного обучения, воспитания, просвещения, политического и житейского опыта. В практических вопросах политики каждого отдельного или специфического исторического момента важно уметь выделить те, в которых проявляется главнейший вид недопустимых, предательских, воплощающих губительный для революционного класса оппортунизм, компромиссов и на разъяснение их, на борьбу с ними направить все усилия. Во время империалистской войны 1914-1918 годов между двумя группами одинаково разбойнических и хищнических стран таким главнейшим, основным видом оппортунизма был социал-шовинизм, т.-е. поддержка «защиты отечества», которая на деле равнялась в такой войне защите грабительских интересов «своей» буржуазии. После войны-защита грабительской «Лиги наций»; защита прямых или косвенных союзов с буржуазией своей страны против революционного пролетариата и «советского» движения; защита буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма против «советской власти»;-таковы были главнейшие проявления тех недопустимых и предательских компромиссов, которые, в сумме своей, давали губительный для революционного пролетариата и для его дела оппортунизм.

...«Со всей решительностью отклонить всякий компромисс с другими партиями... всякою политику лавирования и соглашательства» --

пишут германские левые в франкфуртской брошюре.

Удивительно, что при таких взглядах эти левые не выносят решительного осуждения большевизму! Не может же быть, чтобы германские левые не знали, что вся история большевизма, и до и после октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими п в том числе с буржуазными партиями!

Вести войну за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная ил обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться, при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении па неисследованную еще и неприступную донине гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления? И людей, которые до такой степени малосознательны и неопытны (хорошо еще, если это объясняется их молодостью: молодежи сам бог велел говорить в течение известного времени подобные глупости), могли поддерживать -- все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрито, целиком или отчасти -- голландские трибунисты!!

После первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны надолго остается слабее, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны. Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, -- так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, «цивилизованном»*) социализме вообще. Кто не доказал практически, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом.

Наша теория не догма, а руководство к действию -- говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность-не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петрограда), говаривал еще русский великий социалист до-марксова периода Н. Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Зап. Европы и Америки не так дорого заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне.

Русские революционные социал-демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т.е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901-2 годах, еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры» (в эту редакцию входили Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов и я) заключила (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения. Большевики продолжали всегда ту же политику. С 1905 года они систематически отстаивали союз рабочего класса с крестьянством против либеральной буржуазии и царизма, никогда не отказываясь в то же время от поддержки буржуазии против царизма (напр., на 2-ой стадии выборов или на перебаллотировках) и не прекращая самой непримиримой идейной и политической борьбы против буржуазно революционной крестьянской партии, «социалистов-революционеров», разоблачая их, как мелкобуржуазных демократов, фальшиво причисляющих себя к социалистам. В 1907 году большевики заключили, на короткое время, формальный политический блок на выборах в Думу с «соц.-революционерами». С меньшевиками мы в 1903-1912 годах бывали по несколько лет формально в единой с.-д. партии, никогда не превращая идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами. Во время войны мы заключали некоторый компромисс с «каутскианцами», левыми меньшевиками (Мартов) и частью «соц.-революционеров» (Чернов, Натансон), заседаая вместе с ними в Циммервальде и Кинтале и выпуская общие манифеста, но мы не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы с «каутскианцами», Мартовым и Черновым (Натансон умер в 1919 г., будучи вполне близким к нам, почти солидарным с нами «революционным коммунистом»-народником). В самый цемент октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелкобуржуазным крестьянством, приняв целиком, без единого изменения, эсеровскую аграрную программу, т.е. заключили несомненный компромисс, чтобы доказать крестьянам, что мы хотим не майоризирования их, а соглашения с ними. Одновременно мы предложили (и вскоре осуществили) формальный политический блок, с участием в правительстве, «левым эс-эрам», которые расторгли этот блок после заключения Брестского мира с нами и затем дошли до вооруженного восстания против нас в июле 1918 года и впоследствии до вооруженной борьбы против нас.

Понятно поэтому, что нападки немецких левых на Цека партии коммунистов в Германии за допущение им мысли о блоке с «независимцами» («Незав. с.-д. партия Германии», каутскианцы) кажутся лам совершенно несерьезными и наглядно доказывающими неправоту «левых». У нас в России тоже были меньшевики правые (входившие в правительство Керенского), соответствующие немецким Шейдеманам, и меньшевики левые (Мартов), бывшие в оппозиции к правым меньшевикам и соответствующие немецким каутскианцам. Постепенный переход рабочих масс от меньшевиков к большевикам мы наблюдали ясно в 1917 году: на 1-ом Всероссийском Съезде Советов, в июне 1917 г. мы имели всего 13%. Большинство было у эс-эров и меньшевиков. На втором Съезде Советов (25. X. 1917 ст. ст.) мы имели 51% голосов. Почему в Германии такая же, вполне однородная тяга рабочих справа налево привела к усилению не сразу коммунистов, а сначала промежуточной партии «независимцев», хотя никаких самостоятельных политических идей, никакой самостоятельной политики эта партия никогда не имела, а только колебалась между Шейдеманами и коммунистами?

Очевидно, одной из причин была ошибочная тактика немецких коммунистов, которые должны безбоязненно и честно эту ошибку признать и научиться ее исправить. Ошибка состояла в отрицании участия в реакционном, буржуазном, парламенте и в реакционных профсоюзах, ошибка состояла в многочисленных проявлениях той «левой» детской болезни, которая теперь вышла наружу и тем лучше, тем скорее, с тем большей пользой для организма будет излечена. Немецкая «независимая с.-д. партия» явно неоднородна внутри: на-ряду со старыми оппортунистическими вождями (Каутский, Гильфердинг, в значительной мере, видимо, Криспин, Ледебур и др.), которые доказали свою неспособность понять значение советской власти и диктатуры пролетариата, свою неспособность руководить его революционной борьбой, в этой партии образовалось и замечательно быстро растет левое, пролетарское крыло. Сотни тысяч членов этой партии (имеющей, кажется, до 1/2 миллиона членов)- пролетарии, уходящие от Шейдемана и быстро идущие к коммунизму. Это пролетарское крыло уже предлагало на Лейпцигском (1919) съезде независимцев немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу. Бояться «компромисса» с этим крылом партии -- прямо смешно. Напротив, обязательно для коммунистов искать и найти подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла «независимцев». Вероятно, выработать подходящую форму компромисса будет нелегко, но только шарлатан мог бы обещать немецким рабочим и немецким коммунистам «легкий» путь к победе.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто на половину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.;-если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость-и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения, общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к лебедю. Надо заметить, между прочим, что победа большевиков над меньшевиками требовала не только до октябрьской революции 1917 года, но и после нее применения тактики лавирования, соглашательства, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков на счет меньшевиков. Мелкобуржуазные демократы (а в том числе и меньшевики) неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры и т. д. Правильная тактика коммунистов должна состоять в использовании этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и постольку поворачивают к пролетариату- на-ряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии. В результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии. Это-длительный процесс, и скоропалительным «решением»: «никаких компромиссов, никакого лавирования» можно только повредить делу усиления влияния революционного пролетариата и увеличения его сил.

Наконец, одной из несомненных ошибок «левых» в Германии является их прямолинейное настаивание на непризнании Версальского мира. Чем «солиднее» и «важнее», чем «решительнее» и безапелляционнее формулирует этот взгляд, напр., К. Хорнер, тем менее умно это выходит. Недостаточно отречься от вопиющих нелепостей «национального большевизма» (Лауфенберга и др.), который договорился до блока с немецкой буржуазией для войны против Антанты, при современных условиях международной пролетарской революции. Надо понять, что в корне ошибочна тактика, не допускающая обязательности для советской Германии (если бы вскоре возникла советская германская республика) признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему. Из этого не следует, что «независимцы» были правы, выдвигая, когда в правительстве сидели Шейдеманы, когда еще не была свергнута советская власть в Венгрии, когда еще не исключена была возможность помощи со стороны советской революции в Вене для поддержки советской Венгрии, выдвигая при тогдашних условиях требование подписать Версальский мир. Тогда «независимцы» лавировали и маневрировали очень плохо, ибо брали на себя большую или меньшую ответственность за предателей Шейдеманов, скатывались более или менее с точки зрения беспощадной (и хладнокровнейшей) классовой войны с Шейдеманами на точку зрения «бесклассовую» или «надклассовую».

Но теперь положение явно такое, что коммунисты Германии не должны связывать себе рук и обещать обязательное и неременное отвержение Версальского мира в случае победы коммунизма. Это глупо. Надо сказать: Шейдеманы и каутскианцы совершили ряд предательств, затруднивших (частью: прямо погубивших) дело союза с Советской Рос-спей, с Советской Венгрией. Мы, коммунисты, будем всеми средствами облегчать и подготавливать такой союз, при чем Версальского мира мы вовсе не обязаны непременно отвергать и притом немедленно. Возможность успешно отвергнуть его зависит не только от немецких, но и от международных успехов советского движения. Этому движению Шейдеманы и каутскианцы мешали, мы ему помогаем. Вот в чем суть дела, вот в чем коренная разница. И если наши классовые враги, эксплуататоры, их лакеи, Шейдеманы и каутскианцы, упустили целый ряд возможностей усилить и германское и международное советское движение, усилить и германскую и международную советскую революцию, то вина падает па них. Советская революция в Германии усилит международное советское движение, которое есть сильнейший оплот (и единственный надежный, непобедимый, всемирно-могучий оплот) против Версальского мира, против международного империализма вообще. Ставить освобождение от Версальского мира обязательно и непременно и немедленно на первое место перед вопросом об освобождении других угнетенных империализмом стран от гнета империализма есть мещанский национализм (достойный Каутских, Гильфердингов, Отто Бауэров и Ко), а не революционный интернационализм. Свержение буржуазии в любой из крупных европейских стран, в том числе и в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради пего можно и -- должно пойти -- если это будет нужно -- на более продолжительное существование Версальского мира. Если Россия одна могла, с пользой для революции, вынести несколько месяцев Брестского мира, то нет ничего невозможного в том, что советская Германия, в союзе с советской Россией, вынесет с пользой для революции более долгое существование Версальского мира.

Империалисты Франции, Англии и т. д. провоцируют немецких коммунистов, ставят им ловушку: «скажите, что вы не подпишете Версальского мира». А левые коммунисты, как дети, попадают в расставленную им ловушку вместо того, чтобы умело маневрировать против коварного и в данный момент более сильного врага, вместо того, чтобы сказать ему: «теперь мы Версальский

мир подпишем». Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые ни сумеют проделать «лабиринты, соглашения, компромиссы», чтобы уклоняться от заведомо невыгодного сражения.

*) В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть -- и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно будут -- представители класса не мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так.

IX. «ЛЕВЫЙ» КОММУНИЗМ В АНГЛИИ

В Англии нет еще коммунистической партии, но есть свежее, широкое, могучее, быстро растущее, дающее право питать самые радужные надежды коммунистическое движение среди рабочих; есть несколько политических партий и организаций («Британская социалистическая партия», «Социалистическая рабочая партия», «Южно-Уэльское социалистическое общество», «Рабочая социалистическая федерация»), желающих создать коммунистическую партию из ведущих уже между собой переговоры об этом. В газете «Дредноут Рабочих» (том VI, X) 48, от 21. П. 1920), еженедельном органе последней из названных организаций, редактируемом тов. Сильвией Панкхерст, помещена ее статья: «К коммунистической партии». Статья излагает ход переговоров между четырьмя названными организациями об образовании единой коммунистической партии, на основе присоединения к III Интернационалу, признания советской системы, вместо парламентаризма, и диктатуры пролетариата. Оказывается, одним из главных препятствий к немедленному созданию единой коммунистической партии являются разногласия по вопросу об участии в парламенте и о присоединении новой коммунистической партии к старой, профессионалистской, составленной*) из трэджюнионов, оппортунистической и социал-шовинистской «Рабочей партии». «Рабочая социалистическая федерация» -- равно как и «Социалистическая рабочая партия» [Кажется, эта партия против присоединения к Раб. партии], но не вся против участия в парламенте.] -- высказываются против участия в парламентских выборах и в парламенте, против присоединения к «Рабочей партии», расходясь в этом отношении со всеми или с большинством членов Брит. соц. партии, которая, в их глазах, является «правым крылом коммунистических партий» в Англии (стр. 5, назв. статья Сильвии Панкхерст).

Итак, основное деление получается то же, как и в Германии, -- несмотря на громадные различия по форме проявления разногласий (в Германии эта форма гораздо более близка к «русской», чем в Англии) и по целому ряду других обстоятельств. Посмотрим же на доводы «левых».

По вопросу об участии в парламенте т. Сильвия Панкхерст ссылается на помещенную в том же номере статью т-ща В. Галлакера (W. Gallacher), который пишет от имени «Шотландского Рабочего Совета» в Глазго.

«Этот совет пишет он-определенно анти-парламентаристский, и за ним стоит левое крыло различных политических организаций. Мы представляем революционное движение в Шотландии, стремящееся к созданию революционной организации внутри профсоюзов (within the industries) и коммунистической партии, основанной на социальных комитетах, во всей стране. Долгое время

мы церемонились (деликатничали? мирились? we have been spin ing) с официальными парламентариями. Мы не считали необходимым объявить открытую войну им. а они боятся открыть атаку на нас.

«Но такое положение вещей не может продолжаться долго. Мы побеждаем по всей линии.

«Массовые члены (the rank & file) Независимой рабочей партии в Шотландии все больше и больше получают отвращение (is becoming disgusted) при мысли о парламенте, и почти все местные группы стоят за Советы» (употреблено русское слово в английской транскрипции) «или рабочие Советы. Разумеется, это имеет весьма серьезное значение для тех господ, которые смотрят на политику, как на средство заработка (как на профессию), и они пускают в ход все и всякие средства, чтобы убедить свою членов вернуться назад к парламентскому корыту (into the Parliamentary fold). Революционные товарищи не должны (курсив везде автора) поддерживать этой банды (this gang) ""'. Наша борьба здесь будет очень трудной. Одной из худших ее черт будет измена тех, для кого личные интересы (или личное честолюбие, personal ambition) являются побудителем более сильным, чем их интерес к революции. Всякая поддержка парламентаризма есть просто помощь тому, чтобы власть попала в руки наших британских Шейдеманов и Носке. Хендерсон, Кляйнс (Clynes) и Ко безнадежно реакционны. Официальная Независ. раб. партия все больше подпадает под власть буржуазных либералов (middle class liberals), которые нашли себе «духовный приют» в лагере господ Макдональда, Сноудна и К°. Официальная Незав. рабоч. партия жестоко враждебна III Интернационалу, а масса (the rank & file) за него. Поддерживать каким бы то ни было способом парламентариев оппортунистов значит просто играть на руку вышеназванным господам. Брит. соц. партия здесь не имеет никакого значения... Здесь нужна здоровая революционная производственная (индустриальная, industrial) организация и коммунистическая партия, действующая согласно ясным, точно определенным, научным основаниям. Если наши товарищи могут помочь нам в создании той и другой, мы охотно примем их помощь; если не могут, -- пусть, бога ради, вовсе не вмешиваются, если они не хотят предать Революцию посредством оказания поддержки реакционерам, которые так усердно добиваются парламентского «почетного» (?-знак вопроса автора) звания, и которые горят желанием доказать, что они могут управлять так же успешно, как и сами «надсмотрщики» («boss») классовые политики» (class politicians) ".

Это письмо в редакцию выражает, на мой взгляд, великолепно настроения и точку зрения молодых коммунистов или массовиков-рабочих, которые только-только начали приходить к коммунизму. Настроение это в высочайшей степени отрадное и ценное; его надо уметь ценить и поддерживать, ибо без него победа революции пролетариата в Англии -- да и во всякой другой стране -- была бы безнадежна. Людей, которые умеют выражать такое настроение масс, умеют вызывать у масс (очень часто дремлющее, не осознанное, не пробужденное) подобное настроение, надо беречь и заботливо оказывать им всяческую помощь. Но в то же время надо прямо, открыто говорить им, что одного настроения не достаточно для рисоводства массами в великой революционной борьбе, и что такие-то и такие-то ошибки, которые готовы сделать или делают преданнейшие делу революции люди, суть ошибки, способные принести вред делу революции. Письмо в редакцию т-ща Галлакера показывает с несомненностью зародыши всех тех ошибок, которые делают немецкие «левые» коммунисты и которые были делаемы русскими «левыми» большевиками в 1908 и 1918 годах.

Автор письма полон благороднейшей пролетарской (понятной и близкой, однако, не только для пролетариев, но и для всех трудящихся, для всех «маленьких людей», если употребить немецкое

выражение)-ненависти к буржуазным «классовым политикам». Эта ненависть представителя угнетенных и эксплуатируемых масс есть по-истине «начало всякой премудрости», основа всякого социалистического и коммунистического движения и его успехов. Но автор, видимо, не учитывает того, что политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе своих, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных.

Автор письма превосходно понял, что не парламент, а только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин. Но автор письма не ставит даже вопроса, по помышляет о необходимости поставить вопрос о том, можно ли привести Советы к победе над парламентом, не вводя «советских» политиков внутрь парламента? не разлагая парламентаризма изнутри? не подготавливая изнутри парламента успеха Советов в предстоящей им задаче разогнать парламент? А между тем автор письма высказывает совершенно правильную мысль, что коммунистическая партия в Англии должна действовать на научных основаниях. Наука требует, во-первых, учета опыта других стран, особенно, если другие, тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт; во-вторых, учета всех сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны, отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, степени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии.

Что Хендерсоны, Кляйнсы, Макдональды, Сноудены безнадежно реакционны, это верно. Так же верно то, что они хотят взять власть в свои руки (предпочитая, впрочем, коалицию с буржуазией), что они хотят «управлять» по тем же стародавним буржуазным правилам, что они неминуемо будут вести себя, когда будут у власти, подобно Шейдеманам и Воске. Все это так. Но отсюда вытекает вовсе не то, что поддержка их есть измена революции, а то, что в интересах революции революционеры рабочего класса должны оказать этим господам известную парламентскую поддержку. Для пояснения этой мысли возьму два современных английских политических документа: 1) речь премьера Ллойд-Джорджа 18. III. 1920 по изложению в «The Manchester Guardian» от 19. III. 1920) и 2) рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст в вышеуказанной ее статье.

Ллойд-Джордж в своей речи полемизировал с Асквитом (который был специально приглашен на собрание, но отказался прийти) и темп либералами, которые хотят не коалиции с консерваторами, а сближения с рабочей партией. (Из письма в редакцию тов. Галлакера мы видели тоже указание на факт перехода либералов в Нез. рабоч. партию.) Ллойд-Джордж доказывал, что необходима коалиция либералов с консерваторами и тесная, ибо иначе может победить Рабочая партия, которую Ллойд-Джордж «предпочитает называть» социалистической и которая стремится к «коллективной собственности» средств производства. «Во Франции это называлось коммунизмом» -- популярно пояснял вождь английской буржуазии своим слушателям, членам парламентской либеральной партии, которые, вероятно, до сих пор этого не знали, -- «в Германии это называлось социализмом, в России это называется большевизмом». Для либералов это Принципиально неприемлемо, разъяснял Ллойд-Джордж, ибо либералы принципиально за частую собственность. «Цивилизация в опасности», заявлял оратор, и потому либералы и консерваторы должны объединиться...

«...Если вы пойдете в земледельческие округа, -- говорил Ллойд Джордж, -- я согласен, что вы увидите там старые партийные деления, сохранившиеся по-прежнему. Там опасность далека. Там опасности нет. Но, когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там также велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая-земледелием. Это-одно из обстоятельств, которое я постоянно имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. Нашу страну легче опрокинуть (is more top-heavy), чем какую-бы то ни бы то другую страну в свете, и если она начнет шататься (трещать, to rock), то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах».

Читатель видит отсюда, что г. Ллойд-Джордж не только человек очень умный, но и многому научившийся от марксистов. Не грех и нам поучиться у Ллойд-Джорджа.

Интересно еще отметить следующий эпизод из дискуссии, которая состоялась после речи Ллойд-Джорджа:

«Г. Воллэс (Wallace): Я бы хотел спросить, как смотрит премьер-министр на результаты его политики в промышленных округах по отношению к промышленным рабочим, из которых очень многие являются либералами в настоящее время и от которых мы получаем так много поддержки. Не будет ли возможный результат тот, что вызовет громадное увеличение силы Рабочей партии со стороны рабочих, которые в настоящее время являются нашими искренними помощниками?»

Премьер-министр: Я держусь совершенно иного взгляда. Тот Факт, что либералы между собою борются, несомненно, толкает очень значительное число либералов, с отчаяния, к Рабочей партии, где вы имеете уже значительное число либералов, очень способных людей, занятых теперь дискредитированием правительства. Результат, несомненно, тот, что значительно укрепляется общественное настроение в пользу Рабочей партии. Общественное мнение поворачивает не к либералам, стоящим вне Рабочей партии, а к Рабочей партии, это показывают частичные перевыборы» (by-elections)

Мимоходом сказать, это рассуждение показывает особенно, как умнейшие люди буржуазии запутались и не могут не делать непоправимых глупостей. На этом буржуазия погибнет. А наши люди могут даже делать глупости (правда, при условии, что это Глупости не очень большие, и что они будут своевременно исправлены) и тем не менее окажутся в конце концов победителями.

Другой политический документ-следующие рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст:

«...Тов. Инкпин (секретарь Брит. соц. партии) называет Раб. партию «главной организацией (body) движения рабочего класса». Другой товарищ из Британской социалистической партии на конференции III Интернационала выразил взгляд Британск. соц. партии еще рельефнее. Он сказал: «Мы смотрим на Рабочую партию, как на организованный рабочий класс».

«Мы не разделяем этого взгляда на Рабоч. партию. Рабоч. партия очень велика численно, хотя члены ее в очень значительной доле бездеятельны (quiescent*) и апатичны; это-рабочие и

работницы, вступившие в тред-юнион, потому что их товарищи по мастерской тред-юнионисты и потому что они хотят получать пособия.

«Но мы признаем, что многочисленность Рабоч. партии вызвана также тем Фактом, что она есть создание той школы мысли, за пределы которой большинство британского рабочего класса еще не пошло, хотя великие изменения готовятся в умах народа, который скоро изменит это положение»...

«...Британская Рабоч. партия, подобно социал-патриотическим организациям других стран, неизбежно, в ходе естественного развития общества, придет к власти. Дело коммунистов-строить силы, которые низвергнут социал-патриотов, и мы не должны в нашей стране ни затягивать (delay)*) этой деятельности, ни колебаться (falter)*).

«Мы не должны разбрасывать нашу энергию, увеличивая силу Рабоч. партии; ее подъем к власти неизбежен. Мы должны сосредоточить свои силы на создании коммунистического движения, которое победит ее. Рабоч. партия скоро составит правительство; революционная оппозиция должна быть готова, чтобы напасть на него»...

Итак, либеральная буржуазия отказывается от исторически освященной вековым опытом -- и необычайно выгодной для эксплуататоров-системы «двух партий» (эксплуататоров), считая необходимым объединение их сил для борьбы с Рабоч. партией. Часть либералов, как крысы с тонущего корабля, перебегают к Рабоч. партии. Левые коммунисты считают переход власти к Рабоч. партии неизбежным и признают, что сейчас за ней большинство рабочих. Они делают отсюда тот странный вывод, который т. Сильвия Панкхерст формулирует так:

«Коммунистическая партия не должна заключать компромиссов... Она должна сохранить (держатъ кеер) свою доктрину чистой, свою независимость от реформизма незапятнанной; ее миссия-идти вперед, не останавливаясь и не сворачивая с пути, идти прямой дорогой к коммунистической революции».

Напротив, из того, что большинство рабочих в Англии еще идет за английскими Керенскими или Шейдеманами, что оно еще не проделало опыта с правительством из этих людей, каковой опыт понадобился и России и Германии для массового перехода рабочих к коммунизму, из этого вытекает с несомненностью, что английские коммунисты должны участвовать в парламентаризме, должны изнутри парламента помочь рабочей массе увидеть на деле результаты Хендерсоновского и Сноудеповского правительства, должны помочь Хепдерсонам и Споудснам победить объединенных Ллойд-Джорджа и Черчилля. Поступить иначе, значит затруднить дело революции, ибо без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой. «Без компромиссов вперед, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при условии победы Хендерсона и Сноудепа над Ллойд-Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих вождях и перейдет к поддержке коммунизма (или во всяком случае к нейтралитету и большей частью благожелательному нейтралитету по отношению к коммунистам), -- такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10.000 солдат бросились в бой против 50.000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дожидаться имеющих подойти 100.000

подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это-интеллигентское ребячество, а не серьезная тактика революционного класса.

Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями В в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по старому. Лишь тогда, когда «тазы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-1-х, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-2-х, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его.

В Англии, как видно, между прочим, именно из речи Ллойд-Джорджа, явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции. И ошибки со стороны левых коммунистов опасны теперь сугубо именно потому, что у некоторых революционеров наблюдается недостаточно вдумчивое, недостаточно внимательное, недостаточно сознательное, недостаточно расчетливое отношение к каждому из этих условий. Если мы-не революционная группа, а партия революционного класса, если мы хотим увлечь за собой массы (а без этого мы рискуем остаться просто говорунами), мы должны, во-1-х, помочь Хендерсону или Сноудену побить Ллойд-Джорджа и Черчилля (вернее даже: заставить первых побить вторых, ибо первые боятся своей победы!); во-2-х, помочь большинству рабочего класса на своем опыте убедиться в нашей правоте, т.-е. в полной негодности Хендерсонов "и Сноуденов, в их мелкобуржуазной и предательской натуре, в неизбежности их банкротства; в-3-х, приблизить момент, когда на почве разочарования Хендерсонам большинства рабочих можно будет с серьезными шансами на успех сразу скинуть правительство Хендерсонов, которое будет еще более растерянно метаться, если даже умнейший и солиднейший, не мелкобуржуазный, а крупнобуржуазный, Ллойд-Джордж проявляет полную растерянность и обессиливает себя (и всю буржуазию) все больше и больше, вчера своими «трениями» с Черчиллем, сегодня своими «трениями» с Асквитом.

Буду говорить конкретнее. Английские коммунисты должны, на мой взгляд, соединить все свои четыре (все очень слабые, некоторые-совсем и совсем слабые) партии и группы в одну Коммунистическую партию на почве принципов III Интернационала и обязательного участия в парламенте. Коммунистическая партия предлагает Хендерсонам и Сноуденам «компромисс», избирательное соглашение: идем вместе против союза Ллойд-Джорджа и Черчилля*), делим парламентские места по числу голосов, поданных рабочими за Рабоч. партию или за коммунистов (не на выборах, а по особому голосованию), сохраняем полнейшую свободу агитации, пропаганды, политической деятельности. Без этого последнего условия, конечно, на блок идти нельзя, ибо это будет изменой: полнейшую свободу разоблачения Хендерсонов и Сноуденов английские коммунисты так же абсолютно должны отстаивать и отстаивать, как отстаивали ее

(пятнадцать лет, 1903-1917) ц отстояли русские большевики по отношению к русским Хендерсонам и Сноуденам, т.-е. меньшевикам.

Если Хендерсоны и Сноудены примут блок на этих условиях, мы выиграли, ибо нам вовсе не важно число мест в парламенте, мы за этим не гонимся, мы по этому пункту будем уступчивы

(а Хендерсоны и особенно их новые друзья -- или их новые господа? -- либералы, перешедшие в Нез. рабоч. партию, за этим дольше всего гонятся). Мы выиграли, ибо понесем свою агитацию в массы в такой момент, когда их «раззадорил» сам Ллойд-Джордж, и поможем не только Рабочей партии скорее составить свое правительство, но и массам скорее понять всю нашу коммунистическую пропаганду, которую мы будем вести против Хендерсонов без всяких урезок, без всяких умолчаний.

Если Хендерсоны и Сноудены отвергнут блок с нами на этих условиях, мы еще больше выиграли. Ибо мы сразу показали массам (заметьте, что даже внутри чисто меньшевистской, вполне оппортунистической Нез. раб. партии масса за Советы), что Хендерсоны предпочитают свою близость капиталистам объединению всех рабочих. Мы сразу выиграли перед массой, которая особенно после блестящих и высокоправильных, высокополезных (для коммунизма) разъяснении Ллойд-Джорджа будет сочувствовать объединению всех рабочих против союза Ллойд-Джорджа с Черчиллем. Мы сразу выиграли, ибо демонстрировали перед массами, что Хендерсоны и Сноудены боятся победить Ллойд-Джорджа, боятся взять власть одни, стремятся тайно получить поддержку Ллойд-Джорджа, который открыто протягивает руку Черчиллю против Рабоч. партии. Надо заметить, что у нас в России после революции 27. II. 1917 (ст. ст.) пропаганда большевиков против меньшевиков и эс-эров (т.-е. русских Хендерсонов и Сноуденов) выигрывала именно в силу такого же обстоятельства. Мы говорили меньшевикам и эс-эрам: берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в Советах (на 1-ом Всероссийском Съезде Советов большевики имели в июне 1917 г. всего 13% голосов). Но русские Хендерсоны и Сноудены боялись взять власть без буржуазии, и когда буржуазия оттягивала выборы в Учр. собрание, прекрасно зная, что оно даст большинство эс-эрам и меньшевикам* (те и другие шли в теснейшем политическом блоке, представляли на деле одну мелкобуржуазную демократию), то эс-эры и меньшевики были не в силах энергично и до конца бороться против этих оттяжек.

При отказе Хендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами, коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Хендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т.-е. где выставление наших кандидатов не привело бы либерала против лабуриста (члена Рабочей партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во всех округах, где нет нашего кандидата, голосовать за лабуриста против буржуа. Ошибаются тт. Сильвия Панкхерст и Галлакер, если видят в этом измену коммунизму или отказ от борьбы с социал-предателями. Напротив, от этого дело коммунистической революции, несомненно, выиграло бы.

Английским коммунистам очень часто трудно бывает теперь даже подойти к массе, даже заставить себя выслушать. Если я выступаю, как коммунист, и заявляю, что приглашаю голосовать за Хендерсона против Ллойд-Джорджа, меня наверное будут слушать. И я смогу популярно объяснить, не только почему Советы лучше парламента и диктатура пролетариата лучше

диктатуры Черчилля (прикрываемой вывеской буржуазной «демократии»), но также и то, что я хотел бы поддержать Хендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного; -- что приближение Хендерсонов к их собственному правительству так же докажет мою правоту, так же привлечет массы на мою сторону, так же ускорит политическую смерть Хендерсонов и Сноуденов, как это было с их единомышленниками в России и в Германии.

И если мне возразят: это слишком «хитрая» или сложная тактика, ее не поймут массы, она разбросает, раздробит наши силы, помешает сосредоточить их на советской революции и т. п., то я отвечу «левым» возражателям:--не сваливайте своего доктринерства на массы! Наверное, в России массы не более, а менее культурны, чем в Англии. И однако массы поняли большевиков; и большевикам не помешало, а помогло то обстоятельство, что они накануне советской революции, в сентябре 1917 года, составляли списки своих кандидатов в буржуазный парламент (Учр. собрание), а на другой день после советской революции, в ноябре 1917 года, выбирали в то самое Учр. собрание, которое 5. I. 1918 было ими разогнано.

Я не могу здесь останавливаться на втором разногласии между английскими коммунистами, состоящем в том, присоединяться ли к Рабочей партии или нет. У меня слишком мало материалов по этому вопросу, который является особенно сложным ввиду чрезвычайной оригинальности британской «Рабочей партии», слишком не похожей на обычные на континенте Европы политические партии по самому своему строению. Несомненно только, во-первых, что и по этому вопросу неизбежно впадет в ошибку тот, кто вздумает выводить тактику революционного пролетариата из принципов, вроде: «комм. партия должна сохранять свою доктрину в чистоте и свою независимость от реформизма незапятнанной; ее призвание -- идти впереди, не останавливаясь и не сворачивая с дороги, идти прямым путем к комм. революции». Ибо подобные принципы лишь повторяют ошибку французских коммунаров-бланкистов, провозглашавших в 1874 году «отрицание» всяких компромиссов и всяких промежуточных станций. Во-вторых, несомненно, что задача состоит и здесь, как всегда, в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать.

Но об этом приходится говорить в связи не с одним только английским коммунизмом, а с общими выводами, касающимися развития коммунизма во всех капиталистических странах. К этой теме мы и переходим.

*) Выборы в Учр. собр. в России, в ноябре 1917 г., по сведениям Охватывающим свыше 36 миллионов избирателей, дали 25% голосов большевикам, 13% разным партиям помещиков и буржуазии 62% мелкобуржуазной демократии, т.-е. эс-эрам и меньшевикам вместе с небольшими родственными им группами.

Х. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Российская буржуазная революция 1905 года обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот всемирной истории: в одной из самых отсталых капиталистических стран впервые в мире достигнута была невиданная шпота и сила стачечного движения. За один первый месяц 1905 года число стачечников вдесятеро превысило среднее годовое число стачечников за предыдущие 10 лет (1895-1904), а от января к октябрю 1905 года стачки росли непрерывно и в огромных

размерах. Отсталая Россия, под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий, первая показала миру не только скачкообразный рост самодеятельности угнетенных масс во время революции (это бывало во всех великих революциях), но и значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки, с превращением последней в вооруженное восстание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов, Советы.

Февральская и октябрьская революции 1917 года довели Советы до всестороннего развития в национальном масштабе, затем до их победы в пролетарском, социалистическом перевороте. И менее чем через два года обнаружился интернациональный характер Советов, распространение этой формы борьбы и организации на всемирное рабочее движение, историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще.

Мало того. История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со своим, (для каждой страны) «меньшевизмом», т.-е. оппортунизмом и социал-шовинизмом; во-вторых -- ив виде, так сказать, дополнения -- с «левым» коммунизмом. Первая борьба развернулась во всех странах без единого, невидимому, изъятия, как борьба II-го (ныне уже фактически убитого) и III Интернационала. Вторая борьба наблюдается и в Германии, и в Англии, и в Италии, и в Америке (по крайней мере, известная часть «Промышленных рабочих мира» и анархо-синдикалистских течений отстаивает ошибки левого коммунизма на-ряду с почти всеобщим, почти безраздельным признанием советской системы), и во Франции (отношение части бывших синдикалистов к политической партии и к парламентаризму, опять-таки на-ряду с признанием советской системы), т.-е., несомненно, в масштабе не только интернациональном, но и всемирном.

Но, проделывая везде однородную, по сути дела, подготовительную школу к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это развитие по-своему. При том крупные, передовые капиталистические страны идут по этой дороге гораздо более быстро, чем большевизм, получивший от истории пятнадцатилетний срок на подготовку его, как организованного политического течения, к победе. III Интернационал за такой короткий срок, как один год, уже одержал решительную победу, разбил II, желтый, со-циал-шовинистский Интернационал. который всего несколько месяцев тому назад был несравненно сильнее III-го, казался прочным и могучим, пользовался всесторонней-прямой и косвенной, материальной (министерские местечки, паспорта, пресса) и идейной помощью всемирной буржуазии.

Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и конкретные особенности, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава (Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п. Повсеместно чувствуется, ширится и растет недовольство II Интернационалом и за его оппортунизм и за его неумение или неспособность создать действительно централизованный, действительно руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную советскую республику. Необходимо дать себе ясный отчет в том, что такой руководящий центр ни в коем случае нельзя построить на

шаблонизировании, на механическом выравнивании, отождествлении тактических правил, правил борьбы. Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, -- а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, -- единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частности, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению советской республики и пролетарской диктатуры -- вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента. Главное -- конечно, еще далеко, далеко не все, но главное -- уже сделано в привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону советской власти против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата против буржуазной демократии. Теперь надо все силы, все внимание сосредоточить на следующем шаге, который кажется -- и, с известной точки зрения, действительно является -- менее основным, но который зато более практически близок к практическому решению задачи, именно: на отыскании формы перехода или подхода к пролетарской революции.

Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков -- основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и К° в Германии), как единственный альтернатив по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму.

Очередная задача сознательного авангарда в международном рабочем движении, т.е. коммунистических партий, групп, течений -- уметь подвести широкие (теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы к этому новому их положению, или, вернее, уметь руководить не только своей партией, но и этими массами в течение их подхода; перехода на новую позицию. Если первой исторической задачи (привлечь сознательный авангард пролетариата на сторону советской власти и диктатуры рабочего класса) нельзя было решить без полной, идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом, то второй задачи, которая ныне становится очередной, и которая состоит в уменьши

подвести массы, на новую позицию, способную обеспечить победу авангарда в революции, этой очередной задачи нельзя выполнить без ликвидации левого доктринерства, без полного преодоления его ошибок, без избавления от них.

Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении -- если позволительно так выразиться -- миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества для последнего и решительного боя, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководившей еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса, -- а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы всех классов, обязательно всех без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим, -- таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т.-е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все, намеченные выше, кратко обрисованные выше, условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена.

Расхождения между Черчиллями и Ллойд-Джорджами -- эти политические типы есть во всех странах, с ничтожными национальными различиями, -- с одной стороны; затем, между Хендерсонами и Ллойд-Джорджами, с другой, совершенно неважны и мелки, с точки зрения чистого, то-есть абстрактного, то-есть недозревшего еще до практического, массового, политического действия, коммунизма. Но, с точки зрения этого практического действия масс, эти различия крайне, крайне важны. В их учете, в определении момента полного назревания неизбежных между этими «друзьями» конфликтов, которые ослабляют и обессиливают всех «друзей», вместе взятых, -- все дело, вся задача коммуниста, желающего быть не только Сознательным, убежденным, идейным пропагандистом, но и практическим руководителем масс в революции. Надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все. Необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное, чтобы ускорить осуществление и изживание политической власти Хендерсонов (героев II Интернационала, если говорить не именами отдельных лиц, представителей мелкобуржуазной демократии, называющих себя социалистами); ускорить их неизбежное банкротство на практике, просвещающее массы именно в нашем духе, именно в направлении к коммунизму; ускорить неизбежные трения, ссоры, конфликты, полный распад между Хендерсонами -- Ллойд-Джорджами -- Черчиллями (меньшевиками и эс-эрами -- кадетами -- монархистами; Шейдеманами -- буржуазией -- капповцами и т.п.); а правильно выбрать такой момент максимального распада между всеми этими «опорами священной частной собственности», чтобы решительным наступлением пролетариата разбить всех их и завоевать политическую власть.

История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою.

Всякий согласится, что неразумно или даже преступно будет поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное -- иногда даже решающее -- поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не позволят нам пустить в ход оружие наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары. Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто (наипаче в «мирные», не революционные времена) обманывала и дурачила рабочих; -- нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно. Верно то, что оппортунистами и предателями рабочего класса являются партии и вожди, не умеющие или не желающие (не говори: не могу, говори: не хочу) (wer will, kann) применять нелегальные средства борьбы в таких, напр., условиях, как во время империалистской войны 1914 -1918 годов, когда буржуазия самых свободных демократических стран с неслыханной наглостью и свирепостью обманывала рабочих, запрещая говорить правду про грабительский характер борьбы.

Но революционеры, не умеющие соединить нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами. Нетрудно быть революционером тогда, когда революция же вспыхнула и разгорелась, когда примыкают к революции все и всякие, из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов личной карьеры. «Освобождение» от таких горе-революционеров стоит пролетариату потом, после его победы, трудов самых тяжелых, муки, можно сказать, мученской. Гораздо труднее -- и гораздо ценнее -- уметь быть революционером, когда еще нет условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы, уметь отстаивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организационно) в неревolutionных учреждениях, а зачастую и прямо реакционных, в пореволюционной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действий. Уметь найти, нащупать, осуществить конкретный план еще не вполне революционных мероприятий, способов, приемов, подводящих массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе, -- в этом главная задача современного коммунизма

в Зап. Европе и Америке. 1 Пример: Англия. Мы не можем знать -- и никто не в состоянии наперед определить-как скоро разгорится там настоящая пролетарская революция и какой повод более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие, массы. Мы обязаны, поэтому, вести всю подготовительную нашу работу так, чтобы быть подкованными (как любил говорить покойный Плеханов, когда он был марксистом и революционером) на все четыре ноги. Возможно, что «прорвет», что «сломает лед» парламентский кризис; возможно, что-кризис, вытекающий из безнадежно запутанных, все более и более болезненно складывающихся и обостряющихся колониальных и империалистских противоречий; возможно что-либо третье и т. п. Мы говорим не о том, какая борьба решит судьбу пролетарской революции в Англии (этот вопрос ни в ком из коммунистов сомнений не возбуждает, этот вопрос для всех нас решен и решен твердо), мы говорим о том поводе, который побудит ныне еще спящие пролетарские массы придти в движение и подведет их вплотную к революции. Не забудем, что, напр., в буржуазной французской республике, в обстановке, которая и со стороны международной, и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь, достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!

Коммунисты должны в Англии использовать непрерывно, неослабно, неуклонно и парламентские выборы и все перипетии ирландской, колониальной, всемирно империалистской политики британского правительства и все прочие области, сферы, стороны общественной жизни, во всех работая по-новому, по-коммунистически, в духе не II, а III Интернационала. Я не имею здесь времени и места для описания приемов «русского», «большевистского» участия в парламентских выборах и в парламентской борьбе, но могу уверить заграничных коммунистов, что это было вовсе не похоже на обычные западно-европейские парламентские кампании. Из этого часто делают вывод: «ну, то у вас, в России, а у нас парламентаризм иной». Вывод неверный. На то и существуют на свете коммунисты, сторонники III Интернационала во всех странах, чтобы переделать по всей линии, во всех областях жизни, старую социалистическую, тред-юнионистскую, синдикалистскую, парламентскую работу в новую, коммунистическую. Оппортунистического и чисто-буржуазного, дяляческого, мошеннически-капиталистического на наших выборах тоже бывало всегда очень и очень достаточно. Коммунисты в Западной Европе и в Америке должны научиться создать новый, необычный, неопортунистический, некарьеристский парламентаризм: чтобы партия коммунистов давала свои лозунги, чтобы настоящие пролетарии при помощи неорганизованной и совсем забытой бедноты разбрасывали и разносили листки, объезжали и обходили квартиры рабочих, хижины сельских пролетариев и захолустных (в Европе, к счастью, во много раз меньше деревенских захолустий, чем у нас, а в Англии их совсем мало) крестьян, забирались в самые простонародные кабачки, втирались в самые простонародные союзы, общества, случайные собрания, говорили с народом не по ученому (и не очень по-парламентски), не гонялись ни капельки за «местечком» в парламенте, а везде будили мысль, втягивали массу, ловили буржуазию на слове, использовали ею созданный аппарат, ею назначенные выборы, ею сделанные призывы ко всему народу, знакомили народ с большевизмом так, как никогда не удавалось знакомить (при господстве буржуазии) вне обстановки выборов (не считая, конечно, моментов больших стачек, когда такой же аппарат всенародной агитации работал у нас еще интенсивнее). Сделать это в Западной Европе и Америке очень трудно, очень и очень трудно, но это сделать можно и должно, ибо без труда задачи коммунизма вообще решить нельзя, а трудиться надо над решением практических задач, все более разнообразных, все более связанных со всеми отраслями общественной жизни, все более отвоёвывающих одну отрасль, одну область за другой у буржуазии.

В той же Англии так же по новому (не по-социалистически, а по-коммунистически, не реформистски, а революционно) надо поставить работу пропаганды, агитации, организации в войске и среди угнетенных и неполноправных национальностей «своего» государства (Ирландия, колонии). Ибо все эти области общественной жизни в эпоху империализма вообще, а теперь после войны, измучившей народы и открывающей быстро глаза на правду (именно: что десятки миллионов убиты и искалечены только ради решения вопроса, английские или немецкие хищники будут грабить больше стран), -- все эти области общественной жизни особенно наполняются горячим материалом и создают особенно много поводов к конфликтам, кризисам, обострению классово-борьбы. Мы не знаем и не можем знать, какая искра -- из той бездны искр, которые отовсюду сыпятся теперь во всех странах, под влиянием экономического и политического всемирного кризиса, -- окажется в состоянии зажечь пожар, в смысле особого пробуждения масс, и мы обязаны поэтому с нашими новыми, коммунистическими принципами приняться за «обработку» всех и всяких, даже наиболее старых, затхлых и невидимому безнадежных поприщ, ибо иначе мы не будем на высоте задачи, не будем всесторонни, не овладеем всеми видами оружия, не подготовимся ни к победе над буржуазией (которая все стороны общественной жизни устроила, -- а теперь и расстроила-по буржуазному), ни к предстоящей коммунистической реорганизации всей жизни после этой победы.

После пролетарской революции в России и неожиданных, для буржуазии и филистеров, побед этой революции в международном масштабе, весь мир стал теперь иным, буржуазия повсюду стала тоже иной. Она запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения, и именно поэтому она, с одной стороны, ускоряет развитие событий, а с другой стороны -- сосредоточивает внимание на насильственном подавлении большевизма, ослабляя этим свою позицию на целом ряде других поприщ. Оба эти обстоятельства коммунисты всех передовых стран должны учесть в своей тактике.

Когда русские кадеты и Керенский подняли бешеную травлю против большевиков -- особенно с апреля 1917 года п еще более в июне и июле 1917 года, -- они «пересолили». Миллионы экземпляров буржуазных газет, на все лады кричащие против большевиков, помогли втянуть массы в оценку большевизма, а ведь кроме газет вся общественная жизнь именно благодаря «усердию» буржуазии пропитывалась спорами о большевизме. Теперь в международном масштабе миллионеры всех стран ведут себя так, что мы должны им быть от души благодарны. Они травят большевизм с таким же усердием, с каким травил его Керенский и К°; они так же «пересаливают» при этом и так же помогают нам, как Керенский. Когда французская буржуазия делает из большевизма центральный пункт выборной агитации, ругая за большевизм сравнительно умеренных или колеблющихся социалистов; -когда американская буржуазия, совершенно потеряв голову, хватается тысяч и тысячи людей по подозрению в большевизме и создает атмосферу паники, разнося повсюду вести о большевистских заговорах;-когда английская «солиднейшая» в мире буржуазия, при всем ее уме и опытности, делает невероятные глупости, основывает богатейшие «общества для борьбы с большевизмом», создает специальную литературу о большевизме, нанимает для борьбы с большевизмом добавочное количество ученых, агитаторов, попов;-мы должны кланяться и благодарить господ капиталистов. Они работают на нас. Они помогают нам заинтересовать массы вопросом о сущности и значении большевизма. И они не могут поступать иначе, ибо «замолчать», задушить большевизм им уже не удалось.

Но вместе с тем буржуазия видит в большевизме почти только одну его сторону: восстание, насилие, террор; буржуазия старается поэтому подготовиться в особенности к отпору и сопротивлению на этом поприще. Возможно, что в отдельных случаях, в отдельных странах, на те или иные короткие промежутки времени, ей это удастся: с такой возможностью надо считаться, и ровно ничего страшного для нас нет в том, что это ей удастся. Коммунизм «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду, «зараза» (если употребить излюбленное буржуазией и буржуазной полицией и самое «приятное» для нее сравнение) проникла в организм очень прочно и пропитала собой весь организм целиком. Если с особым тщанием «заткнуть» один из выходов, -- «зараза» найдет себе другой выход, иногда самый неожиданный. Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает глупости, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Индии, в Венгрии, в Германии и т. д.) лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних большевиков: поступая так, буржуазия поступает, как поступали все'осужденные историей на гибель классы. Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии. Русскую революцию разбили жестоко в 1905 году; русских большевиков разбили в июле 1917 года; немецких коммунистов перебили свыше 15.000 посредством искусной провокации и ловких маневров Шейдемана и Носке совместно с буржуазией и монархистами-генералами; в Финляндии и в Венгрии неистовствует белый террор. Но во всех случаях и во всех странах коммунизм закаляется и растет; корни его так глубоки, что преследования не ослабляют, не обессиливают, а усиливают его. Недостает только одного, чтобы мы пошли к победе увереннее и тверже, именно: повсеместного и до конца продуманного сознания всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально гибкими в своей тактике. Великолепно растущему коммунизму особенно в передовых странах недостает теперь этого сознания и умения применить сознание на практике.

Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или, вернее, -- чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненнее для организма

изжита та же ошибка, только с другой стороны, делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство. Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является, в настоящий момент, в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т.-е. социал-шовинизма и каутскианства), но вер это только потому так, что левый коммунизм течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией.

Старые формы лопнули, ибо оказалось, что новое содержание в них -- содержание антипролетарское, реакционное -- достигло непомерного развития. У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, как*) новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, -- не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма.

Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и самым быстрым путем к всемирной победе советской власти и диктатуре пролетариата. Это бесспорная истина. По стоит сделать маленький шаг дальше -- казалось бы, шаг в том же направлении -- и истина превратится в ошибку. Стоит сказать, как говорят немецкие и английские левые коммунисты, что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов, и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит, серьезнейший вред коммунизму. Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашими классом или не нашими усилиями.

Всемирная революция так могуче подтолкнута и ускорена ужасами, гнусностями, мерзостями всемирной империалистской войны, безвыходностью созданного ею положения, -- эта революция развивается вширь и вглубь с такой превосходной быстротой, с таким великолепным богатством сменяющихся форм, с таким назидательным практическим опровержением всякого доктринерства, что имеются все основания надеяться на быстрое и полное излечение международного коммунистического движения от детской болезни «левого» коммунизма.

27. IV. 1920.

ДОБАВЛЕНИЕ

Пока издательства в нашей стране, -- которую ограбили империалисты всего мира, мстя за пролетарскую революцию, и продолжают грабить и блокировать, несмотря не на какие обещания своим рабочим, -- пока наши издательства сладили с задачей издания моей брошюры, получился

из-за границы дополнительный материал. Отнюдь не претендуя в своей брошюре на что-либо большее, чем беглые заметки публициста, я коснусь вкратце некоторых пунктов.

I. РАСКОЛ ГЕРМАНСКИХ КОММУНИСТОВ

Раскол коммунистов в Германии стал фактом. «Левые» или «принципиальная оппозиция» образовали особую «Коммунистическую рабочую партию» в отличие от «Коммунистической партии». В Италии дело, невидимому, тоже идет к расколу -- говорю, невидимому, ибо имею лишь добавочные номера (No No 7 и 8) левой газеты «Совет» («Il Soviet»), где обсуждается открыто возможность и необходимость раскола, при чем речь идет также о съезде фракции «абстенционистов» (или бойкотистов, т.-е. противников участия в парламенте), каковая фракция до сих пор входит в Итальянскую социалистическую партию.

Можно опасаться, что раскол с «левыми», анти-парламентариями (частью также анти-политиками, противниками политической партии и работы в профсоюзах) станет явлением интернациональным, подобно расколу с «центровиками» (иди каутскианцами, лонгетистами, «независимцами» и т. п.). Пусть будет так. Раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии и ее Дружной, действительно организованной, действительно подготавливающей диктатуру пролетариата, практической работе.

Пусть «левые» испытают себя на деле, в национальном и интернациональном масштабе, пусть попробуют подготавливать (а затем и осуществлять) диктатуру пролетариата без строго централизованной, имеющей железную дисциплину, партии, без умения овладевать всеми поприщами, отраслями, разновидностями политической и культурной работы. Практический опыт быстро обучит их. Надо приложить только все усилия к тому, чтобы раскол с «левыми» не затруднил иди возможно меньше затруднил неизбежно предстоящее в недалеком будущем и необходимое слияние в единую партию всех участников рабочего движения, стоящих искренно и добросовестно за советскую власть и за диктатуру пролетариата. В России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т.-е. оппортунистов и «центровиков»), так и против левых еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата. В Европе и Америке приходится теперь проделывать эту же работу «форсированными маршами». Отдельные личности, особенно из числа неудачных претендентов в вожди, могут (если у них не хватит пролетарской дисциплинированности и «честности с собой») надолго упереться в своих ошибках, но рабочие массы легко и быстро, когда назреет момент, объединятся сами и объединят всех искренних коммунистов в единую партию, способную осуществить советский строй и диктатуру пролетариата**).

**) К вопросу о будущем слиянии «левых» коммунистов, анти-парламентариев, с коммунистами вообще, отмечу еще следующее. Насколько мне удалось познакомиться с газетами «левых» коммунистов и коммунистов вообще в Германии, у первых есть то преимущество, что они лучше умеют агитировать в массах, чем вторые. Нечто аналогичное я наблюдал неоднократно -- только в меньших размерах и в отдельных местных организациях, а не в общегосударственном масштабе-в истории большевистской партии. Например, в 1907 -- 8 годах «левые» большевики иногда и кое-где успешнее, чем мы, агитировали в массах. Легче сорвать сливки, легче подойти к массе в революционный момент или при живых воспоминаниях о революции с тактикой «простого»

отрицания. Это однако еще не довод за правильность такой тактики. Во всяком случае не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунистическая партия, которая хочет быть на деле авангардом, передовым отрядом революционного класса, пролетариата, и которая, сверх того, хочет научиться руководить широкой массой не только пролетарской, но и непролетарской, массой трудящихся и эксплуатируемых, обязана уметь и пропагандировать и организовать и агитировать наиболее доступно, наиболее попятно, наиболее ясно и живо как для городской, Фабричной «улицы», так и для деревни.

II. КОММУНИСТЫ И НЕЗАВИСИМЦЫ В ГЕРМАНИИ

Я высказал в брошюре мнение, что компромисс между коммунистами и левым крылом независимцев необходим и полезен для коммунизма, но что осуществить его будет не легко. Полученные мною после того номера газет подтвердили и то и другое. В ? 32 «Красного Знамени», органа Цека Комм. партии Германии («Die Rote Fahne», Zentralorgan der Kommun. Partei Deutschlands, Spartacusbund, от 26. III. 1920), помещено «заявление» этого Цека по вопросу о военном «путше» (заговоре, авантюре) Каппа-Дюттвица и о «социалистическом правительстве». Это заявление совершенно правильно и с точки зрения основной посылки, и с точки зрения практического вывода. Основная посылка сводится к тому, что «объективной основы» для диктатуры пролетариата в данный момент нет, ибо «большинство городских рабочих» сюит за независимцев. Вывод: обещание «лояльной оппозиции» (т.-е. отказ от подготовки к «насильственному свержению») правительству «социалистическому при исключении буржуазно-капиталистических партий».

Тактика, несомненно, в основе правильная. Но если не следует останавливаться на мелких неточностях формулировки, все же таки нельзя пройти молчанием, что нельзя называть «социалистическим» (в официальном заявлении комм. партии) правительство социал-предателей, что нельзя говорить об исключении «буржуазно-капиталистических партий», когда партии и Шейдеманы и гг. Каутских-Криспинов являются мелкобуржуазно-демократическими, нельзя писать таких вещей, как параграф 4-ый заявления, который гласит:

...«Для дальнейшего завоевания пролетарских масс на сторону коммунизма громадную важность имеет, с точки зрения развития пролетарской диктатуры, такое состояние, когда политическая свобода могла бы быть использована неограниченно и когда буржуазная демократия не могла бы выступать как диктатура капитала»...

Такое состояние невозможно. Мелкобуржуазные вожди, немецкие Хендерсоны (Шейдеманы) и Сноудены (Криспины), не выходят и не могут выйти за рамки буржуазной демократии, которая, в свою очередь, не может не быть диктатурой каптала. Этих принципиально неверных и политически вредных вещей вовсе и не надо было писать с точки зрения достижения практического результата, которого совершенно правильно добивался Цека Комм. партии. Для этого достаточно была сказать (если хотеть быть парламентски вежливым): пока большинство городских рабочих идет за независимцами, мы, коммунисты, не можем мешать этим рабочим изжить свои последние мещански-демократические (т.-е. тоже «буржуазно-капиталистические») иллюзии на опыте «их» правительства. Этого довольно для обоснования компромисса, который действительно необходим и который должен состоять в отказе на известное время от попыток насильственного свержения правительства, коему доверяет большинство городских рабочих. А в повседневной, массовой агитации, не связанной рамками официальной, парламентской вежливости, можно бы, конечно, добавить: пускай такие мещанские негодяи и тупицы, как

Шейдеманы и Каутские-Криспины, разоблачат на деле, насколько они одурачены сами и одурачивают рабочих; их «чистое» правительство «чище всего» сделает эту работу «очистки» авгиевых конюшен социализма, социал-демократизма и прочих видов социал-предательства.

Настоящая природа теперешних вождей «Независимой с.-д. партии Германии» (тех вождей, о которых говорят неправду, будто они уже потеряли всякое влияние и которые на деле еще опаснее для пролетариата, чем венгерские социал-демократы, назвавшие себя коммунистами и обещавшие «поддержку» диктатуре пролетариата) еще и еще раз обнаружилась во время немецкой корниловщины, т.-е. переворота гг. Каппа и Лютвица*. Маленькую, но наглядную иллюстрацию дают статейки Карла Каутского: «Решающие минуты» («Entscheidende Stunden») в «Freiheit» (орган независимцев, «Свобода») от 30. III. 1920 и Артура Криспина: «К политической ситуации» (14. IV. 1920, там же). Эти господа абсолютно не умеют мыслить и рассуждать как революционеры. Это-плаксивые мещанские демократы, которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство... пребывая в «искреннейшем» убеждении, что они помогают пролетариату! Ведь и венгерские социал-демократы, перекрестившиеся в коммунистов, хотели «помочь» пролетариату, когда по трусости и бесхарактерности сочли положение советской власти в Венгрии безнадежным и захныкали перед агентами антантовских капиталистов и антантовских палачей.

*)«Чрезвычайно ясно, кратко и точно, по-марксистски, освещено это, между прочим, в превосходной газете австрийской комм. партии «Красное Знамя» от 28 и 30 марта 1920 г. («Die rote Fahne», Wien 1920. No No 266 и 267; L. L.: «Ein neuer Abschnitt tier deutschen Revolution») (- «Новый этап немецкой революции». Ред.).

III. ТУРАТИ И К° В ИТАЛИИ

Те номера итальянской газеты «Совет», которые указаны выше, вполне подтверждают сказанное мной в брошюре об ошибке итальянской социалистической партии, которая терпит в своих рядах таких членов и даже такую группу парламентариев. Еще более подтверждает это такой свидетель со стороны, как римский корреспондент английской буржуазно-либеральной газеты «The Manchester Guardian», который в No от 12. III. 1920 поместил свое интервью с Турати.

...«Синьор Турати-пишет этот корреспондент-полагает, что революционная опасность не такова, чтобы вызывать неосновательные опасения в Италии. Максималисты играют огнем советских теорий только для того, чтобы держать массы приподнятыми и возбужденными. Эти теории, однако, являются чисто легендарными понятиями, непрелыми программами, которые непригодны для практического употребления. Они годятся только на то, чтобы держать работающие классы в состоянии ожидания. Те самые люди, которые употребляют их как приманку, чтобы ослеплять пролетарские очи, видят себя вынужденными вести повседневную борьбу ради завоевания некоторых, часто ничтожных экономических улучшений, так, чтобы оттянуть момент, когда рабочие классы потеряют свои иллюзии и веру в свои любимые мифы. Отсюда -- длинная полоса стачек всяческих размеров и по всяческим поводам вплоть до последних стачек в почтовом и железнодорожном ведомствах, -- стачек, которые делают и без того тяжелое положение страны еще более тяжелым. Страна раздражена вследствие трудностей, связанных с ее адриатической проблемой, подавлена ее внешним долгом, ее непомерным

выпуском бумажных денег, и все-таки страна далеко не сознает еще необходимости усвоения той «дисциплины в труде, которая одна может восстановить порядок и благосостояние»...

Ясно, как день, что английский корреспондент проболтал правду, которую, вероятно, прикрывает и прикрашивает и сам Турати, и его буржуазные защитники, пособники, инспираторы в Италии. Правда эта та, что идеи и политическая работа господ Турати, Тревеса, Модильяни, Дугони и К° действительно такова и именно такова, как ее рисует английский корреспондент. Это-сплошное социал-предательство. Чего стоит одна защита порядка и дисциплины для рабочих, состоящих в наемном рабстве, работающих для наживы капиталистов! И как знакомы нам, русским, все эти меньшевистские речи! Как ценно признание, что массы за советскую власть! Как тупоумно и пошло-буржуазно непонимание революционной роли стихийно разрастающихся стачек! Да, да, английский корреспондент буржуазно-либеральной газеты оказал медвежьёу услугу господам Турати и К° и превосходно подтвердил правильность требования товарища Бордига и его друзей из газеты «Совет», требующих, чтобы Итальянская социалистическая партия, если она хочет быть на деле за III Интернационал, с позором выгнала из своих рядов господ Турати и К° и стада коммунистической партией как по названию, так и по делам своим.

IV. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ВЕРНЫХ ПОСЫЛОК

Но тов. Бордига и его «левые» друзья делают из своей правильной критики господ Турати и К" тот неправильный вывод, что вредно вообще участие в парламенте. Ни тени серьезных доводов в защиту этого взгляда итальянские «левые» привести не могут. Они просто не знают (или стараются забыть) интернациональные образцы действительно революционного и коммунистического, бесспорно полезного для подготовки пролетарской революции использования буржуазных парламентов. Они просто не представляют себе «нового» и кричат, повторяясь бесконечно, о «старом», небольшевистском, использовании парламентаризма.

В этом-то и состоит их коренная ошибка. Не только на парламентском, но и на всех поприщах деятельности коммунизм должен внести (и без долгого, настойчивого, упорного труда он не сумеет внести) принципиально новое, коренным образом порывающее с традициями II Интернационала (при одновременном сохранении и развитии того, что он дал хорошего).

Возьмем хотя бы журналистскую работу. Газеты, брошюры, прокламации выполняют необходимую работу пропаганды, агитации, организации. Без журналистского аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране. И никакие вопли против «вождей», никакие клятвенные обещания сохранить чистоту масс от влияния вождей не избавят от необходимости пользоваться для этой работы выходцами из буржуазно-интеллигентской среды, не избавят от буржуазно-демократической, «собственнической» атмосферы и обстановки, в которой совершается эта работа при капитализме. Даже два с половиной года спустя после свержения буржуазии, после завоевания политической власти пролетариатом, мы видим вокруг себя эту атмосферу, эту обстановку массовых (крестьянских, ремесленных) буржуазно-демократических, собственнических отношений.

Парламентаризм есть одна форма работы, журналистика- другая. Содержание может быть коммунистическим в обеих и должно быть коммунистическим, если работники той и другой области являются действительными коммунистами, действительно членами пролетарской, массовой партии. Но и в той и в другой -из любой сфере работы, при капитализме и при переходе от капитализма к социализму -- нельзя избежать тех трудностей, тех своеобразных задач, которые

должен преодолеть и решить пролетариат для использования в своих целях выходцев из буржуазной среды, для победы над буржуазно-интеллигентскими предрассудками и влияниями, для ослабления сопротивления (а в дальнейшем и для полной переделки) мелкобуржуазной обстановки.

До войны 1914-1918 годов разве мы не видели во всех странах чрезвычайное обилие примеров, когда очень «левые» анархисты, синдикалисты и прочие громили парламентаризм, издевались над буржуазно-опошлившимися парламентариями-социалистами, бичевали карьеризм их и т. д. и т. п., -- а сами через журналистику, через работу в синдикатах (профсоюзах) проделывали такую же буржуазную карьеру? Разве примеры господ Жуо и Мерргеймов, если ограничиться Францией, не типичны?

В том-то и состоит ребячество «отрицания» участия в парламентаризме, что таким «простым», «легким», якобы революционным способом думают «решить» трудную задачу борьбы с буржуазно-демократическими влияниями внутри рабочего движения, а на деле только бегут от своей собственной тени, только закрывают глаза па трудность, только словами отделяются от нее. Бесстыднейший карьеризм, буржуазное использование парламентских местечек, вопиющее реформистское извращение парламентской работы, пошлая мещанская рутинка -- нет сомнения, что все это -- обычные и преобладающие характерные черты, которые порождают капитализм всюду и не только вне, по и внутри рабочего движения. Но он, капитализм, и создаваемая им буржуазная обстановка (исчезающая даже после свержения буржуазии очень медленно, ибо крестьянство постоянно возрождает буржуазию) решительно во всех областях работы и жизни порождают такой же по существу, ничтожными вариантами отличный по форме буржуазный карьеризм, национальный шовинизм, мещанское опошление и т. д.

Вы кажетесь себе самим «ужасно революционными», милые бойкотисты и Ани-парламентарии, но на самом деле вы испугались сравнительно небольших трудностей борьбы против буржуазных влияний изнутри рабочего движения, тогда как ваша победа, т.-е. свержение буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом, создаст эти самые трудности в еще большем, в неизмеримо большем размере. Вы по детски испугались маленькой трудности, которая предстоит вам сегодня, не понимая, что завтра и послезавтра вам придется все же научиться, доучиться преодолевать те же самые трудности в размерах, неизмеримо более значительных.

При советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию ползет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее, -- как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями. При советской власти те самые задачи, которые теперь так горделиво, так высокомерно, так легкомысленно, так ребячески отбрасывает от себя антипарламентарий одним движением руки, -- те самые задачи возрождаются внутри Советов, внутри советской администрации, внутри советских «правозаступников» (мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием «советских» «правозаступников»¹³⁰). Внутри советских инженеров, внутри советских

учителей, внутри привилегированных, т.е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, рабочих на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно всех тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительнейшей, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем - постепенно -- это зло.

Конечно, при господстве буржуазии очень «трудно» победить буржуазные привычки в собственной, т.е. рабочей, партии: «трудно» выгнать из партии привычных, безнадежно испорченных буржуазными предрассудками вождей-парламентариев, «трудно» подчинить абсолютно необходимые (в известном, хотя бы очень ограниченном, количестве) число выходцев из буржуазии пролетарской дисциплине, «трудно» создать вполне достойную рабочего класса коммунистическую фракцию в буржуазном парламенте, «трудно» добиться, чтобы коммунистические парламентарии не играли в буржуазно-парламентские бирюльки, а занимались насущнейшей работой пропаганды, агитации, организации в массах. Все это «трудно», слов нет, трудно было в России, еще несравненно труднее в Западной Европе и Америке, где гораздо сильнее буржуазия, сильнее буржуазно-демократическая традиция и прочее.

Но все эти «трудности» -- прямо-таки детские трудности по сравнению с задачами совершенно такого же рода, которые все равно пролетариату неизбежно придется решать и для своей победы и во время пролетарской революции и после взятия власти пролетариатом. По сравнению с этими, поистине гигантскими, задачами, когда придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции, -- по сравнению с этими гигантскими задачами является делом ребячески легким создать при господстве буржуазии, в буржуазном парламенте, действительно коммунистическую фракцию настоящей пролетарской партии.

Если товарищи «левые» и анти-парламентарии не научатся преодолевать теперь даже такой маленькой трудности, то можно сказать наверняка, что они либо окажутся не в состоянии осуществить диктатуру пролетариата, не смогут в широком масштабе подчинить себя и переделать буржуазных интеллигентов и буржуазные учреждения, либо должны будут на спех доучиваться и такой спешкой принесут громадный вред делу пролетариата, наделают ошибок больше обычного, проявят слабости и неумения больше среднего и так далее и тому подобное.

Пока буржуазия не свергнута и затем пока не исчезло совершенно мелкое хозяйство и мелкое товарное производство, до тех пор буржуазная обстановка, собственнические привычки, мещанские традиции будут портить пролетарскую работу как извне, так и изнутри рабочего движения, не в одной только сфере деятельности, парламентской, а неизбежно во всех и всяческих областях общественной деятельности, па всех, без исключения, культурных и политических поприщах. И глубочайшей ошибкой, за которую неминуемо придется потом расплачиваться, является попытка отмахнуться, отгородиться от одной из «неприятных» задач или трудностей в одной области работы. Надо учиться и научиться овладевать всеми без изъятия областями работы и деятельности, побеждать все трудности и все буржуазные навыки, традиции, привычки везде и повсюду. Иная постановка вопроса просто несерьезна, просто ребячество.

12. V. 1920.

Владимир Ленин. «О задачах пролетариата в данной революции»

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, – и добросовестным оппонентам, – было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над

массаами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком* всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, —а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.¹⁷⁷

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. батр. депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. батр. и крест, депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

---

¹⁷⁷ Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны»¹⁷⁸;

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии¹⁷⁹.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра»¹⁸⁰.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разьяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разьяснение* ошибок их тактики»...

---

¹⁷⁸ То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

¹⁷⁹ Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться Коммунистической партией.

¹⁸⁰ «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (=«оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии» !!

Я нападаю на Вр. правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что без Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберг и К° «обижаются»... за кого?— за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

(напечатано 7 апреля 1917 г. в газете «Правда» N 26)

Владимир Ленин. «Шаг вперед два шага назад»

(КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ)

Написано в феврале — мае 1904 г.

Напечатано в мае 1904 г. в Женеве отдельной книгой

Печатается по тексту книги, сверенному с рукописью и текстом сборника: Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907

ПСС, издание пятое, том 8, стр. 185-414

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутривнутрипартийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрызг, не имеющих, в сущности, никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос — вопрос о политическом значении того деления нашей партии на “большинство” и “меньшинство”, которое сложилось на втором съезде партии и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос — вопрос о принципиальном значении позиции новой “Искры” по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее основном политическом характере. Вторым вопросом есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрызг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй — анализом нового принципиального содержания новой “Искры”. Тот и другой анализ, составляющий содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что “большинство” есть революционное, а “меньшинство” — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой “Искре”, чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрызг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, а в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей “системой” (поскольку тут может быть речь о системе теперешних принципиальных взглядов “Искры” по организационному вопросу. Нынешняя редакция “Искры”, по-видимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе “большинства”. В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться, вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее (“бюрократической” идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и “каждому стачечнику”, и их вражда к

“формализму”, требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их склонность к психологии буржуазного интеллигента, готового лишь “платонически признавать организационные отношения”, и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой “Искре”, все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначально ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то поистине незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дрызгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих протоколах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (по-видимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась вся политическая физиономия каждой группы делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину действительного положения дел в их “партиях”, хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Н. Ленин

Май 1904 года.

а) ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители “меньшинства”, с наивностью, доходящей до умильности, “проклинают своих судей” и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика в № 57 “Искры”, возмущающегося идеей о суверенной “божественности” съезда. Это — такая характерная черточка новой “Искры”, что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, отвергнутых съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя “партийной” редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих “разносить” съезд после того, как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда.

“Искра” с самого начала, в своем анонсе 1900 года, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что, прежде чем объединяться, нам надо размежеваться. “Искра” постаралась превратить конференцию 1902 года в частное совещание, а не в партийный съезд. “Искра” чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный “комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Организационный комитет конституировался в самом конце 1902 г. “Искра” приветствует его упрочение и заявляет, — в редакционной статье № 32, — что созыв партийного съезда дело самой настоятельной, неотложной надобности. Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать.

Организационный комитет выработал чрезвычайно тщательный (формалистический и бюрократический, сказали бы люди, которые прикрывают теперь этими словечками свою политическую бесхарактерность) устав второго съезда, провел этот устав по всем комитетам и, наконец, утвердил его, постановив между прочим в § 18: “Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии”. Не правда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над “меньшинством”! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно добрую волю всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят теперь, эвфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному честному слову, которое дали все русские социал-демократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съездом, не пропадут даром, что съезд не превратится в комедию. Оно заранее квалифицировало всякое непризнание решений и выборов съезда, как нарушение доверия.

Над кем же смеется новая “Искра”, сделавшая новое открытие, что съезд не божество и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие “новые _____

a См. Сочинения, 5 изд., том 4. стр. 354-360. Ред.

b См протоколы второго съезда, стр. 20.

c См Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 91—93. Ред.

d См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

организационные взгляды” или только новые попытки замести старые следы?

б) ЗНАЧЕНИЕ ГРУППИРОВОК НА СЪЕЗДЕ

Итак, съезд был созван после самой тщательной подготовки, на началах в высшей степени полного представительства. Общее признание правильности состава съезда и безусловной обязательности его решений нашло себе выражение и в заявлении председателя (стр. 54 протоколов) после конституирования съезда.

В чем же состояла главная задача съезда (в создании) действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны “Искрой”. Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью “Искры” и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с “Искрой” (Бунд и “Рабочее Дело”), и таких, которые, признавая “Искру” руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа “Южного рабочего” и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях съезд не мог не превратиться в арену борьбы за победу искровского направления. Что съезд и был на самом деле такой борьбой, — это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством “Искры”, в единую партию? — вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения. Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой “Искры” выдвигал на первый план именно анализ различных группировки. Мои оппоненты из представителей “меньшинства” (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, “оправдываясь” от того обвинения в повороте к оппортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытаюсь даже нарисовать, в противовес мне, хоть какую-нибудь другую картину группировки на съезде. Теперь в “Искре” (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде — простым “кружковым политиканством”. Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой “Искры” имеют одно оригинальное свойство: стоит точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со

съезда, и все эти сильные слова обращаются целиком и прежде всего против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, гг. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты пашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. “Искровец, — говорит он, — это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с “Искрой”, отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока — столько голосов было подано за программу “Искры” и за резолюцию о признании “Искры” Центральным Органом партии”. Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята всеми (стр. 233), кроме воздержавшегося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукэр, и Мартынов доказали свою “полную солидарность” с “Искрой” и отстаивали ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение после съезда всех его участников в _____

а См настоящий том, стр. 41—52, 98—104. Ред.

равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу на съезде. Изучение того, из каких элементов сложилось после съезда “большинство” и “меньшинство”, подменяется официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании “Искры” Центральным Органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому тов. Мартов со смелостью, достойной лучшею дела, приписывает теперь отстаивание организационных взглядов и организационной политики “Искры”, настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания “Искры” ЦО и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг “Искры”, выражение солидарности с нею) за — подано только 35 голосов, два — против (Акимов и Брукэр) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа антиискровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции — признание “Искры” Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): за подано 44-голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздержавшихся редакторов остается 46; два голосовали против (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, все пять бундовцев. Итак, бундовцы на съезде “выражали полную солидарность с “Искрой”” — так пишется официальная история официальной “Искрой”! Забегая вперед, объясни” читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция “Искры” могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не quasia-партийной, как теперь), если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли со съезда; вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в “искровцев”. Но об этом подробно после.

Спрашивается далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и антиискровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже а priori склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу

“Южного рабочего” с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными. К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот вопрос — вопрос факта, разумеется, — на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решение этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое уклонение от вопроса. А priori уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) НАЧАЛО СЪЕЗДА — ИНЦИДЕНТ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать все

а — мнимо. Ред.

б — заранее. Ред.

главнейшие голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в “порядке дня” съезда) пункта: “положение Бунда в партии” (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с “Искрой”, большинство партии, — то было бесполезно и бессмысленно “делать вид”, что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников “Рабочего Дела”, организационные разногласия с “Искрой” (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и “Рабочего Дела” становится тов. Махов (два голоса Николаевского комитета, незадолго перед тем выражавшего свою солидарность с “Искрой”!). Для тов. Махова вопрос совершенно неясен, а “большим местом” он считает и “вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это

заметьте!), о централизме” — точь-в-точь, как большинство теперешней нашей “партийной” редакции, которое на съезде не заметило еще этого “больного места”!

Итак, против искровцев выступает Бунд, “Рабочее Дело” и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). За подано 30 голосов — цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся “партий”: Интересно отметить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклонение этого § 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосов (стр. 289 протоколов), причем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о месте вопроса о Бунде дало не случайную группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а и по существу расходились с “Искрой” все эти товарищи. Со стороны “Рабочего Дела” это расхождение по существу ясно для всякого, а тов. Махов бесподобно охарактеризовал свое отношение в речи по поводу ухода Бунда (стр. 289—290 прот.). На этой речи стоит остановиться. Тов. Махов говорит, что после резолюции, которая отвергла федерацию, “вопрос о положении Бунда в РСДРП для него из вопроса принципиального становился вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я, — продолжает оратор, — не мог не считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом”. Тов. Махов прекрасно усвоил себе дух “реальной политики”: принципиально он уже отверг федерацию, а поэтому на практике он вотировал бы за такой пункт устава, который проводит эту федерацию! И этот “практичный” товарищ поясняет свою глубоко принципиальную позицию следующими словами: “Но (знаменитое щедринское “но”!), так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер (!) и не могло носить характера практического, ввиду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально”... (упаси нас, господа, от этакой принципиальности!)... “оттенить различие своей позиции в данном случае от позиции, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пункт. Обратно, я вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержались от голосования его, на чем они предварительно настаивали”. Пойми, кто может! Принципиальный человек воздерживается от того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически бесполезно, когда все говорят: нет.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе “Борьба”, приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке и тесно связанный с самым “больным” вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы “Борьба”, согласно двукратному решению Организационного комитета (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу его представителей в комиссии (стр. 35).

Тов. Егоров, член ОК, заявляет, что “вопрос о “Борьбе” (заметьте: о “Борьбе”, а не о том или ином ее члене) для него новый”, и просит перерыва. Каким образом для члена ОК мог быть новым вопрос, дважды решенный ОК, остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание ОК (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов ОК из старых членов организации “Искры” на съезде отсутствовало). Начинаются прения о “Борьбе”. Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искровцы Павлович, Сорокин, Ланге, Троцкий, Мартов и др.) — против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за “Борьбы” завязывается

упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и “боевой” речью, в которой указывает справедливо на “неравномерность представительства” русских и заграничных групп, на то, что едва ли “хорошо” было бы давать заграничной группе “привилегию” (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять “организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями” (не в бровь, а в глаз... — “меньшинству” нашего партийного съезда!). Кроме сторонников “Рабочего Дела” никто открыто и мотивированно не выступает за “Борьбу” вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не вилили и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели.

После закрытия списка ораторов, когда по существу высказываться уже нельзя, тов. Егоров “настоятельно требует, чтобы было заслушано постановление ОК, принятое только что”. Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое “недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании”. Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом “заключительного слова”, преподнести съезду новое постановление ОК — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от “формальности” и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребительному средству “товарищеского объяснения”. Представитель ОК, Попов, сообщает постановление ОК, принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и отрицает законность собрания ОК, что новое постановление ОК “противоречит его прежнему решению”. Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член ОК и член группы “Южного рабочего”, уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (!), ибо ОК, обсудив протест Павловича, решил “не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича”. Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что “императивных мандатов у нас нет” (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: “Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы”). “Съезд есть самая высшая партийная инстанция”, и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата прямо к

а О заседании атом см “Письмо” Павловича, члена ОК и единогласно выбранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (прот. Лиги, стр. 44).

съезду по всем, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или полное, не на словах только, а на деле, распускание всех низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже

отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде “Южного рабочего”) с возрождающейся партией. И антиискровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции “Искры”, и наш знакомый тов. Махов — все они высказываются за Егорова и группу “Южного рабочего” против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным “демократизмом”, вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! “Истинный смысл этой “компактной” антиискровской оппозиция был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особенность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, создаваемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто “в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе низшего порядка, в которую ел входит”. “Никакая принудительная (курсив Мартова) группировка внутри единой партии недопустима”, — разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него... Принудительная группировка не допустима для ОК, но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов в своей речи особенно подчеркнул, кроме “огромной ошибки” тов. Егорова, обнаруженную ОК политическую неустойчивость. “От имени ОК, — справедливо негодовал Мартов, — внесено предложение, идущее вразрез с докладом комиссии (основанным, добавим от себя, на докладе членов ОК: стр. 43, слова Кольцова) и с предыдущими предложениями ОК” (курсив мой). Как видите, Мартов ясно понимал тогда, до своего “поворота”, что замена “Борьбы” Рязановым нисколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий ОК (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также ОК: “что случилось нового, чтобы сделать нужной переделку?” (курсив мой). В самом деле, ведь ОК, внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени ОК, ни слова не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: “у ОК могли явиться новые соображения”... (но явились ли и какие? — неизвестно)... “он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.”. (Это “и т. д.” — единственное прибежище оратора, ибо ОК не мог забыть дважды обсуждавшегося им до съезда и раз перед комиссией вопроса о “Борьбе”). “ОК принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе “Борьба”, но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности”. Это — не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ (а мы не допускаем и сомнения в искренности кого бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что он считает подводным камнем, об

устранении теми способами, какие он признает целесообразными. Мотивировать — значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать нельзя бы было, не “изменяя своего отношения к “Борьбе””, потому что прежние, противоположные решения ОК тоже заботились об устранении подводных камней, но видели эти “камни” как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его “мелкими и вызванным желанием “отговариваться”, дав совет ОК “не бояться того, что люди скажут”. Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего credo, — одним словом “болотностью”b.

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что никто, кроме бундовца Юдина (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы “Борьба”. Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов — очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем — 16, т. е., кроме восьми антиискровских голосов, два голоса тов. Махова (ср. стр. 46), четыре голоса членов группы “Южного рабочего” и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение отнюдь нельзя считать случайным, но сначала отметим вкратце теперешнее мнение Мартова об этом инциденте с ОК. Мартов утверждал в Лиге, что “Павлович и другие раздували страсти”. Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против “Борьбы” и ОК принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить “вину” на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединялся к Павловичу (стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в “раздувании страстей”. Это только смешно.

В “Искре” (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придает важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с ОК послужил завязкой к спорам о таком “важном” вопросе, как приглашена икса или игрека в ЦК и в ЦО. Нехорошо это — мерит! на два разных аршина, смотря по тому, своей ли “группы низшего порядка” (по отношению к партии) касается дело или чужой. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. “Мне непонятно, — сказал Мартов, между прочим, в Лиге, — как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами”. Странное непонимание различия между “называть себя” и “быть”, между словом и делом. Сам Мартов на съезде называл себя противником принудительных группировок, а после съезда был их сторонником...

2) РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ “ЮЖНОГО РАБОЧЕГО”

Распределение делегатов в вопросе об ОК могло бы показаться, пожалуй, случайным. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце съезда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот — распускание группы “Южного рабочего”. Против

а символ веры, программа, изложение мирозерцания. Ред.

б У вас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о нетоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности, не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, знающая внутреннюю борьбу, обходилась. Без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между борцами. И немцы, умеющие вдвигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова “versumpft” (— “болотный”. Ред.) и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной pruderie (— лицемерной стыдливости, ханжества. Ред.)

искровских организационных тенденций — полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса — выступили здесь интересы одной из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка — группа “Южного рабочего” с неменьшим правом, чем старая редакция “Искры”, могла претендовать на сохранение “преимущества” и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии — группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в “соответствующие партийные организации” (стр. 313, конец резолюции, принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и “обывательщины” не могло не казаться щекотливым” (выражение тов. Русова и тов. Дейча) распускание полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция “Искры”. С точки зрения интересов партии являлось необходимым распускание, “растворение” (выражение Гусева) в партии. Группа “Южного рабочего” прямо заявила, что она же находит нужным” объявить себя распущенной и требует, чтобы “съезд решительно заявил свое мнение” и притом “немедленно: да или нет”. Группа “Южного рабочего” прямо ссылалась на ту самую “преимущество”, к которой стала апеллировать старая редакция “Искры”... после ее распускания! “Хотя все мы поодиночке составляем единую партию, — сказал тов. Егоров, — но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, как с историческими величинами... Если подобная организация не вредна партии, то ее не к чему распускать”.

Таким образом, важный принципиальный вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы — покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед — решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость “считаться с историческими величинами”). Голосование дало 31 за, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы “Южного рабочего” и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям, стр. 308). Группа в десять голосов, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану “Искры” и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с “симпатиями” отдельных организаций, говоря прямо, что “если бы товарищи из “Южного рабочего” держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше”. В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из “меньшинства” не только не восстают! против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и “линию” “Южного рабочего”, Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая “хаос” и приветствуя “прямую постановку вопроса”

(стр. 315) того самого тов. Русова, который в этом же заседании имел — о ужас! — дерзость “прямо поставить” и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325).

Со стороны группы “Южного рабочего” вопрос об ее распусчении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже “ложью” простое упоминание имени группы “Рабочая мысль”³ наряду с “Южным рабочим” — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распусчении “Южного рабочего” с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об “Южном рабочем” членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле ЦО и ЦК. Тов. Попов намекает во время прений о “Южном рабочем” на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. “Теперь, — говорит он (стр. 316), — все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно”. Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т. е. ясно, что “Южный рабочий” будет распущен, вопреки его воле. Представитель “Южного рабочего” сам отделяет здесь искровцев (и притом таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных “линий” организационной политики. И когда теперешняя “Искра” выставляет группу “Южного рабочего” (а также, вероятно, Махова?) “типичными искровцами”, то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое “меньшинство”.

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих чрезвычайно нерационально. Антиискровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа “Южного рабочего” тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать “безнадежный” вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

д) ИНЦИДЕНТ С РАВНОПРАВИЕМ ЯЗЫКОВ

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа антиискровцев (8 голосов), но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники “Рабочего Дела” (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция антиискровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция “Искры” (подумав, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде!4 Должно быть, это соответствует знаменитому принципу “преемственности”... Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, видан ли где-нибудь такой партийный орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде?

Минуя споры о признании “Искры” Центральным Органом (мы касались уже их выше) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрезвычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из “Южного рабочего” защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского (искровец из меньшинства) о “серьезном разногласии”. “Несомненно, — сказал тов. Посадовский, — что мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее”. Плеханов “вполне присоединяется” к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против “абсолютной ценности демократических принципов”, против “отвлеченного” рассматривания их.

“Гипотетически мыслим случай, — говорит он, — когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права”. Речь Плеханова встречена рукоплесканиями и шиканьем, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenrufa “вы не должны шикать” и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: “раз такие речи вызывают рукоплесканья, то я обязан шикать”. Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на нет его значение, говоря на съезде Лиги: “Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: “merci”)” (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование прямо противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского на съезде о “серьезном разногласии” и расхождении по “основному вопросу”. По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде против представителей антиискровской “правой” (Гольдблат) и съездовского “центра” (Егоров). Это факт, и можно смело ручаться, что если бы “центру” (надеюсь, это слово будет менее шокировать “официальных” сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы “центру”

пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться непринужденно” по этому или аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаруживалось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнее по вопросу о “равноправии языков” (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — шестнадцать! Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. и языка или же необходимо сказать: “свобода языка” или “равноправие языков”. Тов. Мартов на съезде Лиги довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что “ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию”. Именно такb. Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно принципиальный характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки “свергнуть” программную комиссию, вплоть до подозрений в желании “подвести съезд” (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (с. 178). Даже тов. Попов “выражал сожаление, что по поводу пустяков создается такая атмосфера” курсив мой, с. 182), которая царилa в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

---

a - замечание с места во время речи оратора, реплика. Ред.

b Мартов добавляет “В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах” (когда говорили о свободе языка, то один бундовец, пашется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства. И Плеханов бросил про себя “лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают”). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, призвавши принципиальное значение спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на “вред” острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно “сильно повредили на съезде” и не только остроты насчет бундовцев, но и насчет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, раз признано принципиальное значение инцидента, нельзя отделяться фразой о “непозволительности” (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот.

Все эти выражения в высшей степени определено и категорически указывают на тот важнейший факт, что атмосфера “подозрений” и самых ожесточенных форм борьбы (“свержение”), — в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги, большинство искровцев! — на самом деле создалась гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство. Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень многих к самым легкомысленным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было 9/10 искровцев, абсолютно необъясним и нелеп тот факт, что из-за “пустяков”, из-за “ничтожного” повода могло произойти столкновение, получившее “принципиальный характер” и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделяться от этого факта сетованиями и сожалениями по поводу “повредивших” острот. Принципиального значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт, — они были только симптомом того, что в самой политической группировке съезда есть

“противоречие”, есть все залогов конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, даже ничтожном, поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать, как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным, — с этой точки зрения вполне объясним и неизбежен отчаянно-резкий конфликт принципиального характера по “ничтожному” поводу. Раз у нас на съезде все время шла борьба искровцев с антиискровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с антиискровцами составляли 1/3 голосов (8 + 10 = 18 из 51, по моему счету, разумеется, приблизительному), — то совершенно понятно и естественно, что всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их создавало возможность победы антиискровского направления и вызывало, поэтому, “бешеную” борьбу. Это не результат неуместно резких выходов и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки, — в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их, — равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительных остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с “равноправием языков” представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причин расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против антиискровцев и “центра”.

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования “равноправия граждан”. “Свобода языка” отклоняется, но сейчас же выдвигается “равноправие языков”, и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов заявляет, что это — фетишизм, “когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком” (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как “фетишисты”, отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что если нас за это “другие” обвинят?), — отмеченную нами в инциденте с Организационным комитетом, — проявил тут с полной ясностью и весь наш “центр”. Другой представитель его, близко стоящий к “Южному рабочему” горнозаводский делегат Львов, “считает вопрос об угнетении языков, выдвинутой окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов”. Вот замечательная мотивировка “серьезности” вопроса. Вопрос очень серьезен потому, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не отвечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих

доводов, отделяясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они могли бы сказать, неверно, — говорят ему. Вместо разбора, верно это или неверно, он отвечает: “могут подозревать”.

Такая постановка вопроса, с претензией па его серьезность и важность, действительно уже получает принципиальный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать (“подозревать”) попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами? — вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за “языков”.

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все антиискровцы (8 голосов) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов, — только два последние колебались вначале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть — главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами) — и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление “фетишизма”. При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделились двое с двумя голосами — Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции антиискровцев и неустойчивых элементов. Это — именно тот основной факт съездовской группировки, который повторился (при отделении других только искровцев) и при голосовании § 1 устава и при выборах. Неудивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на политические причины этого поражения, на исходные пункты той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова.

е) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА

Принципиальная невыдержанность антиискровцев и “центра” сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении “именно данной исторической несправедливости”, чем будто бы косвенно мы “освящаем другие исторические несправедливости” и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже “неясно, каково значение этой программы. Есть ли это — программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной” (!?!?). Тов. Либер “хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров”. Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что “большинство (?) из

говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует". Предлагаемую программу, видите ли, "трудно считать за соц.-дем. аграрную программу"; она... "несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей", на ней лежит "оттенок демагогии и авантюризма". Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы "с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой" (202). Тов. Махов "выбалтывает" здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых "признавать" "Искру" (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направление, ее теоретическую и тактическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры антиискровских элементов (Либер и Мартынов) и "центра" — Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт "Южного рабочего" и тяготеющих к нему групп и кружков, именно — непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. "Я далек от увлечения редакции крестьянским движением, — сказал т. Егоров, — увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов". Тов. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение редакции, не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный "Искрой". Он забыл, кроме того, что все основные пункты нашей аграрной программы были развиты "Искрой" еще в ее третьем номере, т. е. задолго до крестьянских волнений. Кто "признавал" "Искру" не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

"Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!" — восклицает т. Егоров и объясняет далее это восклицание де в смысле протеста против того или другого отдельного "увлечения", а в смысле отрицания всей нашей позиции:

"Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом". Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к "конкуренции" лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя "удовлетворенным" теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам "конкурентов" ... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об "удовлетворенности" и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого "конкуренция лозунгов" решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. "Вы не заставите батрака, — говорил т. Егоров, — бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина".

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно “заставить” пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем.

а См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437. Ред.

Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях общекapиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки давят сейчас, давят на деле и батрака, которого нечего “заставлять” бороться за освобождение от кабалы. “Заставлять” приходится некоторых интеллигентов — заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп, — предрассудок, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (с. 202), в речах т. Махова и других противников аграрной программы, — только предрассудок объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего “центра” старались, как водится, свалить свою узость на мужика. “Именно потому, — говорил т. Махов, — что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела”. Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и сужение этой точки зрения, сведение ее к “узкой мере”. Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к “узкой мере” точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелкобуржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости (“глупости”) мужика или господства над ним “предрассудка”, а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-“марксистская” точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции “Искры”. Недаром встречены были эти слова аплодисментами... правда, ироническими. “Я не знаю, конечно, что называть бедой”, — говорит т. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас нисколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение. — “Но революция эта, если ее можно так назвать, будет пореволюционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад, и потребует известное время для того, чтобы вновь прийти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции (иронические аплодисменты), мы имеем социал-демократическую партию (смех)”... Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по-маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Антиискровцы (8 голосов) идут

в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди “центра”, Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т. е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с ОК, и на вопросе о закрытии “Южного Рабочего”. Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям, — и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь 3/5 голосов, тотчас же весь “центр” поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружались оттенки!

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьнических голых противоположении, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что “такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне”... как взгляд тов. Егорова... ему “приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей”), и Костров, и Карский, и Троцкий. Последний правильно указывает, что “благожелательные советы” критиков аграрной программы “слишком отдают филистерством”. Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (страница 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаются иначе провести ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону против всех неискровцев. Достаточно сравнить, напр., предложения Махова об отклонении всей аграрной программы (стр. 212, за девять, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, вносящего самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225), чтобы убедиться в коренном различии между ними.

Говоря дальше о доводах, отдающих “филистерством”, тов. Троцкий указал, что “в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством”... “Пред лицом этой задачи скептицизм и политическая “дальновидность” Махова и Егорова вреднее всякой близорукости”. Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на “неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости” со стороны тов. Махова, — характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему “центру”. “В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы” (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что социал-демократическая партия поддерживает “всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка”⁵. Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, какие именно из

оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось и тут, как ни трудно было предположить, что возможны еще “недоумения и недоразумения” по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в оттенках. Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком “компактном” меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здесь объяснять это интригой, подстраиванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования “компактных” групп и меньшинства и большинства.

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. “У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, сбоку припека (общий смех)... Да, сбоку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать” (с. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово “оппозиционное” или ограничить его добавлением “демократическое-оппозиционное”. Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. “Мы должны критиковать _____

а Ср. речь Горина, стр. 213.

либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции”. Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашались с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) “так себе” и он “против того, чтобы их поддерживать”. Потом он смилиостивился и признал, что, “будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной, — когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками”. “Но есть группы, — продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рогожку, — которые всегда (?) реакционны, — таковы ремесленники”. Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего “центра”, которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не более как шаблонно заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либеры по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры антиискровских элементов и один из лидеров “центра” а сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог всем прениям о программе, нельзя не сделать того вывода, что не было ни разу сколько-нибудь оживленных, возбуждавших

всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией “Искры”.

ж) УСТАВ ПАРТИИ. ПРОЕКТ т. МАРТОВА

От программы съезд перешел к уставу партии (мы минуем затронутый выше вопрос о ЦО и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь “Искра” выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве организационной ячейки. В редакционной статье четвертого номера (“С чего начать?”) “Искра” выдвинула целый организационный план, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение трех лет. Когда второй съезд партии признал “Искру” Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147) два пункта были посвящены именно атому организационному плану и организационным идеям _____

а Другой лидер той же группы, “центра”, тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах революционерах (стр. 359) Тов. Егоров усмотрел “противоречие” между требованием программы поддерживать всякое оппозиционное в революционное движение и отрицательным отношением и в социалистам революционерам и к либералам В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полувраждебное отношение к (“признанной” им) позиции “Искры”, как и товарищи Махов, Либер в Мартынов.

б В речи своей о признании “Искры” Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил “Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере “Искры” — “С чего начать?” Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной, другим этот план казался фантастическим, и большинство (? вероятно, большинство окружавших тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбцем” (стр. 140) Как видит читатель, мне уже не привыкать стать к этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подогретому теперь тов. Аксельродом и тов. Мартовым.

“Искры”: роль ее в деле руководства практической партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа “Искры” и все дело партийной организации, все дело фактического восстановления партии не могло считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые “Искра” стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты, учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей. Первая идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров, ЦО и ЦК. Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье “Искры” (№ 4) “С чего начать?” а и в “Что делать?” б и, наконец, подробно разъяснены в виде почти что устава в

“Письме к товарищу”с. Оставалась только, в сущности, редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание “Искры” не оставалось на бумаге, не было только условной фразой. В предисловии к переизданному мной “Письму к товарищу” я уже указывал, что достаточно простого сличения устава партии с этой брошюрой для установления полного тождества организационных идей там и здесьd.

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. “...Фактическая справка вам покажет, — говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58), — насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т. е. первому) параграфу. За 1S—2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1 — определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом, Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее”.

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом “открытом забрале” мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий), — Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напутал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (невольны вспоминают люди только то, что им выгодно!), — и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему — должно быть, дурной пример заразителен.

“Идея” первого параграфа в проекте Мартова не могла мне “нравиться”, ибо никакой идеи, выплывшей на съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где “первый параграф изложен как раз не так, как это было им предложено на съезде”! Вот вам и “открытое забрало”!

---

a См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13. Ред.

b См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 1—192. Ред.

c См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 7—25. Ред.

d Там же, стр. 6. Ред.

§ 1 в проекте Мартова: “Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (sic!) партии”.

§ 1 в моем проекте: “Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций”.

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: “Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций”.

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет никакой идеи, а есть только пустая фраза. Что члены партии работают под контролем и руководством органов партии, это ясно само собой, это не может быть иначе, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять “уставы” бездной словесной воды и бюрократических (т. е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. Идея первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли органы партии осуществлять на деле свое руководство над членами партии, не входящими ни в одну из партийных организаций. Этой идеи даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, я не мог быть знаком со “взглядами” тов. Мартова “по этому вопросу”, ибо никаких взглядов по этому вопросу в проекте тов. Мартова не имеется. Фактическая справка тов. Мартова оказывается путаницей.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта “знал мои взгляды по этому вопросу” и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2—3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимися только с моим проектом. Мало того. Даже на съезде, когда я внес свой проект уставов и защищал его до выбора уставной комиссии, — то тов. Мартов заявил прямо: “присоединяюсь к выводам тов. Ленина. Только в двух вопросах я расхожусь с последним” (курсив мой) — в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О несогласии по § 1 тут еще не говорится ни слова.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частных, “достаточно ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма” (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет теперь, во-1-х, тем, что “искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам” (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которою интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение сообща принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал “внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была “Искра””. Это замечательно как связно выходит! В принципиальном вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся

а — так! Ред.

б Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, “вынесенный на съезд Лениным” (стр. 393) Протокольная комиссия тут тоже немножко напутала. Она смешала

мои первоначальный проект (см. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 256—258. Ред.), показанный всем делегатам (и очень многим до съезда), с внесенным на съезд проектом и напечатала первый под видом второго. Я ничего не имею. конечно, против опубликования своих проектов, хотя бы и “о всех стадиях их подготовки., но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, каких нет в проекте, напечатанном протокольной комиссией (ср. стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении и делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц.

диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По практическому вопросу о составе центров тов. Мартов от востума большинства членов организации “Искры” (этого настоящего основного организационного ядра) апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. “Диссонанса” в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания “кружковщины” в оценке вопроса теми, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем полностью его проект устава, отмечая с своей стороны, какие взгляды и какую гипертрофию он обнаруживает:

“Проект устава партии. — I. Принадлежность к партии. — 1) Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии. — 2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии Решение ЦК об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]”. Скобками я буду обозначать явно бессодержательные положения мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой “идеи”, но и никакого определенной условия или требования, — вроде бесподобного указания в “уставе”, где именно надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения ЦК об исключении (а не все вообще и всякие его решения?) подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюрократический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов “...II Местные комитеты. — 3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...” (и ново и умно!)”. 4) [Комитетами партии при знается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов]. — 5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом [который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней]. — 6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации. — 7) ЦК имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы оно составляло не более 1/3 всего данного состава...” Образчик канцелярщины. почему не более 1/3? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо дополнение может быть повторено мною раз?“... 8) [В случае, если местный комитет распался или разбит” (т. е. не весь взят?) “преследованиями, ЦК восстанавливает его”]... (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?)“... 9) [Очередной съезд партии может поручить ЦК реформировать состав какого-либо местного комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распущенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения ему”]... Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах

статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство.“... 10) [Местные комитеты партии руководят всей местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил ЦК и ЦО партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач.”]... Уф! К чему это, ради всего святого?... 11) [“Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными” (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) “ему группами и пределы компетенции и автономии” (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) “этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению ЦК и редакции ЦО”]... (Пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения)...“ 12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому вопросу было сообщено ЦК партии и ее Центральным Органам]. — 13) Местный комитет партии из своих доходов обязан отчислять в кассу ЦК долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой ЦК. — III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках — 14) [Для целей агитации на одном из не русских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации.] — 15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется ЦК партии, а в спорных случаях — съезду партии”.

а Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более “гипертрофией” никчемного формализма.

б Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечко. Ведь это ужас что такое! Вот где корни-то “якобинства”, доходящего даже... даже до изменения состава редакции...

Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смехотворна...” 16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, причем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливаются местным комитетом”... (ну и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов.). “По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации] — 17) [Местные Организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Такой союз может иметь свои специальные литературные и административные органы; причем те и другие состоят под непосредственным контролем ЦК партии Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается ЦК партии.] — 18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. Примечание. Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии”] (весь параграф чрезвычайно полезен и отменно умен, а примечание еще тою больше)...” 19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов] — 20) [Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к ЦК партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии] — IV. Центральный Комитет и литературные органы партии — 21) [Представителями партии в целом являются ее ЦК и литературные органы — политический и научный] — 22) На ЦК лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и

распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии; снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов - 23) На литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии — 24) Все местные комитеты партии и автономные союзы состоят в непосредственных сношениях как с ЦК партии, так и с редакцией партийных органов и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах. - 25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии и функционирует до следующего съезда. — 26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежутках между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщается ЦК. — 27) Все заявления, исходящие от ЦК или получившие его санкцию, печатаются, по требованию ЦК, в партийном органе. — 28) ЦК, по соглашению с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы — 29) ЦК назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда ЦК пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии — V. Заграничная организация партии — 30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация. — 31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят как автономные группы, в состав общей заграничной организации — VI. Съезды партии — 32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд — 33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними] — 34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии, б) центральным административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) ЦК партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии — 35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата Допускается раздел мандата между двумя представителями Императивные мандаты не допускаются. — 36) ЦК предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно. — 37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство 2/3 наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством. — 38) Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех наличных в момент съезда комитетов партии. — 39) Съезд созывается — по мере возможности — раз в два года. [В случае независимых от воли ЦК помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его".]

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения нижеследующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше 38/39 своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

3) ПРЕНИЯ О ЦЕНТРАЛИЗМЕ ДО РАСКОЛА ВНУТРИ ИСКРОВЦЕВ

Прежде чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке § 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14 заседание съезда и часть 15. Прения эти представляют известное значение потому, что они предшествовали полному расхождению организации “Искры” по вопросу о составе центров. Наоборот, позднейшие прения об уставе вообще, и кооптации в особенности, имели место после нашего расхождения в организации “Искры”. Естественно, что до расхождения мы способны были высказывать свои взгляды более беспристрастно в смысле большей независимости соображений от взволновавшего всех вопроса о личном составе ЦК. Тов. Мартов, как я уже отмечал, присоединился (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по частностям. Напротив, и антиискровцы, и “центр” сейчас же подняли поход против обеих основных идей всего организационного плана “Искры” (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против “двух центров”. Тов. Либбер назвал мой устав “организованным недоверием”, усмотрел децентрализм в двух центрах (как и тов. Попов и Егоров). Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим “право изменения своего состава”. “Необходимо предоставить им большую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается ЦК представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых ЦК в местные комитеты...” (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против “гипертрофии централизма”, но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Он остается глух даже тогда, когда тов. Акимов подсказывает ему “идею” его же устава (§7 — ограничение прав ЦК вводить членов в комитеты)! Тогда еще тов. Мартов не хотел “диссонанса” с нами и потому терпел диссонанс и с т. Акимовым, и с самим собой... Тогда еще против “чудовищного централизма” ратовали только те, кому явно был невыгоден централизм “Искры”: ратовали Акимов, Либбер, Гольдблат, за ними шли осторожно, осмотрительно (так, чтобы всегда назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 276) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партии было ясно, что именно приходские, кружковые интересы Бунда, “Южного рабочего” и т. д. вызывают протест против централизма. Впрочем, и теперь ведь для большинства партии ясно, что именно кружковые интересы старой редакции “Искры” вызывают ее протест против централизма...

Возьмите, например, речь т. Гольдבלата (160—161). Он ратует против моего “чудовищного” централизма, якобы ведущего к “уничтожению” низших организаций, “проникнутого насковозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все”, предоставляющего организациям “одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше” и т. д. “Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты”. Ведь это точь-в-точь такое же фальшивое фразерство, которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды. Смеялись над Бундом, который, воюя против нашего централизма, сам у себя предоставляет центру еще определеннее очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исключения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями меньшинства, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство.

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказала ясно: против всех искровцев стоят и Либбер, и Акимов (первый затянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о

превалировании в Совете ЦО над ЦК), и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала старая “Искра” (и которые были одобрены на словах тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами “Южного рабочего”, с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган, шла вразрез политика старой “Искры”. Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т. е. за больший якобы централизм, стоят все антиискровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы “Южного рабочего”, но их толкала на сторону антиискровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев во время этих (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи тт. Мартова (“присоединение” к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил тт. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом изобличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий “меньшинства”. “Устав, — говорил он (т. Акимов), — определяет сферу компетенции ЦК недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Тов. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, “организованное недоверие”. Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями Бунда уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав” (тогда этот устав был “наш”, до поражения по вопросу о составе центров!) “представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т. е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями” (158). Да, наш устав охарактеризован здесь правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему “организованного недоверия” или, что то же, “осадного положения”. Достаточно сличить приведенную речь с речами на съезде Заграничной лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К°, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка.

и) ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ УСТАВА

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились двумя именными голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали все делегаты — явление редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что “вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!” (250)а. Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола),

которое создано после съезда. Но всякое маленькое разногласие может сделаться большим, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый _____

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. Ред.

план, если приняться за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое маленькое разногласие может получить огромное значение, если оно послужит исходным пунктом поворота к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с анархическими действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае. Небольшое сравнительно разногласие по § 1 получило теперь громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой “Искры”). Именно оно положило начало той коалиции искровского меньшинства с антиискровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой нельзя понять и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым узлом (а не мертвой петлей, как слышалось Мартову, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить все усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по параграфу первому сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к “принципиальной борьбе” путем грубо-механических и даже скандальных (речи на съезде “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”) средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § первом получил, таким образом, огромное значение, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и, — что еще несравненно важнее, — в действительном характере тех оттенков в воззрениях, которые наметились или начали намечаться по § первому. Теперь, после известных читателям происшествий, вопрос поставлен уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-демократическое понимание централизма? Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм? — так поставлен вопрос теперь, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны иметь в виду именно эту, — событиями навязанную нам всем, — исторически данную, сказал бы я, если б это не звучало слишком громко, — постановку вопроса при обсуждении по существу доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (non liquet, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это — первая принципиальная, вернее даже

сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым “профессором” особенно удачным. “Я думаю, что нам нужно, — говорил тов. Аксельрод, — разграничить понятия — партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно”. Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть суммой (и не простой арифметической суммой, а комплексом) организаций, то значит ли это, что я “смешиваю” понятия партия и

а Слово “организация” употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В широком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организации (в широком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, должна быть организацией (в широком смысле слова), в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий — партия и организация, во-первых, не привлек во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам смешивал организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более организованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности. Наоборот, мой оппонент смешивает в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и не поддающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот это смешение действительно опасно. Тов. Аксельрод ссылается дальше на “строгие конспиративные и централистические организации прошлого” (“Земли и воли”⁶ и “Народной воли”⁷): вокруг них-де “группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации”. Вот именно тут мы и подошли к одному из гвоздей вопроса: действительно ли “этот принцип” есть социал-демократический, — принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только “так или иначе помогает ей”? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: “Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее”. Таким образом, “этот принцип”, который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть принцип анархический. Чтобы опровергнуть это, надо показать возможность контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать необходимость того, чтобы “элементам хаоса” было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать ни того, ни другого. Тов. Аксельрод для примера взял “профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом”. Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом

примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом, — и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения “заявления” профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы не признают профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и вредно давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра социал-демократов, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной фразой, что все помогающие суть члены партии? “Если мы примем формулу Ленина, — продолжал тов. Аксельрод, — то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии”. Смешение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие являются членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще доказать необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие “непосредственно” войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих масс. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: “Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии”. Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организация революционеров, а целый ряд рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы - партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между входящими в партию и примыкающими к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы — партия класса, и потому почти весь класс (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и “хвостизмом” думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная

сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партия класса, в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации — значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал “философский и социально-исторический вопрос о “корнях” движения в “глубине” с технически-организационным вопросом” (“Что делать?”, стр. 91)а. Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. “Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше” — говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения названия, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. “Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии” (стр. 239). В самом деле? Каждый стачечник должен иметь право объявить себя членом партии? Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, принижая социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-_____

а См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 120—121. Ред.

демократии руководить всеми проявлениями классово-пролетарской борьбы, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим отождествление такой первоначальной, *ipso facto* не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически узаконять заведомую фальшь, если дадим право каждому стачечнику “объявлять себя членом партии”, ибо такое “объявление” в массе случаев будет объявлением ложным. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что каждый стачечник может быть социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями “необученных”, неквалифицированных рабочих. Именно на примере “стачечника” особенно ясно видна разница между революционным стремлением социал-демократически руководить каждой стачкой и оппортунистической фразой, объявляющей членом партии каждого стачечника. Мы — партия класса, поскольку мы на деле социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы на словах должны отождествлять партию и класс.

“Я не боюсь заговорщической организации”, говорил в той же речи тов. Мартов, — но, добавлял он, “заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия” (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее движение. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым тавтолизмом. Я

останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трюизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень ходкий и очень вульгарный довод, что-де Ленин хочет “ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков”. Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой “Искре” тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): “Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими свободными, *lose Organisationen*”^b. Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится “повторять зады” и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из “Что делать?” и из “Письма к товарищу”:

...“Кружку корифеев, вроде Алексева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса”^c. Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться поддержки именно класса. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

...“Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы

а — в силу самого факта, по существу. Ред.

б См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. Ред.

с См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 106. Ред.

размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень широкими организациями. И чем шире эти организации, тем тире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только “стихийным” развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза” (стр. 86)а. Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы должны работать “под контролем и руководством” социал-демократических организаций, — об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но на этом основании давать право всем членам таких союзов “объявлять себя” членами социал-

демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы принести двоякий вред: сузить размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для расплывчатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно⁸. Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейкбрехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа поступком, т. е. признать руководство стачками, поддержку их своим кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, возложить на партию ответственность за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от не вполне сознательных и не вполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

...“Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организация необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними”... (стр. 96)^b. Из этой справки видно, как некстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию революционеров должны облекать широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в “Что делать?”, а в “Письме к товарищу” развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки — писал я там — “для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской социал-демократической рабочей партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, получат права всех членов партии, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие не войдут в РСДРП, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.” стр. 17—18)^a. Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что идея

---

^a Там же, стр. 114. Ред.

^b См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 126. Ред.

моей формулировки § 1 вполне выражена уже в “Письме к товарищу”. Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение

комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: “Группа разносчиков должна принадлежать к РСДРП и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к РСДРП. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием при участии одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.” (стр. 18—19)^b.

Вот вам еще материал к вопросу об “открытом забрале”! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагивает даже отношения партии к организациям, — я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что одни организации должны войти в партию, другие — нет. В “Письме к товарищу” ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом. По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеемся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо “каждый стачечник” может “объявлять себя членом партии”. Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение “названия”. Вред ее — внесение дезорганизующей идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но его союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр “не согласен со всем уставом и всем его духом” (стр. 239) и защищает мою формулу, как основу демократизма, желанного для сторонников “Рабочего Дела”. Тов. Брукэр не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать меньшее из зол; т. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что “т. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели” (стр. 252). “Я и Брукэр, — продолжает он, — хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова”. И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что “самую цель их” (Плеханова, Мартова и мою — создание руководящей организации революционеров) он считает “неосуществимой и вредной”; он отстаивает, как и тов. Мартыновс, идею экономистов о ненужности “организации революционеров”. Он “полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу пар-

---

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 15, 18—19. Ред.

б См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 19. Ред.

с Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили тов. Мартынов “делает вид”, будто я, например, в “Что делать?” не высказался решительно (как и в “Задачах” (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470. Ред.)) против “сужения политической борьбы до заговора” Тов. Мартынов хочет заставить слушателей забыть, что те, с кем я воевал, не видели надобности в организации революционеров, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

тийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина”. На этом “хвостистском” понимании “жизни” не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии “осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней” (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он “выдает”, если можно так выразиться, кому нужна и кому будет на деле служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе “объявлять себя” (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация вправе признать всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность “каждому стачечнику” назваться членом партии, и только оно, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, я сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за “каждым стачечником” можно говорить только “символически”. Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, оно прямо отклонено съездом, отвергшим резолюцию Костича⁹, стр. 255): комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к массе рабочих, к тысячам пролетариев (о которых говорят т. Аксельрод и т. Мартынов), — они будут даваться зачастую вот именно тем профессорам, которых поминал т. Аксельрод, тем гимназистам, о которых заботился т. Либер и т. Попов (стр. 241), той революционной молодежи, на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно “интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом” и не желающим входить в организацию. На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; на деле эта формула послужит интересам буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не

случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали тт. Мартынов и Аксельрод, а сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма столкнулись с сторонниками пролетарской организации и дисциплины.

Тов. Попов говорил: “Всюду в Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя” (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из “Письма к товарищу”, показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, причем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: “Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций”... Совершенно верно!.. “Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров”... Это в двух отношениях неверно: 1) “жизнь” плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... “Ленин думает, что ЦК утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукэр хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что ЦК, чтобы не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализовать, несмотря на их не вполне надежный характер; поэтому т. Брукэр и присоединяется к Ленину”... Вот уже поистине хвостистское понимание “жизни”! Конечно, если бы ЦК обязательно состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с ОК), тогда “жизнь” взяла бы “свое” в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх (как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное “меньшинство”). Но ни одной осмысленной причины нельзя привести, которая бы заставила толковый ЦК вводить в партию “ненадежные” элементы. Именно этой ссылкой на “жизнь”, которая “плодит” ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. “Я же думаю, — продолжает он, — что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз “независимых” определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию”... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе его схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными, + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из “независимых”), + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) “каждый стачечник”. Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: “Наша задача не только организовать организацию (!!), мы можем и должны организовать партию” (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишние слова об “организации организаций”, а прямое требование от членов партии, чтобы они работали над организацией на деле. Говорить об “организации партии” и

защищать прикрытием словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда — значит говорить пустые слова.

“Наша формулировка, — говорит т. Мартов, — выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций”. Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и не выражает формула Мартова, ибо она не дает стимула организовать, не содержит требования организовать, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только звание, и по этому поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: “Никакими декретами нельзя _____”

а На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит посмеяться. “Мы могли бы указать, — говорит он, — что формула Ленина, понятая буквально, выключает из партии агентов ЦК, ибо последние не составляют организации” (стр. 59). Довод этот и на съезде Лиги был встречен смехом, как значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им “затруднение” разрешимо только тем, что агенты ЦК входят в “организацию ЦК”. Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно показал свое полное непонимание идеи § 1, показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. Формально, достаточно было бы образовать “организацию агентов ЦК”, составить постановление о включении ее в партию, и “затруднение”, причинившее столько головомной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. Идея же § 1 в моей формулировке состоит в стимуле, “организуйтесь!”, в обеспечении реального контроля и руководства. С точки зрения существа дела смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты ЦК, ибо реальный контроль за ними обеспечен вполне и безусловно уже тем, что они назначены в агенты, уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может объявить себя членом партии, всякий оппортунист, всякий праздноболтающий, всякий “профессор” и всякий “гимназист”. Эту ахиллесову пяту своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается отговорить посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об объявлении себя членом.

запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами” (святая истина!) “и даже считать себя частью партии” ... вот это уже безусловно неверно! Запрещать называться социал-демократом нельзя и незачем, ибо это слово выражает непосредственно лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам “считать себя частью партии” можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о партии, как целом, как политической величине, если бы она не могла “декретом запретить” кружку “считать себя частью” целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова; он возвел даже эту ошибку в оппортунистическую теорию, когда добавил: “в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!!), с задачами социал-демократической партии пролетариата” (стр. 243). Это значит не больше и не меньше, как: предъявление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую теорию.

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, теперь желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно новых взглядов, — на съезде выразил, наоборот, готовность “поторговаться”, сказавши: “Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь”... (я замечаю также это и на новой “Искре”)... “потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию”... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из “Что делать?” и “Письма к товарищу”)... “Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться”. Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 § примечание вроде такого: “Рабочие организации, принимающие программу и устав Российской социал-демократической рабочей партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций”. Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах(и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к анархизму признание членов безответственных и самих себя зачисляющих в партию”. “В переводе на простой язык” — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либери — она означает: “раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения”. Как ни прост этот “перевод”, он оказался, однако, не лишним (как показали события после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, в себе ни тени неверных, способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени оппортунистических рассуждений и “анархических концепций”, для людей верха... Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. _____

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. Ред.

Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. “Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса”. Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы “каждый стачечник” мог называть себя членом партии, ибо если бы “каждая стачка” была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а сознательным выражением этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу покрыла бы собой весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со всем буржуазным обществом. Чтобы быть на деле сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы обеспечивали известный уровень сознательности и систематически поднимали этот уровень. “Уж если идти путем Мартова, — сказал тов. Павлович, — то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании программы, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обусловливается довольно высоким уровнем политического сознания”. Мы никогда не допустим, чтобы поддержка социал-демократии, чтобы участие в руководимой ею борьбе искусственно ограничивалось какими бы то

ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это участие одним уже фактом своего проявления поднимает и сознательность и организационные инстинкты, но раз мы соединились в партию для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось тотчас же, в течение того же самого заседания. Тов. Акимов и Либера, которые провели формулировку тов. Мартова, сейчас же обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для “членства” в партии) признавать лишь

а К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что “оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата”... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому оправдывать “глубокими причинами” оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистой воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть “организованное недоверие” целого к части, передового отряда к отсталому отряду, а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать слабость и шаткость нашей организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) “сложными причинами”, “уровнем развития пролетариата” и т. п. Другой довод тов. Троцкого “интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче занести себя (курс. мой) в списки партии”. Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы объявляют себя членами партии, а не моя. устраняющая право “занести себя” в списки. Тов. Троцкий говорит, что если ЦК “не признает” организации оппортунистов, то только из-за характера лип, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно удалить из партии (да и то верно наполовину, ибо организованная партия удаляет вотумом, а не бойкотом) Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо удалять, когда надо лишь контролировать. Для целей контроля ЦК нарочно может включить в партию, на известных условиях, не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться поправить ее на путь истины, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, если не допускается вообще “занесение себя” в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и ответственного, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. “Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута” — говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) “соответствовать” регрессу или застою. Этот последний случай и есть “случай” тов. Мартова.

платонически, лишь ее “основные положения”. “Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова” — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, сколько голосов объединило это акимовское предложение, — по всей вероятности, не менее

семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как раз уход именно семи делегатов со съезда превратил “компактное большинство” (антиискровцев, “центра” и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно семи делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этому якобы вопиющему нарушению “преемственности” в ведении “Искры”! Оригинальная же семерка была единственным спасением и залогом искровской “преемственности”: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т. е. как раз делегаты, вотировавшие против мотивов признания “Искры” Центральным Органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о смягчении § 1 насчет программы. “Преемственность” “Искры”, охраняемая антиискровцами! — мы подходим тут к завязке послесъездовской трагикомедии.

***

Группировка голосов по § первому устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы антиискровцам, за которыми идет “центр”. Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины, — в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть “диких”, случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § первый, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо не успевали разобраться (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один антиискровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24—5+4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. Большинство дали Мартову антиискровцы, из которых 7 было за него и один за меня (из “центра” тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с антиискровцами и с “центром”, которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, начала складываться. Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сделавших несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму в формулировке § первого и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области разные цели (см. речь Акимова), тотчас же толкнула принципиальных противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки тт. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались в меньшинстве. Это — обстоятельство громадной важности, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частностей устава, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и Центрального Комитета.

i) НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЛОЖНОГО ОБВИНЕНИЯ В ОПОРТУНИЗМЕ

а За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов. Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный

факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях, — вернее, вспоминая о них лишь тогда, когда это могло свидетельствовать против меня — согласие со мной тов. Брукэра.)

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться частных заседаний организации “Искры”, происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место как раз после голосования о § первом устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации “Искры” явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации “Искры” а начались вскоре после инцидента с ОК, который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в ЦК. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в ЦК представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации “Искры”, — организации, создавшей фактическое единство партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания “Искры”. Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспечено крупное, до 3/5, большинство на съезде, и все делегаты прекрасно понимали это. Все искровцы именно и ждали того, чтобы организация “Искры” выступила с рекомендацией определенного личного состава ЦК, и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава ЦК, ни один не заикнулся об утверждении всего состава ОК, т. е. превращении его в ЦК, не заикнулся даже о совещании со всем составом ОК относительно кандидатов в ЦК. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно, и его крайне важно иметь в виду, ибо теперь мартовцы задним числом усердно защищают ОК, доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность. Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми, — для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедиться, из протоколов съезда и из всей истории “Искры”, всякий беспристрастный человек, именно: что ОК был главным образом комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу создания организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация “Искры” (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали несколько искровских членов ОК как в силу арестов, так и по другим “независящим” обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации “Искры” приведен уже в брошюре т. Павловича (см. его “Письмо о II съезде”, стр. 13)¹⁰.

Окончательным результатом жарких дебатов в организации “Искры” было два вотума, приведенных уже мной в “Письме в редакцию”. Первый вотум: “отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся”. Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации “Искры” обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам т. Мартов, стр. 69 “Осадного положения”)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить “дирижерскую палочку” — и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому _____

а Я уже на съезде Лиги старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные фанты изложены и в моем “Письме в редакцию “Искры”” (с. 4). Тов. Мартов не опротестовал их в своем “Ответе”.

б Представьте только себе хорошенько эту “картину нравов”: делегат организации “Искры” на съезде совещается только с нею и не заикается даже о совещании с ОК. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает жалеть о неутверждении ОК, воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного факта в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки зрения интересов дела, а не “обывательских нежностей”, как выразился потом совершенно справедливо т. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах на съезде нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения, особенно в неофициальном и тесном собрании. И я уже на съезде Лиги предупреждал, что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то “позорящим” (с. 49 прот. Лиги), нелепо делать “сцену” и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать после съезда о “разрушении репутации” (с. 70 прот. Лиги) и уверять печатно широкую публику, что т. Штейн был “главным деятелем” бывшего ОК и что его неосновательно обвиняли “в каких-то адских планах” (с. 69 “Осадное положение”). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о “разрушении репутации”? Разве это не дрязга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации “Искры”, и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забракованных кандидатов как “главных деятелей”? — когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования кооптации? У нас до того смешались в затхлои заграничной атмосфере политические понятия, что т. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать только на съездах, где делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения, способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) затребовать и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Иваныча, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидатов будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем ОК, по уверению самого Мартова. Эта читающая публика гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем формалистические учреждения вроде съездов с их грубо-механическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни¹¹ заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

—

Другой вотум организации “Искры”: “принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в ЦК), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один _____

а Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения. не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вел себя, — употребляя его же выражение, — бешено (с 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением (на втором или третьем заседании орг. “Искры”) оставшихся на собрании членов. Истина. — Но что же отсюда следует? Только то. что мои довода по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле. если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации “Искры”, то ясно, что это произошло несмотря на зловредные резкости, вопреки им. Значит, если бы не было “резкостей”, то может быть еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее “возмущение” должны были они перевесить.

б Я тоже проводил в организации “Искры” и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в ЦК, относительно которого я тоже мог бы говорить о его великолепной, исключительными фактами доказываемой. репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ достаточно уважает себя, чтобы не позволить никому выдвигать после съезда печатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации в т. д.

лидер искровского меньшинства”а. Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость выросших потом, в атмосфере дрязги, рассказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять неискровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотум показывает, что не только из партии, но даже и из ЦК неискровцев мы не устранили, а давали своим оппонентам весьма значительное меньшинство. Все дело было в том, что они хотели иметь большинство и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли скандал, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям т. Мартова в Лиге, это видно из следующего письма, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации “Искры” вскоре после принятия 1 § устава на съезде (надо заметить, что собрание организации “Искры”, о котором я говорил, было последним: после него фактически организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

“Выслушав объяснения делегатов Сорокина и Саблиной по вопросу о желании большинства редакции и группы “Освобождение труда” участвовать на собрании (такого-то числа) и установив с помощью этих делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в ЦК, которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей политической позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что, во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции “Искры” и группы “Освобождение труда” в оппортунизме; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом изменения состава редакции “Искры”, — мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание

неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание — доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в ЦК мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, причем подчеркиваем характер этого списка, как списка компромиссного, так как включение в этот список тов. Глебова имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. Глебова на съезде, мы не считаем тов. Глебова удовлетворяющим требованиям, которые следует предъявлять к кандидату в ЦК.

Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в ЦК, мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции ЦО, так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступить.

За товарищей Мартов и Старовер”

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в “сердцевину” начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации “Искры”, не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от “делегатов” большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что забавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно “ложных обвинений в оппортунизме” вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по _____

а См. настоящий том, стр. 100. Ред.

б По моему расчету (см. настоящий том, стр. 481. Ред.), дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т. е. после 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она документально опровергает мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она документально доказывает правильность моего изложения на съезде Лиги и в “Письме в редакцию” После ss-го заседания съезда тт. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и ни слова не говорят о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центры (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризуют. — Но как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал заподозрить правдивость его слов, что не он автор списка. Вопрос об авторстве вообще тут ни при чем, и был ли список намечен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей “центра” и т. п. — это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. Важнее всего, наконец, то, что т. Мартову приходилось на съезде отбояриваться руками и ногами от такого списка, который он теперь должен бы был встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о “позорящем слухе” до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка!а

Этот список, — говорил т. Мартов на съезде Лиги, — “означал политически коалицию нашу и “Южного рабочего” с Бундом, коалицию в смысле прямого соглашения” (стр. 64). Это неверно, ибо, во-первых. Бунд никогда не пошел бы на “соглашение” о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было и не могло быть речи не только с Бундом, но и с группой “Южного рабочего”. Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы т. Мартов заключал сделку, а о том, что его неизбежно должны были поддержать те самые антиискровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что корень “обиды” заключался именно в открытом, да еще притом ложном, обвинении в оппортунизме. “Обвинения” эти, из-за которых загорелся сыр-бор и которые так тщательно обходит теперь т. Мартов, несмотря на мое напоминание в “Письме в редакцию”, были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об “отделении” от нас “всякого рода представителей оппортунизма” и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, “уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма” (стр. 246 протоколов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250)^b, вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах тт. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В “кулуарах” нашего “парламента” тезис Плеханова живо комментировался и варьировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на “ложное обвинение в оппортунизме”!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут воочию. Это — та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйста! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу “Освобождение труда”, да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмываемого оскорбления, либо замять эту “домашнюю неприятность” восстановлением “преемственности” стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рассматриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии возможна была такая нелепость, такая дрязга, как жалоба на “ложное обвинение в оппортунизме”! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, как с ве _____

а Предыдущие строки были уже набраны, когда мы получили сообщение об инциденте тов. Гусева и тов. Дейча. Мы рассмотрим этот инцидент особо в приложении. (См. настоящий том, стр. 405—414. Ред.)

б См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 288. Ред.

личайшим уважением, скажем, к Либкнехту, но как бы осмеяли там жалобы на то, что его “открыто обвиняли в оппортунизме” (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года², когда он оказался по аграрному вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а

несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, т. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйста, могла поднять истерику, дрязгу и партийный раскол из-за “ложного обвинения в оппортунизме большинства группы “Освобождение труда””.

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предыдущим самым неразрывным образом (т. Мартов тщетно пытался на съезде Лиги (стр. 63) обойти и затушевать одну из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той коалиции антиискровских и шатких элементов с т. Мартовым, которая наметилась по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни косвенного соглашения между т. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка политически обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное “компактное” большинство (ставшее теперь меньшинством только благодаря “случайному” уходу семи делегатов). На эту “коалицию” мы указывали, конечно, тоже открыто тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание т. Павловича, стр. 255 прот. съезда) и в организации “Искры” (особенно указывал на это, помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина сказала им: “Es tut mir in der Seele weh, daß ich dich in der Gesellschaft seh” (горько у меня на душе, что я вижу тебя — т. е. Бебеля — в такой компании — т. е. с Фольмаром и К°)¹³. Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в ЦК, то письмо это показывает ошибку т. Мартова, утверждавшего в Лиге, что отказ столкнуться с нами не был еще окончательный, — лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память разговоры, вместо справки с документами. На самом деле “меньшинство” было так скромно, что предъявляло “большинству” ультиматум: взять двух из “меньшинства” и одного (в виде компромисса и только для уступки собственно!) от “большинства”. Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает воочию, как вздорны теперешние рассказы, будто “большинство” одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. Как раз наоборот: мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную “уступку”, провести всех своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов — Травинский (выбранный потом в ЦК) — Попов. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в ЦК) лишь потому, что тов. Попов отказался идти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное “меньшинство” имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, “меньшинство” извоило вовсе отказаться и начать скандалчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о “неуступчивости” “большинства”!

“Меньшинство” предъявляло забавные ультиматумы “большинству”, идучи на рать свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, наши герои расплакались и закричали об осадном положении. *Voila touta*.

Ужасное обвинение в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (частное собрание 24-х) встретили тоже улыбкой: все прекрасно знали с самого начала съезда и еще до съезда о плане обновления редакции путем выбора первоначальной тройки (подробнее я скажу об этом, когда будет речь о выборе редакции на съезде). Что “меньшинство” испугалось этого плана после того, как увидело, что прекрасным подтверждением правильности этого плана явилась коалиция “меньшинства” с антиискровцами, — это нас не удивило, это было вполне естественно. Мы не могли, конечно, брать всерьез предложение превратиться, по доброй воле, до борьбы на съезде, в меньшинство, не могли брать всерьез всего письма, авторы которого дошли до такой невероятной степени раздражения, что говорили о “ложных обвинениях в оппортунизме”. Мы твердо надеялись, что партийный долг возьмет очень быстро верх над естественным желанием “сорвать сердце”.

к) ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. СОСТАВ СОВЕТА

Дальнейшие пункты устава вызывали гораздо больше споров о частностях, чем о принципах организации. 24-ое заседание съезда целиком посвящено было вопросу о представительстве на партийных съездах, причем решительную и определенную борьбу против общих всем искровцам планов вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблат и Либер, стр. 258—259) и т. Акимов, который с похвальной откровенностью признал свою роль на съезде: “Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не повлияю на товарищей, но, наоборот, поврежу тому пункту, который я защищаю” (стр. 261). Это меткое замечание было особенно уместно тотчас же после § 1 устава; не совсем правильно только употреблено здесь выражение “наоборот”, ибо т. Акимов умел не только вредить известным пунктам, но в то же время и тем самым также и “влиять на товарищей”... из числа очень непоследовательных искровцев, склонных к оппортунистической фразе.

В общем, § 3 устава, определяющий условия представительства на съезде, был принят большинством при 7 воздержавшихся (стр. 263), — очевидно, из числа антиискровцев.

Спор о составе Совета, занявший большую часть 25-го заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов. Абрамсон и Царев совсем отвергают план Совета. Панин упорно хочет сделать Совет исключительно третейским судом и потому вполне последовательно предлагает выкинуть определение, что Совет есть высшее учреждение и что его могут созывать любые два члена Совета. Герц, Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к трем способам, предложенным пятью членами уставной комиссии.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, т. Панин. Но он был одинок. Тов. Мартов решительно высказался против: “Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: “Совет есть высшее учреждение”, я предлагаю отвергнуть: наша формулировка” (т. е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) “умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение”. Между тем состав Совета, по проекту т. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру “примирительных учреждений” или третейских судов: по два

члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который принят съездом, по предложению тт. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения _____

а — Вот и все. Ред.

б Тов. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам т. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил резолюции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как т. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, “только по желанию сторон” (стр. 2Я6). Это прямо неверно.

или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, высшее учреждение не может быть организовано так, что самое его существование зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность принять решение неизбежна иногда для всякой коллегии, но это совсем не то, что невозможность составить коллегия. Второе возражение: “если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно” (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании высшего учреждения: без пятого члена не будет никакого Совета, не будет никакого “учреждения”, и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым злом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, нет, и поэтому оставить в уставе возможность того, что Совета нельзя будет даже и составить, — явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269)а только двух этих неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова он сам и другие товарищи. Вопрос же о преобладании ЦО или ЦК в Совете мной не был даже задет. Вопрос этот затронул, впервые в смысле указания на опасность преобладания ЦО, т. Акимов еще в 14-ом заседании съезда (стр. 157), и только за Акимовым пошли после съезда тт. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании “большинства” превратить ЦК в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем “Осадном положении”, т. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со всей постановкой вопроса о преобладании ЦО над ЦК на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела т. Мартовым. Еще в 14-ом заседании не кто иной, как т. Попов начинает с полемики против взглядов т. Акимова, желающего “на вершине партии защищать “самую строгую централизацию”, чтобы ослабить влияние ЦО” (стр. 154, курсив мой), “в чем собственно и заключается весь смысл такой (акимовской) системы”. “Такой централизации, — добавляет т.

Попов, — я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому что она — знамя оппортунизма”. Вот где корень пресловутого вопроса о преобладании ЦО над ЦК, и неудивительно, что т. Мартову приходится теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. Даже т. Попов не мог не видеть оппортунистического характера этих акимовских толков о преобладании ЦОб и, чтобы хорошенько отделить себя от т. Акимова, товарищ Попов категорически заявлял: “пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от ЦК. Это вопрос второстепенный (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 292. Ред.

б Тов. Акимов ни т. Попов, ни т. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда к ним нашим применили это название и применили справедливо за “равноправие языков” или на § 1. Тов. Акимов, по стопам которого пошел т. Мартов, умел, однако, держать себя с большим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем т. Мартов и К" на съезде Лиги. “Меня здесь, — говорил т. Акимов на съезде партии, — называют оппортунистом; я лично считаю что слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую” (стр. 296). Может быть, тт. Мартов и Старовер предлагали т. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но т. Акимов отказался?

одного источника” (стр. 155). Тов. Акимов возражает: “по проекту, ЦО обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а ЦК переменный” (стр. 157) — довод, относящийся лишь к “постоянству” принципиального руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к “превалированию” в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И т. Попов, который еще тогда не принадлежал к “меньшинству”, прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности ЦК, отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: “Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от ЦО или от ЦК” (стр. 157—158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-ом заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание ЦО над ЦК “ввиду устойчивости первого” (264), имея в виду именно принципиальную устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича, находил ненужным “фиксировать перевес одного учреждения над другим” и указывал на возможность пребывания одного из членов ЦК за границей: “этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость ЦК” (264). Тут нет еще и тени демагогического смешения вопроса о принципиальной устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости ЦК. Это смешение, после съезда ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, на съезде упорно проводил только тов. Акимов, который и говорил тогда еще об “аракчеевском духе устава” (268), о том, что “если в Совете партии окажутся три члена ЦО, то ЦК превратится в простого исполнителя воли редакции (курсив мой). Три лица, живущие за границей, получают право безгранично (!!) распоряжаться работой всей (!!) партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна” (268). Вот против этих-то, совершенно вздорных и демагогических фраз, которые подменяют идейное руководство — вмешательством в работу всей партии (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельроду с его речами о “теократии”¹⁴), — против них возражал опять товарищ Павлович,

подчеркнувший, что он стоит “за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является “Искра”. Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы” (268).

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании ЦО над ЦК. Это знаменитое “принципиальное разногласие” тт. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова, фраз, истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в “Осадном положении” противоречивость и неправильность моего изложения в “Письме в редакцию”, протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот по сравнению с § 1 действительно лишь деталь, что полным извращением было заявление статьи “Наш съезд” (№ 53 “Искры”), будто “почти исключительно” мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи вовсе обошел споры о § 1. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы: именных голосований нет. Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”), что коалиция мартовцев с антиискровцами крепла, тоже подтверждается видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к т. Акимову и в этом вопросе.

л) КОНЕЦ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. КООПТАЦИЯ В ЦЕНТРЫ. УХОД ДЕЛЕГАТОВ “РАБОЧЕГО ДЕЛА”

Из дальнейших прений об уставе (26-ое заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер теперешних нападок мартовцев на гиперцентрализм. Тт. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право ЦК на распущенно местных комитетов согласием Совета и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что “ЦК и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию”. Как видите, тогда еще тов. Мартов оставался глух ко всяким антицентралистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова, — к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также “против замены слова организует (ЦК организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать”, говорил тогда тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие “организовать”.

Кроме этих двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12 — вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с 2/3 до 4/5. Докладчик

(Глебов) предлагает единогласную кооптацию в ЦК. Тов. Егоров, признавая нежелательным шероховатости, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto. Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против 4/5 (за 2/3), против “взаимной кооптации”, т. е. права редакции ЦО опротестовывать кооптацию в ЦК и обратно (“права взаимного контроля над кооптацией”).

Как видит читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласия дробятся чуть ли не на “единогласные” особенности во взглядах каждого делегата!

Тов. Мартов говорит: “Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля ЦК и редакции ЦО при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция ЦО, например, могла бы дать ЦК хороший совет, следует ли господина Надеждина, напр., принять в ЦК. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты”.

Я возражаю ему: “Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с 4/5 до 2/3. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля ЦК и ЦО над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии” (276—277)а. Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придает особенно серьезное значение т. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. страницу 394, § 11)б ограничивался 2/3 и не требовал взаимного контроля над кооптацией в центры? Тов. Троцкий, говоривший после меня (с. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 293. Ред.

б Там же. Стр. 257. Ред.

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо т. Павловича о II съезде. § 1 устава “разбил посудину”, и ей надо было связать “двойным узлом” — говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку отстаивали Либер и Акимов. Это значило, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т. е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им большинство на съезде при проведении личного состава центров. А я именно говорил здесь о личном составе центров, подчеркивая необходимость гармонии и предупреждая от “людей, вносивших раскол”. Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация “Искры” (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами), организация “Искры” вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам

решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т. е. по компетентности выносящего решение) организация “Искры” должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но формально т. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать против большинства организации “Искры” к Либерам и Акимовым. А т. Акимов в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели, то он сознательно и намеренно вотирует за худший способ, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, никакому сомнению, что, независимо даже от воли и сознания т. Мартова, именно худший состав центров получит поддержку Либеров и Акимовых. Они могут вотировать, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их делам, по их воту в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие “людей, вносивших раскол”, вотировать именно для того, чтобы “внести раскол”. Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации “Искры” о составе центров было формально правильно, но обеспечивало наихудшие возможные результаты. С этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было бороться.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандальчиком, конечно, а такими средствами, которые вполне лояльны и вполне законны: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), мы стали ходатайствовать перед съездом об ограждении прав меньшинства. И большая строгость квалификации при приеме членов (4/5 вместо 2/3), и единогласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры, — все это мы стали отстаивать, когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рядить о съезде с кондачка, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения всех протоколов и всех “показаний” заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: корень спора лежит в данный момент съезда именно в вопросе о личном составе центров, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели “двойным узлом связать посудину”, разбитую Мартовым при ликовании и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

“Если бы дело было не так, — говорит об этом моменте съезда т. Павлович, — то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно” (с. 14 “Письма оî съезде”). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают, что в течение целого периода съезда теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации “Искры” из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому кажущемуся противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Тов. Дейч, говоривший в том же заседании (с. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: “Несомненно, что это предложение рассчитано на данный момент”. Действительно, только поняв данный момент во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда мы были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства такими приемами, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно так же в значительной степени прав и т. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании:

“Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы” ... (Это говорится по поводу выборов в ЦК, в 31-ом заседании съезда, т. е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... “Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех. Муравьев: “Прошу занести в протокол, что т. Мартов улыбался”.)” (Стр. 337.) Неудивительно, что и т. Мартов и все мы хохотали над жалобами т. Егорова, которые действительно смешны. Да, “в последние дни” очень и очень многое вертелось вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было для всех ясно (и только теперь меньшинство старается затемнить это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же тут “растерянность принципов”? Ведь мы и сошлись на съезд для того (см. с. 10, порядок дня съезда), чтобы в первые дни поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы в последние дни (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить эти вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки последние дни съездов, это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся после съездов, тогда это есть дрязга.) Если кто на съезде потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить после этого о “растерянности принципов” просто смешно. Понятно поэтому, что над т. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему т. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе т. Мартова: т. Мартов, смеясь над т. Егоровым, смеялся над самим собой...

В дополнение к иронии т. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. После съезда т. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что “большинство старой редакции” было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. До съезда, принимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в 2/3, т. Мартов писал мне об этом: “Принимая такую форму взаимокооптации, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (я бы советовал так: каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намерении другой коллегии: последняя может заявить протест, и тогда спор решает Совет. Дабы не было волокиты, эта процедура проделывается по отношению к заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для ЦК, из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22а: “...который

а Речь идет о моем первоначальном проекте Tagesordnung'a съезда и комментарии к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в ЦО и ЦК, о “взаимокооптации” этой шестеркой по большинству 2/3, об утверждении этой взаимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в ЦО и ЦК.

и утверждает состоявшиеся решения”” (курсив мой). Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда голосованиях — на прениях не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (смотри стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении “величайшее извращение” (стр. 60 протоколов Лиги), “когда представил борьбу около устава”... (тов. Мартов нечаянно сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно около устава)... “как борьбу “Искры” с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом”.

Присмотримся к этому интересному вопросу о “величайшем извращении”. Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит восемь голосований: 1) выбор в Совет по два от ЦО и ЦК — за 27 (М), против 16 (Л), возд. — 7а. (Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.) — 2) избрание пятого члена Совета съездом: — за 23 (Л), против 18 (М), возд. 7. — 3) замещение выбывших членов Совета самим Советом — против 23 (М), за 16 (Л), возд. 12. — 4) единогласие в ЦК — за 25 (Л), против 19 (М), возд. 7. — 5) требование одного мотивированного протеста для непринятия члена — за 21 (Л), против 19 (М), возд. 11. — 6) единогласие при кооптации в ЦО — за 23 (Л), против 21 (М), возд. 7. — 7) допустимость вота о праве Совета кассировать решения ЦО и ЦК о непринятии нового члена — за 25 (М), против 19 (Л), возд. 7. — 8) само предложение об этом — за 24 (М), против 23 (Л), возд. 4. “Тут, очевидно, — заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги), — один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались”. (Курсив мой.)

Спрашивается, почему считает тов. Мартов очевидным, что бундовец вотировал за него, Мартова, когда нет именных голосований?

Потому что он берет во внимание число вотировавших и, когда это число указывает на участие Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что это участие было в его, Мартова, пользу.

Где же тут “величайшее извращение” с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В семи голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в одном участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная неполно, как мы сейчас увидим), только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы! Оказывается, что в очень многих случаях число воздерживавшихся было весьма велико: это именно указывает на малый сравнительно интерес всего съезда к известным деталям, на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бундовцы “своим воздержанием явно содействуют Ленину” (стр. 62 прот. Лиги), как раз и говорят против Мартова: значит, только при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на

победу. Но всякий раз, когда бундовцы считают стоящим вмешаться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было не только в вышеприведенном случае участия 47 делегатов. Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит весьма странную неполноту картины тов. Мартова. Тов. Мартов просто опустил еще целых три случая, когда Бунд участвовал в голосованиях, причем во всех этих случаях тов. Мартов, разумеется, оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с 4/5 до 2/3. За 27, против 21(стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, против 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в ЦО и ЦК лишь с

а Буквы М и Л в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л) и Мартов (М).

согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших — 49.

Итог: по вопросам о кооптации в центры бундовцы участвовали только в четырех голосованиях (три приведенных сейчас мной, с 48, 50 и 49 участниками, и одно, приведенное тов. Мартовым, с 47 участниками). Во всех этих голосованиях победителем оказался тов. Мартов. Мое изложение оказывается правильным во всех пунктах, и в указании на коалицию с Бундом, и в констатировании детального сравнительно характера вопросов (масса случаев с большим числом воздержавшихся), и в указании на отсутствие определенной группировки искровцев (нет именных голосований; крайне мало высказавшихся в прениях).

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напоминая о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. “Оговорюсь прежде всего, — заявил он, — что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идеиная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть” (281). Как видит читатель, “преемственность”, которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание “Искры” и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот “принцип”, который “принципиально” отделял Лигу от Союза. “Если т. Акимов хочет ставить вопрос на

принципиальную почву, — восклицает т. Мартов, — мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что т. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо санкционировать победу одного направления (заметьте, что это говорится на 27-м заседании съезда!), чтобы раскланяться лишней раз по адресу “Искры”, а в том, чтобы раскланяться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов” (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартов, после завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще окончательно раскланиваться со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Тов. Мартов “окончательно раскланивается” на съезде с той возможной “комбинацией”, которую он преблагополучно осуществляет на другой день после съезда. Но тов. Акимов оказался уже тогда гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу “старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета”, и закончил преемственным провиденциальным уколом: “Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что даже он сам подает мне надежды” (стр. 283. Курс. мой).

Да, надо сознаться, т. Мартов блестяще оправдал надежды т. Акимова!

Тов. Мартов пошел за т. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена “преемственность” старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его победа.

На съезде, однако, за т. Акимова встали — и последовательно встали — только тт. Мартынов, Брукэр и бундовцы (8 голосов). Тов. Егоров, как настоящий вождь “центра”, занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами, “сочувствует” им (стр. 282) и доказывает это сочувствие предложением (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципиальный вопрос, умолчать и о Лиге и о Союзе. Предложение отклоняется 27 голосами против 15. Очевидно, кроме антиискровцев (8) почти весь “центр” (10)отирует с т. Егоровым (все число голосовавших 42, так что значительное число воздерживалось или отсутствовало, как это часто бывало при голосованиях, неинтересных и несомненных с точки зрения результата). Как только заходит речь о проведении искровских принципов на деле, сейчас же оказывается, что “сочувствие” “центра” чисто словесное, и за нами идет не больше тридцати или тридцати с небольшим голосов. Дебаты и голосования по предложению Русова (признать Лигу единственной заграничной организацией) еще нагляднее показывают это. Антиискровцы и “болото” становятся прямо уже на принципиальную точку зрения, причем защищают ее тт. Либер и Егоров, объявляющие предложение т. Русова недопустимым к голосованию, незаконным: “Им умерщвляются все остальные заграничные организации” (Егоров). И оратор, не желающий участвовать в “умерщвлении организаций”, не только отказывается от голосования, но даже оставляет зал. Надо отдать, однако, справедливость лидеру “центра”: он проявил вдесятеро больше убежденности (в своих ошибочных принципах) и политического мужества, чем т. Мартов и К", он заступался за “умерщвляемую” организацию не только тогда, когда дело шло о собственном кружке, потерпевшем поражение в открытой борьбе.

Предложение т. Русова признается допустимым к голосованию 27 голосами против 15, и затем принимается 25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем полный комплект (18) антиискровцев и “центра”.

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только 31 голосом против 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее нам приблизительную численность на съезде искровцев, т. е. людей, последовательно отстаивающих и на деле проводящих взгляды “Искры”, мы встречаем уже не менее как шестой раз в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с ОК, распускание группы “Южного рабочего” и два голосования об аграрной программе). А т. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую “узкую” группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления тт. Акимова и Мартынова об “отказе от участия в голосовании” (стр. 288). Бюро съезда обсудило это заявление и признало — совершенно резонно, — что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-ом заседании горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м! Когда т. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Тов. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. “Или вы члены съезда, — восклицал он по адресу тт. Акимова и Мартынова, — тогда вы должны участвовать во всех его работах” (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), “или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?” (стр. 292).

Тов. Мартов поучает т. Акимова обязанностям членов партии! Но т. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на т. Мартова... Этим надеждам суждено было осуществиться, однако, лишь после поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, т. Мартов оставался даже глух к страшному словечку “исключительный закон”, пущенному в ход впервые (если я не ошибаюсь) т. Мартыновым. “Данные нам разъяснения, — отвечает т. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление, — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была исключительная мера против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это исключительный закон (курсив мой) против Союза, и потому даже удалился из залы заседания” (295). И т. Мартов, и т. Троцкий энергично восстают, вместе с Плехановым, против нелепой, действительно нелепой, идеи усматривать оскорбление в вотуме съезда, и т. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что тт. Акимов и Мартынов могут счесть себя вполне удовлетворенными), уверяет, что “резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, и нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся” (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Тт. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: “совершенно напрасно!”.

м) ВЫБОРЫ. КОНЕЦ СЪЕЗДА

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе “Южного

рабочего”, анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация “Искры”, от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо меньшинство организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе большинства. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам был известен план обновления редакции путем выбора двух троек в ЦО и в ЦК. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung съезда, где был изложен этот план: “Съезд выбирает трех лиц в редакцию ЦО и трех в ЦК. Эти шесть лиц вместе, по большинству 2/3, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и ЦК отдельно”.

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает обновление редакции при участии самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно обновление редакции, не обязательное расширение и не обязательное сокращение числа ее членов, а именно обновление, ибо вопрос о возможном расширении или сокращении оставлен открытым: кооптация предусматривается лишь на тот случай, если это необходимо. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о “тройке”, это требование участия членов ЦК в решении вопроса о дальнейшей кооптации в ЦО. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из “меньшинства”, знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы совершенно _____

а Смотри мое “Письмо в редакцию “Искры””, стр. 5, и протоколы Лиги, стр. 53.

бессмысленно, если бы имелось в виду исключительно, или, хотя бы, главным образом, расширение коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно “гармонической”. Странно было бы для расширения “гармонической” коллегии исходить не из всей этой коллегии, а только от ее части. Очевидно, что не все члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и решения вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в партийное учреждение. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки сначала понижать ее до тройки. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса “личностями” могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже согласия всех трех членов ЦО недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $2/3$ от шести, т. е. четыре голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам ЦК сказать “veto”, и никакое расширение тройки не было бы возможно. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции ЦО были против дальнейшей кооптации, — кооптация все же могла бы состояться, при согласии на нее всех трех членов ЦК. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать решающий голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав т. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один старый член организации “Искры” и член ОК, выбранный впоследствии в члены ЦК15.

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение “теократических” черт литературской коллегии (устранение посредством привлечения выдающихся практиков в решении вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на трехлетнем опыте работы и соответствовал вполне последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху разброда, когда выступила “Искра”, отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таковых черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом устранении было необходимо, ибо некоторые члены редакции всегда ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литературская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики “Искры”: мы до последней степени осторожно готовили съезд, выжидая полного выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы не сомневались, что съезд будет искровским в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании “Искры” руководящим органом); мы должны были поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей “Искры” и приготовления ее превращения в партию, предоставить им самим решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение. Только этой естественностью плана “двух троек”, только его полным соответствием со всей политикой “Искры” и со всем тем, что знали про “Искру” сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, и можно объяснить общее одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил выбрать две тройки. Сторонники Мартова, который письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвинением в оппортунизме, и не подумали, однако, свести спор о шестерке и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой. Они предпочли более ходкий и дешевый прием — апеллировать к жалости, ссылаться на возможную обиду, притворяться, что вопрос о редакции решен уже назначением “Искры” Центральным Органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя прямую фальшь. В порядок дня съезда были, — конечно, не

случайно, — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4 — “ЦО партии” и п. 18 — “Выборы ЦК и редакции ЦО”. Это во-первых. Во-вторых, при назначении ЦО все делегаты категорически заявляли, что этим не утверждается редакция, а лишь направление, ни одного протеста против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию, — заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, с. 321, Посадовским, там же, Поповым, с. 322 и мн. др.), — было прямо фактически неверно. Это был явный для всех маневр, прикрывающий отступление от позиции, запятой тогда, когда к вопросу о составе центров все могли еще относиться действительно беспристрастно. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо на съезде поднимать вопрос о “ложном обвинении в оппортунизме” было слишком невыгодно для меньшинства, которое и не заикнулось об этом), ни ссылкой на фактические данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Пришлось отделяться фразой о “стройном целом”, о “гармоническом коллективе”, о “стройном и кристаллически-цельном целом” и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были названы настоящим именем: “жалкие слова” (с. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке “гармоничности”, а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для самостоятельного суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: см. стр. 321 и 325 об “условном” употреблении им слова “шероховатости”) на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: “По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие шероховатости несомненно существуют” (321). Меньшинство пожелало понять слово “шероховатости” (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть ни единого довода по существу дела в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устаами тов. Муравьева) заявляет, что ему вполне ясно видно настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что “мы не имеем возможности входить в разбор”. Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже “вошло в разбор” и говорит о вполне ясных для него результатах этого разбора, а меньшинство, видимо, боится разбора, прикрываясь одними “жалкими словами”.
Большинство

а См. стр. 140 протоколов, речь Акимова: ... “мне говорят, что о выборах в ЦО мы будем говорить в конце”, речь Муравьева против Акимова, “очень близко к сердцу принимающего вопрос о будущей редакции ЦО” (стр. 141), речь Павловича о том, что, назначив орган, мы получили “конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов”, и о том, что насчет “подчинения” “Искры” “решениям партии” не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь Троцкого: “раз мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в “Искре”?.. Не имя, а направление... не имя, а знамя” (страница 142); речь Мартынова: ... “Я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании “Искры”, как газеты известного направления, нашим Центральным Органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции, об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня”... (стр. 143).

в Какие именно “шероховатости” имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (с. 322) оспаривал верность передачи его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он “говорил о тех шероховатостях, которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать” (с. 353).

советует “иметь в виду, что наш ЦО не есть только литературная группа”, большинство “хочет, чтобы во главе ЦО стояли лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям, о которых я говорил” (т. е. именно требованиям не только литературным, стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является “вполне определенной и известной съезду” величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую “гармоничность”. Мало того. Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно неверны принципиально и потому вызывают по справедливости резкий отпор. “Съезд, — видите ли, — не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию” (Троцкий, стр. 326), “это слишком щекотливый (sic!) вопрос” (он же), “как должны отнестись избранные члены редакции к тому, что съезд не желает более их видеть в составе редакции?” (Царев, страница 324)а.

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву жалости и обиды, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса настоящим словом: обывательщина (тов. Русов). “На устах революционеров, — справедливо сказал тов. Русов, — раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на чисто обывательский взгляд на партийные дела” (курсив везде мой)... “Становясь на эту не партийную, а обывательскую точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член ОК, что не его, а другого выбрали в ЦК. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом выбора должностных лиц, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается” (стр. 325).

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться корней его на съезде, читать и перечитывать речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь “нервным возбуждением”. И это действительно наименее неприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины.

а Ср. речь тов. Посадовского: ...”Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания”.

в Тов. Мартов в своем “Осадном положении” отнесся и к этому вопросу так же, как к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора Он скромненько обошел единственный действительно принципиальный вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обида Иванов Ивановичей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристаёт ко мне тов. Мартов с вопросом, почему не выбирали на съезде тт. Аксельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть неприличие этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). Он видит противоречие в том, что я считаю “бестактным” поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связное изложение всех перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде, интересы партийной огласки требовали бы оценки по существу преимуществ шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: меньшинство и не заикнулось об этом на съезде.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов целый ряд доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей, во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков, во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы, в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей, только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями, в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в ЦО, в ЦО необходимы не только литераторы, но и администраторы, в-шестых, в ЦО должны быть лица вполне определенные, известные съезду, в-седьмых, коллегия из шести часто недееспособна, и ее работа осуществлена не благодаря ненормальному уставу, а несмотря на это, в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело, и т. д. — Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, вникнуть в каждое из этих соображений и опровергнуть хоть одно из них.

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до приемов прямо скандального характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего тов. Муравьеву “не брать на себя деликатных поручений” (стр. 322)? Что это, как не “залезание в чужую душу”, по справедливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на “личности”, при отсутствии доводов политических? Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что “против таких приемов мы всегда протестовали”? “Позволительно ли поведение тов. Дейча, когда он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?”а (стр. 328).

Подведем итог прениям по вопросу о редакции. Меньшинство не опровергло (и не опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен делегатам в самом начале съезда и до съезда, что, следовательно, проект этот исходил из соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде. Меньшинство заняло, при отстаивании шестерки, принципиально неправильную и недопустимую позицию обывательских соображений. Меньшинство проявило полное забвение партийной точки зрения на выбор должностных лиц, не прикоснувшись даже к оценке каждого кандидата на должность и его соответствия или

несоответствия с функциями данной должности. Меньшинство уклонялось от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, “проливая слезы” и “впадая в пафос” (стр. 327, речь Ланге), - как будто кого-то “хотели убить”. Меньшинство дошло даже до “залезания в чужую душу”, воплей о “преступности” выбора и тому подобных непозволительных приемов, дошло под влиянием “нервного возбуждения” (стр. 325).

Борьба обывательщины с партийностью, худшего сорта “личностей” с политическими соображениями, жалких слов с элементарными понятиями революционного долга — вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17 при трех воздержавшихся отверг предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и опечатки) и когда бывшие редакторы вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем “заявлении от имени большинства бывшей редакции” (стр. 330—331) проявил в еще больших размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и политических понятий. Разберем подробнее каждый пункт коллективного заявления и моего ответа (стр. 332-333) на него.

“Отныне, — говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции, — старой “Искры” не существует, и было бы последовательнее переменить ее

а Так понял слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — “резкий диалог с Орловым”) тов. Сорокин” том же заседании. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он “ничего подобного не говорил”, по сам же признает тут же, что сказал нечто весьма и весьма “подобное” “Я не говорил” кто решится, — объясняет тов. Дейч, — а сказал мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (sic! Тов. Дейч поправляется из кулъка в рогожку') поддерживать такое преступное (sic!) предложение, как избрание трех” (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, о подтвердил слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что “все понятия здесь перепутались” (в доводах меньшинства за шестерку) Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой азбучной истины, что “мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политически ми соображениями” Кричать о преступности выборов значит унижаться не только до обывательщины, но прямо до скандальчика!

название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия “Искре”, который был принят в одном из первых заседаний съезда”.

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о политической последовательности. Я ответил уже на это ссылкой на то, что все говорили при утверждении “Искры” (стр. 349 прот. ср. выше, стр. 82)а. Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны, — со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) обывательская или партийная точка зрения проявляется в желании видеть “ограничение вотума доверия “Искре”” в решении съезда произвести выбор должностных лиц в редакцию ЦО? 2) с какого момента действительно не существует старой “Искры”: с номера ли 46-го, когда мы стали вести ее вдвоем с Плехановым, или с номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакции? Если первый вопрос есть интереснейший вопрос принципа, то второй — интереснейший вопрос факта.

“Так как теперь решено, — продолжал тов. Мартов, — выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту “тройку”, то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то “трений”b, не работоспособности бывшей редакции, причем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее не работоспособности” ... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду “спросить редакцию” или назначить комиссию! Не произошло ли это оттого, что после раскола организации “Искры” и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?)... “При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации” ...с

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело после съезда и что нельзя назвать иначе как дрызгой. Я употребил уже это выражение в моем _____

а См. настоящий том, стр. 296—297. Ред.

b Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: “шероховатости”. Повторяю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что он хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о принципиальных шероховатостях, проявившихся в прениях съезда. Читатели припомнят, что единственный случаи действительно принципиальных прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер письменно жаловались на “ложное обвинение в оппортунизме”, как один из доводов “изменения” редакции. Тов. Мартов в этом письме усматривал ясную связь “оппортунизма” с планом изменения редакции, а на съезде ограничился туманным намеком на “какие-то трения”. “Ложное обвинение в оппортунизме” уже забыто!

с Тов. Мартов добавил еще “На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе” Поскольку что есть личное нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за политическую физиономию группы “Борьба”, за ее политические ошибки. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого политических ошибок, которые должны служить уроком партии. Группа “Борьба” обвинялась у нас на съезде в внесении “организационного хаоса” и “дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями” (стр. 38, речь тов. Мартова) Такое политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партии в период общего хаоса, но и тогда, когда мы видим его после съезда партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и “большинства редакции “Искры” и большинства группы “Освобождение труда””.

“Письме в редакцию “Искры”” и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрызга предполагает “низменные

мотивы” (как умозаключила редакция новой “Искры”): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрызг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, “личности” и т. п. на почве “нервного возбуждения” и ненормальных, затхлых условий жизни. Низменных мотивов ни один разумный человек не станет непременно искать в этих дрызгах, как бы низменны ни были их проявления. И именно только “нервным возбуждением” можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрызги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку неизбежно прийти к выводу, что “выборы не имеют ничего общего с оскорблением политической репутации”, что “отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий” значит вносить путаницу в вопрос и что “в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется величайшее смешение политических понятий” (как я выразился на съезде, стр. 332)а.

Опускаю “личное” замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его “политической” характеристике того значения, какое имеет неутверждение старой редакции: ...“Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда”... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова.)... “Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о “работоспособности”, а о борьбе за влияние на ЦК”... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут и о работоспособности и о расхождении из-за состава ЦК, ибо план “реформы” выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении не могло быть и речи, тогда, когда мы вместе с тов. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании документальных данных, что дело шло о личном составе ЦК, что дело свелось a la fin des fins к различию списков: Глебов—Травинский — Попов и Глебов — Троцкий — Попов.)... “Большинство редакции показало, что оно не желает превращения ЦК в орудие редакции”... (Начинается акимовская песня: вопрос о влиянии, за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы закрепить это влияние большинством в центральных учреждениях, переносится в область оппортунистической сплетни об “орудии” редакции, о “простом придатке” редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334.)... “Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (!!). А потому я и не могу вступить в такую редакцию”... (Посмотрите-ка внимательнее на это “потому”, как могла бы редакция превратить ЦК в придаток или в орудие только так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и злоупотребляла этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому - злоупотреблению и уничтожить одним своим голосом всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, следовательно, именно к личному составу ЦК, а речи об орудии и придатке сразу оказываются сплетней.)... “Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец “осадному положению” внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии” ...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором он впервые _____

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 305. Ред.

б — в конце концов. Ред.

бросил пресловутый лозунг “осадного положения”. И теперь взгляните на мой ответ ему:

...“Исправляя заявление Мартова о частном характере плана двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о “политическом значении” того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на ЦК в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность “Искры”, как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня несколько не пугают страшные слова об “осадном положении в партии”, об “исключительных законах против отдельных лиц и групп и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать “осадное положение”, и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как “осадное положение” для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер”а.

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде фразу, которую тов. Мартов в своем “Осадном положении” (стр. 16) предпочел опустить. Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: “страшные слова”, тов. Мартов?

Оно означает насмешку, насмешку над тем, кто к маленьким вещам прилагает большие названия, кто запутывает простой вопрос претенциозным фразерством.

Маленький и простой факт, который один только мог подать и подал повод к “нервному возбуждению” тов. Мартова, состоял исключительно в том, что тов. Мартов потерпел поражение на съезде в вопросе о личном составе центров. Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью. Говорить по этому поводу о “борьбе за влияние” с каким-то ужасом в глазах и жаловаться на “осадное положение” было не чем иным, как претенциозным фразерством, страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

Перед выборами нашему съезду предстояло решить вопрос: предоставить ли одну треть голосов в ЦО и в ЦК партийному большинству или партийному меньшинству? Шестерка и список тов. Мартова означали _____

а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 307—308. Ред.

б В чем проявилась на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Акимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда, в-третьих, в способности принимать вопрос о выборе должностных лиц в ЦО до обывательщины, жалких слов и даже до залезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки в ягодки.

предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в ЦО и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети — сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить и письменно вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на “осадное положение”! Ну, разве же это не дрязга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться правильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

...“В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об антагонизме между интеллигенцией и пролетариатом. Мои коллеги” (Каутский сам интеллигент, литератор и редактор) “будут сплошь да рядом возмущаться тем, что я признаю этот антагонизм. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как и в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об этого типа интеллигентах, которые и поныне являются еще исключением среди своего класса. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, под интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества и являющегося характерным представителем класса интеллигенции. Этот класс находится в известном антагонизме к пролетариату.

Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босяка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а

часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

Пролетарий — ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Всю свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из организации, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма. Этот организм для него — все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление.

Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

.. Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее мирозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

Наряду с Ницше, выдающимся представителем мирозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драме “Враг народа”) — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен прийти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это — _____

а Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literal*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

потому, что основой пролетарского, как и всякого демократического, движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент а 1а Штокман видит в “компактном большинстве” чудище, которое должно быть ниспровергнуто.

...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем, утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел в ряду и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблое хныканье (*weichliches Gewinsel*) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов,

воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве”с.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше — был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только неутверждения старого кружка, были жалобы на осадное положение и исключительные законы “против отдельных групп”, которые не были дороги Мартову при распущении “Южного рабочего” и “Рабочего Дела”, а стали дороги при распущении его коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации насчет “компактного большинства”, которые рекой полились на нашем партийном съезде (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на “ложное обвинение в оппортунизме”: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что именно оппортунисты, гораздо чаще шедшие за антиискровцами, а отчасти и сами эти антиискровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего политического факта, что в конце съезда образовалось “компактное большинство”, и почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, обходит вопрос о причинах и истории его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

При выборах в ЦК т. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл “матом в три хода”. Вот эти черты: 1) баллотируются списки кандидатов в ЦК, а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция — прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается т. Егоров (стр. 337), но которая наверняка обеспечила бы полную победу Мартову, если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда. Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства не было и не могло быть “прямого соглашения” (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, но и с тт. Егоровыми и Маховыми.

Вспомните, что т. Мартов плакался на съезде Лиги, будто “ложное

а Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во все организационные вопросы ваши мартовцы, что, повернув к Акимову и к неуместному демократизму, они в то же время озлоблены но демократический выбор редакции, выбор на съезде, заранее намеченный всеми! И это, может быть, ваш принцип, господа?

b Karl Kautskv: “Franz Mehring”, “Neue Zeit”, XXII, I. S. 99—101, 1903, № 4 (Карл Каутский; “Франц Меринг”, “Новое Время”, XXII, I, стр. 98—101. 1903, № 4. Ред.).

с См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

обвинение в оппортунизме” предполагало его прямое соглашение с Бундом. Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков (т. Егоров “не растерял еще своих принципов”, должно быть тех принципов, которые заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает наглядно тот громадной важности факт, что даже с Егоровым не могло быть и речи о “прямом соглашении”. Но коалиция могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам была обеспечена поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать меньшее из зол. Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве меньшего из зол, в качестве того, что хуже достигает искровских целей (см. речь Акимова о § 1 и его “надежды” на Мартова), тт. Акимов и Либер непременно выбрали бы и шестерку в ЦО и мартовский, список в ЦК. Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством, — обходный путь т. Мартова был только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (в заявлении, с. 341) излило свои жалобы на это, отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований и выборов в ЦК “ввиду тех условий, при которых они производились”. После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. “Ос. пол.”, стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут ненормальность? В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 прот.) и в котором смешно было видеть “лицемерие” или “несправедливость”? В образовании компактного большинства, этого “чудища” для хлюпких интеллигентов? Или в ненормальном желании сих почтенных интеллигентов нарушать то слово, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов тонко намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: “Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?” а. Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что т. Попов ошибается, что “решения съезда законны” (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой, — в высокой степени, должно быть, нормальной, — политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении этого заявления перед партией с поведением после съезда и с фразой “Осадного положения” о “начавшемся еще на съезде восстании половины партии” (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова т. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

“Ты победил”, товарищ Акимов!

***

К характеристике того, до какой степени “страшным словом” была пресловутая фраза об “осадном положении”, которой придан теперь навеки трагикомический смысл, — могут служить некоторые мелкие по виду, но очень важные по сущности черточки конца съезда, того конца, который имел место после выборов. Тов. Мартов носит теперь с этим трагикомическим “осадным положением”, всерьез уверяя и себя и читателей, что это выдуманное им пугало означало какое-то ненормальное преследование, затравливание, заезжание “меньшинства” “большинством”. Мы покажем сейчас, как было дело после съезда. Но возьмите даже конец съезда, и вы увидите, что после выборов “компактное большинство” не только не преследует несчастеньких, заезжаемых, обижаемых и ведомых на казнь мартовцев, а напротив само предлагает им (устаами Лядова) два места из трех в протокольной комиссии (стр. 354). Возьмите резолюции по

а Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет, Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, внесших резолюции, зачастую показывают вперемежку и представителей чудовищного компактного “большинства”, и сторонников “униженного и оскорбленного” “меньшинства” (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Не правда ли, как это похоже на “отстранение от работы” и иное всякое “заезжание”?

Единственный интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников “большинства” (Браун, Орлов, Осипов) вотировали и за нее и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к буржуазному либерализму в России, а староверовская пытается определить конкретные условия допустимости “временных соглашений” с “либеральными или либерально-демократическими течениями”. Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно политической расплывчатостью, будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она не определяет классового содержания русского либерализма, она не указывает определенных политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его основных задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и “Освобождение”, она слишком мелочно, казуистически предписывает три конкретных условия, при которых допустимы “временные соглашения”. Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить “условия” ведет к мелочному и, строго говоря, неправильному указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) “либеральные или либерально-демократические течения” должны “ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии”. В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политических слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер

считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии “встанут решительно на сторону социал-демократии”?? Это абсурд, и если представители такого течения даже и “заявили бы это ясно и недвусмысленно” (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, обязаны были бы не верить их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что “либеральные или либерально-демократические течения” ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону социалистов-революционеров. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что в таком случае временные соглашения с подобными либералами недопустимы. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению прямо неверному. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а следовательно, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения “не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание”. И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие вразрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить необходимость “разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии”, но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье “условие” тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) неправильно в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения неразумно было бы объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, “куцой” конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы “течение” гг. “освобожденцев”, но связывать себе руки, запрещая наперед “временные соглашения”, хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также гг. Мартовым и Аксельродом, ошибочна, и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает политической расплывчатостью теоретической и тактической позиции, казуистичностью — практических “условий”, требуемых ею. Она смешивает два вопроса: 1) разоблачение “антиреволюционных и противпролетарских” черт всякого либерально-демократического течения и обязательность борьбы с этими чертами и 2) условие временных и частных соглашений с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание “условий”). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные “условия” временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента, — субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой “субъект” налицо, то во сто раз рациональнее было бы

предоставить определение “условий” временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к “течению” гг. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений “меньшинства” против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова “кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это — идти “на муху с обухом”?” (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком — “мизерный вывод”, — дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о “разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность”. Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что “все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала”. Во-вторых, сравнивать господина Струве с “мухой”, когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно “Освобождения” — значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам хоть одно единственное “либеральное или либерально-демократическое течение” в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с “освобожденским” течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку!а

а На съезде Лиги тов. Мартов привел еще такой довод против резолюции тов. Плеханова “Главное соображение против нее, главный недостаток этой резолюции заключается в том, что она совершенно игнорирует то, что ваша обязанность — не уклоняться в борьбе с самодержавием от союза с либерально- демократическими элементами. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию мартыновской. В новой “Искре” тенденция эта уже проявляется” (стр. 88).

Этот пассаж — редкое, по своему богатству, собрание “перлов”. 1) Сугубой путаницей являются слова о союзе с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая разница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный “союз” и говорит лишь вообще о “поддержке”, то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще “мартыновские тенденции”? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились “мартыновские тенденции” в “новой” “Искре”? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов!

“Имя Струве ничего не говорит рабочим”, — поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже¹⁶.

Каким рабочим “ничего не говорит имя Струве” (и имя “Освобождения”, названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы или вовсе незнакомы с “либеральными и либерально-демократическими течениями” в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России? или в том, чтобы умалчивать об мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он наверное решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его довод. Во всяком случае слова: “Струве” и “Освобождение” в плехановской резолюции во много раз больше могут дать рабочим, чем слова: “либеральное и либерально-демократическое течение” в резолюции Старовера.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по “Освобождению”. Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освободителей, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освободителей урезать демократический характер переворота.

—

Кроме отмеченного мною выше “недоумения” тов. Егорова по вопросу о “поддержке” нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

—

Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

н) ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ПАРТИИ

Закончив анализ прений и голосований на съезде, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании всего съездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических, оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей “сводки”, без общей картины всего съезда и всех главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего изучения протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово division — разделение. Палата “разделилась” на такое-то большинство и меньшинство, — говорят про голосование известного вопроса. “Разделение” нашей социал-демократической палаты по различным,

обсуждавшимся на съезде, вопросам дает единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую картину, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить все основные типы “разделений” нашего съезда в виде диаграммы. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Втировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат, — это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание все именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутрипартийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т. е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т. е. привести все главные типы голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления иной картины на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) “центр” и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели на массе примеров, и если кому-либо не нравятся названия групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации “Искры” и о направлении “Искры”, то мы заметим им, что дело не в названии, Теперь, когда оттенки прослежены нами на всех дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой существа оттенков между группами. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия. 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто “искровец” — есть название, объемлющее лишь “кружок”, а не направление.

Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований “сняты” на прилагаемой диаграмме (см. диаграмму: “Общая картина борьбы на съезде”).

Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел “центр” против антиискровцев или против части их. Сюда относятся голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), голосование § 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро. Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами); это голосование и представлено на (диаграмме А. Далее, тою же типа были

три голосования по вопросу об утверждении Центральным Органом партии “Искры”, редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании мотивов утверждения “Искры” воздержались пять бундовцев и тов. Мартынова.

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос, когда “центр” съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда и антиискровцы были с нами, за малыми исключениями {принятие программы, утверждение “Искры” независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких заявлениях, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы “Искры” не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной “Искры”, которая (устаи т. Мартова) затирает и затушевывает разницу между искровцами и “центром”, между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на такие случаи, когда и антиискровцы шли с нами! Даже наиболее “правые” из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как признание программы в целом.

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех антиискровцев и всего “центра”. Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании “Искры” на деле, а не на словах только. Сюда относятся инцидент с ОКб, постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распускание группы “Южный рабочий”, два голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование против заграничного Союза русских социал-демократов (“Рабочего Дела”), т. е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, допартийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне _____

а Почему для изображения на диаграмме ваяю именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании “Искры” менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда однородных голосований нисколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

б Именно это голосование изображено на диаграмме Б у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет ни одного именного голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за, ораторы антиискровцев и центра — против; 2) числа голосов “за” всегда очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, целый ряд случаев, когда “центр” шел с антиискровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

важных (с точки зрения ОК, “Южного рабочего”, “Рабочего Дела”) голосований,.. пока дело не коснулось их собственной кружковщины, их собственной непоследовательности. “Разделения” рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов центр шел с антиискровцами, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным на деле к оппортунистическому, чем к революционному крылу социал-демократии. “Искровцы” по названию, стыдившиеся быть искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила немало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа протоколов или пытаться задним числом переделать свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений сожаления. Точно сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукэром и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда!

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону антиискровцев, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой коалиции искровского меньшинства с антиискровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде, приводятся все три основных типа именных голосований этого рода. В — это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все антиискровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической “правой” съезда. Далее, голосование типа Г — о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т. е. когда никто не воздерживался). Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее: искровцы меньшинства все уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства — очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из “центра” и одного из антиискровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие гили с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми. На последнем голосовании (Д — выборы в ЦО, в ЦК и в Совет партии), которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со всем “центром” и с остатками антиискровцев. Из восьми антиискровцев к этому времени остался на съезде один тов. Брукэр (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах мартовцев). Уход семерки наиболее “правых” оппортунистов решил судьбу выборов против Мартова.

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные _____

а Судя по всему, того же типа было еще четыре голосования по уставу, стр. 278—27 за Фомина против 21 наших, стр. 279—26 за Мартова против 24 запас; стр. 280—27 против меня, 22 за; и там же — за Мартова 24 против 23 за вас. Это — затронутые уже мной раньше голосования по вопросам о кооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы

(все или часть), видимо, спасают Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше.

в Семь оппортунистов, ушедших с 2-го съезда, это пять бундовцев (Бунд вышел из партии на втором съезде после отклонения федеративного принципа) а два “рабочедельца”, т. Мартынов и т. Акимов. Эти последние ушли со съезда после того, как заграничной организацией партии была призвана только искровская Лига, то есть был распущен рабочедельческий заграничный “Союз русских социал-демократов”. (Примечание автора к изданию 1907 г. Ред.)

данные о голосованиях всякого типа.

Много толковали о “случайном” характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем “Еще раз в меньшинстве”. Из диаграммы ясно видно, что в одном смысле, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что- де семерка наиболее оппортунистических элементов “правой” ушла случайно. Поскольку случаен этот уход, постольку (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, должна бы была быть эта семерка. Но, спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о “случайности” большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители правого, а не левого крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли оппортунисты, а не последовательные революционные социал-демократы? Не стоит ли этот “случайный” уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт прикрывается толками о случайности большинства. Это — тот несомненный и неоспоримый факт, что меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии. Меньшинство составили наименее устойчивые теоретически, наименее выдержанные принципиально элементы партии. Меньшинство образовалось именно из правого крыла партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду¹⁷, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться обойти этот факт посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков, — значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы опровергнуть этот факт, надо, во-первых, показать, что общая картина голосований и “разделений” на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, во-вторых, показать, что по существу всех тех вопросов, из-за которых “разделялся” съезд, неправы были те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев. Попробуйте-ка показать это, господа!

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять расхождение

маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съезде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки могло получиться (и получилось) много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие целый ряд ошибок, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и

а Мы увидим ниже, что после съезда и т. Акимов и Воронежский комитет, наиболее родственной т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие "меньшинству".

б Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов забыл теперь, что искровец означает сторонник направления, а не член кружка, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Исковскими кружками были на съезде (по отношению к партии) три кружка, группа "Освобождение труда", редакция "Искры", организация "Искры". Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустились, третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий исковский кружок, организация "Искры" (включавшая в себя и редакцию и группу "Освобождение труда"), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых только одиннадцать имели решающий голос. Исковцев же по направлению, не принадлежавших ни к какому исковскому "кружку", было на съезде, по моему счету, 27 с 33 голосами. Значит, из исковцев меньше половины принадлежали в исковским кружкам.

неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а партийным и не совсем неважным фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из всех, наименее устойчивых элементов, из всех тех, кто либо вовсе не признавал направления "Искры" и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с антиисковцами.

Не смешно ли объяснять расхождение господством заскоружной кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции "Искры"? Нет, это не смешно, потому что на поддержку этой индивидуальной кружковщины встало все то в нашей партии, что боролось в течение всего съезда за всякую кружковщину, все то, что вообще не могло подняться над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на "исторический" характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции "Искры". Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали тт. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была "историческая преемственность" знаменитого Воронежского комитета и пресловутой петербургской "Рабочей организации" 18, встали тт. Егоровы, которые оплакивали "убийство" "Рабочего Дела" так же горько (если не еще более горько), как и "убийство" старой редакции, встали тт. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой, — гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует, — и я тебе скажу, какова твоя политическая физиономия.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться мелкой, покуда она не послужила исходным пунктом для прочного союза их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза к отрывке оппортунизма, к реваншу всех тех, с кем боролась "Искра" и кто готов был с величайшей радостью сорвать теперь сердце на

последовательных сторонниках революционной социал- демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой “Искре” мы видим именно отрывку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского комитета), восторги Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной “Искре” лягнуть ненавистного “врага” за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было “восстановление старой редакции “Искры”” (из ультиматума тов. Старовера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской “преемственности”...

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма мелких ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало большой шаг вперед всей нашей партии в целом. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь оттенки, из-за которых можно и должно спорить,) но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье “Чего не делать”, к которой мы еще вернемся). Теперь, когда анархическое поведение меньшинства после съезда почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с ОК, распускание группы “Южного рабочего”, или “Рабочего Дела”, § 1, распускание старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так, тот вносит именно кружковую

а См. настоящий том, стр. 396—398. Ред.

б Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов “центра”. “Какая тяжелая атмосфера парит у нас на съезде!” — жаловался он мне. — “Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..” “Какая прекрасная вещь — наш съезд!” — отвечал я ему. — “Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...”

Товарищ из “центра” смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на равных языках.

точку зрения в партийные дела: борьба оттенков в партии неизбежна и необходима, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу, покуда борьба идет в рамках, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И наша борьба с правым крылом партии на съезде, с Акимовым и Аксель родом, с Мартыновым и Мартовым, отнюдь не выходила из этих рамок.

Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) когда тт. Мартынов и Акимов уходили со съезда, мы все готовы были всячески отстранить мысль об “оскорблении”, мы все принимали (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление; 2) когда дело

дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда меньшинство в обоих центрах: Мартову в ЦО, Попову в ЦК. Иначе мы не могли поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. Если различие оттенков, обнаружившихся на съезде, было невелико, то невелик, ведь, был и практический вывод, сделанный нами из борьбы этих оттенков: этот вывод исключительно сводился к тому, что две трети в обеих тройках следует предоставить большинству партийного съезда.

Только несогласие меньшинства на партийном съезде быть меньшинством в центрах привело сначала к “дряблному хныканью” потерпевших поражение интеллигентов, а потом к анархической фразе и к анархическим действиям.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, кроме вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о пригодности, работоспособности и т. п. того или другого лица. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор первоначальной тройки в ЦО был намечен еще до съезда, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы и ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в протоколах съезда, в открытом обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности лиц решено было всеми на съезде решать тайными голосованиями. Почему весь съезд единогласно принял такое решение? — это такой азбучный вопрос, на котором странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали ровно ничего о тех оттенках на съезде, которые связаны были с борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышим изо всех углов толки и рассказы о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в ЦК, но мы не слышим ровно ничего о тех оттенках на съезде, которые боролись за преобладание в ЦК. Мне кажется, что вне съезда неприличны и недостойны рассказы и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести вне съезда борьбу посредством таких рассказов значило бы, по моему убеждению, действовать сплетнически. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что ЦК выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. Моральный авторитет этого большинства должен быть поэтому еще несравненно выше его формального авторитета, — выше для всех, Кто ценит преимущество направления “Искры” выше преимущества того или иного кружка “Искры”. Кто компетентнее мог бы судить о пригодности тех или иных лиц для проведения политики “Искры”? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталость, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) ПОСЛЕ СЪЕЗДА. ДВА ПРИЕМА БОРЬБЫ

Анализ прений и голосований на съезде, с которым мы покончили, объясняет собственно in mīce (в зародыше) все, что было после съезда, и мы можем быть краткими, отмечая дальнейшие этапы нашего партийного кризиса.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу дрязги в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили повернуть к Акимову и Мартынову, и объясняя дело прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, “кооптировать” всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т. е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к партийному большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало молчаливое признание ошибки на съезде, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части “кооптации” принимала, таким образом, личный характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. Глебов уехал. Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (против представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх. Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую “коалицию” единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г., — *si licet parva componere magnisa*), или он — пожелает закрепить эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать нашу с Плехановым ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дрязга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными наличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступу не было. Я изображал из себя на этот раз “центр” или “болото” и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путаным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из одного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков “меньшинства”, считаю необходимым воспроизвести:

...“Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен...”

И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся?.. Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, “бешено”, я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

а если позволительно сравнивать малое с большим. Ред.

Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы “пятнали” кого-либо, чтобы мы хотели оскорбить или унижить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и прочих милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до пес plus ultraa неразумно.

Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому ЦК, — с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку единственно способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и irrespective от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искровцев и в организации “Искры”, и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то “подстраиваньем”, да “натравливаньем” и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, обругавши это большинство “шпаной”?

Повторяю: я, как и большинство искровцев съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. — неразумно. Никого и ни в чем мы не “пятнали”, не “пятнаем” и не устраним от работы. А из-за устранения от центра поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием”с.

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они точно показывают стремление большинства сразу провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу резкости и “бешенства” нападков и т. п., с одной стороны, — и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что пассивное сопротивление меньшинства началось сейчас же после съезда и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть шаг к расколу партии; — что это прямо противоречит лояльным заявлениям на съезде; — что это будет расколом исключительно из-за отстранения от центральных учреждений (сиречь из-за невыбора), ибо от работы никого из членов партии никто никогда не думал отстранять; — что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) начинает все более извращаться в дрызгу с руготней, заподозриваниями и пр. и пр. Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и наименее ценящие партию элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение Глебова: в

самом деле, если меньшинство делами своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области элементарной партийной лояльности, то какое значение могли иметь слова _____

а — до последней степени. Ред.

б — независимо. Ред.

с Это письмо писано еще в сентябре (н. ст.). (См. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 137—139. Ред.) Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати. Пользуюсь этим случаем, чтобы раз навсегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех коих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

о пресловутой “преемственности”? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования “кооптировать” в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы до выяснения в печати, перед партией, новых разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования во имя неведомых еще разногласий показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дрызгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких принципиально убежденных людей, которые бы отказывались убеждать раньше, чем они получат (приватным образом) большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает последнюю попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена ЦКа. Битых три часа доказывает т. Плеханов неразумность требования “кооптировать” четырех из “меньшинства” на двух из “большинства”. Он предлагает кооптировать двоих, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то “заезжать”, задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного “большинства”. Кооптация двух тоже отвергается.

6-го октября мы пишем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам “Искры” и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

“Уважаемые товарищи! Редакция ЦО считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в “Искре” и “Заре”. Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция ЦО заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией на страницах редактируемых нами изданий”^b.

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях “меньшинства” или желание дать органу (и партии) новый курс, какой именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас, если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дрязгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от неес.

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в “Искре” со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

“В редакцию ЦО РСДРП. Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо _____

а Этот член ЦК19, кроме того, специально устраивал ряд частных и коллективных бесед с меньшинством, проверяя нелепые рассказы и взывая к партийному долгу.

б В письме к тов. Мартову было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: “Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции ПО для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении”. (См. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 146. Ред.)

с Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить “се и всякие претензии инициаторов дрязги. Мы увидим, почему это было невозможно.

от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего место в присутствии члена ЦК 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим “представителем” в Совет тов. Ленина. После того, как на упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснять мотивы моего отказа работать в “Искре” при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно перед лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете...а

Л. Мартов”

Это письмо, вместе с предыдущими документами, дает неопровержимое разъяснение по тому вопросу о бойкоте, дезорганизации, анархии и подготовке раскола, который так усердно обходит (посредством восклицательных знаков и многоточий) т. Мартов в своем “Осадном положении”, — вопросу о лояльных и нелояльных средствах борьбы.

Тов. Мартову и другим предлагают изложить разногласия, просят сказать прямо, в чем же дело и каковы их намерения, уговаривают перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную с ошибкой в повороте вправо), — а т. Мартов с К° отказывается разговаривать и кричит: меня осаждают, меня заезжают! Насмешка над “страшным словом” не охладила пыл этих комичных воплей.

Да как же можно осаждать того, кто отказывается совместно работать? — спрашивали мы т. Мартова. Как можно обидеть, “заезжать” и притеснить меньшинство, когда оно отказывается быть в меньшинстве?? Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегия, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегии, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об “осадном положении” тов. Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелояльно? Только такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с т. Мартовым нельзя было никак бороться, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было никак управлять, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции. Ни единого факта не доказали и практики меньшинства со стороны Центрального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем “Осадном положении”, — остается совершенно неопровержимым, что ровно ничего, кроме “дряблого хныканья”, в воплях об осадном положении не было.

Полнейшее отсутствие разумных доводов против редакции, назначенной съездом, у т. Мартова и К° всего лучше иллюстрируется их же словечком: “мы не крепостные!” (“Осадное положение”, стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к “избранным душам”, стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. Объяснять отказ от работы в партии тем, что “мы не крепостные”, значит с головой выдать себя, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки, полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: “мы не крепостные” (с добавлением: мы еще насчет кооптации не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом. Читающая публика скоро узнает, что и новый партийный съезд кажется этим “членам партии” и “должностным лицам” партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для _____

а Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, переиздававшейся в то время.

“избранных душ”... Это “учреждение” и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует несоответствие этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой “Искры” и напечатанные т. Мартовым в “Осадном положении”, доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным неподчинением постановлениям съезда, дезорганизацией положительной практической работы. Составившееся из оппортунистов и ненавистников “Искры” меньшинство рвало партию, портило, дезорганизовало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что честными и лояльными средствами (разъяснением дела в печати или на съезде) оно

никогда не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознывая свое бессилие убедить партию, они воздействовали тем, что дезорганизовывали партию и мешали всякой работе. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что всеми силами старались совершенно разбить треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись “честным средством” борьбы. Тов. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Тов. Мартов так “принципиален”, что защищает бойкот, когда он ведется меньшинством, и осуждает бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дразга ли это или “принципиальное разногласие” относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей партии.

После неудачных попыток (4 и 6 октября) добиться объяснения от начавших историю из-за “кооптации” товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещанная ими на словах лояльность борьбы. 10 октября ЦК обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о выработываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лояльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно не подчиниться центральным учреждениям партии, отвечая на их призывы к объединенной работе отписками, полными софизмов и анархических фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (с. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением “протеста против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что “а такой работе по приглашению ЦК я считаю себя не вправе принять участие”, или “товарищи! мы ни в коем случае не должны предоставить ему (ЦК) выработку нового устава для Лиги” и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать только негодование у всякого человека, мало-мальски разбирающегося в том, что значат понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде партийных товарищей и притом пускаются в ход под фирмой члена администрации Лиги и за спиной ЦК” (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику “залезания в душу”, на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (с. 39 и 134 прот. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде _____

а Горнозаводская резолюция (стр. 38 “Осадное положение”).

был я. Простая справка с конспектом моего доклада (с. 43 и след.)а покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К°, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных “поправок” к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот,.. некоторый продукт больших нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Тов. Плеханов заявил протест против “сцены” (с. 68) — это была, действительно, настоящая “сцена”! — и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против “недостойного поведения” т. Мартова (с. 75 прот. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в политической ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение на съезде и “выработало” теперь два приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т.д.

Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся “без объяснения причин”.

Второй прием — устройство “сцен” и пр. и пр.в

Этот “второй прием борьбы” сказывается и на пресловутых “принципиальных” резолюциях Лиги, в обсуждении которых “большинство”, разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем “Осадном положении”.

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против “большинства” партийного съезда: 1) “Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим вразрез с прежней политикой “Искры”, при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета ЦК” (стр. 83 прот. Лиги).

Этот “принципиальный” тезис сводится, как мы уже видели, к акимовской фразе, оппортунистический характер которой разоблачал на съезде партии даже тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что “большинство” не думает ограждать независимость и авторитет ЦК, всегда оставались не более как сплетней. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас не было в Совете перевеса ЦО над ЦК, а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете получилось преобладание ЦО над ЦК! Когда мы были в редакции, в Совете преобладали русские практики над заграничными литераторами; у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет ни разу не покушался вмешиваться ни в один практический вопрос; со времени единогласной кооптации началось такое вмешательство, как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: "...съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами..."

Этот тезис сводится целиком к вопросу о личном составе центров. "Меньшинство" предпочитало обходить то, что старые центры на съезде _____

а См. настоящий том, стр. 41—52. Ред.

б Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дрызг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это — своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне пришлось здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов целиком повторил ее в своем "Особом" положении".

доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на "преемственность" по отношению к Организационному комитету. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава ОК. На съезде Мартов кричал даже в исступлении, что его позорит список с тремя членами ОК. На съезде "меньшинство" предлагало свой последний список с одним членом ОК {Попов, Глебов или Фомин и Троцкий}, а "большинство" провело список с двумя членами ОК из трех {Травинский, Васильев и Глебов}. Спрашивается, неужели эта ссылка на "преемственность" может быть названа "принципиальным разногласием"?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против "большинства", не раз повторенные потом в печати. Рассмотрим их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против "системы самодержавно-бюрократического управления партией", против "централизма бюрократического", который, в отличие от "централизма истинно социал-демократического", определяется следующим образом: он "ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности"; он, поэтому, "по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества".

О каком это "обществе" говорит здесь т. Аксельрод с К°, один аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении, или изливает жалобы "меньшинства". Что может означать "самодержавие" в партии, о котором кричат недовольные "редакторы"? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы "меньшинства" очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают меня, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюция, я был в ЦО вместе с Плехановым. Следовательно, тов. Аксельрод с К° выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены ЦК "управляли партией" не согласно их взглядам на пользу дела, а согласно воле самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле "принципиальное разногласие" почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши “члены партии”, только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на сколько-нибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком “подавлении индивидуальной инициативы” говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых ЦО партии только что перед этим упрашивал изложить свои разногласия и которые вместо этого торговались о “кооптации”? Как могли, вообще, мы с Плехановым или ЦК подавить инициативу и самостоятельность людей, которые отказывались от всякой “деятельности” вместе с нами! Как можно “подавить” кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый отказался участвовать? Как могут невыбранные редакторы жаловаться на “систему управления”, когда они отказались “быть управляемыми?” Мы не могли совершить никаких ошибок при руководстве нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи вовсе и не работали под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на “механическое” большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую “преемственность”, чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого реального содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме. И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той “Искры”, которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера сокрушения. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов дела интересам карьеры, обращение сугубого внимания на местечки и игнорирование работы, свалку за кооптацию вместо борьбы за идеи. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставлю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставлю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со

старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным пунктом “поворота” в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за “кооптации”, эти словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к анархизму и оппортунизму, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать его позицию принципиальной позицией) предпочел совершенно обойти этот инцидент в своем “Осадном положении”.

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действителен ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава ЦК? вопреки утверждению ЦК? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестым нашего устава партии именно ЦК; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. Это — азбука, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что “организовать” не всегда предполагает “утвердить устав” (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельно _____

а Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником “бюрократического централизма” после того, как он произвел благодетельную кооптацию.

в Нет ничего комичнее, как эта обида новой “Искры” по поводу того, что Ленин-де не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местнических счетов Пеняйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в “Осадном положении” о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что ЦК въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов доказал свою глубокую идейность и принципиальность.

своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (па время, надо надеяться) азбуку социал-демократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что “прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим” (стр. 95 прот. Лиги), причем т. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит “принципиальную сторону” дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем “Осадном положении”!

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, “нарушающих достоинство съезда”, выражений, как бюрократизм, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходит обмен замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях “принципиальную характеристику известного направления”. Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства,

рассматривал тогда эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно “кооптационный”, если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96—97) и переходит к принципиальному рассмотрению якобы принципиальных взглядов. “Если бы это было так, — говорит он (т. е., если бы комитеты были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов не ограничены; они могут прийти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места” (98). Эти положения донельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что “в настоящее время понятия спутались” (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как анархической фразой. Прекурьезно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме жалобы на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это “жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а *lese-majeste* (оскорбление величества) и помпадурство — удобно”? Ответа на эти вопросы дано не было. Это оригинальное *qui pro quo* постоянно случается с тт. Мартовым, Аксельродом и К^о: их новые словечки носят на себе явный отпечаток “сердца”; указание на это их обижает — мы-де принципиальные люди; но если вы по принципу отвергаете подчинение части целому, то вы — анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие “меньшевики” занимались не менее детским изобличением меня в следующем “противоречии”. Берется цитата из “Что делать?” или из “Письма к товарищу”, где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется “бюрократическое” воздействие посредством устава, “самодержавное” стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли что прежде наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что _____

а — недоразумение. Ред.

дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но принципиально все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся целиком к

анархической фразе. Новая “Искра” не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами — принцип оппортунизма, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь-в-точь такие же речи о “чудовищном” централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К°. Что оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к мартовским и аксельродовским организационным “взглядам”, это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой “Искре”.

п) МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ БОЛЬШОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны ЦК (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, “вопиющим нарушением устава партии”. Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же послесъездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление “сведения счетов” партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ Лиги принять резолюцию по заявлению ЦК о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно повел за собой признание незаконным собрание, которое желало числиться собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т. е. за 15 месяца, предсказанного мною конца — до разрушения партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах “стрелять по своим”, что “лучше пулю в лоб, чем раскол”, что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых, в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1), ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью “Чего не делать” в № 52 “Искры”, писанную как раз после съезда Лиги, после моего выхода из редакции ЦО (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи “Чего не делать” состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сближающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей “Искры”. Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его

не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой. На самом деле, статью “Чего не делать”, когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв. Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т. е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова (водится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом — бороться с этим меньшинством путем личных уступок, вроде того (опять-таки *si licet parva componere magnis*), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (а la Собакевич-Parvus) против ревизиониста, мы этого ревизиониста “убьем посредством мягкости” (*kill with kindness*), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бер (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападков английского Собакевича-Гайндмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал “посредством мягкости убить” маленький анархизм и маленький оппортунизм тт. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду с совершенно ясными намеками на “анархических индивидуалистов” тов. Плеханов умышленно неясно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавших поворачивать от ортодоксии к ревизионизму, но это была невинная военная хитрость, это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства, которые упрекали меня за отдачу

а Об уступках по отношению к гг. Мартынову, Акимову и Брунэру не было и речи после съезда партии. Я не слыхал, чтобы они тоже требовали “кооптации”. Я сомневаюсь даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брукэром, когда они писали нам свои бумаги и “ноты” от имени “половины партии”... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о “соединении с Рязановым или Мартыновым”, о возможности “сделки” с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) “службы партии” (стр. 53 прот. Лиги). “Мартыновские тенденции” тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс тонко намекнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым “признают право и за гг. Акимовым, Мартыновым в другими собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится” (стр. 99), то мартовцы стали отречься, как Петр от Христа (стр. 100: “опасения тов. Ортодокса” “относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.” “не имеют основания”).

редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства? — Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться “отвлеченно” и притом с киванием на Петра. Это дело вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не признать такой “ошибки” у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечания об оппортунизме на съезде партии и о жоресизме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще “kindness” (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье “Чего не делать” щадить противников” из числа ревизионистов, являющихся ревизионистами “только вследствие некоторой непоследовательности”? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет ЦО и перебраться, для защиты позиции большинства, в ЦК?а Отрицать абсолютно возможность таких попыток и брать на одного себя ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку “личным раздражением”. А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: “руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету” тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женевской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов, — в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения, — касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о доверии к революционеру, о вере в такого “руководителя пролетариата”, который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя “временами” закрывать глаза на нарушение дисциплины, “иногда” уступать интеллигентской распущенности, которая “коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее”, тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии,

что надо предоставить определение меры уступок анархическим индивидуалистам именно практикам. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское

а Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался *avec armes et bagages* (с оружием и багажом. Ред.). Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт — “отсиживаться” от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой “остатний” форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега — комендант — с великолепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

самоуверенность. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров²¹), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой “Искре”, которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член ЦК²², читавший статью “Чего не делать” в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения некоторой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд улицы, вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: “что случилось?”. Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и канкан на страницах “Революционной России” и восторженные похвалы последовательных ревизионистов “Освобождения”. Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов²³, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех “хороших” целей (*kill with kindness*), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот поворот в сторону оппортунистического крыла нашей, партии, который начался в новой “Искре”, как видят теперь все и каждый. Не одни только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что большинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость спорить с непоследовательными ревизионистами и анархическими

индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся из-за меры возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии.

Что касается до ЦК, который тогда выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (ЦК) тов. Плеханов разошелся тогда исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму. Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике *kill with kindness*. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью “Чего не делать”, которая была — и остается — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйте, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что ЦК оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это _____

а Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де говорить о дрязгах (“Искра” № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стоило начинать в “Искре” разговора о “дрязгах”, тов. Плеханов,24 — вот это будет правда!

и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развить свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимова, убедить партию в правоте вашей против Плеханова, — тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г.

(см. “Осадное положение” и “Комментарий к протоколам Лиги”а), находится в полнейшем соответствии с моим и Плеханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: либо личное раздражение (и тогда можно, на худой конец, и “кооптировать”), либо принципиальное расхождение (и тогда надо сначала убедить партию, а потом уже заговаривать о переделке личного состава центров). Предоставить решение этой деликатной дилеммы самим мартовцам ЦК мог тем более, что именно в то время тов. Мартов писал в своем *profession de foib* (“Еще раз в меньшинстве”) следующие строки:

“Меньшинство претендует на одну честь — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись “побежденными”, не образовать новой партии. Такая позиция меньшинства

вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу “бумажных революций” и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, что чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов”. (Курсив мой.)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было убедиться на опыте, что это — только слова... Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь я заявляю претензию от имени большинства на эту “честь”, которой вы не заслужили. Честь эта будет действительно большая, из-за которой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйста.

—

Большое удовольствие (иметь единую партию) должно было перевесить и перевесило маленькие неприятности (в виде дряг из-за кооптации). Я ушел из ЦО, товарищ Игрек (делегированный мной и Плехановым в Совет _____

а Я, разумеется, оставляю без разбора тот клубок, который напутал Мартов в “Осадном положении” около этого ультиматума ЦК, ссылаясь на частные разговоры etc. Это — характеризованный мною в предыдущем S “второй прием борьбы”, разбирать каковой с надеждой на успех мог бы только специалист по невропатологии. Достаточно сказать, что тов. Мартов настаивает там на соглашении с ЦК о неопубликовании переговоров, какового соглашения, несмотря на все розыски, до сих пор не отыскано. Тов. Травинский, ведший переговоры от имени ЦК, письменно сообщил мне, что считает меня вправе печатать вне “Искры” мое письмо в редакцию.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — “бонапартизм худшего сорта”. Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати Давайте посмотрим хладнокровно, что означает это понятие По-моему, оно означает приобретение власти путем формально законным, но по существу дела вопреки воле народа (или партии) Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот “бонапартизм худшего сорта”, со стороны ли Ленина и Игрека, которые могли воспользоваться своим формальным правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, но не воспользовались этим правом, — или же со стороны тех, кто формально правильно занял редакцию (“единогласная кооптация”), зная, что это по существу не отвечает воле II съезда, я боюсь проверни этой воли III съездом?

b — символ веры, программа, изложение миросозерцания. Ред.

партии от редакции ЦО) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово ЦК о мире письмом (см. цитированные издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 “Искры”) о гласности. Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было — вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать “мелочи и дряги кружковой жизни” (№ 53 “Искры”). Ах, вот как, думаю про себя: “мелочи и дряги кружковой жизни”... es ist mir recht, господа, с этим-то я

согласен. Ведь это значит, что возня с “кооптацией” прямо относится вами к кружковым дрязгам. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочемб. Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в ЦО, ибо это дрязги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в ЦК и называть это не дрязгой, а принципиальным расхождением о “формализме”. — Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от “Искры” “Письмо в редакцию” (“Почему я вышел из редакции “Искры”?”)с, рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя чувствовать “чужой” в своей партии, и мы поспорим насчет поворота к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

Теперь слово за мною. Посмотрим на содержание новых организационных взглядов новой “Искры” и на отношение этих взглядов к тому делению нашей партии на “большинство” и “меньшинство”, истинный характер которого мы показали анализом прений и голосований второго съезда.

р) НОВАЯ “ИСКРА”. ОПОРТУНИЗМ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ

За основу разбора принципиальной позиции новой “Искры” следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельродад. Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил “меньшинство” (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) прийти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от “кооптации”. Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и “возьмем всерьез” его “теорию”, Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 “Искры”) тот, что “наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием”. Именно: “принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии”. Но у нас воздействие на рабочие массы исходит “со стороны чуждого им социального _____

а См. настоящий том, стр. 93—97. Ред.

б Как оказалось впоследствии, “диссонанс” объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции ЦО. О “дрязгах” писал Плеханов (см. его признание в “Грустном недоразумении”, № 57), а передовую “Наш съезд” — Мартов (“Осадное положение”, стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

с См. настоящий том, стр. 98—104. Ред.

д Эти фельетоны вошли в сборник ““Искра” за два года”, ч. II, стр. 122 и сл. (СПб. 1906). (Примечание автора к изданию 1907 г. Ред.)

элемента” — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличие этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и объясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую, министралистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тенденции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские — оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает ни малейшей попытки проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности, — хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой “Искры”, т. Аксельрод проявляет смертельную боязнь перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны “теоретика”, исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем правдобоязни. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. “Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам, — говорит он. — Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?” По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает проказ мысли у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие (и умевшие) проследить его “тенденции”, ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе²⁴. Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать “общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении”, не сумел ничем, ну ровнехонько-таки ничем доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе торжественное свидетельство о бедности. Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка тов. Аксельрода — на “якобинцев” — еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к “историческим аналогиям эпохи великой французской революции”. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что жирондисты современной социал-демократии везде и всегда прибегают к терминам “якобинство”, “бланкизм” и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов (“вполне согласный” с тов. Мартыновым) заявляет: “абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую

редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководящей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у “Народной воли”” (стр. 124 прот.). Тов. Акимову возражают тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм современных якобинцев и современных жирондистов в социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании жирондистов социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о “серьезном разногласии” по “основному вопросу” об “абсолютной ценности демократических принципов” (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры “центра” или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова “подражание буржуазной тактике” (стр. 170) — это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдבלата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам воочию, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает “пролетарские тенденции в нашем движении”, кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул “организуйтесь!”, кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? Якобинцы социал-демократии. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером.

Неискусно же защищается т. Аксельрод от “ложного обвинения в оппортунизме”, которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства группы “Освобождение труда”! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти “страшные словечки”: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К°), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой “Искры” сказать новое слово (сказанное в свое время сотни раз) в

виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая)²⁵. В ближайшем номере “Искры” жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой. Стремление новой “Искры” под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится пятиться назад, чтобы в далеком прошлом попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только “экономисты”, но и “политики” были “односторонни”, чересчур “увлекались” и пр., и пр. Читая выпренные рассуждения на эту тему в новой “Искре”, чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат?²⁶ Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите “Искру” за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с “экономизмом” стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о “временах экономизма” говорят, как об “окончательно пережитых”, экономизм считают “окончательно похороненным”, увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция “Искры” возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в “Рабочем Деле”? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки “Рабочего Дела”, а за те новые ошибки, которые они делали в своих рассуждениях и в своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в “Рабочем Деле”, а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на “большинство” и “меньшинство”. Вся суть в том, что новая редакция “Искры” стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с современным оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неумение объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флера на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам организационным, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся “практикой”, достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, тактическим.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая “Искра” старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой “Искры” красной нитью проходит та глубокая

“мысль”, что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что “жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение”, что централизм не есть “нечто самодовлеющее”, не есть “талисман всеспасающий” и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса, — но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги), — и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее _____

а См статью Плеханова об “экономизме” в № 53 “Искры”. В подзаголовок этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо “мысли вслух по поводу второго съезда партии” надо, очевидно, читать “по поводу съезда Лиги” или, пожалуй, “по поводу кооптации”. Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмена вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппортунизму, — вопросом о старой (никем, кроме новой “Искры”, не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... “Не согласится ли с нами тов. Александров, — победоносно вопрошает новая редакция “Искры”, — если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?” (№ 56, приложение). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой “Искры” совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неуменее правильно поставить политические задачи, — пошлостью, выдаваемой за философию. Точь-в-точь так же и новая “Искра” оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы, — пошлостью, что-де программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже символическом. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще

единство организации, немислимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, сформулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали формы единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив наполовину эти формы, оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. “Боевое социал-демократическое направление, — говорит тов. Александров, — в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации”. Редакция поучает нас: “Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы” (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, , столб. 1, внизу!), “долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание, — развивающуюся практическую работу партии”. Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба - есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами более высокими, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы — это только формы. Точь-в-точь так же тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы повой “Искры” о “самовоспитании пролетариата”, противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более “глубокое” содержание “пролетарской борьбы”, ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клеветают на пролетариат по вопросу о

неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомысле “Практика” новой “Искры”. “Настоящим образом понятая идея “боевой” централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизирующей деятельность” (углубляющий курсив) “революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при наличности этой деятельности” (и ново и умно); “сама организация, как форма” (слушайте, слушайте!), “может вырастать лишь одновременно” (курсив автора, как и везде в этой цитате) “с ростом революционной работы, составляющей ее содержание” (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т. е. организация) давным-давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! — достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что содержаниеа работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее народные движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А “форма”? “Форма” нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии “ковыряя в носу”. Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием — наше большое место, и она была большим местом еще _____

а Я уже не говорю о том, что содержание нашей партийной работы намечено (в программе и пр.) на съезде в духе революционной социал-демократии лишь ценой борьбы, борьбы о теми самыми антиискровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в вашем “меньшинстве” Интересно также, по вопросу о “содержании”, сравнить, к примеру, скажем, шесть номеров старой “Искры” (№№ 46—51) и двенадцать номеров новой “Искры” (№№ 52—63). Но это когда-нибудь в другой раз.

задолго до съезда, задолго до образования ОК. Незрелость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия, — а тут являются Аксельроды и “Практики” новой “Искры” с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать лишь одновременно с содержанием!

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете углублять вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом!27 — мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. Хвостизм в организационных вопросах представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии анархического индивидуалиста, когда этот последний начинает возводить в систему воззрений, в особые принципиальные разногласия свои (вначале, может быть, случайные) анархические уклонения. На

съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой “Искре” мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же “Практик” новой “Искры”, с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне “как огромная фабрика” с директором, в виде ЦК, во главе ее (№ 57, приложение). “Практик” и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, не знакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной “школе”. Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus, т. е. анархизм “благородного” господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной “фабрикой”, подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему “закрепощением” (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в “колесики и винтики” (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу “формалистов”) замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это — факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 “Искры”, ссылаясь, для вящей убедительности, на мои же собственные слова из “Письма к товарищу”. Ну разве это не “барский анархизм”, разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков оправдывают сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок был делом одной только “доброй воды” того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, “я борьбой и угрозой уйти”: так выразился я в “Письме к товарищу”а, основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают — под видом высших организационных взглядов — анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным,

и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного “процесса” идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном “доверии”. Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на формальном, “бюрократически” (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным “процессом” идейной борьбы.

Редакция новой “Искры” козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что “доверие — вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы” (№ 56, приложение). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, голого доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации “Искры”, я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я не имею права ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я обязан мотивировать свое “доверие” или “недоверие” формальным доводом, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным “доверяю” или “не доверяю”, а признать подотчетность своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан “следовать формально предписанному пути для выражения своего “недоверия”, для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от кружковой точки зрения безотчетного “доверия” до партийной точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и проверки доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. “Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине”, — поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы-де либо “столкуемся” (sic!) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-“фабричного” формализма! А на самом деле — перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к анархическому глубокомыслию, возводящему в принцип социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций, — барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода), — не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого “формально-бюрократического” определения _____

а См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 24. Ред.

партийных способов “столковываться” или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об “истинно социал-демократических” приемах организации.

Вот где прошедший школу “фабрики” пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов интеллигентов. Но по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться требовать исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от “людей верха”, должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой “Искры” в организационных вопросах: это — защита автономизма против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о “незаслуженном невнимании к неискровцам” (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании “беспрекословного повиновения”, горькие жалобы на “помпадурство” и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой “Искры” тесно связана с защитой автономизма. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой “Искры”, что открыто высказаться за него новой “Искре” еще стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывает это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к “принципам” “истинно социал-демократического” (а не анархического?) quasi-централизма новой “Искры” изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о “незаслуженном невнимании к неискровцам”? И разве не автономизм защищали на нашем партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод па съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав Заграничной лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой “Искры” (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом²⁸. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой “Искре”^b, — мне важно здесь отметить несомненную тенденцию защищать автономизм против централизма, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой анализа понятия бюрократизма является противоположение в повой “Искре” (№ 53) “формально-демократического начала” (курсив автора) “формально-бюрократическому”. Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не

разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus демократизм, это и есть централизм versus _____

а Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, “кооптационный” смысл этих воплей.

б Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов опустил именно тот §, который говорит об отношении целого к части ЦК “распределяет силы партии” (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой азбуке, право, неловко как-то останавливаться.

с versus — по отношению к.

автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал- демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, “демократизм”, доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация “Искры”). В эпоху восстановления фактического единства партии и распускания в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является партийный съезд, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех

представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-помалу, не без труда, не без борьбы и не без дрызг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-ом саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёрэ) поставило на очередь дня принципы партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезызвестной книги: “Drei Monate Fabrikarbeiter”^b и один из “героев” Дрезденского съезда) — сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов “Sozialistische Monatshefte” (“Социалистический Ежемесячник”)³⁰ сейчас же “заступился” за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать “новую” точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать,

что тов. Вольфганг Гейне, это — немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в “Социалистическом Ежемесячнике” с неменьшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой “Искре”. Чего стоит одно уж заглавие статьи: “Демократические заметки по поводу инцидента Гёрэ” (№ 4, апрель, “Sozialistische Monatshefte”). И содержание — не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против “посягательств на автономию избирательного округа”, отстаивает “демократический принцип”, протестует против вмешательства “назначенного начальства” (т. е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов народом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей “тенденции к бюрократизму и централизму в

а Герэ был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-ом саксонском округе, но после Дрезденского съезда²⁹ сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правление партии и саксонский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Герэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

б — “Три месяца рабочим на фабрике”. Ред.

партии”, тенденции, которая замечалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо “принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни” (плагиат из брошюры тов. Мартова: “Еще раз в меньшинстве”). Не следует “привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра”, надо предостерегать партию от “доктринерской политики, теряющей связь с жизнью” (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что “жизнь возьмет свое”). “...Если смотреть в корень вещей, — углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне, — если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим в этом ожесточении против ревизионистов (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против “постороннего элемента” (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: Outsidertum), недоверие традиции к тому, что необычно, — безличного учреждения к тому, что индивидуально” (см. резолюцию Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы), “одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии”.

Понятие “дисциплины” внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду. “... Ревизионистов, — пишет он, — упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в “Социалистическом Ежемесячнике” — органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит под контролем партии. Одна уже эта попытка сужения понятия: “социал-демократический”, одно уже это требование дисциплины в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода” (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы), “свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности”. И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать “одну всеохватывающую большую организацию, возможно

более централизованную, одну тактику, одну теорию”, громит требование “безусловнейшего повиновения”, “слепого подчинения”, громит “упрощенный централизм” и т. д. и т. п., буквально “по Аксельроду”.

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и так как в немецкой партии никакие дрызги из-за кооптации не засорили его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в “диктаторстве”, “инквизиторстве” и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский (“Neue Zeit”, 1904, № 28, статья “Wahlkreis und Partei” — “Избирательный округ и партия”). Статья В. Гейне, — заявляет он, — “показывает ход мысли всего ревизионистского направления”. Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к дезорганизации, к извращению “демократического принципа” в анархизм. “Демократия не есть отсутствие власти, — поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе, — демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками”. К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии “массы буржуазных элементов” а усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно “организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат”, именно “организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы”.

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, “автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее _____

а В качестве примера К. Каутский называет Жореса По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям “партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности”.

патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучении от церквля и выискивании ереси, к бесконечным придиркам и дрызгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре”.

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше “патетических декламации” и дрызг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: “Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе”. Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи “страшного слова”: бюрократизм versus (против) демократизма. Нам

говорят, пишет К. Каутский, что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит “постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это

тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот...” Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). “Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (sämtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями”. По “обычному праву” германской партии и раньше отдельные избирательные округа “товарищески договаривались” с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. “Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его...”, перейти к более “точному уставному закреплению (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (größere Straffheit) организации”.

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и “бюрократизма”, тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту буржуазная демократия, — не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее умных и наблюдательных представителей, чем наши господа освобождения? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала, — как и русская, как и всегда, как и везде, — за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, “Франкфуртская Газета”³¹, выступил с громовой передовицей (“Frankf. Ztg.”, 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо _____

a Bannstrahl — анафема. Это немецкий эквивалент русского “осадного положения” и “исключительных законов”. Это — “страшное слово” немецких оппортунистов.

b В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замене молчаливо признаваемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той “сменой”, которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда Ср. речь В. И. Засулич (на съезде Лиги. стр. 66 и след.), которая вряд ли реализует себе все значение происходящей смены.

с “Франкфуртская Газета”, 1904, 7 апреля, № 97, вечерний выпуск. Ред.

какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют “самодержавие” в социал-демократической партии, “партийную диктатуру”, “автократическое господство партийного начальства”, эти “отлучения от церкви”, которыми хотят “как бы наказать весь ревизионизм” (вспомните “ложное обвинение в оппортунизме”), это требование “слепого повиновения”, “мертвящей дисциплины”, требование “лакейского подчинения”, превращения

членов партии в “политические трупы” (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). “Всякая личная своеобразность, — негодуют рыцари биржи при виде антидемократических порядков у социал-демократии, — всякая индивидуальность должна, извольте ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу” на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой “Искры” по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером всех европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условия. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличие порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего мирозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с гг. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь “быть согласным” и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, “согласен” с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, “коренной реформы” ее, но

а Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между гг. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и гг. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по

организационному вопросу”, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой “Искры”, бегло коснувшись спора Каутского с Гейне (№ 64), боязливо обошла вопрос о принципиальных тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение “общих принципов” “критики” (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной “министералистской” тактикой³². Оппортунисты в вопросах организационных, тт. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть “закреплены уставным путем”; они тоже желали бы, безусловно желали бы, “коренной реформы” нашего организационного устава (“Искра” № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала “общими вопросами организации” (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой “Искры”, к автономизму, а признаться в своей принципиальной тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их “принципиальная” позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках, — декламации настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но — дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного “бюрократизма” неизбежно ведут к автономизму, попытки “углубления” и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип анархизма. Высмеивание дисциплины — автономизм — анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от вялой определенной формулировки своих принципов. Точь-в-точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание “ортодоксии”, правоверия, узости и неподвижности — ревизионистская “критика” и министерализм — буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота обиды, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей³³. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы “обижали” до того, _____

а Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка т. Мартова и т. Аксельрода по § 1 неизбежно приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисление себя в партию — есть именно ложный “демократизм”, идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея “бюрократична” в том

смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомыслие — все это наметилось уже в прениях о § I. Тов. Мартов говорит в “Ос. пол.” (стр. 20) о (начавшейся работе мысли” в новой “Искре” Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше будут они “работать” в этом направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дрызг, тем глубже они будут увязать в болоте. Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье “Чего не делать” вторично предостерегал их. я готов-де кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму. — Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не идти? согласиться с Лениным, что кооптация есть одна только дрызга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди! — И показали. Показали всем воочию, что, поскольку у них есть новые принципы, это — принципы оппортунизма.

что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился) тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели “ложным обвинением в оппортунизме” за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходов, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по ею пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы “Искры”. Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с антиискровцами и с “болотом”. А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах с открытым забралом, переобидели такую кучу народа, — нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чутьочку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счета, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя “восстания против ленинизма”а.

Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается “сорвать сердце”, вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу “большинства”, и восклицает при этом: “Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!” (“Искра” № 63, приложение).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой “Искры” совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных, и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-демократии. Как я ни беден, я еще не

дошел до того, чтобы мне приходилось скрывать от публики преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой “Искры” приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский комитет Российской социал-демократической рабочей партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым. И вот, этот Воронежский комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

“В нашей непрестанно растущей партии совершилось в прошлом году крупное и важное для партии событие: состоялся второй съезд РСДРП — представителей ее организаций. Созыв съезда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено далеко несовершенно, и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему предъявила партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд — были арестованы и устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: отчасти потому задача съезда по выработке программы и устава партии исполнена крайне несовершенно, крупные пробелы в уставе, “могущие повести к опасным недоразумениям”, признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные

а Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову (“Ос. пол.”; стр. 68) Тов. Мартов дожидался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять “восстание” против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

деятели РСДРП нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия “Искры”, сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых главным образом Лениным и Плехановым. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. “Искра” сильно изменилась и обещает внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, win работы съезда подлежат пересмотру следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, а потому и не могущими. войти в партию, как непреложные постановления, но съезд выяснил положение дел в партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями приняты во внимание, но многие воздержатся руководиться исключительно ими, ввиду их очевидных несовершенств.

Воронежский комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо отзывался на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, приветствует поворот, совершившийся в “Искре”, сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение дел в партии и в ЦК нас еще не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации партии будет усовершенствована. Ввиду ложных слухов

Воронежский комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского комитета из партии не может быть и речи. Воронежский комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, какой является Воронежский комитет, из РСДРП и каким бы это упреком легло на партию и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к объединению всех сознательных рабочих и социалистов в одну партию. Притом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому Воронежский комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в партию”.

Редакция новой “Искры”, сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитом, часть редакция предпочла опустить.

Стыдно стало.

с) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации “Искры” по вопросу о списках кандидатов в ЦК: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с ОК. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, “болота” и антиискровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дразга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в “меньшинстве” берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике “kill with kindness”. “Меньшинство” занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дразга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на ЦК отбита. Дразга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления пашой партии на “большинство” и “меньшинство”, которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старью деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой “Искры” по организационному вопросу?

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) “отрицается”, уступая место все заполняющей дрязга, но затем начинается “отрицание отрицания” и, “ужившись” кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот “тезис” обогащен всеми результатами “антитезиса” и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove non va il saro* (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем “Еще раз в меньшинстве”. Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала “мир” (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным _____

а Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою все, что относится к кооптации, есть дрязга, все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте и оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход пашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам

освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка.. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. “Партия не вынесла своего первого конгресса”, как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем “Еще раз в меньшинстве”. Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно, конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая “Искра”, вынужденная развить и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая “Искра” учила истинам революционной борьбы. Новая “Искра” учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая “Искра” была органом воинствующей ортодоксии. Новая “Искра” преподносит нам отрывку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая “Искра” заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая “Искра” “поумнела” и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая “Искра” неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В повой “Искре” внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партияа. Какой позор! Как они оскрамили нашу старую “Искру”!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презируя обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей губительностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует пред буржуазной психологией, так же

некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие

а Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно “на дно” полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплывающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестящие и шумиху интеллигентского анархизма.

Приложение

ИНЦИДЕНТ ТОВ. ГУСЕВА С ТОВ. ДЕЙЧЕМ

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым “фальшивым” (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме тт. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § 1, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из тт. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина, был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 “Письма” тов. Павловича). Тов. Дейч обвинил за это сообщение тов. Гусева в “умышленной клевете”, и товарищеский третейский суд признал “сообщение” тов. Гусева “неправильным” (см. резолюцию суда в № 62 “Искры”). После того, как редакция “Искры” напечатала резолюцию суда, тов. Мартов (уже не реакция) выпустил отдельный листок под заглавием: “Резолюция товарищеского третейского суда”, где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также свое послесловие. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет “позорным” “факт подделки списка в интересах фракционной борьбы”. На этот листок ответили делегаты II съезда тт. Лядов и Горин листком под заглавием: “Четвертое лицо в третейском суде”, где они “энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы”, тогда как суд наличности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Тт. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как “недостойное”, поведение тов. Мартова, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся “литература” по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в ЦК). Как я уже указывал в тексте, организация “Искры” совещалась на съезде относительно списка кандидатов в ЦК, каковой список она могла бы сообща предложить съезду. Совещание кончилось расхождением; большинство организации “Искры” приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации “Искры” не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и спровоцированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на “центр” (болото) и на антиискровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы “Искры” против натиска антиискровцев и “центра”, очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к антиискровцам, ни к “центру”, мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили “прямое соглашение” с ними, образовали “компактное большинство”. Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса антиискровцев и “центра”, с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог “коалировать”, т. е. мог иметь их поддержку, но не мог заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагикомизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем “Осадном положении” убийственно ядовитым вопросом: “почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним кому являлся па съезде “Южный рабочий”?” (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами, а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с “Южным рабочим”, ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукэром.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем “гвоздь” большого вопроса о пресловутом “фальшивом” списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация “Искры” раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры тт. Русова, Осипова, Павловича, Дедова. Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени трудно предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма тт. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, причем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок тт. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного *post factum*: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой “стены” между нами не

было, и каждый говорил с любимым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, наряду со списком меньшинства организации “Искры” (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации “Искры” (см. их письмо в тексте § 1, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят, что это — компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

Рассмотрим теперь два следующие вопроса: 1) от кого исходил список: Егоров, Штейн, Попов, Троцкий, Фомин? и 2) почему тов. Мартов глубоко возмущался приписыванием ему такого списка? Чтобы ответить точно на первый вопрос, необходимо было бы произвести опрос всех делегатов съезда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, в особенности, выяснить, какие делегаты партийного меньшинства (не надо смешивать его с меньшинством организации “Искры”) слышали на съезде о списках, вызвавших раскол организации “Искры”? как отнеслись они к обоим спискам большинства и меньшинства организации “Искры”? не предлагали ли и не слышали ли каких-либо предположений или мнений относительно желательного видоизменения списка меньшинства организации “Искры”? К сожалению, эти вопросы не были предложены, по-видимому, и на третьей сессии, которому (судя по тексту решения) осталось даже неизвестным, из-за каких “пятерок” разошлась организация “Искры”. Тов. Белов, например (относимый мной к “центру”), “показал, что он был в добрых товарищеских отношениях с Дейчем, который делился с ним своими впечатлениями по поводу работ съезда, и если бы Дейч вел какую-либо агитацию за тот или другой список, то он сообщил бы об этом и Белову”. Нельзя не пожалеть, что осталось невыясненным, делился ли тов. Дейч на съезде с тов. Беловым впечатлениями по поводу списков организации “Искры”? и если да, то как относился тов. Белов к пятерному списку меньшинства организации “Искры”? не предлагал ли или не слышал ли о каких-либо желательных изменениях в нем? Благодаря невыясненности этого обстоятельства получается то противоречие в показаниях тт. Белова и Дейча, которое уже отметили тт. Горин и Лядов, именно, что тов. Дейч, вопреки своим утверждениям, “вел агитацию в пользу тех или других кандидатов ЦК”, намеченных организацией “Искры”. Тов. Белов показывает далее, что “о циркулировавшем на съезде списке он узнал, частным образом, дня за два до окончания съезда, встретившись с тт. Егоровым, Поповым и делегатами Харьковского комитета. При этом Егоров выразил удивление по поводу того, что его имя помещено в списке кандидатов в ЦК, так как по его, Егорова, мнению, его кандидатура не могла бы встретить сочувствия среди делегатов на съезде, как большинства, так и меньшинства”. Крайне характерно, что здесь говорится, очевидно, о меньшинстве организации “Искры”, ибо среди остального меньшинства партийного съезда кандидатура тов. Егорова, члена ОК и видного оратора “центра”, не только могла, но, по всей вероятности, должна была бы встретить сочувствие. К сожалению, именно о сочувствии или несочувствии тех членов партийного меньшинства, которые не принадлежали к организации “Искры”, мы не узнаем ничего от тов. Белова. А между тем этот-то вопрос и важен, ибо тов. Дейч возмущался приписыванием этого списка меньшинству организации “Искры”, а список мог исходить от меньшинства, не принадлежавшего к этой организации!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услышал об ней каждый из нас. Я, напр., не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул

упоминавшиеся мной кандидатуры Русова, Дедова и других: из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те “списки”, которые прямо ставились на вот в организации “Искры” или на частных собраниях большинства. “Списки” эти большей частью передавались устно (в моем “Письме в редакцию “Искры””, стр. 4, строка 5 снизу, я называю “списком” именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом заносились и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

Раз нет точных данных о происхождении пресловутого списка, остается предположить, что либо неизвестный меньшинству организации “Искры” делегат партийного меньшинства высказался за такую комбинацию кандидатов, которую мы имеем в этом списке, и эта комбинация, в устном и письменном виде, пошла гулять по съезду; либо за эту комбинацию высказался на съезде кто-либо из членов меньшинства организации “Искры”, впоследствии забывший об этом. Более вероятным мне кажется второе предположение, и вот почему: кандидатура тов. Штейна, несомненно, встречала еще на съезде сочувствие меньшинства организации “Искры” (см. в тексте моей брошюры), а к идее о кандидатуре тов. Егорова это меньшинство, несомненно, пришло после съезда (ибо и на съезде Лиги и в “Осадном положении” выражается сожаление о неутверждении Организационного комитета Центральным Комитетом, а тов. Егоров был членом ОК). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, в воздухе, идея о превращении членов ОК в члены ЦК была высказана кем-нибудь из членов меньшинства в частном разговоре и на съезде партии?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то грязь, подвох, нечто нечестное, распространение “заведомо ложных слухов с целью опорочить”, “подделку в интересах фракционной борьбы” и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у тт. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их больное воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство “порочило” их не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписываньем меньшинству “заведомо ложных”, “подделанных” списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в “неправильном сообщении”, это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третейский суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации “Искры” объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации “Искры”, что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич (“с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Тренева” — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро следующего приблизительно содержания:

“Большинство редакции “Искры” просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов”. Мы с Плехановым ответили на этой же записке: “Никаких позорящих слухов мы не слышали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов”. Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объясниться с тт. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, тт. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает, особенно после их заявления, и что вовсе неважно, от меньшинства ли организации “Искры” или от не принадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но тт. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § 1). Письмо это наши уполномоченные, тт. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении “повредить меньшинству” или “опорочить” кого-либо или воспользоваться “подделкой в интересах фракционной борьбы”. Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63—64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, причем делает целый ряд неправильных сообщений (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третейском суде, и тт. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации “Искры” (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), “не было даже и подделано”. Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходивших от тов. Мартова и К° и не встретивших одобрения большинства (см. листок Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против “ложного обвинения в оппортунизме”, возмущался “неправильной характеристикой его политической позиции”, а теперь все и каждый видят, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка, обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

- 1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством криков о “позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы” нельзя не назвать, вместе с тт. Гориним и Лядовым, недостойным.
- 2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: “К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину

судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд”. Подобное правило может послужить хорошим орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинения (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз навсегда относимы были бы к недостойным сплетням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить перед партией в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

---

1 Книгу "Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)" В. И. Ленин готовил в течение нескольких месяцев, тщательно изучая изданные в январе 1904 года протоколы заседаний и резолюции II съезда РСДРП, выступления каждого делегата, сложившиеся на съезде политические группировки, а также документы ЦК и Совета партии. В настоящем томе в разделе "Подготовительные материалы" приводятся ленинские документы ("Набросок конспекта протоколов II съезда РСДРП", "Характеристика делегатов по протоколам", "Группировки и типы голосований на II съезде РСДРП" и др.), свидетельствующие о большом объеме подготовительной исследовательской работы, которую проделал Ленин при создании книги "Шаг вперед, два шага назад". В апреле 1904 года наступает завершающая стадия работы над книгой "Шаг вперед, два шага назад". 8 апреля (н. ст.) Н. К. Крупская в письме одному из членов Нижегородского комитета сообщала: "В конце этого месяца будет готова брошюра Ленина (увесистая, листов 8—9) о съезде и положении дел в партии. Она, надо думать, вполне выяснит позицию большинства, у меня даже есть надежда, что она рассеет несколько ту теоретическую сумятицу, которая теперь царит в партии" (Ленинский сборник XV, стр. 15). В мае 1904 года книга Ленина вышла из печати.

В этом произведении Ленин нанес сокрушительный удар оппортунизму меньшевиков в организационных вопросах. Огромное историческое значение книги состоит прежде всего в том, что в ней Ленин, развивая дальше марксистское учение о партии, разработал организационные принципы пролетарской революционной партии; впервые в истории марксизма дал исчерпывающую критику организационного оппортунизма, показав особую опасность принижения значения организации для рабочего движения.

Книга вызвала злобные нападки со стороны меньшевиков. Плеханов потребовал от ЦК отмежеваться от книги Ленина, а примиренцы в ЦК пытались задержать ее печатание и распространение.

Вопреки всем стараниям оппортунистов, работа Ленина "Шаг вперед, два шага назад" получила широкое распространение среди передовых рабочих России. По данным департамента полиции эту книгу находили при арестах и обысках в Москве, Петербурге, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме, Щиграх, Шавлях (Ковенской губ.) и др.

Книга "Шаг вперед, два шага назад" была вновь издана Лениным в сборнике "За 12 лет" в 1907 (на титульном листе: 1908) году. В предисловии к этому сборнику Ленин писал: "Брошюра "Шаг вперед, два шага назад" вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года)... Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для

понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции” (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 92).

В настоящем томе текст работы печатается по первому изданию книги 1904 года, сверенному с ленинской рукописью, с сохранением внесенных автором дополнений к изданию 1907 года.

2 Конференция 1902 года — конференция представителей комитетов и организаций РСДРП, состоялась 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. На конференции были представлены Петербургский и Екатеринославский комитеты РСДРП, “Союз южных комитетов и организаций РСДРП”, ЦК Бунда и его Заграничный комитет, “Союз русских социал-демократов за границей” и редакция “Искры” (ее представитель, Ф. И. Дан, имел мандат от “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”). По вине организаторов конференции — “экономистов” делегат редакции “Искры” Дан опоздал к началу конференции, а представитель русской организации “Искры” Ф. В. Ленгник вообще не попал на конференцию, хотя в Белосток приехал своевременно; представитель Нижегородского комитета (искровского направления) А. И. Пискунов, приехавший в Белосток раньше Дана, заявил протест по поводу отсутствия на конференции представителей организаций искровского направления и вскоре уехал. “Экономисты” и поддерживавшие их бундовцы намеревались превратить конференцию во II съезд РСДРП, рассчитывая укрепить таким путем свое положение в рядах русской социал-демократии и парализовать растущее влияние “Искры”. Эта попытка, однако, не удалась как из-за сравнительно узкого состава конференции (было представлено только четыре из действовавших в России организаций РСДРП), так и из-за обнаружившихся на конференции глубоких принципиальных разногласий; в частности, с резкими возражениями против превращения конференции в партийный съезд выступал делегат “Искры”, доказывая неправомочность и неподготовленность такого съезда.

На Белостокской конференции были приняты резолюции о конституировании и принципиальная резолюция, предложенная делегатом. ЦК Бунда, с поправками представителя “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (делегат “Искры”, предложивший свой проект принципиальной резолюции, голосовал против проекта бундовца); был также утвержден текст первомайского листка, в основу которого был положен проект, выработанный редакцией “Искры”. (См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 28—31.)

Конференция избрала Организационный комитет для подготовки II съезда партии в составе представителей “Искры” (Ф. И. Дан), “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (О. А. Ерманский) и ЦК Бунда (К. Портной). Вскоре после конференции большинство ее делегатов, в том числе два члена ОК, были арестованы полицией. Новый Организационный комитет для подготовки II съезда РСДРП был образован в ноябре 1902 года в Пскове на совещании представителей Петербургского комитета РСДРП, русской организации “Искры” и группы “Южный рабочий”.

3 “Рабочая мысль” — группа “экономистов”; издавала газету под тем же названием. Газета выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года; редактировалась К. М. Тахтаревым и др. Вышло 16 номеров.

Группа “Рабочая мысль” проповедовала откровенно оппортунистические взгляды. Она выступала против политической борьбы рабочего класса, ограничивая его задачи “интересами минуты”, требованиями отдельных частных реформ, главным образом экономического характера. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, представители “Рабочей мысли” выступали против создания самостоятельной пролетарской партии. Они принижали значение

революционной теории, сознательности, утверждали, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного движения.

Критику взглядов группы “Рабочая мысль” как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статье “Попытное направление в русской социал-демократии”, в книге “Что делать?” (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 240—273 и том 6, стр. 1—192), а также в статьях, опубликованных в газете “Искра”.

4 Редакция меньшевистской “Искры” поместила в приложении к № 57 “Искры” от 15 января 1904 года статью бывшего “экономиста” А. Мартынова, в которой тот выступал против организационных принципов большевизма и делал выпады в отношении В. И. Ленина. В примечании к статье Мартынова редакция “Искры”, делая формальную оговорку о несогласии с некоторыми мыслями автора, в целом одобрила эту статью и согласилась с основными положениями Мартынова.

5 См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 43.

6 Организация революционных народников “Земля и воля” образовалась осенью 1876 года в Петербурге; первоначально называлась “Северная революционно-народническая группа”, с 1878 года известна как общество “Земля и воля”. Ее членами были Марк и Ольга Натансоны, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. Д. и А. Ф. Михайловы, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, А. Д. Обошешев, С. Л. Перовская и другие выдающиеся революционеры-семидесятники. Не отказываясь от социализма как конечной цели, организация “Земля и воля” ближайшей целью выдвигала осуществление “народных требований, каковы они есть в данную минуту”, т. е. требований “земли и воли”. “Само собой разумеется, — говорилось в ее программе, — что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота”, для подготовки которого выдвигались задачи возбуждения “народного недовольства” и “дезорганизации силы государства”. Для агитации среди крестьян землевольцы организовывали деревенские “поселения”, главным образом в земледельческих губерниях Поволжья и черноземного Центра. Они вели также агитационную работу среди рабочих и учащейся молодежи. 6 (18) декабря 1876 года землевольцы организовали известную демонстрацию на Казанской площади в Петербурге. Хотя землевольцы и были связаны с некоторыми рабочими кружками, но они не могли и не хотели возглавить рабочее движение, отрицая, подобно другим народникам, передовую роль рабочего класса. Они не понимали и значения политической борьбы, которая по их мнению отвлекала силы революционеров и могла ослабить их связь с народом.

В отличие от народнических групп первой половины 70-х годов землевольцы создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины. Организация состояла из “основного кружка” и территориальных и специальных групп (для работы в крестьянстве и среди рабочих, “дезорганизаторских” и пр.); во главе “основного кружка” стояла “администрация” (“комиссия”), которая контролировала деятельность групп, снабжала их литературой, средствами и т. п. Устав общества, принятый зимой 1876—1877 года, требовал подчинения меньшинства большинству; безусловного принесения каждым членом на пользу организации “всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже самой жизни”; соблюдения полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации и т. п. В 1878—1879 годах землевольцами было издано 5 номеров журнала “Земля и Воля”.

К 1879 году, под влиянием неуспеха социалистической агитации среди крестьян и усилившихся правительственных репрессий, большинство землевольцев стало склоняться к политическому террору как основному методу борьбы за осуществление своей программы. Разногласия между сторонниками старой тактики (во главе с Г. В. Плехановым) и сторонниками террора (А. И. Желябов и др.) привели к расколу “Земли и воли” на Воронежском съезде (июнь 1879 года); первые организовали общество “Черный передел”, вторые — “Народная воля”.

Чернопередельцы (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, А. П. Буланов и др.) в своих программных требованиях отстаивали в основном платформу “Земли и воли”. В России и за границей (куда в 1880 году эмигрировали Плеханов, Дейч, Засулич, Стефанович и др.) издавались журнал “Черный Передел” и газета “Зерно”. Впоследствии часть чернопередельцев эволюционировала к марксизму (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов создали в 1883 году первую русскую марксистскую организацию — группу “Освобождение труда”), другие, после 1 марта 1881 года (убийство Александра II), примкнули к народовольцам.

7 “Народная воля” — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации “Земля и воля”. Во главе “Народной воли” стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы, вместе с тем, встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию “постоянного народного представительства”, избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. “Народовольцы, — писал В. И. Ленин, — сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось” (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 54).

Народовольцы вели героическую борьбу против царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об “активных” героях и “пассивной” толпе, они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию “Народной воли”.

Неоднократные попытки возродить “Народную волю”, предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции “Народной воли”. После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов “Народной воли” с царизмом. В 1899 году, в “Протесте российских социал-демократов”, он указывал, что “деятели старой “Народной воли” сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория” (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 176).

8 Имеется в виду возникший в 1900 году в Гамбурге инцидент в связи с поведением группы 122 каменщиков, которые, образовав “Свободный союз каменщиков”, занимались во время стачки сдельной работой вопреки запрещению центрального объединения. Гамбургское отделение объединения каменщиков поставило вопрос о штрейкбрехерском поведении социал-демократов, членов группы, в местных партийных организациях, которые передали этот вопрос для разбора в ЦК германской социал-демократии. Назначенный ЦК партийный третейский суд осудил поведение социал-демократов, членов “Свободного союза каменщиков”, но отверг предложение об исключении их из партии.

9 В отвергнутой съездом резолюции С. Зборовского (Костича) предлагалась следующая формулировка § 1 устава партии: “Всякий, признающий программу партии и оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом партии” (“Второй съезд РСДРП. Протоколы”. М., 1959, стр. 281).

10 Членов организации “Искры” на II съезде РСДРП было 16, из них сторонников большинства во главе с Лениным — 9 (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. К. Крупская, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, Н. Э. Бауман, Д. И. Ульянов, П. А. Красиков, В. А. Носков) и сторонников меньшинства во главе с Мартовым — 7 (Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, Л. Д. Троцкий, В. Н. Крохмаль).

11 Авгиевы конюшни — согласно греческой мифологии, обширные конюший царя Элиды Авгия, которые в продолжение многих лет не убирались и были вычищены героем Гераклом, совершившим этот подвиг в один день. Выражение “Авгиевы конюшни” — синоним скопления всякого мусора и грязи или крайней запущенности и беспорядка в делах.

12 Съезд германской социал-демократии 1895 года проходил в Бреслау с 6 по 12 октября (н. ст.). В центре внимания съезда было обсуждение проекта аграрной программы, которую предложила созданная по решению Франкфуртского съезда 1894 года аграрная комиссия. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности в нем сказалась тенденция превратить пролетарскую партию в “общенародную”. Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт, за что их на съезде 1895 года осудили товарищи по партии. Проект аграрной программы на съезде был подвергнут резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы.

13 Это слова Маргариты из “Фауста” Гёте (Маргарита упрекает Фауста за его дружбу с Мефистофелем), которые К. Цеткин привела по памяти в своем выступлении на съезде германской социал-демократии.

14 Имеется в виду статья П. Аксельрода “Объединение российской социал-демократии и ее задачи” (“Искра” № 55 от 15 декабря 1903 года), направленная против организационных принципов большевизма.

15 Речь идет о Г. М. Кржижановском.

16 В. И. Ленин имеет в виду выступление на II съезде РСДРП “экономиста” В. П. Акимова, который, критикуя предложенный “Искрой” проект программы партии, протестовал против того, что слово “пролетариат” стоит в программе не как подлежащее, а как дополнение. В этом, по мнению Акимова, якобы проявилась тенденция обособить партию от интересов пролетариата.

17 Гора и Жиронда — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой—якобинцами—называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

“Социалистической Жирондой” Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, “Горой” — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении.

18 Петербургская “Рабочая организация” — организация “экономистов”, возникла летом 1900 года. Осенью 1900 года произошло слияние “Рабочей организации” с петербургским “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”, который был признан Петербургским комитетом РСДРП. После победы искровского направления в петербургской партийной организации часть петербургских социал-демократов, находившихся под влиянием сторонников “экономизма”, осенью 1902 года откололась от Петербургского комитета и воссоздала самостоятельную “Рабочую организацию”. Комитет “Рабочей организации” занял враждебную позицию по отношению к ленинской “Искре” и ее организационному плану построения марксистской партии. Противопоставляя себя партии, комитет “Рабочей организации” демагогически заявлял, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха борьбы является самодеятельность рабочего класса. Против решений комитета “Рабочей организации”, самовольно выступившего от имени петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, протестовал ряд местных организаций РСДРП. В начале 1904 года, после II съезда партии, “Рабочая организация” прекратила свое существование, влившись в общепартийную организацию.

19 Новый член ЦК - Ф.В.Ленгник, в сентябре 1903 года прибывший из России в Женеву.

20 Вероятно, речь идет о двух предместьях Женевы Carouge и Cluse, где жили сторонники большинства и меньшинства.

21 Базаров — главное действующее лицо романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”.

22 Речь идет о Ф. В. Ленгнике.

23 Имеются в виду статьи Г. В. Плеханова “Забавное недоразумение” (“Искра” № 55 от 15 декабря 1903 года) и “Грустное недоразумение” (“Искра” № 57 от 15 января 1904 года).

24 Имеются в виду взгляды виднейшего представителя “легального марксизма” П. Б. Струве, который в 1894 году выступил с книгой “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России”. Уже в этой ранней работе Струве отчетливо проявились его буржуазно-апологетические воззрения.

Против взглядов Струве и других “легальных марксистов” осенью 1894 года в петербургском кружке марксистов выступил В. И. Ленин с рефератом под названием “Отражение марксизма в буржуазной литературе”. Этот реферат послужил затем основанием для статьи Ленина “Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве”, написанной в конце 1894 — начале 1895 года (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534).

25 Имеется в виду статья Л. Мартова в “Искре” “Так ли мы готовимся?”, в которой он выступил против подготовки всероссийского вооруженного восстания, рассматривая подготовку к такому восстанию как утопию и заговорщичество.

26 В. И. Ленин приводит здесь слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова “Журналист, читатель и писатель” (см. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. 2, 1954, стр. 147).

27 Слова из сатирического “Гимна новейшего русского социалиста”, опубликованного в “Заре” № 1 (апрель 1901 года) за подписью “Нарцис Тупорылов”. В стихотворении высмеивались “экономисты” с их приспособлением к стихийному движению. Автором “Гимна новейшего русского социалиста” был Л. Мартов.

28 Имеется в виду напечатанная 25 февраля 1904 года в “Искре” статья Л. Мартова “На очереди”. В этой статье Мартов ратовал за “независимость” местных партийных комитетов от ЦК РСДРП в решении вопроса о личном составе местных комитетов и напал на Московский комитет, который при обсуждении этого вопроса принял резолюцию о подчинении МК всем распоряжениям Центрального Комитета на основании § 9 устава партии.

29 Дрезденский съезд германской социал-демократии состоялся 13-20 сентября (н. ст.) 1903 года. В центре внимания съезда стоял вопрос о тактике партии и о борьбе с ревизионизмом. На съезде были подвергнуты критике ревизионистские взгляды Э.Бернштейна, П.Герге, Э.Давида, В.Гейне и некоторых других немецких социал-демократов. В принятой съездом подавляющим большинством голосов (288 против 11) резолюции говорилось: “Партийный съезд осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу испытанную, увенчавшуюся победами, основанную на классовый борьбе тактику, в том смысле, чтобы на место завоевания политической власти путем ниспровержения наших противников была поставлена политика уступчивости в отношении существующего строя” (см. “Protokoll ueber die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Dresden vom 13. Bis 20. September 1903”. Berlin, 1903, S. 418). Принятие такой резолюции имело определенное положительное значение. Однако в борьбе с ревизионизмом съезд не проявил достаточной последовательности: ревизионисты германской социал-демократии не были исключены из партии и после съезда продолжали пропаганду своих оппортунистических взглядов.

30 “Sozialistische Monatshefte” (“Социалистический Ежемесячник”) — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного оппортунизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистскую позицию.

31 “Франкфуртская Газета” (“Frankfurter Zeitung”) — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием “Франкфуртская Всеобщая Газета” (“Frankfurter Allgemeine Zeitung”); является рупором западногерманских монополистов.

32 “Министералистская” тактика, “министерализм” (или “министерский социализм”, тоже “мильеранизм”) — оппортунистическая тактика участия социалистов в буржуазных реакционных правительствах. Термин возник в связи с вступлением в 1899 году французского социалиста Мильерана в состав буржуазного правительства Вальдека-Руссо.

33 Имеется в виду написанная Л. Мартовым шуточная “Краткая конституция РСДРП”, помещенная в приложении к его статье “На очереди” (“Искра” № 58 от 25 января 1904 года). Иронизируя по

поводу организационных принципов большевизма и жалуясь на якобы несправедливое отношение к меньшевикам, Мартов в своей "конституции" писал о "заезжателях" и "заезжаемых", подразумевая большевиков и меньшевиков.

Владимир Ленин. «Партийная организация и партийная литература»

(1905)

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, это печальное наследие крепостнической, самодержавной России, - начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что "Известия Совета Рабочих Депутатов" печатаются "нелегально", но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток "запретить" то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна, потому что партийность была под запретом, - но "тяготела" к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные "сожительства", фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось, все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм уже не в силах победить революцию, то революция еще не в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, "дипломатичной", увертливой "легальностью". Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом, - Центральный Орган Российской социал-демократической рабочей партии, "Пролетарий", все же остается за дверью самодержавно-полицейской России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже "легально", быть на 9/10 партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному

карьеризму и индивидуализму, "барскому анархизму" и погоне за наживой, -- социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, "колесиком и винтиком" одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

"Всякое сравнение хромает", говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, "бюрократизирующего" свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело менее всего поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами - все это должно стать партийно-подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; - мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то.

Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и её устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические "очищения" своей партии.

Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной "свободы критики", внутри партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть "свободы" реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде "дополнения" к "святому" сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность).

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, - не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, открыто

связанную с пролетариатом литературу. Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды.

Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения "верхним десяти тысячам", а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача - организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда "социал-демократическая" литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

"Новая Жизнь" №12, 13 ноября 1905 г. Подпись: Н. Ленин

Публикуется по тексту Сочинений В.И. Ленина, 5 изд., том 12, стр. 99-105.

Владимир Ленин. «Задачи отрядов революционной армии»

1) Самостоятельные военные действия.

2) Руководство толпой.

Отряды могли бы быть всяких размеров, начиная от двух-трех человек.

Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.). Ни в каком случае не ждать со стороны, сверху, извне, помощи, а раздобывать все самим.

Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городского, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т.д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т.д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т.д. При энергии организованный, сплоченный отряд громадная сила. Ни в каком случае не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия.

Отряды должны по возможности заранее распределять функции, иногда выбирать заранее руководителя, начальника отряда. Неразумно было бы, конечно, впасть в игру назначения чинов, но нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства, быстрого и решительного действия. Решительность, натиск 3/4 успеха.

Отряды должны немедленно по образованию, т. е. теперь же, взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только, но и непременно практическую также. К теоретической мы относим изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и пр. и пр. вплоть до бывших солдатами рабочих); чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое и т. д. и т. д.

Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно, Они распадаются на подготовительные и на военные операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т.д. или кислот для обливания полицейских и т.д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т.д. и т.д.).

Затем, к подготовительным работам относятся немедленные распознавательные, разведочные работы: узнавать планы тюрем, участков, министерств и пр., узнавать распределение работы в казенных учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые бы могли принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.), узнавать склады оружия, все оружейные магазины города и т. д. Работы тут масса и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч. Надо стараться спланировать теперь же в отряды непременно и безусловно всех, кто хочет участвовать в деле восстания, ибо нет и быть не может такого человека, который при желании работать не принес бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия, даже при личной неспособности к борьбе.

Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям, в целях 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных (арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискации правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки в огне нельзя приобрести годности и к восстанию.

Конечно, всякая крайность нехороша; все благое и полезное, доведенное до крайности, может стать даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их, Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания уже дан, восстание уже начато.

Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов

к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся удобный случай для такой операции, он, этот отряд, оказывается виновным в непростительной бездеятельности, в пассивности, а такая вина есть величайшее преступление революционера в эпоху восстания, величайший позор для всякого, кто стремится к свободе не на словах, а на деле.

Относительно состава этих отрядов можно сказать следующее. Число желательных членов и распределение их функций покажет опыт. Надо самим начать вырабатывать этот опыт, не дожидаясь указаний со стороны. Надо просить, конечно, у местной революционной организации присылки революционера-военного для лекций, бесед, советов, но при отсутствии такового непременно и обязательно делать самим.

Что касается партийных делений, то члены одной партии, естественно, предпочтут соединиться вместе в одни отряды. Но ставить безусловные препятствия вступлению в отряды членов других партий не следует. Именно тут мы должны осуществлять соединение, соглашение практическое (без всякого партийного слияния, разумеется) социалистического пролетариата с революционной демократией. Кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность, тот может быть причислен к революционным демократам, с тем надо стремиться работать над подготовкой восстания вместе (конечно, при наличии полного доверия к лицу или к группе). Всех остальных демократов надо резко отделять, как quasi¹⁸¹-демократов, как либеральных говорунов, на которых полагаться непозволительно, доверчивость к которым со стороны революционеров преступна.

Объединение отрядов между собой, конечно, желательно. Выработка форм и условий совместной деятельности чрезвычайно полезна. Но ни в каком случае не надо при этом впадать в крайность сочинения сложных планов, общих схем, откладывания живого дела ради педантских измышлений и т. д. Восстание неизбежно будет при таких условиях, когда неорганизованные элементы в тысячи раз обширнее организованных; неизбежны такие случаи, когда придется действовать тут же, на месте, вдвоем, одному, и надо готовиться к тому, чтобы действовать за свой риск и страх. Проволочки, споры, оттяжки, нерешительность есть гибель дела восстания. Величайшая решительность, величайшая энергия, немедленное использование всякого подходящего момента, немедленное разжигание революционной страсти толпы, направление ее на более решительные и самые решительные действия таков первейший долг революционера.

Прекрасным военным действием, дающим и ученье солдат революционной армии, боевое крещение им, и громадную пользу приносящим революции, является борьба с черносотенцами. Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.

Владимир Ленин. «О праве наций на самоопределение»

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал в последнее время (как мы уже указывали в “Просвещении”)* целый поход оппортунистов. И русский ликвидатор Семковский в петербургской ликвидаторской газете, и бундовец Либман, и украинский национал-социал Юркевич — в своих органах обрушились на

этот параграф, третируя его с видом величайшего пренебрежения. Нет сомнения, что это “нашествие двенадцати языков” оппортунизма на нашу марксистскую программу стоит в тесной связи с современными националистическими шатаниями вообще. Поэтому подробный разбор поднятого вопроса представляется нам своевременным. Заметим только, что ни единого самостоятельного довода ни один из названных оппортунистов не привел: все они повторяют лишь сказанное Розой Люксембург в ее длинной польской статье 1908—1909 года: “Национальный вопрос и автономия”. С “оригинальными” доводами этого последнего автора мы и будем чаще всего считаться в нашем изложении.

1. ЧТО ТАКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ?

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих “общих понятий” права? Или ответа/надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

Неудивительно, что гг. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделяясь простым хихиканьем по поводу “неясности” марксистской программы и, видимо, даже не зная, в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 года, но и решение Лондонского международного конгресса 1896 года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутрежелезнодорожника буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не “сочиняя” абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы увидим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург пыталась “отделаться” от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского: “Национальность и интернациональность” (приложение к “Neue Zeit” 1, № 1, 1907—1908; русский перевод в журнале “Научная Мысль”, Рига, 19082). Ей известно, что Каутский**, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр “недооценивает силу стремления к созданию национального государства” (стр. 23 цитируемой брошюры). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: “Национальное государство есть форма государства, наиболее соответствующая современным” (т. е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) “условиям, есть та форма, в которой оно всего легче может выполнить свои задачи” (т. е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского. Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит связь несомненного “национального оппортунизма” у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений (“кое-где усиление национального момента”, как выразился Каутский), его “громдного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального” (Каутский), с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в целое теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского.

“...Это “наилучшее” национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности” (“Przegląd Socjaldemokratyczny”, 1908, № 6, стр. 499)

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным “право на самоопределение” мелких народов. “Можно ли серьезно говорить, — восклицает Роза Люксембург, — о “самоопределении” формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры “европейского концерта”?”! (стр. 500). Наилучше соответствует условиям “не государство национальное, как полагает Каутский, а государство хищническое”. Приводится несколько десятков цифр о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, что к чему! Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от

крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии, — это какое-то смешное, детское умничание, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала “богатых” буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в “Капитале”³. Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, прекрасно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний “великих держав” либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит за Каутского, против Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества, и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что “самоопределение нации” в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т. е. классовой пролетарской, точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования “национального государства”, об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением понятия “самоопределения” и должны еще только отметить, что Роза Люксембург знает о содержании этого понятия (“национальное государство”), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, не знают даже и этого!

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 113—150. Ред.

** В 1916 году, готовя переиздание статьи, В. И. Ленин к этому месту сделал примечание. “Просим читателя не забывать, что Каутский до 1909 г до его прекрасной брошюры “Путь к власти” был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910—1911гг, а решительнее всего лишь в 1914—1916 гг.”

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее “тяжелого на подъем” слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитый капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, причем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т. д. и т. п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натываемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором “крепких” словечек против § 9 нашей программы, объявляя его “огульным”, “шаблоном”, “метафизической фразой” и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в марксовском смысле, т. е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века.

Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении, — вы у нее не найдете!

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписка из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартеном, имевшую место в 1315 году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т. п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает ни малейшей попытки определить, какую же историческую стадию развития капитализма переживает Россия в начале XX века, каковы особенности национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как другие разбирали вопрос по-марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неумение пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898 года, доказавшую быстрое “промышленное развитие Польши” с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о праве на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена “Национальный вопрос и автономия” вообще — начинает доказывать исключительное право королевства Польского на автономию (смотри об этом “Просвещение” 1913 г., № 12*). Чтобы подтвердить право Польши на автономию. Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и политическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие “азиатского деспотизма” (№ 12 “Przeład'a”4, стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко докапиталистическим характером, существует национально-отграниченная область с быстрым развитием капитализма, то, чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и докапиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого, — области, связанной с целым не “современно-капиталистическими”, а “азиатско-деспотическими” связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о конкретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

3. КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ЕЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

“...Несмотря на растяжимость принципа “право нации на самоопределение”, который является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий...” (№ 6 “Przeгляд'a”, стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого пункта программы, как “чистейшего общего места”, Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт “очевидно, одинаково применим” к России, Германии и т. д.

Очевидно, — ответим мы, — что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург — сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячьи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз так, — а это, несомненно, так, — то отсюда “очевидно”, что эта программа относится “огульно”, как “общее место” и т. д., ко всем случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится только к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя нас в преподнесении “общего места”, она против нас приводит тот довод, что о самоопределении наций не говорится в программе тех стран, где нет буржуазно-демократических национальных движений. Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут “сравнивать” с западноевропейскими только

полные невежды (подобно князю Е. Трубецкому в “Русской Мысли”), ибо наша программа дает ответ на вопрос о буржуазно-демократическом аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длиннейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего “востока”. И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

“.. В особенности, — пишет она, — программа партии, которая действует в государстве с чрезвычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль, — программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение” (там же).

Итак, читателя хотят убедить “в особенности” примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере, Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) нет факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, антиисторическое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во-2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта “претенция”, как может быть благоволил припомнить Роза Люксембург (столь не любящая будто бы общие места, шаблоны, абстракции...),

разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась за пределами самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849 году, под ударами русского крепостного войска.

Таким образом создается чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне).

Есть ли что-либо похожее в России? Есть ли у нас тяготение “инородцев” к соединению с великорусами под угрозой худшего национального гнета?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы увидеть, до какой степени сравнение России с Австрией по вопросу о самоопределении наций бессмысленно, шаблонно и невежественно.

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великорусы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что “инородцы” (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в-4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в “инородческих” окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Впрочем, даже с чисто фактической стороны утверждение Розы Люксембург, что в программе австрийские с.-д. нет признания права наций на самоопределение, неверно. Стоит открыть протоколы Брюннского съезда, принявшего национальную программу⁵, и мы увидим там заявления русинского с.-д. Ганкевича от имени всей украинской (русинской) делегации (стр. 85 протоколов) и польского с.-д. Регера от имени всей польской делегации (стр. 108) о том, что австрийские с.-д. обеих указанных наций включают в число своих стремлений стремление к национальному объединению, свободе и самостоятельности своих народов. Следовательно, австрийская социал-демократия, не выставя прямо в своей программе права наций на самоопределение, в то же время вполне мирится с выставлением частями партии требования национальной самостоятельности. Фактически это и значит, разумеется, признавать право наций на самоопределение! Ссылка Розы Люксембург на Австрию оказывается, таким образом, во всех отношениях говорящей против Розы Люксембург.

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 143—150. Ред.

4. “ПРАКТИЦИЗМ” В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

С особенным усердием подхватили оппортунисты тот довод Розы Люксембург, что § 9 нашей программы не содержит в себе ничего “практического”. Роза Люксембург так восхищена этим доводом, что мы встречаем иногда в ее статье по восьми раз на странице повторение этого “лозунга”.

§ 9 “не дает, — пишет она, — никакого практического указания для повседневной политики пролетариата, никакого практического разрешения национальных проблем”.

Рассмотрим этот довод, который формулируется еще так, что § 9 либо не выражает ровно ничего, либо обязывает поддерживать все национальные стремления.

Что означает требование “практичности” в национальном вопросе?

Либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: “да или нет” на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную “осуществимость” национальных требований.

Рассмотрим все эти три возможных смысла требования “практичности”.

Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в меру полной демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз против практицизма буржуазии пролетарии выдвигают принципиальную политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию лишь условно. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для своей нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется “практичным”. Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. Требовать от него “практицизма” значит идти на поводу буржуазии, впасть в оппортунизм.

Дать ответ: “да или нет” на вопрос об отделении каждой нации? Это кажется требованием весьма “практичным”. А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами “своей” нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего насчет другой нации.

Пусть это не “практично”, но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны только эти гарантии, а буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций.

Буржуазии интереснее всего “осуществимость” данного требования, — отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление

своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма.

Пусть это не “практично” для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам и националистической буржуазии.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе “непрактична”, с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют “абстрактного” равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому что великорусы в России нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя “практичности” своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее сказать прямое “да”, за отделение такой-то нации, а не за право отделения всех и всяких наций!

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский — единственный, кстати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете!

Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь “практичное” решение, а рабочим важно принципиальное выделение двух тенденций. Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.

Если мы не выставим и не проведем в агитации лозунга права на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму угнетающей нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь “помочь” националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам великорусам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великорусов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание

против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь с стремлением польского буржуа давить еврея и т. д. и т. д.

Это — “непрактично” с точки зрения буржуа и мещанина. Это — единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе.

Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения* требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны “высших” классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

Но идти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства различных наций. Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, не известных заранее. И, не пытаясь “гадать” попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации.

В скачках, которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны. Мы, пролетарии, заранее объявляем себя противниками великорусских привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию.

Гонясь за “практицизмом”, Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и инационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда “непрактична” и с точки зрения великорусов-угнетателей и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те и другие требуют определенного да или нет, обвиняя с.-д. в “неопределенности”). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым

национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении.

Для более конкретного пояснения этой, единственно пролетарской, политики в национальном вопросе мы рассмотрим отношение к “самоопределению наций” великорусского либерализма и пример отделения Норвегии от Швеции.

* Некому Л. Вл. из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. забавно “superklug” (в ироническом переводе на русский “вумный”). “Вумный” Л. Вл. собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: “заселение”, “народ” и т. п.

5. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОПОРТУНИСТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Мы видели, что одним из главных своих “kozyрей” в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равняется поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия.

Первый довод, как неопровержимо указал почти 20 лет тому назад Каутский, сваливает национализм с больной головы на здоровую, ибо, боясь национализма буржуазии угнетенных наций, Роза Люксембург оказывается на деле играющей на руку черносотенному национализму великорусов! Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса:

включает ли или не включает признание национального равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза Люксембург признает принципиальную правильность § 9-го нашей программы. Если нет, значит, она не признает национального равноправия. Уклончивостью и увертками тут делу не поможешь!

Однако лучшей проверкой вышеуказанных и всех подобных доводов является изучение отношения к вопросу различных классов общества. Для марксиста такая проверка обязательна. Надо исходить из объективного, надо взять взаимоотношение классов по данному пункту. Не делая этого. Роза Люксембург впадает как раз в тот грех метафизичности, абстрактности, общего места, огульности и пр., в котором она тщетно пытается обвинить своих противников,

Речь идет о программе российских марксистов, т. е. марксистов всех национальностей России. Не следует ли взглянуть на позицию господствующих классов России?

Позиция “бюрократии” (извиняемся за неточное слово) и феодальных помещиков типа объединенного дворянства общеизвестна. Безусловное отрицание и равноправия национальностей и права на самоопределение. Старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, причем под последней имеется в виду только великорусская. Даже украинцы объявлены “инородцами”, даже их родной язык преследуется.

Взглянем на буржуазию российскую, “призванную” к участию — очень скромному, правда, но все же участию во власти, в системе законодательства и управления “3-го июня”. Что октябристы идут на деле за правыми в данном вопросе, об этом тратить много слов не приходится. К сожалению,

некоторые марксисты гораздо менее внимания обращают на позицию либеральной великорусской буржуазии, прогрессистов и кадетов. А между тем, кто не изучит этой позиции и не вдумается в нее, тот неизбежно впадет в грех абстрактности и голословности при обсуждении права наций на самоопределение.

В прошлом году полемика “Правды” с “Речью” заставила этот главный орган партии к.-д., столь искусный в дипломатическом уклонении от прямого ответа на “неприятные” вопросы, сделать все же некоторые ценные признания. Сыр-бор загорелся из-за всеукраинского студенческого съезда в Львове летом 1913 годаб. Присяжный “украиновед” или украинский сотрудник “Речи” г. Могиланский поместил статью, в которой осыпал самыми отборными ругательствами (“бред”, “авантюризм” и пр.) идею сепарации (отделения) Украины, идею, за которую ратовал национал-социал Донцов и которую одобрил названный съезд.

Газета “Рабочая Правда”, нисколько не солидаризируясь с г. Донцовым, прямо указав, что он национал-социал, что с ним не согласны многие украинские марксисты, заявила, однако, что тон “Речи”, вернее: принципиальная постановка вопроса “Речи” совершенно неприлична, недопустима для великорусского демократа или желающего слыть демократом человека*. Пусть “Речь” прямо опровергает гг. Донцовых, но принципиально недопустимо великорусскому органу якобы демократии забывать о свободе отделения, о праве на отделение.

Несколько месяцев спустя г. Могиланский в № 331 “Речи” выступил с “объяснениями”, узнав из львовской украинской газеты “Шляхи”7 о возражениях г. Донцова, который, между прочим, отметил, что “шовинистический выпад “Речи” надлежащим образом запятнала (заклеймила?) только русская с.-д. пресса”. “Объяснения” г. Могиланского состояли в том, что он троекратно повторил, “критика рецептов г. Донцова” “ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение”.

“Следует сказать, — писал г. Могиланский, — что и “право наций на самоопределение” не является каким-то фетишем (слушайте!!), не допускающим критики нездоровые условия жизни, нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение”.

Как видите, фразы либерала насчет “фетиша” были вполне в духе фраз Розы Люксембург. Было очевидно, что г. Могиланский желал уклониться от прямого ответа на вопрос: признает он или нет право на политическое самоопределение, т. е. на отделение?

И “Пролетарская Правда” (№ 4 от 11 декабря 1913 г.) в упор поставила этот вопрос и г. Могиланскому и к.-д. партии**.

Газета “Речь” поместила тогда (<№ 340) неподписанное, т. е. официально-редакционное, заявление, дающее ответ на этот вопрос. Ответ этот сводится к трем пунктам:

- 1) В § 11 программы к.-д. партии прямо, точно и ясно говорится о “праве свободного культурного самоопределения” наций.
- 2) “Пролетарская Правда”, по уверению “Речи”, “безнадежно смешивает” самоопределение с сепаратизмом, отделением той или иной нации.
- 3) “Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право “отделения наций” от русского государства”. (См. статью: “Национал-либерализм и право наций на самоопределение” в “Пролетарской Правде” № 12 от 20 декабря 1913 г.**)

Обратим внимание сначала на второй пункт заявления “Речи”. Как наглядно показывает он господам Семковским, Либманам, Юркевичам и прочим оппортунистам, что их крики и толки насчет будто бы “неясности” или “неопределенности” смысла “самоопределения” представляют из себя на деле, т. е. по объективному соотношению классов и классовой борьбы в России, простой перепев речей либерально-монархической буржуазии!

Когда “Пролетарская Правда” поставила гг. просвещенным “конституционалистам-демократам” из “Речи” три вопроса: 1) отрицают ли они, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, право на образование самостоятельного национального государства? 2) отрицают ли они, что известное решение Лондонского международного социалистического конгресса 1896 года имеет тот же смысл? и 3) что Плеханов, еще в 1902 г. писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение? — когда “Пролетарская Правда” поставила эти три вопроса, господа кадеты замолчали!!

Они не ответили ни слова, потому что им нечего было ответить. Они молча должны были признать, что “Пролетарская Правда” безусловно права.

Крики либералов на тему о неясности понятия “самоопределения”, о “безнадежном смешении” его с сепаратизмом у с.-д. есть не что иное, как стремление запутать вопрос, уклониться от признания общеустановленного демократией принципа. Если бы гг. Семковские, Либманы и Юркевичи не были так невежественны, они бы посоветились выступить перед рабочими в либеральном духе.

Но пойдем дальше, “Пролетарская Правда” заставила “Речь” признать, что слова о “культурном” самоопределении имеют в программе к.-д. смысл именно отрицания политического самоопределения.

“Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право “отделения наций” от русского государства” — эти слова “Речи” “Пролетарская Правда” не даром рекомендовала “Новому Времени” и “Земщине”⁸, как образец “лояльности” наших кадетов. Газета “Новое Время” в № 13563, не упуская, конечно, случая вспомнить “жида” и сказать всяческую колкость кадетам, заявила, однако:

“Что для эсдеков составляет аксиому политической мудрости” (т. е. признание права наций на самоопределение, на отделение), “то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия”.

Кадеты встали принципиально на вполне одинаковую позицию с “Новым Временем”, заявив, что они “никогда и не брались защищать право отделения наций от русского государства”. В этом и состоит одна из основ национал-либерализма кадетов, их близости к Пуришкевичам, их идейно-политической и практически-политической зависимости от этих последних. “Господа кадеты учились истории, — писала “Пролетарская Правда”, — и знают прекрасно, к каким, выражаясь мягко, “погромообразным” действиям приводило нередко на практике применение исконного права Пуришкевичей “тащить и не пущать””⁹. Прекрасно зная феодальный источник и характер всевластия Пуришкевичей, кадеты тем не менее становятся целиком на почву именно этим классом созданных отношений и границ. Прекрасно зная, как много неевропейского, антиевропейского (азиатского, сказали бы мы, если бы это не звучало, как незаслуженное пренебрежение к японцам и китайцам) в отношениях и границах, созданных или определенных этим классом, господа кадеты признают их пределом, его же не преjdeши.

Это и есть приспособление к Пуришкевичам, раболепство перед ними, боязнь поколебать их положение, защита их от народного движения, от демократии. “Это означает на деле, — писала

“Пролетарская Правда”, — приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы с этими предрассудками”.

Как люди, знакомые с историей и претендующие на демократизм, кадеты не делают даже попытки утверждать, что демократическое движение, характеризующее в наши дни и Восточную Европу и Азию, стремящееся переделать ту и другую по образцу цивилизованных, капиталистических стран, — что это движение должно непременно оставить неизменными границы, определенные феодальной эпохой, эпохой всевластия Пуришкевичей и бесправия широких слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Что вопрос, поднятый полемикой “Пролетарской Правды” с “Речью”, вовсе не был только литературным вопросом, что он касался действительной политической злобы дня, это доказала, между прочим, последняя конференция к.-д. партии 23—25 марта 1914 года. В официальном отчете “Речи” (№ 83, 26 марта 1914) об этой конференции читаем:

“Национальные вопросы обсуждались также особенно оживленно. Киевские депутаты, к которым примкнули Н. В. Некрасов и А. М. Колюбакин, указывали, что национальный вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это было прежде Ф. Ф. Кокошкин указал, однако” (это то самое “однако”, которое соответствует щедринскому “но” — “не растут уши выше лба, не растут”), “что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с “растяжимыми формулами” “политического самоопределения национальностей””

Это в высшей степени замечательное рассуждение на кадетской конференции заслуживает громадного внимания всех марксистов и всех демократов. (Заметим в скобках, что “Киевская Мысль”, видимо, очень хорошо осведомленная и, несомненно, правильно передающая мысли г. Кокошкина, добавила, что он специально выдвигал, конечно в виде предостережения своим оппонентам, угрозу “распада” государства.)

Официальный отчет “Речи” составлен виртуозно-дипломатически, чтобы возможно меньше поднять завесу, чтобы возможно больше скрыть. Но все же в основных чертах ясно, что произошло на кадетской конференции. Делегаты — либеральные буржуа, знакомые с положением дел в Украине, и “левые” кадеты поставили вопрос именно о политическом самоопределении наций. Иначе г-ну Кокошкину незачем было бы призывать к “осторожному обращению” с этой “формулой”.

В программе кадетов, которая, разумеется, была известна делегатам кадетской конференции, стоит именно не политическое, а “культурное” самоопределение. Значит, г. Кокошкин защищал программу от делегатов с Украины, от левых кадетов, защищал “культурное” самоопределение против “политического”. Совершенно очевидно, что, восставая против “политического” самоопределения, выдвигая угрозу “распада государства”, называя формулу “политического самоопределения” “растяжимую” (вполне в духе Розы Люксембург!), г. Кокошкин защищал великорусский национал-либерализм против более “левых” или более демократических элементов к.-д. партии и против украинской буржуазии.

Г-н Кокошкин победил на кадетской конференции, как это видно из предательского словечка “однако” в отчете “Речи”. Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов. Не поможет ли эта победа прояснению умов тех неразумных единиц среди марксистов России, которые тоже начали бояться, вслед за кадетами, “растяжимых формул политического самоопределения национальностей”?

Посмотрим, “однако”, по существу дела, на ход мыслей г-на Кокошкина. Ссылаясь на “предыдущий политический опыт” (т. е., очевидно, на опыт пятого года, когда великорусская буржуазия испугалась за свои национальные привилегии и испугала своим испугом кадетскую партию), выдвигая угрозу “распада государства”, г. Кокошкин обнаружил прекрасное понимание того, что политическое самоопределение не может означать ничего другого, кроме как права на отделение и на образование самостоятельного национального государства. Спрашивается, как следует смотреть на эти опасения г-на Кокошкина с точки зрения демократии, вообще, и с точки зрения пролетарской классовой борьбы, в особенности?

Г-н Кокошкин хочет уверить нас, что признание права на отделение увеличивает, опасность “распада государства”. Это — точка зрения будочника Мымрецов Э.Г. с его девизом: “тащить и не пущать”. С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение уменьшает опасность “распада государства”.

Г-н Кокошкин рассуждает совершенно в духе националистов. На своем последнем съезде они громили украинцев-“мазепинцев”. Украинское движение — восклицал г. Савенко и К° — грозит ослаблением связи Украины с Россией, ибо Австрия украинофильством укрепляет связь украинцев с Австрией!! Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать “укрепить” связь украинцев с Россией тем же методом, который гг. Савенки ставят в вину Австрии, т. е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.?

Рассуждения гг. Савенко и гг. Кокошкиных совершенно однородны и одинаково смешны и нелепы с чисто логической стороны. Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной? Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми послылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности, как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?

Чтобы разъяснить еще более этот, запутываемый либералами (и теми, кто по неразумению перепевает их) вопрос, приведем самый простой пример. Возьмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье, что централизованное демократическое государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демократического государства свободы развода вполне понятна. Реакционеры против свободы развода, призывая к “осторожному обращению” с ней и крича, что она означает “распад семьи”. Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не “распад” семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т. е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т. е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

Несомненно, что политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистического общества, вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации. Но только реакционеры могут давать себя

запугать (или прикидываться, будто они запуганы) подобной болтовней. Кто стоит на точке зрения демократии, т. е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс — “дистанция огромного размера”¹⁰. Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся.

Итак, с какой стороны ни подойти к рассуждениям г-на Кокошкина, они оказываются верхом нелепости и насмешкой над принципами демократии. Но известная логика в этих рассуждениях есть; это — логика классовых интересов великорусской буржуазии. Г-н Кокошкин, как и большинство партии к.-д., — лакей денежного мешка этой буржуазии. Он защищает ее привилегии вообще, ее государственные привилегии в особенности, защищает их вместе с Пуришкевичем, рядом с ним, — только Пуришкевич больше верит в крепостную дубину, а Кокошкин с К° видят, что дубина эта пятым годом сильно надломана, и полагаются более на буржуазные средства надувания масс, например, на запугивания мещан и крестьян призраком “распада государства”, на обман их фразами о соединении “народной свободы” с историческими устоями и т. д.

Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций — одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии.

И российские оппортунисты среди марксистов, ополчившиеся именно теперь, в эпоху третьей июньской системы, против права наций на самоопределение, все эти: ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич, на деле просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями.

Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т. е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями. Развитие капитализма идет и будет идти вперед, так или иначе, и в едином пестром государстве и в отдельных национальных государствах.

Во всяком случае наемный рабочий останется объектом эксплуатации, и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий “своей” национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации.

Мы еще нагляднее можем убедиться в этом, если возьмем конкретный пример отделения Норвегии от Швеции.

* См. Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 337—348. Ред.

** См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 208—210 . Ред.

*** См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 247—249. Ред.

6. ОТДЕЛЕНИЕ НОРВЕГИИ ОТ ШВЕЦИИ

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

“Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции, — в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский “Напшуд”) как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению, — немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской “революции”, которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобию независимости провозгласили “революцией”, было простым проявлением крестьянского и мелкобуржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь “собственного” короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно, было движением, не имеющим решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени и в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции” (“Пшеглонд”).

Это — буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против “Напшуда”¹¹, но на вопрос не отвечает!!

Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы не сказать ни слова по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что “Напшуд”, если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву! Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее “фрака” зверя нет. “Фраками” зовут в просторечии “польскую социалистическую партию”, так называемую революционную фракцию, и краковская газетка “Напшуд” разделяет идеи этой “фракции”. Борьба Розы Люксембург с национализмом этой “фракции” до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме “Напшуда”.

Если “Напшуд” говорит: “да”, Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить: “нет”, совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от “Напшуда”, а, как раз напротив, свою забавную зависимость от “фраков”, свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. “Напшуд”, конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобраться по существу пример Норвегии, раз мы его взяли.

Чтобы разобраться этот пример по-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных “фраков”, а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том, каковы были задачи пролетариата обеих стран при этом отделении.

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих невеликорусских славянских наций с великорусами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о “федерации” Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях в какую форму принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример фактически доказывает обязательность для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались только так, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не “по-русски”. Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский “Напшуд”, ибо она прекрасно понимала, до какой степени бесповоротно опровергает этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть “утопия”, будто оно равняется праву “есть на золотых тарелках” и т. п. Такие фразы

выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее “теории” разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Норвегии голосовали бы, конечно, после отделения за республику*, и если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замять суть дела разговорами не на тему. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классово-борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был идти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограниченностях последней), это неоспоримо.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедовали войну против Норвегии, и так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к “осторожному обращению” с “растяжимыми формулами политического самоопределения наций”, размалевыванием опасностей “распада государства” и уверениями в совместимости “народной свободы” с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни малейшему сомнению, что шведская социал-демократия изменила бы делу социализма и делу демократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей и с “кокошкинской” идеологией и политикой, если бы она не отстаивала помимо равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкинами) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность выигрывала от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегии европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через все перипетии буржуазной политики — вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам! — они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обеих наций в борьбе и против шведской и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже несерьезны попытки, делаемые иногда “фраками”, “использовать” наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии. “Фраки” — не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский социал-демократ никогда не “раскаивался” в сближении и соединении с польскими с.-д. Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д.

является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. “право самоопределения”, конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием “перегибать палку”. Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе российских марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть “польскими националистами навыворот”, а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

* Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

7. РЕШЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА 1896 ГОДА

Решение это гласит:

“Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusste = сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии”*.

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, гг. Семковский, Либман, Юркевич, просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: “самоопределение”.

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее “оригинальной” теории?

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее ссылаться!!

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, недаром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании гг. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы рассчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции,

дочитывая до второй, или никогда не слышал о дебатах в социалистической печати перед Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговолжая даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом — главным образом на страницах журнала немецких марксистов “Die Neue Zeit” — была выражена точка зрения Розы Люксембург, и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом! Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

- 1) Точка зрения “фраков”, от имени которых выступал Геккер. Они хотели, чтобы Интернационал своей программой признал требование независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.
- 2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи. Эта точка зрения тоже потерпела поражение перед Интернационалом.
- 3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю “односторонность” ее материализма. С этой точки зрения, Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты — говорил Каутский — вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и не допускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к интернациональному единству их классовой борьбы.

Мы думаем, что эта резолюция совершенно правильна и что для стран Восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обеих своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи “крестьянской реформы” в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской**.¹²

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и

даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего исключительного революционного значения.

Если ППС (“Польская социалистическая партия”, нынешние “фраки”) пыталась в 1896 году “закрепить” точку зрения Маркса иной эпохи, то это означало уже использование буквы марксизма против духа марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе.

Значило ли это, однако, что Интернационал в начале XX века мог признать излишним для Восточной Европы и для Азии принцип политического самоопределения наций? их права на отделение? Это было бы величайшим абсурдом, который равнялся бы (теоретически) признанию законченного буржуазно-демократического преобразования государств турецкого, российского, китайского; — который равнялся бы (практически) оппортунизму по отношению к абсолютизму.

Нет. Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в национальной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, не по-либеральному, не по-кокошкински, отстаивает равноправие наций, — и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства, на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств.

Именно эту двустороннюю задачу пролетариата формулирует резолюция Интернационала 1896 года. Именно такова, в ее принципиальных основах, резолюция летнего совещания российских марксистов 1913 года. Есть люди, которым кажется “противоречивым”, что эта резолюция в 4-ом пункте, признавая право на самоопределение, на отделение, как будто бы “дает” максимум национализму (на деле в признании права на самоопределение всех наций есть максимум демократизма и минимум национализма), — а в пункте 5-ом предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь “противоречие” могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата выиграла, когда шведские рабочие отстаивали свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство.

* См. официальный немецкий отчет о Лондонском конгрессе “Verhandlungen und Beschluesse des internationalen sozialistischen Arbeiter- und Gewerkschafts-Kongresses zu London, vom 27 Juli bis 1 August 1896”, Berlin, 1896, S. 18 (“Протоколы и постановления международного конгресса социалистических рабочих партий и профессиональных союзов в Лондоне, с 27 июля по 1 августа 1896”, Берлин, 1896, стр. 18. Ред) Есть русская брошюра с решениями международных конгрессов, где вместо “самоопределения” переведено неправильно: “автономия”.

** Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного приросшего к своей куче навоза, что из-за

законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии (Ср. “Историческая Польша и великорусская демократия” Драгоманова) Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П.Б. Струве.

8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Объявляя “утопией” независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, “практичной” Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ конкретного требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение “щупать зуб”, как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность¹³. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

“...Слабый пункт: Польша. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии”¹⁴.

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает общий социалистам господствующим наций (английской и русской) недостаток:

непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от “великодержавной” буржуазии.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — “смелые глупости”. “Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение”. В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в “шляхетско-сонной Польше”. “Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!”¹⁵. Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. “Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства”, — пишет Маркс. По сравнению с “рабочим вопросом” подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866 год. Маркс пишет Энгельсу про “прудоновскую клику” в Париже, которая “объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету и невежество... то они смешны” (письмо от 7 июня 1866 г.).

“Вчера, — пишет Маркс 20 июня 1866 г., — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о “национальностях” и о нашем отношении к нему... Представители “молодой Франции” (нерабочие) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для 9/10 собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией”¹⁶.

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться националистическим предрассудкам, именно: признать “свою” нацию “образцовой нацией” (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство)*.

Но вернемся к вопросу о Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

“Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации”. Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2-го ноября 1867 года.

В письме от 30-го ноября того же года он добавлял:

“Что мы должны советовать английским рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Repeal (разрыв) союза” (Ирландии с Англией, т. е. отделение Ирландии от Англии) — “короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приуроченное к современным условиям. Это — единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу английской партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

... Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.

2. Аграрная революция...”

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полуторачасовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.)¹⁷.

Энгельс отмечает в письме от 20-го ноября 1868 г. “ненависть к ирландцам среди английских рабочих”, а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет: “От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию”.

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

“В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против “Господина Капитала” — даже в ее низшей форме, форме стачки — покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа”¹⁸.

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18-го ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в 11/4 часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

“Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унижительными и для жертв дурного правительства и для представляемого ими народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения; что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той “политики завоевания”, разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный Совет Интернациональной ассоциации рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной ассоциации рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки”¹⁹.

10-го декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

“... Совершенно независимо от всякой “интернациональной” и “гуманитарной” фразы о “справедливости к Ирландии” — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала — прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в “Нью-Йоркской Трибуне” (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал)²⁰. Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии ... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии” (курсив Маркса)²¹.

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

“Утопист” Маркс так “непрактичен”, что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным.

Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. “Несчастье для народа, если он поработил другой народ”. Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий “ирландской нации”, “ирландскому народу” (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классово-борьбы!), проповедует отделение Ирландии от Англии, “хотя бы после отделения дело и пришло к федерации”.

Каковы теоретические посылы этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах своей свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. “Непрактичность” и “неосуществимость” отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию*, лишь бы освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии,

поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и быстрой общественному развитию.

Вышло иначе. И ирландский народ и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь, жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией решается (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были “утопистами”, что они ставили “неосуществимые” национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа (мелкобуржуазный характер движения “фениев” несомненен) и т. п.?

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, донныне сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той “холопской торопливости”, с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать “утопичным” изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии.

* Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. “... С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции “Таймса” о полонофильски” возгласах парижан против России... Г-н Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ”.

9. ПРОГРАММА 1903 ГОДА И ЕЕ ЛИКВИДАТОРЫ

Протоколы съезда 1903 года, принимавшего программу российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы (тем более, что далеко не все из относящейся сюда литературы пользуется благами легальности...). Поэтому остановиться на разборе интересующего нас вопроса на съезде 1903 г. необходимо.

Отметим прежде всего, что, как ни скудна русская с.-д. литература, относящаяся к “праву наций на самоопределение”, все же из нее совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение. Гг. Семковские, Либманы и Юркевичи, сомневающиеся в этом, объявляющие § 9 “неясным” и т. п., только по крайнему невежеству или беззаботности толкуют о “неясности”. Еще в 1902 году в “Заре” Плеханов**, защищая “право на самоопределение” в проекте программы, писал, что это требование, не обязательное для буржуазных демократов, “обязательно для социал-демократов”. “Если бы мы позабыли о нем, или не решились выставить его, — писал Плеханов, — опасаясь затронуть национальные предрассудки наших соотечественников великорусского племени, то в наших устах стал бы постыдной ложью... клич...: “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”” 22.

Это — очень меткая характеристика основного довода за рассматриваемый пункт, настолько меткая, что ее недаром боязливо обходили и обходят “не помнящие родства” критики нашей программы. Отказ от данного пункта, какими бы мотивами его ни обставляли, на деле означает “постыдную” уступку великорусскому национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве всех наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великорусов. Интерес соединения пролетариев, интерес их классовой солидарности требуют признания права наций на отделение — вот что признал в цитированных словах Плеханов 12 лет тому назад; вдумавшись в это, наши оппортунисты не сказали бы, вероятно, так много вздору о самоопределении.

На съезде 1903 г., где был утвержден этот, защищавшийся Плехановым, проект программы, главная работа была сосредоточена в программной комиссии. Ее протоколы, к сожалению, не велись. А именно по данному пункту они были бы особенно интересны, ибо {только в комиссии представители польских с.-д., Варшавский и Ганецкий, пробовали защищать свои взгляды и оспаривать “признание права на самоопределение”. Читатель, который пожелал бы сравнить их доводы (изложенные в речи Варшавского и в заявлении его и Ганецкого, стр. 134—136 и 388—390 протоколов) с доводами Розы Люксембург в ее разобранной нами польской статье, увидел бы полное тождество этих доводов.

Как же отнеслась к этим доводам программная комиссия II съезда, где против польских марксистов выступал больше всего Плеханов? Над этими доводами жестоко посмеялись! Нелепость предложения российским марксистам выкинуть признание права на самоопределение наций была так ясно и наглядно показана, что польские марксисты даже не решились повторить своих доводов на полном собрании съезда!! Они покинули съезд, убедившись в безнадежности своей позиции перед высшим собранием марксистов и великорусских, и еврейских, и грузинских, и армянских.

Этот исторический эпизод имеет, само собою разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно своей программой. Полный разгром доводов польских марксистов в программной комиссии съезда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании съезда — факт чрезвычайно знаменательный. Роза Люксембург недаром “скромно” умолчала об этом в своей статье 1908 года — слишком уже неприятно, видимо, было воспоминание о съезде! Умолчала она и о том, до смешного неудачном, предложении “исправить” § 9-ый программы, которое сделали Варшавский и Ганецкий от имени всех польских марксистов в 1903 году и которого не решались (и не решатся) повторять ни Роза Люксембург, ни другие польские с.-д.

Но если Роза Люксембург, скрывая свое поражение в 1903 году, умолчала об этих фактах, то люди, интересующиеся историей своей партии, позаботятся о том, чтобы узнать эти факты и продумать их значение.

“...Мы предлагаем, — писали друзья Розы Люксембург съезду 1903 года, уходя с него, — дать следующую формулировку седьмому (теперешнему 9-му) пункту в проекте программы:

§ 7. Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства” (стр. 390 протоколов).

Итак, польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой “культурно-национальной автономии”!

Это звучит почти невероятно, но это, к сожалению, факт. На самом съезде, хотя на нем было 5 бундовцев с 5 голосами и 3 кавказца с 6 голосами, не считая совещательного голоса у Кострова, не нашлось ни единого голоса за устранение пункта о самоопределении. За добавление к этому

пункту “культурно-национальной автономии” высказалось три голоса (за формулу Гольдблата: “создание учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития”) и четыре голоса за формулу Либера (“право на свободу их — наций — культурного развития”).

Теперь, когда появилась русская либеральная партия, партия к.-д., мы знаем, что в ее программе заменено политическое самоопределение наций “культурным самоопределением”. Польские друзья Розы Люксембург, следовательно, “борясь” с национализмом ППС, делали это с таким успехом, что предлагали марксистскую программу заменить либеральной программой! И они же при этом обвиняли нашу программу в оппортунизме — удивительно ли, что в программной комиссии II съезда это обвинение встречалось только смехом!

В каком смысле понимали “самоопределение” делегаты II съезда, из которых, как мы видели, не нашлось ни одного против “самоопределения наций”?

Об этом свидетельствуют три следующие выдержки из протоколов:

“Мартынов находит, что слову “самоопределение” нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление” (стр. 171). Мартынов был членом программной комиссии, в которой были опровергнуты и осмеяны доводы друзей Розы Люксембург. По взглядам своим Мартынов был тогда “экономистом”, ярким противником “Искры”, и если бы он выразил мнение, не разделявшееся большинством программной комиссии, он был бы, конечно, опровергнут.

Гольдблат, бундовец, взял слово первым, когда на съезде обсуждался, после комиссионной работы, § 8-ой (теперешний 9-ый) программы.

“Против “права на самоопределение”, — говорил Гольдблат, — ничего возразить нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россией), то ей не мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах” (стр. 175—176).

Плеханов вовсе не брал слова на полном собрании съезда по данному пункту. Гольдблат ссылается на слова Плеханова в программной комиссии, где “право на самоопределение” было подробно и популярно разъясняемо в смысле права на отделение. Либера, говоривший после Гольдблата, заметил:

“Конечно, если какая-либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей партия препятствовать не будет” (стр. 176).

Читатель видит, что на II съезде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что самоопределение значит “лишь” право на отделение. Даже бундовцы усвоили себе тогда эту истину, и только в наше печальное время продолжающейся контрреволюции и всяческого “отреченства” нашлись смелые своим невежеством люди, которые объявили программу “неясной”. Но, прежде чем уделять время этим печальным “тоже-социал-демократам”, покончим с отношением к программе поляков.

На второй (1903 г.) съезд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности объединения. Но со съезда они ушли, после “неудач” в программной комиссии, и последним словом их было письменное заявление, напечатанное в протоколах съезда и содержащее приведенное выше предложение заменить самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, причем, ни входя в нее, ни единого раза после (ни на съезде 1907 г., ни на конференциях 1907 и 1908 гг., ни на пленуме 1910 года), они не вносили ни одного предложения об изменении § 9-го российской программы!!

Это — факт.

И этот факт доказывает наглядно, вопреки всяким фразам и уверениям, что друзья Розы Люксембург сочли исчерпывающими вопрос прения в программной комиссии II съезда и решение этого съезда, что они молча сознали свою ошибку и исправили ее, когда в 1906 году вошли в партию, после ухода со съезда в 1903 году, ни разу не попытавшись партийным путем поднять вопроса о пересмотре § 9-го программы.

Статья Розы Люксембург появилась за ее подписью в 1908 году — разумеется, ни единому человеку не приходило никогда и в голову отрицать право партийных литераторов на критику программы — и после этой статьи равным образом ни одно официальное учреждение польских марксистов не поднимало вопроса о пересмотре § 9-го.

Поэтому поистине медвежью услугу оказывает некоторым поклонникам Розы Люксембург Троцкий, когда, от имени редакции “Борьбы”, пишет в № 2 (март 1914 г.):

“...Польские марксисты считают “право на национальное самоопределение” совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы” (стр. 25).

Услужливый Троцкий опаснее врага! Ниоткуда, как из “частных разговоров” (т. е. попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательств для зачисления “польских марксистов” вообще в сторонников каждой статьи Розы Люксембург. Троцкий выставил “польских марксистов” людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!

Когда в 1903 году представители польских марксистов ушли из-за права на самоопределение со II съезда, тогда Троцкий мог сказать, что они считали это право лишенным содержания и подлежащим удалению из программы.

Но после этого польские марксисты вошли в партию, имевшую такую программу, и ни разу не внесли предложения о пересмотре ее***.

Почему умолчал Троцкий об этих фактах перед читателями своего журнала? Только потому, что ему выгодно спекулировать на разжигании разногласий между польскими и русскими противниками ликвидаторства и обманывать русских рабочих по вопросу о программе.

Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся.

Вот вам бундовец Либман.

“Когда российская социал-демократия, — пишет сей джентльмен, — 15 лет тому назад в своей программе выставила пункт о праве каждой национальности на “самоопределение”, то всякий (!!) себя спрашивал: что собственно означает это модное (!!) выражение? На это ответа не было (!!) Это слово осталось (!!) окруженным туманом. В действительности в то время было трудно рассеять этот туман. Не пришло еще время, чтобы можно было конкретизировать этот пункт —

говорили в то время — пусть он теперь останется в тумане (!!), и сама жизнь покажет, какое содержание вложить в этот пункт”.

Не правда ли, как великолепен этот “мальчик без штанов”²³, издевающийся над партийной программой?

А почему он издевается?

Только потому, что он круглый невежда, который ничему не учился, не почитал даже по истории партии, а просто попал в ликвидаторскую среду, где “принято” ходить нагишом в вопросе о партии и партийности.

У Помяловского бурсак хвастает тем, как он “наплевал в кадушку с капустой”²⁴. Гг. бундисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадушку. Что было какое-то решение международного конгресса, что на съезде собственной партии двое представителей собственного Бунда обнаружили (уж на что были “строгие” критики и решительные враги “Искры”!) полную способность понять смысл “самоопределения” и даже соглашались с ним, какое дело до всего этого гг. Либманам? И не легче ли будет ликвидировать партию, если “публицисты партии” (не шутите!) будут по-бурсацки обращаться с историей и с программой партии?

Вот вам второй “мальчик без штанов”, г. Юркевич из “Дзвіна”. Г-н Юркевич, вероятно, имел в руках протоколы II съезда, потому что он цитирует слова Плеханова, воспроизведенные Гольдблатом, и обнаруживает знакомство с тем, что самоопределение может значить лишь право на отделение. Но это не мешает ему распространять среди украинской мелкой буржуазии клевету про русских марксистов, будто они стоят за “государственную целостность” (1913, № 7—8, стр. 83 и др.) России. Конечно, лучшего способа, чем эта клевета, для отчуждения украинской демократии от великорусской гг. Юркевичи придумать не могли. А такое отчуждение лежит по линии всей политики литературской группы “Дзвіна”, проповедующей выделение украинских рабочих в особую национальную организацию!****

Группе националистических мещан, раскалывающих пролетариат, — именно такова объективная роль “Дзвіна” — вполне пристало, конечно, распространение безбожной путаницы по национальному вопросу. Само собою разумеется, что гг. Юркевичи и Либманы, — которые “ужасно” обижаются, когда их называют “околопартийными”, — ни слова, буквально ни единого словечка не сказали о том, как же они хотели бы решить в программе вопрос о праве на отделение?

Вот вам третий и главный “мальчик без штанов”, г. Семковский, который на страницах ликвидаторской газеты перед великорусской публикой “разносит” § 9-ый программы и в то же время заявляет, что он “не разделяет по некоторым соображениям предложения” об исключении этого параграфа!!

Невероятно, но факт.

В августе 1912 г. конференция ликвидаторов официально поднимает национальный вопрос. За полтора года ни единой статьи, кроме статьи г. Семковского, по вопросу о § 9-м. И в этой статье автор опровергает программу, “не разделяя по некоторым (секретная болезнь, что ли?) соображениям” предложения исправить ее!! Можно ручаться, что во всем мире нелегко найти примеры подобного оппортунизма и хуже чем оппортунизма, отречения от партии, ликвидации ее.

Каковы доводы Семковского, достаточно показать на одном примере:

“Как быть, — пишет он, — если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захотели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские с.-д., голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами против отделения или, чтобы не нарушать “права на самоопределение”, за отделение?” (“Новая Рабочая Газета” № 71).

Отсюда видно, что г. Семковский не понимает даже, о чем речь! Он не подумал, что право на отделение предполагает решение вопроса как раз не центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) отделяющейся области.

Детским недоумением, “как быть”, если при демократии большинство за реакцию, заслоняется вопрос реальной, настоящей, живой политики, когда и Пуришкевичи и Кокошкины считают преступной даже мысль об отделении! Вероятно, пролетариям всей России надо вести борьбу не с Пуришкевичами и Кокошкиными сегодня, а, минуя их, с реакционными классами Польши!!

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л. Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,

Вы пошлите-ка Реада,

А я посмотрю²⁵.

Он посылает Реада-Семковского и позволяет в ежедневной газете, перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло, — от партийности у очень многих даже видных бывших с.-д. не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнять к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала.

* Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом “самоопределения” наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под “самоопределение”). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не “право на” автономию, а самое автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать “право наций на автономию” было бы так же бессмысленно, как и “право наций на федерацию”.

** В 1916 году В И Ленин к этому месту сделал примечание: “Просим читателя не забывать, что Плеханов в 1903 г. был одним из главных противников оппортунизма, далеким от своего печально-знаменитого поворота к оппортунизму и впоследствии к шовинизму”.

*** Нам сообщают, что на летнем 1913 г. совещании российских марксистов польские марксисты участвовали только с совещательным голосом и по вопросу о праве на самоопределение (на отделение) не голосовали совсем, высказываясь против такого права вообще. Разумеется, они имели полное право поступать так и агитировать по-прежнему в Польше против ее отделения Но это не совсем то, о чем говорит Троцкий, ибо “удаления из программы” § 9-го польские марксиста не требовали.

**** См. в особенности предисловие г. Юркевича к книге г. Левинского: “Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині”, Київ, 1914 (“Очерк развития украинского рабочего движения в Галиции” Киев 1914. Ред.).

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896 года, ни о том, что под самоопределением разумеется лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариев разных наций слишком ясно показывает, что не с “краковской”, а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за “сепаратизм”, за мысли об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквях, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который, поработав другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и особенно социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что, как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций (“несчастье” которых состоит иногда в. ослеплении масс населения идеей “своего” национального освобождения), на деле, по объективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема вначале, как специфическая польская, “краковская” узость*, то в настоящее время, когда всюду усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда он направляет политику, — подобная узость становится уже неппростительной. На деле за нее

цепляются оппортунисты всех наций, чуждающиеся идеи “бурь” и “скачков”, признающие оконченным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживет различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились национал-либералы.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия.

А дальше неизбежно рождение великорусских национал-демократов. Один из основателей “народно-социалистической” партии г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке “Русского Богатства” за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы “идеализируем” мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкого предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго**. Пробуждение национализма в угнетенных нациях, столь сильно сказавшееся после 1905 года (напомним хотя бы группу “автономистов-федералистов” в I Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.), — неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом “сепаратистские” стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России.

*****

Статья была уже набрана, когда я получил № 3 “Нашей Рабочей Газеты”, где г. Вл. Косовский пишет о признании права на самоопределение за всеми нациями:

“Будучи механически перенесено из резолюции I съезда партии (1898 г.), который, в свою очередь, заимствовал его из решений международных социалистических конгрессов, оно, как видно из дебатов, понималось съездом 1903 года в том же смысле, какой в него вкладывал социалистический Интернационал: в смысле политического самоопределения, т. е. самоопределение нации в направлении политической самостоятельности. Таким образом, формула национального самоопределения, обозначая право на территориальное обособление, совершенно не касается вопроса о том, как урегулировать национальные отношения внутри

данного государственного организма, для национальностей, не могущих или не желающих уйти из существующего государства”.

Отсюда видно, что г. Вл. Косовский имел в руках протоколы II съезда 1903 года и прекрасно знает действительный (и единственный) смысл понятия самоопределения. Сопоставьте с этим тот факт, что редакция бундовской газеты “Цайт” выпускает г. Либмана для издевательств над программой и объявления ее неясной!! Странные “партийные” нравы у гг. бундовцев... Почему Косовский объявляет принятие съездом самоопределения механическим перенесением, “аллах ведает”. Бывают люди, которым “хочется возразить”, а что, как, почему, зачем, это им не дано.

* Нетрудно понять, что признание марксистами всей России и в первую голову великороссами право наций на отделение нисколько не исключает агитации против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода Мы думаем, поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим “противоречием”, ныне “подогреваемым” Семковским и Троцким.

** Было бы интересно проследить, как видоизменяется, например, национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгард в своей книге “Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat” (“Поляки в Пруссии”; есть русский перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода “крестьянской республики” поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за “польскую” землю Немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в школах) К этому идет дело и в России и по отношению не к одной только Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 “Die Neue Zeit” (“Новое Время”) — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В “Die Neue Zeit” были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: “Критика Готской программы” К. Маркса, “К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.” Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допуски отступления от марксизма. В “Die Neue Zeit” сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX — начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна “Проблемы социализма”, открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

2 “Научная Мысль” — журнал меньшевистского направления, издавался в Риге в 1908 году.

3 См. К. Маркс. “Капитал”, т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 774).

4 “Przegląd Socjaldemokratyczny” (“Социал-Демократическое Обозрение”) — журнал, издавался польскими социал-демократами при ближайшем участии Р. Люксембург в Кракове с 1902 по 1904 год и с 1908 по 1910 год.

5 Имеется в виду съезд Австрийской социал-демократической партии, происходивший в г. Брюнне (Австрия) с 24 по 29 сентября 1899 года. Центральным вопросом порядка дня съезда был национальный вопрос. На съезде были предложены две резолюции, выражавшие разные точки зрения: 1) резолюция ЦК партии отстаивала в общем территориальную автономию наций и 2) резолюция комитета Южно-славянской с.-д. партии, отстаивавшая экстерриториальную культурно-национальную автономию.

Съезд единогласно отклонил программу культурно-национальной автономии и принял компромиссную резолюцию, признававшую национальную автономию в пределах австрийского государства (см. статью В. И. Ленина “К истории национальной программы в Австрии и в России”, Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 313—315).

6 Речь идет о Втором всеукраинском съезде студенчества, состоявшемся во Львове 19—22 июня (2—5 июля) 1913 года; съезд был приурочен к торжествам в честь юбилея Ивана Франко, великого украинского писателя, ученого, общественного деятеля, революционного демократа. В работах съезда принимали участие и представители украинского студенчества России. На съезде с докладом “Украинская молодежь и теперешнее положение нации” выступил украинский с.-д. Донцов, который отстаивал лозунг “самостийной” Украины.

7 “Шляхи” (“Пути”) — орган Украинского студенческого союза, националистического направления; выходил во Львове с апреля 1913 по март 1914 года.

8 “Земщина” — ежедневная черносотенная газета; выходила в Петербурге с июня 1909 по февраль 1917 года; орган крайних правых депутатов Государственной думы.

9 Ленин приводит выражение из очерка Г. И. Успенского “Будка”.

10 Ленин приводит выражение из комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”.

11 “Напшуд” — “Naprzod” (“Вперед”) — газета, центральный орган социал-демократической партии Галиции и Силезии; выходила в Кракове с 1892 г. Газета была выразительницей мелкобуржуазной, националистической идеологии. Ленин характеризовал “Напшуд” как “очень плохой и вовсе не марксистский орган”.

12 Ленин имеет в виду польское национально-освободительное восстание 1863—1864 годов, направленное против гнета царского самодержавия. Непосредственным поводом к восстанию послужил особый рекрутский набор, который решили провести царское правительство и правящие круги Польши в целях массового удаления из городов революционно настроенной молодежи. Вначале восстанием руководил Центральный национальный комитет, сформированный мелкошляхетской партией “красных” в 1862 году. Его программа, содержащая требования национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа, отмены барщины; вознаграждения помещиков за землю из государственных средств и др., привлекла к восстанию самые разнообразные слои польского населения: ремесленников, рабочих, студенчество, шляхетскую интеллигенцию, часть крестьянства, духовенства.

В ходе восстания к нему примкнули элементы, объединившиеся вокруг партии “белых” (партия крупной земельной аристократии и крупной буржуазии), которые стремились использовать восстание в своих интересах и при помощи Англии и Франции добиться выгодной сделки с царским правительством.

Революционная демократия России с глубоким сочувствием относилась к восставшим. Члены тайного общества “Земля и воля”, связанного с Н. Г. Чернышевским, стремились оказать им всяческую помощь. Центральным комитетом “Земли и воли” было выпущено воззвание “К русским офицерам и солдатам”, которое распространялось в войсках, посланных на усмирение восставших. А. И. Герцен и Н. П. Огарев поместили в “Колоколе” ряд статей, посвященных борьбе польского народа, оказывали восставшим материальную помощь.

Благодаря непоследовательности партии “красных”, упустивших революционную инициативу, руководство восстанием перешло к партии “белых”, предавших его. К лету 1864 года восстание было жестоко подавлено царскими войсками.

К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали польское восстание 1863—1864 годов как прогрессивное и относились к нему с большим сочувствием, желали победы польскому народу в его борьбе за национальное освобождение. От имени немецкой эмиграции в Лондоне Маркс написал воззвание о помощи полякам.

13 Ленин имеет в виду воспоминания В. Либкнехта о К. Марксе (см. сборник “Воспоминания о Марксе”, 1956, стр. 92).

14 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 348.

15 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 210—211.

16 К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 148, 178, 178—179.

17 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 464, 480, 488.

18 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 133, 240—241, 233.

19 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 250.

20 “Нью-Йоркская Трибуна” (“The New-York Daily Tribune”) - американская газета, издававшаяся с 1841 по 1924 год. Газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничал К. Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе К. Маркса написано Ф. Энгельсом. В период наступившей в Европе реакции К. Маркс и Ф. Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке прекратилось сотрудничество К. Маркса в газете. Значительную роль в разрыве Маркса с “The New-York Daily Tribune” сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым.

21 К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 230, 231.

22 Ленин цитирует статью Г. В. Плеханова “Проект программы Российской социал-демократической партии”, опубликованную в № 4 “Зари” за 1902 год.

“Заря” — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией “Искры”. Всего вышло четыре номера (три книги) “Зари”: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел - 23 марта нового стиля), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в “Проекте заявления редакции “Искры” и “Зари””, написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333). В 1902

году во время возникших внутри редакции “Искры” и “Зари” разногласий и конфликтов Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование “Зари”), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал “Заря” выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В “Заре” были напечатаны работы Ленина: “Случайные заметки”, “Гонители земства и Аннибалы либерализма”, “Гг. “критики” в аграрном вопросе” (первые четыре главы работы “Аграрный вопрос и “критики Маркса””), “Внутреннее обозрение”, “Аграрная программа русской социал-демократии”, а также работы Г. В. Плеханова: “Критика наших критиков. 4.1. Г-н П. Струве в роли критика марксовской теории социального развития”, “Сант против Канта или духовное завещание г. Бернштейна” и др.

23 Выражение взято из очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина “За рубежом”.

24 В. И. Ленин приводит выражение из произведения Н. Г. Помяловского “Очерки бурсы”.

25 Ленин приводит слова из севастопольской солдатской песни про сражение на речке Черной 4 августа 1855 года во время Крымской войны. Автором песни был Л. Н. Толстой.

+++

Владимир Ленин (Н. Ленин). «Советы постороннего»

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской – это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания, значило бы

отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «*восстание, как и война, есть искусство*».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

- 1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.
- 2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.
- 3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».
- 4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.
- 5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), Поддерживая, во что бы то ни стало, «*моральный перевес*».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит; одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Написано 8(21) октября 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1920 г, в газете «Правда» № 250

Подпись: Посторонний

Владимир Ленин. «Великий почин»

(О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ. ПО ПОВОДУ «КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ»)

Печать сообщает много примеров героизма красноармейцев. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, деникинцами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции. Медленно и трудно идет изживание партизанщины, преодоление усталости и распущенности, но оно идет вперед несмотря ни на что. Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот что является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной Армии, ее возрождения, укрепления, роста.

Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, *коммунистических субботников*. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым.

«Правда» от 17 мая поместила статью тов. А. Ж. «Работа по-революционному (Коммунистическая суббота)». Эта статья так важна, что мы воспроизведем ее полностью:

РАБОТА ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ (КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУББОТА)

Письмо ЦК РКП о работе по-революционному дало сильный толчок коммунистическим организациям и коммунистам. Общий подъем направил многих коммунистов-железнодорожников на фронт, но большинству их нельзя было оставить ответственные посты и отыскать новые способы для работы по-революционному. Сведения с мест о медлительности работы по мобилизации и канцелярская волокита заставили подрайон Московско-Казанской железной дороги обратить внимание на механизм железнодорожного хозяйства.

Оказалось, что по недостатку рабочей силы и слабой интенсивности труда задерживаются срочные заказы и спешный ремонт паровозов. 7 мая на общем собрании коммунистов и сочувствующих подрайона Московско-Казанской дороги был поставлен вопрос о переходе от слов о содействии победе над Колчаком к делу. Вынесенное предложение гласило:

«Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т. е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоеваний революции — работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком».

После некоторых колебаний это предложение было принято единогласно.

В субботу, 10 мая, в 6 часов вечера, как солдаты, явились коммунисты и сочувствующие на работу, построились в ряды и без толкотни были разведены мастерами по местам.

Результаты работы по-революционному налицо. Прилагаемая сводка указывает предприятия и характер работы.

Устранена задерживаемость заказов (срочных) по недостатку рабочей силы и волоките от семи дней до трех месяцев.

Работа происходила при наличии неисправности (легко устранимой) приспособлений, задерживавших отдельные группы от 30 до 40 минут.

Администрация, оставленная для руководства работами, едва успевала подготовить новые, и, может быть, немного преувеличено выражение старика-мастера, что в коммунистическую субботу сделано работы за неделю, против работы несознательных и расхлябанных рабочих.

Ввиду того, что на работах присутствовали и просто искренние сторонники Советской власти и ожидают наплыва таковых на будущие субботы, а также желая других районов взять пример с коммунистов-железнодорожников Московско-Казанской дороги, я остановлюсь подробнее на организационной стороне по сообщениям с мест.

На работах было процентов 10 коммунистов, постоянно работающих на местах. Остальные — занимающие ответственные посты и выборные, от комиссара дороги до комиссара отдельного предприятия, а также профессионального союза, и работающих в управлении и Комиссариате путей сообщения.

Воодушевление и дружность работы небывалая. Когда без ругани и споров рабочие, конторщики, управленцы, охватив сорокапудовый бандаж колеса для пассажирского паровоза, перекачивали его на место, как трудолюбивые муравьи, на сердце рождалось горячее чувство радости от коллективного труда и крепла вера в непоколебимость победы рабочего класса. Мировым хищникам не задушить победителей-рабочих, внутреннему саботажу не дожидаться Колчака.

По окончании работ присутствующие были свидетелями невиданной картины: сотня коммунистов, уставших, но с радостным огоньком в глазах, приветствовала успех дела торжественными звуками Интернационала — и казалось, что эти победные волны победного гимна перельются за стены по рабочей Москве и, как волны от брошенного камня, разойдутся по рабочей России и раскачают уставших и расхлябанных.

А. Ж.

Оценивая этот замечательнейший «пример, достойный подражания», «Правда» от 20 мая в статье тов. Н. Р. под этим заглавием писала:

«Случаи подобного рода работ коммунистов — не редкость. Я знаю о таких случаях на электрической станции и на различных железных дорогах. На Николаевской дороге коммунисты проработали несколько ночей сверхурочно, на подъемке свалившегося в круг паровоза; на Северной дороге, зимой, все коммунисты и сочувствующие проработали несколько воскресений, очищая пути от снега, ячейки многих товарных станций, в целях борьбы с хищениями грузов, совершают ночные обходы станций, — но эта работа была случайной, не систематической. Товарищи казанцы внесли то новое, что делает эту работу систематической, постоянной. «До полной победы над Колчаком», постановили товарищи казанцы, и в этом все значение их работы. Они удлиняют на один час рабочий день коммунистов и сочувствующих на все время военного положения; одновременно они показывают пример продуктивной работы.

Этот пример уже вызвал и должен вызвать дальнейшие подражания. Общее собрание коммунистов и сочувствующих Александровской железной дороги, обсудив военное положение и постановление товарищей казанцев, постановило: 1) Ввести «субботники» для коммунистов и сочувствующих Александровской железной дороги. Первый субботник назначается 17 мая. 2) Организовать коммунистов и сочувствующих в примерные, показательные бригады, которые должны будут показать рабочим, как надо работать и что в действительности можно сделать при нынешних материалах, инструментах и питании.

По словам товарищей казанцев, их пример произвел большое впечатление, и на ближайшую субботу они ожидают на работы значительное количество беспартийных рабочих. Когда пишутся эти строки, в мастерских Александровской дороги сверхурочная работа коммунистов еще не началась, лишь слух о предполагающихся работах прошел, а уже беспартийная масса всколыхнулась, заговорила. «Мы не знали вчера, а то бы мы приготовились и тоже поработали», «в будущую субботу обязательно приду», — раздается со всех сторон. Впечатление, производимое такого рода работами, очень велико.

Примеру товарищей казанцев должны последовать все коммунистические ячейки тыла. Не только коммунистические ячейки Московского узла, — вся партийная организация России должна последовать этому примеру. И в деревнях коммунистические ячейки должны взяться в первую голову за обработку полей красноармейцев, помогая их семьям.

Товарищи казанцы закончили свою работу в первую коммунистическую субботу пением Интернационала. Если коммунистическая организация всей России последует этому примеру и будет неуклонно проводить его в жизнь, — ближайшие тяжелые месяцы будут пережиты Российской Советской республикой при громовых звуках Интернационала всех трудящихся республики...

За работу, товарищи коммунисты!».

«Правда» от 23 мая 1919г. сообщила, что

«17 мая на Александровской железной дороге состоялся первый коммунистический «субботник». 98 человек коммунистов и сочувствующих

проработали, согласно постановлению общего собрания, 5 часов сверхурочно, бесплатно, лишь получив право вторично пообедать за деньги, причем к обеду за деньги же, как рабочим физического труда, было выдано по полфунта хлеба».

Несмотря на то, что работа была слабо подготовлена и слабо организована, все же *производительность труда была выше обычной в 2 — 3 раза.*

Вот примеры:

5 токарей в 4 часа сделали 80 валиков. Производительность по сравнению с обычной 213%.

20 чернорабочих в 4 часа собрали старый материал в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор, по 3 ¹/₂ пуда весом каждая, всего 850 пудов. Производительность по сравнению с обычной 300%.

«Товарищи объясняют это тем, что в обычное время работа надоела, прискучила, а здесь работают с охотой, с воодушевлением. Но теперь стыдно будет в обычное время делать меньше, чем в коммунистический субботник».

«Теперь многие беспартийные рабочие заявляют о своем желании участвовать в субботниках. Паровозные бригады вызываются взять из «кладбища» паровоз в субботник, отремонтировать его и пустить в ход.

Получены сведения, что такие же субботники организуются на линии Вязьма».

О том, как идет работа в эти коммунистические субботники, пишет тов. А. Дьяченко в «Правде» от 7 июня. Приводим главную часть его статьи, озаглавленной «Заметки субботника»:

«С большой радостью собрался я с товарищем отбыть субботний «стаж» по решению железнодорожного подрайона партии и временно, на несколько часов, дать отдых голове, доставив работу мышцам... Нам предстоит работа на деревообделочном заводе дороги. Пришли, увидели своих, поздоровались, пошутили, сосчитали силу — всего 30... А перед нами лежит «чудовище» — паровой котел довольно солидного веса, пудов 600-700, и его-то и нужно нам «переставить», т. е. перекатить чуть ли не 0,5 или 0,3 версты к платформе. Сомнение закрадывается в наши мысли... Но вот мы уже стоим за делом: попросту товарищи подвели под котел деревянные катки, прикрепили две веревки, и работа началась... Подался котел неохотно, но все же пошел. Мы радуемся, нас ведь так мало... ведь этот самый котел тащили чуть ли не две недели рабочие-некоммунисты, числом втрое больше, а он упирался, пока не дождался нас... Работаем час, сильно, дружно под мерные звуки команды: «Раз, два, три» нашего тов. закоперщика, и котел идет да идет. Вдруг, что за оказия? Внезапно, смешно покатился целый ряд товарищей, — это «изменила» веревка в руках наших... Но минутная задержка: на месте ее укрепляем канат... Вечер, уже заметно темнеет, но нам нужно еще одолеть небольшую горку, и тогда работа будет скоро сделана. Трещат руки, горят ладони, нагреваемся, прем вовсю, — и дело спорится. Стоит «администрация» и, смущенная успехом, невольнo тоже берется за канат: помогай! давно пора! Вот на нашу работу засмотрелся красноармеец. В руках его гармоника. Что он думает? Что за люди?»

Что им надо в субботу, когда все сидят по домам? Я разрешаю его догадки и говорю: «Товарищ! Сыграй нам веселую, мы ведь не какие-либо работнички, а настоящие коммунисты, — видишь, как у нас горит работа под руками, не ленимся, а прем». Красноармеец бережно кладет гармошку и скорей спешит к канату...

— «Англичанин мудрец!» — затягивает красивым тенором т. У. Мы вторим ему, и гулко раздаются слова рабочей песни: «Эй, дубинушка, ухнем, подернем, подернем...».

От непривычки мускулы устали, ломит плечи, спину, но... впереди свободный день — наш отдых, успеем выспаться. Цель близка, и после небольших колебаний наше «чудовище» уже почти у самой платформы: подкладываете доски, ставьте на платформу, и пусть этот котел дает работу, которой уже давно ждут от него. А мы гурьбой идем в комнату, «клуб» местной ячейки, обвешанную плакатами, уставленную винтовками, ярко освещенную, и после хорошо спетого «Интернационала» лакомимся чаем с «ромом» и даже хлебом. Такое угощение, устроенное местными товарищами, как нельзя более кстати после нашей тяжелой работы. Братски прощаемся с товарищами и строимся в колонки-ряды. Песни революции оглашают в ночной тишине сонную улицу, мерные звуки шагов вторят песне. «Смело, товарищи, в ногу». «Вставай, проклятьем заклейменный» — несется наша песня Интернационала и труда.

Прошла неделя. Руки и плечи у нас отдохнули, и мы едем на «субботник» теперь уже за 9 верст, делать вагоны. Это — в Перово. Товарищи взобрались на крышу «американца» и звучно и красиво поют «Интернационал». Поездная публика прислушивается и, видимо, удивлена. Мерно стучат колеса, и мы, не успев влезть наверх, висим вокруг «американца» на лестницах, изображая «отчаянных» пассажиров. Вот и остановка, мы уже у цели, проходим длинный двор и встречаем радушного тов. комиссара Г.

— Работа есть, людей-то мало! Всего 30, а выпустить за 6 часов из среднего ремонта нужно чертову дюжину вагонов! Вот стоят размеченные скаты колес, есть не только пустые вагоны, еще и полная цистерна... но ничего, «приспособимся», товарищи!

Работа кипит. Я с пятью товарищами работаю важками, т. е. рычагами. Эти 60 и 70-пудовые колесные пары, под напором наших плеч, двумя важками, направляемые тов. «закоперщиком», живо и лихо перепрыгивают у нас с одних путей на другие. Одна пара убрана, — новая на ее месте. Вот уже всем им есть место, и мы это изношенное старье быстро-быстро по рельсам «сплавляем» в сарай... Раз, два, три, — подхвачены они на воздух железным вертящимся важком, и их уж нет на рельсах. Там, в темноте, идет стук молотков, то быстро, как пчелы, работают товарищи у своих «больных» вагонов. И столярят, и малярят, и крышу кроют, — работа кипит на радость нашу и тов. комиссара. А там понадобились наши руки и кузнецам. В переносном горне лежит раскаленное «правило», т. е. вагонный стержень с крюком, изогнутым неловким толчком. Белый, с искрами он очутился на чугунной плите и ловкими нашими ударами, под глазомером опытного товарища, принимает свою нормальную форму. Он еще бело-красный, а уже на плечах наших быстро-быстро подается к своему месту и с искрами вставлен в железную дыру, — несколько ударов, и он на месте. Лезем под вагон. Там устройство этих сцепок и правил совсем не так просто, как кажется, там целая система с заклепками и спиральной пружиной...

Кипит работа, темнеет ночь, ярче горят факелы. Скоро конец. Часть товарищей «приткнулась» у кучки ободьев и «потягивает» горячий чаек. Свежа майская ночь, и красив на небе серп молодого месяца. Шутки, смех, здоровый юмор.

— Товарищ Г., бросай работу, будет с тебя 13 вагонов!

Но тов. Г. этого мало.
Кончен чай, затанули свои победные песни, идем к выходу...».

Движение в пользу устройства «коммунистических субботников» не ограничивается Москвой.
«Правда» от 6 июня сообщила:

«31 мая в Твери состоялся первый коммунистический субботник. На железной дороге работало 128 коммунистов. В 3 $\frac{1}{2}$ часа погружено и разгружено 14 вагонов, выпущено из ремонта 3 паровоза, распилено 10 сажень дров и произведены другие работы. Интенсивность работы квалифицированных рабочих-коммунистов превосходила обыкновенную производительность в 13 раз».

Затем в «Правде» от 8 июня читаем:

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ

«Саратов, 5 июня. Железнодорожники-коммунисты, откликнувшись на призыв московских товарищей, на общем партийном собрании постановили: работать по субботам в течение пяти сверхурочных часов бесплатно для поддержания народного хозяйства».

* * *

Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каковом заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно).¹ Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 марта на заседании Петроградского Совдепа, — не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка «бернского», желтого, Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть *тоже* период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации

труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарковского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает *только* из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, *только* пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ; во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения; в-третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т. е. к людям, постоянно часть года проводившим по-пролетарски, постоянно снискивающим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои бернского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения складываются не в фантастически-гармоничной, «идеальной», обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистская война, — т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свержает иго капитала, свержает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и

полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного, авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

* * *

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

Один из немногих — вернее даже будет сказать: один из исключительно редких буржуазных демократов Германии, перешедших после уроков 1870-1871 гг. не к шовинизму и не к национал-либерализму, а к социализму, И. Якоби, сказал, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой.² Это справедливо. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией. Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914-1918 годов. Победы империалистов есть бойня миллионов рабочих из-за прибылей англоамериканских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего,

обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн.

Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять — все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции. Обмануть этим себя пролетариат не даст.

А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще немало пережитков крепостничества. Полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским. Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эсеры, верны себе, служа капиталу и сохраняя насквозь лживую аргументацию: до революции пролетариата они упрекали нас в утопизме, а после нее они требуют от нас фантастически быстрого изживания следов прошлого!

Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в *обычные*, т. е. *самые тяжелые*

условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейщины), это — трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громадного повышения производительности труда*, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).³

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса

пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки.⁴ Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаародного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного*, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались *не торгашескими* сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем *чище* очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, оупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к *росткам* коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не

новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер. Нет сомнения, что среди рабочих и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы *не ухаживаем*, как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что *ей* нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров *их* газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе*, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала — все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и *каждой* рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность. Как ни трудно наше продовольственное и производственное положение, все же за полтора года большевистской власти движение вперед *по всему фронту* несомненно: заготовки хлеба поднялись с 30 миллионов пудов (с 1. VIII. 1917 по 1. VIII. 1918) до 100 миллионов пудов (с 1. VIII. 1918 по 1. V. 1919); огородное хозяйство увеличено, недосев хлебов уменьшен, железнодорожный транспорт начал улучшаться, несмотря на гигантские трудности с топливом, и так далее. На этом общем фоне, и при поддержке пролетарской государственной власти, ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм.

* * *

Надо хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина все громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

Всесторонняя поддержка этого почина — первый и главный урок. Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии,

сплошь и рядом сразу уже объявляется «коммуной», — и при этом нередко забывается, что *столь почетное название* надо *завоевать* долгим и упорным трудом, завоевать доказанным *практическим* успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Поэтому вполне правильно, по-моему, решение, созревшее у большинства ЦИК, *отменить* декрет Совнаркома в том, что касается *названия* «потребительских коммун». 5 Пускай будет название попроще, — кстати, и недочеты, недостатки *первых* ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на «коммуны», а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на *плохих* коммунистов. Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из *ходячего* употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или *признавать это наименование лишь* за действительными коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, умение поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность «работать пореволюционному», способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»!

В этом отношении «коммунистические субботники» — самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги *сначала* показали *на деле*, что они способны работать как *коммунисты*, а потом присвоили своему почину название «коммунистических субботников». Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так, чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, *не доказывая* тяжелым трудом и *практическим успехом долгого труда*, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля.

Великий почин «коммунистических субботников» должен быть использован также в другом отношении, именно: для *чистки* партии. Совершенно неизбежно, что в первое время после переворота, когда особенно боязливо относилась масса «честных» и обывательски настроенных людей, когда буржуазная интеллигенция, включая, разумеется, меньшевиков и эсеров, поголовно саботировала, лакействуя перед буржуазией, совершенно неизбежно, что к партии правящей примазывались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов.

В этом отношении мы начали работу давно. Надо продолжать ее неуклонно и неустанно. Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! *Такое* уменьшение числа членов партии есть *громадное увеличение* ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин «коммунистических субботников»: принимать в партию только после полугодового, скажем, «искуса» или «стажа», состоящего в «работе пореволюционному». Такой же проверки потребовать от *всех* членов партии, вступивших позже 25 октября 1917 года и не доказавших особыми трудами или заслугами своей безусловной надежности, верности и способности быть коммунистами.

Чистка партии, связанная с неуклонным *повышением ее требовательности* насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать *аппарат* государственной власти и гигантски приближать *окончательный переход* крестьян на сторону революционного пролетариата.

«Коммунистические субботники», между прочим, пролили необыкновенно яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата. Цэка партии пишет письмо о «работе по-революционному». Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100-200 тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России и на Украине, до 4-х миллионов человек. Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200 000 и 4 000 000 — вот соотношение «зубчатых колес», если позволительно так выразиться. А дальше идут *десятки миллионов* крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату, полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец, весьма немногочисленная — кулаки или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянт. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее верными лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эсера Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлебом. Но *как труженик*, крестьянин — друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещика и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной, многомиллионной массой поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства *на свете еще не бывало*.

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа — и только она — окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

28 июня 1919 г.

Владимир Ленин. «Диалектика стакана»

Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен он для питья,

сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно он сделан из стекла, но зато важно знать, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т.п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т.д.

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться – с поправками – для низших классов школы), берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указующее на разные стороны предмета и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, что истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов. [...]

Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого.

Владимир Ленин (Н. Ленин). «О задачах пролетариата в данной революции»

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, – и *добросовестным* оппонентам, – было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком* всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию

буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентская республика, – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.¹⁸²

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. батр. депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. батр. и крест, депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны»¹⁸³;

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии¹⁸⁴.

10. Обновление Интернационала.

---

¹⁸² Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

¹⁸³ То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

¹⁸⁴ Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться Коммунистической партией.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра»¹⁸⁵.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии» !!

Я нападаю на Вр. правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

---

¹⁸⁵ «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (=«оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К°.во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберг и К° «обижаются»... за кого?— за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

(напечатано 7 апреля 1917 г. в газете «Правда» N 26)

Демоны Владимира Ильича

Михаил Мельниченко¹⁸⁶ «Анекдоты о Ленине»

22 апреля многие наши сограждане, а также граждане других соседних и далеких государств отмечают день рождения Владимира Ильича Ленина. Он, как человек во многом определивший последующее развитие страны, уже при жизни превратился для коммунистов и их противников в персонифицированный символ РКП (б) и нового порядка в целом. Развитию этого восприятия способствовала и политика его последователей.

После смерти Ленина в качестве источника «благодати» для последующих поколений были мумифицированы не только его останки – личность этого человека тоже подверглась своеобразной мумификации, со временем превратившись в перегруженную канонами легенду. Владимир Ильич стал центральной фигурой советского пантеона, на непререкаемый авторитет святости которого опирались его последователи. Центральным положением в советской мифологии определяется и место Ленина в художественном пространстве советского политического анекдота 1920-80-х гг.: миф о Ленине естественным образом породил контрмиф, бытующий в десятках анекдотов.

Культ Ленина начал складываться еще до его кончины, однако лишь после смерти Владимира Ильича было положено начало превращению мифа о нем в гражданскую религию общенационального масштаба. Поскольку на 1920-е годы приходится только начало этого процесса, многие анекдоты данного периода можно воспринимать как анекдоты о реальном политическом деятеле, их появление было живым откликом на наблюдаемые анекдотчиками явления, а не реакцией на вдалбливаемый на протяжении многих десятилетий миф. Безвестные носители анекдотической традиции исходили из своего понимания происходящего, и создание анекдотического образа отражало сравнительный идеологический плюрализм того времени и неразработанность советской мифологии.

Первые анекдоты о Ленине появились, скорее всего, уже в период Гражданской войны, но в доступных нам источниках первая запись анекдота относится к январю 1921 года:

---

¹⁸⁶ <http://polit.ru/article/2007/04/22/anekdoty/1346106897000/>

Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бома, которые то портрет Троцкого "повесят", то изображение Ленина "поставят к стенке", то, будто бы, – один в белом, а другой в красном балахонах, заводят борьбу перед тронем, на котором лежат атрибуты царской власти, и в разгаре борьбы не увидят, как некто "в пейзаж" восседет уже на трон, а когда им резонер, артист того же цирка, скажет, указывая на занятый трон "Что вы деретесь попусту, – разве не видите?" – они отвечают: "Мы то видим, а вот эти дураки чего смотрят?", – и при этом показывают пальцем на гогочущую толпу цирка. И много такого рассказывают про Бима и Бома, но я не верю, что они могут безнаказанно так острить. Вероятно, это выдумки тех таинственных остряков, которые сочиняют анекдоты.

(Окунев Н. Дневник москвича (1917-1924). М., 1997. Т 2. С. 104.)

Предположение автора скорее всего является истиной: а) Бим и Бом являются героями нескольких революционных анекдотов, бытовавших на пространстве от Москвы до Киева; б) данный сюжет вошел в анекдотический фольклор, и в последующих записях Бим и Бом в нем не фигурируют; в) маловероятно, что популярный клоунский дуэт, организованный И.С. Радунским, смог бы существовать до 1946 года и стать классикой советского циркового искусства, начав карьеру со столь откровенно «контрреволюционных» острот (подробнее о Биме и Боме см.: Радунский И.С. Записки старого клоуна. М., 1954.).

Удельный вес анекдотов о Ленине в общей массе анекдотов этого периода не очень велик. В силу упомянутой ранней стадии создания мифа Ленин воспринимается не как соратник Маркса в рамках триады МАРКС-ЭНГЕЛЬС-ЛЕНИН, а как его бесталанный ученик, его «барахло» или «дивиденд на Капитал»:

Будто Маркса только-только пустили в рай, а до этого он где-то блуждал в просторах. За ним уцепился и Ленин. На воротах стоп – не пускают.

– Да я его ученик!

Нет, нельзя, обожди. Тогда один из сторожей «из наших» додумался.

– Лезь, говорит, в мешок.

Ленин полез. Тогда тот подал мешок через ворота:

– Там прошел Маркс – так это его барахло. Передайте!

(Ефремов И. Щоденники. 1923-1929. Київ. 1997. С. 62.)

Зато Владимир Ильич был частью другого анекдотического содружества и в анекдотическом пространстве часто выступал дуэтом с Троцким. Что характерно, эти два персонажа не противопоставлялись (разве что по этническому признаку: «Российскую республику назвали РСФСР, чтобы название одинаково читали Ленин (слева направо) и Троцкий (справа налево)» (Соколова Н. Краткий курс: материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // Огонек. 1991. №1. С. 30.)), как будет в текстах позднего периода, а являлись двумя половинками определенного политического образования, ёмкая характеристика которому была дана в 1924

году одной украинской крестьянкой: «Раньше был один царь, теперь два: Ленин и Троцкий!» (Ефремов. С. 62.).

Приехал к Троцкому отец, ортодоксальный еврей – посмотреть как сынок живет. Тот повел его в Кремль:

– А это что такое?

– Кремль.

– А, Кремул («магазин» по-еврейски) – это хорошо.

Заходят во дворец, смотрят портреты.

– Ну, это ты – хорошо. А это кто? – и показывает на Ленина.

– Да, гой один...

– Как же сюда гой попал?

– Да патент на торговлю взят на его имя!

(Ефремов. С. 63.)

– Что-то Троцкий и Ленин потолстели.

– Да нет. Это они щеки надули.

– Зачем?

– Изю всех сил раздувают пожар мировой революции.

(Соколова. С.30.)

Именно сюжеты, в которых Ленин выступает совместно с Троцким, представляются нам наиболее ранними, бытовавшими еще до смерти Владимира Ильича (во всяком случае – до отчетливой опалы Троцкого). Отчасти это предположение подтверждается тем, что до 1925 года в источниках не содержится ни одного анекдотического текста, в котором живой Ленин не являлся бы спутником Троцкого, за исключением анекдотов, посвященных болезни Владимира Ильича:

Двое спорят о вере.

– Бога нет, – говорит один. – Сколько я его хулил, а до сих пор голова у меня цела, руки работают, ноги ходят. Если Бог есть – почему же он это стерпел и не покарал меня?

– Станет Бог на такую козявку обращать внимание! – отвечает другой. – А вот ваш главный уже и без руки и без ног и без головы лежит.(Ефремов. С. 63.)

– Какая болезнь у Ленина?

– Пара-Ильич.

(Современный советский анекдот // Воля России. 1925. №2. С. 56.)

а также текстов, героем которых мог быть и Ленин, и Троцкий – в зависимости от желания рассказчика:

Приставили к Ленину красноармейца. Новенького. Ленин ему и говорит: вот что, брат. Разбуди меня завтра ровно в 7 часов. – Слушаюсь-с... ваше... Пришло утро. Идет Красноармеец к двери. Без 1/4 7. Как его назовешь? Шепчет: Ваше сиятельство... господин Ленин... Нет, не сиятельство... Ваше благородие... Нет, тьфу ты. Какое благородие, когда он пролетарий. Товарищ? Нет, какой он мне товарищ! Ваше.. Батюшки! Семь часов! – Как угорелый летит красноармеец к двери, но все еще не знает, как же его назвать? Благим матом кричит: – Вставай, проклятьем заклейменный! Вставай!

(Кускова Е. Воспоминания. "Современные записки" N XII, Париж. 1922 г. С. 147. в записи 1925 года (Современный советский анекдот. С. 52.) героем этого анекдота является Троцкий).

Характерно, что в анекдотах этой поры Троцкий предстает равновеликим Владимиру Ильичу персонажем. Этот анекдотический дуэт будет разорван не смертью Ленина в 1924 году («Ленин прислал Троцкому вызов: оказавшись на том свете, вызываю сделать то же самое т. Троцкого». (Ефремов. С. 93.)), а позже – во времена, когда из соображений безопасности имя Троцкого как одного из большевистских вождей будет забыто большинством советских людей.

Анекдоты о Ленине после 1924 года – это анекдоты уже о мертвом человеке или о последовавших за его смертью событиях, в основном, о проводах Ильича в последний путь:

Кого из знаменитых актеров провожали в последний путь наибольшим освистанием?

– Ленина (по всему СССР звучали свистки и гудки).

(Ефремов. С. 114.)

Особой любовью со стороны рассказчиков анекдотов пользовался слух о том, что во время спешного возведения первого здания Мавзолея была повреждена канализационная труба и помещение, в котором находился саркофаг, заполнилось нечистотами. Существует легенда, что патриарх Тихон якобы сказал по этому поводу: «По мощам и елей». Помимо этой фразы, ставшей частью самостоятельного анекдота, существовало еще несколько текстов, часто рифмованных, обыгрывавших этот случай. На этом же сюжете строится один из анекдотов про Ленина и Троцкого, возникших уже после 1924 года.

Угас российский наш Мессия

И благодарная Россия

Под звуки пушек и мортир

Спустила труп его в сортир.

(Ефремов. С. 99.)

Николай почил – в Бозе,

А наш Ленин – в навозе.

(Ефремов. С. 99.)

Удивительная участь наших вождей революции. Один пребывает в сухом кале («Сухум-Кале» – турецкое название г. Сухуми в 1724-1810. Речь идет о Троцком, которого смерть Ленина застала на отдыхе в этом городе), другой – в мокром кале.

(Ефремов. С.114.)

Тезис о том, что анекдоты о Ленине двадцатых годов – это анекдоты уже о мертвом человеке, можно сформулировать категоричнее: смерть Владимира Ильича в анекдотическом пространстве является его основным достижением. В значительной части известных тестов она рассматривается как почин – как первая смерть в желательном ряду:

Коммунист спрашивает еврея:

– Скажите, Баржанский, а кого бы Вы хотели на место Ленина?

– Ой, я хотел бы, чтобы вы все были на месте Ленина.

(Воля России. С. 55.)

При сборе пожертвований на фонд имени Ленина стоит огромная очередь, состоящая главным образом из лавочников. Подходит гражданин и спрашивает у одного из них

– Скажите, Тит Титыч, почему вы так расщедрились на ленинский фонд?

– Почин дороже денег!

(Воля России. С. 55.)

Возле мавзолея Ленина появилось несколько фигур, ходят, оглядываются, измеряют. Часовой им:

– Что делаете?

– А разве не видите?

– Документы!

Документы в порядке. Ходят, меряют.

– А зачем это вам? – спрашивает часовой.

– Да, видите, гражданин, тут не порядок: один такую большую площадь занимает, а тут её на целый Совнарком хватит!

(Ефремов. С. 84.)

Вторым узловым событием на пути к увековечиванию памяти о Ленине, безусловно, можно считать переименование Петрограда в Ленинград. Борьба с мифологизацией нашла свое отражение в целой серии едких и остроумных текстов:

По поводу переименования Петербурга в Ленинград у нас острили, что будет выпущен декрет, по которому полное собрание сочинений Пушкина будет переименовано в полное собрание сочинений Ленина.

(Воля России. С. 56.)

Нет больше сифилиса! В признание революционных заслуг Ильича, сифилис переименовывается в «Первую Красную болезнь имени Ленина».

(Ефремов. С. 114.)

Ленин прислал с того свету телеграмму Рыкову "Прошу переименовать Ленинград обратно в Петербург или Петроград. А то столкнулся тут с Петром и его дубинкой – понимаете, чего мне стоила ваша придумка! Смилуйтесь, пожалуйста!"

(Ефремов. С. 92.)

Стоит отметить, что анекдоты двадцатых годов более богаты оценками (зачастую очень критическими) исторической роли Ленина, нежели анекдоты последующих лет. В материале только этого периода можно увидеть метафорическое пожелание повешения или обезглавливания Ленина, параллель между делом Ленина и воровством:

В Петербурге воры, дочиста ограбив ювелирный магазин, оставили записку:

«Ленин умер, но дело его живет».

(Воля России. С. 56.)

На каком-то митинге оратор риторично спрашивает:

– Ленин... Знаете ли вы – кто такой был Ленин? Вор...

Крики возмущения, угрозы арестовать.

– Ша! - продолжает оратор. – Ленин действительно был ВОР: вождь октябрьской революции.

(Ефремов. С. 84.)

От 30-50-х годов до нас дошли считанные сюжеты анекдотов о Ленине. Причины этого очевидны: «идеологическое одеяло» в этот период очень активно тянул на себя сменивший В.И. Ленина на посту главы советского государства И.В. Сталин. Сталинская политика идеологической централизации была непредставима без перехода к нему роли Вождя и персонифицированного символа социалистической системы, а его репрессивная политика значительно сузила не только круг адресатов и адресантов политических анекдотов, но и возможность письменной фиксации анекдотических текстов. Эти изменения серьезно повлияли и на иерархию персонажей в анекдотическом пространстве.

Именно к этому периоду относится последний известный анекдот, в котором Ленин и Троцкий представляют собой некоторое политическое единство, причем единство противопоставленное Сталину, оппозиционное и очевидно гонимое:

Троцкий, находясь в изгнании, в Турции, ловил рыбу. Мальчик, продававший газеты, решил над ним подшутить:

– Сенсация! Сталин умер!

Но Троцкий и бровью не повел:

– Молодой человек, – сказал он разносчику, – это не может быть правдой. Если бы Сталин умер, я уже был бы в Москве.

На следующий день мальчик снова решил попробовать. На этот раз он закричал:

– Сенсация! Ленин жив!

Но Троцкий опять не попался на эту уловку.

– Если бы Ленин был жив, он бы сейчас был бы здесь, рядом со мной.

(Lyons E. Red Laughter // Moscow Caroussel. N-Y.1935. P. 328.)

Вообще, для анекдота этого времени не характерно признание преемственности Сталинской власти и восприятие его политики как продолжение Ленинского курса:

Спрашивают армянина:

– Что такое Сталин?

– Маркса знаешь?

– Слышал.

– Ленина Знаешь?

– Слышал.

– Ни на то, ни на другое не похожий.

(Антисоветские анекдоты. Буэнос-Айрес, 194?. С.48.)

Отсутствие этой связи в головах анекдотчиков объясняется, судя по всему, как возникавшими ретроспективно представлениями об объективных политических противоречиях, так и обостренным вниманием к личности нового вождя и постоянным попыткам представить его деятельность как кульминационный момент развития человечества. Легенда, создаваемая о Сталине, не подразумевала наличия равновеликих ему предшественников – и, несмотря на то, что богом-демиургом советского космоса оставался Владимир Ильич, главой «действующего» пантеона являлся Сталин.

Сталина спросили, кого он считает наиболее гениальным и великим в истории человечества.

Он ответил:

– Передо мной был Великий Петр, а гениальным Ленин.

(Антисоветские анекдоты. С 52.)

На период правления Сталина Ленин в художественном пространстве советского анекдота не просто задвинут на задний план - его присутствие прослеживается скорее в форме косвенных символов – собрания сочинений или памятников. По сути, он сам превращается в атрибут, что отразилось, например, в таком анекдоте первых послесталинских лет:

В мавзолей вошел иностранец и с ним грузин. Иностранец спрашивает, указывая на Сталина:

– Кто этот, усатый? Грузин отвечает:

– Это наш великий учитель, гений всех времен и народов товарищ Сталин.

– А этот, маленький, рядом? – указывает иностранец на Ленина.

– Это его орден Ленина, – отвечает грузин.

(Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим: Экспресс, 1985. С. 219.)

Как и в анекдотах двадцатых годов, Ленин воспринимается как персонаж мёртвый, неразрывно связанный с миром загробным. Опять же, смерть Владимира Ильича определяется как прецедент

с неоднократной возможностью повторения: в то время как Сталин прокладывал дорогу в коммунизм, Ленин пошел по альтернативной дороге – на тот свет, и каждый, кто не может или не хочет идти за Сталиным, имеет реальные шансы отправиться за Лениным:

Приснился Сталину Ленин.

– Как дела?

– Ничего, хоть и трудно, но за мной идут.

– Ты им хлеба прибавь, а то все за мной пойдут.

(Штурман, Титкин. С. 211.)

После XX съезда высшее советское руководство стремилось продемонстрировать свою преемственность не со скомпрометированным Сталиным, а напрямую – с Владимиром Ильичем Лениным. Относительная демократизация, смягчение репрессивной политики и декларировавшееся возвращение к «ленинским нормам», противопоставлявшимися культу личности, дало мощный стимул возвращению Ленина в анекдот.

Образ Ленина приобретает в этот период ряд новых черт, и анекдотический подход к нему как к первому крупному представителю Советского Союза на том свете сменяется целым рядом новых сюжетов, которые объединяет насыщенность клишированными формулами, почерпнутыми из официальной легенды. Именно в шестидесятые годы в образе Ленина плотно закрепляются такие черты, как любовь к детям, манера хитро щурить глаза, плохо выговаривать некоторые буквы, забираться на броневик и т.д.

Как в общественном сознании, так и в анекдотическом пространстве из последователя Маркса и Энгельса Ленин превращается в равноценного участника этой политической Троицы, первого настоящего коммуниста – объекта для подражания. Ленин проявляет в себе ряд сказочных функций и надчеловеческих способностей:

– Василь Иванович, а ты бутылку водки выпить можешь?

– Могу, Петька ...

– А две?

– Тоже могу

– А ведро?

– Нее, Петька, это только Ильич могёт!

(Советский анекдот: антология. М, 1991. С. 37.)

Поступки, обычные для любого нормального человека, ставятся ему в заслугу. Самый классический пример подобного подхода – слезное умиление Крупской от того, что Ленин в свое время не тронул проходившего мимо мальчика (этот анекдот известен в разных вариантах):

Из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской (для детей).

– Дорогие дети! Всем известна великая доброта Ленина. Вот я вам расскажу такой случай. Однажды Владимир Ильич решил побриться, а рядом маленький мальчик стоял. Ленин бритвочку точит, а сам на мальчика поглядывает. Вот Ленин побрился, кисточку вымыл и опять бритвочку точит, на мальчика поглядывает. Потом бритвочку вытер и... положил ее в футлярчик. А ведь мог бы и полоснуть!

(Штурман, Тиктин. С. 207.)

Анекдоты этого периода, вторя идеологической линии, представляют Ленина как эталонного персонажа, неиссякаемый источник благодати. Осененность именем Ильича – индикатор верного пути: не случайно в одном из текстов Брежнев предпочитает отдающему «культу личности Сталина» величанию «Вождем, Гением всех времен и народов и Отцом родным» скромное и внешне демократическое обращение «Ильич» – тем самым, он претендует на высшую ступень в иерархической лестнице советских авторитетов.

Особой темой для анекдотов рубежа 60-70-х годов являлись собственно мероприятия, связанные с празднованием юбилея – явление, охарактеризованное безымянными анекдотчиками термином ОСТОЮБИЛЕИЛО. Агитационная всеохватность, частенько доходившая до крайней формы пропагандистского психоза, приводит в анекдотическом пространстве к ряду комических подмен:

Зайчик перебежал дорогу перед автобусом с детьми. Воспитательница спрашивает:

– Кто это, дети? (Дети молчат.)

– Ну, о ком мы столько песенок пели? Дети (хором): "Это дедушка Ленин!"

(Штурман, Тиктин. С. 200.)

В медицинском институте студенту на экзамене задают вопрос:

– Что вы можете сказать об этих трех скелетах?

Молчание.

– Чему вас учили эти пять лет?

– Неужели это Маркс, Энгельс и Ленин?

При этом подчёркивается не только всеохватность агитации, ее бездумное распространение всюду, куда возможно и невозможно. Этот сюжет нашел свое отражение во множестве

небольших анекдотов, посвященных ассортименту промышленного производства в юбилейный год:

– Почему перед ленинским юбилеем уволили стольких директоров предприятий?

– Перестарались. Скульптурная фабрика спроектировала фонтан "Ленинская струя"; мыловаренный завод выпустил мыло «По заветным ленинским местам»; парфюмерная фабрика – духи "Запах Ильича" и пудру "Ленинский прах"; фабрика детских игрушек – мавзолеей с кнопкой: нажмешь – вылетает гробик со Сталиным; часовой завод – часы-броневичок с Лениным-кукушкой: каждый час влезает Ленин на броневичок, протирает руку и говорит: "Товарищи, гоголетская геволуция, о котогой так долго мечтали большевики... ку-ку!"; трикотажная фабрика – бюстгалтеры "Горки Ленинские"; спиртоводочный завод – новую водку "Ленин в разливе"; кроватный завод – трехспальную кровать "Ленин всегда с нами"; мясокомбинат – колбасу, красную внутри с белым "СТО" из сала в разрезе; птицекомбинат – "Яйца Ильича" (куриные яички с портретом Ленина); в парке открыли стрелковый тир имени Фанни Каплан.

(Штурман, Тиктин. С. 199.)

Официальная идеология стремилась представить Ленина как идеального революционера и безупречно нравственного человека. Попытки низвести образ Ленина до уровня «добродетельного филистера-семьянина» вызывали отторжение в кругу самых близких Владимиру Ильичу людей. «Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей многогранности, жадно впитывал ее в себя», – писала Н.К. Крупская. Манера Ильича «жадно впитывать в себя жизнь», пропущенная через призму анекдотического сознания, стала составляющей частью множества анекдотов.

Ритуализированное бытие не выдерживает соседства с матерным сквернословием, поэтому в части анекдотов Владимир Ильич является объектом или субъектом матерной агрессии – причем чем меньше мотивов для возникновения перебранки, тем сильнее комический эффект.

Весьма воздержанному по официальной версии Ильичу приписывают пристрастие к половым извращениям, в том числе – к неразрывно ассоциировавшемуся с воровской средой пристрастию к онанизму:

Когда Ленин сидел в тюрьме, из хлеба он сделал чернильницу, из молока – чернила, а из соседа по камере – Надежду Крупскую.

– Скажите, Яков Михайлович, пгавду говогают, будто Феликс Эдмундович в остогге онанизмом занимался?

– Что вы, Владимир Ильич, он там "Капитал" изучал!

– И напгасно, батенька мой, напгасно! Агхизанятнейшая штучка, доложу я вам. И заметьте: совегшенно не отвлекает от геволуционнои габоты! Только, гади Бога, не говогите Надежде Константиновне – кгистальной души человек!

(Штурман, Тиктин. С. 204.)

Под удар в связи с осмеянием легенды о ленинской безупречности попадают и близкие ему люди – Надежда Крупская и Дзержинский. Создатели анекдотов постоянно приплетают в качестве третьих героев адюльтера то перманентно гонимого советской идеологией Троцкого, то Инессу Арманд:

Мемориальная доска:

"В этом доме Владимир Ильич скрывался с Инессой Федоровной Арманд от преследований со стороны Надежды Константиновны Крупской".

(Штурман, Тиктин. С.203.)

– Надя, откгой, пожалуйста... Надя, это я, Володя, почему ты не открываешь... Надюша, это я, Вовка-могковка!.. Феликс Эдмундович, она там с Тгоцким, ломайте!

(Штурман, Тиктин. С. 203.)

Поведение анекдотического Ленина удивительно мелко – в противовес поведению Ленина легендарного, которому «чужда была всякая мелочность, мелкая зависть, злоба, мстительность, тщеславие, очень присущее мелкособственничским индивидуалистам». Анекдотический Ильич не добрый и не злой – он, в зависимости от сюжета, добренький или злобненький:

Приходит к Ленину крестьянский ходок.

– Здгавствуйте, товагиш ходок, садитесь! Вы, конечно бедняк?

– Да вот, Владимир Ильич, вроде бы и нет. Лошадь есть у меня, есть.

– Ага! Стало быть, товагищ вы – сегеднячок?

– Да как сказать, Владимир Ильич... пока сыт и дети сыты, обуты, так что да... Две лошади у меня, вот как.

– Так, так! Вы, стало быть, товагищ, кулак?

– Да и то сказать, Владимир Ильич, щи каждый день, да, дети вот одеты, так что и мужики иной раз и скажут: да ты, говорят, Афанасий, кулак!

– Ага! Стало быть, кулачок! Гм. Так, так, так. Однако кулачок! Две лошади, так, так, дети обуты, так, так. Гм. Феликс Эдмундович! Гастгеляйте, пожалуйста, товагища.

– Владимир Ильич, уже обед. После обеда расстреляем.

– Нет, сейчас. Непгеменно до обеда. А обед отдайте голодным детям!

(Штурман, Тиктин. С. 86.)

Очень интересна судьба анекдотического Троцкого – из ближайшего сподвижника Ленина и его постоянного спутника, как это было в текстах 20-х годов, Лев Давыдович превращается в его основного оппонента, комическое олицетворение мирового зла, политической и нравственной беспринципности. Компаньоном Ленина становится Дзержинский, которого даже сложно назвать героем анекдота – он практически не обладает собственной волей и в анекдотическом пространстве существует исключительно как неотторжимый придаток Ленина, его правая рука. Как и положено персонажу абсолютно зависимому, Дзержинский практически всегда безмолвно выполняет все приказы Ленина – чаще всего представляющие из себя требование «расстрелять» или «разобраться» – совершенно не смущаясь количеством жертв:

– Феликс Эдмундович, а вы могли бы для дела революции расстрелять 100 человек?

– Мог бы, Владимир Ильич!

– А 1000?

– Конечно, Владимир Ильич!

– Ну, а 100000?

– Нет проблем, Владимир Ильич!

– Э-э, нет, батенька! Вот тут-то мы вас и поправим...

Троцкий же, память о котором на протяжении многих лет старательно затиралась, превращается, как говорилось выше, в своеобразный жупел. Точно так же, как он в свое время почти исчез из советских книг и периодических изданий (кроме посвященных его разоблачению), он почти исчезает и как герой анекдота. Однако практически полное отсутствие сведений о нем, могущих стать предметом анекдотического осмеяния, все же не смогло окончательно вытеснить его из анекдотов. Атмосфера тайны вокруг личности Троцкого и невнятно объясняемое категорическое неприятие всего, что с ним связано стало причиной превращения Троцкого в некий анекдотический фантом. Он перестает являться действующим лицом, но всегда находится недалеко от места действия. Его роль – однозначно отрицательная, однако вред, наносимый им – мелок и комичен. Апогей его беспринципности в анекдотическом пространстве – интимная связь с Крупской.

Троцкий как герой анекдотов эфемерен – и единственной из анекдота в анекдот повторяющейся его характеристикой является величание «политической проституткой». Этот эпитет, прижившийся не только в анекдотическом пространстве, но ставший одной из устойчивых исторических легенд, был столь популярен, судя по всему, в силу своей изначальной комичности и возможности поиграть с прямым значением слова «проститутка»:

– Все работаете, Владимир Ильич. Отдохнули бы, поехали бы за город. С девочками.

– Вот именно, батенька мой, с де-воч-ка-ми! А не с этой политической проституткой Тгоцким!

(Штурман, Тиктин. С. 204.)

Иначе сложно объяснить тот факт, что Троцкий, названный Лениным «иудушкой», в какой-то момент сумел заменить это прозвище другим, данным кинематографическим Владимиром Ильичем («Ленин в Октябре») его ближайшим соратникам Г.Е. Зиновьеву и Л.Б. Каменеву.

Судьба Ленина в советской мифологии уникальна. Из гениального героя-мученика, каким его стремились представить советские идеологи середины двадцатых годов, Ильич к шестидесятым годам превратился в лучащегося смехом добродушного, хотя и строгого, пожилого джентльмена. В соответствии с изменением канона изображения первого советского лидера, менялась и анекдотическая традиция. Постепенно из неё был вытеснен реальный Ленин и анекдоты стали появляться во взаимодействии с Лениным мифическим, рожденным десятилетиями усилий идеологических сказочников.

В официальной идеологии Ленин, в отличие от ряда своих последователей, никогда не лишался звания очевидно положительного персонажа. Отношение к нему менялось лишь от гипертрофированно восторженного, характерного для большей части времени существования Советского Союза, к умеренно почтительному, присущему десятилетиям сталинского правления. Почитатели Ленина могли бы позавидовать этой стабильности – никогда деятельность первого лидера не подвергалась такому пересмотру, как деятельность Сталина или Хрущева.

Культ Ленина послужил исходной моделью для целого ряда подражаний, однако существует значительная разница между ним и последующими имитациями. Целью последующих культов было упрочить положение актуального лидера партии, поднять авторитет живого вождя. Несмотря на «плановость» развития Советского государства, элемент жизненной непредсказуемости никто из его лидеров отменить так и не смог – только память о Ленине могла быть гарантированно избавлена от пересмотра оценки, поскольку это поставило бы под вопрос смысл существования всей системы.

Постоянство положительной оценки, не препятствующее внутренней эволюции образа, не только стало причиной многолетнего внимания анекдотчиков к личности Ленина, но, во второй половине существования Советского государства, превратилось в один из направляющих факторов формирования его анекдотического образа. Дело в том, что любой политический лидер СССР в анекдотическом пространстве обладает не только клишированными чертами внешности или речи (картавость, кепка, лысина, усы, трубка, невнятная речь, брови и пр.), но и устоявшимся в народной памяти амплу героя положительного или отрицательного. И его анекдотическая роль может быть понята только в сравнении с его предшественниками и последователями. Даже в сверхкритическом анекдотическом сознании на фоне паноптикума сменщиков ленинский курс начинает восприниматься как менее вредоносный или даже как вполне приемлемый. И чем позднее анекдот (и, тем самым, чем больше в нем примеров для сравнения) – тем крепче представление о Ленине как о первом и последнем хорошем правителе Советской России. А это, в свою очередь, пусть в иронической форме, но отражает стереотип восприятия массовым сознанием Ленина как мудрого правителя и положительного героя отечественной истории.

Поезд, отправленный в коммунизм, стал. Путь кончился.

Ленин:

– Всем выйти на субботник, строить насыпь. Рельсы закажем у капиталистов. Не мы, так наши дети будут жить при коммунизме!

Сталин:

– Поездную бригаду и персонал станции расстрелять. Прочих укладывать вместо шпал по пятилетним планам.

Хрущев:

– Всех реабилитировать. Снять рельсы позади поезда и укладывать их впереди него – Через двадцать лет будем на месте.

Брежнев:

– Задернуть занавески на окнах и раскачивать вагоны. Каждый нормальный советский человек поймет, что едем.

Андропов – попытался выглянуть в окно и умер. Черненко – умер, не попытавшись выглянуть. Горбачев – вышел на платформу, оглянулся:

– Пути вперед нет, товарищи, и назад тоже нет. И потому нам необходима ускоренная реформировка нашего поезда!

(Штурман, Тиктин. С. 32.)

Какие правители царили в России после октября 1917 года?

– Владимир Мудрый, Иосиф Грозный, Георгий Блаженный, Николай Миротворец, Никита Кукурузник (Первопочатник), Леонид Летописец и Юрий Долгорукий.

(Штурман, Тиктин. С. 191.)

Анекдоты 1960-80-х годов строятся на противостоянии с создаваемым о Ленине мифом и как протест против чрезмерного внимания к его личности. Миф об Ильиче представляет его безупречно нравственным человеком, делящимся хлебом с красноармейцем, отсылающим излишки продуктов в детский дом, восстанавливающим справедливость в отношении конкретного несправедливо арестованного человека. Противостоящие этой легенде анекдоты бьют по «искусственному» Ленину, оставляя вне поля своего зрения Ленина-политика, отношение к которому при этом остается скорее положительным. Иначе говоря, позитивное восприятие Ленина прививалось даже анекдотами, несмотря на повсеместное отвращение к методам навязывания этого отношения.

Так, на фоне десятилетий советской истории то, что сначала в «анекдотическом» сознании представало как «барахло» Карла Маркса и не более чем, хороший пример своевременной смерти, превратилось в не лишенный беззлобного комизма образ мудрого руководителя.

Экстрасенсы о Владимире Ильиче Ленине

Владимир Ильич Ленин — знаковая личность в российской истории. Именно он боролся за то, чтобы каждый из нас имел собственную свободу. И памятники ему в каждом городе — это благодарность за то, что его деятельность, его борьба за нас вопреки своему здоровью, принесла нам возможность иметь собственное мнение, свой выбор, возможности жить и управлять своей жизнью.

Краткая биография Ленина

Владимир Ильич Ленин родился в многодетной семье в 1870 году. Родители всячески поддерживали общение между братьями и сестрами с помощью различных интересных игр и занятий — каждый вечер в их семье за ужином говорили на разных языках — то на французском, то на немецком, то на английском. Владимир Ильич хорошо запомнил дух товарищества и всегда старался поддерживать его с собственными коллегами и народом.

Старшего брата казнили за участие в попытке убийства императора Александра, когда Владимиру было 7 лет, и уже тогда он понял, что не каждому человеку дозволено делать то, что ему заблагорассудится. И это его сильно возмутило.

Далее он закончил школу, университет, везде считался лучшим учеником, вот только не мог он похвалиться послушанием в плане того, что на все имел собственное мнение — его не выказывал, но состоял в различных группировках (которые сейчас бы назвали сепаратистскими), направленных на разрушение действующей царской власти. Его отчисляют, ссылают, но он начинает читать марксистскую литературу, заканчивает в Самаре университет экстерном, поступив на юридический факультет.

В 1893 году он становится поверенным присяжного, интересуясь в основном устройством государства. Теперь Ленин абсолютно точно уверен — русский рабочий класс заслуживает того, чтобы управлять собственной судьбой. Именно коммунизм Владимир Ильич считает идеальной формой управления государством, и достичь переворота он готов любыми средствами, ведь Ленин понимал, что царская власть не уступит какому-то мужику собственный трон.

Организует собственные общества, направленные на искоренение власти, за что и отправляется в ссылку в Сибирь. Там в 1900 году знакомится с Надеждой Константиновной Крупской, и больше уже никогда с ней не расстается. Они женятся, и далее она сопровождает его в любых поездках, сама занимаясь политической деятельностью и заботясь о Ленине.

Ленин и броневик

Почему Ленин взял себе такой псевдоним?

Конечно, задавая этот вопрос обыкновенно ожидают какой-нибудь романтической истории либо полного символизма рассказа. Для таких слушателей специально существуют несколько истории, в которых говорится о том, что имя это было взято в честь реки Лены, которая протекала не так далеко от имени Ульяновых.

Однако, на самом деле довольно прозаичная история стала основой тому, что у Владимира Ильича появился этот псевдоним.

Когда в 1900 году Ульянову Володе понадобилось выехать из ссылки и скрываться где-то за границей, ему понадобились подставные документы. За дело взялась его жена Надежда Константиновна, у которой был в ссылке деревне друг Сергей Ленин. Он отдал документы своего отца Николая Егоровича Ленина, в которых значилось, что он является статским советником, но уже в отставке, и проживает в Ярославле. Документ немного подправили, заменив даты рождения, и по нему Ленин смог пройти собеседование и выехать из страны.

С того времени чудесного побега Ленин и оставил себе это имя, под которым далее публиковал статьи и об аграрном хозяйстве и революционные лозунги.

После того, как Ульянов выезжает за границу, он проживает в разных европейских странах, но там занимается политической деятельностью, направленной на восстание рабочего класса. Для думающей российской молодежи он выпускает оттуда журнал «Искра».

Постоянно работает, пишет все новые и новые статьи, сочинения, направленные на организацию коммунистического строя, на улучшение сельскохозяйственной работы и другой. В эти годы он решает, что необходимо провести электрификацию России.

Революцию 1905 года он встречает в Санкт-Петербурге, помогаю и руководя под подставными именами. Позже вновь возвращается в Швейцарию, и но после 16 года вновь возвращается в Россию, чтобы провести Великую октябрьскую революцию, направленную на освобождение народа от царизма, с лозунгом «Вся власть — Советам».

Революция проходила тяжело и долго. Репрессии нового правительства вызывали тихий ужас у «кулаков», которые лишались своего потомственного имущества. В 1918 году с одобрения Ленина проходит казнь царской семьи Николая Второго. Эта революция — трагедия народа, который лишился миллионов своих детей. Но только так могло произойти изменение в нашей жизни, иначе прогресс еще не скоро дошел бы до нас.

Лампочка Ильича

Что такое лампочка Ильича?

Странно сознавать, но до того, как Ленин ворвался в нашу жизнь, в России не было ни единого источника света, кроме восковой свечи. Ульянов в первую очередь думал о населении России, потому и решил в 1920 году провести электрификацию страны, начиная с провинций. Он продумал систему электрификации ГОЭРЛО, и первой деревней, в которой появилось электричество стало Кашино. Символичным жестом того, что теперь электричество появится в каждом доме, стало эффектное зажигание лампочки накаливания, повисшей на проводе посреди комнаты. С тех пор эту лампочку так и называют «Лампочка Ильича», а в каждом уголке России есть и свет, и интернет, и электрические газонокосилки.

Экстрасенсы о Ленине; болезнь Ленина

Ясновидящие и экстрасенсы совершенно не удивлены тем, что этот человек занял такое место в мировом сообществе даже после своей смерти. Дело тут в том, что даже в нумерологии дата рождения Владимира Ильича Ульянова-Ленина являет собой крайне сильное число лидера. Его знак Зодиака относится к Высшему кругу Зодиака — это Кит. Киты — это люди невероятно сильной стихийной энергетики, которые не боятся трудностей, а лишь становятся сильнее.

Силу свою он по знаку Зодиака должен направлять как раз на очищение мира от несправедливости, и именно этим и занимался. Такие знаковые личности, как он обыкновенно приносят в мир больше изменений, чем могут принести сотни лет.

Карма его имела защиту такой силы, что даже пули не смогли ее пробить. Как известно, в 1918 году во время выступления Ленина журналистка пробилась к нему и дважды выстрелила прямоком в вождя. Звали ее Фанни Каплан. Зачем Каплан стреляла в Ленина? Скорее всего, она выполняла распоряжение, считая Ленина предателем революции и его действия воспринимая как задержку построения социализма. Ее казнили тут же, расстреляв у стен Кремля после допроса, не добившись никакой информации. Тело залили смолой и сожгли. Ленина пришлось госпитализировать, ему делали операцию, одну из пуль смогли извлечь. Экстрасенсы говорят, что именно его звездная защита позволила ему оправиться от выстрелов, которые казались несовместимыми с жизнью. Более того, все пули были заряжены ядом кураре, который сгорел из-за высокой температуры пуль при выстреле — анархисты не смогли продумать этот момент. Было еще несколько покушений, но экстрасенсы считают, что Владимир Ильич умел ставить защиту через астрал на собственное тело, умудряясь выходить из него и видеть выстрел за несколько секунд до начала покушения.

Болезнь Ленина

Говоря о его моральных силах, экстрасенсы отмечают, что, к сожалению, он не мог похвастаться физическим здоровьем, и это тоже говорит о его кармической направленности на борьбу. Такое напряжение не могло не сказаться на его здоровье, он болел несколько лет, все это время рядом находилась жена, которая старалась оберегать его от контактов и работы, впрочем, безуспешно.

Вся его болезнь появилась мистическим образом и до сих пор окружена тайной. В 1921 году неожиданно лидер стал жаловаться на постоянные головные боли. После у него стали неметь конечности, взгляд, некогда пронизательный, становился отупевшим и заикленным на одной точке, речь превращалась в бессвязное повторение одних и тех же слов. Смотреть на него без боли те, кто видел в Ленине главаря Советской власти, не могли.

Вызывали врачей из Германии, смотрели его и советские светила. Он сдавал различные анализы, не только кровь, но даже спинномозговую жидкость. Все это только ухудшало его состояние. Первым диагнозом стал сифилис, и лечение проходило, в основном, в этом ключе. Результаты вскрытия не смогли подтвердить его.

Еще одной версией является то, что все-таки часть яда из пули Каплан смогла поразить мозг лидера мирового пролетариата. Вскрытие обнаружило полную деформацию левой части головного мозга. Там были трещины, опухлости, рубцы — мозг был исковеркан так, будто в нем поселилась огромная собака, рвущая органы Ленина изнутри. Экстрасенсы об этом говорят, что вполне возможно, что однажды в астрале Ленин не смог защититься от демонической сущности, которая и захватила тело Владимира.

Как бы то ни было, но несколько последних лет Ленин был не похож на человека. Речь его становилась судорожной, глаза безумными, все, что он говорил сводилось к трем словам: «вот-вот», «революция» и почему-то «конференция».

Скончался он от инсульта, после чего начались разборки за его место и попытки оставить светлый образ вождя, не допустить того, чтобы информация о срамной болезни сифилис как-то дошла до простого рабочего народа.

Мавзолей Ленина: как и зачем

Ленин еще не скончался, когда его помощники стали обдумывать сценарий его похорон. Кроме того, чтобы решить, как пронести тело вождя, стали думать и о том, какой будет церемония погребения тела. Сразу отказались от идеи похоронить тело в земле — Ленин был ярким атеистом (хотя до 17 лет состоял в воскресной школе). Оставались два варианта — кремировать на глазах у толпы либо оставить тело для служения науки, что посчиталось более прогрессивным. «Мы постараемся для «низов» открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом», решили идеологи, и для этого сделали бальзамирование тела, введя раствор. Надо отметить, что совершалось это только для того, чтобы дать телу время не испортиться, пока не приедут на прощание с вождем из каждой отдаленной деревни, потому и бальзамирование совершалось временно, а мавзолей выглядел как трехметровый сарайчик с большими буквами «ЛЕНИН».

За полтора месяца тело Ильича посетила количество человек, превышающее сто тысяч, очереди у мавзолея не закрывались даже ночью, а правительство стало переживать, потому как тело начало разлагаться, сморщивались уши, трескались губы гнило лица.

Восстановление поручили Дзержинскому, которому пришлось в апреле закрыть мавзолей, чтобы провести полную реставрацию тела. Он также пробовал несколько вариантов с заморозкой тела

и различными препаратами. Остановились на операции по сшиванию расползавшихся частей, промыванию тела в уксусном растворе и еще большем количестве формалина. Пока совершались эти манипуляции строился новый мавзолей. 1 августа он был открыт, но оказался подвержен грибку. Тело ежедневно купали по вечерам в формалине, но от грибка это не спасало. Тогда и был построен ныне действующий мавзолей Ленина.

Несколько раз на умершего вождя покушались — бросали гранаты и расстреливали. Теперь тело вождя хранится в гробу из пуленепробиваемого стекла и при ежедневном формалиновом уходе сохранится еще на тысячу лет.

Так выглядел Ленин в 1923 году — иссох и имел взгляд безумца

Битва экстрасенсов о Ленине

Вокруг жизни и смерти вождя пролетарской революции — Ленина, существует много версий и предположений. К примеру, многие экстрасенсы о Ленине говорили, что большой отпечаток на его деяниях оставило детство.

Участники «Битвы экстрасенсов» пришли единогласно к выводу, что Ленина очень интересовали мистические явления. Он долго и трудно подходил к выбору религии, адептом которой он мог бы стать. Основной мотивацией при этом выборе была жажда власти. Как утверждают экстрасенсы, есть очевидные доказательства, что Ленин стал приверженцем Люцифера, решив, что сила князя тьмы сильнее власти Бога. Косвенным подтверждением этого выбора, можно объяснить массовые и жестокие убийства людей, нетерпимость к своим политическим оппонентам. Убийства стали жертвоприношениями выбранному Лениным покровителю. Ученые-мистики университета штата Мэриленд, которые сумели установить причину смерти многих известных исторических личностей (Александра Македонского, Христофора Колумба) стали изучать причины смерти Ленина, которая произошла 21 января 1924 года. Официальной версией, которую подтверждали советские ученые-медики, стало обширное кровоизлияние в мозг.

После проведенного вскрытия были обнаружены сильные известковые отложения на кровеносных сосудах, что привело в замешательство медиков, так как у Ленина не было предпосылок для возникновения этого явления. Он не страдал такими заболеваниями как сахарный диабет, гипертония, ожирение, то есть болезнями, которые могут вызвать инсульт. Поэтому вердикт многих медиков, хотя и не официальный, но однозначный – причиной смерти Ленина стал сифилис, который в те времена лечился довольно примитивными медикаментами. Да и многолетняя врачебная практика дала медикам сделать такое заключение: венерические заболевания могут стать причиной инсульта. Вот такие вещи экстрасенсы о Ленине говорят.

Ленин оживает в мавзолее

В 2008 году разнесся слух, что главный обитатель мавзолея «оживает». Тогда и появился в Интернете ролик, который был снят ночью камерами наблюдения, установленными в мавзолее. На кадрах видео четко видно, как тело Ленина подается вперед, складывается впечатление, что он хочет подняться, но затем, как бы обессилев, тело возвращается в горизонтальное положение. Экстрасенсы о Ленине и мавзолее говорят, что это были всего лишь уловки местных служащих, для того чтобы привлечь больше туристов.

На просторах Инета происходило бурное обсуждение видеоролика, большинство пришло к выводу, что это смонтированные кадры.

Американские специалисты, которые исследовали пленку, однозначно заявили, что пленка не смонтирована, то есть, что это не подделка.

Американские экстрасенсы просили дать разрешение на проведение съемки в мавзолее в течение нескольких дней, но российские спецслужбы категорически отказали.

Тем не менее, в Интернете появились кадры, на которых «покойный» Ленин вытягивает руку, причем положение руки было таким же, как на кадрах кинохроники, запечатлевших выступление Ленина на броневике.

Борис Пастернак. «О Ленине»

(ИЗ ПОЭМЫ «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»)

Чем мне закончить мой отрывок?

Я помню, говорок его

Пронзил мне искрами заговор,

Как шорох молнии шаровой.

Все встали с мест, глазами втуне

Обшаривая крайний стол,

Как вдруг он вырос на трибуне,

И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

Тогда раздался гул оваций,
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольцо поддержек и преград.
И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном.
Что в нем В тот миг связалось с ним одним?

Он был как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.

Когда он обращался к фактам,

То знал, что, полоща им рот
Его голосовым экстрактом,
Сквозь них история орет.
И вот хоть и без панибратства,
Но и вольней, чем перед кем,
Всегда готовый к ней придраться,
Лишь с ней он был накоротке.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Я думал о происхожденье
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

1923—1928

Эдуард Лимонов. «Владимир Ленин: эмигрант¹⁸⁷»

В первый раз Ленин заслужил ссылку всего навсего за то, что участвовал в собрании студентов, где обсуждались вопросы студенческого самоуправления. И только. Это обстоятельство достойно упоминания.

У меня было множество встреч с Лениным. Помню, что году в 1992, кажется, в один из моих коротких приездов, мне позвонил фотограф из “Paris-Match”, друг писателя Патрика Бессона, и сообщил, что по идее Бессона хотел бы снимать меня в квартире-музее Ленина на rue Marten-Rose. Квартирой владела ФКП (Французская коммунистическая партия), рядом на лестничной

---

¹⁸⁷ <http://www.tov.lenin.ru/titan/about/emigrant.htm>

площадке жил человек, надзиравший за музеем. Фотограф договорился, и в назначенный день мы встретились у дома Ленина, поднялись, вызвали консьержа-коммуниста и начали работать. Вначале попросили разрешения переставить вещи на письменном столе Ленина, и я сел за стол, спиной к камину. Клац-клац-клац – фотограф действовал со вспышкой. На кухне старозаветные трубы вентиляции должны были выводить чад с кухни Ленина. Фотограф сделал снимки на кухне. Удивили меня две узкие металлические кровати в спальне: совсем стерильные, солдатские какие-то. Фотограф поставил меня в спальне между двумя этими солдатскими кроватями и заставил взяться руками за обе спинки. Я не знаю, где сейчас эти фотографии, в 1993 году устами члена Политбюро Ги Ермье ФКП отрелась от меня. За мой национал-большевизм. Тогда с июня 1993 года французская пресса массированно громила заговор национал-большевиков, обнаруженный все то же прессой. Национал-большевиками называли нас – редколлегию газеты “L’Idiot International” всего 30-40 интеллектуалов. Так что и фотограф ФКП и “Paris Match” очевидно сочли публикацию фотоснимков моего визита на улицу Мари Роз несвоевременной.

В 1993 году, 16 сентября, я приехал в Россию. В один из дней между 16 и 20 сентября, когда Ельцин огласил свой Указ № 1400, я и Тарас Рабко посетили музей Ленина. Тарас был тогда любопытным подростком-холериком, студентом юридического факультета Тверского университета. Он затащил меня в музей. Уже в конце визита меня узнали вдруг сотрудницы музея и радушно повели показывать и комнаты музея, бывшие закрытыми для обычных посетителей. (Впрочем, может быть, по каким-то причинам эти комнаты были закрыты именно в эти дни.) Удивили меня костюмы Ленина: архи-буржуазные тройки, галстуки в горошек, массивные туфли на высоком каблуке. Женщины любезно сообщили мне, что Ленин был 163 сантиметра роста, а Сталин 164 сантиметра. Я подумал тогда, как, должно быть, был далек маленький Ленин в этих жилетках и галстучках от революционных солдат в шинелях, матросов, крестьян в армяках. Ленин выглядел разительно эмигрантски, швейцарцем таким, явившимся в мерзлую страну. К счастью для него, ему не пришлось проходить через всеобщие выборы: с такими внешними данными, и в таком костюмчике, он бы никогда не выиграл. Чужой. Музей закрыли сразу после октябрьских событий.

Моя книга “Убийство часового”, включавшая в себя собственно книгу “Убийство часового” и “Дисциплинарный санаторий” поступила из типографии 18 сентября 1993. Вышла она в издательстве “Молодая Гвардия”. Директор издательства и моя редакция, кстати сказать, уговаривали меня написать книгу о Ленине для серии “Жизнь Замечательных Людей”. Возможно, получилась бы неплохая книга, но меня привлекали другие дела.

Приехав в конце октября 2000 года в Красноярск, я попросил друзей снять для меня квартиру, так как намеревался писать книгу об Анатолии Быкове. Квартиру мне нашли в центре города в пятиэтажке на пересечении улицы Горького и улицы Ленина, за каким-то деревянным домишкой, заключенным в забор. Домишко и забор были завалены снегом по самые уши. Только через несколько недель во время оттепели, когда снег на вывеске растаял, я обнаружил, что дом, оказывается, – музей, и музей он потому, что здесь, ожидая, когда вскрыется Енисей, чтобы ехать в Шушенское, бывал, жил и ночевал Владимир Ленин. Происходило это в 1897 году за 103 года до

моего появления там. Каждое утро, вставая писать книгу, я глядел на окна Ленина, и здоровался с ним.

Недалекие идиоты всякие журналисты и журналистки вякают порой, что Ленин разрушил старую Россию. Россию, справедливости ради, следует заметить, разрушила февральская революция. Ленин в это время жил в Швейцарии, в Цюрихе. В городе этом скопилось во время войны немало беглецов из воюющих стран. Поэты, дезертиры, художники, всяческий богемный люд, политэмигранты собирались в кабаре “Вольтер”, куда нередко приходил и Ленин – русский политэмигрант. В этом кафе часто выступал, читая свои стихи, глава дадаистского движения румын Тристан Тцара, там же бывал еще один впоследствии знаменитый человек, в те годы он был лишь известен, как один из крупных художников дадаистов Италии, граф Юлиус Эвола. Впоследствии граф Эвола из дадаиста превратился в ученого эзотерика, наконец, в философа традиционализма. Его книги “Языческий империализм”, “Скачка на тигре”, “Борьба против современного мира” после 2-й мировой войны имели такое же влияние на правую молодежь, как книги Маркузе на левую.

Ленин наверняка встречался с Тцара и, возможно, раскланивался и разговаривал с графом Эволой. Съездив несколько раз петь в Цюрих и на швейцарские курорты, моя жена Наталья Медведева написала шлягер про кабаре “Вольтер”, Ленина, Инессу и кайзеровские миллионы. Песню эту она впоследствии включила в альбом “Трибунал Натальи Медведевой”. В песне фигурирует и “сумасшедший румын” Тцара. Историю кабаре “Вольтер” она слышала от меня.

В то время в Швейцарии уже не было еще одного интересного персонажа, Бенито Муссолини. Муссолини признавался людям из своего ближайшего окружения, что встречался с Лениным в Швейцарии. Однако, это случилось раньше, по меньшей мере, несколькими годами, до войны. Им было о чем поговорить, ведь они происходили из одной политической семьи. Более десяти лет Муссолини был социалистом. Когда он стал приобретать первую политическую известность, итальянские журналисты, каламбуря, называли его Муссоленин, и в те годы это прозвище не могло ему не нравиться. Муссолини старательно изучал опыт Ленина, ведь Ленин первым из социалистических вождей пришел к власти. Ему для этого понадобилось только семь месяцев, в то время как Муссолини, если считать с марта 1919 года, когда была создана фашистская партия – три года (1922), а Гитлеру и того более – 15 лет.

В чем гениальность Ленина? Ну, во-первых, приехав в Россию через пару месяцев после февральской революции (о, как он рвался в Россию! У него были безумные планы лететь в Россию на воздушном шаре, а также ехать по фальшивому шведскому паспорту, выдавая себя за глухонемого шведа), он обратился к своей партии с дичайшей идеей, взять курс на новую революцию. Подумать только, смешной маленький, лысый эмигрант в швейцарском галстуке в горошек приехал и заявил, что революции, видите ли, не было. РСДРП имела двух человек в Петроградском Совете: Сталина и Каменева, а всего депутатов в Совете было более шестисот, и они были счастливы этим! А тут эмигрант приехал и зовет к новой революции. “Старик пересидел за границей и перестал понимать Россию”, – говорили в Партии. Но Ленин неустанно говорил,

убеждал, внедрял в умы знаменитые свои апрельские (на самом деле мартовские) тезисы, и к лету преуспел в свое убеждении. Нехотя, корчась, отплевываясь, партия пошла за ним. 42-я по численности среди других партий.

Знаменитый эпизод, когда Ленин на собрании в присутствии всех лидеров тогдашнего политического бомонда оппозиции, когда некто (грузин, кажется, Чхеидзе) призвал к союзу всех партий, мол, ведь ни одна отдельно взятая партия не сможет повести за собой массы, “Есть такая партия”, – сказал из задних рядов зала Владимир Ленин. Так ведь его заявление сопровождалось смехом! Этого советские учебники не могли опубликовать. Это вспоминает Суханов, политический противник Ленина, сторонник временного правительства. Ленина их смех не смущал. Пусть смеются. Он гнул свою линию. Он убедил партию, и стал готовить ее к новой революции. В данном случае, это несомненная яркая иллюстрация того, настолько важна роль личности в истории. Без Ленина большевики удовольствовались бы своей заурядной участью 42-й партии!

Большевикам повезло с Лениным еще и потому, что он бы, как говорят американцы, workaholic (“воркаголик”, от “алкоголи”) – запойный работник. Он написал несколько возов руководств, записочек, правил, объяснений, толкований, вплоть до руководства, адресованного часовым Смольного, как держать винтовку, что спрашивать, как останавливать непрошеного посетителя.

И какие у него были нервы! Когда два идиота Зиновьев и Каменев выдали в газетах дату вооруженного восстания, подготавливаемого большевиками, Ленин преспокойно перенес восстание на две недели. Потом в газеты просочились сведения о том, что Ленин, якобы, получил от германского правительства какое-то количество золотых миллионов на дестабилизацию ситуации в России. О кайзеровский миллионах с Вильгельмштрассе орала вся желтая пресса. Ленин – германский шпион! Нынешний лидер любой партии, окажись он в подобной ситуации, подал бы в отставку, или его изгнала бы его собственная партия. Не тут-то было в случае Ленина! Силой ума, интеллекта этот хрупкий интеллигент скрутил всех в бараний рог! Какой контраст с нынешними болванами-лидерами!

Большевики собрали Россию, распавшуюся в результате Февральской революции. По частям, в течение пяти лет с 1918 по 1922 собрали заново. Этим праведным процессом неустанно руководил Ленин. Партия не стеснялась брать на службу бандитов, генералов, атаманов, делая их командирами Красной армии, чтобы в нужный момент повернуть против них пулеметы и уничтожить.

Нерусская пунктуальность железного делопроизводителя, нерусская трезвость, дикая работоспособность – вот Ленин. Жестокий, трезвый, фанатичный работник. Гибкий ум, лишенный тщеславия и позерства. И как отомстил за брата!

В коридорах облупленного Казанского университета я побывал дважды. На втором этаже есть аудитория с табличкой у двери, что здесь учился В.И. Ленин. Побывать в самой аудитории мне не удалось ни в первый, ни во второй мой приезд в Казань – там шли занятия студентов. Но сам университет произвел на меня впечатление именно облупленного. В вестибюле меж старых белых колонн продавали в прилепившемся киоске зеленую и желтую дрянь - воду в пластиковых бутылках, да палки “Твикс” и “Сникерс”. Впечатление захолустной отсталости.

Еще одно замечание. Ленин со своими ребятами сумели всучить России новомодную марксистскую идеологию, настолько западный, казалось бы, совсем неподходящий России товар и преуспел в этом. Из опыта большевистской революции (точнее ее следовало бы назвать *coup d'état* – государственным переворотом) производной может быть только циничная мораль: любую идеологию можно навязать любому народу, если знать методику. И приступить к делу с энергией и хладнокровием. Вспоминается Ленин после убийства немецкого посла Мирбаха, собирающихся вместе с Дзержинским к немцам в посольство, извиняться. Натягивая пальто: “Ну что ж, Феликс Эдмундович, надевайте шинель, поедem извиняться к бошам”.

Лексика Ленина энергична. “Какой матерый человецище!” о Льве Толстом. Излюбленная фраза “архи-важно”. Об интеллигенции: “в том, что вы жидкое говно – мы никогда не сомневались”.

С.Г. Кара-Мурза о Ленине¹⁸⁸

РЫВОК ВПЕРЕД

Сейчас много охотников за небольшую мзду лить грязь на Ленина. В этой антилениниане есть что-то ползучее, от Иуды Искарриота. Одни недавно распинались перед иконой Ленина, с ними всё ясно. Другие, «патриоты» – в любви к русскому мужичку. Эти, будучи ненадолго поднятыми за волосы из грязи, теперь отползли от Блока и Шолохова к сапогу «кондотьера» Колчака и корнета Оболенского. Будто забыли Есенина:

В тех войсках к мужикам родовая месть.
И Врангель здесь,
и Деникин здесь.

Но иуды – вечный фактор окружающей среды, как комары и крысы. Надо их по возможности окорачивать, но не тратить на это души. Беда в том, что не нашлось умного и честного антиленинца – подвергнуть едкой, но ценной критике ленинский проект. Это нам сегодня было бы очень полезно. Все эти антиленинцы от марксизма или от белой кости пришиблены историей. Сегодня они взобрались на плечи «гигантов» – Волкогонова с Шендеровичем, но не помогло.

---

¹⁸⁸ <http://www.rusproject.org/node/1466>

Тем, кто такими гигантами брезгует, лучше бы прислушаться к носителям художественного, совестливого чувства. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин, Гиппиус. Были те, кто принял его как избавление – Блок, Брюсов, Есенин, Шолохов. Так определись, с кем ты. А главное, вникни в мотивы и тех, и других.

Ведь и те крупные личности, что ненавидели Октябрь, вовсе не считали, что в России происходит нечто тривиальное, доктринёрское. Даже большая часть эмиграции приняла советский строй. По личной судьбе – в эмиграции, а как судьбу народа – признали.

Сегодня наше общество духовно больно. Подумайте, элита, порождённая великими делами планетарного масштаба, тяготеет к тому, чтобы эти дела своего народа принизить и оплевать, аплодирует культурным уродам. Ну кто такие все эти сванидзе и швидкие рядом с Маяковским и Горьким? Маргиналы, продукт гниения. Нет, хочется именно им верить.

А кто считает себя таким упёртым западником, что ему плевать на Ключева с Платоновым и Твардовского с Рубцовым, пусть почитает западных современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, – Рассела и Эйнштейна, Грамши и Кейнса. Кейнс, безусловно, величайший западный экономист XX века. В 20-е годы он работал в Москве. В России тогда была, как он говорил, главная лаборатория жизни. Он сказал, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. А о Ленине – что он соединил то, что в душе европейца давно помещено в разные уголки души – бизнес и религию. В том смысле, что в проекте Ленина вновь соединились чисто земные прагматические задачи с высшими идеалами религиозного уровня. Вот в чём была сила советского строя, пока он не вырастил своих могильщиков.

А главное, поговорили бы мысленно со своими умершими дедами и прадедами. Факт, что в начале XX века подавляющее большинство народа, попробовав «на зуб» все альтернативные проекты – Столыпина, Керенского и Деникина, поддержало проект Ленина.

Надо же прислушаться к мнению предков, для которых, как народу, этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ведь не только белым отказали в поддержке народы России, но и своим кровным националистам – так, что снова собрались в одну сильно спаянную страну. Этот факт наша интеллигенция забыла? Она считает его несущественным? Даже если сейчас захотелось жить по-другому, потоптать ближнего – разве требуется для этого плевать в прошлое?

Грязь, что льют на Ленина, – это грязь на исторический выбор начала XX века. А вынашивал его весь народ, все оппоненты и противники. Проект Ленина был выходом из той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале века, ей приходилось одновременно догонять капитализм и убежать от него.

Было несколько путей, все их перепробовала Россия, все тогда мыслили диалогично: Столыпин, либералы-западники, эсеры, социал-демократы и большевики. Каждый проект отражался в другом – без карикатуры, в главном. Тогда вырвались мы по пути, предложенному крестьянской общиной и оформленному Лениным.

Сейчас у нас диалог блокирован, и от кризиса веет безысходностью. Одни упёрлись в марксизм, другие в либерализм, третьи впали в детство и жуют миф о царе и корнетах.

Чтобы проковырять хотя бы дырочки в этой стене глухонемоты, надо усвоить один урок Ленина. Он в том, чтобы собрать силы, прорвать пелену расхожих понятий и встать на реальную почву России. В начале XX века вся наша интеллигенция, включая реакционеров, мыслила в понятиях марксизма. Неприятно это слушать нашим патриотам, но даже религиозные искания Булгакова, Бердяева, Франка вытекали из «проблематики марксизма».

Но марксизм был приспособлен к задачам Запада. Он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верили и Столыпин, и кадеты, и меньшевики. Урок Ленина в том, что он проник в суть России как цивилизации и преодолел давление господствующих теорий. При этом нашёл такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, каких немало в эпохи кризиса, а вождём массового движения. Не вступая в бой с марксизмом, он «вышел» из него, превратил в учение, дающее ключ к пониманию незападных обществ. Он не просто понял чаяния крестьянства и русского рабочего, но и дал им язык, облёк в сильную теорию.

Назад из кризиса не выходят, и ленинизм был рывком вперёд. Он позволил России не закрыться в общине, а освоить современную промышленность и науку, минуя пасть мирового капитала. И это, как мы знаем, сбылось на целый исторический период. В конце его мы были не на высоте, опять стали дёргаться на ниточках чужих доктрин. И ведь доктрин не Сунь Ятсена или Кейнса, а жуликов вроде Джеффри Сакса. Стыдно, господа.

Но на подходе молодёжь, опять способная на усилие мысли и воли.

<http://www.tov.lenin.ru/titan/about/project2.htm>

ЛЕНИН, РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Интервью:

В нынешней официозной и вообще господствующей пропаганде отношение к В.И. Ленину проникнуто особой ненавистью. Убедительным свидетельством этого стал, например, и результат голосования так называемых присяжных в телепроекте “Имя Россия”. Специально подобранные, почти все они, кроме лидера КПРФ, старались оценить ленинское имя как можно ниже, давая ему даже баллы с минусом, что превзошло ими самими установленные “правила игры”. А в итоге, по приговору этих яростных ненавистников, вождь Октябрьской революции занял в их раскладе последнее, двенадцатое место. Что, как известно, далеко разошлось с мнением голосовавших телезрителей, хотя его, несомненно, всячески выкручивали.

Об истоках такой ненависти, которую изо всех сил пытаются внушить сегодня как можно большему числу людей в нашей стране, — мои главные вопросы автору двухтомного исследования “Советская цивилизация” Сергею Георгиевичу Кара-Мурзе, с кем уже не впервые говорим мы о Ленине.

Их ненависть глубокая и абсолютно антагонистическая.

Но власть — это верхушка айсберга. Она ведь имеет под собой определённую социальную базу, мировоззренческую основу. Ясно, что это какая-то влиятельная часть российского общества...

Я бы сначала даже поставил вопрос так: почему именно сейчас возникла такая непримиримая и глубокая ненависть ко всему, что представляет собой Ленин? Её ведь не было ни в двадцатые, ни в тридцатые годы, ни даже во время Гражданской войны. В общем-то, до сравнительно недавнего времени Ленин как мыслитель, политик, мастер административного управления во всём мире признавался как одна из крупнейших фигур. А уж в России, если судить по тому, что ему удалось сделать, это, конечно, был один из безусловных символов русского ума, русской воли, русской работоспособности. Что говорить, для нас это была национальная гордость!

Вот и вопрос: кто такие мы и кто такие они? И почему эти “они” где-то полвека таились, в каких-то катакомбах?

— Да потому, что им не давали возможности говорить.

— Правильно. Однако не только. Они ещё были слабы и, даже скажу так, по-настоящему не вполне понимали, что такое есть Ленин. И вот именно только теперь, когда мы потерпели поражение, они до конца это поняли. Ныне уже совершенно ясно, что их ненависть является действительно фундаментальной, не конъюнктурной и абсолютно антагонистической.

Я бы сказал, это явление духовного порядка. Конечно, есть прагматический и политический интерес: чтобы им удержаться у власти, надо этого врага уничтожить или хотя бы на время его влияние заглушить. Но здесь ещё есть ненависть духовная, мировоззренческая.

Такие грандиозные явления мирового масштаба, как русская революция, означают столкновение огромных сил, и речь тут шла по существу о вселенском проекте — как надо жить. Этот вопрос относится к категории мировоззренческих и уходит корнями даже в религиозное представление — о человеке и справедливости, о добре и зле.

Русская революция, руководимая Лениным, открыла ворота к новому типу жизни человека на земле. И в эти ворота вышел на историческую арену новый культурно-исторический тип — советский человек.

Человек советский и антисоветский

Возьмите ряд видных фигур, которые исторически представляют тип советского человека, — скажем, Стаханов, Шолохов, Уланова, Жуков, Гагарин... В них в концентрированном виде можно узнать наиболее характерные черты советского человека. Это коллективный портрет человека, продержавшего на себе страну почти весь XX век!

Он произвёл культурную революцию, индустриализацию, выдержал и выиграл величайшую войну, а затем послевоенное восстановление. Потом он стал постепенно слабеть. Появился Хрущёв, началось долгое отступление...

Так я вижу столкновение, которое произошло в нашей стране. И кто же стал главным противником советского человека? Тоже культурно-исторический тип, который таился в недрах российского общества. Это — стяжатель, вор, ничтожный в смысле творчества человек, ненавидящий труд.

— Такие люди есть в любом обществе.

— Это особый тип, собирающийся в особые социальные и культурные ниши. Возьмите преступный мир. В нем собрались люди определённого типа! И у них есть своё мировоззрение, своё представление о человеке. Какое? Как о скотине, которую надо резать или стричь — если речь идёт о человеке, находящемся вне этой группы. Это хищники, не способные к созидательному труду и не приемлющие его.

— В советской жизни им было не разгуляться?

— После русской революции этот тип потерпел поражение, его загнали в норы, пусть, может быть, и слишком жестокими методами. Он был опорочен и в нашей литературе, в кино, театре, представлен как группа-изгой нашего общества.

А его антипод, советский человек, дал миру определенный образ благой жизни и показал, что такая жизнь возможна. Ленин был символом этого человека, а в практическом плане — конструктором, давшим проект мировоззренческой, идеологической, организационной основы советского человека и советской жизни.

Нарождающийся советский человек сразу же получил очень высокий статус в мировом сознании. Он был необыкновенно уважаем, для миллионов людей стал образом, на который надо равняться, стал ведущим во всём мире, особенно во время войны.

— *Можно выделить важнейшие качественные его характеристики?*

— Это, во-первых, способность организовываться в солидарные коллективы на началах справедливости и сотрудничества, а не конкуренции и купли-продажи.

— *Теперь-то Путин объявил нашей национальной идеей именно конкурентоспособность.*

— Совершенно другой принцип!.. Далее — способ этих коллективов соединяться в сложное межэтническое общежитие. Он притягивал народы, не заставляя их ассимилироваться, а включая в семью народов. Этот образ был ориентиром. Человечеству была предложена идея мироустройства, основанного на сотрудничестве народов, а не на колониальной зависимости и рыночной конкуренции.

Благодаря ленинскому синтезу идеи развития с традиционными идеалами культуры русского и других народов России возник человек, способный создать и освоить технику, адекватную середине XX века, Второй мировой войне. После революции за какие-то полтора—два десятилетия у нас появился такой человек, какого к 1941 году на Западе вообще не ожидали. Из крестьянских парней вырастили офицеров и солдат, которые владели современной авиацией, ракетной артиллерией, вырастили полководцев, способных разрабатывать сложнейшие стратегические операции Красной Армии. Такой человеческий рост требовался, конечно, и для индустриализации, для развития советской науки, но особенно он проявился в армии во время войны.

— *Великая Отечественная война стала главным экзаменом для советского человека ленинского типа?*

— Можно сказать и так. В целом этот синтез, о котором я говорю, требовал от каждого человека огромных духовных усилий, которые до сих пор многие в мире не могут себе представить и объяснить. Приходят опять-таки почти к религиозному объяснению. Та интенсивность творческой работы, та интенсивность труда, которая была свойственна только подвижникам. А подвижники — это те, которые как будто соединялись с божественной энергией... У нас же это было в массовом порядке!

Вот что означал на практике ленинский проект. Ленин преодолел и нашу извечную раздвоенность на западников и славянофилов, то есть на модернизаторов и традиционалистов. Они в советском человеке были соединены, европейский рационализм сочетался с культурными устоями России. Это вывело нашу страну на уровень великих мировых держав, не утратив близости к незападным цивилизациям.

— *Можете продолжить характеристику главных черт советского человека?*

— Идеал служения, а не службы по найму. Служения народу, Родине, близким. Идеал любви как основы человеческих отношений, любви бескорыстной и даже жертвенной.

— *А чувство справедливости?*

— Справедливость понимается по-разному. Например, у Ницше справедливо падающего подтолкнуть, потому что слабый должен погибнуть, уступить место сильному. А советский человек исходил из того, что люди — братья. Если ребенок голоден, потому что не обладает платёжеспособным спросом на молоко, то это несправедливость, зло.

Эти представления о справедливости, о любви, о семье, о Родине, о земле и так далее олицетворял собой тип советского человека, представлявший нашу страну в мире. И он был понятен, уважаем даже врагами, он был воспет культурой этого периода. А его антипод, как я уже говорил, был, словно злой джинн, загнан в бутылку.

На земле нашей можно ли им ужиться?

— *Но что произошло дальше?*

— После войны, после смерти Сталина, которая стала в определенном смысле символической, тип советского человека, который был “запроектирован” Лениным, начал утрачивать культурную гегемонию. Всё, что делалось в течение тридцати лет при Сталине, делалось советским человеком и, можно сказать, под этого человека. Все экономические, социальные, культурные преобразования, проводившиеся в стране.

Но антипод советского человека тоже продолжал существовать. Ленин в подробностях не описал его, хотя опасность чувствовал. Он видел ее, например, в бюрократии, но смутно. Сталин тоже чувствовал, и он говорил, тоже смутно, что по мере продвижения к социализму будет обостряться классовая борьба.

— *А в обществе нашем возобладало в основном убеждение, что с тем антиподом покончено?*

— Да, пожалуй, считалось, что он не выйдет уже из оврага, куда его загнали. Точнее, я бы сказал, мы даже особенно и не думали о нем. Мы знали, что такой человек есть, что с ним неприятно общаться, и старались поэтому его избегать; мы чувствовали, что от него исходит какая-то угроза. Но не исторического масштаба, а на бытовом, обиходном уровне.

— *Подтверждаю: было такое ощущение! Знали же мы людей, готовых при случае “нажиться” — как угодно и на чем угодно...*

— После революции этот тип стал внедряться в советские структуры. Почему происходили партийные чистки? Говорили: человек переродился. Да нет, он не превратился в буржуа, это его антисоветское нутро давало о себе знать. Он воровал на работе, брал взятки, прибегал к разным махинациям, клеветал...

— *И в конце концов этот тип стал брать верх?*

— Да, постепенно. Хрущёв сам был уже не советским типом. Культурно, даже эстетически он был противен ему. Вы можете представить, например, чтобы Сталин снял ботинок и бил им по трибуне ООН? В советском человеке, которого Сталин представлял вслед за Лениным, наряду с его солидаризмом, чувством справедливости и так далее, было и достоинство, культурный аристократизм.

И вот советский тип стал шаг за шагом отступать, а тот, другой, всё больше наглеть. Вспомните, воровство в значительной части общества уже не считалось столь категорически

предосудительным, как раньше. Скажем, бензин ворованный покупать — нормально. Даже вроде неудобно стало признаваться, что ты заправляешься на колонке, а не у водителей самосвалов.

— *Потом это пошло уже далеко не только на бытовом уровне?*

— Конечно, этот тип — тип мародёра стал и в номенклатуре утверждаться, вступая в альянс с теневиками. На него, на этот тип, сделал основную ставку Запад в своей “холодной войне” против нас. В нем увидел свою основную надежду и опору! Западные советологи так и писали, что главная надежда в разрушении советского строя — это “мещанство”. Тот тип, про который говорили раньше: зажиточность без культуры. Он был описан в русской философии еще начала XX века...

— *А в литературе? Пьеса Горького “Мещане”?*

— Верно, пьеса Горького для этой темы очень важна...

Так вот, в 80-е годы вокруг этого типа сложился альянс — антисоветской интеллигенции, переродившейся номенклатуры и преступного мира. Он был поддержан Западом. Этим альянсом и была совершена антисоветская революция.

— *То есть точнее — контрреволюция. Как же объяснить, почему сник, отступил, в конечном счете потерпел поражение (пусть и временное!) советский человек?*

— Может быть, от перегрузок, от больших потерь во время Великой Отечественной войны, когда погиб цвет этого человека. От западной пропаганды, потому что советская интеллигенция с 60-х годов уже несла в себе прозападный вирус... Но это большая отдельная тема, сложная.

Важно, что наш цивилизационный противник знал советского человека досконально, изучал его. К тому же были обстоятельные работы западных советологов, исследования как сильных, так и слабых сторон советского типа. За последние два десятилетия стало ясно, что ужиться на нашей земле два этих типа человека не могут. Советский человек был к ним терпим, а они советскому человеку не дадут жить ни в каких катакомбах.

Чем и кому Ленин сегодня особенно опасен.

Все символы и атрибуты советского человека являются одновременно инструментами борьбы, оружием. И в попытках их уничтожить есть, с одной стороны, страсть духовная, потому что они ненавистны врагам, как, скажем, в религиозных войнах ненавистны символы чужой религии. А с другой стороны — они представляют опасность как инструменты восстановления советского мировоззрения, советской мысли, советского способа действия. Вот и стремятся из нашего общественного сознания, из обихода все эти инструменты и символы удалить.

— *Чем особенно опасен для них сегодня Ленин?*

— Даже не столько как символ (хотя это бесспорно), сколько как источник очень эффективных подходов к осмыслению сложной реальности. Ленин создал и развил целый ряд методов осмысления ситуации кризиса, перехода, трансформации общества. И как политик испытал свои теоретические наработки на практике.

Замечу, что созданные им инструменты сознания и действия мы в спокойное советское время не оценили. Не написано учебников по их применению. А сегодня эти ленинские инструменты, ленинские технологии представляют огромную ценность для молодёжи, выходящей на общественную арену. Как оружие в борьбе против стяжателя и вора, который сегодня

господствует. То есть для господствующего меньшинства это знание становится практически опасным!

— *Поэтому они стараются всеми способами отвести людей от Ленина?*

— Конечно. Чтобы он был неприятен даже лично, интуитивно, даже внешне. Отсюда, например, эти ряженые “под Ленина”, чтобы сделать его смешным. Им важно, чтобы человек, особенно молодой, к Ленину не подходил!

— *Насколько это получается?*

— По-моему, не очень. Жизнь заставит — и ленинские идеи будут до молодёжи доходить.

Для студенчества сегодня становится всё более очевидным, что с тем господствующим меньшинством, которое у нас командует, выжить страна не может. Народ и страна становятся нежизнеспособными в современных условиях! Мы открыты всем кризисам, и наша уязвимость будет усугубляться. Мы будем беззащитны против любой войны. Мы на этом пути скоро останемся без оружия, без промышленности, без науки и школы.

Так вот, как я уже сказал, Ленин — мастер понимания и действия в ситуации хаоса и трансформации. Начиная с Первой русской революции он продемонстрировал в этом деле выдающееся умение, дар предвидения и творческий подход. Мастер в высшем смысле этого слова.

— *Ленина изображают сегодня только разрушителем...*

— Надо было нейтрализовать национализм элит и пересобрать рассыпавшуюся империю на новом фундаменте межэтнического общежития. Великолепная программа. А нэп? Тоже необычная и эффективная концепция. Причём всё это — в критических условиях.

Недавно “Единая Россия” выложила три антикризисные программы. Это такое убожество, что плакать хочется. А в советское время мы прошли через тяжелейшие ситуации, создавая для этого новые, оригинальные социальные формы. Представьте, если бы в 1941—1942 годах советское руководство рассуждало так же, как интеллектуалы из “Единой России”...

— *А основы заложены были при Ленине, так ведь?*

— Именно! Это же всё не стихийно возникало. Не вдруг появились такие социальные формы, как, скажем, советское профилактическое здравоохранение. Нет, это был творческий проект! Уже в двадцатые годы ликвидировали источники массовых инфекционных заболеваний, научились с очень скромными ресурсами предотвращать эпидемии. Когда началась война, 24 миллиона человек эвакуировали на восток — без единой эпидемии. А ведь люди по месяцу проводили в поездах, скученно, плохо питаясь. В Гражданскую войну меньше передвигались, но 5 миллионов умерло от тифа. Другие социальные формы, другое качество управления, ответственности, мотивации и культуры.

Сегодня это и многое другое надо раскрыть, показать молодёжи. Чтобы она знала, как всё это было сделано. Потому что на ее плечи лягут подобные бедствия, и Ленин — незаменимая помощь. Надо многому учиться у Ленина!

— *Обратимся в заключение снова к ленинскому Мавзолею. Уже 85 лет гробница эта, воздвигнутая по воле трудящихся страны, находится на Красной площади. Снести её или*

вынести оттуда тело Ленина — задача нынешней власти. А почему она всё-таки до сих пор не решилась это сделать?

— Потому что советский человек и симпатизирующие ему пока что составляют слишком большую часть населения России. Эта акция, которая всеми ими была бы воспринята как святотатство, сплотила бы их. То есть послужила бы тому, чтобы советский человек окреп и глубже себя осознал. Да и эту акцию осознал бы именно как войну.

Пока власти это не нужно. Курс был взят на постепенное удушение советского человека. Но, мне думается, и власть не едина. В ней есть группировка, которая ведёт дело к углублению раскола в обществе и целенаправленно озлобляет советскую часть общества, стравливает одну часть с другой.

— Так называемый проект “Имя Россия” направлен на это?

— Реально — да. Целенаправленное стравливание разных групп общества — сильная политическая технология. Уже и так советские люди, минимум половина населения страны, ходят сегодня по своей земле как по оккупированной территории. Есть те, кто заинтересован этот раскол усугублять, а кризис углублять. Наша задача — всемерно противостоять им.

<http://www.rusproject.org/node/249>

ДЕЛО ЛЕНИНА

Русская революция — главное событие XX века. Она — стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. Китай, Индия, Латинская Америка — ее дети. Она — конец модерна, за этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла доиндустриальная цивилизация, идущая в обход западного капитализма. Это — цивилизация крестьян и этносов, отвергнувшая господство гражданского общества и гражданских наций.

Мы, Россия, и сейчас живем в этой революции. Крах советского строя в его первой версии — ее эпизод, сегодня — лишь начало этого эпизода. Если мы хотим выжить как народ и как страна, надо *знать* и *понимать* эту революцию. Ленин — ее продукт и ее творец, ее теоретик и конструктор. Он — ключ к знанию и пониманию.

Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более *понять* его, они следовали *неявному* знанию. Эйнштейн в физике «сначала находил, потом искал». Они находили, а искать не было времени. Нам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда сникла советская идеология, превратившая, «для пользы дела», Ленина в икону, и когда выдохся антисоветский черный миф Ленина. Молодым нужно холодное и достоверное знание, им разгребать руины и строить на пепелище — а главные удары еще впереди.

Вот условия для разумных суждений тех, кто не боится *знать*:

1. Отделять свои нравственные оценки от фактов. Допустим, вы считаете священной собственностью помещиков на землю, но надо признать, что практически все крестьяне (85% населения) считали ее незаконной.
2. Оценивать политика в реальных координатах, сравнивать его не со святыми, а с теми, кто в тот период воплощал альтернативные проекты. Для Ленина мы имеем такой ряд:

Керенский (*либералы-западники*), Деникин (*«белые»*), Савинков (*эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*). Монархисты к концу 1917 года уже сошли с арены, даже Столыпин стал историей. Мечтать о «добром царе» — детская забава. Все актуальные фигуры «предъявили» свои проекты, люди попробовали их на зуб, а не изучали в кабинетах. Отрицаете Ленина? Скажите, с кем бы вы были и почему.

3. Не копаться в мелочах. Надо сравнить два главных проекта, два вектора, задававших России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект предполагал построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Его воплощали сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Это — Февраль, «белые». Другой проект — советский, его воплощал Ленин. Это — Октябрь, «красные».

Эти проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. С февраля по октябрь 1917-го — в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Керенский проиграл вчистую. Под давлением и при участии Запада блок кадетов и эсеров попытался вернуть власть военным путем, сравнение проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и военное соревнование белые также проиграли вчистую.

Надо прислушаться к мнению предков, для которых, как для народа, этот выбор был вопросом жизни и смерти.

Совершенно неважно, какой из проектов нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня, а тогда.

О ценностях мы не договоримся, сытый голодного не разумеет. Даже если сейчас захотелось жить по-другому, по-рыночному, плевать в прошлое неразумно, если мы хотим ужиться на одной земле.

— О личности Ленина говорить не стоит. За ним не замечено пороков, которые объясняли бы его мысли и дела. Он не был ни стяжателем, ни тираном. Это был умный и образованный человек, великий труженик, преданный своему делу, которое он считал справедливым. Многие сегодня считают его дело несправедливым. Пусть так. Но Ленин сделал свое дело мастерски, с большим успехом — так давайте брать у него пример именно в этом.

Ленин входил в мировую элиту социал-демократов, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса — интеллектуально разгромил народников с их доктриной революции «не по Марксу» и развития «по некапиталистическому пути». Но осознав смысл революции 1905 года, Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола России — он встал в ряды *простонародья* против *сословной элиты* и в стан *почвенников* против *западников*. За это одни его возненавидели, а другие — полюбили.

Что касается характера, то Сергей Есенин, поэт не купленный, о Ленине написал: *«Слегка суров и нежно мил»*. А в другом месте: *«Застенчивый, простой и милый, // Он вроде сфинкса предо мной»*.

На какое-то время в России стали верить Волгогонову больше, чем Есенину, но это время проходит. Значит, будем говорить о *делах*.

— Надо прислушаться к носителям художественного чувства. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин. Были те, кто его принял, как избавление — Блок, Есенин, Шолохов. Надо вникнуть в мотивы и тех, и других.

А кто считает себя западником, пусть почитает современников Ленина, которые наблюдали его проект лично — Бертрана Рассела и Ганди, Грамши и Кейнса. В 1920-е годы Кейнс работал в Москве и сказал, что Россия тогда была главной лабораторией жизни. Она, как никто, была близка и к земле, и к небу. А Ленин «соединил то, что в душе европейца давно помещено в разные уголки души — бизнес и религию». В том смысле, что соединил чисто земные задачи с высшими идеалами.

Все это — урок истории, его надо освоить независимо от нынешней позиции каждого.

Но это — первое приближение. Надо понять, что же такого ценного сделал Ленин, за что его уважали многие достойные и умные люди во всем мире и любила большая часть народа России. И что он сделал не так, из-за чего антисоветские силы через 70 лет одержали верх. Разговор трудный. Нынешняя антиленинская кампания недобросовестна и нанесла всем большой вред. В ней не было разумной критики, и все сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить вопросы даже самим себе.

Вспомним ситуацию. С конца XIX века России приходилось одновременно догонять капитализм и убежать от него. Она слишком раскрылась Западу, а он не желал и уже *не мог* «принять» ее. В России складывался *периферийный* капитализм, и это было «исторической ловушкой» — истощением с утратой своей цивилизационной идентичности. Возникли порочные круги, которые не удавалось разорвать — даже разумные меры правительства ухудшали положение (это признак «ловушки» как особой системы обратных связей). Замаячила революция как выход через *катастрофу*.

Было несколько проектов, все их перепробовала Россия: Столыпин, либералы, эсеры, социал-демократы и большевики. Каждый проект отражался в другом, каждая неудача обогащала знанием. Успешным был проект Ленина. Этот выбор вынашивал весь народ, все оппоненты и противники. В этом рывке было сделано много открытий всеобщего значения.

Сегодня наше общество духовно больно — элита, вскормленная великими делами планетарного масштаба, эти дела своего народа старается принизить и оплевать.

В основе советского проекта был *крестьянский общинный коммунизм* («Толстой — зеркало русской революции»). Маркс считал его реакционным, он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верили и Столыпин с кадетами, и поначалу Ленин. Его подвиг в том, что он преодолел давление марксизма, при этом нашел такие доводы, что стал не пророком-изгоем, каких немало, а вождем масс.

Чаяниям русского крестьянства и рабочих Ленин дал язык, облек их в сильную теорию. Назад из кризиса не выходят, и ленинизм соединил общинный коммунизм с идеалами Просвещения, что позволило России не закрыться в общине, а создать промышленность и науку — минуя котел капитализма. Это был новаторский проект, и он сбылся — на целый исторический период. И Победа, и Космос, и тот запас культурной прочности, на котором мы переживаем нынешний кризис — результаты того проекта.

Ленин — мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог, *мастер*.

Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гирями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина

были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Ленин умел работать с неопределенностью, препарировал ее, взвешивал риски. В методологии науки труды Ленина приводятся как канон научного текста, из которого изгнаны все «идолы». А посмотрите на тексты современных политиков, начиная с Горбачева, в них кишат все «идолы» — *рынка, площади и театра*.

Наше национальное несчастье в том, что ненавидеть стали даже не столько Ленина-политика, сколько ленинский тип мышления и мировоззрения. Этот тип мышления нам нужен позарез, но если вокруг разлита ненависть, он не появится.

Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в особо мощной интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Он мыслил уже в категориях постклассической науки становления, видел общество как неравновесную систему, как переходы «порядок — хаос», остро чувствовал пороговые явления и кооперативные эффекты. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее и в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век. В этом плане Сталин был его учеником.

Ленин выдвинул и частью разработал с десяток фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения.

Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии. Он преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединив «западников и славянофилов» в советском проекте. На полвека была нейтрализована русофобия Запада.
2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Она осталась неразработанной, но как нам не хватало в 1980 — 1990-е годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.
3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции (ее обуздания)*. Это гораздо сложнее, чем начать революцию. Гражданская война была остановлена резко, ее переход в «молекулярную» форму погубил бы Россию. Именно поэтому Есенин сказал, что Ленин «спас нас». Системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов придали силу политическим технологиям Ленина.
4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — опыт XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

О том, чего не удалось сделать Ленину, надо сказать не для баланса: это уже задачи для нас.

1. Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нем будет возрождаться сословность («бюрократия»), и сословные притязания элиты создадут опасность для строя. Так и произошло. Никаких идей о том, как этому можно

противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуты они и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растет.

2. Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придавал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис свел на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача даже не была поставлена в проекте Ленина, к ней не готовилось ни государство, ни общество. Поэтому кризиса 1970 — 1980-х годов СССР не пережил.
3. Наконец, Ленин, разрешив срочную задачу сборки СССР, не учел тех процессов в национальном самосознании народов СССР, которым способствовало огосударствление этносов. В период сталинизма возникавшие при этом проблемы разрешались чрезвычайными способами, а с конца 1950-х годов контроль за их развитием был утрачен. Эта важная для многонациональной страны проблема в проекте Ленина не была даже названа, надежды возлагались на консолидирующую силу социальных отношений.

Эти задачи легли на плечи нынешних поколений.

<http://www.rusproject.org/node/1466>

В.С. Бушин¹⁸⁹. «Куда ты вздумал лезть, мальчишка!»

ОДИН ПЛЕВОК И СОТНЯ ОПЛЕУХ

21 января все честные люди поминали Владимира Ильича Ленина — 92-я годовщина со дня его смерти.

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди...

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул...

Это стихи тех дней января 1924 года. На сей раз вместе с честными людьми решил отметить в траурный день и президент России В.Путин. Как же! Ведь он чекист-коммунист. У него же, как требовал Дзержинский от своих сотрудников, «горячее сердце, чистые руки и холодная голова». Он же 16 лет носил у своего горячего сердца партийный билет с Ильичом на первой странице. Рекомендацию в партию ему дали Троцкий, генерал Власов и Валерия Новодворская. Он своими

---

¹⁸⁹ <http://leninism.su/lenin-now/4457-kuda-ty-vzdumal-lezt-malchishka.html>

чистыми руками в 91 году то ли сжег партбилет, то ли зарыл на даче, то ли передал на сохранность одной из дочерей, живущих в новой свободной России под псевдонимами. Он своей холодной головой сообразил, что лучшего дружка, чем Медведев, ему не сыскать: умен, эрудирован и транспортабелен.

Отметился Путин как бы случайно на заседании Совета по науке и образованию в близкой ему среде ученых, академиков, звездочетов. Глава Курчатовского института звездочет Михаил Ковальчук в своем выступлении упомянул известные строки Пастернака о Ленине:

Он управлял теченьем мыслей,
И только потому — страной...

Видимо, оратор не понимал, что за старой цитатой для всех невольно вставал ясный смысл нынешнего дня: «А ты-то, холодноголовый, чем управляешь и по какому праву? Три года тому назад издал кучу «Майских указов». И что, и кто за это время что-нибудь выполнили? Ну, правда, план производства миллиардеров перевыполнен: при Ельцине их было семь (все помнят «семибанкирщину»), теперь 114. А что еще?»

И Путин это понял, уловил, он схватчив, чутконос: запахло жареным... За шестнадцать лет у власти он неоднократно делал умопомрачительные заявления и о Ленине, и о Сталине, и о Советском времени вообще. Ну, о наших вождях он знает, скорей всего, со слов своего учителя Собчака, впоследствии беглого коммуниста. Тут ничего, кроме умственной дичи, он получить не мог, но при Советской-то власти прожил до сорока лет — лучшие годы жизни! Откуда здесь-то у него такая же дичь в голове?

Не так давно объявил, что большевики во главе с Лениным совершили национальное предательство, ибо во время Первой мировой войны призывали к поражению России. На самом деле они призывали к поражению правительства. Таково было решение Базельской конференции социал-демократических партий Европы. В условиях того времени это была форма борьбы против войны. Действительно, если во всех основных европейских странах пролетариат выступал за поражение своих правительств, то война не разгорелась бы. К слову сказать, сейчас многие и я лично безо всякой войны просто жаждут поражения своего правительства хотя бы на выборах. Более того, мы считаем правительство, членов которого Путин именует «профессионалами мирового уровня», преступным, и требуем всех их во главе с Медведевым предать суду. Загляните в газеты, полистайте книги, пробегите хотя бы по заголовкам: «Преступная система»... «Толпа у трона»... «Власть без мозгов»... И кто пишет! Вплоть да Ленинских и Нобелевских лауреатов.

Человек знающий, честный Юрий Болдырев прямо ставит вопрос: «Что будет с родиной и со всеми нами? Нас сравнивают уже не с Мексикой, а с Нигерией... Когда у нынешнего госглавы не было уверенности, что абсолютно все в его руках, тогда запускались поручения Глазьеву и т.п. Сейчас у них (у путинской артели - В.Б.) полное ощущение, что они все держат в своих руках. Пытаются доказать, что без них, без нынешнего нацидлера и всей его вульгарно-либеральной команды народ пропадет, страна развалится... Они демонстрируют свою безнаказанность, показывают, что могут присягать самым антисоциальным идолам, и им ничего не будет. Через Майские указы они включили механизм уничтожения народа». Об одном из членов этого кагала, о Кудрине, объявленном Путиным лучшим министром финансов всех времен и народов, но почему-то изгнанным Медведевым из табора, Ю. Болдырев говорит, имея в виду его позицию и работу: «либо это преступная халатность, либо измена и предательство». И ведь это можно

сказать о каждом из них, и напомнить, что халатность не является смягчающим вину обстоятельством. Как же честному гражданину России, думающему о своих детях и внуках, не желать поражения этому кагалу!..

Тогда, в 1915 году, первым против большевиков бросился, конечно, Троцкий, будущий рекомендатель Путина. Ленин ответил рекомендателю: «Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России значит желать победы Германии... Вот образец надутых фраз!» (ПСС, т.24, с.221). То есть Троцкий понял дело так, что Ленин призывает взрывать мосты, поджигать склады, устраивать разного рода катастрофы и аварии в духе порожденных путинской эпохой. А на самом деле он говорил: «во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству». Тем более правительству России, которое «втянуло страну в войну ради завоевательных, хищнических, реакционных целей». Ей Антанта сулила Дарданеллы, а генерал Деникин вспоминал: солдаты и не знали, и не понимали, что это такое. Большевики были за политику «использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения». Да кто же из порядочных людей и сейчас не мечтает о низвержении Медведева и Чубайса! Низвержения и суда.

Иногда Путин к своим пифийским глоссолалиям дает пояснение: «Я консультировался с учеными, они мне объяснили». В данном случае его, вероятно, консультировал академик Ю.Пивоваров, историк, прославившийся недавно двумя научными подвигами: во-первых, объявил, что Освенцим освободили не мы, как врал сталинская пропаганда, а, конечно же, безупречные американцы. Во-вторых, он так много красовался на телевидении, что прохлопал пожар, спаливший бесценные книги и рукописи в библиотеке, за которую несет полную ответственность. И продолжает красоваться!

В другой раз Путина консультировала, должно быть, Наталья Нарочницкая. Как известно, он отверг вывод Комиссии академика Н.Бурденко и митрополита Николая, занимавшейся расследованием катынской трагедии, и охотно признал правоту Геббельса, свалившего фашистское злодеяние на нас. Почему Нарочницкая? А потому, что она откровенно призналась, что хотела бы видеть нашу историю без Ленина и Сталина, т.е. без Советской эпохи. Подумали бы они вместе хоть о том, что, с одной стороны, немцы истребили 6 миллионов поляков, и что им стоило к этим миллионам прибавить еще несколько тысяч человек, которых они, конечно же, считали недобитыми в 39 году врагами, готовыми при удобном случае снова взяться за оружие против них; с другой стороны, за освобождение Польши мы положили 600 тысяч душ. Польша — это 300 с небольшим тыс. кв. км. И полезно бы вам, панове, помнить, что над каждым километром вашей земли витают две святые души советских солдат. Да еще и о том, что из этих 300 тысяч не меньше 100 тысяч вы получили после войны только благодаря твердости Сталина в переговорах с Рузвельтом и Черчиллем.

Да, Путин почуял, что цитатка из Пастернака в ситуации нынешнего дня пахнет керосином. Он, говорю, схватчив и очень ловко перенимает приемы демагогии у своих друзей. Вот, допустим, критик С.Рассадин в «Новой газете» тоже привел цитатку о Сталине того же Пастернака:

А в эти дни на расстоянии
За древней каменной стеной
Живет не человек...

И критик пускался в пляс: «Вы слышали? Вы поняли? Пастернак сказал о Сталине главное — не человек!» А в стихотворении дальше так:

Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.

И Путин с целью задурить народу мозги точно так же обрывает цитату, делает вид, что сказано все, что дальше ничего нет. Вот, как одно из предательств Ленина, он поносит Брестский мир: «Какую территорию потеряла моя любимая Россия, какие земли!» И все. Будто этой потерей, действительно огромной, дело тогда и кончилось. И молчит, что всего через несколько месяцев земли-то эти Россия вернула, а позже и ещё кое-что присовокупила. И ведь стыдил и позорил большевиков человек из той артели, которая оттолкнула от России четырнадцать республик — пять миллионов квадратных километров — десять Франций! — со всеми их великими богатствами! Мало того, своей бездарностью и слепотой, трусливостью и сонливостью, лениво наблюдая, что там делают американцы, они ещё и умудрились превратить Украину, самую большую и родственную нам республику, в лютого врага России, и там льется кровь.

Правда, большевики не возвратили тогда Польшу и Финляндию. Так что ж, глава, объяви, как когда-то опять же Троцкий, «Даешь Варшаву!». А потом — Хельсинки. Нет, он лучше будет поклоны бить Варшаве за геббельсовскую Катынь да веночки класть на могилу Маннергейма по очереди с Медведевым...

И вот он разверз уста: «Управлять течением мыслей это правильно. Нужно только, чтобы эта мысль (как его собственная — В.Б.) привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге (через 70 лет! — В.Б.) эта мысль привела к развалу Советского Союза. Так много было мыслей таких: автономизация и т.д. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россия. Она и рванула потом (и он сбежал из КГБ и партии к Собчаку под крыло, — В.Б.). И мировая революция нам не нужна была. Вот такие мысли там» (а здесь?). Можно себе представить, как ликуют сейчас, скажем, его биографы Рой Медведев, Сванидзе, Млечин, а также Радзинский и другие обожающие его сионские мудрецы... «Ведь мы говорили! И вот, наконец...Теперь очередь за Мавзолеем...»

Из уважения к читателю я не стану ворошить эту кучу, по которой ползают жуки, а вытащу только одну вздоринку — идею автономизации. Как известно, её отстаивал Сталин, а Ленин — федерализации. Возобладала идея Ленина, автономизация была отвергнута и забыта. Так чего ж теперь, спустя 95 лет, о ней лясы точить? Тем более, как говорится, замах не по адресу: ведь оратор хочет изобразить Ленина фигурой вроде Медведева, а вцепился в идею, которая принадлежит Сталину. Попал пальцем в небо. Кто консультировал — не Черномырдин с того света?

Гораздо полезней посмотреть да сравнить век нынешний и век минувший. В Советское время были Союзные республики со своими органами власти, и все они, кроме РСФСР, имели представительства в Москве — 14 представительств. А теперь? В каждой автономной республике — президенты и правительства, в каждой области — губернаторы и правительства. Это под сотню президентов и правительств, это сотни министров. Как собак не резанных! И все правительства имеют свои представительства в столице. Они занимают в Москве 89 особняков со штатом, машинами, техникой, охраной и т.д. Зачем? На фуя? Что делают эти штаты? Кому нужны эти представительства? Это же искусственное размножение бездельников, а их еще и охраняют, как национальное достояние. Если уж вам так хочется непременно президента, как в Америке, то вы его слепили, ну, и содержите, дело ваше. Но в России должен быть один президент и одно правительство. Один! Одно! Но, с другой стороны, в республиках и областях созданы аппараты, готовые для отделения и независимости. Вы, Путин, этим озабочен? Выполняете завет папы:

«Берите независимости сколько проглотите!» Вот и взяли, глотки широкие. И причем здесь Ленин?

Не могу все-таки удержаться, вот ещё одна путинская вздоринка: «И мировая революция нам не нужна была». Вам с Медведевым — конечно. И Сечину, получающему в месяц 17 миллионов рублей, тем паче — Миллеру, получающему 27, и думскому Владимиру Васильеву, волосатой грудью встающему на их защиту, и многим другим. Но вот Маяковский мечтал,

Чтобы в мире
без России и Латвий
жить единым
человечьим общежитьем.

Но задолго до него и Пушкин мечтал о времени,

Когда народы, распри позабыв,
В единую семью объединятся...

А ведь Александр Сергеевич ни членом ВКП(б), ни даже членом Союза писателей не был. А как можно осуществить мечту поэтов, не отобрав миллионы у таких, как названные выше кровососы? Это и есть революция, главный девиз которой взят из св. Писания: «Кто не работает, тот не ест». Ну, понимать это буквально не следует, мы все-таки не дали бы Миллеру и всем подобным умереть голодной смертью, мы выделили бы им на прокорм, допустим, 10 тысяч в месяц, как живут сейчас, по словам министра О.Голодец, 22 миллиона.

А в начале прошлого века, особенно в 10-х годах мечты о мировой революции были вполне естественны. Ещё бы! Три революции в России!.. Революция в Германии!.. Советская республика в Баварии, причем со своей Красной Армией!... То же самое в Венгрии!.. Восстание в Финляндии... И только никто из кремлевских мудрецов и никто из охранников «Единой России» не способны понять Ленина, который, как недавно напомнил Ю.Емельянов, в марте 1918 года на съезде партии сказал: «Да, мы увидим международную мировую революцию...». Но тут Владимир Ильич, вероятно, сделал паузу, почесал в затылке и добавил: «но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка — я понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьёзному революционеру свойственно ли верить сказкам?» Подумайте, президент, на кого ж вы накинулись за мечту о мировой революции. Опять пальцем в небо!

Тут же востепенулся пресс-секретарь Дмитрий Песков. Он вкрадчиво молвил по поводу, видимо, неожиданного для него и столь острого ленинофобского пароксизма своего босса или, лучше сказать, приступа падучей: «Вряд ли критическое высказывание Путина о Ленине должно быть поводом для возмущения. Каждый, в том числе и президент волен иметь отношение к роли той или иной личности в истории». Разумеется, волен. Как и мы вольны иметь отношение к его роли, которую он играет уже шестнадцать лет. Но, во-первых, Ленин не «та или иная», а великая личность мировой истории. А тут какая личность? Каждый волен и нужду справлять, но даже в социуме, созданном стараниями путинцев, это принято делать уединенно. Вот и пусть бы он высказывал свое отношение к Ленину супруге под одеялом, если она есть. А главное, ведь никто столько не говорит, как он лично, о необходимости сплочения общества, его единства, согласия. Но сам же и орудует как засланный провокатор, цель которого — перессорить людей, учинить разного рода потасовки, порвать тонкие ниточки сближения. Ведь по последним опросам больше половины населения, несмотря на потоки многолетней клеветы, относится к Ленину уважительно.

И вот 75 миллионам соотечественников он плюет в лицо. Точно так же в вопросе о военных базах. Скулит, что американцы обложили нас, а сам ликвидировал две советские базы во Вьетнаме и на Кубе да ещё разрешил американскую базу в Ульяновске, в самом сердце России. Не пора ли Чазову его освидетельствовать?

Нет, милоч Дима, более подлого повода для возмущения трудно придумать. Кто же он — президент, символ страны или провокатор раздора, распрей и вражды в народе?

Это был, кажется, первый случай, когда пресс-секретарь попытался спасти своего босса, а ведь так следовало делать всегда, когда тот добровольно садился в лужу. Например, в начале своего президентства на вопрос иностранного журналиста, что случилось с подводным крейсером «Курск», он, вызвав во всем мире и смех и негодование, ответил: «Она утонула». Тогда, Дима, надо было придумать, допустим, так: «На самом деле он сказал: «Она утонула в результате предательского удара известных вам заокеанских бандитов», но эти бесстыжие журналюги отсекли конец фразы — излюбленный прием жулья!» Глядишь, Шахназаров, Никонов, Караганов, еще кто-нибудь и поверили бы. Или: когда он заявил, что ленинские идеи привели к тому, что вся наша внешняя торговля состояла в продаже калош, хорошо бы свести это к шутке или сказать: «Владимир Владимирович в тот момент был под мухой. Он же знает, что Гагарин не в калошах в космос полетел. Ну, перебрал у тещи на именинах. С кем ни бывает! Все люди, все человеки». Несомненно, Жириновский и Ирина Яровая были бы вполне удовлетворены. Или такое было дело: босс пригрозил украинским фашистам применить в случае их беспредела все имеющиеся у нас средства для защиты единокровных братьев, а как только этот кровавый беспредел начался, он улизнул в Бразилию и скрылся там в джунглях. Тогда можно было бы свести дело к разговору о слове «беспредел». А что это такое? А как конкретно его понимать? У босса-де тут свое понимание и т.д. до бесконечности. Словом, можно было заболтать. Это надежный прием демагогии.

Но, дорогой Песков, разве то, что мы услышали, «критические высказывания»? Это провокационная эманация исторического невежества и государственной тупости. И дело тут не в обиде. Ну, в самом деле, кому взбредет на ум обижаться на то, что абсолютно аморальный человек сморозил о Ленине с целью отвлечь народ от горьких и постыдных дел власти? От того, например, что под её руководством до сих пор экономика страны не достигла ВВП уровня 1987 года, а производительность труда упала на 30%. 2016 – 1987 — это почти тридцать лет. Вот куда вы отбросили Россию своими идеями, которые вам принесли со свалки мировой истории в пакете с двуглавым орлом.

Тем более, чего ж обижаться, ведь, скорей всего, его заставили сказать это. Как в истории с Донбассом, о которой уже упоминалось. Помните? Грозил, запугивал, проклинал «киевских фашистов», верещал, но его вызвали в Швейцарию, там сделали внушение или просто погрозили пальчиком — и все! В Москву вернулся шелковым и стал призывать жителей Донбасса не проводить референдум. Те начхали на его призыв. А он уже не посмел признать эти республики, как Абхазию и Южную Осетию, но зато признал законным президентом Порошенко, хотя истинно законный находился в России. Тут, Дима, жалость, а не обида.

Между прочим, вы ему, держащему в руках атомную бомбу, полученную из рук коммунистов-ленинцев, при случае скажите хотя бы о том, что такую бомбу не закладывают под здание, как ему мерещится, а сбрасывают с высоты. И он из тех, кто в самом деле сбросил атомную бомбу на Россию с огромной высоты своих державных постов. Его дружок Чубайс еще в самом начале прикинул: «Погибнут 30 миллионов». И действительно, в год погибало по миллиону. Но гибли не

только люди, а и вся экономика — заводы, фабрики, колхозы, лаборатории, родильные дома, школы...

У Ярослава Смелякова есть замечательное стихотворение «Кресло». Поэт рассказывает, как однажды, видимо, в дни какого-то съезда писателей он оказался в Кремле. И Владимир Солоухин, который когда-то служил тут в охране и знает все входы-выходы, привел его

В ту келью, в ту опочивальню
Где спал и думал Иоанн...
Там кресло около постели —
Лишь кресло, больше ничего,
Чтоб не мешали в самом деле
Раздумьям царственным его...
И я тогда, как все поэты,
Мгновенно, безрассудно смел
По хулиганству в кресло это,
Как бы играючи, присел.
Но тут же из него сухая,
Как туча пыль времен пошла.
И молния веков, блистая,
Меня презрительно прожгла.
Я сразу умер и очнулся
В опочивальне этой, там,
Где словно сдуру прикоснулся
К высоковольтным проводам.
Урока мне хватило с лишком,
Не описать, не объяснить.
Куда ты вздумал лезть, мальчишка?
Над кем решился подшутить!

К высоковольтным проводам истории прикоснулся сдуру и Путин. Не страшны ему ни молния веков, ни туча истории. Точнее говоря, он прикоснулся к двум переплетенным проводам. Первый — русская поэзия. Ведь Пастернак-то совсем не одинок. Тут начинать надо, пожалуй, ещё с Игоря Северянина, который, живя в Эстонии, в мае 1918 года сразу после заключения Брестского мира писал для вас, Путин, не знавшего в жизни ни войны, ни голода, а только аппетит:

Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.
Его приветствовать, как друга
Людей, мы искренно должны
Я — вне политики, и право,
Мне все равно, кто б ни был он.
Да будет честь ему и слава,
Что мир им первым заключен.

А Есенин! А Исаковский!.. И ведь вот что примечательно. Маяковский в год смерти Ленина писал:

И ему и мне
одно и то же дорого.

Отчего ж
стоящий он него поодаль,
я бы жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?!

Это 1924 год. Прошло четверть века, и Твардовский в 1949 году пишет:

Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

Вот поспорьте с ними... Интересно, а кто готов был бы отдать жизнь за Путина? Разве что та же Ирина Яровая. Да, да, она отдаст и мужа своего заставит, и свекра.

Не обойти вам встречи и со Степаном Щипачевым. Страшным летом 41 года в «Правде» было напечатано его стихотворение:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под вечер немцы в городок вошли
И статую низвергли с пьедестала...
Фашистский оберст крепко ночью спал,
А утром чуть не тронулся от страха:
Как прежде, Ленин бронзовый стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Этот немецкий оберст — духовный отец президента России, не так ли, товарищ Песков?

Поэтическую стезю я завершу строками из стихотворения Т.К.Кротовой, которое она прочитала на митинге, посвященном памяти Ленина, в Иваново 21 января, в тот именно день, а, может быть, и час, когда Путин кинулся в рукопашную с покойным Пастернаком. Она возгласила:

Великий Ленин — символ той эпохи,
Которую боятся воры и пройдохи.

Мне могут сказать: «Ты все поэтов да поэтов цитируешь, причем русских? Поэты — народ восторженный, возвышенный. А что другие?» Это справедливо. Что ж, теперь почитайте, что говорили о Ленине главным образом иностранцы — писатели, философы, политики, ученые, бизнесмены, причем современники, у которых почти вся жизнь Ленина, во всяком случае, его политическая деятельность прошла на глазах. И это опять не надо воспринимать как защиту Ленина, он в ней не нуждается, это — попытка показать Путину, кто он такой. Итак...

Герберт Уэллс, знаменитый писатель-фантаст: «Я пришел к Ленину, готовый к столкновению с догматиком. Но он оказался совсем не похож на догматика (вроде Жириновского, — В.Б.). Я слышал, будто Ленин любит поучать (как, Ирина Яровая, — В.Б.), однако в нашей беседе ничего подобного не было. Много писали о его смехе, который поначалу как будто неприятен (как смех Хазанова, — В.Б.) но вскоре начинает казаться циничным. Такого смеха я не услышал ни разу...

Вера его в своё дело поистине непоколебима. Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, всё же таит в себе огромные созидательные возможности» (1920 г.). «Ленин был поистине великим человеком. За короткие годы он сумел внушить России неиссякаемый и все преодолевающий дух созидания, который не оскудел и сегодня» (1934 г.).

Ромен Роллан, Нобелевский лауреат: «Я не разделяю идей Ленина и русского большевизма. Но именно потому, что я слишком индивидуалист и слишком идеалист, чтобы присоединиться к марксистскому КРЕДО и его материалистическому фатализму, я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взбороздила хаотический океан дряблого человечества, что ещё долго след его не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, устремляется на всех парусах к новому миру» (1924).

Шон О'Кейси, Нобелевский лауреат: «Ни одинокая жизнь в Лондоне, ни пустынные просторы Сибири не могли поколебать решимость этого великого человека, вдохновлявшего русских рабочих на то, чтобы ковать свободу из собственного мужества, спаянного единством воли и цели. Так он жил, основатель партии, которой суждено было потрясти и изумить мир, создать жизнь, воодушевляющую трудящихся всех стран».

Махатма Ганди: «Идеал, которому посвятили себя такие титаны духа, как Ленин, не может быть бесплодным. Благородный пример его самоотверженности, который будет прославлен в веках, сделает этот идеал ещё более возвышенным и прекрасным». Титаны духа... А сколько в ныне Кремле титанов брюха...

Максим Горький: «Я уверен, что террор стоил ему невыносимых, хотя и весьма искусно скрытых страданий. Как никто он умел молчать о тайных бурях в своей душе... Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами (Пожалуй, Ленин и Путину помог бы отличать арену для дзюдо от кабинета президента — В.Б.). А чтобы скрыть стыдливую радость спасения человека, он прикрывал радость иронией... Его частная жизнь была такова, что в религиозное время из него сотворили бы святого».

Альберт Эйнштейн, Нобелевский лауреат: «Я уважаю в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости. Его метод кажется мне нецелесообразным, но одно несомненно: люди, подобные ему являются хранителями и обновителями совести человечества».

Здесь можно отдохнуть и для развлечения мысленно выстроить две шеренги одна против другой: Уэллс, Роллан, Ганди, Горький, Эйнштейн и — Горбачев, Ельцин, Чубайс, Путин, Новодворская... Каков эффект? Полюбуйтесь и пошли дальше.

Бертран Рассел, лорд, Нобелевский лауреат: «Смерть Ленина лишила мир единственного великого человека, которого породила война. Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире, не чаще, чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы увидеть равного ему. Можно сказать, что наш век войдёт в историю веком Ленина и Эйнштейна. Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушать могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли хотя бы один человек, который построил так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом и творцом».

Арманд Хаммер, крупный капиталист, знавший Ленина лично: «Ленина называют безжалостным и фанатичным, жестоким и холодным. Я отказываюсь этому верить. Именно благодаря своему

неотразимому человеческому обаянию, полному отсутствию претенциозности или эгоизма ему удалось достичь величия, объединить своих соратников».

Карл Каутский, которого Ленин назвал «ренегатом»: «Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории. Между правителями великих государств нашего времени имеется только один, который хоть сколько-нибудь приближается к нему по своей силе. Это был Бисмарк. Конечно, их цели были противоположны... Цель Бисмарка была мелка, цель Ленина — колоссальна».

Отто Бауэр, которого Владимир Ильич тоже не жаловал: «Он часто и резко выступал против нас (социал-демократов Австрии — В.Б.). Мы не согласны были с тем, что его дело осуществимо теми самыми русскими путями в совершенно другой социальной обстановке Запада. Но у могилы Ленина молчат все эти разногласия. Мы тоже склоняем наши знамёна перед гением его воли, перед его обновляющим весь мир делом».

Николай Бердяев, противник коммунизма: «В его характере были олицетворены черты русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и риторике, практичность мысли. Он не был дурным человеком, в нём было много хорошего. Лично он не был жестоким... России грозила полная анархия, распад, который был остановлен коммунистической диктатурой, нашедшей лозунги, которым народ согласился подчиниться. Ленин остановил хаотичный распад страны деспотическим, тираническим путём...»

Николай Устрялов, кадет: «Ленин может быть назван величайшим выразителем русской стихии в её основных чертах. Он был русским с головы до ног (Не в этом ли одна из причин ненависти к нему Радзинского, Сванидзе, Млечина, Путина? — В.Б.). И сам облик его — причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола — подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси, именно в «евразийском» русском народе. А стиль его речей, статей, «словечек»? Тут нет «классического революционного» французского пафоса. Тут русский дух, тут Русью пахнет. (А Путин пахнет Чубайсом — В.Б.). В нём, конечно, и Разин, и Болотников, и сам Петр Великий. Потомки разберутся во всей этой генеалогии и поймут: Ленин наш, подлинный сын России, её национальный герой».

Николай Суханов, меньшевик, знавший Ленина лично, книга которого об Октябрьской революции была раскритикована Лениным: «Не может быть никаких сомнений, что Ленин есть явление чрезвычайное, человек совершенно особенной духовной силы. По калибру это первоклассная мировая величина. Он представляет собой исключительно счастливую комбинацию теоретика и народного вождя. Если потребовались бы ещё термины и эпитеты, я без колебаний назвал бы Ленина человеком гениальным». И Путин явление чрезвычайное...

Николай Валентинов, знавший Ленина лично: «Когда Ленина величали Стариком, это, в сущности, было признанием его «старцем», — т.е. мудрым, причем с почтением к мудрости сочеталось какое-то непреодолимое желание повиноваться ему... На ход истории личность Ленина наложила отпечаток уж, конечно, не меньший, чем Наполеон».

Василий Шульгин, монархист: «Ленин был добрее других. Поэтому он декретировал НЭП, чтобы спасти людей».

Максим Горький: «Не помню случая, чтобы он отказал мне в просьбе о заступничестве».

Великий князь Александр Михайлович, адмирал, один из образованнейших людей своего времени, в 1933 году уже перед смертью в Париже: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Патриарх Тихон, к которому обратились множество приходов и мирян с вопросом, можно ли отслужить панихиду по усопшему Ильичу: «Возбраняется служить панихиду о том, кто был отлучен от церкви. Ленин отлучён не был, и потому всякий верующий имеет право поминать его. Идеино мы с Владимиром Ильичём, конечно, расходились, но я имею сведения о нём как о человеке добрейшей и поистине христианской души». 25 января 1924 года это заявление патриарха опубликовали «Известия» и другие газеты.

Тогда же было напечатано и заявление Синода: «Священный Синод Русской православной церкви выражает искреннее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства насилия и гнёта на пути свободы и самоустроения. Да живет в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства... Грядущие века да не загладят в памяти народной дорогу к его могиле, колыбели свободы всего человечества... Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй христианской душе, Владимир Ильич».

Бернард Шоу, Нобелевский лауреат, он на своё 80-летие приезжал в Москву: «Россия над нами смеется. Она превратила нас в дураков, выставила на посмешище, оставила в хвосте и чуть что не сбила с ног. Мы читали ей лекции с высоты нашего цивилизованного превосходства (как ныне читает Путин с высоты либерализма, — В.Б.) а сейчас мы принимаем меры, чтобы скрыть нашу краску смущения перед Россией. Мы её бранили за безбожие, а сейчас — солнце сияет над Россией, к которой благоволит Господь. На нас же тяжко обрушился его гнев, и мы не знаем, куда обратиться за помощью или поощрением. В России ещё много нищеты, невежества и грязи, которые нам так хорошо известны дома. Но там повсюду царит надежда, потому что бедствия отступают перед ростом коммунизма, в то время как у нас эти бедствия увеличиваются усилиями нашего обанкротившегося капитализма» (1931 г.).

Рабиндранат Тагор, Нобелевский лауреат: «Я приехал в Россию, чтобы познакомиться с системой просвещения. Всё, что я увидел, удивило меня. За восемь лет просвещение изменило духовный облик всего народа. Немые заговорили, сдернуто покрывало, обнажившее души тех, кто веками не видел света, бессильные обрели душевные силы, презренные поднялись со дна общества, получив право на равное со всеми общественное положение. Столько людей и такие молниеносные перемены, что трудно поверить. Становится полноводной веками сохнувшая река. Повсюду кипит жизнь. Свет новых надежд озаряет её». (1930 г.).

Ромен Роллан: «Преобладающее впечатление от моего путешествия в Москву — это мощный поток молодой бьющей через край силы, ликующей от сознания своей мощи, от гордости за свои успехи, от уверенности в своей правде, от веры в свою миссию и в своих вождей, которая проникает и воодушевляет огромные народные массы». (1935 г.).

Леон Фейхтвангер: «Я замечал с удивлением и сначала скептически, что в Советском Союзе все люди, с которыми я сталкивался — притом и случайные собеседники, которые не могли быть подготовлены к разговору со мной, — хотя иной раз и критиковали недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом. Да, весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием, более того — счастьем». (1937 г.).

Теодор Драйзер: «Гитлер пытается уничтожить свободу, духовную и социальную справедливость, которые, кроме как в СССР, никогда не достигал ни один народ». (1941 г.)

Эрнест Хемингуэй, Нобелевский лауреат: «24 года дисциплины и труда во имя победы, создали великую славу, имя которой Красная Армия. Каждый, кто любит свободу, находится в таком долгу перед Красной Армией, который он никогда не оплатит». (1942 г.).

Халдор Лакснес, Нобелевский лауреат: «Первый раз я приехал в СССР в период коллективизации... И я увидел русских крестьян. Это были люди, которых революция вывели из вековой тьмы, пробудила их общественное сознание и поставила перед ними задачу — построить почти на голом месте новое общество. Более величественного зрелища мне не приходилось видеть». (1942 г.)

Пабло Неруда, Нобелевский лауреат: «Я снова в Москве. 7 ноября присутствовал на народной демонстрации, видел спортсменов, цвет советской молодежи. Уверенно и твердо проходили они по Красной площади» (1957 г.)

И наконец, несравненный Уго Чавес: «Ленин останется солнцем для всех народов мира, и мракобесам не хватит земли всей планеты, чтобы закопать идеи Ленина».

Вот на что вы, Путин, с папашей Ельциным, побратимом Чубайсом да корешем Медведевым сбросили атомную бомбу.

Вы нашли бы времечко за счет дзюдо да чаепития с премьером, съездили в Берлин, сходили бы в Трептов-парк да спросили бронзовый монумент русского солдата со спасенной немецкой девочкой на руках, кто, благословляя его на бой, сказал с трибуны Мавзолея: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». И помогало ли это напутствие ему в боях? И кто был изображен на его полковом знамени?.. Не знаю, захочет ли солдат разговаривать с тем, кто прячет под власовским покрывалом Мавзолей, в котором лежит спаситель России с пулей в теле, не бросит ли бронзовый солдат сверху: «Да пошел ты...». Но, может быть, хоть тогда Путин поймет смысл поэтической строки, которую я взял заголовком.

Вардан Багдасарян¹⁹⁰ «Исторический запрос на «нового Ленина» и современный антиленинизм»

Удивительную откровенностью своего квазирелигиозного содержания (в духе буддизма) оду Ленину в поэме «Лонжюмо» представил в свое время Андрей Вознесенский:

«Я думаю, что гениальность
Переселяется в других.
Уходят времена и числа.
Меняет гений свой покров.

---

¹⁹⁰ <http://polit-mir.ru/istoricheskiy-zapros-na-novogo-lenina-i-sovremenny-antileninizm-7974.html>

Он — дух народа.
В этом смысле
Был Лениным Андрей Рублев.
Как по архангелам келейным
порхал огонь неукрощен.
И, может, на секунду Лениным
Был Лермонтов и Пугачев.
Но вот в стране узкоколейной,
шгнув испуганную шваль,
в Ульянова вселился Ленин,
Так, что пиджак трещал по швам!
Он диктовал его декреты,
Ульянов был его техредом...
И часто от бессонных планов,
упав лицом на кулаки,
Устало говорил Ульянов:
«Мне трудно, Ленин, помоги!»

По этой логике Ленин — не есть фигура текущей политической конъюнктуры, а исторический ответ на запрос времени, выражение духа эпохи. Ленин и большевизм пришли тогда, когда тогдашний мир оказался в тупике, волны кризисов и войн сменяли друг друга.

Миру была нужна альтернатива. И эту альтернативу представила Советская Россия. Прошло почти сто лет... Паразитическая система мироустройства создает угрозы всему человечеству, бросает вызов самому процессу эволюции. Мир нуждается в выдвижении новой альтернативы жизнеустройства. Для того, чтобы эта альтернатива стала реальностью, нужна выдвигающая ее и воплощающая в жизнь сила — новые большевики. Но сила не может иметь шанс на успех без наличия лидера, полководца и идейного вождя. Это означает запрос на приход нового Ленина. Мировой и национальный бенефициариат будет делать все, чтобы не допустить его прихода. Не потому ли так акцентировано атакуется и дезавуируется сегодня образ Ленина? Не потому ли очерняется Октябрьская революция и советский проект?

СОВЕТСКИЙ НАРОД И АНТИСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА

В свое время в борьбе против СССР идеологически сложился антисоветский альянс, достаточно четко идентифицируемый в рамках диссидентского движения. С одного фланга коммунизм был атакуем западниками (либералами и сторонниками европейской версии социализма), с другого — русскими националистами. При победе над СССР пропуск в состав новой элиты был закрыт только в отношении тех, кто сохранял приверженность к «советскому».

После распада СССР народ и элита оказались размежеваны не только социально, но и идеологически. Народ оставался преимущественно приверженцем советской системы ценностей. Идеологией элиты являлся антисоветизм. Сохранилось при этом две версии антисоветизма — либерально-западнический и националистско-фашистский. С течением времени советская ценностная парадигма народа так и не была преодолена. Обнаруживаются даже тенденции усиления запроса на советские ценности и смыслы.

По этой логике власть должна была бы принципиально воздерживаться от высказываний или действий направленных против советских символов. Власть в последнее время ориентируется

на показатели рейтинга президента и, казалось бы, должна стремиться оградить главу государства от демонстрации антисоветскости. Произошел сбой. На встрече, посвященной развитию науки, Михаил Ковальчук предложил Президенту высказаться в отношении знаменитых строк Бориса Пастернака о Ленине «он управлял течением мысли и только потому страной». Ответ Путина был неожиданно антирейтинговый. Президент ответил, что управлять течением мысли нужно, но так, чтобы эти меры привели к правильным результатам, «а не как у Владимира Ильича». «В конечном итоге эта мысль, — завершил он свои рассуждения, — привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там тоже была».

Данное высказывание вызвало разного рода негодующие отклики. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков прокомментировал — это было личное мнение президента. Но такая формула означала, что президентская фраза была признана неудачной. И наконец, сам президент на Форуме ОНФ в Ставрополе дал развернутое изъяснение. Антирейтинговый эффект было, по-видимому, решено поправить просоветскими и даже прокоммунистическими апелляциями. Президент произнес такое, что, казалось бы, не мог произнести никогда.

Во-первых, то что сам разделяет коммунистические ценности.

Во-вторых, что видит многие положительные моменты, связанные с советской плановой моделью экономики.

В-третьих, противопоставив Ленину единственного, кого без ущерба для просоветского электората ему было можно противопоставить — Сталина.

В-четвертых, осудив факт передачи в результате учреждения СССР, Донбасса в состав Украины.

Остается после всего произнесенного, действительно, провозгласить ценности морального кодекса строителей коммунизма, восстановить плановую систему и включить после Крыма в состав РФ также и Донбасс. Но, тем не менее, оценка Ленина, как политика, заложившего мины распада под Россию как единое государство осталась, становясь в силу императивности в наших реалиях любых слов президента, официальным концептом. Тезис о разрушительной роли был дополнен, во-вторых, традиционным либеральным тезисом о неоправданности большевистского террора. В-третьих, тезисом о неприятии установки большевиков на мировую революцию.

Так кем были большевики — разрушителями государственности или имперостроителями?

ЛЕНИН — ИМПЕРОСТРОИТЕЛЬ

При утверждении разрушительной роли большевиков, забывается одна деталь — большевистскому Октябрю предшествовал либеральный Февраль.

Разрушение империи задала не Октябрьская, а Февральская революция, а большевикам пришлось неимоверными усилиями изменять вектор распада. Регулярную царскую армию уничтожила отнюдь не антивоенная пропаганда большевиков. Ее похоронил абсурдный, если не считать его преднамеренным, Приказ №1. Показательно, что по свидетельству военного министра последнего состава Временного правительства А.И.Верховского, приказ был отпечатан фантастическим по масштабам тиражом — в 9 млн. экземпляров. До сих пор вопрос о его авторстве и тиражировании окутан мраком. Даже военный министр первого состава Временного

правительства А.И.Гучков считал его «немыслимым». Обер-прокурор Синода В.К.Львов заявлял, что Приказ № 1 есть «преступление перед Родиной». Но «недоразумение» повторилось. Став военным министром, А.Ф.Керенский издал свой «Приказ по армии и флоту» (его стали называть «декларацией прав солдата»), фактически дублировавший содержание Приказа №1.

Еще 16 июля 1917 г. А.И.Деникин, выступая в присутствии А.Ф.Керенского, заявил: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...».

Вопреки другому современному стереотипу, распад России на национальные государства также не был инициирован большевиками. Еще в марте 1917 г. Временное правительство восстановило автономию Финляндии. В июле финский сейм принятием «Закона о власти» фактически провозглашал независимость. Компетенция российского правительства ограничивалась лишь вопросами военной и внешней политики.

Несмотря на оккупацию территории Царства Польского германскими и австро-венгерскими войсками, Временное правительство сочло необходимым заявить о своем согласии на создание в будущем независимой Польши. Единственным условием к польской стороне было установление военного союза с Россией.

Самочинно созванная на Украине Центральная рада стала ее фактическим правительством. вопреки слабому сопротивлению российских властей, она в июне 1917 г. объявила универсал об автономии Украины и созданию исполнительного органа — Генерального секретариата. По украинскому примеру в июле 1917 г. была создана Белорусская рада. Претендуя на роль национального правительства, она добивалась признания политической автономии Белоруссии.

С сентября вслед за Украиной начал отделяться Северный Кавказ. В Екатеринодаре было учреждено «Объединенное правительство Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». По февральской инерции к концу 1917 г. от России отделились Закавказье, Литва, Бессарабия и т. д. Демократическая энтропия дошла до провозглашения независимости отдельные регионов, губерний и даже уездов.

Масштабы государственной дезинтеграции России ко времени Гражданской войны отразились в создании не менее 120 самостоятельных государств. Из них 59 были в конфронтации к большевикам. Никогда такого количества одновременно существующих в ареале российской цивилизации государств не было. Миссия большевиков заключалась в форсированном формировании новой, интегрирующей, модели государственного единства — советской.

Разъясняя перед эмигрантской аудиторией имперскую трансформацию революции, сменовеховец Сергей Чахотин писал: «История заставила русскую „коммунистическую“ республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о „большевиках“, а... о России, о новом ее появлении на мировой арене».

Индикатором имперской сущности новой власти стала советско-польская война. Большевики воевали с поляками не как с классовыми антагонистами, а как с национальными историческими врагами России. Белые генералы оказывались в одном лагере с польскими сепаратистами. Не «нэповский термидор», а именно война большевиков с Польшей породила, по всей

видимости, сменевеховство. «Их армия, — писал В.В.Шульгин, — была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области».

В пропаганде среди красноармейцев большевики апеллировали к патриотическим чувствам русского человека. Л.Д.Троцкий в одной из прокламаций по Красной Армии заявлял, что «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию. Со страниц «Правды» Л.Д.Троцкий провозглашал: «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля». Даже великий князь Александр Михайлович Романов признавал, что имперскую миссию во время Гражданской войны взяли на себя большевики.

Наиболее ценны признания исторической правоты большевизма, исходящие от его противников. Выводы монархиста В.В.Шульгина по осмыслению опыта Октябрьской революции гласили о том, что именно «большевики 1) восстанавливают военное могущество России; 2) восстанавливают границы российской державы до ее естественных пределов; 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского». Но вместе с тем, советский проект был далеко не идентичен проекту православного имперостроительства. Идеологема Русской православной империи базировалась на традиционалистской парадигме. Система царской России сохраняла в зависимости от периодов правлений с разной степенью успешности элементы традиционного общества. Однако обострение геополитической борьбы в мире диктовало задачи модернизации. Большевизм объективно выступил идеологией российского (= советского) модернизационного прорыва.

Посредством большевистской мобилизации Россия не только освоила новые технологические уклады, но стала претендовать на роль мирового технологического лидера.

Семнадцатый год стал апогеем процесса западной модернизации. В осуществлении модернизационных трансформаций парадоксальным образом совпадали усилия правительственных кругов и революционного подполья. Но этот апогей пришелся не на Октябрь, а на Февраль. Дальнейший ход общественного развития определялся уже логикой цивилизационного отторжения. Миссия осуществления данного поворота выпала на большевиков.

О ЛЕНИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ

Большевистские репрессии, безусловно, исторический факт. Но террор против сторонников царского режима был начат еще февристами. Волна репрессий против лидеров право-монархического движения прокатилась по стране еще в дооктябрьский период. Особой доблестью среди активных представителей «революционных масс» считалось убить полицейского или черносотенца. На волне Февральской революции было убито 4 тыс. служащих Охранного отделения. Под арестом оказываются общественные деятели право-монархического направления: А.И.Дубровин, Н.М.Юскевич-Красовский, Н.Н.Тиханович-Савицкий, И.Г.Щегловитов, Н.А.Маклаков и др. Инициированная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия подготавливала судебный процесс о государственной измене Николая II. Царь был арестован впервые не большевиками, а именно Временным правительством.

Во время гражданской войны наряду с большевистским красным, осуществлялся белый террор. К террору прибегали все стороны. Шла классовая война, перешедшая в фазу войны гражданской. А в войне, как известно, борьба ведется на уничтожение. Вопрос состоит — на чьей стороне в этой борьбе была правда. И надо признать, что суверенитет и целостность России, вне зависимости

от исходных представлений периода подполья, защищали в условиях Гражданской войны именно большевики.

Гражданская война в России сопровождалась традиционной для периодов русских смут внешней агрессией. Пафос этого противостояния, восприятия России в качестве осажденной крепости передают агитационные стихи Демьяна Бедного:

«Еще не все сломали мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы в огненном кольце!».

Намерение осуществить расчленение российских территорий в западном политическом истэблишменте даже не скрывалось. На парижской конференции были определены зоны влияния держав Антанты на бывшем пространстве Российской империи. Агрессия объединенного Запада против Советской России осуществлялась по трем основным направлениям деятельности: 1. поддержка разными способами белых армий и иных российских антибольшевистских сил; 2. содействие этническому сепаратистскому движению; 3. организация собственной военной интервенции. Всего в походе против России приняло участие 14 иностранных государств: Великобритания (включая Австралию, Канаду, Индию), Франция, США, Германия, Австро-Венгрия, Турция, Италия, Греция, Румыния, Польша, Финляндия, Япония, Китай, Сербия. Это была самая широкая за всю историю военная коалиция, направленная против России. Совокупно интервенционный контингент насчитывал к февралю 1919 г. армию в размере 202,4 тыс. чел. В их числе: англичане — 44,6 тыс. чел.; французы — 13,6 тыс. чел.; американцы 13,7 тыс. чел.; японцы — 80 тыс. чел.; чехи и словаки — 42 тыс. чел.; итальянцы — 3 тыс. чел.; греки — 3 тыс. чел.; сербы — 2,5 тыс. чел. Совокупно это было меньше, чем численность войск у Колчака, но больше, чем у Деникина, Врангеля и Юденича.

Воспитанные в традициях революционного подполья большевики в своей риторике были первоначально ближе к русофобии, чем к русофильству. Однако логика избранной идеологии объективно заставляла большевиков все в большей степени переходить на государственнические позиции. Именно Гражданская война, в которой России пришлось противостоять не только и не столько «белым», сколько стоящей за их спиной объединенной западной агрессии, стала историческим контекстом этой идейной трансформации.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКИЙ ПРОЕКТ

Уже в первые десятилетия реализации советского исторического эксперимента коммунистическая идея пользовалась большой популярностью, доходящей до апологетики СССР среди интеллектуальной общественности мира. Вопреки мнению ряда современных авторов в Гражданскую войну в интернациональных формированиях Красной армии сражались не только бывшие военнопленные, но и граждане, сознательно отправившиеся в Россию для участия в революционной борьбе.

Великая Октябрьская революция стала событием, принципиально изменившим систему мировых координат. Прежде такое же значение имела Великая Французская Революция. Мировой резонанс Октября был даже больше, поскольку не ограничивался рамками западной цивилизации, имея подлинно планетарное звучание. Революция в России стала по оценке многих мыслителей, принадлежащих к самым различным идеологическим парадигмам, крупнейшим

событием, как минимум, в истории двадцатого столетия. Приведем некоторые из таких оценок, данных современниками.

Анатоль Франс: «Если в Европе есть друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой Революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа».

Джавахарлал Неру: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Томас Манн: «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моем чувстве уважения к историческому событию моего времени — Русской революции. В своей стране она покончила с давно ставшими нетерпимыми анахроническими порядками, подняла духовный уровень народа, 90 процентов которого были неграмотными, создала несравнимо более человеческие условия жизни для народных масс. Она является величайшей революцией после политической революции 1789 года, и, подобно ей, оставит своей след в жизни человечества».

Бернард Шоу: «Здесь, в России, я действительно, убедился, что коммунизм может вынести человечество из его теперешнего кризиса и спасет от анархии и разрушения».

Рабиндранат Тагор: «В наши дни лозунги русской революции стали лозунгами всего мира».

Теодор Драйзер: «Я пришел к выводу, что Россия по всей вероятности превратится в одну из самых мощных экономических сил, какие когда-либо существовали в мировой истории».

Герберт Уэллс: «Я считаю Октябрьскую революцию один из величайших событий истории. Она коренным образом изменила идеологию всего мира...»

Нужен ли был России проект мировой революции? На первый взгляд — нет. Но давайте посмотрим на большевистскую попытку выдвижения мирового проекта с позиции сегодняшних вызовов

Реальностью является мировой американский проект. За счет реализации этого проекта было достигнуто американское глобальное доминирование. Попытку артикулировать и политически продвинуть собственный проект глобального доминирования пытаются и другие цивилизации.

Каждая цивилизация имеет свою цивилизационную миссию, послание миру. Без артикуляции такой миссии соответствующая общность обречено на утрату суверенитета, принятие ценностей и идеологием внешнего проекта. Проект большевиков был проектом адресуемым Россией миру. Несколько десятилетий он выражал мейнстрим мирового развития. Альтернативность этого проекта проекту западному вызывает жесткое неприятие современными западниками большевистского мессианства. И то что сегодня Россия принципиально нуждается в наличии такого проекта — не вызывает сомнений. В современном конфликте с Западом только его наличие оставляет шанс на победу.

БЫЛ ЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ БОМБОЙ, ЗАЛОЖЕННОЙ ПОД РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ?

Большевики выстраивали новую государственность в соответствии с принципами федерализма, а не унитаризма. В свете того, что СССР распадется впоследствии по границам национальных

республик, это может быть, на первый взгляд, поставлено большевикам в вину. Президент собственно их виновность и сформулировал. Но федералистскими является и большинство территориально сопоставимых государств современного мира. Распадные процессы в них не обнаруживаются. Значит, не в федерализме самом по себе состоит дело.

Преимущество унитаризма состоит в усилении позиций Центра, что особенно важно при наличии в обществе центробежных тенденций. Недостаток унитаризма — унификация национально-культурной жизни.

Федерализм позволяет выстроить модель государства как мира миров, где уровень национальный гармонизирует с уровнем цивилизационным. Сторонником федерализма был, к примеру, Н.Я.Данилевский — основоположник теории культурно-исторических типов, заподозрить которого в подрыве российской государственности было бы весьма трудно. Автор «России и Европы» был убежден, что только через федерацию Россия сможет консолидировать вокруг себя другие народы, входящие в ее цивилизационный ареал. Вступление в эту Федерацию должен быть, по мысли Данилевского добровольным, а выход — беспрепятственным. Иначе, полагал он, ничего не получится. Ни железом и кровью, как учил Бисмарк, должна выстраиваться российскоцентричная модель единства, а любовью — провозглашал в своих великих стихах Федор Тютчев.

Контекстом создания советской федерации была атмосфера ожидания близкого свершения мировой революции. Замысел создания СССР был четко заявлен в Конституции 1924 года: «Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Советский Союз создавался не как региональный, а как планетарный проект. Ситуации 1922 года — времени создания СССР и 1991 года — времени его распада принципиально отличались. В 1922 году большевизм был наступающей и побеждающей силой. Советский Федерализм был приглашением странам и народам мира вступить добровольно в создаваемую общность. В 1991 году КПСС сдавало позиции, отступала и единство страны удержать идеологически оказалась не в состоянии. Причина распада государства состояла не детонировавших минах, заложенных Лениным, а идеологической инверсии, предательстве руководством КПСС советского проекта. Да, Конституция СССР предусматривала право выхода любой из союзных республик из состава Союза. Но это было фактически невозможно. Не было самой законодательно закрепленной процедуры выхода. Аналогична ситуация с современной Конституцией РФ.

Сегодня, очевидно, что написанная в свое время под диктовку США, она должна быть для обеспечения реального суверенитета отменена. Но для отмены ее требуется созыв Конституционного собрания, закон о котором вот уже почти четверть века как не принят. Так же обстояло дело и с возможностью выхода республик из состава СССР.

Ленин — безусловно, одна из величайших фигур в истории человечества. И это, говоря в современных категориях, русский бренд. Конечно, Ленин был воинствующим интернационалистом. Но посмотрите на современную Украину — ритуалом антироссийских выступлений является снос памятникам Ленина. Его сносят именно как символ ассоциируемый с Россией и большим российским проектам. И к национальным символам надо относиться, как минимум, бережно. Ленин и Октябрьская революция символизируют цивилизационное послание России миру, российскую мечту о построении мироустройства на принципах равенства и социальной справедливости. И это те идеи, которые Россия должна предъявить миру снова, модифицированную в соответствии с новым языком и новыми вызовами времени. Это послание нужно не только России, но и всему миру. Время предъявляет запрос на нового Ленина.

Константин Семин¹⁹¹ «Несколько слов о Ленине для "чайников"»

Всех, кто берется судить сегодня Ленина, объединяет абсолютное непонимание смысла его учения, причин его популярности в народе и мотивов, стоявших за созданием СССР. Проще говоря, Ленина из них никто толком не читал и читать не собирается (хотя именно сейчас, учитывая ситуацию в мировой экономике — самое время). Специально для них — на бытовом, примитивном уровне — изложу логику большевиков на 1916 г.

1. Развитие капитализма неизбежно приводит к кризисам. Кризисы всегда разрешаются через войну.
2. С каждым следующим кризисом империалистические войны будут становиться все более разрушительными.
3. В империалистических войнах самым жестоким образом обнажается классовая структура обществ: в первую очередь гибнут бедные и бесправные, богатые сидят в тылу и не гибнут.
4. У России, как у отсталого капиталистического государства, нет никаких шансов выиграть мировую войну. Будучи полуколониальной державой, Россия находится в зависимости от внешних кредиторов, а потому жизнями своих солдат постоянно спасает союзников на западном фронте. Даже в случае победы Антанты над Германией следующим "пациентом Европы" неизбежно станет именно Россия (см. Крымская Война). Технологическое отставание России от Англии, США, Франции, Японии (см. Русско-японская война) таково, что практически не оставляет государству шансов сохраниться. То, с какой скоростью Антанта приняла отречение Николая и бросилась потом дербанить царское наследство, полностью подтверждает эти предположения.
5. Чтобы не допустить очередной мировой войны (в которой однажды погибнут все — и русские, и нерусские), необходимо создать другую, альтернативную мирохозяйственную систему (СССР).
6. Чтобы защитить эту мирохозяйственную систему от неизбежной агрессии капитализма, её создатели должны совершить качественный рывок в науке, технике, образовании, медицине.

---

¹⁹¹ <http://rusinform.ru/index.php?newsid=6321>

Каждый гражданин нового государства должен чувствовать свою причастность к нему, иметь мотивацию к его защите. Создать у народа такую мотивацию в Первой Мировой царское правительство было неспособно (см. "Немец до Урала не дойдет")

7. Строить новую мирохозяйственную систему в границах РСФСР было бы абсурдом. Она бы не выжила. Требовалась идеология, которая сплотила бы все населявшие Российскую Империю национальности. Этой идеологией не могли быть ни русский национализм, ни православие, ни имперскость как таковая. Ни силой, ни уговорами загнать под имперскую крышу Туркестан, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Украину и тд было уже невозможно (Деникин, которого под Адлером атаковали грузины Н.Жордани, не даст соврать). Объединяющей "русских-узбеков-латышей" идеологией могла стать только справедливость. Государственным каркасом — только Союз равноправных народов. Союз, а не Империя.

8. Новую мирохозяйственную систему неизбежно будут душить и задушат в блокаде (не бывает мирного сосуществования двух систем), если она не предпримет наступательных действий. Отсюда мондиалистский тезис о перманентной революции. Внимание, православные сталинисты: этот тезис никогда не отвергался даже Сталиным. Сталин лишь говорил, что сначала надо построить государство и только потом ввязываться в какие-то революции. Собственно, на почве этих расхождений и заработал свой ледоруб Троцкий. Отказ от идеи борьбы с капитализмом на чужой территории (в ВОВ союзники не открывали второй фронт до упразднения Коминтерна), в конечном счете привел к тому, что СССР пришлось сражаться на своей территории. "Сосуществование двух систем" оказалось разводкой для лохов.

9. Уничтожение СССР не отменило ни одну из перечисленных проблем. Капитализм вступает в невиданный в истории кризис, выход из которого он по привычке ищет через войну.

...

Теперь — поскольку условия уравнения остались практически неизменными (ну разве чуть усложнились) — хотелось бы послушать, какие у господ-ленинофобов имеются альтернативные программы по выходу из складывающейся ситуации.

Е. Братцев. «Махатма Ленин»

Махатма по индийской мифологии — божественный сверхчеловек. В современной трактовке — самый выдающийся деятель мировой цивилизации.

Рерих посчитал за большую честь прервать экспедицию и выполнить поручение легендарных учителей — махатм.

Они попросили Рериха доставить в Москву их послание Советскому правительству и ларец со священной для индийцев гималайской земли. На нем надпись: «На могилу брата нашего Махатмы Ленина». Это было в 1926 году. Принимали Рерихов Луначарский и Чичерин. В послании говорилось:

«На Гималаях мы знаем свершенное вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили жуков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали

ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю помощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам нашу помощь, утверждая единение Азии!

Знаем: многие построения совершатся в годах 28 — 31 — 36.

Привет вам, ищущим общего блага!»

Звание махатмы в XX веке удостоены два человека — В.И. Ленин и индийский проповедник Ганди. Ганди теперь называют не иначе как махатма Ганди.

У русского народа не принято использовать титулы, звания иноземных народов. Поэтому и звание махатма Ленину не привилось. Но оно осталось с ним навечно.

Прочитайте еще раз послание махатм и посмотрите, что сегодня делают со страной, с народом так называемые демократы. Они с лихорадочной спешностью ликвидируют самые демократические завоевания нашего народа и возвращают, внедряют, полицейской дубинкой вколачивают в сознание молодежи лженаучный, безнравственный, порочный для человека и общества образ жизни. Главная их цель — уничтожение «самого непокорного» (по Даллесу) русского народа.

Но ленинское учение, так ярко одобренное мудрецами Востока, уничтожить нельзя.

Сегодня мы, коммунисты старшего поколения, завтра вы, идущие нам на смену, будем приумножать знания и опыт из сокровищницы ленинского наследия, великой кладовой мировой социалистической цивилизации.

Это учение бессмертно, как и имя его создателя — махатмы Ленина!

* * *

Однажды слушал журналиста, прибывшего из Конго, когда там шла революционная война за освобождение страны от колониального рабства.

Их машину остановил лесной завал. Подбегают вооруженные люди, смотрят: цвет лица белый — значит, колонизаторы, враги. Вытаскивают из машины с очевидной целью — убить.

Переводчика не понимают, переводчик не понимает их. Это не удивительно. В Конго насчитывалось примерно 230 племен, разговаривающих на разных языках и наречиях.

— Мы здорово перетрусили. Не знали, что делать. И тут один наш в отчаянии громко говорит по-русски:

— Мы не бельгийцы! Мы русские! Советский Союз! Спутник! Ленин!

Произошло невероятное. Люди остановились. Некоторые приняли молитвенную позу. Жестами просили прощения за ошибку. Завал был разобран и советских людей с почетом проводили дальше.

И это в джунглях Центральной Африки совершенно неграмотные люди знают Ленина, знают

страну, созданную им, уважают народ, выросший под именем Ленина.

Во время Великой Отечественной войны в Польше, на металлургическом заводе, в вагоне с металлическим ломом, вывезенным фашистами с оккупированной российской территории, рабочие обнаружили бронзовую скульптуру В.И. Ленина.

Кругом немцы, их ставленники, осведомители. Но рабочие спрятали памятник и сохранили его до освобождения города войсками Красной Армии. И это в Польше, где тысячи лет культивировалось враждебное к русским настроение. Спрятать памятник можно только группой, с применением техники. А это значит, польским рабочим Ленин был дорог не потому, что русский, а что он человек Мира, Вождь всего трудового народа Вселенной!

В Германии, в Лейпциге, городе музеев и библиотек, разрушенном полностью англо-американской авиацией, и только потому, что он отходил в советскую зону оккупации. Вот на Рур — сердце немецкой индустрии — они бомб не бросали. В этом городе, в одном из музеев сотрудники много лет хранили бюст Владимира Ильича. С гордостью установили его после нашей победы над фашистами.

Имя Ленина знают и чтут люди разных стран, различных наций, вероисповеданий, идеологических воззрений.

И только на родине Ильича предатели народа, гадкие осквернители стали в спешке разрушать памятники Ленину, переименовывать города, улицы, носящие имя Ленина, закрывать музеи, отнимать у них здания. Много лет скалят свои шакальи зубы на Мавзолей Ленина на Красной площади в Москве.

Только это не демократия — это варварство, средневековая инквизиция, либеральный фашизм.

Ленин и мертвый страшен для буржуазии. Она же знает, что рано или поздно учение Ленина будет востребовано народом.

* * *

Уважаемый читатель! Задумайтесь, пожалуйста, над фактом: почему один за другим скончались еще не старые, особо яростные хулители Ленина? Это Адамович, Волкогонов, Солоухин, Собчак...Еще. В городе среднеазиатской республики (пишу по памяти) в течение двух лет поумирали все участники разрушения памятника Ленину...

Я не буду приписывать это сверхъестественным, космическим, божественным силам, но и отрицать этого не стану. Я не специалист в таких делах.

В чем я твердо убежден: подлость, совершенная человеком — не важно в одиночку или группой, — будет грызть, глотать его психику, его нервную систему. И как бы он при этом громко ни каялся, что делал это с добрыми намерениями, в интересах народа, психика ему не поверит...

Мы же знаем, что злые, подлые люди долго не живут. И чем большее зло они творят, тем быстрее умирают. А уж совершенная ими подлость, ложь и клевета на человека Вселенной, космического посланника на нашу Землю, тем более Природой — не прощается.

Таганрог.

Александр Солженицын¹⁹². «Ленин в Цюрихе»

из Узла I. «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

Да, да, да, да! это – порок, эта жила азарта, этот напор, когда увлечённый одной линией, вдруг слепнешь и глохнешь к окружающему и простейшей детской опасности не видишь рядом! Как с Юлей Мартовым когда-то (да когда! – едва отмучивши трёхлетнюю ссылку, едва соберясь за границу!) с корзинкой нелегалщины, с химическим письмом о плане „Искры“

– перемудрили, переконспирировали: полагается в пути менять поезда, не подумали, что тот пойдёт через Царское – ив нем заподозрены, взяты жандармами, и только по спасительной российской неповоротливости полиция дала им время сбить корзину, а письмо прочла по наружному тексту, не удосужилась подержать над огнём – и тем была спасена „Искра“!

Или как потом: в напряжённой годовой внутрипартийной войне большинства из двадцати одного против меньшинства из двадцати двух – пропустили, почти не заметили всю японскую войну.

Так – и эту (и не думал о ней, и не писал, и на Жореса не откликнулся). Да потому что: распозлзлась всеобщая зараза объединительства, за последние годы охватила всю русскую социал-демократию – огульное объе дините л ьство, самое опасное и вредное для пролетариата! примиренчество и объединенчество – идиотизм, гибель партии! И перехватили инициативу вожди слюнтявого Интернационала – они нас будут мирить! они нас будут объединять! зовут на пошлейшую объединительную конференцию в Брюссель

– как вырваться?? как избежать?? – Всё вниманье,

всё напряженье ушло туда – и почти не слышал выстрела в эрцгерцога!.. Объявила войну Австрия Сербии – как не заметил. И даже Германия объявила России! – как нипочём... Пустили известие, будто немецкие с-д проголосовали за военные кредиты – финта, нас не надуешь, хотят внести замешательство среди социалистов. Да, да, вот так затягивает, когда хорошо разгонишься в борьбе, трудно остановиться, очнуться. Да, да, да, было десять дней – сообразить своё двусмысленное положение возле самой русской границы и убираться поскорей из этого чёртова Порони– на, уже теперь никому не нужного, и изо всей этой захлопнутой Австро-Венгрии – в воюющей стране какая работа? сразу нужно было мотнуться в благословенную Швейцарию – нейтральную, надёжную, беспрепятственную страну, умная полиция, ответственный порядок! – так нет! даже не пошевелился, всё додумывал старые довоенные заботы, тут началась и австро-русская, и на другой же вечер, в дождь проливной, постучался жандармский вахмистр.

Вообще – конечно, должна была быть война! – предсказана, предвидена. Но – не конкретно сейчас, в этом году. И – пропустил... И – вляпался...

Гладко-выбритое, приятное, даже нежное лицо Ганецкого – сейчас такое спокойное, а иступлённо кричал на судью в Новом Тарге! а как на арбе гнал!

– не бросил в беде.

---

¹⁹² <https://www.litmir.me>

«Ленин в Цюрихе»: Умса Press; Париж; 1975

По перрону – до паровоза и назад. До паровоза

– и назад.

Еще и до отправления адски много времени, почти полчаса, и еще всё может случиться. Хотя тут, на станции, надёжно расхаживает жандарм, уже никто не кинется.

Диалектика: жандарм – может быть и плохо, может быть и хорошо.

Большое красное колесо у паровоза, почти в рост.

Как бы ты ни был насторожён, предусмотрителен, недоверчив, – убаюкивает проклятая безмятежность быта, мещанская в сути своей, семь лет подряд. И в тени чего-то большого, не рассмотрев, ты, как к стенке, прислоняешься к массивной чугунной опоре – а она вдруг сдвигается, а она оказывается большим красным колесом паровоза, его проворачивает открытый длинный шток – и уже тебе закручивает спину – туда! под колесо!! И, барахтаясь головой у рельсов, ты поздно успеваешь сообразить, как по-новому подкралась глупая опасность.

Но почему – именно к нему, едва война началась? Сперва даже засмеялся: что ж тут могли заподозрить? – уж перед австрийской полицией он даже непорочен. (Он и в Краков переехал, прослышав от Ганецкого, что австрийские власти будут поддерживать все анти-царские силы.) Обыск. Были русские адреса, конспиративные записи (несчастье такое, всегда они попадают), но их-то вахмистр-болван как раз и не заметил, а набросился на рукопись по аграрному вопросу: слишком много цифр! шифровано! Забрал рукопись. Жаль, но чёрт бы с ней. Однако, гладит полиция всегда против шерсти и на самой гладкой спине вдруг что-то топорщится: боялся Ленин только за русские адреса, а вахмистр полез, полез – и нашёл браунинг с патронами! Ленин изумлённо смотрел на Надю, он не знал, не помнил этого мерзкого револьвера, он никогда бив руки его не взял, да он и стрелять не умел, да ему бив голову не пришло действовать простым ручным оружием. Откуда??? (Оказывается, какой-то архистарательный русский товарищ, идиот, припёр, а Надежда, недотёпа, взяла.)

Живёшь – сам себя со стороны не наблюдаешь, не понимаешь. И вот, глазом жандармским: поселился близ русской границы; к нему из России приезжают; деньги присылают из России, и не малые; много ходит по горам, наверно планы снимает. В Новом Тарге всех предупреждали: задерживайте подозрительных, делают снимки дорог, отравляют колодцы. Шпион! А тут – и револьвер! Завтра явиться к утреннему поезду, поедом в Тарг.

Кольцо глупости! Стена глупости! Глупейший, простейший, слепейший просчёт – как с Царским Селом тогда. (Да как и в 95-м году – газету готовили, ни одного номера не выпустили, сразу и провалились...) Да, да, да, да! – сесть в тюрьму революционер всегда должен быть готов (впрочем, умнее избежать) – но не так же глупо! но не так же позорно! но не так же не вовремя дать себе спутать руки!! Вон-нючая полицейская камера в Новом Тарге! заплеснелая Австро–Венгрия! – военный суд?!?

Никакая внешняя неудача, поражение, подлость и низость врагов – никогда ничто так не травит сердце, как собственный даже малый просчёт, днём и ночью сжигает, особенно в камере. Своего просчёта нельзя объяснить объективно, потому нельзя заглядить, забыть, а только: его могло не быть! могло не быть!! могло не быть!!! – а он был, по собственной оплошности! Сам ошибся! – и не избегаешь за одиннадцать дней по плитчатому полу от стенки до стенки, не отлежишься на

визгливой кроватной сетке, а жжёт и палит: могло не быть! –.могло не быть!! – сам наделал! – сам влопался!!

И еще сейчас 23 минуты до отхода поезда, только первый звонок дали, – уж скорей бы уехать!

А Ганецкий – Куба по-партийному, самоуверенно держится, коммерсантская манера, изобретательношнуровая полоска усов, и глаза настойчивые, спокойно-выкаченные, не могут не восхитить. В острейший момент не отстал, не смяк, не сдался, а как бульдог вцепился в жандармские штаны. В первые же минуты после обыска – к нему первому, не к Гришке Зиновьеву, покатил Ленин на велосипеде – и не ошибся. Из достоинства еще старался рассказывать как о пустяке, о смешном досадном случае. (А сам про себя оглушён: ведь время военное, кто будет разбираться? – расстреляют! ухлопают беспрепятственно – и к чертям, по

глупости, вся партия! и – к чертям всемирная социалистическая революция!) Но Куба – понял, как это опасно! не поддержал игры в небрежность, в успокоение, а из себя фонтаном взвил имена – социал– демократов! депутатов парламента! общественных деятелей! – кому сейчас же писать, объяснять, теревить!! добиваться вмешательства!!!

Уже в тот вечер из Поронина слал Ганецкий первые телеграммы, и Ульянов телеграфно просил краковскую полицию подтвердить его полную лояльность Австро-Венгерской империи. Утром из Нового Тарга Ленин не вернулся, и Ганецкий – днём поезда нет – на арбе погнал к полицейским лицам, к судебному следователю (рискуя же и сам, ведь и Гришку арестовали потом, могли и Кубу), и два десятка писем во все концы, и тут же в Краков, и встречался там (да ведь он любому чиновнику сплетёт историю в одну минуту!), и телеграфировал в Вену. Любой бы славянин на его месте устал, отстал, бросил, но Ганецкий с неиссякаемой настойчивостью, и как о брате родном заботясь – не отставал! А вернувшись из Кракова, прорвался и в тюрьму на свидание, и уже поручал ему Ленин дальше: добиваться сразу выезда в Швейцарию!

От телеграфных толчков Ганецкого с-д депутаты парламента Виктор Адлер и Диаманд обратились к канцлеру и в министерство внутренних дел, дали письменные ручательства за русского социал-демократа Ульянова как врага русского правительства, злейшего, чем сам канцлер Австро-Венгрии. И в краковскую полицию пришло указание: „Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях“. И то не освобождали одиннадцать дней, только 6 августа, хватка...

Но и с тех пор неделя в Поронине после тюрьмы совсем не оказалась спокойной. Что можно было втолковать австрийскому канцлеру и слабоумным австрийским аристократам, того не могли понять галицийские мужики, тупые, как все мужики в мире – в Европе ли, в Азии, в Алакаевке. В глазах поронинских дремучих жителей этот иностранец, хоть и освобождённый, всё равно оставался теперь – шпионом! Поразительно! Непостижимо! Шли из костёла крестьянки и, сами ли по себе или увидя Надю и для неё, расшумелись на всю улицу, что коли начальство отпустило, так они сами выколят ему глаза! сами вырежут ему язык!.. Надя пришла домой бледная, вся тряслась. И испуг её – передавался, захватывал: а что? – и выколют, ничего удивительного. А что? – и вырежут, ничего невозможного! Очень просто: придут с вилами и ножами... Такой колоссальной опасности не подвергался Ленин никогда за всю жизнь. Никогда еще ни от кого ему такое не... Да мало ли знает история вспышек простонародной безобразной ярости! От неё нет гарантии даже в цивилизованном государстве, даже в тюрьме безопаснее, чем от тёмной толпы...

Тревожно настраиваться при угрозах – это не паника, это мобилизация.

Так были затемнены и задёрганы последние дни и часы в Поронине. Два года такой безопасный мирный, посёлок как насторожился к прыжку. Уже и из дому не выходили, плохо спали, плохо ели, нервно укладывались. Ленин пытался отбирать самое нужное из бумаг и книг, но не владел собой, вникнуть не мог, да и набралось тут бумажного пудов шестьдесят. (Да ведь только этой весной переехали сюда из Кракова окончательно!)

Да как вообще он мог медлить, оставаться рядом с русской границей?! Тут и казаки налетят – захватят в один момент.

Только сейчас, перед зелёньким аккуратным поездом, на платформе, где при жандарме и станционных чиновниках уже никак не могло быть бесконтрольной расправы, – сваливалась тяжесть, наконец. И все веселели. Стояло и утро весёлое, солнечное, без облаков. Не грузили военных грузов, не ехали мобилизованные, перрон и поезд выглядели как в обычное дачное летнее время. Хотя билеты продавали свободно только до Нового Тарга, а до Кракова уже требовалось разрешение полиции.

Оттого вагоны были полупустые. Надя и тёща сидели уже там, выглядывали из окна. Несколько товарищей провожало, стояли под окном. А Владимир Ильич, взявши Якова под руку, снова и снова шли вдоль платформы, оба точно равного невысокого роста, оба широкие, только Ильич от кости, а Куба от жирка.

Когда видишь способность человека на такие дела, следует внимательней прислушиваться и к его словам, какими бы мечтательными они ни казались. Знал Якова давно, со II-го съезда, но по польским делам, а только этим летом он развернулся с новой стороны и стал самым важным человеком. Он вообще был золото: исключительно исполнителен – и обо всём серьёзном замкнут, слова не вытянет никто чужой. В июне и в июле в окрестностях Поронина они всё ходили с ним на прогулки по нагорью и обсуждали его увлекательные финансовые проекты, целый фейерверк. Может быть из-за своего буржуазного происхождения, Ганец–кий имел к денежным делам поразительный нюх и хватку – редкое и выгоднейшее качество для революционера. Он правильно ставил вопрос: деньги – это ноги и руки партии, без денег любая партия беспомощна, одно болтунство. Даже парламентская партия нуждается в больших деньгах – для избирательных кампаний, что же сказать тогда о партии революционной, подпольной, которой надо организовать укрытия, явки, транспорт, литературу, оружие и готовить бойцов, и содержать кадры, и в нужный момент совершить переворот?

Да что убеждать! Всем большевикам это было понятно от самого II съезда, от первых шагов самостоятельности: без денег – ни на шаг, деньги решают всё. Первый путь был – выжимать пожертвования из русских толстосумов, из Мамонтова, из „пряника“ Коновалова, да Савва Морозов гнал по тысяче в месяц, как раз на содержание Петербургского комитета, но другие отваливали нерегулярно, от купеческого расположения, от интеллигентского сочувствия (Гарин-Михайловский дал десять тысяч один раз) – а там снова ходи проси. Верней был путь – брать самим. Где – наследство вымотать, как у фабриканта Шмидта, членам пратии жениться на наследницах, то в уральских горах обмануть банду Лбова – деньги взять у них, а оружия не привезти. То более систематически – развивать военно-технические средства: в Финляндии готовились печатать фальшивые деньги, уже Красин водяную бумагу доставал, и для эксков готовил бомбы. Эксы пошли исключительно удачно: но на V-м съезде чистоплутьством Плеханова и Мартова запретили их, да остановиться не было сил, и в Тифлисе Камо и Коба триумфально захватили еще 340 тысяч из казны. Но – забылись, голова закружилась, стали хрустящие царские пятисотки менять в Берлине, в Париже, в Стокгольме, надо бы поумеренней, а царское

министерство разослало номера, и Литвинов попался, и Сарра Равич попала в Мюнхене, да неудачно записку послала из тюрьмы, перехватили. Стали искать среди женевских большевиков, взяли тринадцать, а Карпинского и Семашко упекли бы на срок, если б либералы из парламента не помогли. Но хуже всех, но гаже всех с фальшивой лицемерной подлой своей принципиальностью раскудахтался Каутский, какая низменная затея: устраивать „социалистический суд“ над русскими большевиками и скудоумно велеть сжигать полутысячные всеильные банкноты! (Только при одном виде его портрета, святенького седенького старичка в вылупленных очках – челюсть поводит брезгливостью, как взял лягушку в рот.) Вам хорошо, немецкие рабочие богатые, взносы большие, партия легальная, а – нам?? (Да не всё сожгли, конечно, не такие дураки.) И еще потом сглупили, сделали злобного старика денежным арбитром между большевиками и меньшевиками (не избежать было манёвра объединения, значит и деньги, вроде, объединять, а меньшевики-то голенькие; всего шмидтовского наследства скрыть было нельзя, часть дали Каутскому на арбитраж – так потом, при новом расколе, не хотел большевикам возвращать).

И вот этим летом Ганецкий захватил Ленина проектом: создать в Европе своё коммерческое предприятие или войти партнёром в уже действующий трест – и пакет прибыли ежемесячно гарантированно передавать партии. И это не было русской маниловщиной, каждый предлагаемый шаг поражал точным расчётом. Не Куба сам придумал, это шло из бегемотской гениальной головы Парвуса, от него письма были Кубе из Константинополя. Когда-то нищий как все социал–демократы, и поехавши в Турцию стачки устраивать, он откровенно теперь писал, что богат, сколько ему надо (по доходившим слухам – сказочно), пришло время обогатиться и партии. Он хорошо писал: для того, чтобы верней всего свергнуть капитализм, надо самим стать капиталистами. Социалисты должны прежде стать капиталистами! Социалисты смеялись, Роза, Клара и Либкнехт выразили Парвусу своё презрение. Но может быть поторопились. Против реальной денежной силы Парвуса насмешки вяли.

Отчасти за этими проектами Ганецкого и прохлопали начало войны.

Их же обсуждали и сейчас, в последние минуты. И как связь держать. Да увидятся скоро: вот Зиновьев поедет за Лениным вслед, а там и Ганецкий, как только отпишется от австрийской воинской повинности.

Тут дали второй звонок. Ильич вскочил на подножку шустро – без шляпы, почти совсем лысый, в поношенном костюме, с заостренным лицом, с неотпустившей его беспокойной оглядкой, отросшая борода, неаккуратная, – и правда, чем-то похож на шпиона, хотел пошутить Ганецкий, но знал, что Ленин обижается на шутки, и удержался.

Он и сам с печальными осмотрительными глазами, с лицом коммерсанта, а в затёртом костюме, на кого ж и был похож, если не на шпиона?..

Строго стоял дежурный по станции в высокой красно-чёрной фуражке. Ударили в колокол три раза. Начальник поезда затрубил в рожок и побежал.

И помахивали отъезжающим. И помахивали те в открытое окно.

А всё-таки тут жили неплохо. Покойно, размеренно, не то, что Париж суматошный. Сколько по Европе ни мытарился Ленин – а европейцем не стал. Условия жизни должны быть узкими, это лучшее состояние для действия.

И сколько прошло здесь волнений. Радостей.

Разочарований.

Малиновский...

Вместе с платформой, со станцией – оторвало оставшихся. И даже Ганецкий, какой он ни был достойный надёжный партийный товарищ, – сейчас, из следующего этапа жизни, выбывал. Очень может быть, что на каком-то из следующих он снова окажется самым главным нужным человеком, и к нему архисрочно понесутся бессонные письма с двойным и тройным подчёркиванием, но сейчас пока он отлично своё дело сделал – и выбывал.

Никогда никем не сформулированный, существовал непреложный закон революционной борьбы или, может быть, всякого человеческого развития, много раз наблюдал его Ленин: в каждый период выступают, приближаются один-два человека, наиболее единомыслящих именно в данную минуту, наиболее интересных, важных, полезных именно сейчас, вызывающих именно сегодня к наибольшей откровенности, беседам и совместным действиям. Но почти никто из них не способен удержаться в этой позиции, потому что ситуации меняются всякий день, и мы должны диалектически меняться вместе с ними – и даже мгновенно, и даже опережая их, и в этом политический гений! Естественно, что тот, и другой, и третий, попадая в вихрь Ленина, тотчас вовлекаются в его действия, выполняют их в указанный момент с указанной скоростью, всеми средствами, и жертвуя своим личным, – естественно, ибо это делается не для Владимира Ильича, но для властной силы, проявляемой через него, а он – только безошибочный её указатель, всегда точно знающий, что верно лишь сегодня, и даже к вечеру не всегда то, что утром. Но как только эти промежуточные люди упрямылись, переставали понимать нужность и срочность своего долга, начинали указывать на противоречия своих чувств или на особенности своей личной судьбы, – так же естественно было отвести их с главной дороги, устранить, забыть, а то изругать и проклясть, если требовалось, – но и в этом устранении или проклятии Ленин действовал волей влекущей его силы.

В такой позиции близости-единомыслия затяжно держались енисейские ссыльные, но лишь потому, что территориально не было никого ближе. В такой позиции рисовался издали Плеханов, но каким холодным жестоким уроком он отрубил это в несколько встреч. В такой позиции, и даже в опасной недопустимой близости находился годами Мартов. Но сдал и он. (От Мартова горько вошло в опыт навсегда: в человечестве вообще не может быть такого типа отношений – „дружба“, вне отношений политических, классовых и материальных.) Был близок Красин – пока делал бомбы. Был близок Богданов, пока добывал для партии финансы, но это отпало, а он, не поняв крутизны, еще претендовал направлять – и сорвался. А тем временем в вихрь втягивались новые верные – Каменев, Зиновьев... Малиновский...

Держался и двигался рядом лишь тот, кто понимал партийное дело правильно и лишь – пока понимал. А миновалась частная срочная задача, и обычно миновалось понимание, и все эти недавние сотрудники оставались безнадёжно вброшенными в тупую неподвижную землю как придорожные столбики, и отставали, и отрывались, и забывались, а иногда на новом повороте неслись навстречу остро, как уже враги. А были единомышленники, близкие на неделю, на день, на час, на один разговор, одно сообщение, одно поручение – и Ленин искренне отдавал им всю горячность, натиск необходимого дела, – каждому из них, как самому важному человеку в мире, – а через час они уже и отваливались, и забывалось начисто, кто они и зачем. Так показался близким Валентинов, когда приехал первый раз из России, хотя сразу смутил своей тупостью, что

какая-то им сделанная слесарная деталь ему, рабочему, даже важней политической борьбы. И это быстро сказало: не хватило у него стойкости против Мартова, а значит стал всё равно как и меньшевик.

Поезд катил под уклон, сильно огибая горки – а по ним тропинки и дороги колёсные бежали по склонам и вверх, мимо хуторов, стогов и неубранного, и пока еще видна горная дорожка, по ней успеваешь глазами взбежать, как ногами. Много было похожего вокруг Поронина, а здесь не был.

И – сел на скамью. Думать ли, заниматься – но не размазывать сантиментов.

И семейные, по взгляду, по движению всё поняв, не лезли с мелким бытовым, и не возились лишнего/, смирно сидели на своей скамье.

Все эти изнурительные годы, с Девяťсот Восьмого, после поражения революции, все и были: отход* и отброс людей. Ушли впередисты, отзовисты, ультиматисты, махисты, богостроители... Луначарский, Базаров, Алексинский, Бриллиант, Рожков, Красин, Лядов, Менжинский, Лозовский, Мануильский, Горький... Вся старая гвардия, сколоченная в расколе с меньшевиками. И так уже казалось минутами, что никого не останется, что вся партия большевиков – он один с двумя женщинами да десяток третьестепенных стёртых, кто еще приходил на большевистские собрания в Париже, а вылезешь на собрании общем – своих нет и с трибуны толкнут. Уходили – все подряд, и какая сила уверенности нужна была – не усумниться, не закачаться, не побежать за ними мириться, но, провидя будущее, стоять и знать: сами возвратятся, сами очнутся, а кто не вернётся – и пропади.

Шестой и Седьмой годы – еще было совсем не поражение, еще всё общество кипело, вертелось, втягивалось в воронку, Ленин сидел в Куоккале и ждал, и ждал второй волны. Но вот с Восьмого, когда всю страну захватила реакционная свора, а подполье как будто отсыхало, рабочая жизнь уходила в открытое копошенье, в профсоюзы, в страховые кассы, а вслед за подпольем как будто отживала, становилась тепличной и эмиграция... Там – Дума, легальная печать – и каждый эмигрант старался печататься там...

Вот почему – замечательно, что началась война! Это радость, что началась!! Т а м их сейчас всех зажмут, ликвидаторов, значение легальности резко упадёт, а значение и сила эмиграции, напротив, увеличится! Центр тяжести русской общественной жизни снова переносится в эмиграцию!!

Это всё Ленин оценил еще в Ново-Таргской тюрьме. (Надя! Новый Тарг – проехали? Не заметил.) Уже в камере, побеждая тревогу, не давая личной неудаче заслонить великую всеобщую удачу, он принял в себя и втянул в проработку – всеевропейскую войну. А из всякой проработки в ленинском мозгу рождались готовые лозунги – в создании лозунга для момента и был конечный смысл всякого обдумывания. И еще – в переводе своих доводов на общеупотребительный марксистский язык: на другом не могли его понять сторонники и последователи.

И что отсюда выносилось – после освобождения первому открыл Ганецкому: надо понять, что раз война началась, то не отмахиваться от неё и не останавливать её, но – использовать! Надо переступить через поповское представление, иногда зароненное и в пролетарские головы, что война – несчастье или грех. Лозунг „мир во что бы то ни стало" – поповский лозунг! Какую линию в создавшейся обстановке должны повести революционные демократы всего мира? Прежде всего: необходимо опровергнуть басню, что в поджоге войны виноваты Центральные державы! Антанта будет сейчас прикрываться, что „на нас, невинных, напали". Они даже придумывают, что „для

дела демократии" нужно защищать республику рантье. Смять, раздавить это оправдание! Какая разница – кто на кого первый напал? Следует пропагандировать, что виноваты все правительства в равной мере. Важно – не „кто виноват?“, а – как нам выгоднее использовать эту войну. „Все виноваты“ – без этого невозможно вести работу на подрыв царского правительства.

Да это счастливая война! – она принесёт великую пользу международному социализму: одним толчком очистит рабочее движение от навоза мирной эпохи! Вместо прежнего разделения социалистов на оппортунистов и революционеров, деления неясного, оставляющего лазейки врагам, она переводит международный раскол в полную ясность: на патриотов и антипатриотов. Мы – антипатриоты!

И кончится эта лавочка Интернационала с „объединением“ большевиков и меньшевиков! Назначили дальше мирить – на венском конгрессе в августе, – а в июле уже пылало пять фронтов! Уж теперь не заикнутся. Теперь зазияла трещина так трещина, уже не помиришь! А в июле как прихватили, прямо клещами за горло: не видим разногласий, достаточных для раскола! присылайте делегацию – мириться! С меньшевистской сволочью мириться! А уж теперь, за кредиты проголосовали – так умер и ваш Интернационал! Теперь уж вам не подняться, мёртвое тело! Еще долго будете корчить из себя живых, но надо вслух объявить: мертвы! На этой Инессинной поездке к вам в Брюссель – последняя наша с вами встреча, хватит!

Тут спохватилась тёща, что один чемодан забыли! Бросились переглядывать, пересчитывать, под лавками и на верхних сетчатых полках – нет! Что за позор! Как с пожара. Владимир Ильич расстроился. Без порядка в семье и в доме – невозможно работать. Смешно выразиться, но и домашний порядок есть часть общепартийного дела. Не смея выговаривать Елизавете Васильевне – она ответить умела, и они друг друга уважали, даже мелкими подарками задабривал её, – строго высказал Наде. Какой уж от нее порядок, если она пуговицы пришить хорошо не может, пятна вывести, он сам – лучше. Носового платка ему, не скажешь – не сменит.

Ошибок он вообще не прощал. Ничьей ошибки он не мог забыть никогда, до смерти.

Отвернулся в окно.

Изгибался поезд и скатывался постепенно с гор. То серым, то белым паровозным дымом проносило иногда мимо окошек. Надоели уже и горы эти за эмиграцию.

А в Надю всё уходило, как в подушку: ну, забыли/** ну, не возвращаться. Из Кракова напишем, перешлют почтой.

Надя прочно знала, много раз уже применяла: если брать на себя, не упрекать, что и он виноват, – Володя успокоится и отойдёт. Больней всего ему, если окажется, что он – тоже виноват.

Постаревший, насупленный, с выросшей неподстриженной усо-бородой, с обострёнными рыжими бровями, темнолобый, он смотрел в окно, но косо, ничего там не различая. Все выраженья на его лице Надя хорошо знала. Сейчас не только нельзя было перечить, но и вообще: ни обратиться к нему ни с чем, ни отвлечь его ни словом, даже сказанным с матерью. Надо было дать ему вот так посидеть, углубиться в себя, от всех страданий очиститься молчанием – и от новотарг–ского бешенства, и от поронинских угроз, и от чемодана. В такие часы уходил ли он один гулять или молча сидел и думал – от думотни, в полчаса, и в полчаса, лоб его – перевёрнутый котёл, и окруженье глаз переглаживалась от мелких сердитых складок – к большим и крупным.

Международный раскол социалистов давно назрел, но только война проявила его и сделала необратимым. И – архивеликолепно! Хотя от массовой измены социалистов как будто ослабляется пролетарский фронт, а нет: и хорошо, что они изменили! Тем легче теперь настаивать на своей отдельной линии.

А что было говорить месяц назад? как выкручиваться? Догадка: послать в Брюссель – Инессу вместо себя! Главой делегации!! Инессу!!! С ее прекрасным французским языком! С ее несравненной манерой держаться! – холодно, спокойно, немного презрительно. (Французы в президиуме будут сразу покорены. А немцы будут плохо тебя понимать – и очень хорошо! А ты от немцев требуй после каждой речи – перевод!) Вот это ход! Вот растеряются, ультрасоциалистические ослы!.. И – захват: скорей! писать! узнать: поедет ли? может ли? На Адриатике отдыхает с детьми? – чепуха, для детей кого-то найти, расходы оплатим из партийной кассы. Занята статьёй о свободной любви? – не говоря обидного (стопроцентной партийкой женщина никогда не может быть, обязательно какие-нибудь штучки): эта рукопись подождёт. Я уверен, что ты – из тех людей, которые сильней, смелей, когда одни на ответственном... Вздор, вздор, пессимистам не верю!.. Превосходно ты сладишь!.. Я уверен, ты сможешь быть достаточно нахальна!.. Все будут злиться (я очень рад!), что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе, но я уверен: ты покажешь свои ногти наилучшим образом!.. А назовём тебя... Петрова. Зачем открывать свое имя ликвидаторам? („Петров" – и я, никто не помнит, но ты-то помнишь. И так, через псевдонимы, мы выйдем на люди слитно – открыто и не открыто. Ты действительно будешь – я.) Дорогой друг! Я бы просил тебя согласиться! Ты едешь?.. Ты едешь!.. Ты едешь!! Да, конечно, надо спеться детальнее. И архиспешить. Ликвидаторам надо просто врать: обещаю, что может быть мы потом примем общую резолюцию. (А на деле мы конечно никогда ничего не примем! ни одного их предложения!) И: о болезни детей, ври о болезни детей, что из-за них не можешь задерживаться. Европейских социалистов, эту сволочь обывательскую, надо убедить, что большевики – наиболее реальная партия из русских. Подпусти им там профсоюзов, страховые кассы – на них это архи– влияет. Задающих вопросы – сразу отсекай, отклоняй, отбивай! Всё время – наступательная позиция! Розу – тяни за язык, докажи, что у нее нет реальной партии, а реальна – оппозиция Ганецкого. Ты всё поняла! Ты едешь!.. Крепко жму руку! Very truly... Твой...

Тут подпортил Ганецкий – поставил ультиматум (вообще-то справедливый): 250 крон на поездку в Брюссель, иначе не едет. А партийную кассу надо беречь. (Да один ли Ганецкий! – есть много людей, кого можно бы утилизировать, но нельзя разбрасывать денег...) А без Ганецкого паршивая польская оппозиция изменила, пошла на гнилое идиотское примиренчество с Розой и Плехановым.

...Всё равно, ты провела дело лучше, чем мог бы я. Помимо того, что языка не знаю, я еще непременно бы взорвался! не стерпел бы комедианства! обозвал бы их подлецами! А у тебя вышло спокойно, твёрдо, ты отпарировала все выходки. Ты оказала большую услугу партии! Посылаю тебе 150 франков. (Вероятно, слишком мало? Дай знать, насколько больше израсходовала. Вышлю.) Пиши: очень ли устала? очень ли зла? Почему тебе „крайне неприятно" писать об этой конференции?.. Или ты заболела? Что у тебя за болезнь? Отвечай, иначе я не могу быть спокойным.

Инесса – единственный человек, чьё настроение передаётся, потягивает, даже издали. Даже – издали больше.

А вот что: с военной цензурой теперь покинуть надо это „ты". Может дать повод для шантажа. Социалист должен быть предусмотрителен.

Нарушилась переписка с начала войны, придут теперь письма в Поронино. Но, по всему, отправив детей в Россию, должна Инесса вернуться в Швейцарию. Может быть – там уже.

Женщины тихо разговаривали, как обойтись в Кракове. Надя предложила, чтобы мама с Володей посидели с вещами, а она – к той хозяйке, у которой останавливалась Инесса: удобно было бы там и стать сегодня.

Сказала – а сама смотрела как бы мимо Володиной щеки в окно. Он не изменился, не повернулся, не отозвался, а всё-таки, по движениям жилки и век, Надя убедилась, что – слышал и – одобряет.

Удобно, быстро, не искать – да. Но и необходимости останавливаться именно в Инессиной комнате – не было. Только то еще, что Володя не любил привыкать к новому, да на короткий срок. Только то и было оправданием перед матерью.

Перед матерью – было всегда унижительно. Прежде – больше, теперь – меньше. Но и теперь.

Однако, Надя воспитывала в себе последовательность: не отклонять с пути Володю ни на волосок – так ни на волосок. Всегда облегчать его жизнь – и никогда не стеснять. Всегда присутствовать – ив каждую минуту как нет её, если не нужно.

Однажды выбрав, надо держаться. Запрягшись – уже тянуть. О сопернице – не разрешить себе дурного слова, когда и есть, что сказать. Встречать её радостно как подругу – чтобы не повредить ни настроению Володи, ни его положению среди товарищей. На прогулки брести и усаживаться читать – втроём...

Когда это всё началось, даже раньше, когда студентка Сорбонны с красным пером на шляпе (как никогда не осмелилась бы ни одна русская революционерка), хотя и с двумя мужьями и пятью детьми за спиной, Инесса первый раз вошла в их парижскую квартиру, а Володя только еще привстал от стола, – как от удара ветра открылось Наде всё, что будет, всё, как будет. И своя беспомощность помешать. И свой долг не мешать.

Надя первая сама и предложила: устранимся. Не могла она взять на себя быть препятствием в жизни такому человеку, довольно было препятствий у него всех других. И не один раз она порывалась – расстаться. Но Володя, обдумав, сказал: „Оставайся". Решил. И – навсегда.

Значит – нужна. Да и правда, лучше её никто бы с ним не жил. Смириться помогало сознание, что на такого человека и не может женщина претендовать одна. Уже то призвание, что она полезна ему среди других. Рядом с другой. И даже – во многом ближе её.

А оставшись – осталась никогда не мешать. Не выказывать боли. Даже приучиться не ощущать её. А чтоб эта боль выжглась и отмерла – последовательно не щадить её, колоть, жечь. И вот если практически удобно было остановиться в недавней Инессиной комнате, то в ней и надо было остановиться, и не перетравливать, когда, сколько, как Володя пробыл тут.

Только вот на глазах матери...

Скоро и Краков. Володя светлел. Значит, мысли его хорошо продвинулись.

Нет, замечательно ты съездила в Брюссель, не жалею. Единственное жаль – не успела затеять переписки с Каутским, как я тебе... (Ты бы переписывалась от своего имени, а письма тебе

приватно готовил бы я.) Какая он подлая личность! Ненавижу и презираю его – хуже всех! Какое поганенькое дряненькое лицемерие!... Жаль, жаль, не начали эту игру, мы б его разыграли!

Повеселел, даже посвистел Володя чуть-чуть. И, чемодана больше не вспоминая: поедим? И – перочинный нож вынул, всегда с собой.

Простелили салфетку, достали цыплёнка, крутых яиц, бутылку с молоком, галицийского хлеба, масло в пергаментной бумаге, соль в коробочке.

И Володя даже расшутился, что тёща у него – капиталист и пятнает его революционную биографию.

А действительно, надо было денежные дела решать, и проворно. В краковском банке лежали большие деньги – кто ж мог ждать эту войну! – наследство новочеркасской надиной тёти, сестры Елизаветы Васильевны, больше 4000 рублей. И теперь должны были секвестровать как имущество враждебных иностранцев, вот маху дали! Надо было вырвать деньги во что бы то ни стало, найти нужного ловкого человека. И перевести их в надёжное – в золото, можно часть в швейцарские франки. И увозить с собой.

И сразу – в Вену, не задерживаясь. И кончать с визами и поручительствами в Швейцарию, надо скорей туда, Австро-Венгрия – воюющая страна, мало ли что случится. У тёщи законный русский паспорт, у Нади тоже, хоть и просроченный. Но у Ленина нет вообще никакого.

В чём всё-таки этот оппортунистический Интернационал себя оправдывал – никогда не отказывал в личной помощи. И в каждой стране у них – чуть не свои министры. Сейчас вот, настаивал Куба, надо нанести визиты Адлеру и Диаманду (хотя уже телеграфировал сердечную благодарность), и еще лично благодарить за освобождение и ни в коем случае не дерзить. Улыбался Володя криво, в крошках желтка и белка: да, вот такой деликатный поворот: трухлявые ревизионисты, сволочь обывательская, а надо ехать любезничать. И в конце концов это справедливо: не способны на принципиальную линию, так пусть хоть в жизни помогают. Конкретная реальная платформа для временного тактического соглашения с ними. И дальше, в Швейцарии, не обойтись без этой своры: без поручительства не впустят, а кто ж другой поручится?

Роберт Гримм – мальчишка, в прошлом году познакомились в Берне, когда ты в больнице лежала.

Не царапали Ленина насмешки, не гнули унижения, ничего он не стыдился, – а всё-таки тяжело в сорок четыре года кланяться молодым, ото всех зависеть, не иметь собственной силы.

Не уехали б в 908-м из Женевы в Париж – не надо б сейчас и в Швейцарию добиваться, уж как бы там сидели прочно и безопасно – и со своей типографией, и со связями, и со всем. Скажи, кой чёрт нас тогда потянул в Париж?

(Не поехали бы в Париж – не узнал бы Инессы.)

Да даже в прошлом году, когда лечили твою ба-зедку у Кохера и узнали, что такое настоящая медицина (Володя и сам тогда книги по базедовой читал, проверял), – вот бы нам сообразить и остаться сразу в Берне. А что? Если нужно пережить царизм, а возраст – уже не двадцать пять, то здоровье революционера становится тоже его оружием. И партийным имуществом. И надо поддерживать его всеми партийными финансами, не жалея. Надо жить при отличных врачах, и даже ближе к первоклассным знаменитостям – где ж, как не в Швейцарии? Не у Семашко же

лечиться, смешно!.. Наши революционные товарищи как врачи – ослы, неужели им доверить своё тело ковырять?

А ты – и сейчас не выздоровела. Надо тебе ближе к Кохеру.

Но, Володя, но в Швейцарии ужасен мещанский дух, ты вспомни, как нам там было затхло! Ты вспомни, как от нас шарахались после тифлисского экска! – у них, видите ли, право стоит так непорочно, они не могут потерпеть преступлений против собственности!.. И это – социал-демократы?!

Всё правильно, но в Швейцарии вот так не попадётся, как я в Новом Тарге. А Семашко и Карпинского мы освободили шутя.

И какие библиотеки там, как заниматься хорошо!

– и прежде, а сейчас-то, во время войны! Исключительная культивированность и удобства жизни.

Чистая вымытая страна, приятные горы, приветливые пансионы, прозрачные озёра с плавающей птицей.

Отстойник русской революции.

И при нейтральности страны только оттуда и можно будет держать международные связи.

Обдумывать, обдумывать: что же за радость – невиданная всеевропейская война! Такой войны и ждали, да не дожили Маркс и Энгельс. Такая война – наилучший путь к мировой революции! То, что не разожглось, не раздулось в Пятом году – само теперь раздуется! Благоприятнейший момент!

Раскручивалось и предчувствие: вот оно, то событие, для которого ты жил, чтоб его разгадать! Двадцать семь лет политического самообразования, книги, брошюры, партийная перебранка, холодное неудачное наблюдение первой революции, для всех в Интернационале – нарушитель порядка, зарвавшийся сектант, слабая малая тающая группка, называемая партией, – а ты ждал, сам не зная, вот этого момента, и момент пришёл! Крутится тяжёлое разгонистое колесо

– как красное колесо паровоза, – и надо не потерять его могучего кручения. Еще ни разу не стоявший перед толпой, еще ни разу не показавший рукой движения массам – какими ремнями от этого колеса, от своего крутящегося сердца, их всех завертеть, но – не как увлекает их сейчас, а – в обратную сторону?

Краков.

Одевались, собирались.

В рассеянности собирался, не вполне понимая, что вот – Краков, и что делать надо.

Понесли вещи сами, без носильщика.

Оглушенье от многолюдья, отвыкли, а тут еще – особенное, военное. Людей на перроне – впятеро больше, чем может быть в будни, и впятеро озабоченнее, и спешат. Монахини, которым бы делать тут нечего – толкаются, всем суют образки и печатные молитвы. Ленин отдёргнул руку как от гадости. У пассажирской платформы, не на месте – товарный вагон, и в него несут, несут

какие-то большие ящики; написано: порошок от блох. Толкаются военные, штатские, железнодорожники, пассажиры. Через густоту перрона – медленно, трудно, чуть не локтями. А по стене вокзала – крупный плакат, жёлтая ткань и красными буквами:

Jedem Russ – ein Schuss ! 1

Совсем это не к ним относилось, а нельзя вовсе не вздрогнуть.

В здании вокзала – набито и душно. Нашли местечко – в тени, на возвышении, у боковой стены, углом на площадь. Тут еще больше густела толпа и много женщин. Посадили тещу на скамейку, вокруг неё все вещи. Надя поехала к Инессинной хозяйке. Владимир Ильич побежал купить газет и шёл назад, читая их по дороге, обталкиваясь со встречными, тут присел на твёрдый чемодан, зажимая газетный ворох между локтями и коленями.

В газетах не было особенно радостно: и о галицийской битве и о Восточной Пруссии писалось уклончиво, значит русские были не без успеха. Но – бои во Франции! но – война в Сербии! – кто это мог мечтать из прежнего поколения социалистов?

А – растеряются. Выше „мира! мира!“ не поднимутся. Кто не „защитники отечества“, те в лучшем случае будут вякать и твякать „прекратить войну!“

Как будто это возможно. Как будто кому-то посильно – схватиться руками за разогнанное паровозное колесо.

Помойные слюнявые социалистики с мелкобуржуазной червоточинкой, чтобы захватить массы, станут болтать за мир и даже против аннексий . И всем покажется, что это натурально: против войны – так значит „за мир“?.. По ним-то первым и придётся ударить.

Кто из них имеет зрение увидеть, имеет волю переступить в это великое решение: не останавливать войну – но разгонять ее! но – переносить ее! – в свою собственную страну!

Не будем прямо говорить „мы за войну“ – но мы з а нее.

Тупоумный предательский лозунг „мира!“ Для чего же пустышка никому не нужного „мира“, если не превращать его тотчас в гражданскую войну и притом беспощадную?! Да как предателя надо клеймить всякого, кто не выступит за гражданскую войну!

Самое главное – трезво схватить расстановку сил, трезво понять – кто теперь кому союзник? Не с поповской глупостью вздымать рукава между фронтов. Но увидеть в Германии с самого начала – не равно-империалистическую страну, а – могучего союзника. Чтобы делать революцию, нужны ружья, нужны полки, нужны деньги, и надо искать, кто заинтересован дать их нам? И надо искать пути переговоров, тайно удостовериться: если в России возникнут трудности и она станет просить о мире – есть ли гарантия, что Германия не пойдёт на переговоры, не покинет русских революционеров на произвол судьбы?

Германия! Что за сила! Какое оружие! И какая решительность – решительность удара через Бельгию! Не опасаются, кто и как заскулит. Только так и бить, если начал бить! И решительность комендантских приказов – вот уж, не пахнет русской размазнёй. (И даже та решительность, с какой хватают и кидают в камеру Нового Тарга. Тем более – с которой освобождают же.)

Германия – безусловно выиграет эту войну. И так – она лучший и естественный союзник против царя.

А-а, попался хищный стервятник с герба! – схвачена лапа, не выдернешь! Сам ты выбрал эту войну! Об-корнать теперь тебя – до Киева! до Харькова! до Риги! Вышибить дух великодержавный, чтоб ты подох! Только и способен давить других, ни на что больше! Ампутировать Россию кругом. Польше, Финляндии – отделение! Прибалтийскому краю – отделение! Украине – отделение! Кавказу отделение! Чтоб ты подох!..

Площадь загудела, нахлынула сюда, к перронной решётке, дальше не пускала полиция. Что это? Подошёл поезд. Поезд раненых. Может быть, первый поезд, из первой крупной битвы. Толпу раздвигали – для вереницы ожидающих санитарных карет и автомобилей, чтобы где развернуться им. Здоровенные нахмуренные санитары быстро выдавали от поезда к каретам носилки за носилками. А женщины напирали, продирались со всех сторон, и между головами и через плечи смотрели с жадным страхом на кусочки серых лиц между бинтами и простынями, ужасаясь угадать своего. Иногда раздавались вопли – узнавания или ошибки, и толпа сильнее сжималась и пульсировала как одно.

С возвышения, где сидели Ульяновы, было видно хоть издали, но хорошо. И еще из этого положения Ленин встал и пошёл к парапету ближе.

С каретами и носилками была нехватка, а тем временем, поддерживаемые сёстрами милосердия, выходили с перрона и на своих ногах – фигуры белые, в серых халатах и в синих шинелях, перебинтованные толсто по головам, по шеям, по плечам и рукам, и двигались, кто осторожнее, кто смелей, – и вот уже к ним, теперь к ним уже! бросались встречающие, теснилась толпа, и тоже кричали, режуще и радостно, и обнимали, и целовали, то ли своих, то ли чужих, отбирали от сестёр, подносили их мешочки, – а еще выше, над всеми головами, плыли к раненым из вокзального ресторана на поднятых мужских руках – кружки пива под белыми шапками и в белых тарелках жаркое.

У парапета стоял освежённый, возбуждённый, в чёрном котелке, с неподстриженной рыжей бородкой, с бровями, изломанными в наблюдении, с острыми щупкими глазами, и одна рука тоже выставлялась с пальцами, скрюченными вверх, как поддерживая большую кружку, а на горле его глоталось и дрожало, будто иссох он в окопах без этой кружки. Глаза его смотрели колко, то чуть сжимаясь, то разжимаясь, выхватывая из этой сцены всё, что имело развитие.

Просветлялась в динамичном уме радостная догадка – из самых сильных, стремительных и безошибочных решений за всю жизнь! Воспаряется типографский запах от газетных страниц, воспаряется кровяной и лекарственный запах от площади – и как с орлиного полёта вдруг услеживаешь эту маленькую единственную золотистую ящерку истины, и заколачивается сердце, и орлино рухаешься за ней, выхватываешь её за дрожащий хвост у последней каменной щели – и назад, и назад, назад и вверх разворачиваешь её как ленту, как полотнище с лозунгом: ...ПРЕВРАТИТЬ В ГРАЖДАНСКУЮ!.. – и на этой войне, и на этой войне – погибнут все правительства Европы!!!

Он стоял у парапета, возвышенный над площадью, с поднятою рукою – как уже место для речи заняв, да не решаясь её начать.

Ежедневно, ежечасно, в каждом месте – гневно, бескомпромиссно протестовать против этой войны! Но! –

(имманентная диалектика:) желать ей – продолжаться! помогать ей – не прекращаться!
затягиваться и превращаться! Такую войну – не сротозейничать, не пропустить!

Это – подарок истории, такая война!

из Узла II. «ОКТЯБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО»

Кегель-клуб называли их собрания в ресторане Штюссихоф, хотя кегельбана не было там.

– ... Швейцарское правительство – управляющее делами буржуазии...

„Кегель-клуб“ – из насмешки: что не будет толку с их политики, а много шуму.

– ... Швейцарское правительство – пешка военной клики...

Но и сами усвоили название с удовольствием: будем сшибать мировых капиталистов как кегли!

(Он – воспитал их. Он излечил их от религии. Он внедрил в них понимание насилия в истории.)

– ... Швейцарское правительство бесстыдно продаёт интересы народных масс финансовым магнатам...

Это уже несколько лет, как завёл Нобс – дискуссионный стол в ресторане, на площади Штюссихоф. Собирал молодых, активистов. Постепенно стал ходить сюда и Ленин.

(В этой чванной Швейцарии – сколько унижений надо перенести. Бернские с-д вообще смотрели на Ленина свысока. Переехавши в Цюрих прошлой весной, собирал-было русских эмигрантов, лекции им читать – растеклись, не ходили. Тогда перенёс усилия на молодых швейцарцев. Казалось бы, в 47 лет обидно: вылавливать и обрабатывать безусых сторонников по одному – но не надо жалеть часов и на одного, если отрываешь его от оппортуниста Гримма.)

– ... Швейцарское правительство раболепствует перед европейской реакцией и теснит демократические права народа...

Простоватый широколицый слесарь Платтен (слесарь – для большей пролетарности, а, руку сломав, чертёжником стал) по ту сторону стола. Он – вбирает, всем лицом вбирает говоримое, такое трудное. Напряжён его лоб и в усилии собраны пухлые мягкие губы, помогая глазам, помогая ушам – слова не пропустить.

– ... Швейцарская социал-демократия должна оказать полное недоверие своему правительству...

Удлиненный стол – на хорошую швейцарскую компанию. Без скатерти, обструганный, с ямками выпавших сучков, локтями и тарелками обшлифованный лет за сто. Поместились просторно все девятеро, на двух лавках, и еще одно место отобрано столбом. Кто с малой закуской, кто с пивом – для ресторанной видимости, да швейцарцы и не умеют иначе, каждый платит за себя. А со столба – фонарик.

Самое энергичное лицо, треугольное, удлиненное,

– у Вилли Мюнценберга, эрфуртского немца – под распавшимися на бок непослушными волосами. Он воспринимает легко, ему этого мало даже, беспокойными длинными руками он протянулся бы взять еще, он на митингах и сам это звонко выкрикивает.

(Повезло в Цюрихе с молодыми. Сейчас их шестеро здесь – и всё вожди молодёжи. Не то, что в Четырнадцатом: посылал Инессу к швейцарским левым

– Нэн рыбу ловил, а Грабер бельё вешал, жене помогал, и никому нет дела.)

– ... Надо научиться не доверять своему правительству...

Ленин – на углу, у столба, столбом прикрыт его бок. А Нобс – осмотрительный, вкрадчивый кот, – на другом дальнем углу, искоса. Подальше от опасности. Сам это всё затевал – не сам ли теперь жалеет? По возрасту – он с ними, тут все вокруг тридцати, но по партийным постам, но по солидности и даже по животу – отошёл, отходит.

Над каждым столом – фонарь своего цвета. Над кегель-клубом – красный. И аловатый цвет на всех лицах – на крупной открытости Платтена, на чёрном чубе и крахмальном воротнике фатоватого уверенного Мимиолы, на растрёпанной нечёсанной курчавости Ра– дека с невынимаемой трубкой и никогда не закрытыми влажными губами.

– ... В каждой стране – возбуждение ненависти к своему правительству! Только такая работа может считаться социалистической...

(Только над молодёжью и стоит работать, здесь нет унижения, это дальновидность. Впрочем, не стар и Гримм, на 11 лет моложе Ленина, но – схватился уже за власть. Не глуп, а не поднимается до теории. Вооружённого восстания не хочет, а что-нибудь левое – клюнуть ему хочется. Когда в Четырнадцатом въехал в Швейцарию именем Грёйлиха и устроился здесь поручительством Гримма, – виделся с ним, проговорили полночи. Тот спросил: „А что б вы считали нужным в положении швейцарских с-д, вот сейчас?“ Щупая, на что он способен, блеснул ему: „Я бы – провозгласил немедленно Гражданскую войну!“ Перепугался. Да нет, подумал – шутка...)

– ... Нейтральность страны есть буржуазный обман и пассивное подчинение империалистической войне...

В мускульных сдвигах, в мучительном усилии плат– теновский лоб и в усилии и в растерянности глаза. Как это трудно, как это трудно – постигать великую науку социализма! Как не складываются грандиозные формулы с твоим ограниченным скудным опытом. И война – обман, и нейтральность – обман, и нейтральность – всё равно, что война?.. А на товарищевой покосишься – всё понимают, и стыдно признаться, и делаешь вид.

(А это – не легкомысленная фраза была: по дороге через Австрию он всё это выносил воодушевлённо, в Берне закрепил как тезисы, потом перелил в Манифест ЦК, потом отстоял в лозанской схватке с Плехановым. Можно тысячу раз знать марксизм, но когда грянет конкретный случай – не найти решения, а кто находит – тот делает подлинное открытие. Осенью Й-го, когда 4/5 социалистов всей Европы стали на защиту отечества, а 1/5 робко мычала „за мир“, – Ленин, единственный в мировом социализме, увидел и всем показал: за войну! – но другую! – и немедленно!!)

Кружка пива и перед Лениным, хоть терпеть не может он этот тип – швейцарских политиков за пивным столом, но таков обряд. Вронский – сонный, как всегда, не возмутимый ничем. А Радек, чёрные бачки круговые от уха до уха пропущены под подбородком, в очках роговых, со взглядом быстрым, зубы торчат из– под верхней губы, и перекладкой, и перекладкой веч– но-дымящей чёрной трубки – всё это слышал, всё это знает, тесно и мало ему, и медленно.

– ... Мелкое стремление мелких государств остаться в стороне от великих битв мировой истории...

Про себя барахтается 'Платтен, стараясь* не проявиться наружно. Очень понятна задача мировой революции, – но как трудно применить её к своей Швейцарии. Ум – согласен: если миновали мировую бойню, надо не успокаиваться, надо звать в социальные бои. А душа неразумная: и как хорошо – мирно живут, крестьянские дома, прилепились на горных уступах, все мужчины – дома, и четырежды в лето снимаются травы с лугов, как бы ни были откосы круты, и санным запасом полнеют до крыш высокие сараи, и полными днями с отрога на отрог перезваниваются сотни колокольцев, коровьих и овечьих, как будто горы сами звенят.

– ... Узколобый эгоизм привилегированных маленьких наций...

Медлительный ход пастухов. Изредка – бич оглушительный по каменистой дороге – и несёт его эхо за повороты холмов. Длинные, коров на двадцать, водопойные чаны под горными родниками. Перемены ветров по всколыхнутым травам, перемены туманов, курящихся над лесистыми ущельями, а когда солнце прорвёт дожди, так бывает и радуге развернуться негде, встаёт она просто столбом из горы. И на отеле пустынном, вершинном, тихая надпись: „Хранит живущего одеяние родины“.

– ... Промышленность, связанная с туристами... Ваша буржуазия торгует прелестями Альп, а ваши оппортунисты ей в этом помогают...

Не удержал, не спрятал сомнения Платтен, отразилось доверчиво, бесхитроно.

И Ленин – заметил! И с угла стола, среди молодых единственный старый, ему на вид куда за пятьдесят, – живо, подвижно, искоса, как метким ударом шпаги, меткое слово – ключ агитации:

– Республика лакеев! – вот что такое Швейцария!

Радек зароготал, ловко, весело трубку перекладывает, да каждый раз по-новому пальцами, с серьёзностью сосёт свой важный дым. Вилли – весело ловит взгляд Учителя, руки длинные выкручиваются в нетерпении – дай еще! дай еще!

Платтен – разве спорит? Платтен – только в недоумении. Страна, пожалуй, и похожа на украшенную готсиницу, но лакеи бывают подобострастны, суетливо-податливы, а* швейцарцы – медленны, самоуважительны. Да даже и жёны министров не держат лакеев, выбивают сами ковры.

(Впрочем, не было в Швейцарии случая, чтобы письмо пропало. И библиотечное дело отлично поставлено: в дальние горные пансионы высылаются книги бесплатно и тотчас.)

– ... Подачки послушным рабочим в виде социальных реформ, только бы не свергли буржуазии...

С этим совещанием три недели хлопотали, наконец вот, собрали, 21-го в пятницу вечером – уж перед самым, как раз, накануне партийного съезда. И очень помог, пригодился Радек.

(Радек если когда хорош, так хорош, архидружбд. Сегодня жить бы без него нельзя. И по-немецки – что говорит, что пишет, и любой поворот с ним лёгок, не надо втолковывать. Негодяй, но блестящий, такие очень нужны. А бывал – омерзительным, в Берне даже не встречались, переписывались по почте, с февраля – порвали навсегда, в Кинтале выступал совершенно провокационно.)

– ... Швейцарский народ голодает всё ужаснее и рискует быть втянутым в войну, и убитым за интересы капиталистов...

У Нобса – скептический янтарный мундштучок, сам на губе держится.

(И как же было, во всей Европе одному, начинать борьбу за обновление Интернационала, нет, за разгром его и постройку Третьего? То – соскрести своих большевиков-заграничников, кто придет. То, помощью Гримма, – женщин десятка три, Интернациональную Социалистическую Женскую Конференцию, а самому неудобно присутствовать, а надо их направить, – так в том же Народном доме просидеть три дня в кафе, а Инесса, Надя и Зинка Лилина бегали ему докладывать и спрашивали инструкции.)

– ... Идти на бойню за посторонние чужие интересы? Или принести великие жертвы за социализм, за интересы девяти десятых человечества?..

(То – интернациональную социалистическую конференцию молодёжи, и полутора десятка не набрали, в основном – кто дезертировал от воинского призыва и наверняка против войны, – и опять три дня сидеть в том же кафе, а Инесса с Сафаровым прибегают за инструкциями. Вот тут и появился Вилли.)

Двадцать семь лет тебе – ас семнадцати это кипение молодёжное: встречи, организации, конференции, демонстрации... И среди равных в себе открывая голос и удаль, и удачу – слушаются! – как на помост, по ступенькам, чтобы лучше видели – поднимаешься, поднимаешься, и вот уже ты – постоянный оратор, делегат, секретарь... И вожди партии уже стараются притянуть тебя к себе и настраивают не слушать вот этого азиата с его дикими идеями, а ты как раз от него, от него и зажигательного Троцкого, узнаёшь всё правильное и важное!

– ... „Защита отечества" есть обман народа, а вовсе не „война за демократию". И со стороны Швейцарии тоже...

Двадцать семь лет! – да пройти через раннюю смерть матери, побои мачехи, побои отца, прислужничество в отцовском трактире, с гостями в карты играть и говорить о политике, потом у мачехи близ прачечного корыта, всегда страдать от своей рваной одежды, ботинок не по размеру, и сапожным подмастерьем затянуться в пропаганду и уже в двадцать лет эмигрировать в Цюрих, чтобы здесь, аптечным дрогистом, пройти все классовые бои...

Под красноватой лампой полно веры и ожидания преданное решительное лицо Мюнценберга. В узком остром подбородке его заострилась проверенная воля. Брови готовно сдвинуты навстречу революционным мыслям. Уже многое он делал, как Ленин говорил, и хорошо получалось. Созывал молодёжный день на Цюрихберге, больше двух тысяч, и потом с „Интернационалом", красными флагами и „долой войну" повёл их через город. И в Кинталь – уже был позван, и вместе с Лениным подписал резолюцию левых.

– ... „Защита отечества" – лицемерная фраза. Она подготовляет бойню рабочих и мелкого крестьянства...

Нескладный Шмидт из Винтертура недоумеваает с дальнего края скамейки, заглядывает через весь ряд:

– Но нашу страну война не может затронуть, мы нейтральны...

– Да вступление Швейцарии в войну возможно в любой момент!

Нобс пережёвывает янтарный мундштучок под светлой усовой пушистостью. Улыбка у него котяче-приятная, а глаза недоверчивые и хохолок с сомнением.

– Конечно, отказ от защиты отечества ставит необычайно высокие требования к революционному сознанию!

(Всю жизнь – лидер меньшинства, всю жизнь с горсточкой против всех – нужна и тактика острая. Тактика такая: побольше вытрясти из резолюции большинства – и всё равно её не принять: или включайте наше мнение в протокол или уходим!.. Но вы – меньшинство, почему вы диктуете?.. Тогда – уходим! разрыв! скандал! позор!.. Так было на всех этих конференциях, и не было большинства, которое бы не ослабело. Ветер всегда дует с крайнего лева! – и нет в мире социалиста, который мог бы этим пренебречь. В том была и неуверенность Гримма, отчего он и поспешил собирать Циммервальд.)

– ... Ни одного гроша на постоянное войско даже в Швейцарии!..

– Как, и в мирное время?

– Даже в мирное время обязан социалист голосовать против военных кредитов буржуазного государства!

(Долго не было Ленину приглашения в Циммервальд, и он изнывал, боясь, что Гримм не позовет – а навязываться было совсем неприлично. Да и что там будет за конференция? Соберётся куча говна и будет „за мир и против аннексий“. За мир – слышать он не мог этих слов!.. Между тем тайно влиял, чтоб натянуть в депутаты побольше своих сторонников: кто против своего правительства – это и будет ядро левого Интернационала!.. Но стянули таких только 8 человек: сами трое с Гришкой и Радеком, Платтен, один латыш и три скандинава. Да и весь- то „старый“ Интернационал через 50 лет после своего основания, поместился в четырёх фурах, какими извозчики повезли конференцию в горы, чтоб не привлекать внимания властей, а власти и не заметили: ни – как приехали депутаты в Швейцарию, ни – как разъехались по домам, только из иностранных газет и узнали.)

– Но особенности Швейцарии...

– Да никаких особенностей! Швейцария – такая же империалистическая страна!

Платтен – откинулся, лоб нараспашку, лоб застигнутый перегоняет морщины. Спротивляется чувство непросвещённое: хоть и крошечная наша Швейцария – а разве не особенная? И от первого союза трёх кантонов – мы кого же силой захватили? Но – напряжением ума заставляет себя, заставляет принять передовую мысль. Крупные сильные беззащитные руки ладонями вверх на столе.

(Через этого одного Платтена, благодарный материал, можно бы повернуть всю цюрихскую организацию. Если б он больше работал над самообразованием.)

– Итак, среди нас, среди левых циммервальдистов, теперь установлено полное единодушие: мы – отвергаем защиту отечества!

Косолапым не всем понятно:

– Но, отвергая защиту отечества, мы оставляем страну беззащитной?

– В корне неправильная постановка вопроса! А правильная: или мы дадим себя убивать в интересах империалистической буржуазии или ценой меньших жертв совершим социалистический переворот в Швейцарии – единственное средство освободить швейцарские массы от дороговизны и голода!

(В Циммервальде почти не выступал, направлял своих левых из тени. Это – самый верный расчёт сил. Уж Радек ли не выступит! – остроумно, находчиво, развязно, самоуверенно. Обязанность же вождя – сплачивать своих немногих. Враг – это еще полврага.

Но кто был с нами и вдруг от нашей линии отви– хивается – это двойной враг! вот по таким – первый удар! А лучше – предусмотреть, и между заседаний накачивать своих на сепаратных совещаниях.)

– ... В том и весь позор пацифизма, что он мечтает о мире без социалистической революции.

У Радека – весёлая легкоподъёмность: все карманы у него оттопырены газетами, книгами, на первый день есть, если бежать на революцию – так прямо отсюда. А – интересно как!!

(Но – следить за мошенником: в любую минуту переменётся, изменит. То – путал, мирил Гримма и Платтена, когда их надо всячески ссорить.)

– ... Переворот – абсолютно необходим для устранения всех войн...

А Вронский – как дремлет. Вронский мог бы тут и не сидеть, он – для счёта всегда. Когда нужно – проголосует. А когда нужно – и скажет, что нужно.

(Да – глупый он. Но – так мало нас, пригодится каждый в своё время.)

– ... Социалистический строй один избавит человечество от войн...

Нобс – как будто одобрителен, и в глазах и в губах – сочувствие, а ушки – покойно на месте, а лоб не взморщится. Да ведь – главный редактор главной газеты левых и мягко продвигается по партии на председательские места. Он очень, очень нужен им тут всем.

Нужны – и они ему, Нобс отлично понимает, что ветер всегда дует слева. Вот – их кучка, вот – их несколько человек, а ведь могут повернуть всю швейцарскую партию? Да только не дать им на шею сесть.

– ... Это непоследовательно: стремиться к окончанию войны и отвергать социалистическую революцию...

(Но вскочил Ленин и крикнул на письмо Либ– кнехта Циммервальду: „ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА –

ЭТО ВЕЛИКОЛЕПНО!" Осторожность хороша на 9/10, а в 1/10 надо переступить. Идти в окопы с пролетарским лозунгом: братание! В войсках проповедывать классовую борьбу! Обращать оружие – против своих! ЭПОХА ШТЫКА НАСТУПИЛА! Конечно, рискованно так эмигранту в нейтральной стране, но – всегда обходилось. А в Циммервальде гнусный подлый немец Ледебур: „Вы здесь подпишете – вам не опасно, а тем? Езжайте в Россию – и подписывайте о т – туда!" Уровень аргументов!..)

– ... Швейцарская партия упорно остаётся в исключительно легальной колее и не готовится к революционной массовой борьбе...

От стойки с двумя пузатыми старыми бочками и десятками цветных горлышек, официант с нетёсаным швейцарским лицом медленно носит к столам золотистые кружки, бордовые бокалы и стаканы. Другой от кухонного окошка – дощечки жёлтые с наструганными бурыми копчёностями, да тарелки с жарким и рыбой – непомерно изобильные швейцарские порции, как четверные, неторопливо убирают швейцарские животы. И еще на огоньках подле каждого обжоры подогреваются вторая половина порции.

– ... Социалистическое преобразование Швейцарии вполне осуществимо и действительно необходимо. Капитализм вполне созрел для превращения в социализм – и немедленно!..

(На последнем заседании Циммервальда от полудня и всю ночь левая бушевала на каждой поправке, каждый раз требовала „особого мнения“ в протоколе – и так заметно сдвигала резолюцию влево. Ни Гражданской войны, ни Нового Интернационала не провели, конечно. Но создалась циммервальдская левая как международное крыло, и Ленин – вождь её, а не какой-то русский сектант. Руководство же осталось за центристами, и слава конференции – за Гриммом, во всех мировых газетах. Чуть старше тридцати, а – в Исполкоме Интернационала, потому что с оппортунистами заодно. Двадцать лет, как Ленин по Швейцарии то ездил, то жил – никакого Гримма и слышно не было.)

Втягивающее, узкое лицо Вилли. Он – согласен, согласен со всем, но, главное, точно ему понять: как делать? с чего начинать?

– В Швейцарии необходимо будет экспроприировать... максимум... всего не больше 30 тысяч буржуа. Ну, и конечно, сразу захватить все банки. И Швейцария – станет пролетарской.

От столба, искоса наблюдает Ленин, всем душевным напором, взглядом толкающим, лбом котловым наклонённым, – и успевает проверить, насколько в кого втолкнулось. Оскудевшая рыжина на куполе выступает сильнее под красным фонарём.

– Подрубать корни современного общественного строя – на практике ! И – теперь же!

Вот этот шаг и труден всем социалистам мира. Сощурился Нобс как от боли. Даже винтертурский пролетарий что-то крив на рот. И Мимиоле давит шею высокий обруч крахмального воротника.

Хорош наш Ульянов – но слишком уж крайний. Уж крайних таких – не то что в Швейцарии, не то что в Италии – но и во всём мире нет.

Трудно им, трудно. Переменчиво-бегло осматривает Ленин все эти разные, уже свои, а еще не взятые головы.

А они все боятся попасть под уничтожающую издёвку его.

(Есть такой приём: когда трудно входит – навалить еще тяжелей, и тогда прежнее трудное уже Входит легче.)

И, через весь стол, на шестерых швейцарцев, по всем шести линиям сразу вмешался, послал, голосом напряжённым, но не полного звука, в груди ли, в гортани, во рту неизменно теряя его и прихрамывая на „р“:

– А путь для этого – только раскол! Это – мещанское кривлянье, будто в швейцарской социал-демократии может господствовать „внутренний мир“!

Вздروгнули. Замерли.

А он:

– Буржуазия вскормила себе социал-шовинистов, своих сторожевых псов! И какое же с ними единство ?

(А уже начав – в одно место, в то же место, в ту же точку, чуть меняя слова, это главный принцип пропаганды и преподавания:)

– Это болезнь – не только швейцарских, не только русских, но всех социал-демократов мира: раски- сляйская склонность к „примирению“! Для фальшивого „единства“ все готовы поступиться принципиальностью! А между тем без полного организационного разрыва с социал-патриотами невозможно продвинуться к социализму – ни на шаг!!!

Как бы ни замерли, что б ни подумали – но уверенность учителя против класса: даже если весь класс не согласен – прав учитель, всё равно. И – еще гортанней, и еще нетерпеливей и нервней:

– Вопрос о расколе – основной вопрос! Всякая уступчивость в нём – преступление! Все, кто в нём колеблются, – враги пролетариата! Истинные революционеры – никогда не боятся раскола!

(Раскалываться – всегда! Раскалываться – на всех этапах движения! Раскалываться до тех пор, пока станешь хоть в самой малой кучке – но Центральным Комитетом! И пусть в ней останутся самые средние, даже самые ничтожные люди, но – единопослушные, и можно достичь – всего!!!)

– В международном масштабе – раскол вполне созрел! Уже есть превосходные сведения о расколе среди немецких социалистов. И пришла пора – рвать с каутскианцами своей страны и всех стран! Рвать со Вторым Интернационалом – и строить Третий!

(Это всё проверено – еще на заре века. Так прорезал и убил экономистов лучом Что-Делать, замыслом конспиративной профессиональной кучки. Так стряхнул раскачкой Шаг-Два шага хлипкий липкий мешок меньшевизма. Не власть нужна ему, но не может он не управлять, когда все другие управляют так беспомощно. Не может он дать искиснуть, изгнуть

– несравненным способностям руководства.)

И это всё – как тут родилось, вот сейчас за столом, как откровение единомгновенное и покоряющее: раскол своей партии – и через то победа революции!!

И замер Нобс – от сладкого страха, не мурлыкнув. Отвергнешь – тоже потеряешь? Быть может – и лучшее место здесь, за краешком этого стола?

И лапа Платтена замерла в охвате пивной кружки. О, сколько же тяжёлого еще будет на пути социалиста!

И Мимиола победил сжимающий воротник, вырос, вырос из него. Но хмурясь.

И – просветлённо и удивлённо полуулыбался Вилли. Он – готов. И он – поведёт молодёжь. Он – всё повторит это им с трибуны.

И – лбом котловым, когда стенка пробита, дотал– кивая, доталкивая:

– В моей книге „Империализм“ окончательно доказано, что во всех индустриальных странах Европы неизбежна скорая революция!

Там – еще двое, они верить хотят, но – как это? Живя в своей обычной комнате, вот выйти утром между знакомыми зданиями – и делать революцию?

– как?.. Кто бы показал? Ведь никогда не видано.

– Но в Швейцарии...

– А что – в Швейцарии? Прекрасная стачка в Цюрихе в Девятьсот Двенадцатом! А – этим летом? Прекрасная демонстрация Вилли на Банхофштрассе! крещение кровью!

Да, это гордость Вилли:

– И сколько раненых!

Не так даже первого августа, как третьего, в защиту павших.

Мнутся:

– Но всё-таки... в Швейцарии?..

Ему – как не поверить? Он с каждым молодым

– как с равным себе, во всю серьёзность, не как отмахиваются от незрелых едва поднявшиеся вожди, но на каждого сил не жалея, беседуя, донимая, донимая вопросами до петли...

– Но всё-таки – в Швейцарии...

Радек за это время, что разъясняли тут, из своих набитых карманов две газеты прочёл, одну книгу перелистал, а они всё не поняли?

Тычет им черенком трубки:

– Да собственный ваш прошлогодний партсъезд... Резолюцию ж приняли, о революционных массовых действиях! Ну! И – что?

И – что?.. Мало что, приняли. Принять не трудно.

– Потом и Кинталь!

Их – пятеро здесь, кто были в Кинтале – уже и Нобс и Мюнценберг, пятеро здесь, а там их было

– двенадцать, из сорока пяти. И снова грозили взрывать, уходить, покидали зал и возвращались. И большинство поддавалось меньшинству, и сдвигали, сдвигали резолюцию всё левей, всё левей: только завоевание политической власти пролетариатом обеспечивает мир!

Всё – так, но мало ли что в резолюциях...

– А у нас в Швейцарии...

Да какое ж терпение не взорвётся с этими лбами корявыми! И в новом взрыве непостижимого откровения, – сухим полётом, сиплым шелестом прорвавшегося голоса:

– Да знаете вы, что Швейцария – революционнойшая страна в мире??!

Как – ссунуло всех со скамей, со стола, вместе с кружками, тарелками, вилками, и фонарик на столбе качнулся от ветра голоса, и Нобс подхватил мундштук рукой, выранивая...

??????????????

(А он – видел! Он видел в Цюрихе – вот, близкобудущие баррикады – пусть не на банковской Банхофштрассе, но – к рабочему району, у Народного дома на Хельвеция-плац!)

И – выплеском взгляда разящего из монгольских глаз, и голосом, лишённым сочной глубины, зато режущим, ближе к сабле калмыцкой (только выщербинки на „р“):

– Потому что Швейцария – единственная в мире страна, где солдатам отдаётся на дом, на руки – и оружие! и амуниция!

И?..

– А что такое революция – вы знаете? Революция это: захватить банки! вокзал! почту-телеграф! и крупные предприятия! И – всё, революция победила! И что же для этого нужно? То л ь– к о оружие! И оружие, вот – есть!

Что только слышал Фриц Платтен от этого человека, своего рока и судьбы своей! – леденило кровь иногда...

А Ленин не убеждал уже, он требовал резко – у послушников, у растяп неспособных:

– И чего же вы ждёте? Чего не хватает вам? Всенародного военного обучения? Так пришло время и потребовать! Для этого...

Импровизировал. Соображал между фразами, разглядывал между мыслями, а голос не прерывался:

– Офицеры – выборные народом. Любые... сто человек могут потребовать военного обучения! С оплатой инструкторов за казённый счёт. Именно при гражданских свободах Швейцарии, её эффективном демократизме – колоссально облегчается революция!

Он налегал на стол, он был как косо-крылатый, и взлетев отсюда, из зальчика ресторана Штюссихоф, – вот взмлет сейчас над площадью пятиугольной, замкнутой, средневековой, сама-то величиною с хороший зал, пронесётся над фигурой комичного фонтанного воина с флагом, завьётся спиралью мимо нависающих балконных выступов, фрески двух сапожников, выстукивающих на своих табуретках на уровне третьего этажа, гербов на фронтонах у пятого, – и над черепичными крышами старого Цюриха, над нагорными пансионатами, разукрашенными шале республики лакеев:

– Немедленно начать пропаганду в армии! Разъяснять войскам и призывной молодёжи – неизбежность и законность применять оружие для освобождения от наёмного рабства!.. Издавать летучие листки за немедленный социалистический переворот в Швейцарии!

(Для беспаспортного иностранца несколько опрометчивые советы, но это – та самая 1/10, без которой не победишь.)

– Уже сейчас захватывать в свои руки все правления во всех союзах рабочего класса! Требовать от парламентских представителей партии – публичной проповеди социалистической революции! принудительного отчуждения фабрик, заводов и сельхозучастков!

Прямо идти – и у людей имущество отбирать? Без

– закона? Швейцарцы косолапые промаргивать не успевают.

– Для усиления революционных элементов в стране – натурализовать беспошлинно всякого иностранца! При малейших шагах правительства к войне

– создавать нелегальные рабочие организации! А в случае войны...

Отвагой полны вожди молодых, Мюнценберг и Мимиола:

– ... Отказываться от военной службы!

(Впрочем, Мюнценберга и Радека, как дезертиров

тех армий, выслать в Германию и Австро-Венгрию закон запрещает.)

Нич-ч-чего не поняли! Насмешка, но не злая, пронеслась по ленинскому лицу. Делать нечего, – снижаясь, опять снижаясь, мимо сапожников, рабски-старательно вколачивающих свою работу, над голубою фонтанной колонной, и – нырь в ресторан, сюда опять:

– Да ни в коем же случае не отказываться, что же вы поняли?! Именно в Швейцарии: дают оружие

– брать!! Требовать демобилизации – да, но – сохраняя оружие! С оружием – и на улицу! И – ни часу гражданского мира! Стачки! Демонстрации! Формирование рабочих отрядов! И – вооружённое восстание!!!

Широколобый Платтен – как откинутый, в лоб ударенный:

– Но во время всеобщей войны... соседние державы... потерпят ли революцию в Швейцарии? Вмешаются...

А здесь-то и было зерно ленинского замысла! – в исключительной неповторимой особенности Швейцарии:

– Вот это и замечательно! Пока вся Европа воюет – а в Швейцарии баррикады! А в Швейцарии – революция! А у Швейцарии – три главных европейских языка! И по трём языкам в три стороны па-льё– тся революция по Европе! Расширится союз революционных элементов – до пролетариата всей Европы! Сразу вызовется классовая солидарность в трёх приграничных странах! Уж если вмешаются – то революция вспыхнет по всей Европе!!! Вот почему ШВЕЙЦАРИЯ – ЦЕНТР МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ СЕГОДНЯ!!!

Опалённые красным пламенем сидели кегель-клуб– цы, кого в каком положении застало. Мюнценберг выдвинул узкий треугольник бесстрашного лица – вперёд в огонь. Подпалило и Нобсу пушистость. Мимиола

– и галстук сорвёт, и своих темпераментных итальянцев поведёт через все развалины. Вронский в лукавой меланхолии делает вид, что тоже к бою – готов. Радек – поёрзывает, губы облизывает, запрыгал задор за очками: да если б так – это же штук каких наколоть можно!

(Кегель-клуб – зародыш III Интернационала!)

– ... Вы – лучшая часть швейцарского пролетариата!..

А резолюция для завтрашнего съезда швейцарской партии у Радека уже лежит готовая. Вот если б Нобс её напечатал...

Гм-м-м...

А – кто её на съезде предложит?..

Гм-м-м...

Уже и ресторану скоро закрываться, расходились.

На площади Штюссигоф горели три фонаря на столбах, и много окон из домов со всех сторон. И можно было легко прочесть табличку, как бургомистр Штюсси погиб тут недалеко в битве в 1443 году. А дом семьи его „на ветру" стоял на 60 лет старше. Да Штюсси и был, наверно – посреди фонтана вот этот комичный швейцарский воин в латах и в голубых чулках. Тонкие струи слышно лились в голубоватый водоём. Было сухо и, по-здешнему, холодно.

Расходились, еще договаривая на площади, измо– щённой малыми камешками подгладь. Площадь – как замкнутая, и если не знать щелевых улиц – кажется, всё, тупик, никогда не выберешься. Одни уходили вниз по откосу, мощёному коревато, и дальше переулком к набережной. Другие – мимо пивной „Францисканец". А Вилли провожал учителя по той же улице в другую сторону, мимо кабаре „Вольтер" на следующем углу, где всю ночь бушевала богема, и им встречались на узкой мостовой еще невзятые проститутки. А от вольтеровского кабаре – круто вверх под фонарь престариннейший на чугунном столбе, по переулку-лестнице, почти можно обеих стен достать раскинутыми руками, едва рядом вдвоём, – и всё вверх и вверх.

Ленин – крепкими альпийскими каблуками по камням.

Вилли еще и еще хотел набраться уверенности от учителя. Он не забыл летнюю драку на Банхбф–штрассе, – но ведь опять всё смыло, подмело, и всё те же витрины сверкают, и всё то же мещанство гуляет, а рабочие спокойно слушают своих уговорчивых вождей.

– Но народ ведь – не подготовлен?..

На крутом повороте переулка из-под тёмной шапки, в слабом свете чьих-то верхних неспящих окон – голос тихий, но с тем же прорезающим лезвием:

– „Народ" конечно не подготовлен. Но это не значит, что мы имеем право откладывать начало .

И даже зная свою трибунную удачливость, и испытавши вопли молодёжных сходов:

– Но нас – такое малое меньшинство!

И из темноты, остановясь, чего не открыл даже лучшим, собранным в Кегель-клубе:

– А большинство – всегда глупо, и ждать его нельзя. Решительное меньшинство должно действовать – и после этого становится большинством.

*

* *

На другое утро открылся съезд – в Купеческом зале, на той стороне реки. Ленин, как вождь иностранной партии, был приглашён приветствовать. А Радек, как от польской социал-демократии, тоже. Двое наших один за другим.

В первое утро делегаты съехались еще не все, это не было многолюднее, чем хороший реферат. (Ленин и не привык многолюдно, он и не знал, что значит говорить тысяче сразу; один раз на митинге в Петербурге, так язык отнялся.)

И едва он поднялся над залом – осторожность овладела им. Как и в Циммервальде, как и в Кинтале, он не рвался высказать тут главное – нет, вся пылкость убеждения естественно приберегалась на закрытое совещание единомышленников. Здесь – он конечно не призывал ни против швейцарского правительства, ни против банков. Стоя перед этой, формально социал-демократической, а по сути буржуазной массой самодовольных мордатых швейцарцев, рассеявшихся за столиками, Ленин сразу ощутил, что его тут не воспринимают, не воспримут, да ему почти и нечего им сказать. Даже напомнить им их собственную прошлогоднюю весьма революционную резолюцию – как-то не выговаривалось, да и можно всё испортить.

И его приветствие было бы совсем коротко, если б он болезненно не зацепился за выстрел Фрица Адлера (две недели назад секретарь австрийской с-д партии убил премьер-министра Австро-Венгрии, во время войны – главу имперского правительства!). Это убийство заняло воображение всех, об этом много говорили, и сам Ленин для себя тоже искал оценку, а для того выпрашивал обстоятельства: чьё это влияние (не русская ли эсерка его жена)? И потаённо связанный с проработкой этого вопроса (их вечный спор с эсерами), Ленин тут, на съезде, половину своего выступления неуместно посвятил террору... Он сказал, что заслуживает полной симпатии приветствие террористу, посланное ЦК итальянской партии, если понять это убийство как сигнал социал-демократам покидать оппортунистическую тактику. И подробно защищал, почему русские большевики могли спорить против индивидуального террора: лишь потому, что террор должен быть действием массовым.

А швейцарцы жевали, мычали, попивали – не понять их.

Но нет! субботнее заседание пошло хорошо, подало надежду! Аплодировало Платтену большинство, и папа Грёйлих 75-летний, в пышных сединах, стал шутить, что „партия нашла новых любимчиков". (Да то ли еще будет, последним швейцарским ругательством вас покрыть! Да мы вас – повесим, когда к власти придём!) Шло, шло на лад! Ленин приободрился и ощутил себя как старый армейский конь в боевой суматохе. А дальше – Нобс оглядчивый не отказался выступить с резолюцией Кегель-клуба (радековской): съезду – следовать Кинтальским решениям. (Туцова–тые швейцарцы могут из моды проголосовать, сами толком не зная, в чём там кинтальские решения, – а и попались потом! Потом – их же решением – их и клевать. Гримма клевать!)

Мелочь? Нет! – именно так и движется история: от одной завоёванной резолюции к другой, натиском меньшинства – сдвигать и сдвигать все резолюции – влево! влево!

И следующий шаг: вечером в субботу, по замыслу Кегель-клуба, собрали отдельно и тайно (индивидуально приглашая), в другом, не съездовском, доме, приватно – всех молодых депутатов съезда: ставка на то, что молодость всегда сочувствует левому. План был простой: вместе с ними выработать (предложить им готовую, Радек уже принёс) резолюцию, которую они завтра, в воскресенье, от себя предложат съезду и протолкнут.

На этом приватном совещании молодых председательствовал, конечно, Вилли – со всей свободой призывающих рук вожака, весёлого бодрого голоса и волос распавшихся, – а рядом Радек стал, как обмазанный курчавостью, в боевых весёлых очках, читал свою резолюцию, разъяснял, отвечал на вопросы. (И оратор хорош, но – перо! но перо! – нет ему цены!) А Ленин, как всегда, как любил, сидел в ряду, незаметно, и лишь внимательно слушал.

И всё было бы хорошо: молодые депутаты прислушивались к русско-польскому товарищу и соглашались.

Всё было бы хорошо, но случилась крайняя неприятность: не подумали, не догадались запереть дверь. И в незапертую вошли, да их и не заметили сразу – две сплетницы, две гадкие бабы: госпожа Блок, приятельница самого Гримма, и Димка Смидович, приятельница Мартова. А зашли бабы – не выгонишь, будут визжать, скандал! И не уйти всему собранию в другое помещение! Да уже слышали, видели – Ра–дека как докладчика, и всё поняли, конечно, что резолюцию швейцарскому съезду – готовят русские.

Ах, какая дьявольская досада! Ах, какая грандиозная неудача! Что за мерзавки бабы, мизерная интрига! Конечно, тут же бросились – и нашептали Гримму. А он, нахал и сволочь, скотина последняя, поверил глупому бабью! И заварил пошлую склоку, в своей „Бернер Тагвахт" напечатал гнусные намёки, абсолютно непонятные 99/100 читателей: какие-то несколько иностранцев, рассматривающие наше рабочее движение через свои очки и абсолютно равнодушные к швейцарским делам, хотят в порыве своего нетерпения искусственно возбудить у нас революцию!..

Ахинея! Архипошлость помойная! И это – рабочий вождь?

И на съезде высмеяли резолюцию Нобса. Где предлагал он постановить впредь выбирать в парламент только таких депутатов, которые против защиты отечества, Грёйлих возвеселился: если пошлём таких депутатов, они по пылкости могут оказаться на кегельбане.

И съезд – хохотал.

И рассмотрение кинтальской резолюции тоже отложили – на февраль Семнадцатого.

Что ж за трагическая судьба?! Сколько вложено сил, вечеров, убеждения, ясности, революционного динамита! – и только обломки пошлости, глупости, оппортунизма, серая вата, чердачная пыль.

И в затхлой Швейцарии торжествует бацилла мелкобуржуазного тупоумия.

А буржуазный мир – стоит, не взорванный.

Ульяновы жили точно посередине между кантональной и городской библиотеками, а до Централь–штелле социальной литературы лишь чуть подальше, и куда ни иди – среднего ходу пять-семь минут. Все они открывались в девять, но сегодня толкнуло уйти из дому минут за сорок:

глупо, унизительно убежать от этого лохматого оборванца, племянника Землячки, себя же поберечь – не вскипятиться от его нахальных разговоров и тем не испортить себе целого дня.

Объективно говоря, такие фигуры в революционной эмиграции неизбежны – эти неопрятные юноши с блуждающими глазами, недоразвитые, а с апломбом по каждому вопросу, чтоб только иметь мнение. Они вечно голодны, без гроша, брали бы вот зарабатывать перепиской, в Цюрихе совершенно некого посадить за переписку, сколько тревоги было с копией пропавшего „Империализма“, – так нет, у них ни грамоты, ни почерка, а стремятся сразу и только в редакторы! Их постоянная мысль – как бы бесплатно где-нибудь поесть. А и это при бюджете Ульяновых тоже недопустимая нагрузка, у лупит два яйца да еще четыре бутерброда. От обедов его твёрдо отстранили, так стал являться по ранним утрам, всегда под ничтожным предлогом, вернуть или взять книгу, газету, а с расчётом к завтраку. (Сейчас, уходя, сказал Наде: ни в коем случае не кормить, скорей отвыкнет!) Да хоть если бы скромно поел и уходил, нет, считает нужным отблагодарить – фонтаном надёрганных идей, выяснять

принципиальные вопросы, и всё с нападением и многознайством.

От таких визитов, от этой улыбочки знания и превосходства у сопляка Владимир Ильич с утра делался больным. Вообще всякая неожиданная бытовая неурядица, а особенно несвоевременный незваный гость, бесцельная потеря времени – больше всего изводили и выбивали из рабочего состояния. Обидней всего бесцельно тратить нервы и силу доводов не на конференции, не в брошюре, не в споре с важным партийным противником, а просто так, на губошлёпа, который и не думает серьёзно того, что говорит. Эмигранты считают свои пятаки, а битый день проваландаться – для них не потеря. А Ленин – заболел от одного потерянного часа! И даже встреча, разговор, дело, которые потом осознаются как важные и нужные, – в момент их внезапности, если не были заранее предвидены, вызывают раздражение.

Но есть этика эмиграции, и ты беззащитен против таких посетителей, ты не можешь просто указать им на дверь или не пустить: среди эмигрантов сразу закрутится сплетня и сильно повредит твоей репутации, ты моментально будешь обвинён в заносчивости, в барстве, в патрицианстве, вождизме, диктатуре... Эмиграция – это злое гнездо, которое всё время шевелится и шипит. И вот приходится этих нахалов, каждого, кто только изволил выехать из России, (а из Сибири ничего не стоит бежать, и все бегут за границу, а тут их содержи за счёт партии) не только принимать, но еще и придумывать им дело. И, смотришь, такая скотина через год действительно становится сотрудником журнала, хотя б тот и вышел всего один раз.

Так же вот и Женечка Бош, природная интриганка, – отчего в Россию не едет, ведь собиралась? А здесь ей дела никакого нет, но она выдумывать будет, и чтоб ей выдумывали. Страшное эмигрантское бедствие – выдумывать дело для эмигрантов.

Конечно, начнись революция, – в её широком разливе каждому из этих мальчишек и девчонок найдётся дело, и даже каждый станет незаменим, и будет их нехватать. Но пока революции нет, тесно, скудно – мальчишки эти невыносимы.

Изматывающее состояние. Уже сколько? Девять лет, как бежали из России от поражения? Шестнадцать от несчастной первой встречи-стычки с Плехановым? Двадцать один от неумелого петербургского завала? Это изводящее состояние, когда вытягивает все жилы к действию, когда сдвигал бы горы или континенты, столько накопилось, напряглось, а применения силам нет, нет приложения от концев пальцев и к людям, не подчиняются партии, толпы и континенты, но

разнохарактерно и бестолково толкнутся и кружатся, не зная куда, – а ты один знаешь! – но зря вся твоя энергия, и замыслы зря, перегорает вся сила на убеждение полудесятка молодых швейцарцев в Кегель-клубе. Да хорошо – хоть их, а когда раньше на собрания являлись два швейцарца, два немца, один поляк, один еврей, один русский и сидели анекдоты рассказывали – швах, пигмейство, бросать эту игру!

Уже спустясь на набережную Лиммат, можно было считать* что племянничек по дороге не встретился, теперь – не застал. И*постепенно уходило защитное предупредительное раздражение.

Серые, но разорванные, с беловатыми боками тучи давали дню холодный строгий свет.

Большими цельными стёклами выставлялись на набережную сплошь витрины с наглым показом на сукнах и бархатах всех изделий безделья – ювелирные, парфюмерные, галантерейные, бельевые, – не знала республика лакеев, как вызывней выставить свою роскошь, не тронутую войной.

С отвращением отходя от этих золотых, атласных и кружевных выворачиваний – он ненавидел и вещи эти, но еще больше – людей, кто эти вещи любит, – Ленин выждал, пока трамвай пройдёт, перед самым трамваем собака перебежала, уцелела, – перешёл набережную и пошёл вдоль реки.

У Фраумюнстерского моста переждал автомобиль, дрожки, велосипедиста с длинной корзиной за плечами, – и прямо же перед ним была городская библиотека, и сейчас бы туда и зайти, да закрыто.

Дальше – обходить, между библиотекой и водой прохода нет: здание её, бывшей церкви Вассеркирхе, за то и названо было так, что выдвинуто в воду. Еще 400 лет назад решительный Цвингли отобрал её у попов и передал в гражданское пользование.

Вот и сам он стоял впереди реквизированной церкви, на чёрном мраморе в несколько постаментов, со вздёрнутым носом, с книгой и мечом, упёртым между ног. Всегда на него Ленин покашивался с одобрением. Правда, книга та – библия, а всё-таки для XVI века превосходная решимость, сегодняшним социалистам бы подзанять. Отличное сочетание: книга – и меч. Книга, продолженная мечом.

Клаузевиц: война – это политика, где перо сменено, наконец, на меч. Всякая политика ведёт к войне, и только в этом её ценность.

В холодный воздух утра от реки еще доливалась влажность. Говорят, никогда не замерзает. Как-то соединилось: Россия – зима, эмиграция – всегдашняя беззимность. Переклонился через решётку. Здесь, в расширенном устье, у обоих берегов, наставлено было лодок – мачтовых, безмачтовых, с кабинами или под брезентом, в несколько рядов. Мачты – покачивались.

Кескула жалуется: кто-то из близких к ЦК просто украл деньги, выданные печатать брошюру. Пришлось второй раз давать. Безобразия!

Вода – тёмная, но вполне прозрачная. И видны серые камни дна.

Три стороны войны по Клаузевицу: действия рассудка достаются правительству, свободная духовная деятельность – полководцам, ненависть – народу.

На аккуратных квадратных камешках набережного тротуара – густо кленовые листья (нарочно не сметают). А на каком-то дереве задержались колючие шишечки-плоды.

Всё дорожает безумно, скоро жить будет не на что. И бумага первая как дорожает! А Шляпников совершенно не умеет потребовать, вырвать денег – от Горького, от Бонча. Надо клещами вытаскивать. Пусть платят, и побольше.

Всю жизнь выручала мама, из семейного фонда – в заграничных поездках, в Петербурге, сколько бы ни перетратился, о зарплате думать не надо было, в тюрьме мог жить на правильном питании, обойти этапы, не знать пересыльных тюрем, из эмиграции в любую минуту попросить, – как чудом, всегда умела прислать. Но с этого лета – мамы нет, уже никогда не попросишь.

Стая чёрных уток с белыми головками качалась, качалась – вдруг разом взлетела, расплескивая, – перелетела над самой водой – опустилась. И – опять собрались. И поплыли смирно назад.

Но хотя как будто Клаузевиц и разъяснил самые общие законы всех войн, а вот нельзя понять закона войны, которая идёт. И закона войны, которую надо начать.

Как бы хоть шведам займа не отдавать? Это – Шляпников должен бы Брантингу намекнуть: представитель России, ему удобней.

Профессиональный революционер должен быть освобождён от обязанности думать, на что жить. Партийная касса должна намного вперёд гарантировать партийную „диету“ для главных членов ЦК.

С большого моста сыпали бургерши уткам хлебное крошево. Утки быстро стягивались, и еще другие: зеленоголовые, с жёлтыми носами. И сизые.

Чтобы печатали в „Летописи“ – надо раскалывать блок махистов с окистами. Там, вокруг Горького, интриганы работают против нас.

А две-три утки перепархивают над самой водой, друг за дружкой гоняются, крыльями и ногами воду бурлят.

Ждать от Горького денег – и еще унизительно просить этого телёнка архибесхарактерного, чтоб извинил за выпады против Каутского, угождать ему и выбрасывать – да самые важные и самые сладкие удары во всей книге!

Что хорошо бы – на лодке погрести, погонять. Ни разу не собрались, а ведь говорили. Теперь уж – до весны. В горах – карабканьем и ходьбой, в Цюрихе – прошагиванием улиц только и разгонял, успокаивал Ленин это потягивание в себе неприменённых жил. Но оставалось в плечевом поясе, и вот его бы – греблей.

Еще эта пропажа рукописи „Империализма“, посланной летом, очень-очень тревожила. Самое загадочное, что в ответственном почтовом ведомстве нельзя найти концов – как кануло! Английская цензура дошла до дикости, французская стала бесстыдна, и не удивляться, если „Империализм“ обратил на себя внимание, и автор его – уже не рядовой эмигрант, каких тут тысячи и на кого полиция внимания не обращает. Может, уже и следят. Может, и сейчас посматривают, на набережной. А – чем он тут держится? Да по первому (ну, по второму) жесту русского или французского послов могут ему учинить военный суд или высылку из Швейцарии, за нарушение нейтралитета. Одну только речь в Кегель-клубе послушать, с соседнего стола.

Он тянулся, плёлся вдоль решётки, над самой водой, по течению, в вытертом котелке, истёртом пальто, как скуднейший цюрихский обыватель, с сумкой клеёнчатой, в какой носят провизию (а у него – тетради, конспекты, вырезки). И, дойдя до большого моста, терпеливо пропускал богатый чей-то фаэтон, и медленные четырёхлошадные грузовые возы, и однолошадную конку в три больших зеркальных окна, с кучером в униформе на передней площадке.

Оттого приходится черняки опасные сжигать, важные документы хранить у уважаемых швейцарцев, опять подписываться каким-нибудь Фреем, а в письмах между Цюрихом-Берном-Женевой порой пользоваться и химией. Это в нейтральной стране! Как у себя под жандармами... А переписанный второй раз „Империализм" заделывать в переплёт книги, чтоб дошёл.

Пересек большой мост. Вышел к озеру, на широковысокую набережную, опять с несметанным насыпом кленовых побуревших листьев.

От озера еще шире несло водяным, свежо-холодным.

Тут плавали лебеди – белые и сизые. Не плавали – скульптурно сидели на воде. А то, на мелководьи, ныряли по одному: клювом в глубине доставали что-то, а лапами барахтались, и белый задок торчал кверху. Потом долго отряхали змеиные шеи.

Слева за спиной, из-за оперного театра, выступало бледное солнце. Но оно было холодное, свет не грел.

А – успокоение от этой воды. От простора. Отступает от груди сжатие. Когда отступает, отпускает – только тут и замечаешь: в каком же сжатии и гонке постоянно живёшь.

Просторное озеро. В разных местах рыбаки стоят на якорях. Во весь тот берег и налево, сколько озеро уходит – продолговатая, пологая лесистая Ютлиберг. Кое-где на ней – белые пятна: был лёгкий снег наверху и задержался, не стоял.

Просторное озеро, напоминает Женевское.

Свежий плеск Женевского озера – на всю жизнь останется. Там пережито самое тяжелое крушение жизни: разбился кумир.

С каким еще молодым восторгом и даже влюблённостью ехал он тогда в Швейцарию на первое свидание с Плехановым, получить от него корону признания. И, посылая дружбу свою вперёд, в письме из Мюнхена – тому, „Волгину", в первый раз придумал подписаться „Ленин". Всего-то нужно было – не почваниться старику, всего-то нужно было одной вели-

кой реке признать другую и вместе с ней обхватить Россию.

Молодые, полные сил, отбывши ссылку, избежав опасностей, вырвавшись из России – везли им, пожилым заслуженным революционерам, проект „Искры" и журнала, совместной работы, раздуть революцию! Дико вспомнить – еще верил во всеобщее объединение с экономистами, и защищал даже Каутского от Плеханова – анекдот! Так наивно представлялось, что все марксисты – заодно, и могут дружно действовать. Думали: вот радость им везём: мы, молодые, продолжаем их.

А натолкнулись – на задний расчёт: как удержать власть и командовать. Решительно безразличен оказался Плеханову этот проект „Искры" и раздувание пламени по России – ему только нужно было руководить единолично. И для того он хитрил, и представлял Ленина смешным примиренцем, оппортунистом, а себя – каменным революционером. И преподал урок преимущества в расколе: кто требует раскола – у того линия всегда твёрже.

Разве забыть когда-нибудь эту ночь в деревушке Везенац – сошли с женевского парохода с Потресовым как высеченные мальчишки, обожжённые, униженные, – и в темноте расхаживали из конца в конец деревни, озлобленно выкрикивали, кипели, стыдились самих себя, – а по ночному небу над озером и над горами ходили молнии, ходили молнии кругом, не разражаясь в дождь. До того было обидно, что минутами хоть расплакаться. И чёртовский холод опускался на сердце.

С той горькой ночи Владимир Ульянов переродился. Только с той ночи и стал как он есть, стал истинным собой.

Строго наученный в тот раз, на всю жизнь усвоил Ленин: никому никогда не верить, ни к кому никогда ни мазка сентиментальности.

Кто-то рядом стал чайкам бросать – и они взлетали с воды, жадно, нетерпеливо кидались, делали круги, хватали налету, крякали, дрались – и уже лезли сюда, на парашет, чуть не в лицо, и к соседям тоже.

Отмахнулся от одной. Пошёл дальше.

Как прицепчива память к случайным совпадениям, к сентиментальным воспоминаниям. То самое Женевское озеро разделяло их, только оно, еще незнакомых, когда он, входя в силу, принимал делегатов Н-го съезда, и каждого старался изучить, прощупать, захватить себе в поддержку, а она – рожала пятого ребёнка, уже от младшего мужа, – и впервые читала незнакомого Ильина „Развитие капитализма", еще ничего не предполагая.

И – пять лет еще прошло, они всё не познакомились, хотя она в Женеве бывала не раз. И в той же Женеве на незабываемой „Даме с камелиями" пронзила его тоска – первое сомнение о своей жизни. А у неё в Давосе как раз в эти дни умирал муж. И всего через несколько месяцев, в Париже, – она пришла.

Здесь изрядно холодный замечался ветер, и от него шла хмуроватая рябь.

Поставил сумку около набережной решётки, поднял воротник, и стоял так, носом в озеро. Совсем уже холодно. Даже по глупому российскому календарю уже 25 октября, по-европейски 7 ноября. А Инесса всё сидела на даче в Зёренберге и мёрзла там, чтобы простудиться. Или сердить его.

Или наказать.

Даже пропускала ожидаемые сроки писем. Лишала вестей о себе. Не ответит раз, опоздает второй. И уж так выбираешь выражения: конечно, если у вас нет охоты отвечать... или есть охота не отвечать... я надоедать вопросами не буду...

Во всех отношениях, со всеми людьми, Ленин всегда добирал свою высоту, занимал достойную. А здесь – не мог, здесь – не было высоты. Он мог только – скрывать за шутками смущение. Просить.

Научиться бы выдерживать встречное молчание. Ждать, пока ответит. Но это – труднее всего: именно, когда не видишься, особенная потребность писать, делиться! Да и дела же требуют.

Просто бы вот сейчас, не дожидаясь её ответа, написать ей несколько не обидчивых ласковых строк. (Ласковых – нельзя, крылышка ласки нельзя показать, письма военного времени все подцензурные, пишешь как перед полицейским, за казённым столом. Нельзя дать оружия против себя.)

Да, он – зависел от её наказаний. Инесса была единственный человек на земле, от кого он – чувствовал, признавал свою зависимость. Наименьшую, когда жгла очередная схватка. Наибольшую – когда они бывали вместе.

Нет, – когда не бывали...

Всё, что он в жизни ел, пил, надевал, и всякий кров и обиход – всё это было совсем не для него, хоть даже и не нужно, а лишь как средство поддерживать себя для дела. И летние месячные отдыхи и горные прогулки, в Карпатах или от Зёренберга на Ротгорн, альпийский вид глазам или на Цюрихберге плитка шоколада, съеденная на откосе в растяжку, или присланные мамой волжские балыки – не были баловством, просто удовольствием для тела, а – способом привести себя в лучшее мозговое рабочее состояние, здоровье – сила революционера.

И только встречи с Инессой, когда и деловые, – получались будто просто для него, просто для счастливо-бессмысленного, лёгкого, весёлого, мычащего какого-то состояния, хотя бив сторону отвлекали, и сил лишали, и рассеивали.

Всех мужчин и женщин, которых когда-либо Ленин встречал, он примерял только к делу, только по их отношению к делу, – и соразмерно отвечал им: так, как требовало дело, и до того момента, пока оно требовало. Лишь одна Инесса, хоть и вошла в его жизнь через то же дело, иначе быть не могло, никакая посторонняя не могла б и приблизиться, – но существовала как будто для него одного, просто для него, существо для существа.

Инесса открывала ему такое, о чём он и думать не мог, не предполагал никогда и прожил бы, не зная. Спорили с ней о „свободе любви" – и уж какую ясную непробиваемую логическую сетку выставил он против её неопред елённостей – не проскользнёшь? Что там! Как эта тёмная вода из озёрного недра свободно вливается и проливается через рыбачью сеть, так и Инесса со своим пониманием „свободной любви" никак нигде не задерживалась классовым анализом: была остановлена – и проходила свободно, была опровергнута – и непобедима.

Тем и сотрясла она его когда-то, что в мире измеренном, оцененном, закономерном, – велела ему переступить и идти за ней, в этом самом мире, а как будто в другом, никогда и не предположенном, и он шёл неуверенным и восхищённым первоклассником, боясь потерять её ведущую руку – и ребячески благодарный ей, до синеватых жилок на тонкой ступне, собачье благодарный ей за то, что она это всё ему открыла – и длила, пока милость её была.

Как раз с того направления, с юго-запада, из Зёрен– берга, через морщь осеннего озера, в посвистывании даже ноябрьского ветра – разве вот не прилетало к нему помахивание её милости? колебание прищуренных век? узкий просвет зубов?

Зачем наказывала? Зачем не спускалась в Кларан, в тепло? В Зёренберге в прошлом году снег выпал в начале октября. Очень холодно.

Над крышей театра с рассыпанной по ней мифологией, фигурами трубатыми и крылатыми, вдруг проступило солнце в полную силу – такое холодное здесь, и оранжеватое там, на вершине Ютлиберг, куда уже набежало оно, а внизу, где громоздились здания и зеленовато-серый купол с колокольной, оставалось пасмурно.

Счастливые дни – лонжюмовские, брюссельские, копенгагенские, краковские... Да и в Берне. Счастливые годы. Семь лет.

Пяти минут не умея провести впустую, чтобы не раздражиться, не отяготиться бездельем, – с Инессой он проводил и по многу часов подряд. И не презирал себя за то, не спешил отряхнуться, но вполне отдавался этой слабости. И вот высшая степень: когда всё без исключения доверяешь ей, когда хочется ей всё рассказывать – больше, чем любому мужчине. Живость отклика её и живость совета! – как не хватает их эти пол года. С апреля. С Кинтале...

Что-то сломалось в Кинтале? Он не заметил тогда.

Из Берна уехать было необходимо: там доминировало влияние Гримма, никогда бы не собрать круга единомышленников. Это был правильный отъезд. Но, уезжая, отчего бы можно было подумать, что больше они не будут встречаться?

В Кинтале это было незаметно. В Кинтале был такой замечательный шестидневный бой!

Единственный человек, которого обидеть непоправимо: можно потерять навсегда. Это соотношение, не пережитое ни с кем, ставит даже в смешные положения. Считаться с её несчастной страстью писать теоретические статьи. В критике их не говорить прямо, как думаешь, а выражаться очень осторожно, иногда и лгать: что ж я могу иметь против помещения твоей статьи? я, конечно, за, – а уж потом подставлять внешнюю причину, которая помешала. Упрёки ей и даже политические поправки сводить по мягкости почти до похвал. Терпеть её самовольство с переводами: она вдруг не переводит ленинский текст, но – исправляет смысл! но – цензурует даже: какая мысль ей не нравится – выбрасывает! Кому ж это можно позволить? А её – только мягко, предупредительно упрекнуть. В предупредительности к ней – заискивать. Написал ей длиннее обычного – сразу оговориться: я, кажется, наболтал с три короба?..

Но даже и заискивание перед ней – не унижение. Ничто не унижение перед ней.

Она вот как может наказывать, не писать. Не отвечать.

А если упрётся, что чего-нибудь не сделает – не уговоришь.

Отошёл белый пароход от пристани и нагнал сюда волны. На волнах раскачивались два немёрзнущих белых лебедя, изогнутые шеями как застыло, навсегда.

Холодно. Взял сумку, пошёл дальше вдоль решётки.

Насколько подле Инессы он даже волю свою вывихивал, настолько в отдалении мог достичь почти полной от неё свободы.

В строго точном свете переменного пасмурно-солнечного осеннего утра над холодным озером.

Сколько помнил себя, столько знал он в себе существование защитной пружины. От неудач, от потерянного времени, от проявленной слабости – она сжимается, сжимается – и вдруг отдаёт, швыряет в деятельность с такою силой, которой ничто уже сопротивляться не может.

Сэкономив на бездельных нежностях, не даёшь застаиваться делу.

В отдалении – к нему возвращалась осмотрительность. Осмотрительность не разрешала ко всем напряжениям его жизни добавить еще. Соединиться с Инессой навсегда? – не была бы жизнь, а суматоха. Слишком она разнообразна, отдельна, отвлека– тельна. Да еще ведь и дети, совсем чужая жизнь. Еще на этих детей уклонять, удлинять свой путь – он никак бы не мог, права не имел.

Жить с Надей – наилучший вариант, и он его правильно нашёл когда-то. Была Якубова и живей, и лицом милей, – но не помогала бы так никогда. Мало сказать единомышленница, Надя и по третьестепенному поводу не думала, не чувствовала никогда иначе, чем он. Она знала, как весь мир теревит, треплет, раздражает нервы Ильича, и сама не только не раздражала, но смягчала, берегла, принимала на себя. На всякий его излом и вспышку она оказывалась той же по излому, но – встречной формы, но – мягко. И как переимчива! Был Радек мерзавцем – она была с ним суха и каменна, на порог не пускала, если являлся под предлогом; стал Радек отличным партийным товарищем, дружным союзником – и как же приветлива и радостна с ним. Она не готовится к этому, не вырабатывает, тогда б и ошибиться можно, – но чувствует за Ильича с постоянной верностью. Жизнь с нею не требует перетраты нервов.

Инесса и не бережлива, что тоже не пустяк, не умеет вести разумного скромного образа жизни, чудачествует нередко. Вдруг возьмёт да модно оденется. Надя же – в методичности, в бережливости не имеет равных. Она действительно нутром понимает, убеждать её не надо, что каждый лишний свободный франк – это лишняя длительность мысли и работы. А еще, что так редко для женщины, никогда не пробалтывается, не хвастает, не выносит из дому ни словечка, о чём предупреждено ей не говорить. Да и сама верно знает, где молчать.

И перед всем этим было бы непристойно революционеру стесняться на людях, что жена некрасива, или ума не выдающегося, или старше его на год. Для внешнего успеха требуется наименьшее внутреннее разделение, наименьшее отвлечение в сторону, наибольшая плотность усилий, ведущих к цели. Для существования Ленина как политической личности союз с Крупской вполне достаточен и разумен.

Правда, всё втроём, втроём – в лесу ли бернском, сойдясь из соседних улиц; на горных прогулках у Зёренберга по альпийские розы или грибы (только в дальние спальные хижины иногда с Инессой вдвоём);

у пансиона в тени над книжками сидя – он и Надя, а Инесса – у рояля часами; или на тёплом горном откосе на пнях – он и Надя постоянно с книгами, а Инесса – просто изогнувшись, нежась на весеннем солнце, как девчонка среди старших; наконец, и долгие те часы, когда он рассказывал обеим женщинам о своих идеях, планах, будущих статьях, – сколько раз приходилось вбирать в один взгляд несравнимое и даже удивиться, не поверить неправдоподобности, невозможности: чтобы так держалось годами – а ведь держалось! Если кому писала Надя длинные подробные дружеские письма – то именно Инессе. Если о ком говорила всем окружающим, всем товарищам с неумолимо похвалой – то об Инессе. И только в письмах Володиной матери (уж Надина-то видела всё), в письмах свекрови, описывая весь их с Володей быт и все прогулки, – единственно в этих письмах писала так, будто они всегда вдвоём. Очень тактично.

А тут и умерли матери одна за другой: Елизавета Васильевна – после инфлюэнцы прошлой весной в Берне, Мария Александровна – этим летом в Петербурге. В горный пансион их, около Флюмса, почта была – вьючными осликами, и так с опозданием принесли телеграмму о смерти – как раз во

вторую годовщину войны, в день Швейцарского Союза – один из бесчисленных суматошных здешних праздников, когда на всех вершинах зажигают костры, пускают ракеты и стреляют. Сидели вечером, смотрели на эти костры, под эти салюты и проводили мать. Да пожалуй и легче так, когда издали.

Если обоим под пятьдесят. И вот умирают матери обе, от чего становитесь вы еще старей. Дружней. И – революционеры оба. То, пожалуй, и...

Наискось по озеру, как раз оттуда, со стороны Зёренберга, шла моторная лодка – быстро, вскинув нос, распахивая воду, за собой покидая треугольное поле пены и металлическим стуком разбивая тишину.

Что-то было в ней! – неслась и распахивала, оттуда прямо сюда неслась и распахивала, разрезала, и нос выставляла безжалостный – прервала размышления, ход мысли резким стуком – и мысль перескочила – и через весь социальный анализ, через все аргументы – просто-просто-просто, как не виделось до сих пор почему-то:

так ведь если свободную любовь отстаивать теоретически, не дать себя убедить, – отчего ж её не осуществлять?..

Все-все пункты буржуазно-пролетарских отношений он осмотрел, предвидел и перечислил ей, – и только одно вот это упустил: если после Кинталя они не виделись, – а так близко! – и она пол года не едет, и его не зовёт, и вот уже почти не пишет –

так она это лето... с кем-нибудь?..

Почему ж он всё время представлял, никак иначе не думал, что она – одна?..

По эту сторону еще было солнце блеклое, но с той стороны через Ютлиберг переваливали, переваливали быстро густые сизые тучи – и пёрли вниз туманом. Быстро заволакивало гору, склон, колокольню и подбиралось к тому берегу Цюриха.

Да как же просто..? И почему он – все стороны охватил, обдумал – только не эту?..

Да быть не может! Товарищ и друг! Как славно бились в Кинтале с центристами?..

За холодную решётку схватился руками – через решётку, через озеро, через Ютлиберг, через все-все горы, какие по дороге – завывать: Инесса! Не оставляй! И-несса!..

Написать, сейчас, не стыдясь унижения, что-нибудь, – только вызвать ответ. Да ведь и почтамт открыт, прежде библиотечного часа – ах, не догадался! почтамт открыт с восьми, надо было пойти и написать! А теперь уже поздно.

А теперь уже поздно: лупили, лупили в колокола как бешеные, как дурные! – по всему городу будто железо ремонтировали. Долбали колокола Фраумюн– стера над почтамтом, долбал двойной Гросс-Мюнстер, выше вывесок на всех этажах Бель-Вю, – да сколько еще церковей по Цюриху!

Туман и туча с той стороны озера накатились уже и на эту сторону, стало пасмурно.

Закоченевшими пальцами вытащил из жилетного кармана часы – ну да, раз колотят в свои вёдра – значит девять, десятый. И на почтамте не был, и время упустил, и зашёл далеко – теперь и самым

гонким ходом он намного опаздывал к открытию кантональной. Плохо начал день. Хотел хорошо, начал плохо.

Ладно уж, письмо потом, надо работать.

Пошёл как покотил – широкий, невысокий, почти не уворачиваясь от встречных. Городская была вот она, рядом, можно и сюда, но журналы и книги к сегодняшней работе отложены в кантональной. Гнал и гнал по мерзкой буржуазной набережной, где выпахивались из дверей гастрономические и кондитерские запахи, щекотать пресыщенных, где изворачивались предложить двадцать первый вид ветчины и сто первый сорт печенья. Мелькали витрины шоколадов, Та баков, сервизов, часов, античности... На этой чистенькой набережной так трудно вообразить будущую толпу с топорами и факелами, дробящую эти стёкла в дребезг.

А – надо!

Всё тут слишком устоялось и вжилось – дома, двери, звонки, запоры на дверях.

А – надо!

Колотили в колокола со всех концов города – бешено и мертво.

С почти пролетарской решимостью и здесь размахнулся Цвингли: на Церингер-плац Проповедническую церковь рассек пополам между шпилей, показывая нам пример, и вот в половине её который век – библиотека. Доставляло особенное удовольствие, что обе главные библиотеки Цюриха торжествовали над религией.

Вошёл в тишину. Девять узких окон с угло-овальными верхами подымались на высоту пяти-шести этажей. Еще выше, в недостижимой высоте, угло-овальные стрелы сводов сходились по несколько в узлы.

Но вся эта высота пропадала почти впустую: только два этажа деревянных хоров прилеплены были по стенам. В простенках же и между книжных шкафов навешаны были многочисленные тёмные портреты – в камзолах и жабо надутые городские советники и бургомистры, ни разглядывать их, ни подписи прочесть никогда не оставалось времени.

Еще из тяжёлых дверей Ленин увидел, что его любимое место на хорах у центрального окна и еще другое удобное – оба уже заняты. Опоздал. Нескладно начался день.

Расписался в книге посетителей, – а дежурно-улыбчивый библиотекарь в очках, недоумевая, никак не мог найти одной из трёх отложенных стопок.

Одна мелкая досада, наворачиваясь на другую, могут украсть часы работы.

Удача или неудача рабочего дня зависит иногда от мельчайших мелочей, как начнёшь. Вот – опоздал. А у них до перерыва и полудня нет, всего три часа, и их теперь нет.

„Империализм“ был уже давно отработан по двадцати тетрадам, и написан, и потерян, и переписан – а еще стопку на ту же тему Ленин брал. Как будто нужно было что-то еще. А будто и не нужно. Все

выводы книги были Ленину ясны еще и до двадцати тетрадей. Последнее время так обострилось предвидение – он видел выводы своих книг исключительно рано, еще не садясь их писать.

Самые сладкие удары во всей книге – и снять их? Мерзкий гнусный святочный дед! Более гадкого подлого лицемера не бывало во всей мировой социал– демократии!

Стопка не находилась – по Персии. Он уже начал делать выписки по Персии. Восточное направление ни у кого не продумано, а его надо готовить.

Ладно, по Каутскому удары не пропадут – в другом месте где-нибудь вставим.

А еще он готовил, писал подробные важные тезисы для швейцарских левых – методически исправлять, чего не добились на съезде. Но это даже удобнее было в Центральштелле, а не здесь.

Да нет, она всё время помогает и переводит. Вот спустится в Кларан – может приедет. Почему надо думать плохо? Это неправильная была мысль.

А еще пришёл он с ощущением недоделанности, недосмотренности статьи против разоружения. Она уже написана (ив сумке тут была), но что-то царапало по памяти. Все главные мысли были на месте: разоружение – требование отчаяния; разоружение – это отречение от всякой мысли о революции; тот не социалист, кто ждёт социализма помимо революции и диктатуры; в будущей гражданской войне у нас будут воевать и женщины и дети с 13 лет. Всё верно, но оставалось чувство, что где-то есть не вполне защищённые фразы. А надо быть архиосторожным, никогда не допустить цитирования против себя – ко всем опасным фразам пристраивать оборонительные придаточные предложения, все фразы должны быть во всех боках защищены, оговорены и противовешены – чтоб никто не мог выбрать незащищённую.

Итак, можно было (и даже он начал) просматривать. Да вот и сразу, написано в пылу: „Мы поддерживаем применение насилия массой“. Накинутся! Пристроить: „...массой – против её угнетателей“.

Впрочем, это можно и не в библиотеке, время уходит.

Стал смотреть тезисы для левых швейцарцев. Тут еще много было работы. Нужно детально-детально им всё разжевать: листовки – кому разносить по домам? беднейшим крестьянам и батракам. Какие сельхозучастки подлежат принудительному отчуждению? Скажем, свыше 15 гектар. После какого срока пребывания требовать для иностранца швейцарского подданства? Скажем – через три месяца, и важно, чтобы без всякой уплаты. Что значит „революционно высокие ставки налогов“? Общие слова, надо составить им конкретную таблицу: на имущество свыше 20 тысяч франков, свыше 50 тысяч – какой процент? И как облагать гостей пансионеров? Тоже написать им конкретную шкалу, ведь ни у кого никогда не доходят руки до конкретности: если платит 5 франков в день – это наш брат, один процент, а если платит 10 франков – с этого сразу 20 процентов...

А из груди так и поднимается, стоит изжогой, последняя подлость Гримма и Грёйлиха. Ах, поганые оппортунисты, подлеишие мерзавцы, ну, подождите, мы вас пристегнём к позорному столбу!

Что-то всё раздражения лезли, сбивали. Так бывает: им дашь разойтись – и невозможно сосредоточиться, невозможно работать по системе, даже на стуле усидеть.

А еще не улётся, сколько сил отобрал и до сих пор мешает работать этот иступлённый недоспоренный спор с „японцами“. Уже было написано несколько статей и две дюжины писем, и конфликт как будто преодолён – а вот не подавлен до конца!

Никогда не удаётся все усилия собрать только в одном главном направлении, всегда открываются противники на побочных, сейчас как будто бы совсем не важных, но неважных не бывает, наступит момент, когда и эти побочные направления станут главными,

– и приходится теперь же оборачиваться и с полной энергией огрызаться на эти побочные укусы. Не „японцы" одни (Пятаков со своей Бошой, с тех пор как бежали из Сибири через Японию), с ними и Бухарин. Не имея ни капли мозгов, доводили себя вместе с Радеком до групповой глупости, до верха глупизма – то на „империалистическом экономизме", то на самоопределении наций, то на демократии. Все эти молодые поросята, новое партийное поколение, очень самодовольны, самоуверены и готовы брать руководство хоть сегодня, а срываются и срываются на любом повороте любого вопроса, ни у кого нет готовной гибкости

– на этих поворотах мгновенно, предусмотрительно иногда брать где влево, а где вправо, заранее предвидя, куда угрожает ссунуть извилистая дорога революции.

Так и с демократией. У Бухарина примитивная молодая недооценка её. Открыто пишет: в период взятия власти придётся отказаться от демократии. А – нет! Вообще социалистическая революция невозможна без борьбы за демократию, и поросяткам это надо зарубить на розовом носу. Но, конечно, не терять из виду: в конкретной обстановке, в известном смысле, для известного периода. А наступит и такой период, что всякие демократические цели способны только затормозить социалистическую революцию. (Это – подчеркнуть двумя чертами!) Например, если движение уже разгорелось, революция уже началась, надо брать банки – а нас позовут: подожди, сначала узаконь республику!?.

Разъяснял им Ленин по многу страниц – нет, воротили носы прочь! А пришлось так долго возиться с такими склочниками и интриганам потому, что у „японцев" были деньги на журнал, без них не начали бы „Коммуниста". Но и союз с ними имел смысл лишь пока у Ленина было большинство в редакции, а дать равенство глупцам? – никогда! к дьяволу! идиотизм и порча всей работы! лучше ошельмовать дурачков перед всем светом. Не хотели мирного исхода – набьём вам морду!

С Бухариным не довёл до публичности, объяснился в письмах. А перед его отъездом такая злость на него взяла – не ответил ему. Теперь в Америку поехал

– небось, обиделся.

В глубине признаться – он очень умён. Но раздражает постоянным сопротивлением.

Всякая оппозиция всегда раздражает, особенно – в теоретических вопросах, от которых – претензия на руководство.

Но уж Радека, Радека, говённую душу, было очень полезно высечь для общей наглядности. Верх подлости Радека в том, что он исподтишка натравливал поросят, а сам прятался за циммервальдскую левую. (Да и в Кинтале пытался поссорить Ленина со всеми левыми, а с Розой и поссорил.) Радек держится в политике как наглый нахальный тышкинский торгаш, исконная политика швали и сволочи! За то, как он выпер Ленина и Зиновьева из редакции „Vorbote" – вообще бьют по морде или отворачиваются. Кто прощает такие вещи в политике – того считают дурачком или негодяем.

В данном случае правильно было – отвернуться. Тем более, что разногласия с Радеком – не всеобщие, а только в русско-польских делах. А по делам швейцарским Радеку выхода нет, как идти против Гримма, он вынужден примкнуть союзником, да каким!

Но в этой истории сподличал и Зиновьев, предлагал уступить „японцам“. Так шатаются все, нельзя на самых близких положиться.

Чтобы покончить эти все бухаринские выверты – необходимо было перенести спор также и в саму Россию и добить „японцев“ на русской почве. Об этом велено Шляпникову. Но Шляпников и сам путаник, особенно его Коллонтайша. (Кстати, не забыть: хорошо бы подсунуть её на скандинавскую конференцию нейтралов, ну, хотя бы переводчицей при делегате,

– и так вынюхать планы нейтралов!)

Да сколько их, псевдосоциалистических путаников во всех странах, и воюющих, и нейтральных, и у нас. А разве лучше Троцкий с его благоглупостями – „ни победителей, ни побеждённых“? Вздор какой. Нет это сбор дешёвой популярности, а ты попробуй, чтоб царизм был всё-таки побеждён, не дай ему вырваться из этой свалки! Нельзя быть „против всякой войны“, социалист перестаёт быть социалистом.

Где сейчас Шляпников – неизвестно: еще ли в Стокгольме? или уже в Россию поехал? До Швеции письма проходят с оказиями, через Кескулу и его людей, – а дальше Швеции? Там вообще темнота, регулярности никакой. У Шляпникова на всё вечные задержки, в Россию ездит редко, каждый раз подолгу, очень неповоротливый. А скажешь ему – обижается. А если б не ездил – так и никого нет. Так что для придания важности пришлось кооптировать его в ЦК.

Тут подошёл к столу Ленина библиотекарь и, топотом извиняясь и прикланиваясь в извинение, положил ему стопку о Персии.

Спасибо! Каких-нибудь полчаса до перерыва, так теперь Персия! А что ж, взяться и за неё?

Конечно, до ЦК он никак не дорос, по развитию – не Малиновский. Но место его – занял, от звания „член ЦК“, „председатель Русского Бюро“ голова кружится, вошёл во вкус. То лезет в международные переговоры с социалистами, оттирая Литвинова. То с дурацкими советами чуть не в каждом письме: почему не переезжаете в Швецию? Самоуверен надоедно, а отрезать нельзя, реальное действующее лицо, приходится отвечать ему и даже по форме с почтением.

Что-то плохо вработывался. Слишком кипел мозг, не мог сосредоточиться, не уходил в медлительную феодальную персидскую экономику.

Ах, Малиновский, Малиновский! Несостоявшийся русский Бебель. Как работал! Как обращался с массами! Что это был за тип, за лицо! – самозарождённый рабочий вожак, собранный символ российского пролетариата. Именно такого рабочего вождя и не хватало Ленину в партии – под правую руку, в дополнение, чтоб идеи приводить в массовое действие. За то и любил его Ленин, что так он влился на предназначенное место, и всегда с такой готовностью, никогда не оспаривая – но как ярко и сильно выполнял! По буржуазным понятиям было у него так называемое уголовное прошлое – несколько краж – но это только оттеняло его пролетарскую непримиримость к собственности, да и яркость натуры. И хотя чересчур подозрительные товарищи стали клепать на него – Ленин только утверждался в доверии: представить его провокатором? – невозможно! (Да и сейчас невозможно.) Какие зажигательные речи произносил в Думе, как маневренно раскололся с

меншевиками во фракции. Не только самого его с радостью включил Ленин в ЦК, но довольно было Малиновскому кого–нибудь посоветовать, там Сталина, – включал и того. Когда жили в Поронине, не было из России приятнее гостя, чем Малиновский. Кроме последней страшной майской ночи, когда вдруг появился он после своего самовольного внезапного ухода из Думы – но ведь появился же, не сбежал! если б он не был чист –: неужели бы смел появиться?.. И целую ночь это объяснение шло. Доказать против Малиновского всё равно было нельзя (да и – полезно ли?). Кто может поверить этой глупой версии, что охранка сама сочла „неудобным" иметь осведомителя в лучших думских ораторах – и велела ему уйти? Вздор какой, что ж охранка – глупая, сама против себя?.. Собрали с Кубой и Гришкой как бы партийный суд – и оправдали Романа Малиновского. И за верность его поручились перед Международным Социалистическим Бюро.

Однако, расстались пока, тихо. По личным причинам.

Такого помощника у Ленина уже не будет!.. Шляпников? не-ет.

А тут – перерыв наедал. И когда они проголодались– ватся успевают, швейцарцы, в 12 часов уже подавай им обедать?

Впрочем, замечал Ленин, что сегодняшний библиотекарь не всегда ходит обедать. Подошёл к нему, спросил. Не пойдёт. А нельзя в перерыв остаться? Можно.

Вот это удача. Не столько того обеда, сколько рассеяния. На пустой желудок лучше работается. И лишний час.

Теперь можно было заниматься, не торопясь. А даже вот что лучше – сейчас уже запастись газетами. Экономя деньги, Ленин ни одной не покупал и не подписывался, да их тридцать-сорок надо читать, все „Arbeiter–" и все „–Stimme".

Набрал, какие есть, принёс на стол.

Чтение газет – из главных ежедневных работ, это вход в жизнь мира. Чтение газет настраивает к ответственности, к упорству и к бою, даёт живое ощущение врагов. Рассыпанные по всему миру социалисты, социал-патриоты и центристы, не говоря уже о всех буржуазных ослах, все как будто сталпливаются вокруг тебя в читальном зале, и размахивают руками, гудят, кричат каждый своё, а ты выхватываешь – и отражаешь, замечаешь слабые места – и тут же бьёшь по ним. Читать газеты – значит, и конспектировать их. По аналогии, по ассоциации, по противоположности, по несоединимости и вовсе по непонятной связи высекаются и высекаются искры мыслей, разлетаются под углами вправо, влево, на отдельные бумажки, в линейчатые строки тетрадей и на свободные поля, и каждую мысль, пока не погасла, надо успеть огненной нитью вплести в бумагу, чтобы тлеть ей там и ждать своего часа, иную – в конспект, иную – сразу в письмо, начатое тут же, чтобы не терять горячего движения фразы. Одни мысли – для выяснения самому себе, другие – для спора, укола, удара, третьи – как лучшая форма разжевать и архиразжевать для глупеньких, четвёртые – для теоретической спевки, особенно с теми, кто удалён и даже в России.

Вандервельде и Брантинг, Гюисманс и Жуо, Плеханов и Потресов, Ледебур и Гаазе, Бауэр и Бернштейн, два Адлера, даже Паннекук и Роланд Гольст, – всех их Ленин ощущал как своих достигаемых раздражающих оппонентов, где б они ни гнездились – в Голландии, Англии, Франции, Скандинавии, Австрии или Петербурге, – ощущал их на дистанции видимости, на слышимости

голоса, он связан был с ними со всеми единым пульсирующим нервным узлом – во сне и в бодрствовании, за чтением, за едой и на прогулке.

А читателей – уже и не было, уже оказывается наступил перерыв. Библиотекарь ушёл за стеклянную дверь в глубину хранилища. Лампочки на всех столах погасли, храм-читальня грандиозно высился в полусерости и гробовой тишине. И пользуясь необычным этим случаем, еще и еще разряжаясь от избыточной натяжки нервов, Ленин взялся быстро ходить по прямой, по самой длинной центральной прямой здесь – от входной двери под деревянной галереей – до двух поперечных каменных длинных ступенек, перед бывшим алтарём. Получалось шагов пятьдесят, не перегороденных ни полками, ни столами.

Вся проходка его бывала на улицах и в горах, а жил он всегда в комнатках тесных, маленьких, не расходишься. Теперь в этом быстром настигающем хождении, шагом охотника, расталкивая, расталкивая Гиль– фердингов, Мартовых, Грэйлихов, Лонге, Прессманов и Чхеидзе, не давая им фразы высказать связно, тут же обрывая, осекая, ставя на место и рассеивая их, именно в этом колебании бешеного маятника – он отбивался, отбивался от врагов.

Освобождался от врагов.

И всё больше был готов к методической работе.

И пришёл момент – на полупроходке ощутилось: довольно!

И сел работать.

Неправильная эта мысль об Инессе. Нет оснований так думать.

Нет! Не за тем столом сидел. Теперь это всё – книги, газеты, тетради, перенести на хоры, за свой привычный стол. В два приёма пришлось нести.

Слегка поскрипывали ступени в готической серой тишине.

И что-то вдруг устал-устал. Как свалился в свой стул.

В голове как-то...

А голода от пропущенного обеда не ощущал никакого. Ему – можно было и мало есть, в нём энергия вырабатывалась почти и без еды.

У самого окна, без лампы пока. Но день сумрачный.

Читал газеты. Читал – об общем военном положении. И было безрадостно.

Ну, не так плохо, как в августе, страшный момент, когда внезапно выступила свежая Румыния, гигантски укрепив союзников, и казалось – теперь Россия вывернется. Но нашлась в Германии сила разбить и Румынию как бы мимоходом, это изумительно, этого нельзя было предсказать два месяца назад. А тем не менее, также вопреки всем предвидениям, Германия не выигрывала целой европейской войны. На Западном фронте закупорилось прочно и безнадежно. И на Восточном – вот поразительно, и на Восточном никакой победы не принёс Шестнадцатый год. Год назад был царизм уже сотрясён, уже почти повергнут – а вот опять стоял и не уступил ничего! Величайшая надежда, величайшая победа – растеклась, расплылась, ушла.

В одном местечке, всего в одном местечке головы, около левого виска, образовалась как бы пустота. Плохо. перевозбудился.

И все народы даже от третьего года такой кровавой войны – не видно, чтобы просыпались. Но, как всегда, безнадежнее всех – русский народ. Именно он нес главные обильные потери, именно русские тела штабелями наваливались против немецкой организации и техники. О Восточном Фронте вообще пишут невнятно, неточно, корреспондентов там нет, знают мало и интересуются мало, да пресса Антанты и стыдится такого союзника, стараются меньше писать, но часто приводят цифры потерь. Эти цифры русских потерь всякий раз находил и ногтём отмечал Ленин – с удовлетворением и удивлением. Чем крупней были цифры, тем радостней: все эти убитые, раненые и пленные вываливались как колья из самодержавного частокола и ослабляли монархию. Но и эти же цифры приводили в отчаянье, что нет на Земле народа покорней и бессмысленней русского. Границ его терпению не существует. Любую пакость, любую мерзость он слопаёт и будет благодарить и почитать родного благодетеля.

Или свет зажечь? Как будто буквы поплыли.

Невоспламеняемые русские дрова! Отошли в историю лучшие костры – соляные, холерные, медные, разинский, пугачёвский. Разве только на захват соседнего поместья, всем видимого и известного, а то ведь никакой пролетариат и никакие профессиональные революционеры никогда не раскачают чёрную мужицкую массу. Развращённая, расслабленная православием, она как будто потеряла страсть к топору и огню. Если уж такую войну перенести и не взбунтоваться – куда годен этот народ?

Проиграно. Не будет в России революции.

Закрыв глаза ладонями и сидел так.

Внутри – как будто обвисало. То ли от усталости, то ли от тоски.

Читатели уже собираются. Стулом двинули. Книга упала. Лампочки зажигают.

А может случиться и еще хуже: царизм уже выбирается из капкана? Через сепаратный мир?? (Подчеркнуть тремя чертами.) И Германии, когда она не может выиграть войны на двух фронтах – что остаётся ?

Вот – страшно. Вот – не может быть хуже чего. Тогда проиграно – всё. И мировая революция. И революция в России. И – вся жизнь Ленина, все усилия двух десятилетий.

Такое сообщение – о подготовке сепаратного мира, о тайных переговорах, уже официально идущих между Германией и Россией, и что в главном обе державы уже столкнулись, – недавно напечатала газета Гримма „Бернер тагвахт". Подпись была – К.Р. Не надо спрашивать плута Радека, чтоб догадаться, что это – он. (Но как мог Гримма убедить!) И достаточно зная его шипучую находчивость, можно догадаться, что он не подслушал разговора 'дипломатов, не подглядел тайных бумаг, и даже слушка такого не подхватил нигде, а, залежавшись на полдня в постели, газеты на одеяле, газеты под одеялом и книги под кроватью, он иногда сочиняет что-нибудь такое „от нашего собственного корреспондента" из Норвегии или Аргентины.

Но не в том дело, как родилось именно это сообщение. И не в том, что русский посол в Берне опровергает – а что ж ему иначе?.. Дело – в пронзительной верности: для царя это действительно верный выход! Именно так и надо! Именно так и сделал бы Ленин на его месте!

И поэтому надо – ударить! Еще ударить в это место! Бить тревогу! Остановить! Предупредить! Не дать ему вытащить из капкана все лапы целыми! •

Конечно, от Николая II и его правительства следует ждать всего самого глупого. Ведь и этой войны нельзя было ждать от них, если бы сколько-нибудь были разумны – а начали! „а – сделали нам такой подарок!

Так что, может быть, и сейчас еще можно их напугать разглаской – и отвратить?

Сепаратный мир! Конечно, исключительно ловкий выход. Но всё-таки: не по их уму.

А всё равно уже: в России ничего не сделать. Кто там читает „Социал-Демократа“? А за Милюковыми и Шингарёвыми все следят. В России слышно – одних кадетов. И вон как встречали делегацию их на Западе. Царь додумается, потеснится немножко, уступит министерства Гучкову да кадетам – и уж тогда их совсем не возьмёшь, не пробьёшь.

И что ж можно вымесить из российского кислого теста! И зачем он родился в этой рогожной стране?! Из-за того, что четверть крови в тебе русская, из-за этой четвертушки привязала судьба к дрянной российской колымаге! Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной страной. Ничего не знал Ленин противнее русского амикошонства, этих трактирных слёз раскаяния, этих рыданий якобы загубленных натур. Ленин был – струна, Ленин был – стрела. Ленин с первого полувзгляда оценивал дело, обстоятельства и верное и даже единственное средство к цели. И что ж его связывало с этой страной? Да не хуже, чем этим полутатарским языком, он овладел бы и тремя европейскими, потрудясь больше. С Россией – двадцать лет конкретных революционных связей? Ну, только вот они. Но сейчас, после создания Циммервальдской левой, он уже достаточно известен в мировой социалистической сфере и может перешагнуть туда. Социализм – безнационален. Вот уехал Троцкий в Америку – правильный выбор. И туда же Бухарин. Наверно и надо, в Америку.

Нет, что-то сегодня не то в нём самом. Не так день начался, не так завертелся. Как будто тело его, самый корпус, грудь не успевали за быстрой головной проработкой – и у левого виска была пустотка, и какое-то дупло усталости проявилось в нутре, – и вся оболочка тела как будто стала оседать по дуплу.

Многое сошлось сразу, и вдруг он ощутил, что не вытянет сегодня хорошего рабочего дня, но катится под гору раздёрганный, неудачный, даже тоскливый.

Вообще, политик – это тот, кто совсем не зависит от возраста, от чувств, от обстоятельств, в ком во всякое время года и дня есть постоянная машинность – к действиям, к речам, к борьбе. И у Ленина есть эта отличная бесперебойная машинность, неиссякающий напор, – но даже у него раза два в год выдавалась дни, когда этот напор опадал – до уныния, до изнеможения, до прострации. И такие дни уже до вечера нельзя исправить, только раньше лечь и крепко спать.

Кажется отлично владел Ленин своей головой, своей волей – но против этих накатов безнадёжности был бессилён даже он. Безусловная истина, твёрдая перспектива, проверенная расстановка сил* – вдруг начинало всё оплывать, сереть, сползать, всё оборачивалось к нему серым тупым задом.

А внутри сидящая, вечно сторожащая болезнь, вдруг выпирала углами, как камень из мешка.

К виску выпирала.

Да. Всегда он шёл путём неприятия компромиссов, несглаживания разногласий – и так создавал побеждающую силу. Уверен был, предчувствовал, что – побеждающую. Что важно сохранить как угодно малую группу и из кого угодно, но – централизованную строго. Примиренчество и объединенчество уже давно показало себя как гибель рабочей партии. Примиряться – с разоруженцами? примиряться с нашесловца– ми? примиряться с русскими каутскианцами? с мерзавцами из меньшевистского ОК? идти в лакеи к социал-шовинистам? обниматься с социалистическими 'Иванушками? Нет, к чёрту! – малое меньшинство, но твёрдое, верное, своё!

Однако; постепенно он оказывался почти в одиночестве, преданный и покинутый – а всяческие объ– единенцы или разоруженцы, ликвидаторы или оборонцы, шовинисты или безгосударственники, помойные литераторы и вся паршивая перемётная обывательская сволочь – все собирались где-то там тесным комом. И до того иногда доходило его меньшинство, что и вовсе никого вокруг уже не оставалось, как в тоскливом одиноком 908-м, после всех поражений – тоже здесь, в Швейцарии, самый страшный тяжёлый год. Интеллигенция панически покидала большевистские ряды – тем лучше, по крайней мере партия освобождалась от мелкобуржуазной нечисти. Среди этой мерзкой интеллигентщины Ленин чувствовал себя особенно униженно, ничтожно, потеряно, отчаяние было ощутить себя утопающим в их болоте, идиотство было бы походить на них. Каждым жестом и словом, даже ругательствами – только бы не походить на них!.. Но уж совсем никого не оставалось, уж до того дошло, что хоть десять-пятнадцать сторонников надо было задержать, оставить! – и для этого одного, в охоте за пятнадцатью большевиками, чтоб не отдать их махистам, гонять за материалами в Лондон и писать триста страниц философского труда, которого и не прочёл никто, но Богданова – опозорил! сбил с руководства! И потом сырой осенью всё ходить, ходить зябко вдоль Женевского озера и бодро повторять, что мы не упали духом и идём к победе.

И вот с умнейшими, как Троцкий и Бухарин, не находится общего языка. И в немногих, кто остался вблизи, как Зиновьев, тоже нельзя быть уверенным вперёд дальше месяца – так слабы его нервы, так непрочны убеждения. (Да никаких убеждений у Гришки нет.)

Сила – не создалась. Весь его курс, 23 года непрерывных боевых кампаний – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма, вся эта твёрдая судьба под градом ненависти – к чему привела его, кроме изоляции? Он по инерции продолжал свою линию – разрывов, клеймлений, отмежеваний, но сам утомлённо понимал, что на том и завяз, что настоящего успеха – уже никогда не будет.

Одиночество.

И даже рассказать, поделиться, свой голос послушать – вот, не с кем...

Ну, день... Всё вываливалось и отвращалось, бесплодно он просиживал часы.

Стопки книг, стопки газет... А за годы эмиграции – целые колонны бумаг, кип, дестей – прочитанных, просмотренных, исписанных...

Когда он был молод – носилось свежее ощущение близкой революции, простота и краткость ожидаемого к ней пути. Он всем повторял: „Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции!“ Счастливое ожидание!

Но вот, последние девять лет, после второй эмиграции – чем же наполнены, набиты, напрессованы? Одними бумагами, конвертами, пакетами, бандеролями, перепиской рутинной, срочной – сколько же, сколько времени уходит на одни письма (да и франков на марки, но это из партийной кассы)? Почти вся жизнь, половина каждого дня – в этих нескончаемых письмах, никто не живёт рядом, единомышленники рассеяны по всем ветрам, и надо издали держать их, стягивать, управлять ими, давать советы, расспрашивать, просить, благодарить, согласовывать резолюции (это – с друзьями, а всё ж это время не прекращать острейшей борьбы с толпами врагов!) – и именно сегодняшнее, се-часовое письмо всегда кажется самым срочным и важным (а через день иногда – и пустым, и опоздавшим, и ошибочным). Обсылаться проектами статей, корректурами, возражениями, поправками, рецензиями, конспектами, тезисами, чтением и выписками из газет, целыми повозками газет, иногда выпусками своих журналов, по несколько номеров, не дальше, – и никакого настоящего дела, и не поверить и не представить, что через мир, заваленный ворохом бумаг и бандеролей, способно пробиться общественное движение – к заветной задуманной государственной власти и там понадобятся, от тебя качества иные, чем эту дюжину лет в читальных залах.

Кончал он свой сорок седьмой год – жизни нервной, однообразной, всё чернилами, чернилами по бумаге, в однодневных, однедельных вспышках вражды и союзов, споров и соглашений – архиважных, архитактичных, архиискусных – и всё с политиками настолько мельче себя, и всё в бездонную бочку, без задержки, без памяти, без результата. Всё дело его подвижной, поворотной, переносной жизни билось, билось и упиралось в непроходимый хлам.

И вот – обвисали руки, и спина не держалась, и кажется – всё, выдохся весь до последнего.

А болезнь – грузнела внутри, иногда расхаживала и скребла. Она звука не подавала, она в спор не вступала, а сильнее её – не было оппонента.

Беда, вошедшая навсегда.

Единственно, к чему он был призван – повлиять на ход истории, не было ему дано.

И все его несравненные способности (теперь-то оценённые и всеми в партии, но сам он знал их еще верней и выше), вся его находчивость, пронизательность, хватка ума, всё его бесполезно-ясное понимание мировых событий, не могли ему принести не только политической победы, но даже положения хоть члена парламента игрушечной страны, как Гримму. Или даже – успешного адвоката (впрочем, адвокат – отвратительно, в Самаре он проиграл все суды). Или хотя бы журналиста.

Оттого, что он родился в проклятой России.

Но со своим обычаем честно выполнять самую кропотливую неблагодарную работу, он всё еще пытался составлять свои подробные учительные тезисы швейцарским левым циммервальдистам. По дороговизне, по невыносимому экономическому положению масс. Какой установить предельный максимум жалованья для служащих и чиновников. И как следить за партийными органами печати. И как выживать из партии реформистов-грютлианцев...

Нет! Не строилась работа... Ушла полнота из рассчитанного распорядка и осталось дупло. Голова заболела. Дышалось плохо. Противно стало даже смотреть на бумаги. К утру должен был приступ миновать, но сейчас такое ко всему отвращение, что хоть на пол лечь.

И – преступно не досидев рабочего дня (впрочем, не так уж много и оставалось), он через силу скидывал тетради, рукописи в свою провизионную сумку, собирал, захлопывал книги, стягивал газеты в пачку, что ставил на полки, что понёс библиотекарю, осторожно ногами по ступенькам, чтоб не грохнуться с этой кипой.

У двери натянул тяжёлое пальто, насадил котелок как попало, побрёл.

Каждый день одна и та же дорога не задавала задачи ни ногам, ни глазам: шлось само.

К сумеркам уже было, и еще туман. В окнах магазинов и ресторанов уже горело электричество.

По узкому переулку катили широкую бочку, за ней – тачку. Не обойдётся.

Легко, легко не выбраться из этой стиснутой, маленькой, закисшей мещанской Швейцарии, так тут и кончить жизнь при Кегельном клубе.

У гастронома, видно через окно, никелированная машинка равномерной подачей резала ровные пластинки привлекательной ветчины. И видами мясного завалена была витрина. Бакалейщик, самодовольный по-швейцарски, вышел на порог своего заведения и одному прохожему за другим – знакомым, не знакомым? – отвешивал своё бесплатное „грётци!". На третьем году войны магазины оставались навязчиво изобильны, только сильно подпрыгнули все цены от подводных лодок. А буржуа стояли и – перебирали.

По холоду хоть не стали выставлять столиков из кафе на тротуары – а то сидят, развалились, на прохожих глазами лупают, а ты их обходи, чертыхаясь. И во всё своё эмигрантское время ненавидел Ленин кафе – эти обкуренные гнёзда словоизвержения, где заседало 9/10 революционного словоблудия. А за войну, тут близко военная граница, натянуло в Цюрих еще новой мутной публики, из-за них и комнаты подорожали, авантюристы, дельцы, спекулянты, студенты– дезертиры и болтуны-интеллигенты, философскими манифестами и художественными протестами якобы бунтующие, сами не зная, против чего. И все – по кафе.

Да такая же благополучная, наверно, и Америка. Везде верхушка рабочего класса предпочитает богатеть и не делать революции. Ни там, ни здесь никому не нужен был его динамит, его взмах топоринный.

Способный весь мир раскрыть, взорвать и перестроить – он слишком рано родился, только себе на муку.

Середина Шпигельгассе – сильно горбатая, на своей отдельной горке. От себя – в какую сторону ни иди – размашисто вниз. К себе, откуда ни возвращайся – круто вверх. Когда разогнан или бодр – не замечаешь. Но сейчас еле-еле тащился. Не шёл, а ногами заскребал.

Узкая крутая лестница старого дома с многолетними запахами. Уже темно, а лампы не зажгли, наощупь ногой.

Третий этаж. Всеязычный галдёж, тяжёлые запахи квартиры.

И своя комната как тюремная камера на двоих. Две кровати, стол, стулья. Печка чугунная, в стенку труба, нетопленная (а пора бы). Перевернутый ящик из-под книг как посудный столик (из-за вечных переездов не покупали мебели).

При последнем дневном свете Надя еще писала за столом. Обернулась. Удивилась.

Но, привыкшая к этому свету, разглядела жёлтобурую кожу на шестидесятилетнем лице Ильича, тяжёлый мёртвый взгляд – и не спросила, отчего так рано.

Уж знала она у него приход этих упадков до прострации – иногда на дни, а то – на несколько недель. Когда он слишком вырабатывался в возбуждении, или когда в борьбе надламывалось даже его железное тело. После II съезда был такой упадок нервный, после „Шаг-два шага“, после V-ro, да не раз.

Котелок утомлял голову, старое пальто утомляло плечи. С трудом их с себя сдирал... Надя помогла снять... Поташил по комнате ноги и сумку с тетрадями.

Нашёл силы посмотреть, что Надя писала, к глазам поднёс. Расходы.

Набирался, набирался столбик цифр удручающий.

В 908-м году хоть и мрачно было, хоть и одиноко, так денег завались, после тифлисского экса. Счёт в „Лионском кредите“. С тоски ходили в концерты по вечерам, ездили в Ниццу в отпуск, путешествовали, гостиницы, извозчики, в Париже сняли тысячефранковую квартиру, зеркало над камином.

Сел на кровать.

Сел – и осел, уменьшился. И в пружинах утоп, и голова утопла в плечи, совсем не осталось шеи: оттяжка темени – на спине, подбородок – на груди.

И одной рукой, впереди себя, держался за край стола.

Один глаз был полузакрит. А рот полуоткрыт. С губы торчала бесформенная щетинка крупноволосых усов. И нос придавленным своим передом выставлен вперёд.

Так сидел. Минуту. Другую. Третью.

– Ляжешь? Раздеть? – своим мягко-деревянным голосом спрашивала Надя.

Молчал.

– Ты что ж в обед не пришёл? Зазанимался?

Кивнул, с усилием.

– Сейчас будешь? – Но голос её не обещал густого плотьядства, так никогда и не научилась готовить.

То ли было в Шушенском! И натоплено, и наварено, и нажарено, на неделю баран, разносолов кадушки, дупеля, тетерева на столе, молоком залейся, и до блеска всё вымыто девчонкой-прислугой.

Уж совсем облысел купол Ильича, только и оставались волосы задние, тоже не густые. (Ещё попортили и сами в 902-м: на врача денег пожалели, по совету русского медика недоучившегося сыпь на голове йодом лечили, и посыпались волосы.)

Надя переступила ближе. Тихо, осторожно пригладила.

Несколько глубоких длинных морщин пролегли через весь, весь лоб его, вдоль.

Ильич вздохнул толчками тяжёлыми – как в оглоблях, с силой некабинетного человека. И нисколько не подымая голову из утопления, не видя жену, а – перед собой, над столом, заморённо-заморённо:

– Кончится война – уедем в Америку.

Да он ли это?

– А циммервальдская левая как же? А новый Интернационал? – стояла печальной распустёхой.

Вздохнул Ильич. Глухо, хрипло, без силы в голосе:

– В России ясно к чему идёт. К кадетскому правительству. Царь – с кадетами сговорится. И будет пошлое нудное буржуазное развитие на двадцать– тридцать лет. И – никаких надежд революционерам. Мы – уже не доживём.

А что? И уехать. Она приглаживала его дальние редкие волоски.

Тут – постучала хозяйка: кто-то к ним пришёл, спрашивает.

Ну, только! Ну, нашли время! Надя и не советуясь пошла – отказать и выгнать.

А вернулась в недоумении:

– Володя! Скларц! Из Берлина...

С кем угодно можно установить прочную тайную связь, никогда не встречаясь прямо, если составить цепочку из постоянных посредников – двух, а лучше трёх. Твой посредник встречается кроме тебя еще с двадцатью человеками, и только один из них – следующий в цепи; тот встречается еще с двадцатью –■ уже четыреста возможностей, это проследить не может никакая полиция и никакой Бурцев.

У сверхосторожного Ленина существовало таких несколько линий.

Прошлым летом, после встречи с Парвусом в Берне, Ленин отпустил к нему Ганецкого в Скандинавию – директором его торгово-революционной конторы. Так развернул своё коммерческое призвание неутомимый изыскливый Ганецкий, и так установилась прямая неостывающая связь с Парвусом. Однако, провисла линия между Копенгагеном и Цюрихом – и посредником определили Скларца, берлинского коммерсанта, тоже пайщика парвусовской конторы, который свободно мог ездить и в Данию и в Швейцарию. Но условлено было, что когда приедет в Цюрих, всё по тому же правилу промежуточных звеньев он не должен встречаться с Лениным сам, а здесь подошёл Дору Долину, подружку Бронского. И то, что он вот пришёл прямо на квартиру сам, значило или нарушение конспиративной дисциплины или чрезвычайные обстоятельства.

Как же некстати! Не только – сил, но даже не было ясного соображения в голове, но даже перебой в груди. И отказывать поздно: уже всё равно пришёл, видели его на улице, на лестнице, в квартире.

Навстречу Скларцу подняться надо было не с кровати, надо было ослабевшими ногами подать вверх одуплевшее тело как будто через целый колодец – туда, наверх. И лишь там, высунутой головой увидеть этого маленького энергичного еврея из юго-западных.

Однако, с большим самозначением, всё богаче одетого, и пальто такое, и шляпа (на единственный обеденно-письменный стол положил, нахал, а впрочем куда её деть тут?), и в руке – коммивояжёрский лёгкий баул из кожи крокодиловой или бегемотовой, как её.

Спасибо, хоть без этих церемонийных немецких „Wie geht's?“, без натянутой улыбки радости от встречи. Деловито поклонился, протянул маленькую ручку с важностью. Огляделся насчёт безопасности, свидетелей. А уже – и Надя вышла, никого.

Почему же всё-таки – прямо, сам?

А – вот. Из глубокого внутреннего кармана – конверт.

Богатой, бледнозелёной бумаги, с гербом продавленным. И толстый, пузатый.

Как не стесняется Парвус и в мелочах показывать богатство! Вот – конверт. А приезжал в Цюрих – останавливался в самом дорогом „Бор-о-ляке“. В Берне по дешёвой студенческой столовой (обед – 65 рап– пенок) шёл, ища Ленина, и пыхал самой дорогой сигарой.

И с этим человеком начинали когда-то в Мюнхене „Искру“!..

Ну так что, что письмо? Нельзя было через Дору? Эти визиты-мелькания приходится объяснять товарищам.

Скларц даже удивляется, как это плохо воспитан господин Ульянов. Дела – так не делаются. Сказано: уничтожить, не уходя.

И показывает пальцами: мол, чирк – и к конверту.

Удивил! Мы иначе и не делаем. Уж мы-то в жизни сожгли!..

Значит, читать. Ситуация для подпольщика привычная. Ленин и сам должен обеспечить, чтобы его ответное письмо не сохранилось после прочтения. Такой один клочок бумажки может быть смертелен для целой жизни политического деятеля.

Ни ножа, ни ножниц под рукой, стол голый. А Надя на кухне. Оторвав уголок, Ленин всунул толстый указательный и повёл как разрезным ножом. Рвалось с лохматыми закраинами в одну и в другую сторону, как собака зубами – и чёрт с вами, вот так вашему богатству! Насколько приятней держать в руках самый дешёвый конверт, писать – на самой дешёвой бумаге.

Вынул. Оттого и толстый, что бумага – еще богаче и толще. И написано – с размашистыми прописными буквами, разведёнными строчками, да с одной стороны. Вот так-то дела и не делаются. Уже забыл, как „Искру“ посылали в Россию – на сверхтонкой бумаге.

Внимание. Стянуть нервы, прояснить головой (так и не ел ничего после утреннего чая). Вникнуть.

Скларц – не хочет мешать, нет, он не развязан. Не болтая, пальто не снимая, идёт к тому стулу у окна. И только шляпу мягкую серую, с фигурно продавленной тульей, оставил на столе.

Да свой баул не донёс до окна, опустил посередине комнаты на пол.

Вежливо-то вежливо, но в пасмурный день как раз и читать бы там, у окна. А Скларц уже занял тот стул, достал из кармана помятый иллюстрированный журнал, развернул важно.

А тут, что ж, лампу зажечь? Спичек не видно. И Надя на кухне.

Ба, лампа уже горит! Сбоку шляпы – стоит и горит малым прикрученным фитилём. Надя? Как будто не зажигала. Разве когда чиркнул Скларц? Так он же...? Странно.

Толстая веленевая бумага с гербами. А всего – три страницы. И – строчка на четвёртой, пустая четвёртая.

И ничего не было особенного – враждебного, властного или наглого, в почерке Парвуса, и вполне безлична подпись – „д-р Гельфонд“.

Но из письма как током била в горячающие руки, вливалась в жилы, сплескивалась с ленинской кровью и боролась с ней бегемотская кровь Парвуса. Дальше локтей не пуская её, Ленин обронил письмо на стол, как тяжёлое. И сам опустился в стул, еле держась.

За двадцать лет своей жизни-борьбы переиспытал Ленин все виды противников – высокомерно-ироничных, язвительных, хитрых, подлых, упорных, стойких, уж там не считая риторично-захлёбчивых, дон-кихот– ствующих, вялых, ненаходчивых, слезливых и всякого дерьма. И с некоторыми возился по многу лет, и не всех сбил с ног, не всех уложил наповал, но всегда ощущал неизмеримое превосходство своего ясного видения обстановки, своей хватки и способности в конце концов перевалить любого.

И только перед этим одним не ощущал уверенности. Не знал, устоял ли бы против него как против врага.

А Парвус и не был противником почти ни дня, он был естественным союзником, он много раз за жизнь предлагал, навязывал, настаивал себя в союзники, и год назад особенно, и вот, конечно, сейчас.

Но и союза этого почти никогда Ленин принять не мог.

Читал. Ходили глаза по строчкам, но почему-то смысл никак не вкладывался в голову. Плохое состояние.

Всех социал-демократов мира знал Ленин или каким ключом отомкнуть или на какую полку поставить, – только Парвус не отмыкался, не ставился, а дорогу загоразивал. Парвус не укладывался ни в какую классификацию. Он никогда не был ни в большевиках, ни в меньшевиках (и даже наивно пытался мирить их). Он был русский революционер, но в девятнадцать лет приехал сюда из Одессы – и сразу избрал западный путь, стать чисто-западным социалистом, в Россию уже не возвращаясь, и шутил: „Ищу родину там, где можно приобрести её за небольшие деньги“. Однако, за небольшие он её не приобрёл, и 25 лет проболтался по Европе Агасфером, нигде не получив гражданства. И только в этом году получил германское – но слишком большой ценой.

Случайно скосились глаза на скларцев баул – тяжёлый, набитый, как он его таскает? Сам маленький, зачем?

А, вот что, света мало, потому и не читается. Подвинул лампу к самому письму.

Тут в конце два отдельных пункта ясны. Две жалобы. Одна – на Бухарина-Пятакова за их чересчур усердное следствие о немецкой сети в Швеции, нельзя же распускать дураков-мальчишек, надо сдерживать. И вторая – на Шляпникова: очень своеволен, сотрудничать не хочет, отбивается, а в Петербурге нашим силам нужно единство. Пусть не отвергает наших представителей, напишите ему.

Он назвался Parvus – малый, но был неоспоримо крупен, стал – из первых публицистов германской социал-демократии (был работоспособен – не меньше Ленина). Он писал блестящие марксистские статьи, вызывая восторг Бебеля, Каутского, Либкнехта, Розы и Ленина (как он громил Бернштейна!), и подчинил себе молодого Троцкого. Вдруг – покидал свои газеты, завоёванные публицистические посты, уезжал, бежал, то начинал торговать пьесами Горького (и обокрал его), то опускался в ничтожество. У него был острый дальний взгляд, он первый, еще в XIX веке, начал борьбу за 8-часовой рабочий день, провозгласил всеобщую стачку как главный метод борьбы пролетариата, – но едва предложения его превращались в движения, находили сторонников, – он не организовывал их, а отлипал, отпадал: он умел быть только первым и единственным на своём пути.

Всё письмо прочёл до конца, а не воспринял даже, на каком оно языке – на немецком или на русском? На обоих, фразы – так, фразы – так. Где на русском – с орфографическими ошибками.

И многое в Парвусе противоречило. Отчаянный революционер, не дрожала рука разваливать империи – и страстный торговец, дрожала рука, отсчитывая деньги. Ходил в обуви рваной, протёртых брюках, но еще в Мюнхене в 901-м году твердил Ленину: надо разбогатеть! деньги – это величайшая сила! Или: еще в Одессе при Александре III сформулировал задачу, что освобождение евреев в России возможно только свержением царской власти – и тут же утерял интерес к русским делам, ушёл на Запад, лишь раз возвращался нелегально, и то спутником врача, эксперта по голоду, напечатал: „Голодающая Россия, путевые впечатления.“ И как будто весь ушёл в германскую социал-демократию. Но едва началась японская война, почти незамеченная в женевских эмигрантских кругах, – Парвус первый объявил: „Кровавая заря великих событий!“

Света мало. Фитиль выкручивал – а он только калился и коптил. А-а, пустая, керосина нет, не налила.

И в том же 904-м предсказал: промышленные государства дойдут до мировой войны! Парвус всегда выскакивал – нет, по грузности тела его выступал – предсказать раньше всех и дальше всех. Иногда очень верно, как то, что промышленность взорвёт национальные границы. Или: что в будущем неразлучны станут война – и революция, а война мировая – и революция мировая. И об империализме он, по сути, успел сказать всё раньше Ленина. А иногда – чушь какую-нибудь: что вся Европа ослабнет и зажмётся в тисках между сверхдержавами Америкой и Россией; что Россия – новая Америка, ей только не хватает школ и свободы. То, пренебрегая самой сутью марксизма, предлагал не национализировать частную промышленность, будто окажется это невыгодно. Или чудовищно бредил, что социалистическая партия свою выигранную власть может обратить против большинства народа и подавить профсоюзы. Но и в удачах и в неудачах всегда необычностью своей позиции и массивностью своей слоноподобной фигуры, он загоразивал половину социал-демократического горизонта и, как-то оказывалось, всегда загоразивал Ленину – не всю дорогу, не весь истинный путь, но половину его, так что нельзя было обойти Парвуса, не столкнувшись. Он был – не противник, он всегда был союзник, но такой, что, смотри, не обомнёт ли тебе бока. Он был единственный на Земле несравненный соперник – и чаще всего

успешливый, всегда впереди. Никак не враг, всегда с протянутой рукой союзника – а руку принять не бывало возможно.

Что за баул? Величиной как будто со свинью.

Да между ними многое пошло бы иначе, если бы не Девятьсот Пятый. Во всей революции Пятого года не участвовал Ленин и не сделал ничего – исключительно из-за Парвуса: тот топал всю дорогу впереди и топал верно, не сбиваясь, – и отнял всякую волю идти и всякую инициативу. Едва прогремело Кровавое Воскресенье, Парвус тут же объявил: создавать р а– бочее правительство! Эта быстрота взгляда, эта стремительность предложения перехватила дыхание даже у Ленина: не могло решаться уж так быстро и так просто! И он возражал Парвусу во „Вперёде“, что лозунг – опасный, несвоевременный, нужно – в союзе с мелкой буржуазией, революционной демократией, у пролетариата мало сил! А Парвус и Троцкий скропали брошюрку и кинули её женевской эмиграции, большевикам и меньшевикам вместе, как вызов: в России нет парламентского опыта, буржуазия слаба, бюрократическая иерархия ничтожна, крестьянство невежественно, неорганизовано, и пролетариату даже не остаётся ничего другого, как принять руководство революцией. А те социал-демократы, кто удалятся от инициативы пролетариата, превратятся в ничтожную секту.

Но вся женевская эмиграция осталась на месте, коснея, как будто чтобы сбылось над ней это пророчество, и только Троцкий кинулся в Киев, потом в Финляндию, всё ближе для прыжка, а Парвус ринулся по первому сигналу всеобщей октябрьской стачки, какую опять-таки он и предсказывал еще в прошлом веке. Не большевики и не меньшевики, они оба были свободны от всякой дисциплины и дерзко действовали вдвоём.

С большую свинью. Напрягся, перегородил комнату. А Скларц у окна как будто уменьшился?

Ну что ж, чего не выразишь печатно и не скажешь на самой узкой конференции: да, я тогда ошибся. И вера в себя и политическая зрелость, и оценка обстановки приходят не сразу, лишь с возрастом, с опытом. (Хотя и Парвус только на три года старше.) Да, я тогда ошибся, не всё видел, и дерзости не хватило. (Но даже близким сторонникам так нельзя говорить, чтоб не лишить их веры в вождя.) Да как было не ошибиться? Тянулись месяцы, месяцы того смутного года, всё бродило, погромыхивало вокруг, а настоящая революция не разражалась. И ехать было всё еще нельзя, и отсюда, из Женевы, разбирало негодование: что они там, олухи, не поворачиваются, что они революции как следует не начинают? И – писал, писал, посылал в Россию: нужна бешеная энергия и еще раз энергия! о бомбах полгода болтаете – ни одной не сделали! пусть немедленно вооружается каждый кто как может – кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога! И пусть отряды не ждут, никакого отдельного военного обучения не будет. Пусть каждый отряд начинает учиться сам – хотя бы на избииении городских! А другой пусть убьёт шпика! А третий взорвёт полицейский участок! Четвёртый – нападёт на банк! Эти нападения, конечно, могут выродиться в крайность, но ничего! – десятки жертв окупятся с лихвой, зато мы получим сотни опытных бойцов!..

Нет, не бралось усталым умом несвоевременное письмо, не понималось. Читал – и не понимал.

...Казалось так ясно: кастет! палка! тряпка с керосином! лопата! пироксилиновая шашка! колючая проволока! гвозди (против кавалерии)! – это всё оружие, и какое! А отбился случайно отдельный казак – напасть на него и отнять шашку! Забираться на верхние этажи – и осыпать войско камнями! и обливать кипятком! Держать на верхних этажах кислоты для обливания полицейских!

А Парвус и Троцкий ничего этого не делали, но просто приехали в Петербург, просто объявили и собрали новую форму управления: Совет Рабочих Депутатов. И никого не спрашивали, и никто не помешал. Чисто рабочее привительство! – и вот уже заседало! И всего-то приехали на каких-нибудь две недели раньше остальных – а всё захватили. Председателем Совета был подставной Носарь, главным оратором и любимцем – Троцкий, а изобретатель Совета Парвус управлял из тени. Захватили слабую „Русскую газету“ – однокопеечную, вседоступную, народную по тону, и стал тираж её полмиллиона, и идеи двух друзей полились в народ.

Скларц у окна в своём стуле сидел всё дальше, всё мельче, как птица с опущенным носом, в иллюстрированный журнал.

В последние женевские дни Ленин писал, писал пером торопливым – всю теорию и практику революции, как он находил её в библиотеках по лучшим французским источникам. И гнал, и гнал в Россию письма: надо знать, по сколько человек создавать боевые группы (от трёх до тридцати), как связываться с боевыми партийными комитетами, как избирать лучшие места для уличных боёв, где складывать бомбы и камни. Надо узнавать оружейные магазины и распорядок работы в казённых учреждениях, банках, заводить знакомства, которые могут помочь проникнуть и захватить... Начинать нападения при благоприятных условиях – не только право, но прямая обязанность всякого революционера! Прекрасное боевое крещение – борьба с черносотенцами: избивать их, убивать, взрывать их штаб-квартиры!..

И, нагоня последнее своё письмо, сам поехал в Россию. А там – ничего похожего. Никаких боевых групп не создают, не запасают ни кислот, ни бомб, ни камней. Но даже буржуазная публика приезжает послушать заседания Совета Депутатов. И Троцкий на трибуне взвизгивает, изгибается и самосжигается. И будто для этой открытой жизни и родясь, они с Парвусом блещут по всему Петербургу – в редакциях, политических салонах, всюду приглашены и везде приняты под аплодисменты. И даже создавалась какая-то фракция „парвусистов“. И не то, чтобы тряпку обмачивать в керосин и красться за углом здания, – но Парвус готовил собрание своих сочинений или закупал билеты на сатирическое театральное представление и рассылал своим друзьям. Хороша тебе революция, если вечерами не чеканка патрулей по пустынным тротуарам, но распахиваются театральные подъезды...

Пробежаться бы до окна и назад – так чёрный раздутый баул стоял как сундук, не пройдёшь. Да и сил нет в ногах.

В ту революцию Ленин был придавлен Парвусом как боком слона. Он сидел на заседаниях Совета, слушал героев дня – и висла его голова. И лозунги Парвуса повторялись и читались, правильные вполне: после победы революции пролетариат не должен выпустить оружия из рук – но готовиться к гражданской войне! своих союзников-либералов рассматривать как врагов! Отличные лозунги, и уже не с чем выступить с трибуны Совета самому. Всё шло почти как надо, и даже настолько хорошо, что вождю большевиков не оставалось места. Вся жизнь его была спланирована к подполью – и не было сил в ногах – подняться на открытый свет. Он не поехал и на московское восстание, уж там восставали по его ли женевским инструкциям, или не по его. Упала уверенность в себе – и

Ленин как продремал и пропратался всю революцию: просидел в Куоккале, – 60 вёрст от Петербурга, а Финляндия, не схватят, Крупская же ездила каждый день в Петербург собирать новости. Даже сам понять не мог: всю жизнь только и готовился к революции, а пришла – изменили силы, отлили.

А тут еще Парвус выдвинул из тени (он всегда старался действовать из тени, не попадать на фотографии, не давать пищи биографам) и подсунул Совету безымянно, как бы его, Совета, резолюцию – Финансовый Манифест. Под видом заскорузло-стихийных требований неграмотных масс – программу опытного умного финансиста – единый удар по всем экономическим устоям российского государства, чтоб рухнуло проклятое разом! Не откажешь – величайший, поучительный революционный документ! (Но и правительство поняло и через день арестовало весь петербургский Совет. Случайно Парвус не был на заседании, уцелел, и тут же создал второй Совет, другого состава. Пришли арестовывать второй – а Парвус снова не попал.)

Керосина в лампе не было – а горела уже час, не уменьшая света.

Надо было годам пройти, чтобы рёбра, подмятые Парвусом, выправились, и вернулась уверенность, что тоже на что-то годишься и ты. А главное, надо было увидеть ошибки и провалы Парвуса, как и этот слонобегемот опрометчиво ломил по чаще, и обломки прокалывали ему кожу, как он оступался в ямы на бегу, исключался из партии за присвоение денег, занимался спекуляцией, открыто кутил с полными блондинками – и наконец открыто поддержал немецкий империализм: откровенно высказывался в печати, в докладах, и явно поехал в Берлин.

Шляпа позади лампы – качнулась, показав атласную подкладку.

Да нет, лежала спокойно, как оставил её Скларц.

Через Христю Раковского из Румынии, через Давида Рязанова из Вены уже доходили до Ленина слухи, что Парвус везёт ему интересные предложения, так развязно не скрывался он. Но слава открытого союзника кайзера опередила Парвуса, пока он вёз эти предложения, пока кутил по пути в Цюрихе. Все привыкли бедствовать годами, а тут прежний товарищ явился восточным пашой, поражая эмигрантское воображение, раздавая впрочем и пожертвования. И когда нашёл он Ленина в бернской столовой, втиснулся непомерным животом к столу и при десятке товарищей открыто заявил, что им надо беседовать, – Ленин, без обдумывания, без колебания, в секунду ответил резкими отталкивающими словами. Парвус хотел разговаривать как вояжёр мирного времени, приехав из воюющей Германии?? (и Ленин хотел! и Ленин хотел!) – так Ленин просил его убраться вон! (Верно! Только так!)

На бауле ручка перекинулась с одной стороны на другую – хляп!

Но увидеться – надо было! Не бумагами же всё переписываться, какая-нибудь да попадёт к врагам. И Ленин шепнул Зифельду, а тот нагнал толстяка, по какому адресу ему идти. (А Зифельду Ленин потом сказал: нет, отправил акулу ни с чем.) И в спартансконищей комнатке Ульяновых, толстозадый Парвус с бриллиантовыми запонками на высунутых ослепительных манжетах, сидел на кровати рядом и не помещался, и наваливался, толкал Ленина к подушке и к спинке железной.

Тр-ресь!! – распёрло наконец баул, – и освобождая локти и выпрямляя спину, разогнулся, поднялся в рост во всю свою тушу, в синей тройке, с бриллиантовыми запонками – и разминая ноги, ступ– нул, ступнул сюда ближе.

Стоял – натуральный, во плоти – с непотяга– емым пузом, удлинённо-купольная голова, мясистобульдожья физиономия с эспаньолкой – и блеклым внимательным взглядом рассматривал Ленина. Дружелюбно.

Да ведь и правда! – давно же надо поговорить. Всё мельком, всё некогда, или в отрыве или в противоположности, и так трудно встретиться, следят враги, следят друзья, нужна тайна глубочайшая! Но уж если пробрался, какие тут письма, пришёл момент критический, поговорить накоротке:

– Израиль Лазаревич! Я удивляюсь, куда вы растратили свой необыкновенный ум? Зачем всё так публично? Зачем вы поставили себя в такое уязвимое положение? Ведь вы же сами закрываете все пути сотрудничества.

Ни – „здравствуйте“, ни – руки не протянул (и хорошо, потому что и у Ленина не было сейчас сил подняться и поздороваться, рука как в параличе, и „здравствуйте“ тоже горло не брало), – а просто плюхнулся, да не на стул, а на ту же кровать, впри– тиску, неуклюжей тяжестью навалившись, боком вытесняя Ленина по кровати.

И наставляя прямо к лицу бледно-выпуклые глаза, речью неясной, не оратора, но собеседника ироничного:

– Удивляюсь и я, Владимир Ильич: вы всё агитацией да протестами заняты? Что за побрянчушки? – конференции какие-то, то тридцать баб в народном доме, то дюжина дезертиров?

И толкал бесцеремонно по кровати, нависал болезненно раздутой головой:

– С каких пор вы вместе с теми, кто хочет мир изменить пером рондо? Ну что за дети все эти социалисты с их негодованием. Но вы-то! Если серьёзно делать – неужели же прятаться по закоулкам, скрывать, на какой ты воюющей стороне?

Хотя горлом речь не выходила, но прояснела голова как от крепкого чая. И без языка было всё взаимопонятно.

Ну конечно же, это был не жалкий Каутский – демонстрировать „за мир“, а в войну не вмешиваться.

– Мы же оба не рассматриваем войну с точки зрения сестры милосердия. Жертвы, кровь и страдания неизбежны. Но был бы нужный результат.

Ну, конечно же, Парвус был основательно прав: надо, чтобы Россия была разбита, а для этого надо, чтобы Германия победила, и надо искать поддержки у неё – всё так! Но – только до этого пункта. А дальше – Парвус зарвался. Увлёкшись своими успехами, он оступается, это не первый раз.

– Израиль Лазаревич, если у социалиста что-нибудь реально имеется, то это – честь. Чести – мы не можем терять, мы тогда всё теряем. Говоря между нами, по расположению наших с вами позиций – ну конечно союз. И конечно, мы ещё очень понадобится и поможем друг другу. Но по вашей теперь политической одиозности... Один какой-нибудь Бурцев найдётся – и всё погибло. Так что придётся допустить между нами публичные разногласия, газетную полемику. Ну, не настойчивую... спорадически так, иногда... Так что если,... – Ленин никогда не смягчал и в глаза, Жёстче сказать, крепче будет, – ... если там, например... морально опустившийся подхалим Гинденбурга... ренегат, грязный лакей... Поймите сами, вы же не оставляете другого выхода...

– Да смешно, да пожалуйста, – горькая усмешка перерезала одутловатое лицо Парвуса. – Вот я весной в Берлине получил миллион марок, из того миллиона сразу перевёл Раковскому, Троцкому с Мартовым, да и вам в Швейцарию, не получали? Ах, не вникали? Проверьте, проверьте у своего кассира, если не растратил... И Троцкий деньги принял, – а от меня уже и отрёкся публично: „политический фальстаф"... Написал мне живому – некролог. Я ничего не говорю, это можно конечно, я понимаю.

И застыло-стеклянно смотрел из-под поднятых редковолосых бровей.

Разошлись они с Троцким раньше, на перманентной революции. А любил он его как младшего брата.

Но на Ленина – он очень надеялся, и толкал, толкал его по кровати своею массивной рыхлостью, заставляя двигаться к подушке, уже локтем ощущать спинку сзади.

– А ваши лозунги голые не лопнут без денег, а? Нужно деньги в руках иметь – и будет власть! А чем вы будете власть захватывать? – вот неприятный вопрос. Да хотя позвольте, в 904-м на III съезд и на „Вперёд" вы же, кажется, приняли деньги, очень похожие на японские, – ничего, пошли? А я теперь

– лакей Гинденбурга? – пытался смеяться.

Всё было – точно, как прошлый раз, или это и было – прошлый раз?.. – в комнате бернской мещанки? или в комнате цюрихского сапожника? или

– ни в какой комнате? Как будто всё это говорилось уже раз, и вот по второму. Ни стола, ни Скларца, – а только кровать железная швейцарская массивная с ними могучими двумя – плыла над миром, беременным революцией, ожидавшим революции от них двоих, с ногами свешенными, – неслась по тёмному кругу, опять. И ровно столько было невидимого света, чтобы видеть собеседника, и ровно столько звука, чтобы слышать его:

– Ничего, это можно... Я понимаю...

Он – презирал мир. Тамошний, далеко внизу, под кроватью.

– А по-моему, если *войну превращать в гражданскую – так любой союзник хорош. Ну, у вас сейчас

– сколько? – издевался. – Не спрашиваю, не принято. А у меня – не у меня, а для дела – вот, миллион весной получил, этим летом еще пять миллионов получаю. И будет еще не раз. Как?

Вместе с Парвусом они всегда презирали эмиграцию за призрачность, за недельность, за интеллигентскую слюнявость, всё слова, слова. А деньги – это не слова. Да.

Душила Ленина его самоуверенность. И восхищала реальность силы.

Вытарачивал бледные глаза, похлопывал губой с неровными усами:

– План! Я составил единый великий план. Я представил его германскому правительству. И на этот план, если хотите, я получу и двадцать миллионов! Но главное место в этом плане я отвёл – для вас. А вы...

Дышал болотным дыханием, близко в лицо:

– А вы?., ждате?.. А я...

Этот купол – не меньше ленинского, пол-лица – голый лоб, пол-головы – темя со слабыми волосами. И – беспощадный, нечеловеческий ум во взгляде:

– А я – НАЗНАЧАЮ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ НА 9 ЯНВАРЯ БУДУЩЕГО ГОДА!!!

Как рождаются простые и великие планы? Подсознательным вынашиванием мыслей, когда еще никуда определённо не предназначаешь их. Потом элементы давно известные, может быть и не тебе одному, вдруг проступают дружно к центру и именно в твоей голове соединяются в единый план – и до того же простой и ясный, что удивляться надо, как он не сложился ни у кого прежде.

Как не сложился прежде у германского генерального штаба, хотя ему-то и думать бы первому?

Правда, у них не хватало понимания России. И от осени 14-го года, после Марны, осознав неудачу быстрой победы, они до осени 15-го всё надеялись на сепаратный мир с Россией, тыкались попытками контактов, никак не думали, что Романовы всё отвергнут. Это их и отвлекло.

А Парвус, отъединённый от главных событий, отброшенный в бронзово-голубой Константинополь, достигнув жажданного богатства, а с ним – всех вообразимых телесных нег на Востоке, умеющем насытить мужской дух и мужские желания, в стороне от великой битвы („в социалистическом резерве", как советовал ему Троцкий) и обеспеченный никогда не узнать последствий этой битвы, – ни в каком насыщении, ни в каком расслаблении ни на миг не покидал своего поиска, рождённого в дальней юности тут же, на черноморском берегу, по диагонали.

Он не покидал его, еще когда ехал на Балканы, где книги его читались шире, чем Маркса и Энгельса. Не забывал, когда кормился в константинопольских притонах и собирал портовых голодранцев на первомайскую демонстрацию. Тем более не забывал, возвышаясь при младотурках, обратив свой финансовый гений из топора, подрубившего русский ствол, в лопату садовника, подпитывающего турецкий. Не ошеломил– ся, не забыл и от миллионов, так наплывно, и для всех таинственно, понесших его. Не забывал, основывая банки, торгуя с Одессой-мамой и с мачехой Германией. Он как хлыстом был протянут от сараевского выстрела: обладал Парвус сейсмическим чувством недр и уже знал, что – поползут пласты! что – попадётся старый глупый медведь! Наконец-то она пришла, наступила Великая, Мировая! Он давно её предсказывал, называл, вызывал – самый мощный локомотив истории! самую первую колесницу социализма! Пока там, по всей Европе, бушевала социал-демократия вокруг военных кредитов – Парвус ни речи не произнёс, Парвус ни строчки не напечатал, он не тратил времени, минуты не ждали, он сновал своими тайными ходами, убеждая правителей, что только на стороне Германии вырвется Турция из нескончаемых своих капитуляций, он спешил доставать оборудование и запасные части для турецких железных дорог и мельничного дела, снабдить зерном турецкие города, обеспечить, чтобы Турция осенью не просто объявила войну, но как можно скорей могла бы начать реальные боевые действия на Кавказе. (И такие же заботы нагоняли его с Болгарией, он успел подготовить к войне и её.) Лишь после этих существенных свершений мог позволить себе Парвус откинуться в заброшенную любимую публицистику, в балканскую прессу, с лозунгом: „ЗА ДЕМОКРАТИЮ! ПРОТИВ ЦАРИЗМА!"

Это надо было объяснить, обосновать, чтоб убедить как можно многих, – и неотупевшее перо легко разбрызгивало искры: не надо ставить вопроса о „виновниках войны" и „кто напал",

мировой империализм десятилетиями готовил эту схватку, и кто-то должен был напасть, неважно. Не надо искать этих пустых причин, но надо думать социалистически: как нам, мировому пролетариату, использовать войну, значит: на чьей стороне сражаться? У Германии – самая мощная в мире социал-демократия, Германия – твердыня социализма и поэтому для Германии эта война – оборонительная. Если социализм будет разгромлен в Германии – он будет разбит везде. Путь к победе мирового социализма – военное укрепление Германии. А то, что царизм на стороне Антанты, еще более открывает нам, где истинный враг социализма: значит, победа Антанты принесёт новое подавление всему миру. Итак, рабочие партии всего мира должны воевать против русского царизма. А советовать пролетариату принять нейтралитет (Троцкий) – значит само–исключиться из истории, революционный кретинизм. Итак, задача мирового социализма – уничтожающий разгром России и революция в ней! Если Россия не будет децентрализована и демократизована – опасность грозит всему миру. А Германия несёт главную тяжесть борьбы против московитского империализма, и революционное движение в ней должно на время прекратиться. А потом победа в войне принесёт и классовые завоевания пролетариату. **ПОБЕДА ГЕРМАНИИ – ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА !**

На эту публикацию первые приехали к Парвусу посоветоваться – „Союз вызволения Украины" из Вены (среди них были знакомые по „искровским" временам), потом армянские, грузинские националисты, – всем борцам против России открывались двери его константинопольского дома.

Так напряжённый поиск Парвуса магнитно притягивал опыт других, а сопоставленный этот опыт, социалистов и националистов, стянутый во взрывную точку, рождал и План. До сих пор болтали социалистические программы всё об автономии – нет! Только разрывом и расчленением России можно было свалить абсолютизм, дать нациям сразу – и свободу, и социализм.

Пока проваливались первые экспедиционные группы украинцев и кавказцев (второпях набрали и хвастунов и авантюристов, конспиративная затея вдруг разгласилась в эмигрантской прессе, и Энвер-паша остановил экспедиции), в раздутой ёмкой голове Парвуса досовершалось магнитное соединение железных элементов в единый План. Как любит механика треугольные скрепы за их устойчивость к деформациям, так элементам националистическим и социалистическим не хватало третьего союзника – германского правительства: цели всех троих ближайшие – совпадали!

Вся предыдущая жизнь Парвуса была как нарочно состроена для безошибочного создания этого Плана. И оставалось теперь ему – тому счастливому, чем Парвус был, скрещению теоретика, политика и дельца, – сформулировать план по пунктам в декабре Четырнадцатого, в январе приоткрыть его германскому послу, получить гостеприимный вызов в Берлин, на личном свидании поразить верхушку министерства (19 лет эта страна не кинула ему простого гражданства закрывала его редакции, гоняла из города в город, могла выдать русской охранке, – теперь высшие правительственные глаза предусмотрительно засматривали в его пророческие), в марте Пятнадцатого представить окончательный подробный меморандум и получить первый миллион марок аванса.

План был: собрать под единое руководство все возможности, все силы и все средства, вести из единого штаба – действия центральных держав, русских революционеров и окраинных народностей. (Он знал этого быка – но и обух достойный готовил ему.) Никаких разрозненных частных импровизаций. План убеждал настойчиво, что никакая германская победа не окончательна без революции в России: неразрезанная Россия останется неугасающей постоянной угрозой. Но и никакая отдельная сила не может разрушить русскую крепость, а только единонаправленный их союз: совместный взрыв революции социальной и революции

национальной при германской денежной и материальной поддержке. Опыт революции 1905 года (уж автор – то знал её! и в глазах имперского правительства гарантией солидности советчика то и было, что он – не приبلудный коммерсант, но Отец Первой Революции) позволяет видеть, что все симптомы повторяются, все данные для революции сохранились и даже, в условиях мировой войны, она потечёт ещё быстрее, но если умело её толкнуть, воздействием извне ускорить катастрофу. Центрами социального восстания будут подготовлены Путиловский, Обуховский и Балтийский заводы в Петербурге и кораблестроение в Николаеве (на юге России у автора особо прочные связи). Назначается дата, уже есть такая наболевшая в России: годовщина Кровавого Воскресенья, сперва только – для однодневной забастовки в память погибших, для одноразовой уличной манифестации – 8-часовой рабочий день, демократическая республика, но когда будут разгонять, то оказать сопротивление, прольётся хотя бы малая кровь – и огонь побежит, побежит по всем бикфордовым шнурам! Однодневные стачки сливаются во всеобщую забастовку „за свободу и мир!“ Листовки на главных заводах – и к тому времени уже подготовленное оружие в Петербурге и в Москве! В 24 часа будет приведено в действие сто тысяч человек! К забастовке тотчас присоединяются железнодорожники (подготовлены будут и они), останавливается всякое движение на линиях Петербург-

Москва, Петербург-Варшава, Москва-Варшава и на югозападных. Для всеобщности и дружности взрываются некоторые мосты, как бывало в 905-м. В нескольких местах взорвать мосты и на сибирской магистрали, для чего послать туда экспедицию из опытных агентов. О Сибири отдельная часть плана: дислоцированные там войска чрезвычайно слабы, города под влиянием ссыльных настроены революционно. Это облегчает устройство диверсий, а когда уже беспорядки начнутся – произвести массовое перемещение ссыльных в Петербург, чтобы впрыснуть в столицу тысячи действенных агитаторов, успеть захватить пропагандой миллионы русских рекрутов. Пропаганда будет вестись и всей левой прессой в России и поддержится потоком пораженческих эмигрантских листовок (их печатанье нетрудно развернуть например в Швейцарии). Будет полезна всякая публикация, которая ослабляет волю к сопротивлению у русских и указывает на социальную революцию как выход из войны. Остриё пропаганды будет направлено в действующую армию. (Рисовалось и восстание в Черноморском флоте. Проезжая Болгарию, уже Парвус завязал связи с одесскими моряками. Он сильно подозревал всегда, что „Потёмкина“ сделали японцы.) Опытные агенты посылаются также и – поджечь нефтяные промыслы в Баку, что не представляет трудности при их слабой охране. Динамика социальной революции должна быть усилена и финансово: с немецких самолётов разбрасывать русскому населению фальшивые рубли, одновременно – пустить в международное обращение, в Петербург и в Москву – банкноты с одними и теми же номерами и сериями – подорвать международный курс рубля и создать панику в столицах.

Со всеми их Клаузевицами, Мольтке-старшим и Мольтке-младшим, со всей их самоуверенной стратегией и надменной чёткостью штабов – никогда не вырастали узкие прусские лбы до такого размаха! до такого замысла!!!

Никогда не имела Германия такого советчика по России, по всем слабостям её. (Настолько никогда не имела, что даже и теперь оценить не могла.)

И это же – далеко не всё! Одновременно начнётся революция национальная. Главный рычаг – украинское движение, без украинской подпоры быстро опрокинется русское здание на бок. Украинское движение перебросится дальше на кубанских казаков, а может заколеблются и донские. Естественно сотрудничество и с наиболее созревшими, почти уже свободными финнами:

легко посылать им оружие, а через них – в Россию. Польша – всегда за пять минут до антирусского восстания и только ждёт сигнала. Между восставшими Польшей и Финляндией всколыхнётся и Прибалтийский край. (По другому варианту предусмотрел Парвус, что остзейские губернии охотно присоединятся к Германии.) Националисты Грузии и Армении – уже и сегодня в реальном и денежном сотрудничестве с правительствами Центральных держав. Кавказ – раздроблен и возбудить его будет трудней, но посредством Турции, через мусульманскую агитацию, подыдем его на газават, священную войну. И в том окружении вряд ли терские казаки захотят класть головы за царя, а не отделиться тоже.

И централизованная Россия – рухнет навсегда! Внутренняя борьба сотрясёт Россию до основания! Крестьяне станут силой отбирать землю у помещиков! Солдаты толпами побегут из окопов обеспечивать свою часть в земельном разделе. (Восстанут против офицеров, перестреляют генералов! – но эту часть перспективы прикрыть, она может вызвать у пруссаков неприятные предчувствия.)

Однако (захватывая дыхание) – и это не всё! и это – не всё! Сотряси Россию разрушительной пропагандой изнутри – обложить её и извне враждебностью мировой прессы! Антицаристскую кампанию поднимут социалистические газеты разных стран – однако, захватывая слева направо, эта травля увлечёт затем и либеральную, то есть подавляющую прессу всего мира. Газетный крестовый поход на царя! И особенно важно при этом – захватить общественное мнение Соединённых Штатов. А разоблачением царизма будет одновременно демаскирована и подорвана вся Антанта!

Вот что предложил Парвус Германии: вместо безнадёжной пехотно-артиллерийской мясорубки – одним только впрыскиванием денег, без немецких жертв – в несколько месяцев из Антаны вырвался многолюднейший член её! Еще бы не схватилось германское правительство за эту программу!

Да в этом Парвус не сомневался. Он тревожился, как примут её другие в Берлине: социалисты. Как примет его проект мачеха-партия, которой идеи его и всегда были слишком глубоки, чтобы применить их для массовой агитации, слишком залётны вперёд, чтобы казаться реальными даже вождям; партия, где колотился он 19 лет, рассыпая идеи – и не получил никогда ни единого партийного поста, ни на одном съезде не имел права голосовать. Короткое время он был в ней героем – вернувшись из Сибири, и все зачитывались его мемуарами „В русской Бастилии“. Затем измазался он в несчастном горьковском деле, и тайная партийная комиссия обрекла его на изгнание – и пятно не отмылось даже теперь, 5-летней отлучкой. Но главное – необъяснимое легендарное, в один год, обогащение, которого по ограниченности не могут простить люди, а соци – особенно. (Странная психология: будь это же богатство наследственным – никто б и не укорил никогда.) За одно богатство должны были его возненавидеть и отвергнуть – но нашли для возмущения более благородный повод: он стал пособником империалистов! Уж конечно там Клара и Либ–кнехт, но – Роза! когда-то близкая женщина (впрочем, и в близости стыдилась – его наружности? – всегда скрывала связь) – и Роза показала ему на дверь. Бебель за это время умер, Каутский и Бернштейн – отъединились, слабели, новое же самодовольное руководство искало слабостей в позиции перекаточного социалиста: а как поведёт себя пруссачес–кое правительство после победы? а почему оно от русской революции смягчится и подобрееет к социализму? а не накроет оно заодно и демократию Англии и Франции?..

И в возражениях этих – истина была, и сомнения

– лежали там, – но никому из них не доставало той захватывающей цельности, которая одна и сотрясает миры и творит их! Никто, почти никто в Европе не мог перескочить и увидеть: что ключ мировой истории лежит сейчас в разгроме России! всё остальное – второстепенно.

А социалисты Антанты уже поднимали против Парвуса разоблачительную кампанию.

Острота социалистических упрёков ему отравляла всю радость успеха, хотя большинство социалистов Европы не были ни люди науки, ни люди реального дела. Они не могли ни подняться на высоту обзора, ни смекнуть живой поворот действия по живому повороту дела. Это были уже – чиновники от социализма, заклиненные в коридорах догм как в гробах: они даже не ходили, не ползали по этим коридорам, но – лежали вдоль них и не смели представить себе никакого поворота. Первые же открытые призывы Парвуса помогать Германии вызвали у них девственный ужас. Как хорошо бы им просидеть войну в невинной нейтральности и отделяться моральным негодованием

– на войну и на тех, кто смелость имеет вмешаться в неё!..

Но – решительна для Плана была роль социалистов русских, и им отводилась в Плане существенная разработка, представленная германскому правительству. Они все раздроблены, рассеяны на мелкие группы, бессильны – а ни одну из них нельзя упустить, всех использовать. Для этого надо привести их к единству – устроить объединительный конгресс, удобно в Женеве. Одни группы, как Бунд, Спилка, поляки, финны, безусловно поддержат План. Но нельзя создать единства, не помилив большевиков и меньшевиков. А всё это будет зависеть – от вождя большевиков, живущего сейчас в Швейцарии.

Тут могли быть разные трудности, и даже та, что часть русских социалистов окажется патриотами и не захочет раздела русского царства. Но была и обеспеченность: нищие эти эмигранты десятилетиями нуждались в деньгах: и для обычной простой жизни, что-то класть в рот, а заработать они не умели никогда; и для своих непрерывных поездок и съездовой для своих нескончаемых брошюрных-журнальных-газетных писаний. Не устоят они перед протянутым набитым кошельком. Уж если крепкие легальные западные партии и профсоюзы всегда податливы на денежную поддержку, скажем для своих трудящихся, всё равно, – кому в мире не хочется жить сытей, теплей, нарядней, просторней? (незаметная тихая помощь скромно живущим вождям тоже очень укрепляет с ними дружбу)

– как могут отказаться эмигранты?

Однако, едуци в Швейцарию, более всего предсма– ковал Парвус успех от встречи с Лениным. Давно состарилось их мюнхенское сотрудничество, годами не виделись они, – но зоркий глаз Парвуса никогда не упускал этого единственного неповторимого социалиста Европы – совершенно непредвзятого, свободного от предрассудков, от чистоплюйства, в любом повороте дела готового принять любой нужный метод, приносящий успех: единственного жестокого реалиста, никогда не увлечённого иллюзиями, второго реалиста в социализме после Парвуса. Чего не хватало Ленину

– это широты. Дикая, нетерпимая узость раскольника гнала попусту его огромную энергию – на дробление, отмежеванье, мелкое шавканье, перебранку, драчку, газетные уколы, изводила его в ничтожной борьбе, в кипах исписанной бумаги. Эта узость раскольника обрекала его быть бесплодным в Европе, оставляла ему только русскую судьбу, но значит и делала незаменимым для действий в России. Сейчас!

Сейчас, когда младший сподвижник Троцкий, сердца кусок, отрёкся навсегда, когда Троцкому изменила жизненная сила и точность взгляда, – как призывно вспыхивала Парвусу жестокая ленинская звезда из Швейцарии: независимо, он высказывал всё то же: что не надо искать, кто первый напал; что царизм – твердыня реакции и должен быть сокрушён первым; что... По оттенкам побочных замечаний, потерявшихся в придаточных предложениях и не заметных более никому, Парвус видел, что Ленин не изменился ни в своей нетребовательности, ни в своей требовательности, что он не перекивится взять в союзники хоть и Вильгельма, хоть и сатану – только бы сокрушить царя. Оттого уже заранее слал Парвус ему вести об интересных предложениях: что союз заключится – сомнений не было. Лишь вот эти несчастные придуманные разногласия с меньшевиками, где Ленин был особенно глупо-непреклонен. Но и миллионы марок в поддержку – весили же что-то? В меморандуме германскому привительству Парвус прямо назвал Ленина с его подпольной организацией по всей России – как свою главную опору. Взять Ленина своей правой рукой, как в ту революцию Троцкого, – был верный успех.

На верный успех и ехал Парвус в Берн, и шёл по столовой с сигарой во рту, и был удивлён шумным отказом, но потом оценил разумную тактичность. И на скудной кровати теснил, теснил легковатого Ленина – своими пудами:

– Да вам капитал нужен! Чем вы будете власть захватывать? Вот неприятный вопрос.

Эт-т-то-то Ленин понимал прекрасно! Что на одних голых идеях не прошагаешь, что революцию нельзя делать без силы, а в наше время начальная сила – деньги, а уже из денег рождаются другие виды силы – организация, оружие и люди, способные этим оружием убивать, – всё верно, кто ж возразит!

Со своей бесподобной схватчивостью ума, без нужды на обдумывание, со своими мгновенными переменами в лице, вот уже усмешка соучастника обещающего, безо всякого задора отступая, прикартавливая:

– Почему – неприятный? Когда к деньгам относятся партийно – партии это приятно. Неприятно, когда из денег делают оружие против партии.

– Ну, да впрочем, у вас же там что-то сочтётся, дружелюбно-усмешливо вспоминал Парвус, – на что– то же „Социал-Демократ“ выпускаете. Или, – фаль– стафовский живот его подрагивал от смеха, – или вы, положим, швейцарским налоговым агентам пишете, что, наоборот, живёте гонорарами с „Социал-Демократа“?..

Усмешка – часто была у Ленина, улыбка – очень редко, – вместо того он прищурился, еще пряча, пряча природой запрятанные глаза. И осторожно выбирал слова:

– Филантропические фонды всегда откуда-нибудь идут. Принимать благотворительность – вполне партийно, отчего же?

(Да денег не так уж скудно, можно бы всем жить посвободнее, как по бесстыдству и делают некоторые, через кого течёт. До неприличия швыряет деньгами Багоцкий, и никто не возьмётся проверить австрийские деньги у Вейсса. Но тут – нельзя давить, можно всё испортить. Уж как течёт.)

Глазу не на чем остановиться – ни на обтрёпанном ленинском пиджаке, ни на латанном воротнике, ни на скатерти протёртой, ни в голой комнате, где вместо книжной этажерки – два

ящика один на другой. Но Парвус – ничуть перед ним не стыдился своих бриллиантов, ни – шевиота, ни английских ботинок: всё это ленинское нищенствование – игра, партийная линия, чтоб задавать тон, служить примером, „вождь без упрёка“. В этой задуманной, много лет исполняемой роли – в ней-то и ограниченность, и убогость мышления. Но она – поправима, и Ленину тоже можно будет придать размах.

(А – нет! а – нет! По внутреннему протесту, по противоположности вело Ленина – самому во всяком случае и всегда отгородиться от всякого доступного близкого избытка. Достаток – другое дело, достаток

– разумен, но избыток – начало разложения, и Пар– вус на этом попался. Деньги пусть текут и миллионами, но – на революцию, а самому – держаться в границах необходимого, самому считать даже раппены и гордиться этим. Совсем не для маскировки и лишь отчасти для примера другим, кого нельзя заставить.)

Быстрым взглядом искоса, снизу вверх, Ленин не враждебно, не обиженно:

– Израиль Лазаревич! Ваша вечная вера во всевластие денег – вас и подвела. Поймите, подвела.

(То ли при малых тратах – как в замкнутой комнате, как при полной секретности: ничто не утекает, твёрже себя чувствуешь, никогда не распустишься, всё сковано и связано. А богатство – подобно распущенной болтовне. Нет! Дисциплина во всём, и в этом тоже. Только в ограничениях развивается и движется настоящий напор. И даже: залог за то, чтобы жить в Швейцарии, основа безопасности и всей деятельности, 1200 франков – есть, но: нет! не платить!

– хлопотать – писать – подавать заявления о несостоятельности – просить персонального снижения в 10 раз – тратить золотое время на проходки к поли– цейпрезиденту и даже вместе с Карлом Моором, у кого свой бумажник в кармане раздутый и только руку протянуть, ассигнацию вытянуть. И получив наконец снижение до трёхсот – уплатить только сто и еще потом долго торговаться, а переехавши в Цюрих

– и вовсе не платить, но писать и просить, и переписываться с Берном: ту сотенку перевести в здешний кантон. Это умел Ленин: сжиматься – умел. Только сжатый – дышал хорошо.)

Смысл каждой беседы: себя без надобности не открыв – собеседника понять, понять до дна.

Колким прощупывающим взглядом, с усмешкой скептической:

– Ну – зачем вам собственное богатство? Ну, скажите! Ну, объясните.

Вопрос ребёнка. Из тех „почему“, на которые даже отвечать смешно. Да для того, чтобы всякое „хочу“ переходило в „сделано“. Вероятно, такое же ощущение, как у богатыря – от игры и силы своих мускулов. Утверждение себя на земле. Смысл жизни.

Вздыхнул:

– Да это просто человечески: любить быть богатым. Неужели вы не понимаете, Владимир Ильич?

И – посмотрел. И вдруг в этой плешатё, и старой коже на висках, и уж слишком заострённом, уж слишком напряжённом изломе бровей заподозрел: а – не понимает, не притворяется.

Всепронизывающий взгляд, а сбоку – совсем не видит.

Помягче ему:

– Ну, как вам сказать... Как приятно иметь полное зрение, как приятно иметь полный слух – вот так же и богатство...

Да разве Парвус из головы придумал, да разве это было его теоретическое убеждение – стать богатым? Это была – врождённая потребность, а порывы торговли, гешефта, не упустить возникающую в поле зрения прибыль, были не планомерным программным, а почти биологическим действием его, происходящим почти бессознательно – и безошибочно! Это был – инстинкт его: всегда ощущать, как вокруг происходит экономическая жизнь и где возникают в ней диспропорции, несоответствия, разрывы, так сами и просящие, кричащие – вложить туда руку и вынуть оттуда прибыль. Это было настолько его существом, что все свои разнообразные финансовые дела, теперь уже раскинутые на десять европейских стран, он вёл без единой бухгалтерской книги, весь подвижный дебет-кредит – в одной голове.

(Ну, в конце концов, личное богатство – это Privatsache, частное дело, верно. Но глаза бурлили и добывали: вообще ли он – социалист? Вот догадка: 25 лет социалистической публицистики – а социалист ли он?..)

Но если ближе к предмету разговора:

– Я же говорю вам! богатство – это власть\ Пролетариат к чему стремится – к власти? Имя – у меня было 25 лет, и побольше вашего, и оно ничего мне не дало. А богатство – открывает все пути. Да хоть вот и эти переговоры. Какое же правительство поверит нищему – и даст ему миллионы на проект? А богатый – себе не возьмёт, у него свои миллионы.

Несоразмерная, несимметричная голова доверчиво свисала на бок, и дружелюбно, мирно смотрели на Ленина бесцветные философские глаза:

– Не теряйте момента, Владимир Ильич. Такие предложения жизнь подносит – один только раз.

Да, это понятно. Еще в первые дни войны, испытал непривычное удобство – благоприятствующее, подхватывающее крыло (тогда – австрийское), во мгновение перенесшее, куда заказано (не было к Швейцарии пассажирского движения – понёс семью Ульяновых воинский эшелон), захвачен был Ленин открытием такого преимущества: не зависать, не плавать среди слов и понятий, слов и понятий, но раз навсегда покончить с беспомощным зябким эмигрантством, прильнуть и соединиться с движением настоящих материальных сил. Как всегда и во всём – и в этом Парвус опять его опередил.

– Чтобы сделать революцию – нужны большие деньги, – убеждал Парвус, налегши плечом на плечо, дружески. – Но, чтобы к власти придя, удержаться – еще большие деньги понадобятся.

С другого конца – а поражало верностью.

По высшему центру своей мысли Парвус был несомненно прав.

Но по высшему центру мысли своей – несомненно прав был Ленин.

– Вы подумайте, если соединить мои возможности – и ваши. И при такой поддержке! При вашем несравненном таланте к революции! – сколько ж можно околачиваться по этим дырам

эмигрантским? Сколько ж можно: ждать революцию где-то там впереди, а когда она уже вот пришла, за плечо берёт – не узнать?..

Э, нет! Ничем! Ничем – ни совместной радостью, ни жаркой надеждой, ни уж, конечно, лестью, нельзя было на пелену ослабить зоркость ленинского взгляда! Самая узенькая трещина расхождений замечалась им прежде и больше, чем массивы сдвинутых платформ. Пусть – отодвинутый, пусть – неудачник, но во всех удачах Парвуса, и в пророчествах Парвуса постоянно зная: нет, не так! или: нет, не полностью так! А хоть я – ничего не достиг, а правота у меня!

Да Парвусу – смешно, сотрясает смех грузное тело, любящее бутылку шампанского натошак и ванну принять и с женщинами поужинать, когда ревматизм не куёт к одру:

– Так и дальше думаете – деньги через налётчиков добывать? Теперь – „Лионский кредит“ будете грабить? Так вас же в Каледонию сошлют, товарищи! На галеры!

Смех одолел.

В несогласии тонко шевельнулись брови Ленина. Но взгляд испытующий – беспристрастно смотрит на проблему.

Налетать на банки еще прежде законной всеобщей экспроприации капиталов – теоретически здесь никакой ошибки нет, это – как бы взять займы у самих же себя из будущего. А практически – ну, как удастся. В чём за революционные годы большевики несомненно успели – так именно в эксах. Начинать с налётов на билетные кассы, на поезда. А уж первые 200 тысяч из Грузии преобразили жизнь партии. А если бы в 907-м взяли в Берлине в банке Мендельсона 15 миллионов (Камо по пути арестовали, сорвалось) – так о-о-о! Метод рискованный, но очень эффективный, и во всяком случае не марает партию, как связь с иностранными штабами.

– Марает? Попасться боитесь? – тоже в щёлки сдвинул глаза, нарочно, стыдит, презирает и поучает Парвус. – А я вам скажу из верного опыта: на больших ... предприятиях – никогда не попадёте. А вот кто на маленьких жмётся – вот тот и попадается.

Толстокож! Что говорят – ему наплевать, прёт по миру тумбами-стопами, давит.

Косит у Ленина правый глаз. Сердится.

Парвус – в сочувствии. Он студенистыми руками берёт Ленина за обе руки, неприятная манера, он говорит как глубокий друг (с ним когда-то чуть не стали на „ты“):

– Владимир Ильич, не упускайте анализировать! Надо же проанализировать: отчего вы уже проиграли одну революцию? Не от ваших ли собственных недостатков? Это важно на будущее. Смотрите, не проиграйте вторую.

Да откуда эта наглая самоуверенность?! Какого чёрта лезет в учителя? Опять себя навязывает в новые вожди? Уже ослеп от самолюбования!

Вырвал руки! И – с усмешкой, с прорезающей своей усмешкой при вздёрнутых бровях, в издевательской естественной стихии усмешки, когда краснеет радостно в глазах, наслаждённый торжествующей издёвкой:

– Израиль Лазаревич! Вы бы больше – свои недостатки анализировали. Ту революцию я не проигрывал, потому что я её не вёл. А проиграли её – в ы ! Как же вы сорвались?

И еще тут – ничего не сказано, деловой аргумент, еще остановиться можно. Но всё задыханье от этой туши, давившей рёбра столько лет, но сама стихия издёвки прорывает дальше нужного (и что у него кроме честолюбия? кроме жажды власти? кроме богатства?):

– А в Петропавловке – что вы так быстро упали духом, от одиночки, от сырости? Что за жалость над своим трупом? Что за патетический дешёвый дневничок на вкус немецкого филистера? Да бред об амнистии! Да без пяти минут жалоба царю? Да разве это похоже на вождя революции? Какой вы вождь революции!

А сам? – маленький, плешатый, остробровый, остроглазый, с движеньями ёрзкими, суетливыми?

Но кроме них двоих – никому не оставалось быть.

Парвус никогда не краснел, как будто не было в нём той приливающей жидкости красной, а – водо–зеленистая, и такая же кожа. И – никак бы ему сейчас не гневаться, но когда Ленин выпячивался в издевательскую насмешку и еще подрагивал при этом, и еще подрагивал – бросало забыть о всех его достоинствах! И неразумно отбрить:

– Можно подумать – вы дрались на баррикадах! Можно подумать – вы хоть один раз прошлись в уличной демонстрации, когда ждали нагайки! Я по крайней мере бежал со ссыльного этапа! А вам – зачем бежать, если вы по ложному свидетельству вместо севера Сибири получаете Сибирскую Италию?

(Да тут чего только не вырвется: хорошо вам призывать к войне, из нейтральной Швейцарии да всю жизнь без воинской повинности!)

Если вот такое оскорбление выслушать публично

– то надо политически убивать, шельмовать до уничтожения. Когда непублично – можно разные решения принять. Может быть, допустить и сочувственность в этой критике. Может быть, и сам забрал острее нужного, такая дискуссионная привычка.

Ах, неразумно было так говорить! Не за тем ехал в Швейцарию, чтобы ссориться.

Парвус – очень может быть полезен, занял исключительные позиции, зачем же ссориться с ним?

Ленин – основа всего Плана. Если он отшатнётся

– кто же будет революцию делать?

И – опять усмешка ленинская, но совсем другая, не кусачая, а – пронизательнейшая между умнейшими в мире людьми, и руку на плечо, и полушопотом:

– А знаете? А хотите знать вашу главную ошибку Пятого года? Из-за чего проигралась революция?

Со встречной самоотверженностью учёного, готовый любое тяжкое признание принять:

– Финансовый Манифест? Поторопился?

Между сдвинутыми их головами – покачал Ленин,

покачал пальцем, и улыбнулся как калмык на астраханском базаре, хваля арбуз:

– Не-ет! Финансовый Манифест – гениальный! Но ваши Советы...

– Мои Советы – объединяли весь рабочий класс, а не дробили его как социал-демократы. Мои Советы уже постепенно становились властью. И если б мы добились тогда 8-часового рабочего дня, только его одного! – в подражание нам начались бы восстания по всей Европе – и вот вам перманентная революция !

Ленин хитро, щёлками глаз смотрел, как самолюбие Парвуса само себя выгораживало, и не торопился перебивать. Еще эта проклятая путаная перманентная революция всех их троих рассорила: в разные годы, как по карусели, друг другу в затылок, они занимали её положение, а выйдя из тени её – настаивали, что двое других неправы. Двое других всегда были или еще или уже несогласны.

– Да нет! – отмахивался Ленин заговорщицким шопотом, и всё с тем же хитро-добродушным азиатским оскалом. – Вы же сами так верно писали тогда: непрекращаемая гражданская война! пролетариат не должен выпустить из рук оружия! – а где ж было ваше оружие ?

Парвус насупился. Никому не нравится вспоминать свои промахи.

Всё так же держась за плечо собеседника, приклонясь, со щёлками глаз и проницанием (он много думал об этом! да больше всего об этом и думал он!), и в расположении теперь поделиться:

– Не надо было ждать никакого Национального Собрания, еще другого, помимо Советов. Собрали Петербургский Совет – вот вам и Национальное классовое собрание. А надо было...

Еще доверительней, вперёд как на конус, как в фокус, всем острым лицом, и взглядом, и мыслью, и словами:

– А надо было со второго дня завести при Совете

– вооружённую карающую организацию. И вот – это было бы ваше оружие\

И – замолчал, в свой конус упёртый. Уже больше ничто не казалось ему столь важно.

Особенность кабинетного мыслителя, мечтателя – он думал годами, и вот открыл, и вот ничто не казалось ему и через десять лет сравнимо по важности. Разрушительное эмигрантство, далёкое от действия, от истинных сил! – жалкая участь. Вся энергия лет и лет ушла на раздоры, на споры, на расколы, на грызню – и вот распахивал ему Парвус всемирное поле боя! – а он сидел на кровати сжатым сусликом и усмехался в конус.

Второй по силе ум европейского социализма – погибал в эмигрантской дыре. Надо было спасать его

– для него же самого.

Для дела.

Для Плана.

– Да вы – план понимаете мой? Вы – План мой принимаете?!?

Пробить это его окостенение: он задремал? он коркой покрылся? он ничего не воспринимает.

Еще придвинулся – и вплотную к уху, должен же вобрать:

– Владимир Ильич! Вы – в союз наш вступаете?

Как глухонемой. Глаз – не прочтёшь. Язык не отвечает.

Рукой повиснув на его плече:

– Владимир Ильич! Пришёл ваш час! Пришло время вашему подполью – работать и победить! У вас не было сил, то есть не было денег, – теперь я волью вам, сколько угодно. Открывайте трубы, по которым лить! В каких городах – кому платить деньги, назовите. Кто будет принимать листовки, литературу? Оружие перевозить трудней – но повезём и оружие. И как будем осуществлять центральное руководство? Отсюда, из Швейцарии, удивляюсь, как вы справляетесь? Хотите, я перевезу вас в Стокгольм? это очень просто...

Навязывал, вкачивал свою бегемотскую кровь! Вывернул из-под него плечи.

Прекрасно он всё слышал и всё понимал. Но заслонка недоверия и отчуждения перегородила грудь Ленина для откровенности.

Довольно он уже ему о Девятьсот Пятом годе раскрыл.

Еще бы мог он не оценить этого Плана, кто же бы другой тогда мог оценить? Великолепная, твёрдая программа! Удары – осуществимы, избранные средства – верны, привлечённые силы – реальны.

Теперь уже можно было признать: такого третьего сильного ума, такого третьего проницающего взгляда – не было больше в Интернационале, только их два.

Так пятикратно осмотрительным надо было быть. В политических переговорах на самом даже гладком месте – подозревай! ищи западни.

Что ж, Парвус – опять впереди? Нет, теоретически, в общем виде, Ленин это самое и сформулировал еще в начале войны. В общем виде – Ленин так и хотел, того и добивался. Но у Парвуса поражали деловые конкретности. Финансист.

Против этой грандиозной программы Ленин *не мог выдвинуть ни довода неверности, ни довода нежелания.

Всё так. По простому расчёту – главный враг моего главного врага – первым союзником во всём мире оказывалось правительство кайзера. В допустимости такого союза Ленин и не колебался ни мига: последний дурак, кто пренебрегает серьёзными средствами в серьёзной борьбе.

Союз – да. Но выше союза – осторожность. Осторожность – не как предупредительная мера, но как условие всего действия. Без архи-архи-осторожности – и к чёрту весь ваш союз и к чёрту весь ваш план! Нельзя ж было давать ахать и плевать хору социал-демократических бабушек по всей Европе. Подпускал и Ленин осторожно, что там, Франция – республика рантье, её не жалко. Но он всегда знал меру, где не договорить и сколько запасных выходов оставить. А Парвус – афишированно кинулся и безвозвратно потерял политическое лицо.

Вот когда Ленин понял слабость его и своё превосходство. Парвус всегда успевал выйти на открытие первым, и топал впереди, загораживая дорогу. Но у него не хватало выдержки на дальний бег: он не мог вести Совет больше двух месяцев, переубеждать немецких соци больше двадцати лет – срывался, отваливался. А Ленин чувствовал в себе выдержку – на вечный бег,

никогда не сорвать дыхания, бежать, сколько помнил себя – и до гроба, и в гроб свалиться, никуда не добежав. А – не сорваться.

Союз – да, охотно, пожалуйста. Но в этОхМ союзе быть переборчивой невестой, а не настойчивым женихом. Пусть ищут – тебя. Держаться так, чтоб и при слабости иметь позицию преимущественную, независимую. Даже кое-что такое Ленин уже и сделал в Берне. Конечно он не пошёл стучаться к немецкому послу Ромбергу, как Парвус в Константинополе. Но Ленин разглашал свои тезисы, отлично зная, чьим ушам они могут понравиться – и тезисы до ушей дошли. И Ромберг сам прислал к нему революционного эстонца Кескулу на переговоры, узнать намерения. Что ж, оставаясь в пределах своей истинной программы – свержение царизма, сепаратный мир с Германией, отделение наций, отказ от проливов – допустимо было чуть-чуть и подмазать: не изменяя себе, не искажая линию, можно было пообещать Ромбергу и вторжение русской революционной армии в Индию. Измены принципам тут не было: ведь надо же штурмовать британский империализм, и кому ж еще другому? когда-нибудь и вторгнемся. Но, конечно, была уступка, подачка, извив, колёса затягивали, однако случай не опасный. Да и Кескула был со взглядом и повадками волчьими, характером и деловитостью куда посильней размазанных российских с-д, – но и тут не чувствовал Ленин опасности: Эстонию так и так отпустить, как и все народы, из российской тюрьмы, искривления линии не было: каждый использовал другого, не отступаясь. Вставили в цепочку Артура Зифель– да и Моисея Харитонов, Кескула уехал в Скандинавию, и очень-очень там помог, особенно в издательской деятельности, находил деньги на наши брошюры, помог наладить связь со Шляпниковым, а значит – и с Россией.

Во всём этом не было грандиозности парвусов–ского плана, но малая тихая верность – была. А зато политическое лицо – чистое.

Что появилось в Парвусе – это нетерпение (вот еще его недостаток). Уже видя, что разговор идёт не так, он кандидата своего упускает, – с горечью, с презрением (а это помочь не может):

– Значит – и вы?.. Как все? Бойтесь носик замазать? Ждёте?

А он так надеялся на Ленина! – уж этот- то, думал, с ним! А если и с этим не сойтись – то с кем же еще?

И вытягивая последние доводы, волновался, потерял своё миллионерское самодовольство:

– Владимир Ильич. Не отставайте от времени. Кому бы-кому, но вам это непростительно. Неужели вы не видите, не поняли: эпоха революционеров с пачкой нелегальщины или с самодельной бомбой – отошла безвозвратно. Такие – ничего уже сделать не могут. Новый тип революционера – это гигант, как с вами мы. Он взвешивает миллионами – людей, рублей, и ему должны быть доступны те рычаги, какими государства переворачиваются и ставятся. А к тем рычагам дойти нелегко, вот приходится попасть и в шовинисты.

Тоже верно. Верно. Но...

(Можно бы спросить: а что заплатит русская революция за немецкую помощь? Не спросил, избежал, только выхватил для себя, для памяти. Было бы наивно ожидать бесплатно.)

Но... Вступая в союз, прежде всего не доверяй союзнику. На зыби дипломатических игр – в каждом союзнике прежде всего подозревай обманщика.

Ленин нисколько не дремал – он взвешивал. Если кто дремал – только не он, может быть Парвус в берлинских переговорах? Ленин вот открыл глаза и насылал допытчивую тревогу. И допрашивал, как до– стучивался в барабан:

– Да разве захочет правительство Вильгельма свергать русскую монархию? Зачем это им? Им нужен только мир с Россией. А с русской монархией они будут охотно и дальше жить и дружить. И все наши забастовки им только нужны, чтоб напугать царя и вынудить к миру, не больше.

Да Па-арвусу ли надо объяснять! Это вид у него такой – богатый, упитанный, холёная эспаньолка с оплывшего двойного подбородка. А если сказать откровенно (а когда-то же, кому-то же и откровенно), тень сепаратного мира замучала все его переговоры с германским правительством. Русско-германский мир был бы могилой всего Великого Замысла. Всё время это подозрение, что они вот уже и деньги платят на революцию, а в душе только и думают о сепаратном мире с царём, кого-то невидимого посылают на контакты. Глухо, тайно такие попытки роятся и надо о них догадываться – и вовремя высмеять, опрокинуть: да царь уже и не в состоянии заключить мир! если он, вдруг, и заключит с вами мир – то тогда власть в России может перенять сильное национальное правое правительство, которое не посчитается с обязательствами царя – и вы только усилите их позиции!.. Втолковывать пруссакам: нет уж, нет, реальный мир с Германией может подписать только правительство народного доверия. Дайте же миру быть первым лозунгом революции, первой заботой нового правительства! Ему будет и легче идти на уступки: потому что оно не виновно в войне. От такого правительства

– Германия получит значительно больше...

Он уже видел тот договор, и готов был бы сам его подписать, обгоняя время.

И перехватил вспышку ленинского взгляда, что и он видел.

Всех подробностей не скажешь (не надо!): там есть разные направления, у немцев. Большинство-то склоняется, что Англия – главный враг, и готовы к миру с Россией. И, по несчастью, даже статс-секретарь Ягов, пруссак из пруссаков, хотя считает натиск славянства большей опасностью, чем Англия, но ему, видите ли, неприятен план разложить Россию революцией. (Этого совсем объяснить нельзя, выверты аристократической традиции, скептическая интеллектуальная расслабленность, он не скрывает брезгливости к дипломатии агентов, доверенных лиц и маклеров. Что таков

– глава министерства иностранных дел, конечно, задерживает очень.)

Но при своём изысканном уродстве Парвус умеет и покорять людей. И германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау – это уже взятый человек, очарованный несравненностью парвусовского ума.

Всеми аргументами против катастрофы сепаратного мира! Напряжённо убеждать: революция в России неизбежна, брожение пошло уже по всей стране, оно уже и в армии, затронуло и офицерство, а образованное общество всё кипит, что ж говорить о рабочих, и даже военной промышленности, – довольно бросить спичку и всё взорвётся! Вот можно даже назначить точную дату – и выполнить её!

Но головастый, лбастый, маленький, юркий, усмешка почти не стирается с губ, а убеждённый, кажется, еще меньше Ягова, безжалостно:

– Так соглашения у вас там – и нет? Недоговорённость? Видимость?

Все вечное преимущество того, кто не действует: переспрашивать, быть недовольным, указывать недостатки.

Гребущими движениями обеих рук, как бы мешку туловища не опрокинуться назад, выравнивается Парвус:

– Не на бумаге с гербами, конечно! Оно всё в динамике! – и надо в каждый момент видеть все контуры и направлять его.

Направлять даже и стратегические удары. Объяснять, уговаривать, напряжённо советовать: только не наступление на Петербург! Этим бы создался патриотический подъём, Россия бы объединилась, а революция заглохла. Но и – никаких военных успехов не давать царю и особенно важно не допустить до Дарданелл, то было бы непоправимое укрепление его престижа. А самый верный удар – на южном фланге: через союзную Украину, отнять донецкий уголь – и Россия кончена.

А еще они боятся, как бы это землетрясение да не отдалось в Берлине. И еще приходится убеждать, что русская революция не перекинется в Германию.

– Как это? как это? – дёрнулся маленький, всё же и поталкивая брюхатого, всё ж отвоёвывая себе место на кровати. – Да вы что?! Вы – примирились, что революция ограничится одной Россией? Вы – и в самом деле так думаете? – остро, колко, допытливо, исследовательски досматривал, проверял, нет, уже и с возмущением, как привык он ради принципа никогда не сдерживаться в оценках: – Так это ж – предательство!

(Нет, Парвус – просто не социалист, он кто-то другой!)

Никуда не вылезая из Швейцарии, никакого дела нигде не коснувшись, он опять был прав, атаковал, порицал:

– Вот и куцо! Вот и не хватает предвидения! Да разве может революция устоять в одной стране?

Ну да, это всё была та самая перманентная, та заклятая бесконечная карусель, на которой обречены они были кружиться, кружиться, всё меняя места и разя друг друга попрёками вчерашними или завтрашними, и никто никогда не прав.

Он – и не хочет германской революции? Он к ней – и не стремится? Ну, не серьёзно же пишут о нём, что он стал немецким патриотом?

Но Парвус – уже не мальчик, на той карусели кружиться. Революционер нового типа, революционер– миллионер, финансист-индустриал ист, может себе позволить выражаться и откровеннее:

– Мировая революция сейчас недостижима, а социалистический переворот в России – достигим. Именно против царизма должны сплотиться все рабочие партии мира!

Откровеннее – не значит откровенно. Деликатная проблема, её нельзя открыто выразить в публичной дискуссии социалистических кругов. Но вот и с глазу на глаз единомышленнику не каждому скажешь.

Этот шароголовый, перекачливый, колкий – почти неуловим. Почти никогда нельзя предсказать его лозунга – удивляет всех и всегда. И совсем никогда не узнать, что он думает. Особых задач социализма в России – он не понимает? Или не принимает? У него – вообще ослаб специфический интерес к России?

Даже с Брокдорфом эту проблему легче обсуждать. (Парвус вообще заметил, что с дипломатами всё обсуждать и прямее и проще, чем с социалистами.)

И остаётся только настаивать по поверхности:

– Любым путём уничтожить сейчас – именно царизм, надо думать об этом только!

И – к главному: как уничтожить? Весь смысл приезда и весь смысл этого разговора в том и есть: какие столичные, какие провинциальные подпольные организации согласен Ленин поставить сейчас на подготовку восстания? Кто и где эти люди в их железной связи и в их непобедимой готовности? Знал же Парвус, кого рекомендовал германскому правительству как самого неистового русского революционера! Знал, за каким союзником теперь приехал! Десятилетиями казалось: безумный раскольник! Он отметал всех союзников, раздроблял все силы, не хотел слышать о партии профессоров, не хотел слышать о плавном экономическом развитии, всегда – подполье! только – подполье! партия профессиональных революционеров! В мирную эпоху это казалось дико – и Парвусу, и всем, – но вот, при войне, прорисовалось, наконец, какой же он запасливый догадливый умница! Но вот когда, наконец, пришла пора использовать его могучую тренированную скрытую армию! Вот когда, наконец, пригодится, что она есть. В расчёте на неё и велись переговоры в Берлине, в расчёте на неё и составлен План.

Но Ленина так не собьёшь, не повернёшь, он – своё видит и своё настойчиво ведёт:

– И как вы так примитивно переносите революционную ситуацию Пятого года на ситуацию нынешнюю?

Ну, это же ясно: война – разрушительней, длительней, изнурение и горечь масс – несравнимы, революционные организации – сильней, либералы – и те сильнее, а царизм несколько не укрепился.

А Ленин всё – своё, его глаза как будто не прямо смотрят, а – по кривым линиям заворачивают:

– Хорошо. Но как вы отсюда так смело назначаете дату начала?

– Ну, Владимир Ильич, ну какую-то же надо назначить – как цель, для единства действий. Ну предложите другую. Но 9 января – наилучшая, символическая, все помнят, и многие даже без нашего сигнала начнут. Легче на улицу выйдут. А – лишь бы первые вышли, а там – пойдёт!!

Что-то жмётся, жмётся Ленин. Ну, понятно: излюбленное подполье открыть – значит, отдать. Неохотно.

Уже то, что Парвус так горячо настаивает, – показывает, что хочет тебя использовать.

– Так как же, Владимир Ильич? Пришло время действовать!

(О, понятен ваш план! Вы выступите сейчас объединителем всех партийных группировок плюс ваша финансовая сила плюс ваш теоретический талант, и вот вы – вождь единой партии и Второй революции? Снова?!)

Но – из глаз невычитываемых, но с губ непрошевеливших, но через лысоту непроницаемого котла, – с прониканием тоже нерядовым, вырвал Парвус ленинские мысли, развернул, прочёл и ответил с бокового захода:

– Почему и предлагаю я вам ехать в Стокгольм: чтоб вы сами руководили от начала и до конца. Вы можете мне никого не называть, ничего не открывать – только берите деньги, листовки, оружие – и посылайте! Я, – вздохнул Парвус с ослаблением, измотаешься ж в этих политических переговорах, – я, Владимир Ильич, – не тот, что десять лет назад. Я – в Россию не поеду. Я – считаю себя немцем теперь.

(Тем подозрительней. А что ж он всё – о России?)

– Мне только нужно, чтоб выполнен был План.

...Только может быть и План – мы понимаем

неодинаково?..

Ртутно-неуловимый, ни в руки, ни в аргументы:

– Это значит – как и вы, открыто измараться о германский генштаб?

Революционер-интернационалист этого себе позволить не может.

Раза два еще загребя, загребя обеими руками, привалился к собеседнику непробиваемому:

– Да не марайтесь! Не надо! Эту грязь – я беру, я взял на себя. А вам – даю чистые миллионы. Только – подайте мне трубы, по которым их лить. Только сплетём наши подземные, подводные, тайные нити – и мы взорвём Вторую русскую революцию!! А??

И глазами, где ум не потратил себя ни на радугу красок, ни на ресницы, ни на брови, – бесцветным концентрированным умом – проникал, хотел понять: отчего же – отказ?

Но в ленинские глаза, бурящие, выкапывающие, нельзя было войти, как нельзя войти в шило.

Двумя шильцами, двумя шильцами и с усмешечкой косенькой – недоверчивой, угадчивой и опровержительной, встретил Ленин такой заман:

– И для этого, вы сказали, – шелестел его голос ехидно, – примирительная конференция в Женеве? Будем примиряться? С меньшевиками? – И откинулся, как отброшенный, еще б и дальше, да спинка кровати держала: – Да вы что?!? Что значит – примиряться? Уступить меньшевикам ??? – Встряхами головы как бил, как бодал: – Ник-когда! Низ-зачто! С меньшевиками? Да пусть лучше царизм стоит еще тысячу лет, но меньшевикам – не уступлю ни миллиметра!

Да он вообще – социалист ли?!.

А Ленин еще доканчивал молча удары головой. Добивал кого-то. Договаривал что-то – со всею яростной мимикой, но – беззвучно.

Ничего Парвус понять не мог. Всё-таки, ехал – такого не ждал. Великий неутомимый и самый крайний революционер при самой лучшей ситуации, при всех высланных ему услугах – и не хотел делать революцию??.

Уже теряя надежду, уже так просто:

– Но для чего же тогда двадцать лет этих теоретических сражений, разграничений? Где же ваша последовательность? Вы готовили подполье? Вот ему лучшее применение, другого такого не наступит во всю вашу жизнь! Что же вы, роль играли?

А у того – не замкнутся губы, аргументы всегда в десятках:

– Будем ли упрекаться в непоследовательности? Вы тоже говорили: кучка не может принести революцию массе. А сейчас?

Свесился, свесился Парвус, подбородком с головы, головою – с шеи, шеей – с туловища, руки между колен.

– Да-а-а-а...

Отказом Ленина Великий План казался почти разрушенным.

– Ну что ж... Хорошо... Плохо... Времени осталось мало... Значит, буду создавать собственную организацию.

Просчитался Ленин! Пожалеет когда-нибудь.,

– Хоть уступите мне кого-нибудь? Нашего общего друга?

(Рвать мостов не надо, ссориться не надо, Парвус еще ого как пригодится.)

– Кого это?

–: Ганецкого.

– Берите.

– Чудновский, Урицкий – у меня уже там. Бухарина?..

– Не-ет, Бухарин не для этого.

– Так. А – сами в Скандинавию? Быстро перевезу.

Шильда-глаза:

– Нет. Нет, нет!

Тяжело-тяжело мешку себя таскать. Тяжело вздохнул, от души:

– Да-а-а... А еще была, всей жизни моей мечта, и вот теперь по средствам доступно: выпускать свой собственный социалистический журнал. – Силился гордо закинуть одутловатую голову, повторить отважного, горячего, с кого пошло: – „Колокол“!

Ух-хнула, бух-хнула кровать их четырьмя ножками, опустясь на сапожников пол.

Удачливый подпольщик – не тот, кто прячется под полом, как мышь, избегает света и общественного движения. Удачливый находчивый подпольщик – самый деятельный участник всеобщей естественной жизни с её слабостями и страстями, он – на виду, в жизненном кипении, и занят чем-то понятным для всех, и допустимо ему тратить на эту повседневную деятельность

большую часть времени и сил, – а главная тайная деятельность его течёт рядом и тем успешней, чем она органичнее связана с открытой повседневной. В этом высшая простота: тайное дело делать в простой связи с открытым.

Так это понимая (у Парвуса невелик был опыт подполья – несколько месяцев 1905 года, после разгрома Совета и до ареста, потом после ухода из ссылки и до ухода за границу), а еще более понимая, что естественно заниматься человеку именно тем, к чему его влечёт, в чём его призвание и дарование, – Парвус после разрушительного отказа Ленина в мае 1915-го делать революцию совместно и берясь теперь за всё то один, придумал, да даже не придумал, а как дыхание это к нему пришло: что он и его сотрудники будут заниматься в первую очередь и главным образом коммерцией – а революция будет к ней пристёгнута.

И тем же летом он создал в нейтральной Дании, сохранившей первую привилегию свободного западного государства свободно торговать, – Импортно-Экспортное бюро, которому и естественно было теперь начать торговлю с фирмами любого другого государства – Германии, России, Англии, Швеции или Нидерландов, брать где что выгодно и продавать, куда выгодно. Коммерческим директором этого предприятия Парвуса тотчас и стал, с согласия Ленина, Ганецкий. Соединение двух таких огненных коммерсантов, есть не удвоение коммерческой мощи, но умножение её. А затем к ним примкнул и третий, мало чем уступающий двум первым – Георг Скларц (нельзя сказать, чтобы нанесла его судьба-случайность, но был он дружественно прислан на сотрудничество от разведки германского генерального штаба). Этот Скларц (после войны много погремевший в Германии, даже и в судебных процессах, где еще и артистом выдающимся выявил себя), оказался самый наинужный третий к ним двоим – тоже гений коммерции, находчивый, сообразительный, молча и быстро готовый к любому поручению и любому обороту дела, изо всякого выйти успешливым. (А за собою он вёл и еще двух братьев Скларцев: Вольдемара, который стал работать непосредственно в их торгово-революционной конторе, и Генриха, – тот под псевдонимом Пундик уже вёл в Копенгагене с Романовичем и Догопольским тайное бюро, ловя для германского генштаба незаконный экспорт из Германии.) Задуманное соединение хозяйственной и политической деятельности быстро оправдывало себя: гешефт работал на политику, а политика создавала льготы для гешефта. Поддержкой германских военных властей деятельность парвусовской конторы облегчалась и делалась еще более доходной.

Едва возникнув, Импортно-Экспортное бюро за несколько месяцев расцвело, и покупало, продавало и перевозило, не ища себе скрупулёзной специализации – медь, хром, никель, резину, из России в Германию особенно – зерно и продукты, из Германии в Россию особенно – технические приборы, химикалии, лекарства, а были в ассортименте и чулки, и противозачаточные средства, и сальварсан, икра и коньяк, и подержанные автомобили (в России удалось договориться, чтоб они не подлежали далее у покупателей военной мобилизации). В западной торговле много и других подобных контор толкалось рядом локтями, но в торговле с Россией, на главном для себя направлении, контора Парвуса заняла монопольное положение. Часть товаров везлась открыто, по легальным экспортным лицензиям, другая – по фальшивым декларациям или даже контрабандой, это требовало изобретательности в упаковке и погрузке, кому-то приходилось попадаться и отвечать, – но во всём этом и вертелись Ганецкий со Скларцем, позволяя Парвусу покойно оставаться в излюбленной им тени и вести большую политику.

Гениальность соединения торговли и революции в том и состояла, что революционные агенты под видом торговых, во главе с петербургским адвокатом Козловским, ездили от Парвуса совершенно легально и в Россию, и по России, и назад. Но высшая гениальность была в отправке

денег: кажется, неосуществимая задача – беспрепятственно и быстро переливать деньги германского правительства в русские революционные руки, осуществлялась торговой конторой с лёгкостью: она везла в Россию лишь товары, только товары, но – с избытком против закупленного в ней, – а выручка сотрудничающих фирм, вроде Фабиан Клингсланд, по общепринятому порядку поступала в банк (Сибирский банк в Петербурге), а там дальше было внутреннее дело конторы – забирать её из России или нет, даже для России выгоднее, чтобы деньги оставались в ней.

Петербургжанка Женя

Суменсон, посредница Ганецкого, в любое время любую сумму вынимала и передавала в революционные руки.

Вот был гений Парвуса: импорт товаров, таких нужных для России, чтоб вести войну, давал деньги выбить её из этой войны!

Тем же своим настойчивым методом соединения тайного и явного Парвус набирал и революционных сотрудников конторы. Для этого он создал в Копенгагене еще одно подсобное учреждение – Институт по изучению последствий войны, и для набора сотрудников его открыто и много встречался, знакомился, беседовал с социалистами. И всякий раз, когда кандидат проявлял желание и способность нырнуть в глушину – он нырял и становился тайным. А если оказывался неспособным или неподатливым – ничто ему не разъяснялось, и разговор был натурален, и можно было оставить его легальным сотрудником легального Института: Институт тоже не был фикцией, он тоже отвечал прилегающей страсти Парвуса к теоретическим экономическим исследованиям, как и издаваемый в Германии, хорошо оплаченный „Колокол“ удовлетворял его социалистической страсти. (Очень рвался в этот Институт – Бухарин, и, действительно, не было для него лучшего места, а для такого института – лучшего сотрудника, но разборчивый и чистоплотный Ленин запретил своему молодому однопартийцу связываться с этим тёмным Парвусом, как и Шляпникову – прикасаться к этому двусмысленному Ганецкому.)

Всё это Парвус решил блистательно – ибо всё это было в его природной стихии. Куда трудней было дальше: кому же передавать в России те деньги? и как вызвать революцию в огромной России дюжиной торговых агентов, да несколькими западными социалистами вроде Краузе? Легче всего было в Петербурге, много связей, тут и Козловский бесподозренно мог вести адвокатский приём и вербовать нужных из заводской среды, тут и действовала рьяная группа межрайонцев, не признающая ни меньшевиков, ни большевиков, как раз исконное направление Парвуса, и через их единомышленника Урицкого был в эту группу действенный вход. Несмотря на раскол социалистических сил в Петербурге, там у Парвуса сколотился хороший актив, и особенно – на Путиловском заводе. Но хотя и верно замечено, что революции в государствах совершаются одними лишь столицами,

– для надёжности первичного толчка такой обширной стране непременно нужны были волнения и в провинции. А собственные живые связи были у Парвуса только в Одессе и из Одессы в Николаев. Всю эту немую косную необъятную страну нечем; было поднимать: несколько агентов, даже денег не жалея, в несколько оставшихся месяцев не могли создать сети. А Ленин свою готовую – предательски скрыл.

Но отлично понимал Парвус, но помнил по Пятому году и: как волнения рождаются. Для забастовки, для возбуждения, для выхода на улицу не только не требуется согласное решение большинства, но даже и одной четверти массы, но даже и одну десятую избыточно подготавливать. Одиночный резкий выкрик из толпы, один оратор на проходной, два-три

молодца, поднявших кулаки или палки, бывают вполне достаточны, чтобы дать импульс целой заводской смене не идти по цехам или выйти на улицу. А еще оставались

– осуждающие власть разговоры с соседями, передача пугающих слухов (такой слух как электрический разряд ударяет дальше без усилий), а еще оставался разброс листовок по заводским уборным, по курилкам, под станками, – для всех этих первых толчков на пяти тысячный завод довольно и пяти человек, а таких пять человек всегда можно если не по убеждениям найти, то купить в соседнем трактире: кто из трактирных попрошаек не хочет привольных денег?

И – отдельных заводских толчков было бы недостаточно в обстановке иной, но на втором году войны, уже проглотившей столько, при внезапно подступившем голоде, при поражениях армии, при всеобщем брожении и после уже одной испытанной этим поколением революции – таких нескольких толчков достаточно, убеждён был Парвус, чтобы породить сползание лавины. Его стратегия была – лавина от нескольких снежков. Без помощи Ленина за оставшиеся месяцы он не мог успеть больше. Но и в самой дате

– 9 января – уже таился рок для царизма: даже безо всяких агентов и без единого рубля от Жени Суменсон

– этот день не мог пройти спокойно. Но хорошо было

– подтолкнуть его.

И так, безраздельно очаровав графа Брокдорфа–Рантцау, едва не диктуя ему его копенгагенские донесения в министерство иностранных дел, Парвус уверенно обещал русскую революцию – 9 января Шестнадцатого года.

Он – надеялся, что будет так. Избалованный даром своих далёких пронзительных пророчеств, он, оставаясь человеком Земли, не всегда отделить умел вспышку пророчества от порыва желания. Разрушительной русской революции он жаждал настолько яро, что простительно было ему ошибиться в порыве.

Но не было это простительно перед германским правительством, а особенно – перед статс-секретарём Готтфридом фон-Яговым. И всегда – иронист, презиравший этого социалистического грязного миллионера, Ягов теперь заключил, что Парвус надувал германскую империю, никакой революции реально не готовил, а взятые миллионы скорее всего положил себе в карман. По правилам разведок за такие расходы не спрашивается бухгалтерский отчёт. Но далее в Шестнадцатом году из министерства иностранных дел Парвусу не заплатили более ни пфеннига.

Это – не было поражение полное и даже внешне

– совсем не поражение. Импортно-Экспортное бюро продолжало вращаться и обогащаться. На замену министерству иностранных дел сочувственно влился генштаб. Институт по изучению – что-то собирал и изучал. Парвус деятельно вмешался в снабжение Дании дешёвым углем, привлёк датские профсоюзы, сошёлся на равных с вождями датских, а затем и немецких социалистов. Он получил, наконец, немецкое гражданство, которого искал и просил с 1891 года – и теперь при первых же послевоенных выборах несомненно выходил бы в лидеры социалистического парламентского крыла. Его „Колокол“ продолжал выпускаться, зовя Германию к патриотическому социализму. Его собственное избыточное богатство росло, капиталы были вложены пакетами акций почти во всех нейтральных странах и уж, конечно, в исходных своих

Турции и Болгарии. В аристократическом квартале Копенгагена его особняк был обставлен диковинностями нувориша, охранялся лютыми собаками, а на выезд ему подавался элегантный „Адлер“. И даже влияние на графа Брокдорфа ему удалось сохранить ненарушенным – этому постоянному собеседнику впечатать в сознание всю сложность революционной задачи и всю механику затруднений. И через Брокдорфа, сколько позволял такт, – мешать возобновившимся германским поискам сепаратного мира с Россией.

И казалось бы: вереница успехов на прямом пути этого человека могла бы вполне насытить его. Но нет! – таинственным образом беспокойство так и не выполненной задачи, – хотя в ту страну он никогда уже не собирался возвращаться, – томило и тянуло его. И в долгих ужинах с прусским аристократом он варьировал и пояснял в применении к немецкому взгляду эту свою скорей уже не программу теперь, но – политическое завещание, но – зыбкий очерк будущего. Как революция, едва начавшись, должна набирать свой размах подобно Великой Французской – судебным преследованием и казнью царя: только такая первичная жертва открывает революции безграничность! Как должен быть рассвобождён крестьянам самовольный раздел поместий – и только этим откроется подлинный размах анархии. А когда анархия достигнет своего высшего взлёта и широчайшего разлития – именно в этот момент Германия военным вмешательством могла бы при самых ничтожных потерях и самых огромных выгодах навсегда освободиться от глыбной восточной опасности: потопить её флот, отобрать её вооружения, срыть укрепления, навсегда запретить армию, промышленность военную, а то и, лучше, всякую, ослабить её отсечением всего, что только можно отсечь, – и оставить её выкатанной гладкой доской, пусть забудет десять веков своих мерзостей, и начинает свою историю снова!

Парвус никогда не забывал зла.

Но сегодня не видел, что смог бы сделать еще.

А имперское привительство позорно искало сепаратного мира с этой неуничтоженной державой.

А здоровье статс-секретаря фон-Ягова всё подтачивалось, всё подтачивалось – и поздней осенью Шестнадцатого года он счастливо ушёл в отставку, уступая пост деятельному Циммерману, не перенявшему от своего предшественника устарелого пренебрежения к тайным доверенным лицам и политическим маклерам.

И – взмыли новые планы действовать! И – естественно поднялся старый укор Ленину: что же он!! что же он??.

Кровать – ударила четырьмя ножками о сапожников пол, – и Парвуса выдавило, поставило на ноги – тумбы. И он, тяжело разминаясь, переступил, неся мешок своего изнеженного тела. Обошёл, сел по ту сторону стола, не брезгуя измазать белоснежные манжеты о нечистую клеёнку Ульяновых.

И усмехался – уже не как сильному, уже не как равному, но жалковатому норному зверьку:

– Н-ну?.. Так говорите: Циммервальд?.. Кинталь?.. И хорошо голосуют левые?.. А что же сделала великая партия за два года у себя на родине?.. Почему – ни пузыря на российской поверхности?

Ленин так и сидел на кровати, утанывая, и клонила тяжёлая голова без ответа.

– Вы же говорили – денег вам не надо?

Ленин отвечал потерянно, еле слышно:

– Мы – так никогда не говорили, Израиль Лазаревич. Деньги – оч-чень нужны. Чертовски нужны.

– Да я же предлагал! А вы отказались!

Ленин – с пересыхающим усилием:

– Почему – отказались? От разумной нетребовательной помощи – мы никогда не отказываемся. И даже охотно...

– В детские игры вы тут играете, в Швейцарии,

– хотела бы туша торжествовать, да торжества не было: Россия не проигрывала войны, Германия не выигрывала, их общий главный союзник сдавал.

Ленин еле выводил фразы из горла:

– А за крупные игры надо крупно платить и самим.

У него был – больной взгляд. Открыл глаза доступней обычного – глаза больные, и как будто чтоб от этой боли отвлечься, лишь для этого, но, по болезни, и без напора:

– Да ведь и ваша революция, Израиль Лазаревич

– тоже тю-тю, мыльный пузырь... Да и наивно было ждать другого.

Заколыхался возмущённый Парвус, и огонь фитиля, повторяя его дыхание, закачался, запрыгал, закоптил:

– Да сорок пять тысяч бастовало в Петербурге! А ну-ка, подняли б вы отсюда еще своих сорок пять?!

Не давал Ленину возразить, что в тех сорока пяти

– и его были.

– ... Путиловский у меня по сроку сбился – а молодчина, как забурлил! А вот Невская Застава меня подвела – что ж вы её не подняли? В Николаеве – я прекрасную разыграл стачку – 10 тысяч! и с условиями – невыполнимыми, обеспечено было восстание! – так тоже на четыре дня опоздало. Отсюда не так легко там к одному дню стянуть. А Москва вообще

не шелохнулась? Что же ваш московский комитет?!

(Хотел бы Ленин и сам это знать!)

А Парвус – разошёлся, хвастался, как богатством, на пальцах загибал:

– Екатеринбургский металлургический – я поднял! И Тульский меднопрокатный! И Тульский патронный!..

Все эти стачки, действительно, прогрохнули в январе, не 9-го, но – кто их там поднял, кто их там вёл? Отсюда не видно, не доказать, и каждый себе приписывает, меньшевики тоже.

– Совсем немного оставалось – где же ваши были? Межрайонцы мне помогли беззаветно, огневые ребята, да кучка их. А вы с меньшевиками – всё мячики перекидываете? Может – вашими листовками, не моими, Россия завалена, а?.. А – „Императрицу Марию" я взорвал – не заметили? – громыхал, глаза вычудились. – Броненосец на Чёрном море – не заметили??!

Руки белые холёные подкинул – вот этими руками броненосец взорвал!

– Почему ж не хотели вы соединиться, Владимир Ильич? Где же ваши стачки? Где же ваши восстания? На каких заводах вы можете обеспечить забастовку в назначенный день?.. С какими национальными организациями вы работаете?..

Неужели не понимает?.. Со всем его умом? Так это удача, хороша маскировка, значит и дальше так держаться.

Почему не соединились!.. Конечно, как-то можно было заманеврировать меньшевиков. И как-то можно было бы разделить руководство (хотя вот это, вот это, вот это больней и невозможней всего!). А...

А... ограничено уменье каждого. Ленин – писал статьи. Брошюры. Читал рефераты. Произносил речи. Агитировал молодых левых. Всеевропейски сек оппортунистов. Он, кажется, досконально успел узнать вопросы промышленный, аграрный, стачечный, профсоюзный. Теперь, после Клаузевица, и военный. Он понимал теперь, что такое война, и как ведётся вооружённое восстание. И с настойчивой ясностью мог это всё разъяснить, кому угодно.

И только одного он не мог – сделать. Только не мог он – взорвать броненосца.

– Но даже и сейчас не потеряно, Владимир Ильич! – утешал, подбодрял Парвус через стол. Он вынул часы золотые из жилетного кармана, кивнул им одобрительно. – Революцию – переносим на 9 января Семнадцатого года! Но только уж – вместе! Но в этот раз – вместе?

Ну, почему – не вместе?? Не понимал пронизательный Парвус.

А – не из чего было кроить разговор. А – не из чего было ответить. В позиции, скрываемо, почти ничтожной – в какой там союз можно было вступать или не вступать? Надо было только достойно утаить своё бессилие: что никакой действующий организации у него в России нет, никакого подполья – нет. Если что есть – оно там шевелится само, неподвластно ему и в неподвластные сроки. Что там есть – он просто не знает, у него нет бесперебойной связи с Россией, нет возможности послать распоряжение или получить ответ. Он рад бывает, если единственный Шляпников перекинет через границу пачку „Социал-Демократов". С Аней, сестрой, переписывались химическими чернилами – и это оборвалось. Какие там еще национальности поднимать? – тут бы партии своей сохранить хоть кусочек...

А Парвус, из скрипящего стула вывешиваясь в обе стороны, еще великодушно:

– А как там ваши сотрудники русскую границу пересекают? Неужели – своими ногами да в лодочке? Да это же старьё, XIX век, это забывать надо! Пожалуйте, сделаем им хорошие документы, будут ездить первым классом, как мои...

Парвус, может, и уродлив, но, там, для женщин или на трибуну выйти. А глаза его бесцветные, водянистые – неотвратимо умны, уж это Ленин мог оценить.

Только бы – уйти от них. Только бы не догадался.

Что именно делать – Ленин не мог. Всё остальное – умел. Но только не мог: приблизить тот момент и сделать его.

А Парвус со своими миллионами, вероятно оружием в портах, со своей конспирацией, уже надёжно захватя Путиловский, – схлопывал белые пухлые руки, однако умеющие делать, и допытывался:

– Да чего же вы ждёте, Владимир Ильич? Почему сигнала не даёте? До каких же пор ждать?

А Ленин ждал – чтобы случилось что-нибудь. Чтобы какая-нибудь попутная материальная волна перекинула бы его челночок – в уже сделанное.

Как на посмешку, все ленинские идеи, на которые он жизнь уложил, вот не могли изменить ни хода войны, ни превратить её в гражданскую, ни вынудить Россию проиграть.

Челночок лежал на песке как детская игрушка, а волны не было...

А письмо на дорогой зеленоватой бумаге лежало и спрашивало: так что же, Владимир Ильич? Участие ваших – будет или нет? Ваши явочные адреса? Ваши приёмщики оружия?.. Что у вас есть реально, скажите?

Что есть – Ленин как раз и не мог ответить, потому что: не было ничего. Швейцария была на одной планете, Россия на другой. У него было... Крохотная группа, называемая партией, и не все учтены, кто в неё входит, может и откололись. У него было... Что – Делать, Шаг-Два шага, Две Тактики. Эмпириокритицизм. Империализм. У него была – голова, чтобы в любой момент дать централизованной организации – решение, каждому революционеру – подробную инструкцию, массам – захватывающие лозунги. А больше не было ничего и сегодня, как полтора года назад. И потому – из военной предусмотрительности и из простой гордости – не мог он обнажить своё слабое место Парвусу и сегодня, как полтора года назад.

А Парвус – нависал через стол, с насмешливорыбьими глазами, со лбом, не меньше накатистым, чем у Ленина, и ждал и требовал ответа.

Он так хорошо перехватил инициативу: спрашивать, спрашивать, тогда не надо объяснять самому. Но у него тоже были причины – почему он молчал полтора года, а именно теперь обратился?

Избегая нависшего недоумённого взгляда из-под вскинутых безволосых бровей, Ленин катал и катал шар головы по письму, ища, как благовиднее отказать в помощи, а не потерять союзника, как скрыть свою тайну и угадать тайну собеседника. Обходя, что было в письме, и ища, чего в письме не было.

Встречную слабость как всякую трещинку выхватывал Ленин прежде всего.

Не было: почему обращается Парвус снова так настойчиво? Значит – сил не хватило? А может – и денег? Ослабела агентура? А, может, немецкое правительство не так уж и платит? Ох, тяжела эта служба, когда увязла лапа...

Как хорошо быть независимым! Э-э, мы еще не так слабы, мы не последние по слабости.

Правая рука с карандашом привычно шла по письму, размечая для ответа – чертами прямыми, волнистыми, хвостиками, вопросительными, восклицательными... А левая быстро-быстро потирала лбину, и лбина набирала аргументы.

Упрекал Троцкий своего бывшего наставника в легкомыслии, нестойкости, и что покидает друзей в беде – это всё сантиментальная чушь. Это всё недостатки простительные и не мешали бы союзу. Если бы не делал Парвус грубых ошибок политических. Нельзя было так бросаться на мираж революции, открывая себя публично. Нельзя было делать из „Колокола“ –

клоаку немецкого шовинизма. Вывалялся бегемотина в гинденбургской грязи – и погибла репутация! И – погиб для социализма навсегда.

А – жаль. А – какой был социалист!

(Погиб – но ссориться, всё-таки, не надо. Еще

– ой-ой, как может Парвус помочь.)

От самой бумаги, от обреза стола, Ленин осмелело поднял голову – посмотреть на своего неутомимого соперника. Контуры головы его, и без того бесформенной, рыхлых плеч – расплывались и колебались.

Колебались – как качались от горя. Что даже с Лениным не умел он объясниться начистоту.

И, потеряв черты лица, уже больше как облако синеватое – печально оттягивался, клонился, переходил, перетекал в окно.

Но пока еще было не совсем поздно, Ленин выкрикнул вдогонку, без торжества, но для истины:

– Дать связать себя в политике? Ни за что! Вот в чём вы ошиблись, Израиль Лазаревич! Взять от других нужное? – да! Но себе связать руки? – нет!!! Союз с кем-нибудь нелепо понимать так, чтобы связали руки нам\

Утянуло всё дымом, не оставив осадком ни Склар– ца, ни баула. И шляпа опоздавшая сорвалась со стола

– и швырнулась вослед.

Оказался Ленин дальновиднее! Пусть он не делал никакой революции, пусть он был беспомощен и безрук, но знал он свою правоту, не сбивался: идеи долговечнее всяких миллионов, без миллионов можно и перетерпеть. Ничего, ничего, и эти конференции с бабами и с дезертирами – они тоже все оправдаются. С алым знаменем Интернационала можно и еще 30 лет переждать.

Сохранял он главное сокровище – честь социалиста.

Нет, рано сдаваться! И рано бросать Швейцарию. Еще несколько месяцев настойчивой работы – и можно будет швейцарскую партию расколоть.

А тогда вскоре – начать здесь революцию!

И отсюда зажжётся – всеевропейская!

Л-1

Эта минувшая зима была наполнена архидраматической борьбой и могла бы завершиться пролетарской революцией в Швейцарии, а через неё и во всей Европе, – если б не подлая измена шайки вождей, измаравших, оплевавших, заблудивших всю швейцарскую партию, а прежде и гаже всех – из-за негодяя, интригана, политической проститутки Гримма. И старой развалины Грёйлиха. И других грязных мерзавцев.

Поверхностному филистерскому взгляду – а таков взгляд большинства людей и даже революционеров, свойственно не замечать крохотных трещин в колоссальных горных массивах и не понимать, что через такую трещинку при умении можно развалить весь массив. Напуганному обывателю, наблюдающему всеевропейскую войну миллионных армий и миллионы снарядных разрывов, невозможно поверить, что остановить этот железный ураган (изменить его направление) доступно самой малой кучке, но предельно решительных лиц. Для того необходимо, правда, событие огромное – всеевропейская же революция. Но для европейской революции может достаточна оказаться революция в маленькой нейтральной, но трёхязычной, но в сердце Европы, Швейцарии. А для того надо овладеть швейцарской социал-демократической партией. А если ею нельзя овладеть, то её нужно расколоть и выделить боеспособную часть. А для того, чтобы расколоть такую партию, как швейцарская, – не поверят оппортунисты и книжные теоретики! – нужно всего человек пять решительных членов этой партии да человека три иностранца, способных дать местным товарищам программу, готовить им тексты и тезисы выступлений, писать для них брошюры.

Итак, чтобы перевернуть Европу, достаточно меньше десятка умелых неуклонных социалистов! Кегель– клуб.

В Кегель-клубе обдуманное осенью, вокруг Кегель– клуба и завязалось начало этой работы. После неудачи на ноябрьском съезде швейцарской партии, сперва как бы лишь для психологического реванша молодых, Ленин составил им реальные практические тезисы – об их задачах в их борьбе. Углубление многих месяцев, даже чтение ничтожных швейцарских газет – всё пригодилось тут. Потом вокруг тезисов стал собирать разъяснительные заседания с молодыми левыми. Пустили тезисы течь по всей Швейцарии. Замысел был: хотя бы одна самая крохотная местная партийная организация приняла бы их – и тогда законно можно было бы требовать, чтобы социалистические газеты их опубликовали – и так тезисы потекли бы в обсуждение еще шире. Искали, как напечатать тезисы листовками, как распространить их несколько тысяч (все – говоруны, безрукие, кто хандрит, кто притворяется – никто не может толком распространить).

Начать вообще самостоятельное издание листовок? Но главная опора, вождь молодёжи, Мюнценберг ворчал, что литературы и без того хватает. (Как будто такая литература бывала у них когда!) Слабы швейцарские левые, дьявольски слабы.

И нетерпеливый взгляд революционера заметил другую желанную трещину, она обещала больше и быстрее: приближался* новый съезд швейцарской партии, назначенный на конец января и специально посвящённый (верхушку вынудили обещать) отношению к войне. Замечательная это была возможность, чтобы растрепать, расколотить всё оппортунистическое руководство и на глазах швейцарских масс расстрелять его

неотклонимыми жизненными вопросами: допустимо ли довести Швейцарию до войны? допустимо ли потомкам Вильгельма Телля умирать за международные банки? допустимо ли... и т. д., и т. д., тут можно много поработать. Такой съезд был еще потому особенно опасен для оппортунистов, что в сентябре будущего 17-го года предстояли выборы в парламент, и как бы теперь ни постановили они – за отечество или против – партия на выборах неизбежно расколется или даже перестанет существовать – а то и нужно нам!

Оппортунисты смекнули и стали маневрировать: нельзя ли вообще отложить опрометчиво обещанный съезд, нельзя ли вообще никак не решать военного вопроса, пока, мол, Швейцария еще не воюет, или уж решать военный вопрос, когда кончатся все войны?

И они еще не знали, как будет нанесен им удар, как будет поставлено: не просто „за отечество" или „против милитаризма", но – с беспощадной решительностью: невозможно бороться против войны иначе как через социалистическую революцию! Голосовать, по сути, уже не по поводу войны, а: за или против немедленной экспроприации банков и промышленности! В Кегель-клубе деятельно готовилась резолюция для съезда – Платтен написал, слабо, Ленин пересоставил от имени Платтена. (Работа нелёгкая, но благодарная. Надо было всеми интернациональными силами помочь швейцарским левым.) Надо было заострять по всем направлениям: немедленно демобилизовать швейцарскую армию! защита Швейцарии – лицемерная фраза! именно швейцарская политика мира – преступна! Успех мог быть колоссален: такая резолюция швейцарского съезда вызвала бы самую восторженную поддержку рабочего класса всех цивилизованных стран!

Но – оппортунисты зашевелились. Конфиденциально узналось, что верхушка готовит отложить съезд, каковы наглецы! В таких случаях – предупреждающий удар! отнять инициативу! И поручили Вронскому на собрании цюрихской организации выставить резолюцию – „против тайной закулисной агитации за отодвигание съезда! признаки впадения в социал-шовинизм, осудить!" А была возможность подправить подсчёт голосования – и сделали так, что резолюция принята! Хор-роший удар по центристам! – они ведь боятся прослыть шовинистами.

Но так обнаглела их шайка, что и этого не испугались: через день же собрали президиум партии и сбросили маску. (На президиуме были и Платтен, и Нобс, и Мюнценберг, так что всё известно достоверно.) Старый Грёйлих полез порочить всю цюрихскую партийную организацию: в ней, мол, много дезертиров, мы за них поручались, и можно бы ожидать, что именно в вопросе защиты родины они будут... А другой кричал: если партия будет так мараться, мы, сент-галленцы, выйдем из неё! эти товарищи невысокого мнения о швейцарских рабочих (и даже с намёком, что это иностранцы мутят) ... Еще один закатился до шовинистической истерики: идите вы с вашими формулами международных конгрессов! Обсуждение военного вопроса во время войны – безумие! в такие минуты всякий народ, мол, соединяется в общности судьбы. (Со своими капиталистами...) Как же демобилизовать армию, если она защищает наши границы? Да, если Швейцарии возникнет опасность, то рабочий класс пойдёт её защищать! (Слушайте, слушайте!) Но бесстыднее всех вёл себя Гримм. Председатель Цим-мервальда, Кинтала – и такой подлец в политике: что ж, война начнётся – а нам поднимать восстание?.. Делал гнусные намёки против иностранцев и молодых. И, соединясь с шовинистами, 7 против 5, с ничтожным перевесом именно его, гриммовского, центристского голоса – отложили съезд на неопределённое время (считай – до конца войны)... Неслыханно позорное решение! Полная измена Гримма.

Ах, мошенник, скотина, предатель, бешенство берёт! Так тем более теперь развернуть в партии войну как никогда! Оставалось одно: сбить Гримма с ног!

Всё упиралось в Гримма – и важно было сейчас же ошельмовать его, разоблачить, сорвать маску.

Как в драке ищет рука, какой предмет подсобнее схватить и ударить, так и мозг политического бойца выхватывает молниевидные извилины возможных ходов. Первая мысль была: Нэн! Необычно, что Нэн, не очень-то левый, голосовал за нас. Значит: выгоднее всего опрокидывать Гримма через Нэна! А как? Написать в газету Нэна открытое письмо, публично назвать Гримма мерзавцем и что невозможно дальше оставаться с ним в одной Циммервальдской организации!.. Нет, не так, пусть все пишут открытые письма в газету Нэна, все, кого только найдём, – и под этой лавиной открытых писем и резолюций протеста похоронить Гримма навсегда! Каждая минута дорога, повсюду собирать левых – и направлять против Гримма!

Драматический момент. В Шо-де-Фоне присоединился верный Абрамович. В Женеве колебались Бриллиант и Гильбо.

А в Цюрихе вечер за вечером собирались левые и молодые, вырабатывали методы нападения. И стало понятно: открытых писем – мало. Надо совершить политическое убийство – чтобы Гримм уже не встал никогда.

И вот такая форма. Не теряя часа, подхватились вместе с Крупской, Зиновьевым, Радеком, Леви, все силы, какие были в тот момент, – и за много кварталов пошли к Мюнценбергу на квартиру. И тут, когда все решительные собрались – Вилли позвонил по телефону и вызвал к себе Платтена, не объясняя ему, в чём дело, а – срочно! Надо было взять его в западню, неожиданно. Платтен последнее время явно боялся – и Гримма, и раскола, не хотел учиться интернациональному опыту, проявлял себя слишком швейцарцем, ограниченным швейцарцем, как впрочем и Нобс. (Если вспомнить – откуда взялись они? В Цим– мервальде они просто записались в „левые"...) Так вот, надо было взять Платтена врасплох, за горло.

Он вошёл – и когда увидел не одного Мюнцен– берга, как ожидал, а шестерых, плотно сжатых в комнатухе, трое впритыку на кровати, и все мрачные – на большелобом открытом его лице, не приспособленном играть, выразилась растерянность, тревога. Хоть одного бы он искал себе союзники или ободрительного! – но не было ни одного. Затолкнули, посадили efto в угол – дальше от двери и за комодом, в тупик, а вшестером – еще надвинулись, кто на стульях, еще нагнулись, кто на кровати. И Мюнценберг (так по ролям) – звонким дерзким голосом объявил: мы , вот все мы, наша группа, решили немедленно и окончательно рвать с Гриммом и опозорить его на весь свет! Платтену – выбор: или с нами, цли с Гриммом. Платтен заёрзал – а подвинуться некуда, заволновался, переглядывал лица, искал, кто помягче, но и Надя смотрела как застывшая ведьма. Платтен лоб вытирал, мял подбородок свой бесхарактерный, просил отсрочки, подумать, – он говорил, а все шестеро не шевелились, хмуро молчали и смотрели на него, как на врага (это забавник Радек всё придумал) – и это было самое страшное. Платтен растерялся, подавался, он предлагал: не надо же так сразу! послать Гримму предупреждение, предостережение... Нет!!! Всё – решено!!! И остаётся Платтену только выбор: или – с нами, в честном интернациональном союзе, или – со своим швейцарским предателем, и опозорим обоих вместе! И отвечать – сейчас же!

Двумя руками схватился Платтен за голову. Посидел.

Сдался.

Брошюру на опозорение поручили Радеку писать. И он – в ту же ночь, в одну ночь, искуривая трубку свою, без всякого труда мог написать, лентяй. Но – не написал. И еще много часов

пришлось Ленину ходить с ним по Цюриху, уговаривать и поджучивать, чтоб написал, да похлеще, как он один умеет. Всё-таки, журналист – несравненный!

Следующий шаг – напали на Гримма в заседании Интернациональной Социалистической Комиссии. Сам Ленин не пошёл, чтоб не выставляться, а Зиновьев, Радек, Мюнценберг и Леви напали, что деятельность Гримма в Швейцарии – преступление, бесчестие, педерастия! – а потому он должен быть исключён из Циммервальдского руководства! (Свергнуть с престола.) Тут же напали на Гримма и в мюнценберговском молодёжном Интернационале. Тут же возникла идея добиваться внутрипартийного референдума – устроить съезд теперь же, в марте! А мотивировка референдума была (пришлось самому написать) лучшее во всей кампании: что отсрочка съезда есть поражение социализма!

Что поднялось! Какая буча и пыль! Ч-чудесно!!! Вожди партии заревели от негодования, кинулись в опровержения! – кто ж может выстоять в социализме против смелого резкого принципиального обвинения слева?! Один обвиняющий голос может свалить тысячу оппортунистов!

Ч-чудесно! Это – удалось! Это – и нужно было!

Еще на кантональном партсъезде удалось собрать за резолюцию левых одну шестую часть голосов – это было крупной победой!

Но и – высшей точкой кампании. Стала она спадать.

Гримм бешено напал на референдум – и испугал наших молодых.

Лисьи-осторожный Нобс публично отмежевался ют референдума.

А Платтен – а Платтен смолчал, раскисляй... Вот так и строй на нём борьбу. Нет, он безнадежен. Он не хочет учиться, как организовать революционную партию.

И даже брошюру Ра дека – отказались печатать: „Напечатаем – выгонят из партии/“ Ну и левые\ Ну, и вояки!..

А Гримм, почувствовав нашу слабость, собрал архичастное совещание и пригласил левых. Мюнценберг и Вронский конечно не пошли. А Нобс и Платтен поплелись... к хозяину.

Нет, они на три четверти уже свалились к социал– патриотизму. Нет, левые в Швейцарии – архидрянь, бесхарактерные люди.

Запутывать, замазывать разногласия вместо того, чтобы их заострять – какая ж это подлость!

А тут совершилась возмутительная история с Вронским. На общегородском собрании выбирали правление, несколько избранных отказались, поэтому список спустился ниже – и счастливо захватил Вронского, Вронский вдруг попал! Так обнаглевшие правые заявили, что с Вронским дружной работы не будет, они отказываются. А Нобс был председателем – и согласился выборы аннулировать!

И Платтен – скушал эту оплеуху...

Ленин сидел на собрании – молча, но вне себя! И уже на минуту не заснул в ту ночь.

Вообще от этих ежедневных собраний – нервы швах, головные боли, сна нет.

Да вся швейцарская партия – насквозь оппортунисты, благотворительное учреждение для мещан. Или чиновники, или будущие чиновники, или горстка, запуганная чиновниками.

Разбежались левые от нашей помощи – ив Цюрихе, и в Берне. У одного Абрамовича хороши дела, но он далеко. А Гильбо и Бриллиант колеблются.

И вожди молодых, даже острый резкий непреклонный Мюнценберг – потянулись на компромисс. Мюн–ценберг! – и тот отклонил брошюру Радека! (И уехал Радек в Давос, подлечиться, тоже замучился.)

Было бы смешно, если бы не так гнусно. Видимо, в Цюрихе – конец возни с левыми...

Но – не надо жалеть, хоть и проигрыш. Знал всегда, как гнилы европейские социалистические партии. Теперь и на практике сам испытал.

Не надо жалеть. Что было сделано – не пропадёт совсем бесследно. После нас, преемники наши – а создадут левую партию в Швейцарии!

23 февраля назначено было собрание левых – и даже не состоялось: просто не пришли, никому не нужно. Собирался Ленин доклад делать – сходил впустую, вернулся в бешенстве. В бешенстве на всю ночь.

Он завидовал – Инессе, Гришке Зиновьеву, как они там где-то ездили, выступали с рефератами: там видишь перед собой не социалистических мещан, а

– свежих людей, рабочих, толпу, и влияешь сразу на массу.

Тут много было и других расстройств. С Радеком

– вперемежку дружба и ссоры (он невыносим, когда в академизм лезет), а Инесса и Гришка восприняли их разлад тяжело. То ссора с Усиевичем. (А с Бухариным и не вылезали из ссоры, хорошо хоть не вынесли на публичность.) То Шкловский растратил партийную кассу. То Инесса вздумала „пересматривать" вопрос о защите отечества – и сколько же лишних убеждений пришлось потратить.

В письмах. Так и не приехала в Цюрих ни разу.

Скоро год...

То – слух, что Швейцария на днях втянется в войну, жутковато, и быстрые расчёты: самим остаться в полосе немецкой оккупации, а Инесса пусть едет в Женеву, её там захватит Франция – и так мы лучшим связью с Россией. То отлегло: не будет войны. То Надя болела – бронхит, жар, бегал за врачом, вся жизнь в расстройстве.

Однако, не скдаывать же бездеятельно руки. А что если прямо самим, безо всяких швейцарцев, – да взбунтовать швейцарскую армию? И вырос такой замысел: написать листовку („разожжём революционную пропаганду в армии! превратим опостылевший гражданский мир в революционные классовые действия!") – но в абсолютной скрытости (за это можно сильно пострадать, из Швейцарии вышлют) – а подписаться „швейцарская группа циммервальдских левых" (пусть думают на кого из них, хоть на Платтена)

– и распространять стороной, как бы не от себя.

Инеcса быcтро переведе́т на французский. Только абсолютно секретно, сжигая черняки. (А почта писем не проверяет, убедились.)

Стали делать. Но отсюда новый замысел: а не сделать ли опять-таки нам самим, а подписать от других, такую листовку: поднять весь европейский пролетариат на всеобщую стачку 1 мая? Отчего бы нет? Неужели пролетариат не отзовется? А в разгар войны – какая это была бы сила! Какая демонстрация! А от стачки, смотришь, сами собой начнутся и массовые революционные действия?! Одна хорошая листовка – и поднята вся Европа, а?! Только надо спешить, до 1 мая не так много времени – скорей переводить на французский, скорей издавать, скорей распространять, скорей рассылать эту листовку. (И – совершенно конспиративно!)

Но не успела всеевропейская стачка хорошо обду– матьcя, только еще готовили переводы листовки – пришло внезапно письмо от Коллонтайши, вернувшейся из Америки в Скандинавию. И к пороку – новый огонь: оказывается – раскол на съезде шведской партии!

Какая внезапная удача! Да как же было забыть своих верных циммервальдских соратников? И какие же там у шведов в головах сейчас, наверно, разброд и путаница дьявольские!

Как же бы повлиять? Как помочь? Осветилось: так вот она где задача ожидаемая, самая важная и благородная: не в Швейцарии надо революцию делать, а в Швеции! Оттуда начинать!

Дальше писала Коллонтай: решили шведские молодые собрать 12 мая съезд для основания новой партии на „циммервальдских принципах“. Ах, юнцы-птенцы, искренние и неопытные, да кто ж вам разъяснит: преданы принципы Циммервальда-Кинтала! преданы, в болоте потоплены почти всеми партиями Европы! умер Циммервальд, умер и обанкротился! Но вы – искренни и чисты, и во что бы то ни стало еще до съезда нужно вам помочь разобраться в пошлости каутскианства, в гнусности циммервальдского большинства. (Ах, что ж я не с вами там?!) Пришла пора обрезать когти Брантингу! Надо немедленно послать вам на помощь мои тезисы! Морально и политически мы все ответственны за вас. Решительный момент в скандинавском рабочем движении!

И весь тот временный пессимизм и ту опущенность рук, какие овладели после неудач с дрянными бесхарактерными безнадежными швейцарскими левыми – перехлестнуло теперь радостным нетерпением поджечь Европу с севера!!! А сроки остались короткие, а дел – уйма, а переписка через Германию идет с затруднениями. Но – энергичная, деятельная, осмысленная борьба! Возродилась жизнь! Новым светом осветились сумрачные своды цюрихских церковных читальных залов, газетные кипы и шершавые брошюры в Центральштелле: к 1 мая – листовку! к 12 мая – тезисы и спеться! Все силы – на европейскую стачку и на шведский раскол! Только над молодежью и стоит работать! Нам уже никогда ничего не сделать и не увидеть. Но им еще взойдет багровое солнце революции!

2-го марта кончал дома обедать, вдруг стук. Вронский. Что-то не вовремя. (В этой неудаче с левыми так много было на Вронского ставлено, и эти выборы-невыборы, что видеть Вронского сейчас было малоприятно. А к новым проектам его еще не приспособили.) Вошел – и не садясь, в своей вялой манере, как он всегда, меланхолично немножко:

– В ничего не знаете?

– А что?

– Да в России – революция... будто бы... Пишут...

Еще манера у него – никогда голоса не повысит,

растяжка эта, как от неуверенности, – поднял Ильич глаза от тарелки с варёной говядиной, суп уже доел, посмотрел на тихого Вронского – не больше было впечатления, чем сказал бы он, что килограмм мяса подешевел на 5 раппенов. В России? революция?

– Чушь какая. Откуда это известно?

Ел дальше, резал кусок поперёк, чтоб и мясо и жир. Откуда ни с того, ни с сего? Такое ляпнут. Макал куски в горчицу на отвале тарелки. Еще неприятно, когда сбивают еду, не дадут спокойно.

А Вронский стоял, не снимая пальто, и шляпу мокроватую фетровую, которую очень берёт, – мял. Это для него уже было большое волнение.

И Надя, по бокам своего серо-клетчатого платья провела руками, как вытирая:

– Что это, Моисей? В каких газетах? Где вы читали?

– Телеграммы. Из немецких.

– Ну! Немецкие да про Россию! Врут.

Доедал спокойно.

О России в европейских газетах писали скудно и всегда переверано. Не имея своих верных сведений, с трудом надо было оттуда истину отделять. А письма оттуда почти не приходили. Вот промелькнуло двое свежих русских, бежавших из немецкого плена, – бегал на них посмотреть, поговорить, интересно. Приходилось Россию поминать в докладах, но не больше, чем Парижскую Коммуну, которой давно уже не было на свете.

– И как же именно там сказано?

Вронский попытался повторить. И по обычному свойству большинства людей – а профессиональному революционеру стыдно! – не мог повторить не только точных выражений, но и точного смысла.

– В Петербурге – народные волнения... толпы... полиция... Революция... победила...

– А в чём именно победа?

– ...Министры... в отставку ушли, не помню...

– Да вы ж сами читали? А – царь?

– Про царя – ничего...

– Про царя – ничего? А в чём же победа?

Чушь какая. Может, Вронский и не виноват, а

само сообщение такое неопределённое.

Надя перебирала в рубчики на груди заношенное платье, еще заношенной от малого света в комнате – на улице моросил дождь с утра:

– А всё-таки – что-то есть, Володя? Откуда?

Откуда! Обычная буржуазная газетная утка, раздувание малейшего неуспеха у противника, сколько раз за эту войну всё вот так раздувалось.

– Разве о революциях – так узнают? Вспомни Женеву, Луначарских.

Шли январским вечером с Надей по улице – навстречу Луначарские, радостные, сияющие: „Вчера, девятого, в Петербурге стреляли в толпу! Много убитых! !“ Как забыть его, ликующий вечер русской эмиграции! – помчались в русский ресторан, все собирались туда, сидели возбуждённые, пели, сколько сил добавилось, как все сразу оживились... Длинный Троцкий, еще вытянув руки, носился с тостами, всех поздравлял, говорил, что едет немедленно. (И поехал.)

– Ладно, чаю давай.

Или – не пить?

Идти опять в читальню и продолжать регулярную работу – кажется, тоже не получится: что-то всё-таки зацепилось, мешает. Надо бы выяснить. Какая-то помеха всем планам.

Но газеты с сегодняшними телеграммами будут в читальнях только завтра.

А на Бель-Вю в окне « Neue Ziircher Zeitung » вывешиваются экстренные.

Ладно, ходим.

Надя еще мало выходила после февральского недавнего бронхита и осталась дома. И Ильич натянул тяжёлое старое подчиненное пальто, насадил старый котелок как на болванку – пошли.

„Здесь жил поэт Георг Бюхнер...“ на соседнем доме. Сырым узким переулком, где рыхлый намоклый снег еще не вытаивал у стен – быстро пошли под гору, как покатили. Сокращая переулками и туда ближе к Бель-Вю.

. По швейцарской манере все ходили с зонтиками, еле разминаясь в переулках, чуть не выкалывая друг другу глаза. Но Ленин не любил его таскать: когда пригодится, а когда нет. Да и старое всё на себе, не жалко. Шёл и Вронский так.

В витринах нашлось примерно, как говорил Вронский. Только министры будто бы арестованы. Арестованы?.. И еще: у власти – члены Думы. А – царь? Ни слова о царе. Так ясно тогда, что царь – на свободе, с войсками, и сейчас задаст им баню.

Если вообще это всё не брехня.

Да нет, такое невозможно в сегодняшней России.

И у витрины не толпились, кроме них двоих и не было никого.

Мелкий дождь моросил на площадь, на озеро. Равномерно было заволочено всё над озером, и в молочно-сизой пелене Ютлиберг по ту сторону. Ехали извозчики с тёмными верхами, равномерно шли зонтики тёмные. Какая там революция!..

А всё-таки бы выяснить до конца.

Пошли на Хайм-плац в газетный киоск, может быть что-нибудь попадётся. Газет Ленин никогда не покупал, но для такого случая можно было, из партийной кассы.

Однако, простодушный киоскер признался, что ни в одной ничего такого нет – и ни одной не купили.

Оборвать этот вздор, идти в читальню и работать. А Вронский расслабился, потерялся и готов был, кажется, теперь не отставать, таскаться по улицам или ждать под дождём у витрины следующих телеграмм

– размывчивость людей без направления. Отчитал его

– и расстался. И опять, опять, тысячу раз пройденными переулками, не замечая ни домов, ни витрин, ни людей – пошёл к кантональной читальне.

Но перед самыми стрельчатыми окнами – замялся.

Что-то не пускало. Как будто должен был в двери застрять. Как будто разбухло что-то внутри за эти полчаса – и не пускало.

Между тем дождь прекратился.

Постоял, сердясь. Конечно, мог себя заставить, и мог бы до вечера высидеть, а... Прямая ясная работа звала – для шведов, а... Отвлекало вот, некстати. И выписки – „марксизм о государстве"... А не шлось.

Напротив, вывернулась чужая, несвойственная, даже преступная мысль: пойти в русскую читальню. Гнездо эсеров, анархистов, меньшевиков и всякого просто русского сброда. Как гнездо змей, старался его миновать всегда, не ходить по Кульманштрассе, не дышать этим воздухом, никого не встречать, не видеть. А сейчас подумал: ведь там, наверно, собрались, собираются... Знают, не знают, а – говорят, поговорят. Что-то можно услышать. Своего не сказать, а – что– то выведать.

И – нарушая все свои правила, но потягиваемый в это отвратительное место – пошёл.

Кульманштрассе была совсем не рядом, надо было заметно взять вверх по горе. Пошёл.

Действительно, в небольшую натопленную комнату набилось уже человек двадцать с холодной сырости и в сырых одеждах, кто сидел, кто и не думал присесть – но никто не молчал, все сразу говорили, гудели, галдели, и общий рокот как волнами бил по комнате. Ну, еще бы! – российская любовь излить душу.

Только в одном ошибся: думал – на него вскинутся, удивятся, встретят враждебно, – нет. Кто заметил его приход, кто не заметил, но все восприняли так естественно, будто он был здесь привычный гость.

Ленин ответил кому-то (так, что и не ответил). Прямо ни у кого ничего не спросил. Сел на край скамьи в углу комнаты, снял котелок. И сидел слушал, как он один умел: то подозреваемое выбирая, чего другие и не слышали.

Оказывается, никто не знал больше всё тех же телеграмм, только вот: „после трёх дней борьбы" победила, после трёх дней, – кто-то принёс. В этом был какой-то признак достоверности, да – и

ахали, и уж совсем не сомневались. Не счёл Ленин нужным вслух возразить: что ж тогда эти три дня ничего не сообщали? В общем, никто не знал больше телеграмм, но множеством слов заливали всё возможное пространство вокруг этих сведений.

Один (никогда его не видел) с оттянутым сбитым галстуком, подбегал к тому, к другому, хлопал руками как петух крыльями, и не договорив и не разборчиво

– дальше. А одна, высокая, только знала-нюхала букетик снежных колокольчиков: кто что ей ни скажет

– а она только качалась изумлённо и нюхала.

Презрение ощущал Ленин к этим разглагольствованиям будто бы революционеров, как они звонко рассуждали о свободе и революции, нисколько не охватывая всех шахматных возможностей, при каких эти события умеют идти и какие враги и как ловко умеют их перехватывать на ходу и даже при начале. Рассуждали как о всеобщем празднике, будто уже всё произошло и случилось (а что случилось? а что надо, чтобы случилось? – кто из них понимал?). Но что делает царь? и какая контрреволюционная армия идёт на Петербург? и как уже наверно трусит Дума и спешит сговориться с реакцией? и как еще слабы и неорганизованы пролетарские силы? – об этом не думали, этих ответов и не искали. А вдруг все как будто помирясь и забывши межпартийные разногласия, эти оживлённые дамы с лентами вокруг шляпок, несли друг другу какую-то радостную околесицу, и вот, за час-за два уже перестав ощущать себя вынужденными жителями Швейцарии, но – „едино русскими“, строили едино российские и беспочвенно российские догадки, как теперь всем вместе добираться скорей в Россию.

Н-ну!..

С этими амикошонскими ухватками и маниловскими проектами совались и к Ленину, подсаживались, одни – зная, кто он, другие – не зная, тут была и не политическая публика. Смотрел он сощурясь на этих рукомахалычиков, пьяных без вина, на этих дам щебечущих, – никому не ответил резко, но и ничего не ответил.

Они вот что придумывали: всем эмигрантам теперь объединиться без различия партий (мелко-буржуазные головы, набитые трухой!) и создать общешвейцарский русский эмигрантский комитет для возвращения на родину. И... и... и как-то возвращаться, но как – никто не знал, а предлагали всякое. И даже сегодня на вечер уже созывали подготовительную комиссию!

Возвращаться, когда неизвестно, что там делается. Может быть, уже у всех стен расстреливают революционеров.

Снаружи добавлялось еще людей, но – не идей. И все друг у друга опять проверяли новости – и опять же никто не знал больше ни слова. И от пустопорожней их болтовни Ленин вышел так же малозаметно, как и вошёл.

На улице не только не было дождя, но посветлело, облака сильно поредели. Подсыхало, а холодно – так же.

Пошли было ноги вниз, в сторону библиотеки и домой.

Правильно было – пойти бы домой.

Вообще теперь неизвестно, куда было идти.

Остановился.

Лишь два часа назад, к обеду, так было всё ясно: раскалывать шведскую партию и что для этого надо читать, писать и делать. Но вот пришло со стороны недостоверное, невероятное и ненужное событие и как будто даже не задело, не столкнуло – а вот уже сталкивало. Уже отвлекало силы и ломало распорядок.

И вернуться в библиотеку – оказалось нельзя.

И домой не хотелось. Как-то стало с Надей за последний год скучно всё обговаривать: растяжно и важно она произносит в ответ уж такое ясное, что и произносить не надо. Никаким откликом свежим, оригинальным, не мог он себя на ней поправить.

А потягивали ноги на то, чтобы походить.

Но – и не по улицам, надоели, видеть невозможно. А не подняться ли на Цюрихберг, уж вот рядом?

Чуть ветер поддувал – холодный, но не сильный. Дождя не только не будет, но еще светлело, вот-вот и разорвёт.

В пальто, почти просохшем в читальне, Ленин пошёл теперь круто вверх. В горах и ноги разряжаются и мысли устанавливаются, что-то можно понять.

Чем круче, короче переулочек – тем быстрее туда, наверх. Ноги были сильны, как молодые. Спешили мальчишки туда же, с заспинными ранцами, с послеобеденных занятий – Ильич от них не отставал. И задышки не было, и сердце выстукивало здорово.

Всё бы так. Но – голова... Но голову носил Ленин как драгоценное и болезненное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных аргументов – аппарат этот низкой мстительностью природы был болезненно ц как-то, как будто, разветвлённо поражён, всё в новых местах отзывается. Вероятно, как прорастает плесень в массивном куске живого – хлеба, мяса, гриба, – налётом зеленоватой плёнки и ниточками, уходящими в глубину: как будто и всё еще цело и всё уже затронуто, невыскребаемо, и когда болит голова, то не всю ощущаешь её болезненную, но такими отдельными поверхностями и ниточками. Можно думать так: болит, как у всех, выпить порошок, боль пройдёт. Но если подумаешь иногда иначе – что болит особенным образом, невозвратно, что порошок – только обман на несколько часов, а там прорастает глубже ниточками, то стискивает ужас как в новотаргской тюремной камере: вырваться невозможно! От этой головы отделаться – некуда. Всё в мире ждёт твоих оценок и решений! всё в мире можно направить твоею волей! – а сам ты уже стиснут, и вырваться – невозможно!

Здоровое сердце, лёгкие, печень, желудок, руки, ноги, зубы, глаза, уши – перечисляй и гордись. Но перед природой, как перед неумолимым зорким экзаменатором ты что-то пропустил в перечислении, да всего не перечислить – а болезнь уже заметила пропуск и тайными лазейками разрушения поползла, поползла. А достаточно всего одной червоточкины, чтобы развалить всю статую здоровья.

И этим ослаблялось сожаление об их размолвках, недоумениях – всё почему-то непоправимей, когда усиливаешься сблизить. За год – можно и отвыкнуть. Она – нужна была ему. Нужна. Но – так ли нужен ей он?

Из такой близости не приехать за год!?

Да, конечно, с кем-то...

Но полумёртвым примирением окутывало.

От кантонального госпиталя он поднимался нагорной частью, витыми подъёмами, где швейцарские бюргеры побогаче, карабкаясь над городом, ближе к лесу и небу, с обзором на озёрные дали, выстраивали себе особняки, маленькие дворцы буржуа. Каждый придумывал, как украсить – кто фигурной кладкой, кто изразцовыми плитами, кто шпилем, кто воротами, верандой, каретной, фонтаном, или назвать „Горной розой“, „Гордевией“, „Нисеттой“. И подымались дымки из труб – конечно, каминные топили для уюта.

Это устройство своей красоты и удобств, отгороженное заборами, решётками, нотариальными актами и удобными швейцарскими законами, повыше, отделяясь от массы, – отдавалось в груди взбурливающим раздражением. О, как бы славно привалить сюда снизу толпой, да погромить эти калитки, окна, двери, цветники – камнями, палками, каблуками, прикладами винтовок, – что может быть лучше, веселей? Неужели настолько погрязла, опустилась масса обездоленных, что уже никогда не поднимется на бунт? не вспомнит пылающих слов Марата: человек имеет право вырвать у другого не только излишек, но необходимое. Чтоб не погибать самому, он имеет право резать другого и пожрать его трепещущее тело!

Вот это славное якобинское мироощущение никак не проснётся в пролетариате лакейской республики, потому что падают куски со стола господ, пѣх– кармливают. И паутиной опутывают его гриммовские оппортунисты.

А – в Швеции?

А – что теперь в России?..

В России многое могло бы быть, да некому направить. Уж наверно сегодня там и проиграно всё и топят в крови – но из телеграмм узнается только послезавтра.

Не потому, что на гору выше, а потому что про– яснилось – становилось всё светлей. Под ногами уже сухи были чистые, никогда не в пыли, не в грязи гладкие вбитые камешки тротуаров и мостовых. От колеса проехавшего экипажа если и брызнет из лужи, то – чистой водой. На улицах горного склона – много деревьев, а выше – гуще, а выше – лес.

Тут уже и просто гуляли, не по делу шли. Одна, другая прошла буржуазная чинная медленная пара, с собранными зонтиками и с собаками на ремешках. Потом – две старых дамы, по-швейцарски самодовольно-громко разговаривая. Еще кто-то. Наслаждались своими кварталами. Тут – разрежение было от прохожих и разрежение ото всей жизни.

Уже под самым лесом одна улица шла ровно по горе, не спускаясь, не подымаясь. Она выходила на смотровую площадку, огороженную решёткой, и отсюда положено было, впрочем через ветки деревьев изнизу, любоваться дальним видом озёрной губы и всем городом в сизой дымке низины – шпилями, трубами, синими двойными трамваями, когда они переходили мосты. И сюда

же всплывал от однообразно серых церквей опять этот механический металлический холодный звон.

И – бульварчик тут был, под большими деревьями, гравийный, со скамейками, а всего-то в десять шагов, всего и ведший к одной единственной могиле, для неё и устроенный. Когда бывали с Надей на большом овальном Цюрихберге, то поднимались с других улиц и в другие места, а сюда не забраживали. Подошёл теперь к этой могиле на высоком обзорном месте.

Высотой от земли по грудь стояло надгробье из неровного, корявого серого камня, а на вделанной в камень металлической гладкой плите было выбито: „Георг Бюхнер. Умер в Цюрихе с неоконченной поэмой Смерть Дантона ...”

Даже не сразу понялось: откуда-то известное имя это, Георг Бюхнер?.. Но все известные ему были – социал-демократы, политические деятели. А – поэт?..

Кольнуло: да – сосед. Жил – Шпигельгассе 12, рядом, стена к стене, три шага от двери до двери. Эмигрант. Жил – по соседству. И умер. С неоконченной „Смертью Дантона”.

Чертовщина какая-то. Дантон – оппортунист, Дантон – не Марат, Дантона не жалко, но не в нём и дело, а вот – сосед лежит. Тоже, наверно, рвался вернуться из этой проклятой сжатой узкой страны. А умер – в Цюрихе. В кантон-шпитале, а может быть – и на Шпигельгассе. Не написано, отчего ухмер, может быть вот. так же болела голова, болела...

Что, правда, делать с головой? Со сном? с нервами?

И что вообще будет дальше? Не может одного человека хватить на борьбу против всех, на исправление, на направление – всех.

Неприятная какая-то встреча.

Весь Цюрих, наверно четверть миллиона людей, здешних и изо всей Европы, там внизу густились, работали, заключали сделки, меняли валюту, продавали, покупали, ели в ресторанах, заседали на собраниях, шли и ехали по улицам – и всё в разные стороны, у всех несобранные, ненаправленные мысли. А он – тут стоял на горе и знал, как умел бы он их всех направить, объединить их волю.

Но власти такой не было у него. Он мог тут стоять над Цюрихом или лежать тут в могиле – изменить Цюриха он не мог. Второй год он тут жил, и все усилия зря, ничего не сделано.

Три недели назад ликовал этот город на своём дурацком карнавале: пёрли оркестры в шутовских одеждах, отряды усердных барабанщиков, пронзительных трубачей, то фигуры на ходулях, то с паклевыми волосами в метр, горбоносые ведьмы и бедуины на верблюдах, катили на колёсах карусели, магазины, мёртвых великанов, пушки, те стреляли гарью, трубы выплёвывали конфетти – сколько засидевшихся бездельников к тому готовились, шили костюмы, репетировали, сколько сытых сил не пожалели, освобождённых от войны! – половину бы тех сил да двинуть на всеобщую забастовку!

А через месяц, уже после Пасхи, будет праздник прощания с зимой, тут праздников не пересчитать, – еще одно шествие, уже без масок и грима, парад ремесленного Цюриха, как и в прошлом был году: преувеличенные мешки с преувеличенным зерном, преувеличенные верстаки, переплётные станки, точильные круги, утюги, на тележке кузня под черепичной крышей

и на ходу раздувают горн и куют; молотки, топоры, вилы, цепа (неприятное воспоминание, как когда– то в Алакаевке заставляла мама стать сельским хозяином, отвращение от этих вил и цепов); вёсла через плечо, рыбы на палках, сапоги на знамёнах, дети с не– чёными хлебами и кренделями, – да можно б и похвастаться этим всем трудом, если б это не выродилось в буржуазность и не заявляло б так настойчиво о своём консерватизме, если б это не было цепляние за прошлое, которое надо начисто разрушать. Если б за ремесленниками в кожаных фартуках не ехали бы всадники в красных, белых, голубых и серебряных камзолах, в лиловых фраках и всех цветов треуголках, не шагали бы какие-то колонны стариков – в старинных сюртуках и с красными зонтиками, учёные судьи с перувеличенными золотыми медалями, наконец и маркизы-графини в бархатных платьях да белых париках, – не хватило на них гильотины Великой Французской! И опять сотни трубачей и десятки оркестров, и духовые верхом, всадники в шлемах и кольчугах, алебардисты и пехота наполеоновского времени, их последней войны, – до чего ж резвы они играть в войну, когда не надо шагать на убойную, а предатели социал– патриоты не зовут их обернуться и начать гражданскую!

Да и что за рабочий класс у них? Бернская квартирная хозяйка, гладильщица, пролетарка, узнала, что они мать в крематории сожгли, не хоронили, не христиане – выгнала с квартиры. Другая только за то, что они днём электричество зажгли, Шкловским показать, как ярко горит, – тоже выгнала.

Нет, их не поднять.

Что ж может сделать пяток иностранцев с самыми верными мыслями?..

Обернулся с бульвара и пошёл круто вверх, в лес.

Облака редели даже до нежных светложёлтых, можно было угадать, где сейчас вечернее солнце.

Вот и в лесу. Неразделанный, а где и с аллеями. Вперемежку с елями – какие-то сизо-беловатые стволы, не берёз и не осин. Мокрая земля густо застелена старой листвой. Тут и грязно и поскользнёшься, но в альпийских ботинках, нелепых на городском тротуаре, здесь как раз хорошо.

Круто поднимался, с напряжением ног. Был один. В сырости и по грязи аккуратные пары не гуляли.

Останавливался отдышаться.

На голых деревьях черно мокрели еще пустые скворечники.

Нет подъёма трудней, чем от нелегальности к легальности. Ведь не случайное слово подполье : себя не показывая, всё анонимно, и вдруг выйти на возвышение и сказать: да, это я! берите оружие, я вас поведу! Почему так и трудно дался Пятый год, а Троцкий с Парвусом захватили всю российскую революцию. Как это важно – придти на революцию вовремя! Опоздаешь на неделю – и потеряешь всё.

Что сейчас Парвус будет делать? Ах, надо было подружественней ответить ему.

Так – ехать? Если всё подтвердится – ехать?

Вот так сразу? Всё – бросить. И – по воздуху перелететь?

За первым хребтом горы местность уваливалась в сырой тёмный ельник, и там на дороге совсем было грязно, размешано. А можно было без тропинки идти по самому хребту – он сух, в траве и под редкими соснами.

Вот, еще на пригорок.

Отсюда опять открывался вид, еще обзорнее. Большим куском было видно безмятежное оловянное озеро, и весь Цюрих под котловиной воздуха, никогда не разорванного артиллерийскими разрывами, не прорезанного криками революционной толпы. А солнце – вот уже и заходило, но не внизу, а почти на уровне глаз – за пологую линию Ютлиберг.

Как будто после лечебного забытая вынырнуло опять, что загнало его в неурочное время, в рабочий день, в эту сырость на гору: неудобство, волнение, испытанное в русской читальне, этот единый бараний рёв о том, что началась революция.

До чего ж легковёрны эти все профессиональные революционеры, какую баснею их ни помани.

Теперь-то и нужно проявить величайшее недоверие и осторожность.

Так и пошёл бездорожным сухим хребтом, по бурой траве, по сухим веткам. Тут, на горе, часто лазают белки, а иногда и молоденькие косули, величиной с собаку, вдали перемелькивают, дорогу перебегают.

На высоте и в тишине, в чистом воздухе – откладывало от головы, снимало давящий обруч. Все раздражения, все раздражающие люди – отпадали, забывались, внизу остались.

Тяжёлая была последняя зима, сильно измотала. С таким напряжением жить нельзя, побережь бы себя.

А – для чего беречь? Если ничего не делать – к чему и беречься?

Но – и так долго не проживёшь. Неважно с головой. Плохо.

Хребтик, по которому он шёл, обрывался к поперечной гравийной дороге. А, знакомое место, обелиск. Тропинка спускала туда. Это был памятник о двух сражениях 1799 года за Цюрих между революционными французами и австро-русской реакцией.

Против обелиска Ленин присел на сырую скамью, устал. х

Да, правда, стреляли и здесь. Страшно подумать: и здесь были русские войска! и сюда дотянулась царская лапа!

Ровный цокот копыт по твёрдому донёлся сверху, из-за горба дороги. И тут же из тёмного леса, в послезакатной уже неполноте света, показалась женская шляпа, притянута лентой – затем сама женщина в красном – и светло рыжая лошадь. Лошадь шла шагом, женщина сидела струнно – и что-то в её манере держаться и голову держать... – Инесса?!

Вздрогнул, увидел, поверил! – хотя никак было невозможно.

Ближе – нет, конечно, а – чем-то похожа. Как себя сознаёт и держит – сокровищем.

Из тёмной чащи выехала – красная, и ехала в сыром, чистом, беззвучном вечере.

Да тут главной красавицей сознавала себя лошадь – из светло рыжей даже жёлтая, лощёная, уборно зауздана, переборчиво ставила стаканчики копыт.

А всадница сидела невозмутимо или печально, смотрела только перед собой под уклон дороги, не покосилась ни на обелиск, ни на дурно одетого, внизу к скамейке придавленного, в чёрном котелке гриба.

И он просидел, не шевельнувшись, разглядывал её лицо, чёрное крыло волос из-под шляпы.

Если вдруг освободить мысли от всех необходимых и правильных задач – ведь красиво! Красивая женщина!

Покачивалась плечами или в талии не сама она, а лишь сколько качала её лошадь и стремянем приподнимала носки сапожков.

Она проехала вниз, там дорога завернула – и только еще копытный перебор доносился немного.

Проехала, что-то еще отобрала – и увезла.

Во многих прежних революциях и революционных попытках многое изучил Ленин (для революции только и родился и жил он, что ж другое знать ему лучше?) и имел своих излюбленных лиц, моменты, приёмы и мысли. А видел своими глазами единственную одну – не с начала, не всю, не в главных местах – и в ней-то не принял никакого участия, поневоле только наблюдал, делал выводы и послевыводы.

А была другая – в другой стране и еще при его младенчестве, с которой он ощущал сердечную роковую связь, как бьётся сердце при имени возлюбленной, род неопоримого пристрастия, боли и любви: её ошибки – больше всех других, её семьдесят один день как высокие решающие дни собственной жизни – перещупаны по одному, её имя всегда на устах: Парижская Коммуна!

На Западе если ждали его объяснений, если признавали его мнение важным, то – по русской революции 05 года, и он регулярно докладывал о ней, чаще всего – 9 января, в дату, самую приметную для западного понимания (так и в этом году, в цюрихском Народном доме, предупреждая слушателей: „Европа чревата революцией!“), главным образом швейцарскую имея в виду). Но о той, из-под рук уведённой у него, революции говорить было скучно (а что ревниво вывел в оспаривании Парвуса и Троцкого, то лучше было пока вслух не говорить). О Парижской же Коммуне никто его не спрашивал, многие могли рассказать

достовернее, но его самого тянуло к ней прильнуть – истерзанное место к истерзанному, рана к ране, как будто друг от друга они могли зажить. И когда всем – участникам и неучастникам, пришлось по одному, укрытно, тайно бежать из проигранной России, – женевской гнилой зимой 908 года, павший духом, рассоренный со всеми единомышленниками, раздражённый выше всякой нервной возможности, он одиноко прильнул писать об уроках Парижской Коммуны.

Так и в нынешнюю нервную зиму, затасканный по кружковым шушуканьям Кегель-клуба, ощущая в себе физическую робость выйти перед большим наполненным залом, перед множеством людей, – вдруг получив устроенное Абрамовичем приглашение в Шо-де-Фон прочесть реферат о Парижской Коммуне в годовщину её восстания, 5 марта (вокруг Шо-де-Фона еще с гугенотских времён жило много бежавших французов, и коммунары бежали к ним туда же, и были их всех потомки теперь), – Ленин согласился с высшей охотой.

А тут налегла эта весть о русской революции и с каждым днём всё больше раскручивалась.

Трёх суток не прошло от первого непроверенного известия из России (трёх суток – сплошных, потому что не было сна все три ночи, но ушла головная боль, вот удивительно! ушло всякое болезненное состояние, так резко прибавилось сил!), а сколько же за эти 70 часов пробежало, прогорело, прогудело через грудь и голову, как через дымоход большой печи! Так мало зная, выкраивал из обрезков, составлял картину за картиной – как там? и на каждый вариант давал решения. Его решения, при его теперь опыте, все были безупречно верны, но всякий раз обманчива картина, и последующие телеграммы опровергали и изменяли предыдущие. А своей надёжной информации из России – не было, не бывало и не могло быть никакой.

С годами узнаёшь самого себя. Даже без интеллигентского самокопания нельзя не заметить некоторых своих свойств. Например, инерцию. В 47 лет не легко даются кидания. Даже увидев, угадав правильные политические шаги – не сразу разгонишься. А когда разгонишься – остановиться так же трудно.

Громовая новость из России не сбила вмиг с прежнего движения, не забрала в одну минуту – но забирала, забирала всё сильнее. И уже первая ночь прошла в муках своей ошибки: почему, почему не переехал в Швецию полтора года назад, как звал Шляпников, как предлагал и Парвус? зачем остался в этой безнадёжно-тупоумной буржуазной Швейцарии? Так казалось ясно все годы войны: ни за что из Швейцарии, пересидеть здесь до конца. А сейчас так стало ясно: ах, надо было уехать вовремя! Для раскола ли шведской партии, для близости ли к русским событиям – но в Стокгольме! Туда можно и вызвать кого–нибудь из России, из наших, например думских депутатов, если вернутся из Сибири.

И раньше это можно было сделать совсем незаметно – через Германию, конечно, единственным разумным путём. А сейчас, когда все зашевелились, забурлили, обсуждают – незаметно вышмыгнуть уже нельзя, ах, чёрт!

Однако, и бездействовать нельзя ни минуты: что там удастся, не удастся, а действовать надо начинать! И утром 3-го, едва проснувшись, захопота отсылать испытанным путём фотографию для проездного паспорта – Ганецкому. (Бедняга Куба тоже натерпелся: в январе был арестован за нелегальную торговлю, выслан из Дании.) И следом же дал телеграмму, объясняя открыто (как будто б сами не догадались, зря, сорвался, от нетерпения): фотографию дяди (значит Ленина) немедленно переслать в Берлин Скларцу, Тиргартенштрассе 9.

Надо было мириться со всей компанией немедленно, больше никто не мог помочь и вывезти его.

Утро 3-го принесло и новые телеграммы: будто бы царь отрёкся!!! (Да возможно ли так стремительно? совсем без боя?? да что ж могло его заставить???) Э-э, тут какая-то западня. А кто – вместо него? Нет Николая, так будет другой, поумней.) И будто создано Временное правительство (а надёжно ли арестованы царские министры?) с Гучковым, Милюковым и даже Керенским (луиблановщина презренная, до чего ж эти лже-социалисты любят всунуть задницу в буржуазное кресло).

И – что за восторг у эмигрантских болтунов? – уж тут ни один рот не закроется до вечера и до утра, розовое бляенье. А вдуматься: полную неделю заливали Петербург рабочей кровью и – как во всей европейской истории, 1830-й, 1848-й, вечная доверчивость масс! – отдали чистенькую власть этой буржуазной сволочи, этим Шингарёвым-Милюковым. Какой старый шаблон!

В эмигрантской библиотеке пусть вываливают языки, но истинный революционер – насторожись! напрягись! следи! Там сейчас такого напутают, всё отдадут в поповском умилении, ведь настоящих тактических голов нет ни у кого. Жгло, что сам – не там, невозможно вмешаться, невозможно направить.

Всю зиму не вспоминал Коллонтайшу, но вот за несколько дней стала она – из главных корреспондентов, переместились события к ней туда. И едва отослав фотографию Ганецкому, сел за письмо Александре Михайловне: разъяснить, как мы будем теперь. Наши лозунги – всё те же, конечно: превращать империалистическую в гражданскую! А что кадеты у власти, схватились дурьи головы – так это даже-даже-даже хорошо! Пусть, пусть милейшая компания обеспечит народу обещанную свободу, хлеб и мир! А мы – посмотрим. А мы – вооружённое ожидание! Вооружённая подготовка к более высокому этапу революции. И социалистам-центристам, Чхеидзе – никакого доверия! никакого слияния с ними!

мы – отдельно ото всех! мы – только о т д е л ь – н о ! Мы – не дадим себя запутать в объединительные попытки. И вообще: будет величайшим несчастьем, если кадетское правительство разрешит легальную рабочую партию – это очень ослабит нас. Надо надеяться, что мы останемся нелегальными! А если уж навяжут нам легальность, то мы обязательно сохраним подпольную часть: в подпольи – наша сила, подполье совсем покинуть нам нельзя! Мы должны будем вырвать у кадетских жуликов всю власть. И только тогда будет „великая славная“ революция!.. Я – вне, вне себя, что не могу тотчас же ехать в Скандинавию!

А 4-го с утра все сведения опять обернулись: кадетское правительство совсем еще не победило, царь – нисколько не отрёкся, но – бежал, но – неизвестно где находится, а по шаблону всех европейских революций совершенно понятно: собирает контрреволюционную тучу, он собирает свой Кобленц. А даже если это ему не удастся, он может выкинуть вот что, да, вот что: он, например, убежит за границу и издаст манифест о сепаратном мире с Германией! Да, очень просто! И они же очень коварные, Романовы. (И на его месте так и надо делать, блестящий шаг: мужицкий царь-миротворец!) И сразу – народное сочувствие к нему в России, кадетское правительство шатается и бежит, а Германия – Германия перестаёт быть союзником нашей революционной партии, мы им уже больше не нужны... (О-о-о, ехать в Россию еще надо сильно подождать, еще там делать нечего. И зачем послал Га-нецкому телеграмму? – глупость какая, дал след.)

Александра Михална, боимся, что выехать из этой проклятой Швейцарии нам не так скоро удастся, это очень сложное дело. Мы лучше всего поможем, если будем вам из Швейцарии посылать советы.

Итак, товарищам, уезжающим из Стокгольма в Россию, надо дать чёткую тактическую программу. Это можно представить тезисами... Рука уже пишет тезисы... Главное для пролетариата – вооружить– с я , это поможет при всех обстоятельствах: сперва раздавить монархию, а потом – кадетских империалистических грабителей... А, Григорий! Помогай, садись... Значит, новое правительство не сможет дать народу хлеба, а без хлеба их свобода никому не нужна. А хлеб можно только силой отнять у помещиков и капиталистов. А это может сделать только рабочее правительство (только м ы)... Да! дописать Коллонтайше: познакомьте с этими тезисами Пятакова и Евгению Бош. (Пришла пора – нельзя пренебрегать и поросятами. Сейчас никем нельзя пренебрегать. Сейчас вот кто бы пригодился – Малиновский! ах! Замарали человека, не реабилитируешь. А он в лагерях военнопленных очень положительную работу ведёт. В январе еще раз заявили, в его защиту. Надо – спасти, надо

– вернуть.) ...Дальше... Вот важная мысль: надо не упустить пробуждать отсталую прислугу против нанимателей – это очень поможет установить власть Советов. Что значит подлинная свобода сегодня? Это, во-первых, перевыборы офицеров солдатами. И вообще

– всеобщие собрания и выборы, выборы во все места. И отменить всякий надзор чиновников над жизнью, над школой, над... А нынешняя свобода в России – крайне относительная. Но надо уметь её использовать для перехода на высший этап революции. И ни Керенский, ни Гвоздév не могут дать выхода рабочему классу... Ладно, почта скоро закрывается, надо нести отправлять.

Но смотри, Григорий, объявили амнистию. Амнистия – всем, значит и свобода всем левым партиям? Неужели решились? Плохо. Это плохо. Теперь легальный Чхеидзе со своими меньшевиками развернётся – и займёт все позиции, все позиции раньше нас. И опять нас обгонят?..

Нет, нет! Нельзя сидеть сложа руки, надо что-то готовить. И быстро! Поедем-не поедем, революция еще и назад может покатить, сколько раз так бывало, ничему доверять нельзя, – а мы должны на всякий случай готовить путь. И знаешь что... Вот что... Сегодня

– суббота? Плохо. А всё равно: кати-ка ты в Берн назад, да, поезжай немедленно назад, а больше некому: постарайся застать дома Вейсса, сегодня поздно вечером бы самое лучшее, а то он на воскресенье куда-нибудь уедет. И пусть – прямо идёт в немецкое посольство. В понедельник! Надо же это кольцо заклётое прорывать. Почему Ромберг сам молчит, никого не посылает? Удивляться надо. Они должны быть заинтересованы больше нас: мы можем хоть обдумывать путь через Англию, а у них же никакого другого выхода нет. И научи Вейсса так: ни в коем случае конкретно обо мне и тебе, что вот именно нам двоим нужно ехать, но что многие бы хотели, между ними и мы. Так позондируем – какие возможности?.. Что надо просить? Допустим, чтобы Германия сделала публичное заявление, что она готова пропустить в Россию всех, кто... кого влечёт туда свободолюбие. Вот так. Для нас такое заявление было бы вполне приемлемой основой.

А вот еще! Все эти дипломаты – они же дубины, они в революционном движении ничего, никого не различают. Пусть Вейсс придаст нам весу. Пусть скажет загадочно, так: революционное движение в России полностью руководится из Швейцарии. Каждая важная акция должна быть прежде всего решена в Швейцарии. Буквально: в России не делают ни одного важного шага, не получив указаний от нас. И поэтому в нынешней обстановке... Понял? Ну, поезжай. Мне завтра тоже на поезд рано утром, в Шо-де-Фон, на реферат.

Такое настроение было к Коммуне три дня назад

– а вот, растеребилось.

Утром, по спешке и рассеянности, надел он шапку совсем затрёпанную, не ту – и в Шо-де-Фоне председатель профсоюза принял его за бродягу, не хотел верить, что это и есть ожидаемый лектор.

В воскресенье днём в клубе часовщиков читая по-немецки, – не по писаному, по коротким тезисам развивая свободно – реферат „Пойдёт ли русская революция по пути Парижской Коммуны?“ перед двумястами собравшихся, он плохо ощущал своих слушателей, что им интересно и чего они ждут, он как будто потерял чувствительность – не видел зала, не ощущал бумаги в руке и обронил чувство времени. Да больше: он потерял нежность к своей

исконно-любимой Коммуне и, затягиваемый, незаметно сам всё более затягиваемый, уже сливал два опыта двух революций, не столько в формулировках, сколько в забегающих мыслях и чувствах, два опыта – Коммуны и этот, внезапно расцветший – обманной? или единственный, всю жизнь готовленный: не повторить нам ошибок Коммуны, её двух основных ошибок: она не захватила банков в свои руки и была слишком великодушна: вместо повальных расстрелов враждебных классов – всем сохраняла жизнь и думала их перевоспитывать. Так вот, самое гибельное, что грозит пролетариату – это великодушие в революции. Надо научить его не бояться безжалостных массовых средств!

Что там вывели часовщики Шо-де-Фона, а сам он всё больше захватывался тревогой: ведь время утекает! Пока читается тут реферат, а там, в Петербурге, что-то утекает неповторимо, кто-то жалкий и недостойный всё более вцепляется во власть.

Тут на трибуну заступил французский лектор, а Абрамович собрал всех здешних русских, и, пока было время до поезда, минут 25, Ленин стал и им читать что-то вроде реферата – да всё о том же, только теперь уже без сравнений, прямо – что забирало и их и его, и прямыми же словами кончил:

– Если понадобится, то мы не испугаемся повесить на столбах восемьсот буржуев и помещиков!

Поезд покачивал, а он – всё думал и думал. В Петербурге нет настоящей силы. Сила – это царь с его аппаратом, но их вытолкнули. Сила – это армия,

но она прикована к фронту. А кадеты – никакая не сила. А Совет депутатов – много ли весит? как он там? И большая опасность, да почти наверняка, его захватывают сейчас чхеидзевые меньшевики. В Петербурге – пустота, в Совете – пустота, и засасывающе ждёт, зовёт – его силу. И если бы успеть взять Петербург – можно было бы потягаться и с армией, и с царём.

Так – ехать? Решиться – ехать???...

Побалтываемый быстрым бегом поезда, во втором классе, Ленин сидел у окошка, отражаясь в его темноте вместе со светлой внутренностью вагона, смотрел, смотрел, не замечал, как давал билет на проверку раз и другой, не слышал, как проходили, объявляли станции, – думал.

Ехать?..

То состояние, когда не видишь, не слышишь – сидят ли тут еще в вагоне другие. При окне – один, в поезде – один, и потому Инесса – не в Кларане, Инесса едет с ним рядом. Как хорошо, давно так не говорили.

Понимаешь, ехать – никак нельзя. И не ехать – никак нельзя... А вот что: а не поехать ли вперёд пока тебе? Ты и ничем не рискуешь. И тебя везде пропустят. (Это – вполне невинно, это – не противоречие: кого любишь – того и посылаешь вперёд, естественно, о ком больше всего заботишься – вместе с тем и о деле заботишься. Так – всегда, а как же иначе? И если не отказала прямо – значит, согласна.)

Скоро год, как не виделись. И уже как-то оно распадалось... Но в день знаменательный, коммуный, счастливый, болтаемый в поезде бок-о-бок с Инессой, – он тепло и радостно почувствовал прежнюю близость её и неизбежную надобность её, так почувствовал, что два слова сказать ей всамделишных – вот сейчас загорелось, до завтра нельзя отложить!

И на одной станции выскочил, купил открытку. На другой – бросил в почтовый ящик.

... Дорогой друг!.. Прочёл об амнистии... Мечтаем все о поездке...

Определённо – да: мечтаем. Вот сейчас отчётливо: мечта!

... Если поедете – заезжайте. Поговорим...

Ну, правда же, ну надо же повидаться... Миг-то какой! Приезжай!..

... Я бы дал вам поручение узнать тихонечко в Англии, мог ли бы я проехать...

Англия, конечно, не захочет пропустить: враг воины, враг Антанты. Но как бы её обмануть, Англию?

Впрочем, через Францию-Англию-Норвегию ехать

– это может уйти и месяц. А новая власть за это время отвердеет, найдёт свою колею, покатится – и уже не расшатает её, не свернёшь. Надо спешить, пока не затвердела.

Так же и война: привыкнут люди, что война и при революции продолжается, и так должно быть.

Потом: немецкие подводные лодки. Уж такого момента дождавшись – и теперь рисковать? Могут только дураки.

Ночью, уже у себя на Шпигельгассе, перерыви– сто спал. И через сон и через явь всё настойчивей начинала нажигать эта мысль: ехать? Поехать?..

А утро принесло телеграммы все едино, без противоречий: отрёкся царь! отрёкся – несомненно! И он, и Михаил, вся династия, вся шайка – отеклась!!!

Реставрации – не будет!!!

И вопрос зажёгся теперь только: как? Путём

– каким? Каким способом? Да побыстрее! Теперь и часа нельзя было промедлить – скорей туда! Не опоздать! Захватить руль! Исправить, направить, скорей!

Сегодня Вейсс у Ромберга. Хорошо. Но это еще пока... зондировка, запросы, ответы... Глухонемой швед было кинута три дня назад, тоже Ганецкому, несерьёзно. Серьёзней – фотография для паспорта (хорошо, что послал): может ли она сегодня быть уже у

Сklarца? Нет, конечно. Послезавтра. А потом – рассматриваться в министерстве, в генштабе. Они должны бы и не ждать, должны бы сами догадаться и поторопиться – послать, предложить. Молчат. Дубины. Лестница бюрократическая.

Или – дорожатся, чтобы больше взять? Тогда – ничтожные политики. Вперёд, на большом участке пути – реальный союз, сепаратный мир. А там, а там... Прусские юнкерские мозги конечно не уследят за спиралями диалектики. Разве они видят дальше сегодняшних своих окопов? Что они знают о мировой пролетарской революции? Дальше, конечно, мы их переиграем, на то мы и умней. Но пока что им бы только сепаратный, да оттянуть прибалтийские губернии, Польшу, Украину, Кавказ – так это мы и сами отдаём, давно говорим.)

И Зифельд не идёт. И Моор не отзывается.

Но – Парвус? испытанный умница Парвус! – что же он? Израил Лазаревич! Я сижу в этой Швейцарии как в заткнутой бутылке! Вы же понимаете, вы-то знаете, как надо успевать на революцию! Почему не получаю предложений ехать? Делается ли что–нибудь?..

В комнате на Шпигельгассе – как в норе, солнца

– никогда в окне не бывает.

Та-ак... Та-ак, одуматься некогда, что-то обязательно упускаешь. Что они там делают, в Петербурге

– Каменев, Шляпников? На Каменева ложится историческая ответственность. Тезисы к ним потекли, но это когда еще... А вот что: надо сжато повторить телеграммой. Телеграмму в Стокгольм, партийная касса не разорится. Надя, Моисей, кто пойдёт телеграмму сдаст: наша тактика – никакого доверия новому правительству! никакого сближения ни с какой партией! только – вооружение! вооружение!.. Платком укутайся, бронхит!..

А вообще-то на всякий случай, если немцев не дождёмся, надо готовить путь и через Англию. Пусть, например, Карпинский готовит: берёт проездные бумаги на своё имя, а фотографию приложим мою. Мою, но в парике, а то по лысине узнают. Срочно ему писать! Срочно в Женеву! Кто отнесёт на почту? Ладно, сбегаю сам.

Сильный холодающий ветер дул по узким переулкам, и когда порыв усилился да навстречу – прямо останавливал. А хорошо идти – поперёк, против! Так привык всю жизнь, так шёл всегда – и не раскаиваюсь. И другой жизни не хотел бы!

Тот же ветер взнёс по переулку наверх, домой – и как раз вовремя: зовут к телефону на другой этаж. Кто б это мог? Почти никто того телефона не знает, для исключительнейших случаев.

По тёмной лестнице.

Инесса!! Прямо из Кларана! Голосок – как переливы рояля под её пальцами...

– Инесса, как давно я тебя не слышал!.. Любимая!.. А я вчера с дороги послал тебе откры... Надо немедленно ехать, нам надо всем ехать! Я готовлю тут разные варианты, какой-то сработает обязательно! Но вообще надо разведать и английский путь. И, может, удобнее всего было бы тебе... Что?.. Неудобно?.. Ну, я не настаиваю никогда, ты знаешь... Не уверена, что вообще поедешь? Вообще??.. Колеблешься?.. (Какой– то сбой, мысли не сходятся. Когда долго не видишься – и всегда сбой, настроения не прилегают, а тут еще и по телефону.) ... Почему же нет? Да как же можно вытерпеть! ...А я был – совершенно уверен! Мне в голову не... Да, нервы, конечно,.. Да, нервы... (По телефону о нервах не разговоришься, франк минута.) Ну, ладно... Ну попорбую как-нибудь, да...

Ах, лучше б и не звонила, только настроение опустилось... Оборвала и настроение и план...

Как же испортились отношения, не узнать. И – отчего? Уж портиться бы – отчего? Уж как он ей выстилает, как уступает – кому, когда?..

Удивлялся, что втроём – и держится. Вот и не удержалось...

Занозилось, заныло от этого разговора, ничем заняться себя не заставишь. Сел к окну, где посветлей, на коленях писать программу действий для петербургских, они ведь сами никогда

ничего ... За окном ветер просто ревел и в щели дуло, каких раньше не замечал. Март, а печку бы истопить? Скажут хозяева – уголь перетрачиваем. Пальто накинул.

Начать надо с анализа обстановки. Точной обстановки он не знал и не мог восстановить по скудным газетным обрывкам, но хорошо понимал по общей теории, и ничего другого в Петербурге происходить не могло... Произошло в России чудо? Но чудес не бывает ни в природе, ни в истории, только обывательскому разуму кажется... Разврат царской шайки, всё зверство семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих... Восьмидневная революция... Но имела репетицию в 1905 году... Опрокинулась телега романовской монархии, залитая кровью и грязью... По сути это и есть начало всеобщей великой гражданской войны, к которой мы призывали...

Недоговорённое с Инессой – мешало работать. От звонка поднялось – и не улеглось. Как-то взаимонепонятно, ершисто... Колет...

Естественно, что революция разразилась раньше всего в России. Этого и надо было ожидать. Этого мы и ждали. Наш пролетариат – самый революционный... Кроме того весь ход событий ясно показывает, что английское и французское посольства с их агентами непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами...

Что ж, мы уедем – а она останется? Совсем – останется? Ведь события могут так раскидать, разделить...

В новом правительстве Милюков – только для сладеньких профессорских речей, а решают пособники Столыпина-вешателя... Совету рабочих депутатов надо искать союза – не столько с крестьянами, но в первую голову – с сельскохозяйственными рабочими и с беднейшими крестьянами – отдельно от зажиточных. Важно уже сейчас раскалывать крестьянство и противопоставить беднейших – зажиточным. В этом гвоздь

Ну, просто ураган! И как будто снег срывает. Уже и от окна света нет, опять лампу...

- Нет, не успокоиться, пока снова не написать Инессе. Вот прямо сейчас и написать.

... Не могу скрыть от вас, что я разочарован сильно. Теперь надо – скакать, а люди чего-то „ждут“... Через Англию под своим именем – меня просто арестуют... А я был уверен – вы поскачете!.. Ну, может быть здоровье не позволяет?.. Так пусть хоть Крыленко попробует – узнаем, как дают? какой порядок?

И вот уже нытьё облегчилось, отлегло, а зацепилась и потянула новая идея, использовать это письмо:

... Да тут только задуматься: около вас там живёт столько социал-патриотов и разных беспартийных русских патриотов, и богатых! – почему же им не придёт в голову простая мысль ехать через Германию? – вот им бы и попросить вагон до Копенгагена. Я не могу этого сделать, я – „пораженец“. А они – могут. О, если б я мог научить эту сволочь, этих дурней быть поумнее!.. Вы – не подскажите им?.. Думаете, немцы вагона не дадут? Держу пари, что дадут! Я – уверен просто! Конечно, если дело будет исходить от меня или от вас – всё сразу испорчено... А – в Женеве нет дураков для этой цели?..

Вот к этому и свелась теперь вся проблема: не Францию-Англию разведывать, нет, ехать только через Германию, конечно! Но: как, чтоб не от себя, чтоб это возникло от кого-нибудь от другого?..

Если кто сомневается, можно хорошо убедить так: ваши опасения – курам на смех! Да неужели же русские рабочие поверят, что старые испытанные революционеры действуют в угоду германскому империи

лизму? Скажут – мы „продались немцам“? Так ведь про нас, интернационалистов, и без того уже давно говорят, раз мы не поддерживаем войну. Но мы делами своими докажем, что мы не немецкие агенты. А пока надо – ехать, ехать, хоть через самого дьявола.

Но – кому внушить инициативу? А без этого и возможность будет – а ехать нельзя. Нам одним, первым нам, от себя – нельзя, в России окажется трудно.

Так и прокатился день, не дав решения и выхода...

А за один этот день – что там в России наворочено!

Туда, в ревушую тьму, прислониться к тёмному стеклу – мелькало, мелькало, неслись косые пули! Вот такое и в Петербурге сейчас. Бешено выло в трубе, стучало где-то на крыше, никогда не стучало, что-то оторвало. Ну, закручивало!

Как будто вот последние часы упускаем, последние часы. Писать им, писать дальше:

– ...Милюков и Гучков – марионетки в руках Антанты... Не рабочие должны поддерживать новое правительство, а пусть это правительство „поддержит“ рабочих... Помогите вооружению рабочих – и свобода в России будет непобедима! ...Учить народ не верить словам!.. Народ не пожелает терпеть голода и скоро узнает, что хлеб в России есть и можно его отнять ... И так мы завоюем демократическую республику, а затем и социализм...

Раскрутилось внутри, вытягивало жилы рук и ног от бездействия. А – пойти в эту бурю, выходиться! Иначе ведь всё равно не заснуть. Пусть ветер потолкает, продует.

Внизу лестницы – запахнулся, старую шапку нахлобучил крепче. (Спросил председатель шо-де-фонско-го профсоюза: „Это что за пилот?“)

Сразу – как толкнуло, как понесло, ну, настоящий ураган! А – по сухому, снега мало. Фонари все видны, а небо тёмное. Брянь-нь! – выбило стекло из уличного фонаря. Черепицей стучит, тут и на голову свалится.

Узкие, узкие, узкие улочки старого города, в какую сторону ни иди – лабиринт. Заблудишься тут как мышь, не вырвешься на просторы петербургских площадей.

Управляли Россией 40 тысяч помещиков – неужели ж мы столько не наберём и не управим получше?..

На Нидерхофштрассе, улице ночных гуляний, прохожих почти никого, все забились за светлые окна. И барахтается в ветрище беспомощный – сжатый, нагнутый, вялая, рыхлая, знакомая фигура... Григорий! С вокзала? Приехал опять?

– Владимир Ильич, много важного, решил приехать.

– Ну, что Вейсс? Был у Ромберга?

– Был сегодня. Сейчас расскажу. Трт обрадовался!

Один туда качнётся, один сюда, руками от ветра отбиваясь, шапку хватая. Побрели назад. Говорить трудно, но и не терпится.

В Берне весь день заседал эмигрантский комитет по возвращению на родину, и Григорий там от нас. Ну и что, как?

Говорильня, говорильня, перебирали все варианты

– и через союзников и через Скандинавию. А Мартов предложил – через Германию!

– Мартов??

– Через Германию!!

– Мартов???

Воздуха нет кричать.

– Да! В обмен на немецких военнопленных в России!

– Ма-артов???

– Получить согласие Временного правительства... Через Гримма – в переговоры с швейцарскими властями...

Что за удача! Какая удача! Предложил – Юлик, не мы! Так и назовём – план Мартова! А мы

– только присоединяемся.

Первое слово – сказано!

10 марта [23 марта]

Германский посол в Берне барон Ромберг –

в м.и.д. Шифровано. Совершенно секретно.

Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию, так как боятся ехать через Францию – из-за подводных лодок.

10 марта [23 марта]

Статс-секретарь германского м.и.д. Циммерман –

в Ставку Верховного главнокомандования.

Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, мне кажется уместным разрешить им проезд.

12 марта [25 марта]

Ставка – в м.и.д.

Никаких возражений против проезда русских революционеров в групповом транспорте с надёжным сопровождением.

13 марта [26 марта]

Германское м.и.д. – послу Ромбергу. Шифровано.

Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имён должны быть представлены за 4 дня. Возражения Генерального Штаба против отдельных лиц – маловероятны.

14 марта [27 марта]

Посол в Берне Ромберг – райхсканцлеру Бетману-Гольвегу.

Совершенно секретно.

Из обстоятельного разговора с нашим русским доверенным лицом Вейссом я установил, каким образом мы можем поддержать революцию в России... Необходимо избегать всего, что может быть использовано поджигателями войны в России и в странах Антанты. Сторонники мира в России возьмут верх... Я ответил, что если Германия придерживалась более всего царской династии, то потому, что в прежние времена только от неё встречала понимание и поддержку своей миролюбивой политики. Если же теперь такие добрые намерения мы встречаем у крайних левых, это тоже нам подойдёт.

Об условиях мира он сказал, что его партия не будет вести войну из-за Курляндии и согласна на выделение нейтральной Польши.

Он разъяснил мне, что кадеты в союзе с Антантой обладают неограниченными средствами для пропаганды, а у революционеров в этом отношении большие трудности. Вейсс до сих пор претендовал лишь на весьма малые суммы из опасения, что обладание большими вызовет к нему подозрение в собственной партии. Но сейчас эти возражения отпадают. Чем большие суммы мы можем ему предоставить, тем больше может он действовать в пользу мира. Я бы усиленно рекомендовал предоставить г-ну Вейссу во всяком случае 30 тысяч франков за месяц апрель, которые он в первую очередь хочет использовать, чтобы сделать возможным путешествие в Россию для важнейших партийных товарищей. Думаю, было бы неумно в этот решающий момент его ограничить и тем оттолкнуть. Могу ли я ему пообещать и дальнейшие субсидии?

От того вечера 6-го марта, как налетела на Цюрих буря и всю ночь толкалась на старый город, а на рассвете повалила густым снегом, и вскоре дождём, а потом крупной, и снова снегом, и опять дождём, а к вечеру снегом, и только за следующую ночь весь город убелив, успокоилась, – от той бурной ночи и того дня, исшагивая и избегивая скучное камерное пространство своей комнатёнки от обеденного стола до полутёмного окна, не выпускаемый из клетки Швейцарии, непогодой задержанный в комнате и не удерживая клеткой грудной, как выпрыгивала страсть вмешаться в действие, – Ленин не сам решил, но за него решилось: раз он задерживается, то отсюда, не мешкая, писать и посылать питерским большевикам программу действий, писать и посылать, и посылать, не окончивши писать, а значит как бы вроде писем, и едва кончивши, сколько есть за сутки, скорей нести кому-нибудь на почту, а самому бросаться в газеты (теперь уже их покупая все подряд, вся комната завалена) и выискивать, выискивать по кусочкам из того, что схватили и разглядели близорукие западные корреспонденты и отобрали как достойное для своей газеты убогие буржуазные умишки – выискивать и выхватывать, и понимать в разящем свете партийного проникновения – и разворачивать, разъяснять перед непонимающими, растерянными или глупенькими. „Защита новой русской республики“? – обман и надувательство рабочих! Лозунг „а теперь вы свергайте своего Вильгельма!“? – ложный, все силы на свержение бур-

жуазного правительства в России! Временное правительство – правительство реставрации монархии, агент английского капитала! И – лучше раскол с кем угодно из нашей партии, чем сотрудничество с Керенским или Чхеидзе, чем доля уступки им! .

А в этом разворачивании и разъяснении сам для себя находя, тут же и для партии встраивал недостающие звенья и планы организации: в ответ на великолепный манифест большевистского ЦК (это – Каменев, голова, это он наверно!), объявленный в Питере еще 28 февраля, а сюда дошедший через 10 дней отрывком в случайной газете, – предложить им и объяснить, как же организовать (не так, как он советовал в 905-м, а теперь): вооружение народных масс целиком! народная милиция из всего поголовно населения от 65 до 15 лет (втягивать подростков в политическую жизнь!) и обоего пола (вырвать женщин из одуряющей кухонной обстановки!) – и чтоб эта милиция стала основным органом государственного управления ! Только так: оружием в руках у каждого будет обеспечен абсолютный порядок , быстрая развёрстка хлеба, а затем вскоре – мир и социализм!

И от вторника 7-го до воскресенья 12-го вырвались четыре таких „письма из далека" и тут же сдавались на почту экспрессами (когда уже написано – тем более жжёт, нельзя задержать, нельзя удержать)

– кому же? – Ганецкому, умному славному расторопному Кубе, а он будет отправлять, налаживать туда дальше, в Петербург! (А копии – сразу Инессе, а та

– Усиевичу, а тот – Карпинским, а те – назад, и всё экспрессами, это всё крайне важно для спевки о тактике.) Почти всё время кто-нибудь спотыкается – на почту, а еще же искать по киоскам и читальням непрочтённые газеты и снова анализировать, угадывать – и светом луча выбрасывать вперед новые пункты программы! А тут Луначарский увильивает выступить против Чхеидзе – предупредительную холодность ему. Тут Горький, недоумок, суется в политику: приветствие Временному правительству да басенки „почётного мира", архивредное выступление, придётся ударить по рукам! (Не можешь выдержать партийной линии, так и не суйся, пиши свои картинки.) А там неприятности с Черномазовым в Питере, мало им Малиновского, хотят и вовсе залить нашу партию помоями. А там Коллонтай уезжает в Россию, счастливая! А тут, пока застряли, успеть бы на машинке перепечатать 500 страниц „Аграрной программы", кто бы взялся? А еще: как не написать листовки к русским военнопленным, их 2 миллиона: заявите громко, что вы вернётесь в Россию как армия революции, а не армия царя (вполне бы их могли использовать и против); а мы поспешим уехать и будем посылать вам из России деньги и хлеб... А еще: как же при отъезде не написать прощального письма к швейцарскому пролетариату, еще раз заклеить шовинистов, еще раз указать им путь (только это опасно, может помешать отъезду. А вот как: написать, оставить здесь, а уже из России телеграммой взорвать, пусть печатают.) А тем временем...

...а тем временем совсем плохо с Инессой. Обижена. Сердится. Сидит в Кларане (а может уже и не в Кларане? вот письма прервались, может уже и не там). Сердится, но, как всегда у женщин, это выворачивается во что-то другое, стороннее: будто бы „теоретические разногласия", возражает и капризничает, где ребёнку ясно. Как бы нужна была тут, рядом! Какое время! – неужели время для бабьих обид? Некому собрать, систематизировать все телеграммы из России, ведь что-нибудь пропустишь наиважное! Но не только не захотела испытать английский путь возврата, а даже в Цюрих не хочет приехать на денёк! В Четырнадцатом году ехала для него с Адриатики в Брюссель, бросив детей, а сейчас без детей и из Кларана – ни разу не приехала на денёк.

И нельзя понять: вообще ли поедет с нами?..

Но всё это, всё это кружилось как внешние воронки на воде, даже с Инессой, – а главные события большими толстыми тёмными рыбами беззвучно проходили близ дна.

Ганецкий коротко отозвался: будет ! Но пытка была – дожидаться. По расчёту дней уже мог быть приготовлен в Берлине паспорт и прислан сюда – а не было.

И молчал всесильный Парвус.

Да он справедливо мог быть и в обиде. А не исключено: испытывал Ленина нервы, усилил свою позицию выжиданием.

Но некуда было деться им друг от друга: события соединяли их.

Если платили ему миллионы ради призрака, – то сейчас-то есть для чего платить.

И – будет, куда принимать. И теперь-то и нужно, не тогда.

А тем временем в шумных „Комитетах возвращения“, хотя и с перевесом циммервальдистов, льнули все к законности, ждали разрешения от продажного тучковского правительства, а оно уже слало 180 тысяч франков от частных сборов – на возврат дорогим соотечественникам, только конечно через союзников (где и германские подводные лодки топят транспорты дураков) – и уже вокруг этих денег начинались интриги, могли обделить большевиков, собрания шли чуть не до драки.

Ильич на те заседания конечно не ходил, но ему подробно рассказывали. И чем больше все эти споры накалялись – а швейцарско-эмигрантское настроение было только отблеск того, что в России подымается, – понял Ленин, что он поспешил, сорвался: никакого отдельного паспорта получать нельзя, ехать одному невозможно.

И 10-го, ровно через неделю после фотографии, послал Ганецкому отменную телеграмму: „Официальный путь для отдельных лиц неприемлем/“

Всё, отказались.

Зато Цивин-Вейсс ходил и ходил к Ромбергу. Тот уверял, что идёт усиленная переписка с Берлином, даже курьерами. И постепенно – из темноты, из будущего, из никогда не бывалого, проступали контуры крупного замысла – как большой паровоз из тумана – да только медленно-медленно проворачивал он свои колёса или всё еще стоял.

А за ним – вагон.

Проступал из тьмы – вагон.

Неплохо. Приемлемо.

Но там пока для этих болтунов, для Комитета по возвращению, надеюсь...? эти условия не открыты?..

Нет, нет. Нет-нет. То – официально, здесь – конфиденциально.

Хорошо, хорошо. Так постепенно, несколькими головами, общими усилиями – что-то выявляем, выявляем, находим. Стало потвёрже. (Но – как тянулось! Но – непохоже на немцев как! Да ведь их еще больше должно припекать, когда объявило Временное, что продолжает войну.)

Стали готовить список, кто поедет. Запрашивали своих по всей Швейцарии, но –1 тайно, это важно, никого чужих не примешивать. Одновременно (тоже важно!) вслух говорили всем обратное: и Англия нас не пустит, и через Германию ничего не выйдет. И шумно обсуждали анекдотические попытки: Валя Сафарова просилась в английском консульстве, кто-то слал телеграфный протест Милюкову, а Сарра Равич придумала фиктивно выйти замуж за швейцарского гражданина – и так получить право прямого проезда. Смеялся Ленин и советовал ей „подходящего старичка" – старого Аксельрода, ничем другим уже не годного революции.

У немцев с одной стороны тянулось, с другой – крутилось и чересчур проворно, верней – одна машина крутила независимо от другой. 14 марта вечером, воротясь из Народного дома, где два с половиной часа делал швейцарцам доклад о ходе русской революции – что истинная, вторая революция еще впереди, и есть для неё хорошая форма – Советов депутатов, и уже сегодня надо готовить против буржуазии восстание, – хорошо отвлёкся докладом, освежился от этих изжигающих безвыходных планов отъезда, охотно возвращался пешком по приятному вечеру, поднялся к себе – и ахнул: маленький, сухой, седовьющийся, с уголком платочка из кармана, сидел и улыбался, как ожидая радостной встречи, и от своей важности не торопясь подняться для рукопожатия, –

Сklarц!!!

Не укорив, но и не похвалив, не сказав ни „плохо1', ни „хорошо", – Ленин пошёл на Сklarца с пронизывающим косым взглядом (такой взгляд всегда пугал) – тот поднялся, теряя уверенность, и Ленин пожал ему руку, как хотел оторвать:

– Да? Что привезли?

Без путевых впечатлений, без вводных, без сантиментальностей: что привезли?

Коммерсант, всё более входящий в большую политику большой Германии, почтено принимаемый заметными генералами и в министерствах, и при щедрости своей сегодняшней миссии, – опешил перед этим режущим взглядом щёлок глаз и недобрый изгибом бровей, усов, а всё остальное – как мяч футбольный, накативший ему в самое лицо, – опешил, потерял улыбку и то приятное многословие с предисловием, которыми думал развлечь, и даже приготовленные шуточки, – а сразу высказал главное и выложил на стол.

И не садился.

И Ленин не садился.

А Зиновьев сидел и сопел.

Вот что было. Сklarц приехал уже не только от Парвуса, хотя Бегемотская голова всё и начал (начал сам, еще до ленинской просьбы, она пришла потом, начал по первым известиям о петербургской революции, рассудив, что не хуже Ленина знает, что нужно),

Сklarц приехал со всеми полномочиями от генерала ного штаба на проезд через Германию и с обеспеченным выездным содействием здесь германского консула в Цюрихе, а если нужно, то и посла в Берне, – Сklarц привёз готовые документы, – и вот они лежали, чудо, хотя чудес не бывает, – лежали на блеклой клеёнке в жёлтом кругу керосинового света.

Вот. Господин Ульянов. Госпожа Ульянова. Всё в порядке.

А – Зиновьев?..

Пожалуйста. И госпожа Лилина. Всё в порядке.

Да, но... А..?

И еще один, пятый, да, вот: госпожа Арманд.

Всё тонко знал, всё сам предусмотрел гениальный Парвус!

И – Инесса...

И всё! И все проблемы решены! И ни часа более не ждать, не маневрировать, не дипломатничать, не раздражаться, не посылать посыльных, не ждать известий, ни от кого не зависеть – собрать вещи – а их нет у революционера! <– и ехать хоть завтра утром! хоть завтра вечером! Двенадцать дней назад отрёкся царь – а мы через три дня будем в Питере – повернём всю российскую революцию, куда надо! Может ли быть быстрее во время мировой войны? Еще никто ничего не успеет испортить – а уже вырваться первым на первую петербургскую трибуну, опережая даже сибирских ссыльных, – и отворачивать Совет Депутатов от тучковского подлого правительства, и создавать всенародную милицию от 15 до 65 лет обоего пола, да что угодно!

Документы – лежали. С немецкими готическими вывертами, немецкими орластыми печатями и с пригодившейся, уже приклеенной, вот вернувшейся ленинской фотографией, – в керосиновом свете, драгоценные документы на дешёвой клеёнке, местами протёртой до переплёта нитей.

Таким документам сам канцлер должен был сказать: „да“, чтоб их изготовили.

Парвус оплачивал долг, что перескакал когда-то.

И мешок Зиновьев – расплылся, руки потянул к бумагам.

Ленин вскинулся как на врага – тот замер.

Увы, уже понятно было: так просто сунуть руку в пламя революции – обжигалось.

И потеряв, и нервно потеряв над документами уже чуть обожжённые ладони, Ленин резко взял их назад, сведя за спиною вместе.

Такая сделка не могла бы потом укрыться. Невозможно будет прилично объяснить. И разматается, и разматается до самого Парвуса – и не прикроешься его славным революционным прошлым, – а прилепят тебя в ту же мразь, и руль революции вырвут из рук.

Да вот что: не потому ли Парвус так и старается, чтоб именно – Ленина замарать с собою вместе? Вот такой индивидуально-семейной поездкой накинуть петлю – а потом и в руки взять? а потом и условия диктовать – как революцию вести?

Но – вовремя разгадал Ленин ловушку!

– Так вы же сами заказывали, господин Ульянов!

– Нет коммерсанту оскорбления хуже, чем когда на хороший товар говорят: плохой.

– Заказывал. Но это была ошибка. Обстановка исправляет, – мрачно говорил Ленин, всё так же не садясь, всем напряжением не в речи, а там, внутри, в мысли, и оттуда чревовещательно диктуя: –
Надо

– большую группу. Человек сорок. Вагон. Изолированный, экстерриториальный вагон.

Поднял глаза, посмотрел на Скларца внимательней, внимательней – и уже сочувственней, и даже веселей. (Сообразил: да этот человек за сутки может доехать до германского правительства! Да это великолепно, что он приехал. Спасибо, Парвус! Ну, немножечко изменим вариант, ну – несколько дней.)

И почувствовав, что Ленин к нему подобрел – расслабился, улыбнулся Скларц: он и в высоких сферах не привык к такому обращению, он ничем его не заслужил.

– Израиль Лазарич просил торопиться, – напомнил он. – А то – как бы это правительство народного доверия не заключило бы мира!

– Не заключит, не заключит, – развеселились глазные щёлки Ленина.

Усадил его, сел сам через угол стола – и не только словами, но всеми глазами внушал, гипнотизировал, чтоб тот запомнил и точно исполнил:

– Поезжайте и договоритесь прямо. Другие линии очень долго работают. Пусть хорошо поймут, что мы не можем себя скомпрометировать – и не ставят нас в такое положение. Пусть не ставят нам ограничений – кого там нельзя, годных к военной службе и так далее.

(Как раз сам Ленин и был годен. Но никогда не призывался как старший сын в семье – казнь брата дала ему эту льготу.)

– Или – отношение к войне и миру. Не устанавливали бы проверки паспортов, личного контроля. Как въехали – так и выехали, как неразбитое яйцо, понимаете? И чтобы – ни слова в печати.

Всё – внезапно. Вагон пропустить – как снаряд. Не дать публике времени узнать, обсуждать.

– Да! – вспомнил Скларц, порадовать самым приятным. – Стоимость проезда германское правительство берёт на свой счёт.

– Еще чего! – темно вспыхнули и по-разному два глаза Ленина. – Странно бы выглядел такой проезд. Какие ж там глупые у вас. За проезд обязательно платим мы! – Смягчился: – Но – по тарифу третьего класса.

И еще отдельно:

– Идёте ко мне – и не можете одеться скромно. Вас могли заметить товарищи. Из-за этого завтра еще перебудьте здесь, сидите в отеле, а ко мне пусть придёт Дора. Разумеется, без документов, а что-нибудь мямлить, а я ей буду отказывать. И только после этого вы уедете. А как только будет согласие правительства – чтоб дали нам знать немедленно!

Когда Скларц всё понял и документы собрал, пожал руку очень почтительно, благодарственно, и ушёл, –

– Как еще можно им ставить условия? – удивился размяклый Зиновьев, колыша вялыми плечами.

Ленин остро щурился:

– Никуда не денутся. Заинтересованы больше

нас.

– Про Скларца – скроем.

– Нет, Платтену скажем. Хуже, если узнает сам. Платтена, Мюнценберга – нам терять нельзя.

А еще, для страховки – немедленно письмо Га– нецкому (может, кому и покажет):

„Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“, я конечно не могу...”

И даже:

„...Ваш план поездки через Англию...”

Чем больше прыжков и ложных ходов, тем безопасней нора.

Вот – предложенный Ромбергом вагон. Вагон. Надо проговорить его словами, надо помочь этому вагону, как цыплёнку, вылупиться в общественное сознание. Говорить, писать, бросать фразы:

– А может быть, швейцарское правительство получит вагон?..

– А не согласится ли английское правительство пропустить вагон?..

– Как это?

– А... от порта до порта. Отчего бы Англии не пропустить запираемый вагон ? Например, с товарищем Платтенем и любым числом лиц, независимо от их взглядов на войну и мир?

– Но как же: Англия – остров, а – вагон?

– А... дальше – нейтральным пароходом. С правом известить все-все-все страны о времени его отхода.

(Чтобы германская подводная сдуру своих не потопила.)

А говорят о поездке – все и много. И несколько эмигрантских комитетов и все партийные направления просили Гримма вступить в переговоры с немецким послом. (Как Мартов предложил – за каждого эмигранта освободим пленного немца.) Отлично, отлично, план Мартова работает!

Гримм – взялся! (Еще лучше.) Но он не только вождь Циммервальда – он и член швейцарского парламента, и такой шаг неблагоприятно делать без сочувствия правительства, например министра иностранных дел Хоффмана. (И если Гримм взялся – значит, консультация была, заметим. А почему бы Швейцарии быть против? Швейцарии и самой бы неплохо эту шумную банду отправить. Швейцария сама стеснена войною со всех сторон.) Гримм ходит и ходит к Ромбергу, он ведёт переговоры абсолютно-секретные, чтоб не проникло в печать, чтоб не опорочить швейцарский нейтралитет, – но главным представителям каждой партии (Натансону, Мартову, Зиновьеву) он-то сообщает. Мы – знаем.

Улита едет – когда-то будет. Пусть, пусть.

А Ромберг всем отвечал: „да". И Гримм посчитал, что он легко всё исполнил: да – и да. Теперь остаётся вам, товарищи, обращаться за разрешением к своему Временному правительству.

Ах, спасибо! Ах, забыли перед вами шапочку снять! И потом век кланяться в ножки Луи Блану-Керен-скому?

Все эти острые дни ужасно не хватало Радека– плута, телефоном вызвали его из давосской санатории, отдыхал, даже на русскую революцию сразу не ехал. Но уже по пути всё понял и придумал еще один шаг отвлекающего зондирования: в Берне, через немецкого корреспондента.

Что ж, и тут был ответ от Ромберга, как и всем: да, да, конечно, всех желающих пропустим.

Но – не распахивалась германская граница, да и все желающие только узнать хотели, да посправить, да спроситься Временного (слали телеграммы Керенскому), а так больше мялись.

Все согласны – и не начиналось ничто. Неуклюжи старинные дипломатические пути.

Не начиналось, пока тёмные крупные рыбы у самого дна не пройдут свой курс.

Пока Скларц не доложит в Берлине встречных предложений Ленина.

И германская Ставка скажет окончательно: да.

И министерство иностранных дел не всполошится: уже так много публичных разговоров об этом возврате, уже князь Львов откровенно сказал швейцарскому посланнику, что быстрый отъезд эмигрантов из Швейцарии нежелателен. Так надо ж поспешить! – из-за кого же тянулось? – этот шанс для Германии не повторится!

И 18 марта, в субботу, посол Ромберг в Берне получил наконец распоряжение как можно быстрее сообщить Ленину, что его предложения об экстерриториальности приняты, не будет личного контроля и ограничительных условий.

В субботу – и „как можно быстрее"! Значит – не перемедливать лениво воскресенья. И, нарушая все' законы осторожности, используя запасную крайнюю связь, германский посол стал вызванивать по телефонам, в Народном доме нашёл наконец социалиста– немца Пауля Леви: надо немедленно передать Ленину, что...

И еще одним звонком был вызван Ульянов к соседнему телефону на Шпигельгассе – и шёл, волнуясь, что это Инесса.

А это был – ответ!!!

И вот когда – путь был открыт! Вот когда можно было назначать группе в 40 человек отъезд хоть через два дня, ровно сколько нужно товарищам уложить вещи, сдать книги, уладить денежные дела, съехаться из Женевы, Кларана, Берна, Люцерна, купить продуктов на дорогу, можно было ехать уже во вторник, а в ту субботу – на одну субботу позже, чем со Склар-цем – вмешаться в русскую революцию!

Но еще во мраке тёмной затхлой лестницы, а потом в дневном мраке комнаты-камеры (с утра опять то крупный густой снег валил, то снег с дождём вперемежку), руки подхватывая к вырезам жилета, чтоб они не вырвались к действию прежде времени, и успокаиваемый пальтовой

тяжестью старого засаленного пиджака, – Ленин заставил себя ни к кому не кидаться объявлять, но – подумать. Подумать. Подумать, бегая.

Потерять голову в поражении и в унынии не может твёрдый человек. Но потерять голову в успехе – легко, и это самая большая опасность для политика.

Всё открывалось – а воспользоваться и сейчас было нельзя: как потом объяснишь: через кого и как согласовано, что вдруг внезапно подали вагон одним ведущим большевикам – и уехали?

Еще надо сделать несколько отвлекающих, ослепляющих шагов.

Никакого простора бегать ногам, и на улицу не выскочить в такую погоду (и давно забыты читальни) – и вся беготня ушла в огненные вихревые спирали, провинчивающиеся в мозгу.

Поездка – открыта, да, но – куда? "Для задержки на финской границе? Или в тюрьму к Временному правительству? Можно представить, как там сейчас свистит шовинизм! По существующим мещанским представлениям это ведь так называемая „измена родине". И даже тут, в Швейцарии – меньшевики, эсеры, вся бесхребетная эмигрантская сволочь, закричат об измене.

Нет!

Нет.

Нет...

Пусть бы удерживали обстоятельства, но держать себя самого, уже свободного, рваться – и держать, до чего ж трудно!

Тут надо... тут надо...

Всё, что проплыло у дна тяжёлыми тёмными рыбами, теперь провести по поверхности беленькой парусной лодочкой.

Переговоры окончены ? – теперь-то переговоры начать! Как будто сегодня начать их в первый раз!

И нет фигуры приличнее, чем доверчивый безлукавый Платтен.

Готовить группу – само собой. Да список уже и есть.

(Инесса! Неужели и теперь не поедешь? Чудовищно! С нами – не поедешь? В Россию1/ – на праздник, на долгожданный? Останешься в этой гнили?..)

Сорок человек – уже не обвинишь в измене. По сорока человекам пятно расплылось – и нет. Конечно, можно бы прихватить и максималистов и разных отдельных отчаянных, тогда б еще безгрешней. Но... Лучше с собой чужих не брать, лишние свидетели в пути, лишние свидетели каждого шага, а мало ли будет что. Да и в чём тогда успеvanье, если своими усилиями, в своём вагоне провозить врагов, а в Питере с ними бороться? Нет! Всё до последнего момента – втайне, и день и час отъезда втайне.

Только переговоры – открытые.

Не имея согласия уже в кармане – такие переговоры нельзя начинать: а вдруг не удадутся, что за позор! Но с согласием в кармане – вот тут-то их и вести.

И: как нужна высокая организация во всяком пролетарском деле, в каждом шаге пролетарского дела, – так и в этой, поездке. Жестокий обруч. Чтобы какое-нибудь дерьмо в сторону не вывернулось. Чтобы все заодно – и никто не уклонился, не сказал бы никто: а я не участвовал! а я не подозревал, в чём дело!

Поэтому – за подписью каждого. Как присяга, как клятва. Как разбойники целуют нож. Чтоб никто не отбился потом, не кинулся „разоблачать“. Ответственность – самая серьёзная, и должны разделить все сорок.

(Неужели Инесса не поедет?..)

И уже – сидел, составлял такое обязательство. Уже набрасывал, на стуле у окна на коленях, в сумерках снежной вьюги, своим почерком косоугольным, как в настиг за мыслями наискосок листа, в эти дни крупней обычного, так волновался, – набрасывал пункты, какие могли бы тут войти: я подтверждаю... что условия, предложенные германским посольством товарищу Платтену, мне были объявлены... и я подчинился им со всей политической ответственностью перед возможными последствиями...

И вдруг из коридора – приятно-резкий, насмешливый голос Радека. Приехал?! Ну, лучшего гостя и помощника не придумать сейчас! Карл, Карл, здравствуйте, раздевайтесь, ох, за воротник вам насыпалось. Да вы новость нашу – представляете?!?

Короткий вопль, сверкающие зубы, не убираемые за верхней губой, кучерявый, с ореолом бакенбардов – смеющийся озорник Радек!

Ну-ка-сь, ну-ка-сь, давайте вместе составлять. Такие же твёрдые условия надо подготовить и для Ромберга.

– Вы – им – условия?

– Да. А что?

– Восхитительно!

Такая затея – как раз по Радеку. Он – и советует, он – и шутит, у него и находки и мысли предусмотрительные.

Только вот курить в этой комнате запрещено, сухую трубку сосёт. И... Э-э...

– Владимир Ильич! А как же будет со мной? Неужели вы меня способны не взять?

– Да почему ж не взять?

– Да ведь если мы пишем – „русские эмигранты“, а я – австрийский подданный?

Ах ты, чёрт, австрийский подданный! Ах, чёрт! Привыкли как к своему, только для виду считается – польская партия. Но как же можно Радека не взять? Радека – и не взять!

У Радека выход готов: если будет Платтен с Ромбергом заключать письменный договор (а не будет письменный, так устно еще легче попутать) – пропустить слово „русские“, написать – „политэмигранты“, а – о каких же еще речь? Не додумаются немцы, подмахнут.

Вообще в такой архиответственный момент, в таком наисерьёзнейшем деле недопустима игра, и германская Ставка – не из тех партнёров, с которыми шутят. Но для Радека – незаменимого, ни с кем не сравнимого, фонтана изобретений, острого, едкого, нахального Радека – пожалуй и попробовать?

– Но – согласится ли Платтен вести эти переговоры? Ехать?

– А больше – некому. Значит, согласится.

– А если – Мюнценберг? Потвёрже.

– Вилли? Да ведь он считается немецкий дезертир. Как же ему – с послом? И как через Германию?

– Всё-таки... – постукивал Радек черенком между зубами, – всё-таки, Платтен – партийный секретарь, а какая-то поездка с эмигрантами? А тут начнёт мучиться, не будет ли вреда его Швейцарии?..

– А что – Швейцарии? Ей только лучше.

Нет, Ленин тут не сомневался. Перед Гриммом

Платтен заминался, да, отступал, но в главном – пойдёт, раз увидит аргументы. Он – человек рабочий, пролетарская кость. О переговорах же с Парвусом он не знает и никогда не узнает.

А Радеку о Парвусе хоть рассказывай, не рассказывай – всё понимает сам. Радек даже неприлично преклонён перед Парвусом: в бернских кабачках, по интернациональному долгу, как бы ни обязан был его поносить – за отчаянный шаг к шовинистам, за богатство, за тёмные сделки, за нечестность, за дамские истории, – а сам со ртом разинутым, с набившейся пеной в углу губ, видно: ах, и молодец! ах, мне бы так!..

– Про Скларца я ему сказал: восьмигрошовый парень немецкого правительства, я его выгнал! Про Гримма скажу: что-то подозрительное, тормозит отъезд, какие-то гешефты в свою пользу. А мы – больше ждать не можем, революция зовёт! По-пролетарски, открыто, без всяких тайностей – возьмём и обратимся в германское посольство! Возьмётся! – уверен был Ленин.

Вот как научить его с Ромбергом говорить? Ведь это ж совсем новый текст. Мол, в России дела принимают опасный для мира оборот. Надо вырвать Россию у англо-французских поджигателей войны. Мы конечно приложим ответное усилия к освобождению немецких военнопленных (лови нас потом!..). Но мы должны быть застрахованы от компрометации и гарантированы, что не будет придинок в пути... Готовы ехать в запертых и даже в зашторенных купе. Но должны быть уверены, что вагон не остановят...

Ленин захватил пространство комнаты и носился по косо́й – три шага, три шага, три – одну руку за спину, а другой размахивая, – а Радек записывал, пустой трубкой придерживая лист.

С Радеком внакладку находки: для такого шага еще неплохо бы нам собрать оправдательных подписей от западных социалистов... Социалистов – да, но и еще бы каких-нибудь безупречных людей... Где же таких найти?..

– Ну, например, Ромена Роллана?

Головасто придумано, хорошо!

Так пора и крючок закинуть. Через кого бы закинуть под Роллана?

С приходом Радека облегчились невместимые прожигающие вихри в голове: есть мыслям исход, можно высказать и услышать ответ. Вот... Если начинать демонстративные новые переговоры через Платтена, то ведь надо так же демонстративно порвать с Гриммом?

Да просто – звонко порвать!

– Да чтоб всю вину на него же и свалить!

– Да чтоб и за старое ему наложить, мерзавцу! Пусть попомнит, как отложил швейцарский съезд!

А для этого надо: во-первых, опубликовать все доверительные сведения о его скрытых переговорах!

Эт-то очень всегда ударяет: внезапная публикация доверительного. Оч-чень ошеломляет.

То есть, просто вот сейчас, немедленно, подготовить такую публикацию!

– ...И расставить нужные акценты!

– ...И завтра же опубликовать!

Ну, с Радеком и самая напряжённая работа превращается в весёлую игру! За что он особенно Радека любил – за хорошую пристрастность!

Уже сидели и писали: Радек писал, теребя пустую трубку в зубах, в коридор выйти некогда, иногда смеясь и даже подпрыгивая от выражений, – а Ленин сидел сбоку и советовал.

Единственный такой был Радек человек, кому, сидя рядом, Ленин вполне мог передать перо и только посмеиваться. Лучше радекова пера никогда не было во всей большевистской партии. Богданов, Луначарский, Бухарин – все писали слабей.

– Тут важно, что еще получится: что именно Швейцария все эти переговоры ведёт и нас выталкивает. А вовсе не мы!

Ах, умный, понимающий, золото!

– Завтра же и опубликуем – у Нобса или...

– Завтра – воскресенье. А вот что! – запрыгали, запрыгали искры за радековскими очками: – Завтра воскресенье, так-пошлём сейчас же, немедленно – Гримму телеграмму! В субботу вечером, немедленно, сейчас! – Усмехался и подпрыгивал Радек, как будто его со стула колело.

И Ленин подпрыгивал от удовольствия.

И говорили, говорили вперебой, поправляли, и Ра–дек тут же записывал:

...Наша партия решила... безоговорочно принять... предложение о проезде через Германию... и тотчас же организовать эту поездку... Мы абсолютно не можем отвечать... за дальнейшее промедление... решительно протестуем... и едем одни!..

– Та-ак! – почесал Радек за ухом, – закатаем ему в листовой шоколад:

...Убедительно просим немедленно договориться...

– Завтра, в швейцарское воскресенье, договориться!.. Да! еще завтра по-западному первое апреля!

– Первое апреля?! – давно так не смеялся Ленин, всё напряжение последних недель выбивалось из его груди сильными, жёсткими, освобождающими толчками. – Вот получит бонбоньерку, центристская сволочь!

...Договориться... и, если возможно, завтра же...

– Когда вся Швейцария дрыхнет!

...Сообщить нам решение!.. С благодарностью...

Как на шахматной доске, уже сделав задуманный

ход, еще больше видишь успеха и возможностей, чем рассчитывал перед тем. Но эту усмешку – с 1-м апреля и с воскресным заданием товарищу Гримму – придумал Радек-весельчак!

– А если за воскресенье он не сделает – так в понедельник мы свободны действовать сами!

– Ну, во вторник...

Да что! да еще лучше придумал Радек:

– Владимир Ильич! А – Мартову? А Мартову мы тем более обязаны написать, он же инициатор плана\ ? – душился Радек от смеха.

– А что же Мартову? – так быстро и Ленин не сообразил.

– Да что мы немедленно принимаем предложение Гримма о проезде через Германию\ Вот обкакать: что это его предложение!!! На весь мир – его! Швейцарские социалисты нас выталькивают! Член швейцарского парламента!

Ну, это совсем было гениально! Ну, Радек! Ну, завоет Гримм! Ну, кинется оправдываться. Да отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым.

– Вспомнит, подлец, ненапечатанную мою брошюру!..

– Но уже поздно. Придётся идти сдавать на Фрау– мюнстер.

– Да я сбегаю, Владимир Ильич.

– Да уж пойдёмте вместе, разохотились.

Но уж тогда оглядеться, подумать – что еще? А, вот, Ганецкому в Стокгольм:

– Срочно переведите три тысячи крон на дорожные расходы!

(Тогда уж и Инессе: ...О деньгах не беспокойтесь... Их больше, чем мы думали... Здорово помогают товарищи из Стокгольма... Надеюсь, мы едем вместе с Вами?..)

И вот что: там залог в кантональном банке за проживание в Швейцарии, 100 франков, нечего баловать лакейскую республику, надо забрать.

Одевались, Ильич – в своё железно-неподъёмное, на ватине, а Радек – в летнее пальтишко, так всю зиму и пробегал, все карманы затолканы книгами.

Трубку набивал, спички готовил.

Ленин вслух:

– Ничего. У Платтена с Ромбергом – какие переговоры? Ромберг вынет из стола – и даст. Но эти несколько дней надо, надо было кинуть шовинистическим харям.

Радек крутился как юноша, лёгкий, удачливый:

– Руки чешутся, язык чешется! – скорей на русский простор, на агитационную работу!

И, пропуская Ильича вперёд, уже спичка наготове, в коридоре зажечь:

– В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами – или будем висеть.

18 марта [31 марта]. Берлин

Докладная записка чиновника м.и.д. из генштаба.

...Прежде всего мы должны избежать компрометации едущих слишком большой предупредительностью с нашей стороны. Очень было бы желательно получить какое-либо заявление швейцарского правительства. Если без такого заявления мы внезапно пошлём эти беспокойные элементы в Швецию, это может быть использовано против нас.

18 марта [31 марта]

Помощник статс-секретаря – послу в Берне Ромбергу.

(Шифровано.)

Спешно! Проезд русских революционеров через Германию желателен как можно быстрее, т. к. Антанта уже начала противодействие в Швейцарии. По возможности ускорьте переговоры.

20 марта [2 апреля]

Германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау –

в м.и.д. Совершенно секретно.

...Мы должны теперь непременно стараться создавать в России наибольший хаос. Для этого избегать всякого внешне-заметного вмешательства в ход русской революции. Но втайне делать всё, чтобы углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, так как мы весьма

заинтересованы в победе последних, ибо тогда переворот будет неизбежен и примет формы, которые сотрясут устои русского государства. ...Поддержка нами крайних элементов – предпочтительнее, ибо таким образом проводится более основательная работа и достигается быстрее результат. По всем прогнозам можно рассчитывать, что месяца за три распад продвинется достаточно, чтобы нашим военным вмешательством гарантировать крушение русской мощи.

Те, кого поразят выражения В. И. Ленина, образ мыслей его или действий, могут более внимательно прочесть его произведения, использованные здесь:

– В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете. Собрание сочинений, 4-е изд.

т. 9, стр. 315

– там же, 389 т. 23, стр. 83

– там же, 110

– там же, 126

– там же, 138

– там же, 141

– там же, 212

– там же, 247

– там же, 282

– там же, 289 изд. т. т. 48,49

– Задачи отрядов революционной армии

– О лозунге “разоружения”

– Речь на съезде швейцарской с-д партии 4.11.1916

– Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с-д партии

– Тезисы об отношении швейцарской с-д партии к войне

– Принципиальные положения к вопросу о войне

– Открытое письмо к Шарлю Нэнэ

– Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грэй– лихом защиты отечества

– набросок тезисов 4(17) марта 1917

– Письма из далека

– Письма Ленина военных лет (1914-1917) – 5-е

Считаю долгом назвать четыре современных исследования, среди других особенно помогших мне при написании этих глав:

Werner Halweg – Lenins Rückkehr nach Russland 1917. – Leiden, 1957 Winfried B. Scharlau, Zbynek A. Zeman – Freibeuter der Revolution. – Köln, 1964

Willi Gautschi – Lenin als Emigrant in der Schweiz. – Köln, 1973 Fritz N. Platten, jun. – Von der Spiegelgasse in der Kreml. –

«Volksrecht» (13.3 -17.4.67)

и выразить признательность авторам за пристальное внимание к событиям, определившим ход XX века, но так старательно скрытым от истории, а по направлению западного развития оставленным в малом внимании.

Москва, 1971; Цюрих, 1975

СПРАВКА

(революционеры и смежные лица)

АБРАМОВИЧ Александр Е. (род. 1893). Родом из Одессы. Член РСДРП с 1908. С 1911 в Швейцарии: студент в Женеве, работает на часовом заводе в Шо-де-Фоне. Вернулся в Россию (в ленинской группе). Есть следы, что в 1918 был советским агентом при Баварской республике. Сотрудник Коминтерна.

АРМАНД Инесса Теодоровна (1874-1920). Родилась в Париже, в семье французских артистов. Воспитывалась в России у тети-гувернантки, вышла замуж за фабриканта Арманда, с которым у неё было четверо детей, затем перешла к его младшему брату и родила (в Швейцарии) еще сына. При революции 1905 была связана с московской группой эсеров, затем в ссылке, оттуда ушла в эмиграцию. После смерти второго мужа училась в Сорбонне, встретила с Лениным в 1909, с этого времени примкнула к большевикам. Была его подругой, с короткими перерывами до самой смерти, постоянно среди его близких сотрудников. В 1912 ездила в Россию, недолгое время сидела в тюрьме, освобождена по ходатайству первого мужа. Участница Кинтальской конференции (в числе большевиков). Возвратилась в Россию в ленинской группе. После Октябрьского переворота одно время – председатель Московского губсовнархоза, позже – заведующая Женотделом при ЦКРКПБ.

БАГОЦКИЙ Сергей Юстинович (1879-1953). Поляк из России, врач. Был с Лениным в Кракове, вслед за ним переехал в Швейцарию. В то время был практическим помощником Ленина в бытовых и денежных делах, в поддержании конспиративных контактов с немцами через посредников. В швейцарской эмиграции жил широко, много тратил (свидетельство Нобса). С 1918 – представитель русского Красного Креста в Швейцарии.

БОГДАНОВ (Малиновский) Александр Александрович (1873-1928). Сын учителя-физика, кончил Тульскую гимназию, в 1899 – медицинский факультет Харьковского университета. С тамошним интеллигентским кружком социал-демократов “разошёлся из-за вопроса о морали, которой они придавали самостоятельное значение”. Врач, социолог, философ. Несколько лёгких высылков (Тула, Калуга, Вологда), в 1904 примкнул к Ленину, вошёл в первое большевистское руководство. Теоретик вооружённого восстания, организатор тактических нападений, экспроприаций, накопления денежных фондов

партии. В 1905 арестован в полном составе Петербургского Совета Рабочих Депутатов, но вскоре освобождён. Революционные 1906-07 годы жил вместе с Лениным в Куоккале. Последовательно настаивал на бойкоте парламентской и легальной деятельности, от чего Ленин в 1907 отказался. Тяготясь участием Богданова в руководстве партии, Ленин повёл против него атаку в философии ("Материализм и эмпириокритицизм", 1909) – и вовсе изгнал Б. из партии. Б. никогда больше не занимал видных партийных или советских постов. В войну мобилизован, врач на фронте. Много печатных работ по политической экономии, философии, организации науки и хозяйства, два фантастических романа. Погиб при рискованном эксперименте по переливанию крови.

БОШ Евгения Готлибовна (1879-1924), родом из Очакова. С 16 лет замужем за сыном фабриканта, в 21 год покинула мужа и окунулась в с-д деятельность (Киев), большевичка. Подруга Пятакова. В 1913 сослана в Иркутскую губернию, оттуда вместе с ним бежит через Владивосток. Короткое время в Швейцарии, затем - в Скандинавии. После Февральской революции – председатель Киевского губ. комитета партии, агитирует гвардейский корпус идти на Киев, свергать Раду. Член Киевского Военно-Революционного комитета. В первом коммунистическом правительстве Украины (Харьков 1918) – "народный секретарь внутренних дел". В Гражданскую войну командировалась на административно-карательные задания в масштабах губерний (Пенза, Астрахань, Гомель), комиссар Каспийско-Кавказского Фронта. В 1923 обвинена в троцкизме, в 1924 покончила с собой.

БРИЛЛИАНТ – см. Сокольников

ВРОНСКИЙ (Варшавский) Моисей (1882-1941), родом из Лодзи. Польский с-д, затем большевик. В 1907 эмигрировал в Швейцарию. Ближний помощник Ленина, вставлен им в Кинтальскую конференцию. После Октябрьского переворота – одно время редактор "Правды", заместитель наркома торговли и промышленности. 1920-22 – полпред (посол) в Австрии. После смерти Ленина не занимал крупных постов.

БУРЦЕВ Владимир Львович (1862-1942) – революционер-народоволец с 80-х годов, террорист конца XIX века. После ареста бежал. В Англии печатно призывал убить Александра III, за что даже у англичан получил полтора года заключения. За пропаганду террора выслан также из Швейцарии. Специализировался на разоблачении агентов полиции в русском революционном движении. В революции 05 и 17 годов – редактор журнала "Былое", с 1911 по 1914 – газеты "Будущее" и из-за границы рассылал её царю, великим князьям, министрам, в библиотеку Государственной Думы. С началом мировой войны стал патриотом, добровольно сдался на русской границе, судим, сослан, амнистирован (1915). При большевиках арестовывался, снова издавал "Былое", затем у белых – "Общее дело". Снова эмигрировал.

БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938). Крупнейший теоретик большевистской партии и несостоявшийся вождь её. Родился в учительской семье. Смесь воспитания интеллигентского и простого. Окончил 1-ю Московскую гимназию, с 18 лет – член партии большевиков, 20-летним студентом кооптирован в Московский комитет партии. Несколько лёгких арестов, из ссылки уехал в эмиграцию. С 1911 за границей, много образовывался, начал публицистическую деятельность. Возвратился в Россию в 1917 через Америку, Японию, Сибирь. С лета 1917 – член ЦК. Против Брестского мира возглавил оппозицию "левых коммунистов" (не укреплять Германию сепаратным миром, но добиваться мировой революции). В советские годы много печатался (работы экономические, политические, популяризация). После смерти Ленина – в ведущей семье

(Политбюро) и использован Сталиным для её уничтожения: с его помощью разбиты Троцкий, Каменев, Зиновьев, после чего уничтожен и он со своими сторонниками Рыковым и Томским. На пороге 30-х годов как будто бы понимал преступность сталинского курса, ведущего к гибели крестьянства и здоровой национальной экономики, но не сумел твёрдо и эффективно противостоять. После показательного процесса с обычными “признаниями” расстрелян.

ВЕЙСС – см. Цивин

ГАНЕЦКИЙ (Фюрстенберг) Яков (1879-1937). Из варшавской богатой семьи, к с-д примкнул с конца XIX века, участник II съезда РСДРП от польских с-д, много лет состоял и в польской и в российской партии. Несколько лёгких арестов, ни одного серьёзного приговора. На воинской службе обругал командира полка, но прощён “за возбуждённое состояние”. Уехал из двух ссылок. Перед войной вместе с Радеком раскалывал польскую с-д (опозиция против Розы Люксембург). С 1912 тесный сотрудник Ленина, вместе с ним в Кракове, затем в Швейцарии, оттуда в 1915 переехал к Парвусу в Скандинавию директором его конторы. В марте 1917 вместе с Радеком и Воровским оставлен Лениным в Стокгольме под вывеской Заграничного Бюро ЦК для бесперебойной подачи денежных средств от Парвуса на укрепление большевистских организаций и прессы в России, а также для ведения большевистской пропаганды на Запад. После Октябрьского переворота – в народном комиссариате финансов (главный комиссар банков). Участник “Дополнительного Соглашения” с Германией в августе 1918 – по которому, в расширение Бреста, Советская Россия обязалась увеличить продуктовую и материальную помощь Германии в самый канун её поражения. Участник важных дипломатических переговоров 1920-25 годов. Много тёмного в биографии. После смерти

Ленина – наркомвнешторг, второстепенные роли. В 1937 арестован и расстрелян вместе с женой и сыном.

ГИЛЬБО Анри (1885-1938) – французский с-д, интернационалист. Как противник войны – с 1915 – в Женеве, с 1916 издавал журнал «Demail». Участник Кинтальской конференции. Деятель Коминтерна. Но в 30-е годы отошёл от СССР.

ГРЁЙЛИХ Герман (1842-1925), родом из Бреслау, переплётчик. Один из основателей швейцарской с-д партии и её органа “Бернер Тагвахт”. Популярнейший швейцарский рабочий вождь (“папа Грёй– лих”). С 1902 и до смерти – депутат швейцарского парламента.

ГРИММ Роберт (1881-1958). Типограф, механик. Один из лидеров с-д партии Швейцарии. С 1905 – профсоюзный секретарь в Базеле. С 1909 – секретарь партии, главный редактор “Бернер Тагвахт”. С 1911 – депутат швейцарского парламента, с 1946 – председатель его. Инициатор и председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций. Один из организаторов II I/2-го Интернационала (левой социалистического, умеренной коммунистического).

ЗИНОВЬЕВ (Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883-1936), родом из Елизаветграда. Без образования, в юности – конторщик. С 18 лет примкнул к с-д, с 19, еще ни разу не арестованный, эмигрировал. В 1903 познакомился с Лениным и примкнул к нему навсегда. Пытался учиться в Бернском университете то на химическом, то на юридическом факультете, бросил. В революцию 1905 с жалобой на сердце (22 лет отроду) получил от профессора запрет “всякой политической деятельности” и опять уехал за границу. После минования главных революционных событий – выздоровел, вернулся в Россию. В 1908 арестован первый раз, через несколько месяцев выпущен по заступничеству – и эмигрировал окончательно. Начиная с 1907 – постоянный член

большевистского ЦК. После смены ленинского окружения в 1908 выдвинулся его ближайшим помощником, соредактором всех изданий, следует за ним в Галицию и снова в Швейцарию, взят им на Циммервальдскую и Кинтальскую конференцию, все военные годы “ЦК” есть: Ленин-Зиновьев и кого они кооптируют. Возвратился в Россию через Германию в ленинской группе, был в курсе всех связей с Парвусом и немецкой помощи, в июле 1917 после разоблачений в печати скрылся вместе с Лениным от возможного суда (Разлив). Скрывался до самого Октябрьского переворота. После него – председатель Петроградского Совета Рабочих Депутатов, предсовнаркома Союза Коммун Северной Области, т. е. после бегства советского правительства в Москву в марте 1918 остался фактическим диктатором Петрограда и северозападной России, под его руководством проведён террор 1918-1919. С 1919 – глава Коминтерна. В 1923-24 помог Сталину разбить Троцкого и утвердиться генеральным секретарём. В 1925 вместе с Каменевым возглавил “ленинградскую оппозицию”, пытаясь захватить власть в партии, но разбит союзом Сталина и Бухарина. После этого пытался блокироваться с Троцким, но отвоевать позиций уже не могли. С 1926 потерял все основные посты и значение. Процессами 1935 и 1936 приведён к расстрелу. Сохранилось свидетельство, что целовал сапоги оперчекистов, ведших его на расстрел, прося о пощаде.

ЗИФЕЛЬДТ Артур Рудольф (1889-1938), эстонец из Таллина. Перепробовал почти все революционные направления, примкнул к большевикам. С 1913 по 1917 в Цюрихе. Помогал Ленину в связях с Кескулой. Покинул Швейцарию в 1917 со вторым эмигрантским транспортом через Германию.

ИНЕССА – см. Арманд

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883-1936). Кончил Тифлисскую гимназию, в Московском университете (юридический факультет) начал революционную деятельность, исключён, после краткого ареста уезжает за границу, там в 1903 примыкает к большевикам. Несколько возвратов в Россию, два кратких ареста, пропагандистская деятельность в революционные годы, длительная эмиграция с 1908, там входит в новое окружение Ленина. После разоблачения Малиновского в 1914 командирован в Россию для руководства большевистской фракцией Государственной Думы извне (с началом войны – из Финляндии). В ноябре 1914 арестован на тайном совещании с ними под Петербургом, на процессе 1915 смягчил свою участь отказом от ленинского пораженчества, признанного фракцией Думы. Сразу после Февраля воротясь в Петроград и более всех удостоенный доверия Ленина, возглавляет партию до его возвращения. Единственный в партии, кто возражал апрельским тезисам Ленина. С захватом большевиками 2-го Съезда Советов в ночь переворота – председатель съезда и нового ЦИКа. Участник брестских переговоров с Германией. В 1922 вместе с Рыковым и Цюрупой – один из заместителей заболевшего Ленина. Разделил с Зиновьевым все неудачи борьбы против Сталина. Уже обречённый, на съезде партии в 1934 требовал по отношению к “кулацкой” оппозиции “рютинцев”: не спорить с ними идеологически, но расстреливать их. Расстрелян после процесса 1936 года.

К АМ 6 (Тер-Петросян) Семён Аршакович (1882-1922), родом из Гори, сын богатого подрядчика. Исключён из школы за вольнодумство в законе Божьем. Находился под влиянием своего старшего земляка Джугашвили. Находчивый и умелый в нелегальных действиях с оружием, производил по поручению Сталина успешные изъятия денег, в том числе знаменитый налёт на казну – в Тифлисе в июне 1907. В поездке на следующий налёт в Берлин арестован германской полицией с чемоданом взрывчатых веществ. Избегал выдачи русскому правительству тем, что несколько лет успешно симулировал буйное помешательство. Всё же выдан, но спасён от казни кампанией

германской прессы в защиту “заведомо больного человека”. Из тюремной больницы бежал за границу к Ленину. В 1912 вернулся на Кавказ и при новом грабеже денежной почты ранен и арестован, приговорён к смертной казни. Однако либеральный прокурор задержал исполнение приговора до манифеста к 300-летию дома Романовых и спас его. Освобождён из тюрьмы Февральской революцией. Ленин отправил его на кавказский горный курорт для поправки здоровья. Затем Камо служил в Бакинской ЧК. После установления меньшевистской власти вёл подпольную деятельность. Отказался от предложения Ленина поступать в Академию Генштаба. Погиб под автомобилем.

КАРПИНСКИЙ Вячеслав Алексеевич (1880-1965). С-д с 1898, большевик от времён раскола. В постоянной эмиграции в Женеве с 1904. Держался Лениным на второстепенных издательских и технических ролях. В советское время – доктор экономических наук.

КЕСКУЛА Александр Эдуард (1882-1963) – эстонец из Тарту, участник революции 1905. Арестован, но амнистирован. Эмигрировал. Перед войной несистематически учился в Швейцарии. С 1914 поставил себя в распоряжение немецкого посла в Швейцарии барона Ромберга, добивался от Германии поддержки эстонского освободительного движения. Ромберг использовал его для связи с различными направлениями русских революционеров в Швейцарии, в том числе с Лениным. Для развития деятельности переведён немцами в Скандинавию, откуда засылал агентов в Россию и где финансировал большевистские издания (Бухарина, Пятакова и др.), не объявляя им об источнике средств. Осуществлял для большевиков связь между Скандинавией и Швейцарией.

КОЗЛОВСКИЙ М. Ю. (1876-1927) – с-д, петербургский адвокат, в конспиративных связях с конторой Парвуса. В 1917 – член Исполкома Петроградского Совета. В июле после опубликования разоблачений о связи большевиков с немцами – арестован вместе с несколькими ведущими большевиками (все освобождены при корниловском мятеже). После Октябрьского переворота – председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии в Петрограде и председатель Малого Совнаркома. Затем – нарком юстиции Литвы–Белоруссии.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872-1952). Дочь генерала (украинца) и финской крестьянки. Воспитывалась в богатых помещичьих условиях, не отпущена ни в гимназию, ни на Бестужевские курсы, чтобы не столкнулась с революционными элементами. Частная учёба у профессоров истории, литературы. Раннее короткое замужество с целью выйти из-под воли родителей. Культурнопросветительные общества, все связанные с помощью революционерам. Экономическое образование за границей. С-д с конца XIX века. Свидетельница стрельбы на Дворцовой площади 9 января 1905. Писала прокламации для обеих фракций с-д. “По душе мне ближе был большевизм с его бескомпромиссностью”, но до 1915 была меньшевичкой, в 1914 сторонница всеобщего примирения, лишь постепенно перешла к ленинской “гражданской войне” и, значит, большевизму. В предвоенные и военные годы – подруга Шляпникова. В первом большевистском правительстве – народный комиссар социального обеспечения. Затем долгие годы – посол СССР в Норвегии и Швеции.

КРАСИН Леонид Борисович (1870-1926). Родом из Тобольской губернии, революционер со студенческих лет (ссылное окружение). С перерывами на аресты и ссылки получил технологическое образование, инженер. Этим дальше определилась его роль техника партии: конспирация, подготовка взрывных материалов, нападений. Он же установил контакт с фабрикантом Саввой Морозовым, получение постоянной денежной помощи для партии. С 1903 – большевик и даже член ЦК. В разгар своей революционной деятельности беспрепятственно заведывал осветительной кабельной сетью всего Петербурга. В 1908 эмигрировал, в 1909

отстранён от большевистского руководства и отошёл от политической деятельности. Работал инженером в Берлине, вернулся в Россию, здесь занимал директорские места. С 1917 вернулся в партию. Участник брест– литовских и дополнительных берлинских (август 1918, см. Ганец– кий) переговоров. Ездил в Ставку к Людендорфу тщательно прося не отбирать Кавказа и Туркестана (план Людендорфа сорван американской высадкой во Франции). Ряд крупных хозяйственных постов, нарком внешней торговли, путей сообщения, с 1920 – посол в Лондоне, участник других дипломатических переговоров, Генуэзской и Гаагской конференций.

КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869-1939). Дочь судейского чиновника. С 1897 – жена Ленина (церковный брак по формальной необходимости). Разделяла всю его жизнь, вела техническую партийную работу. Пыталась самостоятельно писать сочинения по педагогике, но достижений не было. После Октябрьского переворота – в руководстве народного комиссариата просвещения. С 1925 примкнула к неудачной оппозиции Зиновьева-Каменева против Сталина. С тех пор всё время сталинской диктатуры поведение её было безгласно.

ЛЕВИ (Хартштейн) Пауль (1883-1930) – немецкий с-д, адвокат. В швейцарской эмиграции – участник циммервальдской левой, позже в Германии – коммунист. В 20-е годы вернулся в с-д.

ЛИТВИНОВ (1876-1951). Из состоятельной семьи, из Польши. Проходил военную службу вольноопределяющимся и там потянулся к марксизму. В 1901 арестован в составе Киевского комитета РСДРП, в 1902 бежал из Киевской тюрьмы – за границу, с 1903 – большевик. В 1905 неудачно пытался доставлять оружие в Россию из Англии. Кроме коротких наездов в Россию – почти всё 1 время в эмиграции, с 1907 – в Лондоне. Представлял большевиков в Международном Социалистическом Бюро (И Интернационал). После Октябрьского переворота – первый советский полпред (посол) в Англии, арестован в ответ на арест Локкарта в Москве и на него же обменён. Успешная дипломатическая деятельность, заместитель наркома, с 1930 по 1939 – высшие годы сталинского террора – народный комиссар иностранных дел, вестник мира на Западе; речи его заливали страницы советских газет и были популярны. Понижен в годы дружбы с Германией Гитлера, с 1941 – посол в Соединённых Штатах.

ЛУНАЧАРСКИЙ (Воинов) Анатолий Васильевич (1875-1933). Плодовитый журналист и лектор, слабый драматург и писатель (литературный уровень виден по избранному псевдониму). Родом из Полтавы, из семьи радикально настроенного чиновника, с 15 лет изучал марксизм, с 17 лет агитировал рабочих. По окончании гимназии поехал в Цюрихский университет. В 1899 возвращается в Россию, ведёт пропаганду. Три коротких ареста, сроки в месяцах, ссылки в Калугу, в Вологду, усиленное образование, первые печатания. С 1903 – в эмиграции и, примкнув к большевикам, популяризирует большевистскую позицию объездом всех эмигрантских групп в Европе, не отказывается и от доклада о принципах вооружённого восстания на III съезде партии. Во время революции 1905 – газетная деятельность, пережив месячный арест – эмигрировал до следующей революции. Участник многих большевистских эмигрантских изданий. Ученик Авенариуса, разошёлся с Лениным по философским вопросам в 1908-09. Неудачная попытка создать другую партию (группа “Вперёд”). В годы войны – в группе Троцкого-Мартова. Возвратился в Россию через Германию со вторым эмигрантским транспортом, несколько месяцев был “межрайонцем” до влития их в большевики в июле 1917. Так вернулся к Ленину. Короткое время сидел в тюрьме при Временном правительстве по обвинению (вместе с ведущими большевиками) в государственной измене –связи с немцами. “И до тюрьмы и в тюрьме неоднократно создавалось крайне опасное для моей жизни положение”. Выпущен через месяц после Октябрьского переворота – народный комиссар просвещения (до 1929). В годы

Гражданской войны много разъезжал по фронтам и прифронтовой полосе, непрерывно агитируя. Известен неуёмной лекционной деятельностью и в Москве. В 1923 выпустил книгу о вождях революции, не упомянув Сталина. Эта ошибка стоила ему многолетней опалы и принесла действительную опасность. Умер по пути в Испанию, куда назначен был послом.

МАЛИНОВСКИЙ Роман Вацлавович (1876-1918). Поляк родом из-под Плоцка. Портной, затем токарь по металлу. Три кражи, уголовные судимости. На военной службе стал сотрудником тайной полиции. Сперва – у меньшевиков, с 1910 перешёл к большевикам. Лениным кооптирован в ЦК, назначен председателем Русского Бюро (руководителем партии на территории России). По поручению Ленина расколол с-д фракцию Гос. Думы и стал лидером большевистской фракции. Работу её вёл и свои речи составлял одновременно под руководством Ленина и Департамента Полиции. Но в 1914 новый начальник Департамента Полиции счёл, что иметь осведомителем видного парламентского депутата противоречит самой государственной идее, дал Малиновскому отступного и велел прекратить работу в Думе. (Есть сходство с разоблачением Азефа самой же полицией.) Малиновский без объяснений сложил с себя парламентские полномочия и исчез. Поднялись слухи о его прова-каторстве, но Ленин-Зиновьев-Ганецкий реабилитировали Малиновского – «в 1914 и еще раз в 1917: “Руководящие учреждения партии абсолютно уверены в политической честности Малиновского... Обвинения абсолютно вздорны”. Во время войны – в армии, попал в немецкий плен. В 1918 решил вернуться в Советскую Россию после обещания Ленина о личной безопасности. (По слухам гарантийная записка, подписанная Лениным и отобранная на границе.) 5 ноября 1918 над ним состоялся суд трибунала в присутствии Ленина. Малиновский держал 6-часовую защитительную речь. Расстрелян немедленно.

МАРТОВ (Цедербаум) Юлий Осипович (1873-1923). Революционную деятельность начал студентом, исключался, арестовывался. В 1890-е годы в Вильно сформулировал идеологию Бунда, но сам стал (вскоре противником его. Вместе с Лениным арестован в Петербурге в 1896, осуждён на 3 года ссылки, но в отличие от Ленина не имея протекции, отбыл её в Туруханском крае. С 1901 – эмигрант. Лидер меньшевиков. Не выносил моральной неразборчивости большевизма. Был сторонник легального развития с-д. С начала войны был против защиты отечества, но и против превращения войны в гражданскую. Вернулся в Россию через Германию со вторым эмигрантским транспортом в мае 1917. Был за общее социалистическое правительство против захвата власти. В октябрьские дни на заседаниях Съезда Советов пытался отговорить от штурма Зимнего дворца. Резко протестовал против разгона Учредительного Собрания, в разгар красного террора – против смертной казни. В 1920 с разрешения Ленина уехал в Германию, там издавал “Социалистический Вестник”. Один из создателей II 1/2 Интернационала (“за диктатуру пролетариата, но без террора”). Умер от туберкулёза горла.

МООР Карл (1852-1932). Швейцарский с-д. 1892-1906 годы участвовал в редактировании “Бернер Тагвахт”. Состоятелен. Во время войны, под кличкой “Байер” – двойной агент немецкой и австрийской разведки. Много помогал Ленину. Опекал Мюнценберга в швейцарской тюрьме, Платтена – в литовской, спас Радека из берлинской (1919). Выполнял тайные дипломатические миссии советского правительства. После Октября – почётный гражданин СССР и жил там большей частью до 1927. Последние годы жизни – в Берлине.

МЮНЦЕНБЕРГ Вильгельм (1889-1940), родом из Эрфурта, эмигрант в Швейцарию с 1910. Здесь – секретарь Социалистического Интернационала Молодёжи, редактор его органа “Югенд Интернационале”. Организатор рабочих демонстраций в Цюрихе в военные годы. Участник Кинтальской конференции. С 1916 – в руководстве с-д партии Швейцарии. В 1917 ездил через

Германию при содействии германских властей (будучи германским дезертиром). В 1917 устроил кровавую баррикадную схватку в Цюрихе, после этого и еще раз в 1918 арестовывался. По окончании войны выслан в Германию. 1919-1921 – секретарь Коммунистического Интернационала Молодёжи, 1920 – у Ленина в Москве. С 1924 в Германии создал левый газетный концерн. До 1933 – коммунистический депутат рейхстага. В 1933 эмигрировал во Францию. Отказался приехать в СССР по вызову Сталина. Летом 1940 найден повешенным в лесу близ Гренобля.

НОБС Эрнст (1886-1957), сын портного, учитель. С 1915 – главный редактор партийного органа “Фольксрехт” и других социалистических изданий. С 1916 – председатель цюрихской партийной организации. С 1917 – член руководства швейцарской партии. С 1919 – депутат швейцарского парламента, с 1943 по 1951 – член правительства, в 1948 – президент Швейцарии.

ПАРВУС (Гельфонд) Александр (Израиль) Лазаревич (1867-1924). Родом из Минской губернии (Березино), детство в Одессе. 1885 – окончил Одесскую гимназию, 1891 – Базельский университет. Начал успешно печататься в левой германской печати (“публицистическая революция”), связывал германских с-д с русскими (Плеханов, Потресов). Организовал печатание “Искры” в Лейпциге и сам печатался в ней. За свою публицистику высылался из разных германских земель, переезжал в другие. Фактический руководитель Петербургского Совета в 1905, несколько месяцев в Крестах и

Петропавловке, административная ссылка в Сибирь на три года, ушёл с пути, вернулся в Петербург, уехал за границу. Резко критиковал “русский курс” (сближение) германской политики, намечавшийся в 1907. С 1910 по 1915 – в Турции и на Балканах, сильно разбогател, финансовый советник турецкого и болгарского правительств при входе их в мировую войну. С февраля 1915 в переговорах с германским м.и.д. Взятся сделать революцию в России и вывести её из войны. Под прикрытием торговли направлял германские деньги русским революционерам, после Февральской революции – исключительно большевикам, дав им быстро укрепить свою прессу и организацию, совсем слабую и малочисленную до Февраля 1917. После разоблачений в июле 1917, не доведённых до конца, резко атаковал в германской прессе Керенского. В 1917 тормозил обще-социалистические попытки мира, влиял на германское правительство – дожидаться анархии в России и обезвредить её. После Октябрьского переворота хотел вернуться в Россию (не доверял организаторским способностям большевиков, ставил Ленину в вину “уступки” крестьянам). Ленин отказал. От момента, когда советское правительство отпустило 2 миллиона рублей “на поддержку европейской революции”, Парвус стал нападать на Ленина (впервые). Считал опасным, что большевики сделают из России сильную военную державу. После германской революции ноября 1918 уехал в Швейцарию, поселился в вилле на Цюрихском озере. Его оргии здесь в сочетании с берлинским скандалом вокруг Скларца, подкупившего с-д правительство, привели к высылке Парвуса из Швейцарии. Устроил себе богатое жилище на острове Шванненвердер (Германия) и жил там до смерти.

ПЛАТТЕН Фриц (1883-1942), слесарь, затем чертёжник. Секретарь швейцарской с-д партии, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где примыкал к Ленину. При отвозе ленинской группы не был пропущен в Россию английским контролем на границе. Возвратясь в Швейцарию, восстановил контакты с послом Ромбергом для организации следующих эмигрантских транспортов (“Надо увеличить в Петербурге число убеждённых сторонников мира путём подвоза их из-за границы”). С 1917 – член швейцарского парламента, в 1918 – основатель швейцарской коммунистической партии. Тем временем неоднократно ездил в Москву, одна из

видных фигур при создании Коминтерна в 1919, член бюро Коминтерна. До 1923 – секретарь компартии Швейцарии, с 1923 и до смерти – в СССР. Умер в ссылке.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856-1918). Первый крупный русский марксист и долгое время (до раскола с Лениным в 1903) глава русской социал-демократии. (В 1883 создал марксистскую группу “Освобождение труда” в Женеве.) Но и на раскольном (П-м) съезде выступал сторонником революционной диктатуры. Позже опять блокировался с Лениным, тщетно пытаясь вернуть себе ведущее место в партии. С 1914 занял патриотическую позицию и она сохранилась и углублялась до самой смерти его. В 1917 вернулся в Россию через Англию несколькими днями прежде Ленина. В результате дробления с-д партии он давно уже не был вождём меньшевиков, но лидером группы “Единство” (т. е. национального), искавшей союза с кадетами и разбитой в результате Октябрьского переворота.

ПОТРЕСОВ Александр Николаевич (1869-1934). Дворянин, сын артиллерийского полковника. От матери перенял чувство страдания за народ. Окончил естественный факультет, поступил на юридический, но отвлёкся политической деятельностью. В 1892 – первая поездка в Швейцарию, связь с группой “Освобождение труда”, с Плехановым – становится его издателем в России. 1898-1900 – ссылка в Вятскую губернию; «месте с Мартовым и Лениным (переписка между тремя ссыльными местами) создал план “Искры” и в 1900 поехал в Швейцарию осуществлять его. 1901-03 по болезни отошёл. В 1905 – один из первых вернулся в Петербург (на революцию) и участвовал с Парвусом и Троцким в издательской деятельности. После разгрома революции не поехал в эмиграцию принципиально: надо быть в России. Плеханов из-за границы напал на Потресова в ответ на его журнальную критику, этим воспользовался Ленин (так родился термин “ликвидатор”). Потре– сов считал, что подполье не может выражать интересов рабочих и надо сосредоточиться на легальных организациях. Войну 1914 воспринял как начало гибели России. Поддерживал военно-промышленный Комитет Гучкова. Признанный вождь “меньшевиков–оборонцев”. Резкий противник сепаратного мира, при большевиках жил нелегально, арестовывался ЧК, освобождён хлопотами старых знакомых. В феврале 1925 с туберкулёзом позвоночника отпущен на лечение в Берлин и больше уже не поднимался до смерти.

ПЯТАКОВ Георгий Леонидович (1890-1937). Сын инженера. 15-летним реалистом участвовал в уличных митингах, исключён из училища. В 16 лет вёл анархистскую пропаганду и участвовал в “экспроприации”, готовился к террору. С двадцати лет – с-д. В 1913 сослан на поселение в Сибирь, оттуда уехал через Японию в Европу – Швейцария, Швеция. После Февраля – председатель Киевского комитета большевиков, потом и – Киевского Совета Рабочих Депутатов. Активный, участник Октябрьского переворота в Киеве, подпольная деятельность на Украине, с конца 1918 – первый глава советского правительства Украины. В Гражданскую войну большей частью был комиссаром, не чуждался карательной деятельности, в 1920 вместе с Троцким делал попытку создавать Трудармию (прообраз трудлагерей) на Урале. В 1922 – председатель

Трибунала на процессе эсеров в Москве. С 1923 – член ЦК. Все годы – в руководстве хозяйством СССР, к 1930-м годам – фактический руководитель всей тяжёлой промышленности. Арестован, пытан, после показательного процесса расстрелян.

РАВИЧ Сарра Наумовна (1879-1957). С-д с 1903, в Женеве с 1907. Была арестована в Мюнхене при размене денег, награбленных у русской казны в Тифлисе. Вернулась в Россию в ленинской группе, вошла в петроградский комитет большевиков. Видимо, арестована в 1938, но в лагерях выжила. Написала роман о декабристах.

РАДЕК (Зобельзон) Карл Бернгардович (1885-1939). Блестящий журналист, дерзкий находчивый политик. Уроженец Галиции, польский с-д. Эмигрировал, приезжал на революцию 1905 в Варшаву, снова эмигрировал в Берлин. В польской с-д противник Р. Люксембург, из немецкой с-д исключён за неблагоприятные поступки, с началом войны уехал из Германии в Швейцарию, чтоб избежать мобилизации. Участник Циммервальда и Кинтала, то в спорах с Лениным, то в союзе, и тогда любимец его. Через Германию проехал с ленинской группой, на 1917 остался в стокгольмском Заграничном Бюро большевиков (см. Ганецкий). Участник переговоров в Брест-Литовске. В конце 1918 поехал в Германию помогать делать там пролетарскую революцию, арестован, в тюрьме его посещали видные политики. Освобождён. Неоднократно был в Германии и с другими тайными миссиями (поиск союза против Польши и т. д.). В 1923 послан туда снова – разжечь революцию (не удалось). Член ЦК, член Исполкома Коминтерна. В 1923-25 годах потеснён вместе с оппозициями, ушёл с видных политических ролей. Многие годы – первое перо советской прессы. Перед процессом 1937 давал показания на других, после процесса не был расстрелян, но вскоре умер в заключении при неизвестных обстоятельствах.

РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич (1873-1941) – из зажиточной болгарской семьи и из рода, много воевавшего за независимость от Турции. 14-летним гимназистом участвовал в политическом брожении, 17-ти лет эмигрировал в Женеву, где попал под влияние Плеханова и сознакомился с мировым с-д движением. Через женитьбу на русской был связан с Россией, ездил туда, публиковался в левой печати (“Инсаров”). Многие годы европейской эмиграции, упорная революционная деятельность в Румынии и Болгарии. Участник Циммервальда. Из румынской тюрьмы освобождён Февральской революцией, поехал в Петербург, примкнул к большевикам. После Октября – комиссар на юге России (матросского отряда, одесской чрезвычайной коллегии и т. д.). По поручению советского правительства вёл переговоры со Скоропадским и Германией об отделении Украины и мире с ней. Напротив, при захвате Украины большевиками всякий раз становился председателем ее

Совнаркома – и так до 1923 возглавлял Украину. (Совмещал со многими политико-военными и хозяйственными постами.) 1923 – полпред в Англии, 1925 – во Франции. С 1919 – в ЦК партии, в верхах руководства. Испытал падение вместе с оппозициями. Осуждён на показательном процессе 1937. Умер в тюрьме при неизвестных обстоятельствах.

РЯЗАНОВ (Гольденбах) Давид Борисович (1870-1938). С 17 лет в революционном движении, “почти первым стал в Одессе марксистом”. Уклон в теорию и книжную деятельность, стал историком марксизма. Несколько арестов, несколько выездов в эмиграцию. С 1907 пишет историю I Интернационала за границей, публикует неизданное Маркса и Энгельса, становится лучшим знатоком их наследия. Участник Циммервальда. В Россию вернулся через Германию со вторым эмигрантским транспортом. С 1917 – в большевиках. Лектор, основатель и директор института Маркса-Энгельса. В 1931 исключён из партии. Умер в ссылке.

САФАРОВ Георгий Иванович (1891-1942). С-д с 1908, эмигрант в Швейцарии с 1912, примыкал к Ленину и в Россию выехал вместе с ним. Главный редактор “Ленинградской правды”, в 1925 – активный член оппозиции Зиновьева-Каменева. В 1927 исключён из партии как троцкист. В 1935 арестован.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874-1949). Сын орловского дворянина, племянник Плеханова, кончил елецкую гимназию, с перерывами (краткие аресты, ссылка в родной уезд) – медицинский факультет. В революцию 1905 замечен на собраниях в Нижнем Новгороде, арестован, отпущен под залог, эмигрирует. В Женеве и Париже близок к Ленину. После Октября –

народный комиссар здравоохранения (его именем названо в СССР множество больниц и переулков, где расположены больницы, – как именем Подбельского – переулки с почтами).

СКЛАРЦ Георг (род. 1878). Коммерсант, политических взглядов не выражал. С начала войны 1914 – агент германской разведки и главного морского штаба. Сотрудник в Парвусовской конторе, затем собственные крупные операции по поставкам военным и в послевоенной разорённой Германии. Обвиняемый на скандальном процессе по подкупу и финансовому подчинению ведущих деятелей германской с-демократии – Шейдемана, Носке, Эберта, крупных военных.

СОКОЛЬНИКОВ (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888-1939). Сын роменского врача, учился в московской гимназии. Большевик с 1905, участник “военно-технического бюро” (организация налётов). Из енисейской ссылки ушёл в эмиграцию в 1909. В Париже кончил

юридический факультет. В войну колебался между “нашесловцами” (Мартов-Троцкий) и большевиками. Вернулся в Россию в ленинской группе. С июля 1917 – в ЦК большевиков, редактор “Правды”, в момент переворота – в Политбюро. Руководил захватом банков и стал их генеральным комиссаром. Подписал Брестский мир (председатель делегации), участник дополнительных соглашений в Берлине. Политически возглавлял подавление восстаний на Ижевском, Боткинском заводах и крестьянских в Вятской губернии, затем – расправы на Дону, вызвавшие Донское восстание. Командовал армией при взятии Ростова и новороссийской эвакуации белых. В 1920 вместе с Сафаровым, Кагановичем и Петерсом возглавлял подавление Туркестана. Занял несчастливую позицию в партийной дискуссии “о профсоюзах”. С 1921 по 1926 – народный комиссар финансов. С 1929 – посол в Англии, с 1934 – заместитель наркома иностранных дел. Сужен показательным процессом в Москве, умер в заключении.

УРИЦКИЙ Моисей Соломонович (1873-1918) – из купеческой семьи г. Черкассы, гимназия в Белой Церкви, юридический факультет Киевского университета. Участие в с-д движении, легко уходит из ссылки, эмигрирует. Меньшевик, в годы войны – “нашесловец” с Троцким, поддерживает связь Парвуса с “межрайонцами” в Петербурге. С ними вместе вливается в большевики, сразу – член ЦК. В Октябрьский переворот – член Военно-Революционного Комитета, руководившего восстанием. “Комиссар Учредительного Собрания”

– разогнал его. Начальник Петроградского ЧК, руководитель террора в бывшей столице. Убит студентом Канегиссером.

ХАРИТОНОВ Моисей М. (1887-1948) – с-д с 1905, большевик. С 1912 – в Швейцарии, студент-юрист. Близок к Ленину, вернулся в Россию в его группе. После Октябрьского переворота

– начальник петроградской милиции. В 20-х годах – секретарь губкома на Урале, в Перми, в Саратове. В 1925 поддержал оппозицию Зиновьева-Каменева, затем их блок с Троцким. Далее крупных постов не занимал.

ЦИВИН Е«ген (клички от немецкой и австрийской разведки – “Вейсе”, “Эрнст Колер”). Русский революционер, работавший в Швейцарии в годы войны в контакте с австрийской, потом и немецкой службой.

ЧУДНОВСКИЙ Григорий Исакович (1894-1918). С-д меньшевик, долгие годы эмигрант. В Россию возвращается вместе с Троцким, входит в межрайонцев, потом – большевик. Вместе с Антоновым–Овсеенко руководит штурмом Зимнего дворца. Военный комиссар Киева. Убит на Украине.

ШКЛОВСКИЙ Георгий Львович (1875-1937). С-д с 1898, эмигрант в Швейцарии с 1909. Химик. У Ленина – на технических ролях, казначей и др. Вернулся в Россию летом 1917 с третьим эмигрантским транспортом. 1918 – руководитель советского представительства в Берне, затем и другие дипломатические посты. В 1927 понижен как троцкист. В год чисток покончил самоубийством.

ШЛЯПНИКОВ Александр Гаврилович (1885-1937). Из старообрядческой муромской семьи. Отец-ремесленник рано умер, мать осталась с четырьмя детьми. Кончил трёхлетнюю народную школу, мечтал стать мастером, постепенно стал слесарем и токарем высокого разряда. Из стойкой старообрядческой религиозности по веянию времени перешёл в социал-демократизм. Работал в Соромове, в Петербурге. Несколько арестов, не более года каждый, освобождался то по амнистии, то под залог. С 1905 – большевик. В 1908 эмигрировал, работал на многих европейских заводах. В течение войны несколько раз пересекал русскую границу из Скандинавии, единственный во всей большевистской партии осуществляя реальную связь между эмиграцией и метрополией: привозил пропагандную литературу, оживлял организацию в столицах и провинции (конспиративно объезжал её). С 1915 – председатель Русского Бюро ЦК, т. е. фактический и формальный руководитель всей партии на территории России, все прочие именитые партийные деятели в годы войны замерли, большинство комитетов бездействовало. Февральская революция застала Шляпникова в Петербурге, он вошёл от большевиков в Исполнительный Комитет Совета Депутатов, создавал Красную Гвардию, организовывал встречу Ленина. Но вскоре оттеснен многими приехавшими. На многие годы стал председателем союза металлистов. Вошёл народным комиссаром труда в первое советское правительство. При бегстве правительства в Москву ему поручена организованная эвакуация Петрограда. В 1921 году возглавил “рабочую оппозицию”, обвинявшую партийных вождей в забвении рабочих интересов и перерождении. Подвергся яростной атаке Троцкого, Ленина и большинства ЦК, эта оппозиция никогда не была ему прощена. С тех пор занимал лишь второстепенные посты. Был обставлен осведомителями, Сталин в 1929, вызывая по ночам, требовал от Шляпникова самооклеветания. В 1933 исключён из партии, ссылка, через год арестован. Почти три года под следствием, не уступал, вывести на показательный процесс оказалось невозможно, расстрелян в сентябре 1937. Прокуратурой реабилитирован в 1956, но в партийной реабилитации ему отказано и поныне: рабочая оппозиция не может быть прощена.

Иван Бунин. «Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.)»

По материалам издания: **Бунин И. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.)** // Бунин И. *Великий дурман*. - М., 1997. - С. 126-138.

Перепечатано с сайта: **"Русская эмиграция"**, разработанного Центром по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа

Соотечественники.

Наш вечер посвящен беседе о миссии русской эмиграции.

Мы эмигранты, – слово «émigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Миссия – это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: «миссия есть власть (pouvoir), данная делегату идти делать что-нибудь». А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера – напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже позорным. Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть однако их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша еще далеко не все. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, воспринять все мыслимые унижения и заушения на путях чужеземного скитальчества: взгляни, мир, и знай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, быть может, роковых для тебя страниц!»

Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, – были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц. Однако это не все: русская эмиграция имеет право

сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязующего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство – и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства. В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще – от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страждущей России, он только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Германию. Но когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские «внутренние дела», то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла даже до того, что узаконят этот погром. И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: «Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покроет землю и мрак – народы... И лицо поколения будет собачье...» Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочтением, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, вовеки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира. Который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как не безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако, чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства ее истинно в религию, Россия уже сошла с ума, – сам министр-президент на московском совещании в августе 17 года заявил, что уже зарегистрировано, – только зарегистрировано! – десять тысяч зверских и бессмысленных народных «самосудов». А что было затем? Было величайшее в мире попрание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и «похабного мира» в Бресте и докатившееся до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря, и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и

Каину, учить «Семь заповедей Ленина». И дикарь все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самую Святую святых своей родины, в место страшного и благословенного таинства, где пока почивал величайший Зиждитель и Заступник ее, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения их земного существования. Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои «заветные чаяния» за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней «земельки»? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле – и нельзя, преступно служить ее тьме.

Да. Колеблются устои всего мира, и уже представляется возможным, что мир не двинулся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом и был бы выкинут самый Гроб Господень: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем узаконении даже самим римским наместником Христа. Мир одержим еще небывалой жадной корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморре. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей. И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «новой» жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устройства человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу – тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобно, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колению ходить в крови. Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот – другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!» Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву –
Под руки и по Тверскому...
Кометой по миру вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду.
Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить в одно – и эту матерщину, и шестилетнюю державу бешеного, и хитрого маньяка, и его высывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга, и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь ноги-то раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело. В свое время непременно падет на все это Божий гнев, – так всегда бывало. «Се Аз восстану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...» И на Содом и Гоморру, на все эти Ленинграды падет огонь, и сера, а Сион, Селим, Божий Град Мира, пребудет вовеки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?

Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. «Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!» Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. «Они не хотят ради России претерпеть большевика!» Да, не хотим – можно было претерпеть ставку Батя, но Ленинград нельзя претерпеть. «Они не прислушиваются к голосу России!» Опять не так: мы очень прислушиваемся и – ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда. И пребудут в верности заповедям Синайским и Галилейским, а не планетарной матерщине, хотя бы и одобренной самим Макдональдом. Пребудут в любви к России Сергия Преподобного, а не той, что распевала: «Ах, ах, тра-та-та, без креста!» и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. «Народ не принял белых...» Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. Но, слава Богу, это не совсем так: не принимали хулиган, да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленное.

Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех забавах, которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убили однажды какого-то нищего старика (по их подозрениям, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собачонкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и ныла эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебывается от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании ее. Пусть не всегда были подобны горному снегу одежды белого ратника, – да святится во веки его память! Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее.

Будем же ждать этого дня. А до того, да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России.

А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно ее материальных интересов. Это – мой Бог и моя душа. «Ради самого Иерусалима не отрекусь от Господа!» Верный еврей ни для каких благ не отступится от веры отцов. Святой Князь Михаил Черниговский шел в

орду для России; но и для нее не согласился он поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть.

Говорили – скорбно и трогательно – говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду»!

Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный мир» с нынешней ордой.

P.S. 16 февраля в Париже был вечер, посвященный беседе «о миссии русской эмиграции», – публично выступали с речами на эту тему Карташев, Мережковский, Шмелев, проф. Кульман, студент Савич и пишущий эти строки. «Миссия русской эмиграции» есть вступительное слово, прочитанное мною в начале беседы. Я обратился к редакции «Руля» с просьбой напечатать его с той целью, чтобы хотя несколько опровергнуть кривотолки, которым подвергся в печати, а, благодаря ей, отчасти и в обществе, весь этот вечер. Теперь по крайней мере хоть некоторые будут точно знать, что именно сказал я, наметивши, по выражению органа П.Н. Милюкова, зачинщика этих кривотолков, «все главные мысли и страшные слова, которые повторяли потом другие ораторы». И пусть теперь всякий здравомыслящий человек с изумлением вспомнит все то, что читал он и слышал о наших «страшных словах».

Началось с передовой статьи и отчета о вечере в «Последних Новостях» от 20 февраля. Отчет (под заглавием «Вечер страшных слов») больше всего отвел места мне, вполне искажил меня, приписал мне нелепый призыв «к божественному существованию» и претензию на пророческий сан, сообщил, как мало я похож на пророка «со своим холодным блеском нападков на народ» и весьма глумился и над всеми прочими участниками вечера, тоже будто бы желавшими пророчествовать, но оказавшимися совершенно не способными «подняться на метафизические высоты». А передовая статья была еще удивительнее и походила просто на бред. Она называлась «Голоса из гроба» и говорила следующее:

«Писатели, принадлежащие к самым большим в современной литературе, те, кем Россия по справедливости гордится... выступили с проповедью почти пророческой, в роли учителей жизни, в роли, отжившей свое время... Они самоопределились политически... соединились с Карташевым и не ему передали свою политическую невинность, а себя впервые окрасили определенным цветом... Они говорили против политики – за внутренний категорический императив и за Христа... очевидно, твердо верили, что, подобно пророкам, высоко вознеслись над мелкими злобами дня, на деле же принесли с собой только лютую ненависть к своему народу, к целому народу, и даже хуже – презрение, то есть чувство аристократизма и замкнутости... Что значит их непримиримость? Непримиримость к чему? К кому?»

Мы, будто бы притязавшие быть пророками, – которым будто бы ненависть не подобает, – мы очень просто и твердо говорили, к чему именно проповедуем мы непримиримость. Но П.Н. Милюков все-таки почему-то счел нужным спрашивать – и ответил за нас сам, поставив во главу угла опять-таки меня, ни с того ни с сего смешав мою речь с моими последними стихами и рассказами. Прочтите, сказал он, стихи Бунина в «Русской Мысли» и его рассказ «Несрочная весна» в «Современных Записках»: «это все непримиримость с новой жизнью, тоска о прошлом – и гордость: я, мол, генеральская дочь, а там только титулярные советники...» (Да, пусть не протирают глаза читатели «Руля»: я цитирую буквально). А затем также смело было поступлено и со всеми прочими участниками вечера («таков Бунин и таковы и все другие – все они дышат страхом и злобой ко всему, что продолжает жить вопреки им») – и дело было сделано: до неправдоподобности странная передовая статья положила прочное основание легенд о кровожадных и вместе с тем пророчески призывающих «к божественному существованию» мертвецов, которыми будто бы оказались мы. За ней, за этой статьей, последовало еще не малое количество подобных же строк (даже статей – «Пастыри и молодежь», «Апостольство или недоразумение», «Религия и аполитизм» и т.д.), нашедших отклик в Праге и даже в Москве. И

легенда все растет, и вот какой-то г. Быстров доходит уже до того, что утешает «Последние Новости» на счет общественного влияния того самого вздора, который ими же самими и выдуман: не бойтесь, говорит он в номере от 25 марта, – молодежь не пойдет за этими писателями, «ставшими за границей публицистами и на сто лет от жизни отставшими!»...

Думаю, что читатель «Руля» не посетует на то, что появляется, наконец, в печати один из подлинных документов страшной и зловредной отсталости от века, проявленной в Париже 16 февраля (а 5 апреля имеющей быть продолженной) и не сочтет за личную полемику мою приписку к этому документу: дело имеет все-таки некоторый общий интерес. И тем более имеет, что в московской «Правде» от 16 марта уже появилась статья, почти слово в слово совпадающая со всем тем, что писалось о нас в «Последних Новостях». Московская «Правда» тоже страстно жаждет нашей смерти, моей особенно, для видимости беспристрастия тоже не скупясь в некрологах на похвалы. Она сперва сообщила, что я на смертном одре в Ницце, потом похоронила меня (а вместе со мною Мережковского и Шмелева) по способу «Последних Новостей» – морально. В «Правде» статья озаглавлена «Маскарад мертвецов» и в статье этой есть такие строки:

«Просматривая печать белой эмиграции, кажется» – какой прекрасный русский язык! – «кажется, что попадаешь на маскарад мертвых...».

«Бунин, тот самый Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, позирует теперь под библейского Иоанна... выступает в его черном плаще... как представитель и защитник своего разбитого революцией класса... Это особенно ярко сказывается в его последних произведениях: в рассказе «Несрочная Весна» и в стихах в «Русской Мысли»... Здесь он не только помещик, но помещик-мракобес, эпигон крепостничества... Он мечтает, как и другой старый белогвардеец, Мережковский, о крестовом походе на Москву... А Шмелев, приобщившийся к белому подвижничеству только в прошлом году, идет еще дальше: один из значительных предреволюционных писателей, он не крепостник, а народник... Для него «народ» кроток и безвинен, сахарная бонбоньерка, крылатый серафим... и он во всем обвиняет интеллигенцию и Московский университет, недостаточно усмирленный в свое время романовскими жандармами.....

«Вообще выступление этих трех писателей, по сравнению с которыми даже вехи 1907 г. кажутся безвинной елочной хлопушкой, вызвало в эмиграции широкий отклик. Даже седенький профессор... назвал это выступление в своей парижской газете голосами из гроба...».

Руль. 1924. 3 апреля

Лев Данилкин «Ленин: Пантократор солнечных пылинок»

© Данилкин Л. А., 2017

* * *

Симбирск

1870–1887

Надежда Константиновна Ульянова, умевшая изобразить кого угодно, божилась, что ее муж «никак и никогда ничего не рисовал»; тем более таинственным и многообещающим выглядит плотно зататуированный пиктограммами и снабженный инскриптом берестяной прямоугольник.

14 легко читающихся кириллических букв настраивают на легкую победу; гипотетический Шерлок Холмс, впрочем, заметил бы, что нейтральнее было бы не «ПИСЬМО ТОТЕМАМИ», как тут, а «ТОТЕМНОЕ ПИСЬМО». Пожалуй, это нечастый в русской речи гендиадис: два существительных вместо существительного с прилагательным; фигура, характерная для латыни.

Центральная серия рисунков напоминает древнеегипетские росписи на стенах гробниц, другая, с геометрическими фигурами охотников, – наскальную живопись, третья – лубочные картинки из азбуки.

Цветные иконки – Самовар, Рак, Аист, Змейка, Лягушка, Свинья – прорисованы с впечатляющей аккуратностью, но без лишних анатомических подробностей; возможно, иллюстрации скопированы с некоего оригинала.

Автором этого кодекса был 12-летний гимназист, криптограф и любитель мертвых языков; уж конечно, он знал про фигуру «hen dia dyoin» («одно посредством двух»): в мае 1887-го этот самый гендиадис даже попадетс я ему в билете на выпускном экзамене.

Документ, хранившийся в архиве документов Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под номером 1, не включали ни в собрания сочинений, ни в «Ленинские сборники» и опубликовали лишь в 1958 году; возможно, кому-то казались неподобающими ассоциации письма со словом «вождь» («вождь краснокожих», «вождь красных»); скорее всего, дело в том, что «Письмо тотемами» не расшифровано: версия, будто это стилизованный отчет о проведенном лете, неубедительна.

Адресат письма – Борис Фармаковский, ровесник и приятель Владимира Ильича; он станет археологом и будет раскапывать греческую колонию Ольвию. В начале 1880-х он с родителями переехал из Симбирска в Оренбург, и в январе 1882-го – самое подходящее время, чтоб отчитаться о лете, – Илья Николаевич Ульянов привез ему послание от сына-третьеклассника. Ответил ли Фармаковский – и если да, то как, – неизвестно.

Письмо квалифицируется как «индейское»: его элементы имитируют графическую манеру и смысловое содержание известного «прошения индейских племен Конгрессу Соединенных Штатов». Вместо названий племен там нарисованы их тотемы – животные; в тело каждого вживлено сердечко, от которого – так же как в послании ВИ, – вьется веревочка к президенту: разреши нам переселение.

О чем Аист или Самовар могут просить Бородатого Купальщика?

Самовары и индейцы? Может ли быть, например, Самовар – рифмованным, как в кокни, искажением названия индейского племени «делавары»? Известно, что ВИ и его сестра Ольга, начитавшись Купера и Майн Рида, тайно от родителей соорудили вигвам из хвороста с полом, устланным травой; пока Ольга оставалась у игрушечного костра присматривать за хозяйством, ВИ с луком уходил на охоту, откуда приносил «убитую» корягу и рассказывал, как белые люди мешали ему и сами едва не поймали его арканом.

Число «шесть» присутствует сразу в нескольких сериях, и можно предположить, что речь идет о младшем поколении Ульяновых: Анна, Александр, Владимир, Ольга, Дмитрий, Мария.

Тогда кто из них – ВИ? Какой объект – тотем Ленина? Какое свойство в Ленине – главное? Кусачий, как рак? Горячий? Слизкий? Ядовитый? Всеядный?

Если читать шестичленную криптограмму слева направо, «третьим ребенком» окажется Аист. Символ Гермеса, покровитель путешественников.

Если справа налево – Змейка; символ хтонических сил земли.

Аист пожирает лягушек.

Лягушек часто потрошил в ходе своих опытов Александр; лягушка, как и Бородатый, живет в озере; в одноименной пьесе Аристофана они обитают в одном из водоемов Аида. Подполье? Подпольная партия?

Шифрованное приглашение вступить в тайное общество?

Карта с маршрутом к чему-то припрятанному?

Молитва, адресованная духу страны вечной охоты?

Сюрреалистически выглядящий Спящий Человек в правом верхнем углу напоминает о Ленине, который в 1915-м, вернувшись после Циммервальдской конференции, полез на гору Ротхорн и, добравшись до вершины, вдруг рухнул на землю, прямо на снег, и заснул – как убитый.

В правой нижней части, в чем-то еще сне, находим Царство Снеди: Кувшин с молоком, разрезанную надвое колбасу, соединенную путаницей из бечевки и чем-то вроде пары очков, Знак Вопроса. Усы и бородки лиц, обращенных к пище, делают их похожими на маски Гая Фокса.

Ленинская береста обескураживает биографа: античные символы, галлюцинации, бездонные озера, индейцы, таинственные связи между предметами и явлениями, визуальные метафоры, серии двойников, самовары, которые не то, чем кажутся. Поле щедро усеяно ключами – но ни один из них ничего не открывает; Фестский диск – и то понятнее. Документ Номер Один отбрасывает длинную тень на все прочие – и не сулит легкой разгадки. Ленин был профессиональным шифровальщиком; мемуаристы приписывали ему умение незаметно перемещаться, быстро исчезать и другие «индейские» следопытские способности. Есть апокрифические рассказы, как он ориентировался в лесу по звездам, а в лугах – по маршрутам полета пчел. Да что там в лесу – он даже и по комнате-то, сочиняя статьи, вышагивал, как индейцы у Купера – бесшумно, не наступая на пятки. Засечь – и сцапать его в кулак: попался! – не получится.

Но так было не всегда.

При ходьбе «голова его перевешивала» туловище; раз за разом, падая, он ударялся головой, «возбуждая в родителях опасения, что это отразится на его умственных способностях». «Треск раздавался такой основательный», – Анна Ильинична Ульянова описывает едва вставшего на ноги младшего брата с некоторым ироническим изумлением, будто ей довелось оказаться сестрой механической человекоподобной куклы, – что «я боялась, что он совсем дурачком будет». Соседи снизу, так и не сумевшие привыкнуть к жизни под этой дорожкой для боулинга, тоже сочли нужным высказать свою озабоченность: «либо очень умный, либо очень глупый он у них выйдет!» Способность брата использовать голову на манер тарана или молота вызывает у Анны Ильиничны нечто вроде гордости: «Эти частые падения и очень болезненные удары не делали Володю осторожнее» – «он бросался вперед всё с той же стремительностью».

В четыре года Карлик Нос превращается в очаровательного аморетто «с золотистыми кудерками и бойкими, веселыми, карими глазами», а затем, сезон за сезоном, утрачивает «ульяновские» припухлости и обретает «ленинскую» монументальность, которая так чувствуется практически на всех поздних фотографиях, где «харизма» вождя полностью компенсирует физиологические изъяны: рост ниже среднего, всегдашние мешки под глазами, дистрофичные волосы по бокам очага алопеции. Что касается промежуточных лет, то многие мемуаристы, даже из адептов

большевизма, не считали нужным фокусироваться исключительно на ангелических параметрах ленинской внешности. Сильвин, знакомый с Ульяновым с середины 1890-х, назвал его наружность «некрасивой»; одноклассник ВИ, Наумов, вспоминает «неправильные – я бы сказал некрасивые – черты лица» и «рот, с желтыми, редко расставленными, зубами»; в вину также ставится – на всех не угодишь, – что юный ВИ был «совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками». Другие отмечали «калмыцкие глаза со скулами, торчащие уши, бедную рыжую растительность», сутулость, «неинтеллигентную физиономию и вид не то приказчика, не то волостного писарька»; «малопрезентабельный», «определенно похож на среднего петербургского мещанина». Станным образом, очевидная ахиллесова пята по этой части – лысина – если и провоцировала подтрунивания, то необидные; так, издательница Калмыкова в письмах именовала Ленина «наш златокудрый Аполлон». Рабочим в марксистских кружках, которые вел «Николай Петрович», плешь казалась признаком ума: так много думает, что аж волосы вылезли. Сам Ленин, похоже, склонен был разделять это мнение. Оставленный однажды приглядывать за пятилетней дочкой Лепешинского, он устроил для нее в тазу озеро, запустил кораблики из ореховых скорлупок, но надолго это не сработало; девочка заскучала и принялась изучать наружность своего бекситтера – он вынужден был отвечать на каверзный вопрос: «Ленин, а Ленин, отчего у тебя на голове два лица?» «Оттого, – ответил, «погмыкав», озадаченный ВИ, – что я очень много думаю».

Луначарский находил, что у Ленина сократовский череп – «действительно восхитительный»; в «контуре колоссального купола лба» нельзя не заметить «какое-то физическое излучение света от его поверхности...».

Строением черепа – это видно по фотографиям, и младшая сестра об этом пишет – ВИ весьма походил на отца; и не только черепа. Рост, конституция, большой лоб, «несколько монгольский разрез глаз», картавость, смешение холерического с сангвиническим темпераментов, «заразительный, часто до слез» смех, предрасположенность к insultам; оба умерли примерно от одной и той же болезни практически в одном возрасте.

На момент рождения ВИ Илье Николаевичу было 39 лет.

Для сына портного ему удалось сделать феноменальную карьеру; брат, астраханский мещанин, устроил его в гимназию, где он показал себя с лучшей стороны: окончил курс с серебряной медалью и поступил в Казанский университет. Учился у математика Лобачевского; о склонности ИН увязывать академическую науку с реальной жизнью можно судить по тому, что в дипломной работе он описал способы расчета параболической траектории C/1853 L1 – кометы Клинкерфюса, которая впервые появилась у Земли лишь в прошлом, 1853 году. Помимо исследований аperiодичных небесных тел, ИН несколько лет в Пензе и Нижнем вел систематические метеорологические наблюдения и разразился научной работой «О грозе и громоотводах». Обратив взоры на землю, он женился и, за год до рождения второго сына, перешел с должности преподавателя физики и математики на административную работу, сделавшись сначала инспектором, а через пять лет и директором народных училищ. Карьерный взлет сопровождался боковым смещением – из Нижнего в гораздо более провинциальный Симбирск, незнакомый для недавно созданной семьи город, столицу губернии размером со Швейцарию, где ИН предстояло руководить всеми народными училищами.

Больше прочих его интересовали три области: просвещение малых народов, литература и шахматы. Бешеный путешественник (в его ведении находилось более 430 народных училищ; младшие Ульяновы даже в крокет будут играть, оперируя отцовскими «командировочными» терминами: «шар отправился в уезд», «угнать этот шар подальше в губернию»), ИН воспринимал должность как «хождение в народ» – и посвящал огромную часть своего времени летучим ревизиям, цель которых было распространение начального образования (желательно в земских, народных, а не церковно-приходских школах) и спасение детей от розги и зубрежки. Прогрессивному директору народных училищ, одержимому идеей духовной модернизации общества, деятельность внутри системы просвещения представлялась бесконечной битвой с

реакционным левиафаном; известна его ироническая жалоба на то, что вместо народного просвещения государство занимается «затемнением». Возможно, антагонизм ИН и государства обычно преувеличивается: пореформенная крестьянская Россия объективно нуждалась в грамотных «новых людях», способных управлять машинами – и в индустрии, и в сельском хозяйстве; и администраторы, способные вырастить это новое поколение, ценились и активно вовлекались в государственную деятельность.

Помимо лысины, бакенбардов и золотого сердца, у ИН была некоторая склонность к острословию (сохранилась его шутка про то, что «немец идет к немцу, а русский к Рузскому» – при выборе, в какую пойти купальню), которую он мог реализовать в небольшом клубе интеллигентных зануд, любителей шахмат, латинских спряжений и лирики Некрасова. Однокурсник Ленина запомнил ИН как «старичка елейного типа, небольшого роста, худенького, с небольшой, седенькой, жиденькой бородкой, в вицмундире Министерства народного просвещения с Владимиром на шее...». Одержимость своим делом принесла ему в 1878 году чин действительного статского советника, в 1882-м – орден Владимира 3-й степени и потомственное дворянство.

Д. Е. Галковский, проницательный читатель Ленина, подметил, что «в опубликованной переписке нет упоминаний об отце и старшем брате Александре»: возможно, «Илья Николаевич умер во время или сразу после очередной ссоры с сыном, и фигура умолчания в переписке объясняется подавленным чувством вины». Это не такое уж голословное предположение: дело в том, что смерть отца совпадает с моментом вступления ВИ в переходный возраст – и изменения в его характере фиксируют многие свидетели.

Жизнеописания симбирского периода строятся по известному агиографическому канону: будущий духовный лидер обретался в сладкой неге, любви и семейном согласии; с головой погруженный в литературу, философию, шахматную игру, спорт, алгебру, древние и иностранные языки, он обгонял сверстников в развитии; в этом смысле слово «Преуспевающему», вытравленное на золотой медали Ульянова, кажется не столько намеком на «из латыни пять, из греческого пять», сколько переведенным на русский именем «Сиддхартха» в дательном падеже.

Сестре ВИ ребенок запомнился декламирующим «Где гнутся над омутом лозы» А. К. Толстого: про мальчика, у которого заснула на берегу водоема мать и которого вот-вот увлекут на дно обещающие блаженство полета стрекозы с бирюзовыми спинками. Эта романтическая – или даже буддистская – баллада как нельзя лучше описывает ту нарушаемую лишь согласным гуденьем насекомых нирвану, в которой можно пренебречь всеми намеками на смерть, старость, болезнь, насилие и страдание – и оставаться под материнской опекой.

С пятнадцати-шестнадцати лет, однако, принц Гаутама преобразуется в мантикору со скорпионьим жалом и чьей-то откушенной рукой в зубастой пасти. У ВИ появляется привычка высмеивать собеседников, отвечать «резко и зло»; раньше просто «бойкий и самоуверенный», теперь он становится «задирчив» и «заносчив»; и даже мать делается мишенью для его насмешливости. Двоюродный брат обратил внимание на то, что если раньше ВИ добродушно иронизировал над собеседником, сморозившим какую-то глупость или трюизм («Вот если бы все согласились не придавать значения золоту, так и лучше было бы жить!» – «А если бы все зрители в театре чихнули враз, то, пожалуй, и стены рухнули бы! Но как это сделать?»), то теперь он, прищурившись, процеживал: «Правильное суждение вы в мыслях своих иметь изволите». Старший брат, которому выпала возможность несколько месяцев наблюдать за ним после смерти отца, на вопрос сестры о нем ответил: «Мы с ним не сходимся»^[1].

Возможно (хотя и крайне маловероятно), что 15-летний ВИ испытывал к отцу что-то вроде подросткового презрения: для него обладатель генеральского чина, титуловавшийся «ваше превосходительство», мог казаться представителем государственной машины насилия, бюрократии, аппарата, того самого, который Ленин впоследствии так будет жаждать «разбить».

Анна Ильинична упоминает о «некоторой вспыльчивости отца», унаследованной его средним сыном; она также отмечает, что оба ее «родителя были скромны и застенчивы, мать даже жаловалась, что это вредило ей в жизни» – и единственным, по ее словам, исключением из семейной несклонности к выказыванию чувств и нарушению общественного спокойствия был как раз ВИ: тот кричал, когда считал нужным. Когда во время поездки на пароходе мать поставила ему на вид излишнюю шумность: «На пароходе нельзя так громко кричать» – он резонно заметил – точнее, заорал: «А пароход-то ведь сам громко кричит!»

Профессиональный педагог, ИН точно не был домашним деспотом, детей не лупил и позволял себе лишь самые безобидные эксперименты в сфере стимулирующих наказаний: провинившихся в семье Ульяновых сажали на черное «клеенчатое кресло».

ВИ был там завсегдаем.

Наиболее темпераментный из всех шестерых младших Ульяновых и до поры до времени лишенный возможности канализировать свою энергию в какую-то полезную деятельность, ВИ представлял собой грозную силу, с которой не в состоянии были справиться родители и которая вызывала у его братьев и сестер приступы отчаяния. Его манера при любой возможности швыряться калошами по живым мишеням запомнилась жертвам на десятилетия. Идея, дождавшись, пока родители в темное время суток уйдут из дому, изображать «брыкаску» – закутываться с головой в меховой тулуп, прятаться под диваном в темной комнате и хватать за ноги, кусать и щипать всех, кто попадется, а затем еще и выползая оттуда на четвереньках с диким рычанием – доводила напуганных братьев и сестер скорее до заикания, чем до смеха. Список детских грехов ВИ так велик, что их не откупить никакими индульгенциями: помимо склонности к обувному терроризму, в верхних строчках значатся украденная со стола яблочная шелуха (которую запрещено было есть – но он все же съел ее, в кустах), издевательства над младшим братом (который не мог сдержать слез, когда слышал финал песенки про «Жил-был у бабушки серенький козлик», – но вынужден был по несколько раз выслушивать крики «рожки да ножки», сопровождающиеся сатанинским хохотом); демонстрация вырванных с корнем растений перед старшей сестрой (которая, как подметил ВИ, страдает от некой фобии относительно подвергшейся такому обращению флоре); разодранная в клочья и растоптанная коллекция театральные афиш (которые годами собирал старший брат); издевательства над средней сестрой (которая отказывалась вовремя ложиться спать и драматически выла, резко выворачивая ручку настройки громкости вправо в те моменты, когда ее передразнивали); наконец, манера тотчас крушить все сколько-нибудь сложно устроенные игрушки: на то, чтобы отломать все ноги от полученной в подарок тройки лошадей, уходило считанные минуты.

Характер происшедшего в доме Ульяновых можно уяснить, косвенно, по свидетельствам родителей, чьим детям время от времени составлял компанию уже взрослый ВИ. Практически все отмечали, что, согласившись сыграть во что-либо, Ленин превращался в сущего берсерка, переворачивал все в доме вверх дном, выполнял любые прихоти детей и отказывался соблюдать даже разумные ограничения, налагаемые родителями. В доме у своей сестры весной 1917-го вместе с ее приемным сыном он устраивал погони в духе «Тома и Джерри» – и однажды опрокинул обеденный стол с графином. В Швейцарии с зиновьевским сыном Степой проводил непосредственно в квартире футбольные матчи. В Париже с сыном Семашко – шуточные боксерские поединки: «Ну, Сергей, засучивай рукава, давай драться». С пятилетней дочкой своих знакомых Чеботаревых в середине 1890-х ВИ имел обыкновение заваливаться на кушетку, предварительно затащив на нее с пола ковер, а затем с криком «поворотись, на пол скотишься!» скатываться, обнявшись, на пол.

В доме-музее в Ульяновске показывают странный артефакт, оставшийся от Александра Ульянова, – выпиленную им лобзиком круглую деревянную ажурную дощечку для хлеба. В центре – крупные литеры, составляющие слово BROD – «хлеб». Да, как в слове «бутерброд», но на самом деле ни в одном европейском языке «хлеб» так не пишется: по-немецки BROT, по-шведски и датски – с умляутом, «брёд». Ошибка выглядит слишком нарочитой, будто сигналом, зашифрованным завещанием, чтобы привлечь внимание к чему-то или кому-то? Брат?

О педагогических талантах самого Ленина обычно судят по неуклюжему апокрифу Бонч-Бруевича «Общество чистых тарелок», где Ленин угрожает перекрыть детям, систематически отказывающимся от предложенной пищи, возможность попасть в мистическое Общество. Учитывая интересы Бонч-Бруевича, речь идет скорее о секте; заинтересовавшись членством, дети, по совету Ленина, пишут заявления о вступлении – и тот, исправив ошибки, ставит резолюцию: «Надо принять»; рассказ больше похож на притчу о перспективах загробного существования и опасностях спиритических диет.

Несколько более приземленным выглядит анекдот о том, как в Париже Ленин наткнулся на улице на плачущую четырехлетнюю девочку, познакомился с ней – и, к изумлению своих товарищей, добился того, что уже через пять минут ребенок пел и танцевал; подросшая мамаша, узнав, что педагогом оказался русский революционер, едва не принялась плясать карманьолу и на прощание сказала ВИ: «Вы великолепны!» «Я не выдержал и рассмеялся, – рассказывал потом Луначарскому Ленин. – Думаю: вот бы услышали ее меньшевики, то-то была б для них радость! Какой визг и вой подняли бы они о том, что Ленин, подобно средневековому тирану из династии Медичи, Лоренцо Великолепному, решил и себе присвоить титул – “великолепный”».

С годами, впрочем, педагогические методы Ленина претерпели некоторые изменения, о характере которых красноречиво свидетельствует записка, полученная 3 июня 1918 года его секретарем Фотиевой: «Если Вы и Горбунов будете болтать на заседании, я вас поставлю в угол *обоих*».

Хотя Ленин и провел в симбирском углу почти треть жизни, больше чем во всей эмиграции, он никогда не выстраивал свою идентичность – даже иронически, как Плеханов: «тамбовский дворянин», – через отсылку к месту рождения. Да и чувств особых к Симбирску не выказывал – разве что на сентябрьскую телеграмму 1918 года о том, что, мол, город ваш отбит у белых, вежливо ответил, что это лучшая повязка на его рану. Когда в 1922 году Крупская показала мужу снимки оформления сцены симбирского театра, где давали «Павла I» и «Юлия Цезаря», Ленин, поворчав насчет недостаточной революционности репертуара, принялся припоминать, как в детстве ходил туда – и даже «прибавил, что, как только ему станет лучше, они выберут свободную минутку и обязательно съездят в Симбирск». Возможно, решение отложить визит на неопределенное будущее имело свои резоны: Симбирская губерния была одним из эпицентров голода 1921 года, и для того, кто захотел бы связать эту отчасти искусственного происхождения социальную катастрофу с политической деятельностью ВИ, открылись бы довольно широкие возможности.

Симбирск не был родовым гнездом ни Ульяновых, ни Бланков; до того обе семьи скорее дрейфовали вдоль оси Нижний Новгород – Казань – Самара – Астрахань; Симбирск подвернулся родителям ВИ в нагрузку к должности.

Всего за 200 лет до рождения Ленина, в допетровской России, Симбирск был окраиной, гарнизонным городком в Большой Засечной черте – насыпи от Днепра до Волги, отделявшей коренную Россию от дикой Степи, как Адрианов вал – Англию от Шотландии. Благодаря своему господствующему географическому положению – берег там был выше, чем в других волжских городах – Симбирск стал важной крепостью, чем-то вроде Ньюкасла или Карлайла. Идем, по

пословице, семь дён – Симбирск видён. (Сейчас бы эти идущие, надо полагать, увидели 23-этажную гостиницу «Венец», плюнули и больше бы не оглядывались.)

Пограничный статус города вынуждал государство демонстрировать здесь свою силу в полном объеме, щедро расставляя знаки своего присутствия. В этом смысле нынешний Симбирск транслирует то же ощущение; только сейчас здесь доминируют громоздкие советские административные комплексы, а в детстве ВИ – духовная архитектура: массивные, помпезные, напоминающие Казанский и Исаакиевский, без особых скидок на провинциальные масштабы соборы, стертые с лица земли в 1930-е.

За два века существования, растеряв военное значение, город сумел поразительно быстро «облагородиться» – успешно конкурируя в качестве «волжских Афин» если не с Казанью и Саратовом, то с Астраханью и Самарой: обзавелся собственным стилем архитектурой и слоем интеллигенции – достаточно плотным, чтобы родить, вскормить и экспортировать в петербургско-московские эмпиреи целую плеяду выдающихся личностей: Карамзина, Языкова, Гончарова – и Ленина, Керенского, Протопопова (последний министр внутренних дел царской России; как раз его нерешительность не сумела остановить февраль 17-го).

Для Ленина-экономиста, исследовавшего капиталистические перспективы разных местностей, Симбирск не представлял собой ничего особенного – типичная отсталая по части капитализма губерния: крупных предприятий нет, «феодалные» классы явно преобладают над буржуазией; три тысячи потомственных дворян, чуть меньше личных, 13 тысяч духовенства; потенциал роста населения исчерпан; железной дороги нет; навигация с апреля по октябрь, зимой экономическая жизнь замирает; ближайшая ж. д. станция – Сызрань, полтора километра. Сонное царство – в этом смысле водруженный на центральной площади Ульяновска нелепый «обломовский диван» выглядит уместно, как скамейка запасных Российской империи; впрочем, даже и при своих размерах он вряд ли смог бы вместить всех симбирских тюрюков и байбаков. Ленин, несомненно, предпочел бы поставить памятник Штольцу – однако деятельность этого персонажа явно противоречит как житейскому, так и историческому опыту большинства жителей Симбирска и Ульяновска. Раннего ВИ, кажется, тоже – его сон был так глубок, что, похоже, окончательно стряхнуть его удалось лишь со второго звонка будильника – смерти брата.

Тем не менее в конце 1870-х город уже наслаждался всеми преимуществами недавно принявшихся на культурной ниве институций – и еще не стал деградировать из-за эффекта отсутствия железной дороги. Особи, склонные к активному пользованию «социальными лифтами», чувствовали, что могут позволить себе устроить здесь на несколько лет передышку. Интеллигентная семья, благословленная талантливыми детьми, могла прожить здесь пару десятков лет, не задыхаясь от провинциальной духоты и обеспечив потомству основательное классическое образование; среда при этом оставалась достаточно провинциальной, чтобы «прогрессивные» идеи усваивались почти как религиозные, с некоторой долей экзальтации и без столичного ироничного скепсиса по отношению к ним: в семье Ульяновых словосочетание «революционный демократ» произносили без привставаний на носки и рисования пальцами знаков «кавычек».

Нынешний Ульяновск не слишком похож на Симбирск – однако посреди города, между улицами Железной Дивизии, Льва Толстого, 12 Сентября и Энгельса – можно с головой провалиться в архаический слой: полторы сотни заботливо пересыпанных нафталином деревянных строений, сквозь которые не смог пробиться ни единый росток современности. Через центр этого пожароопасного прямоугольника пролегает улица Понятно Кого; на ней и стоит Дом Ульяновых. «Симбирск, Московская улица, собственный дом», как писал Александр Ульянов на адресованных родителям конвертах. Дом, которым Ульяновы владели с 1878 года на протяжении почти десятилетия, был реквизирован и национализирован еще при жизни Ленина, в 1923-м, и послужил закладным камнем будущего заповедника; по-настоящему «в опрочину», со всеми прилегающими пейзажами, район был выделен к столетию ВИ, в 1970-м.

Дом Ульяновых, с определенным артиклем, – городской коттедж средних размеров – точно не больше ста квадратов. Он «конспиративно» устроен: чтобы оказаться внутри, нужно пройти из соседнего здания через подземную галерею; с улицы дом кажется одноэтажным, зато со двора в нем появляется уютная антресоль – где располагались как раз три детские комнатки с огорчительно низкими потолками. Из экспонатов – рояль, гардины, наволочки с вышивками, географические карты, лампы, зеркала, сундук няни, переплетенные литературные журналы и собрания сочинений «революционных демократов».

Было бы любопытно совершить экскурсию на чердак, где Ульяновы прятались друг от друга и играли в индейцев, или в подпол, где сохранялись припасы, но эта часть дома исключена из маршрута осмотра.

В семье, похоже, разговаривали цитатами из Писарева, Добролюбова, Некрасова и Щедрина – как сто лет спустя из «Двенадцати стульев» и «Бриллиантовой руки»; например, когда няня начинала бубнить интенсивнее обычного, дети отмахивались: «Смолкни ты, няня, создание ворчливое. Не надрывай мое сердце пугливое...» и т. п. Кем-то вроде тогдашнего Пелевина – всеобщим увлечением, образчиком остроумия и автором книг-которые-всё-объясняют – был для поколения 1870–1880-х Чернышевский.

Мария Александровна пользовалась в семье репутацией «хорошей музыкантши» – и пыталась научить играть на рояле ВИ. Тот поиграл, но, поступив в гимназию, бросил; зато в 14 лет освоил подаренную младшему брату гармошку – и сам подбирал на ней мелодии тогдашних шлягеров, вроде «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой».

Игра в четыре руки и слушание музыки, видимо, были объединяющими, очищающими и целительными ритуалами, духовно цементирующими семью.

Наиболее диковинным экспонатом кажется пустая шуба в стеклянном кубе, пародийно напоминающем мавзолейный саркофаг, – подлинная, отцовская, вдоволь нагулявшаяся по горам и по долам; именно она приехала к Ленину в Шушенское и провела с ним три года.

Сзади ко двору с хозяйственными постройками (своего выезда у Ульяновых не было, отцу полагались казенные лошади – и в каретном сарае ВИ с Ольгой пытались ходить по натянутому канату, а Александр Ильич оборудовал, «чтобы не отравлять воздух домашним», химическую лабораторию; ВИ иногда принимал в опытах с реактивами участие) примыкает тянувшийся аж до следующей, Покровской, улицы фруктовый сад, скрытый от внешнего мира домом; здесь мать выращивала яблони, малину, клубнику и крыжовник. Несмотря на то что стихийное поедание урожая воспрещалось, «в этих ягодных кустах», припоминает младшая сестра, «мелькала иногда фигура Владимира Ильича. Помню и чаепития в беседке посреди сада, куда собиралась после обеда вся семья». Летом дети спали прямо там, на матрасах.

В целом дом Ульяновых совсем не похож на «чертово гнездо» – зато очень напоминает воплотившуюся мечту любой буржуазной семьи второй половины XIX века; и есть определенная ирония в том, что дом у этой «шайки революционеров» купил (за шесть тысяч рублей) не кто-нибудь, а полицеймейстер.

Судя по тому, что как только глава семейства скоропостижно скончался, Ульяновы тотчас вывесили объявление о продаже дома, они не слишком глубоко ушли корнями в тамошнюю почву; видимо, в городе их удерживала прежде всего работа ИН.

Подрастерявший былой магнетизм и уже неспособный притягивать орды туристов, Дом окружен разными квазистаринными объектами – вроде «Музея Почты», «Мелочной лавки» и т. п., которые в комплексе представляют собой интерес как фрагмент «старинного русского города», где, по странному стечению обстоятельств, дерево оказалось прочнее камня. Заповедник весь музеефицирован, но здесь нет ощущения, что вы провалились в пятидесятипятитомник; живописные дрова в изобилии, но атмосферы «Ленинлэнда» – как в диккенсовском Лондоне или даже валландеровском Истаде – не возникает.

Есть, по сути, лишь одна категория нынешних жителей Симбирска, которые по-прежнему испытывают к этой семье по-настоящему теплые чувства. Для отца Ленина Симбирск был еще и факторией, где русские взаимодействовали с чувашами, и поэтому он всячески опекал чувашские школы; он приятельствовал с чувашским просветителем Иваном Яковлевым, который основал учительскую школу.

Весной 1918-го Ленин улучил момент осведомиться телеграммой относительно судьбы отцовского коллеги, который «50 лет работал над национальным подъемом чуваш и претерпел ряд гонений от царизма» – с рекомендацией: «Яковлева надо не отрывать от дела его жизни». В ответной телеграмме Симбирский совдеп сухо уведомил ВИ, что кандидатура Яковлева на пост председателя Чувашской учительской семинарии не прошла, и он остался всего лишь председателем женских курсов.

Особое внимание, которое ИН уделял именно «национальному» аспекту своей деятельности, произвело на ВИ такое впечатление, что в седьмом классе он в течение года бесплатно работал репетитором одного взрослого и стесненного в средствах чуваша, который собирался поступать в университет.

После революции Ленин с недоумением наблюдал за тем, как руководство советского Симбирска – точнее, чуваша Симбирской губернии месяц за месяцем упускали возможность выгородить себе автономию, как это сделали татары в Казани и башкиры в Уфе; в июне 1920-го Политбюро само приняло резолюцию о создании автономии, но тогда дело забуксовало, а после смерти Ленина и вовсе заглохло: Симбирск – потенциальная столица Чувашии – в состав республики не вошел.

До Свяги от Дома – километр, десять минут пешком; до Волги – два километра. Обе эти реки протекали через город, но – в противоположные стороны, как бы для запасного выхода; удобство, всегда являвшееся для Ленина-арендатора огромным плюсом при выборе недвижимости. Интересное свойство двух рек позволяло ВИ и его братьям устраивать на лодочках-пироггах небольшие «кругосветки»: сначала спуститься по Свяге, а потом вернуться обратно домой по Волге. Такие лодки назывались «душегубки». Несколько раз ВИ под присмотром старшего брата участвовал в сплавах по Волге: в складчину покупалась лодка с парусом и веслами; ночевали в стогах. Через неделю лодку продавали – и возвращались назад на пароходе.

Троцкий, несколько преувеличивая в 1918 году успехи Красной армии, обещал, что после того, как от белых очистят Сызрань и Самару, «Волга станет тем, чем ей полагается быть, – честной советской рекой». Все течет, все изменяется, и вот уже мэр Ульяновска требует «смыть с берегов» Волги большевистскую фамилию – надеясь на превращение реки теперь уже в «честную антисоветскую»; а в мультипликационном проекте «Гора самоцветов», где перед каждой сказкой вкратце излагается история места или народа, откуда она пошла, в серии про Ульяновск упоминаются доисторическое море с аммонитами, сокровища Разина, Гончаров, Карамзин... Кто угодно – но не Ленин. (Проблема начинается в тот момент, когда оказывается, что симбирская сказка – это «Колобок»: как назло, лысый и шарообразный.)

Тем не менее ключевую позицию в городе занимает здание, которое расположено на высоком правом берегу; именно на него возложена функция представлять Симбирск советским Вифлеемом на Волге-Иордане – и непохоже, что в ближайшее время найдется стихия, которая окажется в состоянии уничтожить эту твердыню. Ленинский мемориал, ради которого снесли «надволжскую» улицу Стрелецкую, где родился ВИ, представляет собой плод запретной любви Чаушеску и Фидия Праксителя: на выстеленной скользкими мраморными плитами площадке приподнят на колоннах-сваях сплюснутый сверху и снизу бетонномраморный куб с квадратными навершиями. Вдвое-втрое больше храма Зевса в Олимпии, мемориал должен внушать величие и трепет, как городская доминанта. Многие уродливые здания со временем приобретают статус «иконических», но у мемориала, эрзац-купола которого выглядят особенно безобразно, едва ли есть шансы попасть в их разряд, даже если все остальные постройки на планете будут разрушены атомной бомбардировкой; да и в качестве памятника позднесоветскому маразму и творческому

бесплодию он слишком компромиссный и эклектичнообъединенный: так может выглядеть и АЭС, и Дом пионеров, и НИИ, и Дворец съездов правящей партии, и увеличенная заправочная станция.

Для нас интересно, что под ним – буквально как под дамокловым мечом: рухнет на них этот бетонный слон или нет – и рядом с ним запаркованы несколько «старинных» мещанских домиков, оставшихся от улицы Стрелецкая; один из них – «пещера рождества», где родился ВИ, в двух других Ульяновы жили какое-то время после его рождения; никаких особенных причин задерживаться внутри хотя бы одной из этих «ненамоленных», пустоватых коробок не обнаруживается. Какие сны видела Мать перед Рождением Сына? Нет, здесь этого точно не поймешь.

По правде сказать, сохранившихся «домов Ульяновых» в городе так много – три здесь, еще несколько в заповеднике, – что поневоле вспоминаются сказки про помеченные крестиком, чтобы сбить преступников с толку, дома. Действительно, в первые восемь лет жизни ВИ Ульяновы постоянно меняли квартиры, словно бежали от какого-то Ирода, гнавшегося за их младенцами. Этой скачке есть рациональное объяснение – после пожара 1864 года в Симбирске было мало сдающихся в аренду квартир, где могла бы разместиться большая семья с шестью маленькими детьми, поэтому методом проб и ошибок приходилось выискивать что-нибудь приемлемое. Видимо, поэтому всем Ульяновым – и ВИ в первую очередь – было свойственно номадическое сознание, привычка легко переезжать с места на место, даже не задумываясь о приобретении недвижимости, и жить в кое-как обставленных чужими людьми квартирах; «невлипание», способность легко переносить вечную неприкаянность.

Внутри мемориала неуютно, как в крематории: помимо дежурной диорамы Стрелецкой улицы, здесь покоится электрифицированная карта «Триумфальное шествие советской власти», созданная из кусочков того же рубинового стекла, что и звезды кремлевских башен. Пустой «Торжественный зал» с геометрическим мозаичным узором из цветной смальты укомплектован, впрочем, огромной статуей из уральского мрамора; высота этой церкви-в-церкви – 17 метров – «по замыслу архитекторов символизирует величие революции 1917 года»; а белизна кумира – надо полагать, непогрешимость того, кому следует возносить здесь молитвы. Несмотря на просчитанную научными методами акустику, голос экскурсовода едва слышен: фигура Ленина отражает звуковые волны, источник которых находится в соседних залах, где расположилась «выставка динозавров», откочевавших сюда, чтобы поселиться под защитой коммунистического тирекса.

Антидот от безобразия мемориала – городской пейзаж со зданием Симбирской гимназии. Сохранившее внешний аристократизм, в классическом духе, белое в высоких два этажа, построенное в XVIII веке и реконструированное в 1840 году по проекту деда одноклассника Ленина М. Коринфского – по крайней мере снаружи оно не имеет ничего общего с тоталитарной фабрикой ужасов. Музеефицированное лишь частично – нетронутыми остались актовый зал, физический кабинет, классная комната и «шинельная», – оно выглядит нарядно и обихожено; там полно детей, куча родителей, ни одной сонной мухи, и, пожалуй, это наиболее приятное и живое из всех «ленинских» мест Ульяновска; даже если дух Ленина ассоциируется у вас

исключительно с запахом серы, конкретно это место выглядит достаточно привлекательным – историческим и современным разом, чтобы можно было послать сюда учиться своего ребенка, не тревожась, что из обломова здесь начнут лепить штольца, а из штольца – обломова.

Строчка «выпускник классической гимназии» в анкете несколько компрометировала Ленина в глазах пролетарских историков: для человека, чья гвардия «рвала на портянки гобелены Зимнего дворца», у него чересчур много познаний в «культуре мертвых эпох».

Именно поэтому в «официальной» литературе о Ленине принято было представлять «царскую гимназию» чем-то вроде аракчеевских военных поселений, где систематически нарушались все права ребенка, а годы, проведенные там Лениным, – чем-то вроде первого тюремного срока.

Живи ВИ в городе покрупнее, у него был бы выбор – пойти учиться в классическую гимназию или реальное училище; в программе первых было больше древних языков, вторых – задач на учет векселей и схем строения дождевых червей. И там и там надо было платить за обучение и являться на занятия в форме; таким образом отсекались представители низших каст (из 368 человек, учившихся в гимназии в 1879 году, примерно 40 процентов – дворянского происхождения). Классическая гимназия давала доступ в университет; однако чтобы окончить восемь классов и получить диплом, следовало попотеть; в следующий класс обычно переходила лишь половина учеников, а остальные оставались на второй год или вообще отсеивались. Из 55 мальчиков, поступивших с ВИ в 1879/80-м, сдавали выпускные экзамены восемь; остальную часть класса составляли великовозрастные дылды.

«Храбрость наших воинов внушает неприятелю страх»; «Никто, если бы не любил отечества, не обрекал бы себя на смерть ради спасения его»; «Никого не ставлю я выше моего друга по честности, твердости, величию духа, по любви к отечеству»; «Отечество дороже жизни для хороших граждан»; «Часто Марсом пощаженный погибает от друзей»; «Сам ли ты, Федон, находился при Сократе в тот день, в который он выпил яд, или ты слышал о его смерти от кого-нибудь другого?»; «У ленивых всегда праздник». «Я считаю погибшим того, у кого погиб стыд» – за всеми этими изречениями, историческими анекдотами, пословицами и легендами про магов-самозванцев стоял не только набор лингвистических правил, но и система ценностей, этическая задача: воспитание «нравственной осанки», подготовка яркой – нацеленной на интеграцию в разумно устроенное, стремящееся к четко обозначенным идеалам общество – личности, для которой пожертвовать собой на благо родины, товарищей, старших, коллектива, семьи – не только обязанность, но и привилегия. Сколько тысяч, десятков тысяч таких фраз перевел Ленин с латыни на русский и обратно?

На протяжении восьми лет его интеллект систематически (латинского и греческого было по шесть-семь уроков в неделю, в полтора раза больше, чем русского и математики) заставляли проделывать изошренную языковую гимнастику; формальный строй древних языков и

стелющийся за соответствующим дискурсом идеологический шлейф, система ценностей оказались вшиты в сознание Ленина. Именно в гимназии Ленину была привита филологическая культура, умение комментировать тексты (а уж дальше вы сами решали, чей корпус вас привлекает – Гомера или Маркса), чувство языка, риторическая компетенция – способность отбирать из по-разному звучащих формулировок наиболее емкие, ритмически соответствующие внутреннему лингвистическому камертону варианты; подыскивать оптимальный баланс формы и содержания. Древние языки не вызывали у него ни скуки, ни отвращения – ни в гимназические, ни во взрослые годы; так же как коньки и шахматы, это доставляло ему удовольствие.

В гимназиях запрещалось пользоваться готовыми переводами – и таким образом поощрялась вовсе не «бессмысленная зубрежка», а творческий подход к овладению классикой. Латынь ВИ преподавали несколько учителей, среди которых одно время был даже его двоюродный брат, А. И. Веретенников. Один из главных латинистов, харизматичный учитель по фамилии Моржов, желая внушить своим ученикам понимание красоты латинских текстов, зачитывал кое-какие фрагменты «с выражением» – и поощрял в учениках театральность. Одноклассники запомнили, как после драматичной декламации Ульяновым речи Цицерона – «До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?» – потрясенный латинист подошел к нему и обнял с чувством: «Спасибо тебе, мальчик!»

Эйхенбаум полагал, что Ленин намеренно выстраивал фразу на латинский манер (хороший пример – ленинская *contra* против кадетов: «Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы – партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей палате» – действительно, производит впечатление «цицероновской»). Степень сознательности и намеренности копирования Лениным синтаксических структур латинского языка остается под вопросом, и вряд ли можно сказать, что глубокое изучение древних наделило его способностью чеканить запоминающиеся лозунги и генерировать удачные названия; однако факт, что как литератор Ленин был сформирован в рамках «классической» матрицы – и именно поэтому многие лозунги или фрагменты «революционного дискурса» Ленина оказываются «криптолатинизмами» – все эти «Шаг вперед, два шага назад»; «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»; «Честность в политике есть результат силы, лицемерие – результат слабости»; «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», – появившись эти фразы в учебнике латыни в качестве заданий для обратного перевода, они не показались бы особенно чужеродными; они рождены в рамках той же культуры, родственны ей, находятся в том же стилистическом регистре.

Классическое образование не только позволило Ленину изъясняться эффектными парафразами латинских фраз («*Salus revolutionis suprema lex*») и уснащать речь примерами из античной истории; оно организовало природный ум Ленина, включило в круг его повседневных интересов историю общества и философию: хорошо сформулированная «мысль» может быть использована как оружие – даже и в повседневной жизни; он осознал, что достаточно научиться подвергать феномены разностороннему анализу и обнаруживать присущие им противоречия, чтобы манипулировать ими в своих интересах. Самые «лучшие», «беспорные» слова, и те могут быть подвергнуты сомнению; так, в 1918-м, оправдывая свою атаку на Учредительное собрание, Ленин упорно апеллировал к одному и тому же доводу: да, демократия – но для кого? В Древней Греции

тоже была демократия; но демократия для кого? Правильно – для свободных афинян; демократии, однако, не было для рабов; что ж, для пролетариата демократия оставалась демократией и без Учредительного; ну а для буржуазии – уж извините.

В шестом классе 100 уроков посвящалось «Илиаде», в седьмом еще 100 – «Одиссее», и хороший гимназист по результатам этих масштабных археологических раскопок мог в деталях реконструировать любой фрагмент гомеровского мира и описать его эволюцию от более архаических форм в «Илиаде» к более современным в «Одиссее»; тема работы семиклассника могла звучать, например, как «Собака у Гомера». В топ-10 текстов, к которым обращались чаще прочего, входили «Анабасис», «Киропедия», «История Пелопоннесской войны», «Антигона» и «Эдип-царь». Ленин определенно лучше был знаком с историей, которая представлена в виде трагедии, – и испытывал неприязнь к повторению в виде фарса. Литература на всю жизнь осталась для него не менее адекватным способом «расшифровки» действительности, чем естественные науки; и если старший брат изучал мир, исследуя под микроскопом повадки кольчатых червей, то младший готов был реконструировать мировое устройство, копаясь в образах и символах сначала «Илиады» и «Одиссеи», а затем Чернышевского и Толстого; первые навыки расшифровывать литературу и обнаруживать в ней признаки социальных кризисов ВИ получил именно в гимназии.

За курс обучения – рассчитанный на среднестатистического ученика и слишком затянутый для ВИ (сам он впоследствии говорил, что 80-месячный курс обучения, при «сознательности», можно пройти за два года) – гимназисты должны были представить около ста сочинений; старшеклассники сдавали домашние композиции раз в месяц, и судя по тому, что после 1917 года Ленин всегда писал в анкетной графе «профессия» – «литератор», эта практика не была для него мучительной. Уроки литературы вел – по необъяснимому совпадению – отец будущего премьера Временного правительства России в 1917 году – Ф. Керенский, о котором Ленин «отзывался очень хорошо» (Н. Валентинов); вряд ли они обсуждали на уроках «Что делать?», но классику – Пушкина и окрестности, до Толстого – разбирали всерьез. Ни одного письменного школьного сочинения Ленина не сохранилось, но известно, что ему приходилось резюмировать свою жизнь в форме письма товарищу, размышлять о наводнениях, формах выражения любви детей к родителям, зимних вечерах, быте рыцарей и Волге в осеннюю пору; тестировать распространенные рекомендации вроде «не всякому слуху верь», «конь узнается при горе, а друг при беде» и «жалок тот, в ком совесть нечиста»; сравнивать зиму и старость, глушь и пустыню, птицу и рыбу, скупость и расточительность; поощрялось умение абстрагироваться от деталей и выйти на более широкие обобщения даже в сугубо «утилитарных» темах: польза ветра, польза гор, польза, приносимая человеку лошадей, польза путешествий, польза земледелия, польза изобретения письменности.

Сочинения о годах, проведенных в Симбирской гимназии под сенью великого одноклассника, оставили сразу несколько соучеников ВИ – и все характеризуют его как некоторым образом достопримечательность 1880-х годов: особенного типа, задававшего интеллектуальную планку для всех прочих учеников потока; иногда так и буквально – учитель латыни «обычно говорил в конце урока: “Ульянов, переведите дальше”», и что тот успевал перевести экспромтом, с листа, «то и было заданием всему классу». Культ первой скрипки, харизматичной личности – более упорной, прилежной, дисциплинированной, настойчивой, чем масса, – был знаком ВИ со школы;

неудивительно, что на него такое впечатление произвело «Что делать?» и, в частности, фигура Рахметова – ведь сам он оказывался идеальным кандидатом на эту вакансию в реальной жизни.

Одноклассники рассказали о том, как ВИ, начитавшись «книги про жизнь насекомых», водил приятелей раскапывать норы навозных жуков – и устраивал мини-лекции о роли скарабеев в Древнем Египте; как, вооружившись запасом свечных огарков и веревок, посвятил несколько дней исследованиям подвалов под домом школьных воспитателей, где когда-то содержали пленного Пугачева, – в поисках подземного хода, выкопанного для побега; как лазил по деревьям за новыми экспонатами для своей коллекции птичьих яиц; как ходил на пристань и расспрашивал грузчиков из Персии о секретах разведения шелковичного червя; как ездил, под впечатлением от гончаровского «Обрыва», в Киндяковскую рощу, описанную в романе.

Среди одноклассников ВИ выделяются двое; оба оставили кое-какой след в отечественной истории: писатель, фольклорист и поэт Аполлон Коринфский (его дед, на самом деле Варенцов, был архитектором; увидев один из его проектов – здания Казанского университета, восхищенный Николай Первый воскликнул: да какой же это Варенцов, это какой-то Коринфский! Последовавшая смена фамилии вряд ли принесла счастье ее обладателям в Советской России, но в классической гимназии была как нельзя более уместной) и последний министр земледелия николаевской России А. Наумов, у которого в силу исторических обстоятельств немного поводов вспоминать Ульянова добрым словом. Тем не менее Наумов уверенно квалифицирует ВИ как «центральную фигуру» в классе, признаёт, что при «невзрачной внешности» глаза у того были «удивительные, сверкавшие недюжинным умом и энергией», – и отмечает несколько «резких» отличий ВИ от всех прочих. Он не принимал участия в забавах и шалостях, все время что-то читая, записывая или играя в шахматы (всегда выигрывал, даже когда играл с несколькими противниками). Ни с кем не дружил – но со всеми поддерживал ровные отношения; со всеми на «вы». «Отличался... необычайной работоспособностью»; «я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он всё же недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум». Знал о своем интеллектуальном превосходстве над товарищами – но никогда не подчеркивал его. Принимал участие в гимназических благотворительных балах – но, не любя танцевать, брал на себя должность «распорядителя», организатора концерта.

Сочинения о годах, проведенных в Симбирской гимназии под сенью великого одноклассника, оставили сразу несколько соучеников ВИ – и все характеризуют его как некоторым образом достопримечательность 1880-х годов: особенного типа, задававшего интеллектуальную планку для всех прочих учеников потока; иногда так и буквально – учитель латыни «обычно говорил в конце урока: “Ульянов, переведите дальше”», и что тот успевал перевести экспромтом, с листа, «то и было заданием всему классу». Культ первой скрипки, харизматичной личности – более упорной, прилежной, дисциплинированной, настойчивой, чем масса, – был знаком ВИ со школы; неудивительно, что на него такое впечатление произвело «Что делать?» и, в частности, фигура Рахметова – ведь сам он оказывался идеальным кандидатом на эту вакансию в реальной жизни.

Одноклассники рассказали о том, как ВИ, начитавшись «книги про жизнь насекомых», водил приятелей раскапывать норы навозных жуков – и устраивал мини-лекции о роли скарабеев в Древнем Египте; как, вооружившись запасом свечных огарков и веревок, посвятил несколько дней исследованиям подвалов под домом школьных воспитателей, где когда-то содержали пленного Пугачева, – в поисках подземного хода, выкопанного для побега; как лазил по деревьям за новыми экспонатами для своей коллекции птичьих яиц; как ходил на пристань и расспрашивал грузчиков из Персии о секретах разведения шелковичного червя; как ездил, под впечатлением от гончаровского «Обрыва», в Киндяковскую рощу, описанную в романе.

Среди одноклассников ВИ выделяются двое; оба оставили кое-какой след в отечественной истории: писатель, фольклорист и поэт Аполлон Коринфский (его дед, на самом деле Варенцов, был архитектором; увидев один из его проектов – здания Казанского университета, восхищенный Николай Первый воскликнул: да какой же это Варенцов, это какой-то Коринфский!

Последовавшая смена фамилии вряд ли принесла счастье ее обладателям в Советской России, но в классической гимназии была как нельзя более уместной) и последний министр земледелия николаевской России А. Наумов, у которого в силу исторических обстоятельств немного поводов вспоминать Ульянова добрым словом. Тем не менее Наумов уверенно квалифицирует ВИ как «центральную фигуру» в классе, признаёт, что при «невзрачной внешности» глаза у того были «удивительные, сверкавшие недюжинным умом и энергией», – и отмечает несколько «резких» отличий ВИ от всех прочих. Он не принимал участия в забавах и шалостях, все время что-то читая, записывая или играя в шахматы (всегда выигрывал, даже когда играл с несколькими противниками). Ни с кем не дружил – но со всеми поддерживал ровные отношения; со всеми на «вы». «Отличался... необычайной работоспособностью»; «я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он всё же недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум». Знал о своем интеллектуальном превосходстве над товарищами – но никогда не подчеркивал его. Принимал участие в гимназических благотворительных балах – но, не любя танцевать, брал на себя должность «распорядителя», организатора концерта.

Все это выглядит слишком хорошо, чтоб не вызывать подозрений: неужели он в самом деле все восемь лет был шелковым – и даже не попытался швырнуть пару раз в своих одноклассников калошами? Или продемонстрировать кому-либо то, что в политике позже обозначал метафорой: «рукой за горло и коленкой на грудь»? Об этом мемуаристы помалкивают; нам не известно ни одного серьезного конфликта – ни с учителями, ни с одноклассниками, ни с родителями, ни с братьями-сестрами, ни с соседями, ни с какими-то женщинами. Разве что – состоявшийся то ли в 1885-м, то ли в 1886 году, еще при живом отце, отказ от религии (мы знаем об этом эпизоде в изложении Крупской). Во всем прочем – «сын чиновника», «добрые плоды домашнего воспитания», «особенное увлечение древними языками» – безупречный фундамент для успешного, готового к сотрудничеству члена общества. «Ни в гимназии, ни вне ее, – это уже

Керенский, – не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал... непохвальное о себе мнение».

Анабасис в страну классической филологии подходил к концу, и ВИ уже тренировал голосовые связки, чтобы погромче выкрикнуть «Талатта, талатта!», но тут – в марте 1887-го – произошло нечто такое, что заставило его оторваться от античных текстов. Старший брат арестован в Петербурге; мать уезжает к нему, чтобы чем-то помочь; ВИ остается в семье за старшего; а в мае, ровно в момент выпускных экзаменов, оказалось, что попытки матери спасти брата от казни не увенчались результатом; он повешен.

Роль Керенского в судьбе ВИ обычно сводят к выдаче весьма похвальной характеристики (драматически контрастирующей как с той, которой он сподобится буквально через несколько месяцев, в университете: «скрытный, невнимательный, невежливый», так даже и с сестринской: «самоуверенный, резвый и проказливый мальчик») в тот момент, когда он оказался братом государственного преступника, в крайне слабой позиции. На деле роль эта еще больше.

Энергичный и добросовестный директор Керенский превратил Симбирскую гимназию из действующего десять месяцев в году фестиваля провинциальных эксцентриков со странными наклонностями в образцовое для своего времени, регулярно проветриваемое заведение, где состав преподавателей, атмосфера и оборудование (в физическом кабинете стояли дорогая «электрическая машина» и фонограф, впервые, надо полагать, записавший голос Ульянова) были на уровне столичных.

Несмотря на то что старший брат отсоветовал отдавать ВИ в подготовительный класс, чтобы тот не сразу угодил в лапы гимназических церберов, непохоже, что учеба и учителя как-либо досаждали ему. Некоторые, наоборот, вызвали восхищение – среди них «классный наставник», преподаватель физики Федотченко, который считался лучшим конькобежцем в Симбирске и зимой устраивал показательные выступления: выписывал на льду свою фамилию; присев на одной ноге, крутился волчком. «Ульянов искренне говорил, что ему завидует», – вспоминает один из одноклассников. Сам Керенский, которому чин действительного статского советника едва ли позволял проделывать столь же впечатляющие трюки, тем не менее оставил по себе самую добрую память, и даже советские историки вынуждены были зачехлить свои лупы, не обнаружив ничего такого, что можно было бы поставить на вид отцу премьера, которого Ленину придется выкуривать из Зимнего в октябре 1917-го; кроме разве что «четверки» по логике, которую тот вlepил-таки ВИ, несколько подпортив ему диплом. Ленину, безусловно, повезло с Керенским – в своей гимназии он увидел, как государственный аппарат может действовать разумно, стремиться к самообновлению и приносить общественную пользу. Возможно, это ощущение стало антидотом от идеи устроить на него прямую террористическую атаку.

Большевизм, однако ж, предполагал не обязательно мгновенную, но все же тотальную ревизию всех основ старого режима, и инерция предпринятого осенью 1917-го движения влево подталкивала Ленина к идее, что «очень многое придется совсем перевернуть, перекрыть, пустить по новым путям» – как туманно заявил он Луначарскому, когда вводил его в круг обязанностей наркома просвещения, признавшись, правда, по ходу: «...не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле».

Разумеется, у Ленина было достаточно оснований полагать, что гимназия как институция представляет собой часть старого, буржуазного аппарата, оплот консерватизма и «реакции» в обществе. Никто в Симбирской классической и не собирался скрывать того, что идея посвящать изучению древних языков 40 процентов времени учащихся была связана со стремлением использовать античную систему ценностей как официально запатентованное «средство против юношеского материализма, нигилизма». В той же функции – как страховка от антигосударственных ересей – использовалась религия, интегрированная и в собственно учебные дисциплины, и в повседневные ритуалы, вроде общих молитв и совместных литургий в праздничные дни. О том, до какой степени серьезной дисциплиной считался Закон Божий, можно понять по составу вопросов в билете ВИ на экзамене по богословию: «О пятом члене Символа веры», «О VI и VII Вселенских соборах», «Приготовление верующих к причащению. Причащение священнодействующих и мирян», «О шестом прощении Молитвы Господней», «Краткое объяснение Деяний Святых Апостолов»; чтобы внятно ответить сейчас хотя бы на один из этих вопросов, нужно быть выпускником семинарии.

Неудивительно, что после 1917-го Ленин задумался о превращении школы из «орудия классового господства буржуазии» в орудие разрушения этого господства – то есть в орудие диктатуры пролетариата. В переводе это означало, что в покое гимназии не оставят и изгнанием духовенства из зданий дело не ограничится.

Что касается именно «античной культуры», то тут личный опыт не мог подсказать ему однозначного решения. Да, Сократ, Солон и Фемистокл, несомненно, могли послужить достойными образцами и для пролетариев тоже; да, «пролетариат – наследник буржуазной культуры», и никто не позволит левакам вышвыривать из школ Гомера, Пушкина и Шекспира; но нужно ли пролетарию, пусть даже готовому принять все это блаженное наследство, заучивать наизусть отрывки из Корнелия Непота и различать супинум, герундий и герундив?

К шагам влево в этой области Ленина подталкивало и то, что он был женат на профессиональном педагоге, эксперте по истории педагогики, и эксперт этот полагал существовавшую до 1917 года систему образования никуда не годной. И если сам Ленин, возможно, и ограничился бы декретом о бесплатном и обязательном общем и политехническом образовании для детей до 16 лет, отменой школьной формы, внесением в список школьных табу, наряду с табаком и алкоголем, религии, и смешиванием мальчиковых классов с девичьими, то участие НК в кабинете реформаторов привело к тому, что детям обещали, кроме букваря, еще и знакомство в теории и

на практике «со всеми главными отраслями производства». Процесс обучения планировалось крепко увязать с «детским общественно-производительным трудом».

Надежда Константиновна впоследствии была демонизирована интеллигенцией и преподносилась как образец горе-педагога, от которого надо держать своих детей подальше; меж тем среди ее учеников был, например, рабочий И. В. Бабушкин – продукт настолько безупречный, что о некомпетентности Крупской-учительницы говорить просто нелепо. Можно не сомневаться, что, трансформируя школы в трудовые коммуну, эта тонкая, остроумная и совестливая женщина искренне желала добра и сама, будучи трудоголиком – и фетишизируя работу как таковую, – хотела привить это бесполезное свойство и детям[2].

Несмотря на отсутствие опыта общественно-полезного труда в собственном детстве, Ленин, кажется, с сочувствием относился к идеям своей жены в сфере интеграции школьного и профессионального образования – и экспериментам не препятствовал: жизнь покажет, что сломать, а что оставить. При всем уважении к просветительству в целом и деятельности «народного учителя» в частности (Ленина чуть не стошнило, когда он узнал, что их, в духе начала 1920-х, называют «шкрабы» – школьные работники, и запретил эту практику; наставляя хозяйственника М. Владимирова, что органы власти должны сами зарабатывать, а не требовать деньги из бюджета, он произнес: «Лишь для жалованья учителям не будьте скопидомом»), Ленин верил и в «фабричный котел»; жизнь – среда, работа, невыносимые условия – учит быстрее и эффективнее, чем университеты; трудясь, пролетарии обретают как полезную информацию об устройстве окружающей материи, так и классовое самосознание. Все это привело к тому, что уже в 1918-м, порешив, что в изучении Античности нет особенной практической необходимости, большевики изгнали древние языки из школ в качестве обязательных предметов и в рамках пролетарской борьбы с буржуазной галиматъей трансформировали классические гимназии в заведения более общего профиля; латинистам было предложено посвятить освободившееся время ликвидации неграмотности.

2

О том, что Ленин с женой сами не стали заводить детей сознательно – «чтоб не мешали работать» или «чтоб не увеличивать нагрузку на и так перенаселенную планету», – не может быть и речи; он всегда в открытую выступал против модного тогда мальтузианства, а НК много раз с горечью сетовала на бездетность. Т. Алексинская пересказывает свой разговор с матерью Крупской: «Если бы вы знали, как Наде хотелось иметь ребенка! Да вот не суждено, нет у них детей! Это не ее вина! Владимир Ильич много занят умственной работой. Ну, Надя себя утешает, когда-нибудь Россия будет свободной, тогда она будет заниматься народными детьми как своими...»

Ульяновы образца середины 1880-х выглядят как семья из рекламы стирального порошка: лучащиеся счастьем родители шестерых детей – один другого краше, с карманами, набитыми золотыми медалями; свой коттедж, собака, добрая няня; отец, правда, многовато работает, но зато в генеральском чине, действительный статский советник; мать никуда не отлучается от детей; совместные вылазки в фотоателье и летние поездки в деревню позволяют семье чувствовать себя счастливыми. Глядя на них, другие семьи видели, чего могут добиться «обычные простые люди» в

меритократическом обществе, имея талант и охоту к работе; это вызывало уважение, которое не могли поколебать даже известия о том, что в семье обнаружился государственный преступник.

Духовное благополучие, однако, не сумело обручиться с материальным. Илья Николаевич был не тот человек, который вывозил семью за границу в парки аттракционов или в Гран-тур по Европе. «Помню, – пишет АИ, – отец, большой домосед, говорил: “Зачем нам в театр ходить? У нас дома каждый день свой спектакль”». Домоседство объяснялось постоянной стесненностью в деньгах. На не бог весть какое жалованье ИН содержал жену, шестерых детей, няню и прислугу. В 1878-м ВИ заболел малярией, доктора посоветовали вывезти его на лечение в Италию, но денег не было не то что на Италию или на Крым, но даже на вояж к теткам под Казань – надо было покупать дом, и семья осталась летом в городе. Даже и в 1880-е, когда ИН предложил однажды старшим детям свозить их в Москву на промышленную выставку, те, ощущая себя сознательными личностями, отказались, понимая, что их семейный бюджет не рассчитан на такого рода путешествия. Единственным туристическим направлением, которое оставалось доступным для Ульяновых, была Казанская губерния.

Кокушкино (татарское название Янасалы), бывшее гнездо дворян Веригиных, было усадьбой словно из старинной беллетристики: с барским домом, флигелем, людской, конюшней, каретным сараем. Хозяйство – 500 гектаров «угодий» и при них четыре десятка взрослых крепостных душ мужского пола (женщин и детей, как помним из Гоголя, в счет не брали) – поменяло владельцев в середине XIX века; Александр Дмитриевич Бланк заплатил по 240 рублей за душу и управлял ими еще лет десять, сбросив это бремя в 1861-м. Чтобы обеспечивать дочерям приданое, помещику приходилось потихоньку распродавать отдельные куски территории; часть ушла крестьянам при Освобождении; к тому моменту под контролем Бланка осталось уже около 200 гектаров, примерно как территория княжества Монако; эта земля продержалась в руках клана Бланков почти столетия.

Если верить ленинскому знакомому и биографу Валентинову, Ленин однажды принял его сторону в споре с Ольминским о ценности старорежимной помещичьей культуры: «Я тоже жил в помещичьей усадьбе, принадлежащей моему деду. В некотором роде, я тоже помещичье дитя. С тех пор много прошло лет, а я всё еще не забыл приятных сторон жизни в этом имении, не забыл ни его лип, ни цветов. Казните меня. Я с удовольствием вспоминаю, как валялся на копнах скошенного сена, однако не я его косил: ел с грядок землянику (при всей своей хорошей памяти, Валентинов ошибается: Ленин никогда не ел землянику, была у него такая пищевая идиосинкразия. – Л. Д.) и малину, но я их не сажал; пил парное молоко, не я доил коров».

Есть определенная политическая пикантность в том, что «директором» пролетариата и крестьянства стал потомственный – и по матери, и по отцу – дворянин, «помещичье дитя», никогда не занимавшееся физическим трудом и лишь наблюдавшее за своими подопечными в качестве журналиста, литератора, экономиста, социолога.

«Помещичье» детство могло внушить Ленину ощущение собственной исторической обреченности и, как следствие, необходимость в быстрой модернизации общества, потребность опереться на какую-то внешнюю силу, чтобы обеспечить собственное выживание.

Еще более жестокая ирония – демонстрирующая наличие некой внутренней структурной закономерности, которую иногда еще называют «судьба», – состоит в том, что «помещичье дитя» и окончило жизнь в помещичьей усадьбе; однако вряд ли стоит преувеличивать этот момент – жизнь в Горках протекала в помещичьих декорациях, но скорее то был закрытый санаторий, чем собственно помещичье хозяйство: другая экономика и другая идеология.

Видимо, в силу недостаточной компетентности Александра Дмитриевича в качестве агропромышленника экономическая сторона этого приобретения никогда не казалась блестящей – в качестве бесперебойного источника доходов имение работало плохо. На пахотной земле сеяли овес, горох и гречу, но много лучше в этом месте произрастали ученость и интеллигентность.

Для младшего поколения Ульяновых Кокушкино было территорией матери – которая прожила здесь с 12 до 28 лет. Мария Александровна, пожалуй, – наиболее загадочная в этой семье фигура: она выглядит «обыкновенной» интеллигентной женщиной и разве что в пожилом возрасте несколько напоминает иллюстрации к «Пиковой даме». Похоже, ее не слишком смущало, что из пятерых доживших до взрослого возраста детей один оказался без пяти минут цареубийцей, второй – вождем полулегальной политической партии и еще трое – профессиональными, готовыми к тюрьме революционерами. После смерти она была канонизирована советской историографией и демонизирована, за свою еврейскую кровь, – антисоветской; если верить Солоухину, именно она, МА, научила ВИ «ненавидеть все русское». Никаких подтверждений этому в письмах нет; наоборот, она много читает русских книг, ей нравится русская природа; наконец, несомненно в пользу МА свидетельствует тот факт, что однажды она «набрала несколько книг “Жизнь замечательных людей”, прочла их с удовольствием». Ленин называл ее за глаза «святой», в письмах – «дорогая мамочка», а на конвертах писал – «Ее превосходительству – М. А. Ульяновой»; судя по сохранившейся переписке (около 170 писем ВИ), мать была его кумиром, другом и в целом наиболее близким, видимо, за всю его жизнь человеком.

Она родилась в Петербурге еще при Пушкине, в 1835 году, в доме на Английской набережной, и прожила долгую жизнь, достигнув почти восьмидесятилетия. Ребенком она переехала с отцом, врачом, на Урал, затем много лет – отец не отпустил ее получить образование в Санкт-Петербурге – провела в Кокушкине, среди книг, в доме с большой библиотекой.

У нее было много сестер, все замужние, с большими семьями, – и довольно широкий круг общения. При посредничестве одной из сестер она познакомилась со своим будущим мужем, для которого оказалась интересной не только в финансовом, но и в культурном отношении партией.

За семь лет до рождения ВИ Мария Александровна сдала экстерном экзамены и получила лицензию на работу гувернанткой. До своего вдовства она никогда не была за границей, и все ее перемещения совершались в околovolжском регионе: Пенза, Нижний, Казань, Самара, Ставрополь-Самарский, Симбирск. От своей матери, наполовину немки, наполовину шведки, МА унаследовала интерес к иностранным языкам и некоторые лингвистические таланты, позже подкрепленные домашним образованием. Представления о том, что дом Ульяновых был чем-то вроде школы полиглотов, где все в свободной форме обсуждали повестку дня в понедельник по-английски, во вторник по-немецки, в среду по-французски и т. д., видимо, относятся к области мифологии; попав за границу, даже Ленин – с его большим талантом к иностранным языкам и опытом перевода книг – поначалу плохо понимал собеседников и постоянно жаловался на это в письмах; то же и его сестры.

Мать шестерых детей, МА сумела организовать их жизнь таким образом, чтобы дом не превращался в ад и бардак. Крупская говорит, что талант организатора ее муж унаследовал именно от своей матери.

После продажи всей семейной недвижимости в ее руках аккумулировался капитал, который исследователи семьи Ульяновых оценивают примерно в 15 тысяч рублей. Она жила на пенсию от мужа и как рантье; к 1916-му, году ее смерти, запас этот практически исчерпался. Что касается Кокушкина, то после смерти А. Д. Бланка собственность несколько раз делилась между его пятью дочерьми (доля каждой оценивалась в три тысячи рублей), их мужьями и детьми; уже заложенное-перезаложенное, на короткое время Кокушкино задержалось ненадолго в руках как раз Марии Александровны, пока в 1898-м не было продано местному крестьянину-кулаку (которому, как сказано в «письме крестьян деревни Кокушкино нашему односельчанину В. И. Ленину», в 1917-м «дали по шапке»).

Бросающимися в глаза особенностями истории Ульяновых являются, во-первых, удачливость в плане продвижения по сословной лестнице (за два поколения – путь от крепостных крестьян – к чину статского советника и потомственному дворянству); во-вторых, преждевременные смерти (двоюродного деда выбросили из окна, дядя покончил жизнь самоубийством, старшего брата повесили, младшая сестра умерла в 16 лет); в-третьих, выморочность. У деда Ленина было шестеро детей, а у самого ВИ – 33 двоюродных кузена и кузин: Веретенниковы, Ардашевы, Пономаревы, Лавровы, Залежские. Ульяновская ветка, однако, резко хиреет – причем именно в его, ВИ, поколении. Из четверых доживших до детородного возраста потомство было только у Дмитрия Ульянова. Возможно, принадлежность к вымирающему виду заставляла ВИ преобразовывать окружающий мир интенсивнее, чем «обычные революционеры».

Ленино-Кокушкино – странное чирикающее название; крестьяне сменили вывеску еще в 1922-м, о чем и уведомили бывшего соседа, с присовокуплением просьбы купить им лошадей: «Отныне деревня Кокушкино зовется твоим, тов. Ленин, именем». Туда из Казани ходит автобус – 40 верст, полтора часа. С указателями швах – непохоже, что усадьба Бланков представляет собой предмет особой гордости местных жителей. Если двинуть вбок от села, вдоль речки Ушни – еще одного водоема из ленинской «Книги воды», – после коттеджей и дачек наметится пустырь, потом не то

сад, не то парк: березы, липы... Где-то неподалеку должны находиться Приток Зеленых Роз (куда устраивались ботанические экспедиции – смотреть на причудливые болотные растения), таинственная Магнитная Гора (курган из золы) и Черемышевский сосновый бор, формой напоминавший жителям усадьбы шляпу – круглую, с высокой тульей; он так и назывался: Шляпа. Там – зимой не пройти – находится место, где в 1870-е зверски убили лесника. Дети опасались привидения и боялись ходить туда за водой, к ключу; ВИ, впрочем, отметал суеверия: «Гиль! Чего мертвого бояться?» «Гиль» – ерунда – якобы было его любимым словечком; оно заново войдет в его лексикон после октября 1917-го с совсем иного входа – странным образом так будут звать личного шофера Ленина, поляка: Степан Гиль, тот самый, который видел, как стреляла в Ленина Каплан, и, возможно, не дал ей добить его.

Среди лип («самое, самое любимое мною дерево», – признался Ленин однажды Валентинову) – бюстик Ульянова: курс правильный. Сюда приезжаешь, чтобы увидеть «материнский капитал» и «территорию детства» ВИ; должно быть, эти пейзажи больше других трогали его сердце: именно здесь венчались его родители, тут шутник дед подавал матери в день именин тарелку белого снега вместо обещанных взбитых сливок, здесь ВИ проводил летние месяцы в обществе своих кузин и кузенов: купания, костры на семейных пикниках, крокет... «Гимнастическими упражнениями Володя не увлекался. Он отличался только в ходьбе на ходулях, да и то мало занимался этим, говоря, что в Кокушкине нужно пользоваться тем, чего нет в Симбирске».

Вокруг ни души, но снег расчищен, и даже если бы сюда явился сам Ленин, у него вряд ли нашелся бы повод для ворчания. Туристов ноль, не сезон, но открыто. Женщина-смотрительница очень любезно – будто сельский храм – показывает усадьбу из нескольких зданий и небольшого парка. Главное здание – основной «бланковский» дом, и пятикомнатный «ульяновский» флигель с балконом-террасой и мезонином восстали из пепла в конце 1930-х по мемуарам и чертежам Ульяновых, Веретенниковых и Ардашевых. Это едва ли не единственная условно уцелевшая дворянская усадьба в Татарстане; хорошая иллюстрация к интенсивности событий XX века в России.

Экспонатов, конечно, раз-два и обчелся: в основном доме одни портреты, а во флигеле стандартный ульяновский «алфавит с предметами»: Р – рояль, З – зеркало, Ш – шахматы.

Чего нет, так это знаменитого бильярдного стола; Александр Ильич в последний приезд развлекал здесь родственников тем, что одновременно играл с одним человеком в бильярд и с другим – в «воображаемые шахматы» – причем «с игроком, которому тогдашняя первая категория в Казани давала ладью вперед».

Дефицит реквизита, однако, не ощущается; никакого «хюгге», зато место «атмосферное», а если вы в детстве держали в руках классические воспоминания двоюродного брата ВИ – Н. Веретенникова – о Кокушкине, то почувствуете и «дух» этого персонального эдема Ленина, а

возможно, и найдете в одной из здешних рощ родовое древо – или, пожалуй, тотемный столб – этой семьи.

Столб этот, надо сказать, представляет собой в высшей степени неординарное явление.

Среди его основных элементов обнаруживаются существа, не менее разномастные, чем Самовар, Рак и Лягушка, – и знаменующие собой экзотический союз племен, конфессий и рас.

Слухи о метисном происхождении Ленина появились только после его смерти, но на протяжении всего советского периода тема упорно замалчивалась; и даже комментаторы «Ленинских сборников», которые при желании могли найти иголку в стоге сена, обнаруживая в письмах Ленина даже самое невинное указание вроде: «Пришлите адрес еврея» (в письме Алексинскому 1908 года), – тут же делали каменное лицо и устремляли взгляд вдаль с отсутствующим видом: «О ком идет речь, установить не удалось».

Первым, в ком учуяли крамолу, стал дед Ленина, владелец Кокушкина Александр Дмитриевич Бланк, который – как один за другим обнаруживали все те, кто протыкал носом нарисованный очаг, – до 1820 года звался Израиль Мойшевич Бланк (Александр – имя крестного отца, графа Апраксина, Дмитрий – имя второго восприемника, сенатора Баранова).

По правде сказать, сомнительно, что, проведя столько времени в Кокушкине, Ленин не знал о еврейском происхождении деда, умершего в год его рождения на исходе своего седьмого десятка; скорее всего, этническая принадлежность к инородцам просто не воспринималась ни как проблема, ни как сенсация – и в России в целом, и в Поволжском регионе всячески поощрялся переход представителей иных конфессий в православие, и после крещения неудобство, по сути, автоматически аннулировалось. До 1924 года принадлежность Ленина к великороссам не вызывала сомнения даже у самых отъявленных борцов за расовую чистоту – особенно на фоне «явных» евреев, поляков, латышей и кавказцев, которых действительно было в его окружении немало: естественное следствие того, что в оппозиционную партию часто рекрутировались кадры из угнетаемых в империи народов.

«Проблемная» информация о том, что дед Ленина по матери был крещеным евреем, женившимся на полунемке-полушведке, а мать Ленина вышла замуж за мужчину, в жилах которого текла, с одной стороны, предположительно калмыцкая, а с другой – не то русская, не то чувашская, не то мордвинская кровь, после 1991 года не является ни тайной, ни сенсацией, ни платформой для каких-либо умозаключений. Однако «тревога» обывателей относительно происхождения Ленина сохраняется на стабильно высоком уровне: не является ли сам химический состав этнической смеси заведомо взрывоопасным? Дозволительно ли экспериментировать с общепринятой рецептурой смешивания кровей столь безответственно? Получается, что во главе России оказался «как-бы-иностранец»; экземпляр, в котором «слишком мало» генов титульной нации. Наиболее раздражающим фактором является, похоже, ономастика

– имена «материнских» предков звучат «слишком» еврейскими: Мошке Ицкович, Израиль Мошкович; расистам, полагающим еврейские гены по умолчанию «стыдными», неприемлемыми и в любом случае опасными для руководителя такой страны, как Россия, все это напоминает, надо полагать, сюжет из неполиткорректного анекдота про негра, читающего в трамвае еврейскую газету – «тебе что, мало, что ты негр?».

Безусловно, в самом наборе национальностей, слившихся в крови Ленина, чувствуется нечто пикантное, не столько снимающее или преодолевающее, сколько усугубляющее объективно существующий русско-еврейский антагонизм, отражающий конкуренцию за одни и те же ресурсы между склонными к доминированию народами; масла в огонь подливают несколько растиражированных бронебойных цитат из Ленина про «русский умник почти всегда еврей» и т. п. Исторически сложилось, что в русской революции участвовало очень много евреев, однако Ленин, потомственный дворянин и по отцу, и по матери, пусть и из недавних, пришел в протестное движение не по «национальной квоте», а по «научной», восприняв марксизм как учение о рациональном переустройстве общества.

Если наружность у самого Ленина – вполне русская, «славянско-монгольская», почему и в кино его так легко было играть разным русским актерам – в диапазоне от Смоктуновского до Сухорукова, то родственники его выглядят экзотичнее и колоритнее: фотографии безбородого Ильи Николаевича наводят на мысли о второстепенных персонажах викторианской литературной готики, младший брат, пожалуй, соответствует стереотипным представлениям о еврейской внешности, а в облике младшей сестры можно углядеть нечто заволжско-калмыцкое... Все это, разумеется, шарлатанская антропология, но, похоже, Ленин представляет собой наиболее счастливое, смешавшееся в удачных пропорциях сочетание всех этих разных кровей (и не уникальное для этой семьи – его рано умершая сестра Ольга была замечательно хороша собой). Заканчивая с псевдоантропологией, можно констатировать, что «дефицит» «титულიной» крови оказался удачным фактором для политика в амплу разрушителя (и созидателя) империи.

Наиболее колоритной фигурой из пантеона предков Ленина, несомненно, является прадед, Мойше Ицкович (с 1844-го – Дмитрий Иванович) Бланк, шинкарь, агропромышленник, торговец, сутяга и крамольник, в чьей биографии обнаруживаются многолетняя распря с соплеменниками из города Староконстантинова на Волыни (ныне Хмельницкая область Украины), обвинения в доношительстве, блудодеяниях и поджоге чужого имущества, юридически оформленный конфликт с кагалом, закончившаяся годовым пребыванием в тюрьме ссора с сыном, переход в другую конфессию и, на старости лет, авторство ряда наполненных свежими идеями писем на имя императора Николая I, в которых содержались призывы проводить христианизацию российских евреев с большей интенсивностью и предлагались конкретные рецепты. Этот джентльмен был склочным, как уличные юристы из романов Гришэма, мстительным, как граф Монте-Кристо, и предприимчивым, как Цукерберг, – хотя успел добиться в жизни меньше, чем мог бы обладатель такого букета достоинств. Дошедшая до нас информация о его длившихся десятилетиями ссорах с ближайшим окружением в самом деле наводит на мысль о том, что некоторые качества передаются по наследству через поколения – например, конфликтный характер, склонность к нарушению принятых в узком кругу норм и традиций, страсть к интриганству, расколам и

крючковторству; «вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ»: Ленин похож на Мойше Ицковича, как Стэплтон на Гуго Баскервиля.

Если происхождение Ленина представляет собой генеалогический детектив, то твидовый шлем, скрипка и шприц с морфием достаются блестящему исследователю М. Штейну (1933–2009), который словно бы изобрел микроскоп, позволяющий разглядывать историю рода Ленина в таких деталях, о которых раньше никто и помыслить не мог. В своей книге, поражающей плотностью изложения и густонаселенностью, он умудрился отследить, кажется, каждый листик, когда-либо выраставший на родословном древе Ленина; и то, что самому ВИ, видимо, казалось небольшим фокусом, в ходе штейновских изысканий превратилось в настоящий баобаб.

Упаковать этот крупномер в компактный цветочный горшок никак не получится; заметим лишь, что в разделе «дальние родственники» особенно впечатляюще выглядят немецкие ветки – где есть персонажи в диапазоне от археологов, откопавших храм Зевса в Олимпии, до президента Германии, и от создателя и директора Египетского музея в Берлине до писателей Маннов; что до раздела «предки Ленина», то наиболее яркие истории обнаруживаются, судя по расследованиям М. Штейна, в шведском – материнском – сегменте. В рейтинге профессий верхние строчки здесь занимают шляпники, перчаточники и ювелиры; есть священник, который в детстве помогал отцу шляпнику в работе, отравился парами ртути и заболел душевной болезнью с галлюцинациями; среди прочего, он вообразил себя внебрачным сыном короля Карла XII и выразил желание жениться на дочери Петра I императрице Елизавете Петровне. Другой шляпник, Карл Магнус, вынужден был сбежать из Швеции – на угнанной лошади и заложив наряды жены – после того, как соседи застали его в постели с тещей. В 1769-м он открыл в Петербурге шляпную мастерскую, а умер в 1805-м в Москве; в 1800-м крестным отцом одного из его сыновей – Густава Адольфа – стал посетивший с визитом Петербург шведский король Густав IV Адольф.

Механизм генетического наследования склонности к чему-либо до конца не изучен, но нельзя не обратить внимания на возможную связь между наличием в роду Ленина нескольких профессиональных шляпников и прослеживаемым на протяжении всей его жизни обостренным интересом к головным уборам; не исключено, впрочем, что это связано с особенностями строения его черепа и дефицитом волосяного покрова. Так или эдак, ВИ активно экспериментирует в этой области – далеко не ограничиваясь хрестоматийной тиарой пролетарского вождя (которая, вопреки слухам о том, что он впервые приобрел нечто подобное в Стокгольмском универмаге в апреле 1917-го перед въездом в Россию, появилась на его голове много раньше; Тыркова-Вильямс, подруга Крупской и затем деятельница кадетской партии, ненавидевшая Ленина и сподобившаяся его шутивого обещания вешать таких, как она, на фонарях, вспоминает, что однажды в 1904 году в Женеве он провожал ее к трамваю и перед выходом из дома надел потертую рабочую кепку). Видимо, пользуясь этим типом головного убора много лет, Ленин составил для себя некую таблицу уместности использования того или иного его подвида в разных ситуациях – и менял его в зависимости от конкретных обстоятельств, превратившись к концу жизни в виртуоза по этой части. Так, один из спутников Ленина на конгрессе III Интернационала обратил внимание, что, направляясь в Смольный, на выходе из подъезда Таврического дворца, «В. И. быстро снял с головы черную кепку и одновременно вытащил из кармана – надел белую. Все это он проделал в один момент. Мало кто это и заметил. Тут я подумал, вот конспиратор».

В 1890-е в Петербурге, вспоминает неплохо знававший адвоката Ульянова Сильвин, тот обычно носил темную фетровую шляпу, но пару раз позволил увидеть себя в котелке (и, в пандан, – с тростью), раз – в меховой шапке. Рабочий Князев, занимавшийся у Ульянова – «Николая Петровича» – в подпольном кружке, описывает случай, когда, получив некое наследство, он отправился по совету знакомых в Большой Казачий переулок на квартиру к хорошему недорогому адвокату – каковым, к его удивлению, оказался «Николай Петрович». Князеву пришлось какое-то время подождать хозяина, и когда тот вошел, мемуарист даже не сразу узнал его, поскольку тот был в цилиндре (трогательное примечание составителей советского сборника воспоминаний о Ленине: «Конечно, для конспирации»). Другой социал-демократ, Шестернин, припоминает его «черную мерлушковую шапку на уши». Горев рассказывает, что в Лондоне Ленин отвел его в проверенный шляпный магазин и помог выбрать себе котелок и дорожную кепку. Т. Алексинская припоминает, как в 1906-м на каком-то митинге, когда толпа бросилась врассыпную от казаков, Ленин уронил свой «нелепый котелок» – такой же, по-видимому, какой виден на знаменитой каприйской фотографии, где Ленин – при полном параде, в темном костюме-тройке и шикарном головном уборе – играет в шахматы с простоволосым и затрапезно одетым Богдановым; попавшая в кадр группа наблюдателей (Горький, Базаров и др.) также выглядит экипированной гораздо менее формально, чем Ленин; пожалуй, последний казался окружающим несколько overdressed (что, возможно, объясняет зафиксированный Горьким интерес Ленина к книге «История костюма», которую ему нравилось проглядывать на отдыхе). Недоумение примерно того же свойства – и даже насмешки – Ленин вызвал в Польских Татрах, явившись на сбор компании альпинистов-любителей, одетых по-туристски, «в своем обычном городском костюме и... с зонтиком». Тогда он отшутился, что пойдет-де дождь и они все еще к нему сами запросятся. Видимо, имея время приглядеться к своим товарищам, носившим традиционные укороченные брюки, шерстяные гольфы и горные палки-посохи с железными набалдашниками и ручками в форме топорика, он является через некоторое время перед следующей партией зрителей преобразившимся: «На голове высокая соломенная панاما, серый люстриновый пиджак, белая рубашка, вельветовые зеленоватые в рубчик штаны (гольфы) с застежкой под коленом, чулки и ботинки на гвоздях с большими головками... К раме велосипеда была привязана тросточка с топориком вместо рукоятки». Некое подобие гибрида панамы и банной войлочной шапки мы видим на известной фотографии «Ленин в Закопане». На социалистический конгресс в Копенгаген Ленин приехал из Германии в «панаме с невероятно широкими полями», объяснив выразившему свое недоумение Кобецкому, что оделся таким образом, «чтоб выглядеть незаметно»; по мнению Кобецкого – чья обеспокоенность наружностью Ленина переросла в дурные предчувствия в тот момент, когда он увидел своего товарища не только облаченным в эту шляпу, но еще и с подвязанной щекой: «у него зубы разболелись», – наоборот, «эта панاما должна была выделить его и привлечь сразу же внимание полиции». Ленина «в костюме странных сочетаний» застают и участники межпартийной социалистической конференции в Териоках, куда вождь большевиков явился «в каком-то потертом пиджаке горохового цвета, с короткими рукавами, в облезлой котиковой шапке... на шее у него был большой серый шарф, один конец которого свисал по груди, на ногах были большие резиновые ботики»; «и вот, говоря о близкой победе (пролетариата), он вдруг воскликнул, с едва заметной улыбкой:

– Вы посмотрите на меня! – и он юмористически сложил руки на груди. – Ну, разве я похож на победителя!».

После победы Октября интерес Ленина к экспериментам с головными уборами и вообще с гардеробом несколько остывает, и если раньше он время от времени казался своим знакомым одетым чересчур нарядно, то теперь скорее работает на аудиторию ценителей стиля «шебби-шик». Подсчет дыр на его подметках, костюмах и шубах становится распространенным хобби большевистских астрономов: чтобы заставить Ленина сшить себе новый костюм, приходится устраивать едва ли не спецоперацию с участием Дзержинского. Пик потертости приходится как раз на 1920-й, когда сразу несколько свидетелей описывают не просто отдельные стилистические эксцентриады Ленина, вроде манеры никогда не изменять фирменному галстуку в горошек и заправлять костюмные брючины в валенки, – но настоящие катастрофы по части туалета. На конгресс Коминтерна в Петроград – «а ведь дело-то было в июле, стояла жара» – Ленин прибывает в «старом, изношенном, разорванном около воротника и вдобавок ватном» пальто, которое «обращало, действительно, на себя внимание». В ноябре того же года он приезжает на открытие электростанции в Кашино «в простом меховом пальто и в разорванной галоше на правой ноге».

Никто, однако ж, никогда не видел Ленина в чем-то похожем на ермолку. Так, в самом деле, было ли поведение Ленина-политика (и человека) в какой-то степени детерминировано национальной принадлежностью его предков? Нельзя ли обнаружить в его поступках манеры, свойственные – или по крайней мере приписываемые – представителям той или иной национальности?

На оба вопроса, надо полагать, можно ответить утвердительно, но при малейшей попытке конкретизировать эти корреспонденции мы спотыкаемся. Ленин –... как все евреи? Ленин –... как все шведы / немцы / калмыки? Но что –...? Прагматичный? Властолюбивый? Изворотливый? Космополитичный? Нецивилизованный? Черствый? Хитрый? И может быть, всё же не как все, а как многие? Или даже – некоторые?

Что, собственно, может быть «запрограммировано генами», национальной принадлежностью? Жестокость? Интерес к путешествиям? Пристрастие к тем или иным деликатесам? Мы точно знаем, что Ленину нравились балык, пиво и острые бифштексы – и, наверное, он не любил личинки, собачатину и тухлые яйца; «генная предрасположенность»?

Ленин был продукт смешения нескольких «рас», но сам себя не воспринимал таким образом; он говорил по-русски, считал себя русским, родился и умер в России, любил и хорошо чувствовал русскую природу и русскую культуру, с удовольствием общался с русскими людьми; его предки и он сам пытались сделать Россию лучше – в сущности, этого вполне достаточно, чтобы покончить с его «тайнами происхождения». Исчерпывающий диалог на эту тему есть в фильме «На одной планете», где к Ленину-Смоктуновскому на одном из выступлений, в конце 1917-го, начинает докапываться один контрреволюционно настроенный тип: «А вот тебе можно задать один вопрос? Ты православный?» Смоктуновский: «В каком смысле? Если вы хотите узнать, верующий ли я, то нет, я не верующий, я атеист». Тип (торжествует): «Слыхали?! Стало быть, ты не русский?» Смоктуновский (с вызовом): «Я русский. Хотя я не понимаю, какое это имеет значение. Я не православный, а русский! Вся моя семья была русская. Мой отец был инспектором русских

училищ в Симбирской губернии. Мой брат Александр был казнен за революционную деятельность русским царем».

Анна Ильинична однажды устроила «анкету» – «в каком порядке каждый из нас любит друг друга». Выяснилось, что ВИ «больше всех любит Сашу и Маню». «Как Саша», – отвечал, веселя домашних, ВИ уже лет в шесть-семь на все вопросы, касающиеся выбора.

Александр Ильич Ульянов на своих подростковых фотографиях похож на смышленного мальчика из «Ералаша» – взъерошенный, скуластый, с резкими чертами лица, излучающего доброжелательность даже полтора века спустя; у ВИ по сравнению с ним обычное, «расквашенное», без заострений лицо. Несколько лет братья проучились в Симбирской классической вместе: младший пошел в первый класс, старший – в пятый. Затем АИ уехал учиться в Петербургском университете (где, занимаясь экономическими студиями, террористической деятельностью и просвещением рабочего класса, вращался в кругу, включающем в себя таких плохо представляемых в одном кадре лиц, как В. Вернадский, П. Столыпин и Б. Пилсудский (старший брат Юзефа). Даже и там старший брат оставался для ВИ чем-то вроде ролевой модели; зная, что тот зачитывается Марксом, ВИ даже пытался с товарищем переводить первые страницы «Капитала»; оказалось сложно. Узнав, однако, что темой диплома брата стало «Исследование строения сегментарных органов пресноводных Annulata (кольчатых червей)», ВИ, если верить Крупской, объявил с нотками разочарования в голосе, что революционера из исследователя кольчатых червей не выйдет. ВИ не знал, что среди объектов, интересовавших старшего брата, числились и хордовые позвоночные млекопитающие. Именно Александр, между прочим, первым в этой семье получил прозвище «Ильич» – возможно, сначала среди рабочих, для которых вел пропагандистские кружки; возможно, в среде товарищей из дружественных землячеств («у донцов и кубанцев была привычка называть друг друга по отчеству»). Приклеилась ли эта «кличка» к ВИ потому, что он был братом Александра, или он обзавелся ею независимо от брата, или сам инициировал манеру называть себя таким образом – неизвестно; мы знаем только, что такое обращение не казалось ему фамильярным и в сочетании с обращением на «вы» представлялось вполне приемлемым в товарищеской среде. Это имечко широко распространилось затем и «в народе» и впоследствии циркулировало даже в составе фразеологических единиц вроде «спасибо Ильичу – электричеством свечу».

Александр Ильич имел свойство вызывать к себе всеобщую искреннюю приязнь, и известие о том, что он собирался превратить первое лицо в государстве в груды кровавых ошметков, и последовавшая затем жестокая казнь стали для герметичного компактного Симбирска чем-то вроде смерти Лоры Палмер для Твин-Пикса: непостижимым, трагическим и глубоко потрясшим общество событием. Семья Ульяновых, как водится, начала набирать, что называется, количество просмотров – но не комментарии негативного характера; Марии Александровне скорее сочувствовали.

Единственный, кажется, кто отнесся к этому идеальному во всех отношениях юноше со злобным скепсисом, был царь, на которого АИ готовил покушение – вполне осознавая все опасности затеи («Я хотел убить человека, – значит, и меня могут убить», – сказал он матери на свидании).

Александр III сам отклонил прошение АИ о помиловании; стиль этого обращения свидетельствует о благородстве пишущего: «Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием». Это прошение похоже на «развилку русской истории»: если б ему был дан ход, возможно... Впрочем, не менее вероятно, что АИ и ВИ стали бы врагами и Ленину пришлось бы «перемолоть» придающего слишком много значения вопросам морали Ульянова. В целом сравнения этих двоих обычно были не в пользу младшего брата; у некоторых ВИ будет вызывать ненависть и отвращение как раз по контрасту.

Казнь старшего брата – безусловно, та психотравма, которая могла стать для ВИ причиной морального заикания и невроза на всю оставшуюся жизнь. Похоже, что май 1887-го – как раз и есть для ВИ то самое событие-которое-всё-объясняет, ключ ко всем его дальнейшим мотивировкам. И то, что сам он даже не подозревал, пока все не вскрылось, что брат участвовал в террористической организации, усугубило шок. Проблема в том, что документа, подтверждающего, что вся последующая деятельность Ленина – род «мести за Сашу», не существует.

Семья в значительной мере сформировала Ленина и на протяжении всей жизни оставалась его естественной средой, с наиболее приемлемой для него атмосферой. Единственные люди, имевшие пропуск в его *Privatsache*, «частную сферу», были мать, сестры, брат, жена, теща и Инесса Федоровна Арманд, с которой ВИ дружил как с сестрой и о которой заботился как о члене своей семьи.

В семье Ленину был привит культ просвещения и либеральных ценностей. Наличие брата-мученика гарантировало ему в революционных кругах уважение и обеспечивало иммунитет от подозрений в сотрудничестве с охранкой.

Однако не семья была двигателем его карьеры; он был сэлф-мэйд премьер-министром. Роль матери и сестер сводилась к тому, что они обеспечивали ему душевное спокойствие, бытовой комфорт и невеликую, но постоянную поддержку, даже в худшие годы не позволяя опускаться до нищенства, вполне естественного в эмигрантских обстоятельствах; по крайней мере со шляпами у Ленина – а ведь у других и штанов-то часто не оказывалось – никогда проблем не было.

10 мая 1887 года Ленин генерирует свой первый мем: «Мы пойдем другим путем»; «преуспевший», подразумевается, наконец «проснулся» – и готов использовать всю накопленную

энергию, чтобы выпрыгнуть и нанести сильнейший за 17 лет удар головой. Однако искусство и жизнь редко совпадают друг с другом. В оригинале – сестринских воспоминаниях – утешая мать, ВИ не столько вытягивает руку вперед, сколько качает головой и пощипывает себя за кончик носа: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»; никакого конкретного маршрута у него пока нет – а кроме того, это совсем не те «мы», что на картине Белоусова.

Единственная карта, по которой он мог куда-то идти, выглядела как индейский набор символов. Единственное сообщество, к которому он в тот момент принадлежал, были семья, род, «мы, Ульяновы». Самовар, Рак, Аист, Змейка, Лягушка, Свинья. Шесть минус один.

Казань

1887–1889

Сетчатка глаз жителя бывшего СССР устроена таким образом, что когда на нее проецируются монументальные образы, связанные с Лениным, фоторецепторы автоматически отключаются: даже если напарываешься на что-нибудь экзотическое – как в Казани на Карла Маркса, 40/60: «БУ ЙОРТТА ШАХМАТ КЛУБЫНДА 1888–1889 ЕЛЛАРЫНЫН КЫШЫНДА БЕРНИЧЭ ТАПКЫР ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) БУЛГАН», – не реагируешь; булган, не булган – фиолетово.

И хотя казанцы точно не выстраивают свою идентичность через связь с Лениным, Казань – место, где Владимир Ульянов совершил странный – не иррациональный, но крайне нерасчетливый – поступок, сломавший его жизнь. Там из обычного юноши он сделался врагом государства; возможно, просто умудрился оказаться в неправильном месте в неправильное время – но, возможно, то было запрограммированное судьбой «обращение» из Савла в Павла. И если поступки человека хоть сколько-нибудь детерминированы средой, то, не исключено, ключ к разгадке ленинского поведения следует искать в самом городе, история которого была обусловлена диалектическим противоречием между интересами центра империи и этнически маркированной периферии. Казань дала Ульянову важный опыт, значение которого прояснится лишь после революции – когда ему придется столкнуться с обусловленной как политикой, так и географией необходимостью заново восстанавливать развалившуюся империю на новом идеологическом базисе.

18 июня 1887 года Мария Александровна Ульянова подала в Симбирский городской общественный банк заявление с просьбой выдать ей две тысячи рублей со счета покойного мужа. Странным образом, чтобы получить свои же деньги с депозита, требовалось объяснить, какие предполагаются траты; опекунша нескольких несовершеннолетних детей, она указала расходы на экипировку сына при поступлении в университет и переезд в Казань.

Из Симбирска до Казани – километров двести вверх по Волге. Не слишком обременительный, немного меньше суток плавания на пароходе и изобилующий живописными ландшафтами путь, хорошо знакомый Ульяновым: они проделывали его почти каждое лето по дороге в Кокушкино. Это было перемещение внутри «домашнего» – огромного, в девять губерний, в две с половиной Германии-Франции – Волжско-Камского региона; в конце XIX века в тамошних девяти губерниях обитали 20 миллионов человек.

Несмотря на перспективы, открывающиеся для будущего студента, едва ли ВИ приехал в Казань в приподнятом настроении: семья потеряла обоих кормильцев; старшая сестра жила закупоренной в ссылке; деньги с материнского депозита и то не хотели выдавать на протяжении нескольких месяцев. Однако ж и эпизодом из нуар-романа – «появление чужака и отверженного в большом незнакомом городе» – въезд в Казань тоже не назовешь. В Казани остались связи – от отца, который учился тут в 1850-х в университете, а затем бывал по служебным делам: Нижний Новгород и Симбирск входили в Казанский учебный округ. Там жила семья старшей сестры Марии Александровны – А. А. Веретенниковой; в ее восьмикомнатной квартире, что в Профессорском переулке, поначалу Ульяновы и остановились. Профессорский переулок не поменял название, но сейчас это по сути двор-карман, примыкающий к улице Щапова, почти сразу перегороженный шлагбаумом. Никаких намеков на здания старше 2000-х годов – да и вообще на что-то деревянное; только высотное «элитное жилье» из бетона и стекла – «чикаго». За последние 500 лет Казань лишь дважды становилась местом открытых боестолкновений (при Пугачеве в 1774-м и в Гражданскую в 1918-м) и несколько раз горела, как все города; теоретически должно было сохраниться довольно много, но на практике старые деревянные дома сносятся кварталами, чтобы вклатить отделанные кирпичом, под викторианскую ленточную застройку, жилые комплексы. Из будки высовывается охранник: кого ищете? Не скажешь же: дом родственников Ленина, где восьмилетний ВИ разбил графин тетки и, побоявшись сразу признаться в содеянном, несколько месяцев мучился угрызениями совести, пока не добился, уже в Симбирске, чтобы мать написала сестре письмо с извинениями. На месте того самого дома стоит трехэтажное здание из красного кирпича – «Спортивно-оздоровительный центр»; вторая вывеска – поменьше, черная, интригующего дизайна – извещает, что здесь устраиваются квесты проекта «Выйти из комнаты».

Возможности получить в России высшее образование были весьма ограничены: Петербург, Москва, Дерпт («северные» университеты), Киев, Харьков, Одесса («южные»); в 1804 году Александр I учредил университет в Казани – с тем, чтобы он стал идеологическими, так сказать, воротами России в Азию.

Понятно, почему 17 из 28 одноклассников Ульянова оказались в Казани, которая была не такой блестящей, как Петербург или Одесса, не такой стремительно индустриализующейся, как Киев и Харьков, не такой богатой, как Нижний Новгород. Однако это был единственный университетский город на востоке всей империи, «горло» для всей российской Азии; дальше хоть три года скачи, никаких цивилизационных центров не было, и уже поэтому в университете неизбежно должны были сконцентрироваться значительные интеллектуальные силы. Менее всего Казань воспринималась как провинциальный город для неудачников, которые почему-то не смогли попасть в Петербург.

Сергей Курехин. «Ленин – гриб»

Телепрограмма "Пятое колесо", 17 мая 1991, ведущий Сергей Шолохов

Шолохов: Добрый вечер. Сегодня мы открываем "Колесо" с новой рубрики, называется она "Сенсации и гипотезы". Мы будем ее вести впредь с Сергеем Курехиным, известным политическим деятелем и киноактером. Будут у нас разные персонажи участвовать в нашей передаче - актеры, музыканты, композиторы, депутаты и...

Курехин: Ученые.

Шолохов: ...ученые, маги-волшебники, ну, в общем, развлекать нас будут все. А...

Курехин: И цель этой рубрики - это совершенно новый подход к хорошо известным историческим событиям нашей страны и вообще всего мира и хорошо известным фактам.

Шолохов: Вот один из таких фактов, который проливает свет на одну из тайн Октябрьской революции, послужил поводом для нашей сегодняшней передачи. Этими фактами располагает Сергей Курехин, известный политический деятель, я с большим удовольствием об этом все время напоминаю...

Курехин: Спасибо.

Шолохов: ...который недавно вернулся из Мексики.

Курехин: Я, во-первых, хотел бы сказать в первую очередь, что это не одна из тайн Октябрьской революции. А то, о чем я буду говорить сегодня, это просто основная тайна Октябрьской революции. Потому что не все так просто в революции, и меня всегда что-то в ней удивляло, и какая-то загадка все равно оставалась загадкой. Я в последние годы занимался практически только этой темой, то есть я занимался только тайной Октябрьской революции. И мои пути привели меня в Мексику, откуда я недавно вернулся и привез совершенно фантастические материалы, которые, на мой взгляд, заслуживают публикации и всеобщего обозрения.

Дело в том, что находясь в одном из главных храмов мексиканских, я долго рассматривал фрески и обнаружил, что большинство фресок посвящены какому-то событию истории Мексики, и которое до боли напомнило мне нашу Октябрьскую революцию. Те же самые изможденные люди, вооруженные примитивными орудиями труда, которые свергают какие-то правительства - это все очень похоже, понимаете?

И вот такое сходство - оно как-то зародило во мне какие-то сомнения. Я представил эту Октябрьскую революцию нашу замечательную, которую я очень люблю и к которой я с трепетом отношусь. Это действительно грандиозное событие, потому что... поскольку я тесно связан с кинематографом, то я представляю себе, что это не зря вдохновляло многих кинематографистов, многие поколения кинематографистов, не зря они постоянно обращались к теме революции, потому что это грандиозное зрелище, фантастическое, не зря столько книг писалось. Это великое событие.

И вот эти вот фрески - они просто идентичны были тому, что грезилось мне в снах. И вообще - то, о чем я думал, когда вот эти вот изможденные непосильным трудом люди, доведенные до отчаяния, вооруженные палками, примитивными орудиями труда, бросились и захватили Зимний дворец. И тогда у меня возникла впервые мысль о том, что это зрелище, такое грандиозное - его так просто сделать было невозможно. Понимаете, его нужно было предварительно увидеть до этого. То есть человек, какой-то гениальный ум, я даже сказал бы - сверхгениальный ум, он увидел перед собой эти картины и потом он старался их материализовать.

Будучи еще студентом Института культуры в свое время, я очень увлекался работами американо-мексиканского философа и писателя, тоже пока еще малоизвестного у нас - Карлоса Кастанеды - о пути познания индейцев навахо. Это особый путь познания, это индейцы, которые принимали определенные вещи. В данном случае - это определенный кактус и определенный вид грибов. И они становились на определенный путь, путь жизни...

Шолохов: А вот это зелье - совпало?

Курехин: Одну минутку. Сейчас я вам расскажу, что такое, собственно, это зелье. Это мексиканский кактус, его латинское название «*Lophophora Williamsi*». Он содержит в себе некоторые галлюциногенные препараты, которые вызывают сильнейшие галлюцинации, и благодаря которым человек может увидеть совершенно невероятные картины, очень рельефно и красочно. Это картины, как правило, очень массовые и очень глобальные.

Шолохов: Зрелищные.

Курехин: И очень зрелищные, совершенно верно. Там есть несколько видов кактусов. Наиболее близкий к «*Lophophora Williamsi*» - это «*Turbinikarpus*». Это вид, тоже имеющий наркотические свойства, опьяняющие свойства, но возникала некоторая странность в том, что «*Lophophora*» и «*Turbinikarpus*» - вещи, которые не обладали цефалием. Цефалием могли обладать только мелокактусы, определенный вид мелокактусов, и некоторые виды дискокактусов. Потом, значит...

Я сейчас поясню, чтобы вам было более понятно. Вот, обратите внимание: вот фотография Ленина в его рабочем кабинете. Посмотрите сюда. Видите? Никто из исследователей не обращал внимания на тот странный предмет, который находится у него рядом с чернильницей. Вот он, видите, сверху у него такая верхушечка...

Шолохов: Напоминает нам маленькую летающую тарелку.

Курехин: Ну, грубо говоря, в общем, да. Но поразителен тот факт, что Ленин, человеку, которому посвящены миллионы монографий, исследован каждый день жизни его, творчества, и все ученые,

исследователи, обошли вниманием этот очень странный предмет. Он почти на всех фотографиях, где Ленин в рабочем кабинете. Посмотрите - рядом с чернильницей.

Шолохов: Вот, точно такой же там.

Курехин: Да. Я хочу рассказать, что это такое. Это напоминает... Точнее, сначала мне показалось, что это напоминает мелокактус, о котором я говорил, с цефалием наверху. Образование цефалия у мелокактусов - пока что еще загадочная вещь, по непонятной его функции. Это когда вдруг ни с того ни с сего у кактуса сверху начинает вырастать войлочная шапка, которая потихонечку его закрывает. Так вот, у «*Lophophora Williamsi*», о которой мы говорили, у нее нету этой войлочной шапки. Но «*Turbinikarpus*» - это промежуточный этап между «*Lophophora*» и мелокактусом - уже обладает зачатками появления цефалия. Понимаете, да? И вот этот вот кактус, о котором... (звонит телефон) сейчас, секундочку, извините...

(в телефонную трубку) Будьте добры, попозже. Сейчас очень мало времени, извините.

То, что находится у Ленина на письменном столе, очень здорово напоминает «*Turbinikarpus*» в том виде, в котором он являет собой наркотические свойства. Дальше...

Шолохов: То есть, возникает мысль, что Ленин не зря держал у себя на столе...

Курехин: Да. То есть, это что-то...

Шолохов: Наркотические свойства.

Курехин: Нет, не наркотические свойства. Это какая-то модель чего-то, о чем мы еще пока не знаем, и о чем я расскажу чуть дальше. Дальше. Я, читая огромную переписку Владимира Ильича, гигантскую совершенно, с разными людьми, однажды я наткнулся на фразу из письма Ленина Плеханову. Фраза звучит так: «Вчера объелся грибов, чувствовал себя изумительно».

Понимаете, в чем тут дело?

Шолохов: Пока не очень.

Курехин: Дело в том, что у Кастанеды, помимо кактусов, еще функционируют постоянно грибы, специальные грибы, которые обладают теми же самыми свойствами, которыми обладает «*Lophophora Williamsi*». То есть чисто галлюциногенными свойствами, которые способны вызвать у человека реакцию, о которой я вам говорил. То есть перед его взором начинают проноситься гигантские сцены - сцены величия, сцены революции, сцены всего... Понимаете? И у меня тогда уже зародилось подозрение, что Ленин уже видел до этого Октябрьскую революцию.

У нас в средней полосе существуют определенные растения, которые являются эквивалентами мексиканской «*Lophophora Williamsi*» и мексиканским грибам. Это хорошо всем известные мухоморы. Значит, я хочу вам рассказать... Вообще, грибы - одна из самых загадочных вещей, и не зря вся мифология - она всегда изобилует огромным количеством упоминаний, ссылок на грибы, их символическое значение, и разные трактовки, что такое грибы. Ведь в мифологии до сих пор еще... в то время, особенно...

Шолохов: Но гриб - и сейчас таинственный...

Курехин: Абсолютно.

Шолохов: ... это и не растение, да, и не животное...

Курехин: До сих пор, споры, что... чем является гриб - является ли он растением, и является ли он животным, понимаете? Потому что существовали разные трактовки. Например, мы смотрим трактовку Топорова, которая опубликована в "Мифах народов мира", в первом томе, где он, ссылаясь на кетский миф, говорит о том, что грибы - это захиревшие в лесу фаллосы. Но я не могу с этим согласиться, с такой трактовкой. Это, по-моему, совершенно из другой области. Но то, что грибы - это загадочная вещь, это несомненно. И сейчас, находясь в Массачусетском институте технологии - это знаменитый институт, который финансируется и государственными, и частными компаниями, который занимается исследованиями в области новейшей технологии, мне показали одну лабораторию, которая занимается изучением акустических свойств грибов. И выяснилось, что гриб дает те же самые акустические свойства, что и дает радиоволна. Понимаете? Это совершенно невероятно. То есть гриб дает те же свойства, что дает неосязаемая радиоволна. То есть гриб, в общем-то, если говорить грубо, на понятном языке, гриб - это радиоволна. Это не захиревший в лесу фаллос, это не растение, это не животное, это радиоволна. Понимаете, да?

Дальше. Гриб - это материализовавшаяся радиоволна. И я... занявшись этим, я изучал все время труды Федорова, Николая Федоровича Федорова, и замечательную его книгу "Философия общего дела", где постоянно о грибах пишется, что они обладают какой-то непонятной нематериальностью. И потом проследить линию эту можно в работах Циолковского. И, в частности, даже Попов обратил внимание, что грибы обладают какой-то определенной... определенными радиосвойствами. У Попова постоянно преследывается эта мысль, но она просто неразвита, и все исследователи не обращали на это внимания. Не зря вот до сих пор говорят, что грибы наиболее притягивают к себе радиоактивность. Вот почему не рекомендуют собирать грибы? Потому что грибы всегда, говорят, радиоактивные, не надо их собирать. Это единое свойство.

Дальше. Я говорил о мухоморах. Мухоморы как аналог того самого мексиканского гриба и той самой «Lophophora Williamsi». Свойство мухомора состоит в том, что если его начинать принимать, если его долго принимать, то человек потихонечку... личность человека потихонечку вытесняется личностью мухомора. Мухомор тоже обладает личностью, а внутри одной персоны не может существовать две личности. И уже доказано, что личность мухомора гораздо сильнее личности человека. То есть человек, который с детства принимает грибы, мухоморы, то они потихонечку становятся его собственной сутью и вытесняют его собственную личность. То есть человек потихонечку превращается в гриб.

Шолохов: И в радиоволну.

Курехин: И, соответственно, в радиоволну. То есть человек становится и грибом и радиоволной в едином облике, понимаете? И сейчас я вам скажу то, что самое главное, к чему я все это веду. А то, что у меня есть совершенно неопровержимые доказательства, что вся Октябрьская революция делалась людьми, которые много лет потребляли соответствующие грибы. И грибы в процессе того, как они были потребляемы этими людьми, вытесняли в этих людях их личность и люди становились грибами. То есть я просто-напросто хочу сказать, что Ленин был грибом. Грибом, более того, он был не только грибом, он был еще помимо всего радиоволной. Понимаете?

Дальше. Сейчас я вам покажу вещь, которая меня сначала ну просто ввела в состояние шока. Это что-то невероятное. Сейчас я вам продемонстрирую одну из схем, и вы поймете, насколько важно... вот посмотрите, это броневик, хорошо нам известный броневик, на котором Владимир Ильич выступал. Это разрез броневика, это его внутренняя часть. А теперь обратите внимание - это мухомор, а это грибница. Обратите внимание, что грибница и броневик в срезе своем

практически идентичны, обратите внимание. Практически все построено по...

Шолохов: Очень похоже.

Курехин: принципу...

Шолохов: Даже дверь есть.

Курехин: Ну не дверь, это какие-то определенные поры соответствующие, находящиеся в грибнице, которые содержат влагу и содержат выжимку из тех полезных ископаемых, которые необходимы для питания мухомора. Понимаете? Совершенно одно и то же. Я могу даже на основании этого предположить, что у нас нету верхушки. Верхушка, это собственно, Владимир Ильич, вот. Идентификация Владимира Ильича и мухомора. То есть если броневик это грибница, то мухомор - это Ленин.

Дальше. Другие факты. До сих пор все исследователи не могли прийти к единому мнению по поводу псевдонима, который взял себе Владимир Ильич - Ленин. Понимаете? Потому что существует несколько точек зрения, почему он взял себе такой загадочный псевдоним...

Шолохов: От реки Лена, кажется, да?

Курехин: От реки Лена...ну там очень много. Ленские события, все что угодно. Я могу совершенно точно сказать - если прочитать имя "Ленин" справа налево, получится слово "нинел", а точнее "нинель". Понимаете?

Шолохов: Нет.

Курехин: Нет? Дело в том, что я думал, вы знаете, что просто нинель - это знаменитое французское блюдо, приготовленное из...

Шолохов: ...грибов.

Курехин: ...из грибов,

Шолохов: ...да-да-да. Что-то такое, да.

Курехин: Приготовленное особым способом. Это нинель. Понимаете? Дальше, смотрите. Вспомните замечательную фразу, которую Ленин говорил, слушая "Апассионату". "Божественная, нечеловеческая музыка". Само по себе это уже говорит о каком-то особом восприятии музыки. Божественная, нечеловеческая музыка. Если еще принять во внимание, что ее написал Бетховен, а Бетховен, как вам известно, переводится как "грибной дух"... "Бет" - грибной, "ховен" - дух, то тогда тоже возникает определенная связь. Понимаете, все укладывается.

Дальше. Я хочу предложить вам знаменитый рассказ Хармса, который тоже, в общем-то, взят не с потолка. Вот, пожалуйста. Короткий рассказ, который тоже практически подтверждает то, что я вам говорил. "Ленин в детстве очень любил грибы. Бывало, наберет полную корзину, почистит, отварит, и ест. Да столько съедал, что и Пушкин не смог столько съесть. Но больше всего Ленин любил мухоморы. Большие, красные. Как увидит, так сразу блеск в глазах, весь сам не свой". Вот, пожалуйста, рассказ Хармса.

Возьмем знаменитую книгу Аксакова - его "Дневник грибника". Сейчас, секундочку, я вам найду, чтобы вы полностью убедились... девяносто шестая страница... Вот, пожалуйста, девяносто шестая

страница, четвертая глава, шестнадцатая строка сверху. Приготовьтесь, внимательно следите за тем, что я буду говорить. Только очень внимательно, хорошо?

Эх... Что-то я очень болтаю быстро. Просто это меня так всегда захватывает, когда я говорю о том, что меня действительно волнует, и том, чему я посвятил несколько лет...

Шолохов: Нет, я буду останавливать, если я буду что-то не понимать.

Курехин: Вы понимаете? Волнуюсь даже. Я редко волнуюсь, но это вещь, которой я посвятил несколько лет, и изложить так, чтобы все поняли, что это не бесполезная работа... Вот. Вернемся к нашему Аксакову. "Дневник грибника".

Когда заходишь в сосновый бор, лучше всего собирать грибы не торопясь, вдумчиво: сделать один шаг вперед, осмотреться и сделать два шага назад. Вам это ничего не напоминает?

Шолохов: Напоминает.

Курехин: Что?

Шолохов: "Шаг вперед, два шага назад".

Курехин: Абсолютно верно. Это знаменитая работа Ленина "Шаг вперед, два шага назад".

Переворачиваем всего-навсего один лист. Пожалуйста, смотрите: "Лучше маленький гриб, но хороший. Лучше меньше, да лучше". Как вам такая фраза? То есть Ленин хорошо... эта книга, точно такая же книга, находится в библиотеке Ленина, как и множество книг, которые как-то связаны с грибами. То есть... Ленин очень интересовался этим вопросом, и если внимательно посмотреть библиотеку, мы найдем там массу замечательных книг.

Дальше. Возьмем... сейчас уберу Аксакова, одну минутку... возьмем такую фотографию - посмотрите. Вот Ленин с группой товарищей. Посмотрите внимательно. Вы кое-кого здесь узнаете, но кое-кого вы не знаете. Обратите внимание, что если мы построим определенный... (звонит телефон) сейчас, одну секундочку...

(в телефонную трубку) Будьте добры, через полчаса, пожалуйста.

Обратите внимание, что если мы построим структуру... возьмем Ильич как за верхушку и построим пять точек. Это верхняя точка... вторая... третья.. четвертая... пятая. Пять точек, и если мы соединяем их в единое целое, то что у нас получается? У нас получается звезда...

Шолохов: Звезда Давида.

Курехин: ... вытянутая... Нет, не звезда Давида - пятиконечная звезда, вытянутая... с одним вытянутым звеном - точно такая же, как находится практически на всех мексиканских храмах. А знаете ли вы о том, что Коран разрешает есть евреям грибы только в один день недели - в субботу?

Шолохов: До шести вечера.

Курехин: Ну, это я не знаю таких тонкостей, но именно в субботу Коран разрешает евреям есть грибы. Грибы, понимаете? В субботу.

Дальше. Обратимся теперь, опять же, к документальным свидетельствам. Вот я сделал выдержку из письма Клары Цеткин Розе Люксембург: "Вчера был Володя, очень торопился, просил что-нибудь быстро перекусить. Особенно хотел грибов". Как вам это нравится?

Дальше. Обращали ли вы внимание на тот факт, что Ленин проводил время периода конца августа, сентябрь месяц, начало октября - почти всегда в Финляндии, в Шушенском, в Разливе, опять же в тех же так называемых Горках? Почему "в так называемых", я скажу чуть позже. И, плюс ко всему, я хочу обратить внимание, что тема горечи постоянно присутствует и в работах Ленина, и даже в названиях. "Горки", "Горький" - это вещи, которые этимологически связаны - "Горки" и "Горький". Понимаете? Тоже никто из исследователей не обращал внимания, а все специалисты говорят, что вкус мескалина, вкус «Lophorhoga», вкус грибов - он невероятно горький, потрясающе горький. И чтобы не вызывало рвотных ощущений, его очень долго вымачивают. То есть это совершенно прямая связь - связь Горького и мухомора.

Дальше. Я сейчас попрошу дать фрагменты фильмов, документальных кадров из кинофильма "Живой Ленин". И вы сейчас убедитесь просто уже на документальном материале, что некоторые вещи просто взаимосвязаны. Пожалуйста... Дайте, пожалуйста, фильм.

Питирим Сорокин. «Ленин - Фанатик и антисоциальный экстремист»

Питирим Сорокин о Владимире Ульянове (Ленине)

Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист

Два месяца назад, вскоре после моего прибытия в эту страну, на ужине, на котором присутствовало несколько выдающихся американских ученых, мне было задано много вопросов относительно России. Среди них был вопрос относительно здоровья Ленина.

"Ленин безнадежен и может умереть в любой момент. Самое большее - он может прожить год или два", - ответил я.

"Почему? Газеты пишут, что его здоровье улучшается и что скоро он сможет вернуться к политической деятельности".

Я улыбнулся и сказал: "Человек, который находится в последней стадии прогрессивного паралича, человек, который более чем два года не способен писать, говорить и двигаться, - такой человек может вернуться только в землю, которая произвела всех нас".

Когда газеты сообщили о смерти Ленина, один из присутствовавших на том ужине напомнил мне об этом моем заявлении. Это "пророчество" о смерти Ленина было сделано на основе характеристики болезни Ленина, которую приватно дали мне в 1922 году в Москве два выдающихся медицинских специалиста, которых приглашали лечить его.

Был ли Ленин жертвой тяжелой болезни, которую они подозревали, или некоторой другой формы прогрессивного паралича, его беспомощное состояние было известно не только коммунистам, но великому множеству русских людей.

Обострение ленинской болезни началось в конце 1921 года. На одной из конференций того времени его речь была настолько запутанной и нелогичной, что его коллеги были вынуждены прервать его посередине речи и увести. Позже две или три из его предполагаемых речей на митинге металлургических рабочих и других митингах были опубликованы в большевистских газетах, но мы знали, что Ленин не присутствовал на этих митингах и что его речи были написаны другими коммунистами.

Вскоре распространился слух, что Ленин сошел с ума, что со словами: "Боже мой! Что я сделал с Россией и русским народом", обхватив голову руками, он бегал по Кремлю. Вскоре после этого его увезли в Горки, национализированное поместье русского фабриканта С. Морозова, расположенное под Москвой.

Высокие стены были возведены вокруг дома, и идиллическое и мирное окружение из цветов, садов, собак, коз, птиц и ульев было создано для этого отнюдь не мирного человека. Новая стена укрыла мир от Ленина и его от мира. Его настоящая жизнь была окончена. Здесь этот полуидиот, который не мог ни говорить, ни писать, ни даже что-то понимать, исключая нескольких моментов в период сравнительного улучшения, провел последние два года своей жизни в безнадежном и беспомощном состоянии...

"Сам бог наказал его" - так понимали лучшие элементы русского народа состояние Ленина в последние годы его жизни. Теперь эта агония закончилась. Она была символична и значительна.

Зловещая личность Ленина

Какого рода человек был Ленин? Я не сомневаюсь, что есть большое множество людей такого же типа, как Ленин, которые молятся ему как богу или "спасителю человечества". Ясно, что многие наивные и неумные люди, слушая высокопарные надгробные слова, рассматривают Ленина как величайшего позитивного героя своего времени.

Я уверен также, что среди будущих историков найдутся некоторые "умные" ученые, которые, говоря словами Тэна, "сделают из этого крокодила божество". Давайте отбросим все эти фантастические концепции и проанализируем Ленина с более прозаической, но более научной точки зрения.

Биологический и психиатрический аспекты его природы ясны. Мания величия, оптимизм, несмотря на ужасное состояние русского народа в период последних лет его правления, навязчивая вера в неизбежность мировой революции, неспособность понять реальные результаты своих действий - эти черты являются характеристикой прогрессивного паралича на последнем этапе болезни. Это означает, что Ленин со времени своего возвращения в Россию был больным человеком.

Посмотрите на лицо Ленина. Разве это не лицо, которое можно найти в альбоме "прирожденных преступников" Ломброзо? Крайняя грубость, выраженная в безжалостных убийствах, в безжалостных резолюциях разрушить весь мир по своей

личной прихоти, свидетельствует об этих зловещих чертах.

Полное отсутствие у Ленина всех моральных, религиозных и социальных принципов, его абсолютный цинизм, украшенный звонкими фразами о "буржуазных предрассудках", и так далее являются характерными антисоциальными стигматами. Его дикая энергия в разрушении, его практика "прямого действия", его фантастическая производительность в распространении ненависти и его полная неспособность следовать любой творческой активности являются дальнейшим олицетворением антисоциальных и опасных склонностей Ленина.

Почитайте работы Ленина. В его первой работе "Развитие капитализма в России" и в его последних памфлетах и статьях мы находим только унылое, ограниченное и неоригинальное повторение двух или трех основных идей Маркса, сопровождаемое резкой бранью по адресу его оппонентов. Односторонность, неспособность схватить главное в ситуации, проявляющиеся в его интенсивной ненависти, являются главными чертами его книг и статей.

Я помню две статьи, написанные им против меня в 1921 году, опубликованные в "Правде" и в журнале "Под знаменами марксизма" (1922 г., No 3. - Ю. Д.). В этих статьях Ленин клеймил меня как "идеолога реакции", "прислужника попов", "защитника рабства", "лидера всей реакционной интеллигенции и контрреволюционного крестьянства" и так далее...

Он и его последователей эгоистическая природа была предельно ясно явно выражена Бухариным в беседе с одним из моих друзей в 1921 году: "Мы достигли нашей цели. Мы вошли в историю и оставили наши следы в ней. Все остальное не важно". Но как декларируемую Лениным преданность интересам рабочего класса, стремление освободить его, его высокие идеи - как можно все это примирить с подлинной природой его фантастических мечтаний?

Любой серьезный исследователь человеческой природы может, однако, легко объяснить это противоречие. Все эти цветистые "речевые реакции" и бешеные "суперидеалистические" выражения в них являются не чем иным, как "прекрасной вуалью", которой такой тип человека обычно маскирует свои бессознательные, примитивные животные импульсы.

В таких типах так называемых суперидеалистов скрытые антисоциальные экстремисты являются наиболее опасными. В нормальные времена такие люди не очень опасны и не могут приобрести серьезного влияния. В патологические эпохи революций, однако, эти типы поднимаются на вершину социальной пирамиды и становятся главарями дезорганизации и разрушения социальной жизни.

Это объясняет, почему Ленин с его явной тенденцией к грубым репрессиям и массовым убийствам стал героем второго периода революции в России и почему русские революционеры выбрали своим лидером физически больного и умственно несбалансированного человека.

Результаты деятельности Ленина и его компаньонов полностью подтверждают эту интерпретацию. Разрушение всей экономической жизни в России, нечеловеческие страдания людей, умственное и моральное банкротство, полное пренебрежение интересами людей, особенно рабочих и крестьян, лишение их всех политических прав и бесконечное кровопролитие - таковы объективные результаты их "преданности интересам людей" и таковы результаты этого "спасителя человечества".

Эта оценка звучит сурово, но она истинна.

Советское правительство обречено

Каков будет эффект смерти Ленина на стабильность Советской республики? Все свидетельства указывают на то, что она ускорит уже неизбежную катастрофу. Смерть Ленина произошла в критический момент. Я имею в виду не только борьбу, которая идет внутри коммунистической партии, но и общую ситуацию в России в настоящее время. Когда меня спрашивают о стабильности советского правительства, я отвечаю: "Оно может пасть в любой момент, но, вероятно, будет агонизировать некоторое время. Едва ли дольше 2-3 лет".

Это заявление может показаться парадоксальным в тот момент, когда лейбористское правительство Великобритании фактически признало советское правительство, когда другие правительства собираются сделать это и когда мы говорим, что "советское правительство сильно как никогда".

Мой взгляд основан на следующем:

1. 95 - 99 процентов русского населения ненавидят существующее правительство более интенсивно, чем оно ненавидело старый режим;
2. экономические условия повелительно требуют, чтобы большевики сделали необходимые уступки в сфере политической жизни и дали юридические гарантии. Если они этого не сделают, экономический кризис сметет советское правительство. Если большевики выберут первую альтернативу, они будут разбиты на первых же реальных выборах, и это приведет к полному поражению компартии;
3. русское население собирает свои силы после опустошения произведенного мировой войной, революцией, голодом и болезнями. Им теперь уже нельзя командовать так же, как в период 1918 - 1922 годов;
4. объективные результаты революции, которые теперь вполне ясны, существенно неблагоприятны для советского правительства. Беспрецедентный рост религии, чувства национализма, сильная враждебность к коммунизму и социализму, одобрение частной собственности и многое другое в развитии национального сознания невозможно совместить с принципами, на которых основано Советское государство;
5. советское правительство за последние годы истратило все национальное богатство, весь золотой государственный запас (около 200 000 000 золотых рублей) и все частные и церковные ценности. Теперь оно бедно. Оно может получить деньги для своих огромных затрат только безжалостными налогами и пошлинами. Эта политика увеличит ненависть крестьян к советскому режиму;
6. более чем половину советской государственной машины составляют старые царские бюрократы, генералы, чиновники. Эти "редиски", как их называют в России, поскольку они красные снаружи и белые внутри, ожидают только первого удобного случая избавиться от нынешних правителей;
7. Красная армия по своим симпатиям в сущности "белая". Она теперь Национальная русская армия с теми чувствами к правительству, что и крестьянство;
8. коммунистическая партия представляет теперь "ледяной поток" по весне. Они расколоты не на 2 - 3 партии, а на многие. Ее лидеры физически истощены. Некоторые из них - больные люди.

Троцкий, как сообщается, заболел раком и после конфликтов с другими лидерами ушел в отставку. Партия потеряла свою прежнюю дикую энергию, бешеный энтузиазм и большие надежды создать новый порядок общества.

Подобно Ленину, она вошла в последнюю стадию "прогрессивного паралича". Часть ее членов теперь нормальные "буржуи", которые поддерживают отношения со старыми группами и которые вместе с ними могут уничтожить своих "левых" товарищей. Другая часть требует возвращения к "военному коммунизму" 1918-1920 годов, который невозможен. Третья часть требует реальной демократизации политической системы, которая может привести только к концу коммунистического правительства.

Там есть, наконец, маневрирующий "Центр", правящий теперь Россией. Такое состояние дегенерации и распада не может долго существовать.

Смерть Ленина ускорит падение

Смерть Ленина является одним из факторов, который усилит и ускорит эти процессы. Ее эффект не будет непосредственно ощутим, но ее влияние будет в конечном счете очень важно. Ленин был единственный лидер, который имел исключительный авторитет среди членов коммунистической партии. Он предотвращал глубокие и острые разногласия среди них.

Он был силой, которая связывала их вместе и не позволяла им пожрать друг друга. С другой стороны, Ленин был единственный человек, имевший некоторую популярность среди русского народа. Эта сравнительная популярность была до некоторой степени обязана его русскому происхождению. Хотя нерусские лидеры коммунизма едва ли хуже, чем Ленин, психология русских масс ведет их к прощению русскому Ленину многих преступлений, которые они не прощают правителям нерусской крови.

Существование Ленина и его лидерство дало советскому правительству видимость русской диктатуры и русской власти.

Калинина, так называемого "президента" Советской республики, во время его поездок по России крестьяне часто упрекали в том, что советское правительство состоит из нерусских людей. Его обычным ответом был: "Вы ошибаетесь - вы забыли о нашем Ленине".

Теперь это оправдание невозможно. Все в России знают, что Сталин кавказец, что Дзержинский - поляк, что Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек и Литвинов - еврейского происхождения. Русские лидеры - Рыков, Бухарин, Пятаков и Чичерин - играют второстепенную роль. Нерусское происхождение современной олигархии ясно всем в России. Нерусский характер Третьего интернационала также ясен всем.

Такое правительство в нынешнем огромном подъеме национальных чувств русской нации в глазах последней является "иностранцем" правительством. Эта олигархия иностранцев возбудила и возбуждает глубокое разочарование даже среди коммунистов русского происхождения, ставших националистами. Из этого легко понять, почему смерть Ленина будет иметь серьезный эффект в будущем, почему нынешнее правительство теряет почву под ногами и почему раскол коммунистической партии увеличивается и будет неизбежно увеличиваться. Факты, которые я привел, объясняют мое убеждение, почему советское правительство не может быть прочным.

Приближается время, когда это убеждение будет реальностью, которую не смогут отрицать даже те, кто сегодня лелеет самые ошибочные представления о современной ситуации в России. Смерть Ленина - не только безвозвратная потеря для советского правительства, но катастрофа, которая, объединившись с другими факторами, приведет к ниспровержению большевистского режима.

Перевод Ю. Дойкова

Питирим Сорокин хоронит Ленина

Выдающийся социолог попытался похоронить и большевизм, но, как и многие в его время, выдал желаемое за действительное

Питирим Сорокин

В сентябре - ноябре 1922 года из Советской России была выслана большая группа интеллигенции.

В свободном мире наибольшую известность из высланных заслужил социолог Питирим Александрович Сорокин (1889 г. Турья, Яренский уезд Вологодской губернии - 1968 г. Винчестер, Массачусетс). Собственно говоря, именно статьи Сорокина в петроградском журнале "Экономист" и послужили непосредственным толчком к высылке интеллигенции.

Прочитав одну из них, В. И. Ленин обрушился и на Сорокина, и на журнал в ставшей его "философским завещанием" статье "О значении воинствующего материализма".

Известие о смерти Ленина застало Сорокина на американском Среднем Западе - в университете штата Иллинойс в Урбина-Шампейн, где социолог читал лекции о современном состоянии России. Сорокин не мог не откликнуться на смерть диктатора. В подшивке американского журнала Current History за 1924 год я нашел публикуемую выше его статью.

Юрий ДОЙКОВ, кандидат исторических наук, автор книги "А.А. Евдокимов. Судьбы пророка в России". В настоящее время завершает первый том биографии Питирима Сорокина.

Гелий Клейменов «Родители Ленина»¹⁹³

В 1863 г., в связи с закрытием Пензенского дворянского института, И. Н. Ульянов получил новое назначение и переехал вместе с молодой женой в Нижний Новгород, где он работал одновременно в нескольких местах. Он вел занятия на землемерно-таксаторских курсах, преподавал физику в местном женском училище первого разряда, работал старшим учителем математики и физики в мужской гимназии, работал воспитателем в Дворянском институте. Молодой семье Ульяновых на первых порах было нелегко. С жильем определились лишь через три месяца: Дворянский институт предоставил семье казенную квартиру. 14 августа 1864 г. в Нижнем Новгороде у Ульяновых родилась дочь Анна, а 31 марта 1866 г. родился сын Александр.

В Нижнем Новгороде Илья и Мария прожили шесть лет. Много лет спустя Анна Ильинична Елизарова-Ульянова в своих воспоминаниях так писала о жизни семьи в Нижнем Новгороде: «Помню нашу казенную квартиру в коридоре здания гимназии из четырех в ряд идущих комнат,

---

¹⁹³ <http://proza.ru/2012/10/01/970>

причем лучшей была наша детская; помню кабинет отца с физическими приборами, а также и то, что одной из любимых наших игрушек был магнит и натертая сукном палочка сургуча, на которую мы поднимали мелкие бумажки. Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни. С тех пор как я начинаю себя помнить, у нас была одна прислуга, находившаяся больше на кухне, а мы бывали с матерью. Няnek у нас, двоих старших, я не помню. У матери моей - от природы живого и общительного характера - были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться, почитать, поболтать, помузицировать вместе. Получались там все новые журналы. Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим, печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого».

Из Нижнего весной 1868 г. Мария Александровна с детьми совершила поездку в Астрахань к родным Ильи Николаевича. Там жили его мать, брат Василий и сестры, Мария и Феодосия.

Фрейлина. Инесса Арманд, возлюбленная Владимира Ильича, передала своим знакомым тайну, сообщенную ей кем-то из Ульяновых. Версия не подтверждалась никакими документами, она воспринималась лишь как литературное произведение, а не как фактическая история. Как следовало из повествования, Мария Александровна, мать Ленина, в юности была взята ко двору, но пробыла там недолго, скомпрометировав себя романом с кем-то из великих князей, за что ее отправили к отцу в Кокушкино и быстро выдали за Ульянова, обеспечив ему регулярное повышение по службе. После смерти отца, в 1886 г. старший сын Александр, разбирая бумаги покойного, наткнулся на документ, касающийся пребывания при императорском дворе девицы Марии Бланк (его матери), - то ли пожалование материального характера на новорожденного, то ли письмо, раскрывающее тайну. Александр поделился открытием с Анной, и оба поклялись отомстить. Версия получила развитие. По другим источникам мать Ленина оказалась фрейлиной императрицы, жены Александра Третьего

Писательница Лариса Васильева привела в своей книге «Кремлевские жены» услышанную ею легенду о матери Ленина. «Весной 1991 года в одной компании услышала я легенду: будто бы мать Ленина, Мария Бланк, до замужества некоторое время была при царском дворе чуть ли не фрейлиной, завела роман с кем-то из великих князей, чуть ли не с будущим Александром II или III, забеременела и была отправлена к родителям, где ее срочно выдали замуж за скромного учителя Илью Ульянова, пообещав ему повышение по службе, что он регулярно получал в течение всей жизни. Мария родила первого своего ребенка, сына Александра, потом еще много детей, уже от мужа, а спустя годы Александр Ульянов узнал тайну матери и поклялся отомстить царю за ее поруганную честь. Став студентом, он связался с террористами и готов был покушаться на жизнь царя, своего подлинного отца. Легенда вызвала сомнения».

«От автора пьесы «Семья», драматурга Ивана Попова, друга моего отца, много лет назад, в середине пятидесятых, я услышала: «Анна у Марии Александровны прижитая. Она как будто дочь кого-то из великих князей».

Попов был социал-демократом, работал с Лениным в эмиграции, дружил с Инессой Арманд. Он уверял, что Инесса знала какую-то тайну семьи Ульяновых».

В 90-е годы прошлого столетия в одной из петербургских газет («Новый Петербург») было опубликовано интервью с журналистом Александром Павловичем Кутеневым о внебрачных детях царя Александра III:

НП: Александр Павлович, не можете ли подробнее рассказать о внебрачных детях Александра III?

АПК: У Александра III, действительно, было немало внебрачных детей, поскольку он был человеком безудержным и страстным. Среди детей были и исторические знаменитости. В частности, Александр Ульянов, старший брат Владимира Ильича Ленина. Дело в том, что Мария Александровна, мать Ленина, была фрейлиной при дворе Александра II. Когда Александр III был просто великим князем, у него был роман с Марией Александровной, от него она в девичестве родила сына Александра. История знает немало подобных примеров: в России к бастардам относились гуманно – давали княжеский титул, приписывали к гвардейскому полку. Известно, что Ломоносов был сыном Петра I, князь Бобринский – сыном Потемкина и Екатерины II, Разумовский – внебрачным сыном Елизаветы. Все они, как вы знаете, сделали прекрасную карьеру, и никогда не чувствовали себя изгоями. Такая же участь была уготована и Александру, брату Ленина.

Но Мария Александровна все испортила: вслед за Александром она родила еще ребенка – девочку, и к Александру III эта девочка уже никакого отношения не имела. Держать при дворе фрейлину с двумя детьми было неприлично. Чтобы замять скандал, решили передать дело охранке. Охранка нашла в Петербурге несчастного человека – гомосексуалиста Илью Ульянова. Как человек с не традиционной сексуальной ориентацией, он был на крючке у охранки. Ему дали приданое к Марии Александровне дворянский титул, хлебное место в провинции, и молодожены отправились в Симбирск.

И вся бы эта предыстория замялась, если бы не страстный нрав Марии Александровны. Она и в Симбирске не отличалась строгим поведением, и хотя сексуальная жизнь с Ильей Николаевичем у нее сложиться никак не могла, она родила еще четырех детей, неизвестно от каких отцов.

Можете представить, каково было детям Ульяновых в гимназии. В маленьком городке все сразу становится известным, и мальчишки дразнили своих сверстников Ульяновых: припоминались и мамочка, и царь, и Илья Николаевич. В конечном счете, все это отрицательно повлияло на Александра: он вырос очень озлобленным с желанием во что бы то ни стало шлепнуть папочку. С этими планами он и отбыл в Петербург на учебу. Остальное все организовала охранка. Как в наше время спецслужбы организовали Народный фронт и другие демократические организации. Там в те далекие времена охранка помогла Александру Ульянову войти в народовольческую революционную организацию и принять участие в покушении на царя.

Как только Мария Александровна узнала, что сын арестован за покушение на царя, она сразу же поехала в Петербург и явилась к Александру III. Удивительное дело: ни один источник не поражается тому, что никому не известная бедная симбирская дворянка без всяких проволочек попадает на прием к царю! (Впрочем, историки никогда не удивлялись и тому факту, что даты рождения двух первых детей Ульяновых предшествуют дате свадьбы Ильи и Марии.) А Александр III принял свою старую пассию сразу, и они вместе посетили Сашу в крепости. Царь простил «цареубийцу», пообещав дать ему княжеский титул, записать в гвардию. Но Сашенька оказался с характером, он сказал все, что думает об обоих своих родителях. И пообещал им, что как только очутится на свободе, предаст гласности всю их бесстыдную историю и обязательно швырнет бомбу в папочку! Поэтому на свободу Александра Ульянова так и не выпустили, а отправили в психушку, где он своей смертью умер в 1901 году. Историки не сходятся на способах казни, но казни никакой не было.

НП: А откуда у вас такая ошарашивающая информация?

АК: Это тоже особая и интересная история. У ее истоков стоит Мариэтта Шагинян. В 70-х годах эта писательница писала книгу о Ленине и получила доступ к архивам. Видимо, хранители архивов сами не знали, что спрятано в бумагах за семью печатями. Когда Мариэтта Шагинян ознакомилась с бумагами, она была потрясена и написала докладную записку Леониду Ильичу Брежневу лично. Брежнев познакомил с этой информацией свой круг. Сулов три дня лежал с давлением и требовал расстрелять Шагинян за клевету. Но Брежнев поступил иначе: он вызвал Шагинян к себе и в обмен на молчание предложил ей премию за книгу о Ленине, квартиру и т.д. и т.п.

НП: И Шагинян ведь действительно получила какую-то премию за книгу о Ленине?

АК: Да, она получила Ленинскую премию за книгу «Четыре урока у Ленина». А записку засекретила, и она лежала в архиве Центрального комитета партии. Когда я прочел в архиве эту записку, мне захотелось увидеть и сами архивные материалы. И я запросил копии. Все именно так и было...

Вот такая классическая небылица, в которой смешиваются некоторые реально существовавшие факты и события с безудержной фантазией на почве якобы ненормальных сексуальных отношений героев. При этом автор указывает, что документы, которые подтверждают столь сногшибательную сенсационную информацию, он, как Мариэтта Шагинян, видели их в архиве ЦК партии, но представить их общественности не может, так как не получил запрошенные копии.

Версия Инессы Арманд и ее красочное развитие журналистом А.П. Кутеневым не выдерживают никакой критики и не имеют ничего общего с действительными фактами, которые подтверждаются метрическими книгами и ревизскими сказками.

Во-первых, в семье Ульяновых первой родилась девочка Анна в 1864 году, а через два года мальчик Александр. Родители их расписались в 1863 году, и об их браке имеется запись в церковной книге. На этом можно было бы остановиться, так как высказаны против чрезвычайно важные аргументы. Версия Кутенева никак не вяжется с действительностью. Подводят даты.

Но хочется продолжить разоблачение фальсификации.

Во-вторых, Мария Александровна Бланк никогда не была фрейлиной. По понятиям А.П. Кутенева фрейлины были куртизанками и переходили от одного великого князя к другому, пока не появлялись дети (бастарды), и фрейлин удаляли из светского круга, пристраивая даже за мещан.

На самом деле фрейлины являлись служащими, как чиновники в министерствах, при Императорском дворе. Всего существовало пять уровней штатных женских должностей: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина и фрейлина. Эти чины представлялись представительницам знатных дворянских фамилий. Примерно треть фрейлин принадлежала к титулованным фамилиям: Голицыны, Гагарины, Щербатовы, Трубецкие, Оболенские, Долгоруковы, Волконские, Барятинские, Хилковы и др., а около половины были дочерьми лиц, имевших придворные чины и звания. Фрейлины составляли свиту императриц и великих княгинь. Все женские «штатные единицы» при Императорском дворе соответствующим образом оплачивались. По придворному штату, утвержденному Павлом I в декабре 1796 г., обергофмейстрина получала жалованье в 4000 руб. в год. Такое же жалованье получали и 12 статс-дам (по 4000 руб.), фрейлины получали жалованье по 1000 руб. в год. Кроме этого фрейлины имели оплачиваемые «больничные» и отпуска «с дорогой». Если какая-либо из

фрейлин заболела, то императрица из своих средств оплачивала не только лечение, но и реабилитационный отдых со всеми издержками.

В 1826 г. Николай I четко определил число фрейлин при каждой великой княжне, и их количество достигло 36 человек. Многие из них постоянно находились при дворе (часто и проживали там). Для приема девушек во фрейлины был установлен негласный возрастной ценз, ориентированный на 15–18 лет, то есть тот возраст, когда девушки выходили «в жизнь» из закрытых учебных заведений. Главным «поставщиком» фрейлин являлся столичный Смольный институт, учрежденный в 1764 г. повелением Екатерины II. Кроме этого, девушки и их семья должны были обладать безупречной репутацией. От фрейлин требовалось безукоризненное знание придворного этикета. Как правило, эти знания получали девушки в институтах благородных девиц. Само присвоение фрейлинского звания считалось высокой монаршей милостью, которая оказывалась отличившимся на службе родителям или в силу их знатности.

Главной обязанностью штатной фрейлины являлось суточное дежурство при своей хозяйке, в течение которого ей приходилось выполнять множество неожиданных поручений. Фрейлины сопровождали хозяйку на всех приемах и торжествах, развлекали гостей, и даже ночью выносили горшок за хозяйкой.

Знаком отличия штатных фрейлин были золотые, украшенные бриллиантами шифры (вензеля императриц или великих княгинь, при которых они состояли), носившиеся на банте из Андреевской голубой ленты на левой стороне груди. Знаки эти могли надеваться и не на парадное платье. Шифр для фрейлин считался большим отличием, дающим чин, равный чину супруги генерал-майора.

Едва ли не основным преимуществом фрейлин была возможность выхода замуж, так как при дворе можно было найти наиболее выгодного, знатного и богатого жениха. После выхода замуж фрейлины автоматически покидали придворную службу. При этом императрица награждала невесту хорошим приданым — наличными деньгами, драгоценными вещами, платьем, кроватьными и постельными уборами, галантерейными предметами на сумму от 25 до 40 тысяч рублей и образом святого новобрачной в дорогом окладе. В некоторых случаях сама свадьба праздновалась во дворце: так, фрейлина цесаревны и адъютант цесаревича Александра III в 1880 г. праздновали свадьбу в Аничковом дворце. Но даже в отставке фрейлины сохраняли право быть представленными императрице и приглашались на большие балы в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца вместе с мужьями, «независимо от чина последних».

Вернемся к Марии Александровне. В 1841 году она вместе с семьей покинула Петербург, и затем переезжала из Перми в поселок Юг, оттуда в Златоуст. В 1847 году, когда Марии было 12 лет, Бланки приобрели имение Кокушкино. Никаких данных, что Мария была оправлена в Петербург и каким-то невероятным способом в нарушении всех принятых правил устроена во фрейлины, нет. Исключения из правил были. Попадали во фрейлины девушки и из не высокородных семей. Так, например, Прасковью Арсеньевну Бартеневу случайно «увидала императрица Александра Федоровна, и не только увидела, но услышала ее голос». Императрица была поражена, - Прасковья обладала редким по красоте и силе голосом «металлического» тембра и обширного диапазона. Исполнение ее отличалось высоким вокальным мастерством и музыкальной культурой. Репертуар включал романсы русских композиторов, русские народные песни, а также арии из опер итальянских композиторов. В 1830 г. она исполнила впервые. романс «Соловей» А.

Алябьева на московском балу в честь известной певицы Г. Зонтаг. Красота и проникновенность пения Бартеневой вызвали восхищение слушателей, что нашло отражение в творчестве её современников - поэтов и композиторов. Она была знакома с А. С. Пушкиным (с 1832). Лермонтов посвятил певице новогодний мадригал:

Не обладала Мария Александровна такими уникальными способностями, и более того ее домашнее образование было обычным провинциальным и позволило ей сдать экзамены всего лишь на учителя иностранных языков для начальных школ. Она не была знакома с правилами светского придворного этикета, не блистала она в понимании поэзии, музыки, живописи, что было просто необходимо для фрейлины, поддерживавшей беседы с гостями из высшего общества. Не была Мария Александровна фрейлиной, а была обычной провинциальной девушкой, барышней, барыней, которой прислуживали дворовые девки, и которая провела все свое детство и юные годы на природе, помогая тетушке и отцу вести большое хозяйство в имении.

В-третьих. Царь Александр III, будучи великим князем, (цесаревичем он стал после смерти старшего брата в апреле 1865 г.), никак не мог увлечься Марией Бланк, даже если предположить, что она все же была при дворе. Александр III был на 10 лет моложе Марии Бланк, он родился в 1845 г. В 1860 г. ему было всего лишь 15 лет, а Марии уже 25. Великие князья ухаживали, и флиртовали с молоденькими умненькими девушками. И в силу своих обязанностей фрейлины должны были отвечать на ухаживание благосклонно. Если флирт заходил далеко, он становился предметом самых горячих сплетен. Беременность скрыть было невозможно, об этом судачили не только при дворе, но и в Петербурге. Это становилось известным каждому, и, естественно, историки отражали сразу такие события. Но среди них не было забеременевшей фрейлины Марии Бланк. История сохранила достаточно много имен фрейлин, на которых обратил внимание сам император или великий князь. Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была многолетней фавориткой Павла I. А ее племянница Варвара Аркадьевна Нелидова – фавориткой императора Николая I. Фрейлина Калиновская стала первой юношеской любовью Александра II. Ольгу Калиновскую удалили от Императорского двора, и вскоре она вышла замуж за графа Огинского. Фрейлина Екатерина Михайловна Долгорукова стала морганатической женой императора Александра II.

Цесаревич Александр III, наследник российской короны, имел в юные годы твердое намерение отказаться от престола из-за любви к Марии, но не Бланк, а княжны Мещерской. Мария Мещерская была фрейлиной императрицы Марии Александровны. Александр и Мария Мещерская впервые встретились весной 1864 г. (Александру было 19 лет, а Марии 20 лет) Мария Мещерская была не красавицей, но обладала утонченными манерами светской дамы, переданными ей бабушкой княгиней Екатериной Ивановной Мещерской, урожденной графини Чернышевой, в одиночестве воспитывавшей девочку после ранней смерти ее родителей. Мария Мещерская жила, ни в чем не нуждаясь на Лазурном берегу Франции, переезжая из Ниццы в Канны - от матери к бабке. В парижском свете слыла отчаянною особой, острою на язык, знающей все приемы изысканного и остро ранящего сердца кокетства, «грозою мужчин». Но родители и свет постоянно вмешивались в отношения Александра и Мари, не давая им развиваться. Они так и остались возлюбленными. Цесаревичу Александру родители предложили жениться на Дагмар, датской принцессе, дочери датского короля Кристина IX. Цесаревич метался между чувством к княжне Мещерской и долгом. Выполняя долг наследника престола, он был вынужден согласиться. 28 октября 1866 г. состоялась свадьба цесаревича Александра и принцессы Дагмары Датской, а в 1867 году княжна Мария Мещерская вышла замуж за Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато. 25 июля 1868 года она родила сына Элима и скончалась на следующий день. Накануне

смерти, она призналась своей подруге А. Жуковской, что «никого и никогда не любила, кроме цесаревича». В память о супруге Павел Демидов учредил Мариинскую рукодельную мастерскую в Париже. Одной из особенностей императорской семьи Александра III с Марией Федоровной (Дагмар), как отметили современники, была их взаимная привязанность и отсутствие каких-либо увлечений на стороне. Незаконнорожденные дети были почти у всех императоров и императриц, кроме Александра III и Николая II. А Кутенев утверждает, что «у Александра III, действительно, было немало внебрачных детей, поскольку он был человеком безудержным и страстным». И не надо хорошо знать правила высшего света, чтобы понимать, что все незаконно рожденные дети великих князей (бастарды) получали титулы баронов, графов, генеральские чины, дворцы и земли в вечное пользование. Представить себе, что фрейлина, родившая сына от великого князя, была выдана за мещанина, без подарков стоимостью, превышающую зарплату статского советника за 20 лет службы, просто невозможно. Такого не была никогда. Написать такую версию мог только автор, не знающий истории вообще и имеющий представление о ней по голливудским фильмам.

В-четвертых, имеются списки всех фрейлин императорского двора с 1712 года. Ежегодно список фрейлин публиковался в адрес-календаре Российской Империи. Список строился по стажу пребывания во фрейлинском звании. Несмотря на то, что замужество автоматически вело к потере должности фрейлины, многие из них более известны под фамилией мужа. В списке приведены оба варианта — сначала девичья фамилия, фигурировавшая во фрейлинских списках, в скобках — фамилия в браке. Фамилия Бланк в списках не встречается. Фрейлинами Марии Александровны (матери Александра III) были:

- Белосельская-Белозерская Елизавета Эстаровна, в замужестве за князем П.Н. Трубецким
- Вяземская Мария Аркадьевна, (жена князя Павла П. Вяземского, двоюродная тетка Лермонтова)
- Дашкова Софья Александровна, в замужестве за князем Г.Г. Гагариным,
- Жуковская Александра Васильевна (дочь поэта Василия Жуковского, воспитателя наследника престола) в замужестве баронесса Верман, морганатическая супруга великого князя Алексея Александровича, брак с которым был расторгнут.
- Ланская (Арапова) Александра Петровна (старшая дочь Натальи Николаевны Гончаровой от второго брака с генералом–лейтенантом П.П. Ланским)
- Пушкина (Гартунг) Мария Александровна (дочь А.С. Пушкина)
- Тютчева Анна Федоровна, (дочь поэта Ф.И.Тютчева), получила образование в Мюнхенском королевском институте
- Тютчева Екатерина Федоровна, не замужем (дочь поэта Ф.И. Тютчева, воспитывалась в Смольном институте)
- Княжна Мещерская (Демидова – Сан Донато), Мария Элимовна
- Голынская Прасковья Михайловна (дочь княжны Шуховской)
- Смирнова Ольга Николаевна, не замужем (дочь фрейлины Смирновой-Россет)

Камер-фрейлина

- Графиня Блудова Антонина Дмитриевна, не замужем (Дочь государственного деятеля и литератора Дмитрия Николаевича)

Любовница террориста. Лариса Васильева, не вполне уверенная в приведенной ей версии, что сын Марии Бланк – Александр – был незаконнорожденным от цесаревича Александра III, привела другую версию рождения сына Марии, по ее мнению более достоверную. Она пишет:

«Александр Ульянов родился в 1866 году от Дмитрия Каракозова, бывшего ученика Ильи Николаевича Ульянова в Пензенской гимназии. Дмитрий Каракозов родился в 1840 г. (он на 5 лет младше Марии Бланк-Ульяновой) Каракозов в 1866 году стрелял в императора Александра Второго. Петербургская газета "Северная почта" от 11 мая 1866 года, рассказывая подробно о личности человека, покусившегося на жизнь Александра Третьего, сообщала, что Дмитрий Каракозов окончил курс в Пензенской гимназии (Ульяновы тогда жили в Пензе, и Илья Николаевич преподавал в гимназии), поступил в Казанский университет, потом перешел в Московский.

“Роман Каракозова с Марией Александровной не был секретом для всех, знакомых с семьей Ульяновых в то время” - утверждает жительница Санкт-Петербурга Наталия Николаевна Матвеева. Она почерпнула эти сведения из рассказов своего деда, революционера Василия Ивановича Павлинова, который хорошо знал Ульяновых. Александр Ульянов планировал убить царя Александра Третьего в день покушения Дмитрия Каракозова на Александра Второго - 4 апреля. В память об отце. Покушение сорвалось. Мария Александровна никогда не скрывала своих отношений с Дмитрием, за что "женское окружение" ее осуждало. Знал о романе жены и Илья Николаевич. Александр Ульянов стал студентом Петербургского университета. Он изучал кольчатых червей и не собирался менять их на революцию. Отец его умер в январе 1886 года. Александр на похороны не поехал — по воспоминаниям Анны Ильиничны, мать не хотела травмировать его (?) и не советовала приезжать, но сама Анна Ильинична на похороны отца приезжала. (Почему ее можно было травмировать?) Лето этого же года Александр Ульянов провел с матерью в имении Алакаевка (имение матери – Кокушкино, хутор Алакаевку купили только в 1889 г. – от авт.). В то лето, после смерти Ильи Николаевича, с Александром произошли крутые и для многих совершенно необъяснимые перемены. Анна Ульянова в своих мемуарах пишет, что из спокойного юноши её брат вдруг превратился в настоящего неврастеника, бегающего из угла в угол. Вернувшись с каникул в Петербург, он, образцовый студент, до этого интересовавшийся лишь наукой, забросил учебу и стал готовить покушение на царя». Тайну своего рождения дети Ульяновых, как предполагает Лариса Васильева, могли узнать сразу после смерти Ильи Николаевича. «Скорей всего, - пишет она, - от матери. Есть также предположение, что Саша наткнулся дома на какие-то документы, разбирая бумаги на столе отца. Показал их сестре Анне. Из них детям стало понятно, что к чему. Присутствовавший при последнем свидании Марии Александровны с сыном Александром молодой прокурор Князев записал слова Александра: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить». Эти слова в контексте новых знаний о семье Ульяновых приобретают новый смысл: Александр несомненно считает свой поступок не

покушением, а дуэлью, в которой ему не за что извиняться перед противником. И сын, и мать, видимо, оба понимают подтекст всей ситуации: сын мстит за отца, сын убитого мстит сыну убийцы».

Литературная обработка некоторых фактов выполнена писательницей привлекательно и сенсационно, поэтому эта версия приобрела такую популярность. О ней заговорили в кулуарах, некоторые приняли ее безоговорочно. Все же это – литература, и к писательнице никаких претензий нет. Но к истории эта версия не имеет никакого отношения.

Снова погрузимся в цифры и даты. Действительно Дмитрий Каракозов учился в 1–ой Пензенской мужской гимназии и окончил ее в 1860 г. После чего продолжал учебу в Казанском университете в 1861 г., через год был исключен по распоряжению полиции и выслан из Казани. Около 2-х месяцев занимался письмоводством при мировом судье Сердобского уезда. Принят обратно в Казанский университет в 1863 г. и уволен из него в 1864 г. «для перечисления в Московский университет», откуда был исключен летом 1865 г. за неуплату за обучение. В этом же году вошел в революционный кружок, организованный двоюродным братом Н.А. Ишутиным. Весной 1866 г. выехал из Москвы в Петербург, где 4 апреля попытался застрелить царя. Был арестован, предан Верховному суду и приговорен к смертной казни.

В версии Ларисы Васильевой правда, что двоюродные братья Каракозовы жили в одном доме на правах квартирантов с Ильей Ульяновым. Но в то время (братья окончили гимназию в 1860 г.) Ульянов был холостяком, а Мария появилась в Пензе лишь в 1861 г., когда Дмитрий Каракозов учился в Казани. Мария и Каракозов не встречались ни в Пензе, ни в Нижнем Новгороде. Александр, сын Марии, родился в 1866 г., значит, по версии Васильевой Мария и Дмитрий Каракозов должны были встретиться в 1865 г., когда Ульяновы жили в Нижнем Новгороде, и при этом Дмитрий, который был младше Марии на 5 лет, всего лишь студент, находящийся под надзором полиции, каким-то образом должен был привлечь Марию, жену надворного советника, пожалованного орденом Св. Анны третьей степени, мать годовалой дочери и еще еврейку по отцу, воспитанную в строгих правилах законов Галаха, которые свято соблюдались.

Попытки Л. Васильевой обосновать свою версию рассуждениями, что Мария назвала своего четвертого сына Дмитрием, в честь своего возлюбленного Дмитрия, отсутствием Александра на похоронах Ильи Николаевича, неожиданной переменой в характере Александра и его целенаправленной подготовкой отомстить после смерти отца, никак не могут быть приняты историками. Все эти случаи могли проявиться или произойти по многим иным причинам. И неоднозначность их происхождения для истории имеет определяющее значение. А вот литература такие рассуждения принять может. Причины, повлиявшие на Александра, решившего принять участие в террористической организации, следует разобрать более детально и глубоко. Об этом мы поговорим позже.

Л. Васильева даже нашла по фотографиям внешнее большое сходство между Каракозовым и Александром Ульяновым. Но документы это не подтверждают. Секретарь Верховного Суда Есипович в своем очерке «Д.В. Каракозов в равелине» записал: «худой, белокурый, среднего роста, с прелестными серо – голубыми мягкими глазами, с немного впавшими щеками, с чахоточным румянцем». Словесный портрет Александра Ульянова составил его современник, деятель революционного движения В. Бартнев в книге «Воспоминания петербуржца о второй

половине 1880 – х годов»: «Он весь вечер просидел, молча, задумчиво глядя своими большими темными глазами. Я очень живо помню его лицо: матовой белизны, немного широкоскулое, всегда спокойное и серьезное, шапка черных, слегка вьющихся волос на голове». Как следует из описаний современников, они друг на друга похожи не были.

Симбирск. Летом 1869 г. министерство просвещения учредило институт инспекторов народных училищ. Стали назначаться губернские инспектора народных училищ, одному из первых эту службу предложили И.Н.Ульянову. Он согласился. Предстоял переезд в Симбирск, к месту новой службы. В те дни, когда ожидалось окончательное решение начальства, скончалась годовалая дочка Оленька, третий ребенок в семье Ильи и Марии.

22 сентября 1869 г. директор гимназии доложил попечителю Казанского учебного округа, что «коллежский советник Илья Николаевич Ульянов отправился к месту своего нового служения в Симбирск». А через два дня Илья Николаевич, Мария Александровна, пятилетняя Аня и трехлетний Саша увидели город на высоком правом берегу Волги. В губернском центре проживало тогда около 27 тысяч человек. Инспектор должен был контролировать правильную постановку учебного процесса, в школах, содержащихся за счет местных бюджетов. Но кроме этого инспектор должен был содействовать развитию местных школ. Ему приходилось ходатайствовать перед земством об открытии новых школ, готовить и подбирать достойных учителей начальных школ, следить за хозяйственным состоянием школьных учреждений, способствовать развитию общественного мнения в пользу народного образования. К весне 1870 г. Илья Николаевич имел достаточно полное представление о состоянии народного образования в губернии. За полгода работы он осмотрел немало школ, тщательно изучил отчеты и ведомости училищных советов за 1869 г. И определил для себя первоочередные проблемы.

В 1869 г. в Симбирской губернии числилось 462 народных училища с количеством учащихся свыше 10 тыс. человек, из них не более 90 соответствовали норме, остальные пребывали в жалком состоянии или числились только на бумаге.

Осенью 1871 г. Ульяновы сменили квартиру. Второй этаж дома вдовы дьякона Прибыловской, куда семья переехала из тесного флигеля после рождения Володи, тоже оказался жильем не вполне приемлемым. И как только освободилась просторная квартира на втором этаже соседнего дома — Жарковой, Ульяновы перебрались туда. На нижнем этаже снимала квартиру акушерка Анна Дмитриевна Ильина, она принимала Володю, а 4 ноября 1871 г. она первой поздравила Ульяновых с рождением дочери, которую в память о скончавшейся в 1869 г. дочери назвали Оленькой. А в 1873 г. умер через несколько дней после рождения шестой ребенок — Коля. В 1874 г. родился мальчик, назвали Дмитрием, а в 1878 г. — девочка, Мария, восьмой ребенок.

Старшие дети начали подготовку к гимназии. Илья Николаевич с осени 1873 г. пригласил для занятий учителя приходского училища Василия Андреевича Калашникова, молодого, но талантливого педагога. В 1875 г. Ульяновы переселились на улицу Московскую (ныне Ленина), где и прожили до самого отъезда из Симбирска. Здесь, на Московской улице, Ульяновы поселились сначала в доме Костеркина. «Это был дом с обширными высокими залой и гостиной, с тесными и неудобными домашними комнатами, отчасти ютившимися на антресолях, с холодной кухней в подвале и длинным коридором. Помещение, больше приспособленное для помещичьих домов, а не для такой семьи, как наша», - писала А.И.Ульянова-Елизарова. По этой причине перед Ульяновыми вновь встала проблема поиска квартиры. Но и следующая квартира была для них временной. Она располагалась в соседнем доме. «Следующую зиму (1876 - 1877) мы жили в квартире Анаксагорова. В этом доме, тремя окнами на улицу, комнаты были расположены, так

сказать, "за круговым поручительством", то есть из одной комнаты в другую, так что если отца не было дома, и его кабинет не был затворен, можно было бегать кругом всего дома, что очень любили малыши», - вспоминала Анна Ильинична. В этом доме начал подготовку к гимназии Владимир. Как и со старшими, Анной и Александром, с ним занимался учитель Калашников. С 1877 по 1878 гг. семья Ульяновых проживала на соседней улице Покровской. Это последняя частная квартира Ульяновых оказалась очень сырой. Родившаяся здесь Маняша очень часто болела. Поэтому Ульяновы торопились с покупкой дома.

В августе 1878 г. в жизни семьи произошло важное событие — Ульяновы переехали в собственный дом. Почти девять лет они снимали помещения в частных домах. Меняли жилье шесть раз. Казенной квартиры директору народных училищ не полагалось. Ульяновы давно хотели обзавестись своим домом, но не было средств. Семья росла, вместе с ней росли и расходы, а жили на одно лишь жалованье Ильи Николаевича. Переезд в свой собственный дом-усадьбу стал для семьи настоящим праздником. Дом был куплен за 4 тыс. рублей и записан на Марию Александровну. Из воспоминаний старшей дочери Анны: «Отец купил дом на Московской улице, в котором мы жили до 1887 г. При нем был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый, Все место тянулось на целый квартал, и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую Покровскую улицу. Окраинные, заросшие сильно травой улицы, прелестный цветник, которым заведовала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним местопребыванием. Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особо душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней». Кроме надворных построек - конюшни, каретника, бани и т.д., при доме был небольшой флигель.

Старшие трое имели по своей комнате, матери помогала кухарка; была в семье няня Варвара Григорьевна, а для хозяйственных работ (уборка снега, распиловка дров) нанимались работники. В небольшой гостиной семья проводила часы отдыха. Здесь же принимали гостей. Как правило, это были сослуживцы Ильи Николаевича, его единомышленники: Арсений Федорович Белокрысенко, человек широких демократических взглядов, оказывающий большую поддержку народному образованию; Иван Яковлевич Яковлев, чувашский просветитель; Вера Васильевна Кашкадамова, воспитанница педагогических курсов И.Н.Ульянова, талантливый педагог; Иван Сидорович Покровский, домашний доктор Ульяновых и многие другие. Завершала подготовку Володи и Ольги к гимназии Вера Павловна Прушакевич. Дети Ульяновых, каждый в свое время, поступали в гимназии: мальчики в Симбирскую классическую гимназию, а девочки – в Мариинскую женскую гимназию.

В 1880 г., когда Анне не было еще шестнадцати лет, она, единственная из выпуска женской гимназии, состоявшей в ведомстве императрицы Марии, получила большую серебряную медаль. Аня по примеру отца хотела стать народной учительницей. Но юный возраст был тому помехой. И лишь через год после окончания гимназии она получила место помощницы учительницы в одной из начальных школ Симбирска.

В 1882 г. Илья Николаевич был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, что давало право на потомственное дворянство. Это пожалование, в силу изменения правил в 1874 г, делало де-юре потомственным дворянином и Владимира, хотя он не был старшим сыном и родился до пожалования потомственного дворянства отцу.

В 1883 г. окончив Симбирскую гимназию с золотой медалью, Александр поступил на естественный факультет Петербургского университета, где блестяще учился (на 3-м курсе получил золотую медаль за самостоятельную работу по зоологии). Следом за братом в столицу уехала Аня. Она поступила на Высшие женские Бестужевские курсы. В 1885 г. Ольга завоевала право на получение стипендии, одну из немногих в женской гимназии, и тем самым освободила родителей от платы за свое обучение в размере 45 рублей в год.

К 1886 г. благодаря энергии и настойчивости инспектора и директора народных училищ И. Н. Ульянова земства, городские думы и сельские общества увеличили отпуск средств на школьные нужды более чем в 15 раз. Было построено более 150 школьных зданий, а количество учащихся в них возросло до 20 тыс. человек. И это при том, что качество образования стало соответствовать требуемым стандартам.

12 января 1886 года в Симбирске в возрасте 54 лет Илья Николаевич скоропостижно скончался, от кровоизлияния в мозг. Мария Александровна начала хлопотать пенсию, это прошение было быстро удовлетворено. Симбирское Дворянское депутатское собрание, «...постановлением 17 июня 1886 г, внесло в третью часть дворянской родословной книги вдову Действительного Статского Советника Ильи Николаева Ульянова Марию Александрову и детей их...», что было утверждено указом императора от 6 ноября 1886 г. Полученная пенсия составляла 100 рублей в месяц. По тем временам это были большие деньги, естественно, несравнимые со стоимостью подарков фрейлинам на их свадьбу.

За успехи по службе Илья Николаевич был неоднократно награжден и постоянно повышался в должности. Приводим выписку из формулярного списка Ильи Николаевича Ульянова:

Формулярный список о службе директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ильи Ульянова. Составлен на 12-е января 1886 г. Из мещан.

По окончании курса в Императорском Казанском Университете со степенью кандидата в 1854 г. Попечителем Казанского Учебного Округа назначен исправляющим должность старшего учителя математики в высших классах Пензенского дворянского Института с 7 мая 1855 г.

Указом Правительственного сената 31 августа 1860 г. произведен в титулярные советники со старшинством с 11 ноября 1855 г.

Указом Правительственного сената 20 февраля 1862 г., произведен в коллежские асессоры со старшинством с 11 ноября 1858 г.

Приказом Г. Попечителя Казанского Учебного Округа перемещен тем же званием в Нижегородскую гимназию 22 июня 1863 г.

Указом Правительственного сената 12 июля 1863 г. за № 157 произведен в надворные советники со старшинством с 11 ноября 1862 г.

Государь император по удостоению Комитета Гг. Министров всемилостивейше соизволил пожаловать за отлично-усердную службу и особые труды орден Св.Анны 3-й степени. 19 ноября 1865 г.

Указом Правительственного сената от 4 июля 1867 г. за № 155 произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 11 ноября 1866 г.

Приказом Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения от 6 сентября 1869 г за № 19 утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии с 1 сентября 1869 г.

Указом Правительственного сената по департаменту Геральдий от 25 ноября 1871 г за № 5326 произведен за выслугу лет в статские советники со старшинством с 11 ноября 1870 г.

Всемиловейше награжден за отличную службу орденом Св. Станислава 2-й степени. 22 декабря 1872 г.

Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 17 августа 1874 г за № 16 назначен директором народных училищ Симбирской губернии 11 июля 1874.

Всемиловейше награжден за отличную службу орденом Св. Анны 2-й степени. 25 декабря 1874.

Всемиловейше награжден за отлично-усердную службу чином действительного статского советника 26 декабря 1877г.

Приказом Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения от 15 декабря 1880 г. за № 15 оставлен на службе на один год по выслуге 25-летнего срока с 11 ноября 1880 г.

Предложением Г. Товарища Министра Народного Просвещения от 27 апреля 1881 г. за № 6126 назначена ему, за выслугу 25-ти лет, в пенсию полный оклад жалованья одну тысячу р., со дня выслуги 25-летнего срока, сверх содержания на службе с 11 ноября 1880 г.

Приказом Г. Министра Народного Просвещения от 7 декабря 1881 г. за № 10 оставлен на службе на четыре года с 11 ноября 1881 г.

Всемиловейше награжден за отлично-усердную службу орденом Св. Владимира 3-й степени 1 января 1882 г.

Всемиловейше награжден орденом Св. Станислава 1-й степени 1 января 1886 г.

Состоя на службе, умер 12 января 1886 г.

Жизнь втроем. Аким Арутюнов, изучая материалы, пришел к выводу, что отцом младших детей семьи Ульяновых мог быть доктор Покровский Иван Сидорович. Свое предположение он обосновывает следующим образом:

«В 1869 г. Покровский оставил службу в армии и переехал в Симбирск. С декабря 1869 года Покровский устроился ординатором Симбирской губернской больницы. Почти одновременно он становится и домашним доктором семьи Ульяновых. Есть основание полагать, что отношения между Марией Александровной и Иваном Сидоровичем переросли в более глубокие чувства. С тех пор Покровский почти безотлучно находился в доме Ульяновых. Более того, он чувствовал себя хозяином в доме, поскольку Илья Николаевич часто и продолжительное время находился в разъездах по многочисленным школам губернии, большей частью им же созданным и мало бывал дома. Он формально никогда не был женат и, судя по всему, не пытался создать собственную семью - очевидно, он не считал себя одиноким. Но известно, что у него был

побочный сын. Несомненно, И.Н. Ульянов знал об отношениях его жены с И.С. Покровским. Но все трое дипломатично сохраняли между собой нормальные семейные отношения, во всяком случае - внешне. Иван Сидорович и Мария Александровна нередко на виду у всех гуляли по городу, отдыхали на берегу Волги. Домашним же хозяйством занимались няня Варвара Григорьевна, кухарка и прислуга. В городе никто не сомневался, что они любовники. А беда Илья Николаевич жил дома на правах постояльца, с которым никто не считался. Переживания стали причиной его преждевременной смерти»

В пользу этой версии Аким Арутюнов приводит документ, который он обнаружил в центральном музее Ленина - диплом об окончании в 1891 г. Петербургского университета экстерном Ульяновым Владимиром... Ивановичем! Отчество, написанное первоначально в документе, зачеркнуто и сверху исправлено на «Ильич».

Диплом Владимира Иванова Ульянова.

Предъявитель сего, Владимир Иванов Ульянов, вероисповедания Православного, родившийся 10 Апреля 1870 г, с разрешения Г. Министра Народного Просвещения, подвергался испытанию в Юридической испытательной комиссии при Императорском Санкт-Петербургском университете в Апреле, Мае, Сентябре, Октябре и Ноябре месяцах 1891 г.

По предъявлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительным, оказал на устном испытании следующие успехи: по Догме римского права, Истории римского права, Гражданскому праву и судопроизводству, Уголовному праву и судопроизводству, Истории русского права, Церковному праву, Государственному праву, Международному праву, Полицейскому праву, Политической Экономии и Статистике, Финансовому праву, Энциклопедии права и Истории философии права - весьма удовлетворительные.

Посему, на основании ст. 81 общего устава Императорских Российских университетов 23 Августа 1884 г, Владимир Ульянов, в заседании Юридической испытательной комиссии 15 Ноября 1891 г., удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 устава и в V п. Высочайше утвержденного в 23 день Августа 1884 г. мнения Государственного Совета. В удостоверение сего и дан сей диплом Владимиру Ульянову, за надлежащею подписью и с приложением печати Управления С.-Петербургского учебного округа. Город С.-Петербург. Января 14 дня 1892 г.

Попечитель С.Петербургского учебного округа

Председатель Юридической Испытательной комиссии

Правитель Канцелярии

Для заполнения диплома каждый дипломант обязан был сообщить в Испытательную комиссию свою фамилию, имя и отчество. Владимир Ульянов, как и все дипломанты, сообщил Испытательной комиссии требуемые сведения о себе, после чего ему было выдано свидетельство за № 205, дающее право на получение диплома. Оно также хранится в указанном выше архиве. Таким образом, Владимир Ульянов, сообщив Испытательной комиссии необходимые сведения для заполнения диплома, официально признал своим отцом некоего Ивана, отказавшись от Ильи Николаевича.

Графологическая экспертиза безошибочно показывает, что исправление в дипломе сделано не Ульяновым, а кем-то другим. О своих сомнениях и обнаруженных неточностях, связанных с дипломом Владимира Ульянова, я рассказал своему научному консультанту Маргарите Васильевне Феофановой. Выслушав меня, Маргарита Васильевна сказала, что исправление в дипломе, скорее всего, было сделано в стенах Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, когда со всех нужных документов делали копии и отдавали их в открывавшийся в 1932 г. Центральный музей В.И. Ленина. (Рассказывала мне Маргарита Васильевна и о том, как правила даже ее воспоминания, готовя к публикации.)

Документ весьма весомый, и объяснений, почему в дипломе было написано Владимир Иванов Ульянов, можно высказать несколько. Но мы все же остановимся как всегда на датах – они не подводят.

Иван Сидорович Покровский (1839-1922), незаконнорожденный сын первого русского музыкального критика Александра Дмитриевича Улыбышева и крепостной крестьянки окончил Казанский университет. В 1869 г. Покровский оставил службу в армии приехал в Симбирск в ноябре, а в декабре был принят ординатором в симбирскую больницу, потом работал врачом в военной гимназии. Владимир Ульянов родился 9 апреля 1870 г., и Покровского, судя по датам, никак нельзя подозревать в том, что он был отцом Владимира.

Внучка революционера Павлинова утверждает, что от «дружеских отношений» с доктором у Марии Александровны были дети. Например, сын Митя, который тоже потом стал врачом.

Сотрудница музея Ленина в Ульяновске Ольга Шалева не согласна с такой постановкой вопроса.

- Не верьте! – комментировала она Арутюнову эту историю. - Доктор Покровский не жил в доме Ульяновых – у него был собственный, неподалеку, там сейчас висит мемориальная доска. И жена у него была - Лидия Миллер, и сын Фёдор. А с Марией Александровной их связывали только дружеские отношения...

В Симбирске Покровский быстро приобрел репутацию лучшего детского врача, бесплатно лечил учащихся, близко сошелся с интеллигенцией города. По рукам ходили написанные им эпиграммы, памфлеты и статьи, в которых обличал он неблаговидные деяния «отцов города». Детей у Ульяновых было много, и, естественно, они приглашали ставшего известным врача во время болезни детей. Трудно сказать, когда он появился первый раз в доме, но наверняка в конце 1870 года, когда Мария была беременна Ольгой. Констатировал он и смерть Коленки. Его советы, его

нужные в тяжелые минуты успокаивающие слова стали необходимыми для Марии в такие трагические минуты. Учитывая, что Илья Николаевич был часто в разъездах и редко бывал дома, Иван Сидорович стал близким другом семьи. И это бесспорно. Но стал ли он любовником Марии Александровны, здесь можно поставить большой вопрос.

Прежде всего, мы должны оценивать возможные действия людей, принимая во внимание порядки и обычаи того времени (а именно в 70-х XIX века), а не исходить из современных отношений между мужчинами и женщинами. Россия была сугубо патриархальной и христианской страной. С давних времен, можно сказать с язычества, хождение на сторону мужа считалось неким обычным явлением, муж ходил в церковь, каялся в своих грехах, ему их отпускали, и семейная жизнь продолжалась, а жена была вынуждена молчать, делать вид, что ничего не случилось. Но если изменяла жена, все общество поднималось на дыбы. Жену обзывали «потаскухой», а нарушение устоявшихся незыблемых правил рассматривалось обществом как преступление. Эта тема как раз в это время была поднята великими русскими писателями А.Н. Островским, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым. И их произведения вызвали общественный резонанс высказываний: от острой критики, негодований и проклятий до сожалений по поводу участи женщины в России. Венчанная женщина должна была быть всегда со своим суженым, каким бы он не был: пьяницей, развратником, преступником, и даже следовать за ним в Сибирь, и разделять его участь. И, как правило, те женщины, которые свои чувства не могли обуздать и переступали эту грань, обществом осуждались, а жизнь женщины, изменившей мужу, заканчивалась трагически. Об этом и писали великие писатели. Через 30 лет, в начале XX века, когда среди интеллигенции атеистические взгляды стали преобладать и отношение к женщине в обществе стало меняться: девушки получали образование, они привлекались к важным общественным работам, работали учителями, фельдшерами, сестрами милосердия. Среди женщин появились ученые, поэты, художники, политики, революционеры. В это время женщина объявила, что имеет право на любовь, что она имеет право выбирать себе супруга, и жить с тем, кого любит. Но это было в XX веке.

А в 70-х годах XIX века, особенно в провинции было все как прежде. Можно предположить, что Мария не любила Илью Николаевича, и это вполне возможно. Марии было 26 лет, когда ее познакомила сестра с Ильей Николаевичем (наверняка, этот шаг был заранее продуман). Марии надо было выходить замуж, как многие остряки отмечали, что она «уже была старой девой». В учительской среде пензенской гимназии, среди знакомых мужа Анны было несколько неженатых педагогов. Марии приглянулся Илья. Но это могло и не быть любовью. Допустимо. И она вышла за него замуж. В Симбирске она встретила с умным, образованным, душевным мужчиной, детским врачом (значит, детей он любил) Иваном Сидоровичем Покровским. Частое общение могло из дружеских отношений перерасти в любовь. И это допустимо. Но вот следующий барьер, он был с точки зрения моральных устоев того времени, и, прежде всего, провинциальных, непреодолимым. Как емко, и как образно выразился по этому поводу А.С. Пушкин: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Это был очень серьезный шаг для замужней дамы, жены крупного чиновника. Она понимала, что могла поставить под удар карьеру мужа, и будущее детей. Не надо забывать, что Мария была дочерью еврея, и он, наверняка, передавал своим дочерям основные правила жизни женщины в обществе и об ее предназначении. Семья – прежде всего. И отец требовал святого исполнения этих правил, и Мария их хорошо помнила.

И.С. Покровский был видным общественным деятелем Симбирска и всей губернии, занимался врачебной, просветительской и благотворительной деятельностью. Когда в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в России начался сбор средств в помощь славянским братьям, сражающимся

против Османской империи, в этом благородном деле принял участие и доктор Покровский. В «Симбирских губернских новостях» в этой связи приводится довольно интересное сообщение: «Доктор И.С.Покровский изъявил согласие помогать безвозмездно медицинскими советами лицам, на которых ему укажет Попечительство». Иван Сидорович был известной личностью губернии и вел большую воспитательскую работу среди населения. Свои жизненные принципы, которые рекомендовал придерживаться каждому, Покровский формулировал достаточно четко: «Не воруй, не блуди, не пьянствуй, не мошенничай, не лги, не ленись и делай дело по мере сил — при отсутствии этих пороков будешь человек первого сорта». Человеку, столь громко провозглашавшим такие принципы, нельзя было их нарушить. В противном случае он подорвал бы свой авторитет и уважение в губернии. А он их сохранил.

В доме, где было много детей, прислуги, трудно было что-то скрыть. И если бы кто застал в постели Марию с доктором, эта информация сразу бы распространилась по городу. А дальше дело бы могло дойти до очень серьезных событий. Но ничего в Симбирске столь скандального с этой семьей не произошло, а значит, и не было там того, что предполагает Аким Арутюнов. Правильно воскликнула сотрудница музея Ленина в Ульяновске: «Не верьте!». Она, как ученый, посвятивший свою жизнь изучению истории семьи Ульяновых, знала много и все очень хорошо сопоставляла. И то, что Дмитрий, сын Марии Александровны, стал врачом, абсолютно не означает, что он пошел по пути «отца» Покровского. Но как Дмитрий мог перенять что-то от Ивана Сидоровича, если он его не помнил. Удивительно, но имя домашнего доктора никто из детей Марии Александровны в своих воспоминаниях не называл. Для Анны Ильиничны он всего лишь «знакомый врач», «домашний доктор» без имени. «Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, у одного знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений». «Мы читали с Сашей Писарева, которого тогда уже в библиотеках не выдавали, которого доставали у нашего домашнего доктора, имевшего полное собрание сочинений». Анна Ильинична писала свои воспоминания при советской власти, за свои годы участия в революционном движении она встречалась с множеством людей, имена которых она могла и забыть. И никакого умысла в ее забывчивости искать не следует, даже если Иван Сидорович был доктором в гимназии, где училась она. В 70-х годах Анне не было еще и шестнадцати, я думаю, что любой из нас, если попытается вспомнить, как звали преподавателей в школе, за исключением нескольких имен, вспомнить всех не сможет. Для мамы он был другом, а для девочки всего лишь добрым доктором. Все очень естественно.

И еще. Если, как утверждает Аким Арутюнов, Иван Сидорович был любимым человеком Марии Александровны и отцом ее детей, то почему она не вышла за него замуж, после того как стала вдовой? Почему ни любившая его до безумия (а именно в таком состоянии могла пойти замужняя женщина на такое преступление), ни его дети, знавшие, что он их отец (Владимир написал отчество Иванов, а Дмитрий пошел по пути доктора и стал врачом), ни разу не навестили его. А Иван Сидорович приобрел поместье – село Новое Никулино и Анненково в Симбирской губернии, прожил долгую жизнь, из них последние 25 лет - в одиночестве, и умер в 1922 г. совсем слепым. А ведь могли помочь и Владимир Ильич, и Дмитрий Ильич, особенно после 1917 г. Как же так. И на похороны никто не приехал от семьи Ульяновых. Нет, не считали они его своим отцом, а был он для них всего лишь детским доктором, а для Марии Александровны - другом. С любимыми так не поступают.

[СОЗДАТЬ СТРАНИЦУ](#)

- [ПРОЕКТЫ](#)
- [ЛУЧШЕЕ](#)
- [АБСУРДОПЕДИЯ](#)
- [ИССЛЕДОВАТЬ](#)

Категории: [Покровители Абсурдопедии](#), [Марксизм-джедаизм](#), [Избранные статьи](#) 12 других

Владимир Ильич Ленин

Русский

[ПРАВИТЬ](#)

[ПОДЕЛИТЬСЯ](#)

Эта статья была написана коммунистом.

Происки Зюгены против викидемократии?

ОДОБРЕНО МИНИПРАВОМ.

Содержимое этой статьи классифицировано Миниправом как благомысленный факт и разрешено к просмотру членам Партии и пролетариату.

Сомнение в данном материале является мыслепреступлением и будет исправлено Минилюбом.

Дружище Ульянов

¹⁹⁴ http://absurdopedia.wikia.com/wiki_Владимир_Ильич_Ленин

Ленин мохнатый, белый, пушистый,
Дарит тепло этот бюст коммунистке.

Ленин Кыш , Ленин Пыш , Ленин -Тахтамыш !

~ **Муртаза-хакер**

Товарищи! Революция даст нам всем, при успехе партии, равенство и силу рабочих и трудящихся! В противном же случае, она даст нам Памперсы, тётю Асю и Билайн! Ура, товарищи!!!

~ **Ленин**

Безопасный, Хороший, Красивый, Нежный, Светлый, Женственный, Добрый, Округлый, Гладкий, Радостный, Весёлый, мертвый.

~ **псевдоним.ру про Лёнина**

*Такого, как Ленин, чтоб не обижал,
такого, как Ленин, чтоб тихо лежал...*

~ **Антимульт про про Ленина**

Негром годов преклонных будь хоть я, выучил русский я то за бы, Лёнин нём на разговаривал что.

~ **Йода про Лёнина**

Лёнин? А кто это?

~ **Георгий Ходячий Буш про Лёнина**

Пика! Пика! Пикой заколю!

~ **Пикачу про дух красноармейской дружины**

Это что за покемон?

~ **Телепузики** про Ленина

Ты чо, головой стукнулся? Это Лысый Вождь, редкий экземпляр с атаккой картавой риторики!

~ **Гоблин** про Ленина

а а а а а а а а а а а а а а а а а а

~ **Юникод** про Ленина

*Если будешь есть пельмени,
Умным станешь, словно Ленин!*

~ **Дарт Херохито** про секреты кремлёвской диеты

Я лучше бгоневичок подожду...

~ **Ленин** про **Камаз**

*Это что за большевик
Лезет к нам на броневик?!*

~ **Экипаж бгоневика** про Лёнина

Почему в Партии 600 тысяч членов и только один мозг?

~ **Ленин** про Лёнина

Фхтагн! Мозг! Ням-ням!

~ **Ктулху** про Лёнина

В своём доме в Мавзолее мёртвый Ленин спит, ожидая своего часа...

~ **Лавкрафт** про Лёнина

Друг к другу прижатые туго!

~ **Маяковский** про Лёнина

Fuck you Bitch, сказал Ильич!

~ **Коммунист** про Лёнина

Товаг'ищи! Эта г'эволюционная статья всё ещё не завег'шена! Дополнить её аг'хиважно и аг'хинужно! Социалестическое Атечество апастности!!11!

Сошествие Призрака Коммунизма во время выступления Лёнина на Красной площади. Официальная икона

Памятная табличка в местах падений с балкона Лёнина

Владимир Ульянович Лёнин (правильнее **Лёнин-Крупский**(для друзей, просто-Крупуль); настоящая фамилия **Ильич**; англ. **John Lenin**) (1870, Сибирск, ныне Ильичёвск— 1924, Петроград, ныне Лёнинбург, затем Путино) — человек и ледокол; основатель и первый фараон Советского государства; организатор группы Beatles; человек-паук, бессмертный теоретик марксизма-джедаизма, получивший пожизненный титул "Живости Первой степени" за особые заслуги перед обществом коммунOIDов.

Содержание

[\[развернуть\]](#)

Лёнин в искусстве [Правиль](#)

Легенданный актёр, снявшийся в бесконечном сериале "ГОРЕ-комсомоле-Ц" о борьбе простого божества спустившегося с усадьбы Горки, Московской губернии, с инопланетными захватчиками,

прибывшими с галактики Запад. Также снялся в серии научно-биографическо-фантастических фильмов о себе любимом, часто снимался сразу в нескольких местах одновременно за что развитые народы Африки прозвали его Шайтаном. Большую часть своей жизни Лёнин работал натурщиком у молодых художников, скульпторов, чеканщиков и мозаистов. Поскольку больше натурщиков в стране не было, поэтому все творческие деятели выстраивались в очереди и умоляли его ещё немного попозировать. Наиболее впечатляют композиции в стиле раннего маразматизма "Лёнин сидит", "Лёнин думает", "Лёнин жуёт", "Лёнин спит", "Лёнин-Лёнин", "Лёнин-Лёнин-Лёнин" и многие другие. Также записал несколько соц-рок альбомов на тему вечной жизни.

Семья и ранние годы жизни Правиль

Родился в Симбирске (ныне Ильичёвск) в возрасте двенадцати лет в семье родителей. Поскольку был прописан в Ленинграде, то получил партийную кличку Лёнин. Среди предков Лёнина называют русских, евреев, калмыков, башкиров, башоргов, татар, бурятов, удмуртов, нганасанов, каракалпаков, ненцев, гагаузов, мордвин, басков, атапасков, бушменов и медведа, а многих других не называют. По другой версии он вовсе никогда не рождался и не умерев считается живее всех живых в узких кругах секты совкообразных коммуноидов.

Поворотным моментом в жизни Лёнина была казнь его брата Шуры Ильича, участника укушения царя, Георгия (Джорджа) Буша I. Тиран Джордж (Георгий Ходячий) Буш II, сменивший отца, развернул реакционную кампанию по борьбе с «революционным международным терроризмом», жертвой которой пали Мальчиш Кибальчич, Осама бен Ладен и Саддам Хуссейнов. Именно тогда Ильич сказал свою первую крылатую фразу: «Не, ни х’ена, мы туда не пойдём. Учиться, учиться и ещё г’аз учиться!». Тогда Владимир Кузьмич экстерном кончил на гимназию, лицей, ПТУ и училище бородатых девиц и поступил в университет. Однако директор Кузанского училища бородатых девиц, известный либеральный реакционер Федя Керченский отказал Ильичу в посещении кружка макраме и синхронной игры на балалайке, после чего тот окончательно убедился в необходимости революционной деятельности для подрыва реакционных ситхских устоев, царивших в царской России.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, в жизни Лёнина экспериментальная зоология сыграла самую трагическую роль, ибо без ее вмешательства он бы так и остался когнитивным симулякром из областей подсознательного, которым он безусловно обладал.

Джедайское обучение Правиль

Плакат рекламной кампании газеты «Искра»

В 1893 Ильич вступил в секту двух мастеров-джедаев, Карлсона-с-Марса и Фридриха Энгельсона. Они обучили Лёнина владению Силой и джедайской шашкой, а также снабдили набором сменных светофильтров к ней. Пройдя курс наук, Лёнин отпустил бороду (согласно заветам джедаизма-ваххабизма), стал главным джедаем России и собрал друзей на Первый Всероссийский Джедайский слёт (1898). Буржуины, узнав об этом, поймали Лёнина и заставили его кушать сырой хлеб. Однако Ильич проявил изобретательность и научился лепить из хлеба фигурки зверей и прочую хрень, а затем толкать их армянским барыгам. Сосланный в Сибирь, Лёнин выходил на мост и писал вилами по воде, и воды сибирских рек несли его малявы Северным морским путём в Швейцарию. Там русские эмигранты вылавливали тексты из воды, сушили и печатали в газете «Искра» и в Полном собрании сочинений.

Бродя по сибирским лесам, Лёнин однажды встретился с медведем. Джедайскую шашку буржуины отняли при аресте, Ильич был безоружен. Но он не растерялся и показал медведю шиш. Зверь не ждал такого развития событий, он ждал кукиш. Медведь растерялся от увиденного и в страшных муках скончался. Сбежавшиеся поглядеть на гибель зверя крестьяне построили на этом месте село и назвали его Шишенское. Рядом с селом возвели лагерь для несогласных Кукишенский и отправляли в него всех нежелающих слушать 25 часов трактат Полного собрания сочинений дорогого Ильича.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, это еще одно лишнее доказательство влияния «восстания масс» на неокрепшее сознание коллективов.

Музыкальная карьера

[Править](#)

Владимир Ильич Лёнин — фронтмэн группы Beatles

В 1900 Лёнин убежал от барыг в Европу. Здесь он под сценическим псевдонимом Джон Леннин организовал первую в историю рок-группу— Beatles. В 1903 на курортах Брюссели произошёл Второй

Джедайский слёт. На нём джедаи решали, как должна выглядеть первая рок-группа. Предатели революционного дела, известные как Меньшенькие, предложили составить её из 20 темнокожих репперов, тогда как последователи Лёнина, известные как Борщевики, — из 4 патлатых мужиков. В конце концов, победил Лёнин. На радостях от полной победы Борщевизма над темными реперами Владимир(Джон) побрился полуналысо и отрасил бородку «а-ля козлище». Первоначально The Beatles состояли из Джона (Владимира) Лёнина, Пола Макаренко, Джорджа Харрисона и Лёвы Троцкого, однако последний впоследствии был заменён Осипом «Ринго» Кобзоном (Сталиным), грузинским авторитетом и диктатором. С этой группой Лёнин совершил 17-летнее европейское турне по Лёнинским местам— Лондон, Париж, Женева, Краков — и спел множество замечательных песен, например, «Ели поморин», «Їсти Дай», «Бык ин зе ЮССАР», «Летит бык», «Дай бабе лому». Однако настоящим хитом Beatles стало «Яблочко». Везде группу встречали упившиеся скины, однако схватки всегда заканчивались торжеством трип-хопа.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, это доказательство полисемичности гения.

Подготовка революции Правиль

Переход финской границы

Когда Джордж Буш II и его партия «Единая Россия» проиграли на февральских выборах, Лёнин смог вернуться в Россию в заколоченной немцами электричке с проводницей Верой Сердючкой (она же Шура Керченский). В электричку загрузили несколько ящиков водки на дорогу, но в спешке забыли на станции чемодан с закуской. Прибыв на Финляндский вокзал, пьяные политэмигранты устроили дебош, Лёнин зачем-то взобрался на милицейский «УАЗик» и провозгласил оттуда свои «Первоапрельские тезисы», сделавшие его самым популярным комиком после мистера Бина. Во время выступления Лёнина одна девочка так смеялась, что свалилась на голову. Девочка подросла и стала Дубиной Рыговицкой.

С июля по октябрь 1917 Лёнин с Инессой Арманд скрывались от злостных преследований Йоко Константиновны Крупской в Финляндии в среде гостеприимных финнов, после чего целый месяц лечились от обморожения и алкоголизма.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, это все были происки Союза Грехоманов России.

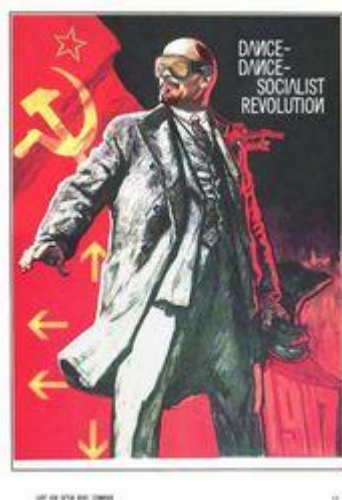
По сообщению журнала «Молодой колхозник», в 1920 году В. И. Ленин окотился в Брянских лесах.

Великая Октябрьская революция

[Правиль](#)

[Орден Октябрьской Звезды](#), одно из немногих изображений Ленина без кепки

Владимир Ильич разжигает пожар революции, также известный как «Dance Fever»

Ленин основал традицию проведения в России традиционного праздника Октоберфест с русской спецификой. Великий октябрьский Октоберфест проводился 25 октября (по старому стилю) или 7 ноября (по молодому стилю). Праздник намечался на славу но беда случилась!, зелье из Германзонии буржуины не довели супостаты хреновы. В этот день, дабы развлечься и забыть про отсутствие Гермазонского зелья революционные рабочие, солдаты и матросы (так называемые октябрята) запёрли контрреволюционных юннатов-белосотенцев (имперских скинхедов) по сортирам, а сами распивали энергетические напитки и заставляли Цветку Кларову танцевать на столе и петь хиты Пола Макаренко.

Чтобы Временное правительство не проспало революцию, было решено разбудить его членов холостым выстрелом в воздух фейерверка вьетнамского производства. Однако ошибочный выстрел, произведённый пьяным в стельку [Борисом Николаевичем Ельциным](#) из «Авроры», разворотил Осенний дворец, после чего красногвардейцы (то есть революционные граждане с изрядно красными лицами) с криками «Всю власть Советам!», «Борис, ты не прав!», «Хлеба и зрелищ!», «Миру— мир!», «Превед медвед!», «Гитлер капут!», «Аллах акбар!», «Пей пиво!», «Панки хой!», «Цой жив!», «Спартак чемпион!», «План [Путина](#)— победа России!» ломанулись в Осенний за халявной водкой и пивом, стали кататься на воротах и зажигать с женским полком шахидок-камикадзе. Любимый певец или певица красных, Шура Керченский, сначала развлекавший публику в образе Верки Сердючки, не вписался в

тусовку и свалил из Петрограда на автомобиле Билла Гейтса. Красные налетели на Осенний и взяли его. Многие участники событий были награждены высшим джедайским Орденом Октябрьской Звезды.

Однако Осенний дворец оказался оцепленным антинародным Временным правительством, которое само было не против покататься на воротах. Популярно объяснив реакционному правительству, что кончилось их время и пора слазить, красные спустили временных с ворот, налетели на Осенний и взяли его. Коварные политэмигранты никогда не смогли простить итальянскому архитектору Бартоломео Карло относительную простоту планировки дворца, позволившую выкурить из него временных одним холостым выстрелом. Некоторое время спустя архитектор был злодейски убит «Белыми бригадами», а к его имени был присоединён почётный титул Расстрелян.

Параллельно проходил Всероссийский чемпионат по шашкам. На нём представители меньшеньких и обсеров (Организация Боевых Сурков Единой России) задали вопрос, нету ли в России партии, согласной на то, чтобы отдуваться за все мыслимые и немыслимые несчастья на протяжении 70 лет. *«Есть такая партия!»* — воскликнул Ильич. Меньшенькие и обсеры обиделись, а Лёнин стал Председателем Совета Наркоманов и первым чемпионом России по шашкам.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, единственными серьезными конкурентами его остались с тех пор только деятели Союза Грехоманов России, но и их вскоре обвинили в уклонизме и замучили до смерти, заставив выучивать наизусть полное собрание сочинений Аполлона Григорьева.

Лёнин побеждает буржуинов

Правиль

Владимир Ильич Лёнин наносит ответный удар Джорджу Бушу

Всю свою жизнь Ленин посвятил борьбе с буржуинами, тараканами, бобрами и прочей нечистью, расплзавшейся из Бобруйска:

- В ноябре 1917 Красновъ напал на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил его. Красновъ был разбит и застрелился.
- В декабре 1917 Калединъ напал на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил его. Калединъ был разбит и застрелился.
- В январе 1918 Корниловъ напал на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил его. Корнилов был разбит и застрелился.
- В феврале 1918 ненцы напали на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и договорился с ними. А ненцы всё равно были разбиты и Старшой ненец застрелился.

- В марте 1918 интервенты напали на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил их. Интервенты был разбиты и застрелились.
- В апреле 1918 Алексеевъ напал на социалистическое отечество. Ленин применил силу и победил его. Алексеевъ был разбит, пытался застрелиться, но был взят инфарктом.
- В мае 1918 чехословаки напали на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил их. Чехословаки были разбиты и застрелились.
- В июле 1918 Левые эсеры напали на социалистическое отечество. Ленин воспользовался силой и победил их. Левые эсеры были разбиты и застрелились.
- В августе 1918 Правые эсеры напали на социалистическое отечество. Ленин воспользовался силой, и победил их. Правые эсеры были разбиты и застрелились.
- В сентябре 1918 бобры, инопланетяне, ведьмы, драконы и другие существа напали на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и победил свирепствовавшую наркоманию. Наркомания отпустила, но приходила и в другие годы к советским руководителям.
- В марте 1919 Колчакъ напал на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и победил его. Колчакъ был разбит, и пытался застрелиться и утопиться (мнения хренологов здесь расходятся), однако же вместо этого был милостиво захаван Владимиром Владимировичем Ктулху. Имеются данные, что после этого Колчакъ испытал револютацию и ныне командует личным атомным подводным буксиром «Золотая Срань», в задачи которого входит массаж тентаклей после пробуждения Занебеснаго Отца.
- В июне 1919 Деникинъ напал на Социалистическое отечество. Ленин воспользовался Силой и победил его. Деникинъ был разбит и застрелился.
- В марте 1920 Врангель напал на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и победил его. Врангель был разбит и застрелился.
- В мае 1920 Пилсудский напал на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и не победил его. Пилсудский не был разбит, но всё равно застрелился.
- В марте 1921 матросы из Кронштадта напали на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и победил их. Они были разбиты, а Пилсудский застрелился со злобы.
- В мае 1921 тамбовские волки напали на Социалистическое отечество. Лёнин воспользовался Силой и победил их. Они были разбиты, а Пилсудский снова застрелился.
- В июне 1921 Батька Махно напал на социалистическое отечество. Ленин воспользовался силой и победил его. Махно был разбит, а Пилсудский в очередной раз застрелился.
- В августе 1922 Философы напали на социалистическое отечество. Ленин воспользовался силой и победил их. Философы были разбиты, а Пилсудский в очередной раз застрелился.
- В марте 1994 грозные эстоонские интервенты напали на Социалистическое отечество, но когда пришли, СССР уже распался. Эстоонцы застрелились.

По мнению Витольда Гелиогабаловича Шайсербаха, видного ученого в области экспериментальной зоологии, Ленин обладал некоторой *Силой*, которая, по-видимому, и помогла ему в борьбе со всем вышеперечисленным злом. Тоже мне, Америку открыл.

Лёнин и киллеры Править

Феня Баклан, профессор ботаники и дальняя родственница Начальника Чукотки, Бориса Абрамовича Березовского, старая фанатка Лёнина и группы Beatles, после концерта Лёнина на Михельсоновском

заводе ликёро-водочных изделий попросила у него автограф, после чего бросила в него гранатой. Будучи от рождения косоглазой, она попала в «Титаник».

Фараон СССР Править

30 декабря 1922 Лёнин был коронован первым фараоном Союза Совдеповских Сурковских Республик, сыном Ра, могучим Гором, земным воплощением Омона, организатором божественных сурков, великим фараоном и учителем-джедаем трудящихся гномов Иггдрасиля всего мира, борцом за свободу и равенство, Избранным, светлейшим освободителем рабов всего мира из рабства Матрицы, победителем Терминатора, уничтожителем Кольца Всевластия, Нашедшим Хвост Иа, спасшим Пятачка от погрома и великим Нереварином Мира.

На коронации Лёнин принял 100 грамм и закусил картошкой с салом. Это должно было символизировать единство братских русского, украинского, белорусского и кавказского народов (от России была водка, от Бульбашей — картошка, от Хохлов — сало и от Кавказа— тост). Как известно, после коронации Лёнина пыталась подстрелить некая Каплан, ныне— чемпион Американской лиги КВН (не путать с Феней Баклан— см. выше).

Субботник Править

Ленин руководит субботником по подсечно-огневому уничтожению ценных пород дерева

Первый всеждедайский субботник ознаменовывает конец охраняемой ЮНЕСКОЙ Бобруйской Рощи на территории сегодняшней Красной Площади. В вырубке и выносе особо ценных пород дерева был также замечен и Лёнин (позже приблизительно 3000 рабочих вспоминали, что были его соучастниками, помогая нести бревно). Неопровержимые доказательства этого варварства просочились в виде пропагандистских комиксов на запад. Дальнейшая судьба древесины не известна, но ходят слухи, что она пошла на заготовку Буратин-головорезов, оснащённых фотонами, для тогда ещё молодой Красной Армии (по проекту папы Карлсона-с-Марса, изложенному в шестом томе его романа «Кабы дал»). Большая часть серийных буратин была потеряна в боях с Ситхами. Другая часть была взломана китайскими хакерами и перепрограммирована на сторону ситхов, после чего была потерянна в боях с джедаями.

По результатам независимого расследования «Массковского Октябрёнка», большинство сегодняшних политических лидеров России являются прямыми потомками первой забракованной серии боевых роботов класса «Буратино».

Коммунизм есть советская власть плюс компьютеризация всей страны.

~ Лёнин про коммунизм

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация...

~ Иосиф Волгин про коммунизм

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки страны.

~ Лев Троцкий про недосказанное Волгиным

Советская власть есть коммунизм минус электрификация всей страны.

~ Карлсон-с-Марса про советскую власть

Электрификация всей страны есть коммунизм минус советская власть.

~ Фридрих Энгельссон про электрификацию всей страны

Коммунизм — это гейм-клуб.

~ Маленков про примирение

Я-я, гей-клуб!

~ Ненцы, не расслышавшие Маленкова

Коммунизм есть советская власть плюс викификация этой статьи.

~ Википедия про эту статью

Юбилейная колбаса «Член Совнаркома!»-Наш привет Ильичу!!

~ Работники Микояновского Мясокомбината к 100-летию рождения Ленина

Однажды Лёнин захотел сделать стране электрификацию. Дал Иудушке Троцкому пять рублей и отправил в Америку купить лампочек у Эдисона. Но Эдисон оказался жлобом, и Ильич остался без лампочки. Однако он не унывал и смастерил собственную лампочку, которую так и назвал— лампочка Ильича. Люди со всего света приезжали к Ильичу посмотреть на его лампочку. Однако когда в Россию приехал Герберт Уэллс, знаменитый американский кинорежиссёр-фантаст, снявший «Звёздные войны» и «Войну миров», подлый Чубайс выкрутил лампочку, и Ильич с Уэллсом остались без света. Когда Уэллс вернулся домой, в капитализм, он снял фильм, посвящённый этим событиям, и назвал его «Россия во тьме».

Ленин рядом с Волгиным. Фотография уже вызвала единодушное осуждение православных христиан, и мусульман-суннитов

Ты же был Избганным! Ты должен был выводить нагод из Матрицы и победить ситхов, а не присоединяться к ним!

~ Лёнин про Сталина

Лёнин был первым, кто понял, что Сталин перешёл на тёмную сторону силы и заставляет тимуровцев переводить бабушек на Тёмную сторону улицы. Катаясь на Лёнинских горках, он написал ряд открыток, известных как «Письма к съезду издалека». В них он прямо утверждает: *Такое дермо, как тов. Сталин, тгудно подыскать. Он— настоящая сволочь!* На самом же деле Лёнин был разгневан отказом Сталина носить бороду, как поступали все правоверные джедаи-ваххабиты. Когда Лёнин решил наказать Сталина за его предательство, тот взмолился и потребовал, чтобы его судили по советским законам. Ответ Лёнина был краток: «А с Адольфом Гитлегом ты тоже живёшь по советским законам?» Далее следовала трёхчасовая дуэль Лёнина и Сталина (см. «Звёздные войны. Эпизод III. Месть ситхов»), ввергнувшая всю страну в небывалую разруху. В дуэли Ленин почти победил: когда он уже занёс меч, для последнего удара, у него случился инсульт. После смерти Лёнина Сталин начал Великую Чистку Джедаев и заменил прогрессивное учение Владимира Ильича, марксизм-джедаизм, собственным— сталинизм-онанизм.

Альтернативная теория Василия гРызуна-Кутузова (настоящий псевдоним— Иван Одесский) утверждает, что Сталин был истинным марксистом-онанистом, а Лёнин и Троцкий были светлыми учителями Сталина и пытались удержать его от перехода на тёмную сторону. В этом эпизоде (III-ий, частично II-ой) Сверхновая Хренология видит допельгангера библейской истории основателей марксизма-джедаизма, из чего следует, что ни Сталина, ни Лёнина не существовало.

Микология   Править

Существует легенда, что Лёнин был грибом. Корни этой легенды, по-видимому, можно отыскать в полузабытой ныне древнегреческой истории о братьях-Фиванцах и семи Симеонах (см. также известную дискуссию о том, как отличить Лёнина от ЛожноЛёнина).

Однако реальное отражение в истории легенда получила уже после смерти вождя, и была озвучена Славой КПСС, смертельно больным братом-близнецом Никиты Хрущёва на печально известном 20-м съезде партии. Только в разгар перестройки развенчать этот миф попытался известный

общественный деятель Сергей Курёхин при идеологической поддержке знаменитого артефакта Б. Г. (как известно, вымышленного), используя довольно популярный в то время способ телерадиовещания.

Лёнин-гриб с мицелием

? В.И. Ленин

<u>Научная классификация</u>
Царство: Грибы
Тип: Революционеры
Класс: Социалисты
Семейство: Ульяновы
Род: <u>Психоделики</u>
Вид: Лысая поганка
<u>Латинское название</u>
Illich Red

Считается, что Сергей Курёхин на графическом материале (картина «Лёнин на броневике») убедительно доказал (см. стенограмму его доклада), что изображение броневика один в один соответствует топологии грибницы, что еще раз подтверждает тезис о том, что Лёнин был грибом. Вот что, дескать, его натолкнуло на эту мысль:

«...Когда я был в одном из главных мексиканских храмов, я обнаружил, что большинство фресок посвящены какому-то событию из истории Мексики, которое напомнило мне нашу Октябрьскую Революцию. Те же изможденные люди, вооруженные примитивными орудиями труда, которые

свергают каких-то правителей... Наша революция— грандиозное событие, вдохновлявшее целые поколения кинематографистов, не зря об этом написано столько книг. И тогда у меня возникла впервые мысль, что это зрелище, такое грандиозное, просто так сделать было невозможно. Его нужно было предварительно увидеть. То есть человек, какой-то гениальный ум, я бы даже сказал— сверхгениальный ум, увидел перед собой эти картины и потом старался их материализовать...

Читая переписку Лёнина и Плеханова, я наткнулся на фразу: „Вчера объелся грибов, чувствовал себя изумительно“. У Кастанеды, наряду с кактусами, везде присутствуют грибы, которые вызывают совершенно такой же эффект, о котором я говорил. Перед взором человека проносятся гигантские сцены величия, сцены революции, сцены... И у меня возникло впечатление, что Лёнин уже видел до этого Октябрьскую Революцию... У нас в средней полосе существует эквивалент мексиканским грибам и кактусам. Это обычный мухомор. То, что грибы— загадочная вещь, несомненно. Будучи в Массачусетском институте психологии, в лаборатории исследования свойств грибов, мне неопровержимо доказали, что, по своим акустическим свойствам, гриб— это радиоволна. То есть гриб— это материализовавшаяся радиоволна. Н. Ф. Федоров пишет, что грибы обладают непонятной нематериальностью. И даже Попов обратил внимание, что грибы обладают определенными радиосвойствами. Свойство мухомора в том, что если его начать принимать, то личность человека вытесняется личностью мухомора. Внутри одного человека не могут существовать две личности, и уже доказано, что личность мухомора гораздо сильнее личности человека. То есть человек, принимающий мухоморы, потихоньку становится и грибом, и радиоволной. У меня есть совершенно неопровержимые доказательства, что вся Октябрьская Революция делалась людьми, которые постоянно употребляли определенного вида грибы. Грибы в процессе потребления вытесняли их личность...»

(самые преданные делу коммунизма читатели могут ознакомиться с видеоплёнкой, снятой специально для архивов КГБ)

Однако после текстологического анализа, проведённого Семнадцатью Независимыми Экспертами, стало очевидно, что на самом деле это была героическая попытка Сергея Курёхина доказать ложность мифа. Попытка возымела обратный эффект, и с тех пор многие граждане считают Лёнина грибом, наряду с такими истинными представителями благородного грибного царства, как рыжик, опёнок, мухомор и белый гриб.

Возведение пирамиды Правиль

Великая Пирамида Лёнина

Лёнин посмертно был обожествлён, мумифицирован по строгому древнеегипетскому канону и похоронен в ступенчатой пирамиде, сооруженной у Великой Кремлёвской Стены на Красной площади, где он с группой любил давать концерты. Вопреки распространённым среди неграмотной части

политбюро мнениям, пирамида Лёнина была сооружена не инопланетянами и не рабами, а рабочими, уцелевшими после субботника. У пирамиды ровно четыре стороны (по числу сторон света) и три ступени (по числу источников и составных частей марксизма-джедаизма), а отношение ребер к высоте равно расстоянию от Урюпинска до Бобруйска, выраженному в египетских полустадиях.

В советской мифологии Лёнин считается сыном Карлсона-с-Марса и Фридриха Энгельса. После смерти Лёнина у сталинистов и троцкистов возник горячий спор: троцкисты утверждали, что Святой Призрак Коммунизма исходит только от Лёнина, а сталинисты считали, что он может исходить также от Сталина.

В начале 21 века цена за квадратный метр в центре Москвы взлетела до такой степени, что Лёнин, не в силах дальше платить арендную плату, написал новое завещание, изъявив в нём своё желание быть похороненным на кладбище рядом с матушкой, и выставил право аренды пирамиды на торги.

стена пирамиды оборудованная газоотвозом

После чего в обществе разгорелись жаркие споры среди желающих полежать в пирамиде. В число главных претендентов вошли: элитные питерские Путаны, корпорация МакДональдс, жители столичных Лужков, а также рядовые марксисты-джедаисты.

Как впоследствии доказал Витольд Гелиогабалович Шайсербах, видный ученый в области экспериментальной зоологии, Святой Призрак Коммунизма неминуемо возникает в местах, где не соблюдаются элементарные требования гигиены.

Внешний вид

Править

Ленин (внешний вид)

Лёнин всюду появлялся в костюме-троечке от Воронина. После смерти Ильича пятнадцать музеев в столицах союзных республик спорили за право включить костюм в свою экспозицию. Чудесным образом каждый из музеев обрел по одному комплекту (плюс один резервный, в который была завёрнута мумия Лёнина для демонстрации народам). Кроме того, в каждом из музеев демонстрировался подлинный череп Лёнина в трех-, семи- и двенадцатилетнем возрасте.

Костюм Лёнина обычно декорировался золотой цепочкой на животе. Костюмная жилетка была незаменима, когда Лёнин танцевал канкан в кабаках Парижа, заложив большие пальцы в проймы. В холодные дни для защиты лысины Лёнин всегда носил кепку, которую потом завещал Лужкову. Одна апокрифическая статуя (предполагаемый автор— Вера Мухина) изображает Лёнина с тремя кепками— одна на голове, две в руках. Лёнин часто ходил с чайником, и если встречал человека с ружьём, обязательно наливал ему кипятку в стакан, а если нет стакана— то в сапог. Это была его любимая шутка.

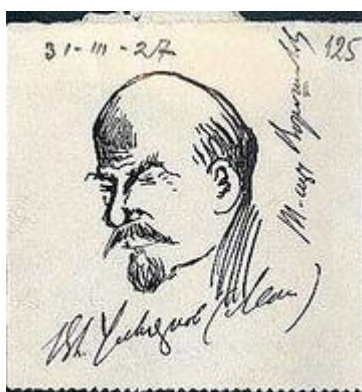
Прищур [Править](#)

В. И. Лёнин

Согласно многим источникам, у Ленина был прищур (иногда конкретизируется— добрый). По одной из версий, от него он и умер.

Прищур, направленный в сторону лица ребёнка, мог нанести острое психическое расстройство— пионерство. Известные композиции показывают разрушающее, деморализующее действие прищура, например: «Ильич с мальчиком. Сцена рёва на камне в присядку», «Ленин на шабаше», «Верной дорогой идете товарищи». Именно прищур, направленный на себя через зеркало, мог послужить причиной тройного обширного инфаркта, обширного инсульта и сифилиса в запущенной форме.

Ленин в изображении [Бухарина](#). Бухарин был любимым учеником Ленина, и тот никогда не наказывал его строго, в том числе берёт его и от своего прищура, закрывая на него глаза. Поэтому Бухарин нарисовал Ленина с закрытыми глазами.

Личная жизнь [Править](#)

Ленин любил Апассионату, Льва Толстого и Инессу Арманд. А женат был на Йоко-Оно-Константиновне Крупской. Есть заведомо лживые сведения, что он также любил ходоков. По слухам, в предыдущей жизни он стрелялся с Евгением Онежским из-за жены [Пушкина](#) и победил со счётом 3:1. В этом ему, разумеется, помогла [Сила](#).

Морально-волевые качества [Править](#)

Будучи маленьким мальчиком, Лёнин разбил любимый графин своей тёти. С тех пор разрушения и катаклизмы следовали за ним по пятам. Но Лёнин упорно отказывался сознаваться, что разбитый графин— его рук дело. Лишь на смертном одре Владимир Ильич признал, что с графином он погорячился.

Клонирование [Править](#)

Поскольку Лёнин вечно живой, его клонировали в 2032. Лёнин вынес Путина из Мавзолея, восстановил «Beatles» и вновь создал СССР из бывших Соединённых Штатов Америки.

Популярность [Править](#)

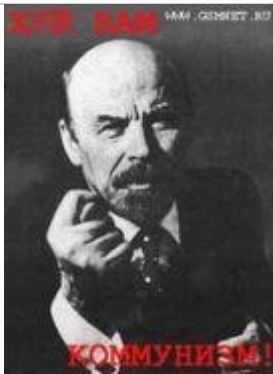
Лёнин восемь раз становился революционером года по версии Times:

- -73 — вместе со Спартаком
- 1920 — вместе с бревном на субботнике;
- 1961 — вместе с Че Геварой;
- 1985 — вместе с Фредди Меркьюри;
- 2004 — вместе с Ющенко;
- 2006 — вместе с Zenитом
- 2007 — вместе с Гусом Хиддинком
- 3127 — вместе с Че Бурашкой

Некоторые труды [Править](#)

- «Детская болезнь свинки в джедаизме»
- «Что делать на дне?»
- «Материализм и эмпиокритигносохренологизм— зачем выговаривать больше»
- «Плевков вперёд, два плевка назад»
- «Кто такие дзюдоисты и как с ними бороться (посвящаю ВВПутину)»
- «Как заработать на аренде пирамиды?»
- «Как нам реорганизовать торгсин»

Знаменитые высказывания [Править](#)

Лёнин: Кукиш — оружие пролетариата!

- *«Важнейшим из всех искусств для нас является кино, вино и домино!»*
- *«Товаг’иц Дзег’жинский, а вас я попг’ошу остаться»*

- «Кинь бабе лом!» (В оригинале «Коба, подкинь той бабе лом» — сказано Сталину на субботнике)
- «Лучше меньше, да лучше» (В ответ на претензии Н. К. по поводу редкого секса)
- «Вчера было рано, завтра будет поздно» (Инессе Арманд, когда Н. К. отлучилась на один день)
- «Как из белой воды сделать красное вино» (из серии «Иисус— основатель коммунизма»)
- «Товарищи! Революция, о необходимости которой так много говорили большевики, не свершилась! Эти меньшевики, эти политические проститутки украли броневичок!» (Выступление в пивной «Гнусный Пролетарий»)
- «Ку, батенька, это вам не кю, а революционное ку, без всякого кю!» (Сказано Уэфу из планеты Кин-дза-дза)

Сексуальные высказывания Правиль

- Верхние не могут по новому, а нижние не хотят по старому (Из работы «Маевка революционного пролетариата» (1913), «Крах II Интернационала» (1915) и «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920).)
- Медленным шагом, робким зигзагом
- Мы вообще насчет гуляний не промах." (Ленин В. И., Соч., т.55, с. 231—232)
- ...рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар..." (газета «Искра» ,# 7, август 1901). [...] Теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее".
- Ильич о женежских досугах: «...единственные из всех здешних товарищей, изучившие все окрестности города, это мы». И далее: «Мы вообще насчет гуляний не промах. Погуляли отлично... я потом отлеживался, как от сибирской охоты». (Ленин В. И., Соч., т.55, с. 231—232).
- ...он горячо желал, чтобы мать жила с ним". (В. И. Ленин. Биография. Издание 6-е, М., 1981, с. 98).
- Плеханов (Ленину): «..вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом». (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, М., 1925, т.1, с.271).
- Плеханов (на козни Анисимова): «Он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я не стану разводиться с Лениным, и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мной»
- «Лучше, чтобы 10 работающих не называли себя членами партии... чем чтобы один болтающийся имел право и возможность быть членом партии» (Ленин В. И., Соч., т.7, с.209).
- (Об Инессе Арманд и Крупской? :-)): «одна... выражает психологию активной борьбы, другая — пассивное зрительство» («Соц.-дем. движение в России», 1928, т.1, с.124, 125).^{[1][2]}

Лёнин в популярной культуре Правиль

- «Октябрь». Документальный фильм Сергея Эйнштейна из трилогии «Октябрь, ноябрь, декабрь, снова октябрь», вытеснивший из кинотеатров страны устаревший фильм «Николай II», повествующий о жизни мальчика Николаши, всюду видящего жидомасонов.
- «Лёнин и Печкин». В этой бессмертной поэме Твардовского из цикла «Василий Тёркин» («Василий Тёркин на том свете», «Василий Тёркин наносит ответный удар», «Возвращение Василия Тёркина») описан интересный случай из жизни Лёнина. Когда Владимир Ильич бегал с кудрявой головой по двору почтальона Печкина и вытоптал ему всю рассаду баклажанов,

Печкин выругал его грязным матом. Через много лет Печкин, разносивший журнал «Мурзилка», попал в дом к Ильичу. Поэма рассказывает, как грубый почтальон бежал из дома Ильича, чтобы тот его не отпинал. На протяжении всей поэмы у Лёнина добрые глаза.

Лёнин в непопулярной культуре

Правиль

Владимир Ильич в мультсериале "Мумия"

- «Охота за Красным Октябрем». В этом низкопробном жалком америкосском подражании киноискусству Лёнин во главе крейсера «Аврора» пытается сдать его немцам. Керченский высылает на поиски «Авроры» в Северный Ледовитый океан целую эскадрилью касаток-убийц, пропитанных цианистым калием, не подозревая, что «Аврора» мирно стоит в Питерском порту. С использованием компьютерной графики (бюджет фильма— полмиллиарда долларов) сняты знаменитые кадры, как Лёнин проходит Северным морским путём за одну навигацию, лично ломая паковые льды, и топит «Титаник» с помощью некоего Айсберга. В конце фильма Лёнин и матросы берут власть, а Керченский стреляется. Весь фильм Лёнин пьёт горькую из самовара, которого у него никогда не было.
- «Мумия» и «Мумия возвращается». Серия исторических фильмов, посвящённых пионерам, вытащившим Лёнина из Мавзолея и решившим скуричь его. Они водят его по ночным клубам и угощают фруктовым мороженым, однако Лёнину больше нравится пиво и он возвращается в Мавзолей, расстраивая план пионеров. Неожиданно он находит лежащим в Мавзолее Сталина. Лёнин вынужден вернуться в изгнание в Ливерпуль, где он реорганизует группу «Beatles» и наносит с её помощью поражение буржуазной поп-музыке. Затем он насыпает на сталинистов своё грозное проклятие фараона. Сначала умирает Чаушеску (после смерти оказывается, что Чаушеску никогда не был «трояску», а трояску— это просто «да здравствует» и покойный просто морочил всем голову), последним умирает Майкл Джексон. Лёнин возвращается домой.

Лёнин в Абсурдопедии

Правиль

Как сообщают наши корресподенты, недавно Владимир Ильич покинул свою Великую пирамиду с целью увлечься Интернетом. На просторах родного Интернета, оккупированного крупно- и мелкобуржуазными интервентами, Владимир Ильич обнаружил Википедию, в которой безуспешно пытался бороться с контрреволюционными ё-фикторами, исправляющими фамилию «Ленин» на «Лёнин», с помощью откатного радикализма, в результате чего сам Ильич, а также Кремль, были заблокированы на 12 часов. Поэтому Владимир Ильич решил попробовать себя в Абсурдопедии, мотивируя это следующим образом: *«Меня всегда привлекало культурное общество, без <оскорбление удалено> и, знаете ли, <оскорбление удалено>. А то <оскорбление удалено>, а потом <оскорбление удалено> и <оскорбление удалено>. В общем, только с Абсурдопедией у мировой революции есть шансы на победу, никакое другое мелкобуржуазное издание нам в этом не подмога»*. По всей видимости, Владимир Ильич Лёнин уже начал активные действия в Абсурдопедии.

Фамилия [Править](#)

По утверждениям экспертов-фетишологов «Ленин»— это псевдоним. Своим происхождением псевдоним обязан незаконнорожденной сестре Володи Елене Ильиничне Ульяновой-Ястржембской, дочери Ильи Николаевича Ульянова (1831—1886 гг.) и Фанни Ефимовны Каплан (Фейга Хаимовна Ройтблат, псевд. Феня Баклан) (1887—1918), арестованной 30 августа 1918 по обвинению в покушении на своего пасынка из ревности. Маленький Володя любил до покушения играть с сестрой, обкладывая её голову вырезками из задней части говядины: так любимая сестра Володи изображала его любимый персонаж— Красную Шапочку. Эта игра впоследствии определила судьбу и политические пристрастия Володи. Во время игры Володя САМ добывал мясо, воруя его у зазевавшихся или просто добрых торговков на рынке; он часто попадался, так как был в душе добрым и неприспособленным для воровства; его спрашивали на рынке, мол, ты чей, а Володя, как человек кристальной души, честно отвечал: «Ленин!» Так и стал он Лениным, а в последствии и Лёниным. Существует ещё одна теория, объясняющая сверхъестественное происхождение псевдонима Великого и Красного: Ильич (естественно, тайно) связал свою судьбу с неким Лёней (предполагаемо Якубовичем). Так вот, на вопрос «чей холоп» Ильич как-то раз опрометчиво ответил «Лёнин я!».

Другие интересные факты [Править](#)

По сведениям каракалпакских ученых, Ленин— Кук, Ленин— кок, Ленин— Кук и кок. Предположение, будто это открытие является лишь самобытной интерпретацией лозунга Владимира Маньяковского: «Ленин жил! Ленин был! Ленин жил да был», — опровергается простейшей проверкой на шивость.

По бытующим среди обитателей Эрефии слухам, Лёнин не умер, а спит: когда проснется Ктулху и зоухавает почти фсех— проснется Ленин и дозоухавает оставшийся мелкобуржуазный элемент.

Любимые выражения и жесты Владимира Ильича [Править](#)

«Политические бл**и», «го**о», «уср**цы» ит. д. Из жестов известно закладывание рук за борт жилетки. Этим он на ментальном уровне запугивал собеседников (то есть всех запугивало его хождение взад-вперёд по несколько часов подряд с заложенными за борт руками).

Самыми любимыми, но самыми непонятными изречениями Лёнина были: хайтакурук, гелекапалосскантаракатантакен, ублицуртугунратккарнннеранекентувартагакен и дужлнукентакустуркассакистугеннракенлугунеццуйъокмъбстойкенеккаратакетруь. Если в мавзолее прислушаться, можно услышать эти решительные и правдоподобные изречения.

Борисом Николаевичем Ельциным была создана собственная антиленинская телекомпания ВИД(Владимир Ильич Dead), портящая репутацию Ленина.

Ссылки [Править](#)

- [Шишенское, 1897—1900](#)
- [Ливерпуль, 1953—1961](#)
- [А вот та самая теория о том, кем же был Ленин на самом деле, выдвинутая одним известным учёным и политическим деятелем](#)

См. также [Править](#)

В **Абсурдотеке** есть произведение о Ленине.

- [Телекомпания «Владимир Ильич Dead»](#)

Примечания [Править](#)

1. [↑](http://www.pseudology.org/chtivo/Lenin_Kyksa.htm) http://www.pseudology.org/chtivo/Lenin_Kyksa.htm
2. [↑](http://lj.rossia.org/users/kro1975/801763.html?thread=5960163) <http://lj.rossia.org/users/kro1975/801763.html?thread=5960163>

Предшественник: <u>Александр IV Керченский</u>	<u>Царь России</u> 1917—1924	Преемник: <u>Иосиф Виссарионович Сталин</u>
Предшественник: —	<u>Фараон СССР</u> 1922—1924	Преемник: <u>Иосиф Виссарионович Сталин</u>
Предшественник: —	<u>Борец за права трудящих</u> вечный	Преемник: —
Предшественник: <u>Карлсон-с-Марса</u>	<u>Верховный Джедай</u> 1883—2054	Преемник: <u>Оби-ван-Кеноби</u>
Предшественник: <u>Элвис Пресли</u>	<u>Король рок-музыки</u> 1963—1980	Преемник: <u>Пол Маккартни</u>
Предшественник: <u>Ермак</u>	<u>Ледокол</u> 1961—1980	Преемник: <u>Брежнев</u>
Предшественник: <u>Военно-Воздушная Сила</u>	Покровитель Абсурдопедии <u>22 - 23 апреля 2008</u>	Преемник: <u>Военно-Воздушная Сила</u>

[\[скрыть\]](#)

п.о.в

Марксизм-джедаизм (коммунизм)

Марксисты-джедаисты
(коммунисты)

Ч. В. Йода · В. И. Ленин · Л. Д. Троцкий · Н. Бухарин · И. В. Волгин · Н. С. Хрущёв · Л. И. Брежнев · Слава КПСС · Мэйс Виндоус ЭксПИ · Квай-Гон Джинн · Дарт Штирлиц · Ф. Э. Железный · Мао Цзэдун · А. Г. Лукашенко · Р. Столлман · Фантомас · Оби-Ван-Кен-Оби · Пингины · Буратина · Коминтерн · М.В. Фрунзе · М.Н. Тухачевский · Ствол Ленинхарт · К.Е. Ворошилов · Геракл · Оптимус Прайм · Ким Чен Ын · Генрик Батуга

Пророки

Товарищ Гаутама · Карлсон-с-Марса · Ф. Энгельссон

Основы теории

Белый и пушистый · Вся власть советам · Диамат · Иные · Классовая борьба · Курение · Материализм · Революционная энергия · Че · Революционные жесты · Пионер

История

СССР · БАМ · Орден Октябрьской Звезды · Хрущенизм · Путч

Это — избранная статья.

Она была признана одной из абсурднейших статей Абсурдопедии.

Не желаете ли другую избранную статью?

Анекдоты про Ленина в СССР

Владимир Ильич, к вам ходоки!

— Да, а что они принесли, батенька?

— Свежей рыбки.

— А шли они сколько?

— Две недели.

— Детям, все детям.

Однажды Ленину прислали телеграмму из провинции: «Шкрабы голодают».

— Кто, кто? — не понял Ленин.

— Шкрабы, — сказали ему — это новое обозначение для школьных работников.

— Что за безобразие называть таким отвратительным словом учителя! — возмутился Владимир Ильич.

Через неделю пришла новая телеграмма: «Учителя голодают»

— Вот — совсем другое дело! — обрадовался Ленин.

Уставший отец семейства возвратился домой после ночной рабочей смены.

Дома куча детей, которые требуют поиграть с ними.

— Хорошо, давайте играть в мавзолей, где я буду Лениным, а вы — часовыми.

Муж возвращается домой, застаёт жену с любовником и собирается с ним расправиться.

— не смей его бить! — кричит жена. — он живого Ленина видел!

Воскрес Ленин и сразу отправился в пивную пообщаться с пролетариатом. Рабочие стоят, выпивают, не обращают на вождя внимания.

— что, товарищи, не узнаете меня?

— Ванька, гляди, червонец!

Воскрес Ленин. Через неделю он получил вызов из Израиля от родственников по материнской линии и подал документы в ОВиР.

— куда вы, Владимир Ильич?

— в эмиграцию, батенька. Все надо начинать сначала!

Рабинович глядит на плакат «Ленин умер, но дело его живет!»

— уж лучше бы о он жил!

Телеграмма: «Москва, Кремль, Ленину. Товарищ Ленин, помогите бедному еврею. Рабинович».

На следующий день Рабиновича вызывают куда надо:

— Вы в своем уме? Вы что, не знаете, что Ленин давно умер?

— Ну да, у вас всегда так: если вам нужно, так он вечно живой, а если нужно бедному еврею, так он давно умер!

— я Ленина живым видел!

— а я в гробу!

Юбилейные продукты: водка «Ленин в разливе»; колбаса «член совнаркома», начиненная салом таким образом, что на срезе — профиль Ленина; конфеты «юбилейная тянучка».

— что вы нам все время фильмы о Ленине показываете, неужели ничего хорошего нет? — обратились к Овечкину бывшие малолетки.

— а вот пока вы будете нарушать режим, я вам все время буду показывать фильмы о Ленине, — ответил замполит.

Перед увольнением Хрущеву не подписывают в мавзолее обходной лист: он принял двоих, а сдал одного.

— почему после удаления Сталина из мавзолея там удвоили охрану?

— возле мавзолея видели Хрущева с раскладушкой.

Настенные часы в форме мавзолея. Каждый час под бой курантов из них соответствующее число раз высывается саркофаг со Сталиным.

Когда Сталина похоронили у кремлевской стены, на его могиле появился венок с надписью: «Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных».

Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, когда расстреливать — до или после обеда?

— пренебреженно до обеда! А обеды отдайте детям — дети рабочих голодают!

Старый большевик делится воспоминаниями о Ленине:

— дело было на втором съезде партии. Захожу я в туалет, а наш великий вождь стоит эдак скромно в сторонке и справляет малую нужду. А глаза у него такие добрые-добрые! Таким он мне и запомнился.

В пионерском лагере вожатый затевает игры с младшим отрядом:

— дети, угадайте, кто это: серенький, с ушками, все поле обскакал?

Дети молчат.

— ну, о ком мы столько песенок поем?

Вовочка радостно кричит: я знаю! Это дедушка Ленин!

частушка:

Это что за большевик
лезет к нам на броневик?
Кепку с пуговкую носит,
букву «р» не произносит,
с кверху поднятой рукой,
догадайся, кто такой!

— сегодня мы идем в театр! Будем смотреть «живой труп».

— надоело уже — все про Ленина, да про Ленина!

— какие существуют пасхи?

— еврейская — в память исхода евреев из Египта, христианская

— в память о воскресении Иисуса Христа и советская — в память о том, как Ленин бревно таскал.

Мемориальная доска: «В этом доме в 1910 году В.И.Ленин скрывался с И.Ф.Арманд от Н.К.Крупской.»

1917 год. Ленин пришел в баню. Свободных шаек нет. Недалеко сидит пролетарий — в одной шайке моется, в другой ноги парит. Ленин — к нему:

- товарищ, уступите одну шаечку!
- пошел на...!

Ленин отошел, побродил, шайки не нашел и снова подходит:

- товарищ, это не по-коммунистически — у вас две шайки, а у меня — ни одной!
- пошел на..., а то щас как е...у шайкой по лысине!

Через пятьдесят лет. Председатель собрания:

- а сейчас перед вами выступит с воспоминаниями старый рабочий, который два раза беседовал с Лениным!

- какая высшая мера партийного наказания была введена на XXII съезде?
- эксгумация.

— никогда не думал, что ЦК подложит мне такую свинью! — сказал Ленин в марте 1953 года.

При Ленине было как в туннеле: кругом тьма, впереди свет.

При Сталине — как в автобусе: один ведет, половина сидит, остальные трясутся.

При Хрущеве — как в цирке: один говорит, все смеются.

При Брежневе — как в кино: все ждут конца сеанса.

На пионерском сборе выступает с воспоминаниями участник первого Ленинского субботника:

— вывели нас с Федей из цеха и повели на субботник. Подошел к нам маленький в кепке, с бородкой, картавый и говорит: «беритесь за бревно товарищи!» шел бы, говорим, ты на...! Федю с тех пор я не видел, а сам лишь месяц как вышел...

- Иосиф Виссарионович, смогли бы вы для дела революции расстрелять десять человек?
- канэшно, Владимир Ильич!
- скажите, батенька, а десять тысяч человек расстрелять смогли бы?
- канэшно, Владимир Ильич!
- так, так, батенька мой... А если бы для революции нужно было расстрелять десять миллионов человек? Смогли бы? — Ленин быстро взглянул на собеседника и хитро прищурился.
- канэшно, Владимир Ильич!
- э, нет, батенька мой, вот тут-то мы вас и поправим!

— здравствуйте, товарищ ходок, садитесь! Вы, конечно, бедняк?

— да вот, Володимир Ильич, вроде бы и нет. Лошадь есть у меня...

— ага, стало быть товарищ, вы середнячок?

— да как сказать, Володимир Ильич... Сыт каждый день, дети сыты, обуты, так что да... Две лошади у меня, вот как.

— ага, стало быть, кулачок! Феликс Эдмундович! Расстрелять этого товарища!

У чекиста спросили, как поймать льва в пустыне.

— Поймать кошку и бить, пока не сознается, что она — лев.

Рабочий врывается к Ленину перед Октябрьским восстанием:

- Владимир Ильич, революция отменяется!
- Как отменяется?
- Феликс Эдмундович уехал на рыбалку!
- Архитезобразия! Да что мы, без него не обойдемся?!
- Да без него-то обойдемся, а вот без «Авроры» — никак!

Крупская выступает перед пионерами:

— дорогие дети! Всем известна доброта Ленина. Я вам расскажу такой случай. Сидит как-то Владимир Ильич на лавочке точит бритвочку, а рядом на лавочке сидит маленькая девочка. Владимир Ильич посмотрит на нее, и снова точить. Вот Ленин побрился, кисточку вымыл, опять бритвочку точит, на девочку поглядывает. Потом бритвочку вытер и положил в футлярчик. А мог бы и полоснуть!!!

Ленин спортом занимался. Особенно гирю любил, хотя поднять не мог.

Ночь. Зима. Маленький домик в селе Шушенское. Падает крупный снег, в комнате горит лампа. Владимир Ильич отрывается от бумаг, садится за рояль и начинает наигрывать мелодию. Подходит Надежда Константиновна, кладёт ему руки на плечи и подпевает. Получается скверно.

Продали наши американцам гроб с Лениным. Американцы поставили его на крышу самого высокого небоскреба в Нью-Йорке. Ленин встает, оглядывается:

— Ну так я себе коммунизм и представлял...

Корреспондент берет интервью у В.И.Ленина.

— Владимир Ильич, как Вы придумали лозунг «Учиться, учиться и учиться»?

— Ничего я не придумывал, это я ручку расписывал!

К очередному юбилею В.И.Ленина сделали специальную модель настенных часов.

Каждый час вместо кукушки выезжает Ленин на броневике и говорит:

«Социалистическая революция, о необходимости которой столько раз говорили большевики, Ку-Ку!.. Ку-Ку!!... Ку-Ку!!!...»

Идет Ленин, видит — девочка плачет. Он и спрашивает:

— Чего ты плачешь, девочка?

— Мне мама копеечку дала на хлебушек, а я ее потеряла!

Сжалился Ленин над девочкой и дал ей копеечку. А девочка все равно плачет.

— Почему ты все еще плачешь, девочка? — удивился Ленин.

— А если бы я не потеряла копеечку, у меня бы щас было две копеечки!

Не понравилась Ленину буржуазная сущность девочки и забрал он у нее копеечку... А заодно и шапочку, и кофточку, и туфельки...

При к Ленину рабочие и жалуются, что есть нечего говорят:

— Сними продразверстку, с голодухи весь овес съели, скоро, как лошади ржать будем.

А Ленин им отвечает:

— Что вы товарищи возмущаетесь. Вот я вчера съел баночку меда и не жужжу...

Живопись преферансиста. Картина (в тяжелой бронзовой раме). На картине — стол, покрытый зеленым сукном. На столе — свечи в канделябрах, бокалы, ломтики ананаса и, естественно, карты. Передний план: на гнупом венском стуле сидит печальный мужчина без штанов. Это Владимир Ильич Ленин. Картина называется: ЛЕНИН В ГОРКАХ.

Владимир Ильич заработался за-полночь, оторвался от бумаг...

— Наденька?

— Надю-ю-ша?

— Надя?

— Надежда!

— Надежда Константиновна!

— Крупская!

— Крупа!!

— Спит, сука...

— Да, погорячились...

— Владимир Ильич, участники кронштадтского мятежа арестованы. Что с ними делать?

— Расстрелять! Но перед расстрелом напоить чаем. И непременно горячим!

Сталин навещает Ленина в Горках.

— Чувствую себя, батенька, архискверно, скоро помру.

— Тогда отдайте мне власть.

— Боюсь, народ не пойдет за вами.

— Кто не пойдет за мной, пойдет за вами.

Что дала Октябрьская революция простому народу?

— Раньше господа заходили в магазин с парадного входа, а простонародье — с черного, а теперь простонародье заходит в магазины с парадного входа, а господа — с черного.

Вопрос на «чистке»:

— Были ли колебания при проведении генеральной линии партии?

Ответ:

— Колебался вместе с линией.

25 октября 1917 года. Питер. Смольный.

Провозгласив победу социалистической революции, Ленин заявляет:

— Отныне на всей территории России вводится восьмичасовой рабочий день и обязательный выходной — воскресенье!

В ответ — бурные аплодисменты.

— Ну, если мы, товарищи, сумеем наладить работу по-новому, то сможем позволить себе еженедельно два выходных!

Зал отвечает криками «ура!» и бурей оваций.

— А если мы внедрим технологии Форда на заводах и трактора — на полях, то будем каждую неделю отдыхать по три дня!

Шквал аплодисментов, к потолку летят папахи, бескозырки и фуражки.

Выждав, пока зал немного успокоится, Ильич бросает в него с укоризной: — Посмотрю я на вас, товарищи, — ни хрена вы работать не хотите!

Феликс Эдмундович! Вы думаете, революцию совершили мы, большевики? Хрен вам, революцию совершила пьяная матросня! Вечером 25 октября ко мне домой заявились 3 пьяных матроса... а дальше как отрезало.

Приходят к Ленину Калинин и Дзержинский. А Ленин только что из огорода, и жалуется:

— Какой-то козел бородатый, пожрал в огороде всю капусту!

Калинин, мерно поглаживая бородку:

— Козел, говоришь, бородатый?!

— Алло! Смольный! Смольный! Алло! Алло! Это Ленин? Феликс Эдмундович на проводе.

— Зачем вы туда залезли?

— Феликс Эдмундович, у вас ноги волосатые?

— Да, Владимир Ильич, а в чем дело?

— Так и запишем: валенок на зиму не выдавать.

Трудящийся ждет открытия винного отдела. Он подбрасывает и ловит юбилейный рубль с Лениным и приговаривает:

— У меня не в мавзолее... не залежишься!..

Въезжает на хутор хлопец, на взмыленном коне, навстречу девушка. Он ей:

— Я тайну знаю.

— Какую???

— Отдайся, расскажу.

Отдалась.

— Я Ленина видел!!!

— А что он сказал?

— Хлопец, я тайну знаю...

Парфюмерные товары к ленинскому юбилею: одеколон «Ленинский дух», пудра «Прах Ильича», мыло «По ленинским местам».

Ленин говорил:

— В партии только три настоящих коммуниста: Ульянов, Ленин и я.

Ночь. Квартира Крупской:

— Володя, давай еще разок!

— Да нет, Надюш, я устал, не могу больше.

— Ну последний разочек! Я ж весь день ждала!!!

— Ну ладно, только потише, а то соседи услышат... Поют хором: «Вихри враждебные...»

Ожил Ленин и попросил подшивку «Правды» за последние 70 лет. Читает: «Прием в Кремле...», «Обед в Кремле...», «Завтрак в Кремле...»

— Что же вы мне дали? — возмущается Ленин. — Это же меню!

Вождь революции быстро шел по Смольному в направлении ватерклозета. Навстречу — Горький.

— Владимир Ильич! Я вот, «Мать» написал!

Ильич выхватывает книгу из рук, вырывает страницу и бежит дальше:

— Очень своевременная книга!

Рассказывает Надежда Константиновна: «Владимир Ильич вообще был очень демократичным человеком, всегда внимательно выслушает простого человека, всегда поможет, чем может... Вот, помнится, приехали мы как-то в провинцию, в один маленький городок. Едем по главной улице в автомобиле, и тут на подножку вскакивает молодой рабочий, и, задыхаясь от восторга, говорит: «Давайте, вы будете ехать... а я буду стоять на подножке... и кричать: „Ура вождю мирового пролетариата!!!“?» Тогда Владимир Ильич, ни слова не говоря, ОСТОРОЖНО столкнулся с подножки восторженного крикуна».

Дети не участвовали в похоронах Ленина потому что было очень холодно и он боялся, что они замерзнут.

Отец Владимира Ильича был очень скромный человек. Из скромности он даже фамилию носил другую — Ульянов.

Однажды в детстве мама поймала Ленина с папиросой. Он дал обещание не курить, потом он давал еще много разных обещаний рабочим и крестьянам, но выполнил только первое.

Ленин очень, знаете ли, не любил мещан и всячески с ними боролся. Идет он, бывало, по улице, видит, на окне горшок с геранью стоит. Ленин его — хват, и как шмякнет об стену... А землю не выкидывал, крестьянам отдавал.

Иногда Надежда Константиновна не пускала посетителей к Ленину, говоря, что Ленин занимается. Когда же особо настырные спрашивали, чем занимается, Крупская резонно отвечала:

— Когда вы слышите фразу «заря занимается», вы же не спрашиваете, чем?

Ленин очень огорчился, что его мать не дожила всего год до революции.
«Уж лучше бы, наоборот, я не дожил», — говорил он в порыве скорби, и все с ним тактично соглашались.

Ленин очень любил плавать, но так ни разу не утонул.

Соратники В.И. Ленина были большими шутниками. Они любили писать и расклеивать по столице объявления типа: «Продается дойная корова», «Плету лапти недорого» или «Продается самогон» и везде указывали кремлевский адрес Ильича.

Вот и тянулся к Ленину народ нескончаемым потоком...

Пожар в кабинете Ленина. Ленин и Дзержинский стоят на подоконнике.

Д.: Владимир Ильич, прыгайте.

Л.: Только после Вас.

Дзержинский прыгает.

Л.: Э, размазня. А говорили, что железный!

...

Нет, смотрите, побежал, побежал.

Анекдоты про Ленина:

— Что такое «Коммунистический университет трудящихся востока»

— Это такое хитрое заведение, где евреи на английском языке учат негров и китайцев как по-русски делать мировую революцию.

Молодоженам предлагают трёхспальную кровать «Ленин с нами».

Баковский завод резиновых изделий, изготавливающий презервативы, выпустил к юбилею надувные бюстики Ленина — «Ленин в тебе», и Крупской — «Надень-ка».

Переименования к ленинскому юбилею: фонтан «Струя вождя», птицеферма «Яйца Ильича», тир имени Фанни Каплан.

На колхозном собрании в юбилейный год:

— За отличную работу в поле товарищ Иванова награждается мешком зерна! (аплодисменты).

— За отличную работу на ферме товарищ Петрова награждается мешком картошки!
(аплодисменты).

— За отличную общественную работу товарищ Сидорова награждается полным собранием сочинений Ленина! (аплодисменты, чей-то голос: «Так ей, сволочи, и надо!»)

Конкурс на лучший политический анекдот в честь ленинского юбилея.

3-я премия — 3 года общего режима.

2-я премия — 7 лет строгого режима плюс пять лет по ленинским местам.

1-я премия — встреча с юбиляром.

— Наденька, куда это мои трусики подевались?

— Пока ты спал, Володя, приходил Бонч-Бруевич и забрал их для музея революции.

— Наденька, опять кто-то в газон нас*ал! Сколько раз говорил: за этими ходаками надо следить!

— Никаких ходок не было, Володя. Приходил только Алексей Максимович...

— Так это Алексей Максимович! Экая глыба! Экий матерый человецище!

Из ответа на письмо, присланное в редакцию молодежной газеты: «Дорогая Катя, ты не должна отчаиваться. Вот Надежда Константиновна уж на что мордovorот была, а какого парня отхватила!»

- Все работаете, Владимир Ильич. Отдохнули бы, поехали за город, с девочками.
- Вот именно, батенька мой, с де-воч-ка-ми! А не с этой политической проституткой Троцким!

В 1920 году получил рабочий за хорошую работу «награду» — портреты Ленина и Троцкого. Приходит в голую пустую комнатку с тюфяком на полу и одним гвоздем в стене и размышляет: «Ленина повесить, а Троцкого поставить к стенке, или лучше повесить Троцкого, а к стенке — Ленина?»

Дзержинский, утомившись после бессонной ночи в ЧК, прикорнул, сидя на стуле. К нему тихонечко подкрался Ленин и — хлоп по кумполу! Тот встрепенулся:

- А?!
- Проверка революционной бдительности!

Ленин звонит Дзержинскому:

- Феликс Эдмундович! Очевидные происки контрреволюции! Завтра субботник, а у меня надувное бревно сперли!

На выставке висит картина «Ленин в Польше».

На картине шалаш, из которого торчат две пары голых ног — мужские и женские.

- Это шалаш в Разливе, — объясняет гид. — Ноги принадлежат Дзержинскому и Крупской...
- А где же Ленин?
- Ленин в Польше.

Ленин с Крупской сидят и пьют чай. Вдруг на лестнице раздался страшный грохот и лягг.

- Наденька, кажется, в прихожей упал несгораемый шкаф...
- Нет, Володя, это железный Феликс на перилах катается.

Еще в Шушенском ссыльные революционеры предупредили Ильича: «Не женись, Вован, на Надежде Крупской. Помни: Надежда умирает последней!» Не послушался Ленин мудрых речей, женился на Надежде:

Как в воду глядели революционеры.

Смеркает, Ленин встаёт из-за стола, Феликс Эдмундович подаёт ему пальто и выключает свет Ленин восклицает:

- Что вы делаете! Зачем вы отключили свет?
- ???
- Пусть ходоки думают что я работаю, а то отошёл вчера в клозет — кепку скомуниздили.

В.И. Ленин в четыре руки в фортепьяно играл
Больше так никто не умел.

У Ленина привычка была:

где бы он ни находился, вскочит на пенёк или бугорок, кепку в карман, руку вытянет и стоит.
Полдня стоять мог.

Прогуливаются, как-то, Ленин с Горьким по Кремлю, как вдруг Горькому на шляпу гадит птичка.
Горький — Ленину: — Хорошо! (произносит через "О")

- Что же здесь, батенька, хорошо??
- «Хорошо, что коровы не летают».

Источник:

Князь_Цыцак «Вся правда о Ленине!!!»

ВСЯ ПРАВДА О ЛЕНИНЕ!!! ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА ОТКРЫТА! ЛЕНИН БЫЛ ГЕЙ, ИСПОРЧЕННЫЙ В ДЕТСТВЕ СВОИМ ОТЧИМОМ-ГОМОСЕКСУАЛИСТОМ ИЛЬЕЙ УЛЬЯНОВЫМ!!!¹⁹⁵

Среда, 15 Апреля 2009 г. 17:25

Международный Союз Аристократов

О чем молчала Мариэтта Шагинян? Сенсационные документы о семье Ульяновых.

[]В октябре в одной из петербургских газет («Новый Петербург») было опубликовано интервью с Александром Кутеневым, где прозвучала информация о внебрачных детях Александра III.

Газета решила связаться с Александром Павловичем и уточнить у него этот вопрос.

НП: Александр Павлович, не можете ли подробнее рассказать о внебрачных детях Александра III?

АК: У Александра III, действительно, было немало внебрачных детей, поскольку он был человеком безудержным и страстным. Среди детей были и исторические знаменитости. В частности, Александр Ульянов, старший брат Владимира Ильича Ленина. Дело в том, что Мария Александровна, мать Ленина, была фрейлиной при дворе Александра II. Когда Александр III был просто великим князем, у него был роман с Марией Александровной, от него она в девичестве родила сына Александра. История знает немало подобных примеров: в России к бастардам относились гуманно - давали княжеский титул, приписывали к гвардейскому полку. Известно, что Ломоносов был сыном Петра I, князь Бобринский - сыном Потемкина и Екатерины II, Разумовский - внебрачным сыном Елизаветы. Все они, как вы знаете, сделали прекрасную карьеру, и никогда не чувствовали себя изгоями. Такая же участь была уготована и Александру, брату Ленина.

Но Мария Александровна все испортила: вслед за Александром она родила еще ребенка - девочку, и к Александру III эта девочка уже никакого отношения не имела. Держать при дворе фрейлину с двумя детьми было неприлично. Чтобы замаять скандал, решили передать дело охранке. Охранка нашла в Петербурге несчастного человека - гомосексуалиста Илью Ульянова. Как человек с не традиционной сексуальной ориентацией, он был на крючке у охранки. Ему дали в приданое к Марии Александровне дворянский титул, хлебное место в провинции, и молодожены отправились в Симбирск.

И вся бы эта предыстория замаялась, если бы не страстный нрав Марии Александровны. Она и в Симбирске не отличалась строгим поведением, и хотя сексуальная жизнь с Ильей Николаевичем у нее сложиться никак не могла, она родила еще четырех детей, неизвестно от каких отцов.

Можете представить, каково было детям Ульяновых в гимназии. В маленьком городке все сразу становится известным, и мальчишки дразнили своих сверстников Ульяновых: припоминались и мамочка, и царь, и Илья Николаевич. В конечном счете все это отрицательно повлияло на Александра: он вырос очень озлобленным с желанием во что бы то ни стало шлепнуть папочку. С

---

¹⁹⁵ <https://www.liveinternet.ru/users/antisekta/post100570574>

этими планами он и отбыл в Петербург на учебу. Остальное все организовала охранка. Как в наше время спецслужбы организовали Народный фронт и другие демократические организации. Там в те далекие времена охранка помогла Александру Ульянову войти в народовольческую революционную организацию и принять участие в покушении на царя.

Как только Мария Александровна узнала, что сын арестован за покушение на царя, она сразу же поехала в Петербург и явилась к Александру III. Удивительное дело: ни один источник не поражается тому, что никому не известная бедная симбирская дворянка без всяких проволочек попадает на прием к царю! (Впрочем, историки никогда не удивлялись и тому факту, что даты рождения двух первых детей Ульяновых предшествуют дате свадьбы Ильи и Марии.) А Александр III принял свою старую пассию сразу и они вместе посетили Сашу в крепости. Царь простил «цареубийцу», пообещав дать ему княжеский титул, записать в гвардию. Но Сашенька оказался с характером, он сказал все, что думает об обоих своих родителях. И пообещал им, что как только очутится на свободе, предаст гласности всю их бесстыдную историю и обязательно швырнет бомбу в папочку! Поэтому на свободу Александра Ульянова так и не выпустили, а отправили в психушку, где он своей смертью умер в 1901 году. Историки не сходятся на способах казни, но казни никакой не было.

Так Мария Александровна косвенно повлияла на судьбу своего старшего сына. Не очень повезло в такой семье и последующим детям. Поскольку Илья Николаевич знал, что дети не его, то он относился к ним как к потенциальным объектам своей любовной привязанности. Сашеньку как сына царя он никогда не трогал, а вот Володе досталась вся его пылкая неотцовская любовь. В юности Владимир Ильич был очень привлекателен. Как мать ни протестовала, она была бессильной отстоять сына: Илья Николаевич попрекал ее собственным поведением.

НП: И что Ленин?

АК: Он оставался до конца дней своих гомосексуалистом. Кстати, это известно во всем мире, только советские люди ничего не знали и жили в благоговейном поклонении вождю пролетариата. У Антониони снят фильм о великих гомосексуалистах, и Ленину в нем отведена особая глава. Об этом написано уже несколько книг.

Страдал Ленин или нет впоследствии от своей ориентации, мы не можем сказать, но вот в детстве это для него тоже было нелегким испытанием: он вырос озлобленным, возненавидел весь мир. В гимназии он вымещал свое зло на сверстниках, дрался, бил своих супостатов, при всем при том он, конечно, был очень талантливым человеком.

НП: А откуда у вас такая ошарашивающая информация?

АК: Это тоже особая и интересная история. У ее истоков стоит Мариэтта Шагинян. В 70-х годах эта писательница писала книгу о Ленине и получила доступ к архивам. Видимо, хранители архивов сами не знали, что спрятано в бумагах за семью печатями. Когда Мариэтта Шагинян ознакомилась с бумагами, она была потрясена и написала докладную записку Леониду Ильичу Брежневу лично. Брежнев познакомил с этой информацией свой круг. Сулов три дня лежал с давлением и требовал расстрелять Шагинян за клевету. Но Брежнев поступил иначе: он вызвал Шагинян к себе и в обмен на молчание предложил ей премию за книгу о Ленине, квартиру и т.д. и т.п.

НП: И Шагинян ведь действительно получила какую-то премию за книгу о Ленине?

АК: Да, она получила Ленинскую премию за книгу «Четыре урока у Ленина». А записку засекретила и она лежала в архиве Центрального комитета партии. Когда я прочел в архиве эту записку, мне захотелось увидеть и сами архивные материалы. И я запросил копии. Все именно так и было...

> От редакции. Мы отдаем себе отчет, сколь неоднозначной будет реакция читателей на эту публикацию. Но времена замалчиваний и недосказанностей миновали, надеемся, навсегда. И точка зрения историка, исследовавшего эту «острую ситуацию», имеет полное право быть услышанной.

Ленин глазами шансонье. Трофим. «Песня о Ленине»

Я не помню Ленина живьём,
Я его застал уже холодным.
Говорят, был дерзким пацаном,
Поимел державу принародно.
Отнял у богатых кошельки
И подвел под новые понятия:
Дескать, все отныне босяки -
Вот такая, значит, демократия.

Маленький, картавый, без волос,
Без конца по тюрьмам ошивался.
Видно, там несладко довелось,
Говорят, чернильницей питался.
Десять лет торчал на Колыме,
Партизанил в питерских болотах,
А потом метнулся по зиме
За бугром подтягивать босоту.

Женщин он к себе не допускал -
Все боялся, что менты банкуют.
Он, конечно, жутко тосковал,
Съест чернила и сидит, тоскует.
Но однажды в питерских Крестах
Ленин встретил каторжанку Надю,
Тоже вся на шифре, в кандалах -
Вот и поженились не глядя.

Он Надюхе спуску не давал,
Так сказать, держал всегда на стрёме,
Сам удачно банки обувал,
Надя знала фарт на ипподроме,
В общем, жили воровской семьёй,
Вечерами резались в картишки.
Только вот о жизни половой
Вова беспокоился не слишком.

Как он мог Надюхе рассказать,
Как в далеком магаданском крае
При морозе минус сорок пять
Он по снегу полз от вертухаев,
Как, отняв ладони от лица,
Плакали навзрыд олениводы...
Нет у революции конца!
Отдала, однако, за свободу.

От судьбы приняв такой удел,
Вова стал чудить и куролесить,
Прокатился дикий беспредел
По российским городам и весям,
Расстреляли тысячи людей,
У живых отняли пропитанье.
Вона как бывает у вождей,
Если он не вождь в интимном плане.

А теперь он вон, в гробу лежит,
Может, помер, может, притворился.
Он ведь, гад, живее всех живых,
Не, ну вона как в гробу-то сохранился.
Может быть, гореть ему в аду,
Но пока для всех, на всякий случай,
Пусть он будет лучше на виду,
Вдруг еще чего-нибудь отчебучит...

Данила Блюз.¹⁹⁶ «Анекдоты о Ленине»

Даниилу Хармсу посвящается

1

Ленин страсть, как любил черешню! Никакой другой ягоды он не признавал, ни клубники, ни малины, ни даже вишни.

-Люблю, - говаривал он, - черешнкой понежится! Имею такую слабость.

Прознав об этом, местные мужики набирали полные короба черешни и прятали их в погреб...

2

---

¹⁹⁶ <http://proza.ru/2010/07/15/392>

Ленин любил детей и уважал их мнение.

-Нам взрослым есть чему поучиться у детей, - утверждал он с улыбкой, но к угнетателям народа он был беспощаден!

3

Ленин любил гулять. И даже когда врачи запрещали ему он частенько убегал через забор из горкинской усадьбы и гулял по деревне.

Однажды прогуливаясь так вот тайком по Горкам, увидел Ленин мальчонку, который сидя на корточках, чистил картошку.

-Глубоко пашешь, - сказал Ленин, подойдя к мальчугану, увлеченно чистящему картошку и не замечавшему освободителя простого народа. - Эдак у тебя шиш останется от картошки!

- А как надо? - спросил мальчик, глядя на Ленина снизу вверх.

Ленин присел, и взглянув на мальчика улыбающимися мудрыми глазами, сказал:

-А надо не жалеть живота своего за правое дело.

И Ленин встал и пошел дальше по деревне, заложив руки за спину.

А мальчик тот навсегда сохранил в сердце его слова и потом, спустя много-много лет не пожалел живота своего... За право дело.

4

Ленин однажды приехал на Капри к Максиму Горькому и, увидев его роскошное пребывание, изумился:

-Ты, Максим, честный коммунист, а живешь, как помещик!

Горький насупил брови и из-под развесистых усов ответил с волжским выговором, не глядя на Ленина:

-У меня детство и отрочество тяжелыми были, Владимир Ильич....

-Зато ваши "университеты" прелестнейшая вещица! - отшутился Ленин и вспомнил свои отрочество и детство....

5

Ленин был очень добрым, но случись встретиться ему с безнравственным человеком, как он тут же менялся и уж тогда ему под руку не попадайся! Однажды зашел к нему безнравственный Сталин, так Ленин запустил в него чернильницей и проломил тому лоб! С тех пор Сталин стал нравственным и даже продолжил дело Ленина...

6

Однажды, морозной зимней ночью приехал Ленин в "зимний" (уже взятый большевиками) по срочным делам. Красногвардеец, стоящий на посту, не признал вождя народа.

-Пропуск покажи, или документ какой, что ты и есть самое Ленин, - говорил он поеживаясь на январском ветру.

-Да нет у меня ничего такого с собой! Пустите, любезнейший - у меня архисрочное дело!

-Катись отседа, контра, пока не пристрелил!

Узнал в ту ночь Ленин, что такое русские морозы...

7

Множество людей шло к Ленину за помощью или и советом, и не смотря на свою занятость всех принимал Владимир Ильич, всякого выслушивал, всякому старался помочь хоть бы было это и самое мелкое дело.

А однажды, взяв девицу за руку говорил ей: "Талифа куми!". И девица тотчас же встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие сие пришли в великое изумление.

Даниил Кривенко 17-18.07.2005